ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. К. КАРЫПКУЛОВ
(председатель),

С. И. ИЛЬЯСОВ, А. К. КАНИМЕТОВ,
К. К. КАРАКЕЕВ, И. И. МИНЦ,
А. М. МОЛДОКУЛОВ
(зам. председателя),

К. К. ОРОЗАЛИЕВ,
В. М. ПЛОСКИХ
(ответ. секретарь),

В. П. ШЕРСТОБИТОВ
(зам. председателя)

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР

С глубоким уважением

ТОМ ПЕРВЫЙ

Библиотека Управления

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

истории

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. М. ПЛОСКИХ
(главный редактор),

М. Б. ДЖАМГЕРЧИНОВ,
О. К. КАРАЕВ, В. М. МАССОН,
В. П. МОКРЫНИН
(ответ. секретарь)

ФРУНЗЕ «КЫРГЫЗСТАН» 1984

63. 3(2Ки)
И 90

И $\frac{0505040000-225}{М\ 451\ (17)-84}$ 7—84

© Издательство «Кыргызстан», 1984 г.

650073

Кыргыз Республикасынын Илимдер Академиясынын Китепканасынын Кыргыз илимий китепканасы
КИТЕПКАНА
Кыргыз илимий китепканасы
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

История не знает государства, которое в кратчайшие сроки сделало бы так много для всестороннего развития наций и народностей, как СССР — социалистическое Отечество всех советских народов. «Мы вправе гордиться тем,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»,— что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обреченные прежде на вековую отсталость, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минуя капитализм, и достигли высот социального прогресса. В совместной борьбе за новый, справедливый мир возникли великое братство людей труда, чувство семьи единой, сложилась нерушимая ленинская дружба народов — неисчерпаемые источники созидательного творчества масс»[1].

Историческая наука, изучающая процесс общественного развития, в условиях зрелого социализма приобретает все возрастающую значимость. Обобщая опыт, накопленный человечеством в своем поступательном движении, анализируя прошлое, извлекая из него необходимые уроки, историческая наука обращает свои выводы к настоящему и будущему и тем самым служит делу строительства коммунизма, воспитанию человека коммунистического будущего, духовному обогащению общества. Подчеркивая значение истории как науки, В. И. Ленин указывал, что марксизм ставит все кардинальные вопросы общественного развития на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению» [2].

Во всей многогранной деятельности по созданию нового общества партия опирается на гранитный фундамент марксистско-ленинской теории, в полной мере используя накопленный опыт предшествующего исторического развития. Этот вопрос всегда был

[1] О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982, с. 7.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

в центре внимания партии. Новым подтверждением этого являются решения и материалы июньского (1983 г.) и февральского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС. «Строить новый мир,— сказал на февральском (1984 г.) Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко,— это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира, о его идейно-нравственном росте. Именно под этим углом зрения, как известно, рассмотрел вопросы идеологической, массово-политической работы июньский Пленум ЦК. В соответствии с его установками партия будет добиваться, чтобы эта работа полностью отвечала характеру больших и сложных задач совершенствования развитого социализма» [1]. В новых условиях все более возрастает и значение общественных наук, которые, как отмечалось на июньском Пленуме, «в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач» [2].

Июньский Пленум ЦК поставил перед обществоведами ответственную задачу решительного поворота к реальным практическим проблемам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Задачи, поставленные Пленумом,— прямое руководство к действию для всех научных коллективов и их партийных организаций. За последние годы в республике обществоведение, все его составные дисциплины получили большое развитие. Это закономерный естественный процесс, усилившийся в условиях развитого социализма. Одна из важных проблем, которую сейчас решают обществоведы Киргизии — создание фундаментального труда, обобщающего исторический путь киргизского народа, его многовековую борьбу и лишения ради торжества социальной справедливости.

Предлагаемая вниманию читателя многотомная «История Киргизской ССР (с древнейших времен до наших дней)» освещает историческое прошлое, а также грандиозные современные свершения киргизского народа. Его история, истоки которой уходят в седую древность, неотделима от истории других братских народов СССР, истории русского народа. История Киргизской ССР — это история трудящихся всех национальностей, населяющих территорию республики, интернациональное братство которых развивалось и крепло в совместной революционной борьбе, в общих героических усилиях по преодолению вековой отсталости и достижению нынешних высот в развитии экономики и культуры.

Исторический опыт народов СССР, в том числе и киргизского народа,— это опыт возникновения и развития первого в мире социалистического государства, созданного в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, это история перехода к социализму десятков народов, миновавших мучительный

---

[1] Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 года. М., 1984, с. 16—17.

[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983. с 6.

период капиталистического развития, это история образования и укрепления новой социальной и интернациональной общности — советского народа, опыт построения развитого социалистического общества. В этом аспекте опыт киргизского народа, как и опыт других братских народов СССР, суммированный в их истории, имеет всеобщее значение.

Работая над настоящим изданием, авторский коллектив опирался на последовательное применение марксистско-ленинской методологии, принципов исторического познания. Марксизм-ленинизм впервые открыл путь к подлинно научному исследованию истории как единого закономерного процесса. Ключ к всестороннему и глубокому изучению его дают важнейшие положения марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, определяющей роли способа производства в развитии общества, о классах и классовой борьбе, о народных массах, как истинных творцах истории, об исторической миссии рабочего класса как ведущей силы в социалистическом и коммунистическом строительстве, о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии во всей революционно-преобразующей деятельности рабочего класса, народных масс. Марксизм-ленинизм вооружил историческую науку единственно правильным методом познания — диалектическим методом, основными принципами которого в подходе к изучению общества являются принципы историзма, научной объективности, партийности, классовый подход к оценке исторических процессов и явлений. Признание определяющего значения социально-классовых факторов в историческом развитии ни в коей мере не означает отрицания национальных моментов в истории, роли наций, национально-освободительной борьбы, национальной государственности и культуры, национальной гордости народов и т. д. Напротив, только марксистско-ленинское понимание истории дает возможность подлинно научного, всестороннего изучения исторического процесса во всей совокупности его экономических, социальных, национальных, культурных факторов.

«История Киргизской ССР» основывается на широкой источниковой и историографической базе. Причем многие источники проанализированы заново, с позиций современного научного знания, что позволило выдвинуть и обосновать ряд важных новых выводов и положений.

В труде широко использованы археологические и этнографические материалы, разноязычные письменные источники — средневековые исторические хроники и летописи, географические сочинения, лапидарные тексты древнетюркских рунических исследователей, сочинения, дневники и мемуары первых русских исследователей Киргизии, письма киргизов к российским властям с просьбой о принятии в подданство России, государственные акты и материалы переписей, статистические данные, периодическая печать, сборники документов и материалов, документы государственных и партийных архивов Москвы, Ленинграда, Ташкента, Омска,

центрального и областных архивохранилищ Киргизской ССР. Многие из них введены в научный оборот впервые. Настоящее издание опирается на вновь накопленный и творчески осмысленный в трудах советских историков обширный и разнообразный фактический материал. Использованы также труды ученых, работающих в области других общественных наук.

До Великой Октябрьской социалистической революции киргизский народ не имел собственных исторических хроник. Многовековая история киргизского народа нашла свое отражение, очень неполное, фрагментарное и зачастую тенденциозное, лишь в исторических сочинениях, созданных придворными историографами, находившимися на службе у различных феодальных правителей Средней Азии, Ирана, Кашгарии. Как и любой другой народ, киргизы пережили различные периоды на своем долгом историческом пути, включавшем в себя этапы подъемов и упадков. Рунической письменность, которой киргизы владели, как и другие тюркские народности, в результате войн была утрачена. В ходе многовековой тяжелой борьбы с многочисленными врагами, борьбы за выживание, киргизы выстояли, сохранив древние традиции своей культуры. Народ бережно хранил в памяти деяния своих предков. Из поколения в поколение передавала память о пережитых суровых испытаниях, о трудовых и ратных подвигах. Киргизским народом создан героический эпос «Манас», в котором воспевался не мир сказочных вымыслов, а в легендарном преломлении повествовалось о жизни самих киргизов, их чувствах, стремлениях, чаяниях. В эпосе «Манас» и в других эпических произведениях народ выразил свои представления о собственной истории, о связях с другими народами, в них нашли отражение хозяйство, быт, обычаи, нравы, а также суждения о человеческих достоинствах и пороках, сведения о религиозных представлениях, медицинских, естественных, географических и других познаниях. Эпос «Манас» воспринимался киргизами как история своего народа, помогал переносить тяготы жизни и воодушевлял на борьбу.

После победы Великого Октября и создания киргизской социалистической государственности по заказу правительства Киргизской республики крупный востоковед академик В. В. Бартольд написал краткий исторический очерк «Киргизы», в котором впервые на уровне достижений тогдашней науки дал обзор истории киргизов до XX в. Очерк был издан в г. Фрунзе в 1927 г. Побудительной причиной издания очерка, как отмечено Академическим центром Наркомпроса Киргизской АССР, «послужил возросший после самоопределения киргизского народа интерес к самопознанию, к познанию, в частности, своей истории»[1]. После выхода этой работы были накоплены значительные материалы по археологии, этнографии и истории киргизов и Киргизии. На базе

[1] *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 473.

этих материалов был создан коллективный двухтомный труд — «История Киргизии» (Фрунзе, 1956). В нем впервые на основе марксистско-ленинской методологии был прослежен исторический процесс развития киргизского народа с древнейших времен до 1955 г. Несомненной заслугой первого издания следует считать разработку советского периода истории Киргизской ССР. Первое издание было выпущено на базе научных достижений своего времени, когда еще мало было выявлено источников, что обусловило предельно краткое и неполное изложение истории образования киргизской народности.

Дальнейшее развитие науки, накопление знаний по важнейшим аспектам исторического прошлого киргизского народа, появление монографических исследований, расширение источниковой базы обусловили возможность и необходимость новых, дополненных и переработанных изданий «Истории Киргизии». Вышли в свет второе издание «Истории Киргизии» (Фрунзе, 1963) и третье — «История Киргизской ССР» (Фрунзе, 1967—1968). Последнее издание получило высокую оценку научных работников, общественности и широкого круга читателей. Это единственный труд в области общественных наук, удостоенный государственной премии республики.

Со времени выхода в свет третьего издания «Истории Киргизской ССР» в стране и в республике произошли важные свершения и события, которые получили всесторонний анализ и обобщение на XXIV, XXV, XXVI съездах КПСС, в решениях и других документах партии и правительства. Советское общество вступило в новую фазу своего развития — зрелый социализм, что было закреплено в Конституции СССР, принятой в 1977 г. За это время прошли XV, XVI, XVII съезды Коммунистической партии Киргизии, определившие пути дальнейшего развития экономики и культуры республики, была принята новая Конституция Киргизской ССР.

На более высокий уровень поднялась историческая наука Киргизии, расширилась ее источниковая и историографическая база. Фонд источников по древней и средневековой истории пополнился новыми археологическими, эпиграфическими и этнографическими материалами; переведены на русский язык и изданы некоторые неиспользовавшиеся ранее важные письменные источники; вышли в свет монографические работы, по-новому и более полно освещающие отдельные проблемы истории Киргизии, а также новые сборники архивных документов. Все это дает возможность значительно обогатить исторические исследования, во многом пополнить их, расширить хронологические рамки, провести анализ исторического прошлого и современного этапа развития республики на более высоком теоретическом и идейно-политическом уровне. Совокупность этих факторов обусловила научную и общественную необходимость издания пятитомной «Истории Киргизской ССР».

* * *

Освоение людьми горных и межгорных долин Тянь-Шаня и Памиро-Алая началось еще в древнекаменном веке. Об этом свидетельствуют многочисленные находки каменных орудий на южном и восточном побережьях Иссык-Куля, в Центральном Тянь-Шане, в Чуйской долине, в северо-восточных и южных предгорьях Ферганы. Понадобились десятки тысячелетий, чтобы под воздействием различных факторов человек от собирательства и охоты постепенно перешел к производящим формам хозяйства — примитивному скотоводству, земледелию. Одновременно зарождались ткачество, простейшие виды гончарного дела, использование полезных ископаемых. Эти процессы протекали в рамках первобытнообщинного строя с общей собственностью на орудия и результаты труда.

Новым этапом в развитии человечества явилась эпоха бронзы. На территории нашей республики обнаружены поселения, погребения, горные выработки, клады, наскальные рисунки, относящиеся к этому периоду. Они свидетельствуют о значительном прогрессе человеческого общества, связанном с формированием скотоводческо-земледельческого хозяйства и производством орудий труда, оружия из качественно нового материала. Это коренным образом повлияло на развитие общественных отношений. Рост поголовья стад, участившиеся военные столкновения между общинами за обладание пастбищами и захват пленных, расширение объема производства создали предпосылки для имущественного и общественного неравенства, разложения первобытнообщинного строя. Следует заметить, что археологические памятники этого периода в республике изучены еще недостаточно, и это в определенной степени отразилось на полноте его освещения в соответствующих разделах настоящего издания.

В начале первого тысячелетия до нашей эры на бо́льшей части территории Киргизии произошли коренные изменения в хозяйственном и общественном развитии. Получило распространение кочевое и полукочевое скотоводство с так называемой вертикальной системой перекочевки, характерной для большинства горных регионов. Кочевому скотоводству и связанным с ним социально-хозяйственным институтам в условиях Киргизии была уготована долгая жизнь.

История ранних кочевников известна уже не только по археологическим материалам. Появляются письменные источники, упоминающие отдельные этнонимы, географические пункты, названия союзов племен, разрозненные исторические события, часто в легендарном или полулегендарном освещении. Непосредственно с территорией Киргизской республики можно связать лишь очень небольшую их часть. Однако источники позволяют утверждать, что в это время позиции рода значительно пошатнулись. Род уступил место общине, а родовые институты хотя и сохранили свою

внешнюю форму, приспособились к раннеклассовым отношениям. Саки и усуни уже знали рабов, которые в подавляющем своем большинстве формировались как из числа военнопленных, так и из обедневших соплеменников.

Рабство в кочевой среде имело неразвитую патриархальную форму. В целом племена Семиречья и Тянь-Шаня времени ранних кочевников, как и многие другие народы Азии и Европы, миновали рабовладельческую формацию. Рабство в их среде было лишь укладом. В Фергане получила развитие оседло-земледельческая культура. У нас нет прямых сведений письменных источников о характере классового общества государства Давань, возникшего здесь в конце первого тысячелетия до нашей эры, однако косвенные данные, а именно, наличие высокоразвитой земледельческой цивилизации, основанной на искусственной ирригации, зафиксированной археологически, и общее сходство культуры Ферганы с культурой Согда, Бактрии и Хорезма того времени, где преобладали рабовладельческие отношения, позволяют предполагать, что становление классового общества в Фергане было связано с развитием рабовладения.

В середине первого тысячелетия нашей эры в тюркских государствах Тянь-Шаня и Семиречья формируются феодальные отношения с своеобразными чертами, обусловленными типом хозяйства и образом жизни основной части населения. Характерной особенностью феодализма у кочевников было тесное переплетение присущих ему институтов с более ранними, патриархальными.

Древнетюркские феодальные государства (Тюркский, Западнотюркский, Тюргешский каганаты, государства карлуков и Караханидов) были однородны по иерархической структуре правящего класса, организации власти и государственного управления. Для них характерны территориальные перемещения групп кочевников в результате появления на Тянь-Шане новых кочевых объединений, распространение этнонима племени победителей на подчиненные племена, которые включались во вновь создаваемую военно-политическую систему. В период раннего средневековья (VIII—X вв.) в результате взаимовлияния двух основных хозяйственно-культурных типов — оседлого земледелия и кочевого (полукочевого) скотоводства, наблюдается интенсивное для того времени оседание скотоводческих племен. Уже установились связи между тюркскими государствами Средней и Центральной Азии и Ираном, Византией, Индией, Китаем, Восточной Европой. Важнейшим достижением в области культуры этого времени было создание тюркской (рунической) письменности, а также письменностей на основе согдийского, сирийского и арабского алфавитов. Появились такие литературные памятники XI в., как дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского и «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгарского, явившийся по существу энциклопедией тюркского

* * *

Освоение людьми горных и межгорных долин Тянь-Шаня и Памиро-Алая началось еще в древнекаменном веке. Об этом свидетельствуют многочисленные находки каменных орудий на южном и восточном побережьях Иссык-Куля, в Центральном Тянь-Шане, в Чуйской долине, в северо-восточных и южных предгорьях Ферганы. Понадобились десятки тысячелетий, чтобы под воздействием различных факторов человек от собирательства и охоты постепенно перешел к производящим формам хозяйства — примитивному скотоводству, земледелию. Одновременно зарождались ткачество, простейшие виды гончарного дела, использование полезных ископаемых. Эти процессы протекали в рамках первобытнообщинного строя с общей собственностью на орудия и результаты труда.

Новым этапом в развитии человечества явилась эпоха бронзы. На территории нашей республики обнаружены поселения, погребения, горные выработки, клады, наскальные рисунки, относящиеся к этому периоду. Они свидетельствуют о значительном прогрессе человеческого общества, связанном с формированием скотоводческо-земледельческого хозяйства и производством орудий труда, оружия из качественно нового материала. Это коренным образом повлияло на развитие общественных отношений. Рост поголовья стад, участившиеся военные столкновения между общинами за обладание пастбищами и захват пленных, расширение объема производства создали предпосылки для имущественного и общественного неравенства, разложения первобытнообщинного строя. Следует заметить, что археологические памятники этого периода в республике изучены еще недостаточно, и это в определенной степени отразилось на полноте его освещения в соответствующих разделах настоящего издания.

В начале первого тысячелетия до нашей эры на бо́льшей части территории Киргизии произошли коренные изменения в хозяйственном и общественном развитии. Получило распространение кочевое и полукочевое скотоводство с так называемой вертикальной системой перекочевки, характерной для большинства горных регионов. Кочевому скотоводству и связанным с ним социально-хозяйственным институтам в условиях Киргизии была уготована долгая жизнь.

История ранних кочевников известна уже не только по археологическим материалам. Появляются письменные источники, упоминающие отдельные этнонимы, географические пункты, названия союзов племен, разрозненные исторические события, часто в легендарном или полулегендарном освещении. Непосредственно с территорией Киргизской республики можно связать лишь очень небольшую их часть. Однако источники позволяют утверждать, что в это время позиции рода значительно пошатнулись. Род уступил место общине, а родовые институты хотя и сохранили свою

внешнюю форму, приспособились к раннеклассовым отношениям. Саки и усуни уже знали рабов, которые в подавляющем своем большинстве формировались как из числа военнопленных, так и из обедневших соплеменников.

Рабство в кочевой среде имело неразвитую патриархальную форму. В целом племена Семиречья и Тянь-Шаня времени ранних кочевников, как и многие другие народы Азии и Европы, миновали рабовладельческую формацию. Рабство в их среде было лишь укладом. В Фергане получила развитие оседло-земледельческая культура. У нас нет прямых сведений письменных источников о характере классового общества государства Давань, возникшего здесь в конце первого тысячелетия до нашей эры, однако косвенные данные, а именно, наличие высокоразвитой земледельческой цивилизации, основанной на искусственной ирригации, зафиксированной археологически, и общее сходство культуры Ферганы с культурой Согда, Бактрии и Хорезма того времени, где преобладали рабовладельческие отношения, позволяют предполагать, что становление классового общества в Фергане было связано с развитием рабовладения.

В середине первого тысячелетия нашей эры в тюркских государствах Тянь-Шаня и Семиречья формируются феодальные отношения с своеобразными чертами, обусловленными типом хозяйства и образом жизни основной части населения. Характерной особенностью феодализма у кочевников было тесное переплетение присущих ему институтов с более ранними, патриархальными.

Древнетюркские феодальные государства (Тюркский, Западнотюркский, Тюргешский каганаты, государства карлуков и Караханидов) были однородны по иерархической структуре правящего класса, организации власти и государственного управления. Для них характерны территориальные перемещения групп кочевников в результате появления на Тянь-Шане новых кочевых объединений, распространение этнонима племени победителей на подчиненные племена, которые включались во вновь создаваемую военно-политическую систему. В период раннего средневековья (VIII—X вв.) в результате взаимовлияния двух основных хозяйственно-культурных типов — оседлого земледелия и кочевого (полукочевого) скотоводства, наблюдается интенсивное для того времени оседание скотоводческих племен. Уже установились связи между тюркскими государствами Средней и Центральной Азии и Ираном, Византией, Индией, Китаем, Восточной Европой. Важнейшим достижением в области культуры этого времени было создание тюркской (рунической) письменности, а также письменностей на основе согдийского, сирийского и арабского алфавитов. Появились такие литературные памятники XI в., как дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского и «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгарского, явившийся по существу энциклопедией тюркского

мира Средней Азии. Оба произведения, созданные выходцами из Восточно-караханидского государства, являются достойным вкладом наших далеких предков в сокровищницу мировой культуры.

В X—XII вв. на Тянь-Шане, в Семиречье сложились предпосылки для формирования на многоплеменной основе тюркоязычной народности. Однако этот процесс не получил в свое время завершения — монгольское нашествие оборвало еще слабые внутренние связи межплеменных объединений, погубило одних, поработило и отбросило на века назад других. Исторические судьбы населения восточной части Средней Азии в монгольскую эпоху поистине трагичны. Лишь через несколько столетий, пройдя сквозь разруху, упадок культуры, кровавые межплеменные войны и опустошительные нашествия новых завоевателей, тюркоязычные племена Алтая, Притяньшанья, Семиречья, Казахских степей и Среднеазиатского междуречья постепенно консолидировались в составе трех крупных объединений — казахов, узбеков и киргизов. В XV—XVI вв. окончательно оформились их этнические территории. В результате слияния древнего местного населения Средней Азии, Казахстана и Киргизии, выстоявшего в годы тяжких испытаний, преодолевшего трудновосполнимые людские потери и утраты культурных ценностей, с племенными группировками тюркоязычных кочевников завершился прерванный процесс формирования казахской и киргизской народностей, древняя общность которых выдержала проверку в горниле феодальных войн и племенных усобиц.

Племена Северного Притяньшанья, составившие основу киргизской народности, унаследовали от сибирско-алтайских и центральноазиатских родственных племен один из древнейших в евразийских степях этнонимов, ставший известным историографам еще в первом тысячелетии до нашей эры. Обозначавший в первом тысячелетии нашей эры сравнительно ограниченную этническую группу в Южной Сибири, создавшую там государство енисейских кыргызов, этноним «кыргыз» в IX—XIV вв. приобрел более широкое этнополитическое значение. Он сохранялся еще в течение нескольких веков за группой племен на Верхнем и Среднем Енисее, и вместе с тем закрепился как общее этническое название и политическое обозначение родственных по языку, культуре и образу жизни горно-лесных и горно-степных племен Алтая и Прииртышья. Перенос этого этнического названия на Тянь-Шань явился результатом переселения туда алтайско-иртышских киргизских племен, а не собственно енисейских кыргызов, составивших основу хакасской народности. Киргизская же народность эпохи феодализма сформировалась в результате слияния древнего тюркоязычного населения Северного Притяньшанья с центральноазиатскими племенами, переселившимися сюда в XV—XVI вв., и возникновения здесь новой этнополитической структуры — правого и левого «крыла», на основе которых и консолидировались киргизские племена в народность.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. киргизам совместно с казахами пришлось неоднократно отражать нападения джунгарских (ойратских, калмакских) феодалов, несших грабежи и разорение, угрожавших самому существованию киргизского народа. Во второй половине XVIII в. маньчжуро-китайские правители Цинской империи попытались захватить территорию Тянь-Шаня, но, встретив сильный вооруженный отпор киргизского и узбекского населения, отступили. Тем не менее, киргизам не удалось сохранить свою политическую независимость. Усилившееся в конце XVIII — начале XIX в. Кокандское ханство подчинило себе территории, занятые киргизским населением. Тяжелый феодальный гнет и насилия кокандских ханов вызывали непрерывные национально-освободительные восстания киргизского народа, которые жестоко подавлялись.

Разрозненные, плохо организованные выступления народных масс в то время не могли привести ни к коренным изменениям социальных отношений, ни к серьезным экономическим и политическим преобразованиям, ни к освобождению от гнета кокандских ханов. В этих условиях киргизы, включая наиболее дальновидных представителей правящей верхушки, еще в конце XVIII — начале XIX в. стали искать выход из создавшегося положения в сближении с более развитым и сильным соседом — Русским государством. В середине XIX в. киргизский народ совершил один из самых важных и спасительных исторических актов — добровольно вошел в состав России. Объективно Россия играла прогрессивную роль в исторических судьбах народов Азии. В то время Ф. Энгельс писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...» [1].

Добровольное вхождение в состав России положило начало новому важному этапу в истории киргизского и других среднеазиатских народов. В результате этого акта киргизский народ прорвал изоляцию от внешнего мира, преодолел барьер родоплеменной розни и разделил с русским и другими братскими народами их славную историческую судьбу. «Вхождение Киргизии в состав России привело к ликвидации племенных междоусобиц и межродовой розни, от которых страдали прежде всего трудящиеся массы киргизов. Этот исторический акт означал серьезный шаг на пути к преодолению обособленности племен, к национальному объединению киргизского народа. Именно с этого момента начался решительный переход от отсталого патриархально-феодального строя к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства»[2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 241.

[2] *Усубалиев Т. У.* Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1974, с. 100.

Вопреки воле и стремлениям царизма и местных туркестанских колониальных властей трудящиеся массы Средней Азии, в том числе и киргизы, приобщаются не только к более передовой русской культуре, но и к революционной борьбе российского пролетариата, вместе с ним вступают в борьбу против всех видов социального и национального угнетения. Однако добровольное вхождение Киргизии в состав России не избавило трудящихся ни от национально-колониального, ни от бай-манапского гнета.

Во второй половине XIX — начале XX в. киргизский народ не раз восставал против своих угнетателей. Но классовая борьба коренного населения была локальной, носила стихийный характер, велась без единого руководства, не имела четкой социальной программы. Особенностью классовой борьбы на этом этапе было переплетение ее с национально-освободительным движением. Примыкавшие к движению представители клерикальной и родоплеменной знати зачастую пытались направить классовую борьбу и национально-освободительное движение народа в русло своих сословных интересов, ничего общего не имеющих с чаяниями трудящихся масс. Тем не менее, классовая борьба трудящихся киргизов вступила в новую фазу, став составной частью общероссийского революционного движения. Трудящиеся массы киргизского народа уже начали испытывать благотворное влияние революционных идей, распространяемых членами социал-демократических кружков и групп, возникших в Киргизии в период первой русской революции 1905—1907 гг. В недрах старого общественного строя зрели и обострялись противоречия между угнетенными народами России, формировавшими традиции освободительной борьбы, и военно-феодальным империализмом, между национальным крестьянством и бай-манапской феодальной верхушкой, между нарождавшимся в крае пролетариатом и буржуазией. Эти противоречия составляли главные предпосылки слияния национально-освободительного и антифеодального движения порабощенных народов, в том числе и киргизского народа, с общероссийским пролетарским движением против царизма и буржуазии.

Одним из важнейших элементов революционного кризиса последующего периода было широкое национально-освободительное движение 1916 г. народов Средней Азии и Казахстана, в том числе Киргизии, принявшее форму открытого восстания против войны, колониальной политики царизма и произвола местных феодалов. Однако в отдельных волостях Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины баи и манапы, захватившие в своих корыстных целях руководство восстанием, сумели направить выступления против местного русского населения. Но попытки разжигания национальной вражды не повлияли на общность классовых интересов трудящихся киргизского и русского населения. В целом же, восстание местных народов в одной из колоний царизма носило прогрессивный характер, непосредственно смыкалось с нарастающей борьбой российского пролетариата и явилось важной вехой в размежевании классовых сил в канун Октября. В совместной борьбе с эксплуататорами росло и крепло интернациональное братское содружество трудящихся всех народов России. Февральская буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царизм, открыла путь для борьбы за победу социалистической революции. Киргизия вместе со всей страной шла к этой победе.

Единство революционных действий пролетариата и беднейшего крестьянства всех национальностей России, руководство массами партией большевиков во главе с В. И. Лениным явились важнейшими факторами победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла новую эру всемирной истории. «Октябрь разбил цепи социального и национального гнета, поднял к самостоятельному историческому творчеству все народы нашей страны. Установление власти рабочего класса, общественной собственности на средства производства заложило прочный фундамент свободного развития всех наций и народностей, их тесного единства и дружбы»[1].

Великий Октябрь победил под знаменем социального и национального освобождения и братства всех народов. Уже первые декреты Советской власти, «Декларация прав народов России», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и другие государственные акты, изданные почти на всех языках народов России, образование Народного комиссариата по делам национальностей показали трудящимся, что государство диктатуры пролетариата последовательно осуществляет коренные социальные, экономические, политические, культурные, национальные и другие требования рабочих и крестьян. Победа Великого Октября и установление власти Советов во всей необъятной России стали возможны благодаря тому, что партия большевиков сумела объединить в единый мощный революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, борьбу крестьян за землю, всенародное движение за мир и прекращение империалистической войны, национально-освободительное движение угнетенных народов России.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала решающим политическим фактором, обеспечившим развитие киргизского народа по социалистическому пути. Выдающейся заслугой В. И. Ленина перед историей, перед народами ранее отсталых окраин России является разработка стратегии и тактики строительства социализма с учетом специфических условий Востока, где господствовали докапиталистические отношения. Исторический опыт перехода киргизского народа к социализму, минуя капитализм, как и опыт других народов Советского Востока, имеет всемирно-историческое значение.

Серьезным препятствием на пути социалистических преобразований в Киргизии было унаследованное от прошлого межнацио-

[1] О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года., с. 4.

нальное недоверие. Решающее значение для его преодоления имело последовательное и неуклонное осуществление ленинской национальной политики, направленной на обеспечение свободного развития и всестороннего сближения народов. Советская власть обеспечила политическое равенство трудящихся киргизов со всеми другими народами страны. Важнейшую роль в социалистическом строительстве играло становление и развитие национальной государственности киргизского народа. В местных органах власти делопроизводство велось на киргизском языке, коренное население широко привлекалось к участию в государственном управлении; земельно-водные реформы 20-х годов уравняли в землепользовании местное население и переселенцев. Коммунистическая партия придавала большое значение бережному отношению к языку, культуре, традициям киргизов, к их обычаям, верованиям.

Залогом успешного строительства новой жизни в Киргизии явилась организованная Коммунистической партией и Советским правительством бескорыстная помощь киргизскому народу со стороны многонационального рабочего класса, всех трудящихся России, и прежде всего со стороны русского народа. Она имела решающее значение в преодолении фактического экономического и культурного неравенства народов. В ходе революционных преобразований киргизский народ консолидировался в социалистическую нацию.

Революционная теория и практика со всей убедительностью показали, что решение национального вопроса возможно только на основе социализма, идейно-политического единства всех классов и социальных слоев общества, всех наций и народностей страны, последовательного претворения в жизнь принципа социалистического интернационализма. Решение национального вопроса — одно из величайших достижений социализма, которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция.

Неоспоримые преимущества социализма, монолитность и нерушимое единство советских народов во всем своем величии проявились в годы Великой Отечественной войны. На защиту социалистического Отечества вместе со всеми братскими народами СССР встал и киргизский народ, все трудящиеся многонационального Киргизстана. Воинские соединения, сформированные в Киргизии, сражались у стен Москвы и Ленинграда, громили врага под Сталинградом и на Курской дуге, освобождали Украину, Прибалтику, очищали от фашизма европейские государства, штурмовали Берлин. Бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, среди которых героически сражались киргизстанцы Д. Шопоков, Г. М. Шемякин, И. В. Москаленко, Г. А Петренко, навсегда вошел в летопись боевой славы многонационального советского народа. Труженики республики не щадили сил, свято выполняя наказ партии — «Все для фронта, все для победы!»

Одержав победу над германским фашизмом и японским милитаризмом в Великой Отечественной войне, советский народ приступил к осуществлению планов мирного строительства, совершил великий трудовой подвиг. В сложных условиях и в короткий срок были залечены тяжелые раны, нанесенные войной, достигнуты огромные успехи в развитии экономики и культуры. В результате вдохновенного труда партии и народа выросла и окрепла на основе прогресса науки и техники материально-техническая база социализма, совершенствовались общественно-экономические отношения. Еще более упрочились союз рабочего класса и колхозного крестьянства, социальное и идейно-политическое единство, братское сотрудничество народов СССР.

Коренные изменения произошли на международной арене. Развитие мирового революционного процесса, огромную роль в котором сыграли победа советского народа в Великой Отечественной войне, его вдохновляющие созидательные успехи, торжество социалистических революций в ряде государств Европы и Азии привели к выходу социализма за рамки одной страны, к образованию мировой социалистической системы. Широким фронтом развернулись силы международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

Главным итогом глубочайших социально-экономических преобразований, осуществленных советским народом под руководством КПСС, явилось построение в Советском Союзе развитого социалистического общества. Развитой социализм — закономерный этап в становлении коммунистической формации, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах. Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа совершенствования развитого социалистического общества, по мере чего и будет происходить постепенный переход к коммунизму.

В концепции развитого социализма нашли отражение важнейшие черты современного советского общества. «В ней убедительно показано диалектическое единство и реальных успехов в социалистическом строительстве, в осуществлении многих экономических, социальных и культурных задач первой фазы коммунизма, и крепнущих ростков коммунистического будущего, и еще не решенных проблем, оставшихся нам от вчерашнего дня». Опираясь на концепцию развитого социализма, «партия определила свою стратегию и тактику на ближайшие годы и более отдаленную перспективу, предостерегла от возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма. Все это позволило уточнить и конкретизировать пути и сроки реализации наших программных целей» [1].

[1] *Андропов Ю. В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983, с. 245.

Борбордук илимий КИТЕПКАНА Центральная научная БИБЛИОТЕКА
650073

В условиях зрелого социализма еще более укрепляется дружба всех наций и народностей СССР. Материальной основой этой дружбы является единый народнохозяйственный комплекс, развивающийся в масштабах всей страны. Современное многоотраслевое народное хозяйство Советского Киргизстана — неотъемлемая составная часть единой общесоюзной экономики. Основной социальной силой, обеспечивающей расцвет и сближение наций и народностей, выступает многонациональный рабочий класс.

Развитой социализм наглядно демонстрирует нерасторжимую взаимосвязь расцвета и сближения всех наций и народностей страны с углублением социалистической демократии. Вместе с тем демократия при социализме немыслима без сильной авторитетной государственной власти. Союз ССР — это динамичная и эффективная форма государственного объединения советских наций и народностей, рассчитанная на весь исторический период постепенного перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление.

В достижениях реального социализма в республиках Советского Востока и, в частности, в Киргизской ССР особенно рельефно проявилась жизненная сила ленинского учения о возможности построения социализма, минуя капиталистическую стадию развития, а также действенность ленинской национальной политики.

Суть нынешнего этапа национальных отношений в нашей стране состоит в расцвете и все более тесном сближении социалистических наций, прогрессирующем укреплении их единства и братства. В условиях развитого социалистического общества все более тесными и глубокими становятся экономические взаимосвязи республик на основе рационального размещения производительных сил и разделения труда между ними в интересах всех советских народов. Идет процесс активного взаимообщения и взаимообогащения национальных культур. Сложилась и совершенствуется новая социальная и интернациональная общность — советский народ — явление, невиданное в мировой истории.

В декабре 1982 г. все прогрессивное человечество отметило 60-летие образования СССР. Здание дружбы народов, сконструированное и выстроенное под руководством гениального зодчего — ленинской партии коммунистов,— выдержало все испытания на прочность. Под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии пройден непреходящей исторической ценности путь поисков и обретений. Опыт показал, что строительство нового мира меньше всего похоже на скоростное движение по накатанной столбовой дороге. Мы шли и идем первыми! Тем дороже и значительнее наши победы.

За радость побед уплачено высокой ценой. Сегодня мы — это нерасторжимая семья советских народов: пятнадцать союзных, двадцать автономных республик и восемнадцать автономных областей и округов. Каждая советская республика, автономная область, каждый автономный округ вносят незаменимый вклад в общий подъем экономики и культуры Советского Союза.

«Решая задачи сегодняшнего дня,— подчеркнул в своей речи на февральском (1984 г.) Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко,— мы создаем предпосылки для достижения гораздо более высоких рубежей в будущем»[1].

Свой весомый вклад в развитие экономики страны, в упрочение ее могущества, межнациональных связей и дружбы народов вносит Советский Киргизстан, из нищей национальной окраины с патриархально-феодальным укладом жизни выросший в республику высокоразвитой промышленности, многоотраслевого сельского хозяйства, современной науки и культуры. «Пример Советского Киргизстана, как и других республик,— подчеркивается в Постановлении ЦК Компартии Киргизии о 60-летии республики,— ярко свидетельствует, что в условиях зрелого социализма происходит дальнейший расцвет социалистических наций и народностей, укрепление и развитие новой социально-классовой интернациональной общности советского народа. Все теснее переплетаются интересы республик, все плодотворнее становятся взаимопомощь, взаимосвязь, направляющие в единое русло созидательные усилия всех наций и народностей Советского Союза»[2]. Сегодняшний Советский Киргизстан — это процветающая социалистическая республика, экономика которой связана тысячами животворных нитей с экономикой всех братских республик, обладающая мощной производственной базой и высоким научно-техническим потенциалом, дающим возможность решать самые сложные социально-экономические задачи. Истоки этих успехов — в ленинской дружбе народов. Выражая мысли и чувства всего киргизского народа, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев в своей речи на торжествах в Кремле по случаю 60-летия СССР подчеркнул: «Киргизский народ безмерно гордится и дорожит своей принадлежностью к Союзу ССР, к новой исторической общности — советскому народу. Неизменные чувства глубочайшей признательности киргизов к русскому народу, ко всем братским народам будут жить в веках»[3].

Настоящее пятитомное издание «Истории Киргизской ССР» подготовлено к 60-летнему юбилею республики, который отмечается в 1984 г. Авторский коллектив рассматривал историю республики как составную часть истории СССР, стремился к тому, чтобы этот обобщающий труд способствовал дальнейшему укреплению дружбы и братства народов.

[1] Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 года. М., 1984, с. 16.

[2] О 60-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление ЦК Компартии Киргизии.— Советская Киргизия, 1984, 28 апреля.

[3] 60 лет образования СССР. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1982 года. Стенограф. отчет. М., 1983, с. 93.

Первый том посвящен истории Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. В нем рассматриваются такие проблемы, как заселение территории Киргизии человеком, сложение и развитие здесь классового общества, формирование киргизской народности, установление первых взаимоотношений с Россией и складывание предпосылок добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Второй том освещает процесс добровольного вхождения Киргизии в состав России и его прогрессивные исторические последствия, определившие судьбы киргизского народа на перспективу. Хронологические его рамки — середина XIX в. —1917 г.

Третий том (1917—1937 гг.) охватывает годы установления Советской власти и построения социализма в Киргизии: первые социалистические преобразования, осуществление индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, проведение культурной революции, формирование киргизской социалистической нации.

В четвертом томе раскрывается история Киргизии в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, дальнейшего упрочения и развития социализма (1938—1965 гг.).

Пятый, завершающий, том посвящен истории Киргизстана на этапе развитого социализма (с 1966 г. по настоящее время).

Пятитомная «История Киргизской ССР (с древнейших времен до наших дней)» подготовлена Институтом истории АН Киргизской ССР. В подготовке издания приняли участие специалисты Академии наук Киргизской ССР, Института истории партии при ЦК Компартии Киргизии — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, историки, экономисты, философы, ведущие ученые вузов республики, Москвы, Ленинграда и других научных центров страны.

Главный редакционный Совет и авторский коллектив приносят глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, которые приняли участие в обсуждении и рецензировании рукописей, помогая подготовке нового издания.

Главный редакционный совет

* * *

Первый том «Истории Киргизской ССР» написан авторским коллективом.

«Введение» 1.— В. Д. Горячевой с использованием материалов А. М. Мокеева, К. И. Петрова, В. М. Плоских; 2. — В. П. Мокрыниным по материалам О. К. Караева, А. М. Мокеева, К. И. Петрова, В. М. Плоских, Г. П. Супруненко, В. Я. Галицкого.

Глава I — В. М. Массоном, А. П. Окладниковым., М. Б. Юнусалиевым. Глава II 1, 2.— В. М. Массоном по материалам Н. Г. Галочкиной, Е. Е. Кузьминой; 3, 4. — Ю. А. Заднепровским. Глава III 1. — В. М. Массоном; 2, 5. — Ю. А. Заднепровским, И. К. Кожомбердиевым; 3, 4. — Ю. А. Заднепровским. Глава IV 1, 2, 3, 4.— В. П. Мокрыниным; 5. — В. Д. Горячевой, В. П. Мокрыниным. Глава V — О. К. Караевым. Глава VI 1. — В. П. Мокрыниным; 2. — В. Д. Горячевой, О. К. Караевым. Глава VII — К. И. Петровым. Глава VIII 1. — Ю. А. Заднепровским; 2. — О. К. Караевым, А. М. Мокеевым, В. П. Мокрыниным; 3. — М. Б. Джамгерчиновым, О. К. Караевым, А. М. Мокеевым, К. И. Петровым с использованием материалов Б. О. Орузбаевой, Э. Р. Тенишева. Глава IX — М. Б. Джамгерчиновым, А. М. Мокеевым. Глава X — В. М. Плоских. Глава XI 1. — В. Д. Горячевой, В. П. Мокрыниным; 2. — Б. А. Дуйшеевым, В. М. Плоских; 3. — А. М. Мокеевым, В. М. Плоских с привлечением материала Б. Алагушева.

Хронологический указатель составлен Б. А. Дуйшеевым; библиография — Г. П. Супруненко.

Спецредактор тома — С. Г. Кляшторный.

Литературный редактор — Э. И. Андрусенко.

Исторические карты составлены: «Археологические памятники каменного и бронзового веков на территории Киргизии» — А. Д. Дег-

тяревой, М. Б. Юнусалиевым; «Государства на территории Киргизии и сопредельных регионов в VI—I-й половине VIII в.» — В. П. Мокрыниным; «Государственные объединения на территории Киргизии и сопредельных регионов в XIII—XV вв.» — К. И. Петровым; «Маршруты путешествий по Киргизии во второй половине XVIII — середине XIX в.» — В. М. Плоских.

Иллюстрации подобраны А. Д. Дегтяревой, Л. Е. Семениченко. Фотографии выполнены Ю. В. Романовым и В. М. Жигайловым, рисунки — художником С. С. Федоровским.

Указатели составлены Г. П. Супруненко, В. Н. Глушковой, Л. Е. Семениченко.

Портретные скульптуры Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского выполнены специально для иллюстрирования «Истории Киргизской ССР» народным художником республики, лауреатом Ленинской премии Т. Садыковым.

ВВЕДЕНИЕ

1. Историография

История киргизского народа и его предков давно привлекала внимание отечественных и зарубежных ученых. Историография Киргизии нашла свое отражение в целом ряде общих и специальных обзоров. В них освещаются основные этапы изучения истории киргизского народа, его духовной и материальной культуры, развитие археологии и этнографии[1]. Общие сведения об исследованиях по древнейшему, древнему, средневековому периодам и новому времени приведены в «Истории Киргизской ССР» (1963 и 1967 — 1968 гг.). Итоги исторического, археологического и этнографического изучения республики опубликованы в юбилейных изданиях, посвященных 40-летию и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции[2]. Обзоры по истории исторической науки Киргизстана нашли также отражение в коллективных и отдельных трудах историков Киргизии[3], в историографических исследованиях по проблемам дореволюционной истории и археологии Средней Азии[4].

Историография Киргизии развивалась в тесной связи с исторической наукой других республик Средней Азии и Казахстана, основывалась на общих проблемах, характерных для всего региона, переживала этапы становления и поступательного развития, смену методологических направлений в научных исследованиях. Изучением вопросов досоветской истории Киргизии занимаются в основном Институт истории АН Киргизской ССР и Киргизский государственный университет; исторические исследования ведутся также на кафедрах общественных наук вузов республики, в архивных учреждениях, Государственном историческом музее, Ошском и Пржевальском областных историко-краеведческих музеях, в Киргизском республиканском обществе охраны памятников истории и культуры, в отдельных средних школах.

Успешному развитию исторических знаний в республике способствует подготовка квалифицированных научных кадров. Если в 30-х годах в Киргизии не было ни одного кандидата наук, то к началу 50-х годов в институтах общественного профиля работало уже по одному доктору[5], а в настоящее время исследованием проблем досоветской истории, в том числе по археологии, источниковe-

дению и этнографии, занимаются более 20 докторов и кандидатов наук.

С каждым годом расширяется координация научных исследований в области древней и средневековой истории, а также истории Киргизии нового времени; укрепляются межрегиональные связи между историками, археологами, востоковедами, историками искусства и религии. Все отчетливее проявляется взаимосвязь различных исторических дисциплин, комплексность исторических исследований. С каждым годом ширится творческое содружество историков республики с ведущими центрами исторической науки в СССР, с академиями братских среднеазиатских республик. Оно нашло свое проявление в проведении научных конференций, симпозиумов, научных сессий, а также в совместных полевых исследованиях археологов. Большое значение в развитии науки в Киргизстане по дореволюционной истории имели решения научной сессии по этногенезу киргизского народа (Фрунзе, 1956 г.), XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960 г.), XIII Международного конгресса историков (Москва, 1970 г.), труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968 г.), симпозиума по вопросам этнической истории Центральной Азии во II тысячелетии до н. э. (Душанбе, 1977 г.), а также рекомендации всесоюзных и региональных конференций по узловым проблемам древней и средневековой истории, археологии и источниковедения.

Создание проблемных научных советов при АН Киргизской ССР по главным направлениям исторической науки способствует постоянным творческим контактам, обмену информацией, проведению дискуссий, выявлению нерешенных проблем в киргизской историографии. Неоценимый вклад в ее развитие внесли ученые головных центров Москвы и Ленинграда, братских среднеазиатских республик. Почетное место в историографии древней и средневековой истории Киргизии занимают имена М. Е. Массона, А. П. Окладникова, Б. А. Литвинского, В. М. Массона, Г. А. Пугаченковой, А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, С. М. Абрамзона и других.

Историография древней и средневековой истории Киргизии в совокупности всех факторов, определяющих состояние исторической науки в республике, дает возможность увидеть, каких небывалых высот достигла культура Киргизстана за годы Советской власти.

Большую роль в развитии киргизской историографии играют документы партийных съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС и Компартии Киргизии, способствующие развитию исторической науки, расширению сети научно-исследовательских учреждений, развертыванию полевых археологических и этнографических экспедиций, подготовке научных кадров, повышению теоретического уровня и улучшению методики научных исследований,

концентрации сил на наиболее важных проблемах досоветской истории. Начиная с первых ленинских декретов об организации Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК, позже — ГАИМК) и взятии на учет памятников старины и искусства (1918—1919 гг.), в партийно-правительственных документах и мероприятиях государства нашли отражение важнейшие вехи в развитии советской науки в Киргизстане, принципиальные оценки и объективные характеристики многих важнейших проблем многовековой истории культуры киргизского народа. Партийные документы нацеливали историков на активную борьбу против буржуазной идеологии во всех ее проявлениях, на использование богатейшего культурного достояния в коммунистическом воспитании трудящихся, во всей идеологической работе в массах. Компартия давала прямые ответы на конкретно-исторические вопросы, раскрывая методы и приемы борьбы со всякого рода фальсификаторами; указывала на ошибки и факты, искажающие советскую действительность и прошлое киргизского народа; помогала преодолевать трудности, ориентировала и ориентирует советских историков «на принципиальную марксистско-ленинскую выдержанность их трудов, на строгое соблюдение принципов партийности в... органическом сочетании с историзмом, с творческой разработкой актуальных конкретных вопросов и теоретических проблем исторической науки»[6].

Изучение истории Киргизии в досоветский период

Наиболее ранние публикации по истории киргизов и Киргизии принадлежали не собственно историкам или востоковедам, а царским чиновникам и послам в восточные страны в XVIII — начале XIX в. Передовые представители русской науки, участники географических и военных экспедиций, ученые-путешественники и просветители проявляли интерес не только к историческому прошлому, но и к проблемам социально-экономической жизни и положению народных масс.

На начальном этапе истории исторической науки в Киргизстане из большого перечня работ, в той или иной степени содержащих сведения о киргизах, можно назвать лишь немногие, где изложение материала носит более или менее системный характер, а сами исследования базируются на достоверных фактах. Большинство же работ отражает лишь незначительные факты и представляет интерес лишь в источниковедческом плане. В этом отношении заслуживают внимания труды русских ученых, путешественников и востоковедов. В XVIII—XIX вв. появляются работы П. И. Рычкова, В. Н. Татищева, А. И. Левшина, И. Г. Андреева и других авторов; в них затрагивается ряд вопросов истории и этнографии киргизского народа.

В середине XVIII в. довольно подробную характеристику киргизам дал П. И. Рычков в «Кратком известии о татарах»[7]. Вслед за ним В. Н. Татищев привел сведения о политическом положении

и быте киргизов в своей многотомной «Истории Российской»[8]. Краткое изложение истории киргизов дано в работе А. И. Левшина, который при этом попытался разъяснить значение названия «киргиз», показать различие между кыргыз-кайсаками (казахами) и киргизами[9].

В это время появляются первые гипотезы о происхождении киргизского народа. Они были однако основаны на недостаточных сведениях и поверхностных суждениях русских «служилых людей» о «киргизских землицах» и «киргизских курганах». Эти сведения и легли в основу гипотезы Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера о переселении части енисейских кыргызов на Тянь-Шань во время калмакского господства[10].

Большую роль в изучении истории Киргизии и сопредельных территорий — от Южной Сибири и до Восточного Туркестана — сыграли работы Н. Я. Бичурина по истории и этнографии тюркоязычных и монгольских народов. В первой трети XIX в. им написаны специальные исследования по истории Центральной Азии, в которых нашли отражение некоторые события, имеющие отношение к Киргизии[11]. Однако наиболее ценным вкладом в отечественную науку о древней и средневековой истории края явилось его «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», состоящее из переводов на русский язык китайских источников. Опираясь на эти сведения, освещающие период истории со второй половины I тысячелетия до н. э. и до начала II тысячелетия н. э., Н. Я. Бичурин высказал ряд положений об усунях, юечжах и других племенах и, в частности, о возможности проживания киргизов на Тянь-Шане уже с рубежа н. э.[12].

К этой же категории наиболее ранних исследований, основанных на китайских источниках (с привлечением арабских), относятся работы Абель-Ремюза и Ст. Жюльена[13]. В них содержатся некоторые сведения о тюрках, эфталитах, распространении буддизма и манихейства в Средней Азии.

Заметным вкладом в изучение древней и средневековой истории края явились труды русского востоковеда В. В. Григорьева. Ему принадлежит первое объяснение этнонима и историческая локализация кочевых саков, гипотеза о тюркском происхождении династии Караханидов (с введением самого термина «караханиды»), публикация илекских монет, а также других материалов по истории киргизов и Киргизии до первой половины XIX в.[14].

По нумизматическим источникам получают разработку некоторые вопросы хронологии государств Караханидов и киданей в публикациях Х. М. Френа, Б. А. Дорна, П. С. Савельева, а позднее — В. Г. Тизенгаузена и А. К. Маркова. Каталог мусульманских монет Эрмитажа, где значительное место отведено караханидскому чекану, остается по сей день важнейшим справочным нумизматическим изданием[15].

Особое внимание в дореволюционной историографии уделяется истории монголов и завоевания ими Средней Азии. Уже с первой трети и до конца XIX в. появляется серия работ русских и зарубежных востоковедов, где значительное место отведено истории Туркестана в монгольскую эпоху. Это — «История монголов» д'Оссона и перевод с персидского на русский язык И. Н. Березиным «Истории монголов» Рашид ад-дина[16]; по данным «Тарих-и Рашиди» и других источников приводятся сведения о Киргизии в исследованиях В. В. Вельяминова-Зернова[17].

Отдельные частные вопросы истории Киргизии первой половины XIX вв. рассматриваются в публикациях Н. Н. Пантусова; особо следует отметить переводы Г. С. Саблукова и П. И. Демезона сочинения Абулгази «Родословная тюрок», имеющие в первую очередь источниковедческое значение[18].

В середине XIX в. общественный интерес к истории киргизского народа усиливается, о чем свидетельствует появление в свет (1851 г.) первой энциклопедической статьи о киргизах[19]. Разнообразный и содержательный историко-этнографический материал публикуется в трудах русских исследователей (А. П. Минаева, В. Ф. Ошанина, а позднее Б. В. Станкевича), обследовавших горные районы Южной Киргизии. Особое внимание привлекают работы казахского ученого-просветителя Ч. Ч. Валиханова, не однажды бывавшего в Киргизии. Историческая информация о киргизах середины XIX в. дополняется им сведениями, относящимися к древности и средневековью. Ч. Ч. Валиханов считал прародиной киргизов Прииссыккулье и Тянь-Шань. Киргизы, по его мнению, еще с рубежа новой эры систематически перекочевывали в летнее время с Тянь-Шаня на Саяно-Алтай и обратно[20].

Со второй половины XIX в. появляются описания путешествий П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, И. В. Мушкетова, А. П. Федченко, Н. А. Северцова, А. Л. Куна, М. И. Венюкова, А. П. Хорошхина, А. Ф. Миддендорфа. В них затрагиваются отдельные вопросы политической истории киргизов и социально-экономических отношений Киргизии в XVIII—XIX вв.; в отчетах и дневниках русских исследователей содержатся также описания отдельных археологических и архитектурных памятников Киргизии[21].

После вхождения Киргизии в состав России появился интерес к археологическому ее изучению. Уже с начала 80-х годов осуществляются первые раскопки на крупных поселениях и дается описание археологических и нумизматических находок (Ф. В. Поярков, В. К. Герн, Н. В. Сорокин, В. Д. Городецкий, В. М. Флоринский). Деятельность местных краеведов привлекла внимание центральных научных учреждений России, и вскоре Императорская археологическая комиссия организует разведки и раскопки в Чуйской и Ферганской долинах, на несторианских кладбищах Пишпека, Бураны (Ф. В. Поярков и Н. Н. Пантусов) и Узгенском городище (Н. И. Веселовский, 1885 г.)[22].

В этой связи нельзя не отметить особого внимания со стороны исследователей Тянь-Шаня к древностям Иссык-Кульской котловины. От первых упоминаний подводных развалин на озере купцом Исаевым (1824—1830 гг.) вплоть до начала 80-х годов не ослабевало внимание к этому вопросу. Побывавшие на Иссык-Куле Ч. Ч. Валиханов (1856 г.) и П. П. Семенов (1857 г.) не смогли исследовать подводные развалины. Позднее эти работы продолжили А. Ф. Голубев (1859 г.) и Г. А. Колпаковский (1869 г.). Интерес к подводной археологии был так велик, что семиреченское начальство наметило еще в 1871 г. организовать подводную экспедицию. Однако экспедиция не состоялась. В 1886 г. по заданию Русского географического общества подводные развалины в районе Кой-Сары исследовал И. В. Игнатьев. Эта проблема интересовала и В. В. Бартольда. Окончательное решение она получила лишь в советское время[23].

Открытие в Семиречье сиро-тюркских несторианских надписей XII—XIV вв. и последующий их перевод Д. А. Хвольсоном, П. К. Коковцевым и С. С. Слуцким[24] положили начало развитию киргизской тюркологии, а позднее, с открытием древнетюркских (орхоно-енисейских) рунических памятников, территория Киргизии становится объектом пристального внимания востоковедов.

В XIX в. публикуются первые крупные работы, в которых освещается историческое прошлое Киргизстана. Выходит в свет книга В. П. Наливкина по истории Кокандского ханства[25], написанная по среднеазиатским нарративным источникам (часть из которых к настоящему времени утеряна) с привлечением отдельных документов и народных преданий. В книге, в частности, нашел отражение факт участия киргизов во внутриполитической жизни ханства и многочисленных антикокандских выступлениях.

Рассматриваемый период был начальным этапом в изучении истории Киргизии. Он характеризуется накоплением отдельных разрозненных фактов. В это время лишь наметились некоторые аспекты историографии, внимание к которым не ослабевало и в дальнейшем.

Следующий этап в историографии Киргизии досоветского времени совпадает с развитием капитализма в России. Он ознаменован появлением серии работ ученых, положивших начало «самостоятельной русской историко-востоковедной школы, которая заняла прочное место в мировом востоковедении»[26]. Лучшими представителями этой школы были В. В. Бартольд, В. В. Радлов, Н. И. Веселовский, В. Р. Розен, К. А. Иностранцев, П. М. Мелиоранский, А. Г. Туманский и другие.

С последней четверти XIX в. идет интенсивное накопление знаний по истории Средней и Центральной Азии, в основном, за счет выявления новых источников. В 1889 г. экспедицией Русского географического общества в долине р. Орхон (Монголия) вместе

с каменными изваяниями были открыты рунические надписи, дешифрованные и переведенные в Дании В. Томсеном и в России — В. В. Радловым и П. М. Мелиоранским[27]. Введение в научный оборот рунических текстов, открытых в Монголии русскими учеными, имело большое значение для дальнейшего изучения истории и культуры тюркских народов, в том числе и киргизов. Исследование древнетюркских надписей повлекло за собой более углубленное изучение ранее изданных и перевод новых, в первую очередь китайских источников[28].

В эти же годы выходят фундаментальные труды В. В. Радлова по языкам и фольклору тюркских народов Сибири и Средней Азии, издано факсимиле литературного памятника «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, сопровождаемое обстоятельным экскурсом в историю караханидского каганата, отдельные записи и публикация отрывков эпоса «Манас»[29]. В ряде работ В. В. Радлов поддержал необоснованные гипотезы о происхождении киргизов — о переселении их из Минусинской котловины в период возвышения государства в IX—X вв. или в период монгольского завоевания Средней Азии — в XIII в.[30].

Вопросы этнической истории тюркоязычных народов затрагивает в своих исследованиях и Н. А. Аристов. В них содержатся, в частности, сведения по родоплеменному составу киргизов и их политической истории с древнейших времен до конца XIX в. На основе сравнительного анализа названий родоплеменных групп Н. А. Аристов, развивая эту спорную гипотезу, пишет об особых этногенетических связях кыргызов с алтайцами и другими народами Южной Сибири, о продвижении их на Тянь-Шань еще до новой эры (в составе усуней)[31]. Хотя для Н. А. Аристова больше характерен описательный, а не аналитический подход к источникам, и не бесспорен ряд высказанных им положений, работы его сохраняют значимость до настоящего времени.

Огромную роль в изучении истории и культуры Киргизстана сыграли труды В. В. Бартольда[32]. Экспедиция в долины Чу, Таласа, в Иссык-Кульскую котловину и Илийский край в 1893—1894 гг. и организация по его инициативе Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917 гг.) представляют большой и важный этап в изучении истории и археологии Киргизии. Особенно выделяется «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью», продолжающий оставаться источниковедческой базой всех последующих изысканий в области исторической топографии края. «Настольной книгой» для изучения истории Киргизии являются «Очерки истории Семиречья», в которых В. В. Бартольд дал характеристику политической истории Тянь-Шаня и сопредельных районов с древнейших времен до присоединения края к России. Впервые в дореволюционной историографии Средней Азии в круг научных интересов исследователя наряду с письменными источниками вошли вопросы археологии, нумизматики, этнографии, эпиграфики и других вспомогательных исторических дисциплин.

Ряд поднятых им проблем нашел свое решение в трудах исследователей советского периода; другие проблемы еще ждут своего разрешения. Однако со времен В. В. Бартольда «круг привлеченных письменных источников не был сколько-нибудь существенно увеличен последующими исследователями»[33], и основные положения этого видного ученого сохраняются до настоящего времени. Во всех своих работах В. В. Бартольд, сумев преодолеть расовую теорию буржуазных ученых, выступает как истинный патриот отечественной науки, отстаивая прогрессивные взгляды на развитие народов Востока[34].

В конце XIX в. и вплоть до Октябрьской революции основные историко-археологические исследования в Киргизии были связаны с деятельностью членов Туркестанского кружка любителей археологии. В 1898 г. В. А. Каллауром в верховьях р. Талас были открыты камни с руническими текстами, синхронными орхоно-енисейским надписям[35]. Большой интерес вызвали открытия наскальных рисунков в урочище Саймалы-Таш (1902—1903 гг.) Н. Г. Хлудовым и И. Т. Пославским[36]. В эти же годы внимание ученых привлекают эпиграфические памятники Киргизии с арабской, сирийской, уйгурской, согдийской и древнетюркской письменностями, легенды, предания, архитектурные памятники и археологические находки, связанные с распространением на данной территории различных культов и религий. Публикуются эти материалы и в центральных изданиях[37].

За 21 год своей деятельности Туркестанским кружком любителей археологии был накоплен значительный историко-археологический материал, который явился отправной историографическо-источниковедческой базой для последующих изысканий. Однако исследования членов кружка не давали еще полного, точного представления о прошлом Киргизии. История скорее угадывалась, инстинктивно нащупывалась; археология вообще находилась в зачаточном состоянии[38].

Завершая обзор дореволюционной историографии, следует отметить ряд публикаций по этнографии киргизов, хозяйственно-бытовому и родоплеменному укладу их жизни, верованиям и обрядам (Г. С. Загряжский, Ф. В. Поярков, Н. Ф. Ситняковский)[39].

В конце XIX — начале XX в. появляется серия работ по истории Туркестана, в том числе по истории Киргизии, в которых ярко отразились колониальные цели царизма и туркестанской администрации. В их числе можно назвать книги М. А. Терентьева, Л. Ф. Костенко, К. П. Кауфмана, А. К. Гейнса.

В XIX в. публикуются также труды зарубежных востоковедов, в которых нашли отражение вопросы истории древнего и средневекового Киргизстана. Среди этих работ следует назвать исследования Эд. Шаванна, П. Пельо, Э. Бретшнейдера, Й. Маркварта[40]. В это же время выходят в свет книги Ф. Скрайна, Е. Д. Росса и других зарубежных авторов, в которых рассматриваются проблемы истории Средней Азии в XIX в., освещаются перипетии взаи-

моотношений между Россией и Англией в период присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

Исследование проблем истории Киргизии в советский период

Подлинно научное, глубокое и систематическое изучение истории киргизского народа стало возможным лишь в условиях Советской власти в Киргизии. Основополагающую роль в становлении и развитии киргизской историографии сыграли труды классиков марксизма-ленинизма. Ленинское учение об общественно-экономических формациях легло в основу исследований советских ученых по истории Киргизии. С именем В. И. Ленина связаны становление советской науки, организация научных, культурных и педагогических учреждений. По его инициативе в 1920 г. был создан Туркестанский университет (позже — Среднеазиатский, ныне Ташкентский), ставший подлинной кузницей научных кадров в Средней Азии.

Прогрессивные концепции, заложенные в трудах передовых русских ученых, были развиты советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии. С новых позиций были переработаны сведения, содержащиеся в письменных источниках, введен в научный оборот огромный археологический, лингвистический, нумизматический, эпиграфический материал, расширился круг проблем исторических исследований. Однако на первых порах (когда шло становление молодой советской науки) сказывались нехватка марксистских кадров, слабая источниковедческая база. Большое значение имели написанные В. В. Бартольдом в это время очерки по истории народов Средней Азии, в том числе киргизов (1927 г.)[41]. В кратком очерке В. В. Бартольд рассматривает основные этапы их истории с древнейших времен вплоть до XIX в. Некоторые вопросы истории киргизов затрагивает в своей работе по истории Казахстана А. П. Чулошников[42].

С созданием в 1920 г. Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, с 1924 по 1928 г. — Средазкомстарис) и принятием постановления ЦИК и СНК Туркреспублики о взятии на государственный учет наиболее ценных памятников Киргизии[43], начинается изучение древней истории края по данным археологии. В 20—30-е годы идет постепенное накопление материалов по различным периодам и проблемам древней и средневековой истории, главным образом, в связи с прикладными задачами археологии (в геологии, в реставрации памятников архитектуры и изучении производительных сил республики). В результате вышла серия работ по истории горного дела Средней Азии в средние века[44], истории архитектуры и искусства[45], эпиграфике и нумизматике[46], появились первые научные публикации разновременных археологических памятников Северной Киргизии[47].

Археологическим изучением Иссык-Кульской котловины занимался П. П. Иванов; в составленной им археологической кар-

те нашли отражение и подводные развалины. Интересные сведения приводятся им по истории XVI—XVIII вв.[48].

Плодотворные археологические работы в начале 30-х годов проводились в Ферганской долине. С именами Б. А. Латынина и Т. Г. Оболдуевой связаны открытие и изучение ферганских подбойно-катакомбных курганов, ранняя периодизация истории Ферганы[49]. Вместе с работами М. В. Воеводского и М. П. Грязнова в Северной Киргизии ими было положено начало научным раскопкам среднеазиатских курганов[50].

С середины 30-х годов начинается следующий важный этап в развитии советской исторической науки. Он ознаменован рядом мер, направленных на перестройку исторической науки на новом этапе жизни советского общества. С организацией Комитета наук при СНК Киргизской ССР (1937 г.) научные исследования в области истории и археологии приобретают плановый характер.

В 1943 г. был образован Киргизский филиал АН СССР, в котором плодотворно работают эвакуированные из центра ученые, идет активная подготовка местных кадров. К концу Великой Отечественной войны возрастает масштаб археологических исследований. В научно-организационном отношении этот этап завершился созданием Института истории в системе АН Киргизской ССР (1954 г.).

Развитие киргизской советской историографии в этот период сопровождалось организацией планомерных исследований как в области истории, так собственно археологии, этнографии, источниковедения, нумизматики, с привлечением ученых головных институтов Москвы и Ленинграда (А. П. Окладников, М. П. Грязнов, Л. Н. Бернштам, В. А. Ромодин). Идет интенсивное накопление фактического материала по всем периодам истории Киргизии.

Развернувшаяся в первые годы Советской власти дискуссия о наличии рабовладения на Востоке и его специфике привела к утверждению в советской науке положения о существовании рабовладельческого способа производства не только в Греции и Риме, но и в обществах древнего Востока[51].

С конца 40-х годов проходила дискуссия о периодизации отечественной истории, которая положила начало пересмотру многих узловых проблем средневековья, в частности, о времени и особенностях общественных формаций на Востоке (феодализма и капитализма), о развитии среднеазиатского города, специфике скотоводческих обществ. Важную роль в дальнейшем изучении вопросов социальной организации кочевников сыграли исследования С. П. Толстова и Б. Я. Владимирцова; по проблемам истории феодальных отношений в Средней Азии успешно работают И. П. Петрушевский, А. Ю. Якубовский, А. М. Беленицкий, М. Е. Массон и другие ученые. Внимание археологов было акцентировано на поиски памятников, характеризующих дофеодальные формации, а также на выявление различных стадий развития феодального го-

рода Средней Азии. Для истории Киргизии важны такие рассматриваемые ими вопросы, как оседание кочевников, развитие феодальных институтов, торговли и денежного обращения в Средней Азии[52].

Проблема периодизации истории широко обсуждалась научной сессией, посвященной истории Средней Азии и Казахстана (Ташкент, 1954 г.). Новое осмысление исторического материала позволило установить хронологическую периодизацию наиболее крупных этапов в истории развития среднеазиатского общества. К середине 50-х годов в историографии Средней Азии утвердилось положение, что до Великого Октября на территории Казахстана и Киргизии существовали две основных социально-экономических формации — первобытнообщинный и феодальный строй, имевшие специфические черты.

Значительных успехов достигла археология Киргизии. С 1933 г. и до середины 50-х годов изучение памятников старины и искусства осуществлялось рядом крупных археологических экспедиций, организованных республиканским Комитетом наук и Ленинградским отделением Института истории материальной культуры при участии Государственного Эрмитажа. С 1937 г. обследование археологических и архитектурных памятников Киргизии проводила экспедиция Киргизского пединститута под руководством Б. М. Зима. По материалам экспедиции опубликован ряд работ, не утративших научной значимости и по сей день, хотя последующие исследования позволили уточнить и пересмотреть некоторые положения[53].

Под руководством известного советского археолога А. Н. Бернштама много лет работали отряды Семиреченской (1938—1940 гг.), Тяньшано-Алайской (1944—1947 гг.), Памиро-Ферганской (1950—1952 гг.) экспедиций, а также экспедиции археологического надзора на трассе Большого Чуйского канала (БЧК, 1941 г.)[54].

Работами вышеназванных экспедиций обследованы обширные районы Киргизии, открыты памятники, относящиеся к различным эпохам — от пещерных стоянок первобытного человека (Охна, Чатыр-Куль, Хайдаркан) и погребений эпохи бронзы (Арпа) до киргизских мазаров и крепостей на Тянь-Шане и Памире. Итоги работы Семиреченской экспедиции позволили А. Н. Бернштаму наметить основные этапы развития культуры Северной Киргизии, дать историко-археологическую периодизацию всех областей Киргизии. Так, к началу 50-х годов в киргизской историографии появились конкретные материалы для характеристики первобытнообщинного строя. По данным археологии был сделан важный вывод, что в эпоху бронзы была заселена вся Северная Киргизия, включая Тянь-Шань, и культура бронзового века не была привнесена извне, хотя и слагалась под влиянием казахстанского очага бронзы[55]; был установлен факт существования в Восточной Фергане оседлых поселений уже на рубеже II—I тыс. до н. э. В 1950 г.

М. Э. Воронец открыл первое из них — Чустское поселение. Многолетними работами Ю. А. Заднепровского было открыто и обследовано еще несколько поселений древних земледельцев[56].

А. Н. Бернштам открыл культуру саков Тянь-Шаня, Семиречья и Памира, показал вклад ранних кочевников в историю искусства и военное дело Средней Азии. Совместно с М. П. Грязновым им впервые был обобщен историко-археологический материал по эпохе саков и усуней, и сформулированные положения определили все дальнейшее направление в изучении сако-усуньской проблемы[57]. К этим работам примыкают исследования курганных комплексов усуньского времени, открытых А. К. Кибировым в Чаткале (1950—1951 гг.)[58].

С именем А. Н. Бернштама связано дальнейшее изучение оседлых поселений, открытие памятников античности в Фергане и выявление тюрко-согдийских пластов на средневековых городищах Чуйской и Таласской долин. Он впервые обосновал проблему согдийской колонизации Семиречья, охарактеризовал основные очаги оседлой культуры (с выделением культурных комплексов по областям) и сделал вывод, что развитие городов Чуйской и Ферганской долин шло в общем русле градостроительства в Мавераннахре. Впервые были выявлены памятники буддийской культуры на территории Северной Киргизии, рассмотрены этнокультурные взаимосвязи в эпоху тюркских каганатов.

Исследованиями А. Н. Бернштама расширен ареал распространения древнетюркской письменности вплоть до Ферганы[59], прочитаны надписи на керамике с городищ Северной Киргизии, уточненные специальными исследованиями тюркологов и иранистов (С. Е. Малов, С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц).

Таким образом, конец 30— начало 50-х годов вошли в киргизскую историографию как годы интенсивных и разносторонних исследований, особенно в области древней и средневековой истории. Были поставлены новые проблемы древней истории (родового строя), специфики кочевой системы скотоводческого хозяйства в эпоху бронзы; определена социально-экономическая структура общества этого периода, непрерывность развития культуры ранних кочевников.

В своих этногенетических построениях формирования киргизского народа А. Н. Бернштам как бы объединяет ранее существовавшие гипотезы, видоизменяя их добавлением нескольких этапов перемещения древних племен Центральной Азии на Тянь-Шань: в составе гуннов (47 г. до н. э.), в период тюркских каганатов (VI—X вв.). Но численность киргизских племен на территории Тянь-Шаня даже во времена монгольского завоевания, по его мнению, все же не была достаточной для образования здесь киргизской народности, завершение сложения которой он связывал с переселением новых племен в монгольский период[60].

Несмотря на широкий размах исторических исследований, целый ряд проблем древней и средневековой истории Киргизстана

оставался малоизученным и спорным, что особенно относилось к проблеме происхождения киргизского народа. Учитывая это положение, правительство республики совместно с Президиумом АН СССР организовали Киргизскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию (1953—1955 гг.) под руководством Г. Ф. Дебеца. Ее основной задачей явился сбор материала по изучению этногенеза киргизского народа и его культуры.

Под руководством А. П. Окладникова проводились археологические исследования. С его именем связаны первые специальные маршруты в поисках памятников каменного века Северной Киргизии. Экспедицией обнаружена и изучена большая серия памятников каменного века, пещерных стоянок и памятников эпохи бронзы на Тянь-Шане, в Иссык-Кульской котловине, Чуйской долине[61]. Вместе с интереснейшими его открытиями в других республиках Средней Азии (знаменитой пещеры Тешик-Таш в Узбекистане, гиссарской культуры каменного века в Таджикистане) появились возможности для обобщения материала по древнейшей истории региона, связям с культурами Переднего Востока.

Киргизской археолого-этнографической экспедицией были проведены широкие археологические исследования и на ряде средневековых поселений в разных областях Киргизии: Чуйской долине (Л. Р. Кызласов, Л. П. Зяблин, П. Н. Кожемяко, В. И. Распопова), Южной Киргизии (Н. Н. Забелина, Ю. А. Заднепровский), Сусамыре и Чаткале (А. К. Кибиров, П. Н. Кожемяко)[62]. В результате в научный оборот введен материал, расширяющий и дополняющий изучение средневековой культуры Киргизии.

Особый интерес представляет обобщение краниологических материалов из раскопок курганных памятников кочевого и некрополей оседлого населения на территории Киргизии (Г. Ф. Дебец, Н. Н. Миклашевская, В. В. Гинзбург и В. Я. Зезенкова) и Минусинской котловины (В. П. Алексеев) для сопоставления их при решении проблем этнической истории киргизского народа. Результаты палеоантропологических исследований КАЭЭ были доложены на специальной сессии по этногенезу киргизов (Фрунзе, 1956 г.)[63].

В конце 30-х годов к теме Кокандского ханства и истории его взаимоотношений с соседними народами обращается П. П. Иванов. В его статье «Казахи и Кокандское ханство»[64] и позднее в монографии, вышедшей в 1958 г., ставится вопрос и о взаимоотношении киргизов с Кокандским ханством.

В 40—50-х годах выходит в свет ряд работ по вопросам политической истории и социально-экономических отношений у киргизов в XVIII—XIX вв. (С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов, А. Н. Бернштам, С. И. Ильясов)[65], появляются статьи по истории Кокандского ханства (Р. Н. Набиев, В. А. Ромодин, А. Урунбаев, А. Мухтаров)[66]. А. Л. Троицкой обнаружен архив кокандских ханов, по материалам которого публикуются ее первые статьи[67].

Шел ускоренный процесс накопления источников и введения их в научный оборот.

Важное значение для определения общественного строя Киргизии в XVIII—XIX вв., характеристики патриархально-феодальных отношений имела Ташкентская объединенная научная сессия 1954 г. Ее участники отвергли теорию особого пути развития кочевых народов и пришли к заключению, что при всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов сущность этих отношений была феодальной; как и у оседло-земледельческих народов, в их основе лежала феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты[68].

Развитие киргизской советской историографии в рассматриваемый период завершилось подготовкой первого коллективного сводного труда. В 1956 г. вышла в свет «История Киргизии», в которой дана новая периодизация истории. Однако средневековый период еще оставался наименее изученным, изложение четырехсотлетней истории Киргизстана (XV—XVIII вв.) заняло всего несколько страниц. Внимание исследователей привлекали лишь две проблемы этого периода: этногенез киргизского народа и киргизы в составе Кокандского ханства.

Новые перспективы развития советской исторической науки раскрылись после XXIII съезда КПСС. Принятое постановление партии «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (август 1967 г.) имело огромное значение для развития исторической науки в Киргизии. В 1967—1968 гг. вышло третье издание «Истории Киргизской ССР». Исторические исследования приобретают преимущественно монографический и коллективный характер, расширяется их проблематика. Киргизская историческая наука начала выходить на путь решения важных исторических проблем.

Дальнейшая разработка вопросов, касавшихся социально-экономических формаций древнейших обществ, была самым непосредственным образом связана с последующим развитием археологических исследований в различных регионах республики. Киргизской археологической экспедицией изучались разнотипные памятники древности и средневековья в зонах строительства крупных водохранилищ (Кампыр-Раватского, Кировского, Тонского) и Токтогульской ГЭС (Кетмень-Тюбинская котловина). На некоторых городищах Чуйской долины, Иссык-Кульской котловины и районов Ошской области велись стационарные раскопки.

В процессе археологических и археографических (1976—1984 гг.) исследований в республике были найдены разного рода надписи на керамике, камнях, скалах, старинные рукописи. В их дешифровке и публикации за последние 25 лет наметился существенный сдвиг. Результаты этих работ обобщены в специальных публикациях и сборниках, а также в отдельных монографиях[69].

По материалам ранее собранных извлечений из арабо- и персоязычных письменных источников Институтом востоковедения АН СССР по инициативе АН Киргизской ССР опубликованы «Материалы по истории киргизов и Киргизии» (вып. I. Л., 1973); подготовлены к изданию второй выпуск материалов и коллективная монография «Источниковедение древней и средневековой истории Киргизии» в содружестве с учеными Москвы и Ленинграда.

В целом историко-археологические исследования в республике позволили наметить пути разработок проблем древнейшего прошлого и основных этапов средневековой истории Киргизстана.

Древнейшая история Киргизии

Одной из важнейших остается проблема первобытнообщинных отношений и древнейших стадий культурного развития человечества. Решение этих вопросов возможно лишь на массовом археологическом материале, на основе изучения орудий труда древних людей. «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»[70],— писал К. Маркс.

Углубленное изучение древнейшей истории Киргизии началось в республике лишь в 50-х годах, хотя первые находки каменных орудий труда относятся к 40-м годам.

Работы палеолитического отряда под руководством А. П. Окладникова показали перспективность поисков памятников каменного века в Киргизии. Следы обитания человека в эпоху камня выявлены на юге Киргизии П. Т. Коноплей, В. А. Рановым, С. А. Несмеяновым, Ю. А. Заднепровским. С 1967 г. над изучением памятников каменного века работает М. Б. Юнусалиев. Масштабные поисковые маршруты археологов увенчались открытием местонахождений и стоянок мустьерской эпохи, мезолита и неолита[71]. Итоги изучения проблемы древнейшей истории человечества на территории Киргизии изложены в обобщающих статьях А. П. Окладникова и В. А. Ранова[72]. В настоящее время выделены основные периоды истории первобытного общества Средней Азии, которые совпадают с археологической периодизацией палеолита в целом[73].

Открытые новые памятники мезолита (Аши-Куль, Обишир I—V, Таш-Кумыр) отнесены исследователями к ферганскому центру мезолитической культуры Средней Азии, которая в это время представляла собой пеструю картину сосуществования различных племенных групп с характерными для них особенностями в индустрии, хозяйстве и культуре в целом[74].

Вместе с тем отмечается отсутствие археологического материала по эпохе позднего палеолита и неолита. Предстоит дальнейшее изучение всей территории Киргизии для исследования вопросов палеоэтногенеза, выяснения взаимоотношений равнинных и горных культур, происхождения и конкретных проявлений ранних форм земледелия и скотоводства, зарождения первобытной

идеологии и других актуальных тем древней истории Киргизии.

О новом этапе развития человечества — эпохе бронзы — ученые располагают более обширными сведениями по сравнению с каменным веком. По данным археологии прослежены пути исторического развития племен, формирования их хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры.

Большое значение для изучения проблемы имели Первое и Второе совещания археологов и этнографов (1955, 1959 гг.), Пятое совещание археологов Средней Азии и Казахстана (1968 г.), на которых был обобщен огромный материал по древнейшему периоду истории региона, рассматривались вопросы периодизации андроновской исторической общности, ее культуры и, в частности, особенности семиреченского ее варианта применительно к Киргизии[75].

В 50—60-х годах публикуется серия статей, в которых обобщается материал по находкам бронзовых изделий с освещением вопросов скотоводческого хозяйства и идеологии; проводятся первые раскопки погребений в долинах рек Чу и Талас[76].

Вопросам древнейшего металлургического производства посвящает ряд работ Е. Е. Кузьмина[77]. Итоги изучения андроновской культуры Киргизии рассматриваются в обобщающем труде «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (1966 г.). С этого же времени ведутся широкие раскопки могильников и поселений эпохи бронзы в Кетмень-Тюбе. Обширный материал позволил выявить локальные особенности андроновской культуры этой долины[78]. В последние годы возобновлены исследования в долине р. Арпа на Центральном Тянь-Шане (Н. Г. Галочкина); продолжается изучение хозяйства, горного дела, металлургического производства и домашних промыслов в древнейший период истории Киргизии (И. Кожомбердиев, Д. Ф. Винник, Е. Е. Кузьмина, В. Т. Сургай, А. Д. Дегтярева).

В результате археологических исследований установлено, что в эпоху бронзы была заселена вся территория Киргизии; намечены хронологические рамки и основные этапы развития племен степной бронзы, близких по своей материальной и духовной культуре племенам Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана на разных этапах развития. Однако изучение истории и культуры Киргизии в эпоху бронзы еще только началось; малоисследованными остаются ранние этапы эпохи бронзы; неизвестны и ранние памятники пастушеского населения[79].

Значительно больше удалось сделать в исследовании земледельческой чустской культуры позднебронзового века восточной части Ферганы. Планомерное изучение памятников этой эпохи продолжено Ю. А. Заднепровским (1950—1982 гг.). Опыт систематизации и обобщения всего материала, накопленного за три десятилетия изучения чустской культуры, содержится в его докторской диссертации и в ряде статей[80]. В них нашли отражение уточненная хронология древнейших поселений Киргизии, особенности хозяйства, общественного строя. Автору удалось установить, что чустская культура Южной Киргизии представляет не изолированное явление, а закономерное звено в серии культур Среднеазиатского междуречья конца II тысячелетия — первой четверти I тысячелетия до н. э.

Специальное отражение в историографии этого периода получают наскальные рисунки урочища Саймалы-Таш. После обстоятельной работы А. Н. Бернштама (1952 г.), определившего значимость и место Саймалы-Таша в развитии первобытного искусства Средней Азии, изучением этой наскальной галереи занимались Ю. Н. Голендухин, Г. А. Помаскина, Я. А. Шер. Последний особое внимание обратил на методологическую сторону и интерпретацию ряда сюжетов как исторических источников по изобразительному искусству, хозяйству и идеологии древнейших обитателей юга Киргизии[81].

Большое место в трудах советских и зарубежных исследователей занимают вопросы палеоэтногенеза. В 1977 г. в Душанбе состоялся Международный симпозиум по вопросам этнической истории Центральной Азии во II тысячелетии до новой эры. Участники симпозиума пришли к выводу, что этнические процессы в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа имели не локальный, а поистине глобальный (в масштабах тогдашней ойкумены) характер. Именно в это время возник этнический субстрат многих народов Средней Азии, Ближнего и Дальнего Востока[82].

Для историографии Киргизии, несмотря на введение в научный оборот данных о материальной культуре, погребальном обряде, кладах бронзовых изделий, все еще ощущается отсутствие суммарной характеристики древних племен Северной Киргизии в эпоху бронзы в рамках единого ареала андроновской культурно-исторической общности.

Древние кочевники Тянь-Шаня, Алая и Ферганы

Территория Киргизии на протяжении более трех тысячелетий была связана с кочевым миром Центральной Азии. Ее история отражает закономерность, сформулированную К. Марксом: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[83].

Важным событием древней истории явилось сложение раннеклассовых обществ. Оно сопровождалось рядом кардинальных изменений в хозяйственной жизни, экономике, коренной ломкой всего быта, установлением новых форм традиционной массовой культуры, усилением процессов этнической, культурной и политической консолидации.

Советскими историками и археологами проделана большая работа в изучении проблем скифо-сарматского, юечжийского, усуньского, гуннского периодов, получивших в научной литературе оп-

ределение эпохи ранних кочевников Евразийской полосы степей.

Большой и интересный материал введен многолетними исследованиями Ю. Д. Баруздина (1957—1962 гг.) на Кара-Булакском могильнике с уникальными мумифицированными захоронениями рубежа и середины I тысячелетия н. э.[84].

В 60—70-х годах изучаются археологические памятники ранних кочевников в долине р. Талас (А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин), продолжаются раскопки могильника Кенкол и других анадогичных курганных захоронений, начатых А. Н. Бернштамом (И. К. Кожомбердиев). Серия курганов была раскопана в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине (Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин); в эти же годы открыты поселения усуней (А. К. Абетеков)[85]. Большой вклад в разработку проблемы вносят работы Н. Г. Горбуновой по Ферганскому региону[86].

В зоне строительства Токтогульской ГЭС проводились многолетние раскопки памятников Кетмень-Тюбинской котловины (И. К. Кожомбердиев). Основную массу раскопанных памятников составляли курганы саков и племен, оставивших захоронения в катакомбах. Итоги изучения подведены в сборнике статей «Кетмень-Тюбе». Особо выделяется гуннско-усуньский период (I—V вв. н. э.) в истории сложения крупных кочевых объединений и интенсивных передвижений племен[87].

Вопросы этнической атрибуции ранних кочевников Тянь-Шаня и Ферганы поднимает Ю. А. Заднепровский. Так, грунтовые могильники, ранее сопоставляемые с усуньскими, им отнесены к тем поздним сакам, которые вошли в состав усуньского племенного союза. Могильники с захоронениями в подбоях и катакомбах, появившиеся повсеместно в Средней Азии со II в. до н. э., рассматриваются как свидетельство передвижения и расселения юечжей и усуней[88]. Однако мнение Ю. А. Заднепровского о том, что группа могильников Киргизии с подбойными захоронениями имеет сходство с северо-бактрийскими (юечжийскими), не является бесспорным[89].

В изучении проблемы большое значение имели работы, вышедшие не только в Киргизии, но и в других республиках. Вклад советских и зарубежных исследователей в сако-усуньскую проблему подробно изложен в специальных обзорах Б. А. Литвинского, А. М. Мандельштама, К. А. Акишева[90] и других.

Работы казахских ученых в области истории и культуры ранних кочевников долины р. Или и районов Центрального Казахстана показали, что саки и усуни не были «чистыми» кочевниками. Многообразный материал для характеристики социально-экономического строя и искусства среднеазиатских скифов дает курган Иссык (входящий в семиреченский регион расселения саков) и другие раннекочевнические комплексы находок на территории Казахстана[91].

Открытия в Туве и Монголии неизвестных прежде памятников раннескифского времени, в частности, царского кургана Аржан (М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-Оол) и могильников VIII—VII вв. до н. э., дали новые материалы для характеристики хозяйства, социального строя, идеологии и искусства древних кочевников Центральной Азии, позволили пересмотреть некоторые историко-культурные явления и хронологию скифского общества (А. Д. Грач).

В ходе открытий последнего десятилетия вырисовываются контуры древнейшего («протосакского»?) периода, когда отмечается отчетливая трансформация культур степных скотоводов бронзового века в культуры ранних кочевников (В. М. Массон); имеются все основания говорить о едином процессе развития скифо-сибирских культур, интеграция которых приводит к культурной общности в степях Евразии[92].

Итоги научных исследований о ранних кочевниках послужили основой для изучения истории и культуры населения Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы в середине I тысячелетия до н. э. — первых веках н. э.

Несмотря на обширную литературу вопроса, многие проблемы истории древних кочевых обществ на территории современной Киргизии остаются еще малоисследованными и дискуссионными. Нет устоявшейся точки зрения о локализации сакских племен, упоминаемых в античных, вавилонских и древнеперсидских источниках[93]. Еще в прошлом столетии была выдвинута гипотеза о расселении в районе Тянь-Шаня и Семиречья саков-тиграхауда; для территории Ферганы одни исследователи вопрос об обитании здесь саков оставляют открытым, другие считают, что здесь могли обитать различные группы сакского населения: кочевники, полукочевники и оседлые жители, входившие в обширную конфедерацию саков-хаомаварга или «саков, которые за Согдом»[94].

Нерешенными до настоящего времени остаются вопросы о времени и масштабах передвижения усуней, юечжей и гуннов, внесших существенные изменения в этнический состав местного населения[95]. Особого внимания заслуживает проблема Кангюя, ибо история этого могущественного полукочевого политического объединения в свете новейших данных неразрывно связана с территорией Киргизии. Большинство исследователей считают, что основные владения Кангюя простирались по Нижней и Средней Сыр-Дарье[96], а Чу-Таласское междуречье составляло северо-восточную его периферию.

Кочевники средневековья. Древнетюркские государства

Не менее сложна и многогранна проблема кочевников средневековья. Советскими историками рассматриваются, прежде всего, вопросы их расселения, сложения древнетюркской государственности, языка и письменности, культуры и идеологии, взаимоотношений с оседлыми народами и племенами.

Особо важное значение имеет изучение проблем феодализма, его генезиса и развития в оседлых и кочевых зонах, характера социально-экономических отношений. «Приобретая новые произ-

водительные силы,— писал К. Маркс,— люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения»[97]. В полной мере это относится к эпохе раннего средневековья.

В истории кочевников средневековья исследователи отмечают два больших этапа: первый начинается со времени Великого переселения народов и продолжается до распада тюркских каганатов (IV—IX вв.); второй этап знаменуется образованием и расцветом полукочевых империй Сельджуков и Караханидов (для территории Средней Азии и Казахстана) до господства монголов в степях Евразии в эпоху развитого средневековья (X—XIV вв.). Для Киргизии характерен общий для всех кочевников путь развития «от кочевий к городам»[98].

Комплексное изучение проблем кочевничества и генезиса феодализма в Средней Азии связано с советской историографией. Уже с конца 50-х годов появляется серия монографических исследований по истории кочевых объединений и государств, в той или иной мере касающихся территории Киргизии и сопредельных районов, основанных на письменных источниках (С. Г. Агаджанов, Б. Г. Гафуров, Л. Н. Гумилев, А. М. Мандельштам, Б. Е. Кумеков). Значительные успехи достигнуты в изучении политической и этнической истории, общественной организации древнетюркских государств, культуры и быта кочевников по данным археологии, филологии и фольклора (А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, С. Г. Кляшторный, С. Е. Малов, Л. Р. Кызласов, Д. Д. Васильев, И. А. Батманов); огромный материал о кочевниках позднего средневековья обобщен историко-этнографическими исследованиями (С. И. Руденко, Т. А. Жданко, Г. А. Федоров-Давыдов и др.).

Большой вклад в историографию проблемы внесли труды зарубежных востоковедов: Дж. Клосона, Г. Моравчика, Ю. Немета, А. фон Габэн, К. Еноки, Г. Бэйли, И. Харматта, О. Прицака, Э. Шефера и других, использовавших в своих работах письменные памятники, тюрко-согдийские монеты, лингвистические и другие источники по истории Средней и Центральной Азии.

Крупным вкладом в историографию Киргизстана явилось открытие новых памятников древнетюркской эпиграфики (Таласская долина) и рунических текстов на керамике (Ферганская долина), тюргешских монет с тамгами и согдийскими легендами, прочитанными И. А. Батмановым, О. И. Смирновой, А. М. Щербаком, Дж. Клосоном, В. А. Лившицем[99].

За последние два десятилетия достигнуты определенные успехи в археологическом изучении кочевников как в Центральной Азии и Южной Сибири (Тюркского и Кыргызского каганатов), так и на Тянь-Шане (Западнотюркского, Тюргешского каганатов и государства карлуков). Интересные данные получены при изучении разного рода памятников — каменных изваяний, эпиграфики, курганных захоронений на Тянь-Шане, в Чуйской и Таласской долинах и Иссык-Кульской котловине (Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин, Я. А. Шер)[100]. Каменным изваяниям Семиречья как историческим источникам по проблеме культуры, идеологии, искусства и палеоэтнографии посвящают работы Я. А. Шер и В. П. Мокрынин. На основе анализа скульптуры и культов древних тюрков делается, в частности, вывод об этногенетическом родстве древнетюркских и собственно киргизских идеологических представлений[101]. Исследование тюркских памятников Семиречья позволило выдвинуть гипотезу об алтайско-орхонском компоненте в этногенезе народов Семиречья[102].

Важное значение для освещения проблем истории средневековых кочевников Киргизии и сопредельных областей Средней Азии имеют работы С. Г. Кляшторного. Используя древнетюркскую эпиграфику и другие материалы, он исследует широкий круг проблем политической, социальной и культурной истории тюркских каганатов, их взаимоотношения с согдийцами и другими народами и племенами Средней и Центральной Азии. С. Г. Кляшторный рассматривает согдийские города Семиречья как территориальные федерации в системе каганата. Ценные заключения сделаны им по вопросу возникновения и развития древнетюркской письменности, религиозных культов, погребальной обрядности, храмовой архитектуры[103].

В 1976 г. в Алма-Ате состоялась Всесоюзная тюркологическая конференция[104]. В докладах и выступлениях ее участников рассмотрен целый ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение и к средневековой истории и культуре Киргизии. В них, в частности, отмечено преобладающее воздействие среднеазиатских цивилизаций на культуру древнетюркских каганатов, выдвинута новая гипотеза о происхождении древнетюркской письменности, в основу которой легло согдийское письмо (В. А. Лившиц).

В последние годы вышли в свет отдельные исследования по социально-экономической истории Киргизии периода раннего феодализма. Издана монография К. И. Петрова, в которой освещаются вопросы взаимодействия кочевого (полукочевого) скотоводческого и земледельческого хозяйств. В книге выдвинута гипотеза о пастбищах как о средстве труда в скотоводческом хозяйстве, прослеживается специфика средств производства и их влияние на структуру и застойный характер общества кочевников, территориальное упрочение собственности на пастбище в связи с массовым переходом скотоводов к оседлому образу жизни[105].

Вышеперечисленные работы далеко не исчерпывают проблем историографии древних тюрок Тянь-Шаня, истории и культуры кочевников эпохи раннего средневековья. Можно назвать ряд кардинальных вопросов, требующих своего решения, прежде всего, формирование и развитие на Тянь-Шане культурных общностей, выявление взаимоотношений кочевого и оседлого населения, специфики феодальной формации, политических и экономических связей с соседними государствами, и другие.

История и культура оседлого населения в пору античности и средневековья

Определенные успехи достигнуты в изучении истории и культуры оседлых земледельцев, городской цивилизации на территории Киргизии. Археологическое обследование районов Ошской области увенчалось открытием ряда поселений, относящихся к рабовладельческой эпохе. Полученные материалы дали возможность охарактеризовать быт, прикладное искусство, религиозные представления, культурно-экономические связи в пору рабовладельческих отношений в Фергане, выделить основные этапы развития ферганских городов и их культуры по материалам эталонных памятников: Эйлатанского (VII—IV вв. до н. э.), Шурабашатского (IV—I вв. до н. э.), Мархаматского (I—IV вв. н. э.), Гайраттепинского (V—VI вв.) периодов[106].

Большой фактический материал для характеристики исторической ситуации, динамики развития оседло-земледельческой культуры, специфики хозяйственно-производственной деятельности юго-западных районов Ферганы на протяжении тысячелетия (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.) содержат публикации Г. А. Брыкиной[107].

Советскими археологами исследуются также проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. Основные моменты ее отражены в работах советских и зарубежных исследователей (А. Н. Бернштам, Н. Г. Горбунова, Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон, К. В. Тревер, Э. Херцфельд, В. Тарн, Й. Маркварт, Ф. Альтхайм) и обобщены в специальных обзорах[108].

В свете новейших исследований становится очевидным, что значительный пласт населения Ферганы VII—II вв. до н. э. был сакским, а сама Фергана (Давань) во II в. до н. э. —III в. н. э. находилась в тесных экономических и культурных взаимоотношениях с Кангюем[109]. При этом отмечено, что с рубежа н. э. начинается передвижение согдийцев на территорию Ферганской долины[110]. В исследованиях Б. А. Литвинского рассмотрены вопросы этнической истории Ферганы в эпоху раннего средневековья. Используя имеющиеся источники, он делает вывод, что в V—VII вв. существовала ферганская народность, имевшая свой язык, который относился к восточноиранской группе языков. В VI—VIII вв. Фергана была включена в орбиту древнетюркских государственных образований[111].

Большое значение для изучения древней оседлой и кочевой цивилизации на территории Киргизии имели материалы XXV Международного конгресса востоковедов (М., 1960 г.), Международной конференции по кушанской проблеме (Душанбе, 1968 г.), Всесоюзные конференции по изучению античного города (М., 1973 г.) и культуры Средней Азии и Казахстана (Ташкент, 1979 г., Алма-Ата, 1981 г.), а также обобщающие исследования ведущих ученых в области среднеазиатской античности

(И. М. Дьяконов, Е. В. Зеймаль, Г. А. Кошеленко, В. Г. Луконин, Г. А. Пугаченкова, Б. Я. Ставиский, В. Б. Хеннинг, Дж. Маршал и другие).

За последние годы в научный оборот введен богатый материал, позволяющий выявить основные этапы развития кушанской цивилизации не только в центре государства, но и на его окраине, куда относится территория современной Киргизии. Находки кладов драгоценных украшений, художественной керамики и металла в катакомбных погребениях и на поселениях первых веков н. э. свидетельствуют о влиянии античных (кушанских) традиций на культурную жизнь кочевников Семиречья и Тянь-Шаня. Несмотря на значительные успехи археологии и источниковедения, еще остается много неясных вопросов, связанных с этнической историей, спецификой рабовладельческого уклада[112].

За последнее тридцатилетие неизмеримо возросло количество открытых памятников оседлого населения поры средневековья. Много было сделано и в исследовании добытых материалов в процессе раскопок. Большую работу по изучению процесса урбанизации в Чуйской и Таласской долинах проделал П. Н. Кожемяко. Археологические материалы с большой серии городищ позволили ему составить не только общее представление о генезисе оседло-земледельческой культуры на территории Северной Киргизии, но и выявить своеобразие градостроительства в Семиречье. П. Н. Кожемяко пришел к выводу, что оседлые поселения возникли здесь в процессе развития производительных сил древнего общества, а не в результате согдийской колонизации, хотя последняя оказала довольно существенное влияние на развитие городов. Полученный материал позволил сделать ряд важных выводов также по духовной и материальной культуре населения городов и селений Притяньшанья, социальной топографии, городскому хозяйству, внешним и внутренним экономическим связям[113].

В 60—70-е годы серия поселений выявлена и обследована в Центральном Тянь-Шане; более ста средневековых поселений, городищ и караван-сараев открыто в Иссык-Кульской котловине и Кетмень-Тюбинской долине, обследованы крепостные и культовые сооружения киргизов XVI—XIX вв. Комплекс специальных археологических исследований проведен на городищах Шельджи (Таласская долина), Сары-Булун (Иссык-Кульская котловина), в Чаткале в связи с изучением центров металлургического производства и истории горного дела в средние века[114].

Большой интерес представляют археологические исследования в Южной Киргизии, где выявлено и обследовано более 70 поселений, большинство из которых относится к периоду феодализма. Многолетние раскопки ведутся в юго-западной части Ошской области, где открыты значительные площади городской застройки на Кара-Булакском городище[115].

Важное значение для историографии раннесредневекового города и культуры Киргизстана имели рекомендации Всесоюзных совещаний, состоявшихся в г. Фрунзе (1970 г.) и Пенджикенте

(1977 г.), на которых были подведены итоги изучения раннесредневекового города и культуры Средней Азии и Казахстана, намечены дальнейшие перспективы изучения[116].

С 1977 г. ведутся стационарные археологические работы на городище Бурана в связи с открытием музея под открытым небом (Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин); Институтом истории АН Киргизской ССР и Институтом истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР развернуты исследования на Краснореченском городище (В. Д. Горячева, К. М. Байпаков). Результаты этих работ существенно дополняют имеющиеся сведения о топографии поселений, фортификации, архитектуре, идеологии и обрядности населения раннесредневекового города. В эти годы выявлены новые комплексы буддийской архитектуры и искусства VI—VIII вв., истоки которых уходят в бактрийско-тохаристанские пласты кушанской культуры[117].

Важным вкладом в изучение проблемы явилась коллективная монография ленинградских ученых по средневековому городу Средней Азии, в которой обобщены материалы археологических исследований на поселениях городского типа по регионам, в том числе Киргизии; в ней подняты многие вопросы социально-экономической истории, культуры, демографии, торговли и денежного обращения в раннефеодальных городах[118]. Для исторических обобщений большое значение имеет фактологическая база, созданная в ходе широкомасштабных раскопок раннесредневекового Пенджикента и других городов (А. М. Беленицкий, В. Л. Воронина, Б. И. Маршак, В. И. Распопова, О. И. Сухарева, В. А. Шишкин). Оседло-земледельческая культура Чуйской и Таласской долин получила отражение также в работах казахских ученых[119].

Все ярче проступают культурные связи раннесредневекового Киргизстана в свете новейших исследований. Проблема согдийской культуры, языка и письменности в городах Семиречья затрагивается в ряде работ В. А. Лившица, О. И. Смирновой, В. Б. Хеннинга, Э. Пуллейблэнка и других[120]. Арабской и сиро-тюркской эпиграфике Киргизии посвящают публикации Ч. Джумагулов и В. Н. Настич[121]; торговые и культурно-экономические связи раннесредневекового Киргизстана получили освещение в работах В. П. Мокрынина[122]. По данным археологии исследуется ирригация Восточной Ферганы и Семиречья (О. Береналиев)[123].

Определенные успехи достигнуты в изучении караханидского периода. Вопросам политической истории и социально-экономических отношений этого государства посвящает ряд статей и монографическое исследование О. Караев[124]. Общий очерк истории Караханидов существенно дополняется исследованиями историков-востоковедов и археологов, работающих в других республиках Средней Азии, Казахстане, Москве и Ленинграде (С. Г. Агаджанов, А. А. Валитова, С. Л. Волин, Е. А. Давидович, Ю. А. Зуев, Б. Е. Кумеков, О. Г. Большаков, С. Г. Кляшторный, И. В. Стеблева).

Большая заслуга в разработке проблем хозяйственной, социально-экономической и политической истории караханидского каганата по данным нумизматики принадлежит Е. А. Давидович. Ее исследования позволяют внести существенные коррективы в освещение исторического процесса на той огромной территории Средней Азии, которая входила в состав этого государства. В частности, ею по-новому осмыслен институт феодальных пожалований, денежного обращения, генеалогии и хронологии Караханидов. Большую работу по публикациям караханидских монет и на их основе — разработке вопросов истории династии восточных Караханидов провели М. Н. Федоров и Б. Д. Кочнев[125]. Определенный вклад в историографию караханидской и киданьской проблемы (применительно к истории Киргизии) вносят работы исследователей Центральной Азии (А. Г. Малявкин, Д. И. Тихонов, Г. Г. Пиков, В. С. Таскин, Е. И. Кычанов и др.).

Всестороннее освещение получают памятники зодчества караханидского периода. В связи с реставрацией проведены широкие раскопочные работы в местах их расположения. Некоторые вопросы культурной жизни городов, развития архитектуры и монументального искусства рассматриваются в тематических сборниках и монографии В. Д. Горячевой[126]. Большой вклад в разработку истории искусства дореволюционного Киргизстана, в основном, периода развитого средневековья, внесли исследования Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля, А. М. Прибытковой, В. Е. Нусова[127] и других историков искусства.

Изучение широкого круга памятников художественной культуры Средней Азии, в том числе Тянь-Шаня и Семиречья, привело исследователей к важному выводу, что искусство средневекового Киргизстана являлось неотъемлемой частью среднеазиатского искусства, но вместе с тем имело свою специфику в рамках Ферганской и Северо-Туркестанской средневековых школ зодчества[128].

Этногенез киргизского народа

Одной из важных проблем истории средневекового Киргизстана является вопрос о времени и путях формирования киргизской народности. Сложность заключается в том, что источниками засвидетельствовано существование двух общностей под названием «кыргыз» — в Южной Сибири и в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Важным этапом в изучении этногенеза киргизского народа явилось издание материалов и рекомендаций специальной научной сессии, состоявшейся в 1956 г. в г. Фрунзе[129]. Сессия дала возможность обменяться мнениями представителям различных областей науки, работавших в центральных научных учреждениях СССР, Киргизии и других братских республик, что обеспечило необходимую для решения проблемы этногенеза широту постановки вопроса. Итоги ее работы нашли отражение в заключении: «Киргизский народ и его культура сложились... в результате взаимодействия, по меньшей мере, двух этнических элементов: централь-

ноазиатского и местного — среднеазиатского. Один из важнейших «узловых» моментов этногенеза киргизского народа, ближайший по времени, связан с событиями первой половины второго тысячелетия нашей эры. В эту эпоху на территорию Киргизии проникает с Востока значительное большинство предков современных киргизов, говоривших на уже сложившемся киргизском языке... Начиная с указанной даты, которая должна быть еще уточнена в дальнейшем, киргизы становятся численно преобладающей группой населения на территории Киргизии, чего ни в коем случае нельзя сказать по отношению к более ранним эпохам...» [130].

Существенное значение для выводов сессии сыграли археологические и антропологические исследования, проведенные на большой серии памятников, которые продолжались и в последующее время. Большой вклад внесли исследования Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Миклашевской. По их палеоантропологическим данным, удельный вес монголоидного элемента в составе населения Киргизии в I тысячелетии н. э. был гораздо меньше, чем в настоящее время; резкое увеличение монголоидного элемента центральноазиатского происхождения наблюдается в первые века II тысячелетия[131]. Т. К. Ходжайов, исследовав серию черепов с могильников Иссык-Кульской котловины и Таласа (средневекового периода XI—XIV вв.) в сопоставлении с синхронными черепами из Чуйской долины, пришел к выводу, что средневековое население Киргизии по антропологическому составу было неоднородным. Если в одних районах уже сложился монголоидный тип, то в других преобладал еще европеоидный, восходящий, видимо, к сакскому и усуньскому населению Киргизии[132].

Вместе с тем в материальной культуре пришедших из Центральной Азии племен еще отсутствовали многие ее элементы, характерные для киргизского народа и сложившиеся в новых условиях его обитания.

По мнению В. П. Алексеева «краниологическое сопоставление «енисейских кыргызов» с современным киргизским населением затрудняется почти полным отсутствием материала». Следовательно, с дальнейшим его выводом об их генетическом родстве согласиться трудно. Он также считает, что нет оснований и для утверждения преобладающей роли енисейских кыргызов в отношении других групп антропологических типов Южной Сибири, где смены населения были так часты, а направления этнических миграций так разнообразны и нередко противоположны, как ни в одной другой области[133].

По данным языка Б. М. Юнусалиев делает вывод, что по ряду важнейших классификационных признаков киргизский язык наиболее близок к горно-алтайскому, причем языковая общность киргизов должна была сложиться за пределами территории их современного расселения и в относительно недавнее время. И. А. Батманов, исследуя лингвистические особенности тюркских языков, также

приходит к заключению об общности происхождения киргизского и горно-алтайского языков, непосредственно из одного ответвления языка-основы. Характерные признаки, повторяющиеся в этих языках, возникли в тот период, когда предки киргизов находились на Алтае и имели теснейшее соприкосновение с горно-алтайскими племенами[134].

С. М. Абрамзон выдвинул положение о том, что процесс формирования киргизских племен происходил главным образом на территории Притяньшанья, Алтая, Восточного Туркестана, Памиро-Алая и прилегавших областей на базе тюркоязычных племен, значительная часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи каганатов и государств VI—X вв. В процесс киргизского этногенеза включились и некоторые племена монгольского происхождения; состав формировавшейся здесь киргизской народности пополнился, с одной стороны, казахско-ногайскими элементами, а с другой — местными среднеазиатскими, в лице узбеков и отчасти таджиков[135].

По мнению К. И. Петрова, киргизская народность сформировалась на Тянь-Шане на основе трех главных этнических компонентов. Первый из них — это местное (преимущественно уйгурско-карлукское) население Тянь-Шаня. Вторым компонентом явились монгольские племена, прибывавшие на Тянь-Шань в XIII в. Третий компонент — племена верховий Енисейско-Иртышского междуречья, основное ядро которого составляли кыпчакско-кимакские племена верховий Оби—Северного Алтая, ассимилировавшие родоплеменные группы кыргызов. Перемещение алтайско-кыргызских племен на Тянь-Шань началось вскоре после монгольских завоеваний в государстве Хайду (в XIII—XIV вв.) и завершилось при распаде государства моголов (вторая половина XV в.). Сложение основного состава киргизской народности, по мнению К. И. Петрова, относится к началу XVI в. Этнической территорией явилась современная Киргизская ССР с некоторыми прилегавшими районами на северо-востоке[136].

Иного мнения о формировании киргизской народности придерживается О. Караев. Он исходит из ошибочной гипотезы В. В. Радлова об отождествлении тянь-шаньских киргизов с енисейскими, переселившимися на Тянь-Шань в IX—X вв. Сложение киргизской народности, по его мнению, происходило между XI — началом XVI в.[137].

Археологический материал из средневековых курганов позволил высказать предположение, что нет достаточных оснований связывать культуру кочевников Тянь-Шаня времен тюркских каганатов с населением Минусинской котловины. Выдвинута гипотеза об алтайско-орхонском компоненте в этногенезе народов Семиречья[138]. Для более полного освещения проблемы необходимо сосредоточить внимание на раскопках могильников древних кочевников и городских некрополей второй половины I и особенно начала II тысячелетий[139].

Таким образом, существуют следующие точки зрения по этнической истории и гипотезы происхождения киргизского народа: 1. Киргизы проживали исконно на Тянь-Шане до новой эры, и часть их некогда переселилась на Енисей (Ч. Валиханов, А. Х. Маргулан); 2. Киргизы проживали на Тянь-Шане до новой эры под именем усуней (Н. А. Аристов). 3. Часть киргизов переселилась в I в. до новой эры или на рубеже н. э. с Енисея на Тянь-Шань в составе гуннов и пополнилась оттуда дополнительными группами в последующее время (А. Н. Бернштам). 4. Киргизская народность формировалась на базе енисейских кыргызов, переселившихся на Тянь-Шань в IX—X вв. (В. В. Радлов, О. К. Караев). 5. Киргизы переселились на Тянь-Шань в период монгольского нашествия в XIII в. или несколько позднее (В. В. Бартольд, Г. Е. Грумм-Гржимайло).6. Формирование киргизской народности на Тянь-Шане на основе трех этнических компонентов (К. И. Петров). 7. Сложение киргизской народности происходило на Тянь-Шане при участии местного населения и центральноазиатских племен (Материалы сессии, 1956 г.).

Современное решение этногенеза киргизского народа сводится к следующему:

— процесс формирования киргизской народности как этнополитической общности протекал в основном на ныне занимаемой киргизским народом территории, уходит своими истоками в 2—3-тысячелетнюю давность и завершился к XVI в.;

— основу киргизской народности составили местные тюркоязычные племена, в состав которых влился центральноазиатский и южносибирский компонент; древний этноним «кыргыз», приобретший в средневековье широкое этнополитическое значение, закрепился за коренным населением Тянь-Шаня и сохранился в самоназвании народности и социалистической нации;

— енисейские кыргызы не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа, на их этнической основе сложилась хакасская народность (см. гл. VIII настоящего издания).

Такая трактовка столь сложной проблемы формирования киргизской народности вытекает из решения специальной научной сессии по этногенезу киргизского народа и базируется на фактах современной исторической науки.

Киргизия в позднее средневековье и кокандский период

В истории киргизского народа важную роль сыграли исторические события, связанные с Джунгарским и Кокандским ханствами. Этот период истории Киргизии изучен еще сравнительно слабо, хотя наметились существенные сдвиги. В последнее десятилетие по социально-экономическим вопросам истории данного периода опубликовано несколько статей и монография К. И. Петрова[140]. В них рассматриваются такие вопросы, как государственное устройство, хозяйство, производственные отношения, формы собственности. Однако эти проблемы еще не разработаны полностью и требуют дальнейших исследований.

Несколько полнее изучена политическая история позднесредневековой Киргизии. По этой теме опубликованы монографические исследования [141]. В работах О. Ф. Акимушкина, К. А. Пищулиной, В. П. Юдина рассматриваются внешнеполитические отношения Моголистана и родоплеменной состав его населения[142].

В монографическом труде И. Я. Златкина по истории Джунгарского ханства[143] затрагивается и история Киргизии второй половины XVII — середины XVIII в. В это время некоторые районы Киргизии находились под властью ойратских завоевателей. Историческая панорама международных отношений в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. показана в книге и в статьях Б. П. Гуревича[144]. Исследуя политику России, цинского Китая и Джунгарского ханства, их взаимоотношения с народами Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана в XVII—XIX вв., автор определяет в этих взаимоотношениях место киргизского народа, его борьбу за независимость, сложение предпосылок к вхождению в состав России. Исторические взаимоотношения киргизов с цинским Китаем рассмотрены и в коллективной монографии (под редакцией К. К. Каракеева)[145]. В ней приведены убедительные документальные свидетельства, которые показывают, что Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе Цинской империи. На их территории не было никаких цинских административных органов, а их население не терпело вмешательства в свои дела и давало должный отпор агрессии со стороны маньчжуро-китайских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана; киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний местного населения.

Отдельные вопросы политической истории Киргизии и киргизов XVIII — первой половины XIX в. затрагивают в своих работах В. А. Ромодин, А. А. Кондратьев, П. П. Иванов, Н. А. Халфин, Х. З. Зияев, Р. Н. Набиев, Б. И. Искандаров, А. Л. Троицкая[146].

Начиная с 60-х годов ведется интенсивное исследование различных аспектов истории взаимоотношений киргизов с Россией и Кокандским ханством. Трудами Б. Д. Джамгерчинова, К. У. Усенбаева, А. Х. Хасанова[147] был заложен прочный фундамент разработки политической и социально-экономической истории киргизов в так называемый кокандский период. Выявленные в последние годы новые архивные материалы позволили глубже разработать проблему становления киргизско-русских политических и экономических взаимоотношений, осветить цели киргизских посольств в Россию и ответных посольств из России в Киргизию в конце XVIII — начале XIX в.[148]. На новой, более расширенной документальной базе В. М. Плоских исследует проблемы политических, а также социально-экономических отношений киргизов с Кокандским ханством и соседними народами во второй половине

XVIII — 70-х годах XIX в.[149]. Проведенные исследования раскрывают исторические предпосылки устремлений киргизского народа добровольно войти в состав России.

Современная зарубежная историография, в какой-то мере затрагивающая вопросы истории Киргизии XVIII—XIX столетий, немногочисленна. Она включает работы М. Холдсворта, Р. Пирса, Р. Дора, которые оперируют обычно фактами, введенными в научный оборот еще в прошлом веке[150].

Если вопросы политической истории, социально-экономических отношений киргизского народа в позднее средневековье и кокандский период в определенной мере исследованы, то этого нельзя сказать в отношении культуры киргизского народа.

По истории культуры XVI — середины XIX в. не издано пока ни одной монографиц, хотя и проделана некоторая работа по изучению частных вопросов. Истоки традиционной материальной культуры киргизского народа (особенности кочевого жилища и его интерьера, декоративно-прикладное искусство и ковроделие, одежда и украшения) рассматриваются в работах С. М. Абрамзона, К. И. Антипиной, С. В. Иванова, Д. Уметалиевой[151]. В последние годы историки и археологи обратились также к исследованию архитектурных сооружений на территории Киргизии XVIII—XIX вв. — киргизских и кокандских крепостей[152].

В киргизской историографии по позднему средневековью значительное место занимает изучение киргизского фольклора, героического эпоса и, прежде всего, проблем манасоведения. После первых записей отдельных эпизодов эпоса «Манас» Ч. Ч. Валихановым (1856 г.), В. В. Радловым (1865 г.), Г. Алмаши (1911 г.) в советское время был издан ряд брошюр (1941—1944 гг.); по решению Всесоюзной конференции по эпосу «Манас», проведенной в 1952 г., были опубликованы на киргизском языке две книги «Манас» (1958, 1959 гг.), а также «Семетей» (1959 г.) и «Сейтек» (1960 г.). В настоящее время издано 4 тома из пятитомного академического издания эпоса «Манас» по вариантам, хранящимся в Институте языка и литературы АН Киргизской ССР (1978—1982 гг.).

Научные обобщения по киргизскому фольклору содержатся в работах В. М. Жирмунского, исследованиях филологов Б. М. Юнусалиева и М. Ауэзова[153], заслуживают внимания и работы английского ученого А. Хатто, посвященные киргизскому героическому эпосу и отдельно — эпосу «Семетей»[154]. Большое значение в изучении проблемы киргизского эпоса имеют монографии Р. З. Кыдырбаевой[155], Б. Керимжановой, а также других специалистов по эпосу — филологов и историков[156].

Героический эпос и народный фольклор рассматриваются в современной исторической науке как многогранный историко-этнографический источник, отражающий как политические события средневековья (времени формирования эпоса), так и различные

стороны культурной, бытовой и социальной жизни народа эпохи феодализма.

Большой интерес, но и особую сложность представляет исследование идеологических воззрений киргизского народа. Исследованию доисламских верований и религии у киргизов как пережитков прошлого посвящены работы З. Н. Ворожейкиной, Т. Д. Баялиевой, С. Мамбеталиевой[157].

Говоря о проблеме изучения духовной культуры киргизского народа в позднее средневековье, нельзя не отметить ряда работ лингвистов, содержащих ценные сведения по этимологии киргизских этнонимов, анализу в историко-культурном аспекте древних пластов племенных диалектов и говоров, языковых традиций и инноваций (К. К. Юдахин, Б. М. Юнусалиев, Г. Бакинова, Э. Абдуллаев, Б. О. Орузбаева).

Однако основная работа по изучению всех сторон материальной и духовной культуры киргизского народа с XVI в. до середины XIX в.[158] — дело предстоящего будущего. Намечено лишь общее направление исследований, которые предстоит широко развернуть не только историкам, этнографам, археологам, но и философам, фольклористам, литературоведам, музыковедам.

Одной из важнейших задач исторической науки Киргизии, в том числе историографии, остается непримиримая борьба с попытками буржуазных ревизионистов извратить историю народов нашей страны. Богатый исторический опыт киргизского народа опровергает тщетные попытки зарубежных фальсификаторов. Этот опыт свидетельствует о том, что прогресс во всех сферах жизни прежде отсталых народов может быть достигнут лишь на пути коммунистического созидания.

Даже краткий историографический обзор показывает, как велик размах исследований, проводимых по проблемам древнего, средневекового периода вплоть до середины XIX в. Работы советских ученых, в том числе и среднеазиатских, привели к важным заключениям и выводам. Впереди новые открытия, заполнение лакун в многовековой истории киргизского народа.

2. Источники

Использование письменных источников по древней и средневековой истории Киргизии имеет свои специфические особенности и трудности. Регион Тянь-Шаня являлся в те времена труднодоступным для информаторов из стран с развитой историографической литературой, а памятники собственной историографии здесь немногочисленны. Сведения письменных источников о Киргизии скудны и рассеяны в различных по языку сочинениях: древнеперсидских, латинских, китайских, согдийских, арабских, персидских, византийских, древнетюркских, среднеазиатских XIV—XIX вв., наконец, русских. Интерпретация даже отрывочных сведений, содержащихся в источниках, требует усилий многих специалистов.

Древнеперсидские, древнегреческие и древнеримские сочинения

Древнейшим письменным источником по истории Средней Азии является «Авеста» — священная книга зороастрийцев, восходящая к VI—IV вв. до н. э.[1] Ранние сведения по истории народов Средней Азии содержатся в древнеперсидских клинообразных надписях царя Дария I (522—486 гг. до н. э.), Накш-и-рустемской, Бехистунской и Персепольской. В первой при перечислении подчиненных стран и народов среди прочих называются три объединения сакских племен[2].

Более содержательна античная историография. Сведения о народах Средней Азии и Казахстана поступали в древнюю Грецию через Персию, а также через греческие колонии в Причерноморье.

Геродот (484—425 гг. до н. э.) «История»[3]. Сообщения о народах Средней Азии и Казахстана содержатся в четвертой книге о Скифии (20—27), где говорится о расселении кочевых племен от Дона до Притяньшанья и сообщаются некоторые их этнические имена.

Страбон (64 г. до н. э.— 24 г. н. э.) «Географические записки»[4]. Сведения о Средней Азии содержатся в пересказах сведений Геродота и других греческих авторов, сочинения которых не сохранились.

Гай Плиний Секунд (23—79 гг. н. э.) «Естественная история»[5]. Энциклопедия из 37 книг по различным отраслям знаний, в том числе исторической географии и этнографии. Интерес представляют перечисления (кн. 6) названий многих племен и народов на территории Средней Азии.

Клавдий Птолемей (90—160 гг. н. э.) «Географическое руководство»[6]. Труд пользовался большой популярностью и в средние века. Источниками послужили сочинения предшественников и новые официальные сведения, собиравшиеся административными лицами и учеными Римской империи. В сочинении Птолемея имеются этнонимы и топонимы, локализуемые обычно в юго-восточной части Средней Азии.

Византийские и латинские сочинения

В византийских историко-географических сочинениях раннего средневековья содержатся две группы сообщений, относящихся к Средней и Центральной Азии. Одна содержит этнографические сведения о гуннах, другая, более поздняя,— о тюркских племенах.

Аммиан Марцеллин (330 — ок. 400 г. н. э.). Используя сочинения предшественников и лично собранные им сведения, написал «Историю Рима»[7]. В его труде содержатся ранние сведения о хионитах (белых гуннах) Средней Азии и их взаимоотношениях с Персией. Чрезвычайно важны его этнографические описания гуннов и сведения о миграциях кочевников из Центральной Азии на Запад (кн. XXXI, 2, 18—20).

Приск Панийский. «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» (433—474 гг.). Два раздела дошли в сочинении XI в. императора Константина Багрянородного «Посольства ромеев к народам» и «Посольства народов к ромеям»[8]. Автор участвовал в посольствах византийцев к Аттиле — вождю гуннов, сообщает ценные историко-этнографические сведения о гуннах.

Прокопий Кесарийский (ок. 500 — после 565 г.) — автор «Истории войн римлян с персами, вандалами и готами»[9]. Источник содержит много ценных сообщений историко-этнографического характера о гуннах-эфталитах в Средней Азии накануне завоевания ее центральноазиатскими тюрками.

Менандр Византиец (Протектор) (сер. VI в.). Им написана «История», сохранившаяся неполностью (охватывает период 557—582 гг.)[10]. Автор был хорошо осведомлен о внешнеполитических сношениях Византии с тюркскими каганатами. Имеется описание византийского посольства Земарха (568 г.) к тюркскому кагану Дизабулу (Истеми), а также последующих взаимных посольств до 576 г. Весьма ценны сообщения об обычаях тюрков.

В византийских источниках содержатся отрывочные сведения о тюркских племенах и народах с IV в. до середины VII в., когда византийцы находились в тесных отношениях с отдельными тюркскими племенами[11].

Сирийские и армянские источники

Существенные сведения о западных тюрках содержатся в сочинениях на армянском и сирийском языках.

Сирийская хроника Иоанна Эфесского (507—586 гг.) охватывает события 572—585 гг. В ней имеются сведения о византийском посольстве Земарха к тюркскому кагану Истеми, дополняющие рассказ Менандра[12].

Политическая история западных тюрков частично освещена в книге армянского епископа Себеоса (VII в.)[13].

В «Истории агван» Моисея Каганкатваци (Дасхуранци) описываются события VI—X вв., содержатся сведения о взаимоотношениях Византии, Ирана и Тюркского каганата в начале VII в.[14].

Некоторые сведения о западнотюркских племенах встречаются в «Ашхарацуйц» — «Армянской географии», начиная с VII в.[15].

Китайские источники

Китайские исторические хроники имеют важное значение для изучения истории народов Центральной и Средней Азии. Все китайские исторические труды были созданы придворными историками и весьма тенденциозны по содержанию. Главной идеей, которой руководствовались китайские историографы, был концептуальный принцип абсолютного сюзеренитета «Сына Неба» (императора) и его права на власть во всей обитаемой Вселенной. Все не китайские племена и народы рассматривались как естественные подданные императора, к тому же не достойные того, чтобы считаться полноценными человеческими коллективами; по терминологии китайских историков, все не китайцы были «подобны зверям и птицам».

Однако реальные политические интересы заставляли китайских историографов с должным вниманием собирать информацию

о соседях, описывать и характеризовать их политические институты, нравы, обычаи, образ жизни, культуру.

В китайских хрониках содержатся разнообразные сведения по периодам правления отдельных династий. В каждой из этих историй есть сведения об иноземных странах и народах.

Для написания разделов о соседних народах использовались донесения и отчеты послов.

Первыми в ряду династийных историй стоят «Исторические записки» — «Ши цзи» Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.) [16]. Раздел «Жизнеописания, повествования» включает историко-этнографические сведения о Восточном Туркестане и Средней Азии. Главы истории «Повествование о сюнну» и «Повествование о Давани (Фергане)» имеют важное значение для изучения истории Центральной и Средней Азии во II в. до н. э. и методов ханьской экспансии в Средней Азии. В истории Сыма Цяня приведены сведения о гуннах, впервые упоминаются динлины и гяньгуни (кыргызы), юечжи и усуни.

Основу «Повествования о Давани» составляют сведения, собранные Чжан Цянем (II в. до н. э.). Он дважды побывал в «западных землях» с разведывательными целями, достиг Ферганы, был в Бактрии, Кангюе (в Западном Тянь-Шане) и по расспросным данным собрал сведения еще о других соседних государствах. Особое внимание Чжан Цянь обращал на хозяйство, обычаи местного населения, его вооружение и численность войск. В «Исторических записках» описан поход китайского генерала Ли Гуанли в Давань[17]. Собранные Чжан Цянем и другими китайскими послами сведения о народах Восточного Туркестана и Тянь-Шаня имеют большую ценность.

В I в. н. э. составлена «История Ранней династии Хань» («Хань шу») Бань Гу[18]. История содержит главы с описанием иноземных народов. В «Жизнеописании Чэнь Тана» изложены сведения о гуннском владении шаньюя Чжи-чжи на Северо-Западном Тянь-Шане. В хронике появляются сведения о путях из Китая в Среднюю Азию, о населении «Западного края» и его занятиях, городах и торговле. В «Истории Поздней династии Хань» («Хоу-хань шу») Фань Е (V в. н. э.) при описании «западных» стран повторяются сведения Бань Гу, хотя и появляются некоторые новые сообщения[19].

Возрождение Китая при династиях Суй (581—618 гг.) и Тан (618—907 гг.) совпало с началом междоусобных распрей в Тюркском каганате и распадом его на Восточный и Западный. Наиболее важными источниками этого периода являются «Старая хроника династии Тан», «Новая хроника династии Тан», «Записки о Западном крае при Великой Танской династии» Сюань Цзана[20]. Для источников этого периода, как и более ранних, характерна ярко выраженная тенденциозность.

«Старая хроника династии Тан» — «Цзю Тан шу» составлена комиссией историографов во главе с Лю Сюнем (941—945 гг.).

Во втором разделе в «Географических трактатах» содержатся сведения об экспансии империи в Восточном Туркестане и на Тянь-Шане. В главе, посвященной западным тюркам, изложена политическая история Западнотюркского каганата и тюргешей, а также приведены важные историко-этнографические сведения. Они включают этнонимику, состав и численность «десятистрельных тюрков» — „он ок", их расселение и передвижения[21].

«Синь Тан шу» («Новая хроника династии Тан») составлялась специальной комиссией в первой половине XI в.

В географические главы включено описание посольских маршрутов из недошедшего дорожника Цзя Даня (730—805 гг.). Пятый маршрут этого дорожника описывает путь из Турфана в Среднюю Азию через перевал Бедель, Центральный Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль, долины Чу, Таласа и далее[22].

«Да Тан Сиюй цзи» («Записки о Западном крае при Великой Танской династии»)[23]. Сочинение, написанное в 646 г., посвящено путешествию в 629—645 гг. паломника Сюань Цзана в Индию. В нем имеются описания 34 стран, в том числе городов Северного Тянь-Шаня. Сюань Цзан прошел через Суяб, Невакет, Талас, описав обычаи и занятия населения Тянь-Шаня.

Географические и этнографические представления дальневосточного мира о Центральной и Средней Азии расширяются в предмонгольское и монгольское время. В первой четверти XI в. северные земли Китая были захвачены киданями, а в XII в. — чжурчжэнями; монгольская династия Юань (1271—1368 гг.) в 1279 г. завоевала весь Китай.

«Ляо ши» — династийная хроника киданьского государства Ляо, составленная при монгольской династии Юань комиссией историографов (1345 г.). В разных разделах истории имеются сообщения о прибытии торговых и посольских миссий от ближайших соседей и с далекого Запада ко двору киданьских императоров. В «Основных записях» изложены события, связанные с уходом на запад части киданей во главе с Елюй Даши[24].

«Цзинь ши» (1344 г.) — династийная хроника чжурчжэньского государства Аньчун (Цзинь), составленная специальным ученым комитетом. В источнике сообщается, в частности, о приезде в 1175 г. на цзиньскую границу купцов из племени чигиль, жителей киданьской столицы Гуз-Ордо (Куз-Ордо)[25].

Обширные сведения о районах Семиречья и Средней Азии были получены благодаря путешествиям Чан-чуня и Угусунь Чжундуаня.

«Записки о путешествии на Запад праведника Чан-чуня» — «Чан-чунь чжэнь-жэнь Си-ю-цзи»[26] — наиболее ценный источник из существующих повествований о путешествиях по Центральной Азии во время похода Чингиз-хана. Чан-чунь совершил свое путешествие из Северного Китая в Среднюю Азию и обратно в 1220—1224 гг. «Си-ю цзи» представляет собой дневник путешествия, который вел на протяжении всего пути один из учени-

ков Чан-чуня Ли Чжичан. Сочинение отредактировано последним в 1228 г.

Маршрут путешествия проходил через долины Чу и Таласа. Источник свидетельствует о существовании не только скотоводства, но и земледелия у местных народов Тянь-Шаня.

Повествование «Бэй-ши цзи» — «Записки о посольстве на Север»[27] — рассказ Лю Ци о посольстве цзиньского посла Угусунь Чжундуаня к Чингиз-хану в 1221—1222 гг. В записках цзиньского посла все хорошо известные в те времена сведения опущены; меркитов, найманов, уйгуров, карлуков он только перечисляет. Среди северных племен упоминает кыргызов. В сочинении есть данные о населении Туркестана, хозяйстве, торговле, денежном обращении.

Сочинение «Си-ю лу» — «Описание путешествия на Запад» Елюй Чуцая. Автор, прямой потомок основателя киданьской династии Ляо, сопровождал Чингиз-хана в походе в Среднюю Азию (1219—1224 гг.). Елюй Чуцай, по-видимому, вел дневник, который был издан в 1229 г. «Си-ю лу» содержит краткое описание быта, нравов и обычаев народов, которые Елюй Чуцай наблюдал во время похода монгольских войск в Среднюю Азию. В сочинении, явно по политическим соображениям, умалчивается о тех больших разрушениях, которые были произведены завоевателями в Средней Азии[28].

Древнетюркские источники

Особую ценность представляют тексты, выполненные тюркскими авторами руническим, уйгурским и арабским письмом и происходящие из мест расселения тюркских племен в I тысячелетии н. э. Несмотря на отрывочность и неполноту сведений, древнетюркские источники дают более точное представление о социальных, этнических и культурных процессах в тюркском обществе, чем сведения, оставленные иноземными наблюдателями. Наиболее ценные древнетюркские тексты были найдены на территории Монголии. Важное источниковедческое значение имеют памятники, открытые на Енисее и Таласе.

Обнаруженные в разные годы на территории Монголии памятники в честь Кюль-тегина (732 г.), Бильге-кагана (735 г.), Тоньюкука (около 716 г.), Онгинская надпись (731 г.) и другие, нашли источниковедческое толкование в работе С. Г. Кляшторного[29].

Помимо сведений, касающихся сугубо Восточного тюркского каганата, в надписях Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука содержатся отдельные факты из истории западных тюрок в Средней Азии. В легендарно-эпической форме повествуется о «первопредке» западнотюркских каганов Истеми и его походах, о причинах упадка каганата, названы некоторые среднеазиатские топонимы. Наиболее важными для истории Средней Азии являются упоминания о народе «десяти стрел», тюргешах, карлуках, кенгересах, согдийцах Семиречья.

Терхинская надпись (756 г.) была найдена советскими и монгольскими учеными в 1969—1970 гг.[30]. Для истории Киргизии надпись важна тем, что датирует гораздо более ранним, чем это принято, временем переселение карлуков в Семиречье. Кроме того, впервые в древнетюркской рунике упомянут этноним «ягма». Ягма, согласно более поздним арабо-персидским источникам, играли заметную роль в карлукском и караханидском государствах. Первые енисейские рунические памятники были открыты еще в 1721—1722 гг. данцигским ученым Д. Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и сопровождавшим его пленным шведским офицером Ф. И. Таббертом (Страленбергом)[31]. Последующие их открытия связаны с деятельностью русских и советских ученых. В енисейских текстах есть лишь два свидетельства о западных тюрках. В одной эпитафии (по нумерации С. Е. Малова № 37) повествуется о тюргешском беге, умершем в земле кыргызов. В другой (№ 30) — оплакивается знатный кыргыз, ушедший послом к тюргешскому Кара-хану и не вернувшийся обратно. По мнению С. Г. Кляшторного, эти события относятся к 744 и 756 гг.[32]

В настоящее время известно 11 небольших эпитафийных рунических текстов, найденных в окрестностях Таласа. Палеографически они тождественны[33]. Таласские эпитафии относятся ко времени правления тюргешских каганов из «черных родов» — Сулука Чабыш-чора и его сына (716—740 гг.). Эпитафии свидетельствуют, что в Таласе правила местная племенная династия кара-тюргешей, скорей всего, близких родственников (младшая ветвь?) династии, основанной Сулуком[34].

Известно несколько текстов манихейского и буддийского содержания, имеющих ценные свидетельства о культурной жизни Западного Тянь-Шаня и его исторической географии. Они написаны уйгурской графикой.

«Ики ыылтыз ном» («Священная книга двух основ») — манихейское сочинение, сохранившееся в фрагментах древнеуйгурских рукописей, вывезенных А. фон Лекоком в 1904—1907 гг. из Турфанского оазиса. В колофоне рукописи упомянуты ряд городов Семиречья и имя их правителя из чигилей[35].

Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань Цзана были переведены на тюркский язык во второй четверти X в. известным переводчиком Сынгку Сели-тудуном в городе Бешбалыке. Переводчик вместо топонимов VII в. ввел топонимы IX — начала X вв. Среди них — первое из известных упоминаний оз. Иссык-Куль (под этим названием), города Ош (Ушарбалык) и Алая (Кез-Арт)[36].

«Кутадгу билиг» и «Диван лугат ат-тюрк»

В XI в. были созданы два крупнейших литературных памятника — «Кутадгу билиг» (1069 г.) Юсуфа Баласагунского и «Диван лугат ат-тюрк» (1072—1074 гг.) Махмуда Кашгарского.

Об авторах обоих сочинений известно очень мало. Юсуф родился в Баласагуне в 1015 г. или 1016 г., происходил из знатной

тюркской семьи и получил хорошее образование. Свою поэму «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») написал, будучи уже в почтенном возрасте, и посвятил ее караханидскому хакану. Он занимал высокий административный пост «улуг хасс-хаджиба», т. е. главы всего придворного штаба.

Отец Махмуда Кашгарского был эмиром Барсхана, что на южном побережье Иссык-Куля, и принадлежал к караханидской династии. Махмуд учился в Кашгаре, Бухаре, Нишапуре. В течение многих лет он путешествовал по землям, населенным тюркскими племенами. Результатом этого непосредственного контакта и личных наблюдений явился главный труд жизни Махмуда — «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»).

Оба произведения не являются историческими трудами и не содержат каких-либо сведений о политической истории своего времени. И, вместе с тем, они по праву считаются значительнейшими источниками для познания истории X—XI вв. В условиях отсутствия собственной историографической традиции труды Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского имеют непреходящую источниковедческую ценность — из них многое можно узнать об обществе и культуре караханидского государства и тюркских кочевых племен Тянь-Шаня[37].

Согдийские документы и эпиграфика

Тюрко-согдийские контакты нашли отражение как в документах, найденных собственно в Согде (долины Зеравшана и Кашка-Дарьи), так и в эпиграфических памятниках Центральной Азии и Семиречья.

Бугутская надпись (составлена между 581 и 583 гг.) найдена в Центральной Монголии. Согдийский текст начертан на трех гранях стелы[38]. Это единственный известный в настоящее время письменный источник, составленный в эпоху и на территории Первого Тюркского каганата. Бугутская надпись важна и как памятник тюркско-согдийских связей, выразительно демонстрирующий начало истории письменности древних тюрков.

Документы с горы Муг (конец VII — начало VIII в.) — архив правителя Пенджикента, обнаружен в 1932—1933 гг. в развалинах средневекового замка, расположенного в верхнем течении р. Зеравшан[39].

Мугский архив содержит разного рода записи, деловую переписку, счета, контракты и другие документы, отражающие разные стороны хозяйственно-экономического и социального строя Согда. В документах засвидетельствованы тюркские имена, титулы и названия городов Семиречья, отмечена попытка (717—718 гг.) создать антиарабский союз согдийцев и тюргешей.

Согдийские надписи из Семиречья обнаружены в разное время на скалах, монетах и на керамике в ходе археологических работ. Большинство из них до самого последнего времени ошибочно считались древнеуйгурскими по языку[40]. В 1973 г. и в 1975 г. надписи обследовал В. А. Лившиц, который и установил их согдоязычность. В них упоминаются отрывочные сведения о религиозной ситуации в Семиречье в VIII—IX вв.

Крупные согдийские надписи найдены на скалах в ущельях Таласа—Кулан-Сай и Терек-Сай (X— начало XI вв.). В них запечатлены мужские и женские имена и титулы знатных тюрок, сведения о принадлежности их к манихейской или христианской религии. В одной из надписей упомянут Култак (Кулбак) — первое известное имя и автограф грамотного тюрка на территории современной Киргизии[41].

Арабоязычные источники VIII — начала XIII в.

Сочинения на арабском языке созданы в Арабском халифате и выделившихся из него государствах. Они содержат ценные историко-географические и этнографические сведения о народах Средней Азии, Восточного Туркестана. Источники обстоятельно исследованы В. В. Бартольдом.

Наиболее ранние сведения о Киргизии встречаются у Тамима ибн Бахра (вторая половина VIII в.), который писал о существовании восьми городов в области Верхний Барсхан (Иссык-Куль)[42].

Ибн Хордадбех (примерно 820—912 гг.) в географическом сочинении «Китаб масалик ва-л-мамалик» («Книга путей государств»)[43] приводит сведения о торговых путях и населенных пунктах Киргизии с указанием расстояния между ними. Кроме того, Ибн Хордадбех перечисляет названия тюркских народов, населявших Семиречье и Тянь-Шань.

В сочинении Ибн ал-Факиха (IX—X вв.) «Китаб ал-булдан» («Книга стран»)[44] содержатся данные о политическом устройстве государств Средней Азии и тюркских владений, о составе их населения, верованиях. При перечислении городов и поселений Киргизии автор указывает расстояния между ними.

Кудама ибн Джафар (первая половина X в.) составил сочинение «Китаб ал-харадж» («Книга о земельном налоге»)[45]. В его книге более подробно, чем у Ибн Хордадбеха, описаны города и поселения Киргизии с указанием расстояния между ними и некоторые данные о географии Чуйской долины.

Ал-Истахри (X в.) в произведении «Китаб масалик ва-л-мамалик» («Книга путей государств»)[46] приводит подробные сведения о границах между странами и районами расселения племен и народностей, расстоянии между различными владениями и городами, а также о торговле и ремеслах у народов Средней Азии, в том числе Ферганы. Интересны сведения ал-Истахри о киргизах и их торговых связях. Ибн Хаукаль, после встречи в 951—952 гг. с ал-Истахри, переработал его сочинение с некоторыми дополнениями[47].

Сочинение ал-Мукаддаси (примерно 946/47 — около 1000 гг.). «Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов»)[48] состоит из двух частей. Во второй

части содержатся наиболее подробные сведения о городах и поселениях Киргизии. Ал-Мукаддаси был последним крупным представителем классической школы арабских географов.

«Рисала» («Записка») Абу Дулафа (X в.)[49] содержит некоторые сведения о средневековых киргизах. Там же приводятся интересные данные о других тюркских племенах Центрального Тянь-Шаня — чигилях и карлуках.

Ал-Бируни (973—1048 гг.) принадлежит большое количество работ, где встречаются отдельные сведения о тюркских народах и их культуре[50].

В сочинении ал-Марвази (XII в.) «Табаи ал-хайаван» («Природа животных»)[51] имеются сообщения о различных народах и странах, среди которых содержатся отрывки о тюркских племенах — гузах, туркменах, киргизах, ягма, карлуках. Автор приводит интересные сведения об изменении религиозных обрядов киргизов и о занимаемой ими территории.

В географии ал-Идриси (1100—1165 гг.) «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»)[52] содержится фактический материал о тюркских племенах — киргизах, кимаках, тогуз-гузах, карлуках, описываются достопримечательности стран этих племен, их городов и поселений с указанием расстояния между ними, обычаи и торговля.

В словаре ас-Самани (1113—1167 гг.) «Китаб ал-ансаб» («Книга генеалогий»)[53] приведены биографии политических и религиозных деятелей Средней Азии, а также сообщения о караханидском государстве.

Бундари (XII—XIII вв.) переработал труд Имад-ад-дина Исфахани и назвал его «Зубдат ан-нусра ва-нухбат ал-усра» («Сливки книги «Помощь» и выбор из книги «Убежище»»)[54], в которой встречаются отдельные факты по истории Киргизстана эпохи Караханидов и киданей.

Персоязычные источники X — начала XIII в.

Мухаммед Наршахи (899—959 гг.) написал на арабском языке книгу «История Бухары»[55]. В 1128 г. ал-Кубави перевел это сочинение на персидский язык и дополнил его своими материалами. В 1179 г. Мухаммед ибн Зуфар еще раз переработал и сократил труд Наршахи. В этом известном труде имеются очень ценные сведения о тюркских народах, их проникновении в Среднюю Азию, социальной борьбе, а также дополнения (вставки ал-Кубави и Мухаммеда ибн Зуфара) по истории государства Караханидов.

Аноним X в. «Худуд ал-алам» («Границы мира»)[56] является авторитетным источником по истории тюркских племен Центральной и Средней Азии.

Ал-Утби (961—1022 гг., по другим данным умер в 1036 г. или в 1040 г.) написал книгу «Тарих ал-Йамини» («История десницы») на арабском языке. Здесь содержится обзор событий между 976—1021 гг., связанных с образованием караханидского государства. Его труд с некоторыми сокращениями переведен на персидский язык[57].

В труде Гардизи (XI в.) «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»)[58] имеется глава о тюркских племенах. Большой интерес представляют сведения о карлуках, ягма, киргизах, чигилях, тюргешах.

Бейхаки (около 996—1077 гг.) составил многотомный исторический труд. Сохранилась лишь небольшая часть его — «История Масуда»[59]. Труд Бейхаки является одним из основных источников в изучении истории Караханидов.

Низам ал-мульк (1018—1092 гг.) составил трактат «Сиасет-наме» («Книга о правлении»)[60], где имеются замечания о Караханидах и их взаимоотношениях с Сельджукидами.

В сочинении неизвестного автора «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» («Свод летописей и рассказов», 1126 г.)[61] содержатся сведения о тюрках Средней Азии и их правителях.

Отдельные факты о политической и культурной истории Караханидов встречаются в труде Низами Арузи Самарканди (XII в.) «Чахар макала»[62].

В книге Бекрана (XII—XIII вв.) «Джахан-наме» («Описание мира») содержатся сведения об исторической географии Киргизстана, о разработке полезных ископаемых в Ферганской долине (в том числе и около города Узгенда), о киргизах и местах их расселения[63].

Арабоязычные источники XIII—XV вв.

Ибн ал-Асир (1160—1233/34 гг.) составил многотомную летопись «Китаб ал-камил фи-тарих» («Полный свод истории»)[64]. В этом сочинении содержится богатый фактический материал по истории Караханидов со времени завоевания ими Баласагуна в 940 г. и до начала XIII в., о вторжении монголов в Среднюю Азию и Казахстан.

Ан-Нисави (XIII в.) написал сочинение «Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкубирти» («Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкубирти»)[65], где имеются рассказы о взаимоотношениях Караханидов, найман, хорезмшаха, о походе монголов на Запад.

Йакут ал-Хамави (около 1179—1229 гг.) составил географический труд «Муджам ал-булдан» («Словарь стран»)[66], который представляет свод географических сведений, накопленных в арабской литературе до XIII в. В этом словаре содержатся известия, касающиеся истории Киргизии и различных тюркских народов.

Джамал ал-Карши перевел словарь ал-Джаухари «Ас-Сурах» с арабского на персидский язык и написал к нему «Прибавления» на языке оригинала[67]. В этом «Прибавлении» имеются интересные, в ряде случаев отсутствующие в других письменных источниках данные по истории Караханидов.

В историческом труде Абу-л-Фида (1273—1331 гг.) «Мухтасар фи ахбар ал-башар» («Сокращенные сведения рода человеческого»)[68] содержатся сведения о взаимоотношениях Сельджукидов, хорезмшахов, киданей и Караханидов.

Ал-Омари ад-Димашки (1301—1349 гг.) составил труд «Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар» («Пути взоров по государствам крупных центров»)[69], где встречаются историко-географические сведения об отдельных районах Средней Азии.

Мухаммед ибн-Арабшах (1392—1450 гг.) в сочинении «Аджаиб ал-макдур фи ахбари Тимур» говорит о походах Тимура в Моголистан и строительстве им крепости Ашпара в Чуйской долине и жилища на «острове» оз. Иссык-Куль[70].

Персоязычные источники XIII—XV вв.

В 1260 г. Джузджани написал книгу «Табакат-и Насири» («Насировы разряды»)[71]. В ней имеются сведения о походах Караханидов в Мавераннахр и их взаимоотношениях с Газневидами, Сельджукидами, киданями, о нашествии монголов в Среднюю Азию.

В произведении «Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат» («Собранные рассказы и блестящие предания»), созданном около 1236 г. ал-Ауфи[72], содержатся сведения о династии Караханидов и вторжении монголов в Среднюю Азию.

«Тарих-и джахангушай» (История миропокорителя») ал-аддина Джувейни (1226—1283 гг.)[73] — основной источник по истории монгольских завоеваний в Средней Азии. В труде имеются конкретные сведения о политическом положении на Тянь-Шане в XIII в.

Среди персоязычных сочинений по истории монгольских и тюркских народов основное место занимает исторический труд «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-дина (1247—1318 гг.)[74]. Источниками при написании этого труда послужили многочисленные разноязычные сочинения предшествующих веков и сообщения непосредственных участников описываемых событий. В сочинении содержатся сведения об истории тюркских и монгольских племен XII—XIII вв., воспроизводятся тюркские исторические легенды («Огуз-наме»). Излагается история образования и первые века существования Монгольской империи. Сведения о территории Киргизии XII — начала XIV в. содержатся в повествованиях о преемниках ханов Чагатая и Угэдэя.

Значительные по объему сведения об истории народов Тянь-Шаня изложены биографом Тимура в «Зафар-наме» («Книга побед») Низам ад-дина Шами. Она написана по поручению Тимура в качестве официальной истории его правления[75]. Источниками являлись некоторые сочинения предшественников, официальные документы, дневники и записи лиц из окружения Тимура, рассказы непосредственных участников и современников событий, включая самого Тимура. Сочинение охватывает период деятельности Тимура (1358—1404 гг.) Автор использовал свою обширную информацию не объективно, а как подобострастный биограф. Это следует учитывать и при оценке важных сведений, касающихся истории Тянь-Шаня. К «Книге побед» Низам ад-дина Шами хронологически примыкает «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-дина Натанзи («Аноним Искандера»)[76]. Сочинение посвящено внуку Тимура Искандеру. Автор пользовался более ранними персоязычными и некоторыми тюркскими (уйгурскими) источниками. Сведения по истории народов Тянь-Шаня начинаются с раннемонгольского времени — первых правителей улуса Чагатая, затем сообщаются сведения о событиях в Моголистане и моголистанских походах Тимура.

Другая книга под названием «Зафар-наме» («Книга побед») составлена в Иране в 1424 г. под редакцией Шараф ад-дина Али Йезди, придворного историка Шахруха, сына Тимура[77]. Кроме заимствований из одноименной книги Низам ад-дина Шами, авторы пользовались другими письменными источниками и сообщениями современников. Сведения по истории Тянь-Шаня содержатся в описаниях тридцатилетней войны моголов против Тимура.

Третье сочинение, написанное после 1471 г. придворным Шахруха, Камал ад-дином Абд ар-Раззаком ибн Джалал ад-дином Исхаком Самарканди — «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых светил и место соединения двух морей») — содержит сведения о киргизах в Моголистане[78].

Латинские источники XIII—XIV вв.

После вторжения монгольских войск в Европу европейские короли и папа римский стремились через специальные посольства установить непосредственные контакты с монгольскими ханами. Так Средняя Азия оказалась в поле зрения европейских авторов.

Первым из послов от папы римского к монгольскому хану явился итальянец Плано Карпини, дважды проезжавший по территории Северной Киргизии в 1246—1247 гг. В сочинении Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, «История монгалов, именуемых нами татарами»[79], имеются ценные сведения о ранее проживавших на Тянь-Шане киданях, ставках монголов на Северо-Восточном Тянь-Шане, их феодальном землевладении. Монголы традиционно назывались в Европе татарами.

Посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Вильгельм (Гильом) Рубрук проезжал по территории Северной Киргизии. В сочинении «Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благости 1253»[80] он привел сведения о положении в Семиречье, разрушении городов и превращении их окрестностей в пастбища, о многочисленных передвижениях тюркоязычных племен по Центральной Азии. Исключительно ценными являются этнографические наблюдения автора.

В книге Марко Поло немало сведений о Средней и Центральной Азии[81]. Марко Поло прожил при дворе хана Хубилая около 20 лет. Занимая видные государственные должности, он выезжал в качестве посла в разные страны. Книга написана не самим Марко

Поло, а под его диктовку, впервые издана на старофранцузском языке, с которого публиковались многочисленные латинские переводы.

Особую ценность имеют «Описания Великой Турции», т. е. государства Хайду, а также сообщения о двадцатилетней войне Хайду-хана против Хубилая. Представляют интерес также этнографические сведения о Памире и Алае.

Персоязычные и тюркоязычные источники XVI—середины XVIII в.

Важное значение для изучения истории киргизского народа представляют сведения исторических сочинений, написанных на персидском, таджикском и тюркском языках, более позднего времени. Значительная часть этих источников введена в научный оборот В. В. Бартольдом, А. А. Семеновым, П. П. Ивановым.

«Тарих-и Рашиди» завершена Мухаммедом Хайдаром в 1546 г. в Кашмире[82]. Это единственный источник по истории Могулистана и, в частности, киргизского народа в XV—XVI вв., где содержатся весьма важные сведения о политических событиях, этническом составе населения, а также, в меньшей мере, о состоянии хозяйственно-экономической жизни страны. В «Тарих-и Рашиди» сообщается о возвышении киргизских племен, взаимоотношениях их с правителями казахских ханств, Шейбанидами и могольскими ханами.

«Бабур-наме» — «Записки Бабура» написаны на среднеазиатском языке тюрки правителем Ферганы и основателем династии Великих Моголов в Индии Бабуром (1483—1530 гг.). Отдельно изданы миниатюры к рукописи[83]. Содержат описание обычаев народов Средней Азии, одежды, продуктов питания, данные о средневековом Оше, этнографические особенности отдельных киргизских племен.

В труде анонимного автора «Тазкира-йи ходжа Мухаммед Шариф», написанном, по-видимому, во второй половине XVI в., имеются сведения о расселении киргизских племен в середине XVI в. и о их взаимоотношениях с правителями Кашгарии[84].

Анонимное сочинение «Зийа ал-кулуб» («Сияние сердец»), составленное в Восточном Туркестане, посвящено жизнеописанию мусульманского шейха XVI в. Ходжи Исхака — главы суфийского ордена Накшбандийа[85]. Здесь особо интересным является рассказ о языческих обрядах киргизов.

Маулана Пируи Бухараи в своем произведении «Джалис ал-муштакин» («Собеседник жаждущих»)[86] сообщает некоторые подробности обращения в ислам отдельных киргизских племен и о местах их расселения. Сообщения о киргизах, имеющиеся в «Зийа ал-кулуб» и «Джалис ал-муштакин», частично подтверждаются сочинением «Анис ат-талибин» Шах-Махмуда Чураса, которое написано в XVII в. на персидском языке.

«Тазкира-йи ходжаган» («Жизнеописание ходжей»)[87] написано Мухаммед-Садыком Кашгари в 1768—1769 гг. на уйгурском

языке. В нем, наряду с жизнеописанием кашгарских ходжей, подробно описываются политические события, происходившие в Восточном Туркестане с начала XVII в. до 60-х годов XVIII в., в которых принимали участие и киргизы.

«Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гуламан» («Сад благоволения и роща пажей») — агиографическое сочинение Бадр-ад-дина Кашмири, составленное в 1587 г., посвящено жизнеописанию джуйбарских ходжей[88]. В нем встречаются интересные сообщения о союзе киргизских племен с казахским ханом Шигаем и об их взаимоотношениях с Бухарским ханством во второй половине XVI в.

В сочинении Хафиз-и Таныша «Абдулла-наме» (или «Шараф наме-йи шахи») содержатся краткие сообщения о взаимоотношениях киргизских феодалов с правителями Бухарского ханства во второй половине XVI в. В нем впервые упоминается о начале передвижения отдельных киргизских племен в район Гиссара и Денау через Каратегин.

Существенный вклад в изучение этих источников по истории киргизов в XVI—XVIII вв. внесла М. А. Салахетдинова. Она собрала и перевела извлечения из «Тазкира-йи ходжаган» Мухаммед-Садыка Кашгари, «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и «Хидайат-наме» Мирхал ад-дина Яркенди[89].

«Тарих» («Хроника») — сочинение кашгарского историка Шах-Махмуда Чураса, написанное между 1672—1676 гг. на таджикском языке. Первая часть его почти целиком заимствована из «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара; вторая — основанная на рассказах очевидцев и собственных наблюдениях автора — является ценным источником по истории второй половины XVI в. до 70-х годов XVII в. Значительное место в сочинении отводится внешнеполитическим связям Могольского государства с киргизами, казахами и калмаками.

«Тарих-и Кашгар» («История Кашгара») — анонимное сочинение кашгарского автора, написано на уйгурском языке (конец XVII в.)[90]. Материалы его основной части местами существенно дополняют «Хронику» Шах-Махмуда Чураса. Заключительные главы, которые охватывают почти тридцатилетний период истории Восточного Туркестана конца XVII в., являются наиболее ценными.

«Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»)[91] Махмуда ибн Вали принадлежит к числу важнейших источников по истории киргизского народа XVII в. Труд написан по поручению правителя Балха Надир-Мухаммеда (1606—1642 гг.), впоследствии бухарского хана, (1642—1651 гг.) и охватывает историю мусульманских стран от «сотворения мира» до середины XVII в. Сохранились лишь отдельные части первого и шестого томов. Для истории киргизского народа наибольшее значение имеет третья часть первого тома, содержащая богатый фактический материал по исторической гео-

графии Средней Азии, вторая часть шестого тома, где изложена история кашгарских ханов до событий 1636—1638 гг.; третья часть шестого тома, посвященная истории Шейбанидов до конца XVI в., и четвертая часть шестого тома, которая охватывает историю ханов аштарханидской династии до 1641 г. Сведения четвертой части шестого тома «Бахр ал-асрар» основаны, главным образом, на рассказах очевидцев и участников описываемых событий. Значительное место в ней уделено описанию характера взаимоотношений Бухарского ханства с казахами, киргизами и калмаками в первой половине XVII в., а также сведениям о расселении киргизских племен в первой половине XVII в. В компилятивной части встречается много новых сведений, очевидно, заимствованных автором из не дошедших до нас источников.

«Тухфат ал-хани» или «Тарих-и Рахим-хани» — сочинение среднеазиатского историка Мухаммеда Вафа Кармингаи — написано на таджикском языке не ранее 1759 г.[92]. В этом до сих пор малоизвестном труде имеется ряд важных сведений по истории Ферганы и Ташкента, а также об участии киргизов, казахов, калмаков в политических событиях, происходивших в этих районах.

Китайские источники XVI—XVIII вв.

Прямых связей со Средней Азией в позднее средневековье Китай не имел вплоть до вторжения цинских императоров в Джунгарию и Восточный Туркестан. С начала XVI в. и позже в источниках появляются сведения о значительном количестве родоплеменных групп киргизов, которые вели здесь упорную борьбу за независимость против ойратов.

В результате экспансионистской политики маньчжуро-китайская империя Цинов захватила Восточный Туркестан, безуспешно пытаясь распространить власть на киргизов Тянь-Шаня. Китайские источники этого периода содержат данные по политической истории киргизов, по географии Киргизстана и соседних с ним районов, по исторической этнографии. Официальные китайские хроники позволяют изучить политику Цинов в отношении киргизов, казахов и других народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Наиболее важными из китайских источников этого времени являются тенденциозные хроники «Да Цин личао шилу» («Правдивые записки о правлении всех государей Великой династии Цин»), крупнейшее собрание официальных документов охватывает период с 1583 по 1912 г.; «Пиндин чжуньгээр фанлюэ» («Описание умиротворения джунгаров»), описаны события 1755—1765 гг.; «Дунхуалу» («Записи из павильона Дунхуа»), описаны события от начала правления Цинской династии до 1735 г.[93]. Все они требуют особенно строгого критического подхода.

Среднеазиатские источники XVIII — середины XIX в.

Дореволюционными и, главным образом, советскими исследователями введено в научный оборот немало фактического материала по истории Киргизии нового времени: среднеазиатских рукописей, неизвестных документов, письменных источников, полевых этнографических материалов, народных преданий и фольклорных записей.

Наиболее важными и многочисленными являются письменные источники, из которых выделяются: 1. Письма, исходящие из киргизской среды. 2. «Законодательные» и актовые документы кокандского хана и его наместников. 3. Переписка киргизских феодалов с ханом и его чиновниками. 4. Постановления — «эреже» — чрезвычайных съездов киргизских судей (биев) и «санджыра» — генеалогии и устные родословные истории киргизов, записанные в разное время. 5. Нарративные рукописные сочинения кокандских, бухарских и других восточных авторов. 6. Русские документальные источники (присяжные листы киргизов, переписка с киргизскими правителями и кокандскими властями и т. п.), а также информационные обзоры пограничных властей, чиновников Туркестанского генерал-губернаторства, различные исторические справки и экскурсы официальных докладных записок. Часть этих документов опубликована в дореволюционных и советских изданиях[94].

Первые киргизские письма относятся к 1785 г. и связаны с обращением киргизов к России с просьбами о покровительстве. Это, в первую очередь, письма сарыбагышского бия Атаке, адресованные непосредственно Екатерине II, ее сановникам и сибирским властям[95]. Другая группа писем — от иссыккульских киргизов к сибирским властям также с просьбами о покровительстве и с предложением установления торговых связей — относится к первой трети XIX в.[96].

Отдельные законодательные документы, а также актовые материалы времени кокандского правления, преимущественно 40—70-х годов XIX в., в том числе документы на отчуждение частных владений *(васика)*, официальная переписка, исходящая от ханов и их чиновников, характеризуют землевладение и землепользование в кокандский период, хозяйство населения, а также налоговую политику в ханстве и на его окраинах[97]. Они освещают разные стороны административного устройства Киргизии, взаимоотношения ханского двора с киргизскими племенами и отдельными влиятельными феодалами, отражают довольно активное вмешательство кокандских феодалов в политическую жизнь киргизского края, а также влияние феодальных порядков ханства на аграрные отношения в Киргизии.

Особо важную группу источников представляют письма-прошения, поземельные документы, исполненные узбекскими и таджикскими писцами под диктовку киргизов или самими киргизами в первой половине XIX в. Документы имеют важное источниковедческое значение при изучении взаимоотношений киргизов с кокандскими и другими соседями — казахскими жузами, Россией, Хивинским и Бухарским ханствами, Восточным Туркестаном.

Одним из важных исторических источников служат памятники «обычного» права *(адат)*. В немногих записях юридического

быта киргизов[98], а также в рукописных и печатных малых сводах «обычного» права — (*эреже* — постановления или положения съездов биев) содержатся дополняющие исторические документы сведения о хозяйстве, быте, правовом положении различных социальных слоев в классовом киргизском обществе, деятельности суда биев и т. д.

При соответствующей научно-критической фильтрации можно извлечь довольно ценные историко-этнографические сведения из устных родословий киргизов («санджыра»), широко распространенных в дореволюционном прошлом и сохранившихся в преданиях.

Нарративные источники[99] важны для выяснения киргизско-кокандских отношений, определения роли киргизской правящей верхушки в военно-политической жизни Коканда. В подавляющем большинстве придворные хроники Коканда и Бухары посвящены политической и династийной истории и мало говорят об экономической истории киргизского общества, о внутренней жизни, социальной структуре и классовых отношениях у киргизов, о положении трудящихся.

Отдельные факты политической истории Киргизии с конца XVIII в. до середины XIX в. можно почерпнуть из сочинения кокандского автора муллы Нияз-Мухаммеда Хоканди — «Тарих-и Шахрухи»[100]. Автор отразил личные наблюдения, использовал устную информацию и данные несохранившихся нарративных сочинений по истории киргизов и их взаимоотношениях с соседями.

Переводы выдержек из сочинений ферганских авторов о событиях, связанных с борьбой против Коканда в начале 60-х годов XIX в., опубликовал в свое время академик В. В. Бартольд[101], а извлечения со сведениями о киргизах прокомментировал В. А. Ромодин. Последнему принадлежат также переводы извлечений из рукописей Мирзы Каландара Муширифа Исфараги («Шах-наме», или «Тарих-и Омархани») и Мухаммеда Хаким-хан-тюря («Мунтахаб ат-таварих»), содержащих сведения из истории киргизов первой половины XIX в.[102].

Заслуживают внимания и сочинения других авторов, в частности, Абдулгафура «Зафар-наме-и Худояр-хан» («Книга о победах Худояр-хана»). Сведения о киргизах в них фрагментарны, однако в совокупности и сопоставлении с другими источниками способствуют освещению ряда важных моментов из политической жизни Киргизии кокандского периода. Недостаток подобных источников заключается в их субъективности и тенденциозности, а также в том, что они в основном описывают деяния ханов и феодалов, преимущественно политические события, в ущерб освещению экономики.

Военно-политической обстановке в Кокандском ханстве, соседней Бухаре и в Киргизии, а также междоусобной борьбе их правителей посвящен ряд среднеазиатских сочинений, опубликованных полностью[103], или частично описанных советскими исследователями [104], таких, как «Тарих-и джахан-наме» («История, показывающая мир») муллы Аваз Мухаммеда, «Халасат ул-ахвал» Абу Убайдуллы, анонимное собрание мусульманских историй о г. Ош («Трактат о городе Оше»).

Важное значение имеют документы и архивные материалы на русском языке XVIII—XIX вв. Наиболее ценные из них содержат первые сведения в России о киргизах XVIII в., а также о первых киргизско-русских посольских связях в конце XVIII в. — первой четверти XIX столетия, о взаимоотношениях киргизов с соседними странами и народами, о политических предпосылках вхождения киргизского народа в состав России.

Богатый документальный материал в форме отчетов и разного рода «записок» царских чиновников о политическом состоянии края, его экономическом положении, о борьбе киргизов с Кокандским ханством отложился в фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, а также Ферганского, Сыр-Дарьинского, Семиреченского областных правлений, в ЦГА Узбекской и Казахской ССР, в Государственных архивах Омской и Оренбургской областей, Архиве внешней политики России, в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, Историческом архиве СССР и др. Архивные документы содержат в основном политико-экономические обзоры, справочные материалы и всевозможные официальные отчеты о состоянии хозяйства, народной борьбы с Кокандским ханством, а также донесения, записки политических и торговых агентов о событиях и распрях в среднеазиатских ханствах, здесь же в основном и письма киргизов с просьбой о принятии в российское подданство.

Конечно, официальные документальные материалы нередко тенденциозны, требуют осторожного и критического к ним отношения. Но, как говорил В. И. Ленин, можно даже «...иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения»[105]. Поэтому при аналитическом сравнении с другими источниками и при определенном критическом подходе следует использовать комплексно все имеющиеся источники, в том числе официального характера, учитывая политическую ориентацию составителей документов.

За последние годы (1976—1983 гг.) археографической экспедицией Института истории АН Киргизской ССР собрано свыше 600 единиц рукописных и литературных документов. В их числе старинные рукописи на арабском, тюркском и таджикском языках по законоведению и истории Кокандского ханства и Киргизии XIX в., генеалогические предания киргизов, документы по аграрным отношениям. Старинные книги, рукописи, документы представляют собой памятники истории и культуры, которые несут конкретную информацию, показывают круг общественных интересов, уровень знания, определенные идеи и нравственные нормы хотя бы немногих грамотных в прошлом киргизов. Текстологическое и источниковедческое изучение этих памятников продолжается.

Известия русских и европейских исследователей и путешественников о Киргизии

К числу источников по истории Киргизии XVIII—XIX вв. относятся известия русских ученых и путешественников, побывавших в крае, или использовавших данные очевидцев. К последним тематически примыкают документальные материалы и публикации участников военно-научных экспедиций и русских дипломатических миссий кануна и времени добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Тянь-шаньские киргизы были «ведомы и слышимы» в России задолго до непосредственных контактов с русскими. В одной секретной «цифирной реляции» от 10 марта 1722 г. посол Петра I в Бухаре Флорио Беневени доносил о феодальных раздорах в среднеазиатских землях, упомянул киргизов («киргиси») в числе других местных народов[106]. В 1723 г. «царев посол» к джунгарскому правителю Цеван Рабтану капитан артиллерии И. Унковский побывал в местах расселения киргизов по Восточному Прииссыккулью и Илийскому краю. Он сообщил конкретные данные о пяти тысячах «кибиток» иссыккульских киргизов, которые могли выставить до трех тысяч войска «доброго»[107].

Первую характеристику тянь-шаньских киргизов дал оренбургский ученый-энциклопедист П. И. Рычков в рукописном очерке «Рассмотрение об имени татар». После авторской переработки он превратился в оригинальную энциклопедическую статью «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге ис книг турецких и персидских и по сказкам бывалых в тех местах людей, а также по рассмотрению сочинения, обстоятельного о сих народах описания» (1749 г.)[108]. Однако рукопись не была опубликована. Ее материалы фрагментарно вошли в известную «Историю» В. Н. Татищева.

Сведения П. И. Рычкова о населении Киргизии частично были уточнены и детализированы «невольным странником» Ф. Ефремовым. Ф. Ефремов проходил по Киргизии, побывав в Оше и на Терек-Даванском перевале по пути в Восточный Туркестан. Из его книги видно, что киргизы в конце XVIII в. были фактически еще независимы, перемещались между Ошем и Кашгаром «кочевьями в небольшом количестве», имели «своих князьков» и занимались меновой торговлей с Кокандом[109].

Наиболее содержательную информацию о киргизах конца XVIII в. собрал и опубликовал сибирский военный инженер И. Г. Андреев. В его обстоятельном сочинении о казахах специальная глава отведена описанию киргизов, вопросам их внешнеполитической истории и внутренней жизни. Называлась она «О диких или закаменных киргисцах»[110]. В сочинении И. Г. Андреева содержатся новые данные о киргизах конца XVIII в., которые отличаются конкретностью, сравнительно большей для своего времени полнотой, информативностью и достоверностью.

С рубежа XVIII—XIX вв. на Тянь-Шань направляются русские и иностранные дипломатические миссии, научные и военные экспедиции, купцы и ученые. Путешествия из России в Ташкент горных специалистов М. Поспелова и Т. С. Бурнашева (1800 г.), из Индии в Кокандское ханство — Иззатуллы в 1812 г., из Сибири в Коканд — Ф. Назарова (1813, 1827 гг.), и особенно в Киргизию А. Л. Бубенова (1813, 1827 гг.), Т. В. Нюхалова (1821 г.), Ф. К. Зибберштейна (1825 г.) способствовали продолжению накопления немаловажных в источниковедческом аспекте различных историко-этнографических сведений о киргизах: их расселении, хозяйственных занятиях и прочих отдельных сторонах быта и культуры[111].

Завоевание Киргизии Кокандским ханством в первой трети XIX в. прервало дипломатические связи киргизов с Россией и торговые поездки ее купцов и чиновников через Тянь-Шань. Следствием этого явилось сокращение информации. В отдельных записках и публикациях Н. Потанина, С. Броневского, Г. Ф. Генса, Н. Я. Бичурина, П. А. Словцова, А. Янушкевича и других встречаются краткие и отрывочные сведения о киргизах, не лишенные, правда, интересных деталей. Больше всего сведений о киргизах содержится в специальной статье А. И. Левшина[112]. Но они не воссоздавали общей картины внутреннего и внешнего положения Киргизии.

Лишь в 1849 г. Русское Географическое общество в Петербурге опубликовало довольно обширную записку о Кокандском ханстве[113]. Через два года этим же обществом печатаются сравнительно полные для своего времени данные о киргизах на Тянь-Шане (без указания их автора)[114]. Вероятно, они принадлежат семиреченскому переводчику И. А. Бардашеву, служившему в 50-х годах «при начальнике Алатавского округа и киргизов Большой Орды». Это была первая фундаментальная работа о киргизах в русской периодике. В ней затрагивался широкий круг вопросов: о происхождении и местах расселения киргизов, их хозяйстве, социально-экономических отношениях, их зависимости от Кокандского ханства, а также подробности антикокандского восстания в Прииссыккулье в 1842 г.

Пионером комплексного изучения Киргизии считается по праву Петр Петрович Семенов, проложивший путь последующим ученым-путешественникам. Научная ценность разнообразных сведений П. П. Семенова[115] по истории, археологии и этнографии Киргизии не равнозначна. Их источниковедческое ядро составляют данные в основном о киргизах Прииссыккулья, их связях с Россией, Кокандом и Китаем. На отбор и истолкование некоторых фактов и событий истории края наложили отпечаток незнание им киргизского языка, время, либерально-сановная среда, в которой вращался П. П. Семенов-Тян-Шанский, т. е. господствующие круги русского и киргизского общества. Не все приводимые им суждения по истории Киргизии, особенно в части интерпретации ар-

хеологических памятников, могут быть безоговорочно использованы ныне, но ценность введенных в науку материалов непреходяща.

Еще более обширны и разнообразны сведения по истории Киргизии, собранные российским ученым-путешественником, казахским просветителем Чоканом Валихановым (1835—1865 гг.). Первый раз он побывал на Иссык-Куле в составе военно-научной экспедиции М. М. Хоментовского в 1856 г., вторично проезжал через территорию Киргизии по пути в Кашгар и обратно в 1857—1859 гг. Последний раз он побывал здесь в 1864 г. Его «Дневник поездки на Иссык-Куль» с богатыми историко-этнографическими сведениями и авторскими реалистично выполненными зарисовками являлся фактически началом работы над незавершенными «Записками о киргизах», которые сохранились лишь в черновом варианте[116].

В сочинениях Ч. Валиханова содержится немало исторической информации о Киргизии в древности и средневековье (преимущественно из восточных источников) и особенно в первой половине и середине XIX в. Записанные Ч. Валихановым исторические легенды киргизского и казахского народов, в их числе «Исторические предания о батырах XVIII в.», требуют критического подхода, ибо в них встречаются и чуждые народному духу наплавания, мешающие правильному восприятию событий прошедших времен, их верной оценке.

В 1861 г. из Кашгара через Киргизию и Коканд прошел английский агент индийского происхождения мулла Абдул Маджид, оставивший небезынтересные сведения об алайской резиденции Алымбека-датхи, о численности кокандской армии, о «постоянной борьбе» в ханстве между различными этническими группами, среди которых «в основном преобладают киргизы»[117].

Личное знакомство с киргизами известного русского ученого Николая Алексеевича Северцова произошло во время нахождения его в 1858 г. в плену у кокандцев в г. Туркестане, который был освобожден восставшими казахами и киргизами. Здесь он узнал о киргизском происхождении отдельных кокандских ханов, в частности, Худояра[118]. В 1864 г. он мог лично познакомиться с жизнью и бытом сырдарьинских и чуйских киргизов (племен солто, сарыбагыш и саруу), наблюдениями о которых он поделился на страницах журнала РГО[119].

Наиболее важные материалы путешествий по Тянь-Шаню были опубликованы автором в книге, вызвавшей большой интерес в России и за рубежом[120]. Н. А. Северцов, в трудах которого много ценных материалов о Киргизии середины XIX в., не был бесстрастным регистратором событий и жизни киргизского населения, он пытался внести свою лепту в ее преобразование. Н. А. Северцов отмечал прогрессивное значение добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Заслуживают внимания и материалы М. И. Венюкова о взаимоотношениях киргизов с их соседями — казахами, Кокандом и

Кашгарией, торговых связях среднеазиатских окраин с Россией, наконец, о добровольном вхождении киргизов в состав последней. М. И. Венюкову принадлежат первые описания к схематическим планам Пишпекской и Токмакской крепостей[121].

Сводный характер носят отчеты о поездках по Тянь-Шаню профессора геодезии Академии Генштаба А. Ф. Голубева (1859 г.), П. П. Проценко (1863 г.), А. В. Каульбарса (1869 г.) и других[122]. Они содержат существенные для источниковедения дореволюционного Киргизстана материалы по истории, хозяйству, караванных путях и политическому положению Тянь-Шаня, Семиречья, а также сведения о кокандских войсках, их вооружении и фортификационных сооружениях ханства в Киргизии в середине прошлого века. Опубликованные, а в большинстве отложившиеся в Центральном военно-историческом архиве СССР и Архиве Географического общества СССР (отчасти в копиях в ЦГА Узбекской ССР), их отчеты и служебные записки отражают официальные и политические взгляды авторов, что требует критического подхода при использовании источников такого типа в научных целях.

Ценные картографические материалы и изобразительные источники, относящиеся к этому же периоду, оставили военные топографы, чертежники и художники, сопровождавшие различные научные, военные и торговые экспедиции, а иногда путешествующие и самостоятельно. В этом отношении следует отметить заслуги художника П. М. Кошарова, бывшего в экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, писателя и художника-иллюстратора Н. Н. Каразина, а также выдающегося мастера батальной живописи и ряда «этнографических» по содержанию картин и рисунков на среднеазиатско-киргизстанскую тематику, автора путевых записок по среднеазиатскому Востоку В. В. Верещагина, и других.

А. П. Федченко впервые исследовал южные районы Киргизстана во время путешествия по Туркестану (1869—1871 гг.)[123]. До него о южной части Киргизии, да и в целом о Кокандском ханстве в России имелись в основном краткие сообщения, обычно переходившие из одной книги в другую. Письма и заметки из путешествия А. П. Федченко по Кокандскому ханству носили иной характер. Одновременно с описанием феодально-деспотической системы управления в ханстве ученый показывает борьбу киргизских и кыпчакских феодалов за политическое господство в ханстве. Особую ценность представляют его сведения об усилении ханско-феодального гнета и вызываемом им ответном отпоре-восстании приферганских (сохских) киргизов в 1871 г. против власти Худояр-хана. Довольно подробно описано путешественником бедственное положение киргизов Алая. Все его позитивные сведения настойчиво утверждали, что до тех пор, пока будет существовать ханский деспотизм, а киргизы будут находиться под гнетом Кокандского ханства — прогресса не будет.

Заключая источниковедческий обзор научного наследия русских ученых и путешественников XVIII — середины XIX в., можно отметить, что в основе его лежат вполне достоверные материалы. Однако основная цель авторов заключалась не в сборе конкретно-исторического материала (их главные задачи были иные), поэтому, естественно, что исторические сведения и экскурсы в их трудах и записках носили фрагментарный характер, отдельные суждения требовали проверки и уточнения.

История Киргизстана во всей ее полноте и многообразии не может быть восстановлена только на основании письменных источников. Сведения, содержащиеся там, не дают цельного представления даже о той эпохе, к которой они относятся. Огромные исторические периоды вообще не получили в источниках какого-либо отражения. Поэтому столь важны для изучения древней и средневековой истории, а в особенности эпохи первобытнообщинного строя, археологические материалы. Полевые исследования археологов Киргизии за последние шестьдесят лет сделали возможной реконструкцию жизни человеческих коллективов на территории Киргизстана в древнейшие времена, существенно пополнили знания и расширили представления исследователей о хозяйственной жизни и культуре древнего и средневекового Киргизстана. Этнографические характеристики, важные для понимания различных сторон жизни киргизов, археологи дополнили палеоэтнографическими наблюдениями, восстанавливающими образ жизни предков киргизского народа. Богатый фольклор, сохраненный и приумноженный народными сказителями и передаваемый из поколения в поколение едва ли не в каждой киргизской семье, не менее, чем материальная и духовная культура, помогает историкам воссоздать психологию, национальные черты киргизского народа, служит серьезным подспорьем в исторических реконструкциях.

Все эти виды исторических источников — археологических, этнографических, фольклорных, нумизматических — не только широко использованы авторским коллективом, но и получили должные характеристики в соответствующих разделах настоящего издания. Несмотря на все их разнообразие и кажущуюся многочисленность, материалы, которые они содержат, не позволяют с достаточной подробностью ответить на все вопросы, которые читатель вправе поставить перед исследователем-историком. Однако, поиск новых материалов продолжается, готовится к публикации серия научных монографий по актуальным вопросам киргизского источниковедения. Наука развивается, ибо процесс научного познания мира непрерывен и бесконечен.

Глава I

КИРГИЗИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА. СЛОЖЕНИЕ И РАСЦВЕТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

Еще в глубокой древности, в эпоху палеолита, человек выделился из животного мира, сформировалось качественно новое явление — человеческое общество, что означало величайший исторический сдвиг[1]. Орудиями труда первобытных людей были изделия из камня, вследствие чего эпоха и получила название каменного века, или палеолита.

Согласно марксистской концепции, гранью, отделяющей человека от животного, первым и основным условием его существования явился труд, начинавшийся с изготовления орудий. «Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа. Поэтому те операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку на протяжении многих тысячелетий постепенно научились приспособлять свою руку, могли быть вначале только очень простыми»[2]. Они использовали такие приемы механического воздействия, как удар, резанье и скобление. Древнейшими целесообразно оформленными орудиями были гальки со сколами, образующими рабочий край, так называемые чопперы и чоппинги. Постепенное развитие производительного труда, материальной культуры, возникновение идеологических представлений позволяют разделить каменный век на ряд периодов. Происходившие изменения находили свои отражения в формах каменных орудий и способах их изготовления, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки.

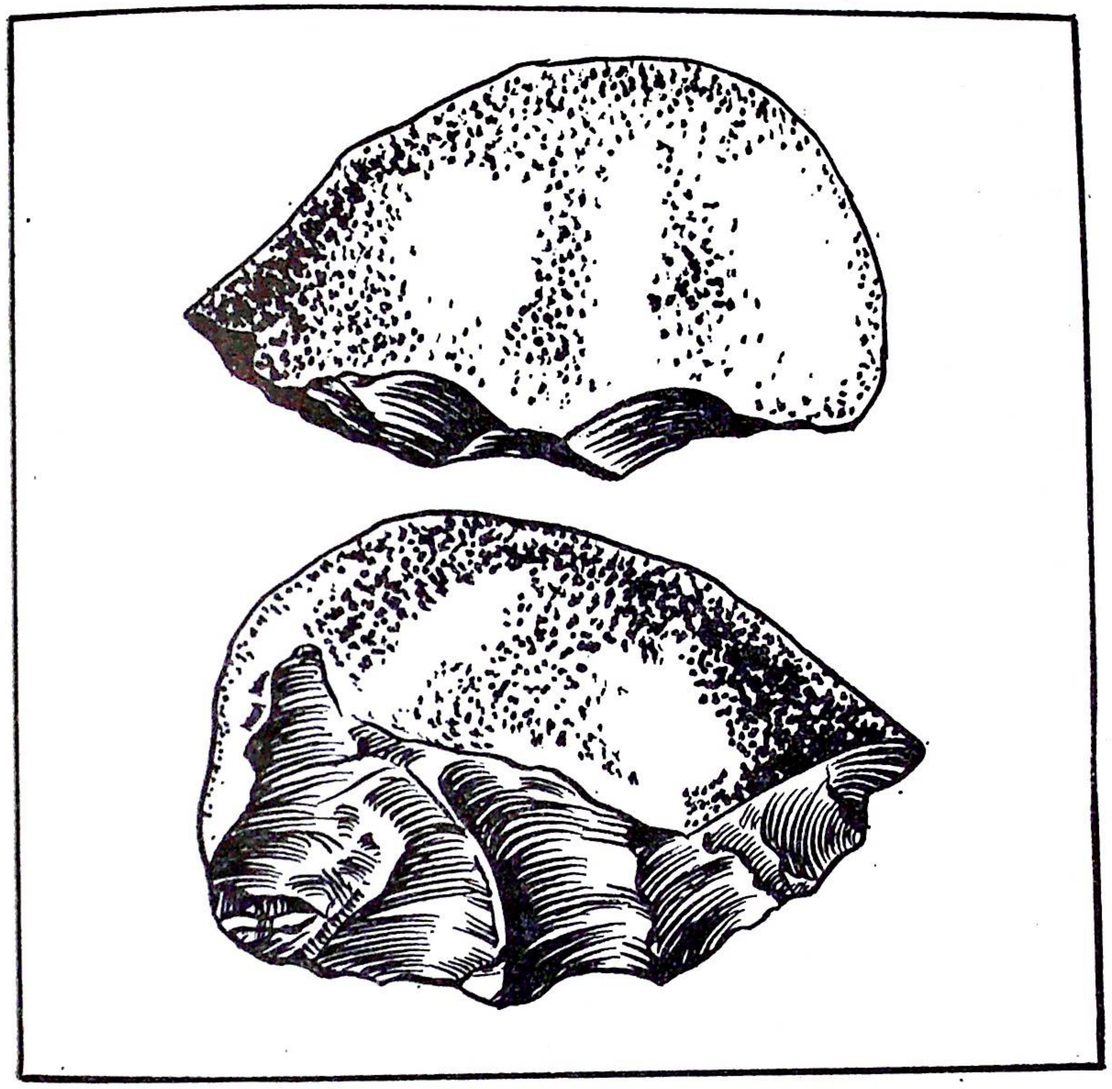
Самая древняя эпоха нижнего палеолита, называемая дошелльем, или олдовеем (название дано по находкам, сделанным в ранечетвертичных слоях Олдовейских гор — Танзания), продолжалась примерно от 2,5 млн. до 800 тыс. лет. Последующие две эпохи — шелль (по городу Шелль во Франции, на окраине которого были впервые обнаружены характерные для культуры то-

го времени каменные орудия), и ашель (по месту обнаружения каменной индустрии во Франции — Сент-Ашель, предместье города Амьена,) — охватывают период от 800 до 140 тыс. лет. Средний палеолит (поздний ашель и мустье) многие исследователи относят к 140—40 тысячелетиям до н. э. Поздний палеолит соответствует времени от 40 до 10 тыс. лет.

Древнейшие стоянки первобытного человека, датируемые временем 2,5 — 1,8 млн. лет тому назад, найдены пока только в Восточной Африке[3]. Древнейший человек, названный антропологами «Homo habilis» («человеком умелым»), изготовлял грубые галечные орудия, охотился на мелких и крупных животных. При раскопках на ряде стоянок найдено и основание каменной ограды, возможно, часть примитивного жилища. Это были пункты относительно долговременного обитания с определенной внутренней организацией пространства. Отмечены даже особые участки, где, судя по всему, происходила разделка туш убитых животных. Все это позволяет считать, что памятники были оставлены древнейшими человеческими коллективами, прообразами позднейших общин. Началась первая эпоха в развитии человечества — эпоха первобытнообщинного строя. Затем происходит постепенное проникновение отдельных групп людей на Ближний Восток и в Европу. Недавние археологические открытия во Франции, Венгрии и Чехословакии подтверждают ранее высказанное предположение, что миллион лет тому назад на территории Европы обитали группы первобытных охотников[4]. Приблизительно тот же возраст имеют отдельные каменные орудия шелльского облика, найденные в Южном Казахстане. Археологические изыскания в Средней Азии, Казахстане и Киргизии указывают на весьма давнее заселение человеком этих территорий, соответствующее шелль-ашельскому периоду древнего палеолита[5].

1. Первые следы человека

Грубые каменные орудия, либо отходы, образовавшиеся при их изготовлении, найденные в отдельных районах Киргизской ССР, являются ценнейшим свидетельством оживленной деятельности некогда обитавшего здесь человека. Одна из таких находок сделана в долине р. Он-Арча. Там, где шоссейная дорога Рыбачье — Нарын пересекает русло реки, а затем поднимается на ее возвышенный левый берег, сложенный галечниками мощностью в несколько десятков метров, на глубине 25 *м* от поверхности галечникового обрыва найдено довольно крупное каменное орудие со следами обработки на одной из его сторон. О ранней датировке орудия свидетельствуют форма и техника обработки. Это была массивная галька, один конец которой был оббит, а затем умело направленными ударами превращен в острое лезвие. Противоположный конец изделия представлял собой пятку с гладкой валунной коркой, служившей для упора ладони во время работы.



Каменное орудие. Нижний палеолит. Он-Арча.

Здесь же найдены каменные отщепы и столь же примитивное скребловидное орудие, изготовленное из целой, хорошо окатанной гальки, которую раскалывали поперечным ударом и обрабатывали края двумя или тремя широкими сколами. Аналогично оформленное орудие найдено в Ходжа-Бакырган-Сае[6].

Довольно разнообразные изделия найдены в южных районах адырной зоны (долины рек Исфайрам-Сай и Ходжа-Гаир), в расчлененных древними конусами сухих дельтах. Археологи датируют их возраст эпохой нижнего палеолита, мустье и неолита.

Чоппер с широким выпуклым лезвием и несколькими узкими сколами, формирующими край, обнаружен около кишлака Пальман, на террасе р. Исфайрам-Сай. Здесь найдены также несколько отщепов архаичного облика, нуклевидные поделки и хорошо выраженный нуклеус. К этой группе находок относится поднятый с галечниковой поверхности левобережья р. Исфайрам-Сай (в

2 *км* выше первой находки) классической формы чоппинг из кремнистого известняка. Это крупное орудие выпукло-овальной формы с острым рабочим концом, расположенным между двумя плоскостями сколов.

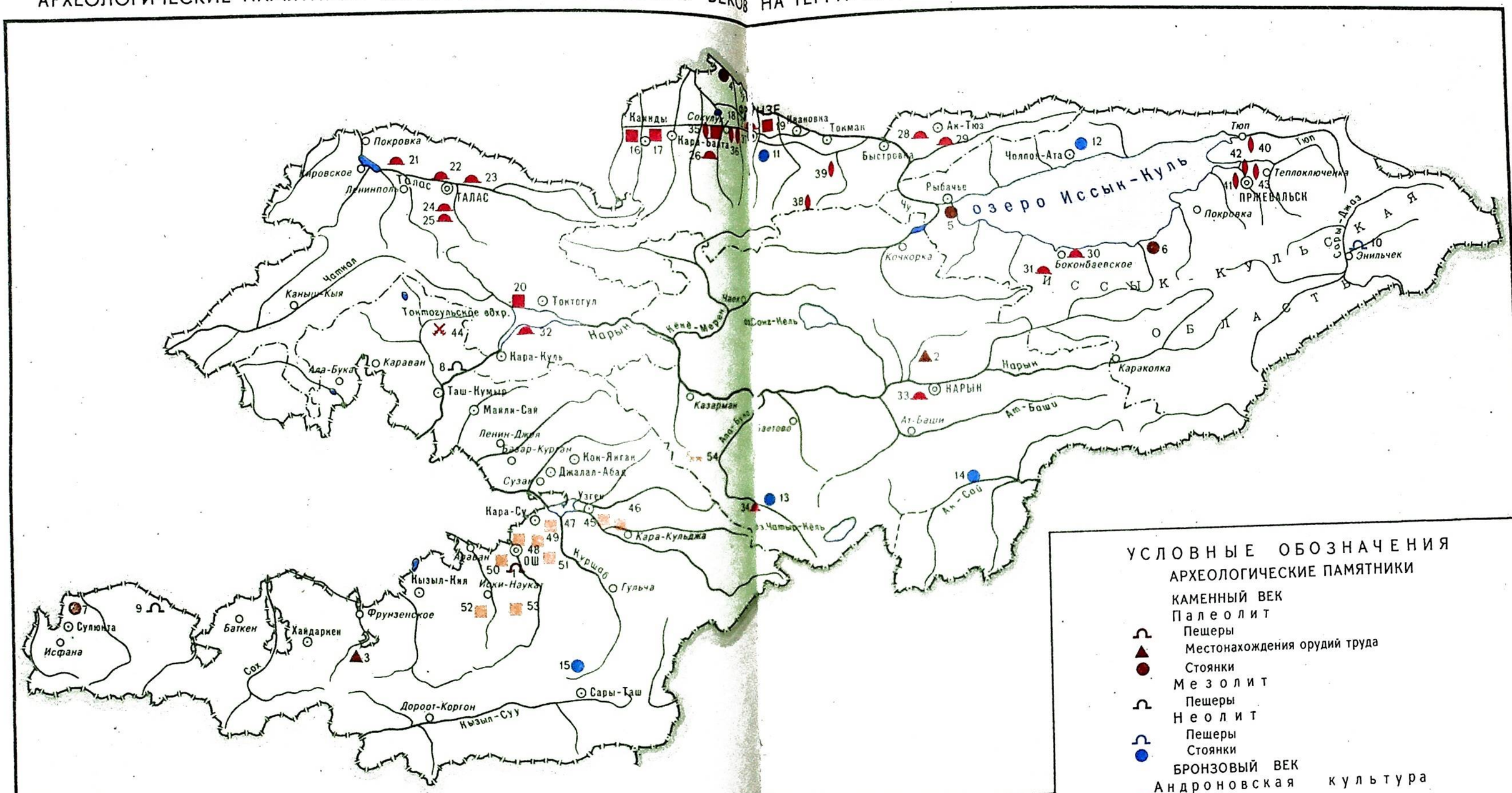
У поселка Уч-Курган обнаружен чоппинг треугольной формы, одна из сторон которого плоская, другая — выпуклая. Заостренная часть представляет собой обычное двустороннее лезвие. Центральная часть орудия сохраняет галечную корку.

Выше мазара Ходжа-Гаир, в галечниковых россыпях верхней части склонов террасы, обнаружено галечное орудие. По мнению археологов, орудие переотложено, относится к шелльскому периоду. Чтобы оценить значение этих находок и установить их происхождение, нужно иметь в виду, что в Африке, Европе и Передней Азии, а также на острове Ява в начале формирования человеческого общества употреблялись рубящие орудия устойчивого типа, так называемые рубила овальной, миндалевидной и треугольной форм. Но на Индостанском полуострове, в древних галечных отложениях р. Соан, аналогичных отложениям с шелльским и ашельским рубилами, находят орудия и скребла с широким лезвием, напоминающие сечки и названные поэтому чопперами. Как и орудие, найденное на р. Он-Арча, они похожи на нуклеусы — ядрища. Аналогичные орудия изготовляли и обитатели пещеры Чжоукоудянь — синантропы.

Все сказанное выше является свидетельством того, что на р. Он-Арча и в Ходжа-Бакырган-Сае сохранились следы деятельности первобытного человека, появившегося в Средней Азии уже в то отдаленнейшее время человеческой истории, что еще в эпоху нижнего палеолита, около 300—200 тыс. лет тому назад, несмотря на примитивность культуры, уже наметились некоторые различия в способах обработки камня и в формах каменных орудий.

Впервые поселившиеся здесь люди были скорее в родстве с первобытными жителями Северной Индии, нежели Африки, Европы и Передней Азии. Во всяком случае можно проследить известное сходство между грубыми орудиями галечного типа и аналогичными изделиями палеолита Индостана[7]. Чтобы представить условия, в которых жили эти древнейшие обитатели Тянь-Шаня и других областей Средней Азии, следует охарактеризовать основные черты природной среды. Эта геологическая эпоха, связанная с появлением первых людей, носит название антропогена, или четвертичного периода. В начале антропогена на равнинах Казахстана и Средней Азии господствовал влажный теплый климат, произрастала богатая растительность. Южнее климат был сухой и жаркий, здесь встречались растения, характерные для пустынь и полупустынь. В тугайных зарослях, тянувшихся вдоль рек, в степях с высокими травами и различными кустарниками водились бизоны, степные носороги-эласмотерии, крупные лоси и олени, лошади, а местами и верблюды.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ



ЦИФРАМИ НА КАРТЕ ОБОЗНАЧЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1. Сасык-Ункур
2. Он-Арча
3. Ходжа-Бакирган-сай
4. Георгиевский Бугор
5. Саламат-Булак
6. Тосор
7. Ходжа-Гор
8. Ташкумыр
9. Обишир
10. Ак-Чункур
11. Аламедин
12. Чолпон-Ата
13. Арпа
14. Аксай
15. Алай
16. Каинда
17. Джаильма
18. Александровское
19. Аламединское
20. Джал-Арык
21. Таш-Тюбе
22. Кулан-сай
23. Таш-Башат
24. Кызыл-сай
25. Беш-Таш
26. Тегирмен-сай
27. Пригородный
28. Новороссийский
29. Чон-Кемин
30. Кекелик-сай
31. Тон I
32. Джазы-Кечу
33. Чыргаил
34. Бурмачап
35. Садовский
36. Сокулукский I
37. Сокулукский II
38. Туюкский
39. Шамшинский
40. Тюпский
41. Преображенский
42. Каракольский I
43. Каракольский II
44. Узун-Ахмат
45. Чимбай
46. Дехкан
47. Боз-Тепе
48. Кошак
49. Хожамбаг
50. Ошское
51. Баш-Булак
52. Сасык-Бука
53. Борин-Тепе
54. Самайлы-Таш

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

КАМЕННЫЙ ВЕК

Палеолит
- Пещеры
- Местонахождения орудий труда
- Стоянки

Мезолит
- Пещеры

Неолит
- Пещеры
- Стоянки

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Андроновская культура
- Поселения
- Могильники
- Клады
- Горные выработки

Чустская культура
- Поселения
- Наскальные рисунки

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

- ФРУНЗЕ — Столица Киргизской ССР
- ОШ — Центры областей
- Токмак — Города и поселки городского типа
- *Баетово* — Населенные пункты сельского типа

ГРАНИЦЫ

- Государственная СССР
- Киргизской ССР
- Областей Киргизской ССР

Названия областей, одноименные с их центрами, на карте не подписаны

Масштаб 14 000 000

На месте современного Тянь-Шаня не было ни высоких горных массивов, ни глубоких межгорных котловин, вроде Иссык-Кульской или Нарынской впадин. Здесь простирались обширные равнины, окруженные горами и холмами, высота которых не превышала 500—600 *м*. В горах Тянь-Шаня росли хвойные и лиственные деревья, в том числе тянь-шаньская ель, составляющая теперь характерный элемент ландшафта горной Киргизии. В низинах расстилались влажные луга, а по соседству с ними — сухие и полупустынные степи. В течение четвертичного периода в Европе и Азии шел грандиозный по масштабам процесс горообразования в районе Альп, Кавказа, Памира и Тянь-Шаня. Процесс этот в разных частях охваченной им огромной территории, в том числе и на Тянь-Шане, проходил различными темпами. Горные хребты и массивы занимали все большие пространства, очертания их становились все более отчетливыми, снеговая линия понижалась. Увеличивалась область накопления ледников. Они начали медленно сползать в долины Тянь-Шаня, устремляясь в глубь соседних низин, и вскоре заняли все нагорные районы Внутреннего Тянь-Шаня и межгорные впадины. И только Иссык-Кульская котловина была свободна ото льда. Так в истории Тянь-Шаня начался ледниковый период, расчленившийся на этапы, отдаленные друг от друга межледниковым периодом.

Суровый климат ледниковой эпохи привел к существенным изменениям природы Тянь-Шаня, в первую очередь растительности. В тугайной растительности Внутреннего Тянь-Шаня исчезли теплолюбивые лиственные породы — ольха, вяз и ясень, в то время как другие, в первую очередь тянь-шаньская ель, приспособились к новым условиям. Одновременно на юг, в Ферганскую долину, проникает слон нового типа — мамонт, животное, строением своим обязанное суровым климатическим условиям, а также шерстистый носорог.

Ледниковый период сменился более теплым, межледниковым. Он характеризовался интенсивными тектоническими процессами: расширяются области высоких гор за счет сокращения равнин в межгорных котловинах, образуются многочисленные предгорные возвышенности, прорезанные речными долинами.

Под воздействием тектонических процессов глубоко опускается центральная часть Иссык-Кульской впадины. Так образовалось оз. Иссык-Куль. Вслед за отступающим ледником по долинам рек продвигается лесная и луговая растительность. Новое похолодание вызвало рост ледников, однако, размер оледенения был меньшим, чем в предыдущий этап наступления ледников. Иссык-Кульской котловины ледники, как правило, не достигали.

О том, что в рассматриваемое время территория Киргизии была прочно освоена древним человеком, свидетельствуют находки в местности Саламат-Булак, на западной оконечности оз. Иссык-Куль, в 3 *км* к югу от г. Рыбачье[8]. Здесь обнаружено около тысячи древних орудий. И хотя найдены они на поверхности, есть

основания полагать, что они здесь располагались и в древности, а не перемещены сюда водными потоками, во всяком случае, следы окатывания на них отсутствуют.

Орудия были найдены на двух средних террасовых уровнях, где, видимо, и находились временные стойбища древних людей. Район этот был весьма благоприятен для обитания, поскольку оз. Иссык-Куль, занимавшее значительно большую площадь, чем в настоящее время, способствовало смягчению климата. Древний человек мог заниматься и рыболовством (раскопки среднепалеолитических пещер Кавказа показали, что в то время этот способ добывания пищи уже получил довольно широкое распространение).

Состав изделий, обнаруженных на Саламат-Булаке, несколько специфичен. Здесь много массивных отщепов и заготовок, предназначавшихся для последующей их обработки. Большая часть коллекций состоит из массивных коротких и широких отщепов и орудий из них. Преобладают подчетырехугольная и четырехугольная формы заготовок (почти половина всех изделий). Судя по всему, перед расщеплением нуклеусы подвергались минимальной подправке, ударные площадки нередко сохраняли естественную поверхность. По целому ряду признаков, орудия труда, найденные на Саламат-Булаке, сходны с коллекциями каменных изделий нижнепалеолитических памятников Молдавии и Закавказья, где представлена техника обработки так называемого тейякского типа. Это, разумеется, отнюдь не означает наличия прямых культурных связей со столь отдаленными регионами, но является указанием на то, что развитие техники изготовления каменных орудий происходило в Киргизии по тем общим закономерностям, которые были характерны для основных областей Старого Света.

Многочисленность изделий, найденных на сравнительно небольшой территории Саламат-Булака, говорит о том, что эта местность неоднократно посещалась древними людьми и, что вполне возможно, здесь располагались и сезонные стойбища, где древние люди в перерыве между охотничьими сезонами изготовляли новые орудия. Пластины и другие изделия, судя по всему, служили для разделки охотничьей добычи, тогда как основным оружием древних охотников была рогатина, изготовлявшаяся из твердых пород дерева с заостренным и закаленным в огне ударным концом. Для изготовления таких рогатин и служили некоторые каменные орудия. Судя по всему, изделия, найденные на Саламат-Булаке, принадлежат уже к заключительному этапу нижнего палеолита.

Таким образом, древние люди, судя по следам пребывания их в долине р. Он-Арча, появились в Киргизии, вероятно, еще в то отдаленное время, когда только начали таять и отступать льды первого оледенения. Это было время, когда наш далекий предок делал шаги на пути от формирующегося к «готовому» человеку, от полного подчинения природе — к господству над ней. В условиях грандиозных изменений четвертичного периода, менявших облик целых континентов, он приспосабливался к экологической среде, добывая пропитание охотой на диких животных и сбором кореньев и плодов.

Что же представляли собой люди той отдаленной поры человеческой истории? Каков был их внешний облик и как строилась их общественная жизнь?

Об облике их можно судить по костным останкам, обнаруженным в Чжоукоудяне, Тернифине и других местах, позволяющим проследить эволюцию человека — от древнего (питекантроп) до более позднего (неандерталец). Они свидетельствуют о том, что наши предки были уже двуногими, а не четвероногими существами, следовательно, не только сохранили, но и усовершенствовали вертикальную походку — «бипедализм». Важно, что их верхние конечности, освобожденные от опорных функций, были приспособлены к труду. Прогрессивно развивался и их мозг, который был намного больше по объему, чем у питекантропа, причем значительного развития достигла нижнетеменная доля, с которой преимущественно связана высшая сфера умственной деятельности.

Орудия, найденные на р. Он-Арча, говорят о том, что изготовляя их, люди, очевидно, также, как и их современники в Африке, Южной Европе, пользовались огнем, хотя и не умели еще искусственно добывать его. Огонь согревал их в холодное время года, служил могущественным оружием против хищников. Это была первая стихия природы, которую человек покорил в своей извечной борьбе за существование.

Постоянные совместные поиски пищи, коллективная охота и защита от врагов, иными словами, совместная трудовая деятельность сплачивали первобытных людей, способствовали установлению общественных связей между ними. Именно эти общественные связи, зародившиеся в процессе развития трудовой деятельности, подавляли звериный инстинкт, унаследованный нашими предками от животных. Они укрепляли силы человека, все более возвышали его над природой.

Основным общественным объединением в тот период было первобытное человеческое стадо. Охотники и собиратели объединялись в группы, численность которых менялась в зависимости от рода хозяйственной деятельности. Обычно такая группа насчитывала 5—15 человек, тогда как в сезон охоты возникали объединения численностью 40—70 человек. Все это способствовало тому, что человек не только выжил в условиях кардинальных природных изменений четвертичного периода, но и продолжал развиваться, совершенствовал свою культуру и орудийную деятельность.

2. Мустьерский этап

В пору от 100 до 40 тыс. лет тому назад человечество переживало важную веху своего развития, получившую название (по периодизации памятников каменного века, впервые выработанной для территории Франции) мустьерской[9]. Мустьерский этап в развитии палеолитической культуры назван по пещере Ле Мустье (департамент Дордонь в Юго-Западной Франции). Этот период характеризуется прогрессом прежде всего в технике изготовления каменных орудий: исходная каменная заготовка скалывалась так, что одна или обе ее стороны образовывали ровную площадку, затем от этой исходной заготовки или нуклеуса откалывались массивные удлиненные пластины, использовавшиеся для изготовления различного рода орудий[10]. В этот период все шире распространяются специальные орудия — остроконечник, который могли использовать в качестве наконечника копий и дротиков, и скребло, применявшееся, видимо, для обработки шкур животных. Экспериментальное изучение мустьерских скребел показало, что ими можно было за четыре часа обработать шкуру барана. Шкуры шли на изготовление одежды, предохранявшей охотников от зимней стужи, особенно в эпоху оледенения, а также использовались для других целей — в частности, для покрытия примитивных хижин. Люди по-прежнему жили в пещерах, однако уже начали сооружать и искусственные жилища. Так, долговременные жилища типа полуземлянок, характерные еще для доледникового периода, обнаружены археологами в Восточной Европе. Стены их крепились массивными костями мамонтов.

Многочисленные находки, сделанные в различных областях, свидетельствуют и о локальных особенностях культуры той эпохи, в частности, различных технических приемах расщепления камня и изготовления каменных орудий. Закрепленные первобытным традиционализмом, эти различия превращались в устойчивые признаки, отделявшие культуру одной группы древних людей от другой. На территории Средней Азии исследователи выделяют по крайней мере четыре разновидности мустьерской культуры[11].

Развиваются не только техника, культура, но и сами люди. В этот период появляются неандертальцы, костные останки которых обнаружены во многих районах Старого Света. В Средней Азии к их числу относится знаменитое погребение неандертальского мальчика, открытое А. П. Окладниковым в гроте Тешик-Таш, на юге Узбекистана. Как показали исследования, это были люди среднего роста, сильного сложения[12]. Развитие мозга приближало неандертальца к современному человеку — его объем колебался от 1200 *см*³ до 1600 *см*³. Однако внутренняя структура мозга во многом была примитивной, о чем говорит слабое развитие лобных долей.

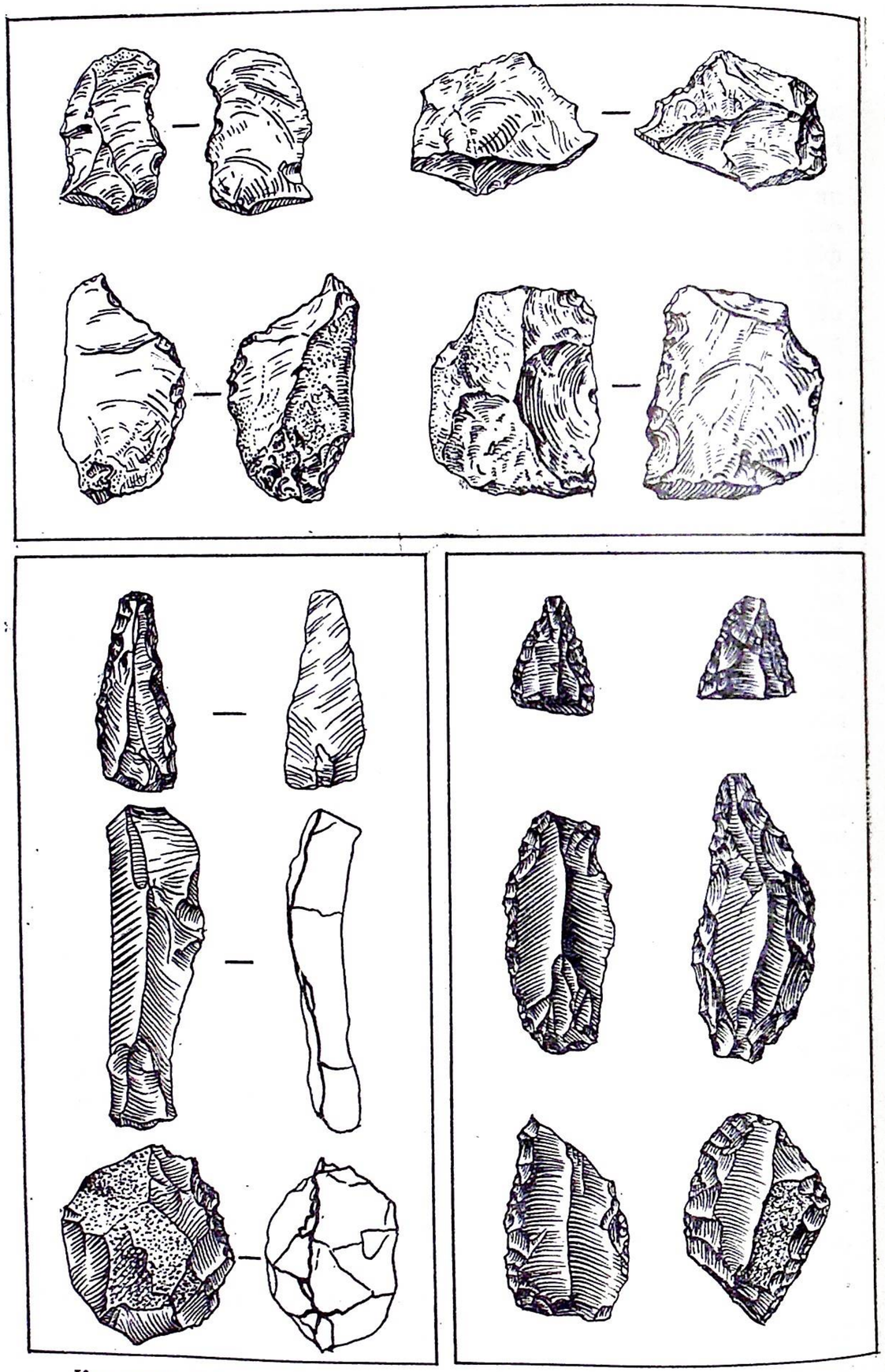
Для Казахстана и Средней Азии того времени характерны трогонтериевые слоны, отличавшиеся приземистыми пропорциями, лошади, бизоны, сайгаки, шерстистые носороги и ранние виды мамонтов, у которых шерстный покров был еще недостаточно развит.

На территории Киргизии известен целый ряд пунктов, где были обнаружены изделия мустьерского времени. К сожалению, все они в той или иной мере переотложены в ходе разрушения рельефа, и культурный слой древних стойбищ не сохранился. Концентрация находок каменных изделий в одном месте показывает, что перед нами следы интенсивной и относительно долговременной деятельности человеческих коллективов. К числу таких памятников относятся Тосор и Георгиевский Бугор в Северной Киргизии, а также древние «каменоломни» на юге республики (местность Капчигай).

На севере Киргизии, судя по отдельным находкам, неандертальцами была сравнительно хорошо обжита Иссык-Кульская котловина, где обнаружено свыше десяти местонахождений древних изделий, как правило, приуроченных к речным террасам. Видимо, берега небольших речек, впадавших в Иссык-Куль, были весьма благоприятны для обитания древних людей. Наиболее значительный материал был обнаружен на памятнике Тосор, который, вероятнее всего, является остатками разрушенного селем древнего стойбища[13]. Стоянка находится в глубине ущелья, на правом берегу р. Тосор. Террасовидный уступ, расположенный на высоте 1800 *м* над уровнем моря, невелик — не более 1000 ***кв. м.*** Здесь было найдено свыше 3 тыс. каменных изделий. Для их изготовления древние жители использовали местные горные породы: серый кремнистый сланец, реже — яшму и другие. Громадное количество сколов и осколков говорит о том, что здесь происходило и изготовление орудий.

Для ядрищ-нуклеусов преимущественно выбирались плитки — обломки разрушившихся скал. Наибольшим числом представлены нуклеусы. Нуклеусы Тосора полюсные, односторонне-дисковидные, неправильной формы с подправкой края с тыльной стороны и уплощенной многочисленными сколами поверхностью. Эти две формы нуклеусов наиболее типичны для мустьерских стоянок Средней Азии. Однако для Тосора можно выделить еще один тип нуклеуса, который, судя по определению Р. Х. Сулейманова, характеризуется особой техникой расщепления камня[14]. Очень редко встречаются двусторонне-дисковидные мустьерские нуклеусы, изготовленные из речных галек. На Тосоре в общей сложности найдено около трех десятков более или менее хорошо выраженных нуклеусов.

Для определения характера и возраста палеолитической культуры весьма важно изучение заготовок пластин и отщепов. В коллекции Тосора встречаются пластины разной величины, в том числе довольно крупные. Средняя длина —6—7 *см.* Самые большие



Каменные изделия. 1— домустье. Саламат-Булак; 2, 3— мустье. Тосор, Георгиевский Бугор.

достигают 9—11 *см*. Гораздо меньшими размерами отличаются отщепы. Можно отметить и значительную толщину заготовок. Преобладают экземпляры, толщина которых более 1 *см*. Многие пластины по технике изготовления близки изделиям типа леваллуа — прогрессивной технике, впервые установленной для этой эпохи по материалам Франции.

Число собственно орудий, найденных на Тосоре, невелико, по сравнению с остальным материалом они буквально единичны. Среди орудий — хорошо выраженные скребла и остроконечники. Ретушь, оформляющая орудия, пластинчатая с заломами, типично мустьерская. В числе скребел имеются двойное двояковыпуклое на тонкой леваллуазской пластине, скребло боковое с крутой ретушью на спинке, скребло двойное с выемкой. Скребки представлены боковым односторонним, а также двусторонним с противолежащей ретушью. Помимо указанных типов, в материалах Тосора можно выделить выемчатые орудия. Специфические особенности тосорской коллекции позволяют отнести этот памятник к заключительному этапу мустьерской эпохи, а в культурном отношении — к тому варианту, который носит название леваллуа-мустьерского (по находкам в Леваллуа-Перре близ Парижа).

Другой памятник мустьерского периода в Северной Киргизии носит название «Георгиевский Бугор»[15]. Он представляет собой останец, расположенный на левом берегу р. Чу, неподалеку от г. Фрунзе. Общая высота его в северо-западной, наиболее возвышенной части — 30 *м*. Особенно много изделий было найдено на западном склоне. Их общее количество составило 4000.

Для изготовления орудий использовалась речная галька, лучшие кремневидные образцы которой шли на изготовление поделок со вторичной обработкой. В коллекции привлекает внимание большое количество нуклеусов, всего около 500. Нуклеусы Георгиевского Бугра напоминают аналогичные изделия памятника Кара-Бура (Юго-Западный Таджикистан). Имеются удлиненные пластины как целые, так и укороченные, с ударными площадками. Подобные прямоугольные пластины с трапециевидным сечением, относящиеся к эпохе мустье, обнаружены в различных памятниках Средней Азии.

Ближайшие аналоги подъемного материала Георгиевского Бугра имеются в памятниках Южной Киргизии. Особенно многочисленны они в материалах палеолитических стоянок в Кайрак-Кумах (Западная Фергана). В коллекции имеются остроконечники, но количественно преобладают скребла и скребловидные орудия. Наряду с обычной, мустьерской, представлена и зубчатая ретушь. Преобладание скребел, в том числе сложных, сближает Георгиевский Бугор с Семиганчем в горном Таджикистане.

Георгиевский Бугор по своим техническим показателям ближе всего к мустьеро-соанскому варианту среднеазиатских культур мустьерской эпохи. Памятники мустьерского периода на юге Кир-

гизии, а следовательно, и находки немногочисленны. Обработанный камень наиболее часто встречается на нижней террасе так называемого ташкентского комплекса, причем у бровки террас находки малочисленны, а на расстоянии 100—200 *м* от русла их совсем не было. Это свидетельствует о том, что они обнаружены в местах обитания людей. Широкое и равномерное распространение палеолитических изделий в районе Аирбаза позволяет предполагать, что они попали в верхнюю часть террасовых отложений в момент формирования ташкентского комплекса.

В районе мазара Ходжа-Гаир бо́льшая ча́сть изделий располагается на нижней террасе этого комплекса и севернее, они обнаружены в верхних горизонтах конуса, что позволяет судить, что леваллуа-мустьерский комплекс изделий синхронен концу ташкентского цикла.

Представляют интерес памятники, открытые П. Т. Коноплей в зоне адыров[16]. Относительная высота адырных участков в низовьях р. Шахимардан обычно не превышает 100 *м*, чаще всего 50—70 *м*. В геологических разрезах обычно фиксируется одна или две слаборасчлененные террасы. Все пункты на адырных увалах представляют собой остатки сильно размытых охотничьих стоянок эпохи палеолита. Материалом для изготовления орудия служил роговик, очевидно, переотложенного характера из близлежащих предгорий, так как на поверхности этот материал почти не встречается.

На девяти местонахождениях адырных увалов найдено всего около 200 изделий каменного века. Отдельные, явно более поздние предметы, малочисленны и не занимают сколько-нибудь значительного места в коллекции. Среди находок привлекает внимание небольшая, но довольно своеобразная коллекция нуклеусов. Имеется также несколько орудий, пластин (бо́льшей частью отщепы).

Отсутствие двусторонне-дисковидных форм, столь характерных для Тешик-Таша и Кайрак-Кумов, и наоборот, преобладание нуклеусов с односторонним сколом, с уплощенной поверхностью, легкость и «грацильность» нуклеусов, мелкие фасетки сколов позволяют сопоставить ферганские нуклеусы с самыми поздними нуклеусами мустьерского времени.

О жизни обитателей Киргизии мустьерского периода могут поведать также археологические памятники, открытые на границе с Узбекистаном и Таджикистаном. Это — «каменоломни» неандертальцев, места, где они добывали камень для изготовления орудий труда и производили его первичную обработку.

Самое богатое остатками деятельности древнего человека местонахождение этого рода расположено в долине Капчигай Ошской области[17]. Здесь, посредине просторной долины, окаймленной цепями снежных гор, отвесно вздымается скалистая вершина. Вдоль ее крутого гребня выступают поперечные уступы скал, по склонам низвергаются потоки раздробленного временем и си-

лами природы камня. У источника, расположенного в подножии горы, в накопившихся за тысячелетия толщах известнякового туфа-травертина, обнаружены куски кремнистой породы, обработанной человеком. Среди них пластины, множество отщепов и нуклеусов, скребла и скребки. Преобладает темная, почти черная кремнистая порода, чаще с красивым зеленовато-голубоватым оттенком. Кремень превосходного качества давал гладкие поверхности раковистого излома, острые и прочные режущие края.

Пришедшие сюда в конце мустьерского периода охотники за кремнем, образовавшимся в результате растрескивания породы, выбирали лучшие образцы. Так еще в глубокой древности началась разработка горных недр в производственных целях. Кремень добывался и непосредственно из скалы, о чем свидетельствуют раздробленные и выломанные пласты породы. Цвет обломанных плоскостей выходов кремня значительно светлее цвета скалы, покрытой «скальным загаром», и близок цвету нуклеусов, пластин и отщепов.

Орудиями для обработки этого древнего камня служили те же массивные обломки кремня, которые в изобилии встречаются вокруг, в том числе и оббитые человеком, в виде грубых заготовок. Края таких камней имеют характерные выбоины: они нередко затуплены и даже «смяты» от ударов по твердому камню, как и обычные каменные отбойники. Это были, очевидно, кирки древних рудокопов, а вместе с тем и орудия для дальнейшей переработки каменного сырья в заготовки и готовые изделия. И чем выше по склону, тем чаще встречаются изделия из кремня, но уже более грубые и бесформенные. Вероятно, это было обусловлено тем, что здесь, у выходов кремня, мустьерский человек лишь выламывал и извлекал его из осыпей. Следы работы древнего человека сохранились и на вершине Капчигайской возвышенности. На пологой площадке обнаружены скопления заготовок нуклеусов с массой отщепов. Очевидно, древние мастера оббивали здесь плитки и куски кремня, которые затем превращали в нуклеусы.

Следы работы мастеров каменного века наиболее отчетливо прослеживаются на речных террасах. Именно здесь были обнаружены прекрасно сохранившиеся нуклеусы, пластины, а также те немногочисленные готовые орудия, которые, очевидно, были случайно оставлены или утеряны их владельцами,— остроконечники и скребла.

Нуклеусы из Капчигая имеют различные формы, типичные для леваллуа-мустьерской техники обработки камня. Пластины и отщепы скалывались от одного конца к другому, приобретая длинные, чаще трапециевидные и треугольные формы. Края их обрабатывали ретушью. С целью повышения их режущей способности мастера нередко прибегали к пильчатой ретуши.

Древним мастерам Капчигая была известна и техника скалывания более коротких треугольных пластин с дисковидного нук-

леуса — от краев к центру. Такие нуклеусы — диски, найденные здесь, отличаются правильностью формы и небольшими размерами.

Скребел найдено немного, остроконечников лишь три. В дело, очевидно, пускались и отщепы; у некоторых из них сбоку имеются следы ретуши, а иногда и нарочито сделанные выемки и шипы-зубцы. Отщепы и пластины с выемками служили, по всей вероятности, скреблами. Ими можно было выравнивать древки для копий, обрабатывать шкуры животных.

Капчигайская мастерская-каменоломня эпохи палеолита не была, впрочем, единственной в Ферганской долине. Скопления обработанного человеком камня обнаружены на скалах и в долине р. Охна Ошской области. В известняках предгорной гряды Катран-тоо встречаются выходы изверженных пород. Среди них альбитовые туфы, альбито-диабазовые порфириты, змеевики, а также кварцевые диориты. Все эти породы, наряду с кремнистыми сланцами, использовались первобытными людьми для изготовления орудий. Как и в Капчигае, древние мастера собирали у подножия скалистых выходов и на склонах холмов камень, из которого изготовляли нуклеусы, пластины и отщепы. Десятки и сотни таких изделий обнаружены у подножия Катран-тоо, на пологих, сильно размытых склонах соседних холмов.

Таким образом, первобытные обитатели Киргизии и соседних с ней районов достигли к концу мустьерской эпохи достаточно высокого по тем отдаленным временам уровня развития культуры. Прогресс станет особенно заметным, если сравнить грубые орудия, найденные на р. Он-Арча и в Ходжа-Бакырган-Сае, с орудиями мустьерской эпохи, обнаруженными на Тосоре и в Капчигае.

Несравненно более развитые, чем прежде, приемы обработки камня, устоявшийся набор каменных орудий и более совершенные формы мустьерских изделий — все это говорит о прогрессе в технике. Наиболее показательны особенности некоторых каменных изделий, связанные с представленной в Капчигае так называемой леваллуазской техникой расщепления камня. Для нее характерны нуклеусы особого рода — уже не дисковидные, а овальные или треугольные, тщательно подправленные ретушью по краям. С этих нуклеусов скалывались сравнительно широкие и длинные пластины с параллельными гранями на спинке. Такие пластины могли без дополнительной подправки употребляться в качестве ножей, скобелей, словом, в качестве режущих предметов.

Усложнение трудовых операций привело к развитию психики мустьерского человека, что выразилось в более четкой ориентации в окружающем мире, более развитом осмыслении окружающей действительности. Некоторые исследователи утверждают, что сознание у неандертальцев отсутствовало и вся их деятельность была «инстинктивной». Однако находки в Капчигае опровергают эту точку зрения. Безусловно, неандертальцы не могли использовать выходы кремня бессознательно, «инстинктивно», не представляя конечной цели, определявшей их действия. У них явно существовала уже достаточно сложная организация хозяйства и труда. Они отправлялись в эту труднодоступную местность, чтобы собрать и заготовить высококачественный материал, из которого изготовляли орудия не только для использования в данный момент, но и впрок. Они шли сюда издалека, с равнин и из тех горных областей, где не было камня такого качества. Этим и объясняется то обстоятельство, что изделия из капчигайского кремня встречаются вдали от этого ущелья, на высоких террасах и на склонах адыров.

Археологи, составляющие детальные классификационные схемы каменных изделий неандертальцев, насчитывают несколько десятков типов различных орудий, как правило, устойчивой формы, видимо, частично, специализированного назначения. Сложная организация хозяйственного цикла привела к формированию различных типов поселений, среди которых выделяются временные стоянки, стоянки — «мастерские», где происходила первичная обработка камня и изготавливались орудия, а также базовые стойбища, служившие основным местом обитания отдельных охотничьих общин[18]. Для этой цели использовались большие пещеры, например, знаменитая среднеазиатская пещера Тешик-Таш. Аналогичные пещеры обнаружены в долине р. Чаткал — Ходжент 2, Обирахмат и Огзи-Кичик (Таджикистан).

В этот период происходит и формирование идеологических представлений, зарождается магия. Исключительно интересно погребение мальчика, найденное в пещере Тешик-Таш, вокруг которого были уложены рога горного козла. А. П. Окладников усматривал в этом зарождение тотемистических верований, связанных с культом козла, бывшего основным объектом охоты, обеспечивавшей пропитание всей общины.

Все вышесказанное свидетельствует о значительном прогрессе человеческого общества в мустьерскую эпоху.

3. Верхний палеолит

Дальнейшее развитие первобытного общества происходит в период так называемого позднего или верхнего палеолита (40—12 тыс. лет тому назад). Это было время больших перемен, происходивших в технике изготовления каменных орудий, в хозяйстве, в общественных отношениях, о чем свидетельствуют археологические материалы. Прежде всего усовершенствовалась техника скалывания исходной каменной заготовки с грубого ядрища. Вместо скалывания грубых пластин с дисковидных мустьерских нуклеусов древний человек стал отделять от правильно ограненных призматических нуклеусов тонкие, длинные и соответственно легкие пластины, подвергавшиеся затем вторичной обработке сколом и тонкой ретушью. Новая техника позволяла изготавливать спе-

циализированные орудия — скребки, резцы, острия с затупленным краем, скобели, ножи, острые и легкие наконечники копий. Археологи насчитывают до 100 видов различных каменных орудий периода верхнего палеолита. Многие каменные орудия позднего палеолита стали употребляться с деревянными и костяными рукоятками и в оправах. Получили распространение составные орудия, что явилось важным этапом в развитии первобытного общества. Наряду с камнем начали широко употребляться кости, рога, из которых изготовляли шилья, иглы, наконечники мотыг, копьеметалки, гарпуны.

Более совершенная техническая вооруженность способствовала повышению эффективности хозяйственной деятельности человеческих коллективов. Широкое распространение получают массовые загонные и облавные охоты, в которых ярко проявлялась первобытная кооперация.

Крупные сдвиги в развитии производительных сил в период верхнего палеолита не могли не повлечь за собой изменений в организации общества. В это время складываются начальные формы родовой организации с определением родства по материнской линии. Женщина пользуется равными правами с мужчиной и занимает видное место в общественной жизни.

Раннеродовая община представляла собой группу людей, связанную узами родства, общим происхождением и совместной хозяйственной деятельностью. Родство по материнской линии и ряд обрядов идеологически закрепляли это единство. Родовая община была прогрессивной формой социальной организации общества, устойчивым организмом, обеспечившим подъем культуры первобытнообщинной формации. Именно с этой социально-экономической формацией связан период ее расцвета. Хозяйство родовых общин велось на строго коллективных началах. Совместный труд их членов определялся коллективным характером распределения запасов пищи и других материальных благ. Члены одной и той же общины, как правило, жили вместе, нередко в одном или нескольких жилищах, составлявших родовое поселение.

Одновременно менялся и облик человека. Древних людей, типа неандертальцев, сменяет человек, более близкий к современному типу, названный «кроманьонцем» по первой находке костных останков в гроте Кроманьон во Франции. По основным показателям — росту, типу лица, большой черепной коробке — он мало чем отличался от современных людей. Социально-хозяйственный прогресс и появление человека современного вида были взаимосвязаны. Для него было характерно развитие лобных долей мозга, регулирующих тормозные реакции. Именно развитие этой части головного мозга у кроманьонца привело к увеличению высоты черепной коробки и выпрямлению лобной кости. Предполагается, что развитие подбородочного выступа было связано с дальнейшим совершенствованием речи и перестройкой речевого аппарата.

В период верхнего палеолита заметно усиливается локальное своеобразие первобытной культуры. Она усложняется, в различных частях земного шара ее развитие протекает по-разному.

В Средней Азии в период палеолита существовали две большие культурные области: первая простиралась к востоку и северу от Киргизии, вторая — к юго-западу от нее.

На огромных пространствах Сибири, Забайкалья, Монголии и Северного Китая в конце ледниковой эпохи были рассеяны группы древних охотников на мамонтов, диких быков, лошадей и северных оленей. Раскопки одного из поселений, проведенные на Афонтовой горе у Красноярска, показали, что его обитатели жили здесь большой общиной, спаянной трудом и узами кровного родства. Вместительные жилища, по-видимому, сооружались усилиями всех сородичей. Каменные орудия их отличаются неожиданным и удивительным на первый взгляд смешением таких изделий, которые, по европейским масштабам, никак не могли бы употребляться в одно и то же время. Самую многочисленную часть составляют орудия, по форме и технике напоминающие орудия мустьерского периода: большие овальные скребла и треугольные остроконечники. Наряду с ними в одном и том же слое встречаются изящные изделия из узких ножевидных пластин правильных очертаний, в том числе столь характерные для палеолита Европы, специальные инструменты, употреблявшиеся для обработки дерева, кости, для изготовления деревянного и костяного охотничьего вооружения.

Такое необычное сочетание некоторые зарубежные археологи объясняют якобы отсталостью культуры восточных племен по сравнению с культурой более цивилизованных жителей Европы того времени. На самом же деле культура восточных племен, взятая в целом, была ничуть не примитивней культуры их западных современников, а в некоторых отношениях, возможно, даже выше ее. Так, на Востоке раньше, чем на Западе, или во всяком случае не позже, появилась домашняя собака. Столь же рано появились принципиально новые способы изготовления и виды охотничьего оружия — кинжалы и наконечники из кости с глубокими продольными желобками, в которые вставлялись острые кремневые пластины. Все это свидетельствует о значительном прогрессе в развитии охоты, являвшейся основным занятием древних обитателей Северной и Центральной Азии.

На культуре восточных племен сказались условия их жизни, в связи с чем она имеет свои самобытные традиции. Одним из наиболее ярких проявлений таких самобытных традиций у восточных племен древнекаменного века была техника изготовления каменных орудий. Она заключалась в том, что вместо тонких ножевидных пластин, снятых с призматического ядрища (нуклеуса) для изготовления орудий использовалась галька, расколотая поперек одним ударом. Плоскость раскола затесывалась рядом сколов и приобретала вид массивного лезвия, иногда прямого или вогну-

того, а чаще всего выпуклого. Данная техника изготовления каменных орудий для истории древнейшего палеолитического населения Северной и Центральной Азии была известна на Востоке еще во времена синантропа. Именно таким способом древнейшие обитатели пещеры Чжоукоудянь изготовляли свои примитивные орудия.

Из всего сказанного можно сделать важные общеисторические выводы:

Во-первых, в технике изготовления и формах каменных орудий восточных областей устойчиво сохранялись древние традиции.

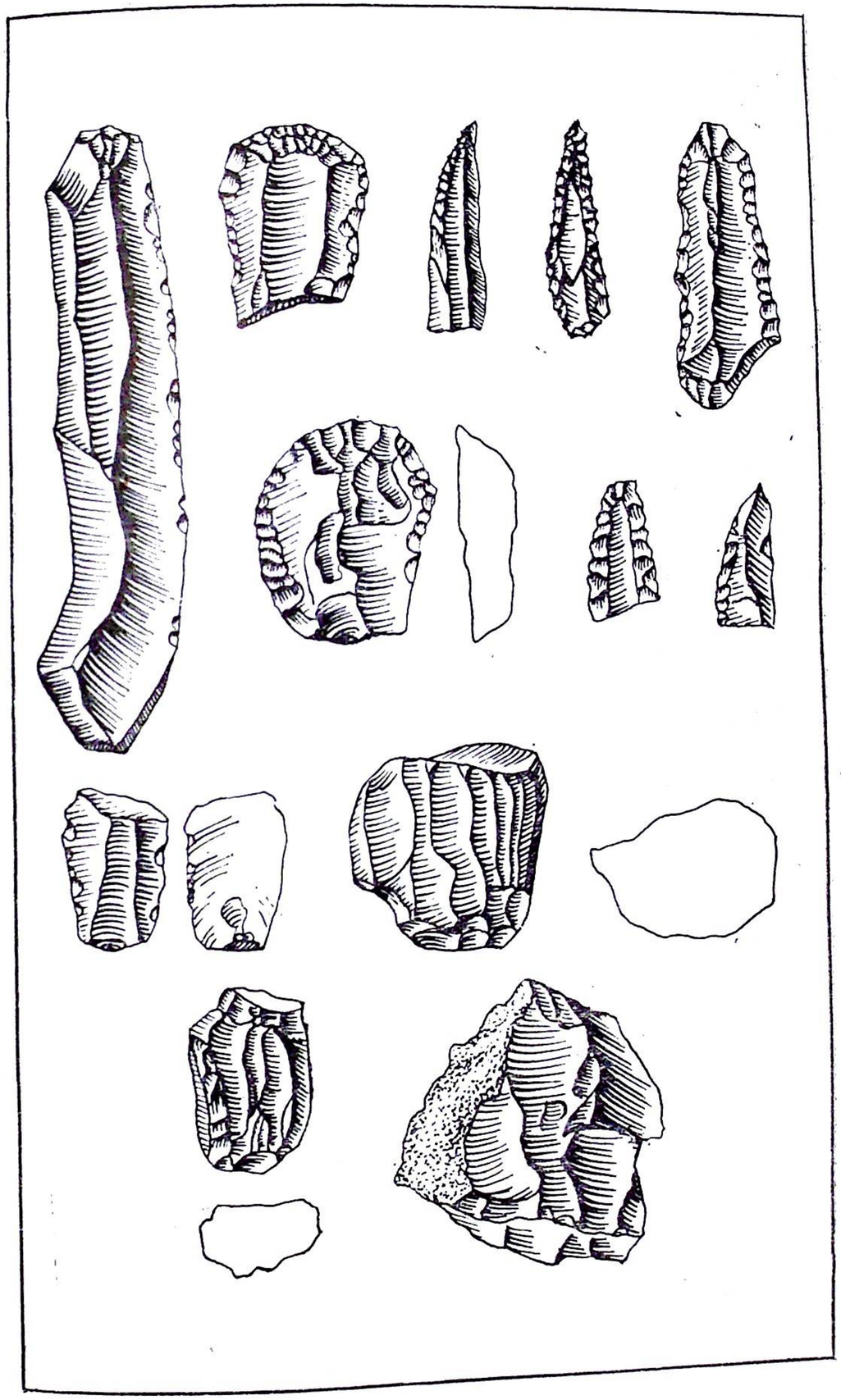
Во-вторых, родину этой культуры следует искать далеко на Востоке, где-то в Центральной Азии или в районе Гималаев, откуда она в течение тысячелетий распространялась на Запад, в том числе на Алтай, Северный и Восточный Казахстан, а также в Таджикистан и Узбекистан.

В-третьих, в восточных областях — на Тянь-Шане, Памире, в глубинах Сибири, Центральной Азии и на склонах Гималаев — надо предполагать сохранение технической традиции и отсутствие перерывов в заселении человеком этих областей земного шара.

Верхнепалеолитическая культура Киргизии и соседних с ней областей Средней Азии, являясь частью культуры Востока и составляя ее крайнее юго-западное крыло, не была, однако, однородной. Если к востоку и северу от Тянь-Шаня жили группы палеолитических охотников, которые пользовались древними восточными приемами изготовления каменных орудий из расколотых галек, то на юге обитали носители иной по происхождению культуры. Техника обработки пластин здесь отличалась специфическими приемами оформления краев ретушью. Так называемая «затупливающая» ретушь обычно крутая, фасетки ее расположены почти поперек лезвия. Другой вид ретуши — «занозистая». Рабочее лезвие, обработанное такой ретушью, имело острые выступы и зубчики.

Изделия геометрической формы, получившие в литературе из-за своих малых размеров название микролитов (от «микро» — малый и «литос» — камень), в Средней Азии особенно в большом количестве встречаются в Юго-Западной Туркмении — около Красноводска, ст. Джебел и Небид-Дага. Обнаружены они и в бассейне Аму-Дарьи, близ горы Баба-Таг, в районе Айваджа, а также на берегах Кафирнигана и Вахша. Наиболее богатая находками каменных изделий микролитических форм стоянка древних охотников открыта у источников Чиль-Чор-Чашма, близ Бишкента в Шаартузском районе, на юге Таджикистана.

Техника изготовления геометрических микролитов открыла новые возможности в создании орудий труда, предназначенных для специальных операций. Пластинки правильной формы можно было точно подогнать одна к другой, создавая прямой рабочий край составных орудий.



Кремневые орудия. Верхний палеолит. Ходжа-Гор.

Использование геометрических микропластин началось еще в эпоху верхнего палеолита, но наибольшее развитие оно получило уже в следующий исторический период — в пору мезолита.

Находки памятников верхнепалеолитического времени на территории Киргизии пока немногочисленны. Сырье для изготовления каменных орудий древние люди добывали на юге республики в местности Капчигай. Добыча его, судя по всему, продолжалась и в пору верхнего палеолита. Во всяком случае, некоторые найденные здесь каменные изделия могут быть отнесены к этому времени.

Крупным верхнепалеолитическим памятником является стоянка Ходжа-Гор, обнаруженная у одноименного источника в долине южного притока Сыр-Дарьи р. Исфара, на стыке границ Таджикистана и Киргизии[19]. Определить геологический возраст выноса, перекрывающего древние отложения небольшой горной долины, довольно сложно. А. П. Окладниковым был заложен на стоянке раскоп площадью 200 *м*². Результаты раскопок показали, что верхнепалеолитические орудия здесь находятся в переотложенном состоянии. Культурный слой не сохранился. Кострища были размыты водами, стекающими с Туркестанского хребта. Кремневые орудия найдены в слое палевого суглинка и особенно в большом количестве в верхней его части. Большая коллекция собрана непосредственно на дневной поверхности не только в конусе выноса, но и в лощинах.

Обработанный человеком кремень залегает в толще лессовидного суглинка на глубине 30 *см*. На стоянке Ходжа-Гор найдены многочисленные концевые скребки, изготовленные из широких правильной формы пластин и отщепов, а также круглые, и что весьма интересно, двуконечные, а также специальные инструменты типа буравчиков, проколок, сверл. Для определения характера материала из Ходжа-Гора большое значение имеют кремневые острия из тонких, узких, правильно ограненных пластин. По своей форме и назначению эти изделия напоминают распространенные в эпоху верхнего палеолита в Европе и Передней Азии острия типа «перочинного ножа» или «граветт». Несмотря на применение древними мастерами микролитической затупляющей ретуши, орудия геометрических очертаний в коллекции отсутствуют. Изделия, найденные на стоянке Ходжа-Гор, близки верхнепалеолитическим орудиям Передней Азии и прежде всего Сирии и Палестины. По своим культурным признакам этот памятник характеризует заключительный этап верхнего палеолита (примерно XV—XI тысячелетия до н. э.).

4. Первобытные общины времен мезолита и неолита

Развитие составных орудий и микролитической техники завершилось важным изобретением — было создано совершенное охотничье оружие— лук и стрелы. Деревянные стрелы с наконечниками из микропластин значительно облегчали охотничий промысел. Это произошло в период, именуемый по археологической периодизации мезолитом, или среднекаменным веком, датируемый в основном в пределах X—VII тысячелетий до н. э. В это время техника изготовления каменных орудий достигла филигранной тонкости. Миниатюрные пластинки, отделяемые от заготовки нуклеуса, монтировались в костяную или деревянную рукоять.

С помощью таких орудий можно было производить тонкие и точные работы. Если массивные скребла неандертальцев позволяли лишь грубо выделать шкуру добытого зверя, то мезолитические инструменты представляли собой набор орудий, предназначавшихся для специализированных операций и позволявших получать более качественные кожевенные изделия. Исходной заготовкой для изготовления таких орудий являлись микропластины, типичные для многих культур эпохи мезолита. Наряду с развитием охоты все большее распространение получает сбор разного рода растений, особенно — дикорастущих злаков. Исследования, проведенные на Ближнем Востоке, показали, что в X—IX тысячелетиях до н. э. некоторые общины, обитавшие в горах Загроса и в Восточном Средиземноморье, занимались сбором дикорастущих злаков с помощью жатвенных ножей с рабочим лезвием из кремневых пластинок. Все это создавало благоприятные предпосылки для перехода от потребления продуктов питания к их производству, т.е. к земледелию и скотоводству[20].

В Средней Азии терочные камни для обработки собираемых растений обнаружены в эпоху позднего мезолита и раннего неолита в слоях ряда прикаспийских пещер, а вкладыши серпов найдены при раскопках стойбища Туткаул, к югу от Душанбе[21]. Однако повсеместно господствующим способом добывания пищи оставалась охота, и там, где этому благоприятствовали природные условия,— рыболовство. Судя по имеющимся материалам, не составляли исключения в этом отношении и первобытные общины на территории Киргизии.

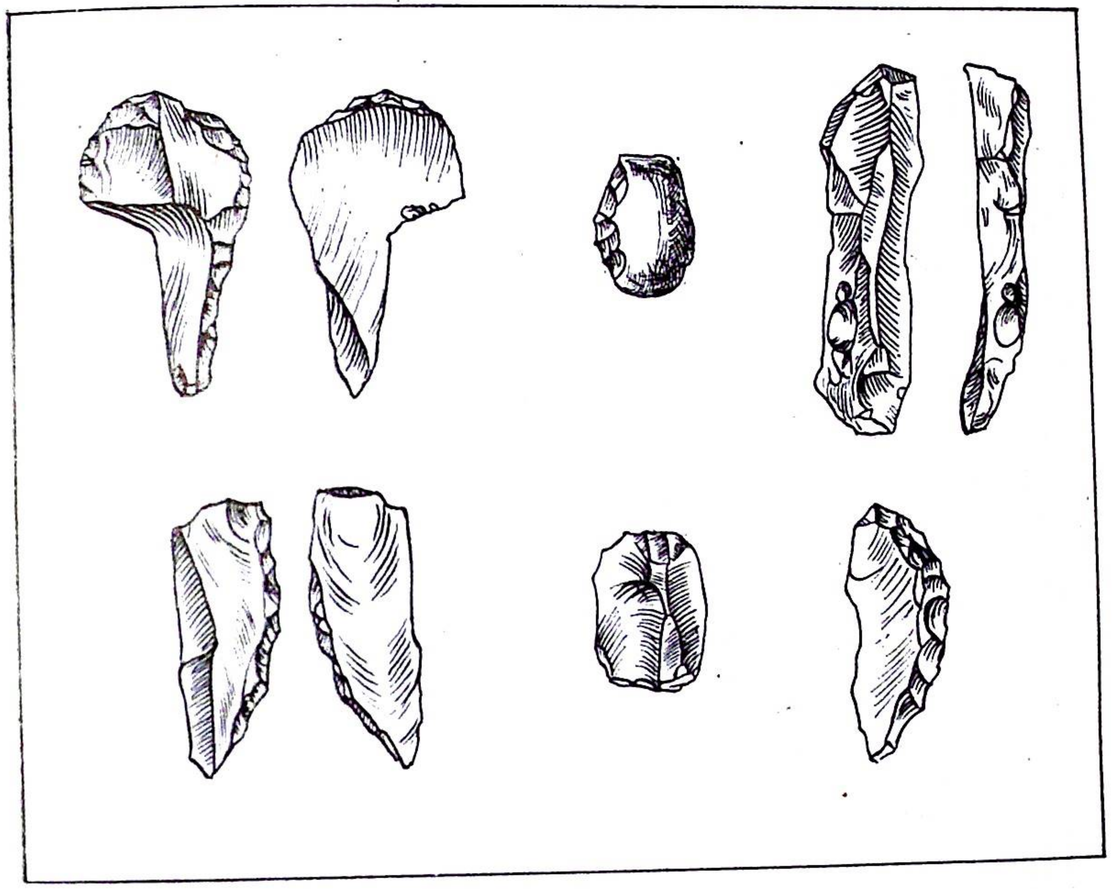
Сравнительно густо в эпоху мезолита была заселена Ферганская долина. Стоянки мезолитических охотников найдены в большом количестве в ее равнинной части, а стойбища, устроенные в пещерных навесах, раскапывались в предгорьях. Эти памятники характеризует значительная культурная близость и, возможно, они оставлены не просто разрозненными родовыми общинами, а более значительными объединениями — мезолитическими племенами. Советские исследователи считают, что к эпохе мезолита можно с уверенностью отнести формирование племени как особой общественной организации первобытнообщинной формации.

Наиболее полно культура мезолитических племен Киргизии изучена в ходе раскопок группы гротов Обишир I—V, расположенных в верховьях р. Сох[22]. Большинство пещер служили временными убежищами, но грот, получивший наименование Обишир V,

был использован для долговременного поселения древних охотников. Здесь выявлены три культурных слоя того времени, многочисленные зольные прослойки и угольки. Ширина грота 30 *м*, глубина —9 *м* и высота — около 20 *м*.

Среди находок наиболее многочисленны кремневые орудия, относящиеся к микролитической индустрии, среди них мельчайшие пластины, использовавшиеся в качестве вкладышей составных орудий. Сравнительно реже встречаются грубые галечные орудия, главным образом, скребки. У. Исламов, раскапывавший эту стоянку, выделяет 7 типов скребков на пластинах и 11— на отщепах. Перед нами свидетельство высоко специализированного скорняжного производства. Другие орудия были связаны с обработкой кости и дерева, скорее всего для изготовления рукояток составных орудий. Число геометрических микролитов в Обишире при раскопках на столь значительной площади невелико — найдено всего 2 таких орудия. Известны также костяные орудия, главным образом, шилья и проколки, использовавшиеся при изготовлении одежды из выделанных шкур и при других работах. Примечательны и находки украшений, сделанных из кости. Они свидетельствуют о том, что древние люди не только были погружены в утилитарные заботы, но и беспокоились об убранстве жилищ. Интересно, что при значительной мощности культурных наслоений костей древних животных в Обишире найдено сравнительно немного, да и то, как правило, в фрагментированном состоянии. Этот факт говорит о том, что древние обитатели заботились об относительной чистоте своего жилища. Судя по определениям зоологов, обиширцы охотились на сибирского козла, архара, джейрана, сибирскую косулю и кабана. Такой состав животных вполне соответствует природной среде — предгорьям и речной долине с тугайными зарослями.

Устойчивый, повторяющийся набор типов каменных орудий позволяет говорить об особой культуре эпохи мезолита, которую археологи именуют обиширской. К этой культуре относятся находки, сделанные в гроте Таш-Кумыр, расположенном на левом берегу р. Кара-Су, в 0,5 *км* выше впадения ее в Нарын [23]. В каменном инвентаре его присутствуют почти все основные типы орудий, характерные для Обишира I—V. В небольшой коллекции Таш-Кумыра имеются скребки, микропластинки с затупленной спинкой. Со стороны спинки один боковой край затуплен ретушью, другой край острый и нересширован, но встречаются и ретушированные края с мелкой заостряющей ретушью. Если ретушь нанесена со стороны брюшка, то орудие, как правило, имеет заостренную форму. Изучение орудий Таш-Кумыра, проведенное Г. Ф. Коробковой, показало, что среди них представлены ножи для разделывания туш убитых животных, скребки для обработки шкур и скобели для работы по дереву[24]. Все это вполне определенно характеризует хозяйственную деятельность ташкумырской об-



Каменные орудия. Мезолит. Таш-Кумыр.

щины: изготовление составных орудий с деревянными рукоятками, разделка охотничьей добычи и скорняжное производство.

Судя по всему, особую культурную группу образовали мезолитические племена, обитавшие в то время в высокогорных районах Тянь-Шаня. Кремневые орудия, найденные А. Н. Бернштамом и Х. А. Алпысбаевым в высокогорных пещерах Торугарта и Сары-Джаза, а также геологом Ш. А. Кадыровым на побережье оз. Чатыр-Куль (3050 *м*), имеют сходство с памирскими материалами.

Мезолитические местонахождения выявлены также палеолитическим отрядом Киргизской археологической экспедиции в районе Ак-Сай-Чатыркульских сыртов — от пос. Чатыр-Таш до западной части долины Арпы[25]. Географический район Чатыр-Куля представляет собой сравнительно неглубокие, замкнутые межгорные впадины, ограниченные, с одной стороны, хребтом Кок-Шаал, а с другой — хребтом Ат-Баши и его западным продолжением (Арпинская, Чатыркульская, Ак-Сайская впадины). Абсолютные высоты днищ котловины — 2800—3500 *м*. Это слаборасчлененные древние поверхности, на которых отмечаются луго-степи в долинах и пояс холодной пустыни на вершинах и склонах сыртовых гряд. Климат сухой, резко континентальный.

Ученые предполагают, что и древние ландшафты Памира в первой половине голоцена приближались к современным ландшафтам сыртов Внутреннего Тянь-Шаня. Одним из памятников каменного века является Сари-Имек, расположенный в нижнем течении р. Терек, в 4 *км* ниже Караул-тепе, на абсолютной высоте 3475 *м*. Остатки древней стоянки находятся на нижней террасе левого берега р. Сари-Имек, в месте впадения последней в р. Терек. Часть изделий поднята на склонах, некоторые — на поверхности мыса. Не исключено, что при шурфовке могут встретиться культурные остатки, но найденный материал, вероятнее всего, переотложенного характера. Коллекция состоит из полутора десятков предметов, среди которых преобладают отщепы, обломки тонких ножевидных пластин и нуклеусы[26].

Наибольший интерес представляет стоянка Терек 1. Она расположена на высоте примерно 3550 *м* на южном склоне останца, отделенного от основного массива гряды Ташеле небольшой седловиной, начинающейся на стрелке, образованной слиянием Ак-Сая и Терека. Обработанный камень собран на склоне и небольшом террасовидном уступе. Орудия концентрируются на площади 75×40 *м*. Они встречаются как на поверхности, так и в мелких трещинах почвы, покрытой скудной растительностью. В обработку шел разноцветный камень высокого качества. За исключением нескольких изделий из белого непрозрачного камня, орудия не патинизированы и имеют неокатанные грани. Основную часть коллекции составляют отщепы средней величины. Среди заготовок значительное место занимают пластины, представленные в основном в обломках. Имеются обломки как из мелких, так и сравнительно крупных и широких пластин. На части заготовок обнаружены отдельные ретушированные участки, которые образуют прямой, иногда выемчатый рабочий край. Найдено несколько нуклеусов, как целых, так и обломков. Один из нуклеусов по характеру расположения поверхностей скалывания близок к карандашевидному.

Собственно орудия представлены небольшим числом скребков на отщепах, проколок, острий. По характеру обработки нуклеусов, наличию мелких кремневидных пластин и ряду других моментов техники раскалывания камня их следовало бы отнести к неолитическому периоду, однако общий характер изделий говорит о том, что они ближе всего к эпохе мезолита.

Еще одна стоянка обнаружена в центральной части Арпы в урочище Кочкоракджол. Абсолютная высота ее приближается к 3000 *м*. Среди найденных здесь изделий — отщепы, несколько пластинок (в том числе микропластинки) и односторонний кремневый нуклеус.

Судя по общему облику, находки на Ак-Сай-Чатыркульских сыртах отличаются как от маркансуйской мезолитической культуры Памира, так и от обиширской культуры Ферганы, хотя отдельные сопоставимые элементы прослеживаются и в первом и во втором случаях. Представляет интерес вопрос о сходстве и различии описанных выше находок с памирских стоянок. Большое развитие пластинчатой техники на Тянь-Шане (по сравнению с Памиром) может быть объяснено двояко: во-первых, памятники Ак-Сай-Чатыркульских сыртов моложе по возрасту, чем основная маркансуйская культура Памира, во-вторых, большое значение может иметь первичный материал — на Памире орудия в основном изготовлялись из метаморфизированного песчаника — филлита, на Тянь-Шане основой производства орудий являлся высококачественный кремень.

Высокогорные стойбища тянь-шаньских охотников эпохи мезолита свидетельствуют об освоении древним человеком различных ландшафтных зон, о преодолении в ходе активной трудовой деятельности суровых природных условий. Достигнутый уровень развития орудий труда и общественного развития позволял успешно противостоять силам природы.

Завершающий период эпохи камня носит название неолита, или новокаменного века. Приемы обработки камня, получившие широкое распространение в пору неолита — шлифование и сверление, были последним новшеством в технологии каменных орудий, что позволило увеличить их ассортимент. Широкое распространение получают тесла и топоры. Другим важным новшеством неолитического периода было изготовление глиняной посуды, или керамики, как ее обычно именуют археологи. Первые сосуды служили для приготовления пищи и хранения припасов. В поступательном развитии человеческого общества принцип обжига глиняных изделий явился важным шагом к освоению химических и физических превращений веществ.

Важнейшим достижением неолитического периода был переход в ряде регионов к земледелию и скотоводству. В Средней Азии, в Южной Туркмении уже в конце VII—VI тысячелетия до н. э. сформировалась культура оседлых земледельцев и скотоводов, получившая наименование джейтунской[27]. Переход к новым формам хозяйства здесь сразу сказался на изменении всего облика культуры — появляются прочные глинобитные дома, глиняная посуда украшается нарядным узором, из камня и глины изготовляются разнообразные украшения и статуэтки. Вместе с тем в других областях Средней Азии развитие идет по другому пути и более замедленными темпами. Так, в пещерах Восточного Прикаспия в VI—IV тысячелетиях до н. э. обитали общины, частично развивавшие скотоводство, но общий облик их культуры оставался глубоко архаичным. В значительной мере это касается и племенгиссарской культуры VI—III тысячелетий до н. э., места обитания которых были выявлены в значительном количестве в Юго-Западном Таджикистане.

Наряду с временными стоянками раскопаны крупные поселения площадью до 1 *га* с мощным культурным слоем и остатками

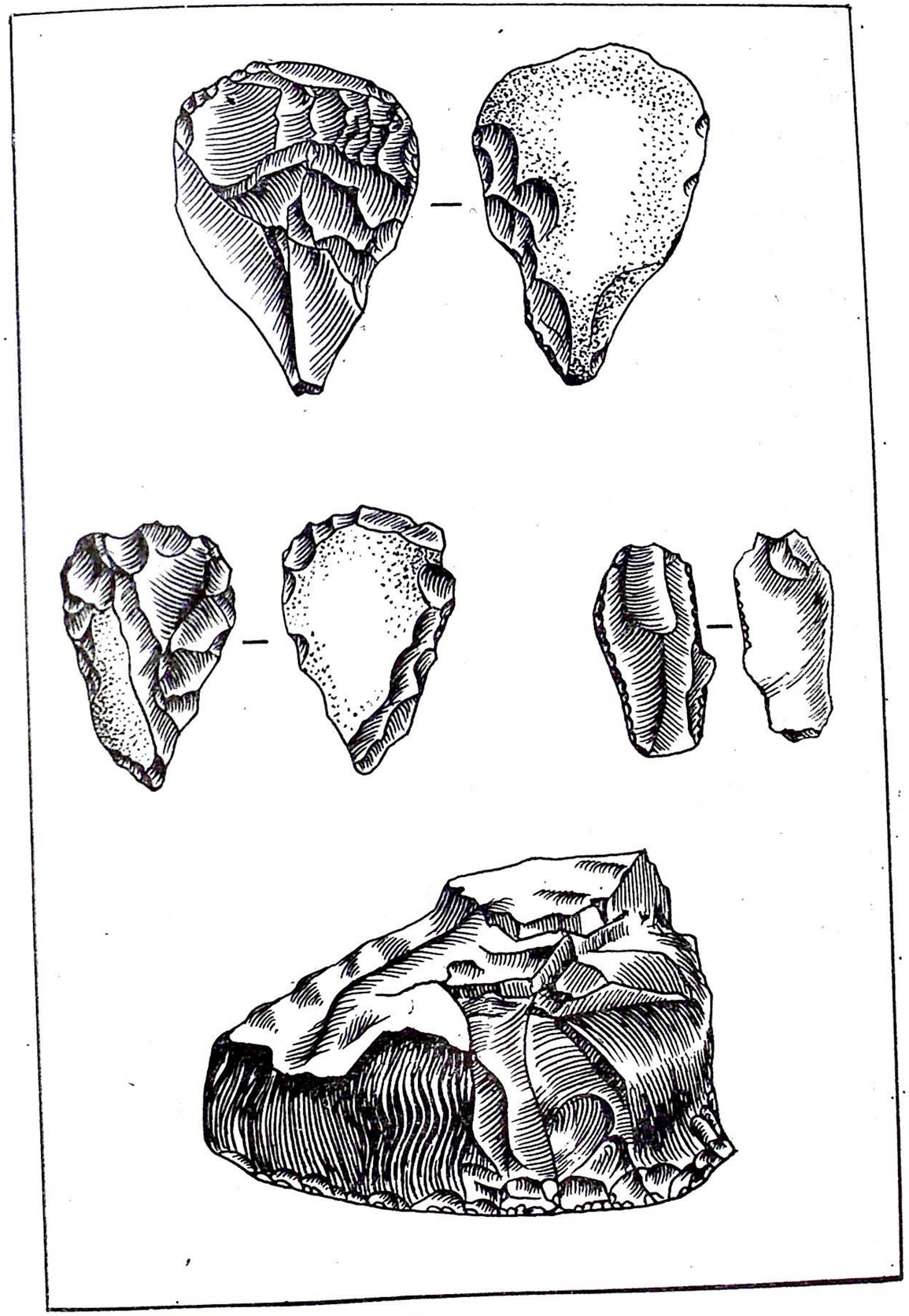
каркасных жилищ (Туткаул, Сай-Сайед). Наличие костей домашних животных свидетельствует о том, что здесь получает развитие такая прогрессивная форма хозяйства, как скотоводство, тогда как культура в основных своих чертах сохраняет архаичный облик. Широко употреблялись массивные галечные орудия, по типам близкие изделиям палеолитической эпохи. Таким образом, в рассматриваемое время усиливается неравномерность исторического развития; зоны, занятые оседлыми земледельцами и скотоводами, сосуществуют с областями племен охотников и собирателей со скотоводческим укладом.

Неолит Киргизии пока еще слабо изучен и представлен сравнительно небольшим числом памятников. В горных районах, судя по материалам, была распространена культура, весьма близкая памятникам гиссарской культуры Юго-Западного Таджикистана. В Киргизии стоянки общин с культурой гиссарского типа обнаружены в ряде мест, в том числе и в Алайской долине — на «стрелке» у слияния горных речек Кызыл-Су и Тоз-Су (Алтын-Дара), в местности Кара-Шва, в полутора километрах от Дараут-Кургана, а также в Алайской долине — на пути из Дараут-Кургана в селение Чак[28]. Районы их местонахождения представляют собой обширные пространства, на которых рассеяны изделия из камня, а иногда встречаются их скопления. Это своего рода стоянки-мастерские древних охотников. Чаще всего здесь находят отщепы, но изредка встречаются и скребла из целой гальки, похожие на сибирские. Обитателям этих стоянок известна была и техника снятия тонких правильной формы пластин с призматического нуклеуса. Такие пластины изредка встречаются вместе с изделиями из гальки. Кое-где, например, на р. Аламедин, галечные изделия и отщепы найдены вместе с грубой керамикой и зернотерками.

Среди находок, относящихся к гиссарской культуре, преобладают галечные нуклеусы. Они могут быть разделены на две группы. В первую входят гальки-нуклеусы удлиненной формы, у которых скалывание производилось, как правило, только с одного конца. Другой конец оставался нетронутым и служил своего рода рукоятью. Эти нуклеусы напоминают огромные скребловидные инструменты типа так называемых чопперов и скребла, характерные для позднего неолита Сибири. Вероятно, многие из них употреблялись и как рубила.

Нуклеусы другого типа в ряде случаев близки по форме дисковидным нуклеусам мустьерского времени. У них также сохраняется валунная галечная корка на стороне, служившей отбивной площадкой. Но форма их округлая, дисковидная и соответственно этому отделение отщепов шло со всех сторон от краев к центру.

На памятниках гиссарской культуры в значительном количестве встречаются отщепы, реже — грубые пластины. Имеется также группа кремневых изделий, выделанных в той же классиче-



Каменные орудия. Неолит. Алай.

ской традиции обработки призматического нуклеуса. Это и сами нуклеусы, и сколотые с них ножевидные пластины правильной формы, в том числе и столь характерные пластины с боковой выемкой.

Исследуя культуру горцев, А. П. Окладников отмечал, что гиссарская культура несколько отличается от культуры большинства неолитических племен Средней Азии. Она распространена на Тянь-Шане, в Алайской долине, на территории Ферганы, а также в районах Западного Таджикистана.

Стоянки первобытных общин неолитического времени найдены во многих местах Чуйской долины — на р. Аламедин у г. Фрунзе, близ Токмака, на берегу Иссык-Куля, в местности Чолпон-Ата, близ Нарына на Тянь-Шане, на древних речных террасах[29]. Это были временные стоянки под открытым небом, однако люди того времени жили и в пещерах. Одно такое поселение обнаружено в гроте Теке-Секерик, близ Нарына, другое — на р. Сары-Джаз. Пещера Ак-Чункур на р. Сары-Джаз издавна служила убежищем древнему человеку. Она расположена на высоте около 3500 *м* над уровнем моря. Длина ее 45 *м*, ширина — от 1,5 до 7,5 *м*, высота свода достигает 12 *м* у входа и 1,5 *м* в глубине[30].

Росписи пещеры Ак-Чункур.

Часть находок из этой пещеры относится к неолитическому периоду. Здесь сохранились древнейшие в Киргизии наскальные изображения козлов, быков, змей, а также человека. Рисунки выполнены красной краской. В них раскрывается духовный мир древних охотничьих племен Тянь-Шаня.

Неолит юга Киргизии также близок к гиссарской культуре. Можно отметить, что как и в Таджикистане, гиссарские стоянки здесь были приурочены к высоким древним террасам. В 1962 г. была обнаружена небольшая стоянка Пальман. Древние орудия встречались в 15—20-сантиметровом слое суглинка, перекрывавшем террасу. Среди них привлекают внимание крупные скребла — чопперы, изготовленные из рассеченных поперек галек. Имеются также крупные отщепы с гладкими широкими площадками.

Таким образом, в период неолита значительная часть Киргизии, во всяком случае горные ее районы, были заселены племенами — носителями культуры, близкой гиссарской неолитической культуре Западного Таджикистана. В основном это были общины охотников и собирателей, делавших первые шаги по разведению мелкого рогатого скота. Каменные орудия труда обеспечивали это архаичное хозяйство, но не способствовали значительному накоплению прибавочного продукта.

Глава II

КИРГИЗИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

Переход неолитических племен гиссарской культуры к скотоводческому хозяйству явился мощным толчком в развитии производительных сил первобытного общества. Оно давало пастушеским племенам большие преимущества в производстве материальных благ. Из хозяйственного подспорья в экономике охотников и рыболовов скотоводство постепенно выдвигается на передний план. «Появившаяся частная собственность на стада и предметы роскоши вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в *товары*. И в этом — зародыш всего последующего переворота»[1].

Кардинальные изменения происходят и в орудиях труда — на смену каменным изделиям, обеспечивавшим трудовую деятельность человека на протяжении сотен тысячелетий, приходят орудия из металла. Первые металлические изделия были медными и в ряде отношений уступали каменным орудиям труда первобытных людей. Однако изобретение бронзы (сплав меди с оловом, мышьяком, свинцом, сурьмой и другими компонентами) совершило подлинный переворот в сфере производства. «Из достижений этой ступени в области промышленной деятельности,— писал Ф. Энгельс,— особенно важное значение имеют... плавка металлических руд и обработка металлов. Самыми важными из них были медь и олово, а также выплавляемая из них бронза; бронза давала пригодные орудия и оружие»[2]. Новая технология позволила резко расширить ассортимент изделий, значительно увеличить их количество. С развитием металлургии стало возможным создавать орудия любой формы, высокой твердости и прочности. Все это повышало производительность труда, обеспечивало создание значительного прибавочного продукта. Наличие такого продукта и возможность его отчуждения в пользу отдельных общин, а затем и

отдельных семей и лиц вели к разложению первобытнообщинной формации. Однако это был сложный процесс, тем более что с переходом к эпохе металла картина культурного и хозяйственного развития еще более усложнилась.

Поскольку хозяйство отдельных племенных групп развивалось в разных сочетаниях и в различных формах, это, естественно, не могло не сказаться на культуре. Вместе с тем, осваивая разнообразные природные зоны и приспосабливая свое хозяйство, да и весь быт к этим новым условиям, человек вносил значительные изменения в свою культуру.

В полной мере это можно отнести и к Киргизии. Значительную часть ее территории в эпоху бронзы занимали скотоводческо-земледельческие племена, культура и хозяйство которых были близки образу жизни различных племенных групп Казахстана и Южной Сибири. Формирование культур этого типа было тесно связано со степной зоной Евразии и поэтому оставленные ими памятники часто относят к различным культурам степной бронзы. Иная культура наблюдается на юге республики. Здесь, в восточной части Ферганской долины, формируется культура оседлых земледельческо-скотоводческих племен, получившая наименование чустской. В рамках этих двух племенных групп и происходил процесс разложения первобытнообщинного строя.

1. Пастушеско-земледельческие племена степной бронзы

Археологам пока не удалось обнаружить на территории Киргизии памятников, относящихся к энеолиту или меднокаменному веку, когда племена только начинали использовать металлические орудия. Возможно, это объясняется непродолжительностью этого периода на данной территории.

Гораздо лучше нам известны жизнь и культура племен, обитавших на значительной части территории Киргизии с середины II тысячелетия до н. э. до IX—VIII вв. до н. э. Памятники этих племен, раскопанные археологами или обнаруженные при строительных работах, достаточно разнообразны. По всем признакам они относятся к культуре типа степной бронзы, занимавшей огромные степные пространства Приуралья, Казахстана, Южной Сибири и северной части Средней Азии и получившей условное название андроновской культуры или андроновской культурно-исторической общности.

Появление племен андроновской общности на территории Северной Киргизии большинство советских ученых связывают с продвижениями скотоводческо-земледельческих племен на юг, происходившими последовательными волнами. К этой эпохе относится и расселение в Средней Азии и на Ближнем Востоке племен индоиранской языковой группы[3]. Распространена гипотеза об индоиранской принадлежности племен андроновской общности[4], но, возможно, к этой языковой группе принадлежала лишь их запад-

ная часть. Новые археологические открытия свидетельствуют об интенсивном продвижении с середины II тысячелетия до н. э. андроновских племен из Приуралья и Казахстана в южном и юго-восточном направлениях[5].

Андроновская культурно-историческая общность

По данным археологии, андроновские племена были родственны по происхождению, имели много общих черт в хозяйстве и культуре. В подавляющем большинстве они вели оседлый образ жизни, занимаясь на ранних этапах преимущественно скотоводческо-земледельческим хозяйством с преобладанием пастушеского придомного скотоводства. У них были широко развиты домашние промыслы и металлургия. Поселения располагались по берегам рек с широкими пойменными лугами и состояли из больших землянок с различными хозяйственными пристройками и загонами для скота. В их повседневной жизни получили широкое распространение металлические орудия труда, оружие и украшения: вислообушные топоры, ножи, наконечники копий и стрел, браслеты, зеркала, бусы и различные подвески.

Начало процесса выделения скотоводческих племен в степной зоне Евразии восходит к III тысячелетию до н. э. К середине II тысячелетия до н. э. племена степной бронзы широко представлены в Зауралье, Северном и Центральном Казахстане, а также в Южной Сибири.

Большинство исследователей считают, что племена андроновской культурной общности образовались на основе развития родственных по культуре и происхождению племен северной полосы казахстанских степей и примыкающих районов Зауралья эпохи неолита и энеолита. О сложных путях формирования этих племенных групп и процессах культурной и этнической ассимиляции свидетельствует и антропологический состав населения, оставившего памятники андроновского круга. Здесь налицо два европеоидных расовых типа — собственно андроновский, с мезокранным черепом, низким, но очень широким лицом, и восточно-средиземноморский, представленный в ряде памятников Западного Казахстана.

Хронологические рамки этой общности соответствуют раннему (XVIII—XVI вв. до н. э.), среднему (XV—XII вв. до н. э.) и позднему (XII—IX (VIII) вв. до н. э.) периодам эпохи бронзы. В начале I тысячелетия до н. э. андроновские традиции в хозяйстве и культуре уступили место более прогрессивным формам хозяйства и культуры эпохи раннего железа[6].

Вопросы хронологического членения андроновских памятников оживленно дискутируются в литературе. По одной из схем на территории Киргизии выделяются два периода: федоровский (XIV—XIII вв. до н. э.) и поздней бронзы (XII—IX (VIII) вв. до н. э.). Ранний период существования андроновских племен на территории Северной Киргизии известен по трем памятникам федоровского типа — могильник Арпа, захоронение у совхоза «Пригородный» и пункт на северном берегу оз. Иссык-Куль со случайной находкой сосуда[7]. На федоровскую принадлежность перечисленных памятников указывают такие специфические черты, как форма и орнаментальные мотивы керамики, погребальный обряд — захоронение в прямоугольно-концентрических оградках под небольшими насыпями, трупосожжение (Арпа) или же трупоположение на левом боку (Пригородный).

В связи с исследованием могильников и поселений петровского хронологического горизонта в Северном Казахстане и значительным удревнением памятников алакульского этапа, существенные изменения претерпела и относительная хронология этапов андроновской культурно-исторической общности. В результате проведенных в последние годы раскопок многослойных памятников эпохи бронзы Северного Казахстана (Петровка II, Новониколькое I, Явленка и другие), Южного Зауралья (Новая III, Черняки I) и Западной Сибири, а также стратиграфических наблюдений появились факты, позволившие исследователям сделать вывод о более позднем, относительно алакульского этапа, времени распространения памятников федоровского типа[8]. Этот вывод подтверждается и полученными радиокарбонными датами, а также проведенной классификацией металлических изделий андроновской культурно-исторической общности[9]. Наиболее приемлемой по мнению большинства исследователей является датировка федоровского этапа в пределах XIV—XIII вв. до н. э.

История и культура племен поздней бронзы (XII—IX вв. (VIII в.) до н. э.) на территории Киргизии изучены более основательно. Памятники этого этапа представлены поселениями, могильниками, девятью кладами бронзовых изделий. Обнаруженные поселения — Каинда, Джаильма, Александровское, Аламединское — локализуются в основном в Чуйской долине[10], специальным раскопкам не подвергались. Одно поселение — Джал-Арык, на котором вскрыто жилище типа полуземлянки, площадью 70 кв. *м*[11], расположено в долине Кетмень-Тюбе. Исследованы погребальные комплексы в Таласской долине — могильники Таш-Тюбе II, Тош-Башат, Беш-Таш[12], Кулан-Сай, Кызыл-Сай[13], в Чуйской — могильник Тегирмен-Сай[14], в долине Кетмень-Тюбе — могильник Джазы-Кечу[15], в Нарынском районе — могильник Каракол[16], в Иссык-Кульской котловине — могильник Кекелик-Сай[17].

Глиняная посуда, найденная на поселениях и могильниках, позволяет отнести перечисленные памятники к кругу культур с валиковой керамикой, распространенной в эпоху поздней бронзы на огромной территории — степях Евразии от Балкано-Карпатья на западе и Алтая на востоке. Впоследствии именно на этой территории формируются родственные культуры скифо-сакского мира.

Наибольшее сходство семиреченских памятников прослеживается с культурными комплексами поздней бронзы Северного Казахстана[18] (поселение и могильник Саргары, поселе-

ния Алексеевское, Новоникольское I, Явленка, могильник Боровое, огр. I). Сходство проявляется в погребальном обряде — захоронение в оградках (круглых, овальных или прямоугольных), трупосожжение или трупоположение. Идентичны и керамические комплексы: форма сосудов горшковидная, баночная, в редких случаях с уступчиком. Орнамент в виде рядов насечек, елочки, ромбической сетки, зигзагов на венчике, или же на плечиках, шейке сосудов. От 10 до 40% керамических изделий украшены валиками, много неорнаментированных (до 50%) сосудов.

Аналогичная керамика характерна для поселений Центрального (Атасу, Бугулы II, Шортанды-Булак)[19] и Восточного Казахстана (Малокрасноярское, Трушниково)[20]. Вывод о расселении родственных племен на территории Северного, Центрального и Восточного Казахстана и Семиречья в эпоху поздней бронзы подтверждается и изучением кладов бронзовых изделий с территории Семиречья. Клады, содержащие свыше 100 металлических предметов, свидетельствуют о широком распространении металла в хозяйстве и быту древних племен[21]. Проведенная типологическая классификация, корреляция с кладами поздней бронзы Причерноморья и Западной Европы позволили датировать их в пределах XII—IX (VIII) вв. до н. э. Важное значение имело также и установление их культурной принадлежности. Сопоставление с инвентарем алексеевско-саргаринских комплексов дало возможность соотнести их с позднеандроновскими[22].

Скотоводство и земледелие

Перечисленные группы памятников и привлечение данных сопредельных территорий позволяют представить картины хозяйства, культуры, общественного устройства и верований племен, живших на территории Киргизии в эпоху бронзы.

Скотоводство и земледелие эпохи бронзы, судя по приуроченности поселений этого времени к широким речным поймам, основаны были на пойменных угодьях. Здесь посевам не грозила засуха и почвы были плодородными. У населения андроновской эпохи в зависимости от природных условий состав стада был различен: в одних районах преобладал крупный рогатый скот, в других — мелкий. Очевидно, развито было и земледелие, о наличии которого свидетельствуют находки каменных пестов и зернотерок. Оба вида хозяйства существовали в комплексе. Причем сочетание скотоводства и земледелия прослеживается на всем протяжении истории — с древнейших времен до эпохи позднего средневековья.

Замкнутость горных долин, сильно расчлененный рельеф, скудный снежный покров, обширные пастбищные угодья и наличие питьевой воды — все это благоприятствовало занятиям скотоводством. Видимо, уже на развитом этапе эпохи бронзы здесь сложилась такая его форма, как сезонные перекочевки.

Судя по типам используемых пастбищ, разводили в первую очередь самых неприхотливых к корму животных — овец, коз, лошадей. Стада животных угоняли на длительное время на отдаленные горные пастбища. О широком освоении пастбищных угодий всех высотных почвенно-растительных поясов — от полупустынных до субальпийских и альпийских — в эпоху развитой бронзы косвенно свидетельствуют погребальные памятники типа Пригородного в окрестностях г. Фрунзе и Арпа в труднодоступном районе Центрального Тянь-Шаня, где были захоронены древние пастухи. Высокогорные долины (высота 2800—3000 *м*), используемые и в наши дни как сезонные пастбища, были освоены уже во второй половине II тысячелетия до н. э. О разведении овец и лошадей в поздний период эпохи бронзы свидетельствуют фигурки этих животных, украшающие рукоятки кинжалов из II Каракольского клада[23].

Одновременно развивалось и земледелие. По своему характеру оно было примитивным и играло подсобную роль по сравнению со скотоводством, однако служило важным источником для получения продуктов питания. Судя по тому, что урожай перерабатывался на ручных зернотерках, посевы зерновых были невелики. Фрагмент такой зернотерки был найден в Кетмень-Тюбе при исследовании остатков жилища на поселении Джал-Арык (современный поселок Токтогул). О существовании земледелия свидетельствуют также находки каменных мотыг на трассе БЧК и трех типов бронзовых серпов, в числе которых были серпы не только для заготовки сена, но и для жатвы зерновых.

Горное дело и металлургия

Главное направление технического прогресса этой эпохи было, несомненно, связанно с развитием металлургии. Во второй половине II тысячелетия до н. э. племена Средней Азии и Казахстана перешли к массовому бронзолитейному производству, широкому освоению рудных месторождений, изготовлению самобытных типов орудий и оружия. В различных областях сформировались самостоятельные металлургические очаги. В рамках Евразийской металлургической провинции во второй половине II тысячелетия до н. э. важное место принадлежало металлургическому очагу (или очагам) андроновского типа, в котором функционировали казахстанский, уральский, среднеазиатский и минусинский горнометаллургические центры[24].

В эпоху поздней бронзы и на территории Семиречья действовал самостоятельный очаг металлообработки (в его состав входила, видимо, и Северо-Восточная Фергана). Одним из свидетельств его существования является своеобразие набора типов металлического инвентаря. Только для Семиречья этого периода характерны кельтообразные молотки, миниатюрные тесла с ушком, секиры, втульчатые серпы, оригинальные кинжалы листовидной формы с навершиями в виде фигурок животных, ажурные булавки.

Своеобразны также и технологические приемы изготовления металлических изделий. По химическому составу металл Семиречья значительно отличается от бронзы Северного, Центрально-

го, Восточного Казахстана, фергано-ташкентского региона[25]. Для изделий Семиречья характерно высокое содержание свинца, висмута, серебра, мышьяка и никеля. В металлургии употреблялись оловянистые, мышьяковистые бронзы, а также использовались комплексные оловянисто-свинцовые сплавы. Достаточно высока была и квалификация мастеров бронзолитейщиков, которые в совершенстве знали свойства оловянистых бронз и владели всеми методами их обработки. Они широко использовали различные виды литья: в односторонних, двусторонних и трехсторонних формах. После литья, как правило, следовала доработка изделия ковкой. Кузнечная доработка в большинстве случаев велась вгорячую, что позволяло существенно изменить форму литой заготовки. Этот специальный отжиг металла осуществлялся при температуре 700—800°.

Проведенные технологические наблюдения позволили заключить, что основная масса находок Шамшинского клада связана с деятельностью единого по техническим традициям очага металлообработки. Его локализация в пределах Семиречья подтверждается геохимическим родством металла шамшинских изделий с прочими бронзовыми находками этого региона. Развитие местной металлообработки подтверждают находки литейных форм для отливки тесел с уступами (с. Александровское), наличие слитка-полуфабриката в составе Шамшинского клада, а также клады литейщиков — II Сокулукский, в составе которого было 15—17 одинаковых серпов, и II Каракольский с 5-ю кинжалами.

Весьма важен факт обнаружения горной выработки на р. Узун-Ахмат, датируемой по найденному ножу с выемками у основания, эпохой поздней бронзы[26], а также наличия богатой сырьевой базы наряду с своеобразием химического состава изделий. На территории Семиречья локализованы крупные месторождения меди, разработка которых вполне допустима в древности — хребты Кетменьский, Заилийский Ала-тау, Кураминский. Известны были также месторождения олова в районе Сары-Джаза[27]. В 1977 г. Е. Н. Черных и В. Д. Рузанов обследовали древние выработки в горах Южно-Чаткальского и Кураминского хребтов. Несколько месторождений и рудопроявлений зарегистрировано в северных отрогах Туркестанского и Алайского хребтов. Наиболее богат полиметаллическими месторождениями Южный Чаткал, где они концентрируются в основном в бассейнах горных рек Кок-Су, Чаткал и Кен-Сай. В древности здесь были свинцово-серебряные рудники. Обследованные участки «Молодежный» и «Мирный» показали, что разработка рудных жил на их территории велась штольнями различных размеров, которых здесь насчитывается около двух десятков[28].

Все это позволяет заключить, что в эпоху поздней бронзы у древних обитателей Киргизии происходило обособление ремесла — выделялись специалисты-бронзолитейщики, производившие массовую продукцию на сбыт. Об этом свидетельствует состав II Сокулукского клада, содержавшего большое количество однотипных серпов. Мастера знали все технические приемы: литье, ковку, чеканку, гравировку. Происходившее обособление ремесла в свою очередь вело к превращению «...обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества»[29]. Важное значение в установлении развитого обмена принадлежит распространению так называемых торговых кладов[30]. Продукция ремесленника выступает при этом в качестве обменного эквивалента.

Судя по находкам из захоронений, можно сказать, что в быту пастушеско-земледельческих племен Киргизии развитого и позднего периодов эпохи бронзы широко использовались такие предметы, как шилья, иглы, а из украшений и предметов туалета — бусы нескольких форм (звездчатые, круглые, биконические), браслеты и серьги двух типов, кольца с незамкнутыми концами, пластинки-подвески (или накладки) с рельефным геометрическим орнаментом, зеркала, бритвы. Кроме бронзы, для украшений использовали серебро (серьги с раструбом), сурьму (для бус), золото (золотой фольгой были обернуты бронзовые серьги и кольцо в погребении из могильника Таш-Тюбе II).

Основным орудием труда служили вислообушные топоры двух типов. Они представлены в кладах (Шамши, Тюпский, Сокулук) и случайными находками (Новопавловка, Ивановка). Многофункциональным орудием был пальстабовидный топор — тесло. Он известен по составу четырех кладов и среди случайных находок (г. Фрунзе, оз. Иссык-Куль). В с. Александровском найдена каменная литейная форма для отливки двух таких тесел.

Для обработки дерева употребляли долота. В составе кладов (Шамши, Садовое, Сокулук) и случайных находок известно два типа этих инструментов. Для жатвы применяли серпы трех типов. Они найдены в кладах на Иссык-Куле, Сокулуке, Садовом. Для обработки земли употребляли кельты-лопатки, известные по случайным находкам. В качестве орудий труда употребляли различные по форме кельты и кельтообразные орудия оригинальных форм, долота с лобным ушком, ножи нескольких типов, рыболовные крючки. Специфической особенностью рассматриваемого времени было изготовление специализированных видов военного оружия, отличного от вооружения охотников (втульчатые копья, втоки, секиры, боевые кинжалы, представленные почти во всех кладах, найденных на территории республики).

Наличие в Киргизии изделий, имевших широкое распространение во всей евразийской зоне[31] (втульчатые, желобчатые и клиновидные долота, серпы-косари сосново-мазинского типа, крючки, шилья, копья с прорезями, зеркала, бритвы и др.), указывает на широкие связи населения эпохи поздней бронзы, контакты с племенами Причерноморья, Казахстана и Урала, а также с земледельческими областями юга Средней Азии.

Домашние промыслы Важным видом домашних промыслов было гончарное производство. Глиняные сосуды широко применялись в хозяйстве, быту и погребальном обряде.

Глину тщательно обрабатывали. Чтобы при сушке сосуды не трескались, в глиняное тесто добавляли различные примеси (толченый кварц, ракушки, шамот, песок). Существовало несколько способов формовки сосудов. Поверхность сосуда тщательно заглаживали костяным лощилом, чтобы он был водонепроницаемым. Узор наносили по сыроватой или чуть подсохшей поверхности. Сушили посуду в тени на открытом воздухе или в помещении со сквозняком. Обжиг, видимо, осуществляли на костре.

Для каждого этапа эпохи бронзы глиняные сосуды имели свои отличительные черты по форме, орнаменту, технике его нанесения и расположению на поверхности сосуда.

Керамика, найденная в погребениях на территории Киргизии, также имеет свои специфические черты. Сосуды федоровского этапа (могильник Арпа, захоронение в Пригородном) заметно отличаются по форме, мотивам орнамента и технике его нанесения от сосудов поздней бронзы. Так, сосуды из погребений в долине Арпы — это горшки стройных пропорций, с выпуклыми плечиками, украшенные гребенчатым штампом. Орнамент — геометрический, в виде вертикального зигзага, меандра, своеобразной комбинации треугольников. Сосуд из погребения в Пригородном — более приземистый, украшен геометрическим орнаментом, составленным также из комбинации треугольников и меандров, выполнен более тщательно мелкозубчатым штампом.

Сосуды поздней бронзы — это лепные плоскодонные горшки. Только у нескольких из них имеется четкий уступчик в верхней части тулова. В большинстве своем они неорнаментированы. Так, из 50 сосудов могильника Джазы-Кечу орнамент имеют только 17 экземпляров. Это горизонтальные ряды насечек, зигзагообразных линий, елочка. Реже встречается орнамент в виде заштрихованных треугольников и ромбов.

О существовании ткачества и обработки кож можно судить по аналогии с племенами Казахстана и Сибири, где найдены остатки одежды из шерстяной ткани, кожаная без каблуков обувь и кожаные шапочки.

Изделия из камня продолжали употребляться и в эпоху бронзы. Широко применялись каменные зернотерки, терочники, колотушки. Известны каменные литейные формы, изредка встречаются каменные мотыги, каменные наконечники стрел и дротики, из камня делали и бусы.

В быту андроновские племена употребляли и такие материалы, как дерево, кость, раковины. Кость использовали для изготовления оберегов и инструментов, применявшихся для обработки кожи.

Остатки доски от облицовки стен могилы в долине р. Арпа и находки металлических инструментов для обработки дерева (доло-

Керамика эпохи бронзы. Северная Киргизия.

та, тесла с уступами из кладов Шамши, Садовое, Сокулук) свидетельствуют о широком применении дерева в быту древних жителей Киргизии.

Поселения и жилища

Центром хозяйственной и общественной деятельности, местом сосредоточения различного рода призводств были поселения. Поселения пастушеско-земледельческих племен степной бронзы известны по раскопкам в целом ряде областей Средней Азии и Казахстана. Они обживались в течение нескольких десятилетий, так как пастбища истощались и население вынуждено было переселяться на новые места. Такая картина, по мнению исследователей, характерна для степей Приаралья[32].

На территории Центрального Казахстана выявлено два типа поселений: крупные, расположенные в речных и горных долинах, и малые, находившиеся вне речных бассейнов. Поселения Центрального Казахстана представляют собой группы жилых и хозяйственных построек (наземных или полуземлянок) — от 10 до 40 и более, а в самых крупных — до 80. Площадь таких поселений составляла 2—3,5 *га* (Бугулы 1). Это были долговременные места обитания. Площадь жилища колебалась от 50—100 до 300—400 кв. *м*. Планировка помещений, количество и расположение очагов, хозяйственных ям были определены назначением жилища или его участка. В специально отведенных местах производились плавка металла и изготовление орудий. Отдельные крупные строения, видимо, были как производственного, так и культового назначения. Рядом с поселениями размещались кладбища. Сами поселения нередко ограждались валом и рвом[33].

По расчетам исследователей, занимавшихся вопросами древней демографии различных регионов, в частности Южного Приуралья, Еленовского микрорайона (Оренбуржье) и Южного Приаралья, в жилищах площадью 100 *кв. м* могло жить соответственно от 25 до 50 и от 35 до 40 человек[34]. На основе этих расчетов можно заключить, что в жилище в местности Джазы-Кечу могло проживать 20—25 человек.

О наличии устойчивых строительных навыков свидетельствуют данные исследованных могильников. Для устройства ряда погребальных камер и при сооружении оградок вокруг них применялись каменные кладки. Вероятно, при сооружении жилищ-полуземлянок широко применялись такие приемы, как облицовка камнем в целях прочности нижней части стен жилища, или их обмазка слоем саманной штукатурки, как в могильных камерах оградок 16—17 могильника Таш-Тюбе II. Возможно, что в строительстве жилищ использовалось и дерево, о применении которого свидетельствуют остатки доски, уцелевшей от облицовки стен могилы, обнаруженной на территории древнего могильника в долине р. Арпы.

Поселения второго типа — временные стойбища, по мнению исследователей, характерны для эпохи поздней бронзы, когда шел

интенсивный процесс освоения пустующих земель. Для этого же района известны и временные стоянки.

Поселения пастушеско-земледельческих племен известны и на территории Киргизии. Так, остатки жилища выявлены на участке современного райцентра Токтогул. Древнее поселение здесь расположено на возвышенном горном плато, на верхней террасе р. Чичкан. По своей топографии оно больше связано с зоной пастбищ и было, видимо, местом обитания пастухов. Исследованное жилище представляло собой полуземлянку размером 70 кв. *м*. Внутри обнаружено много обломков глиняной посуды.

Другая группа стоянок располагалась между селами Джаильма и Каинда. Этот район представляет собой обширную степь, прорезанную небольшими ручейками (карасуками), берущими свое начало от родников. Эти ручьи и обильные подпочвенные воды образуют в неглубоких логах, пересекающих степь, болотистые площади, местами переходящие в заболоченные озерки. На увалах, разделяющих эти водоемы, обнаружены остатки древних поселений. Они, видимо, состояли из жилищ, имевших вид полуземлянок.

Новые формы хозяйственной деятельности, усложнение и дифференциация различных производств, развитие межплеменного обмена, без чего была невозможна сама металлургия, вели к развитию личной собственности, экономическому обособлению отдельных семей, зарождению эксплуатации, широкому межплеменному обмену, частым военным столкновениям.

Это подтверждается находками большого количества кладов бронзовых предметов, бывших частной собственностью отдельных семей или отдельных лиц и свидетельствующих одновременно о широких экономических связях, развитии меновой торговли и первоначальном накоплении.

Сам факт появления кладов и массовое распространение оружия указывает на существование напряженной обстановки, на военные столкновения за обладание стадами и пастбищами.

О разной имущественной состоятельности отдельных семей свидетельствуют данные могильников. Так, в могильнике Таш-Тюбе II только две могилы из всех раскопанных отличались своим устройством (размерами, оштукатуренными стенками) и богатством найденного в них инвентаря. В могильнике Джазы-Кечу из 60 вскрытых погребений взрослых членов общины 10 отличались тщательностью устройства.

Для погребений поздней бронзы Киргизии характерно преобладание не одиночных оград, а нескольких, пристроенных друг к другу. Это является отличительной чертой погребений могильника Джазы-Кечу в Кетмень-Тюбе. Видимо, эта особенность погребального обряда отражает тенденцию к обособлению коллективов, состоявших из нескольких полноправных индивидов. Судя по раз-

Могильник Джазы-Кечу.

мерам землянок на поселениях племен степной бронзы этим коллективом скорее всего являлась большесемейная община.

Целый ряд данных характеризует и идеологические представления пастушеско-земледельческих племен Киргизии. Так, рассмотрение некоторых особенностей погребального обряда свидетельствует о том, что древние племена Киргизии, подобно другим племенным группам андроновской общности, обожествляли силы природы и прежде всего солнце и огонь, искали у них защиту от действия злых сил. Так, особое отношение к огню подтверждается прежде всего обрядом сожжения покойника. Скорее всего по представлениям того времени огонь очищал тело человека от скверны, защищал от злых духов, помогал его возрождению. Этот обряд существовал на территории Киргизии повсеместно. Он отмечен в погребениях Чуйской, Таласской, Иссык-Кульской и Аргинской долин, хронологически охватывающих большой промежуток времени — несколько столетий.

Наряду с сожжением был распространен обычай трупоположения, когда усопшего помещали в могилу с сильно согнутыми в коленях ногами, прижатыми к животу, и согнутыми руками, касавшимися ладонями подбородка. Помещали тело в такой позе чаще всего на левый бок. Этот обряд был, видимо, связан с представлением о возрождении человека: эта поза как бы повторяла позу утробного развития.

О существовании сложных представлений, в том числе веры в загробную жизнь, свидетельствует погребальный инвентарь, в состав которого входят сосуды с остатками пищи, украшения, различные инструменты и предметы вооружения. Сама могила представляла собой имитацию жилища. Поэтому в ее устройстве мы наблюдаем ряд строительных приемов, связанных с реальными домами.

В погребальном обряде причудливо переплетались культ предков и своего рода страх перед покойником. Так, погребения эпохи бронзы почти повсеместно имеют вокруг каменную ограду, видимо, запретную черту. О культовых приношениях говорит и характер размещения поминальной пищи: спустя некоторое время после похорон ее ставили уже не внутри оградки, построенной в момент погребения, а в специальных дополнительных пристройках. Это особенно четко прослеживается и на погребениях могильника Джазы-Кечу в Кетмень-Тюбе.

Существовал и обычай жертвоприношений, для которых отводилось специальное место. На могильниках эпохи поздней бронзы и ранних кочевников на территории Киргизии повсеместно отмечены небольшие округлой формы оградки, сложенные из крупных камней. Эти оградки обычно определяются как жертвенники. На территории Казахстана при исследовании таких «жертвенников» найдены остатки пищи, кости животных, зернотерки, обломки сосудов, зольные пятна.

Таким образом, и производство, и данные об общественном строе, как бы скудны они ни были, и материалы, позволяющие восстановить некоторые черты идеологических представлений, свидетельствуют о прогрессе, происходившем в эпоху бронзы в среде пастушеско-земледельческих племен Киргизии.

2. Древнеземледельческие племена чустской культуры

Наряду с пастушеско-земледельческими племенами на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в ряде равнинных и предгорных районов появились общины первых земледельцев с оригинальной культурой, резко отличавшейся от андроновской. Памятники этих земледельческих племен названы чустскими по первому исследованному поселению близ г. Чуст[35].

Сосуществование пастушеских и земледельческих племен, различавшихся по типам хозяйств, бытовой культуре и этнографическому облику, составляет характерную особенность истории многих стран Востока. Характерна она и для Ферганской долины на протяжении тысячелетий. Степные племена обитали в Фергане до появления чустской культуры. История чустских племен охватывает почти четыре столетия, начиная с конца II тысячелетия и до рубежа VIII—VII вв. до н. э. Это была важная эпоха в истории Средней Азии, время кардинальных социально-экономических изменений, перехода от первобытнообщинного строя к классовому[36]. Эти глубокие перемены затронули и такие области, как Согд, Фергана, содействуя ускорению процессов разложения первобытнообщинных отношений.

О границах расселения чустских племен можно судить по расположению обнаруженных археологами чустских поселений. Они сосредоточены группами в долинах небольших рек и в их дельтах — на севере, востоке и юго-востоке Ферганы.

Собственно на территории Южной Киргизии проживало несколько племенных групп древних земледельцев-скотоводов. На востоке (в районе Узгена) до нас дошли 13 небольших чустских поселений, которые в совокупности составляли земледельческий оазис. Дома и небольшие поселки располагались на берегах рек Яссы и Кара-Дарья, на высоких террасах, возвышавшихся над болотистыми низинами, где находились поля и придомные пастбища. Эти данные позволяют достаточно всесторонне охарактеризовать культуру, хозяйство и общественный строй группы чустских племен, обитавших в древности на юге Киргизии.

К числу хорошо изученных поселений относится полностью раскопанный отдельно стоящий дом — Боз-тепе[37] (на левом берегу Яссы). Он дает представление о типичном жилище эпохи бронзы — четырехугольной формы, площадью около 600 кв. *м*. Довольно мощные внешние пахсовые стены придавали дому характер укрепления. Внутри по периметру стен располагались небольшие комнаты площадью от 4 до 30 кв. *м*. В глинобитных полах вырыты хозяйственные ямы, которые служили для хранения зерна и продуктов. В нескольких комнатах сохранились остатки очагов. Интересна находка здесь бронзового двуперого наконечника стрелы с черешком, представляющего образец боевого оружия. Судя по размерам, Боз-тепе было заселено одной большесемейной общиной, численностью 20—25 человек.

Древние общины селились в местах, наиболее удобных с точки зрения особенностей первоначального земледелия, а также возле бродов через реки и в других важных пунктах, через которые проходили караванные дороги. Следует отметить, что расстояния, разделявшие отдельные группы поселений, равнялись 20—25 *км*, т. е. дневному переходу. В 5 *км* от Боз-тепе на том же левом берегу Яссы возле брода на высоком обособленном холме находилось еще одно чустское поселение — Кзыл-Октябрь. Весьма возможно, что оно предназначалось для охраны переправы через р. Яссы.

Несколько поселений известно в Карадарьинском оазисе, в месте слияния рек Тар и Кара-Кульджа[38]. Здесь изучено небольшое поселение Чимбай, по размерам и находкам напоминающее Боз-тепе.

Центральным поселением узгенской группы было Дихканское, находящееся на краю излучины древней террасы правого берега Кара-Дарьи. Оно располагается в 5 *км* к востоку от Узгена и занимает значительную площадь — около 5 *га*, на которой могли разместиться сразу несколько небольших общин. Это крупнейшее в узгенской группе поселение выполняло, очевидно, более сложные административно-культовые функции, являясь центром

производств и культуры. Все имеющиеся данные позволяют говорить о том, что в чустский период Узгенский район был довольно широко освоен ранними земледельцами.

Еще одна племенная группа расселялась на территории современного Карасуйского оазиса. Здесь, на берегах древних протоков Талдык-Су, располагались 24 чустских поселения, входившие в отуз-адырскую группу. Среди них преобладают небольшие дома-усадьбы. Самое большое поселение этой группы — Хожамбаг — находится в восточной части оазиса, в 5—6 *км* к юго-востоку от Кара-Су. Поселение состоит из нескольких холмов разного размера и занимает площадь более 4 *га*. С восточной стороны его проходит древнее русло Талдык-Су, а с севера и юга оно окружено оврагами — все это служило естественным укреплением. Хожамбаг представляет собой новый тип рассредоточенного чустского поселения. На одном холме расчищена часть постройки с 12 хозяйственными ямами и очагом на полу, на другом — четыре комнаты глинобитного жилища общей площадью около 160 кв. *м*. Комнаты небольших размеров — 24 и 32 кв. *м*. Поселение Хожамбаг — самое крупное из отуз-адырской группы и, очевидно, центральное, так же, как Чустское на севере Ферганы и Дихканское в узгенской группе.

Несколько чустских поселений выявлено в Ошском оазисе, в частности, на территории современного г. Ош. Одно из них находилось на левом берегу р. Ак-Бура, у восточного подножия горы Тахт-и Сулейман, судя по находкам керамики в котловане строительства здания Ошского пединститута. Еще одно — на Чаян-тепе, в западной части Ош а. И, наконец, Ошское поселение на горе Тахт-и Сулейман — самое древнее оседлое поселение на территории г. Ош[39]. Поселение располагалось террасами на крутом южном склоне горы. Оно занимало значительную площадь, окружая кольцом центральную вершину. Можно представить, каких больших усилий стоила доставка воды жителям. Раскопки проведены на участке площадью более 2000 кв. *м*. Всего здесь выявлено не менее 15 жилых террас. Древние жители были искусными строителями: пользуясь примитивными орудиями из дерева и камня, а также, вероятно, и бронзы, они сумели вырубить в крутом склоне террасы и свои жилища.

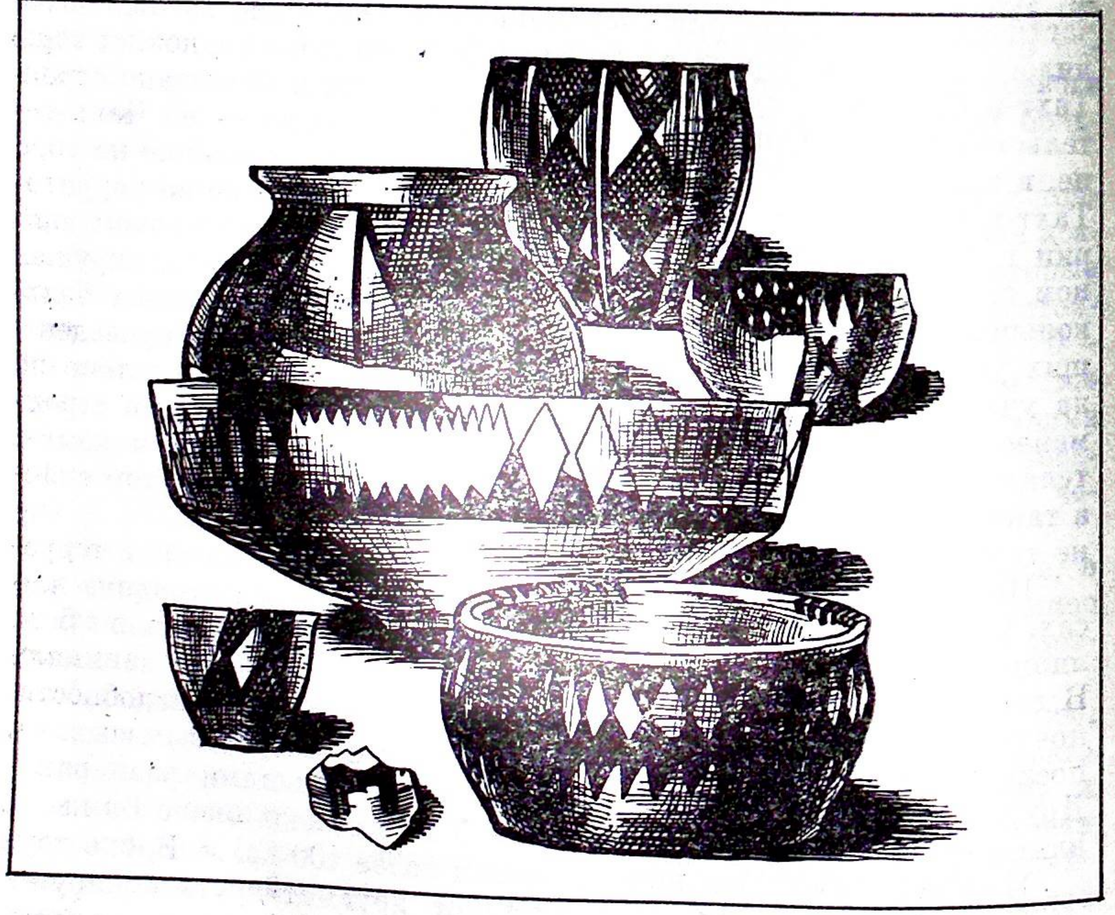
На Ошском поселении выявлено 10 землянок на трех террасах. Одна землянка представляет собой узкое прямоугольное жилище шириной 3,5 *м*. Длина сохранившейся части около 5 *м*. В землянке обнаружено 8 хозяйственных ям, которые занимали почти всю поверхность пола. Их устраивали по мере надобности, после использования заваливали мусором и сверху замазывали. Другая землянка отличается значительно большими размерами: длина — 11 *м*, ширина — не менее 5 *м*., площадь около 60 кв. *м*.

Площадь самой большой землянки более 100 кв. *м*. Вдоль двух ее стен на определенном расстоянии друг от друга обнаружены ямы для столбов. В центре землянки — 4 более крупные

ямы для опорных столбов. Все они являются остатками определенной конструктивной системы, на которую опиралась крыша. Подобные ямы для столбов, расположенные в определенном порядке, найдены в большинстве других землянок. Видимо, это были углубленные жилища со световым и дымовым отверстиями в крыше и опорными столбами в центре.

Значительное число землянок указывает на большую плотность населения. Об оседлости, а также о развитом земледелии говорят многочисленные (около 150) хозяйственные ямы. Большая землянка служила, очевидно, общинным домом — местом, где собирались взрослые мужчины для решения общих дел, приема гостей и встречи праздников.

Ошское поселение ярко характеризует массовую бытовую культуру древних ферганцев. Здесь найдены целые сосуды и большое количество обломков керамики (около 16 тыс. фрагментов). В коллекции представлены все основные группы керамики, характерные для чустской культуры. Как и на других чустских поселениях, преобладают сосуды с красной облицовкой. Совпадают и все основные формы сосудов: полусферические чаши, миски с перегибом бортика, конические горшки, шаровидные кувшины. Много найдено расписной посуды. Имеются оригинальные об-



Расписная керамика Ошского поселения.

разцы орнаментированных сосудов. Особый интерес представляют два фрагмента сосудов с расписным изображением козлов. За все годы изучения чустских памятников это первые находки с зооморфным узором. По количеству расписной керамики Ошское поселение занимает второе место после Дальверзина — главного центра чустской культуры Ферганы.

Разнообразны изделия и орудия из камня. Среди них преобладают зернотерки, песты, отбойники. Имеются каменные серпы, типичные для чустских памятников. Выделяется прекрасно отшлифованное каменное навершие булавы — символ власти вождя, а также литейная форма для отливки бронзовых изделий. В эпоху бронзы металлические изделия высоко ценились.

Ошское поселение выделяется своей необычной террасовидной планировкой. Оно представляет собой новый, ранее неизвестный тип чустских поселений, которое отличалось, очевидно, и по своему назначению. Пока остается неясным, что побудило древних жителей обосноваться на склоне горы. Необычайная планировка, большое количество расписной посуды — все это позволяет рассматривать Ошское поселение как своеобразный культурно-идеологический центр чустских племен. Три радиоуглеродных даты: 2940±40 (990±40 до н. э.); 2570±40 (620±40 до н. э.); 3470±±40 (1520±40 до н. э.) датируют Ошское поселение концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Земледельцы чустского периода освоили также и долину Наукката. Возле сел. Янги-Наукат, на высоком берегу р. Сасык-Бука, располагается одноименное поселение чустского периода. Еще одно поселение в Наукатской котловине занимает обособленный холм на краю адыра близ сел. Иски-Наукат. Судя по размерам, здесь сохранились остатки небольшого дома, аналогичного Боз-тепе и Чимбаю. На этом поселении также найдены чустская керамика и обломки типичного каменного серпа. Всего на территории Южной Киргизии памятники древних земледельцев выявлены в четырех географических районах. Судя по имеющимся данным, эти общины находились на одинаковом уровне культурного развития с населением равнинных районов Ферганы.

Столичным центром всех чустских племен Ферганы являлось Дальверзинское поселение. Именно здесь, а также на Чустском поселении археологи добыли основные материалы для характеристики хозяйства, культуры и быта древних земледельцев Ферганы и Южной Киргизии. Оно расположено возле сел. Аим на левом берегу Кара-Дарьи, в 40 *км* к северу от Ош.а.

Дальверзин — самое крупное из чустских поселений (площадь 25 *га),* состоящее их трех частей. Каждая часть окружена оборонительной стеной. Все три стены построены как бы по единому плану. Жилая часть поселения занимает участок площадью 18 *га.* С востока к нему примыкает участок (площадь 5 *га)* без

следов стабильных построек, служивший, вероятно, загоном для скота и местом укрытия для населения во время опасности. Особо выделяется северо-западная часть (площадь 2 *га*). Судя по расчетам, основанным на средней производительности труда древнего строителя и объему земляных работ, сооружение укреплений Дальверзина могло быть закончено в течение года[40].

На Дальверзине были открыты наземные глинобитные дома, землянки и каркасные постройки наподобие шалаша. Одна из землянок заслуживает особого внимания. Четырехугольная в плане, она имела площадь 60 кв. *м* и была углублена на один метр в материковый лесс, стенки котлована выложены крупным сырцовым кирпичом. В центре землянки на полу сохранился культовый очаг. По углам его на одинаковом расстоянии расположены четыре ямы для столбов, на которых держалось перекрытие. Возможно, это было святилище, где совершались обряды почитания огня. На цитадели выявлен также комплекс из четырех наземных домов. Каждый дом состоит из трех-четырех комнат общей площадью около 140 кв. *м*. На поселении, следовательно, были жилые и культовые постройки, а также производственные.

На всех раскопанных участках поселения обнаружено много хозяйственных ям. Они служили местом хранения зерна и других припасов. Количество их и размеры свидетельствуют о значительном развитии земледелия в хозяйстве жителей. О том же говорят и находки каменных серпов: всего на поселении найдено более 600 таких орудий. Об обработке меди и бронзы свидетельствуют остатки бронзолитейной печи, находки литейных форм, шлаков и других отходов производства, а также многочисленные металлические изделия. Достигли совершенства и мастера по изготовлению глиняной посуды. Особенно яркое впечатление производят сосуды с блестящей красной облицовкой, по которой черной краской нанесены разнообразные геометрические узоры, что особенно характерно для чустской культуры.

Древние жители заботились о благоустройстве своего поселения. Обнаружены части двух улиц, вымощенных мелкой и крупной галькой. На поселении найдены также остатки большого котлована — хауса.

Дальверзинское поселение отличается сложной структурой, особенно выделяется цитадель, окруженная оборонительными стенами. По принятым в археологии расчетам можно полагать, что число жителей его составляло 2000 человек.

От чустских земледельцев до нас дошли преимущественно остатки домов и поселений. Обособленных могильников пока не обнаружено, о погребальном обряде известно очень мало. В отличие от племен эпохи степной бронзы земледельцы хоронили своих сородичей на территории поселений — на заброшенных участках и в развалинах построек. Такие захоронения в большом количестве выявлены на Дальверзине, а также в Чусте. Умершего укладывали в скорченной позе на боку и, как правило, без сопровождающего инвентаря. Наряду с индивидуальными открыты коллективные захоронения, включающие 7 и 8 костяков, при этом бесспорно установлено, что часть погребенных находилась в родственных отношениях. Особый интерес представляет обнаружение в одном захоронении нескольких (5 и 8) черепов, что позволяет усматривать в этом сохранение обычая «охоты за черепами». Общее количество погребенных на Дальверзине достигает 120 человек. Аналогичный обряд погребения отмечен и на Чустском поселении. Примечателен тот факт, что на обоих поселениях преобладают захоронения женщин, и остается непонятным, где и как хоронили мужчин и детей.

Основным занятием населения было земледелие. Возделывали ячмень, пшеницу, просо — важнейшие зерновые культуры. Известны были также бобовые *(нут)* и некоторые плодовые растения. Этот набор злаков был традиционным в Фергане на протяжении многих веков. Древние земледельцы осваивали те земли, которые не требовали больших затрат труда для поддержания плодородия почвы. Именно такие условия были в долинах и особенно в поймах и дельтах небольших рек. Участки для посевов приходилось расчищать от кустарников и камыша. Необходимо было заботиться и об орошении полей, ибо в условиях аридного климата Ферганы возделывание злаков было возможно только при искусственном орошении. Однако следы древней ирригации в районе чустских поселений до сих пор не прослежены. Следует полагать, что в то время широко использовали простейшие лиманные способы орошения.

Удовлетворить потребности населения в зерне и других продуктах могло только пашенное земледелие[41]. Однако прямых свидетельств применения пахотных орудий пока не имеется. В Средней Азии издавна и до недавнего времени было известно лишь одно пахотное орудие — соха *(омач)*, которое могли использовать уже чустские земледельцы.

Набор известных нам земледельческих орудий ограничен. Наиболее многочисленны находки каменных серпов. Они обнаружены на 14 поселениях, 8 из которых расположены на юге Киргизии. Так, на полностью раскопанном Боз-тепе обнаружено 20 серпов и 21 заготовка для изготовления их, в Чимбае — 10 серпов, на небольшом участке поселения Кзыл-Октябрь — 10 серпов и 6 заготовок. Приведенные цифры свидетельствуют о широком употреблении каменных серпов чустскими земледельцами, а также о частых поломках их. Такие же серпы в Средней Азии обнаружены только на северном берегу Иссык-Куля (материалы В. П. Мокрынина) на поселении Кучук-тепе и других поселениях в Южном Узбекистане[42]. Найденные заготовки в разной стадии обработки дают основание утверждать, что серпы изготовлялись на месте. Эти орудия были достаточно производительны: проведенные опыты показали, что каменными серпами можно успешно срезать злаки, камыш и даже тонкие ветви кустарников. Функцио-

нальное назначение орудий подтверждено трассологическим анализом следов употребления[43].

Наряду с каменными серпами употребляли и металлические. Эти орудия, очевидно, пользовались большим спросом, который удовлетворялся массовым изготовлением их в литейных формах. На Чустском поселении найдена такая форма для отливки двух серпов одновременно.

На всех без исключения поселениях в большом количестве находят каменные зернотерки, служившие для переработки продуктов земледелия. К числу орудий, связанных с земледелием, относятся также терки, ступки. Назначение ряда находок еще не установлено. Изготовлялись, очевидно, орудия и из дерева, но до нас они не дошли.

О большой продуктивности земледелия свидетельствуют многочисленные хозяйственные ямы. По расчету известного археолога М. П. Грязнова[44], такие ямы вмещали от 4 до 10 *ц* зерна. Можно полагать, что население было хорошо обеспечено зерном и даже имело товарное зерно для обмена. Эти и другие расчеты позволяют уточнить представления о развитии земледелия в Фергане.

Судя по большому количеству костей домашних животных, найденных при раскопках, наряду с земледелием важную роль в хозяйстве играл скот. Разводили, очевидно, все виды домашних животных, но основу хозяйства составлял крупный рогатый скот, который давал молоко и мясо и использовался в качестве тягловой силы. В некоторых районах, например, в Чусте, преобладали овцы и козы, что было обусловлено природными особенностями. Довольно много было лошадей. Находки роговых и бронзовых псалий от узды свидетельствуют о том, что лошадь использовали для верховой езды. Верблюдов было немного. Кроме того, в Чусте найдены костные остатки свиньи.

На основании расчетов были определены приблизительные размеры стада[45]. Так, потребности Дальверзина в мясе могло удовлетворить стадо, насчитывающее примерно 4—5 тыс. голов скота, а Чуста — около 1000 голов. Такие большие стада нельзя было прокормить на выгонах возле самого поселения, и поэтому скот содержали на отдаленных пастбищах. Стало быть, у оседло-земледельческого населения Ферганы появилась отгонная форма скотоводства уже в эпоху поздней бронзы. Весьма вероятно, что на зиму и в периоды опасности скот пригоняли на поселения и содержали в специальных загонах. Население занималось также охотой и рыболовством.

Хозяйство чустских племен было комплексным. При этом земледелие и скотоводство, очевидно, играли примерно одинаковую роль. Орошаемое земледелие было неразрывно связано с пастушеским скотоводством. В целом хозяйство представляло собой один из вариантов типа мелкооазисного орошаемого земледелия

в сочетании с пастушеским скотоводством, выделяемого этнографами для XIX— начала XX в. Истоки особенностей этого хозяйственно-культурного типа в Фергане восходят ко времени чустской культуры.

Многочисленные археологические материалы позволяют говорить о развитии различных производств и ремесел. Прежде всего следует отметить, что древние земледельцы были искусными строителями. Они использовали сырцовые кирпичи, пахсовые блоки и овальные комья глины — гуваляк. Кирпич изготовлялся в деревянных формах, разных размеров. Каждый строитель изготавливал кирпичи своего размера, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки домов и оборонительных стен, сложенных из кирпича разного формата. Строительство по всей вероятности осуществлялось большим коллективом, возможно, всей общиной. Особо следует отметить достижения древних строителей в создании оборонительных укреплений вокруг Дальверзина и Чуста.

Большое значение имело металлообрабатывающее производство, лучше всего представленное в Дальверзине и Чусте. Единичные металлические изделия обнаружены еще на шести чустских поселениях, в том числе на Боз-тепе, Хожамбаге, в Оше. Изделия из металла употребляли повсеместно, но производство их, очевидно, было сосредоточено только на таких крупных поселениях, как Дальверзин, и средних, как Чуст и Хожамбаг, Ош. Набор металлических изделий представлен орудиями труда (ножи, серпы, долота, рыболовные крючки, шилья, иглы) и предметами конской упряжи (кольчатые удила и трехдырчатые псалии). Из бронзы отливали оружие: наконечники копий, наконечники стрел и кинжалы. Металл шел также на изготовление предметов туалета (зеркала) и украшений (браслеты, кольца, подвески, бляшки). Как видим, изделия из металла довольно разнообразны. Среди них выделяются предметы, формы которых характерны только для чустской культуры (своеобразные ножи с круглым навершием). Имеются изделия, аналогичные находкам в южных областях Средней Азии. Наиболее показательны в этом отношении зеркала с боковой рукоятью. Довольно значительна группа изделий, сходная с формами, типичными для степных племен эпохи бронзы. Близкие аналогии имеются, в частности, в материалах из Северной Киргизии (серпы, клиновидное долото, наконечник копья с прорезями).

Обработкой камня и кости занимались повсеместно, ибо изделия из этих материалов составляли значительную часть производственного инвентаря, используемого в хозяйстве и в быту. Широкое применение каменных изделий составляет примечательную особенность культуры земледельцев Ферганы.

О развитии ткачества можно судить по многочисленным отпечаткам разнообразных тканей на внутренней поверхности глиняных сосудов, которые формовались на матерчатых болванках (шаблоне). Ткани изготовлялись на ткацком станке. Об этом сви-

детельствуют особенности переплетения нитей, установленные по отпечаткам на сосудах из Дальверзина[46]. На поселениях найдено также много костяных гребней, применяемых при ткачестве.

И наконец, следует остановиться на керамическом производстве, изделия которого составляют основную массу находок на всех поселениях. Глиняная посуда была широко распространена в быту древних земледельцев и потребности в ней были велики, так как сосуды часто бились. Древние мастера учитывали при изготовлении назначение сосудов. Поэтому состав глины кухонной посуды, в которой варилась пища, отличается от состава глины столовой посуды. Также отличаются и крупные сосуды, предназначенные для хранения продуктов и жидкости. Особого совершенства чустские мастера достигли в украшении своих изделий расписным геометрическим орнаментом, в результате многие сосуды воспринимаются как высокохудожественные произведения прикладного искусства. Есть предположение, что в отличие от керамики степных племен бронзового века чустскую посуду изготовляли мастера-гончары. Имеются данные, свидетельствующие о выделении металлообрабатывающего производства. Следовательно, в это время уже намечается обособление ремесла.

Население жило в землянках и наземных глинобитных домах. В Дальверзине и Чусте обнаружены также легкие каркасные постройки типа шалаша. Наибольшее количество землянок выявлено на Ошском поселении. Одна из них прямоугольная, остальные имеют овальную форму. Так же как в Чусте и Дальверзине, большинство из них занимали площадь в 50—70 кв. *м*. Две землянки почти в два раза меньше. По-видимому, одна, служившая общинным домом, имела площадь 100 кв. *м*.

Глинобитные дома были более совершенными. Они обнаружены на восьми наиболее полно исследованных поселениях, в том числе в Хожамбаге, Кошок-тепе, Боз-тепе, Сасык-Бука. Фундамента они не имели, полы представляли собой тонкую прослойку глины, только в одной комнате — на цитадели Дальверзина — пол был частично выложен сырцовым кирпичом. Стены домов сложены из сырцового кирпича или нескольких слоев пахсы, зафиксирован случай комбинированной кладки. Планировка домов изучена слабо.

На чустских поселениях, следовательно, представлены все три основные для Средней Азии вида жилищ. Можно считать, что в чустской культуре сосуществуют традиции оседло-земледельческой сырцовой архитектуры с характерными для степных племен бронзового века типами землянок и наземных каркасных построек. Все это дает основание говорить о своеобразном синтезе в Фергане разных традиций домостроительства. По аналогии со степными племенами можно допустить, что землянки чустской культуры также служили жилищем большой семьи. Предположительно в них могло обитать 25—40 человек. В поселениях среднего размера, таких, как Чуст, жило 400—500 человек, в крупных —

Шамшинский клад. Бронза. Кочкорская долина. II тыс. до н.э.

Свернувшийся хищник с головой сайги. Бронза. Иссык-Куль. VI—V вв. до н.э.

Зебу. Бронза. Иссык-Куль. V—III вв. до н.э.

Джейран. Золото. Иссык-Куль. VI—V вв. до н.э.

Тигр. Золото. Кетмень-Тюбе. VI—V вв. до н.э.

Лев. Золото. Кетмень-Тюбе. V—IV вв. до н.э.

Петушок. Золото. Кетмень-Тюбе. VI—IV вв. до н.э.

Женщина сакского времени. (Реконструкция В. П. Мокрынина).

Человек с ритоном. Золото. Кетмень-Тюбе.
VI—IV вв. до н.э.

Украшения. Золото, самоцветы. Бляха с инкрустацией и зернью. Золото.
Кетмень-Тюбе. VI—IV вв. до н. э.

Птица. Золото. Кетмень-Тюбе. VI—III вв. до н.э.

Парадная одежда семиреченского сака. (Реконструкция К.А.Акишева).

Орнаментированная посуда. Кетмень-Тюбе. V—III вв. до н.э.

Кружка. Золото. Чуйская долина. IV—V вв.

Украшения. Золото. Детали украшения. Серебро, дерево, гранат. Чуйская долина. IV—V вв.

еще больше. Население Дальверзина ориентировочно составляло 2000 человек. Поскольку общины были небольшими, можно заключить, что и земледельческие оазисы отличались небольшими размерами, и о сплошном освоении Ферганы в то время говорить не приходится.

Большинство чустских поселений не имело укреплений. Они выявлены только на двух поселениях. Оборонительная стена толщиной 3 *м* окружала северо-западную часть Чустского поселения, которая, возможно, и служила цитаделью, так же, как и Дальверзин.

Самые мощные укрепления были в Дальверзине, каждый из трех участков которого был огражден оборонительной стеной[47]. Основная жилая часть поселения имела периметр около 1500 *м*. Остатки стен прослежены на всех его сторонах, за исключением западной, где укрепления разрушены в более позднее время. Они сохранились на высоту 2,5—3 *м* и, очевидно, первоначально достигали высоты 6—8 *м*, толщина их была 4—6 *м*.

На восточном участке поселения возведена вторая крепостная стена, которая в виде дуги охватывает загон.

Особо выделяется третья — внутренняя сторона, ограждавшая северо-западную часть поселения, своего рода цитадель. Периметр стен цитадели равен 500 *м*. Полностью изучена сохранившаяся ее часть. Вся стена сложена регулярной кладкой кирпича в перевязку. На некоторых кирпичах имеются клейма в виде параллельных желобков и прямоугольного креста. Оборонительные стены Дальверзина представляли собой хорошо продуманную систему укреплений. Они превращали поселение в убежище, где жители могли укрыться во время военной опасности. На их сооружение были затрачены большие усилия. Особую роль в системе обороны играл обособленный участок — цитадель — показатель относительно высокого уровня фортификационного строительства в Фергане.

Выделение цитаделей на поселениях происходило на рубеже II—I тысячелетий до н. э. почти одновременно в ряде областей Средней Азии, а также в Афганистане и Иране, что явилось показателем преобразования поселений (деревень) в первичные укрепленные городские поселения, которые становились центрами экономической и культурной жизни земледельческих оазисов. В Фергане развитие этого процесса отражает Дальверзинское поселение. Но основная часть чустского населения обитала в небольших поселках и домах-усадьбах, разбросанных подобно хуторам, на некотором расстоянии друг от друга. Группа таких поселков и домов составляла сельское поселение, занимавшее порой небольшой земледельческий оазис[48]. Совокупность подобных сельских поселений-оазисов следует сопоставить с союзом земледельческих общин, а в масштабе всей Ферганы — с чустским племенным союзом. Земледельческие оазисы юга Киргизии являлись составной частью этого союза. Основа социального строя населения

эпохи поздней бронзы определялась системой земледельческих общин, специфика которых была вскрыта классиками марксизма-ленинизма и заключалась в диалектическом сочетании коллективной собственности на землю с парцеллярной формой хозяйства. На территории Ферганы существовало не менее 20 оазисов — земледельческих общин. Каждая из них была экономически самостоятельна и мало связана с соседними общинами. Объединялись они в племенном союзе. Имеющиеся данные позволяют предполагать существование в Фергане общества на стадии перехода от родового строя к еще весьма примитивной государственности, характерной для времени становления раннеклассового общества.

Социальный состав населения древней Ферганы, реконструируемый по данным археологии, находит определенные соответствия в четырехступенчатой системе организации общества, которая охарактеризована по сведениям, содержащимся в священной книге зороастрийцев — Авесте. В ней отражена структура не одного конкретного общества, а скорее идеальная система — своего рода социологическая модель общества времени составления Авесты (начало I тысячелетия до н. э.). Данные Авесты привлекались историками и археологами, в том числе и многими советскими учеными для анализа и характеристики общественного строя народов Средней Азии. Нерасчлененность в Авесте понятий «дом — жилище — семья» и «род — родовое селение» дает основание для сопоставления выделенных групп чустских поселений со структурой общества Авесты. Естественно, что это сходство не будет полным, но оно позволяет распространить социологическую модель устройства общества Авесты на Фергану эпохи поздней бронзы.

Это общество характеризуется чертами переходного состояния от доклассового к классовому строю. В нем ясно прослеживается социально-экономическое расслоение на знать и рядовых общинников, что находит некоторое подтверждение и в чустских поселениях. Можно допустить наличие у чустских племен трех сословий, упоминаемых в Авесте: воинов, жрецов и земледельцев-скотоводов.

Ферганский очаг земледелия не был изолированным. Тесные связи способствовали появлению сходных культур в первой четверти I тысячелетия до н. э. на обширной территории — от Ферганы и Ташкента до низовий р. Мургаб.

Особо тесные связи чустские племена имели с соседними бургулюкскими общинами Ташкентского оазиса. Определенное сходство наблюдается между чустской культурой Ферганы и культурой поселения Кучук в Бактрии[49]. Можно говорить о широком распространении сходных культурных достижений, о взаимном влиянии и о развитии в этот период межплеменного обмена, охватившего население отдаленных областей.

Об этнической принадлежности племен чустской и других аналогичных культур точные данные отсутствуют. Возможно, населе-

ние Ферганы, как и других соседних областей, говорило на восточно-иранских языках, представляя группу родственных восточно-иранских племен.

Таким образом, в свете новых данных чустская культура Ферганы и юга Киргизии выступает как часть обширного массива оседло-земледельческих культур. Несмотря на свою удаленность от южных областей Средней Азии, Фергана мало в чем уступала им по общему развитию хозяйства, общественного строя и культуры. Окруженные со всех сторон степными племенами с иной культурой и иными особенностями хозяйства, древние земледельцы смогли сохранить этнографическую самобытность своей культуры, многие памятники которой и сегодня говорят нам о ее своеобразии и о высоком художественном мастерстве их создателей.

3. Начало разложения первобытнообщинного строя

Итак, в эпоху бронзового века в хозяйстве обеих племенных групп Киргизии — пастухов-земледельцев севера и оседлых земледельцев-скотоводов юга — происходят значительные изменения. Повсеместно наблюдаются развитие производительных сил, накопление прибавочного продукта. Следует отметить достаточно эффективное развитие земледелия у чустских племен, видимо, использовавших искусственное орошение. О том, что земледелие практиковалось и в среде племен Северной Киргизии, свидетельствуют каменные зернотерки, найденные на древних поселениях.

Различия природной среды и культурных традиций сказывались на направлении развития скотоводства. Так, в Ферганской долине в хозяйствах чустских племен, как правило, преобладал крупный рогатый скот, т. е. практиковалось скотоводство мясо-молочного направления. По-иному шло развитие этой отрасли у племен андроновской культурной общности, к которым принадлежали племена Северной Киргизии и Центрального Тянь-Шаня. Первоначально у племен андроновской культуры преобладал крупный рогатый скот, а поселения располагались в местах богатого травостоя — на надпойменных террасах и на пастбищно-луговых угодьях. Эти данные позволяют характеризовать эту форму скотоводства как придомное, пастушеское. Во второй половине II тысячелетия до н. э. в составе стада заметно начинают преобладать овца и лошадь, многие поселения уже располагаются в открытых степях и полупустынях. Совершенно очевидно, что в это время складывается новая форма скотоводства, связанная с сезонными вертикальными перекочевками стад, освоением новых пастбищ. Такое скотоводство обычно именуют яйлажным. О развитии этого вида хозяйственной деятельности свидетельствуют памятники андроновского типа в Центральном Тянь-Шане.

Хозяйственная специализация привела к крупному общественному разделению труда, когда отдельные племена и группы пле-

мен сосредотачивали свои усилия на том или ином виде деятельности. Это явилось важнейшим стимулом развития межплеменного обмена. Как отмечал Ф. Энгельс, «после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института»[50]. Таким образом, обмен нарушал экономическую замкнутость основной ячейки первобытного общества, открывая новые возможности для накопления богатств и, следовательно, для развития социального и имущественного неравенства.

Переход к металлическим орудиям труда и особенно развитие металлургии порождали специализацию в сфере труда, ибо изготовление орудий из сплава меди и олова требовало особых приспособлений, сложных производственных навыков, высокой профессиональной квалификации. Специальный анализ бронзовых изделий из Шамшинского клада показал, что в эпоху бронзы в Киргизии сложились прочные технические традиции, которые ясно свидетельствуют о выделении кузнечного ремесла в самостоятельную отрасль производства. Развитие металлургии и металлообработки явилось важнейшей предпосылкой второго крупного общественного разделения труда — отделения ремесла от земледелия. Начало этого процесса в Киргизии, несомненно, восходит к бронзовому веку, когда столь явственно происходит специализация кузнечного дела.

Разведение и выпас скота, добыча руды и изготовление бронзовых орудий требовали мужской силы, и мужчины в родовой общине все более выдвигаются на первый план. Как писал Ф. Энгельс, «дикий, воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, „более кроткий" пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе»[51]. Род начал формироваться из родственников по мужской линии, а не по женской, как это было ранее, и вошел в историю под названием патриархального. Большинство исследователей считают, что формирование патриархального родового строя произошло именно в эпоху бронзы, в частности, в рамках андроновской культурной общности. Действительно, в могильниках андроновского периода, в частности, в могильнике Тасты-Бутак в Западном Казахстане мужчины неизменно погребались на левом боку, а женщины на правом. Исследователь могильника В. С. Сорокин считал, что подобный тип захоронения был связан с патрилинейной системой родства, когда жен брали со стороны, из другого рода, и подчеркивали это иным положением их тел при погребении на родовом некрополе.

Бурное развитие производств, установление регулярного обмена, утверждение патриархальных отношений не замедлили сказаться на общественном развитии, все отчетливее проявляются черты социального неравенства. Усложняется и сама структура руководства обществом — вместо старейшины, направлявшего

хозяйственную и общественную жизнь первобытного коллектива, мы видим целую иерархию различного рода вождей — родов, племен, союзов-племен. Накопление богатства и появление такого легко отчуждаемого вида имущества, как скот, привели к усилению межплеменных столкновений. Недаром именно на эпоху бронзового века приходится развитие оружейного дела. Появляются специальные виды оружия, рассчитанные на воинов-профессионалов. Образцом такого рода изделия являются вислообушные топоры с узким лезвием. Сюда же можно отнести втульчатые наконечники копий, секиры и кинжалы самых различных типов. Успешные военные действия повышали авторитет вождей, позволяли им сосредотачивать в своих руках определенную часть богатства. Отдельные лица и их семьи стали занимать особое положение в обществе, как в силу своего социального ранга, так и в силу имущественного благосостояния. Это были две взаимосвязанные стороны одного процесса — особое положение в обществе облегчало приобретение богатств, а их наличие в свою очередь повышало социальную значимость их владельцев.

Даже те сравнительно ограниченные археологические материалы, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельствуют о намечающемся неравенстве в обществе Киргизии эпохи бронзы. Это видно уже на примере могильников пастушеско-земледельческих племен андроновского периода.

На общем родовом кладбище наряду с одиночными захоронениями обнаружены семейные усыпальницы. Вместо одиночных оградок мы видим зачастую целые группы, объединенные вокруг одной или двух основных оградок, выделяющихся своими размерами и более тщательным устройством, чем все остальные в этой группе. Видимо, более привилегированным положением определенных лиц и возникновением имущественного неравенства можно объяснить такие повсеместно отмеченные факты, как появление на родовом кладбище захоронений, отличающихся от основной массы целым рядом особенностей: тщательностью устройства могильного сооружения, богатством погребального инвентаря. Так, среди захоронений могильника Таш-Тюбе II есть только две могильные камеры, стенки которых имеют глиняную штукатурку. Все остальные ямы — грунтовые. В могильнике Джазы-Кечу из 57 захоронений в больших оградках только 6 имеют каменную кладку стен и только у 10 могил была каменная кладка в 1—3 ряда по верхнему краю ямы. Впрочем, не исключено, что каменная кладка верха ямы связана с характером перекрытия могилы. Имущественным неравенством можно объяснить также и тот факт, что из 23 захоронений, вскрытых в могильниках Таш-Тюбе II и Тош-Башат, только в 4-х сохранился разнообразный погребальный инвентарь, однако следует подчеркнуть, что богатые гробницы были ограблены еще в глубокой древности.

Бесспорным свидетельством накопления богатств и во всяком случае сосредоточения в руках одного лица или группы лиц значительных ценностей являются клады бронзовых изделий. В Киргизии они весьма многочисленны. Эти клады могли быть оставлены какой-либо зажиточной семьей или мастерами-профессионалами, соединявшими производственую деятельность с распространением производимых ими изделий.

Безусловно, происходила концентрация и других видов собственности. Так, на поселениях чустской культуры раскопаны ямы для хранения зерна, вмещающие до 20 *ц*, что явно позволяло создавать товарные запасы. Еще большую ценность представлял скот. Недаром в ряде языков термин «скот» означает и деньги, указывая на большую роль скотоводства в развитии обмена и торговли.

Изменения в социальной структуре общества происходили не только за счет различной состоятельности членов общины. Началось использование труда генетически чуждых общине лиц, явившееся предвестником эксплуатации. Социально-экономическая сущность этого процесса вскрыта Ф. Энгельсом. Он писал: «Увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить бóльшее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов»[52]. Формы привлечения отчужденного труда были различными. Иногда «чужаков» рассматривают как своего рода слуг, иногда как младших членов общины, однако при всех вариантах их положение было неравноправным.

Формы общественной жизни племен Киргизии эпохи бронзового века могут быть реконструированы на основе результатов раскопок древних памятников. Места расселения пастушеско-земледельческих племен степной бронзы, так же, как и оставленные ими могильники, свидетельствуют о том, что основной общественной единицей был сравнительно небольшой коллектив, вероятно, патриархально-родовая община. Вместе с тем в рамках этой общины все большее значение начинает приобретать малая семья, как самостоятельная хозяйственная единица. Об этом, в частности, свидетельствует распространение обычая парных захоронений, когда в одну гробницу, иногда через определенный промежуток времени, помещали двух лиц — мужчину и женщину. Одно такое захоронение было обнаружено и на территории Киргизии. Этот тип захоронений вызвал большую дискуссию в литературе, но все исследователи единодушно связывают его с развитием патриархальных отношений. Видимо, такие гробницы свидетельствуют о возрастающей роли малой или индивидуальной семьи. Сходство

культуры позволяет заключить, что соседние общины принадлежали к одной группе, скорее всего, к одному племени.

Более сложную картину общественного устройства в эпоху бронзы дают оседлые племена чустской культуры. Здесь основная часть населения также обитала в небольших поселениях или даже в усадьбах, бывших, судя по размерам, местом проживания большесемейных общин. Вместе с тем существовали и более крупные центры, например, Дальверзин, где часть городища, выделенная особой стеной, рассматривается исследователями как своего рода цитадель. Появление такой сложной системы фортификации, когда помимо общей стены, дополнительно укреплялась особая часть поселения, скорее всего свидетельствует о территориальном обособлении различных социальных групп общества. Ю. А. Заднепровский считает, что в цитадели Дальверзина обитали местные вожди и знать. Во всяком случае сложная система поселений чустской культуры, устанавливаемая по материалам археологии, отражает и сложную картину чустского общества. Это мог быть союз племен, имевших свою «столицу» — Дальверзин, достигшую значительных размеров и тщательно укрепленную.

Итак, всеобщее равенство, характерное для эпохи расцвета первобытнообщинной формации, кончилось. Человеческое общество стояло на пороге социальной и имущественной дифференциации, складывались предпосылки для разделения его на классы.

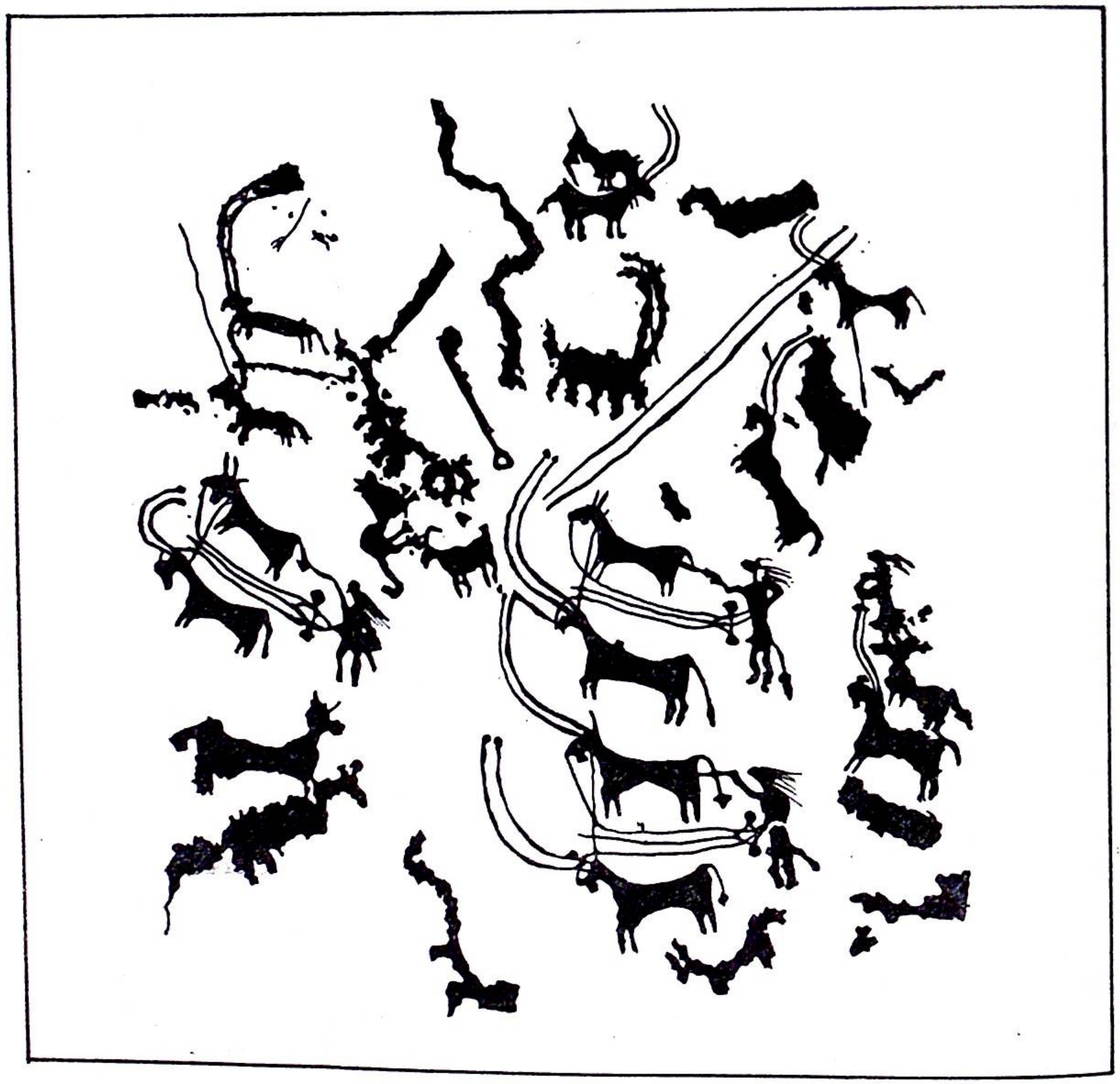
4. Культура

Появление человека на земле и орудий труда, изготавливаемых им, означало зарождение культуры — качественно отличающего человеческое общество явления. С течением времени она усложнялась, что видно даже по тем материальным формам ее, с которыми имеет дело археологическая наука, изучающая древнейшие этапы истории человечества. Важнейшие достижения культуры первобытной эпохи — жилища, одежда, украшения, сначала примитивные, затем все более сложные и совершенные.

Ярко заметен прогресс в эпоху бронзового века, когда развиваются строительное дело, архитектура. Особое значение имело развитие духовных форм культуры, которую К. Маркс именовал духовным производством. Наиболее примечательным памятником духовной культуры первобытной эпохи в Киргизии является урочище Саймалы-Таш. Об этом свидетельствуют наскальные изображения, древнейшие из которых восходят ко II тысячелетию до н. э. По всей вероятности, в ту отдаленную эпоху Саймалы-Таш представлял собой своего рода культовый центр, посещаемый в периоды сезонных общинных празднеств. Все рисунки выполнены в четком, слегка геометризированном стиле, как бы перекликаясь с расписной керамикой древних земледельцев. Как правило, они объединяются в сложные многофигурные композиции, воспроизводящие бытовые сцены (быки, запряженные в плуги или колес-

ницы-повозки). Солярные знаки указывают, что эти бытовые сцены имеют четко выраженную идеологическую направленность. Центральное место здесь занимает образ солнечного божества, воплощенного в образе быка или какого-либо другого животного.

Особенно много сцен, связанных с ритуальными танцами, воспроизведением охоты. На них изображены как зооморфные, так и антропоморфные существа, облаченные в фантастические наряды. Не исключено, что в ряде случаев это прямое воспроизведение культовых обрядов в сочетании с магическими действиями. Некоторые сцены, видимо, являются воспроизведениями древних мифов, ибо известно, что характерной формой первобытной идеологии является мифологическая. Именно в мифологии представления о мироздании, его генезисе, этико-философские воззрения получили впечатляюще образное воплощение. В связи с этим Саймалы-Таш следует считать не только святилищем, но и уникальным хранилищем идеологии древнего человека.



Петроглифы. Саймалы-Таш.

Погребальный обряд пастушеско-земледельческих племен свидетельствует и о наличии культа предков, об их вере в загробную жизнь. По этой причине умершему сооружали могилу, имитировавшую жилище. Его снабжали одеждой и пищей, женщинам дополнительно клали предметы украшений, а детям — игрушки (альчики). Принесенная покойнику пища обычно ставилась за пределами оградки. Все эти факты хорошо прослежены на примере погребального обряда в могильниках Таш-Тюбе II и Джазы-Кечу. Отсутствие в исследованных захоронениях эпохи бронзы костей животных, видимо, можно объяснить тем, что предпочтение отдавалось растительно-молочной пище.

Характерной особенностью первобытной культуры была нерасчлененность форм общественного сознания. Искусно выполненные изображения горных козлов и лошадей на ручках бронзовых кинжалов свидетельствовали о высоком художественном мастерстве древних скульпторов, работавших по металлу, и вместе с тем они отражали сложный мир представлений о культовой значимости этих животных. С развитием благосостояния развивается прикладное искусство. Бытовые предметы помимо их утилитарного назначения все больше начинают играть эстетическую роль. Так, глиняная посуда зачастую украшается орнаментом, выполненным, правда, в различной манере в силу различных культурных традиций тех или иных племенных групп, например, у пастушеско-земледельческих племен сосуды украшены несложным нарезным орнаментом. Нарядная керамика свойственна племенам чустской культуры, где гончарное производство стояло на более высокой ступени технологического развития. Сосуды с черной росписью по ярко-красному фону украшали быт древних земледельцев Ферганской долины.

Особенности первобытной культуры у соседних племенных групп проявлялись по-разному. Это было связано с различным их происхождением и с той большой ролью, которую играли в первобытном обществе традиции, прочно вошедшие в кровь и плоть древних людей.

Это имеет большое значение при рассмотрении проблемы происхождения древних культур, существовавших на территории Киргизии в первобытную эпоху. В пору каменного века главное значение имела замедленная эволюция местных общин, хотя и здесь отмечаются отдельные контакты и связи. Более динамичным был процесс культурогенеза в эпоху бронзового века, когда древние племена отличались значительно большей подвижностью.

Пастушеско-земледельческие племена Киргизии того времени, как отмечалось выше, были тесно связаны с андроновской культурной общностью. Однако ряд глубоко своеобразных черт позволяет говорить об особом варианте в рамках этой культурной общности в период поздней бронзы. Своеобразные, устойчиво повторяющиеся признаки в погребальном обряде, керамике и инвентаре позволили исследователям выделить семиреченский локаль-

ный вариант в рамках этой культурной общности[53]. Для погребальных комплексов Семиречья характерны захоронения в каменных оградках округлой или квадратной формы. Погребения совершены в прямоугольных ямах по обряду трупосожжения или трупоположения.

В могильниках наблюдается сочетание одиночных и пристроенных друг к другу оградок. Для большей части больших прямоугольной формы оградок могильника Джазы-Кечу и для половины прямоугольных оградок Таш-Тюбе II, Беш-Таш ориентировка на поверхности совпадает (северо-восток — юго-запад). Для захоронений в других районах распространения андроновской культурной общности характерна следующая ориентация на местности: в Минусинской котловине и на верхней Оби преобладающая ориентировка — запад — юго-запад, в Северном и Центральном Казахстане — запад — юго-запад[54]. Таким образом, могильники на территории Киргизии имеют несколько иную ориентировку на местности. Характерной для них, видимо, следует считать линию северо-восток — юго-запад.

Погребальный обряд и инвентарь могильника Джазы-Кечу в Кетмень-Тюбе говорят о том, что имея много общих черт с могильниками Таласской и Чуйской долины, он в то же время имеет общее в деталях погребальных сооружений с могильниками Ферганы, особенно с Арсифским[55]. Сходство дополняется и находками серег с раструбом, что позволяет отнести их к более поздним образцам этой категории.

Бронзовые браслеты и пастовые бусы из могильников в Таласской долине, а также некоторые формы сосудов могильника Джазы-Кечу аналогичны предметам могильника Кокча 3 в Приаралье[56]. Трупосожжение было распространенным обычаем на федоровском этапе для Северного, Центрального и Южного Казахстана и существовало здесь, наряду с трупоположением, и на других этапах андроновской культуры. С районами Центрального и Южного Казахстана мы отмечаем также сходство и в формах керамики.

Линия культурных связей, уходящая своими корнями в Казахстан и Южную Сибирь и датируемая заключительным этапом эпохи бронзы, археологически прослеживается на севере Киргизии. Так, на поселениях Каинда и Джаильма найдена керамика, украшенная гладким и зубчатым штампом в виде косых, ногтевидных и циркульных вдавлений, зигзага, горизонтальной сетки. Большая часть посуды украшена налепными валиками, косыми насечками и сеткой. Эта керамика распространена на обширной территории евразийских степей и характерна для поселений Казахстана позднеандроновского периода. На этих же памятниках в небольшом количестве обнаружены горшки с шаровидным туловом, прямым венчиком и иногда подчеркнутым уступом на плечике. Керамика этого типа залощенная, покрыта тонким резным орнаментом (ромбы на венчике, треугольные фестоны, за-

штрихованные ленты на плечике). Она типична для карасукских памятников Западной Сибири и бегазинско-дандыбаевских памятников Казахстана, датируется концом эпохи бронзы.

Таким образом, можно заключить, что население Киргизии того времени по культуре было родственно или во всяком случае близко населению соседних областей Казахстана, где наряду с металлическими изделиями, типичными для кладов Киргизии, в эпоху поздней бронзы была распространена керамика позднеандроновского и бегазинско-дандыбаевского типов. О характере и направлении культурных связей говорят типы бронзовых изделий, происходящие из кладов, найденных на территории Киргизии.

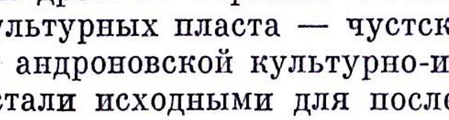
Интересные результаты дает анализ бронзовых изделий, обнаруженных на территории Киргизии. Большую их часть составляют те, которые характерны для ограниченной зоны востока евразийских степей — андроновского металлургического очага, объединявшего Северный, Центральный, Восточный Казахстан, Семиречье, а также Фергану. Вместе с тем типы бронзовых изделий отражают и южное направление древних культурных связей. Так, если основные виды орудий и оружия близки аналогичным изделиям севера, то ажурная булавка из клада Шамши аналогична украшениям, характерным для оседло-земледельческих районов Средней Азии.

Еще в большей мере синтез культурных традиций прослеживается в чустской культуре, распространенной в Ферганской долине. Для нее так же, как для оседло-земледельческих культур юга Средней Азии, характерны расписная керамика и сырцовая архитектура. Вместе с тем отдельные бронзовые изделия, детали конской упряжи, хозяйственные ямы-хранилища свидетельствуют о традициях иного культурного мира. Неудивительно поэтому, что по проблеме происхождения чустской культуры высказывались различные мнения. При этом следует иметь в виду, что на определенном этапе развития чустские племена жили бок о бок с племенами эпохи степной бронзы. Во всяком случае на ряде памятников степной бронзы найдена керамика чустского типа. Вместе с тем, как отмечает крупный исследователь чустской культуры Ю. А. Заднепровский, племена, относящиеся к этой культурной общности, судя по имеющейся хронологии, появились в Ферганской долине позднее племен эпохи степной бронзы, и последние в известном смысле могут рассматриваться как их предшественники. Не исключено, что какая-то часть племен эпохи степной бронзы приняла участие в формировании чустской культуры.

Как показывают новые археологические материалы, в начале I тысячелетия до н. э. в ряде областей Средней Азии интенсивно развивается оседло-земледельческая культура, о чем свидетельствуют керамика, украшенная расписным орнаментом, и сырцовая архитектура. Яркими памятниками такого типа являются Яз-депе в Маргиане (низовья р. Мургаб) и Кучук-тепе на юге Узбекистана, в области, которая в древности входила в состав Бактрии.

Имеются данные о распространении памятников этого типа и в долине р. Зеравшан (на территории древнего Согда). Сравнение с этими памятниками говорит о заметном своеобразии чустской культуры. Это особенно отчетливо проявляется в цветовой гамме керамики, в которой преобладает роспись черной краской по красному фону. Не исключено, что в условиях усилившихся культурных связей имели место и явления культурной интеграции, обусловившие появление в разных областях сходных элементов культуры. Недаром на Кучук-тепе найдены каменные серпы чустского типа. Возможно, на своеобразии чустской культуры сказались влияние племен степной бронзы, а также традиции потомков неолитических племен древней Ферганы и соседних территорий.

Два больших культурных пласта — чустская культура на юге и местный вариант андроновской культурно-исторической общности на севере — стали исходными для последующего исторического развития. При этом традиции культуры степной бронзы нашли свое закономерное продолжение в культуре сакских племен. Это видно и по типам бронзовых изделий, в которых прослеживается прямая преемственность, и по ряду других признаков. Особый интерес для изучения генезиса раннекочевнического искусства с его специфическим «звериным стилем» представляют художественные изображения животных на кинжалах эпохи поздней бронзы. Они указывают на то, что анималистические традиции в Киргизии восходят по крайней мере к позднебронзовому веку. На юге оседло-земледельческие традиции чустской культуры с крупными населенными центрами, зачатками сырцовой архитектуры, с фортификацией и развитым керамическим производством закономерно подводят нас к культуре оседлых оазисов Ферганы середины и второй половины I тысячелетия до н. э., когда здесь формируются традиции местной государственности. Но в обоих случаях — и на севере и на юге — это был не просто механический переход. В условиях новой социально-экономической ситуации, которую определяли два главных явления — сложение классовых отношений и развитие государственности, древние традиции приобретали новые черты.



Глава III

СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

1. Переход в кочевому скотоводству и сложение раннекочевнических обществ

На большей части территории Киргизии переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу происходил в условиях формирования нового способа хозяйственной деятельности — кочевого скотоводства. Оно было основано на сезонном чередовании травостоя. Кочевыми и полукочевыми формами скотоводства были охвачены практически все ландшафтные зоны степного пояса Евразии вплоть до альпийских лугов. В составе стада преобладали овцы, козы и табуны коней — основное богатство кочевых племен. Как вьючное животное широкое распространение получил верблюд.

Уже в бронзовом веке лошадь использовали как упряжное животное, в том числе и в легких боевых колесницах, позднее в верховой езде, боевые колесницы являлись элементом погребального обряда. Кочевники со стадами в пустынно-степной зоне передвигались в меридиональном направлении на многие сотни километров. Зимние стойбища, расположенные в удобных местах с хорошими водопоями, использовались из поколения в поколение многие сотни лет. Здесь располагались и кладбища, нередко насчитывающие несколько сотен погребальных курганов.

В летнее время, когда степные травы выгорали, кочевники перегоняли скот на высокогорные пастбища. В результате в предгорных районах сложилась система кочевания, получившая название вертикальной. Расстояние кочевок сокращалось, получил распространение полуоседлый или полукочевой быт.

Переход к кочевому скотоводству был не просто сменой в способе хозяйственной деятельности. Он представлял собой решающий рубеж, определивший начало новой исторической эпохи со специфическими формами общественного быта, культуры и

идеологии[1]. В аридной зоне степей и высокогорий при существовавшем уровне развития производительных сил именно кочевое скотоводство давало максимальный прибавочный продукт. Одновременно сложились предпосылки к качественному скачку в развитии динамичных внутризональных контактов, в накоплении богатств, в усилении имущественной и социальной дифференциации, в прогрессе военного дела. В среде раннекочевнических обществ происходит коренная ломка всего быта, зарождаются новые формы традиционной культуры, которые в условиях повышенной коммуникабельности сравнительно быстро распространяются на огромных территориях.

Усиление и расширение различного рода связей и контактов было тесно связано с массовым распространением верховой езды. Была выведена порода быстроаллюрных скаковых коней, выработаны особые приемы их тренировки. Именно такие кони — крупные, породистые, рыжие и гнедые с золотистым оттенком — были обнаружены при раскопках знаменитых курганов Пазырыка на Алтае. Конь занимал особое место в жизни раннекочевнических обществ. Скорость передвижения этих животных была поразительна. По свидетельству источников, римлянам в начале III в. н. э. удалось захватить парфянского коня, который в течение 8—10 дней ежедневно мог проходить около 150 км. В результате «границы мира» для древнего человека необычайно раздвинулись. Традиции выведения подобных быстроаллюрных коней сохранялись на протяжении многих веков. В XIX в. ахалтекинский жеребец Тыкма-Сердар свободно преодолевал с утра до вечера по 120 верст.

Скот являлся основным показателем материального благосостояния, что привело к борьбе за пастбища и водопои, к учащению вооруженных столкновений. Угон скота, этой легко отчуждаемой формы собственности, борьба за перераспределение угодий становятся особенно частыми в условиях племенной чересполосицы. Оружейное дело превращается в специализированное ремесленное производство, идет унификация и стандартизация форм оружия. Как правило, все погребения мужчин раннекочевнической эпохи сопровождаются оружием. Среди них выделяются могилы почетных воинов, облаченных в доспехи, с боевыми топорами и кинжалами, нередко художественно оформленными, с большим количеством разнообразных украшений. Подобные захоронения свидетельствуют о существовании уже в тот период профессиональных воинов-дружинников, военной аристократии. По свидетельству Геродота, в VI в. до н. э. медные панцири, подобные нагрудникам, одевались и на лошадей. Особое значение имела выработанная кочевниками тактика конного боя, основанная на непрерывных атаках конных лучников. На первых порах воинские контингенты древневосточных цивилизаций, столкнувшиеся на западе с киммерийцами и скифами, а на востоке с саками, были не в силах противостоять им.

В последнее время появились данные, свидетельствующие о сравнительно древнем сложении раннекочевнических обществ. М. П. Грязнов, на основании результатов раскопок царского кургана Аржан в Туве, высказал предположение, что раннекочевнические комплексы степной зоны Азии должны быть отнесены к VIII—VII вв. до н. э., а возможно, к IX—VIII вв. до н. э. Значительный интерес представляет Авеста, в которую были включены эпические повествования, сложившиеся в роде Виштаспы, правителя Дрангианы (область на юго-западе Афганистана). Сам Виштаспа считается покровителем основателя зороастрийской религии — Заратуштры. Согласно этой традиции, Дрангиана была очень давно завоевана кочевниками, носящими имя тура, под предводительством Франграсьяны, и эти кочевники покорили чуть не всю Среднюю Азию. Кави Хусрау, основатель царского рода Виштаспы, сверг власть кочевников, причем решающая битва между вооруженными силами оседлых оазисов и кочевниками произошла у глубоководного соленого оз. Чайтиста, очевидно, в районе Арала[2]. Учитывая даже наиболее поздние даты жизни Заратуштры, эти события следует отнести к IX—VIII вв. до н. э., что косвенно подтверждает предположение о весьма древнем формировании кочевых обществ.

Возникновение подобной ситуации само по себе весьма вероятно. Уже на самых ранних этапах своего развития кочевнические общества нередко подчиняли себе оседлые оазисы и образовывали достаточно сильные военно-политические объединения, своего рода «военные империи»[3]. Союзы племен, известные, видимо, еще в пору существования скотоводов эпохи бронзы, перерастали в общества с определенной централизацией власти. Недаром уже в VI в. до н. э. известны по меньшей мере два подобных объединения — саки во главе с «царицей» Зариной и массагеты под предводительством Томирис.

Частная собственность на скот и многочисленные войны с богатой военной добычей усиливали имущественное расслоение, особого положения достигал удачливый военный предводитель. Недаром в его честь сооружались огромные погребальные курганы, представлявшие своего рода монументальную архитектуру, устраивались многолюдные тризны. По подсчетам М. П. Грязнова, в такой тризне при захоронении лица, погребенного в кургане Аржан, участвовало до 10000 человек[4]. Таким образом, погребальный обряд превращался в мощный фактор идеологического воздействия, утверждая особый статус вождя-правителя. Это свидетельствовало о формировании раннеклассового общества. Вместе с тем раннекочевнические общества отличались неустойчивостью. При изменении военно-политической ситуации военная централизация и элементы государственности сравнительно легко уступали место более аморфному общественному объединению, чему способствовала неразвитость сословных и классовых отношений. Этим раннекочевые общества заметно отличались от древних классовых

образований, формировавшихся в оседлых оазисах, где, помимо прочего, открывались широкие возможности использования труда рабского сословия.

Тем не менее развитие социальных антагонизмов и формирование государственности в раннекочевнических обществах подводило итоговую качественную черту развитию постушеско-земледельческих племен зоны степей и высокогорий.

Аналогичные процессы протекали и в оседло-земледельческих общинах, представленных на территории Киргизии племенами чустской культуры. В этой южной зоне происходит становление крупных населенных центров, получают развитие ремесленные производства, складывается городская культура. Это были два пути становления классового общества с различными типами хозяйства, расселения, с культурными комплексами и идеологическими представлениями. Вместе с тем между кочевниками и жителями городских центров не было четких границ. Они поддерживали тесные связи во многих сферах деятельности, принадлежали к этнически родственным группам населения. Кочевые племена проникали в зону оседлости, происходили активные процессы культурной и этнической ассимиляции. Изучая памятники древней Ферганы, археологи порой не могут с уверенностью сказать, к оседлому или кочевому населению принадлежал тот или иной могильник. Тесное их взаимодействие, по свидетельству К. Маркса, было характерной чертой древних обществ. Он писал: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[5].

2. Кочевники в VI в. до н. э. — середине VI в. н. э.

Саки

Первые сведения о кочевом населении Семиречья и долин Тянь-Шаня содержатся в древнеперсидских клинописных текстах VI в. до н. э., высеченных по повелению персидского царя Дария I на скале Бехистун (около г. Керманшах в Западном Иране). Бехистунская надпись повествует о походе Дария в Среднюю Азию, в ней перечислены покоренные народы, и среди них саки. Последние упомянуты также в Накширустемской надписи Дария (около Персеполя — столицы Персидского государства династии Ахеменидов, основанном Дарием близ современного Шираза), а также в некоторых других текстах.

Судя по всему, термином «саки» в древнеперсидских надписях обозначали азиатских кочевников вообще, подобно тому, как античные авторы нередко были склонны называть всех кочевников скифами. Поэтому, столкнувшись с кочевыми племенами азиатского материка, греческие авторы нередко обобщенно именуют их «азиатскими скифами», но наиболее проницательные из них отда-

ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ в VI–1-й ПОЛОВИНЕ VIII вв.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

- Западно-Тюркский каганат (552-704 гг.)
- Арабский халифат (661-750 гг.)
- Тюргешский каганат (704-756 гг.)

ОН ОК БОДУН — Союз племён

ДУЛУ — Объединения племён

ТУХСИ — Племена

ПАНЧ — Исторические области

- Города идентифицированные
- Города неидентифицированные
- Торговые пути

Примечания: 1. Город Хшикад нанесен предположительно.
2. Транскрипция наименований дана по письменным источникам VI–VIII вв.
3. Современные названия рек даны в скобках.

Современная граница Киргизской ССР

Йенчу (Сырдарья)
НИЖНЯЯ СТРАНА
Тарбанд
ОНОК БОДУН
Тараз
Нуджкат
Атлах
Джамукат
Ак-Суу
КАРА-ТЮРГЕШ
(Талас)
Суу (Чу)
ТУХСИ
(Чу)
Ашпара
Невакет
Суяб
ОБ. ДУЛУ
(Каратал)
Или (Или)
ОБ. ДУЛУ-ТЮРГЕШИ
(Или)
ОБ. ДУЛУ
оз. Иссык-Куль
Хол
Тон
(Сары-Джаз)
(Чаткал)
ЧАЧ
Чач
ТЯНЬ-ШАНЬ
(Нарын)
Касан
Хшикад
Узнанд
(Ак-Сай)
(Нарын)
(Нарын)
(Куршаб)
ФЕРГАНА
Ходжент (Сырдарья)
Канд
Исфара
Масиф (Зеравшан)
Самаркант
Панчинант
СОГД
УСТРУШАНА
ПАНЧ ПАРГАР
БУТТАМ
КУМЕД
(Кызыл-Суу)
(Кызылсу)
(Яркенд)

Масштаб 1 : 5 000 000

вали себе отчет в условном характере такого термина. Так, Страбон в своей «Географии» пишет: «Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называют даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя».

О подобных различиях между группами кочевых племен знали и чиновники ахеменидской державы, выделяя среди кочевых саков заморских (или заречных), саков-хаомаварга (изготавливавших священный напиток хаому) и саков-тиграхауда (острошапочные). До сих пор нет единого мнения о характере этих различий и местах обитания различных групп саков. Одни исследователи с территорией Семиречья и Тянь-Шаня связывают саков-хаомаварга, а другие — саков-тиграхауда. Наиболее убедительно заключение, что семиреченские саки не входили в сферу влияния Ахеменидского государства, стало быть, они были политически независимы. Скорее всего, это были саки-тиграхауда, судя по находке островерхого головного убора в княжеской могиле Иссык. Саки принимали активное участие во многих исторических событиях. Они неоднократно сталкивались с мидянами и персами — могущественными народами того времени. Имеются сведения, что войны с мидянами они вели задолго до образования Ахеменидского государства.

Покорив мидян, Кир II предпринял поход против саков. Он разгромил их отряды и захватил в плен «царя» Аморга. Но жена его Спаретра сумела собрать большое войско, напала на персидскую армию и освободила мужа. Кир заключил союз с саками, которые оказывали ему помощь в войне с лидийским царем Крезом (546 г. до н. э.). Позднее обстановка изменилась — воинственные кочевники все больше стали проявлять свою непокорность, и персы начали войну с ними.

Политика завоевания Средней Азии была продолжена царем Дарием I (522—486 гг. до н. э.)[6]. Он совершил, по крайней мере, два похода на саков. Один из них оказался неудачным. Греческий историк II в. до н. э. Полиен поведал о патриотическом подвиге сака Ширака, совершенном им во время этого похода: он порезал свое тело и, перебежав к персам, сообщил, что полон жажды отомстить вождям саков за причиненную ему обиду. Ширак вызвался сопроводить войско персов, но завел их в пустыню и обрек на гибель.

Видимо, саков-тиграхауда имел в виду Геродот, когда сообщал следующее: «Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы — ...боевые секиры»[7]. В бою саки отличались воинственностью и храбростью. В знаменитом Марафонском сражении (490 г. до н. э.) они были наиболее серьезным противником эллинов. Пешие отряды саков доблестно

сражались в Фермопильской битве (437 г. до н. э.), а их конница — в бою при Платеях. Под стать мужчинам были и женщины. Они помогали мужьям в военных походах, а иногда даже возглавляли сакские племена. Известны имена трех таких «цариц». Во время сако-мидийской войны во главе саков была Зарина. В источниках сообщается, что она покорила соседние страны, лично участвовала в сражениях и даже была ранена. После смерти в ее честь была воздвигнута пирамида со статуей наверху.

Саки вели кочевой образ жизни, занимались главным образом скотоводством. Однако им было уже известно в то время и земледелие. В источниках сообщается о хорошо обработанных землях и «немалых городах», построенных якобы Зариной.

Во второй половине IV в. до н. э. в истории народов Средней Азии, в том числе сакских племен, наступил новый этап. Армия последнего ахеменидского царя Дария III была разбита Александром Македонским. Преследуя противника, отряды Александра вторглись в пределы Средней Азии. Они захватили столицу Согда Мараканду (Самарканд) и в 329 г. достигли Яксарта (Сыр-Дарья). За этой рекой они натолкнулись на ожесточенное сопротивление саков и не смогли продвинуться дальше. В сражениях был ранен сам Александр. В упорной борьбе саки отстояли свою независимость.

Усуньский племенной союз

В конце IV—III вв. до н. э. евразийская степь переживала большие перемены. На Западе на смену скифам пришли сарматские племена, на Востоке — складывается сильная кочевая держава хунну. В Средней Азии династия из кочевых племен даев-дахов создает Парфянское царство, сыгравшее важную роль в исторических судьбах народов Средней и Передней Азии. Рядом возникает Греко-Бактрийское царство. Все эти события и предопределили крупные политические и социально-экономические изменения, происходившие во II в. до н. э. Именно в это время в Семиречье складывается крупное объединение кочевников — усуньский племенной союз.

Первоначально усуни обитали в Центральной Азии, по соседству с племенами юечжей и гуннов, однако, где находились древние усуньские земли, точно не установлено. Известно только, что в войне с юечжами усуни потерпели поражение, их предводитель был убит.

Около 160 г. до н. э. часть усуней переселилась в Семиречье[8]. Подчинив местные сакские племена и отбросив юечжей на юг Средней Азии, усуни закрепились на новых землях. Возникло новое независимое владение во главе с вождем («царем»), носившим титул «гуньмо». В его состав вошли местные, покоренные племена саков и остатки юечжей. Так сложилось Усуньское объединение, граничившее на востоке с хунну, на юге — с оседлыми владениями Восточного Туркестана, на юго-западе — с Ферганой, а на западе, в долинах рек Чу и Талас — с Кангюем.

Вопрос об этнической принадлежности усуней до сих пор не ясен. В Усуньское государство входили племена разного происхождения. Основную часть составляли потомки ираноязычных сакских племен. Особое положение занимали кочевые племена юга Киргизии, и, прежде всего, Алая, которые в культурном и политическом отношении находились под влиянием усуней. Таким образом, можно заключить, что усуньский союз был полиэтничным объединением.

Усуньское государство было разделено на своего рода уделы, управляемые сыновьями владетеля, причем гуньмо оставлял за собой центральную часть страны и верховную власть. Ставка «царя» усуней — город Чигу («город Красной Долины».) — размещалась в Иссык-Кульской котловине. Это был крупный центр на одном из ответвлений Великого шелкового пути.

Усуней в источниках называют кочевым народом: «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владении много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов»[9].

Открытые археологами оседлые поселения усуньского времени внесли определенные изменения в наши представления о хозяйстве усуней. Два таких поселения выявлены в Чуйской долине — одно у с. Аламедин, к северу от г. Фрунзе, второе — Карабалтинское[10], у северной окраины одноименного города. Оба они находились в разрушенном состоянии. На первом удалось собрать лишь керамику, от второго сохранилось наземное округлое в плане помещение, размером 5,2×4,4 м. В культурном слое найдена многочисленная керамика, а также глиняное прясло и поделки из кости. Среди каменных изделий — зернотерки, грузило и каменная заготовка. В керамике преобладают сосуды хозяйственного назначения, характерные для оседло-земледельческого населения. О занятии земледелием свидетельствуют также хозяйственные ямы и многочисленные зернотерки, а также остатки костей домашних животных. Таким образом, Карабалтинское поселение, датируемое I—III вв. н. э., являлось местом обитания небольшой общины, в хозяйстве которой земледелие играло ведущую роль.

Еще одно оседлое поселение усуньского времени выявлено в Тюпском заливе на восточном берегу оз. Иссык-Куль, где обнаружены крупные обломки хозяйственных сосудов. Керамика Тюпского поселения сходна с карабалтинской и с находками на поселении Кум-Арык в 20 *км* к юго-западу от Кара-Балта. К четырем поселениям в долине р. Чу и в Иссык-Кульской котловине следует добавить и древний город Чигу на южном берегу оз. Иссык-Куль. К этому же времени относится поселение, находящееся близ катакомбного могильника Алмалуу в Кетмень-Тюбе, поселения (селища) в Алае (Кызыл-Курган, Дараут-Курган), а также Каракамарское, Баткенское и другие на юге Киргизии.

Значительно лучше других сохранилось поселение Актас[11] (в долине р. Кеген в Восточном Семиречье, в 150 *км* от оз. Иссык-Куль), обстоятельно изученное казахскими археологами. Поселение исключительно важно по ряду обстоятельств. Прежде всего бросается в глаза необычный для кочевых племен характер монументальной постройки площадью 560 кв. *м* на каменном фундаменте. Каменные мотыги для обработки земли и серпы для уборки урожая, многочисленные зернотерки, найденные на Актасе, являются неоспоримым доказательством занятия населения земледелием. Кроме того, в окрестностях поселения в долине р. Кеген и в некоторых других местах обнаружены остатки оросительных арыков, небольших полей, обрабатываемых в древности. Все эти данные позволяют ставить вопрос о развитии земледелия в усуньское время. Несомненно, часть усуньского населения жила оседло и занималась земледельческим трудом. Но именно кочевое скотоводство определяло образ жизни большей части усуней. Жилищем усуням служила войлочная юрта, хорошо приспособленная к условиям полукочевой жизни и быта. Наряду с ними, на поселениях были также наземные глинобитные дома, подобные открытому в Кара-Балта. Сооружали, видимо, и деревянные постройки, судя по бревенчатым срубам, обнаруженным в курганах Соколовки и Джергеса. И, наконец, особое значение имели каменные постройки, открытые в Дараут-Кургане[12] и Актасе.

Чтобы удержать в руках столь разнородное, аморфное объединение, каким являлся усуньский союз, нужна была налаженная система управления. Очевидно, по хуннскому образцу усуньские владения были разделены на три части — «центр» и два «крыла». Власть гуньмо переходила по наследству. При гуньмо источники упоминают 16 высших должностных лиц. В своей деятельности правитель опирался на совет старейшин, который в известной мере ограничивал его власть. Именно старейшины решали вопрос об избрании нового правителя из числа сыновей гуньмо. Однако постепенно их влияние значительно ослабло.

Гуньмо и два его сына — правители двух частей государства,— имели каждый личную дружину по 10000 воинов. Кроме того, имелось обычное войско, состоявшее из свободных общинников. Постоянного жалования они, очевидно, не имели и довольствовались военной добычей. Доходы, на которые существовали правящая знать и аппарат управления, поступали в виде дани от покоренных племен, военной добычи и посредством торгового обмена. Трофеи, добытые в довольно частых войнах, порой были весьма значительны и включали большое количество скота, разного имущества и пленных. Львиную долю получали правящая верхушка и воины личной дружины.

Имущественное неравенство во владении скотом и пастбищами неизбежно вело к сосредоточению власти в руках наиболее богатых и знатных родов. Судя по сообщению источников, самые богатые усуни имели четыре — пять тысяч голов лошадей, что

указывало на существование частной собственности на скот. Источники содержат также сведения о закреплении преимущественного права пользования отдельными пастбищами. Так, один из владетелей запретил пасти скот на своих пастбищах. Все это порождало недовольство, раздоры, народные волнения, в которых стихийно, в своеобразной форме отражалась борьба разных слоев усуньского общества.

Сосредоточение богатства в руках господствующей верхушки привело к социальному расслоению и сложению отношений, характерных для раннеклассового общества, в котором сильны были патриархально-родовые порядки, о чем свидетельствует бытование у усуней, как и хунну, обычая левирата, по которому вдова оставалась в семье мужа, становясь женой одного из его родственников. Распространено было и многоженство.

В усуньском обществе имелись рабы, главным образом, из военнопленных. Так, имеется сообщение о захвате в плен 40000 человек в войне с хуннами. Однако основным производителем являлся свободный общинник. В условиях патриархального (натурального) хозяйства основной общественной ячейкой была патриархальная семья. По социально-экономическому развитию усуни находились примерно на одном уровне с хуннами. Для общей оценки сако-усуньских обществ важное значение имеет открытие в одном из курганов Каратома в Семиречье надписи на каменном сосуде, датируемом казахскими археологами IV—III вв. до н. э. Судя по находкам в могильниках Аймырлыг в Туве и Каратома, уникальной надписи, обнаруженной в сакском кургане Иссык (V—IV вв. до н. э.), тогда появились зачатки самобытной письменности в Семиречье и в других районах степного пояса Евразии, что являлось одним из важнейших признаков высокого уровня развития общества. Все вышесказанное говорит о том, что усуньский союз представлял собой достаточно развитую социальную организацию кочевого общества.

О политических событиях в усуньском владении в первые века н. э. известно мало. Имеются сведения, что кочевые племена жужжан оттеснили усуней в глубь Тянь-Шаня. Одно из последних упоминаний об усунях относится к 436 г., когда к ним было направлено китайское посольство. Позже они вошли в состав Тюркского каганата.

Памятники саков

Археологические материалы существенно дополняют сведения письменных источников, позволяют полнее охарактеризовать облик отдельных групп кочевых племен, обитавших в древности на территории Киргизии.

Древнейшие из них характеризуют культуру сакских племен. Сакская или скифо-сакская культура в сложившихся формах, судя по новейшим археологическим материалам Аржана (Тува) и Высокой могилы (Украина), датируется по крайней мере VIII в. до н. э. В западных и в восточных районах Великого пояса степей Евразии в раскопанных курганах обнаружены сходные пред-

меты вооружения и конской упряжи, а также типичные изделия, выполненные в скифском зверином стиле. Эти важные открытия советских ученых значительно расширили хронологические рамки существования культуры скифских племен. Начиная с VIII в. до н. э. и до рубежа н. э. — это огромная историческая эпоха, характеризующаяся господством в степях групп родственных ираноязычных кочевых народов,— шел единый для степей Евразии процесс сложения культуры ранних кочевников, который охватил Тянь-Шань и Семиречье.

На следующем историческом этапе — в первые века н. э. — происходят крупные политические, социально-экономические и этнические изменения. Этот важный этап в истории кочевого мира древности получил название Великого переселения народов. Завершился он выходом на историческую арену племен Тюркского каганата, когда политическая власть в Средней Азии, Семиречье и на Тянь-Шане окончательно перешла к кочевым тюркоязычным народам.

Область расселения кочевых народов и, в частности, саков, не ограничивалась территорией Тянь-Шаня — Северной Киргизии. Она включала также районы юго-востока Казахстана. В совокупности они образуют отдельную историко-культурную область — Семиречье, на протяжении веков являвшегося цитаделью среднеазиатского кочевого мира.

Культура раннесакских племен малоизучена. Она представлена главным образом отдельными находками бронзовых изделий. Особого внимания заслуживает Тюпский клад, обнаруженный еще в конце прошлого столетия на восточном берегу оз. Иссык-Куль[13].

Он состоит из 20 бронзовых предметов конской упряжи и, очевидно, происходит из разрушенной могилы. Для раннего периода наиболее характерны стремячковидные удила и бронзовый псалий с рельефным узором и большим центральным отверстием. Значительный интерес представляет бронзовая кольцевидная бляшка с изображением бегущих козлов и хищников, являющая собой прекрасный образец искусства звериного стиля; имеются также бляшки для перекрещивающихся ремней узды с рельефным узором на щитке и подпружные пряжки. В целом весь набор предметов конской сбруи, а также бронзовый нож, типичен для VII—VI вв. до н. э. Во время строительства БЧК были найдены двуперые наконечники стрел ромбической формы со втулкой. Перед нами типичный набор предметов раннекочевнического общества — оружие, предметы конской упряжи и предметы искусства звериного стиля.

Культура сакских племен V—III вв. до н. э. представлена как монументальными сооружениями, так и скромными курганами рядовых общинников. Проезжая по Чуйской долине, нельзя не заметить величественно возвышающиеся цепочки царских курганов. Высота некоторых достигает 20 *м*, диаметр — в среднем около 100 *м*. Они пока не изучены, составить представление об их

устройстве, пышности и богатстве погребального инвентаря можно по курганам, раскопанным казахскими археологами в соседних долинах Семиречья.

Внимание казахских ученых привлек могильник Иссык, расположенный в долине горной речки, стекающей с Заилийского Ала-тау[14] (в 50 *км* от г. Алма-Ата). Особенно выделялся курган диаметром 60 *м* и высотой 6 *м*. Под насыпью оказалось две могилы — центральная, разрушенная при ограблении в древности, и южная. В последней обнаружена погребальная камера, углубленная в землю, представляющая собой прямоугольный сруб, сверху — накат из бревен. По сохранившимся золотым украшениям погребенного удалось восстановить одежду, обувь и головной убор. Одет он был в короткий кожаный кафтан, обшитый золотыми фигурными бляшками. Рукава нательной рубахи также были покрыты мелкими золотыми украшениями. К парадному поясу справа был подвешен железный меч, слева — кинжал. Сапоги с длинными голенищами богато орнаментированы. Всего в могиле оказалось около 4000 золотых изделий. Вдоль стен погребальной камеры стояли глиняные, деревянные, а также бронзовые и серебряные сосуды, всего 31 сосуд. Особый интерес представляет серебряная чаша с надписью из 26 знаков. По определению антропологов, в кургане, относящемся к V—IV вв. до н. э., похоронен юноша 16—18 лет европеоидного облика с примесью монголоидных черт. Богатый погребальный инвентарь кургана Иссык — свидетельство социальной дифференциации сакского общества.

К этому же времени относятся курганы могильника Бесшатыр на правом берегу р. Или. Диаметр больших курганов от 45 до 104 *м*. Под насыпью одного из них обнаружены наземные деревянные сооружения. Расчищены погребальные камеры больших размеров, тамбур и коридор. Стены с обеих сторон поддерживались вертикальными столбами. Перекрытие состояло из бревен и камыша. Вход в камеру был заложен крупными валунами, а сверху возведена огромная насыпь. Все большие курганы Бесшатыра ограблены еще в древности[15]. Как видим, для захоронения племенных вождей-царей строились сложные наземные сооружения или срубы, над могилами возводили колоссальные насыпи. Эти погребения сопровождали ценные художественные изделия, а также бытовая утварь. В могильниках Тянь-Шаня ничего подобного пока не обнаружено.

От сакских племен, обитавших в Чуйской и Таласской долинах, до нас дошли могилы рядовых общинников. Большинство захоронений совершено в обычной грунтовой яме, иногда перекрытой деревянным накатом. Преобладают одиночные погребения. Большинство скелетов лежали головой на запад. В некоторых могилах были обнаружены остатки ритуальной пищи. Сопровождающий инвентарь, как правило, состоит из одного — двух лепных сосудов и единичных предметов быта и украшений из железа и

бронзы. В некоторых могилах находят бронзовые трехперые черешковые наконечники стрел, а также трехгранные втульчатые.

В долине р. Чу в разных пунктах случайно найдены бронзовые изделия сакского времени: несколько кинжалов, наконечники стрел разных типов. Эти находки расширяют наши представления о предметах вооружения древних саков. В Чуйской долине известны также находки литых бронзовых котлов V—III вв. до н. э., представляющие местную разновидность семиреченских. Такие же котлы найдены в Таласе. Они использовались для варки пищи, а также при совершении культовых жертвоприношений. Обнаружены здесь и предметы искусства. Так, возле Сокулука (на БЧК) найдена поделка из рога длиной 17 *см*, заканчивающаяся изображением морды хищника с открытой пастью. Поделка украшена полосой резных треугольников. Подобные предметы, служившие амулетами, характерны для савроматской культуры Приуралья. Приемы реалистического изображения головы хищника сочетаются с геометрическим узором, что позволяет отнести находку к сакскому периоду.

Сакские племена широко освоили в то время горные районы. Об этом свидетельствуют как цепочки курганов, так и бессистемно разбросанные могильники в Иссык-Кульской котловине и в долинах Центрального Тянь-Шаня. Судя по всему, это была особая группа сакских племен, четко придерживающаяся основных принципов погребальных обрядов. Здесь, наряду с обычными погребениями в грунтовых ямах, обнаружены курганы с захоронениями в каменных ящиках. Так, в могильнике Туура-Суу в долине р. Тон на южном берегу Иссык-Куля обнаружены погребальные сооружения в форме ящика, сложенные из крупных плит и больших валунов. Они вытянуты по линии запад-восток. С северной стороны к ним примыкают небольшие пристройки из таких же камней. В них, возможно, помещали сосуды. Ящики перекрыты большими плитами, поверх которых возведены насыпи. Инвентарь могильника включает поделки из бронзы и железа, золотые бляшки, украшения и прочие предметы. Привлекает внимание фигурка бегущего джейрана, укрепленная на прямоугольных пластинках, выполненная в реалистичной манере, характерной для культуры сакского периода. В одном из погребений была найдена диадема, золотые бляшки которой имитируют форму сакского лука и щита. Еще одна примечательная находка — костяная пластинка с изображением хищника, вероятно, волка. В 15 раскопанных могилах оказалось лишь три глиняных сосуда[16].

Важным центром металлургии сакских племен являлась котловина Иссык-Куля. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные находки кладов и отдельных бронзовых изделий. Здесь обнаружены жертвенно-поминальные комплексы, такие, как Кырчинский и Чельпекский, содержащие котлы и жертвенники.

Несколько выделяется по составу предметов клад из селения Каменка — на северном берегу оз. Иссык-Куль. Он состоит из четырех пар двукольчатых удил, втульчатого наконечника копья, обломанного бронзового кинжала, который по форме ближе находке, сделанной в Чуйской долине. Было найдено также дисковидное зеркало и кельт-тесло с ушком. Все эти предметы находились в скифском котле. В целом, они рассматриваются как жертвенно-поминальный комплекс[17]. На Иссык-Куле найдено много бронзовых котлов, в несколько раз больше, чем в долинах рек Чу и Талас, вместе взятых. Вокруг оз. Иссык-Куль встречены скопления наскальных рисунков, особенно многочисленные в районе Чолпон-Ата, в Тонской долине и в других местах. Среди них выделяются рисунки, выполненные в сакском зверином стиле[18].

Памятники сакского времени в высокогорных долинах Внутреннего Тянь-Шаня исследованы в нескольких пунктах. Так, в могильнике Аламышик, к западу от г. Нарын, изучены курганы, где погребения совершены в грунтовых могилах, перекрытых жердями и каменными плитами[19]. Костяки лежали в скорченной позе, как бы продолжая традицию бронзового века. Рядом находились бронзовые ножи и каменные оселки. Аналогичные погребения были обнаружены в Джергетальском могильнике в долине р. Алабука. В самом богатом захоронении найдены лепная чаша, бронзовый нож и проколка.

В могилах рядовых общинников в долине р. Кара-Куджур наряду с лепными сосудами встречены единичные бронзовые предметы, например, круглое зеркало с петлевидной ручкой. Наибольшее количество металлических изделий было найдено в одном из курганов могильника Туура-Суу — два бронзовых браслета, булавка, два перстня, а также золотая бляшка. В курганах Внутреннего Тянь-Шаня железные изделия встречаются очень редко. Отсутствие заметных различий в устройстве могил и в погребальном обряде, а также бедность и однообразие инвентаря не позволяют выявить в настоящее время локальные особенности культуры саков Центрального Тянь-Шаня[20].

В этих районах обнаружены и случайные находки, относящиеся к сакскому времени. Особый интерес вызывает недавно найденный в Нарынской долине бронзовый жертвенник прямоугольной формы с высокими бортами на ножках и с двумя ручками[21]. На борту были укреплены 22 скульптурные фигурки хищников (тигров?). Изображение шествия зверей, несомненно, имеет магическое значение. Этот первый тянь-шаньский жертвенник — лучший из всех обнаруженных в Киргизии и мало чем отличается от известного Семиреченского алтаря[22]. Из долины Малого Нарына происходит небольшая золотая бляшка с изображением яка. Судя по погребальному обряду, формам лепной посуды и набору металлических изделий, можно заключить, что культура саков Тянь-Шаня находилась примерно на одинаковом уровне с культурой племен других районов Семиречья.

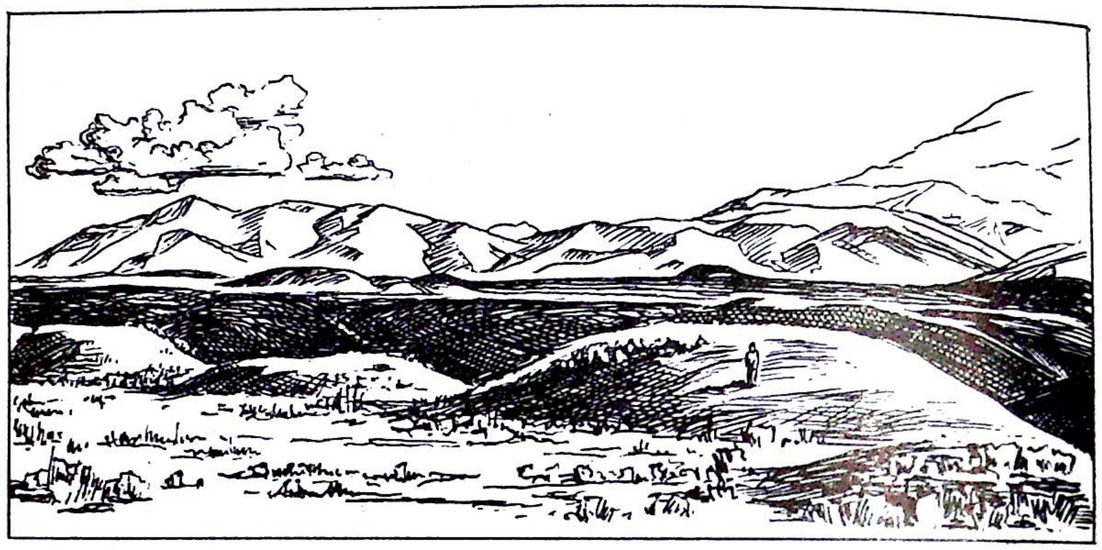
Сакские племена оставили многочисленные памятники и в горных долинах, окружающих равнинную Фергану на севере, востоке и на юге. Лучше всего изучены сакские могильники в Кетмень-Тюбинской долине[23], где раскопано более 300 курганов в 15 могильниках. Они расположены в разных частях, что указывает на плотное заселение долин в сакское время. Из них — более 100 курганов изучено в Джал-Арыке и поэтому культура сакского периода Кетмень-Тюбе названа джаларыкской, а племена, носители этой культуры, джаларыкскими.

Этот могильник располагался на левом берегу р. Чичкан, на месте современного райцентра Токтогул. В нем насчитывалось 160 насыпей. Это единственный в настоящее время полно исследованный крупный памятник сакской культуры на территории Киргизии. Часть курганов располагалась цепочками, но большая часть на участке длиной 1 *км* была разбросана без системы. В центре могильника выделяются большие курганы диаметром до 40 *м*. Рядом с ними находятся курганы второго типа — небольших размеров, с каменными выкладками разной формы, порой едва заметными на поверхности. Их большинство.

Устройство курганов и обряд захоронения в больших и малых курганах одинаковы. Погребения совершали в грунтовых ямах, вытянутых с запада на восток. Могилы различались по размерам. В больших курганах они были больше, глубиной до 2 *м*. Почти во всех случаях могилы перекрыты деревянным накатом. В каждой из них, как правило, находился один костяк. В составе инвентаря, сопровождавшего захоронения мужчин,— оружие, железный кинжал, чекан, лук и стрелы. Женские захоронения сопровождали предметы туалета, а также различные украшения: серьги, булавки, кольца, раковины каури и бусы. Во многих могилах обнаружены единичные сосуды, иногда до 5—6 сосудов. Очень редки находки костей барана. И только в одной могиле оказался крестец лошади. Примерно в $^1/_3$ исследованных курганов под каменными выкладками могильных ям не оказалось. В насыпях находили обломки глиняных сосудов, очевидно, они являются кенотафами — поминальными курганами. В 4-х курганах найдены каменные зернотерки. Из отдельных находок представляют интерес каменный жертвенник и обломки деревянной чаши, покрытой красным лаком. В виде простого овального камня (без ножек) жертвенник представляет собой второй распространенный тип переносных алтарей эпохи саков. Первый тип представлен случайной находкой на БЧК.

Самыми многочисленными находками в Джал-Арыке и других сакских могильниках Кетмень-Тюбе являются глиняные сосуды. Преобладают лепные круглодонные чаши, горшки и кувшины. Некоторые были изготовлены на матерчатом шаблоне. Часть лепных сосудов окрашена карминно-фиолетовой и красной краской, часть расписана геометрическими узорами, что характерно для эйлатанской культуры Ферганы. Очевидно, оттуда и бы-

Скульптурный портрет мужчины сакского времени.
(Реконструкция Г. А. Лебединской).



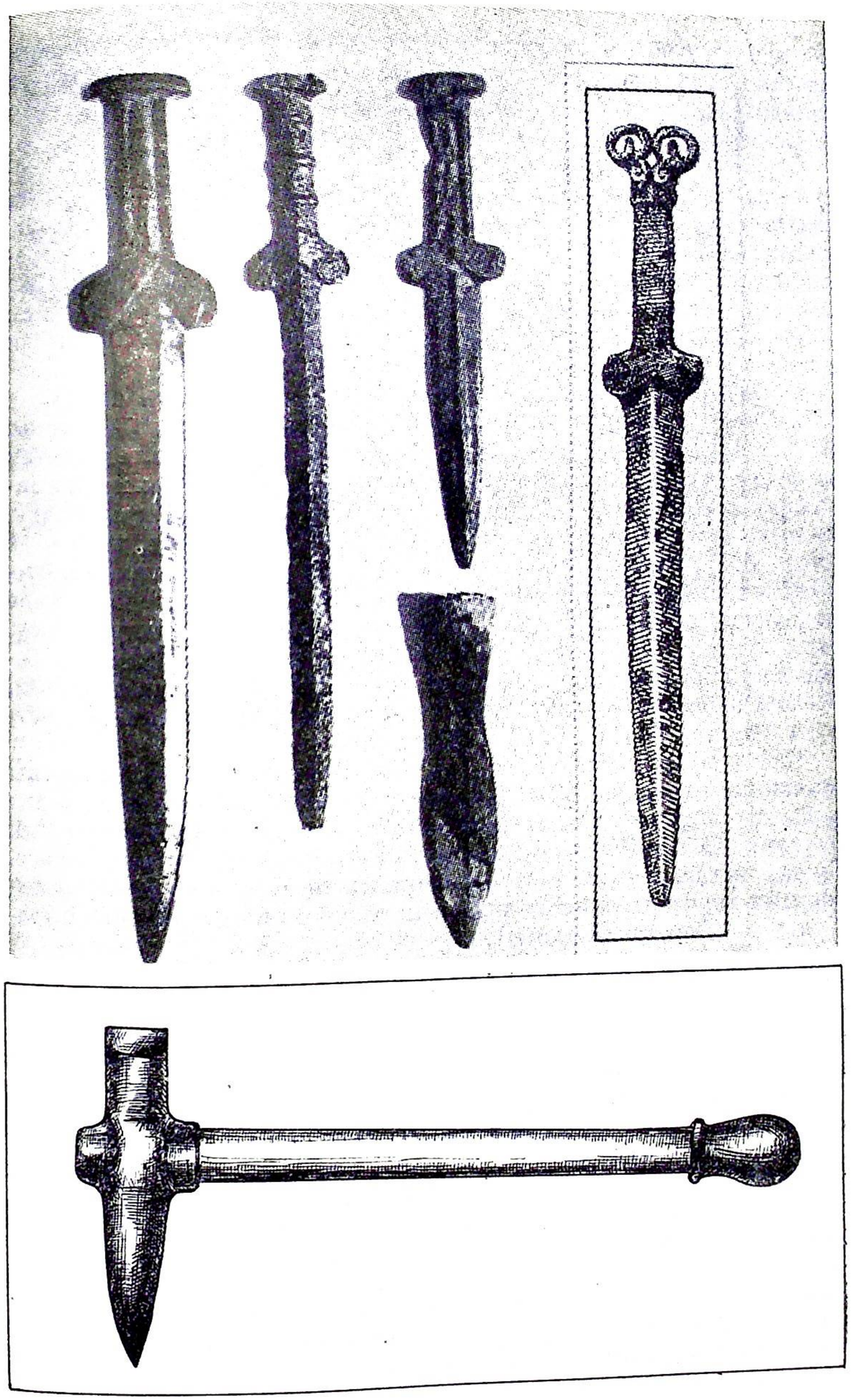
Курганы сакского времени.

ла привезена эта посуда. Бесспорно, привозными являются станковые светлого фона сосуды, типичные для эйлатанского периода. Перечисленные выше находки составляют примерно 30%, что свидетельствует о значительном влиянии оседло-земледельческой культуры Ферганы.

Особо выделяются чернолощенные лепные сосуды. О происхождении их нельзя сказать ничего определенного. Предметы вооружения представлены железными акинаками, чеканом своеобразной формы, бронзовыми наконечниками стрел разных типов, а также костяными наконечниками. От конского снаряжения сохранились удила и отдельные украшения. О высоком развитии материальной культуры и прикладного искусства можно судить по великолепным изделиям, выполненным в сакском зверином стиле. В одной из могил найдена серебряная бляха, инкрустированная золотом, с изображением коней — гиппокампов, в другой — золотая пластинка со штампованным орнаментом. Привлекает внимание также схематически изображенная фигурка льва на тонкой золотой пластинке.

Типичные сакские курганы недавно исследованы (к югу от Кетмень-Тюбе) в долине р. Кара-Су.

Сакские племена обитали также на юге Киргизии — в горных долинах Алайского хребта и в Алайской долине. Здесь изучено около 250 сакских курганов[24]. Захоронения производили в обычных грунтовых ямах, а также в могилах с каменными ящиками. Обе разновидности существовали одновременно. Наряду с одиночными, встречаются коллективные захоронения, насчитывающие до 6 костяков. Иногда они располагались ярусами. Инвентарь беден: глиняные сосуды, единичные изделия из металла, а также украшения. В ряде могильников, наряду с обычной лепной посудой, найдены станковые сосуды эйлатанского типа, а так-



Оружие сакского времени.

же лепные сосуды, украшенные росписью. Сочетание бронзовых изделий скифского времени с эйлатанской керамикой составляет отличительную особенность алайских могильников. В этом отношении они сходны с памятниками Кетмень-Тюбе.

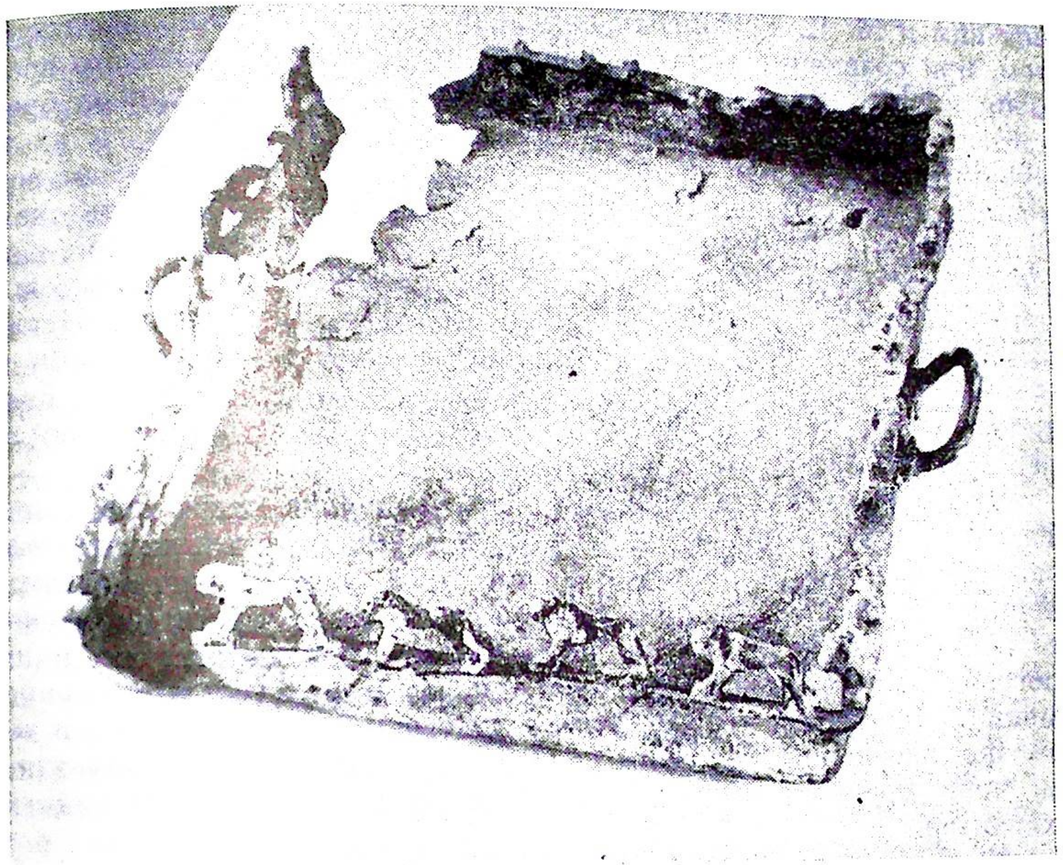
Курганы с каменными ящиками немногочисленны. Ящики сооружены из поставленных на ребро каменных плит или крупных валунов. В ящике находили костные останки одного или нескольких погребенных. Как и в грунтовых могилах, в них часто встречаются кости барана. Аналогичен и состав керамики. Привлекает внимание бронзовое колоколовидное навершие с изображением рогов горного козла или барана, а также золотая серьга, подвески с зернью.

Особый интерес представляет курган в местности Кошэтер, в 15 *км* от с. Мирза-Ака в Узгенском оазисе, на востоке Ферганы. На дне грунтовой могилы на глубине 4 *м* был расчищен костяк взрослого мужчины. Лицо его было покрыто пластинками из листового золота. В могиле обнаружены серебряный кувшинчик, бронзовый котелок с двумя ручками, глиняный сосуд, железные ножи, бронзовые пряжки и бронзовый наконечник стрелы. Это, пожалуй, самое богатое захоронение на юге Киргизии[25]. В кургане находился сосуд, являвшийся наиболее ранним экземпляром посуды с красным ангобом во всей Ферганской долине. Впервые такой сосуд найден в комплексе со скифскими стрелами и котлом, позволяющими датировать появление краснoангобированной посуды в Фергане V—IV или V—III вв. до н. э.

Как и в других областях, на юге Киргизии также известны случайные находки сакского периода. Заслуживают внимания два скифских котла на конической ножке, с двумя горизонтальными ручками. Оба найдены в долине Донгуз-тоо в Узгенском оазисе. Третий котел, несколько отличающийся по форме, с двумя рельефными горизонтальными ручками, происходит из долины Кара-Кульджа (Советский район).

Все рассмотренные памятники относятся к собственно сакскому периоду. В совокупности они отражают разнообразие развития сакской культуры на территории Киргизии и позволяют уточнить представление о состоянии и степени развития хозяйства и культуры отдельных частей сакского племенного объединения.

Прежде всего бросается в глаза огромное увеличение количества археологических памятников по сравнению с ранним сакским периодом и эпохой поздней бронзы, когда совершался переход к новой форме кочевого хозяйства. Речь может идти о повсеместном и даже о сплошном заселении в этот период почти всех горных долин Тянь-Шаня. Особой плотностью заселения отличаются долины р. Чу, оз. Иссык-Куль и Кетмень-Тюбе. Произошел один из крупнейших демографических скачков в древней истории края. Естественно, что столь резкое увеличение численности населения было возможно лишь в результате значительного роста производительных сил общества в связи с развитием кочевого скотоводства.



Жертвенник.

Имеющиеся материалы свидетельствуют об интенсивном развитии металлургии у сакских племен Тянь-Шаня и о появлении нескольких крупных центров металлообработки, о высоком техническом мастерстве. В это время широко использовали оружие, разнообразные орудия, утварь, в том числе котлы, жертвенники и курильницы, изготовление которых требовало большого количества металла. В быту были широко распространены украшения, изготовленные из меди и бронзы. Вместе с тем, саки владели техникой обработки железа, которое шло на производство кинжалов, чеканов, ножей и в меньшей степени котлов. Можно говорить также о развитии в этот период обработки дерева, кости и камня, и, естественно, шерсти и войлока. Сакам, очевидно, была знакома и техника строительства деревянных домов.

Памятники усуньского времени

Усуньский период, как отмечалось, характеризуется прежде всего сложной политической историей Тянь-Шаня и Семиречья и появлением на этой территории племен разных культур и этнической принадлежности. Это сказалось и на значительном разнообразии памятников, оставленных племенами этого времени. Этим во многом объясняются и трудности в их классификации и интерпретации. В научной литературе обычно принято все могильники III—I вв. до н. э. вслед за исследованными в 1928—1929 гг. М. В. Вое-

водским и М. П. Грязновым определять как усуньские. Вместе с тем, при сравнении многочисленных памятников усуньского времени с могильниками предшествующего сакского периода бросается в глаза их значительное сходство. Тесные связи их и культуры сакского и усуньского периодов в целом отмечают все ученые. Этим объясняется появление терминов «сако-усуньская культура» и «сако-усуньские памятники». Возникает вопрос, как же различать эти памятники и каковы причины столь поразительного сходства? Прежде всего, надо оговорить, что различия сказываются в преобладании бронзовых изделий над железными в сакских комплексах, тогда как в усуньских — соотношение противоположное. Наблюдаются незначительные отличия в формах керамики. Но всего этого недостаточно.

Чтобы разобраться, напомним, что основную часть населения Тянь-Шаня и Семиречья в усуньское время составляли местные сакские племена, а пришлые усуни были скорее всего малочисленны. Следовательно, наиболее массовые захоронения усуньского периода принадлежат местным сакам, сохранившим традиции погребального обряда и материальной культуры более раннего времени. Естественно, что различия между памятниками одного и того же населения на разных этапах развития незначительны и, как правило, имеют количественный, а не качественный характер.

Известно, что усуни продолжали обитать в Семиречье до середины V в., а точнее, до середины VI в. — до включения их в состав Тюркского каганата. Население Семиречья усуньского времени было разнородно. На этой же территории известны одновременные археологические памятники разного типа. Первоначально все курганы относили к памятникам усуней[26]. Но тогда же было высказано и другое предположение[27], что только часть их связана с усунями. До сих пор все существующие в науке определения остаются предположительными.

На Тянь-Шане и в Семиречье выделяются две основные, наиболее распространенные группы памятников. Здесь преобладают могильники с захоронениями в грунтовых ямах. Эта группа названа чельпекской по первому исследованному могильнику. Вторая группа — памятники с захоронениями в подбоях и катакомбах. Они появляются на рубеже нашей эры, но основная часть их относится к первым векам нашей эры. На протяжении длительного периода, со II в. до н. э. и до V в. н. э. они сосуществовали в Семиречье с могильниками чельпекской группы. К тому же, могилы этих двух основных типов встречаются на одной и той же территории и часто в одних и тех же могильниках.

Памятники чельпекской группы достаточно обоснованно можно связать с сакским населением, вошедшим в состав усуньского союза. Могильники же с захоронениями в подбоях и катакомбах, очевидно, принадлежат пришлому населению — усуням или юечжам. Поселившись в Семиречье, эти племена и их потомки на

протяжении 600—700 лет ассимилировались местным населением, образуя определенное единство[28].

Группе усуньских племен в долине Чу принадлежит могильник Бурана [29] (близ Буранинского минарета к югу от г. Токмак). В больших овальных грунтовых могилах обнаружено по одному, два, три скелета, лежавших головами на запад. Вместе с умершими ставили большое количество сосудов, очевидно, с молоком и жидкой пищей, а также кусками мяса барана, лошади и быка, о чем свидетельствуют остатки костей этих животных. Все могилы ограблены. Сохранилось до 50 золотых украшений (перстни, бусы, различные бляшки), разнообразные по форме фигурные полоски, вырезанные из золотой фольги. В нескольких могилах найдены остатки красного лака, много железных предметов, в том числе наконечников стрел. Все сосуды лепные. Особый интерес представляет кувшин, украшенный росписью. На основании привозных украшений античного производства могильник Бурана датирован III в. до н. э. — I в. н. э. В настоящее время высказаны предположения о возможно еще более ранней датировке его — IV в. до н. э. Если принять во внимание эту версию, получается большой хронологический разрыв между датой могильника и временем появления на этой территории усуней, что не позволяет считать его усуньским памятником. Буранинский могильник следует рассматривать как типичный памятник чельпекской группы, принадлежавший поздним сакским племенам долины р. Чу, обитавшим здесь в усуньский период.

К этой же группе относится ряд могильников Чуйской долины. В них преобладают захоронения в грунтовых ямах со скудным инвентарем, включающим лепные сосуды, единичные железные и бронзовые предметы и украшения, мелкие и крупные трехлопастные наконечники стрел с черешком. Среди лепных сосудов выделяются единичные кувшины, изготовленные на гончарном круге. В могилах изредка встречены кости барана.

Наряду с грунтовыми могилами, в тех же памятниках, например, в Джиламыше, Узун-Булаке и др., обнаружены захоронения в подбойных могилах[30]. Их оказалось немного, в связи с чем трудно прийти к какому-либо определенному выводу. Но именно в этих могилах находили захоронения людей, в расовом типе которых проступали монголоидные черты. Из подобных могил долины р. Чу происходят сосуды, украшенные росписью. Единичные такие сосуды были обнаружены здесь же, но уже в сакских курганах. Для сохранения традиций вместе с умершим в могилу помещали расписные сосуды, характерные в усуньский период для ряда районов Тянь-Шаня.

В Таласской долине к этому времени относятся более 100 исследованных курганов[31]. Своеобразием отличаются курганы Таш-Арыка. Под насыпью, на уровне дневной поверхности, обнаружен небольшой каменный холм, окруженный кольцом из крупных камней. Под ним была грунтовая могила, перекрытая каменными

плитами и слоем камыша. В одном кургане могильника Тош-Башат грунтовая яма также была перекрыта каменными плитами. В стенке могилы выкопана ниша, в которой найдено два сосуда: глиняный круглодонный котел с налепными горизонтальными ручками и горшок, изготовленный на матерчатом шаблоне. Погребальный инвентарь беден, но встречаются и исключения. Так, в одной из могил Джеле-Тюбе обнаружено два костяка. Возле одного найдены два бронзовых браслета со схематическими изображениями головы животного, бронзовый крючок, раковины каури, а также бляшка и медальон из золота со вставкой цветного камня. В могиле находились также 3 лепных сосуда. По ряду признаков памятники Таласа близки погребальным комплексам Чуйской долины.

В усуньское время по-прежнему плотно были заселены горные долины Тянь-Шаня. На восточном берегу Иссык-Куля располагаются эталонные памятники чельпекской группы и прежде всего Чельпекский могильник (близ Пржевальска). Умершего хоронили в обычной грунтовой яме, укладывали на подстилке из коры деревьев или на камышовой прокладке и покрывали такой же циновкой; в могилу, как правило, клали куски мяса барана или быка. В одном погребении вместе с костными останками человека обнаружен скелет лошади. Кроме глиняных сосудов, единичных металлических предметов, найдено деревянное блюдо для разделки мяса. Из предметов туалета внимание привлекают бронзовое зеркало с короткой ручкой в виде головы грифона, булавка с массивным навершием в виде птички, костяные накладки на лук и каменный жернов. По обряду погребения и по составу керамики чельпекские курганы сходны с могильником Бурана.

Среди памятников Иссык-Кульской котловины резко выделяется могильник Соколовка в долине р. Джергалан[32]. В одном из курганов обнаружена погребальная камера с деревянным срубом. Стены ее состоят из вертикально поставленных плах, потолок — из двух рядов бревен. Возле погребенного находилось 15 сосудов.

По устройству она несколько напоминает курган в могильнике Джергес близ Пржевальска. Большая грунтовая могила была также перекрыта деревянным накатом. Найденная в Джергесе керамика своеобразна по форме и отличается от обычной усуньской керамики по обработке поверхности (красного цвета) и по украшению, напоминающему изделия из кожи. Ученые высказали предположение о принадлежности их к восточно-юечжийским племенам.

Наряду с племенами чельпекской группы на Тянь-Шане и в Семиречье обитали другие племена, для которых характерны захоронения в подбойных могилах. Это айгырджальская группа. Единичные подбойные захоронения появляются уже в сакских комплексах VII—VI вв. до н. э. в ряде районов Казахстана. В Семиречье они известны по памятникам последних веков до н. э.

Могильник Айгырджал находится к западу от Нарына[33]. В нем имеются курганы с грунтовыми могилами, а также с подбоями. Захоронения производили в узком подбое, устроенном в стенке входной ямы. Подбои закрыты вертикально стоявшими бревнами. Умершему, как правило, был положен кусок бараньей туши, крестец и железный нож, а также несколько лепных сосудов. В некоторых могилах найдены железные наконечники стрел и костяные накладки на лук. Имеются деревянный столик, блюдо для разделки мяса и деревянные чаши. Украшений очень мало. В одном из курганов этого же могильника обнаружено захоронение в катакомбе. Оно примечательно находкой железного котла на трех ножках с горизонтальными ручками. Такие котлы в памятниках усуньского времени встречаются чрезвычайно редко. Кроме него, в могиле были найдены костяные накладки на лук, обломки железного меча и другие предметы. Еще один железный котел найден в подбойном захоронении. Значительный интерес представляет обнаружение в одном из останков погребенного вместо малой берцовой кости деревянного протеза.

В результате раскопок было установлено, что подобные курганы принадлежали рядовым общинникам, а также воинам. Смешение в могильниках захоронений разного типа отражает существовавшее в действительности смешение населения разного происхождения. По обряду погребения айгырджальские памятники близки культуре карабулакской группы на юге Киргизии.

О заселении долины Кетмень-Тюбе в усуньское время можно судить по данным могильников Джаныш-Булак и Теке-Таш. Грунтовые могилы были перекрыты каменными плитами. Наряду с ними имеются захоронения в подбойной могиле. В погребальном инвентаре — единичные железные предметы. Большая серия лепной посуды оказалась сходной с керамикой усуньского времени соседних районов. Во всех могилах не оказалось остатков ритуальной пищи, что совершенно необычно для того времени. Обращает на себя внимание отсутствие погребений детей, малочисленность захоронений женщин. Было установлено, что средняя продолжительность жизни населения составляла примерно 20 лет[34].

К этому же времени в Кетмень-Тюбе относится еще один могильник — Теке-Таш (левый берег р. Чичкан). Отличительной особенностью его является наличие в северной стене могилы небольших ниш для сосудов. Это сближает могильник с памятниками соседней долины Таласа. В обоих могильниках найдено по одному расписному сосуду, что указывает на сохранение более раннего обычая[35]. Имеющиеся археологические данные говорят о значительном сокращении населения Кетмень-Тюбе в усуньское время по сравнению с сакским периодом. В Алайской долине обитали племена, оставившие памятники усуньского времени.

Часть усуней населяла Восточное Семиречье. До нас дошли замечательные образцы прикладного искусства. Они происходят

из нескольких памятников. Особый интерес представляет погребение женщины-шаманки, случайно обнаруженное в Каргалинском ущелье на высоте 2300 *м,* примерно в 300 *км* от г. Алма-Ата. Захоронение было сделано в расщелине скалы и сопровождалось большим набором украшений. Всего было найдено около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы, два перстня со скульптурными фигурками двугорбого верблюда и разнообразные пластинки. Уникальна диадема, в виде прямоугольной пластинки длиной около 40 *см,* шириной 4,7 *см* с изображением зверей, птиц, людей, обрамленных сложным растительным орнаментом. Среди них на подставке изображены крылатая лошадь и фигурка дракона, на котором верхом сидит человек. Некоторые детали инкрустированы сердоликом, альмандином, бирюзой. Сочетание реальных и мифических персонажей, развитый орнаментализм свидетельствуют о высоком мастерстве древних умельцев [36].

Аналогичное захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов могильника Теплик в долине р. Каратал, в Восточном Семиречье. Одежда знатного кочевника была украшена множеством художественных бляшек из золота, в том числе с изображением всадника. Здесь же найдены жезловидная заколка, или булава, богато орнаментированная розетками, бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота[37].

Изображение коня на бляхах из Теплика дает представление о породе усуньских лошадей. От известных ранее в Евразии изображений лошадей они отличаются массивностью, сильно развитой грудью и крупной головой на толстой шее. Вместе с тем, они близки лошадям, которые представлены на черепице последних веков до н. э. Две из них изображают усуньскую лошадь, которая резко отличается от даваньской на тех же черепицах[38].

Еще одно богатое погребение обнаружено в Талгарском могильнике близ Алма-Аты. Здесь, наряду с украшениями из золота, найдена глиняная печать, свидетельствующая о распространении обычая метить свои вещи, а следовательно, о развитии частной собственности.

Довольно широкое распространение захоронений, выделяющихся богатством инвентаря, является неоспоримым доказательством имущественного расслоения в среде ранних кочевников в конце I тысячелетия до н. э.

В первых веках нашей эры в историческом развитии кочевников Семиречья наступает новый этап. Этот регион был охвачен движениями, связанными с Великим переселением народов. Происходят значительные изменения во всех сферах жизни и быта. Более дробной и пестрой становится палеоэтнографическая карта. Ведущая роль переходит к племенам, оставившим культуру, названную археологами кенкольской.

Памятники племен кенкольской культуры

Эталонным памятником культуры кочевого населения первых веков н. э. является могильник Кенкол [39]. Находится он на левом берегу одноименной реки в Таласской долине.

Из 100 курганов раскопано почти половина. В большинстве из них обнаружены катакомбные могилы. Их отличает одинаковое устройство: длинный (от 2 до 8 *м)* входной коридор-дромос завершается погребальной камерой — катакомбой, располагавшейся, как правило, перпендикулярно дромосу. Круглой формы вход в катакомбу закрывался каменными плитами или деревянными плахами, реже сырцовым кирпичом. Для всех камер характерны большие размеры, сводчатые потолки.

Зафиксированы одиночные и коллективные захоронения. Умерших укладывали на деревянное ложе или в гроб из арчи, иногда на земляном полу, на подстилке из кошмы или циновке и изредка на каменных плитах, которыми выложен пол камеры. Благодаря природным условиям местности, сохранилась одежда покойников — штаны и шелковая рубашка с прямым стоячим воротом и слегка суживающимися рукавами, отороченными красным узорчатым шелком. Это древнейшие известные нам образцы одежды кочевого населения Тянь-Шаня.

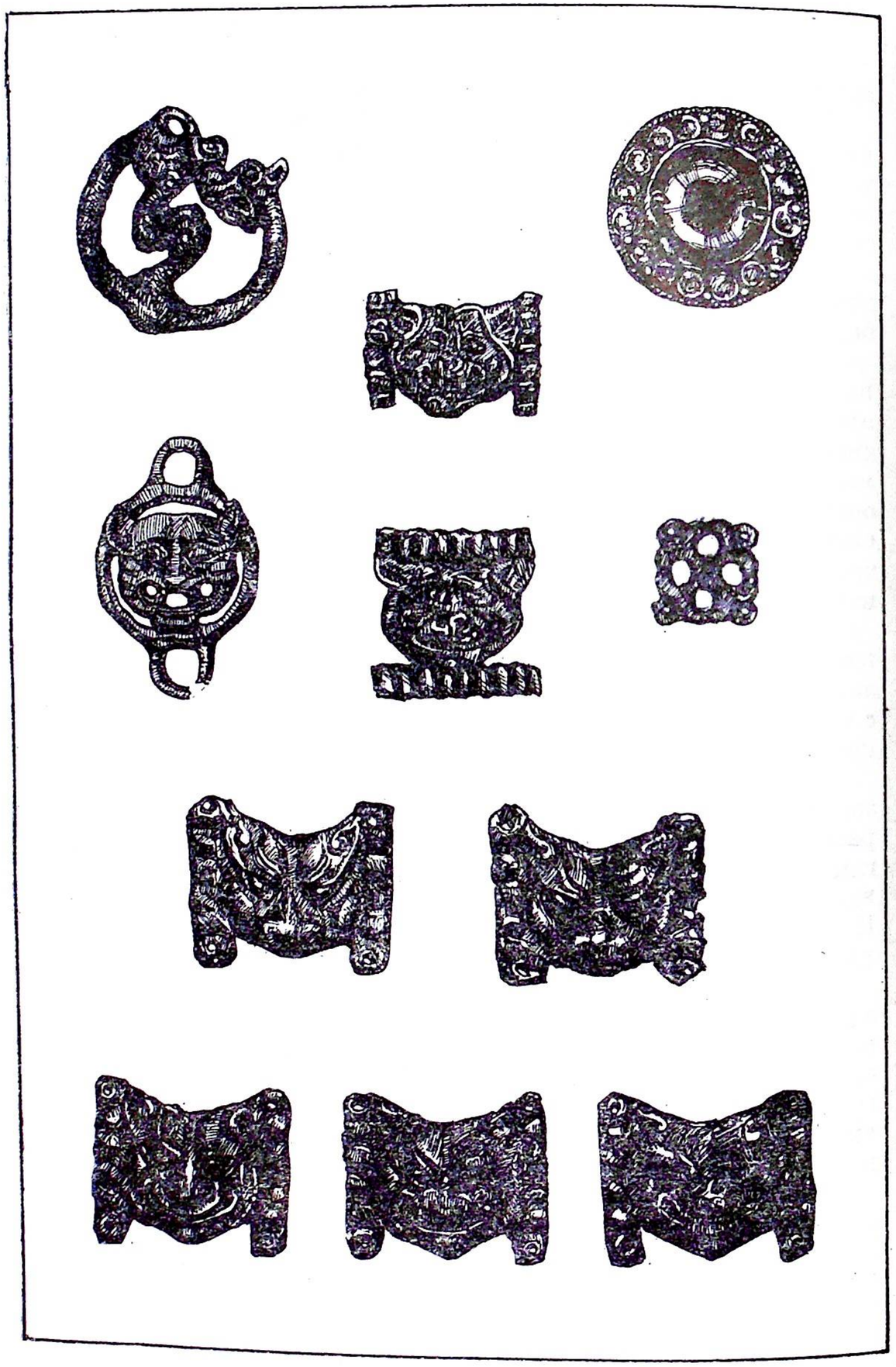
Мужские захоронения сопровождались различным оружием: железным двулезвийным мечом в деревянных ножнах, кинжалом, луком со стрелами, железными трехперыми наконечниками с черешком, костяными наконечниками, удалось восстановить полностью сложносоставной лук с роговыми накладками.

Женщинам положены украшения и предметы туалета — бронзовые зеркала, сурьматаш с кусочком графита, кольца, бусы, деревянное веретено с пряслом. В каждой могиле были один — два глиняных сосуда, до пяти деревянных (чаши, тарелки, кружки, кувшины) и деревянные столики на ножках для разделки мяса. Изредка ставили глиняную курильницу. Кроме этого, положена ритуальная пища — баранья туша и рядом железный нож.

Глиняные сосуды в отличие от предыдущего периода, как правило, плоскодонные. Некоторые сосуды имеют довольно своеобразную форму, поверхность их большей частью украшена резным орнаментом из волнистых линий. Большая часть сосудов была изготовлена на гончарном круге, зато большие кувшины с петлевидными ручками, вьючные фляги и курильницы вообще отсутствуют в памятниках усуньского времени.

Среди украшений привлекают внимание золотые серьги со вставками белой пасты, украшенные зернью. Имеются бляшки из золота с цветным камнем, окаймленные зернью. Такие украшения типичны для многих степных районов в эпоху Великого переселения народов. Среди привозных предметов — бронзовые зеркала, раковины каури.

У большинства погребенных в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа, указывающая на стремление населения



Украшения сакского времени.

выделить себя даже физическим обликом — необычной формой головы. Погребенные были европеоидного типа, но со значительной примесью монголоидных черт. В литературе этот своеобразный расовый тип назван кенкольским. В могильнике отмечена практика мумифицирования тел умерших, сохранению которых способствовали природные условия местности.

Могильники, подобные кенкольскому, обнаружены в разных частях Таласа и, стало быть, можно говорить о сплошном заселении долины племенами кенкольской культуры.

Кенкольский могильник и культуру в целом А. Н. Бернштам связывал с гуннами и рассматривал как памятник начального этапа монголизации физического типа населения и его тюркизации. Такое однозначное решение вызывало сомнения, споры. Вопрос об этнической принадлежности кенкольцев остается и поныне открытым. Для понимания развития этнических процессов на Тянь-Шане очень важны наблюдения, указывающие на преемственные связи культуры кенкольцев с киргизами: сходные типы колыбели *(бешик)*, деревянная посуда, покрой одежды и специфические зооморфные мотивы орнамента, да и сама форма катакомбной могилы. Как бы ни решался вопрос о конкретной этнической принадлежности кенкольцев, этот памятник и вся культура отражают важный переломный момент в истории кочевого населения края, связанный с перекочевкой сюда крупных масс кочевников из Центральной Азии, возможных носителей тюркской речи.

Племена, близкие кенкольцам по образу жизни и обычаям, а также по домашней утвари, обитали в Чуйской долине. Это подтверждают материалы могильника Кум-Арык, расположенного в 20 *км* к юго-западу от г. Кара-Балта. Обнаруженные здесь катакомбные захоронения по устройству, погребальному обряду и по материальной культуре близки Кенколу. Большинство погребенных имели также деформированные черепа. Среди находок — великолепные ювелирные изделия с инкрустацией и зернью. Привлекает внимание бронзовая монета с квадратным отверстием[40].

Племена кенкольской культуры обитали в долине Кетмень-Тюбе и в Ташкентском оазисе, а также в Западной Фергане, судя по находкам в могильнике Кайрагач. Таким образом, вырисовываются границы расселения, которые охватывают несколько районов Средней Азии.

К позднему этапу эпохи Великого переселения народов относится случайно обнаруженное в Чуйской долине в ущелье Шамши к юго-востоку от г. Токмак богатое погребение в катакомбной могиле IV—V вв. н. э. Останки женщины находились в арчовом гробу из тонких досок, скрепленных медными скобами. Он стоял на слое древесного угля. Голова женщины имела следы четкой искусственной деформации. На голове была диадема из серебряной пластины, покрытой узкими золотыми полосками, перемежающимися с пластинками, инкрустированными красным

стеклом или янтарем. Лицо было закрыто маской из листового золота, глазницы были обозначены вставками сердолика. На маске имитирована татуировка: на щеках и на носу насечками изображено «древо жизни».

Из украшений сохранились большая золотая пластина, подвески, а также овальной формы медальон с барельефным изображением женщины. Это изображение окружено полосой вставок из граната. От ожерелья сохранились также отдельные звенья в форме листа. Имеются накосные золотые подвески своеобразной формы. На запястьях рук по несколько браслетов из цельного коричневого нефрита, а на пальцах — массивные перстни. На поясе широкий кожаный ремень с двумя пряжками. В гробу находились золотая кружка, серебряная ложка и деревянная чаша. На полу катакомбы в изголовье стоял большой глиняный кувшин с волнистым резным узором, а у ног — круглодонный котел на ножке, с четырьмя ручками. С левой стороны у гроба лежали части конской сбруи — уздечка, железные удила, бронзовые пластинчатые псалии, а также серебряные накладные украшения седла.

Женщина была похоронена в одеянии из шелковой ткани, с многочисленными украшениями, что говорит о знатном ее происхождении. Ее сопровождало снаряжение верхового коня, а также бытовая утварь.

Богатый и разнообразный набор украшений и предметов прикладного искусства Шамши и прежде всего изумительные изделия полихромного стиля ставят этот памятник в один ряд с известными комплексами позднегуннской эпохи Северного Причерноморья и соседних стран.

Отдельная группа племен кенкольской культуры населяла долину Кетмень-Тюбе. Исключительно ценные сведения по материальной, а также и по духовной культуре этой торкенской группы получены при раскопках 500 курганов[41]. Все памятники ее по географическому признаку могут быть подразделены по крайней мере на пять групп, каждая из которых насчитывает по несколько исследованных могильников: долина Чичкана, междуречье Чичкана и Торкена на правобережье Нарына, долина р. Торкен и еще две подгруппы на левом берегу р. Нарын. В известной мере такое подразделение отражает существовавшую в первые века н. э. этническую родоплеменную группировку населения Кетмень-Тюбе. Можно полагать, что при тщательном изучении накопленных обширных материалов будут выявлены признаки этнографического своеобразия каждой из них.

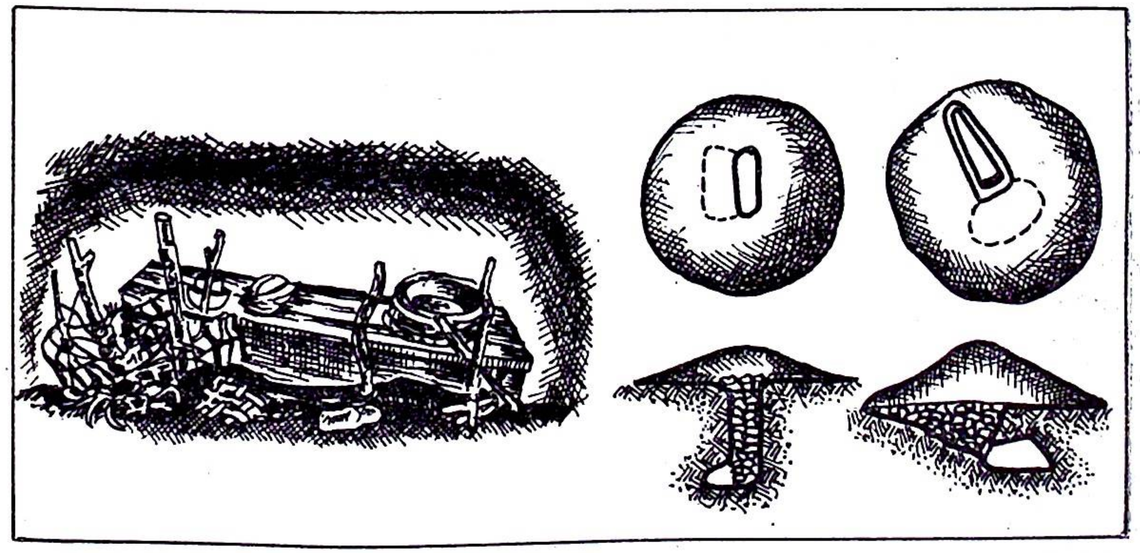
Всего на территории долины известно 22 могильника — родовых кладбищ с катакомбными захоронениями. Они сосредоточены в межгорных ущельях, на расстоянии 5—10 *км* друг от друга. В могильниках единичные курганы выделяются своими огромными размерами (30—40 *м* в диаметре). Могильные сооружения состоят из катакомбы и дромоса, расположенного перпендикулярно

катакомбе. Вход в катакомбу закрывался камнем, сырцовым кирпичом, гуваляком и изредка керамическим шлаком. Зафиксированы одиночные, парные и групповые погребения на спине с вытянутыми руками, лежавшие головой на северо-восток. Погребения совершались на земляном полу, в арчовых гробах и на арчовых ложах. Количество и качество инвентаря в погребениях указывают на имущественное и социальное неравенство населения.

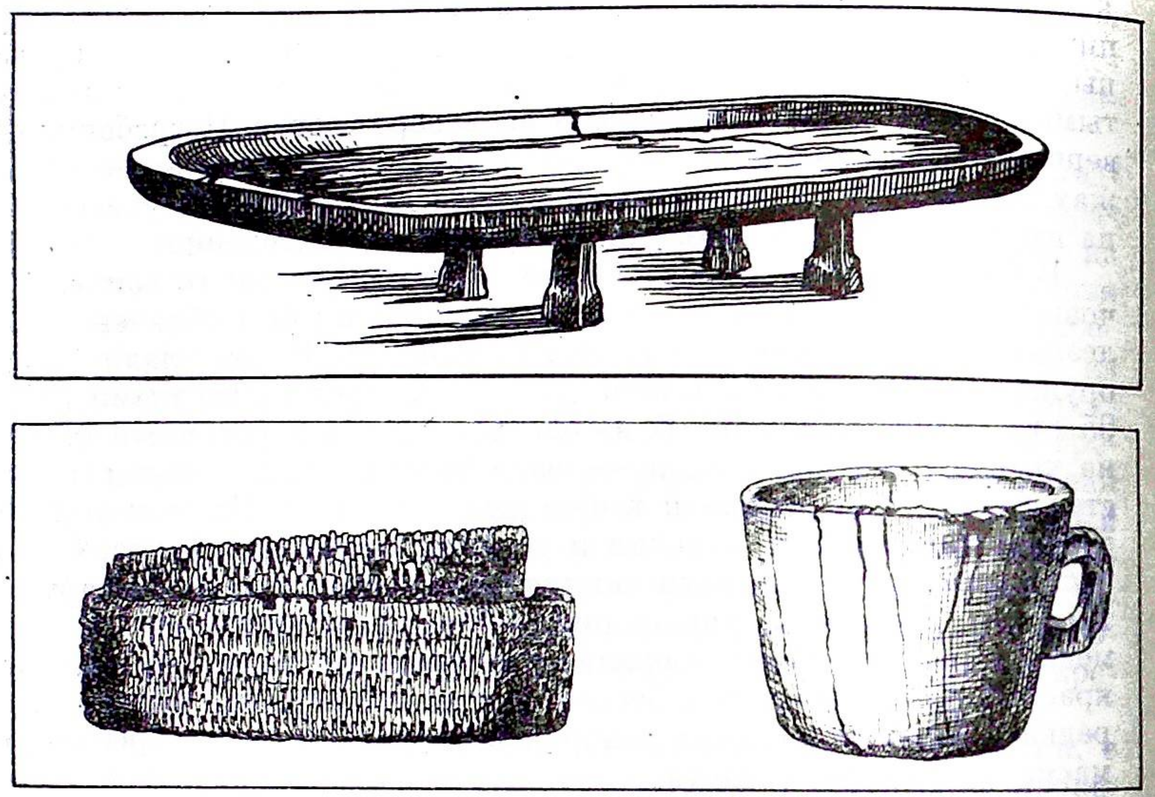
В больших катакомбах обычно хоронили умершего воина. Арчовый гроб обивался дорогими тканями. Воин был облачен в железную кольчугу или пластинчатый панцирь. Рядом клали боевое оружие: составной лук длиной до 165 *см*, стрелы с древками (85—95 *см*), мечи, кинжалы. В изголовье ставили деревянный столик на четырех ножках с едой — чаще голова, тазовые кости и крестец барана, был положен также железный нож. На стол ставили деревянные кружки, тарелки и два-три глиняных сосуда. Очень часто вместе с воином встречаются погребения женщин. Обнаружены были различные украшения — бусы, золотые серьги, перстни, медальоны, бронзовые зеркала, каменные палочки с графитовой краской для сурьмления бровей и другие предметы туалета. Изредка в богатых женских захоронениях встречается погребальная маска из листового золота.

Состав погребального инвентаря по всей долине однообразен. Совпадают детали одежды, форма украшений, предметы домашнего хозяйства и ремесла. Наиболее многочисленна глиняная посуда — более 500 целых сосудов. Формы их разнообразны. Сравнительно реже встречаются хумы, курильницы, красноангобированные горшочки, украшенные процарапанным орнаментом.

В нескольких могилах обнаружены фрагменты стеклянных сосудов и целые бокалы с волнистым орнаментом. Среди предметов



Планы и разрезы подбойного и катакомбного погребений.



Деревянные изделия из катакомбных погребений. Кетмень-Тюбе.

вооружения — мечи, однолезвийные палаши длиной более метра и небольшие наконечники копий. Из защитного оружия известны железная кольчуга, панцири и щит. Довольно часто встречаются бронзовые зеркала. Очень много разнообразных украшений. Значительную их часть составляют украшения полихромного стиля — серьги, перстни, медальоны из золота и реже из серебра, украшенные инкрустацией и зернью со вставками из драгоценных камней.

Особого внимания заслуживают маски из листового золота. Такие маски пока обнаружены только в долине Кетмень-Тюбе. Нередко в погребениях встречаются каменные зернотерки. Очень важным орудием являлось железное тесло — «кирки», которыми вырубали катакомбы. Довольно часто встречаются астрагалы. В детских катакомбах их находили до 80—90 штук. Причем все они имели дырочки. В двух катакомбах найдены железные кольчатые удила, некоторые — с фигурным псалием. В одной из катакомб на деревянном блюде лежали четыре просяных лепешки. В ряде могил обнаружены остатки шелковых и полотняных тканей.

Торкенские племена занимались скотоводством. У них были поселения, судя по остаткам, обнаруженным возле могильника Алмалуу. Об оседлости говорят также находки сырцового кирпича, керамического шлака и зернотерок.

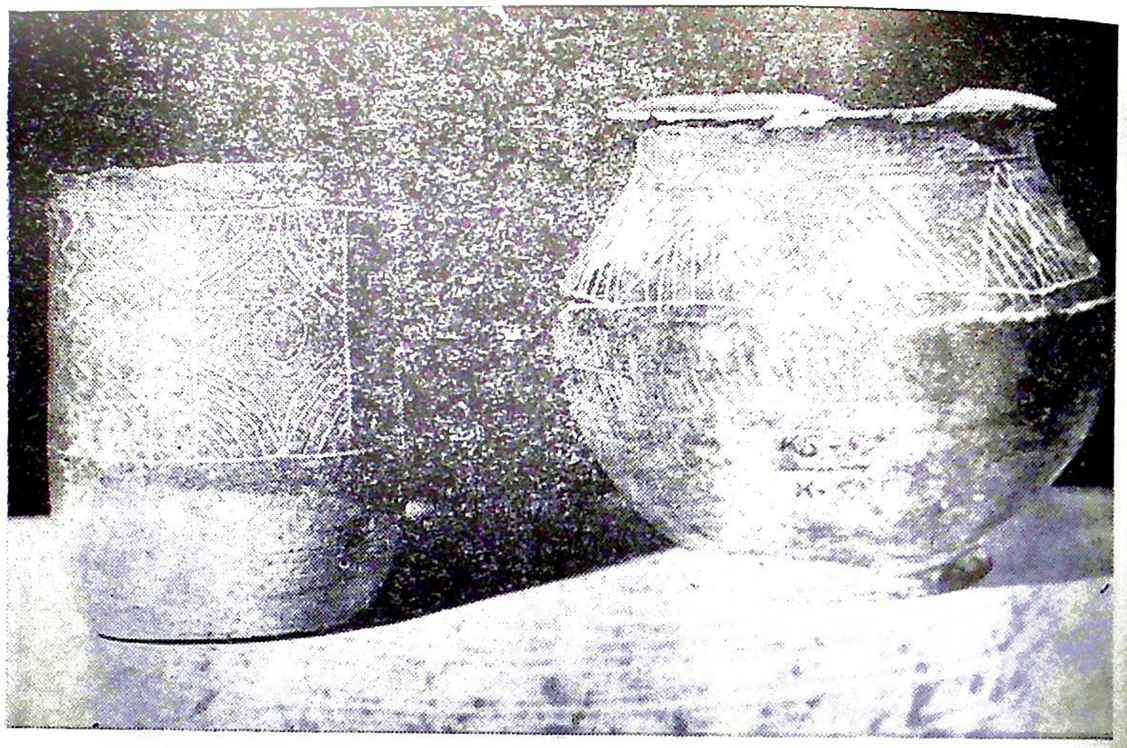
Многочисленные находки привозных предметов указывают на значительное развитие культурных и торговых связей с соседни-

Стеклянный сосуд. Кетмень-Тюбе.

ми и отдаленными странами (стеклянная посуда, раковины каури, ювелирные изделия и бусы).

Племена карабулакской культуры юга Киргизии

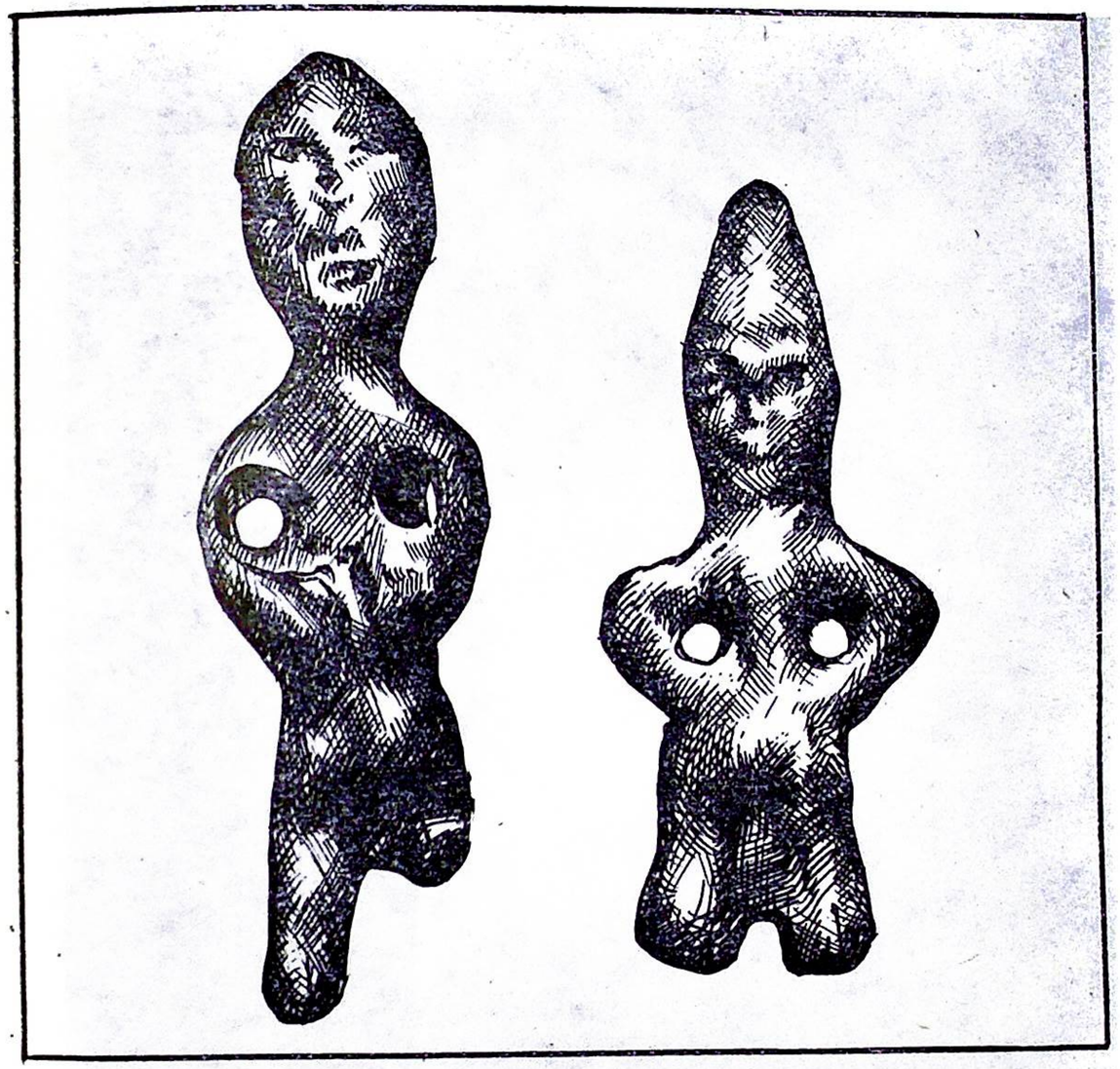
Племена карабулакской культуры населяли междуречье Соха и Ляйляка на юге Киргизии. Находки в могильнике Кара-Булак около с. Баткен были настолько своеобразны, что позволили сразу выделить самостоятельную карабулакскую культуру[42]. К ней принадлежат все могильники долины р. Исфара[43]. Всего здесь исследовано более 500 курганов, большинство из них составляют курганы с подбойными захоронениями, довольно много грунтовых могил и значительно меньше — курганов с катакомбами. Встречены одновременно все три разновидности погребальных сооружений, что указывает на смешение населения разного происхождения. Несмотря на различие в деталях обряда погребения и в бытовой утвари, все памятники характеризуются определенным единством и отличаются от соседних районов.



Сосуды с орнаментом ферганского типа.

Могильник Кара-Булак расположен в Баткенской долине, на юге Ферганы. В нем насчитывается свыше 900 курганов, из них около $^1/_5$ — раскопано. Преобладают курганы с подбоями. Умершие были уложены в дощатые гробы, колоды или на досках. Вход в подбой загорожен плетнем или плахами. Преобладает ориентировка погребенных головой строго на юг. В могиле находили, как правило, один костяк. Погребение мужчин сопровождало оружие — мечи, кинжалы, лук и стрелы. Удалось полностью восстановить лук древних карабулакцев. Сохранились стрелы с деревянным древком и меч длиною 80 *см*.

Женщинам положены плетеные корзинки с небольшими сосудами для косметики, сурьматаш с куском графита, гребни, зеркала, ожерелья из разнообразных бус. Кроме этого, ставили 2—3, иногда до 5—8 глиняных сосудов, деревянные столики и деревянные сосуды. Во многих могилах найдены остатки ритуальной пищи — кости барана. В некоторых хорошо сохранились мумифицированные останки погребенных. В коллекции широко представлены находки из органических материалов, которые сохранились в благоприятных условиях местности. Среди редких предметов отметим небольшие скульптурные фигурки человека из бронзы, бронзовые подвески. Особый интерес вызывает диадема — на шелковой повязке нашиты бронзовые бляшки с изображением мужской головы в венце, символизирующим солнечное божество, а также женской с полумесяцем — символ лунного божества[44]. По сторонам их чередуются бляшки в форме шестилепестковых розеток и полусфер. В целом диадема — свидетельство астрально-



Бронзовые фигурки. Кара-Булак.

го культа, распространенного у древнего населения. В Кара-Булаке найдены уникальные образцы привозных изделий: зеркало с фигуркой индийской танцовщицы[45], шелковые ткани[46].

Большую ценность представляют образцы шелковой ткани ярких расцветок с шахматным узором, с изображением божеств, женских фигурок с короной на голове, со змеевидными драконами в руках. Имеются также шелковые наглазники. Импортные предметы характеризуют устойчивые и активные связи с населением Восточного Туркестана, Ирана и Индии.

Бытовая утварь, прежде всего глиняные сосуды, аналогичны изделиям ремесленных центров древней Ферганы. Многие сосуды изготовлены на гончарном круге, покрыты красным или коричневым ангобом и украшены процарапанным узором.

Карабулакские могильники по основным признакам сходны с айгырджальскими на Центральном Тянь-Шане, для которых так-

Фигурка индийской танцовщицы. Кара-Булак.

же характерны подбойные захоронения, в то же время они отличаются от кенкольских.

В соседних долинах Юго-Западной Ферганы расположены могильники кенкольского типа. Наиболее изучены курганы у с. Кайрагач[47] в долине р. Ходжа-Бакырган. Костяки лежат в катакомбах с длинным дромосом, некоторые — в дощатых гробах. Несколько умерших были уложены в скорченной позе на боку — пережиток более древних традиций. В инвентаре много станковой посуды и большое количество вьючных фляг. Комплекс керамики своеобразен и находит сходство в материалах Ферганы. По погребальному обряду могильник Кайрагач составляет единую группу с памятниками Ташкентского оазиса.

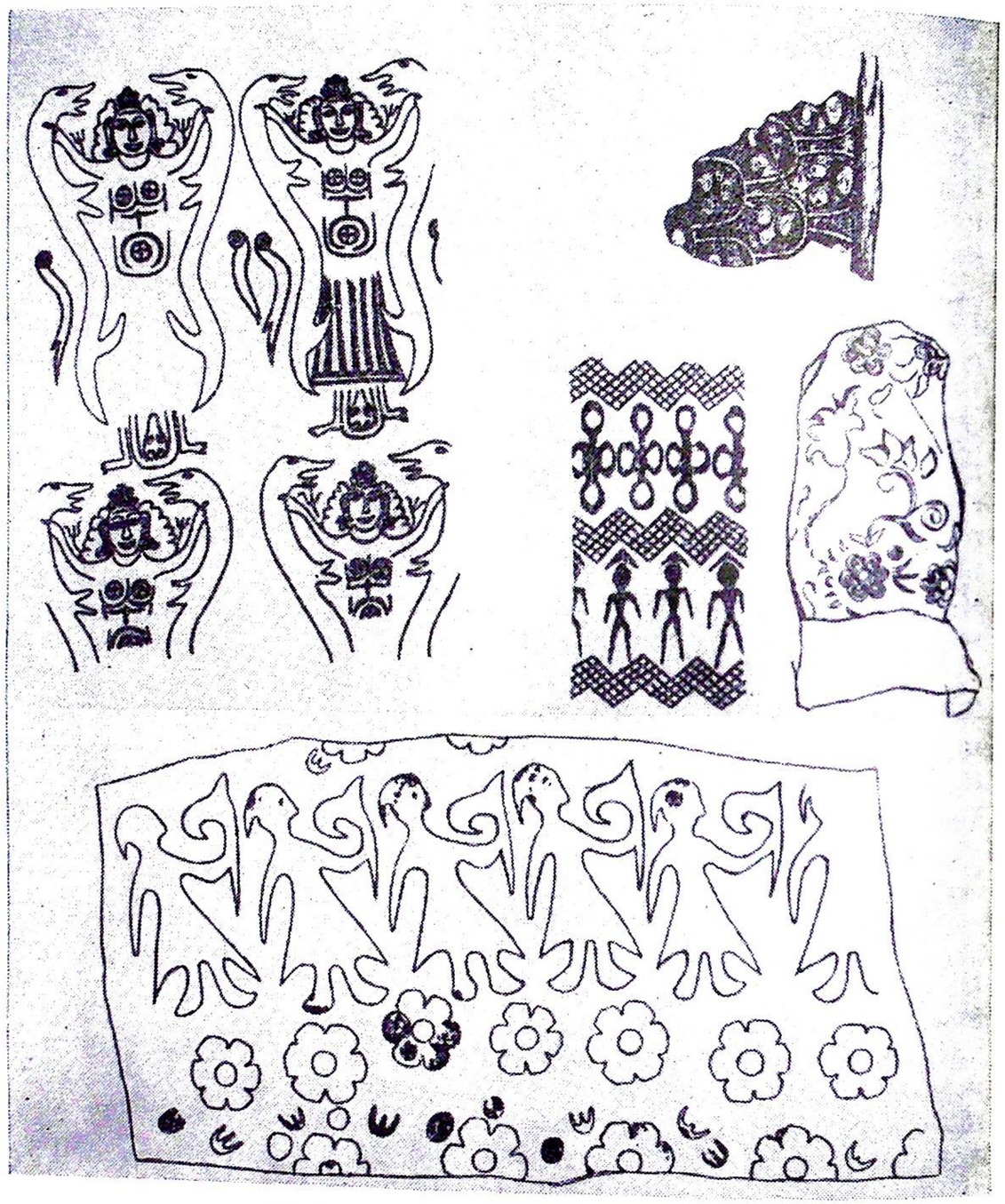
Еще одна локальная группа кочевого населения оставила памятники в ущельях северного склона Алайского хребта — от Вуадиля и до Ошского оазиса в долине р. Ак-Бура, включая Папанскую долину. Здесь расположены курганы с катакомбами своеобразного устройства. Выделяются памятники этого района также некоторыми особенностями обряда погребения и по составу домашней утвари. Отличительным признаком служит преобладание в наборе посуды станковых изделий с красным ангобом.

Особую группу составляют памятники Узгенского оазиса. Здесь исследовано несколько катакомбных и подбойных захоронений. Несмотря на малочисленность, они отличаются по находкам крашеных сосудов, сходных с шурабашатскими, что свидетельствует о локальном своеобразии культуры древних кочевников этого района.

Кочевники Алая и Кара-Мазара

Культура полукочевого населения Алая своеобразна. Первые памятники с подбойными захоронениями здесь были изучены в местности Мааша и Кызыл-Туу около Дараут-Кургана, поэтому алайскую группу памятников называют маашанской. Для них характерно особое устройство насыпи с квадратной выкладкой из камня. Встречены одиночные и коллективные захоронения. Умершего укладывали в гроб или на подстилку — циновку, чаще головой на север. Почти в каждой могиле находили остатки ритуальной пищи — кости барана. Набор вещей, сопровождавших покойника, беден и однообразен — железные ножи, скромные украшения. В небогатых захоронениях отсутствуют даже глиняные сосуды.

Наряду с такими могилами, обнаружены курганы, поражающие воображение своим богатством. Представляет интерес одна из могил Джалпак-Добе, в которой при отсутствии скелета найдена маска из тонкого листового золота; глаза, рот и ноздри обозначены в виде отверстий. Из этого же кургана происходит стеклянная чаша шаровидной формы с уплощенным дном, с ручками в виде головок льва. Поверхность ее покрыта резным узором в виде виноградной лозы и волнистых линий, причудливо сочетаю-



Вышивка по шелку. Кара-Булак.

щихся с изображением круга с лепестками. Изготовлена она, по всей вероятности, римскими мастерами в III—V вв. и досталась воину-кочевнику в качестве дара или военной добычи. Здесь же была обнаружена бронзовая или латунная чаша конической формы с расписным орнаментом.

Из алайских курганов происходит серия ювелирных изделий: золотой медальон с вставленным гранатом, окаймленным зернью, золотые бляшки, украшенные зернью, золотые перстни с вставками из граната. Все это—образцы высокохудожественных изделий поли-

хромного стиля[48]. Подобные находки обнаружены археологами и в других могильниках Алая. По художественному мастерству они нисколько не уступают лучшим образцам своего времени.

По культуре и своеобразию погребальных сооружений яркой самобытностью отличается кочевое население, обитавшее на южных склонах Чаткальского хребта и Кара-Мазара в северо-западной части Ферганы. Только здесь встречаются наземные каменные склепы мугхона и каменные ящики[49].

Мугхона представляют собой овальную наземную постройку из хорошо подогнанного камня с остатками купола и входом-лазом. Это по сути дела архитектурные сооружения. Склепы различаются по устройству и размерам и служили, видимо, семейными усыпальницами: в них обнаружены, как правило, останки многочисленных погребенных с большим количеством инвентаря.

Район распространения мугхона охватывает горные долины от Кара-Мазара на западе и до долины Падша-Ата на востоке, протяженностью около 250 *км*. Культуры их изучены еще недостаточно. Но в древней истории края они, очевидно, сыграли значительную роль, ибо полагают, что они участвовали в сложении союза эфталитских племен, выходцев из Центральной Азии, кочевого народа, создавшего в середине I тысячелетия н. э. аморфное государственное объединение.

Все перечисленные памятники кочевого населения на юге Киргизии относятся к первым векам н. э. и обладают рядом общих черт. Географическое расположение их, своеобразие погребальных обычаев, состав домашней утвари позволяют прийти к заключению о существовании в тот период локальных групп кочевников и древних скотоводов. При общности культуры каждая из них отличается известной этнографической самобытностью. Таким образом, может быть восстановлена карта расселения кочевого населения, в определенной мере отражающая реальную картину древнего периода.

3. Древняя Фергана

Древний период истории Ферганы охватывает время от VII—VI вв. до н. э. и до V—VI в. н. э. Политическая история этой эпохи остается малоизученной, поскольку крайне недостаточны и малочисленны сведения о Фергане в письменных источниках. Поэтому приходится по-прежнему обращаться к археологическим данным, которые освещают, главным образом, историю материальной и духовной культуры древнего населения.

Государство Давань Оседлые области Средней Азии (Бактрия, Парфия, Маргиана, Согд, Хорезм) в VI—IV вв. до н. э. попали в зависимость от ахеменидского Ирана и отличались однородностью культуры, что наиболее ярко проявляется в сходстве цилиндро-конической керамики. Фергана выпадает из этого круга. Она сохранила культурные традиции и политическую независимость.

Границы Ахеменидского государства на севере доходили до Сыр-Дарьи. Здесь, у западных границ Ферганы, ахемениды натолкнулись на непреодолимое сопротивление среднеазиатских народов и были остановлены. На рубеже V—IV вв. до н. э. хорезмийцы и саки добились самостоятельности. Под натиском греко-македонской армии держава ахеменидов распалась. Преследуя остатки войск последнего ахеменидского царя Дария II, отряды Александра Македонского вторглись в пределы Средней Азии. В 329 г. до н. э. греки дошли до берегов Сыр-Дарьи. Однако, как и ахемениды, они не смогли преодолеть сопротивление саков.

Нет никаких оснований предполагать, что власть греко-македонцев, а также следующей династии — Селевкидов, распространялась на Фергану. У античных авторов имеется только краткое сообщение о походе селевкидского полководца Демодама, который около 280 г. до н. э. перешел Яксарт (Сыр-Дарья) и воздвиг там алтарь в честь Аполлона. Этот эпизодический поход не смог привести к утверждению здесь власти Селевкидов, тем более, что вскоре, примерно в 250 г., в южных районах Средней Азии возникает могущественное Греко-Бактрийское царство. Один из греко-бактрийских царей во II в. до н. э., как сообщают античные источники, совершил поход в страну серов (Восточный Туркестан). Это единственное сообщение античных авторов о политических событиях II в. до н. э., которое имеет отношение к Фергане, поскольку путь в страну серов проходил через нее. Однако нет оснований считать, что Фергана входила в состав Греко-Бактрийского царства.

Китайские источники повествуют о сильном самостоятельном царстве Давань, которое существовало в Ферганской долине во II—I вв. до н. э. Оно возникло не во II в. до н. э., когда с ним впервые установили отношения китайцы, а значительно раньше. Возможно, зарождение государственности в Фергане относится еще к середине I тысячелетия до н. э. Об этом можно судить по наличию шурабашатских памятников, которые свидетельствуют о развитии культуры на протяжении IV—I вв. до н. э. У нас нет оснований связывать возникновение государства в Фергане с продвижением кочевых племен юечжей, которые в середине II в. до н. э. прошли через Давань. Коренные социально-экономические изменения в истории Ферганы, завершившиеся созданием здесь государства, были обусловлены развитием производительных сил и внутренними процессами развития ферганского общества, а не внешними причинами.

Очень короткий период в истории Давани II—I вв. до н. э. довольно подробно освещен в китайских источниках. Давань описывается как густонаселенная страна с довольно развитым земледелием, большим количеством городов («больших и малых городов более 70») и с сильным войском[50].

Во II в. до н. э. в Давани сложилась политическая структура. Во главе царства стоял самостоятельный правитель из местной

династии. Известны в китайской транскрипции имена нескольких правителей: Мугуа, имя которого близко имени индо-скифского царя Мога-Мауэса (II—I вв. до н. э.), Чан Фынь (начало I в. до н. э.), Яньлю (40—60 гг. н. э.). У правителя было два ближайших помощника из числа его родственников. Государь опирался на совет старейшин, который играл важную роль в общественной, политической и религиозной жизни страны. Старейшины ограничивали и контролировали власть правителя, принимая активное участие в решении вопросов войны и мира, дипломатических отношений. Они имели право смещения и выбора самого правителя. Известен даже случай, когда старейшины приговорили правителя к смерти, считая его виновником неудач в войне.

Даваньское государство в политическом отношении представляло союз городов-государств или, точнее, оазисов-государств. Предпосылки этой системы сложились еще в эпоху поздней бронзы. Примерами таких оазисов могут служить Карадарьинский комплекс, включающий более 70 поселений, Карасуйский, Ошский, Джилгинсайский в Наукатской долине, Акманский в долине р. Кара-Ункур.

В Фергане было заметно имущественное и социальное расслоение. Знатные семейства, правящая верхушка общества, старейшины использовали труд рабов. Они обладали большим богатством, имели, например, огромное количество вина, которое вряд ли предназначалось только для личного потребления. Господствующему классу противостояла эксплуатируемая масса свободных общинников, а также рабов. Свободные общинники составляли опору государства и основную военную силу. В Давани насчитывалось 60000 воинов. Наряду с пешими отрядами важную роль играла конница, ибо известно, что даваньцы были искусны в конной стрельбе из лука. Войско отличалось высокими боевыми качествами не только в открытом бою, но и при обороне городов.

В условиях натурального сельского хозяйства, преобладания натурального обмена и слабо развитых отношений основной хозяйственной и общественной ячейкой являлась большая патриархальная семья. Главными производителями в земледелии, скотоводстве и ремесле были свободные общинники, но вместе с тем применялся и труд рабов. Однако рабовладельческие отношения в условиях древней Ферганы не получили большого развития. Здесь еще сохранились следы первобытнообщинных отношений, в частности, пережитки матриархата: «Уважают женщин. Что скажет жена, муж не смеет не выполнить»,— гласят письменные источники[51].

Население Давани по весьма приблизительным оценкам ханьских наблюдателей составляло 300 тыс. человек. Это значительно меньше, чем население в соседних кочевых владениях. Возможно, цифра отражает число жителей какой-то части страны, а не всей

Ферганской долины. Ориентировочно население Давани можно определить в 500—600 тыс. человек, причем на поселениях городского типа проживала примерно четвертая часть всех жителей.

Давань имела тесные отношения с соседним владением Кангюй, которое оказывало ей помощь во время военного конфликта с Ханьской державой, а также с ближайшими земледельческими оазисами Восточного Туркестана и с соседними кочевыми племенами усуней. Даваньское царство проводило самостоятельную политику, в 104—99 гг. до н. э. ему пришлось отстаивать свою независимость в ожесточенной борьбе с Ханьской империей. После кратковременной неудачи оно вновь обретает прежнее могущество.

Юечжи, усуни, поздние саки и другие кочевники сыграли важную роль в исторических судьбах древней Ферганы, выступая то ее противником, то союзником в борьбе с иноземными захватчиками.

На протяжении от II в. до н. э. до I в. н. э. в Фергане правила своя династия. Для более позднего времени также имеется прямое указание на непрерывное правление в Фергане одной династии (220 г. —419 г. н. э.). Можно полагать, что независимое и особое положение Ферганы в Средней Азии и, в частности, ее независимость от Кушанской империи, во многом были обусловлены тесными политическими связями Ферганы с соседними кочевыми племенами.

Самостоятельное развитие древней Ферганы наглядно проявляется в археологических материалах, свидетельствующих о преемственном развитии культуры древних земледельцев. В развитии культуры древней Ферганы, охватывающей огромный промежуток времени, более тысячи лет, могут быть выделены четыре периода.

На чустских поселениях жизнь прекратилась почти одновременно на всей территории Ферганы на рубеже VIII—VII в. до н. э. Однако развитие земледельческой культуры продолжалось. На смену чустской культуре пришли памятники новой — эйлатанской культуры эпохи раннего железа (VII—IV вв. до н. э.). Произошли резкие изменения, охватившие все основные сферы хозяйства, культуры и быта. На смену бронзовым приходят орудия из железа, впервые в Фергане появляется посуда, изготовленная на гончарном круге, меняется комплекс керамики. Появляется обычай захоронения в обособленных могильниках под курганными насыпями в сопровождении богатого погребального инвентаря. Все эти изменения произошли в результате перехода общества на новую ступень социально-экономического развития.

За этим периодом непосредственно следуют шурабашатский — IV—I вв. до н. э., мархаматский — I—IV вв. н. э. и гайраттепинский —V—VI вв. н. э. — периоды, выделенные на основе изучения типов поселений и захоронений, главным образом, на основе анализа керамики. Хронологические границы отдельных этапов в известной мере условны и нуждаются еще в дальнейшем уточнении и обосновании. Несмотря на это, периодизация развития культуры является вместе с тем основой периодизации истории древней Ферганы.

Эйлатанский период (VII—IV вв. до н. э.)

Эйлатанский период назван по наименованию городища, расположенного в междуречье Кара-Дарьи и Нарына, где еще в 1934 г. экспедиция Б. А. Латынина обнаружила своеобразный комплекс керамики. Другое подобное городище, Нур-тепе, недавно открыто таджикскими археологами в районе Ура-Тюбе[52]. Известно еще более 20 поселений этого времени. Значительное количество захоронений этого периода исследовано в могильниках актамского типа. Эйлатанские памятники сосредоточены в нескольких районах: в междуречье Нарына и Кара-Дарьи, в Узгенском, Карасуйском и Ошском оазисах, в Южной и Северной Фергане, в Аштском оазисе, на территории Ленинабада. Они встречены во всех частях Ферганской долины, что говорит о широком распространении эйлатанской культуры.

Эталонный памятник — городище Эйлатан[53] неправильной четырехугольной формы, состоящее из двух частей, обнесенных оборонительными стенами; площадь внутренней части городища — 20 *га*. На крепостной стене толщиной 4 *м* на определенном расстоянии расположены башни. На расстоянии 500 *м* от первой проходит вторая — внешняя стена, ограждавшая огромную площадь — около 200 *га*. На этом участке следы застройки не обнаружены, его, очевидно, использовали как загон для скота. В древности заселено было только внутреннее городище, на котором расчищено несколько сильно разрушенных построек.

Яркой чертой культуры Ферганы эйлатанского времени является керамика. Здесь представлены окрашенные лилово-красной краской лепные сосуды. Имеется и роспись, нанесенная буро-красноватой краской по светлому фону. Парадная посуда светлых тонов изготовлена на гончарном круге, что свидетельствует о значительном техническом прогрессе.

Материалы актамских могильников[54] значительно расширили наши представления о культуре эпохи раннего железа. К настоящему времени раскопано более 200 курганов в нескольких могильниках в Южной Фергане. Захоронения совершены в неглубоких грунтовых могилах. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад. В могилах находится от одного до восьми костяков. Рядом с ними в специальных нишах поставлено несколько глиняных сосудов. Умершим положены украшения — браслеты, бусы, кольца, а также железные булавки и ножи. Предметы вооружения встречаются редко. В основном это бронзовые наконечники стрел скифского типа. Количество железных предметов в несколько раз превышает число изделий из бронзы.

Аналогичные курганы выявлены также близ Ашта в северо-западной части Ферганы. Такое же, но впускное погребение, открыто на поселении чустской культуры Акшал-тепе в Восточной Фергане. Особый интерес вызывают курганы могильника Озгор II

в Ошском оазисе. Могильник находится в 10 *км* к югу от Ош, на левом берегу Ак-Буры. Здесь грунтовые могилы окружены каменными выкладками. В ряде случаев выявлены два каменных кольца. В могилах найдены станковая эйлатанская посуда, бронзовый наконечник стрелы, изделия из железа, в том числе наконечники стрел и различные украшения. Все эти материалы сходны с находками в актамских могильниках VI—IV вв. до н. э.

В эйлатанский период по-прежнему наиболее заселена была восточная часть Ферганы. Однако происходило освоение и новых оазисов и общее расширение районов земледелия. Судя по Эйлатану, продолжается развитие укрепленных поселений. На стенах впервые появляются башни. В Фергане распространяется изготовление посуды на гончарном круге и широко внедряются изделия из железа. О высоком развитии ремесла позволяет судить находка медного котла с цилиндрическим корпусом, с четырьмя кольцевидными ручками и фигурками козлов. Он отличается по форме от типичных сакских котлов, которые также были распространены в Фергане. Один такой котел найден на берегу Кара-Кульджи в Узгенском оазисе.

Шурабашатский период (IV—I вв. до н. э.)

Дальнейшее развитие земледельческой культуры Ферганы происходит в период, названный по городищу Шурабашат[55]. Шурабашатские памятники сосредоточены в Восточной Фергане. Однако керамика, сходная с шурабашатской, обнаружена и в Аште, в северо-западной части Ферганы.

Самое крупное — Шурабашатское городище — находится на правом берегу Яссы, в 10 *км* от Узгена. Оно занимает площадь более 70 *га* и состоит из четырех частей, вытянутых вдоль берега. Оборонительная стена с башнями с трех сторон окружает городище. Только с южной — со стороны реки — не было укреплений. Четко выделяется восточная часть городища. Она имела замкнутую обособленную линию укреплений и выполняла роль цитадели древнего поселения. Вокруг главного поселения располагалось много мелких поселений и отдельных домов-усадеб, сохранившихся в виде холмов-тепе. Все они составляли земледельческую округу Шурабашата.

Судя по находкам эйлатанской керамики на восточном городище, первоначально поселение возникло в эйлатанский период именно на этом участке. Восточное городище было заселено и в более позднее время — в средние века. На одном участке оборонительного вала открыты захоронения жителей древнего Шурабашата. В могилы были положены лепные, покрытые краской и расписные сосуды, станковые с красным ангобом, различные украшения и поделки.

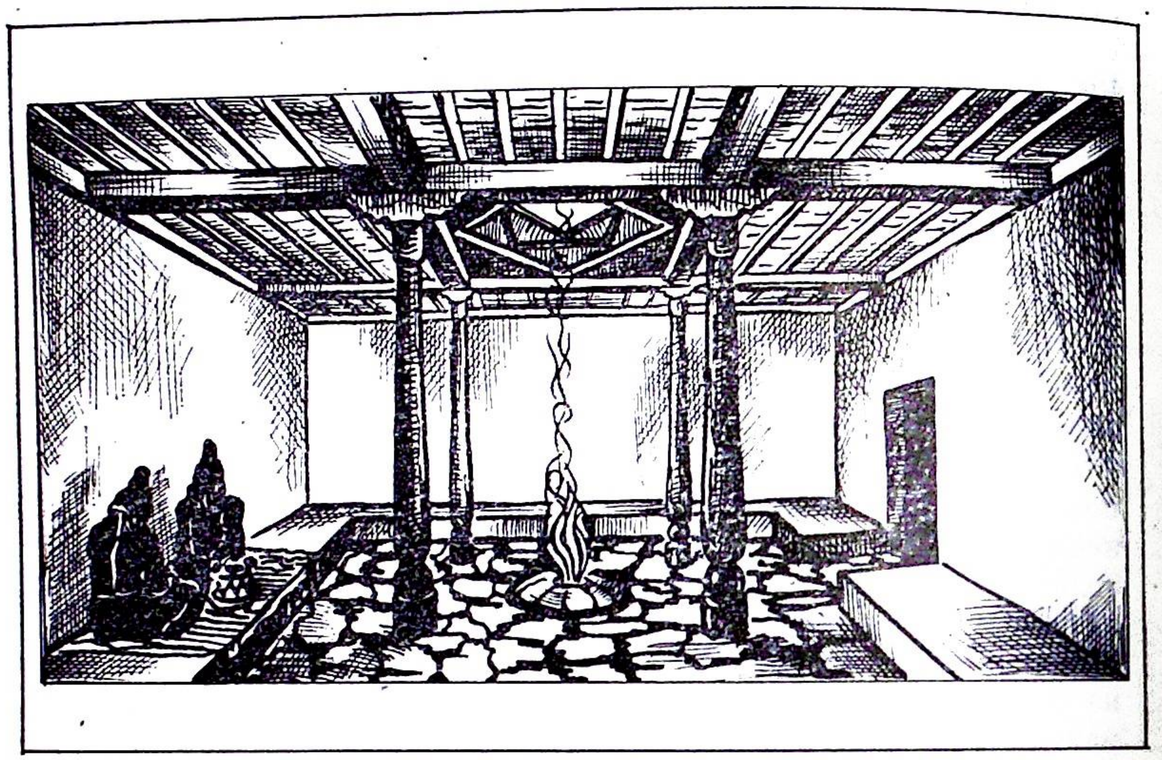
Большой земледельческий оазис шурабашатского периода открыт близ Узгена, на правом берегу Кара-Дарьи, в месте слияния рек Тар и Кара-Кульджа. На участке площадью 8 кв. *км* расположено около 70 шурабашатских поселений. Центром оазиса служило Карадарьинское городище, четырехугольное в плане, площадью более 10 *га*. С двух сторон его проходят глубокие овраги — лощины, а на севере — ров. Городище дополнительно укреплено оборонительной стеной с башнями. У западной стены находится высокий холм цитадели. Ее внешние стены имеют толщину 2,8 *м*, на полах сохранились очаги, в одной из комнат были обнаружены четыре одинаковых по форме хума. Очевидно, это была кладовая — *хумхона*, служившая для хранения зерна или вина.

Среди изученных памятников в Узгенском районе особый интерес представляют два Кулунчакских поселения[56]. Оба довольно хорошо изучены. Поселения находятся на левом берегу Яссы, в 8 *км* к западу от Шурабашата. Небольшое, укрепленное стенами поселение, располагалось на высокой береговой террасе со следами неоднократной перестройки в шурабашатский период. Расчищено более 20 жилых и хозяйственных помещений. Среди них выделялась одна большая комната площадью более 50 кв. *м*. Другое Кулунчакское поселение (площадью 0,5 *га*) расположено рядом, на более низкой террасе. В западной его части расчищена монументальная постройка, площадью более 100 кв. *м* с массивными стенами. На восточном участке поселения вскрыто много комнат небольшого размера. Оба памятника, судя по размерам, представляют собой сельские поселения ближайшей округи Шурабашата, который являлся культурным и политическим центром Узгенского оазиса и даже, можно полагать, всей Восточной Ферганы.

Цветущий земледельческий оазис этого же периода находился в Карасуйском районе, в Отуз-Адыре. Здесь полностью раскопана сельская усадьба Хожамбаг-тепе, в 6 *км* к юго-востоку от г. Кара-Су. В жизни его было два периода: установлено, что более поздняя постройка верхнего горизонта была прямоугольной в плане и площадью 750 кв. *м*. Дом состоял из семи комнат, расположенных в три ряда, в направлении север-юг. Все они отличались небольшими размерами — 12—18 кв. *м*. Самая большая — центральная комната — имела 20 кв. *м*. Нижняя постройка занимала большую площадь и была окружена массивной стеной, овальной в плане формы. В комнатах найдены очаги и целые сосуды, в том числе большой хум. Небольшие размеры и незначительные находки — все это является показателем того, что перед нами укрепленный дом рядовых общинников-земледельцев.

К этому же типу принадлежит Мирзалим-тепе, расположенное на восточной окраине г. Ош, примерно в 15 *км* к юго-западу от Хожамбаг-тепе. В плане — это укрепленный дом прямоугольной формы. Внешние стены сложены из нескольких рядов пахсовых блоков толщиной в 2 *м*, внутренние — из сырцового кирпича.

Монументальной стеной дом разделен на примерно равные южную и северную половины. В северной части шесть небольших



Парадный зал Мирзалим-тепе. (Реконструкция Б. В. Помаскина).

комнат, расположенных в два ряда и соединенных проходами. Комнаты северной половины перестраивались и при этом менялась их планировка. Самая большая здесь комната третья, площадью 26 кв. *м*. Стены ее были покрыты штукатуркой, сохранились следы побелки. У одной из стен был обнаружен очаг каминного типа, горловина вкопанного хума, а рядом целые зернотерки. Основные находки происходят из этой комнаты. Судя по всему, северная половина была жилой частью дома. В южной половине выделяется квадратный зал, размером 8,2×8,2 *м*, в центре — большой культовый очаг. По четырем сторонам на равном расстоянии от очага ямы для столбов — колонн, на которые опиралось перекрытие. Вдоль трех стен проходил деревянный помост. Таким образом, перед нами четырехколонный зал с помостом — суфой вокруг центрального очага. Это была своего рода михмонхона — помещение для гостей и для праздничных приемов, для коллективных общинных трапез. Еще одна комната отличается фигурной четырехлепестковой формой. По всей вероятности, она имела культовое назначение. Дом был поставлен на платформу высотой в 5 *м*. Если к этому добавить высокие оборонительные стены, получится монументальное сооружение, небольшая крепость или укрепленный замок.

Если сравнить Мирзалим-тепе с укрепленным домом чустского периода Боз-тепе, то заметны прогрессивные изменения. Более поздний сильнее укреплен, усовершенствования затронули внутреннюю планировку жилища, которое делится на жилую и парадную части. Видна забота об отделке помещений, об отоплении и благоустройстве. Все это свидетельствует о совершенствовании домостроительства.

Мархаматский период (I—IV вв. н. э.)

Мархаматский период — это время наивысшего расцвета культуры оседло-земледельческого населения древней Ферганы[57]. К этому периоду относится не менее 1000 памятников. Отличительной особенностью их культуры являются многочисленные находки красноангобированной керамики.

Самый крупный памятник — Мархаматское городище[58] — находится в долине р. Араван, к западу от Ош, в 100 *км* к юго-западу от Шурабашата. Прямоугольное в плане 750×500 *м* городище ориентировано по сторонам света. На высоких крепостных стенах сооружены башни: на западной и восточной — по 20, на северной — 12. На нем сохранилось несколько холмов — *тепе*. Плотно была застроена только его юго-восточная часть. На северо-западном участке выделяется большой холм, вероятно, служивший цитаделью древнего города.

Мархаматское городище — одно из крупнейших в Фергане (площадь около 40 *га*). Городище отождествлено А. Н. Бернштамом со столичным центром Давани — г. Эрши. Основываясь на различии керамики нижнего и верхнего слоев, он выделил в истории Мархамата два этапа: время возникновения города (III—II вв. до н. э.) и период расцвета (I—III вв. н. э.). Керамика первого этапа, как было установлено позднее, оказалась сходной с шурабашатской. На позднем этапе преобладала красноангобированная керамика.

В Ошском оазисе находится другой важный памятник этого времени — городище Биловур-тепе на левом берегу р. Ак-Буры, в 8 *км* к западу от Ош, занимающее площадь около 1 *га*. Поселение было окружено стеной толщиной 3,5 *м*. В южной его части вскрыто около десятка жилых и хозяйственных помещений. В северной части на скальном основании возвышается холм цитадели, круглый в плане (диаметр 27 *м*). Ее внешняя стена состояла из двух стен метровой толщины с проходом между ними. Цитадель имела четыре выступающие прямоугольные башни, расположенные крестообразно. Внутри цитадели находилась монументальная постройка из пяти комнат, крестовидная в плане: в центре — большая парадная комната (50 кв. *м*), к которой примыкают квадратные комнаты меньшего размера. Стены, сложенные из кирпича прямоугольного формата, имеют толщину 2 *м* и сохранились на высоту более 2 *м*.

Керамика Биловура сходна с материалами верхнего слоя Мархамата. Биловур-тепе — рядовое укрепленное поселение мархаматского периода, выполнявшее роль форпоста на северо-западной окраине Ошского оазиса, а также в системе обороны столичного центра Мархамата, находящегося в 35 *км* от него. В 2 *км* от Биловура находится древнее святилище на открытом воздухе —

уже упоминавшаяся галерея наскальных рисунков коней Айырмач-тау.

Мало освещены в литературе результаты раскопок, которые производились в разных частях Ферганы на других памятниках мархаматского периода. Наряду с укрепленными поселениями найдены и открытые поселения без укреплений — селища, например, в местности Кара-Камар к западу от сел. Исфана[59].

Как правило, рядом с поселениями располагались и могильники. Так, в южной части городища Темир-Коруг к востоку от Янги-Науката[60] были обнаружены остатки строений, а в северной части на большом участке раскопано 87 могил. Все погребения одиночные и только в одной могиле оказалось тройное захоронение: три женщины разного возраста в сопровождении глиняных сосудов, бус и костей коровы (единственный случай подобной находки в могильнике). Умершие были уложены в обыкновенные грунтовые могилы, перекрытые сверху накатом из арчи. В одной могиле обнаружены ямы для столбов, которые поддерживали накат.

Примечательную особенность могил составляют ниши в правой или левой стенках, куда были поставлены глиняные сосуды. Эта конструктивная особенность указывает на сохранение традиции, восходящей к более ранним, актамским могильникам. Во многих могилах найдены скелеты баранов. Преобладают костные остатки молодых особей и ягнят. Захоронение целых туш составляло отличительную черту погребального ритуала земледельцев, совершавших захоронения в Темир-Коруге. В одновременных катакомбах и подбойных могилах древних скотоводов обычно находят строго определенные части скелета. Второй особенностью ритуала является захоронение вместе с умершими тушек птицы из породы фазаньих. В ряде могил найдены одновременно кости барана и птицы, что напоминает обычай, засвидетельствованный в одном из погребений Шурабашата. В нескольких случаях в дно могил еще до захоронения были вкопаны сосуды, поверх которых положены умершие. Костяки, за небольшим исключением, были ориентированы на юго-запад или на северо-восток. На основании состава находок предполагали, что в могильнике хоронили одних женщин. Однако по костным останкам, обнаруженным в 1980 г., выявлено три мужских захоронения. Эти три могилы ничем особенным не выделялись среди остальных. Имеющиеся данные говорят о том, что в Темир-Коруге, судя по возрастным определениям, преобладали захоронения замужних женщин и девушек-подростков. Детских погребений, как и мужских, обнаружено мало. В могилу ставили до пяти сосудов. Иногда их обнаруживают в изголовье или в ногах погребенного, но чаще всего в нишах. Обычный набор сосудов состоит из одного — двух лепных кувшинов, одного — двух станковых горшков и красноангобированных чаш. Сосуды встречаются в разных сочетаниях. Всего найдено более 200 лепных и станковых сосудов.

За исключением керамики, инвентарь беден. Он включает глиняные прясла, единичные изделия из железа — ножи, железные кольца, украшения — бронзовый перстень, бобовидные серьги, бляшки, фигурные подвески, разнообразные бусы, а также раковины каури; круглое бронзовое зеркало, игольник из трубчатой кости и несколько сурьматашей. В одной из могил обнаружены кусочки золотой фольги. Только в одной могиле оказался железный наконечник стрелы — единственный из предметов вооружения.

Особенности обряда погребения и характер погребального инвентаря свидетельствуют о том, что Темир-Коруг является могильником земледельческого населения Ферганы мархаматского периода. Он имеет большое сходство с могилами, выявленными в ходе археологического надзора на трассе БФК возле городища Кайноват (около сел. Уч-Курган), и с Коштепинским могильником.

К северу от могильника Темир-Коруг случайно найдены обломки железного меча длиною 34 *см* с лезвием шириною 4 *см* и железные трехперые наконечники стрел с черешком (длина 7 *см*) и бусы. Вполне возможно, что эти находки происходят из разрушенного захоронения.

Вероятно, из могильника Темир-Коруг происходит и найденное здесь уникальное золотое украшение звериного стиля эпохи Даваньского царства. Оно представляет собой скульптурную фигурку птицы с подвесками. Птица насажена на бронзовый стержень, имеет плоский хвост с углублениями для камней и две пары крыльев. На туловище — выемки для камней, окаймленные зернью. Из шести подвесок сохранилось пять. Они соединены скобой из золотой проволоки и состоят из серповидной пластины и плоских кружков, являющихся символическим изображением луны и солнца.

На западной окраине Ош, на Чаян-тепе, удалось обнаружить еще несколько захоронений, подобных темиркоругским. Все эти могильники вместе с поселениями составляют единый комплекс памятников, характеризующих культуру земледельческого населения мархаматского периода.

Хозяйство

В шурабашатский период продолжалось развитие земледелия, основанного, в отличие от более ранних периодов, на искусственном орошении. Освоение крупных земледельческих оазисов, таких, как Карадарьинский, было невозможно без использования ирригации. В этом оазисе является ирригационная система — был прорыт канал Узген-Арык, который существует на этом месте и сейчас, прорезавший за свой многовековой путь глубокое русло. В Карасуйском оазисе широко использовали воды древних протоков р. Талдык-Су.

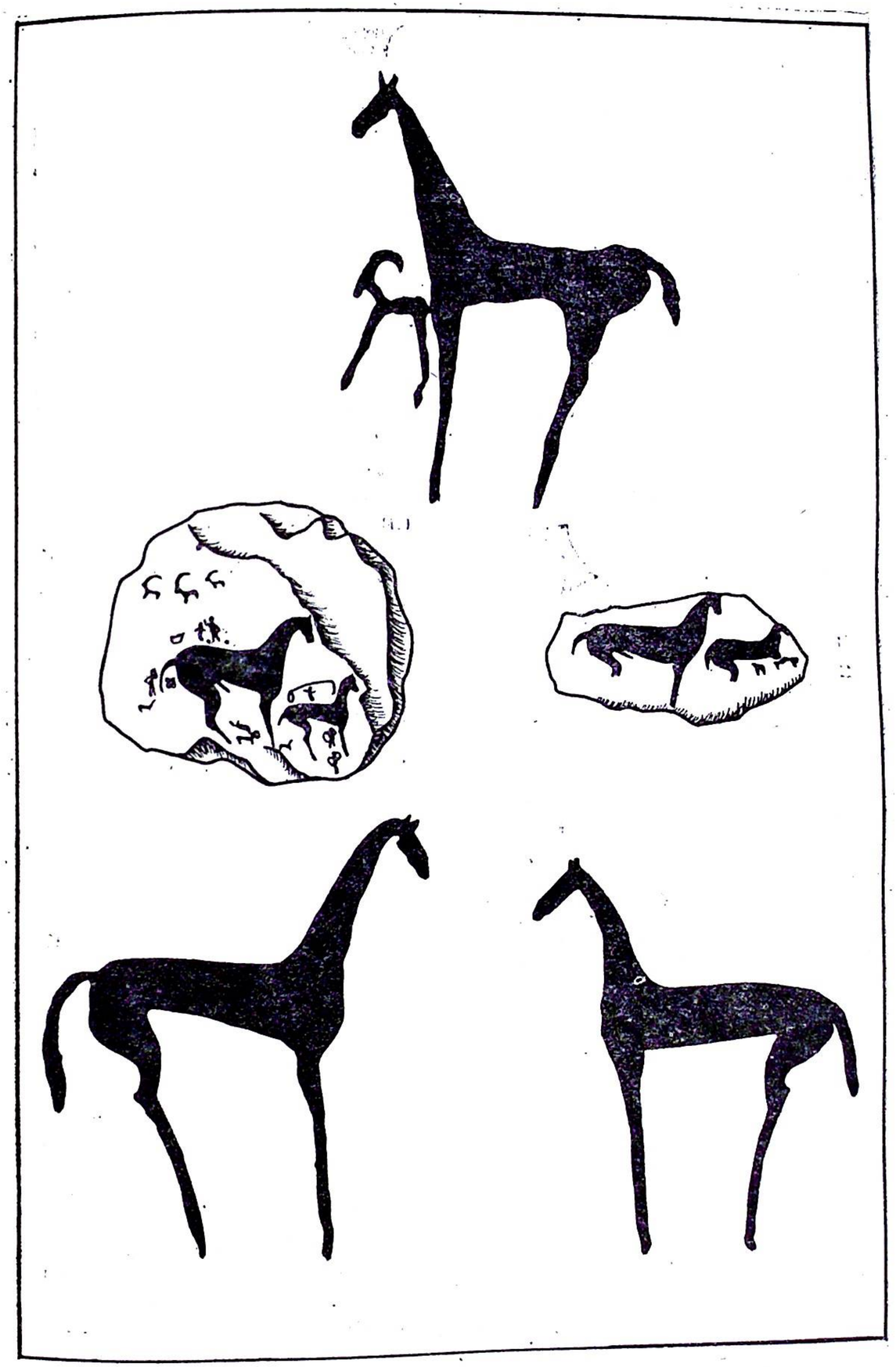
Исключительно большая плотность заселения оазисов свидетельствует об интенсивном ведении сельского хозяйства, в отличие от чустской культуры эпохи бронзы.

Основу хозяйства по-прежнему составляло земледелие. Можно говорить о прогрессивном изменении набора земледельческих орудий: исчезли каменные серпы, уступив место металлическим, в большом количестве встречаются каменные зернотерки для переработки зерна на муку. Позднее здесь появляются ручные мельницы. Происходят изменения в мукомольных орудиях, о чем свидетельствуют находки, сделанные на трассе БФК: в нижних слоях вместе с красноангобированной керамикой были найдены обычные зернотерки, а в верхних слоях наряду с зернотерками обнаружены обломки жерновов. В других областях Средней Азии, например, в Хорезме, ручные жернова появились на рубеже н. э., а в соседнем Ташкентском оазисе — в первые века н. э.

Главные особенности хозяйства населения Давани II—I вв. до н. э. подмечены современниками: «Оседлые жители пашут поля, разводят рис и пшеницу, имеют виноградное вино, много хороших лошадей»[61]. Приведенный набор возделываемых культур был традиционным в Фергане на протяжении многих веков. Судя по находкам семян хлопка в Северо-Западной Фергане (Ашт), древние земледельцы в это время уже были знакомы и с разведением хлопка. Китайцев, впервые посетивших Давань, особенно удивили люцерна и виноград, вероятно, высококачественные его сорта. Семена этих важных сельскохозяйственных культур они вывезли в свою страну. Источники сообщают, что местные жители из винограда делают вино. Примечательно, что большое количество вина хранили по нескольку десятков лет.

О продуктивности земледелия можно судить по ямам для хранения зерна, открытым на Шурабашате и в других поселениях. В Фергане традиция хранения зерна в грунтовых ямах восходит к чустской культуре. Для хранения зерна, продуктов, вина и воды в это время использовали также хумы. Они найдены при раскопках жилых домов в Шурабашате и Дун-Булаке, а также в сельских домах-усадьбах Хожамбаг и Мирзалим-тепе. На Карадарьинском городище и на поселении Кулунчак обнаружены кладовые помещения, в которых стояло по несколько хумов.

Давань славилась особой породой лошадей. В источнике говорится: «Давань имеет хороших лошадей, они находятся в городе Эрши, их скрывают, не соглашаются дать ханьскому посланнику»[62]. Поскольку лошадей кормили люцерной, то можно предположить, что они часто находились на стойловом содержании. В этой связи следует вспомнить о больших участках в Эйлатане и Шурабашате, которые использовали как загоны для скота и в том числе для содержания лошадей. В письменных источниках о даваньских конях впервые упоминается во II в. до н. э., а последние сведения о них относятся к 479 г., когда ко двору императора прибыло посольство с дарами из Ферганы. Таким образом, породистые лошади разводились в Фергане, по крайней мере, на протяжении 600 лет. Для выведения же ценной породы верхово-



«Небесные кони». Фергана. (Наскальные изображения Айырмач-тау).

го коня требуется длительная селекционная работа. Следовательно, начало разведения породистых коней в Фергане относится к более раннему времени.

Изображения этих знаменитых в то время даваньских коней дошли до нас в наскальных рисунках. В местности Айырмач-тау на горной гряде, в 8 *км* к западу от Ош, можно и в настоящее время увидеть более тридцати одинаковых фигур лошадей. Поджарое тело, высокие стройные ноги, длинная, плавно изогнутая шея с небольшой головой — таковы признаки породистой лошади, запечатленной древним художником. Изображения древнеферганских лошадей служили объектом поклонения. Все это свидетельствует об особом значении Ошского оазиса в развитии коневодства того периода.

Примерно в 20 *км* от Айырмач-тау находится еще одно место с изображением таких же коней — на Араванской скале (около Мархамата). Подобные изображения имеются также в долине Науката и в Абшир-Сае. Последние отличаются лишь небольшими размерами. Локализация этих памятников указывает на то, что именно эти предгорные районы юга Киргизии служили центрами коневодства в древности.

Судя по костным остаткам, собранным на Шурабашате, в это время разводили все виды домашних животных, основное место занимало разведение овец и коз. По сравнению с чустским периодом, когда в Дальверзине основу стада составлял крупный рогатый скот и лошади, произошли, следовательно, значительные изменения в формах скотоводства. Примерно четвертая часть костей принадлежит крупному рогатому скоту. Костных остатков лошадей и верблюдов найдено мало. Такое же соотношение домашних животных характерно для одновременных поселений древнего Хорезма. Близкий состав костных находок содержали поселения Парфии, на которых было мало найдено костных остатков лошади, и, кроме того, обнаружены кости свиньи. Эти данные говорят о разведении в хозяйстве земледельческих оазисов преимущественно мелкого рогатого скота. Данные о развитии скотоводства на Шурабашате отличаются от одновременного Дараут-Курганского поселения, расположенного в высокогорной Алайской долине. Здесь преобладал мелкий рогатый скот, крупного рогатого скота было в четыре раза меньше, чем в Шурабашате, очень мало было лошадей[63]. Такой состав стада характерен для хозяйств, занимавшихся кочевым скотоводством.

Хозяйство земледельцев шурабашатского периода выступает как начальная форма относительно крупнооазисного поливного земледелия (естественно, крупного в масштабах своего времени). В этом коренное отличие его от хозяйства чустского периода, обусловленное прогрессивным развитием производительных сил страны в период существования первого в истории Ферганы государства — Даваньского царства.

Основная часть сельского населения жила в домах-усадьбах, которые сохранились в виде небольших домов-тепе. В результате раскопок в Хожамбаге и Мирзалим-тепе сложилось довольно ясное представление об их размерах и внешнем облике. Оба памятника представляют собой разные в планировочном отношении постройки, с различным расположением. Причем комнаты Мирзалим-тепе в 2—4 раза превышают центральное помещение Хожамбага, что определялось, видимо, более высоким уровнем благосостояния семьи. Последний отличается также и совершенством строительного мастерства. Хожамбаг-тепе — это отдельно стоящий дом рядового общинника, а Мирзалим-тепе — это усадьба, состоявшая из дома и примыкающего двора. Именно в таких укрепленных домах-замках и обитала большая часть земледельческого населения древней Ферганы. Часто дома располагались большими группами, о чем свидетельствует хорошо сохранившийся Карадарьинский оазис. Центром земледельческих общин служили укрепленные сельские поселения с монументальной постройкой, которую занимал глава общины. Представление о них можно составить по Кулунчакскому поселению, площадью 0,5 *га*.

Среди шурабашатских поселений особо выделяются укрепленные крепости, площадью от 2,5 до 8 *га*, такие, как Кзыл-Октябрь, построенный на месте чустского поселения, Дун-Булак, Кош-Булак, Дихкан (также расположенные на месте чустского поселения), Южно-Узгенское городище. Все они располагаются на берегах Яссы и Кара-Дарьи, Куршаба на расстоянии около 5 *км* друг от друга, образуя мощную оборонительную систему земледельческих оазисов и торговых путей. Некоторые находятся возле переправ — Кзыл-Октябрь и Дун-Булак — около брода через Яссы, а Южно-Узгенское — у переправы через Кара-Дарью.

Центрами земледельческих оазисов служили городища с мощными укреплениями и цитаделью, такие, как Карадарьинское, правильной конфигурации, площадью более 10 *га*. Главным центром Восточной Ферганы являлось крупнейшее в древней Фергане городище Шурабашат со сложной топографией и развитой системой укреплений. Последние два типа принято сопоставлять с большими и средними городами царства Давань.

Разнообразие основных типов поселений, имевших разное назначение, отражает сложность социально-экономического строя древнего периода, резко отличавшегося от предшествующих эпох. Многие и даже, можно сказать, почти все известные шурабашатские поселения имели укрепления. Оборонительные стены окружали крупные города и крепости, а также сельские поселения и отдельные усадьбы. Такая забота о безопасности и о мерах обороны объясняется, видимо, политической обстановкой и, прежде всего, постоянной угрозой вторжения врагов, и в частности империи Хань. Имеющиеся материалы прежде всего указывают на резкое увеличение количества поселений и появление крупных городов. В шурабашатский период начинается урбанизация стра-

ны. Наблюдаются значительные изменения в домостроительстве. Исчезают землянки. Все известные дома — наземные, глинобитные. Хотя шурабашатские жилища изучены слабо, по материалам Хожамбага и Мирзалим-тепе можно представить планировку сельского дома. На поселениях Кулунчак расчищены части многокомнатных жилых комплексов с хозяйственными помещениями. В домах преобладали комнаты небольшого размера, площадью до 20 кв. *м*. В каждой усадьбе и на каждом сельском поселении имелось по одной большой парадной комнате, площадью 50—70 кв. *м*. Древние жители заботились о благоустройстве и об отоплении. Некоторые комнаты были оштукатурены и побелены.

Особую заботу они проявляли об обороне своих поселений и домов-усадеб. Если для чустского периода известно два укрепленных поселения, то в шурабашатский период почти все они, включая дома-усадьбы, имели оборонительные стены. Многие укрепления имели цитадели и башни, которые впервые появляются на Эйлатанском городище. Это означало значительное усовершенствование фортификационного дела. На строительство укреплений Шурабашата были затрачены огромные усилия. Древние мастера, кроме искусственных оборонительных сооружений, в качестве естественных укреплений умело использовали рельеф местности. Об этом свидетельствует удобное для обороны расположение крепостей. Впервые в Фергане укрепленные поселения и крепости, расположенные на особо важных пунктах, образуют определенную систему обороны, четко прослеженную в Узгенском оазисе.

В первые века н. э. развитие городской культуры древней Ферганы достигло наивысшего уровня. Известные разновидности мархаматских поселений, включая шурабашатские памятники, представляют собой все основные типы поселений всего древнего периода Ферганы — времени развития здесь классового рабовладельческого общества.

По археологическим материалам можно составить представление о больших и малых даваньских городах. Основные их типы сложились уже в шурабашатский период, а в дальнейшем происходило их развитие.

Совсем новой была четкая, как бы заранее спланированная, прямоугольная планировка Мархамата. В источниках имеются названия трех городов Давани. Столицей государства был Эрши, который сопоставляют с Мархаматским городищем. Второй город — Гуйшуань, отождествляют с древним Касаном, расположенным в Северной Фергане. И, наконец, третий город — Ю, который находился на востоке Давани. О локализации этого города существуют разные предположения. Чаще всего его помещали на месте Узгена. В ходе археологического обследования Узгенского оазиса было установлено, что самым крупным из древних городищ здесь было Шурабашатское, относящееся как раз ко времени существования царства Давань, что дало основание соотнести его с городом Ю.

Городские поселения различались по своей форме и планировке, но прежде всего по размерам. Большие города представлены их остатками — городищами площадью от 70 до 10 *га*. Городища среднего размера имели площадь около 10 *га*, а малые —4—5 *га*.

В рассматриваемое время довольно четко обозначилось различие между городскими и сельскими поселениями. К последним относятся поселения размером от 0,5 до 1 *га*, прямоугольной формы с выделяющимся холмом, так называемые тепе с площадкой (Биловур-тепе, Кулунчакские поселения). Другая разновидность представлена городищами «с вышкой» — с необычайно больших размеров цитаделью (Кургашин-тепе в Ошском оазисе — 1 *га*). К этой же группе принадлежат селища, такие, как Каракамарское и Баткепское. И, наконец, самая многочисленная разновидность поселений — укрепленные дома-усадьбы (Гайрат-тепе, Мирзалим-тепе).

Эта классификация, безусловно, не исчерпывает всего разнообразия типов поселений древней Ферганы, однако, наглядно отражает сложную социально-экономическую структуру общества того времени.

Развитие и повсеместное распространение поселений явилось следствием развития производительных сил страны и прежде всего орошаемого земледелия. Размещение памятников во многом было обусловлено речной и ирригационной системами.

Большинство городских и сельских поселений имели укрепления. Важная роль в системе фортификации принадлежала цитаделям разных типов. На городище Биловур-тепе она была круглой в плане с четырьмя башнями, на Куюк-тепе (междуречье Нарына и Кара-Дарьи) — прямоугольная, с десятью часто расположенными прямоугольными башнями, не застроенная внутри. Подобные цитадели сельских поселений были местом пребывания землевладельческой знати — правителей оазисов.

Многие отдельные дома представляли собой настоящие подземные замки с мощными оборонительными стенами и башнями, с многочисленными бойницами для стрелков-лучников. Жилища мархаматского периода изучены слабо.

На шурабашатских поселениях находки орудий труда немногочисленны, в частности, очень мало металлических изделий. На Кулунчакском поселении найдена литейная форма. Около Шурабашата был обнаружен небольшой медный котел на подставке. Единичны находки железных ножей. Единственным экземпляром представлены предметы вооружения — бронзовым плоским наконечником стрелы из Кулунчака. Среди металлических украшений и предметов туалета — бронзовая пластинка для румян, латунный перстень, серьги.

Особый интерес представляют костяные накладки на лук нескольких разновидностей. Они обнаружены в хозяйственных ямах Шурабашата и относятся к раннему этапу истории города и, стало быть, дают основание говорить о распространении сложносо-

ставного лука у оседлого населения Ферганы уже в начале шурабашатского периода. Эти находки являются одними из самых ранних в Средней Азии и подтверждают сообщение источников, что жители Давани были искусны в конной стрельбе. В собранных материалах имеются заготовки для костяных пряжек, а также альчики.

Особо остановимся на двух терракотовых изображениях человека, найденных в Шурабашате. Одно из них цилиндрической формы. Голова сильно вытянута, нос прямой. Брови, головной убор обозначены валиком, узкими углублениями — глаза, круглыми — рот. Второе изображение — в виде налепа, вероятно, на ручку сосуда. В передаче носа, рта и подбородка видны черты сходства с первой фигуркой. Эти оригинально выполненные схематические скульптурные изображения — самые древние в Фергане и резко выделяются среди среднеазиатских терракот того периода. Не было терракотовых изображений в Фергане и в последующий, мархаматский период. Только в середине I тысячелетия н. э. появляются своеобразные скульптурные фигурки-идолы, о которых будет сказано ниже.

В мархаматский период получают дальнейшее развитие различные ремесла — железоделательное, ювелирное, ткацкое, гончарное, костерезное, строительное, а также горное дело. Представление о состоянии некоторых из них можно составить по археологическим материалам. Так, о развитии ювелирного ремесла можно судить по находкам изделий, а также по литейным формам. Две формы для отливки серег найдены на городище Мунчак-тепе у Бегавата. Об изготовлении сложных изделий можно составить представление по большому серебряному блюду из разрушенного погребения в местности Биш-Талы-Юкары. Вся поверхность блюда, на которой сохранились следы позолоты, покрыта рядами выпуклостей-бугорков. В центре блюда заметны следы рельефного изображения.

Более широко, чем в ранние периоды, представлены предметы вооружения, главным образом, железные наконечники стрел нескольких разновидностей. Среди обычных находок — железные ножи, много глиняных прясел от веретен, каменных сурьматашей, раковины каури, поделки из кости, в том числе игральные фишки с циркульным орнаментом, альчики. Найден также ряд импортных предметов. Характеристика материальной культуры будет более полной и разнообразной, если привлечь находки в одновременных катакомбных и подбойных могилах, ибо в них, и прежде всего, в широкоизвестном Кара-Булакском могильнике около Баткена, найдены различное оружие, предметы туалета и украшения, изделия из дерева, плетеные корзинки, шелковые ткани и многое другое. Нет сомнения, что они широко употреблялись в быту земледельческого населения.

По имеющимся материалам достаточно полно можно охарактеризовать продукцию гончарного производства. В период Давань-

ского царства более ранний шурабашатский комплекс включал шесть групп керамики, а также образцы предшествующей станковой эйлатанской посуды. Своеобразие его состоит в сочетании большого количества лепной крашеной и расписной посуды со станковой, в том числе, ремесленной посудой, покрытой красным и черным ангобом. Немногочисленные образцы такой посуды украшены процарапанным узором, что более характерно для керамики следующего, мархаматского периода.

Для комплекса Шурабашата наиболее характерна крашеная и расписная посуда. На некоторых сосудах окраска сочетается с росписью. Например, нижняя часть окрашена, а верхняя — покрыта узорами, или — вся внешняя сторона окрашена, внутренняя — расписана. Имеются сосуды с расписным орнаментом на обеих поверхностях. Ассортимент посуды был разнообразным. Она украшалась узорами кармино-фиолетовой и красной красками по светлому фону.

В орнаменте Шурабашата, также как и в предшествующей, чустской и актамской керамике, широко распространены геометрические мотивы ромбов и треугольников. Но только на шурабашатской керамике они сочетаются с полудугами, волнистыми линиями, растительными узорами, да и сами геометрические фигуры дополнены бахромой из «ресничек». В преобладании криволинейных узоров проявляется своеобразие шурабашатской расписной посуды. Своеобразие и самобытность шурабашатского орнамента выделяет этот комплекс среди всех известных на территории Средней Азии в древности.

Некоторые лепные сосуды изготовлялись на матерчатом шаблоне, который оставлял отпечатки тканей на внутренней поверхности. В этом сказывалась преемственность развития гончарного производства с эйлатанским и чустским периодами. Многие формы чаш и других сосудов были аналогичны формам предшествующего эйлатанского периода.

Станковую красноангобированную посуду формовали в специальных мастерских при более сложных технологических процессах. Высококачественная, покрытая блестящим красным ангобом, эта посуда ничем не отличается от аналогичных изделий следующего, мархаматского периода. На шурабашатских памятниках сосуществуют две основные орнаментальные традиции, характерные для древней Ферганы: украшение росписью и процарапанный орнамент.

Набор керамики включает также крупные хумы, типичные для древнего периода Ферганы, а также хумы оригинальной шаровидной формы с сосцевидными налепами, которые встречены только на шурабашатских поселениях.

Специфическую особенность шурабашатской культуры составляют своеобразные очажные подставки в виде брусков или зооморфных конусов. На других поселениях найдены очажные подставки катушковидной формы. Шурабашатские подставки отли-

чаются по форме от одновременных изделий Каунчи-тепе в Ташкентском оазисе.

Культура шурабашатского периода неразрывно связана с последующим — мархаматским периодом. Это наиболее ярко проявляется в керамических материалах. В мархаматском комплексе поражает совершенством исполнения станковая посуда с красным ангобом. Высокое качество ее объясняется усовершенствованием производства, использованием гончарного круга и специальных горнов для обжига. Это позволило специалистам-ремесленникам изготавливать сосуды разных форм хорошего качества большими стандартными сериями. Одна печь обжига найдена в Мунчак-тепе у Беговата. Сохранившиеся части печи позволили полностью реконструировать ее. Она имеет топочную камеру вытянутой прямоугольной формы с системой арочных отсеков в камере обжига, снабженной боковыми выступами.

Следует полагать, что усовершенствование керамического производства в мархаматский период явилось результатом завершения процесса обособления и отделения ремесла от земледелия. Мархаматский комплекс керамики состоит из тех же шести групп, что и шурабашатский, но количественное соотношение их иное.

Преобладает станковая посуда, составляющая более 80% всего комплекса, причем красноангобированная составляет более половины всех находок на поселениях. В небольшом количестве представлена лепная крашеная и расписная керамика шурабашатского облика, которая является пережитком старой традиции. Формы посуды с красным ангобом очень разнообразны. Часть сосудов, преимущественно горшки и кувшины, украшены процарапанным орнаментом. Узор наносили острым предметом по ангобу после просушки сосуда, но обязательно до обжига. При этом обнажали светлую поверхность сосуда, в результате узор резко выделяется на красном или черном фоне. Узоры очень разнообразны, но состоят из комбинации простых элементов: зигзага, треугольника, полудуги и спиралевидных завитков. Очень редко встречаются изображения лошадей, фантастических животных и птиц. Особый интерес вызывает композиция на сосуде из Коштепинского могильника на трассе БФК. На горшке процарапаны три пары крупных птиц, в которых нетрудно узнать фазанов. Они расположены между схематически изображенными деревьями. Эта сцена не просто орнаментальная, о ее культовом значении будет сказано ниже.

В свете имеющихся археологических материалов мархаматский период является временем расцвета культуры Ферганы. По уровню развития ремесла в письменных источниках Давань сравнивается с Китаем: «Там употребляют и шелк, и лак, но не умеют отливать чугунных изделий». И далее: «Даваньцы, получая из Китая золото и серебро, употребляют его на изделия, а не на монету»[64]. Имеется краткое упоминание о том, что в Фергане добывали киноварь, золото и железо. Чрезвычайно характерно, что в этом перечне на первом месте стоит киноварь. Добычей киновари Фергана особенно славилась в средние века, но, судя по археологическим находкам в Хайдаркане, разработку киноварных руд производили здесь уже в эпоху Даваньского царства. В предгорьях Южной Ферганы располагались древние выработки на ртуть. Особенно выделялись месторождения в Хайдаркане, Кадамджае и Чаувае. Добыча золота, судя по древним выработкам, в большом количестве производилась в бассейне Касан-Сая, на севере Ферганы.

Древние выработки железа известны в ряде пунктов, в том числе в Южной Фергане. Одним из крупнейших центров древнего горного промысла во всей Средней Азии считался район Кара-Мазара, в Северо-Западной Фергане. Здесь добывали серебро, цветные металлы, бирюзу. Крупным древним рудником была и знаменитая пещера Кан-и Гут на юге Киргизии. Добываемое сырье шло на развитие не только собственных ремесленных производств, но частично и на вывоз в другие страны. Горное дело, ремесла, сельское хозяйство Ферганы первых веков н. э. носили товарный характер, что способствовало развитию торговли. Благодаря выгодному географическому положению Фергана принимала активное участие в международных торговых связях.

Начиная со II в. до н. э. регулярно действовал караванный путь — «Северная дорога» — из Кашгара в Давань и далее на запад в страны Средиземноморья. Этот торговый путь, известный как Великий шелковый, имел несколько ответвлений. Одно из них проходило через Алайскую долину и Каратегин, другое — через горные перевалы по долине Кара-Дарьи в Западную Фергану и далее на юг — в Бактрию. По этой дороге осуществлялась международная транзитная торговля высоко ценившимся в то время шелком и другими редкими товарами. Есть свидетельство, что одного посла, прибывшего в Давань, в соседнее владение Кангюй отправили почтовыми лошадьми. Следовательно, дороги в Давани были благоустроены. Фергана занимала важное место на этом торговом пути, получая значительную прибыль. Поэтому по распоряжению правителей, заботившихся о безопасности путников, здесь было построено немало укреплений, служивших караван-сараями. В этом и заключалась в основном забота о благоустройстве «почтовых дорог». С торговым путем, вероятно, связаны остатки древнего поселения с постройками на каменном фундаменте около Дараут-Кургана в Алайской долине. Его сопоставляют с Каменной Башней, очевидно, каменной крепостью, по пути в страну серов, о которой упоминает античный географ Птолемей.

Ежегодно по шелковому пути из Китая на запад отправлялось пять-шесть, а иногда и больше десятка посольств и столько же приходило ответных. Каждое посольство состояло из нескольких сот человек. Снабжение иноземных гостей провиантом и фуражом, предоставление переводчиков и проводников ложилось тяжким

бременем на местное население. Посольства в то время, как правило, занимались и торговлей, которая тогда нередко совершалась в форме обмена.

В результате оживленных торговых связей даваньский двор и прежде всего правитель страны имели много китайских вещей. Тесные торговые и культурные сношения связывали Фергану и соседние владения Восточного Туркестана. О торговле со странами, лежащими на юго-запад от Ферганы, и прежде всего с древней Индией, красноречиво свидетельствуют многочисленные находки в могильниках и на поселениях раковин каури, индийской бронзовой статуэтки (Кара-Булакский могильник), очажка с изображением Ваджрапани, одного из представителей буддийского пантеона, найденного на городище Мунчак-тепе; агатовые бусы из района Фархадстроя, аналогичные бусам Таксилы. На ферганских памятниках найдены также украшения из египетской пасты.

Наряду с внешней торговлей развивалась меновая торговля со скотоводами горных долин. Об этом говорят находки типичной мархаматской керамики в могильниках Кетмень-Тюбе. В Фергане собственная монета, судя по первым находкам, появилась в III в. н. э.[65]. Столь позднее появление ее объясняется преобладанием натурального обмена, что является показателем определенного отставания ее от передовых областей Средней Азии.

Гайраттепинский период (V—VI вв. н. э.)

Слабо изученным для древней Ферганы остается период V—VI вв. Памятников этого времени известно мало. Это связано, очевидно, с резким уменьшением количества поселений в период зарождения феодализма. При раскопках городищ Касан[66] и Дун-Булак[67] и исследовании археологического материала были выявлены факты, свидетельствующие об упадке, запустении этих поселений в середине I тысячелетия н. э., «варваризации» керамики, что позволяет говорить о конкретных проявлениях кризиса рабовладения.

К этому времени рабство изжило себя, складывались новые формы общественных отношений, свойственные раннефеодальному обществу. Город уступил ведущую роль деревне. Внутренние социальные противоречия привели к падению в начале V в. местной ферганской династии. Социально-экономический кризис в Фергане, как и в соседних владениях Средней Азии, совпал с вторжением сюда кочевых народов — хионитов и эфталитов, что привело к нарушению и политической стабильности. Вместо прежних крупных государств на исторической карте Средней Азии появилось множество малых владений.

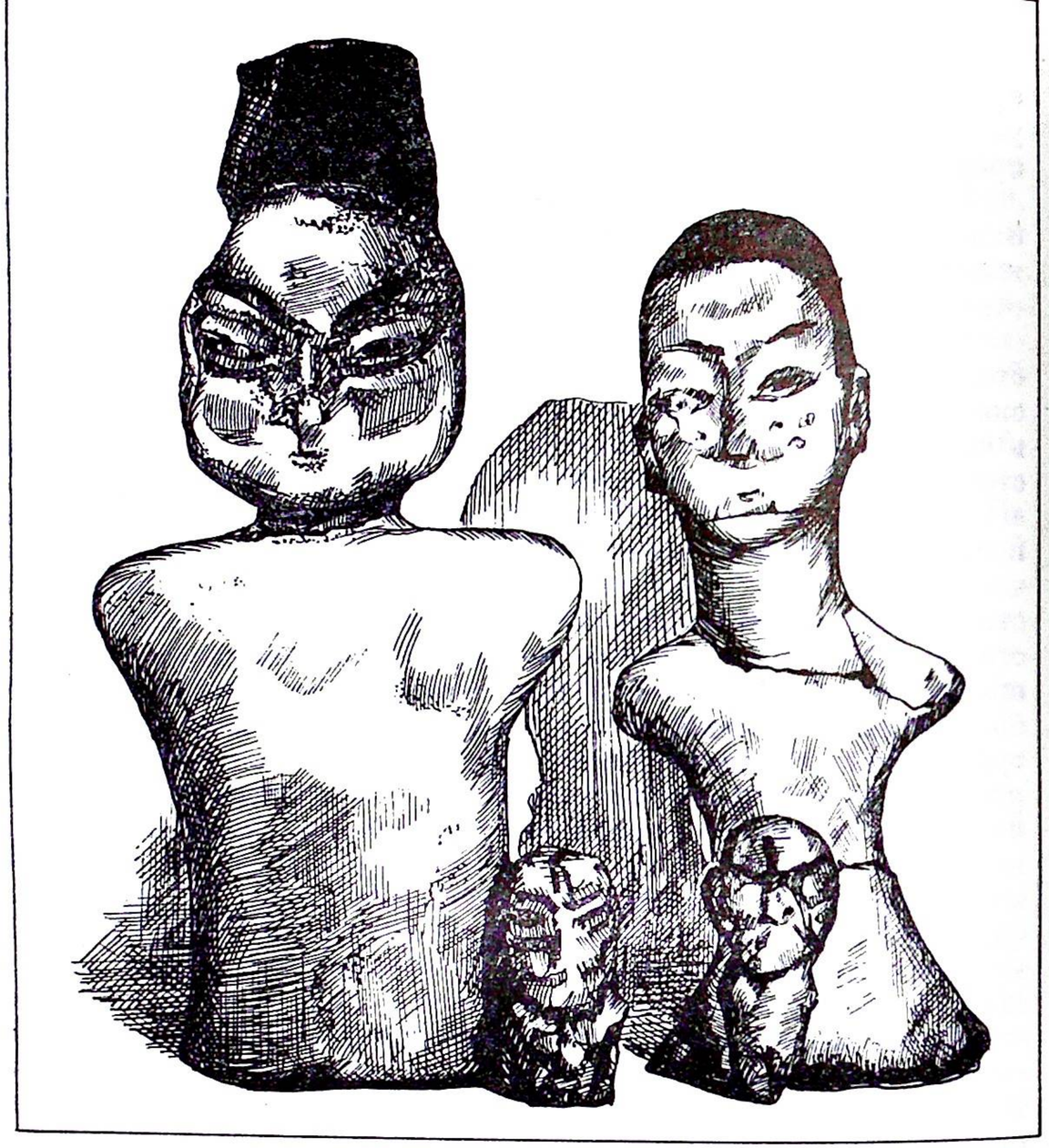
К середине I тысячелетия н. э. жизнь на столичном Мархаматском городище замирает, и столица (Эрши) переносится в Касан, на север Ферганы. Возможно, это связано с выходом на политическую арену Средней Азии в V в. н. э. новой державы — эфталитов. Перемены не могли не сказаться на материальной культуре промежуточного периода в истории Ферганы, хотя запустение и упадок не были повсеместными и жизнь на многих поселениях продолжалась.

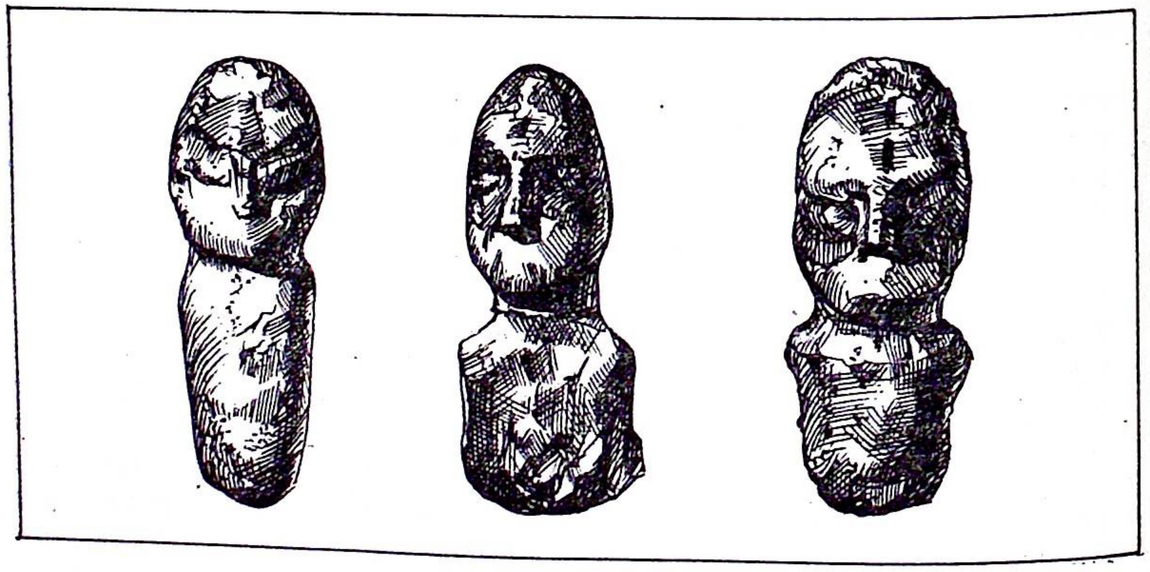
Наиболее полно изучено сельское поселение Кайрагач (Юго-Западная Киргизия), расположенное в долине р. Ходжа-Бакырган[68]. В истории его отмечается несколько этапов перестройки.

Середину поселения занимал дворик. С северной и южной сторон располагались комнаты. На южном участке вскрыто несколько хозяйственных помещений, а также кладовая (хумхона), в которой найдено 16 раздавленных хумов. На противоположной стороне находилось домашнее святилище. Стены его оштукатурены и украшены росписью. Узор в виде бордюра, полуовалов, заполненных растительными побегами. Перекрытие опиралось на четыре колонны. Подобное планировочное решение засвидетельствовано при раскопках раннего Мирзалим-тепе. В западной части расчищено глинобитное прямоугольное возвышение, раскрашенное красной краской. Второе аналогичное возвышение также было украшено. Вдоль южного края, очевидно, располагались антропоморфные скульптуры, выполненные из алебастра. Вместо рук — конусовидные выступы. Довольно реалистично изображены голова и лицо с миндалевидными глазами, длинным с горбинкой носом. Рельефные линии подчеркнуты краской. На лбу оранжевой краской нарисованы дугообразные знаки. На некоторых фигурках обозначен головной убор. В помещении найдены также курильницы и приношения — бусы, поделки из бронзы и монета III—IV вв. с изображением правителя и тамги на обратной стороне. В одной из комнат, в нише, найдено семь небольших скульптурных фигурок, изготовленных из глины, алебастра и камня. В другой комнате перед нишей на полу стояла курильница. Вместе эти три комнаты образуют домашнее святилище, связанное, видимо, с культом предков.

При раскопках, кроме скульптурных фигур, найдено большое количество керамики и другие находки. Кайрагачское поселение — уникальный памятник, проливающий свет на малоизвестные стороны идеологии земледельческого населения древней Ферганы.

Материалы середины I тысячелетия н. э. выявлены также в верхнем слое Гайрат-тепе, в восточной части Ферганы. Качество красноангобированной посуды в этот период ухудшается и вообще в целом отмечается «процесс деградации». Появляются украшения полосой краски, такие, как в Пенджикенте. Увеличивается количество лепной посуды. На сосудах появляется орнамент в виде волнистого валика с нарезками, характерный для керамики тюркского периода городища Касан. Сопоставления с Пенджикентом и Касаном послужили основанием датировать этот поздний комплекс Гайрат-тепе V—VI вв. н. э. По материалам, здесь впер-





Глиняные фигурки. Кайрагач.

вые обнаруженным, этот период в истории культуры древней Ферганы назван гайраттепинским.

4. Борьба народов Средней Азии с ханьской агрессией

В конце II— начале I в. до н. э. на территорию древней Ферганы (Давань) вторглись ханьские войска. То было время резких перемен для всей Средней Азии. Незадолго — в 140 г. до н. э. — под натиском вторгшихся из Центральной Азии кочевых племен юечжей рухнуло некогда могущественное Греко-Бактрийское царство. В его разгроме активное участие приняли и многие сакские племена. Возник ряд самостоятельных владений, сильнейшим из которых оказался юечжийский союз. Политическая история усуньских племен и ферганского государства Давань развивалась в сложной ситуации. Основным фактором, создающим напряжение в международной обстановке, были экспансионистские устремления ханьского Китая, стремившегося установить господство над международными торговыми путями и, максимально расширив сферу своего влияния, ослабить соседние государства.

Ханьская империя представляла собой сильное централизованное государство. Во время продолжительного царствования императора У-ди (140—87 гг. до н. э.) империя вела непрерывные захватнические войны с народами древней Кореи и с кочевой державой хунну, оттесняя ее все дальше на север. Еще одно направление экспансии Ханьской империи было обращено против оседлых городов-оазисов Восточного Туркестана. Таким образом, военные походы были направлены в разные стороны. Ханьское государство пыталось ослабить и Даваньское царство. Принято считать, что в ханьском Китае узнали о существовании владений Западного края только после поездки Чжан Цяня во II в. до н. э. Однако имеются данные о том, что культурные связи между Средней Азией и Китаем установились еще раньше. Некоторые историки полагают, что инициаторами их выступали те согдийцы, которые были вынуждены бежать из родных мест, ставших объектом нападения войск Александра Македонского, и которые положили начало согдийским колониям в оазисах Восточного Туркестана. Лишь в конце II в. до н. э. китайцы устанавливают прямые политические связи с народами и государствами Средней Азии. В начале своего царствования (138 г.) император У-ди направил Чжан Цяня послом к юечжам, кровным врагам хунну. Это был излюбленный прием ханьской дипломатии — противопоставлять одних кочевников другим. Он был послан для заключения с ними союза, направленного против хунну. Чжан Цянь был захвачен хуннами в плен и провел там 10 лет. С большим трудом ему удалось бежать. Первым владением, до которого добрался китайский посол, оказалось Даваньское царство. Владетель его давно был наслышан о богатствах дома Хань и желал «открыть сообщение с ним», но не мог[69]. Поэтому Чжан Цяню был оказан радуш-

ный прием. Его проводили в Кангюй и оттуда он прибыл к юечжам, которые за это время продвинулись далеко на юг Средней Азии. Юечжи, находясь далеко от хунну и дома Хань, не захотели вмешиваться и планы посольства были сорваны.

На обратном пути Чжан Цянь вновь попал в руки хунну и только через 13 лет ему удалось вернуться на родину и доставить важные сведения о странах Западного края. Через 10 лет он вторично был послан на запад. На этот раз в 115 г. Чжан Цянь был направлен послом к усуням с задачей склонить их к союзу против хунну. Установление союза, скрепленного брачным родством, как полагали ханьские дипломаты, могло способствовать покорению и других владений Западного края. Так, задолго до начала фергано-ханьской войны были предприняты первые дипломатические попытки создания союза, имеющего цель расширить политическое влияние Ханьского государства.

Сношения с Западным краем вскоре приобрели регулярный характер и туда ежегодно направляли десятки посольств. Жители городов Таримского бассейна нередко отказывали многолюдным посольствам в снабжении провизией и фуражом и часто дело доходило до вооруженных схваток и грабежей. Для закрепления в Западном крае и защиты торговых путей, которыми следовали посольства, ханьская администрация создала целую систему укреплений и военных поселений. Были предприняты также активные военные действия с целью упрочения контроля над торговыми путями. Так, в 109 г. император У-ди направил на запад полководца Чжао Пуну. В 108 г. с небольшим отрядом в 700 всадников он покорил владение у оз. Лобнор в Восточном Туркестане и взял его правителя в плен. Затем он разбил еще одно владение «и слухом побед своих навел страх на Усунь и Давань». Одним из последствий этого похода явилось сватовство усуньского правителя, который в 105 г. направил ханьскому двору дары и получил в жены ханьскую княжну. Устанавливались политические связи между усунями и Ханьским государством.

Одновременно император У-ди послал в Давань посольство во главе с Че Лином для приобретения знаменитых даваньских лошадей. Даваньские старейшины рассудили, что дом Хань далеко, а даваньским лошадям нет цены. К тому же даваньский двор имел много китайских вещей. Поэтому они отказались дать лошадей. В летописи повествуется следующее: «Посланник в досаде вышел в разговорах из благопристойности, толкнул золотого коня и ушел. Даваньские старейшины оскорбились пренебрежением, которое китайский посланник изъявил им, почему отпустили его в обратный путь, а между тем предписали задержать его на восточной границе в городе Ю, предать смерти и овладеть его вещами...»[70]. В более краткой редакции это изложено в другой летописи, где вместо старейшин выступает сам правитель Давани. Основанием для решения послужила не только грубость посла, но и непочтительное отношение его к «золотому коню». Фигурка коня являлась священным символом и поэтому такой поступок посла карался смертью.

Убийство посла послужило достаточным поводом императору У-ди объявить поход на Фергану. Один из оставшихся в живых членов посольства убедил императора, что в Давани войско слабое и достаточно будет 3000 китайских воинов с самострелами для покорения страны. Однако, как потом выяснилось, война с Фраганой оказалась нелегкой и затянулась на четыре года.

Первый поход состоялся в 104—102 гг. до н. э. Во главе войска осенью 104 г. был поставлен полководец Ли Гуанли, который, будучи братом фаворитки императора, пользовался особым доверием У-ди. Ему было приказано дойти до столицы Давани — Эрши, поэтому еще до похода он получил почетное наименование — Эршиский (Ли Гуанли Эршиский). Отряд состоял из 6000 конницы и еще «нескольких десятков тысяч вспомогательных войск». Таким образом, силы были довольно значительны.

Выступление в поход летом 103 г. ознаменовалось дурным предзнаменованием — нашествием саранчи. Войскам Ли Гуанли оказали яростное сопротивление города Восточного Туркестана, отказавшиеся поставлять провиант и фураж. Жители укрылись за стенами городов и необходимо было штурмовать каждый город, чтобы снабжать армию. Когда подошли к городу Ю на востоке Давани, то осталось всего несколько тысяч воинов. Город Ю взяли штурмом. На дальнейшее продвижение к столице Давани сил было недостаточно и ханьской армии пришлось вернуться на исходную базу в Дуньхуан. На все это ушло два года. Потери были огромны: вернулось только два из каждых десяти солдат.

В донесении императору сообщили, что с малочисленным войском победить Давань невозможно и в столь далеком походе армия испытывала нужду в припасах. Император У-ди вопреки советам, решил покорить Давань, чтобы поддержать престиж своего государства.

К новому походу Ли Гуанли готовился тщательно. Собрано было 60-тысячное войско, не считая службы тыла и обоза. Для пропитания и перевозки грузов было выделено 100000 быков, до 30000 лошадей и до 10000 ослов, лошаков и верблюдов. «Взято множество съестных припасов, а еще более оружия и самострелов. Вся империя приведена была в движение. Более 50 предводителей отправлено на Давань»[71].

Итак, для второго похода в 101 г. на Давань были сконцентрированы значительные силы. По ханьским сведениям войска Давани составляли 60000 человек. Следовательно, по количеству воинов армии противников были равны. В более поздней истории сказано, что около 100000 воинов выступило в Давань и можно говорить о вероятном численном перевесе ханьских войск. Возможно, в этом сказалось также свойственное ханьской политике стремление пре-

увеличить свои силы, чтобы психологически воздействовать на своих противников. К тому же, по вооружению ханьские войска превосходили ферганцев. У них было качественно более совершенное оружие и прежде всего самострелы. Это вид усовершенствованного лука, прикрепленного к прикладу со спусковым механизмом и приспособлением для упора ногой при натягивании тетивы. Дальность полета стрелы, выпущенной самострелом, превышала 600 шагов. Пробивная сила их была очень велика. Совершенным орудием была также алебарда, в которой соединялось копье и боевой топор; ею можно было поражать врага на расстоянии. Ханьская армия была регулярной, хорошо обученной. Она обладала большим военным опытом, особенно в тактике боевых операций и в осаде городов. Таким образом, имеются достаточные основания для утверждения о военном превосходстве Ханьского государства. Однако в походе на Фергану ханьцы так и не смогли добиться решающего успеха.

Для того, чтобы обезопасить прохождение войск Ли Гуанли, было выделено 180000 человек «для охранения границы». Были организованы специальные отряды для заготовки сушеного провианта (сваренного и высушенного риса). Выделены были два коноводa из высших офицеров для отбора даваньских лошадей и, наконец, в армии имелись специалисты для отвода воды от города, поскольку было известно, что в Эрши воду получали из реки, протекавшей за городом. Казалось, было предусмотрено все. Мало того, ханьский император направил специального посла к усуням с требованием выделить войска для совместного выступления против Давани. Усуньский правитель отнесся к этому формально: отправил 2000 конников. К тому же присланный отряд медлил, внимательно следя за обстоятельствами. Количество выделенных воинов было крайне незначительно, учитывая общее число войск усуней. Даже личная дружина усуньского гуньмо была в пять раз больше. Такое поведение усуней можно расценивать как проявление дружественного нейтралитета, ибо отряд так и не принял участия в военных действиях.

Правители Давани вступили в союз с соседним владением Кангюй. По ханьским сведениям в Кангюе было от 90000 до 120000 войска. Кангюйские отряды прибыли в Давань, но, очевидно, не приняли активного участия в боях. Таким образом, Ханьской державе противостоял даваньско-кангюйский союз.

Военные действия развивались следующим образом. Когда половина ханьской армии подошла к городу Ю, даваньцы вступили в открытое сражение, но потерпели поражение и укрылись за городскими воротами. Ли Гуанли, не задерживаясь у города Ю, двинул войска к столице Давани. Там осаждающие прежде всего отвели воду реки от города, чтобы продвинуться к стенам. Это создало большие трудности для осажденных. Затем, в ходе сорокадневной осады была разрушена внешняя оборонительная стена

и захвачены в плен старейшины. Защитники вместе с царем укрылись во внутреннем городе, и борьба продолжалась, к тому же продовольственных запасов у них было много и среди осажденных имелись мастера рыть колодцы.

Итак, защитники города во главе с царем готовы были продолжать борьбу. Наоборот, старейшины, попавшие в плен, выступили с мирной инициативой. Они отправили посла к Ли Гуанли с предложением, чтобы тот прекратил войну, а они дадут им лучших лошадей и снабдят их войско припасами. Если эти условия не будут приняты, то даваньцы убьют всех лошадей, к тому времени подоспеет помощь из Кангюя и ханьская армия окажется в окружении. В ходе последовавшей политической борьбы даваньский царь Мугуа был убит и его голову вручили Ли Гуанли, по-видимому, еще в начале переговоров.

Военный совет ханьской армии, трезво оценив положение дел, согласился на условия даваньских старейшин и снял осаду города. Они получили возможность выбрать несколько десятков знаменитых коней и 3000 жеребцов и кобылиц среднего и низкого сорта. Им удалось поставить даваньским государем старого вельможу Моцая, хорошо обращавшегося с посланниками Ханьского государства. С этим своим ставленником они заключили договор, что сопровождалось жертвоприношениями, и война была завершена. Так и не вступив в столицу Давани, войска направились в обратный путь. Это движение проходило по двум дорогам.

Небольшой отряд в тысячу человек подошел к городу Ю и потребовал снабдить его припасами. Ханьский отряд не принял мер предосторожности, не выставил караулы. Этим воспользовались жители города, в сумерках они напали на лагерь и истребили почти весь отряд во главе с военачальником. Спаслось только несколько человек.

Ли Гуанли пришлось снарядить новый отряд, который взял город Ю штурмом. Владетель города бежал в Кангюй. Ханьский отряд стал преследовать его и кангюйцы были вынуждены выдать правителя города Ю, который был обезглавлен. После похода в Давань в Китай вернулось не более 10000 — одна шестая былой армии и около 1000 из 3000 взятых лошадей.

После ухода ханьских войск даваньские старейшины, считая, что ставленник Моцай «искусной лестью перед китайскими посланниками был причиною поражения их», приговорили его к смерти. На престол возвели младшего брата царя Мугуа, а сына его отправили заложником к ханьскому двору. Даваньский владетель должен был согласно договору ежегодно поставлять дому Хань по паре лошадей «небесной» породы. В ответ из Китая также было отправлено посольство с дарами. Таким образом, реальные политические успехи в Фергане, несмотря на победу и формальное упрочение политического влияния в Давани, оказались весьма скромными. Давань же вскоре полностью восстановила свое

прежнее могущество и сохранила преемственность власти своей династии.

Причиной войны с Даванью, как писали китайские хронисты, явилось стремление заполучить прекрасных лошадей — потомков «небесных коней». Они понадобились для подкрепления ханьской конницы. Кроме того, император У-ди, находясь под влиянием магов, был убежден, что с помощью «небесных коней» Давани он сможет подняться на священную гору и обрести бессмертие. Поэтому, не считаясь ни с какими потерями, он организовал военные походы. На самом же деле побудительными мотивами войны было стремление Ханьской империи обеспечить контроль за шелковым путем, желание ослабить довольно сильного конкурента. По этому пути шли торговые караваны, посольства, путешественники и просто паломники. В 97 г. н. э. этим путем прошел известный китайский путешественник Гань Ин, который достиг, как полагают, Средиземного моря на западе. Почти в то же время — около 100 г. н. э. — с запада на восток совершил свой путь караван эллинских купцов, от которых сведения о дороге в страну серов через посредство Маэса Тициана попали в труды античных авторов и нашли отражение в географии Птолемея. Фергана на этом пути занимала важное положение. Вот почему Ханьская империя стремилась распространить на нее свое влияние. Однако население Ферганы в союзе с другими среднеазиатскими народами успешно отразило этот натиск и в тяжелых битвах отстояло свою независимость.

Позднее, I в. н. э., в Восточном Туркестане ханьские войска столкнулись с войском Кушанской державы. Основной источник, повествующий об этих событиях, те же китайские летописи, основывавшиеся на победных реляциях, присылаемых императорскому двору полководцами и, естественно, события, описывались в благоприятном для Китая виде. Однако, судя по конечным результатам, кушаны отстояли свои позиции и на этот раз китайским войскам не удалось даже проникнуть на территорию Средней Азии. Так дважды, сначала даваньским сопротивлением, а затем кушанским, был положен конец военно-политическим амбициям ханьского Китая.

5. Культура

Трансформация культуры, определенная качественно новым состоянием общества, в среде ранних кочевников и в оседлых оазисах Ферганской долины происходила по-разному. Она дифференцируется, в ней все отчетливее проявлялось обособление элитарной субкультуры. Различия в образе жизни разных социальных групп, и прежде всего элитарное положение, подкреплялись определенным набором вещей. На удовлетворение потребностей кочевой и оседлой аристократии были направлены специализированные производства. Происходит качественный скачок в военном искусстве: оно превращается в профессиональное занятие. Об этом говорят наборы стандартного вооружения — от боевого оружия до конской упряжи.

Изменения, происходящие в обществе, усложнение его структуры, система управления повлекли за собой изменения и в идеологической сфере, где разрозненные культы и верования постепенно сменяются целой системой религиозных представлений с упорядоченными культами и ритуалами, с профессиональным жречеством. Имеющиеся материалы еще не позволяют осветить эти процессы с достаточной полнотой, однако общие тенденции и закономерности представить можно. Все эти процессы происходили в среде племен и народов, имевших устойчивые культурные традиции, тесно связанные со способом хозяйственной деятельности и потребностями быта. Так, переход от комплексного земледельческо-пастушеского хозяйства к кочевому скотоводству вызвал резкие перемены не только в формах хозяйства, но и в условиях жизни, быте и культуре населения. Это сказалось прежде всего на жилище. Наиболее приспособленной к кочевому образу жизни оказалась юрта. На зимовках кочевники строили дома.

Важную роль в жизни кочевника играл конь — основное и наиболее надежное средство передвижения. На коне совершали переходы, пасли скот, на коне воевали. Конь сопровождал кочевника с раннего детства до последних дней жизни.

Разведение коров и овец обеспечивало кочевников кожей и шерстью. На протяжении тысячелетий разнообразные молочные и мясные продукты составляли основу их пищи. Об этом говорится в песне чужеземной жены усуньского царя, вынужденной вести привычный для кочевников образ жизни. Причем в уточненном варианте перевода сказано о квашеном молоке *(айран)*.

Одежда саков и усуней была также приспособлена к кочевой жизни. Мужчины носили узкие штаны, короткую куртку и подпоясывались широким поясом. Обувью служили из мягкой кожи сапоги. Одежду шили из тонких шерстяных тканей, а также из тонкого войлока, из выделанной кожи и реже из растительного волокна. Зимой носили меховые шубы. Одежда знати резко отличалась от одежды рядовых кочевников. Она изготавливалась преимущественно из привозных шелковых тканей, поступавших в виде дара или трофея. Ее можно легко представить по захоронению в кургане Иссык. Покойный был одет в кожаный красноватого цвета короткий кафтан, подпоясан широким ремнем с массивными золотыми бляшками. Узкие штаны также украшены мелкими золотыми бляшками и заправлены в сапоги с высокими голенищами. Эффектное впечатление производит высокая конической формы шапка, украшенная золотыми пластинами и фигурными бляхами с изображениями коней, барса, горных козлов, птиц

и деревьев. Украшения располагаются зонально и вся композиция в целом глубоко символична: она представляла собой солнечное и другие божества сакского пантеона. Да и сам иссыкский вождь в таком ритуальном наряде являлся олицетворением божества. Не менее пышными были одежды знатных людей усуньского времени, о чем говорят материалы из курганов Тенлик и Талгар. Среди находок имеются привозные шелковые ткани. Одежда из шелка наиболее характерна для позднейших — кенкольских и карабулакских племен. Так, в Кенкольском могильнике найдено хорошо сохранившееся женское платье из шелка, широкое, на высокой кокетке с множеством складок, а также мужская одежда. Богатством отличалось одеяние знатной женщины, погребенной в Шамши.

Кочевой образ жизни, военные походы вызвали совершенствование военной организации общества. Возросла роль военных предводителей. Каждый свободный общинник был в то же время и воином. Поэтому столь большое значение саки, усуни и другие кочевые народы придавали качеству конского снаряжения и боевого оружия. Наряду с предметами звериного стиля они составляют знаменитую скифскую триаду, в которой наиболее отчетливо проявились специфические особенности культуры ранних кочевников.

Сообщение Геродота об оружии саков, изображения саков с оружием в памятниках искусства и находки оружия в могилах знакомят нас со стандартным набором их оружия. Он включал длинный или короткий меч *(акинак)*, лук и боевой топорик типа секиры *(чекан)*. Все это было приспособлено к сражению на конях с луками и стрелами. Для пешего рукопашного боя применяли мечи и кинжалы, изредка — копья. Для защиты употребляли щиты, изготовленные из палочек, обтянутых кожей. На археологических материалах хорошо прослеживаются прогрессивные изменения в типах оружия на протяжении веков, и в частности, переход от бронзы к железу. Каждый этап порождал новые виды оружия, более прогрессивные и совершенные. Так, во время Александра Македонского саки уже использовали металлические панцири. Позднее стали уделять значительно большее внимание защитным доспехам, в результате появились кольчужные рубахи и панцири, последние защищали не только всадника, но и боевого коня.

Утварь и посуда также были приспособлены к подвижному образу жизни. В быту было много изделий из кожи, войлока и шерсти — различные сумки, бурдюки и другие предметы домашнего обихода. Посуда была деревянной и металлической. В отличие от скифов, саки Семиречья широко пользовались глиняной посудой круглодонных форм, лучше приспособленной к условиям полукочевой жизни.

Набор посуды, формы и характер отделки менялись со временем. Кочевое население обменивало или захватывало при набегах

на соседние земледельческие оазисы Восточного Туркестана, Ферганы и Ташкента ремесленные изделия, в том числе гончарные, отличавшиеся лучшим качеством. Об этом свидетельствуют расписные и станковые эйлатанского периода сосуды из Ферганы, обнаруженные в сакских могилах Кетмень-Тюбе и Алая. Для более позднего времени характерны импортные стеклянные чаши и бокалы, являвшиеся символом богатства и престижности. Совершенствовали ремесленное производство и местные мастера. Так, уже в сакское время они отливали котлы из меди и бронзы, а позднее — из железа (Айгырджал, Чельпек).

В верованиях саков, относящихся к кругу ираноязычных кочевых народов древности, было много общего с соседними кочевыми и оседлыми ираноязычными племенами, а также со скифами, савроматами. Многое в этих представлениях восходило еще к индоевропейскому прошлому. Но в отличие от скифов, божества, которым поклонялись саки, предстают по известным материалам не в антропоморфном облике, а в тесной связи с различными образами. Это различие наглядно проступает при сравнении памятников искусства, которые являются важнейшим, а порой и единственным источником реконструкции религиозно-мифологических и идеологических представлений древних кочевников. Саки обожествляли основные силы и явления природы. Выделяется верховное божество пантеона — Солнце. О культе солнца сообщает Геродот, которому, по его словам, массагеты приносят в жертву лошадей. Многочисленные изображения коня, в том числе крылатых коней на золотых бляшках Иссыка, на каргалинской диадеме и на других изделиях, указывают на семантическую и иконографическую связь солнца и коня. Конь выступает как главный зооморфный культовый символ божества у саков Семиречья и Тянь-Шаня. Как проявление культа солнца можно рассматривать каменные кольца — кромлехи, окружавшие основания древних курганов. Много солярных (солнечных) знаков встречается на различных металлических изделиях и орудиях саков. Многочисленны солярные знаки в наскальных рисунках сакского времени, в которых находим символические изображения — солнце-козел, солнце-олень, солнце-человек. Культ коня запечатлен в наскальных изображениях даваньских лошадей на юге Киргизии, которые служили объектом поклонения не только земледельческих общин, но, очевидно, и кочевых.

Культ солнца и коня неразрывно связан с почитанием огня. С этим культом были связаны сакские жертвенники. Возможно, огонь на этих алтарях и возжигался в первую очередь в честь верховного солнечного божества. Археологи обнаружили в Киргизии не только единичные жертвенники, но и целые жертвенно-поминальные комплексы, связанные с культовыми церемониями древних саков. Показателен в этом отношении кырчинский комплекс, открытый в 1937 г.[72] в долине Кырчин (к северу от селения

Семеновское), на северном берегу оз. Иссык-Куль, где были найдены два котла. Под одним котлом обнаружена курильница, а еще ниже — два жертвенных стола. Один из них, большой, в форме прямоугольного подноса с бортиком, на четырех ножках с двумя горизонтальными ручками. По углам расположены отверстия для крепления скульптурных фигурок лежащего длиннорогого быка (типа зебу). Одна из фигурок, отломанная в древности, дошла до нас. Второй стол меньшего размера лишь незначительно отличается деталями оформления. Светильник-курильница сделан в виде четырехугольного подноса на ажурной конической подставке. На поверхности подноса укреплены три трубки со сквозными отверстиями. В одном углу у бортика сохранились две одинаковые скульптурные группы, изображающие нападение хищника на копытное животное. Второй светильник другого жертвенника, изготовленный в форме круглой чаши, также на ажурной конической подставке. К бортику чаши прикреплены 11 скульптурных фигурок идущих барсов. Все эти предметы использовались в религиозных церемониях, связанных с культом огня и солнца. В какой-то мере они проливают свет на некоторые особенности религиозных представлений древних кочевников.

Специальных храмов у кочевников не было, но, как и у скифов, у них существовали священные места, где совершались культовые обряды и хранились культовые предметы, в том числе бронзовые котлы особо больших размеров. Остатки подобного святилища на открытом воздухе были недавно обнаружены у с. Чельпек, на юго-восточном берегу оз. Иссык-Куль. Здесь был найден уникальный образец сакского жертвенника. Это стол прямоугольной формы с бортиком и двумя ручками. Его ножки сделаны в виде фигуры женщины, с широкими, слегка раскосыми глазами, большим широким носом. Голова увенчана диадемой, а обнаженные руки с широкими браслетами на запястьях подняты вверх. Одежда состоит из кофты с короткими рукавами, украшенной вертикальной широкой полосой с елочным узором, и юбки со складками, расширяющимися книзу. Возможно, эти скульптуры изображают жриц во время совершения магических церемоний. Рядом с жертвенником находились обломки трех бронзовых котлов с ручками. На одном из них сохранилась фигурка животного (видимо, зебувидного быка?). Были найдены также обломки железного котла. Все находки залегали на глубине 1,5 *м*. При раскопках обнаружены остатки долговременного костра и обломки массивной жаровни. В культурном слое оказалось много битой лепной посуды, в том числе окрашенной вертикальными полосками красной краски, найдены и кости барана[73]. На этом участке удалось впервые выявить остатки длительно существовавшего святилища огня. Примечательно, что оно находилось неподалеку от известного Чельпекского могильника. В качестве переносных иногда использовали алтари, изготовленные из камня. Таков каменный алтарь в виде небольшого овального столика на четырех массивных ножках, украшенного рельефными узорами. Подобные переносные алтари или жертвенники характерны для савроматских памятников Западного и Центрального Казахстана, встречены они и на могильнике Уйгарак в Приаралье, как правило, в женских погребениях. Еще более простым по форме является упомянутый выше каменный жертвенник в виде слегка обработанного валуна, найденный в одном из сакских курганов Кетмень-Тюбе. Огонь поддерживали в специальных светильниках, украшенных фигурками хищников и фантастических зверей, которые, якобы, должны были охранять его.

Культовые представления усуньского времени ярко отражены в символической композиции каргалинской диадемы, где изображены персонажи, оседлавшие один — крылатого тигра, другой — дракона, и окруженные воспроизведениями различных зверей и птиц. В другой группе воспроизведен человек на архаре и крылатый конь. Для более позднего времени (у племен карабулакской культуры) характерно появление антропоморфных — мужского и женского изображений, символизирующих солнечное и лунное божество. Следовательно, наблюдаются постепенные изменения в культовой иконографии древних кочевников.

Сохранялся зародившийся в первобытную эпоху культ предков. В погребальных обычаях, несмотря на разнообразие форм погребальных сооружений и отличия в деталях, проступает вера в существование потустороннего мира, где мертвые продолжают жить по обычаям своего рода и племени. Именно поэтому покойника одевали в лучшие одежды, рядом с ним в могилу укладывали боевое оружие, обильную ритуальную молочную и мясную пищу. Захоронения часто сопровождались жертвоприношениями и пиршеством. Похоронная тризна сменялась поминальной. В честь предков в древности совершались ритуальные жертвоприношения.

В условиях развития государственности особое идеологическое значение приобретает культ предков вождя — царя саков. Тела особо знатных саков бальзамировали и мумифицировали. Этот обычай, засвидетельствованный в Пазырыкских памятниках, бытовал в кочевой среде тысячелетия. Огромный погребальный курган, пышная многолюдная тризна подчеркивали процесс сакрализации власти вождя, противопоставление его рядовым подданным на всех этапах его жизненного пути. В более позднее время мумифицировали и умерших, не относящихся к правящей верхушке общества. Таково погребение в Кенколе и известное захоронение женщины в Кара-Булаке. Примечательную особенность погребального ритуала усуньского периода составляют наложение на лицо покойного, видимо, как отличие особого социального ранга, золотой погребальной маски. Они обнаружены в девяти могилах в долинах Чу, Кетмень-Тюбе и Алая. Символическое значение имело украшение маски изображением «древа жизни» — символа

бессмертия. В катакомбных могилах маски иногда заменялись отдельными пластинами из золота, которыми накрывали рот и глаза покойного. Для этой цели использовали также шелковую ткань с различными магическими изображениями, что подтверждают материалы раскопок Кара-Булакского могильника.

Кочевники верили в магическую силу амулетов, в качестве которых использовали клыки диких животных, когти орла. С их помощью они надеялись предохранить себя от болезней и бедствий. Амулетами служили также бронзовые бляшки в форме колчана с луком. Такая поделка обнаружена в сакском кургане Бос-Тектир в Кетмень-Тюбе. Несомненно, сильны были и тотемистические представления о связи родов и племен с определенным животным. Предпочтение отдавалось диким зверям, которые, по представлениям древних, обладали сверхъестественной силой, помогая сородичам в их повседневной жизни. Представляет интерес упомянутая в источниках легенда о чудесном спасении сына — наследника усуньского правителя, которого выкормила волчица.

Судя по имеющимся материалам, у древних кочевников существовали разнообразные верования и суеверия. Трудно судить, как далеко зашел процесс сложения единой упорядоченной системы религиозных верований во главе с верховным солнечным божеством. В их идеологии господствовали шаманистские представления об устройстве мира.

Наиболее значительным достижением сакских племен Семиречья и Тянь-Шаня явилось изготовление предметов прикладного искусства, выполненных в сакском зверином стиле. Мастера создавали свои произведения из самых разнообразных материалов — кости, рога, бронзы, серебра и золота. Они изображали хорошо знакомых животных — коня, козла, джейрана, кабана, сокола, тигра и других. Но имеются изображения и таких экзотических животных, как лев, а также мифологических — гиппокамп (морской конь), грифон и других. Из сакского могильника Кайрак в Кетмень-Тюбе происходит золотая фигурка петушка на подставке. Образцом ювелирного искусства является золотая серьга из могильника Сары-Джон. Она состоит из кольцевидной дужки, соединенной с пластинкой, с напаянными на нее фигурками двух соколов. Поверхность фигурок украшена вставками из голубого стекла. К ножкам птиц прикреплена подвеска-бубенчик, украшенная треугольниками и ромбами из зерни.

Привлекают внимание золотые бляшки, найденные в могильнике Джалпак-Таш в той же долине. Одна из них округлой формы со штампованным изображением птицы. На другой изображена фигура женщины в профиль с кубком (факелом?) в руках. Обозначены головной убор, закрывающий уши, ниспадающая прядь волос. Внизу проходит рельефная полоса с имитацией зерни.

Излюбленное мастерами Семиречья изображение тигра воспроизведено на золотой бляшке из сакского могильника Акчий-

Карасу (Кетмень-Тюбе). Рельефное изображение выполнено в типично скифском зверином стиле — уши в форме завитков, ребра обозначены углублениями, на лопатке — характерный завиток. Изображения тигра обнаружены также на двух бронзовых бляхах. Основу их составляет кольцо с двумя большими петлями. В него вписана голова тигра с оскаленной пастью. Они найдены в кургане Бос-Тектира (Кетмень-Тюбе).

Большое количество штампованных бронзовых изделий сакского периода происходит из разрушенного кургана у с. Барскоон на южном берегу оз Иссык-Куль[74]. Здесь найдены прямоугольные бляшки с изображением головы тигра, окаймленные вертикальными планками, с отверстиями для нашивки. На других бляшках изображены голова волка и кабана (анфас). Все эти изделия предназначались для украшения одежды, о чем свидетельствуют аналогичные находки в царском кургане Иссык. Однако, в данном случае все они изготовлены из бронзы, что указывает на принадлежность погребенного к иному социальному статусу.

На смену скифо-сакскому звериному стилю, характерному для ранних кочевников, в гунно-сарматскую эпоху в основные районы евразийских степей приходит новое искусство — геометрический полихромный стиль. Наивысшего расцвета он достигает в эпоху Великого переселения народов в первые века н. э. Для ювелирных изделий, выполненных в этом стиле, характерно широкое использование вставок из драгоценных камней, в том числе граната и цветного стекла в сочетании с золотом. Часто использовали вставки разного цвета, зернь, в орнаменте преобладали геометрические узоры, откуда и идет название стиля.

Великолепные находки ювелирных изделий в курганах Кетмень-Тюбе, Таласа, Алая и прежде всего изумительный по богатству и красоте набор украшений из погребения Шамши наглядно свидетельствуют о высоком уровне развития ювелирного и прикладного искусства древних кочевников Тянь-Шаня. При изготовлении этих изделий мастера применяли разнообразные технические приемы — инкрустацию, украшение зернью и филигрань. По качеству ювелирные изделия мастеров Тянь-Шаня не уступали лучшим образцам ювелирного ремесла оседлых поселений Средней Азии и Северного Причерноморья. Импортные предметы, найденные в Шамши, указывают на тесные торговые и культурные связи с отдаленными странами — Ираном, Индией, Восточным Туркестаном и Китаем. Они способствовали обмену художественными ценностями, взаимообогащали культуру древних народов.

Значительно расширяют наши представления об искусстве кочевников древние наскальные рисунки и различные сцены, обнаруженные в большом количестве в долинах Таласа, Иссык-Куля, Кетмень-Тюбе. Среди них особо выделяется галерея Саймалы-Таша — святилища, посещаемого на протяжении многих столетий, причем истоки этой традиции восходят к бронзовому веку[75].

Культура раннекочевнических обществ Киргизии отражает и огромный диапазон культурных связей этой эпохи. Прежде всего она явилась локальным проявлением тех общих закономерностей, которые охватили в это время всю евразийскую степь. Искусство древних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня можно рассматривать как местную школу более широкого плана — искусства т. н. скифо-сибирского (а точнее сказать, скифо-сакского) звериного стиля. Раннекочевническая культура была обогащена и связями с традициями древнего Востока и эллинистического мира. Достаточно вспомнить крылатых грифонов или морского коня — гиппокампа. В свою очередь кочевые племена, проникавшие в оседлые оазисы, а нередко и политически их подчинявшие, приносили с собой художественные каноны кочевого мира, оказывавшие заметное воздействие на местную культуру. Об этом можно судить по мотивам скифо-сакского стиля на некоторых произведениях Амударьинского клада из Бактрии. Особенно ярко связь с искусством ранних кочевников прослеживается на целом ряде изделий из богатых погребений бактрийской знати, открытых советско-афганской экспедицией на Тилля-тепе. Своеобразие стилизации изображения различных животных, стремление к реалистичности передачи их мощи, напряженного динамизма — все это отличает творения безвестных мастеров раннекочевнических племен. Ярким тому свидетельством служат бронзовые и золотые изделия, обнаруженные на территории Киргизии.

Иные пути развития закономерностей, присущих культуре раннеклассовых обществ, мы наблюдаем в зоне оседлых оазисов Ферганы, где главную роль играло сельское хозяйство. Древние земледельцы вырабатывали более совершенные приемы возделывания таких культур, как рис и хлопок, пшеница и люцерна, сортов столового и винного винограда, и также плодовых культур. Происходило дальнейшее развитие и пашенного земледелия. Опыт и навыки, накопленные древними земледельцами, выработанные ими приемы агрокультуры стали органической частью культуры всех позднейших народов Ферганской долины.

Прежде всего осваивались долины небольших рек, благоприятные для земледелия. Широко была заселена земледельцами вся предгорная зона Южной Киргизии, начиная от Узгенского и Акманского оазисов на востоке и до Исфары на западе. Это засвидетельствовано распространенными здесь остатками древних оседлых поселений.

С оседлым образом жизни был связан весь культурный комплекс обитателей оазисов. Большая часть поселений в эйлатанский период была создана на новых местах и лишь немногие располагались на местах поселений более раннего — чустского периода. Формируются и поселения городского типа. Письменные источники указывают на существование городов в Давани. По уровню культуры и по количеству оседлых поселений юг Киргизии в древний период значительно превосходил север, где, по

данным источников, был только один крупный центр — Чигу (ставка усуньского правителя). Наряду с городами и стабильными сельскими поселениями на юге Киргизии выявлены открытые и неукрепленные сезонные поселения иного облика — селища, характерные для предгорных районов. Селища Отукчи в долине р. Сох, Баткенское в местности Субаши, южнее сел. Кара-Булак, содержали керамические материалы, сходные с находками в Боркорбазском и Кара-Булакском могильниках, где имелись захоронения в подбоях. Таким образом, устанавливается тесная связь их населения и той группы обитателей Ферганской долины, которая хоронила усопших в названных могильниках первых веков н. э. Эти поселения и селища следует считать памятниками полуоседлого скотоводческого населения, которое переходило к оседлости под влиянием земледельческой Ферганы.

Происходят заметные изменения и в архитектуре. Появляются города с прямоугольной планировкой, с многочисленными башнями и бойницами, с более совершенной системой обороны. Именно такие поселения были характерны для древнего периода Средней Азии. Подобная планировка была у столичного центра Мархамата (Эрши). К такому же типу относится Янги-Базарское городище (близ с. Иски-Наукат)[76] — четырехугольное в плане, с мощными стенами и многочисленными башнями, с предвратным укреплением и цитаделью. По форме и характеру укреплений оно сходно с памятниками равнинной Ферганы. Некогда они являлись центрами земледельческих оазисов и административных частей Даваньского царства. В них были сконцентрированы основные творческие силы — ремесленники и мастера.

Для Ферганы было типично расселение сельского населения в укрепленных домах-замках. Это обусловлено прежде всего социально-экономическими причинами, ведущими к большой самостоятельности большесемейных общин, а также постоянной военной угрозой. Резиденцией правителя оазиса служили монументальные здания типа замков, подобные тому, что открыто на цитадели Биловур-тепе.

Типы поселений древнего периода отражают сложную социально-экономическую структуру. Иерархия поселений от крупных городов до небольших усадеб указывает на сложную социальную стратификацию раннеклассового общества.

Характерные для древней Ферганы типы поселений, строительные и планировочные приемы, в особенности техника домостроительства, гончарства и ремесла, типы орудий, оружия, бытовой утвари и украшений — резко отличаются как от предшествующего периода эпохи бронзы (первобытнообщинного строя), так и от последующего — раннефеодального. Особенности культуры древней Ферганы отражают развитие общественных отношений, свойственных среднеазиатской рабовладельческой общественно-экономической формации.

Своеобразие древней Ферганы наиболее ярко проявляется в археологических материалах, в частности, в керамике. При переходе от бронзового века к железному происходит резкое изменение всего комплекса керамики, что наглядно видно при сопоставлении эйлатанской керамики с предшествующей — чустской. Исчезают одни виды глиняной посуды, на смену им приходят другие. Появляются совершенно новые разновидности сосуда, изготовленные на гончарном круге. Инновации не ограничиваются этим, они охватывают многие стороны хозяйства, быта и культуры наступившего железного века. На протяжении всего древнего периода здесь господствовал прием орнаментации посуды расписным узором. Веками вырабатываемый местными мастерами, он определял самобытность культуры Ферганы эйлатанского и шурабашатского периодов. С распространением керамики с красным ангобом, появившейся под влиянием эллинистической культуры, был изобретен и введен новый прием украшения процарапанным орнаментом. Сочетание этих двух традиций в керамическом производстве (лепной посуды с росписью и станковой красноангобированной с процарапанным узором) и характеризует своеобразие культуры Ферганы древнего периода.

Фергана сохранила свою политическую независимость и культурную самостоятельность, находясь рядом с Греко-Бактрией, Кушанским государством и ханьским Китаем. Однако, это не означало полной культурной изоляции. Археологическая наука располагает многочисленными данными об импортных предметах прикладного искусства, тканях, украшениях, свидетельствующих о тесных культурных связях с народами Индии, Афганистана, Восточного Туркестана и Китая. Особо важная роль в этом принадлежит Великому шелковому пути, проходившему через Фергану и связывавшему страны Востока и Запада. Причем влияния были взаимными. Так, население Давани предметы искусства и роскоши получало взамен знаменитых даваньских лошадей, семян люцерны и винограда. Из Индии в Фергану попал ряд предметов, в том числе слоновая кость — пластинка с рисунками (Ашт). Свидетельством связей с Ферганой, по мнению ряда исследователей, может служить распространение в Индии приема украшения красноангобированных сосудов геометрическим узором, выполненным способом процарапывания. Этот вид орнаментации, как уже было сказано, составляет специфическую особенность керамики Ферганы. Фергано-индийские связи являются примером двустороннего культурного обмена. Они оставили заметный след на культуре древней Ферганы.

В этническом отношении древние ферганцы были родственны другим народам Средней Азии. Об этом можно судить по сообщению, что «от Давани на западе до Аньси (Парфия) хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга. Жители... имеют впалые глаза и густые бороды»[77]. В этой характеристике подмечены признаки,

свойственные европеоидному ираноязычному населению Средней Азии. Антропологические материалы подтверждают эти сведения. Земледельческое население древней Ферганы относилось к группе оседлых ираноязычных народов Средней Азии и было родственно в то же время соседним кочевым племенам — сакам и их преемникам — усуням и юечжам. Общность происхождения и этническое родство проявлялись главным образом в духовной культуре.

Имеющиеся материалы позволяют осветить некоторые стороны идеологических и прежде всего религиозных представлений древнего населения Ферганы. В верованиях людей того времени большую роль играли поклонение и почитание основных сил природы. Особое значение имел культ коня, который был тесно связан с поклонением солнцу. Представляют интерес в этом плане наскальные изображения коней в Айырмач-тау, расположенном в пределах Ошского оазиса, о которых говорилось выше. Культово-магическое значение этого святилища было столь велико, что оно стало объектом поклонения не только кочевников, но и древних земледельцев. Здесь совершались жертвоприношения, возжигался священный огонь в честь божества. Изображения лошадей встречаются также на глиняных сосудах.

С астральным культом, вероятно, связана золотая фигурка птицы с подвесками из Темир-Коруга. Изображение на сосуде из Коштепинского могильника трех пар фазанов входит в круг широкораспространенных в искусстве древних народов композиций, состоящих из дерева с двумя животными или птицами по сторонам. Дерево здесь представляет собой «древо жизни» — символ бессмертия. Изображения фазана, петуха или павлина у древних земледельцев обычно связаны с культом огня и солнца. В целом композиция отражает религиозные и космогонические представления земледельцев древней Ферганы. Они были распространены у кочевого населения древности, судя по «древу жизни», изображенному на золотой маске из Шамши.

В более позднем источнике сохранилось описание ритуальной борьбы в Фергане в канун нового года, когда царь и вожди разделялись на две группы и каждая группа избирала представителя для единоборства. По результатам поединка определяли, будет год хорошим или плохим. Подобного рода ритуальный поединок являлся пережитком культово-магических праздников древних земледельцев, которые предшествовали весенним земледельческим работам. Исследователи усматривают в этих обрядах черты культа умирающего и воскресающего божества, отражающего цикличность развития в природе.

Вера в загробную жизнь, в существование потустороннего мира нашла отражение в погребальных обрядах древних земледельцев. Судя по материалам Темир-Коруга, в устройстве могил и погребальном обряде было много общего с предшествующим актамским комплексом и с погребениями кочевников. Изменения в погребальном ритуале земледельцев Ферганы в период смены чуст-

ской культуры эйлатанской, очевидно, являются результатом влияния древних саков.

Отправление культовых обрядов происходило под открытым небом, в частности, у наскальных изображений коней. Совершались они и в помещениях, о чем свидетельствует комната культового назначения, расчищенная на Мирзалим-тепе. Существование помещений, специально предназначенных для культовых церемоний с почитанием огня, отмечено уже в эпоху поздней бронзы на Дальверзине. Культ огня был широко распространен среди земледельческих и кочевых народов Средней Азии, что было засвидетельствовано при раскопках древнего городища Касан, относящегося, по мнению ученых, к первым векам н. э. Однако храмы огня появились в Фергане несколько позднее — в раннесредневековый период, на что указывают письменные источники. Домашнее святилище более позднего времени (середина I тысячелетия н. э.) изучено на поселении Кайрагач[78].

Данные о религиозных верованиях земледельцев древней Ферганы отличаются большой пестротой. Поклонение силам природы и прежде всего солнцу, культ коня и предков, идолопоклонство, обожествление огня, магические обряды, от которых якобы зависело благополучие общины,— все это составные части аграрно-магического культа, который представлял собой неупорядоченное собрание разнородных верований и мало отличался от религиозных представлений этнически родственных им кочевых племен.

Сравнительно полнее можно охарактеризовать орнаментальное искусство древних ферганцев. Судя по находкам керамики в шурабашатском комплексе, своеобразие расписного орнамента и замена геометрических узоров, отражающих символику плодородия, растительными мотивами, отражают значительные изменения, происходившие в области идеологии. Вместе с тем поразительна устойчивость традиции украшения посуды росписью, которая появляется в Фергане в эпоху поздней бронзы, сохраняется на протяжении всего древнего периода и вновь возрождается здесь уже в эпоху феодализма. По всей вероятности, она была обусловлена аграрно-магическим культом древних земледельцев, консервативностью их идеологических воззрений.

Глава IV

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА VI—X ВВ.

Всю вторую половину I тысячелетия, т. е. время сложения и существования древнетюркских государств в Южной Сибири, Казахстане, Киргизии, Центральной и Средней Азии, принято называть древнетюркской эпохой. Отсчет ее начинается не просто с возвышения племени тюрк во главе с родом Ашина, а с создания первого евразийского государства — Тюркского каганата, простиравшегося от Маньчжурии до Азовского моря. В столь обширных пределах оно просуществовало недолго, однако после его распада уже не было возврата ни к политическому вакууму, ни к децентрализованной государственности, ни к парцелляризации этнических процессов. В рамках этого государства и его наследников на востоке Средней Азии — Тюргешского каганата и государства карлукских ябгу — завершается процесс становления классов и классового общества в кочевой среде. Внутри тюркских государств в VI—X вв. реализуется подготовленный веками предшествующего развития процесс становления раннефеодальных отношений, сочетавшихся с сохранением форм, характерных для периода военной демократии.

Своеобразие раннефеодальных отношений в Семиречье определялось двумя основными событиями: а) переселением сюда с Алтая и из Центральной Азии массы тюркских племен, создавших свою государственность; б) формированием здесь оседло-земледельческой и городской культуры, связанной с интенсивным переселением согдийцев. Лишь в IX—X вв. здесь происходит известная унификация социальной структуры под влиянием общих для всей Средней Азии процессов развития феодальной формации. Тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений и выработали приемлемые пути интеграции в хозяйственно-культурном регионе Средней Азии[1].

1. Тюркский каганат и Средняя Азия в VI в.

Политическая ситуация в Средней и Центральной Азии накануне образования Тюркского каганата

После распада Кушанского государства в середине V в. политическое господство в Средней Азии перешло к эфталитам.

В источниках и научной литературе содержится много версий о происхождении эфталитов. Самоназванием их было «хион». Они делились на белых и красных хионов. Официальным языком в их тохаристанских владениях был бактрийский[2]. Государство эфталитов населял сложный конгломерат кочевых и оседлых племен. Политическая власть принадлежала кочевой знати во главе с царем, опиравшейся на военную силу эфталитских племен.

В результате успешных войн с сасанидским Ираном, Индией и другими соседними государствами эфталиты значительно расширили свои владения. В начале VI в. их государство простиралось с востока на запад от Восточного Туркестана до границ Ирана и с севера на юг от Семиречья до Северной Индии. На востоке эфталиты граничили с сильным государством жуань-жуаней (Аварским каганатом).

Проблема этнической принадлежности жуань-жуаней и их тождественности аварам остается неясной. Одни ученые считают их монголоязычными, другие генетические их корни относят к гуннской тюркоязычной среде. Возвышение этих племен началось в V в., когда кагану Шелуню (402—410 гг.) удалось сплотить своих кочевых соплеменников в могучий военный союз. Вскоре жуань-жуани подчинили себе многие центральноазиатские племена. Ставка их каганов находилась в Монголии. Могущества жуань-жуани достигли при кагане Анахуане (520—552 гг.). Он вел успешные войны с северокитайскими государствами. На западе власть кагана распространялась на часть Семиречья, часть Восточного Туркестана и Джунгарию. Жуань-жуаням подчинился сильный союз тюркоязычных племен *теле (тегрег)*, расселившихся к VI в. в степной полосе от Северной Монголии до Джунгарии. Ранее, в V в., часть теле проникла в степи Юго-Восточной Европы и Поволжья. Позже, в начале VII в., они создали новое объединение — тогуз-огузы (девять огузов). Впервые в династийных летописях термин «тогуз-огузы» появляется около 630 г.[3]. Под этим названием они упомянуты в древнетюркских рунических надписях VIII в.

Конец могуществу жуань-жуаней положили алтайские тюрки, основавшие на развалинах их государства Тюркский каганат.

Ранняя история племени тюрк

История племени тюрк (ашина) в период, предшествующий образованию каганата, реконструируется лишь на основе сопоставительного анализа отрывочных сведений династийных хроник нескольких китайских государств и древнетюркских генеалогических преданий.

С. Г. Кляшторный выделяет два основных этапа ранней истории ашина (тюрк): ганьсуйско-гаочанский (III в. — 460 г.) и алтайский (после 460—551 гг.)[4].

Первый период тесно связан с историей эфемерных позднегуннских государств. После распада империи Хань (220 г.) началось массовое переселение гуннов и других ранее подвластных им племен на юг. Часть из них захватила северо-запад Ганьсу. Вместе с ними, вероятно, из района низовья р. Эдзингол, переселилось и племя ашина. Переселенцы создали здесь свое государство под названием Северное Лян, после разгрома которого в 439 г. часть гуннов, в том числе и племя ашина, бежали в Гаочан (район Турфанского оазиса в Восточном Туркестане). Опираясь на союз с жуань-жуанями, они продержались здесь до 460 г. Когда, нарушив союз, жуань-жуани разгромили остатки гуннов, племя ашина было переселено к южным отрогам Алтая и стало вассалом победителей, выплачивая дань железом из алтайских рудников.

Таким образом, первоначальное ядро племенного союза тюрк (ашина) сформировалось в результате смешения пришлых тюркоязычных племен и местного турфанского населения, говорившего на одном из иранских или «тохарских» языков. Северо-западная Ганьсу и горные районы Восточного Тянь-Шаня, близ Турфанского оазиса, стали одним из ранних центров тюркского этногенеза.

Второй, алтайский, период истории тюрок отмечен их адаптацией в новой экологической среде и ассимиляцией ими мелких алтайских племен. Вожди ашина, Асянь-шад, Туу и Бумын, в течение менее чем столетия подчинили своей власти близкородственные племена. На Алтае племя ашина приняло новое наименование — «тюрк», а старое название стало династийным именем правящего рода. Термин «тюрк» («сильный», «крепкий») первоначально имел не этническое, а социальное значение. Так назывались только представители знати, военная аристократия. Впоследствии тюрками стали именовать более обширный союз племен, а также подчинявшиеся им народы[5].

Первое упоминание в китайских летописях этнонима «тюрк» *(туцзюе)* относится к 542 г. К этому времени тюрки появились на границах Северного Китая. В 545 г. княжество Западное Вэй направило к ним посольство во главе с согдийцем — выходцем из Бухары. Миссия согдийца оказалась успешной: между тюрками и княжеством Западное Вэй были установлены дипломатические и торговые связи[6].

Образование Тюркского каганата

Возвышение тюрок связано с событиями 546 г. В указанном году племена теле, кочевавшие в Джунгарии, выступили в поход против жуань-жуаней. Войска Бумына перехватили отряды теле и нанесли им поражение. Под властью тюрок оказался многочисленный народ, насчитывающий до 50 тыс. кибиток (250—300 тыс.

человек). Согласно степным обычаям, воины теле влились в войско Бумына, значительно усилив его. С этого времени тюрки из данников превратились в конкурентов в борьбе за политическое господство в Центральной Азии.

Выискивая предлог для схватки, Бумын потребовал себе в жены дочь жуань-жуаньского кагана Анахуана. Неправильно расценив реальное соотношение сил, каган направил Бумыну отказ в оскорбительной форме. Повод для войны был более чем достаточный. В 552 г. тюрки напали на жуань-жуаней и нанесли им сокрушительное поражение. Анахуан покончил с собой [7].

На землях жуань-жуаней с центром в Северной Монголии возникло новое кочевое государство — Тюркский каганат (552—744 гг.). Бумын принял заимствованный у жуань-жуаньского государя титул «илиг-каган». В начале 553 г. основатель каганата умер. Ему наследовал сын, недолго правивший Кара-каган. Он успел нанести еще одно поражение жуань-жуаням в верховьях р. Орхон. Его преемник Мухан-каган (553—572 гг.) завершил разгром рассеявшихся жуань-жуаней в Центральной Азии. Большая их часть бежала на запад, где они стали известны под именем аваров.

Единственным тюркским источником, освещающим события начальной истории каганата, является недавно открытая в Монголии Бугутская согдоязычная надпись. Это самый древний памятник тюркской литературы, датируемый 581—583 гг. Здесь содержатся перечень первых тюркских каганов и их подлинные тронные имена, зафиксировано сословное деление тюркского общества, отрывочно изложены важные события той эпохи, в частности, сообщается о принятии буддизма Таспар-каганом.

Завоевание Средней Азии

В годы правления Мухана Тюркский каганат стал политическим гегемоном в Центральной Азии. Ему подчинились кидани в Маньчжурии, кыргызы на Енисее и другие племена. Данниками тюрок стали северокитайские государства.

Поход на запад против остатков аваров и государства эфталитов возглавил младший брат основателя каганата Бумына — Истеми (умер в 575 г.). Еще при жизни Бумына Истеми, как сообщает летопись, «...командовал десятью великими предводителями (или старейшинами), имел десять туменов войска; отправился усмирять страну ху (согдийцев?) и сам объявил себя каганом, назвавшись «десятиплеменным»[8]. Результаты этого похода в источниках освещены туманно и противоречиво. Конфедерация «народа десяти стрел» («он ок бодун» в тюркских рунических памятниках) занимала территорию Северного Притяньшанья. Пять племен, составлявших одно ее крыло, под общим названием *дулу* кочевали к востоку от р. Чу, другое пятиплеменное объединение под названием *нушиби* — к западу от нее. Судя по факту принятия каганом Истеми еще в 552—553 гг. титула «десятиплеменный», Семиречье, в том числе и Северная Киргизия,

уже тогда вошли в состав каганата. Не исключено, что именно здесь Истеми разбил группу эфталитов, основные силы которых были сосредоточены в Средней Азии. По неполным сведениям источника, западную границу продвижения тюрок в 555 г. условно можно обозначить по среднему течению Сыр-Дарьи (севернее Чача) и до Аральского моря. В 558 г. тюркская конница, преследуя приаральских кочевников, вышла к берегам Волги. Здесь Истеми вынужден был остановиться. Растянувшемуся южному флангу тюрок угрожала мощная эфталитская держава. Греческий историк приписывает кагану слова: «„Когда покончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут сил моих". Говорят, после этих хвастливых слов Силзибул (Истеми) устремился против эфталитов»[9].

На первом этапе война велась нерешительно. Эфталиты как будто хотели даже занять наступательную позицию, но советник эфталитского царя Гатифара отговорил его от вторжения в тюркские земли. Укрепив свои позиции в Семиречье и на Тянь-Шане, Истеми приобрел сильного союзника — сасанидский Иран, который со времен шаха Пероза (459—484 гг.) выплачивал эфталитам ежегодную тяжелую дань. Шах Ирана Хосров I Ануширван (531—579 гг.) и каган Истеми приступили к переговорам, завершившимся заключением в 555 г. антиэфталитского союза, скрепленного браком шаха и дочери Истеми[10]. С самого начала между союзниками не было равенства. Иран по условиям договора должен был платить каганату дань, которую он прежде выплачивал эфталитам. Однако этот пункт после поражения эфталитов не был выполнен.

Между союзниками начался обмен посольствами. Одно из тюркских посольств в Иран, согласно Фирдоуси, было уничтожено по приказу эфталитского царя Гатифара. Это ускорило начало активных военных действий. Тюрки с большими силами перешли границу, захватили Чач (Ташкентский оазис), Парак (Чирчик) и вышли в долину р. Зеравшан у Маймурга. Основные силы эфталитов были сосредоточены близ Бухары, где и произошло решающее сражение. Оно продолжалось восемь дней и закончилось разгромом эфталитов. Табари повествует, что еще до этой битвы часть эфталитских владений была занята Хосровом I: «Самым сильным, отважным и мощным был из тюрок каган Синджибу (Истеми.— *Ред.*) и у него было больше всего войска; это он вступил в бой с В. р. з., царем эфталитов, нисколько не устрашившись их многочисленности и силы, убил их царя В. р. з. и все его войско, захватил их богатства и овладел их страной, за исключением той ее части, которая ранее была захвачена Хосровом»[11].

Остатки разбитых эфталитов бежали в Тохаристан, где вскоре подчинились Хосрову I. Союзники поделили «эфталитское наследство». Границей сфер политического влияния Ирана и Тюркского каганата стала р. Аму-Дарья. Все государства, расположенные к северу от реки, вынуждены были платить дань кагану.

Внешняя политика западных тюрок

С самого своего возникновения Тюркский каганат фактически разделился на два государства. Восточные области его управлялись потомками Бумына, ставка которых находилась в верховьях р. Орхон (Северная Монголия). Первопредком владетелей западных тюрок считался каган Истеми. Центром его владений были Семиречье и Тянь-Шань. До окончательного раздела, который произошел позже, западные тюрки находились лишь в номинальной зависимости от своих восточных собратьев и проводили вполне самостоятельную внешнюю политику. Основой ее во время становления каганата была заинтересованность тюрок и господствующей верхушки владений Среднеазиатского междуречья в развитии торговли, в частности, шелком.

После поражения эфталитов значительная часть Великого шелкового пути оказалась в руках тюрок. На Западе в середине VI в. шелководство только зарождалось и не могло еще полностью удовлетворять собственные потребности в ценных тканях. Шелк в Византийскую империю поступал из Центральной и Средней Азии через посредство иранских купцов, которые получали большие доходы. Поэтому Иран стремился не допустить прямых контактов Византии с поставщиками шелка[12].

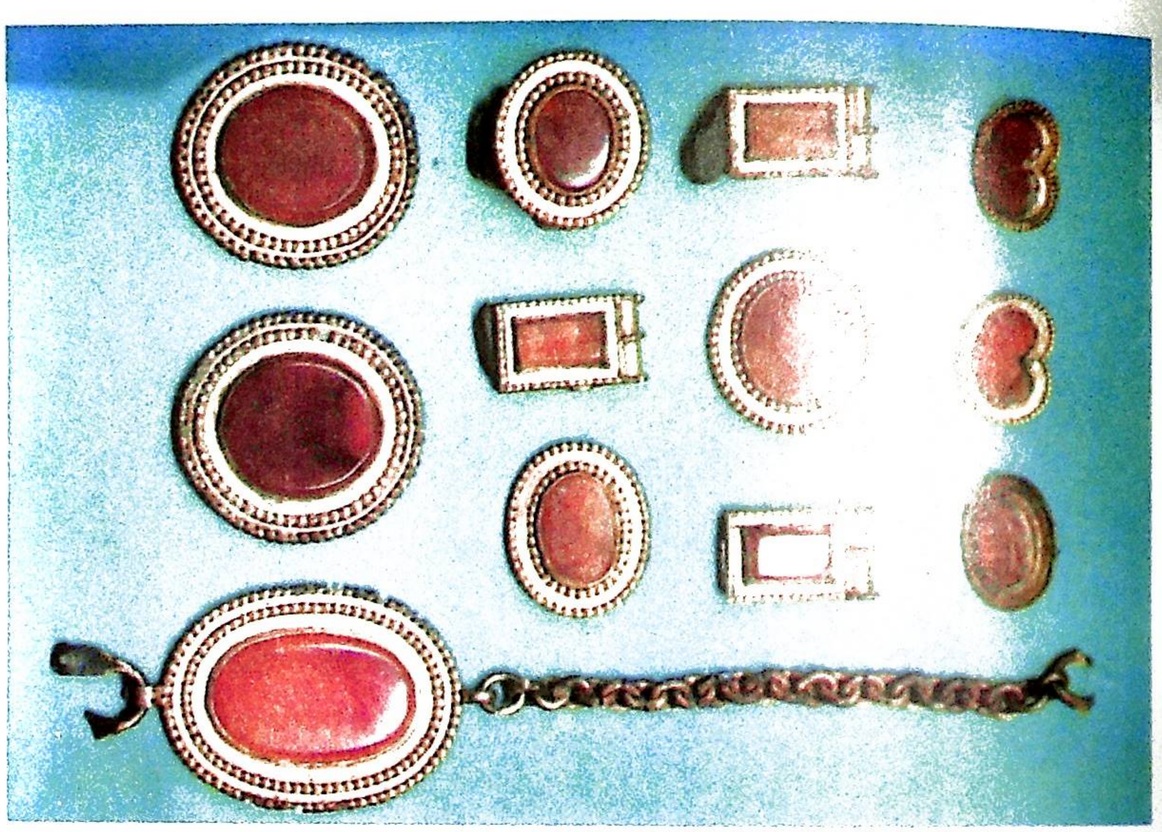
В середине VI в. тюрки не только имели контакт с непосредственными производителями шелка, но под их властью находился Согд, который уже освоил производство качественных шелковых тканей, поэтому тюрки и согдийцы были заинтересованы в прямых торговых связях с Византией. Южнее Аму-Дарьи шелковый путь проходил по владениям Сасанидов, и, как показали дальнейшие события, они не намерены были терять столь доходную статью прибыли.

По инициативе согдийцев в 567 г. в Иран прибыло посольство Истеми-кагана с целью договориться об условиях сбыта шелка. Возглавлял посольство согдиец Маниах, в состав его вошли только согдийцы. После долгой проволочки Хосров Ануширван закупил все привезенные послами ткани, а затем приказал их сжечь в присутствии послов. Этим шах дал понять согдийцам, «что он не хочет ни обижать их, ни употреблять привезенного тюрками шелка»[13]. Посольство Маниаха потерпело неудачу.

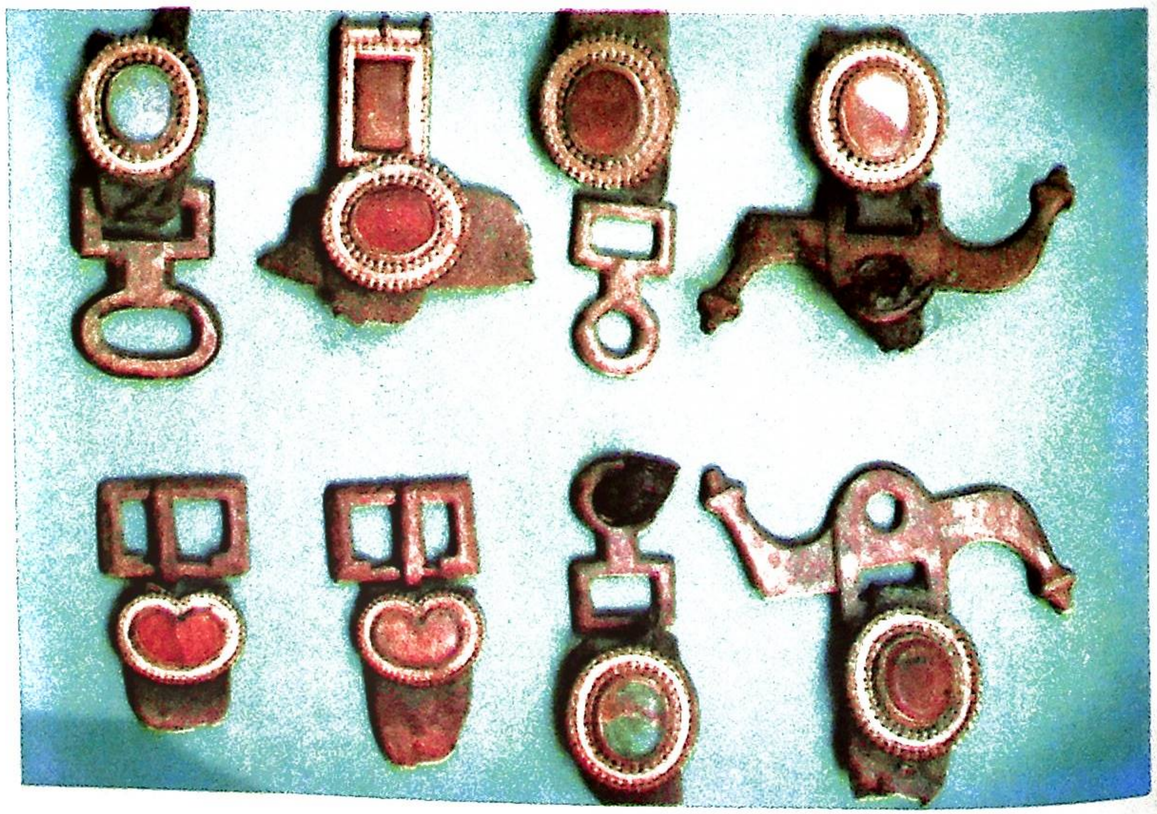
Каган проявил настойчивость и тут же отправил в Иран второе посольство, в составе которого были только тюрки. Видимо, он хотел проверить, сможет ли Хосров Ануширван отказать своему недавнему союзнику и тестю так же легко, как отказал согдийцам? Из всего состава посольства вернулись лишь три или четыре человека. Остальные по приказу шаха были отравлены. Этот акт означал полный разрыв между двумя державами. Стороны стали готовиться к войне.

Глава согдийцев Маниах предложил Истеми-кагану новую политическую ориентацию, которая заодно могла помочь решению

Медальон. Золото, янтарь, гранат. Чуйская долина. IV—V вв.



Украшения. Бронза, позолота, сердолик. Чуйская долина. IV—V вв.



Украшения узды. Бронза, позолота, сердолик, стекло. Чуйская долина. IV—V вв.

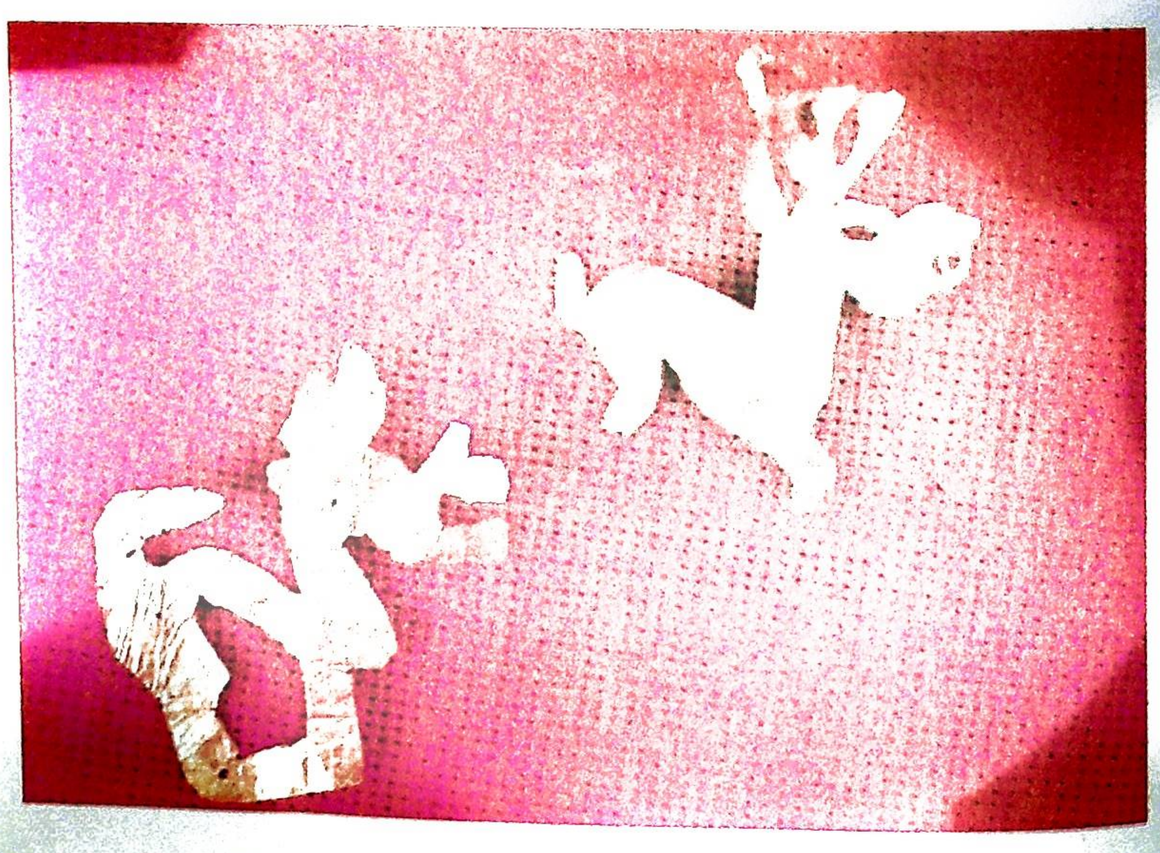
Женская одежда и украшения. (Реконструкция В. П. Мокрынина по материалам катакомбных погребений).

Погребальная маска. Золото, сердолик. Чуйская долина. IV—V вв.

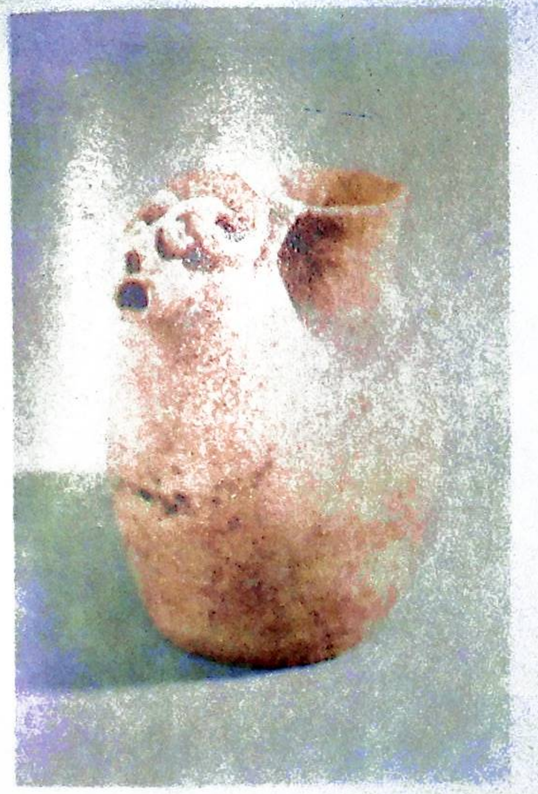
Серьги. Золото. Кетмень-Тюбе. IV—V вв.

Перстни. Золото, гранат, паста. Чуйская долина. Алай. IV—V вв.

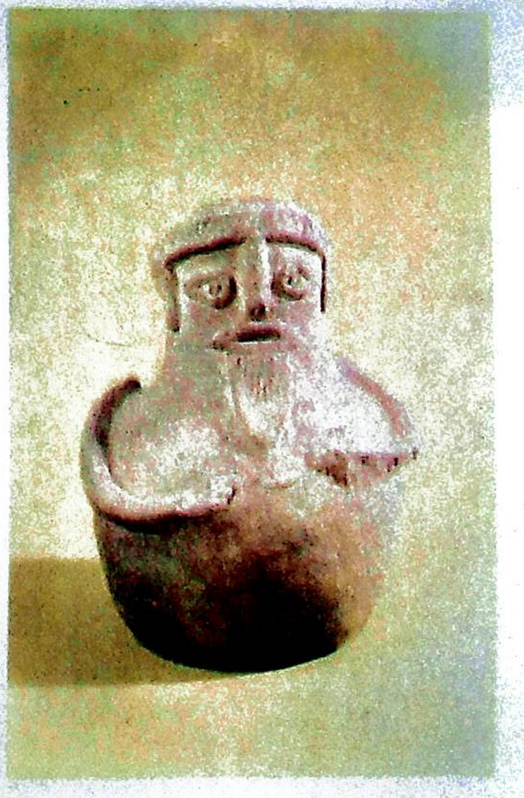
Чаша римской работы. Стекло. Алай. III—IV вв.



Зооморфные изображения. Золото. Кетмень-Тюбе. IV—V вв.

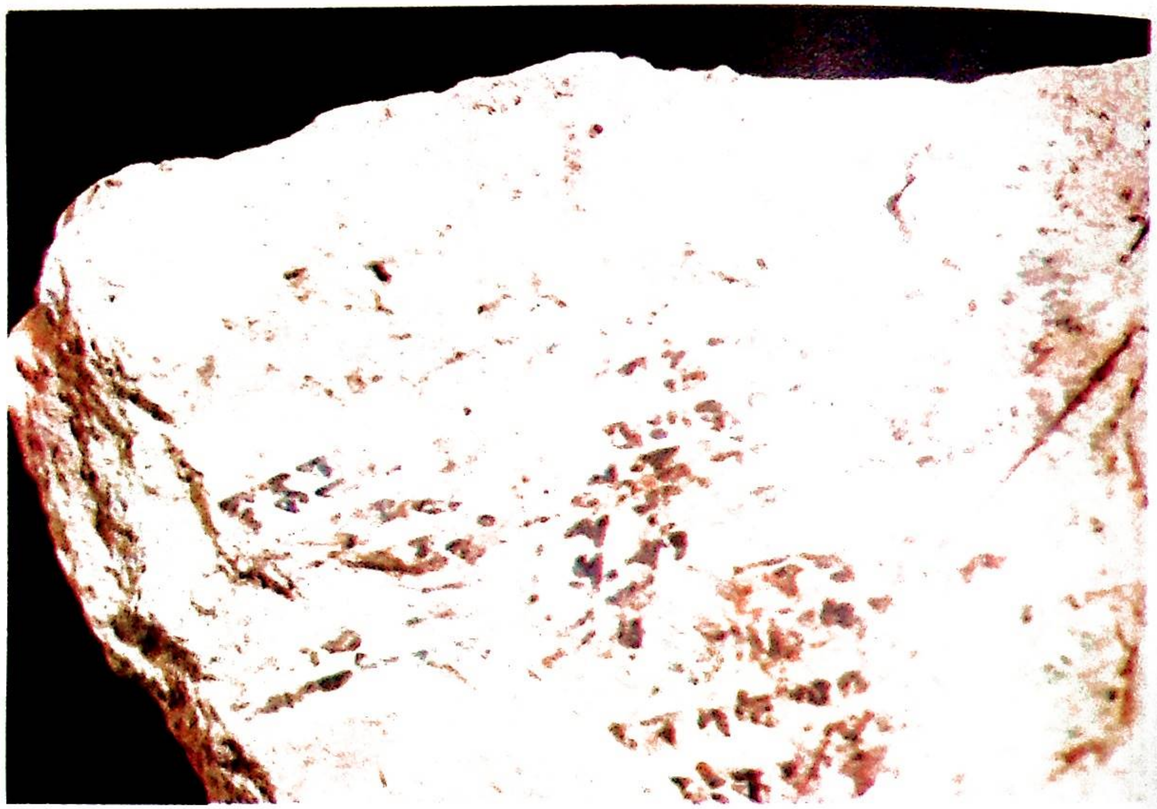


Сосуд типа «мургоби».
Кетмень-Тюбе. III—V вв.



Кувшин. Чуйская долина.
VII—VIII вв.

Украшения и погребальная маска. Золото. Гранат. Алай. IV—V вв.



Буддийский текст. Краснореченское городище. VIII в.

Оссуарий со сценой возжигания огня. Краснореченское городище. IX в.

вопроса о сбыте шелка: заключить военный союз с извечным врагом сасанидского Ирана — Византийской империей. В 568 г. посольство тюрок во главе с Маниахом через Тянь-Шань, Приаралье, низовья Волги и Кавказ прибыло в Константинополь. Послы вручили императору дары «из немалого количества шелка» и письмо кагана. Между империей и каганатом был заключен военный союз, направленный против Ирана. Тюрки обязались, как писал Менандр, «воевать с неприятелями римской державы, живущими в их краях».

В августе 568 г. посольство тюрок отправилось в обратный путь. С ними император направил ответное посольство к кагану во главе со стратигом восточных городов Земархом Киликийцем. После продолжительного путешествия Земарх прибыл в Таласскую и Чуйскую долины, которые в источниках уже в то время назывались «местностями Согдиатов». Отсюда он был препровожден в ставку кагана близ горы Актаг, находившуюся на Тянь-Шане[14]. Здесь послу Византии был оказан блестящий прием. Через некоторое время Истеми-каган отправился в поход против Ирана. Часть византийских послов сопровождала войско тюрок.

Персы всячески препятствовали установлению союза империи и каганата. У Таласа армия Истеми встретила иранское посольство. Однако попытка персов дискредитировать Византию в глазах кагана успеха не имела. Он утвердил договор с греками и отпустил Земарха, направив в Константинополь очередное посольство во главе с Тагма-тарханом.

Подступив к границам Ирана, Истеми потребовал, чтобы шах уплатил дань, которая раньше выплачивалась эфталитам. Шах не ответил. Тогда тюрки захватили ряд городов и портов в Джурджане. Однако Византия не поддержала натиск тюрок ударом по Ирану с запада, и в 571 г. каган заключил с шахом мир, по условиям которого к тюркам отошли области севернее Аму-Дарьи. Шах был вынужден выплачивать тюркам эфталитскую дань в размере сорока тысяч золотых ежегодно [15]. Очевидно, была устранена и первопричина разрыва — вопрос о торговле шелком. После этого тюркская конница была отведена за Аму-Дарью, что дало возможность Ирану нанести ряд поражений Византии в Месопотамии.

Такой исход войны не мог не отразиться на византийско-тюркском союзе. Поскольку Иран обязался платить дань и не препятствовать торговле, то тюрки утратили интерес к союзу с Византией. Зато в Константинополе в полной мере оценили его только тогда, когда он готов был прерваться. Не случайно именно в это время одно за другим в степь направляются шесть византийских посольств. Цель их проясняет миссия мечника Валентина в 576 г., когда греки настоятельно требовали, ссылаясь на условия договора 568 г., продолжения войны с Ираном. Удельный владетель тюрок Турксанф враждебно встретил послов, и они возвратились ни с чем. А тюрки совместно с утигурами в том же году вторглись в

пределы Византии и овладели Боспором. В 580 г. они были уже в Крыму и осадили Херсонес, одновременно пытаясь проникнуть в закавказские владения Византии. Но осуществлению этих планов мешали усобицы.

Распри в каганате

В 70-х годах VI в. Тюркский каганат достиг высшей степени могущества. Территория его простиралась от Хингана до северокавказских равнин и делилась на восемь крупных уделов. В результате успешных войн кагану Таспару (572—581 гг.) удавалось крепко удерживать бразды правления громадной разноплеменной и разноязычной державой, отдельные части которой находились на самых различных уровнях экономического и социального развития.

После смерти Таспара внутри правящей группировки каганата происходила длительная борьба за верховную власть. Положение усугублялось джутом, когда «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло»[16]. Все силы в распре между тюрками поляризовались вокруг Ышбара-кагана и преемника Истеми на западе — Тарду Боке-кагана. Управляя западными областями (576—587 гг.), Тарду сумел расширить и закрепить завоевания Истеми. Он долгое время поддерживал претендентов на престол восточных каганов, был активным участником междоусобных войн. Борьба закончилась лишь тогда, когда из четырех претендентов трое погибли. Оставшийся в живых Тарду Боке-каган объявил себя каганом восточных тюрок (587—603 гг.).

Междоусобная борьба и социальные противоречия ослабили каганат. Назревала новая политическая ситуация. В 581—588 гг. ранее раздробленный Китай, плативший тюркам дань в сто тысяч кусков шелка ежегодно, был объединен династией Суй (581—618 гг.), которая успешно отражала набеги восточных тюрок и всячески поддерживала распри между претендентами на верховную власть в каганате. Окрепший Иран в 588 г. нанес под Гератом поражение западным тюркам. Византия к 590 г. вновь овладела Боспором. Период усобиц (582—593 гг.) закончился официальным разделом тюркской державы (603 г.) на Восточный и Западный каганаты.

Начальный этап в истории западных тюрок — время номинальной зависимости от Тюркского каганата — завершился. Начался новый, (второй) этап — создание собственной государственности.

2. Западнотюркский каганат

Западнотюркский каганат в первой половине VII в.

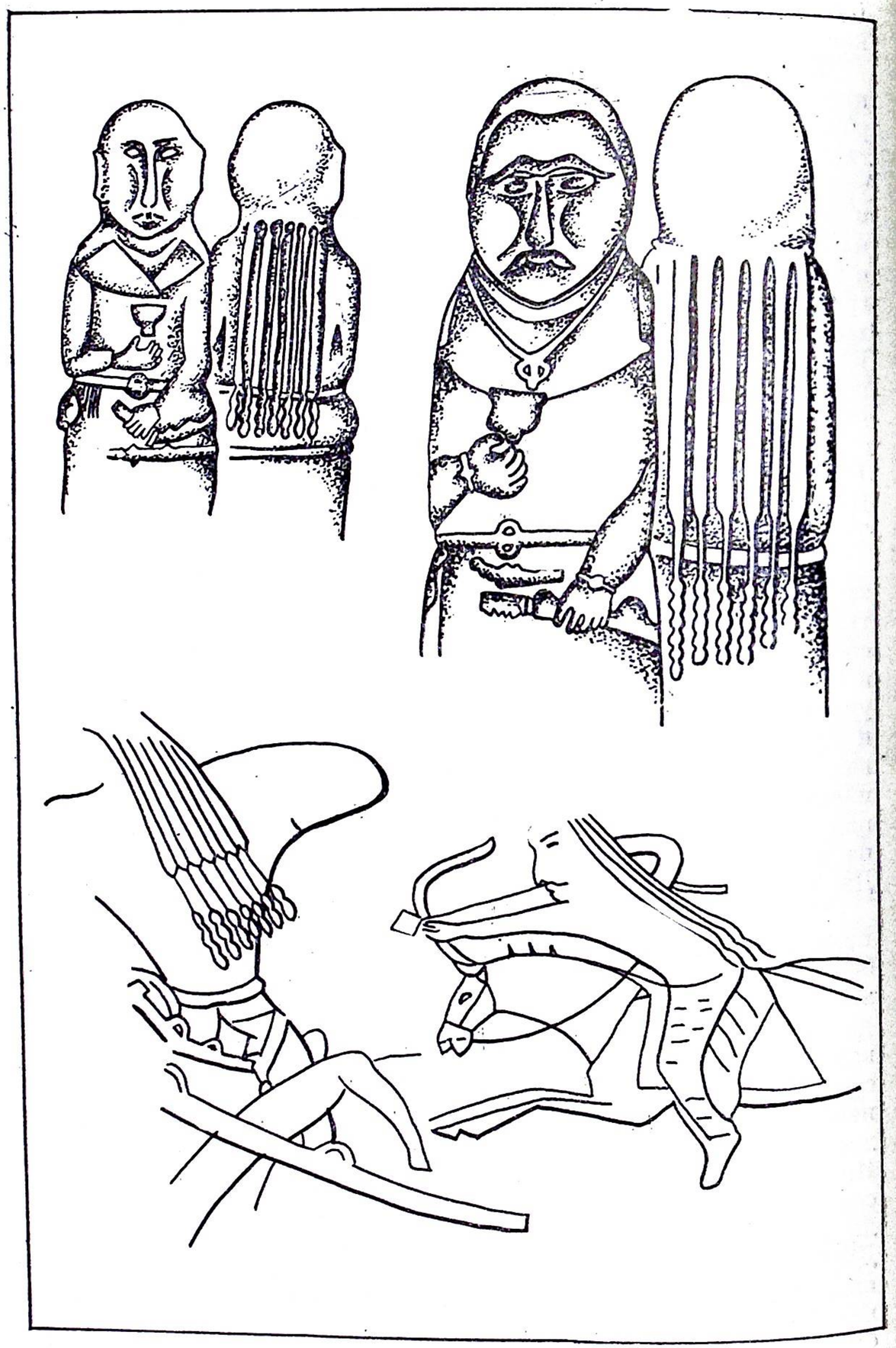
Термин «Западнотюркский каганат» возник в русской и европейской востоковедной литературе в конце XIX — начале XX в. Самоназванием народа и государства были термины: «он ок бодун» («народ десяти стрел»), «он ок эли» («государство десяти стрел»). Официальными титулами западных государей династии Ашина

были «каган народа десяти стрел» и «тюркский джабгу (ябгу) каган».

В состав Западного каганата вошли более обширные культурные владения, чем те, что остались под властью восточных тюрок. Территории Семиречья и Центрального Тянь-Шаня от Джунгарии и до Средней Сыр-Дарьи были коренным юртом западных тюрок. На востоке к каганату отошли Алтай, Турфанский оазис и вся Джунгария, на юго-западе — Средняя Азия до Аму-Дарьи, на западе в составе каганата остались Хорезм, Нижнее Поволжье и территории до северокавказских степей включительно. Северная граница по письменным источникам не прослеживается. По археологическим данным ее можно провести весьма условно — от Южного Урала и до Прииртышья. Границы каганата были очень подвижны и расширялись или сужались в зависимости от военных успехов или неудач того или иного кагана. Этнополитическим стержнем Западнотюркского каганата стали «десять племен» («он ок бодун»), расселившиеся от гор Кара-тау до Джунгарии. Центром каганата стал г. Суяб (развалины Ак-Бешим близ Токмака).

Несмотря на раздел, война между восточными и западными тюрками не прекращалась. Длительные усобицы в среде западных тюрок вынудили Тарман Чора-кагана (600—610 гг.)[17] разделить свою территорию на три части. Его ставка чаще всего находилась в Семиречье. Два малых кагана, назначенных Чора-каганом для управления востоком и западом, жили соответственно на р. Юлдуз и севернее Ташкента. Однако децентрализация лишь ослабила каганат. Чора потерпел поражение в борьбе с тогуз-огузскими племенами, которые отложились от западных тюрок. Наконец, западный малый каган, подстрекаемый извне, напал на Чора-кагана и захватил верховную власть. Он стал править под именем Джегуй-кагана (610—618 гг.).

Могущества Западнотюркский каганат достигает во время правления младшего брата Джегуя — Тон джабгу-кагана (618—630 гг.). Хроника дает ему высокую оценку как политического и военного деятеля. Он «был храбр и предусмотрителен. Когда он давал сражения, он всегда одерживал победы»[18]. Тон джабгу провел важную административную реформу с целью упрочения власти тюрок в оазисах Средней Азии и Восточного Туркестана. При нем тюрки продолжали успешные завоевательные походы. Тон джабгу сумел подчинить Афганистан и часть Северо-Западной Индии, заключил союз с византийским императором Ираклием о совместных действиях против Ирана на Кавказе. Тюркские отряды и подчиненные им хазары взяли принадлежавшие сасанидам Дербент, Тбилиси, Партав. Ставку кагана посещали послы из разных стран. Вот как описывает кагана и его свиту буддийский монах Сюань Цзан, встретивший его неподалеку от Суяба: «Каган был одет в халат из зеленого шелка... Его сопровождали более двухсот тарханов, одетых в халаты из парчи, с заплетенными в



Западные тюрки. Каменные изваяния. Гравировка по кости.

косы волосами. Остальные воины, облаченные в одежды, подбитые мехом, и в мягкие головные уборы, держали бердыши, луки и знамена. Их лошади были прекрасны»[19].

Тон джабгу-каган был последней яркой личностью среди правителей западных тюрок. Но за блеском и роскошью его двора скрывался глубокий кризис каганата. Ни успешные войны, ни административные реформы не смогли предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Войны обогащали только верхушку кочевого общества. Рядовым кочевникам они мало что давали, кроме того, каган, «полагаясь на свое могущество, не очень был милостлив к подчиненным. Народ роптал и многие отложились»[20]. Один из родственников кагана напал на ставку и убил Тон джабгу.

После его смерти в каганате происходили непрерывные междоусобные войны, частые смены правителей, сопровождавшиеся неизбежным усилением центробежных сил и выделением вассальных владений. Каганы из дома Ашина уже не могли предотвратить отложения отдельных племен даже в своих коренных владениях. Главы отдельных кочевых племен вынудили Ышбара Эльтериш Шир-кагана (634—639 гг.) провести реформу, еще более ослабившую центральную власть. «Хан разделил свои владения на десять поколений или аймаков. В каждом поколении поставил по одному начальнику для управления. Каждому начальнику дал по одной стреле, отчего они именовались *ше (шадами)*, а также десять стрел»[21]. Десять племен составляли две конфедерации под названием *дулу* и *нушиби*. Пять племен дулу обитали на востоке от р. Чу, пять нушибийских племен — на западе от нее.

Собственно, в этих нововведениях было мало нового. Десятиплеменное деление кочевников Семиречья существовало традиционно и зафиксировано источниками еще во времена Истеми-кагана. Но лишь при Эльтериш Шир-кагане вожди племен дулу и нушиби добились легитимности этой традиции и уравнения в правах с шадами, т. е. со вторыми лицами после кагана. Немалой уступкой была стрела с золотым копьем и личная печать, которые получал каждый из десяти правителей. Это была своего рода «верительная грамота» степного дипломата: собственная стрела и печать ставили вождей племен дулу и нушиби в независимое от кагана положение при любых дипломатических связях.

Согдийцы в долинах Таласа и Чу

Западнотюркский каганат был полиэтничным государством. В связи с этим представляют значительный интерес вопросы отношений между различными этносами в составе каганата, а также степень зависимости от тюрок владений с ираноязычным населением. Источников для исчерпывающего освещения этих вопросов нет. Имеются лишь разрозненные факты, проясняющие некоторые стороны этого процесса.

В V—VI вв. в Семиречье появляются поселения согдийцев. Частично они вскрыты раскопками на городищах Ак-Бешим и

Краснореченском в Чуйской долине. Первые сведения о согдийцах в этом регионе содержатся в сообщении Менандра о посольстве Земарха к западнотюркскому кагану Истеми (568 г.). Уже тогда Земарх уяснил отличие политического статуса согдийцев в Северном Притяньшанье от других среднеазиатских владений. Если Хорезм в тексте повествования Менандра назван государством *(хора)*, то владения согдийцев именуются лишь «местностями *(топос)* согдиатов». Заметную роль в «местностях согдиатов» играли тюрки: здесь византийские послы подверглись кочевническому обряду очищения огнем. Менандр упоминает лишь одно поселение в этом районе под названием Талас.

Примерно через 60 лет после Земарха Чуйскую и Таласскую долины посетил паломник Сюань Цзан. Он оставил более подробное описание согдийских поселений в этих местностях: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город на р. Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6—7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и согдийцы... Прямо на западе от Суй-е находится несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам»[22].

Причины переселения согдийцев в Семиречье были разными. В V—VII вв. главными из них были торговые интересы и социально-экономические сдвиги, которые происходили в Согде и других земледельческих областях Средней Азии. Свободные общинники постепенно теряли основной источник существования — землю. Они вынуждены были либо идти в кабалу к дихканам, либо переселяться за пределы оазисов. О случае выселения из Бухары большой группы согдийских аристократов и купцов повествует Наршахи. Эти переселенцы основали город Хамукет в Таласской долине. В конце VII—VIII вв. согдийцы эмигрировали в Семиречье в связи с арабскими вторжениями в Среднюю Азию. Оно стало надежным тылом для непокорившихся согдийцев — союзников тюрок в борьбе с арабами.

Согдийские поселения создавались выходцами из Самарканда, Бухары, Маймурга, Тохаристана и других владений. Здесь занимались земледелием, ремеслом, торговлей. Причем, как писал Сюань Цзан, «тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (купцов и ремесленников),— поровну». Археологические наблюдения подтверждают как торгово-ремесленный, так и аграрный характер согдийских городов в Семиречье.

С ослаблением реальной власти западнотюркских каганов во второй половине VII в. менялся и политический статус согдийских поселений. В условиях ожесточенной борьбы за власть между различными группировками военно-племенной знати тюрок, усугубленной иноземной интервенцией, большие и богатые согдийские города становились немалой силой. Весьма показательным является факт, что в 30-х годах VIII в. согдийские города Семиречья пользовались правом самостоятельных внешних сношений. В то время согдийские города выступали как единое политическое целое. Для организации эффективной самообороны согдийцы укрепляли свои города и создавали территориальную федерацию, осуществлявшую согласованную внешнюю политику. Политическая зависимость этой федерации от западнотюркских каганов была номинальной[23].

Следствием согдийской колонизации Семиречья явилось распространение высокой земледельческой культуры в долинах рек Талас и Чу. Она сыграла существенную роль в развитии ремесла, строительного искусства, торговли. С поселенцами связаны распространение согдийского письма, буддизма, эмиссия местных монет. Все это и определило экономический, а также культурный подъем Семиречья в VI—VIII вв.

Западные тюрки в оазисах Средней Азии

Движение согдийцев на восток не было односторонним. Параллельно протекал процесс заселения тюркоязычными народами исконных земледельческих областей Средней Азии. С политическим подчинением этого региона они активно вливались в состав среднеазиатского населения.

Следует отметить, что процесс заселения полупустынных районов и оазисов Средней Азии тюрками начался еще во второй половине VI в. Начало массового проникновения тюрок-кочевников на территорию современной Юго-Западной Туркмении (Дихистан) связано с событиями 568 г., когда Истеми напал на северную границу Ирана. Тогда конница тюрок остановилась у сильно укрепленных границ области Гурган. Обосновавшись в Дихистане, тюрки постепенно захватили всю его территорию. Это вынудило иранцев возвести новые стены уже на границе Мазандерана. Часть тюрок заняла Северный Тохаристан после подавления эфталитского восстания в 581 г. Отсюда в 588 г. тюрки вторглись в пределы владений Сасанидов и дошли до Герата[24].

Есть сведения, что в 80-х годах VI в. в Среднюю Азию переселялись не только кочевники. Показателен рассказ Наршахи о начале заселения тюрками Бухары. Вначале они поставили палатки и юрты, но затем, «когда собралось больше народу, они соорудили постройки». Когда же население увеличилось, они избрали эмира. Отсюда следует, что проникновение тюркского этноса в оазисы Средней Азии происходило не только путем завоевания, но и в результате миграций в поисках новых пастбищ. Наблюдается мирное вселение небольших групп поселенцев, к которым впоследствии присоединяются другие. Едва ли при этом соблюдался племенной принцип. Однако можно отметить инфильтрацию и компактных групп одного племени, например, карлуков в Тохаристан. Тюркские феодалы используют различные предлоги, чтобы подчинить себе отдельные среднеазиатские области. Еще во второй половине VI в. сын тюркского кагана, подавив движение Абруя, стал управлять Бухарской областью.

Начало VII в. ознаменовалось существенным изменением взаимоотношений тюрок и населения земледельческих областей в составе Западнотюркского каганата. Потерпев поражение в борьбе с восточными собратьями, западные тюрки активизировали свои действия на юге. Начался процесс захвата отдельных среднеазиатских областей, сопровождавшийся ликвидацией местных династий. В 605 г. тюрки вторглись в Чач, убили местного владетеля, а на его место посадили представителя династии Ашина[25]. Во время правления Тон джабгу-кагана (618—630 гг.) тюркские династии утвердились в северотохаристанских владениях Шуман и Ахарун, отдельные группы тюрок обосновались в Хуттале и в более восточных горных областях[26]. Раннесредневековые династии Южного Тохаристана, Каписы и Забулистана были скорее всего тюркского происхождения.

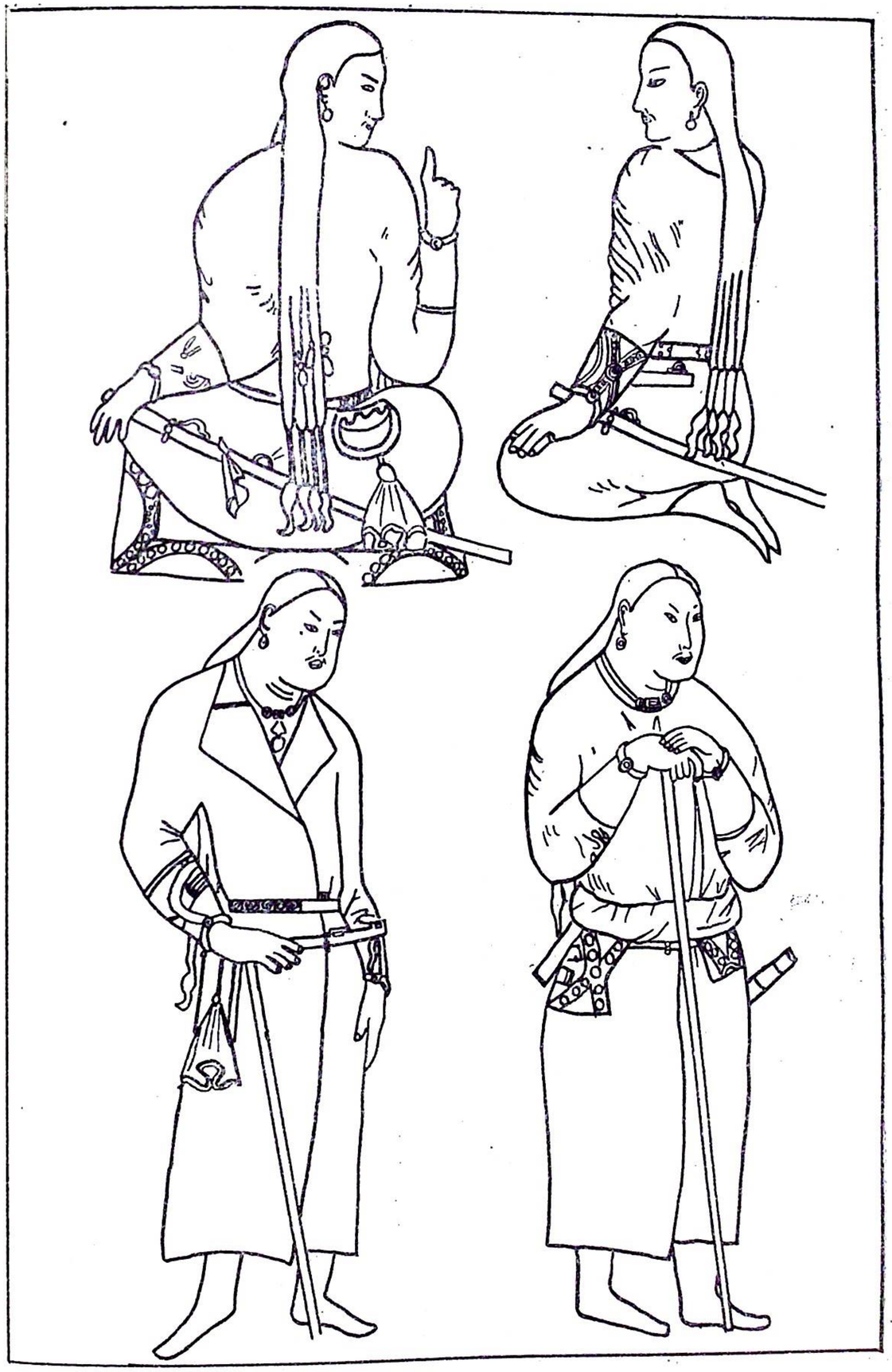
Факты утверждения тюркских правителей в отдельных земледельческих областях Средней Азии отмечены и согдийскими источниками. Судя по тексту одного из юридических документов, найденных на горе Муг, правителем Пенджикентского владения в течение по меньшей мере пятнадцати лет (конец VII — начало VIII в.) был тюрк Чыкин Чур Бильга — сын Бичута. Согдийские монеты Пенджикента свидетельствуют, что тюркская династия правила этим владением около сотни лет[27].

В середине VII в. областью Чаганиан, как это следует из надписи на фреске из Афрасиаба, правил тюрк по имени Туранташ. Естественно, крупные тюркские феодалы для закрепления в тех или иных областях приводили с собой отряды соплеменников, а те в свою очередь — жен и домочадцев. Процесс утверждения тюркских правителей, таким образом, сопровождался вселением сравнительно крупных этнических групп.

Сильная конфедерация согдийских владений, расположенных по Зеравшану и Кашка-Дарье, при главенствующей роли Самарканда, по-прежнему управлялась местными династиями вплоть до середины VIII в. Однако даже туда, согласно арабским источникам, в конце VII — начале VIII в. проникали отдельные группы тюрок. Они заняли окраины Кашка-Дарьинского и Бухарского оазисов[28].

Совместное проживание тюрок и местного населения в Чаче, Фергане, Уструшане, Согде, Северном Тохаристане документировано археологическими материалами. Там найдены характерные древнетюркские памятники: погребения с конем, каменные изваяния, рунические письмена. Другая группа памятников, отражающая проникновение тюрок в согдийские города и поселения, оставлена автохтонным населением. Это прежде всего памятники изобразительного искусства согдийцев, запечатлевшие тюркскую знать и воинов в терракотовых фигурках, стенных росписях, на аверсах монет, парадной серебряной посуде.

О правовом положении владений Среднеазиатского междуречья по отношению к Западнотюркскому каганату известно очень ма-



Западные тюрки в живописи Афрасиаба.

ло. На первых порах тюркские каганы мало вмешивались во внутренние дела согдийских владетелей, довольствуясь получением дани и доходов от торговли. Тем не менее, уже в 567 г. права различных среднеазиатских владений регламентировались тюркскими каганами. Прежде всего это касалось внешних сношений. Например, при попытке Маниаха уладить вопрос о торговле шелком с Хосровом Ануширваном, разрешение на посольство в Иран он должен был получить от Истеми-кагана. Когда в 568 г. византийское посольство Земарха возвращалось в Константинополь, то некоторые среднеазиатские владетели просили разрешения направить и свои посольства в Византию. Истеми всем отказал, кроме правителя Хорезма[29].

Население Согда в своей юридической практике руководствовалось нормами тюркского законодательства. Хроники отмечают, что в столице Согда Самарканде «находится тюркское уложение, хранимое в храме. При определении наказания берут сие уложение и решают дело»[30]. Законы были чрезвычайно суровы: за некоторые тяжкие преступления предавали смертной казни не только виновного, но и всю семью, за воровство отрубали ноги, за менее тяжкие преступления — руки. Тюркское законодательство, вероятно, регламентировало только уголовное право, но едва ли распространялось на гражданские дела. В мугской коллекции согдийских документов сохранилось три юридических договора: брачный контракт, о продаже земельного участка и об аренде мельницы, датируемые началом VIII в. Формуляры их свидетельствуют, что основные типы согдийских договоров были выработаны задолго до образования Тюркского каганата. Важнейшие гражданские юридические акты оформлялись и хранились не в храме, как уголовные, а в специальном учреждении, именуемом «Местом Законоположений». Согдийцы и тюрки, проживавшие в Согде, очевидно, были равны перед законом. Так, брачный контракт тюрка и согдиянки составлен таким образом, что жених и невеста рассматриваются как представители согдийской знати, заключающие «полноправный» брак[31].

Наиболее активные попытки укрепить власть Западнотюркского каганата над среднеазиатскими владениями были осуществлены при Тон джабгу-кагане. Использовав феодальное право инвеституры, каган произвел серьезную административную реформу, сильно ущемившую права среднеазиатских династов. Он пожаловал всех владетелей тюркским титулом «эльтебер», тем самым уравнял их между собой, что не могло не подорвать главенствующую позицию Самарканда в конфедерации. Кроме того, среднеазиатские династы были приравнены к главам крупных кочевых племен. Среднеазиатские народы получили статус тюркских «эльтеберлиг бодун», что на ранг ниже «каганлык бодун». Кроме того, за осуществлением контроля над среднеазиатскими владетелями были назначены тутуки из тюрок. Согласно этой же административной реформе, правители отдельных областей-государств в Средней Азии теряли право сбора дани для кагана. Оно перешло к надзирателям — тутукам. Эта реформа была ничем иным как попыткой значительно ограничить права среднеазиатских династов и влить их владения в каганат.

Для привнесения некоторых тюркских обычаев в среду согдийцев использовались династийные браки. Тюркские каганы нередко выдавали своих дочерей за владетелей Самарканда, Гаочана и некоторых других владений. Становясь зятьями каганов, владетели должны были одеваться в одежды тюркского покроя и заплетать косы.

Практически Согд в VII в. со всех сторон был окружен владениями со смешанным населением, в которых правили тюркские владетели. Не случайно при вторжении в Афганистан и Среднюю Азию арабы прежде всего столкнулись с тюркскими отрядами. В период упадка Западнотюркский каганат утратил свое влияние в оседло-земледельческих областях Средней Азии. Большинство из них полностью восстановило свой суверенитет, вплоть до права самостоятельных внешних сношений. В 30-х годах VIII в. каган Сулук Чабыш-чор считал своей вотчиной лишь владения в Хуттале.

Таким образом, в период политического господства Западнотюркского каганата в оазисы Средней Азии проникает тюркское население. Одна часть тюрок занималась земледелием, другая (на окраинах оазисов) — скотоводством, какая-то часть тюрок жила в городах и селениях. Некоторые города на границе со степью имели тюркские названия. Тюркские народы внесли определенный вклад в развитие среднеазиатского ремесла, искусства, военного дела, идеологии. Уже в рассматриваемую эпоху наблюдалось сближение и взаимопроникновение культур ираноязычных и тюркоязычных народов. Этот процесс протекал одновременно на территории Семиречья и в оазисах Средней Азии.

Фергана и западные тюрки в VII—VIII вв.

В Фергане, как и в других среднеазиатских владениях, в это время усилилась децентрализация. Владения местных правителей были незначительны. Как отмечает Сюань Цзан, политический распад произошел примерно за 10 лет до посещения им страны, т. е. накануне или в самом начале 20-х годов VII в.

Олицетворением недавнего еще единства была общая для всей области столица. Она располагалась на северном берегу Сыр-Дарьи и имела около двух километров в окружности. Фергана славилась полезными ископаемыми, в частности, ртутью, золотом, железом.

Между 627—649 гг. западные тюрки вторглись в Фергану, убили владетеля и захватили северную часть области. В Касане обосновался один из представителей западнотюркской династии. Южная Фергана осталась под властью местных правителей. Резиденция их находилась в городе Хумынь[32].

Однако, судя по археологическим данным, со временем тюрки проникли в южную и восточную части Ферганы. Об этом свидетельствуют находки древнетюркских каменных изваяний не только в районах современных городов Джалал-Абад и Узген, но и в предгорьях Алая, в окрестностях села Гульча. Неоспоримым доказательством заселения тюрками Южной Ферганы и перехода части их к оседлости являются эпиграфические материалы. К настоящему времени известно 15 находок древнетюркских рунических надписей, обнаруженных в долине; 13 из них выполнены на керамических сосудах до обжига[33]. Большинство эпиграфических памятников тюрок найдены на древних поселениях в окрестностях современных городов Фергана и Исфара, располагающихся в южной части долины.

Сложение раннефеодальных отношений в Фергане в VI—VIII вв. в общих чертах можно проследить по появлению новых типов поселений. На смену отдельным домам-усадьбам больших патриархальных семей приходят укрепленные замки и крепости в сочетании с неукрепленными селищами. Замки и крепости являлись резиденциями тюркских и местных феодалов и служили для охраны земледельческих оазисов и контроля головных сооружений ирригационных систем. Вблизи резиденций располагалась сельскохозяйственная округа, состоявшая из неукрепленных поселений. Возникли и начали расти раннефеодальные города, являвшиеся центрами ремесленной и торговой жизни.

Борьба с танской агрессией

В начале правления династии Тан (618—907 гг.) верхушка государства встала на путь захватнических войн против соседей, в том числе северных и северо-западных. Одной из важных внешнеполитических задач, стоявших в то время перед танскими императорами, было овладение Великим шелковым путем, по которому осуществлялась торговля между Западом и Востоком. Достижению этой цели способствовала благоприятная политическая ситуация, сложившаяся в Центральной и Средней Азии.

Ранее могущественный Восточнотюркский каганат был ослаблен внутренними распрями и длительной безуспешной борьбой с тогуз-огузами, во главе которых стояла коалиция племен сеяньто и уйгуров. После нескольких столкновений с регулярными танскими войсками в 630 г. разрозненные отряды восточных тюрок, тылу которых угрожали сеяньто и уйгуры, капитулировали. Восточнотюркский каганат на время прекратил свое существование. Это окончательно развязало руки танским захватчикам. Верные политике «руками варваров подавлять варваров», танские правители объединенными силами различных тюркских отрядов в 640 г. уничтожили независимое государство Гаочан (Турфан) в Восточном Туркестане, а на его территории создали наместничество (протекторат) Аньси[34]. Это событие явилось решающим шагом в реализации планов по овладению Великим шелковым путем. Турфанская котловина, занимавшая важное стратегическое

положение, стала базой в борьбе Танского государства с Западнотюркским каганатом.

Мелкие владетели Восточного Туркестана, желая сохранить хотя бы относительную независимость, подчинились западнотюркскому Эльбильге Ышбара джабгу-кагану (642—651 гг.). В 648 г. император Тайцзун направил против них сильную армию, состоявшую из восточных тюрок и телеских племен. Во главе ее был поставлен потомок каганов из рода Ашина. На помощь восточнотуркестанским владетелям пришел десятитысячный отряд конницы западных тюрок. Вначале у города Кучи они нанесли поражение захватчикам, вызвав панику в их рядах, но в следующем сражении были разбиты и отступили[35].

Борьба западных тюрок с танской агрессией обострилась во время правления Ышбара-кагана (651—657 гг.). Ставка его была в верховьях р. Талас в долине Мин-Булак (Тысяча ключей), где был построен укрепленный город. Отсюда войска кагана Ышбара внезапно напали на китайский гарнизон в крепости Бешбалык и разгромили его, освободив большую часть Джунгарии. Против западных тюрок в начале 652 г. была направлена армия, состоявшая из 20 тыс. китайцев и 50 тыс. тогуз-огузов. План кампании предусматривал быстрыми рейдами конницы стеснить Ышбара-кагана, не имевшего продовольствия в количестве, нужном для длительной войны, и лишить его маневра. Предписывалось отнестись с снисхождением к разноплеменным кочевникам, составлявшим войско кагана, но быть безжалостным по отношению к основному отборному и наиболее стойкому ядру его армии, называемому «волками».

Несмотря на эти предписания, война затянулась. Танские войска совершали набеги на кочевья отдельных племен и городки. Солдаты и даже высшие военачальники проявляли варварскую жестокость[36]. Успех этих набегов объясняется тем, что Ышбара-кагану пришлось вести борьбу на два фронта, так как против него выступил очередной претендент на престол — карлукский правитель Тохаристана[37]. Подавив мятеж, каган перебросил большую часть своего войска с Аму-Дарьи в долину р. Или и в 655 г. остановил продвижение танских отрядов.

Это вынудило императора принять ряд решительных мер: сменить командование, направить значительное подкрепление и организовать дополнительные отряды союзных ему тюркских кочевников. Новый главнокомандующий Су Динфан, располагая сильной пехотой, многочисленной конницей уйгуров и подчинившихся тюрок, в 656 г. перешел к активным действиям. На берегу р. Или Ышбара-каган атаковал отряды Су Динфана, но был разбит. Собрав остатки войск, каган дал еще два неудачных сражения и отступил к р. Чу. Здесь в 657 г. западные тюрки потерпели окончательное поражение. Ышбара-каган с сыном и небольшим отрядом всадников бежал в Чач (Ташкентский оазис). Владетель Чача выдал беглецов преследователям.

Распад Западнотюркского каганата

После распада Восточного, а затем и Западного каганатов политическое влияние Танского государства распространилось на сравнительно незначительные части их территорий. Это, в сущности, были лишь узкие полоски земли, лежавшие вдоль Великого шелкового пути. На остальных территориях, охватывавших огромные степные просторы и горные массивы, были «учреждены» различные территориально-административные единицы и «назначены» должностные лица. Так как первые обычно совпадали с границами расселения тех или иных тюркских племен, а вторые занимали вожди этих племен, то становится совершенно ясно, что их вассальная зависимость от династии Тан была фикцией. Реальной властью на этих территориях танские эмиссары не обладали[38].

Не имея возможности управлять отдаленными территориями Семиречья и Тянь-Шаня, танское правительство во главе группировки племен дулу и нушиби поставило князей из западной ветви династии Ашина. Эти марионеточные каганы, интриговавшие друг против друга, не пользовались влиянием ни в кочевьях, ни в городах Семиречья. Отдельные племена и группировки враждовали между собой. Междоусобная борьба принимала иногда очень жестокие формы. Именно в это время согдийские города вынуждены были объединить свои силы и создать территориальную федерацию для защиты своих интересов в условиях безвластия[39].

Тем не менее, тюркские племена Тянь-Шаня и Семиречья не сложили оружия и продолжали борьбу с агрессорами. Этой борьбе способствовало усиление Тибета, войска которого к 670 г. заняли почти весь Восточный Туркестан. Столь значительному успеху тибетского оружия в немалой степени способствовала ожесточенная борьба отдельных тюркских племен с танскими экспансионистами и их марионетками. Так, в 662—664 гг. племя гунъюэ, занимавшее Центральный Тянь-Шань, в союзе с Кашгаром и тибетцами трижды нападало на китайские войска. В 667 г. объединенные силы Тибета и западных тюрок при активной помощи местных жителей освободили от китайцев Кучу[40].

Однако деградация каганата продолжалась. К концу VII в. «десять аймаков наипаче ослабели»[41]. Двадцать третий каган из западной ветви рода Ашина стал последним. Он был убит в городе Кулане (совр. ст. Луговая) в 704 г. К власти в Семиречье пришла тюргешская династия.

3. Тюргешский каганат

Образование каганата

Официальным титулом каганов из тюргешских племенных вождей, кроме унаследованных ими старых каганских титулов, был титул «тюргеш-каган», известный по согдийским легендам на тюргешских монетах. Государство их, как и Западнотюркский каганат, продолжало именоваться соседями «народ десяти стрел», или «народ десяти племен». Смена правящей династии не привела к сколько-нибудь заметным экономическим, социальным, культурным и этническим изменениям, что позволяет рассматривать историю Тюргешского каганата как заключительный — (третий) этап истории Западнотюркского каганата.

Впервые в дальневосточных хрониках тюргеши упоминаются в период правления западнотюркского Ышбара-кагана (651—657 гг.). Это был сильный союз племен, входивший в конфедерацию дулу «десятистрельного» народа. Тюргеши подразделялись на «желтые» и «черные» роды, верхушка которых постоянно враждовала между собой. В начале своей истории тюргеши расселялись в междуречье рек Чу и Или.

Возвышение тюргешей произошло в последней четверти VII в., когда власть последних западнотюркских каганов фактически не признавало ни одно из десяти племен. Самыми сильными из них оказались тюргеши, которые открыто выступали не только против утративших могущество западнотюркских каганов, но и против их покровителей из Танского государства. Начиная с 679 г. в источниках появляются сообщения о столкновениях танских войск с тюргешами[42].

Родоначальником династии тюргешей был Уч-элиг-каган (699—706 гг.). В начале 90-х годов VII в. он имел титул «бага-тархан» и находился в подчинении у кагана Хосрова Бори-шада. Глава тюргешей был хорошим дипломатом, пользовался уважением вождей тюркских племен. Уч-элиг, воспользовавшись непопулярностью кагана в народе, которая явилась следствием его крайней жестокости, сумел привлечь на свою сторону большинство кочевых племен, ранее зависимых от Хосрова. На своих землях он учредил 20 уделов, выставлявших семитысячное войско каждый. Это была уже реальная сила, с которой вынуждены были считаться его противники. Хосров-каган и его сторонники без боя оставили пределы Семиречья.

После этого Уч-элиг захватил Суяб и учредил там свою главную ставку. На р. Или находилась его вторая ставка. Земли, подвластные тюргешам, простирались от Средней Сыр-Дарьи до р. Иртыш. Попытку реставрировать власть западнотюркских каганов в 704 г. Уч-элиг решительно пресек, убив претендента на трон. Династийная борьба между Ашина и тюргешами закончилась победой последних.

Преемником Уч-элига стал его сын Сакал-каган (706—711 гг.). Внутреннее положение в государстве тюргешей не было устойчивым. Сакал-кагану пришлось вести борьбу с одним из удельных беков, который получил поддержку танского наместника в Аньси. Тогда Сакал в 709 г. напал на Аньси, нанес поражение танским войскам и убил наместника[43]. Внешнеполитическое положение государства тюргешей было сложным. Совместно с согдийцами им

пришлось вести упорную, длительную борьбу с арабами, которые в начале VIII в. не раз с большими силами вторгались в оазисы Средней Азии, на юге представляли большую опасность войска династии Тан, с востока угрожали восстановившие свою независимость центральноазиатские тюрки.

Помощь тюргешей народам Средней Азии в борьбе с арабскими завоевателями

В начале VII в. произошло объединение арабских племен, завершившееся созданием на Аравийском полуострове исламского теократического государства. В целях разрешения внутренних социальных противоречий и укрепления государства правящая верхушка арабов встала на путь захватнических войн. К середине VII в. арабы захватили территории Сирии, Ирака, Египта, Ирана. В 651 г. им без боя сдался Мерв, откуда начинались завоевательные походы в Мавераннахр (области за Аму-Дарьей).

В Средней Азии арабы столкнулись с множеством мелких феодальных владений, которые постоянно враждовали между собой, а также с воинственным, храбрым, но слабо организованным дихканским сословием. Для завоевания Мавераннахра арабы могли выделить войско в 50 тыс. человек. Это была грозная сила, в одиночку с которой не могло справиться ни одно княжество Средней Азии[44]. После тактики разорительных набегов арабы во время наместничества эмира Кутейбы ибн Муслима (705—715 гг.) приступили к планомерному захвату областей севернее Аму-Дарьи.

Кутейба был опытным военачальником и прекрасным дипломатом. Он умело использовал для достижения своих целей внутренние распри между владетелями Мавераннахра. Там, где отвага и храбрость были недостаточны, Кутейба прибегал к хитрости и коварству. Самые громкие победы арабов в Средней Азии были связаны с его именем. В 706 г. он захватил Балх и двинулся на Бухару. В составе его войск были дихкан Балха и владетель Чаганиана. Под Пайкендом, в 40 *км* к юго-западу от Бухары, объединившись, тюрки и согдийцы нанесли поражение арабам. Однако Кутейбе удалось посеять рознь среди союзников. Воспользовавшись этим, арабы захватили и разграбили Пайкенд. Кутейба нападал на Бухару еще в 707 г. и 708 г. и, дважды, получив сильный отпор, возвращался в Мерв[45].

В 709 г. Кутейба с большими силами двинулся в Мавераннахр. Он дошел до окрестностей Бухары и захватил два селения. Согдийцы обратились за помощью к правителям тюргешей, Шаша и Ферганы. Коалицию возглавил тюргешский царевич Кюль Багачор (Курбаганун у Табари). Согдийцы и тюргеши во главе с Кюль Бага-чором окружили арабов. По одним сведениям, тюргеши привели с собой 40 тыс. всадников, по другим — только 4 тыс. Кутейба попал, казалось бы, в безвыходное положение. Каждому, кто принесет голову врага, он обещал платить 100 драхм. Ежедневно происходили жестокие сечи. Тогда Кутейба послал к царю

Согда Тархуну лазутчика, который сообщил ему, что тюргеши только и ждут поражения арабов, чтобы захватить богатые владения Тархуна[46]. Обманутый царь заключил с арабами мир, обязавшись выплатить им небольшую дань. Антиарабская коалиция распалась, и Кутейба захватил Бухару. Недоверчивость к союзникам и заключение мира с арабами стоили Тархуну трона и жизни. Он был низложен своими дихканами и брошен в темницу, где, по одним сведениям, был убит, а по другим, лишил себя жизни сам. В 710 г. согдийским царем стал Гурек. В это время силы тюргешей были отвлечены угрозой с востока.

Тюргеши и второй Восточнотюркский каганат

Освободительные идеи объединения и возрождения государственной самостоятельности были живы в среде центральноазиатских тюркских кочевников. В 679—681 гг. произошел ряд успешных восстаний тюрок против Танского государства. В результате в 682 г. образовался второй Восточнотюркский каганат, основателем которого стал глава восставших тюрок Кутлуг-чор, происходивший из ранее правящей династии Ашина. Он принял тронное имя—Ильтериш-каган (682—691 гг.). Войска Ильтериша в разное время нанесли ряд серьезных поражений пограничным войскам Китая и враждебным кочевым племенам. Наивысшим подъемом второго Восточнотюркского каганата было время правления брата Ильтериша — Капаган-кагана (691—716 гг.). Он создал огромную армию, которая в период между 693—706 гг. шесть раз форсировала Хуанхэ, вследствие чего северные области Танского государства были разграблены, а значительная часть населения уведена в рабство. В результате успешных войн восточные тюрки сумели восстановить свою державу в прежних пределах. Западная граница второго Восточнотюркского каганата достигла Тарбагатая и Алтая, т. е. соприкасалась с границами государства тюргешей. После гибели Капагана во главе каганата стал сын Ильтериша — Бильге-каган (716—734 гг.), но фактическим вершителем всех дел в государстве был его брат Кюль-тегин. Советником и наставником братьев стал старый полководец Ильтериша и Капагана, мудрый Тоньюкук. Энергия Кюль-тегина и опыт Тоньюкука способствовали укреплению власти кагана и усилению политического влияния воссозданного государства.

Надгробные стелы с описанием подвигов кагана Бильге, Кюль-тегина и стела-прокламация, воздвигнутая Тоньюкуком, были открыты русскими учеными в Северной Монголии в конце прошлого века. Эти тексты, написанные на древнетюркском языке и древнетюркскими графемами, ныне дешифрованы и переведены на многие современные языки. Они являются основными источниками по истории тюркских государств того времени.

Еще во время правления Капаган-кагана, когда второй Восточнотюркский каганат достиг своего высшего расцвета, тюркская знать предприняла попытку воссоздания государства своих первопредков — каганов Бумына и Истеми — в границах «от Железных

ворот до Кадырканской черни», т. е. от Тохаристана до Большого Хингана[47].

Серьезным препятствием на пути к достижению этой цели стала антитюркская коалиция, которую сумели сколотить в 709 — начале 710 г. танские эмиссары. В нее вошли Тюргешский и Кыргызский каганаты, Танское государство. Вот как оценил создавшуюся ситуацию ближайший сподвижник каганов из рода Кутлуга Тоньюкук: «Китайский каган был нашим врагом, каган «десяти стрел» был нашим врагом, но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдем мы (походом) на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана... Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали они»[48].

Таким образом, по мнению самих тюрок, из всех трех союзников коалиции наибольшая угроза исходила от их ближайших соседей — енисейских кыргызов. Что представляло собой это государство и какими реальными силами оно располагало?

Впервые этноним «кыргыз» упомянут в летописях под 201 г. до н. э. в числе покоренных гуннами племен. Основу хозяйства енисейских кыргызов составляли скотоводство и земледелие. Скотоводство, по-видимому, носило кочевой характер. На Среднем Енисее в значительных размерах было развито ремесло, особенно обработка металлов. Здесь найдены следы поселений кузнецов-металлургов, обслуживавших нужды земледельцев и воинов.

У кыргызов существовал своеобразный погребальный обряд: «...обвертывают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сжигают его и собранные кости через год погребают»[49]. Этому описанию полностью соответствует устройство кыргызских могил типа *чаатас*, в которых находят жженные человеческие кости. Значительным достижением культуры енисейских кыргызов была их собственная письменность. Памятники ее дошли до нас в надписях, выполненных руническим письмом на могильных стелах, драгоценных сосудах, на предметах быта, монетах, скалах. Письменность существовала у кыргызов с VII по XI вв., но затем была утрачена.

В конце VII — начале VIII в. енисейские кыргызы представляли собой грозную силу. Они могли выставить до 80 тыс. воинов. Значительную роль в их войске играла тяжеловооруженная конница. Всадники были облачены в нагрудные пластинчатые панцири, конические шлемы, накладные поножи и наручья. В состав защитного вооружения входил деревянный щит, обтянутый кожей и усиленный металлическими пластинами. Воин был вооружен обоюдоострым мечом, длинным копьем, боевым топором, сложносоставным луком и набором стрел с трехлопастными наконечниками, хранившимися в берестяных колчанах. Легко вооруженные воины действовали, в основном, сложносоставными луками и стрелами, а в ближнем бою — палашами или саблями. В защитное вооружение их входили деревянные поножи, накладные щитки, щиты. Отдельными подразделениями войск командовали беги, во главе всей кыргызской армии стоял их правитель с титулами «чор», «йинал» (*ажо*) или *«каган»*[50].

В начале VIII в. во главе государства енисейских кыргызов был каган Барс-бег, принявший тронное имя Ынанчу Алп Бильге. Кроме союза с тюргешами, в борьбе с тюрками энергичный Барс-бег пытался заручиться поддержкой Тибета. Втайне от танского императора, видимо, не рассчитывая на его серьезную поддержку, Барс-бег направил в Тибет посольство во главе с опытным дипломатом Эрен-Улугом из рода булсаров, уже трижды до этого выполнявшим дипломатические функции. Миссия кыргызов, судя по исторической ситуации, не имела успеха, так как тибетцы не выступили против восточных тюрок. Сам Эрен-Улуг по неизвестным причинам умер в Тибете. Надгробные стелы с описанием подвигов Барс-бега и жизни Эрен-Улуга были найдены в Минусинской котловине более ста лет тому назад, однако, правильную атрибуцию и интерпретацию получили лишь недавно[51].

Внутри государства тюргешей не было единства. Младший брат Сакал-кагана — Чжену, мечтавший о разделе государства, обратился за помощью к Капаган-кагану. Тот не отказал ему в поддержке. Это вынудило Сакал-кагана проявить особую решительность в борьбе против восточных тюрок. Он заключил антитюркский союз с танским наместником в Аньси (Куче) и каганом енисейских кыргызов Барс-бегом. Летом 711 г. намечалось совместное выступление союзников. Капаган решил опередить его. По совету своего главнокомандующего Тоньюкука он нейтрализовал Китай, заключив договор о «мире и родстве», а потом в тяжелом зимнем походе через Саяны разгромил енисейских кыргызов. После этого Капаган с 20-тысячным войском ударил по Сакал-кагану. Войсками Восточнотюркского каганата руководил Тоньюкук. Силы его значительно уступали тюргешским. Лазутчик донес, что тюргешский каган с союзниками выступил в поход. Тоньюкук видел лишь один путь к победе — напасть первым и внезапно.

Поражение тюргешей красочно описано в надписи в честь Тоньюкука: «Я без дороги перевалил Алтунскую чернь (Алтай). Мы переправились без брода через реку Иртыш, и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болучу... На второй день (враги) пришли; они пришли, пламенея, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы не боялись, говоря, что их (врагов) много... Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шада там умертвили»[52].

В битве при Болучу в 711 г. Тюргешский каганат был разгромлен, а сам каган и его мятежный брат казнены. «Желтые» тюргеши утратили ведущее положение в Семиречье.

Восточные тюрки и согдийцы в борьбе с арабами (711—713 гг.)

В рунических текстах эпохи второго Восточнотюркского каганата по меньшей мере восемь раз упомянуты Железные ворота (проход Бузгала в горах Байсун-тоо, между Самаркандом и Балхом). Для авторов рунических надписей достижение Железных ворот — это показатель военно-политического могущества государства тюрок. Непреодолимым препятствием для восточных тюрок на пути воссоздания Тюркского каганата в границах времен Истеми-кагана стали арабы. Восточные тюрки, обосновавшись в Семиречье, на Тянь-Шане и Средней Сыр-Дарье, дважды форсировали Жемчужную реку (Сыр-Дарья) и приходили на помощь согдийцам в борьбе с войсками эмира Кутейбы.

В 711 г. армия Кутейбы, усиленная контингентами местных владетелей, выступила из Бухары по направлению к Самарканду. Войска согдийского царя Гурека встретили арабов на полпути к своей столице. Не надеясь на собственные силы, Гурек обратился за помощью к восточнотюркскому Капаган-кагану, царю Чача и ихшиду Ферганы. Союзники ответили согласием и направили на помощь Согду отборный отряд. Во главе отряда тюрок, чачцев и ферганцев стал младший сын Капаган-кагана—Инэль-каган, которому подчинялись военные силы тюрок на западе. Отряд намеревался произвести внезапное ночное нападение на лагерь арабов. Благодаря хорошо поставленной разведке Кутейба был осведомлен о движении союзников. Навстречу Инэль-кагану он отправил своего брата Салиха с 20-тысячным войском. Тот устроил засаду и в ночном бою разгромил отряд Инэль-кагана. В руки арабов попали богатые трофеи: породистые кони, дорогое оружие и одежда, наборные пояса с золотыми бляхами. По свидетельству пленных, там полегла лучшая часть их знати, с каждым в отдельности не могла бы справиться и сотня мужей[53].

Оставшиеся без поддержки союзников, согдийцы отступили к Самарканду. После ряда ожесточенных сражений арабы взяли город. Гурек вынужден был заключить мир на унизительных условиях. В Самарканде укрепился арабский гарнизон[54].

Согд не был окончательно сломлен поражением. Древнетюркские рунические тексты свидетельствуют, что после падения Самарканда и до начала антиарабского восстания в Согде зимой 712—713 гг. к тюркам прибыло посольство согдийцев во главе с Суком, что свидетельствует о попытке договориться о совместных действиях против арабов. Уже в конце 712 г. на помощь восставшим согдийцам подоспели отряды тюрок во главе с племянниками Капагана—Бильге и Кюль-тегином. Этот поход тюрок не был удачным. Арабский гарнизон в Самарканде под командованием брата Кутейбы Абдуррахмана держался стойко. В Семиречье к тому же восстали тюргеши. Тюркская конница в Согде лишилась

фуража и продовольствия. Весной из Мерва в Согд выступили основные силы арабов во главе с Кутейбой. В этих условиях тюрки вынуждены были позаботиться об укреплении своего тыла. Против восставших тюргешей был направлен Кюль-тегин с небольшим числом воинов. Ему удалось разгромить их. Путь к отступлению тюрок был расчищен.

Возрождение каганата тюргешей

В 716 г. Капаган-каган был убит. На трон после очередной смуты был возведен его племянник Бильге. Несмотря на высокомерное заявление посла нового кагана, что тюргешский хан «мелкий владетель и притом тюркский вассал», реальная политическая обстановка была иной. Семиречье и Западный Тянь-Шань добились независимости. Возрождение государства было связано с племенной группировкой «черных» тюргешей. Каганом стал ее глава Чабышчор Сулук (716—738 гг.). Незаурядный дипломат и полководец Сулук снискал себе популярность в кочевой среде довольно простым способом: «после каждого сражения добычу раздавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами»[55].

Народу «десяти стрел», вновь объединенному каганом Сулуком, приходилось вести борьбу на два фронта. На западе серьезную угрозу представляли арабские армии, на востоке танский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего решил нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую миссию в столицу Танского государства. Вслед за этим он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владетелями: женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина; второй женой Сулука стала дочь восточнотюркского Бильге-кагана; третьей — дочь царя Тибета. Свою дочь Сулук выдал за сына Бильге-кагана, после чего дружественные отношения между обоими каганатами не прерывались. Дипломатические успехи на востоке позволили тюргешам активизировать военные действия на западе.

Тюргеши во главе борьбы с арабами (720—738 гг.)

До 712 г. главную организующую роль в борьбе с арабскими завоевателями играл Согд. После падения Самарканда эта роль перешла к тюркам, а затем к тюргешам. В ходе борьбы сложилась антиарабская коалиция, в которую, кроме каганата тюргешей, входили Фергана и Чач, в составе их населения уже тогда был ощутим тюркский компонент.

Установление господства Арабского халифата в Средней Азии легло тяжелым бременем на ее население. В начале 720 г. в Согде вновь вспыхнул очаг освободительной борьбы. Во главе восставших был согдийский царь Гурек. На помощь согдийцам Сулук-каган направил войска под командованием Курсуля (Кюльчора). Тюргеши осадили замок Бахилия, находившийся в окрестностях Самарканда, но арабам смелым рейдом удалось снять оса-

ду. Это был последний их успех в этой кампании[56]. Осажденные в Самарканде арабы запросили мира. Он был заключен на условии уплаты 40 тыс. дирхемов и выдачи 70 заложников. Из Мерва на выручку самаркандского гарнизона выступил крупный отряд. Тюргеши и согдийцы напали на него и разгромили авангард арабов. Тем не менее основным силам удалось дойти до Самарканда, взять тяжелораненых и покинуть город. Так совместными действиями тюргешей и согдийцев арабы были изгнаны из пределов Согда.

Арабы стали готовить крупную карательную экспедицию. Часть согдийских дихкан с царем Гуреком пришла с повинной к арабскому наместнику. Другие решили покинуть Согд и уйти во владения тюргешей. Арабские войска настигли беглецов в Фергане. Большая часть патриотически настроенных согдийцев в результате предательства была уничтожена.

В 724 г. каган Сулук сам возглавил поход против арабов. Он смело и решительно действовал против завоевателей, за что арабы прозвали кагана Абу Музахим — «ударяющий, бодающийся». Арабские наместники видели в Сулуке главную угрозу своей власти в Согде. Когда арабы вторглись в пределы Ферганы, тюргеши разгромили их арьергард и взяли большую добычу. На берегу Сыр-Дарьи объединенные силы тюргешей, Ферганы, Чача и Несефа под командованием кагана нанесли поражение основным силам арабов и преследовали их остатки до Самарканда. Это сражение в корне изменило соотношение сил на восточной границе халифата: наступательная политика арабов сменилась оборонной. О походах на Фергану и Чач не могло быть и речи. Более того, в 726 г. тюргеши при поддержке местного населения разбили арабское войско в Тохаристане[57].

В 728 г. наместник Хорасана Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулами задался целью обратить в ислам все население Мавераннахра. Он объявил, что с того, кто примет ислам, не будет взыскиваться *джизья* (подушный налог). Успех заявления превзошел все ожидания — почти все население Согда поспешило стать мусульманами и поступления джизьи прекратились. Таким поворотом событий были недовольны как арабская администрация, так и согдийская знать. Ашрас повелел сборщикам налога брать джизью «с тех, с которых брали ее прежде»[58]. Произошло всеобщее народное восстание, которое поддержали тюргеши. Совместными усилиями согдийцы и тюргеши вытеснили арабов из Мавераннахра. В их руках в 728 г. остались только Самарканд и Дабусия. Ашрас объявил газават против неверных Мавераннахра. Сильная армия арабов переправилась через Аму-Дарью и направилась к Бухаре. В ее окрестностях каган Сулук с войсками Чача и Ферганы дал несколько сражений арабам. Борьба шла с переменным успехом. Здесь на сторону кагана перешел Гурек с войском Согда. Наконец, тюргешам удалось осадить Ашраса в крепости Кемерджа, расположенной в 40 *км* от Самарканда по дороге в Бухару. Сулук пытался переманить на свою сторону новообращенных мусульман (мушриков), обещая им жалованье вдвое выше, чем платил Ашрас, но расколоть армию арабов не удалось. Попытка взять крепость штурмом, предпринятая Сулуком силами тюргешей и ферганцев, также не имела успеха. На предложение сдать крепость, арабы выставили условием свободный пропуск их войск в Дабусию. Каган потребовал заложников. Осажденные, измученные жаждой и голодом, приняли условия тюргешей и сдали крепость.

Газават против неверных, объявленный Ашрасом, закончился полным провалом. В конце 729 г. халиф отозвал Ашраса из Хорасана, назначив наместником Джунейда ибн Абд ар-Рахмана. Летом 730 г. Джунейд выступил против Мавераннахра. Каган Сулук во главе 17-тысячного войска преградил ему путь у переправы через Аму-Дарью. На помощь новому наместнику в тыл тюргешам вышли войска из Самаркапда и согдийские союзники арабов. Каган проиграл сражение. В одной из схваток под Самаркандом арабам удалось взять в плен племянника кагана. Тюргеши сочли это дурным предзнаменованием, оставили Мавераннахр и ушли в Суяб[59].

В результате совместных усилий тюргешей и согдийцев независимость Согда была временно восстановлена. Борьба их с арабскими завоевателями на этом этапе (728—731 гг.) была успешной, потому что хорошо обученные отряды тюргешей были поддержаны всенародным восстанием в Согде. С выступлением народа было гораздо труднее справиться, чем с восстанием согдийских феодалов в 721—722 гг.

Весной 731 г. 15-тысячный отряд тюргешей вновь осадил арабский гарнизон в Самарканде. Эмир Джунейд переправился через Аму-Дарью и двинулся на помощь осажденным. На авангард Джунейда напали тюргеши и союзные с ними согдийцы, разбили его и гнали до самого лагеря. Каган атаковал правое крыло арабов. В ожесточенной схватке арабы потерпели поражение. Положение Джунейда было критическим. Он был поставлен перед дилеммой: либо смириться с гибелью хорасанского войска, либо пожертвовать самаркандским гарнизоном. Эмир выбрал второе и приказал арабскому гарнизону ударить кагану в тыл. Однако 12-тысячный отряд арабов, выступивший из города, был наголову разбит согдийским царем Гуреком. Пытавшихся спастись бегством, тюрки и согдийцы преследовали до самого Самарканда. Город был вновь осажден. Мусульмане, испытавшие тяжкие лишения, были близки к сдаче крепости, но внезапное нападение Джунейда вынудило тюргешей и согдийцев снять осаду и отступить. Войска арабов получили пополнение из Тохаристана и Хорасана. Джунейду удалось спасти свою армию, но вся долина р. Зеравшан, кроме Самарканда и Бухары, отказалась признать власть арабского наместника. По мнению самого Джунейда, причиной голода 733 г. в Хорасане был переход Мавераннахра, откуда Мерв получал продовольствие, в руки «неверных»[60]. Поражение Джунейда отбило у арабов же-

лание вмешиваться в дела Согда и до 734—735 гг. они не предпринимали никаких попыток к его захвату.

Более чем пятидесятилетняя изнурительная борьба арабов за господство в Средней Азии, отход омейядских халифов от былых демократических традиций ислама, развал хозяйства и голод вынудили часть арабов начать борьбу против своего халифа. Известный арабский военачальник Харис ибн Сурейдж в 734 г. открыто выступил против Омейядов. Хариса поддержали сторонники различных оппозиционных течений в исламе, которые считали правление Омейядов незаконным. Наиболее решительными и воинственными из них были хариджиты, требовавшие избрания халифов всеми мусульманами. По их убеждению, халифы должны быть благочестивыми и соблюдать законность. Но успех Хариса объяснялся не борьбой за первородную чистоту ислама, а тем, что он обещал соблюдать договор с согдийцами и не брать налога с новообращенных мусульман. Харис совершил важный политический акт, добившись покровительства кагана тюргешей Сулука Чабыш-чора. Этим он обеспечил себе поддержку тюргешской конницы и территориальную базу для отступления в случае неудачи. Каган пожаловал лично Харису, как вассалу, харадж с города Фарьяб на «кормление»[61].

Хариса поддержали часть населения Согда, страдавшая под гнетом налогов, значительная часть дихкан, а также вассалы тюргешского кагана: Сабил, царевич Хутталя и Джабгу — царь тохаристанских карлуков. Объединившись, они двинулись на Тохаристан. Харису удалось нанести поражение наместнику Хорасана, который сочувствовал хариджитам и действовал нерешительно. Он был заменен Асадом ибн Абдаллахом (735—739 гг.). Асад нанес несколько поражений Харису и вынудил его отступить. Под предлогом наказания хуттальянцев за поддержку хариджитов Асад предпринял грабительский поход против Хутталя. Владетель его призвал на помощь тюргешей. Табари красочно описывает обстоятельность, с которой каган, находившийся в то время в Чуйской долине, готовился к походу. «У хакана были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Протяжение луга — 3 дня и горы 3 дня (пути. — *Ред.)*. Они снарядились, пустили скот на пастбище, выдубили кожи диких зверей и сделали из них бурдюки, изготовили луки и стрелы. Хакан приказал подать лошадь, оседланную и взнузданную, разрезать овцу и привязать к ремням, затем взял немного соли, положил в мешок, поместил в свой пояс и приказал каждому тюрку сделать то же и сказал: „это — ваша провизия, пока не встретите арабов в Хуттале“»[62].

Тюргеши выступили из Суяба налегке и за 17 дней достигли Хутталя. Асад отступил в сторону Балха и укрылся за его стенами. Сулуку удалось разбить арабов и захватить обоз с награбленным имуществом. Тюргеши вернулись с пленными и богатой добычей. Упрекая Асада за вторжение в Хутталь, каган обратился к нему через посредника: «Не достаточно ли было у тебя места для походов за рекой? Но тебя жадность одолела, необходимости в тебе в Хуттале не было. Эта страна (досталась мне) от моих отцов и дедов»[63]. Этим самым каган подтвердил претензии на сюзеренитет по отношению к некоторым среднеазиатским областям.

Харис ибн Сурейдж сообщил кагану, что войска Асада в Хорасане размещены в домах местных жителей, рассредоточены и могут стать легкой добычей тюргешей при внезапном нападении. Зимой 737 г. каган с малыми силами напал на Хорасан. Однако Асад сумел быстро собрать свои войска и нанес тюргешам сокрушительное поражение. Каган едва не попал в плен и отступил. Вместе с каганом в Чуйскую долину ушел Харис и часть согдийцев. В 738 г. Сулук (Абу Музахим) сумел снарядить 5-тысячный отряд, который и направил в Мавераннахр во главе с Харисом.

Поражение в борьбе с арабами стоило Сулуку жизни. Чувствуя недовольство тюргешской верхушки поражением и понесенными в связи с этим убытками, что часто кончалось междоусобицей, каган пожаловал им много лошадей. Но предотвратить мятеж было уже невозможно. К тому же Сулука в результате простуды парализовало. Один из его полководцев, Бага-тархан, ночью напал на ставку и убил кагана.

Распад каганата

Гибель Сулука Чабыш-чора положила начало длительной борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами, что привело Тюргешский каганат к распаду.

Сулуку наследовал его сын, Тухварсен (738—739 гг.). Ему подчинились кочевья «черных» тюргешей в долинах рек Талас и Чу. Мятежный Бага-тархан объединил «желтые» роды и призвал на помощь владетелей Ферганы, Чача, Кеша и танского наместника в Кашгаре. В сражении на р. Чу близ Суяба «черные» тюргеши потерпели поражение, каган Тухварсен был взят в плен. Каштгарцы и ферганские тюрки разгромили г. Тараз. Каганом стал Кюль-чор бага -тархан (739—744 гг.).

Харис ибн Сурейдж и Кюль-чор бага-тархан[64] еще продолжали борьбу с арабами и одерживали победы местного значения. Наместник Хорасана Наср ибн Сейяр ввел новую налоговую политику, которая устраивала дихкан, старался сблизиться с зелмельной аристократией Согда, даже породнился с ней, заключил с согдийцами, ушедшими в Суяб (а их было «несколько десятков тысяч»), выгодный для них мир. В совокупности эти мероприятия внесли раскол в ряды противников арабского господства в Средней Азии.

Последние противники Насра, Кюль-чор и Харис, вскоре тоже прекратили борьбу. В одном из набегов на Сыр-Дарью Кюль-чор был взят в плен. Он предложил за себя богатый выкуп, но Наср отказался и казнил его. Тюргеши не смогли выручить ни своего вождя, ни его труп, который арабы сожгли, что считалось

еще более тяжким ударом, чем сама смерть. Тюргеши вынуждены были отступить. В 744 г. на сторону Насра перешел Харис ибн Сурейдж, который был прощен халифом и вернулся в Мерв[65].

Тюргеши и согдийцы потерпели поражение в борьбе с арабскими завоевателями. Основной причиной успеха арабов была политическая раздробленность Средней Азии и отсутствие единства между тюргешскими и согдийскими феодалами. Согдийцы не всегда доверяли кочевникам, которые были непрочь подчинить себе богатые города Согда. Войска тюргешей и согдийцев не имели централизованного руководства, тогда как арабские армии направлялись единой волей наместника Хорасана. Народные массы оказывали завоевателям сильное сопротивление, но феодалы часто изменяли и становились на сторону арабов. Наконец, арабы располагали материальными и людскими ресурсами многих богатых государств и прочным тылом, а народам Средней Азии, и прежде всего тюргешам, с востока угрожало Танское государство. После гибели Кюль-чора правило еще несколько каганов, при которых междоусобная борьба не прекращалась. Междоусобицы подорвали силы Тюргешского каганата, и он пал под натиском карлукских племен. С его распадом создались благоприятные условия для окончательного подчинения оазисов Средней Азии арабами.

Западнотюркский каганат пал, однако тюркская государственность продолжала развиваться. На развалинах Западнотюркского каганата кочевые тюркские племена образовали четыре могущественных государства: в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе — Хазарский каганат; в Приаралье — государство огузов с центром в нижнем течении Сыр-Дарьи; степи Северного и Восточного Казахстана занимало государство кимаков (столица Имакия на Иртыше). Исконные земли Западнотюркского каганата — Семиречье и Тянь-Шань — заняли племена карлуков.

4. Государство карлуков

Первые сведения о карлуках

Название «карлук бодун» («народ карлуков») или «уч карлук» («три племени карлуков») древнетюркские рунические памятники распространяли на сильный союз кочевых племен, занимавший территорию между северной частью хребта Монгольский Алтай и восточным побережьем оз. Балхаш, к югу и северу от Тарбагатая. В середине VII в. в состав карлукского объединения входило три крупных племени: *моуло, чжисы* или *пофу* и *ташили*. Первый этноним реконструируется как *булак*, второй — *чигиль* или *себек*, третий — *ташлык*. Новые исследования исторической географии Центральной Азии позволяют сравнительно точно локализовать первоначальные места расселения каждого из этих племен. Племя булак занимало территорию в районе хребта Борохоро, входящего в систему Тянь-Шаня. Центр кочевий ташлыков находился в окрестностях оз. Сайрам. Чигили владели территорией между

булаками и ташлыками, достигая на юге пустынных районов Джунгарии[66]. Уже в ранний период истории карлукского союза племен источники сообщают об их территориальной и политической разобщенности. Одна часть карлуков во второй половине VI в. или в начале VII в., находясь в составе западнотюркских войск, заняла территорию Тохаристана. Глава их принял титул «джабгу». Другая оказалась далеко на востоке, в горной местности Отукен в Монголии.

Вожди карлукских племен носили титул «эльтебер». Позже они стали претендовать на происхождение от одной из ветвей древнетюркского правящего рода Ашина. Обычаи трех племен были очень сходны с западнотюркскими, но, как отмечают танские хроники, язык немного отличался. Карлуки имели сильную армию, и, пользуясь своим географическим положением на стыке границ Восточного и Западного тюркских каганатов, создавали равновесие сил между ними.

После образования второго Восточнотюркского каганата (682 г.) карлуки находились в зависимости от него. Но в древнетюркских источниках эти племена характеризуются как исключительно беспокойные и мятежные. В первой четверти VIII в. против них ходили походами по меньшей мере три раза Бильге-каган и Кюль-тегин. Успех сопутствовал братьям, но карлуки всякий раз оказывали сильное сопротивление. Победа над карлуками при Тамаг ыдук баши образно описана в эпитафии Бильге-кагана: «...карлуки, когда они были привольно кочующими, стали нам врагами, и я сразился с ними у священного источника (или у вершины) Тамаг. Я победил народ карлуков и захватил их». По сведениям эпитафии в честь Кули-чора, восточные тюрки терпели и поражения в битвах с карлуками. В ожесточенном сражении на р. Тез (Северо-Западная Монголия), где Кули-чор тардушский лично дважды бросался в атаку и под ним пал конь, все же он «... до (своего) дома довел войну»[67], иными словами, отступил.

В середине VIII в. карлуки приняли деятельное участие в крупнейших политических событиях, приведших Восточный и Западный тюркские каганаты к падению, что положило конец целой эпохе в истории Центральной и Средней Азии.

После смерти Бильге-кагана (734 г.), отравленного своими приближенными, второй Восточнотюркский каганат, раздираемый междоусобицами, утратил свое могущество. В 744 г. он был сокрушен союзом племен басмылов, уйгуров и карлуков. Вначале возвысились басмылы, вождь которых объявил себя каганом, но вскоре уйгуры и карлуки объединенными силами нанесли басмылам поражение. В Центральной Азии возникло новое государство — Уйгурский каганат (744—840 гг.).

Уйгуры были одним из телесских племен, входивших в сильное объединение тогуз-огузов. После победы над восточными тюрками они распространили свою власть на территории от Алтая

до Маньчжурии. В 758 г. уйгуры подчинили земли енисейских кыргызов. Глава уйгурских племен стал каганом, а вождь карлуков получил титул «джабгу».

Переселение карлуков в Семиречье

Стремление карлуков к самостоятельности привело их к столкновению с каганатом уйгуров. В 746 г. карлуки, стесненные своими бывшими союзниками, переселились в Семиречье. Об этом впервые упомянуто в Терхинской надписи, сделанной еще при жизни уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (747—759 гг.): «В год собаки уч-карлуки, замыслив измену, бежали. На западе в страну народа десяти стрел они пришли»[68].

Политическая обстановка в Семиречье была сложной. Тюргешские каганы утратили реальную власть. Разобщенные племена не могли оказать сильного сопротивления иноземцам-захватчикам. Этим воспользовались танские наместники в Восточном Туркестане и вмешались в династийные распри между «желтыми» и «черными» тюргешами. В 748 г. танские войска временно захватили г. Суяб и разрушили его. В следующем году они пленили и вероломно казнили владетеля Чача.

Арабы не могли оставить без внимания столь дерзкое вмешательство Танской империи в дела Средней Азии. Спор за преобладание решился в сражении на берегу р. Талас. На основании скудных арабских и китайских источников события реконструируются следующим образом[69]. Один из полководцев наместника Хорасана Абу Муслима, Зияд ибн Салих, в крови потопил народное восстание Шарика в Бухаре. Восставшие отступили в сторону Невакета. Повстанцев преследовал отряд арабов под командованием Саида ибн Хумейда. Он занял Тараз, где и был осажден китайцами. Саид ибн Хумейд запросил помощи, но Абу Муслим смог ему направить вначале только небольшое ополчение добровольцев и рабочих для фортификационных работ. В то время сын казненного китайцами владетеля Чача обратился за помощью к арабам. Абу Муслим послал к Таразу войска во главе с Зиядом ибн Салихом. Навстречу ему из Суяба двинулась стотысячная танская армия под командованием Гао Сяньчжи. Обе армии встретились в июле 751 г. на р. Талас близ города Атлах, не решаясь перейти реку[70]. Противостояние длилось четыре дня. На пятый день в тыл танской армии ударило войско карлуков, а с фронта — арабы. Танские войска понесли большие потери. По сведениям Ибн ал-Асира, под Атлахом 50 тыс. китайцев было убито и около 20 тыс. взято в плен. Остатки разбитой армии в панике бежали в горы, по-видимому, вверх по р. Талас. Конвой Гао Сяньчжи с большим трудом проложил ему дорогу среди бегущих в тесниие. Арабы захватили богатые трофеи. Среди пленных оказалось много ремесленников. Ткачи шелка были отправлены в Ирак, где они работали до 762 г., а мастеров по изготовлению бумаги оставили в Самарканде.

Битва у Атлаха имела большое историческое значение в судьбах народов Средней Азии: танские захватчики были отброшены от границ Средней Азии. Вскоре под давлением Уйгурского каганата и тибетцев китайские войска вынуждены были оставить Восточный Туркестан. В самой империи военачальники согдийского происхождения Ань Лушань и Ши Сымин подняли восстание, которое после долгих лет борьбы обескровило империю. После битвы у Атлаха войска под китайскими знаменами не появлялись у границ Средней Азии почти тысячу лет. Арабы тоже не смогли удержаться в Северном Притяньшанье и отступили в Чач.

Сыграв важную роль в разгроме танских войск под Атлахом, карлуки упрочили свое положение в Семиречье. Однако за полное политическое господство здесь предстояла еще длительная борьба. Прежде всего карлуки стремились ослабить своего главного врага — Уйгурский каганат. В эпитафии кагану уйгуров Баянчору (Элетмиш Бильге-кагану) повествуется, что в 751 г. сложилась антиуйгурская коалиция карлуков, остатков тюрок, кыргызов и чиков. Союзники действовали нерешительно. Кроме того, несколько тюркских бегов-перебежчиков сообщили уйгурам о враждебных намерениях союзников. Сложилась ситуация, весьма напоминающая положение второго Восточнотюркского каганата в 711 г. Элетмиш Бильге-каган, проявив качества недюжинного полководца, по примеру восточных тюрок, поодиночке нанес поражение союзникам. Сначала он перехватил «летучие отряды» кыргызов и задержал их разведчиков, затем на плотах переправился через Иртыш и в местности Болучу разгромил карлуков. Против восставших чиков был послан тысячный отряд уйгуров, который привел их к повиновению.

В следующем году карлуки, басмылы и тюргеши совершили поход против уйгуров в глубь Центральной Азии. Вначале им сопутствовал успех — они дошли до ставки кагана. Однако в лесах Отукена в сражении с основными силами уйгуров потерпели поражение басмылы, а после этого у р. Ичюй — тюргеши и карлуки. Несмотря на поражение, карлуки и басмылы продолжали борьбу с уйгурами, но безуспешно[71].

Союз карлуков и тюргешей в военных акциях против уйгуров свидетельствует о том, что между этими племенами не было постоянных враждебных отношений. Ожесточенное и длительное сопротивление карлукам в Семиречье оказали огузы. Имеющийся фактический материал в исторических источниках не дает возможности установить в подлинных деталях все перипетии этой борьбы. Исследование С. Г. Агаджановым огузских легендарных преданий, приведенных в трудах Гардизи, Ибн ал-Факиха и сказаний о легендарном Огуз-кагане, где прародиной огузов названы территории Иссык-Куля и Таласа, позволяют заключить, что между карлуками и огузами в середине VIII в. шла борьба за тюргешское наследство, в результате которой значительная часть огузов покинула пределы Семиречья и ушла в Приаралье, где

основала свое государство[72]. Двадцатилетняя борьба за преобладание в Семиречье завершилась победой карлуков, которые в 766 г. заняли Суяб и Тараз. Позже им удалось продвинуться в Фергану и Восточный Туркестан.

Расселение карлуков на территории Киргизии в VIII—X вв.

Наиболее полные сведения по исторической географии Семиречья, Тянь-Шаня и Ферганы представлены в сочинении «Худуд ал-алам». В нем сказано, что область расселения карлуков была наиболее цветущей из всех стран, занятых тюркскими народами. Здесь было множество рек и умеренный климат. Жители страны, по утверждению автора, достаточно культурны и имеют города и села. Согласно этому сочинению, карлуки занимали большую часть Чуйской долины, территории южнее и севернее хребта Киргизский Ала-тоо, южное побережье оз. Иссык-Куль и Центральный Тянь-Шань (севернее Нарына), а также ряд районов Восточного Туркестана. Между Куланом (ст. Луговая) и Мирки живут три племени, а у оз. Туз-Куль (Иссык-Куль) семь племен карлуков. В большом селении Карминкет жили карлуки-лабаны (албаны).

Кудама ибн Джафар упоминает о зимних пастбищах карлуков в местности Касра-Бас, в 5 фарсахах (30 *км*) к югу от Тараза. На границе земли мусульман с землей карлуков в долине р. Талас находились города Нушджан (развалины у ст. Уч-Булак) и Тараз.

Южные и западные границы расселения карлуков отмечены ал-Истахри: «Все границы Мавераннахра — место военных действий, от Хорезма до окрестностей Исфиджаба — с тюрками-огузами, от Исфиджаба до отдаленнейших мест Ферганы — с тюрками-карлуками»[73].

Таким образом, по данным восточных авторов, большая часть карлуков жила в IX—X вв. на Тянь-Шане и в сопредельных с ним регионах. Часть их обитала между долиной р. Талас и городами Исфиджаб (близ Чимкента), в Фарабе (Отрар), в предгорьях Ферганы и в других районах.

В письменных источниках содержится ряд сведений о расселении чигилей на Центральном Тянь-Шане и в Семиречье. По данным «Худуд ал-алам», они проживали на территории Прииссыккулья. Другие сообщения в этом сочинении о чигилях очень противоречивы, хотя в целом не возникает сомнения, что обитали они в пределах современной Киргизии и Семиречья.

Гардизи, сведения которого о тюрках, в основном, относятся к периоду карлукского государства, описывает две области, населенные чигилями. Первая — окрестности оз. Иссык-Куль, а вторая — Илийская долина. По сведениям ал-Мукаддаси, часть чигилей обитала в окрестностях Тараза. Там же находился и их город. Махмуд Кашгарский отметил три группы чигилей: одну в г. Чигиль близ Тараза, вторую — в Куясе за Барсханом, третью — в Кашгаре. Огузы называли чигилями всех тюрок, обитавших к

востоку от Аму-Дарьи. «А это неверно»,— прокомментировал Махмуд Кашгарский[74]. Несмотря на то, что и в области чигилей имелись города и селения, в общем они, по мнению автора «Худуд ал-алам», были менее культурны, чем карлуки. Они жили в шатрах, носили войлочные шапки, поклонялись солнцу и звездам. Чигили обладали большими стадами скота. Наиболее отсталыми в хозяйственном и культурном отношении были племена ягма. Обитали они в Центральном Тянь-Шане, южнее р. Нарын. Согласно сведениям «Худуд ал-алам», Кашгар принадлежал этому племени. В XI в. группы ягма занимали часть Илийской и Таласской долин. В последней ягма именовались кара-ягма. Наряду с карлуками и чигилями, ягма было одним из самых многочисленных и сильных племен карлукской федерации.

Кроме этих трех наиболее сильных племен, на территории Киргизии жили племена, входившие ранее в тюргешский племенной союз,— тухси, азы, барсханы, аргу и другие.

В Чуйской долине, в предгорьях Чаткальского и Угамского хребтов совместно с карлуками проживала часть огузов. Близ Тараза находились кочевья халаджей, в самом Таразе в VIII в. жили тюрки-чаруки (джаруки). Восточный Тянь-Шань занимали тогуз-огузы[75].

Таким образом, в VIII—X вв. территорию Киргизии населяли три основные группы кочевых племен, входивших в карлукское объединение: собственно карлуки, чигили и ягма. Значительную роль играли и местные племена, входившие ранее в состав «народа десяти стрел». Политическая власть принадлежала феодальной верхушке карлуков во главе с джабгу. Но карлукам, несмотря на их политическое преобладание, не удалось создать централизованного государства. Власть карлукских джабгу была номинальной. Фактически Семиречье, Иссык-Кульская котловина и Центральный Тянь-Шань состояли из ряда разрозненных феодальных владений. Верхушка кочевых племен владела не только пастбищными угодьями, но и городскими центрами. Так, Суяб владел брат «тюркского кагана», селением Хут Куял — Баглила, по происхождению тюргеш, который, однако, сам жил в степи. Большое селение Карминкет принадлежало карлукскому племени лабан (албан); владетелем города Беклик был некий тюрок с титулом «йинал-тегин». Значительную информацию о государственном устройстве Карлукского государства содержит, как установил С. Г. Кляшторный, колофон манихейской рукописи «Священная книга двух основ». Судя по титулу одного из удельных чигильских владетелей, «хан золотого Аргу — Таласа и Каршу, правитель Ордукента и Чигильбалыка, (манихейский) предстатель великих тюрков Чигиль-арслан-эль-тегрюк-алп-баргучан-алп-тархан-бег» был независим от карлукского джабгу и объявил себя продолжателем великотюркской традиции.

Феодальная раздробленность, естественно, в значительной мере ослабила карлукское государство, тем не менее, именно в это вре-

мя получили дальнейшее развитие феодальные отношения, осуществлялось приобщение кочевников к оседлой цивилизации, сопровождавшееся быстрым ростом городских центров.

Внешняя политика карлуков

В VIII—IX вв. карлукам приходилось вести войны с уйгурами за господство в Джунгарии и Восточном Туркестане, а также сдерживать натиск арабов из Мавераннахра и Ферганы. Попытки карлуков соперничать с уйгурами окончились неудачей.

В конце VIII в. джабгу заключил союз с тюрками Шаша и тибетцами, которые в это время успешно продвигались в Восточный Туркестан. Сначала союзники оттеснили уйгуров на юг, и карлуки заняли Джунгарию, но в 791 г. были разбиты уйгурскими войсками под Бешбалыком[76]. В 812 г. уйгуры вновь нанесли карлукам и тибетцам сокрушительное поражение и преследовали их вплоть до Ферганы. Это поражение вынудило карлукского джабгу признать верховную власть уйгурского кагана[77]. Утвердившись в Семиречье и Фергане, карлуки повели борьбу с арабскими завоевателями в Мавераннахре. Они не раз активно поддерживали различные антиарабские выступления.

Арабы предприняли несколько успешных походов в Фергану. Халиф ал-Махди (775—785 гг.) через послов потребовал изъявления покорности от целого ряда суверенных государств, в том числе и от карлукского джабгу. Пытаясь обезопасить свой тыл в борьбе с уйгурами, джабгу принял требование халифа. Но уже в 792—793 гг. арабский отряд во главе с Амром б. Джамилем был послан в Фергану, чтобы вытеснить оттуда войско карлуков. В начале IX в. карлуки стали серьезно беспокоить арабов в Мавераннахре. В 806 г. началось восстание местного населения против арабов, которым руководил Рафи ибн Лейс. На помощь он призвал тюрок Чача и карлукского джабгу. Войска джабгу оказывали поддержку восставшим вплоть до 809 г.

После поражения восстания, как это следует из сообщения Ибн ал-Асира, арабы предприняли наступление против карлуков и дошли до г. Кулана (ст. Луговая), однако, решающего успеха не имели. В 811 г. халиф Мамун, начав войну со своим братом Амином, жаловался, что карлукский джабгу вышел из повиновения, а царь Отрара отказывается платить ему дань[78].

Арабы, воспользовавшись тяжелым положением карлуков после поражения от уйгуров, в 812 г. предприняли против них поход. Под Отраром арабский полководец Фадл б. Сахл разбил войска карлуков, взял в плен жен и сыновей джабгу. Сам джабгу бежал в страну кимаков[79].

В середине IX в. в Средней и Центральной Азии произошли крупные политические события, отразившиеся на судьбе государства карлуков. Еще в начале IX в. единство арабского халифата стало рушиться. Непрекращающаяся борьба народов Средней Азии с арабскими завоевателями создала благоприятные условия

для захвата здесь власти местными феодалами. В Хорасане и Мавераннахре стали править местные династии Тахиридов и Саманидов, которые в сущности были независимы от Багдада.

В Центральной Азии после двадцатилетней упорной борьбы енисейские кыргызы сокрушили Уйгурский каганат (840 г.). Часть его населения, отстояв свою независимость, образовала два самостоятельных государства — в Турфáне и в районе Ганьчжоу.

Одержав победу над уйгурами, кыргызы не заняли Отукен, который со времен гуннов являлся центром господствовавших в Центральной Азии кочевых племен. Этим воспользовался карлукский джабгу Бильге Кюль Кадыр-хан. Он открыто заявил о своих притязаниях на верховную власть и в 840 г. принял титул кагана. Это, отнюдь, не означало распространения власти карлукского кагана на все тюркские племена Центральной и Средней Азии, так как реальная сила находилась в руках енисейских кыргызов[80].

В том же году первому кагану карлуков пришлось вести войну против саманидского наместника Самарканда Нуха ибн Асада. Объявив «священную войну» неверным тюркам, он взял город Исфиджаб и возвел стену, ограждавшую сады, виноградники и пашни от набегов кочевников. Округ Исфиджаб, т. е. территория от Саурана до Тараза включительно, попал в номинальную зависимость от Саманидов. Тюркский правитель Исфиджаба каган Бильге Кюль Кадыр-хан вместо ежегодных податей должен был посылать Саманидам вместе с подарками $^1/_4$ дирхема. Для сравнения отметим, что с менее значительной территории «тюркских городов» на Сыр-Дарье совместно с Ферганой поступало ежегодно 326400 дирхемов.

В 893 г. Саманид Исмаил ибн Ахмед предпринял поход на Тараз. Карлукский каган Огулчак Кадыр-хан выдержал там длительную осаду. В марте — апреле город пал. Победитель взял в плен жену кагана и 10 (или 15) тыс. воинов. По его приказу таразская церковь была превращена в мечеть, а население приняло ислам. Огулчак перенес свою ставку в Кашгар и продолжал военные действия против Саманидов. Каган пытался использовать распри в династии Саманидов: он предоставил убежище в Кашгаре (г. Артуч) одному из мятежных ее членов.

Присоединив к своим владениям Таласскую долину, Исмаил добился двух целей: сделал эту территорию центром распространения ислама против «неверных» тюрок и завладел богатыми серебряными рудниками Шельджи. Сюда из Исфагана было переселено около 10 тыс. опытных рудокопов, которые ускорили освоение рудных богатств верховьев р. Талас. Саманиды не смогли долго удерживать в своих руках Северное Притяньшанье. Именно здесь, в районе Тараза, Баласагуна и Кашгара, вызрели те тюркские силы, которые уничтожили их династию.

5. Социально-экономические отношения

Сложение раннефеодальных отношений

В VI—X вв. на территории восточной части Средней Азии, прежде всего в Семиречье и Фергане, как в городской оседло-земледельческой, так и в кочевнической среде, шло сложение раннефеодальных отношений. Возникновение и развитие новых классовых отношений в столь разных по хозяйственно-культурному типу общинах, несмотря на их теснейшую связь и постоянное взаимодействие во всех сферах хозяйственной и культурной жизни, не могло осуществляться одинаковым образом и одинаковыми темпами. На феодальные отношения, формировавшиеся в городской и оседло-земледельческой среде, решающее влияние оказывали аналогичные процессы в наиболее экономически развитых центрах Средней Азии и Ирана, прежде всего в городах и оазисах Хорасана и Согда. Уже в конце VI в. там происходила интенсивная концентрация земель в руках восточноиранской и согдийской землевладельческой аристократии *(диханства)*, а часть свободного населения *(кедивары)* оказалась в зависимости от нее. Знатные дихкане окружили себя личными дружинами из профессиональных воинов *(чакиров)*, служившими им военной опорой в подчинении некогда свободных крестьян-общинников. В сельской местности и в соседстве с городами возникают хорошо укрепленные замки землевладельческой знати. В городе отчетливо выделяется цитадель, служившая резиденцией владетеля или крупного дихкана. Такая же структура городских и внегородских резиденций дихкан-землевладельцев характерна для Ферганы, Чуйской и Таласской долин.

Военно-племенная аристократия в тюркских государствах Семиречья и Притяньшанья была не менее богата и влиятельна. Но ее реальная сила и престиж, ее постоянное стремление к расширению сферы своей власти, к захвату новых территорий и увеличению числа данников целиком зависели от боевого потенциала ополчения тюркских племен, состоявшего не из наемников, а из свободных воинов-кочевников. Последних отличала прочность родовых связей и внутриплеменная солидарность, а также личная заинтересованность в победе над противником, в добыче и в новых пастбищах, в той доле из громадной дани, взимаемой с побежденных, которую добровольно или вынужденно отдавал войску каждый из тюркских каганов. Естественно, возможности для порабощения и эксплуатации своих сородичей и соплеменников были у тюркской знати значительно более скромными, чем у дихкан Ферганы, Согда и Хорасана. Феодальные отношения в древнетюркской общине развивались медленнее и не приобрели столь отчетливых форм, как в соседних государствах. Эти отношения в значительной степени были отягощены патриархально-родовыми нормами, попытки отказа от которых неизбежно приводили к краху многих из тюркских каганов, ставивших свою

власть выше принятых в кочевой среде традиций. Исторические хроники пестрят рассказами о ханах, которые стали скупы в распределении добычи и дани, после чего их или убивали, или изгоняли. В каменных мемориалах восточнотюркских каганов, рунических стелах Орхона и Селенги как главная заслуга покойных и живущих правителей провозглашается постоянная забота о благе соплеменников, о расширении их пастбищ, о раздаче скота и имущества, отнятых у других племен и народов. Роль этой псевдодемократической традиции в системе власти аристократической верхушки кочевых государств проявлялась столь ярко, что заслоняла для некоторых современных исследователей более фундаментальный, но подспудный процесс перераспределения богатств и престижа власти, который предопределил в конечном счете феодализацию тюркской кочевой общины. Эпоха древнетюркских государств — это, прежде всего, эпоха возникновения и сложения в кочевом обществе раннефеодальных норм социальной жизни, достигших в Средней Азии полного расцвета лишь в последующую, караханидскую эпоху.

Существенным признаком феодальных отношений в древнетюркском обществе является форма земельной собственности. Пастбища находились в руках кочевой аристократической верхушки. Об этом свидетельствует летопись, где сказано, что хотя тюрки «постоянно меняли свое местожительство, однако же каждый сохранял за собой собственную область»[81].

Каган был верховным собственником и распорядителем всех земель государства. Члены каганской семьи, предводители племен, знатные воины, назначенные каганом на высокие административные и военные должности, являлись удельными собственниками и распорядителями отведенных им пастбищ.

При кочевом образе жизни знать закрепляла за собой не территорию с людьми, а людей с территорией. Специфика земельных отношений в этих условиях заключалась в том, что внутри обширных территорий, являвшихся наследственным уделом феодала, землепользование рядовых кочевников было общинным.

Высшая власть в государстве принадлежала кагану. Он принимал все политические и военные решения, назначал на высшие посты лиц из своего окружения, был верховным жрецом и верховным судьей. Фактически же власть его строго лимитировалась родоплеменной верхушкой тюркской аристократии, состоявшей из ближайшего окружения кагана.

В протокольных формах титул «каган» встречается с эпитетами «небесный» и «господин». Полная титулатура Нивар-кагана (581—587 гг.) отмечена в одном из его писем: «Рожденный Небом великий тюрк, мудрейший и святейший сын Неба». У западнотюркских государей официальными были титулы «каган народа десяти стрел», у тюргешских владык, кроме унаследованных ими прежних каганских титулов, был титул «тюргеш-каган».

Важнейшие вопросы каган решал единолично в соответствии

с «обычным» правом, опираясь на мнение буюруков (советников). Наиболее полные сведения об институте буюруков содержатся в древнеуйгурской надписи на Терхинской стеле, найденной в Монголии и введенной в научный оборот С. Г. Кляшторным. Из текста надписи следует, что количество буюруков могло быть различным. У уйгурского Элетмиш Бильге-кагана было девять великих буюруков. Ниже упомянуты семнадцать буюруков из племени *аз*. Большинство советников Элетмиша занимали военные должности от сотника до начальника «над пятью тысячами воинов». Отсюда следует, что для занятия должности великого буюрука недостаточно было происходить из высшей аристократии. Главными личными качествами буюрука были мужество и мудрость. В эпитафии Кюль-тегину качества каганов прямо связываются с качеством буюруков: у мужественных и мудрых каганов были мужественные и мудрые буюруки, а у неразумных и трусливых каганов были трусливые и неразумные буюруки[82]. Из текста ясно, что буюруки разделяли ответственность с каганами за судьбы государства. В эпитафии Бильге-кагану и в Терхинской надписи упомянуты должности начальника над буюруками. Отсюда можно сделать вывод, что буюруки составляли совещательный орган при каганах.

Помощниками кагана были малые каганы, которые назначались из его ближайших родственников. Жену кагана титуловали «катун» *(хатун)*. Братья и сыновья правящего кагана носили титул «тегин». Из них назначались шады и джабгу (ябгу). Государство тюрок в военном и административном отношении традиционно делилось на левое и правое «крыло». В соответствии с этим были правые и левые джабгу. Шад являлся вторым лицом после кагана с административной функцией высшего ранга. Джабгу (ябгу) был одним из военно-административных руководителей высшего ранга. Этот же титул часто носили вожди крупных племенных союзов (огузов, карлуков). Во главе других крупных племенных объединений стояли эльтеберы. Они, как правило, не принадлежали к правящему каганскому роду. Тарханы занимали высокие военные должности, тутуки являлись наместниками в среде подчиненных племен и народов с фискальными функциями, ярганы — судьями[83]. Термином «бег» в древнетюркских государствах обозначали вождей отдельных племен. В VI в. их именовали куркапынами[84]. Хроника упоминает, что в общем у тюрок было больше 25 наименований должностных лиц. Все должности были наследственными.

Таким образом, в древнетюркских государствах сформировалась стройная иерархическая система господствующей аристократической верхушки. Судя по содержанию Бугутской надписи, эта система окончательно оформилась уже к 80-м годам VI в.

Тюркская знать *(беги)* нередко противопоставлялась в тюркских рунических памятниках народу. Главная часть тюркской общины и ее рядовые члены обозначались термином «кара бодун».

Судя по тексту Бугутской стелы, в социальном отношении народ не был единым. Здесь, после перечисления знати и перед бодуном упомянута отдельная социальная категория — «конные воины». Возможно, так именовались привилегированные дружинники.

В древнетюркских текстах часто упоминаются рабы *(кул)* и рабыни *(кюн)*. Источниками пополнения их были войны. В хрониках сообщается о пленении большого количества людей. Капаган-каган, например, во время одного из набегов пленил от 80 до 90 тыс. человек обоего пола. Пленные после удачного похода подлежали разделу. Когда западнотюркский Эльбильге Ышбара джабгу-каган (640—641 гг.) присвоил всех пленных, то это стоило ему трона. Труд домашних рабов находил применение в крупных хозяйствах, возможно, в горнорудном промысле. Есть сведения, что в Таласской долине в первой половине VII в. было поселение в 300 дворов, где жили военнопленные. Они занимались земледелием и ремеслом для нужд феодалов. Однако в древнетюркском обществе рабы не столько использовались в хозяйстве, сколько предназначались для продажи. Иногда их освобождали за выкуп.

Термином «кул» в текстах часто именуются зависимые племена, племена-данники. Тюркские племена в социальном плане не были однородны. В источниках различаются племена, управляемые каганом, и племена, управляемые эльтеберами. В социальном плане между ними не было равенства. Зависимыми от тюрок считались и согдийские переселенцы *(таты)*. Степень их зависимости менялась с усилением или ослаблением мощи каганата и часто была номинальной.

Сведения о формах и методах эксплуатации кочевников немногочисленны. Нет данных о порядке обложения налогами и их количественной стороне. Ясно только, что какие-то налоги были, так как «количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве»[85]. Поборы с завоеванных стран и областей были тяжелыми. Так, захватив в Закавказье Агванию (Албанию), кроме подушного налога, тюрки взимали подати с ремесла, с добычи и выплавки золота, серебра, меди и железа, с торговли и рыбной ловли. Для надзора за полным поступлением налогов на места направлялись специальные смотрители[86]. К поборам с кочевого и оседлого населения следует прибавить ежегодную дань или дары, поступавшие, правда, периодически, от таких стран, как Китай, Иран и Византия. Кроме материальных богатств, подвластные кочевые племена вынуждены были платить самый тяжелый налог — «налог кровью». Они выставляли дополнительные контингенты войск, в обязанность которых входило нанесение первого удара, и, следовательно, несли наибольшие потери.

В начале VIII в. тюргешские каганы распространяют на свои владения в Тохаристане систему налогообложения, привнесенную в Среднюю Азию арабами. По сведениям хроники Балами, каган

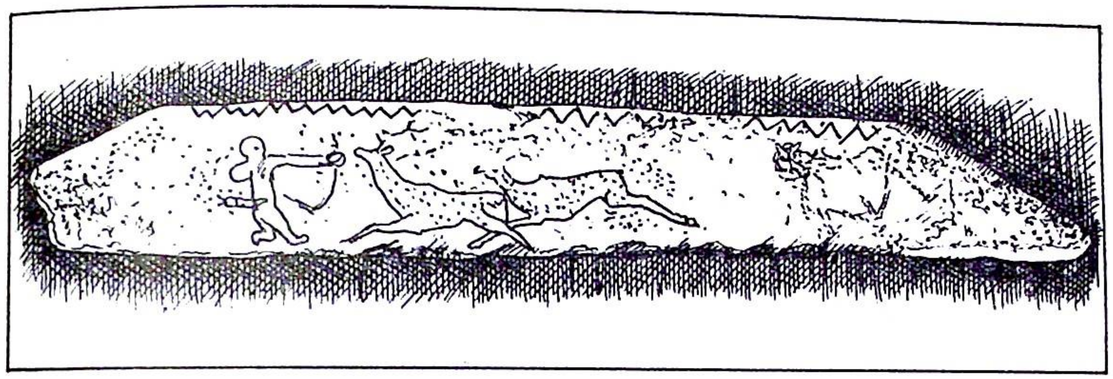
Сулук отдал поземельный налог *(харадж)* с города Фарьяб на кормление *(тума)* мятежному арабскому полководцу Харису ибн Сурейджу[87]. Термином «тума» обозначалось пожизненное пожалование заслуженным военачальникам доходов от крупных земельных владений или областей на кормление. О введении этой системы налогообложения в Семиречье данных нет.

Имущественное расслоение среди скотоводческих племен можно проследить по письменным источникам и материалам раскопанных курганов. Обилие изделий из золота поразило воображение Земарха в ставке Истеми-кагана. Каган Тон джабгу в качестве свадебных даров направил «...венец, осыпанный дорогими камнями, золотой пояс и 5 тыс. лошадей»[88]. Плененный арабами тюргешский каган Кюль-чор бага-тархан (Курсуль) предлагал за себя выкуп в 1000 лошадей и 1000 верблюдов. Цена на лошадей в Средней Азии времени Кюль-чора известна по мугским документам: верховой конь в Согде оценивался в 200 драхм. Таким образом, стоимость только части выкупа в 1000 лошадей равнялась сумме годового хараджа со всего Самарканда, установленного согласно тяжелым условиям договора между Кутейбой и Гуреком.

Знать сосредоточила в своих руках огромное количество скота. Огя-буюрук ярган Яклагар-хан-ата имел 10 загонов для скота, которого, как сообщается в его эпитафии, «было без числа». В погребениях знати Алтая VII в. найдены шелковые ткани, богатые наборы оружия и упряжи, массивные золотые и серебряные сосуды. Таких богатых погребений на территории Киргизии еще не обнаружено. На богатых погребениях воздвигали громадные валуны с древнетюркскими эпитафиями (Таласская долина).

По материалам раскопок в Киргизии можно утверждать, что в древнетюркское время продолжалось имущественное расслоение в среде рядовых скотоводов. Так, в одном из курганов VII в. в долине р. Кара-Куджур (Центральный Тянь-Шань) раскопано погребение рядового воина с конем. Сохранились деревянное седло, железные стремена и удила. На умершем была одежда из шелка и кожаный пояс с бронзовыми фигурными накладками. На части из них изображена голова дикого кабана. Возле воина найдены железный нож в деревянных ножнах, обтянутых кожей, берестяной колчан со стрелами и костяные накладки на лук. На одной из них была выгравирована сцена охоты[89]. Захоронения с конем относятся к числу богатых погребений, ибо далеко не все семьи скотоводов могли позволить себе такую роскошь. В могильнике Аламышик близ Нарына было раскопано погребение, где вместо коня умершему положили тушу барана, рядом лежали железные стремена. Аналогичные погребения встречаются и на Алае.

Следует отметить, что большая часть погребений средневековых скотоводов отличается исключительной бедностью инвентаря. Обычные находки в них — нож, оселок, поясная пряжка, реже —



Сцена охоты. Костяная накладка на лук. Центральный Тянь-Шань.

бронзовые серьги, несколько характерных бляшек, глиняные или деревянные сосуды.

Процесс формирования классов и становления раннефеодальных общественных отношений не мог не вести к социальным конфликтам. Фактических данных об этих важных событиях сохранилось очень мало. В этой связи чрезвычайный интерес представляют сведения Наршахи о движении Абруя. В конце VI в. Абруй был выбран эмиром тюркской переселенческой беднотой и согдийцами, проживавшими в районе Бухары. Его правление было настолько жестоким, что даже богатые купцы и знать вынуждены были оставить Бухару и переселиться в Таласскую долину. Здесь они обратились за помощью к правителю тюрков. Тот послал крупный отряд под командой своего сына для подавления движения. Абруй был схвачен и казнен. После этого богачи вернулись и сделали оставшуюся бедноту, поддерживавшую Абруя, своими слугами[90]. Описанные события по-разному трактовались различными учеными. Однако вывод был один: движение Абруя носило ярко выраженную социальную окраску. Этническая принадлежность при возникновении конфликта не сыграла решающей роли. Тюркская и согдийская беднота находились в одном лагере, тогда как тюркская и согдийская знать — в другом.

Все более обострявшиеся классовые отношения нашли свое отражение и в эпитафии Кюль-тегину: «Вследствие «непрямоты» (т. е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих, со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих (?) и (а также) вследствие того, что они (табгач) *ссорили младших братьев со старшими* и вооружали друг против друга *народ и правителей* (курсив наш. — *Ред.)* — тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним кагана»[91]. Автор текста, как видим, во всех неурядицах каганата винит коварный народ табгач, но он не мог скрыть явно проступающие социальные противоречия, раздиравшие каганат.

Распространенной формой протеста против политики каганов, шадов, ябгу или гнета со стороны знати являлась откочевка. Эта пассивная форма борьбы степных кочевников была весьма действенной и часто ставила феодала в безвыходное положение.

Несмотря на малочисленность примеров социальных потрясений, нужно признать, что именно они были движущей силой тюркского общества. Как отметил В. В. Бартольд, обострение сословной борьбы между бедными и богатыми, между беками и простым народом могло стать одним из тех чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых и возник Тюркский каганат[92].

Хозяйство скотоводческих племен

Тюркоязычные племена, обитавшие в Семиречье и на Тянь-Шане в VI—X вв., были в основном скотоводами. Лишь некоторая часть их в конце VIII—IX вв. стала жителями городов и селений. «Эти люди,— сказано в источнике,— кочевые и странствующие, они не имеют постоянного местопребывания. Они непрерывно переходят с одного места на другое... Они владеют множеством верблюдов, баранов и быков. Их шатры сделаны из шерсти, как шатры арабов. Однако и они обрабатывают землю, сеют и жнут»[93]. Автор «Худуд ал-алам» отмечает: «Некоторые карлуки являются охотниками, некоторые земледельцами, а некоторые пастухами»[94].

Географические условия Тянь-Шаня с его плодородными долинами и высокогорными альпийскими пастбищами позволяли скотоводам совершать так называемые вертикальные перекочевки на сравнительно небольшие расстояния: летние пастбища отстояли от зимовок максимум на 2—3 дня пути. Таким образом, тип скотоводческого хозяйства раннесредневекового населения Семиречья и Тянь-Шаня можно определить как полукочевой.

Основой хозяйства тюркских, тюргешских и карлукских племен являлось скотоводство с разведением, главным образом, лошадей и овец. В одной из летописей сказано: «Судьба тюрок целиком и полностью зависит от овец и лошадей»[95]. Это подтверждается и археологическими материалами. В погребениях VI—X вв. находят в подавляющем большинстве только кости лошадей и овец. Коз, верблюдов и крупный рогатый скот разводили в меньших количествах.

Важное место в хозяйстве занимало коневодство. Лошади в основном использовались для верховой езды. По образному высказыванию ал-Джахиза, тюрок за всю свою жизнь «сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли». Разводили две породы лошадей — невысоких, с массивной головой, толстой и короткой шеей и породистых тонконогих скакунов. Скелеты лошадей невысокой породы археологи находят в древнетюркских погребениях. Породистые кони отмечены письменными источниками. Очень редко их клали в погребения знати. Тюркские лошади были неприхотливы и хорошо приспособлены к круглогодичному содержанию на подножном корму. Скотоводы-тюрки предпочитали

конину говядине и баранине, кобылье молоко шло на приготовление кумыса[96].

Специальное наставление для покупки лошадей, законченное в 961 г., дает высокую оценку тюркским лошадям: «Лошади тюрок обладают чрезвычайными способностями и соразмерным телосложением, они выносят дальние переходы, а в использовании на охоте не имеют себе равных». По мнению составителя наставления, эту породу лошадей разводили еще гунны. В табунах карлуков, кыргызов и прибайкальских курыкан содержались лошади одной породы. Эти племена разводили «...прекрасных лошадей, головой похожих на верблюдов, сильных и рослых, могущих в день пробегать по несколько сот ли»[97]. Верховые кони имели собственные клички. Одна из них зафиксирована руническими знаками на костяной части узды (псалии), найденной в погребении с конем VIII—X вв. Того коня звали Шалга (Шалый, Буян)[98].

Большое значение кони имели в военном деле. Можно предполагать, что каждый воин наиболее мобильных отрядов тюрок должен был иметь запасную лошадь. Иначе трудно представить, как тюргешское войско кагана Сулука за 17 дней преодолело расстояние из восточной части Чуйской долины до района Термеза (около 2000 *км*). Это предположение подтверждается тем, что при раскопках в некоторых курганах находят по два скелета верховых коней при одном погребенном. Одно из таких погребений было найдено в Чуйской долине у с. Александровка. Специальное исследование лошадей из курганов древнетюркского времени проводилось в Туве. Они оказались сходными с породами лошадей, захороненных в курганах южнорусских степей и Алтая (VII—VIII вв.), и с современными киргизскими.

Овец разводили двух пород. Баранина из страны огузов и карлуков считалась лучшей на рынках Хорасана и Мавераннахра. Ибн ал-Факих сообщал, что тюркские бараны «очень крупные, и у них большие хвосты, волочащиеся по земле»[99]. Очевидно, здесь имелись в виду курдючные овцы. О другой породе овец писал Ибн Хаукаль. По его словам, в Туркестане имеются бараны, дающие красивые смушки. Особо ценились шкурки ягнят черного, красного и темно-красного цветов, и за бесценок шли шкурки обычного (серого) цвета. Эта порода овец, скорее всего, была каракульской. В арабоязычных источниках того времени отмечается плодовитость тюркских овец. В долине р. Талас разводили большое количество коз. Шкуры их — самый ходовой товар из Тараза.

Охотничий промысел был одним из источников существования скотоводческих народов. Охота была индивидуальной и облавной. В основном занимались индивидуальной охотой. Прежде всего, целью охоты была добыча мяса для пропитания. «Тюрки больше всего питаются мясом, которое они добывают на охоте»[100],— писал ал-Йакуби. Масуди явно преувеличивал роль охоты у тюрок, заметив, что «у них нет занятия, кроме охоты». По словам ал-Джа-

хиза, тюрки были исключительно меткими стрелками, били любую птицу из лука на лету. Всадники были выносливы и неутомимы, особенно в преследовании куланов и джейранов. Тюрки охотились даже во время набегов. Ал-Джахиз пытается объяснить страсть тюрок к охоте их психическим складом: «Что касается тюрка, то он, воистину, предпочитает добывать необходимое для существования насильственным путем, чем получить царство добровольно. Он никогда не чувствует удовольствия от еды, если она не является дичью или захваченной в качестве добычи»[101].

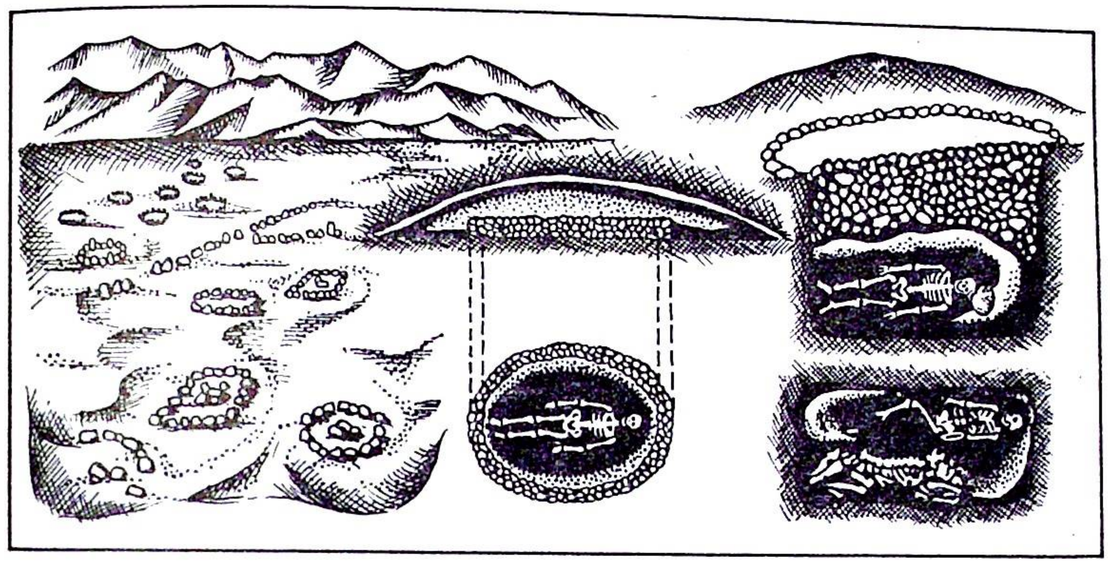
Некоторые материалы для суждения об охоте представлены в наскальных изображениях Иссык-Куля, Таласа и Кетмень-Тюбе. Судя по ним, основным объектом охоты был горный козел *(теке)*. Реже встречаются сцены охоты на оленя, архара и кулана. Главным орудием охоты был лук. Охотники применяли ловушки, напоминавшие капканы. Известны изображения охоты с ловчей птицей и с собаками.

Хорошие охотники пользовались уважением у сородичей. Охотничьи подвиги были составной частью героического эпоса, складывавшегося в древнетюркское время. Отдельные охотничьи сцены запечатлены на седельных луках и серебряных чашах, найденных в тюркских курганах. На костяной накладке на лук, найденной в одном из курганов Центрального Тянь-Шаня, изображена сцена охоты с луком из засады.

Среди карлуков, чигилей, ягма и тухси были охотники, добывавшие меха и пушнину. Объектами охоты был семиреченский тигр, барс, лисица, выдра, горностай, куница-белодушка, сурок. Среди богатств этих народов автор «Худуд ал-алам» после скота неизменно называл меха, которые в основном шли на продажу. На продажу шли также и целебные оленьи панты.

На территории Западнотюркского государства охотились на мускусных газелей — *кабаргу*. По сведениям ал-Бируни, Истеми-каган послал в дар шаху Хосрову I Ануширвану четыре тысячи манов мускуса (3328 *кг*). Для получения такого количества мускусных струй нужно было убить минимум 55 тыс. самцов кабарги[102]. В IX—X вв. на мускусную кабаргу охотились в Семиречье на землях племени тухси. Мускус применялся как ценное ароматическое вещество в парфюмерии, в кулинарии, для приготовления лекарств.

Облавная охота устраивалась с целью одноразовой добычи большого количества мяса. Участие в ней, кроме хозяйственного, имело ратное значение, являясь своеобразными военными маневрами. О результативности облавной охоты можно судить по тому, что каган Ышбара, участвуя в ней, только за один день собственноручно убил 18 оленей[103]. В местности Тысяча источников (в верховьях р. Талас) существовал охотничий заповедник. Здесь водились стада оленей. Они «...привыкли к людям и не боятся подходить близко. Каган ценит их и высочайшим повелением запрещает истреблять стада. За убийство оленей нет пощады, поэтому оленьи стада так долго сохраняются»[104]. Охотничий промысел в древнетюркское время не являлся самостоятельной отраслью. Большое значение охота имела лишь для малоимущих и бедных семей.



Древнетюркские погребения. (Реконструкция С. С. Федоровского).

Ремесло скотоводов в основном носило характер домашнего производства. Вследствие подвижного образа жизни многие предметы домашней утвари изготовлялись из дерева, кожи, войлока, а также из различных металлов и их сплавов. Натуральный характер ремесел у тюрок подчеркивает ал-Джахиз: «Тюрок делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарищей и не обращается за советом к другому; они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья»[105]. В IX в. Йакуби отмечал, что тюрки являлись искусными мастерами в изготовлении войлока и стрел с костяными наконечниками. Они сами обеспечивали себя одеждой, а также предметами обихода, вооружением и сбруей. Образцы их из металла, дерева, кости и кожи встречены при раскопках древнетюркских погребений.

Оседание кочевников. Рост поселений и городов

До V в. н. э. на территории Чуйской и Таласской долин зафиксированы лишь единичные полуоседлые поселения усуней, основу экономики которых составляли продукты скотоводства. В VI—VII вв. наблюдается интенсивный процесс развития оседло-земледельческой культуры и образования поселений, многие из которых вскоре переросли в города. Становление феодальных отношений сопровождалось усилением эксплуатации населения каганата, классовой дифференциацией, захватом земель и воды экономически сильной кочевой аристократией. В результате разорявшиеся скотоводы-кочевники оседали в развивавшихся городах, пополняя ряды земледельцев и ремесленников.

На раннесредневековую городскую и земледельческую культуру Западнотюркского каганата большое влияние оказали согдийцы. Поселения располагались в основном вдоль трассы торгового пути, на перекрестках караванных дорог, по берегам рек, близ горных саев. Развитие раннесредневекового города Семиречья шло в общем русле развития городов западных районов Средней Азии, хотя и со своей спецификой.

Письменные источники содержат немного сведений о социально-экономическом строе раннесредневековых городов и динамике развития городской жизни на территории современной Киргизии. Археологические материалы, полученные на ряде городищ, убедительно свидетельствуют о том, что уже в VII—VIII вв. поселения достигли сравнительно высокой ступени развития в экономическом и культурном отношении. В IX—X вв. бурный рост городов и селений характерен и для горных районов в связи с развитием горнорудных промыслов, освоением новых участков земли и интенсивным оседанием кочевников. С развитием производительных сил в феодальном государстве Караханидов (XI—XII вв.) происходят значительные изменения в хозяйстве, идеологии и образе жизни населения, что повлекло за собой дальнейшее развитие старых городских центров как территориально, так и экономически, а также появление большого числа мелких поселений.

Расцвет феодального города Средней Азии особенно ощутим с середины VIII в., после пережитых последствий арабского завоевания. Этот процесс был обусловлен прежде всего появлением централизованного государства с развитым административным и фискальным аппаратом вместо множества мелких княжеств, укреплением связей Средней Азии и Ближнего Востока[106]. Изменилось их положение; резиденции отдельных княжеств превращались в крупные административные и экономические центры государства. Включение Средней Азии в состав Арабского халифата способствовало расширению торговли, развитию ремесла, культурных связей, что не могло не сказаться на общем подъеме городов.

В этот активный процесс урбанизации вовлекаются и северо-восточные районы Средней Азии — Ферганская, Чуйская и Таласская долины, через которые проходила трасса международной торговли и которые на протяжении ряда столетий входили в сферу экономической деятельности согдийцев. По мнению ряда исследователей, городская культура в пору раннего средневековья как бы заново создавалась импортированным способом на землях кочевников, свободных от построек и посевов. Именно «земельный голод» Согда, где, по словам арабских географов, «население было так густо, что ни один клочок земли не пропадал даром»[107], был одной из побудительных причин переселения согдийцев в Семиречье и далее на восток. Как и для других районов Средней Азии, развитие городов определялось здесь прежде всего экономическими, а не политическими факторами.

Для середины и второй половины VIII в. имеется подробное описание средневекового маршрута от Таласа до верховьев р. Чу, которое оставил Ибн Хордадбех. Он перечисляет 17 больших селений и городов, расположенных, в основном, по левобережью Чу, на расстоянии одного или двух дневных переходов караванов. Он пишет: «От Тараза до Нижнего Барсхана три фарсаха, затем до Касрабаса два фарсаха, это зимний лагерь харлухов, а недалеко от него зимний лагерь халладжей. Затем четыре фарсаха до Куль-Шуба, затем четыре фарсаха до Джиль-Шуба, затем четыре фарсаха до Аспары, затем восемь фарсахов до большого селения Бирки (Мирки), затем восемь фарсахов до большого селения Харан-Джуван, затем четыре фарсаха до Джуля, затем семь фарсахов до большого селения Сарыг, затем четыре фарсаха до города тюргешского (тюркского) хакана, затем четыре фарсаха до Невакета, затем три фарсаха до Кубала, затем до Верхнего Барсхана, что на границе с царством Син, расстояние 15 дней пути для насущихся караванов, а для почты тюрков три дня пути».

Сведения Кудамы ибн Джафара (середина VIII — начало IX в.) дополняют данные Ибн Хордадбеха. Он пишет еще о двух городах, расположенных в двух фарсахах от Невакета — Кирмирау и Бунджикат. Невакет он называет большим городом, откуда идет прямая дорога в Верхний Барсхан (т. е. на Иссык-Куль), а о Суябе пишет, что это — два селения, одно из них называется Кубал, другое — Сагур-Кубал[108].

Для последующих времен сведений по истории городов Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы гораздо больше. В арабо- и персоязычных сочинениях и дорожниках наименования городов даются уже в тюркском произношении: Сарыг, Джуль, Харан-Джуван, Атлах, Куль. С одной стороны, они свидетельствуют об усилении процесса тюркизации в согдийских городах, а с другой,— об активном участии в жизни поселений различных тюркоязычных племен. Например, для карлуков уже с VIII в. характерен переход к оседлому образу жизни, в то время как для чигилей и тухси отмечается отсутствие городов[109].

Ал-Мукаддаси (конец X в.) для Чуйской долины приводит уже двадцать два наименования, семь из которых совпадают со списком предшествующих авторов: Кулан, Мирки, Нушкат (Нузкет), Урду (т. е. «столица тюркских каганов». — *Ред.),* Навикас (Невакет), Йакалыг, Харан (Харан-Джуван?). Характерно, что он уже отмечает наличие мечетей и мимбаров в большинстве городов Чуйской и Таласской долин, в то время как Ибн Хаукаль писал, что «далее Тараза не идет ни один мусульманин, потому, что тот, кто выходит за его пределы, попадает в шатры халлухов»[110]. Из сообщения ясно, что области расселения карлуков в середине X в. еще не были исламизированы. Давая характеристики городов, он отмечает некоторые их особенности. Так, Урду называет маленьким, хотя в нем «живет туркменский царь, который постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба. Во-

круг него стена и ров, наполненный водой. Дом царя в цитадели»[111].

Еще В. В. Бартольд, В. Ф. Минорский, а затем и А. Н. Бернштам показали возможность отождествления значительной части ныне известных городищ с историческими городами. Так, В. В. Бартольд высказал предположение о тождестве Баласагуна с городищем Бурана (позднее — Ак-Бешимом), о местонахождении Суяба близ современного Токмака; Сарыг он отождествлял с Бураной, а Джуль — с Аламединскими развалинами[112]. А. Н. Бернштам предложил локализацию для ряда крупных поселений Таласской и Чуйской долин, часть из которых сохранила названия до настоящего времени. Таковы города Тараз (Талас) под застройкой современного Джамбула, Мирки (Мерке), Аспара (на одноименной речке у пос. Чалдовар). Другие города отождествляются с меньшей долей вероятности.

Большими городами в Чуйской долине были Суяб, Невакет и упоминаемый с X в. Баласагун. Они известны по источникам как столицы тюркских каганов и крупные торгово-экономические центры Семиречья. Исследования советских и зарубежных ученых за последние двадцать лет позволяют с достаточной убедительностью локализовать Суяб на месте развалин Ак-Бешима (близ Токмака)[113]. Городище по своей топографической структуре соответствует городу согдийского происхождения. Первоначально он имел высокую цитадель (крепость правителя) и шахристан (собственно город) на площади в 35 *га*. В VIII в. (по-видимому, после разрушения города в 748 г.) с юго-востока пристраивается новая часть города (возможно, ставка каганов) площадью 60 *га*. Окружавшие город земли с замками феодалов, постройками некрополя, усадьбами земледельцев и ремесленников, пашнями и садами были обведены кольцом стен. Раскопки на городище дают, в основном, материал V—X вв. и частично XI в.[114]. Не исключено, что сведения о Суябе и «столице тюркских (тюргешских) каганов» (Ордукенте) относятся к одному городу. В источниках X—XII вв. Суяб уже не упоминается, а название города Орду (Кузорду) в Семиречье применяется как синоним Баласагуна — столицы Караханидов и кара-кытаев.

В X в. жизнь на городище Ак-Бешим постепенно замирает, но город разрастается на новом месте, в 5—6 *км* выше к горам, у входа в Шамсинское ущелье («Занби» по Махмуду Кашгарскому). По-видимому, вновь отстраиваемый город получает название Баласагун, впервые отмеченный в источниках X в. Расцвет города связан с последующим периодом истории — караханидским. Со второй половины X в., в связи с принятием тюрками ислама, в центре Баласагуна отстраивается мечеть, минарет которой сохранился до наших дней.

Другим крупным городом Чуйской долины источники называют Невакет (Навекат, Навикас — в переводе с согдийского Новгород), бывший ставкой каганов и торговым центром. От него

вела кратчайшая дорога в Иссык-Кульскую котловину. Из согдийских документов с горы Муг известно, что в начале VIII в. городом правил Чир, сын Вахзанака[115]. Ал-Мукаддаси отмечает, что в Невакете «преобладают неверные, хотя его султан мусульманин... Вокруг него стена, в ней цитадель, в которой живет дихкан». Для XII в. известно, что Невакет входил в Кашгарскую несторианскую метрополию, а глава ее именовался «митрополитом Кашгара и Невакета»[116].

Историческая топография поселений Чуйской долины и археологические данные позволяют сопоставить с Невакетом Краснореченское городище — одно из крупнейших в Семиречье. Оно расположено в 18—20 *км* к северо-западу от Суяба (Ак-Бешим) по левому берегу р. Чу, что равняется трем фарсахам арабских дорожников.

Многочисленные находки согдийских и тюргешских монет, согдийских и уйгурских надписей подтверждают его роль как крупного торгово-экономического и культурного центра Чуйской долины с VII по XII в.; наличие зороастрийских (маздеистских), христианских (манихейских), буддийских построек и отдельных находок, связанных с этими культами вплоть до монгольского времени, также соответствуют сведениям письменных источников о согдийском происхождении города и проживании в нем еще в X в. большого числа «неверных», т. е. не мусульман (ал-Мукаддаси).

От городов Невакет и Суяб, по словам Ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джафара, путь вел в Верхний Барсхан (на оз. Иссык-Куль), который состоял из четырех больших и пяти малых городов. В одном из этих городов, расположенных на берегу озера, размещался тюркский гарнизон. В «Худуд ал-алам» упоминаются города Тон и Яр, в которых обитали чигили. На северном берегу оз. Иссык-Куль был еще один город — Сикуль, он располагался на границе с владениями карлуков[117]. Археологическими исследованиями последних лет в Иссык-Кульской долине выявлено более 90 населенных пунктов, причем, возникновение подавляющего большинства из них относится к X—XI вв.

В Таласской долине развитие городских поселений было обусловлено двумя главными обстоятельствами: наличием полезных ископаемых и удобных для земледелия дельтовых районов. Поэтому большую роль в градообразовании здесь играли горные промыслы. Главные поселения долины — Тараз и Атлах — упоминаются уже в источниках VII—VIII вв. в связи с арабским завоеванием. Сюань Цзан называет Тараз крупным торговым центром, который имел в окружности до 4 *км*. В X в. здесь насчитывалось 12 городов, половина из которых связана с территорией современной Киргизии. Ал-Мукаддаси пишет следующее: «Атлах — большой город, приближается по площади к главному городу (т. е. к Таразу или Исфиджабу. — *Ред.*) ...Большую часть города составляют сады; в сельских окрестностях его больше всего возделы-

вается винограда... Хамукат — большой город; Шельджи — небольшой город, но в нем много иностранцев: говорят, что в нем 10000 исфаханцев. Имеет цитадель... Город расположен среди гор. У них есть река, в среднем течении которой находится семь селений. Сус — большой город, а Куль — меньше его... Текабкат — большой город, половина его населения — неверные. Эти три города поблизости от гор с серебряными рудниками...»[118].

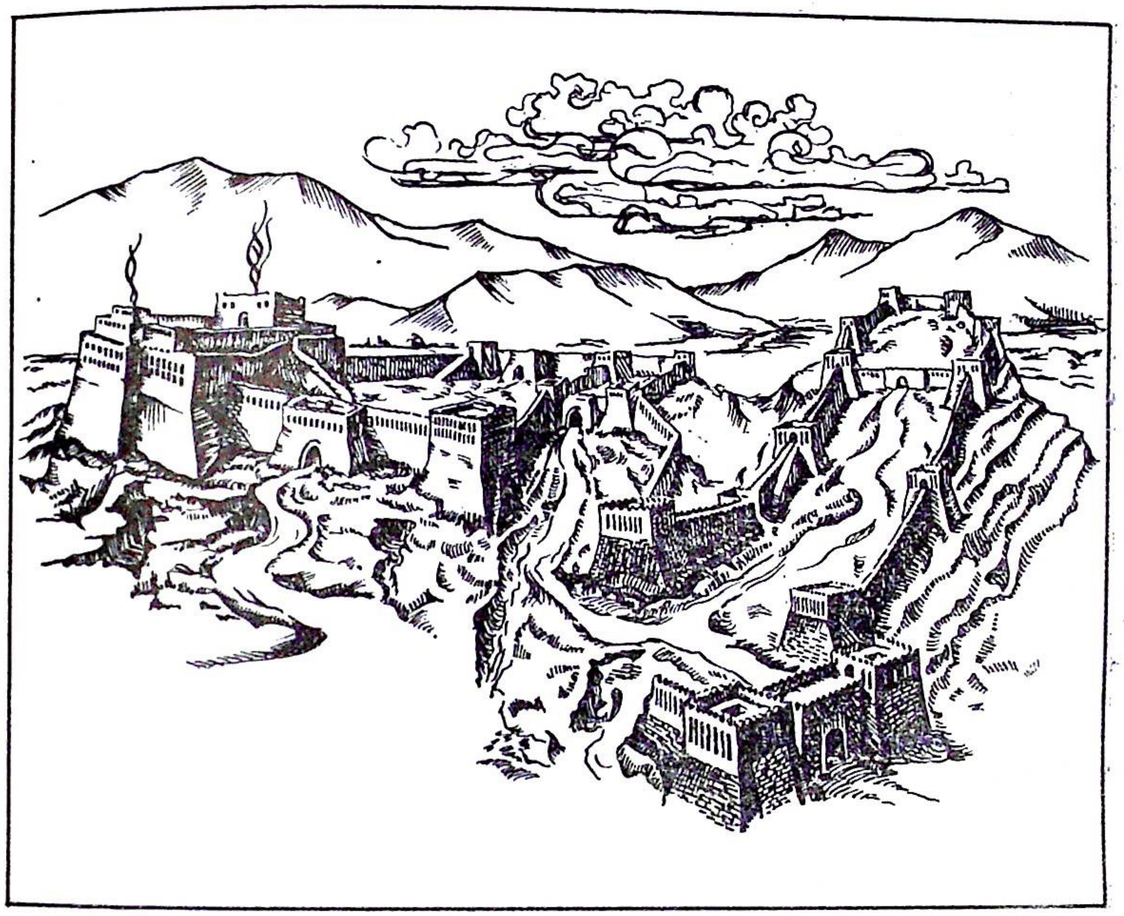
Все перечисленные в источнике города довольно четко локализуются на местности. Атлаху соответствуют развалины Джуван-Дюбе у с. Богословка. Здесь поднят фрагмент каменной поделки с рунической надписью «Атлах» (чтение С. Г. Кляшторного); Сус отождествляется с городищем у с. Водное; Куль располагается у с. Орловка, Текабкат на территории современного г. Талас (городище Ак-Тобе); городу Шельджи соответствует городище Садыр-Курган у с. Кировское.

Археологами выявлено гораздо больше поселений, чем указано ал-Мукаддаси. К концу X в. в долине их было несколько десятков. Массовое освоение оседлым населением верхней части Таласской долины началось после появления оседлых поселенцев в районе Тараза.

Фергана в раннее средневековье представляла собой раннефеодальное владение со столицей сначала в Касане, затем в Ахсикенте на берегу Сыр-Дарьи. Ко времени арабского завоевания Ферганы письменные источники (ат-Табари) упоминают всего четыре города: Касан, Ахсикент, Урест и Ходжент, хотя археологически известно несколько десятков поселений с шахристанами, выросшими к IX—X вв. в города.

Для VIII — середины IX в. Ибн Хордадбех и Кудама ибн Джафар перечисляют города и расстояния между ними по трассе торгового пути восточной части долины: «От Ферганы до Куба десять фарсахов, затем до города Ош десять фарсахов, затем семь фарсахов до Узгенда, города Хуртегина (Чуртегина), затем (два дня) пути до Атбаша» и до Иссык-Куля. Далее Кудама дополняет, что «от Узгенда до горного прохода один день пути. Дорога к этому горному проходу (на пути к Атбашу. — *Ред.*) проходит между близких селений, соседних с дихканом Хуртегина»[119], свидетельствуя тем самым о наличии оседлых поселений в горных долинах.

Географы X в. насчитывают в Фергане 39—40 городов, значительно дополняя сведения дорожников Ибн Хордадбеха и Кудамы. Немалая часть их располагалась в северо-восточной части долины. «...Ош — название города, и Куба — название города. Вокруг них много сел. В районе Куба нет города, кроме него, а в районе Оша есть другой город, который называется Мадва. Узкенд — название города, вокруг которого села. Во всей области нет другого города, кроме него. Касан — название города и название области также. Джидгиль — название области, город в которой Арделянкет, и нет в области другого города, кроме него.



Крепость Муг-тепе. (Реконструкция по А. Н. Бернштаму).

Миян-Рудан — название области, в которой много сел. Главный город ее — Хайлам. В нем родился эмир Абу-л-Хасан Наср ибн Ахмед (Саманид)... Карван — название города, вокруг которого села. Наджм — название города, вокруг которого много сел. Бискенд и Салат имеют вокруг себя села; эти города являются воротами для тюрок, которые переходят к ним из Миян-Рудана. Так же как Узгенд — ворота тюрок. Это место известно под названием Хафтдих, что означает «семь сел»...»[120].

Довольно подробно описан в письменных источниках город Узгенд, имевший сложную историю от зарождения поселения в VII—VIII вв. (возможно и раньше) вплоть до нового времени. Раннесредневековый город имел цитадель, шахристан и рабад. Ибн Хаукаль сообщает, что по величине он равнялся двум третям Оша; базары размещались в рабаде. Автор указывал на особое значение Узгенда как торгового пункта по соседству с владениями тюрок.

Автор сочинения «Худуд ал-алам» сообщал, что Узгенд — пограничный город между Ферганой и тюрками, окружен двумя реками, одну называют Табагар, которая течет с Тибета, а дру-

гую — Барсхан, поскольку она берет начало в области карлуков. Очевидно, под рекой Табагар можно подразумевать современную р. Тар, слившуюся с Кара-Кульджой неподалеку от Узгена и называвшуюся уже Кара-Дарьей. Река же Барсхан, которую тот же автор иначе называет рекой Узгенд — это р. Яссы. Однако в «Худуд ал-алам» подразумевается именно эта река, поскольку из Узгенда через перевал Яссы шел путь в город Барсхан, принадлежавший до X в. карлукам.

Судя по археолого-топографическим данным, Узгенд в момент зарождения едва ли превышал 20—30 *га*[121]. В X—XI вв. застройка города прослеживается на площади до 12 кв. *км*. Ее окружали сады и пашни, огражденные с востока и запада глинобитными валами; с севера и юга город опоясывали реки Яссы и Кара-Дарья. Вся площадь города в пределах внешних валов достигала 30 кв. *м*.

Средневековые географы, описывая поселения Ферганы, отмечали их своеобразие: «Во всем Мавераннахре нет более обширных селений и деревень, чем селения Ферганы. Здесь есть селения, которые имеют один фарсах в длину и столько же в ширину. [В них] много людей и вьючных животных и обильные посевы»[122].

Третьим по величине городом Ферганы VIII—IX вв. считался Ош. Истахри писал, что он имел медину с кухендизом (т. е. собственно город и крепость правителя) и рабад, окруженный стеной. Достоинства этого города отмечал ал-Мукаддаси: «Он большой, роскошный. В нем большая мечеть, рынки расположены поблизости от горы; город изобильный, многоводный. У него сильный рабат, в который съезжаются воины со всех сторон»[123]. Средневековый город в настоящее время полностью погребен под современной застройкой и судить о его истинных размерах невозможно.

Средневековые географы, как правило, отмечали города, располагавшиеся по трассе торгового пути, экономически развитые районы Ферганской долины. К их числу относится также область Исфары-Аспары, богатой полезными ископаемыми с двумя городами — Бамкахуш (Намкахуш) и Тамахуш. Часть поселений входила в раннем средневековье в область Уструшану, граничившую с Исфарой. Источники называют Уструшану страной 400 замков-крепостей и множества больших городов. В эту область входила западная часть Баткенской долины. В этом районе хорошо изучено городище Кара-Булак, которое исследователи отождествляют со средневековым городом Асбаникат[124].

Археологическими работами в юго-западных и северо-восточных предгорьях Ферганской долины выявлены десятки поселений, возникших в IX—X вв. Они появлялись в межгорных долинах и котловинах, где природные условия способствовали развитию горных промыслов, металлообрабатывающей промышленности.

Сельское хозяйство

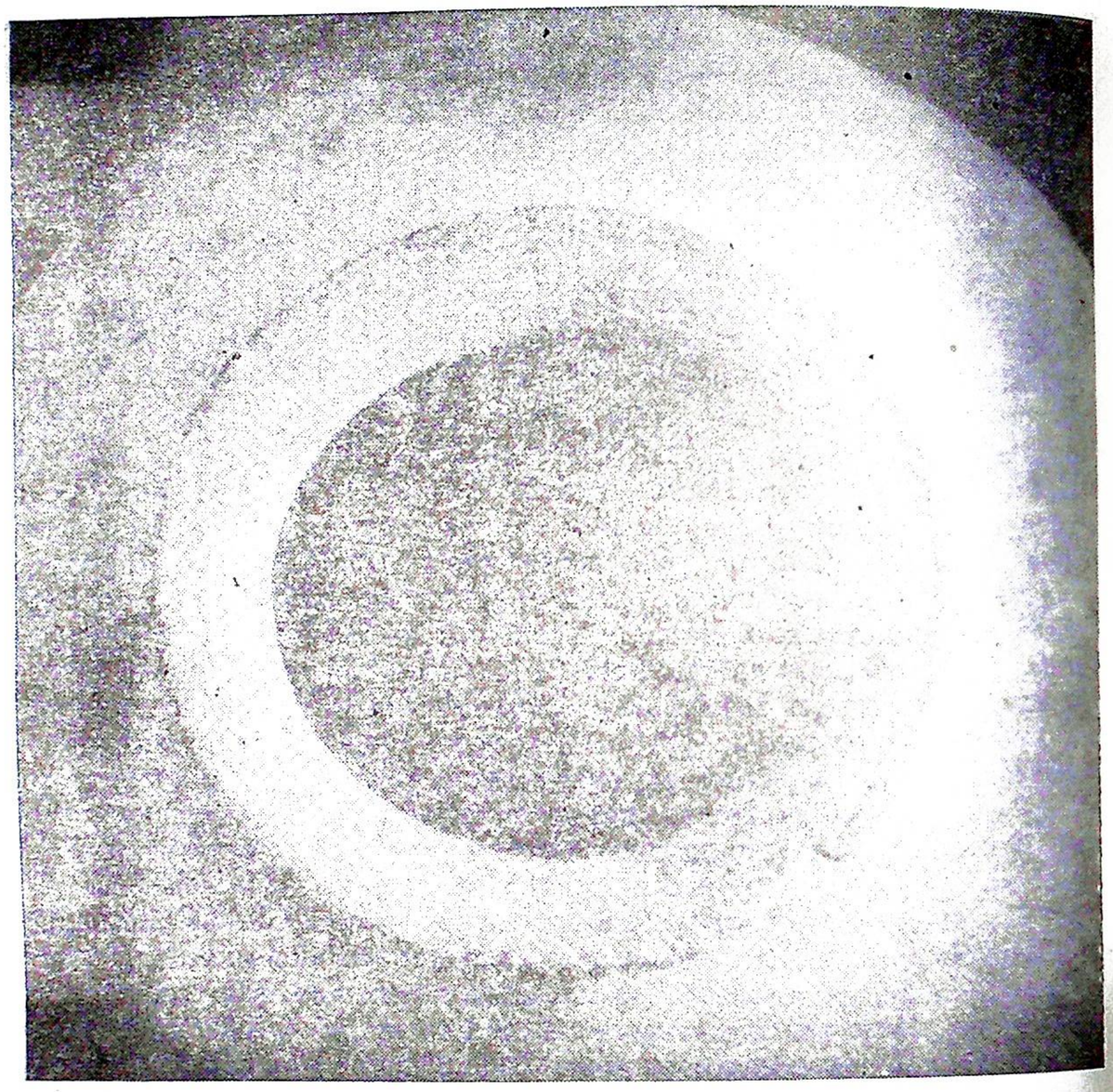
Средневековые источники повествуют о расцвете земледелия и садоводства в оседлых оазисах. Уже Сюань Цзан отмечает, что почвы Чуйской долины пригодны для возделывания пшеницы и красного проса. Часть населения городов занималась земледелием, часть — торговлей.

Ирригация этого времени изучена слабо. Больше сведений имеется для X—XII вв., когда разветвленная сеть арыков и каналов опоясывала поля и застройку каждого города. Протяженность поселений вдоль рек, остатки оросительных систем указывают на поливной характер земледелия. Водоснабжение Невакета (Краснореченское городище) осуществлялось с помощью наземного магистрального канала, ныне известного как Малтабар-Арык, с разветвленной сетью отводов как в пригороде, так и в самом городе. Канал выведен из р. Иссык-Атинка, в 15 *км* от центральной части города. У головного сооружения канала сохранились остатки раннесредневекового замка, контролировавшего подачу воды в город.

Характерно, что направление главных водных артерий на территории некоторых больших поселений не изменилось и продолжает существовать до сих пор. Земельные участки в городе поливались с помощью водопроводов, сделанных из жженого кирпича и кубуров (гончарных труб). Ветки их нередко вели в индивидуальные приусадебные водохранилища *(хаузы)*, зафиксированные при раскопках жилых домов на ряде городищ Киргизии. Водохранилищами служили и городские рвы у крепостных стен. Для Краснореченского городища характерны, кроме того, большие водоемы рядом со рвами, водорегулирующие устройства, заградительные плотины. Широко использовались водоподъемные сооружения — *чигири*, а также однократное орошение при паводковых разливах. Для орошения полей в основном использовались воды горных саев, впадавших в реки Чу, Талас, Кара-Дарья. Сами эти реки для орошения использовались крайне редко, осваивались лишь небольшие площади в их поймах.

Средневековые авторы упоминают города, жители которых занимались сельскохозяйственным трудом. Так, для городов Ферганы источники отмечают обилие садов и посевов (Ибн Хаукаль, ал-Истахри); об Атлахе ал-Мукаддаси пишет, что «большая часть его сады, а в рустаке его преобладают виноградники». Эти сведения подтверждаются археологически. Некоторые данные о производстве вина в городах Чуйской долины содержат эпиграфические находки. Судя по согдийским надписям на венчиках хумов, найденных на Краснореченском и Новопокровском городищах, эти сосуды с вином предназначались в дар. Одна из надписей на хуме IX в. гласит: «Этот сосуд — дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь,... Государь Алп-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!»[125].

На Краснореченском же городище в разных местах обнаружены скопления до десятка хумов в кладовых, от 40 до 200-литровой емкости каждый. В одном из них сохранились остатки осадочного



Согдийская надпись на венчике хума. Новая Покровка.

виноградного сусла. На этом же городище в четырех из девяти раскопанных в разное время усадьбах были обнаружены мастерские, напоминающие винодельни Пенджикента. Они были соответственно оборудованы, имели ямы, на дне которых устраивалось специальное углубление. Рядом с ямой находилась неглубокая ванна, соединенная с ней узким каналом. Стены ямы и ванночки были тщательно обмазаны алебастром. По-видимому, как и в Согде, ванну перекрывали досками, затем настилали слой сырой верблюжьей колючки, а сверху клали виноград. При выдавливании сок стекал в ванну, перебродившее вино переливали в хумы[126].

Можно констатировать, таким образом, что для ряда городов Чуйской и Таласской долин виноградарство было одной из важных отраслей сельского хозяйства IX—XI вв. По-видимому, виноделие было привнесено из Согда, так как Сюань Цзан не отме-

чал этой культуры для Семиречья, в то время как для областей Согда, Уструшаны, Ферганы она была весьма распространенной уже в VII в.

Полуоседлые и оседлые группы карлуков, огузов и кимаков сеяли, главным образом, просо. По свидетельству Абу Дулафа, они употребляли в пищу горох, бобы и ячмень. На городище Ак-Бешим в слоях VII в. были найдены солома, зерна ячменя и пшеницы, косточки урюка, высохшие семена тыквы, дыни и арбуза. При раскопках Беловодской крепости в средневековом слое обнаружены остатки сгоревшего проса.

Гораздо шире ассортимент злаковых культур представлен на городищах Южной Киргизии. На Кара-Булаке в слоях жилого дома IX в. найден закопченный горшок с зернами пшеницы мягкого сорта; на Мунчак-тепе, кроме зерен пшеницы, ячменя, проса и риса, найдены косточки винограда, персика, урюка, дыни, тыквы. Эти находки подтверждают сведения средневековых географов и путешественников о широком развитии садоводства и огородничества в ферганских селениях.

Полевое земледелие было плужным, с использованием тягловых животных. Об этом свидетельствуют находки кладов железных орудий, в том числе сошники плугов, кетмени, небольшие мотыжки, серпы, лемехи, садовые ножницы и другие изделия. О широком развитии земледелия и товарного производства зерна, кроме домашних зернотерок, говорят также частые находки больших мельничных жерновов в поймах рек и каналов.

Исследователями отмечается «аграризированность» городов, где гораздо большую часть его территории занимают поля, сады и огороды на приусадебной застройке, прилегавшей к шахристанам. Для ряда поселений соотношение застроенной части к незастроенной составляло 1 : 5, а то и больше. Вся эта площадь была окружена длинными стенами в одно-два кольца, протяженностью до 15—20 *км*. Большинство крупных поселений VIII—XII вв. имело длинные стены, в силу чего многие из них невозможно разделить на городской или сельский типы.

Эту специфику семиреченских раннесредневековых поселений в какой-то мере объясняет сообщение одного из путешественников, проезжавшего по Чуйской долине в середине VIII в. Он отмечал, что все земледельцы здесь носили шлемы и щиты, брали друг друга в плен и обращали в рабство. Оно ярко иллюстрирует одну из социальных сторон жизни городов каганата, которые, будучи фактически независимы один от другого и сохраняя относительную самостоятельность (подобно княжествам метрополии VI—VII вв.) при общей зависимости от тюркского кагана, должны были защищать свои владения от внешних врагов, от алчных к добыче тюркских владетелей и друг от друга. Именно это обстоятельство и послужило, по-видимому, причиной возведения дополнительных укреплений в виде длинных стен, окружавших городские поля, сады и огороды. Для IX в. имеется сообщение Белазури

о строительстве стены вокруг Исфиджаба для защиты пашен и виноградников от кочевников. На основе данных археологии и письменных свидетельств М. Е. Массон пришел к выводу, что одна из стен Исфиджаба, идентичного по топографической структуре городам Чуйской долины, была построена в IX в. Протяженность ее составляла 42 *км* [127].

Тесная связь города с земледелием характерна не только для Чуйской и Таласской долин. Крупные по размерам поселения Иссык-Кульской котловины в топографическом отношении идентичны чуйским. Это развалины Хан-Дюбе (средневековый Тон), Барскоон, Кой-Сары, Тору-Айгыр и др.[128]. Пространство, заключенное в длинные стены, нельзя назвать рабадом — торгово-ремесленным пригородом, характерным для городов западных районов Средней Азии. Поэтому границы города VIII—IX вв. весьма расплывчаты.

Подобное устройство валов вокруг городских построек и свободных от застройки значительных площадей было характерно и для раннесредневековых городов Южной Киргизии: Узгенд, Испид-Булан (современное с. Гулистан), Керван (с. Караван), Асбаникат (Кара-Булак) окружали валы, преграждавшие подступы к ним с запада. Они были, по-видимому, присущи если не каждому раннесредневековому, то во всяком случае многим крупным поселениям в силу общих условий социально-экономического строя того времени. В раннем средневековье процесс отделения ремесла от земледелия и города от деревни не получил достаточного развития, хотя на многих городищах отмечено наличие ремесленных производств уже на начальных этапах их существования.

Городское ремесло и промыслы

В эпоху средневековья с развитием феодальных отношений естественно возросло и значение горнорудных промыслов. Большинство населения городов Ферганской и Таласской долин занималось добычей цветных и редких металлов (золота, серебра, меди); известны горнорудные поселения на Иссык-Куле. В горах открыты многочисленные места древних выработок с отвалами пустой породы. Как значится в источниках, в одном из известных рудников — Кан-и Гут — добыча свинцово-серебряных руд и железа наиболее интенсивно велась в IX—X вв.[129].

Археологические материалы, связанные с этим видом промыслов, очень разнообразны. На десятке развалин средневековых поселений обнаружены остатки плавильных печей, железные крицы, отвалы медных шлаков, шлаков от выплавки серебра и свинца[130]. Раскопки городища Садыр-Курган подтвердили крупную экономическую роль Шельджи в долине в пору раннего средневековья. Центральные развалины его относительно небольшие по площади, однако, на протяжении ряда столетий шахристан был густо застроен. Расчищенные остатки построек весьма заурядные. Кроме дворцового комплекса, зарегистрированы многочисленные

производственные и хозяйственные постройки. Отвалы металлургических шлаков наблюдаются сплошным слоем на протяжении 200—300 *м*, толщиной до 2,5 *м*. Металлургическое производство было одним из ведущих занятий горожан; ремесленники жили в кварталах, расчищенных в пределах первой длинной стены. Наиболее интенсивно жизнь в городе протекала в X—XII вв., что подтверждается письменными свидетельствами об особом значении этого района с X в. в связи с сокращением добычи руд в Илаке. С истощением серебряных рудников города верховий р. Талас приходят в упадок.

Горным мастерам были хорошо известны залежи руды. Они обладали определенными маркшейдерскими навыками, о чем свидетельствует находка каменной плиты с выбитым на ней планом подземных выработок. Они были разного направления: вертикальные, горизонтальные, наклонные, в зависимости от залегания горных пород. Широкое распространение получили выработки с горизонтальным направлением. Они достигали глубины 60 *м*, длина их обычно не превышала 60—70 *м*, но иногда доходила до 100—150 *м*.

Техника горного дела основывалась на тяжелом ручном труде. Орудия были довольно примитивные — железные кирки, кайла, каменные кувалды, молотки, деревянные и железные клинья. Легкие породы выбирали кетменями и лопатами. Руду на поверхность доставляли в кожаных мешках, корзинах. Добытая руда проходила стадию обогащения, ее дробили каменными кувалдами или жерновами, затем промывали и обрабатывали вручную. Обогащенные руды доставляли затем в ремесленные центры, где производилась их плавка.

Обнаруженные у с. Орловка (г. Куль) печи для плавки металла были частично вкопаны в землю, на поверхности сложены из сырцового кирпича. Печи овальные в плане, размером 2,2×1,6 *м*. В них загружали руду и топливо до 4 *м* высотой. Железо получали так называемым сыродутным способом, который еще нельзя назвать плавкой. Естественно, качество его было низким. Свинец и серебро плавили в несколько этапов в печах-горнах. Вначале получали черный свинец, повторной плавкой его очищали и только на третьем этапе серебро отделяли от свинца. Древние рудники, поселения рудокопов и плавильщиков зафиксированы и в других местах горной Киргизии.

Из железа городские и сельские кузнецы изготовляли различные виды орудий труда, быта и оружия, известные по раскопкам поселений. Кроме орудий сельскохозяйственного назначения, известны предметы для упряжи рабочего скота, для повозок. Для бытовых нужд изготовлялись железные сосуды, котлы, весы, гири, ножницы, ножи, вилки, замки, скобы, инструменты для рудокопов и кузнецов.

С развитием оседлых поселений и ростом обмена между ними и кочевыми племенами совершенствуется и гончарное производ-

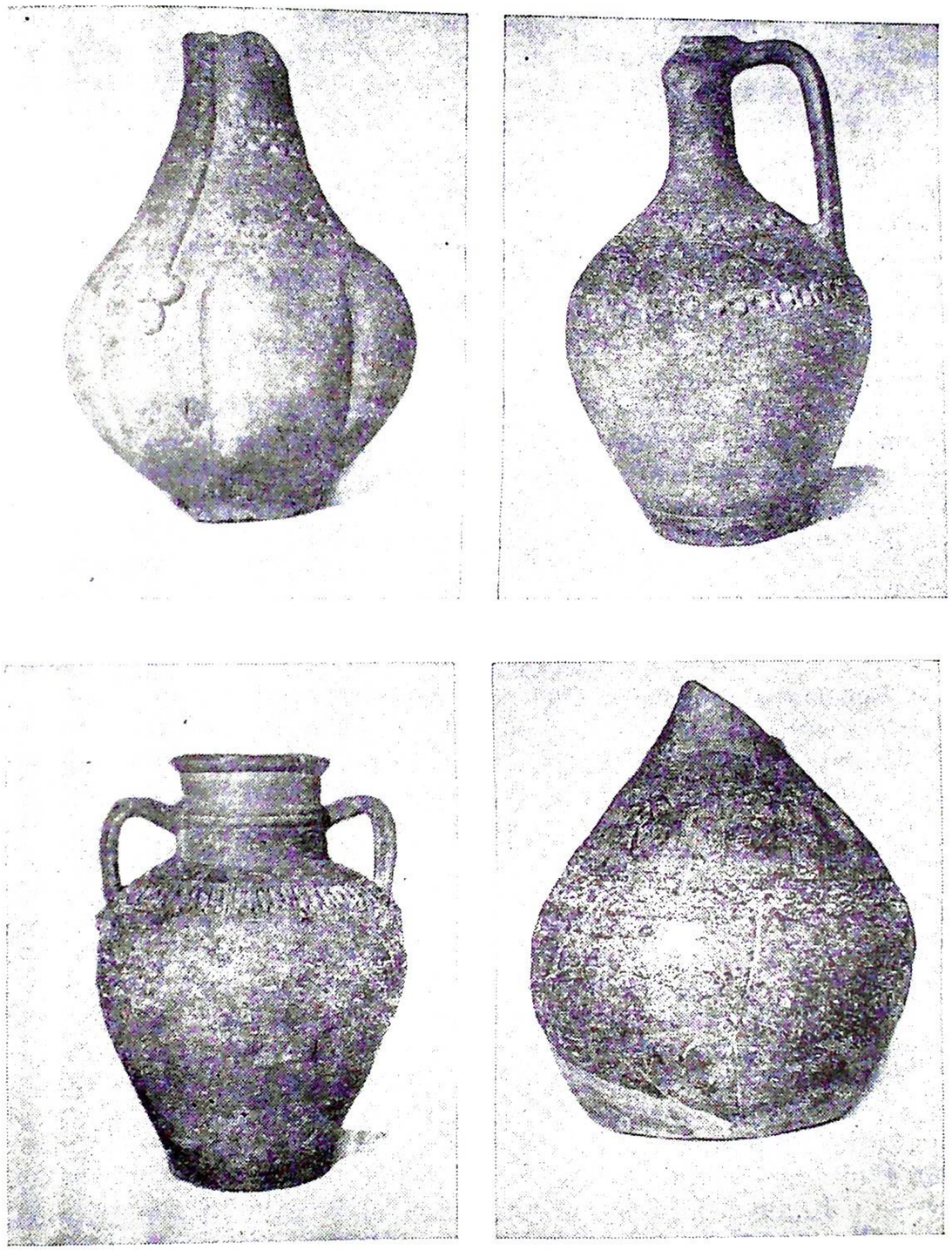
ство. Если в V—VII вв. преобладала лепная посуда, что объясняется, по-видимому, домашним способом изготовления, то позднее производство ее стандартизируется, расширяется ассортимент, преобладает станковая. Особым изяществом отличалась посуда согдийских мастеров. Расписной керамикой X—XI вв. славились города Восточной Ферганы. Буро-коричневой, красной или черной краской орнамент наносился на сосуд различных форм: корчаги, кувшины, кружки, вазы.

Кварталы гончаров с остатками печей для обжига и мощными отвалами шлаков зафиксированы на некоторых поселениях как в черте крепостных стен, так и за их пределами. Одна из керамических печей была зачищена в 1979 г. близ центральных развалин Красноречeнского городища. Она представляла собой двухъярусную конструкцию, которую можно восстановить по аналогии с подобными печами других районов Средней Азии. Топка была в виде округлой ямы, диаметром 2,6—2,8 *м* и высотой немногим более 2-х *м*. Под печи поддерживал столб, устроенный посредине топки из подтесанных кирпичей. Стенки и столб сильно ошлакованы. Под несколькими слоями глины прослежены щели и дыры — жароходы, ведущие в камеру обжига.

Городские ремесленники следовали выработанной в Согде гончарной традиции[131]. Способы формовки посуды восстанавливаются по характерным следам на ней. Конструкция гончарного станка представляла собой сочетание ножного круга с элементами ручного и плоскими дисками из обожженной глины, на которых формовался сосуд. Посуда VII—VIII вв. имеет неровное дно, что характерно для ручного гончарного круга. Готовый сосуд снимался с круга вместе с диском, а после просушки легко от него отслаивался. Некоторые изделия сохраняют следы обработки после формовки: на нижней части некоторых сосудов имеются вертикальные срезы и виден след зачистки дна острым ножом (или ниткой по сырому изделию).

Как отмечают исследователи, для VIII—IX вв. характерно ухудшение качества керамических изделий. Это обстоятельство объясняется поспешностью их изготовления в городах Семиречья, обусловленную, видимо, скорее увеличением спроса на нее, нежели упадком производства. Сказывалась и некоторая изолированность городов от областей Мавераннахра. Продукция керамистов VII—VIII вв., например, копирует формы сосудов, бытовавших в Согде не позже V—VI вв. С одной стороны, это указывает на сохранение у гончаров Семиречья традиции, привнесенной из Согда, а с другой — возможно, на заметное отставание здесь этого вида ремесла.

Основную продукцию раннесредневековых мастеров керамики составляли разной величины объемные сосуды — хумы, хумчи, корчаги, кувшины, тазы, казаны, костехранилища-оссуарии и другие изделия. Большим спросом пользовалась посуда разнообразных форм и емкостей — от кухонного до парфюмерного назначения. Лепная посуда формовалась из более густого теста с примесью дресвы, песка, шамота. Для выкладки печей-тандыров и домашних очажков в глину добавляли мелкотолченый камень или кварц. Для изготовления парадной посуды применялась высококачественная глина.



Согдийская керамика. Чуйская долина.

Довольно развито в городах было строительное дело. Раскопки различного назначения построек свидетельствуют о массовом изготовлении кирпича, сначала сырцового, а затем и жженого. На некоторых кирпичах имеются метки их изготовителей.

Многие виды ремесел оседлого населения в источниках не зафиксированы. О их существовании можно судить только по археологическим данным. Встречающиеся при раскопках изделия из стекла, камня, кожи, дерева свидетельствуют о существовании в городах таких ремесел, как стеклоделие, камнерезное искусство, обработка кож, плотницкое и столярное. Многочисленные находки пряслиц и грузил от ткацких станков свидетельствуют о широком развитии ткачества.

Таким образом, ремесленное производство в каганатах уже в эпоху раннего средневековья достигло сравнительно высокой ступени развития, что предполагает и профессиональную дифференциацию ремесленников. Однако о существовании в это время цеховых организаций достоверных данных нет.

Торговля. Рынки и денежное обращение

В экономической жизни Западнотюркского каганата и государства карлуков важное место занимала торговля. В то время она осуществлялась по трем основным направлениям: караванная торговля (по шелковому пути); торговля городов со степными кочевниками; внутригородская торговля.

Международные торговые связи осуществлялись по древнему шелковому пути, связывавшему Средиземноморье и Дальний Восток. В Средней Азии эта магистраль разделялась на несколько ветвей — Памирская, или южная дорога из Балха через Бадахшан и Алай вела в Восточный Туркестан. Ферганский торговый путь проходил вдоль южных и северных предгорий долины. Из Оша через город Медва и Алай была проложена дорога в Восточный Туркестан. От Узгенда через Центральный Тянь-Шань караваны направлялись к юго-восточному побережью оз. Иссык-Куль. В VI—X вв. наиболее оживленной была северная торговая трасса. Из Шаша через Исфиджаб, Тараз, Кулан и Мирки она вела в Чуйскую долину, где крупным торговым центром был Суяб. Из Суяба одна ветвь через Боомское ущелье вела в Верхний Барсхан, другая — через перевал Кастек и Илийскую долину — в Южную Сибирь. С середины VI в. из Чуйской долины, через Хорезм, Северный Прикаспий и Кавказ торговый путь вел в Византию.

Сведения об условиях передвижения караванов скудны. В городах, селениях и вдоль дорог были выстроены караван-сараи. Иногда купцы разбивали лагерь в открытом поле. Большие трудности испытывали торговые караваны в горах Тянь-Шаня и Памира: от холода гибли люди и животные, нередко торговые караваны подвергались ограблению[132].

Караванная торговля обслуживала, главным образом, феодальную верхушку и являлась по сути дела обменом редкими товарами между Востоком и Западом. Товарами транзитной торговли являлись предметы роскоши: драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро и изделия из них, а также меха, ковры, шелковые ткани, пряности, лекарства, породистые кони, редкостной красоты изделия из фарфора. Значительный процент в этом потоке грузов занимал шелк. В караванной торговле Средней Азии в VI—X вв. ведущая роль принадлежала Самарканду, а также Пайкенду, Мерву, Фиру (Кят), Таразу, Суябу. Главенствующее положение на торговых путях занимали согдийские купцы. Однако уже Земарх сообщал о том, что тюрки пытались продать византийцам железо. В VII—VIII вв. появляются сведения о купечествующих тюрках[133].

В ходе экономического развития, хозяйственной специализации областей и ремесленно-торговых центров торговля с кочевниками расширялась. Население оазисов и городов покупало скот, продукты скотоводства и охоты, рабов, войлок, кошмы. В обмен скотоводы получали ткани, хлеб, посуду, различные изделия из металла, украшения. Торговля со степными кочевниками осуществлялась через регулярно функционирующие ярмарки. Наиболее ранними являются сведения о ярмарках в Суябе. Первые по времени сведения о среднеазиатских ярмарках принадлежат Сюань Цзану. По его словам, в Суябе «ежегодно на большие ярмарки съезжались купцы из всех стран». Суябская ежегодная ярмарка была одной из крупнейших в Средней Азии. Чем больше были промежутки между ярмарками, тем значительнее торговые обороты.

Большое значение для торговли с кочевниками имели ярмарки в исфиджабском селении Навчикат. Они собирались регулярно раз в три месяца. Сюда на продажу пригоняли скот с гор и степей. В конце ярмарки покалеченный, забракованный или непроданный скот забивался, а мясо продавали населению по дирхему за *ман*. Крупная ярмарка функционировала в уструшанском городе Марсманда (ныне Ляйлякский район) — известном в то время центре железорудных разработок и металлургического производства. Марсмандийские ярмарки были многолюдны. Их посещали купцы из отдаленных стран. Отсюда вывозили превосходное оружие, которое высоко ценилось в Хорасане и Иране. Оборот ярмарки достигал 100 тыс. динаров[134].

Археологические раскопки подтверждают развитие торговли городов со степными кочевниками. В древних курганах иногда находят товары иноземного происхождения: зеркала, одежды из шелковых тканей, добротной выделки кожи, бусы из янтаря, коралла, лазурита, серебряные сосуды, серьги с жемчугом, монеты. Тюргешские монеты, выпущенные в Семиречье, найдены в могильнике Кудыргэ на Алтае и на р. Уени в Новосибирской области, в Восточном Туркестане, в согдийском Пенджикенте, в иранских Сузах. Знаменитые серебряные Аниковское и Григоровское блюда со сценами осады замка и христианской сценой, най-

денные в Приуралье, по мнению специалистов, были сделаны в Семиречье. В Туве был найден кувшин работы семиреченского согдийца. Намечается связь поселения на р. Упге в Прибайкалье с культурой семиреченских городов.

В IX—X вв. происходит специализация некоторых селений, городов и областей, пограничных с тюрками, в производстве тех или иных товаров. Они развивали свое ремесло, учитывая нужды кочевников и специализировались на обработке сырья, поступавшего от них. Этот процесс можно проследить на примере Шаша. По сведениям ал-Мукаддаси, оттуда вывозили «высокосортные шагреневые седла, колчаны для стрел и палатки... изары, молитвенные коврики, воротники, хлопковое семя, отличные луки и некачественные иглы. Хлопок, который вывозят к тюркам, и ножницы». Эта земледельческо-ремесленная область экспортировала товары, изготовленные в большинстве из шерсти, кож, шкур и мехов. Ал-Мукаддаси указывает и на источник сырья: «кожи же привозятся от тюрков и дубятся»[135]. Караваны, направляющиеся в степь, не были столь многочисленны, как на трассе шелкового пути. Например, к кыргызам на Енисей только раз в три года отправлялся караван в 20—24 верблюда.

Крайне малочисленны сведения о внутригородской торговле. Местом торговли и наиболее оживленной частью города были базары. В письменных источниках упоминаются рынки, расположенные в пределах городской черты: «Атлах — большой город, приближается по площади к главному городу, вокруг него стена... Соборная мечеть в медине, а рынки в рабаде»[136]. О развитии розничной торговли в городах свидетельствуют находки при раскопках предметов, связанных с куплей-продажей. Таковы чашечки весов, металлические и каменные гири. На отдельных сосудах имеются надписи, указывающие на вместимость и наименование продукта, для которых они предназначались. На значительное развитие внутригородской торговли указывает факт появления в первой половине VIII в. местной денежной эмиссии.

Семиреченские монеты представляли собой медные литые кружочки с квадратными отверстиями в центре. Имели хождение монеты двух типов: собственно тюргешские и круга тюргешских. Тюргешские выпускались от имени кагана тюргешей, о чем свидетельствует круговая согдийская надпись на одной из сторон: «Господина тюргешского кагана деньга». На обратной стороне изображалась тамга в виде лука или полумесяца. Монеты круга тюргешских были похожи на тюргешские, однако, худшего качества литья и меньших размеров. Надписи чтению пока не поддаются. Предполагают, что они выпускались от имени согдийских правителей городов Чуйской долины[137]. Судя по нумизматическим находкам на городище Ак-Бешим, в денежном обращении Чуйской долины преобладали местные монеты. В количественном отношении монет второго типа больше.

В Фергане в IX—X вв. обращались монеты государства Саманидов. Высокопробные дирхемы (исмаили) частью отправлялись за пределы Средней Азии, в основном в Восточную Европу. На внутреннем рынке имели хождение различного рода стоимостные знаки, так называемые «черные дирхемы». Их можно было различить не столько по надписям и изображениям, сколько по качеству металла. Самыми высокопробными были «муссейяби»; дирхемы «мухаммади» чеканились из низкосортного серебра, дирхемы «гитрифи» — из малоценных сплавов[138]. Низкопробное серебро в основном использовалось для уплаты хараджа, что свидетельствует о преимущественном обращении в Фергане монет именно этого типа.

Социальный состав городов

О социальной структуре городов раннего средневековья сведений очень мало. Несомненно, что оседлое население находилось в тесных экономических взаимосвязях с кочевниками и в политической зависимости от феодальной знати последних. В ряде случаев источники говорят о том, что владетелями оседлых центров была верхушка кочевых племен. В «Худуд ал-алам» и «Зайн ал-ахбар» Гардизи, содержащих некоторые сведения о согдийских, тюркских (тюргешских) и карлукских городах и селениях, перечисляются имена и титулы их правителей, а также численный состав их дружин. В частности, Гардизи сообщает о большом селении в стране тюргешей, дихкан которого Бадан носил титул «санку» (Бадан-сенгун). Имя Бадан было широко распространено в среде согдийской аристократии в VII—VIII вв. Об этом дихкане рассказывается, что он располагал отрядом в 7 тыс. человек, а дихкан соседнего селения Биклиг (Беклилиг), носившего также второе название Семакна, был братом джабгуйа (т. е. правителя страны) и располагал тремя тысячами всадников. Согласно «Худуд ал-алам», город Суяб находился в округе Тухси, «откуда выходит 20 тыс. человек». Характерно, что города являлись феодальными ставками. Владетеля города Карминкет называли Кутегин-лабан; городом Яр на Иссык-Куле управлял тюрок Тексин; владетель согдийского города Невакета назывался Яланшах, а Семакны — Йинал-тегин; в Барсхане правил Манак или Тебин-барсхан[139].

Вместе с тем, источники содержат сведения, что поселения и города Семиречья в VII—VIII вв. представляли собой некое политическое объединение в системе каганата. Об этом можно судить, например, по некоторым данным древнетюркской эпиграфики. Так, в надписи в честь Кюль-тегина в числе посольств, прибывших в конце 731 г. в орхонскую ставку восточно-тюркских каганов для участия в похоронах Кюль-тегина, упоминаются послы согдийских и бухарских городов страны Аргу (западной части Семиречья). Этот факт позволил сделать заключение о существовании в Семиречье в первой половине VIII в. территориальной федерации согдийских городов[140].

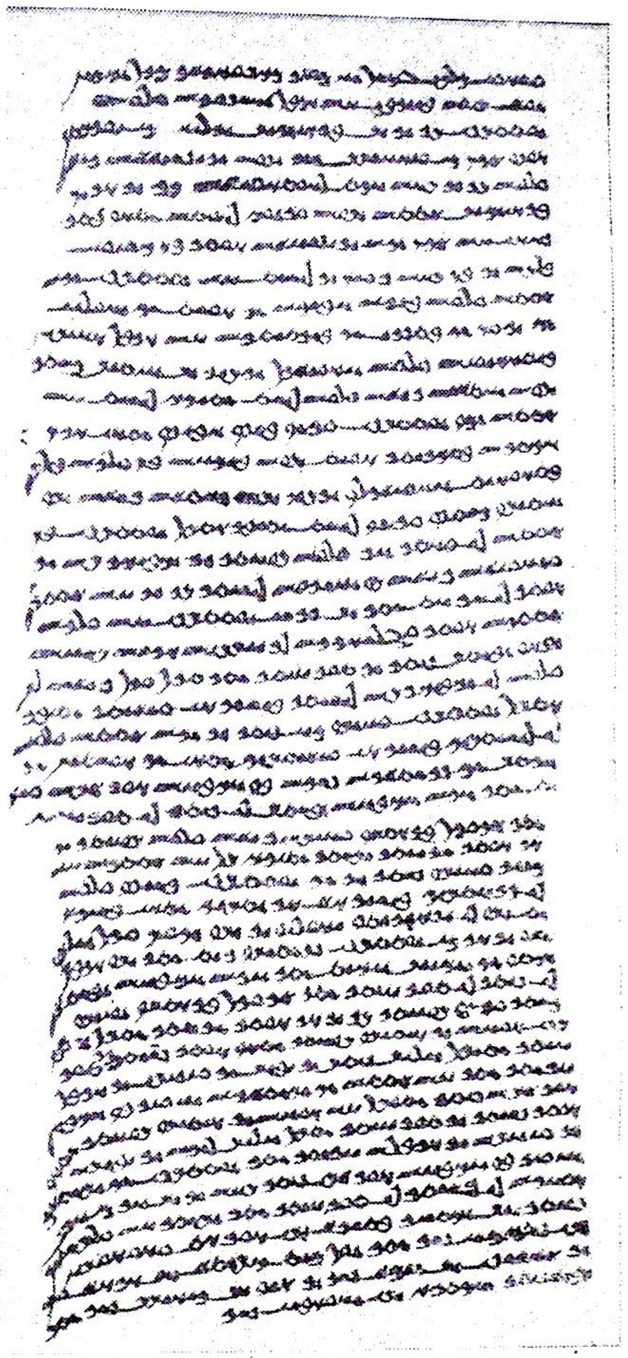
Для истории Киргизии VIII—IX вв. характерно нарушение связей Семиречья с Согдом — Мавераннахром, вызванное завоеванием последнего арабами. Это хорошо видно из известия ал-Йакуби (IX в.): «От Шаша до величайшей пограничной крепости Исфиджаба — два дня пути; это округ, откуда воюют с тюрками, это конец области Самарканда». Пограничным городом в источниках назван и Узгенд. Однако, в связи с созданием объединившего бóльшую часть Средней Азии государства Караханидов, эта изолированность была ликвидирована.

О численности городов раннего средневековья можно судить лишь по косвенным данным. На примере ряда городов Средней Азии, где выявлены значительные по площади кварталы городской застройки VII—VIII вв. (Пенджикент), и реконструкции их планов с привлечением данных письменных источников о численности населения в городах Ближнего Востока, О. Г. Большаков дает приблизительные расчеты для отдельных населенных пунктов. На основании этих расчетов число жителей крупных городов Средней Азии к началу VIII в. колеблется от 10 до 60 тыс., городов средней величины (например, Тараз, Бинкет-Ташкент, Пенджикент) — от 5 до 10 тыс. В последующие века население, очевидно, возросло, о чем свидетельствует появление пригородов и расширение территорий существующих городов. Например, в Бухаре в X в. могло проживать до 40—50 тыс. человек, в Самарканде — 100—110 тыс., в Термезе — до 35 тыс.[141].

Города Таласской долины и Семиречья по населенности уступали городам центральной части Средней Азии. В Таразе, по мнению О. Г. Большакова, проживало не более 10 тыс.; несколько многолюднее был Ак-Бешим (Суяб-Ордукенд. — *Ред.)*. Возможно, эти цифры несколько занижены. Источники сообщают, например, о проживании в сравнительно маленьком городе Шельджи (10 *га* — шахристан) только 10 тыс. чужеземцев, даже если предположить их расселение за пределами шахристана; вряд ли Баласагун мог быть назван большим и многолюдным (ал-Мукаддаси) при численности немногим более 10 тыс. По расчетам К. И. Петрова, основанным на топографических данных изучения городищ Чуйской долины с учетом специфики «аграризированных городов», численность населения в них была несколько больше — от 10 до 21 тыс.[142].

Разнообразным был социальный и этнический состав оседлых поселенцев Семиречья и Ферганы. В какой-то мере это подтверждают письменные источники, но гораздо больше — данные археологии. Они свидетельствуют о наличии глубокой социальной и имущественной дифференциации. Особенно ощутимо это при раскопках жилищ: парадных дворцов знати и лачуг рядовых горожан. Быт знати и бедноты достаточно ярко иллюстрируют памятники материальной культуры.

Ценные сведения о внутригородской жизни согдийцев в Семиречье, социальном составе населения их городов, правовых и этических нормах в каганате содержатся в некоторых документах Мугского архива. Внимание привлекает брачный контракт, составленный в столице Согда — Самарканде в 711 г. (25 марта, вторник)[143]. Как явствует из брачного договора, знатный тюрок по имени Ут-тегин взял в жены согдиянку Дугдгончу, находившуюся под опекой (и бывшей одной из жен) правителя Невакета, согдийского города в Семиречье.



Брачный контракт.
Согдийский архив с горы Муг.

Условия договора оговаривали юридически равные права мужа и жены при заключении брака, а также на случай развода. Особо отмечаются взаимные обязательства сторон. К брачному договору прилагалось обязательство жениха по отношению к опекуну невесты, согласно которому, в случае, если будет иметь место развод, муж должен возвратить жену здоровой и невредимой опекуну, его сыну и роду. В случае невыполнения этого условия, он обязывался выплатить тем же лицам 100 драхм (чистого серебра, непорченных, весом в динар) в качестве возмещения.

По брачному контракту обе стороны не несут материальной ответственности друг за друга в двух случаях: если будет совершен противозаконный поступок или если одна из сторон будет взята в качестве раба, заложника, пленного или в качестве зависимого; во втором случае другая сторона считается свободной от брака. Брачный контракт касался людей «благородных» и заключался на условиях равенства обоих супругов.

Семиреченский государь, судя по документу, руководствовался теми же социальными нормами, которые практиковались в Согде. Интересно также, что лица, заключавшие брак, и присутствовавшие при этом свидетели, имели по два имени — тюркское и согдийское. Это явление характерно и для некоторых семиреченских городов.

Большую информацию Мугский архив дает об аппарате власти в согдийском обществе, привнесенном частично и в семиреченские города. Очевидно, как и в метрополии, у каждого правителя существовал своего рода административно-бюрократический аппарат. В числе разного рода чиновников и должностей на первом месте стоял управляющий (дословно «обладатель приказа»), далее следовали чиновники, ведающие финансами, сборщики налогов; были начальники каналов, почтовой службы, заповедников и парков и т. д. В одном из документов архива — донесении согдийскому царю — сообщалось о принятии «брахманской веры» жителями Кучи (согдийский город-колония в Восточном Туркестане), где перечисляются «и знать, и купцы, и прочий народ (работники), и 14000 наставников (*бахши*)». Хотя речь идет о городе Восточного Туркестана, в документе автор оперирует знакомыми согдийцам терминами и понятиями, что свидетельствует об идентичности состава их населения таковому в собственно среднеазиатских областях.

Бо́льшую часть горожан составляли земледельцы, ремесленники, торговцы. Источники говорят о сложной социальной стратификации городского населения. Господствующее положение занимали представители военно-феодальной знати, согдийской дихканской (т. е. землевладельческой) аристократии и купцов.

Дихкане Согда одевались в особую одежду и носили золотой пояс. Особо выделялось и купечество, которое также владело землями и обитало в усадьбах, похожих на замки дихкан. Рядом селились их слуги и приближенные, вокруг дома простирались сады и поля[144]. По-видимому, эти традиции распространялись и на согдийские поселения Семиречья.

Многочисленные свидетельства имеются о том, что в каждой дихканской семье были слуги-рабы. Крестьяне-земледельцы носили название «кедивары». На основании Мугского архива можно заключить, что в VII — начале VIII в. в согдийской среде было несколько категорий рабов и зависимых людей.

О формах зависимости ремесленников в источниках не сообщается. Судя по археологическим данным, свидетельствующим об устройстве мастерских при домах-усадьбах, ремесленники, скорее всего, были лично независимы, как это наблюдалось и в других районах Средней Азии. Большую часть ремесленного трудового населения составляли гончары, строители, плотники, ткачи, лудильщики, кузнецы, рудокопы и литейщики. Для городов раннего средневековья было характерно совместное проживание ремесленно-торгового и земледельческого населения.

Значительную часть городского населения составляли иностранцы — выходцы из других стран в связи с гонениями и миссионерской деятельностью религиозных общин. Как отмечают источники, тюркские каганы, которые покровительствовали различным культам, разрешали селиться в городах (особенно, в ставках) приверженцам таких религий, как христианство, буддизм, манихейство. Среди исповедовавших эти религии поселенцев большинство составляли сирийцы, армяне, тохары, уйгуры и другие племена и народы Переднего и Дальнего Востока, которые впоследствии ассимилировались местным согдийским и тюркоязычным населением. Постепенно в процесс тюркизации были вовлечены все слои населения городов Семиречья, а тюркский язык, нравы и обычаи тюрков, по свидетельству Махмуда Кашгарского, уже к середине XI в. стали обычными для жителей городов Восточного Туркестана и Семиречья. Рядом с тюрками, пишет он в «Диван лугат ат-тюрк», жили согдаки и кенчжеки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты, языки которых непосредственно влияли на язык тюрков[145], равно как и само соседство сказывалось на всех сторонах хозяйственной и культурной жизни страны. Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, получивших дальнейшее развитие на следующем этапе древнетюркской государственности и жизни городов.

Глава V

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X — НАЧАЛЕ XIII В.

1. Государство Караханидов

Образование государства

Сведения о времени и обстоятельствах образования государства Караханидов скудны, а порой и противоречивы. Средневековые арабские и персидские авторы династию Караханидов называли «ал-хакания», «ильханы», «ильханиды» и «дом (потомки) Афрасиаба». Их правители носили титулы «арслан-хан», «бугра-хан», «тамгач-хан». Термин «караханиды» (для обозначения династии и государства) введен в науку В. В. Григорьевым по титулу «кара-хан» или «кара-хакан» первого из правителей этой династии — Сатука Абд ал-Керима.

До сих пор нет единого мнения о племенной принадлежности династии, стоявшей во главе государства. Ж. Дегинь, Х. М. Френ относили Караханидов к уйгурам, Ф. Гренар и Эд. Шаванн — к карлукам, В. В. Григорьев — сначала к уйгурам, а затем — к карлукам, некоторые турецкие ученые — к алтайским тюркам. В. В. Бартольд первоначально высказал гипотезу о происхождении династии Караханидов из ягма. Однако впоследствии он выделил три народности — карлуков, ягма и чигилей, из которых, по его мнению, могли выйти правители государства Караханидов. В настоящее время анализ сведений, содержащихся в трудах Махмуда Кашгарского, Юсуфа Баласагунского и в других письменных источниках, подтверждают одно из предположений В. В. Бартольда о происхождении династии Караханидов из среды чигилей. По мнению О. Прицака, Караханиды вышли из среды карлуков, в конфедерацию племен которых входили чигили и ягма. Эту версию поддержал С. Г. Кляшторный.

О генеалогии родоначальника династии Караханидов Сатука Абд ал-Керима сообщает Джамал ал-Карши, хотя его сведения о Караханидах содержат ошибки и анахронизмы[1]. Согласно версии

Джамал ал-Карши, дед Сатука, Бильге Кюль Кадыр-хан, имел двух сыновей — Базыр Арслан-хана и Огулчак Кадыр-хана. О правлении деда и отца Сатука — Базыра, сведений нет. Судя по рассказам Карши, после смерти Бильге Кюль Кадыр-хана управление областями тюрков перешло к его сыну — Огулчаку. Резиденцией Огулчака был Кашгар[2]. По интерпретации О. Прицака оба сына Кадыр-хана правили одновременно — Базыр в качестве главного хана в Баласагуне, а Огулчак в качестве соправителя в Таразе. После захвата Тараза Саманидом Исмаилом в 893 г. Огулчак перебрался в Кашгар и в 904 г. предпринял поход в Мавераннахр[3]. Сатук Абд ал-Керим жил и воспитывался у своего дяди, Огулчака Кадыр-хана. Он первым из караханидских правителей принял ислам. Самое раннее сообщение об этом приводится в трудах Ибн ал-Асира и Джамал ал-Карши. Согласно сообщению ал-Карши, это событие произошло в годы правления Саманида Абд ал-Малика ибн Нуха (954—961 гг.).

У Сатука было два сына — Муса (Байташ) и Сулейман. После смерти Сатука (955 г.) власть перешла к Мусе, который объявил ислам государственной религией. После Мусы государством стал управлять сын Сулеймана, Али. По сведениям Карши, он умер в 988 г. и похоронен в Кашгаре[4]. Во времена правления Сатука и Мусы в состав их государства вошли юго-восточная часть Центрального Тянь-Шаня и северные районы Кашгарии.

Караханидам долгое время не удавалось подчинить себе Хотан и Яркенд. Натолкнувшись на упорное сопротивление своих южных соседей, они решили испробовать свои силы на севере. Караханиды без труда овладели Баласагуном. Провозгласив этот город одной из своих столиц и закрепившись в Чуйской долине, Караханиды стали продвигаться в северо-восточные районы. У Махмуда Кашгарского (XI в.) сообщаются отдельные факты, свидетельствующие о завоевании ими Семиречья. Так, часть племен ягма, тухси и чигили, обитавшая ранее на территории Центрального Тянь-Шаня, переселилась в долину р. Или, а одно из тюркских племен, ограки, обитало в пограничной области Караджигач, соседствуя с чигилями, ягма и джаруками (чаруками)[5].

Махмуд Кашгарский приводит песню о битве Караханидов с ограками:

Взметнулось красное знамя,
Поднялся черный прах.
Подоспело (племя) оград.
Сражаясь с ними, мы задержались[6].

Битва, видимо, была упорной, тем не менее ограки, подчинившись Караханидам, стали их союзниками и участвовали в их походах[7]. В то время в долине р. Или жили басмылы. В союзе с ябаку и джумулами (чумулами) они вели войны против Караханидов.

Сожжем-ка мы бека басмылов,
Пусть теперь собираются юноши (йигиты).

Басмылы подняли свое войско,
Все пришли [и] собрались.
Они направились к Арслану.
От страха у них кружатся головы[8].

На севере Караханиды вели безуспешные войны с племенами йимеков, населявшими долину р. Иртыш.

Йимеки с реки Иртыш
Засучивают рукава,
Сердца у них — смелые,
Они собираются прийти[9].

На северо-востоке врагами Караханидов являлись кочевые племена джумулы (или чумулы). По карте Махмуда Кашгарского, они соседствовали с джаруками и уйгурами, жили поблизости от долины р. Иртыш[10]. Ранее сразившиеся с Караханидами басмылы, судя по тексту, были разбиты, но не подчинились. Есть основания полагать, что они заключили антикараханидский союз с соседними джумулами и ябаку. Во главе этого союза стала верхушка племен ябаку. Не исключено, что к союзникам присоединились и более мелкие племенные подразделения, обитавшие в Джунгарии и на Алтае. Махмуд Кашгарский пишет:

Они (т. е. союзники врагов Караханидов)
заключают письменный договор
и дают крепкую клятву (присягу),
просят у хана (ябаку, главного организатора
союзников) — помощи (покровительства).
Басмалы [и] джумулы собираются[11].

Главным противником Караханидов на северо-востоке были племена ябаку. Махмуд Кашгарский пишет о победе армии мусульман под предводительством Арслан-тегина над войском ябаку под началом Бука-Будрача[12]. В словаре того же автора имеется много стихотворных строк, посвященных битвам между ябаку и Караханидами:

И Будрач разъярился.
Он собрал своих богатырей,
снова повернул свое войско,
он собирается прийти.
... он (враг) хотел перейти реку Иртыш.
...Народ страшится этого.
Выступим-ка мы (в поход) ночью.
Переправимся через реку Ямар.
...будем искать крови Будрача.

Враг сдался мне в плен.
Испытывая муки, он рыдал,
Он порицал [себя] за содеянное[13].

Махмуд Кашгарский упоминает степь и р. Ямар. В. В. Бартольд склонен отождествить р. Ямар с Эмилем или с Обью. Однако в других местах он пишет о битве Караханидов и ябаку именно в долине Эмиля. Судя по тексту, караханидские войска в решающей схватке нанесли поражение союзникам и пленили их предводителя.

На востоке Караханиды вели войну с уйгурами:

Сев в лодки,
Мы переправились через реку Ила (Или?).
Направившись в сторону уйгуров,
Мы завладели страной Мынглак.
Мы напали (на них) ночью[14].

В Восточном Туркестане Махмуд Кашгарский упоминает тюркские племена арамутов близ владений уйгуров и джаруков, которые жили в городе Барчук и его окрестностях[15]. При продвижении на восток, особенно в борьбе с уйгурами, Караханиды должны были покорить эти племена. Однако нет сведений о том, что Уйгурское государство подчинилось Караханидам.

До обращения в мусульманство население Центрального Тянь-Шаня и Семиречья исповедовало манихейство, буддизм, христианство, а в идеологии кочевых племен даже после распространения ислама играл значительную роль шаманизм. Новую религию Караханиды насаждали силой. Они оправдывали свои походы лозунгом «священной войны» против «неверных»[16].

В «Словаре» Махмуда Кашгарского имеются отдельные факты о границах распространения ислама на востоке, которые можно связать с распространением реальной власти Караханидов. Он пишет, что р. Усма-Тарим вытекает из мусульманских городов в сторону земли уйгуров, а на западной границе земли последних упоминает оз. Юлдуз, местность Тарим, города и местности Куми-Талас[17]. Последний город находился в пределах восточного Семиречья.

На основе данных Махмуда Кашгарского можно определить восточную границу караханидского каганата. На северо-востоке владения Караханидов не выходили за линию оз. Балхаш, Сасык-Куль и Ала-Куль. По мнению В. В. Бартольда, местность Чугучак «...оставалась в XII в., как и в XI в., вне влияния ислама»[18]. На юго-востоке владения Караханидов простирались до Черчена[19]. Эти земли Караханиды завоевали, в основном, во второй половине X в., а некоторые районы, особенно юго-восточные, были заняты ими в первой четверти XI в.

Завоевание Ферганы и Мавераннахра

Укрепившись в Центральном Тянь-Шане и Семиречье, Караханиды устремились на запад.

Время завоевания Караханидами Ферганы неизвестно. Это могло произойти еще до 990 г., подтверждением чего является монета караханидского правителя илека Насра, отчеканенная в 380/990—991 гг. в Фергане. В 990 г. Харун Бугра-хан присоединил к владению Караханидов Исфиджаб. Как отмечает В. В. Бартольд, когда Бугра-хан «появился перед пограничным городом саманидской державы на северо-востоке, Исфиджабом, он нигде не натолкнулся на значительное сопротивление»[20].

В это время государство Саманидов находилось в состоянии глубокого кризиса. Крупные феодалы тюркского происхождения Абу Али и Фаик не признавали власти саманидского эмира Нуха II ибн Мансура (976—997 гг.). Они подстрекали Харуна напасть на Бухару и разделить владения Саманидов. В 992 г. Харун Бугра-хан двинулся с «великой ратью» на Бухару. Нух II выслал против него военачальника Аяча. В битве саманидское войско потерпело поражение. В это время Фаик добился помилования и возвратился в Бухару. Нух II отправил его для отражения натиска врагов. Войска Караханидов и Саманидов встретились на сей раз в Хардженге, близ Рабат-и Мелика, к западу от Кермина. Фаик умышленно проиграл эту битву[21]. Измену его подтверждает тот факт, что при подходе Харуна к Бухаре он вышел из города и «выказал ему особое почтение и присоединился к нему», а затем был назначен наместником Балха[22].

Потерпев поражение при Хардженге, Нух II покинул Бухару и переправился через Аму-Дарью в Амуль. Харун без сопротивления занял столицу Саманидов, но вскоре заболел и вынужден был возвратиться. Однако причиной быстрого возвращения Караханидов в Семиречье была не столько болезнь Харуна, сколько враждебное отношение к ним населения. Когда Харун покинул Бухару, горожане преследовали его войско, убивали отставших, грабили их имущество. Харун умер в 992 г. в местности Кочкор-Баши[23]. Так бесславно закончился первый поход Караханидов в Мавераннахр.

Второе вторжение Караханидов в Мавераннахр произошло в 996 г. Его возглавил илек Наср ибн Али. Узнав об их выступлении, Нух II обратился за помощью к своему военачальнику Себук-тегину. Себук-тегин же повел переговоры с Насром о разделе сфер влияния, по которому границей между Караханидами и Саманидами была признана Катванская степь. Сам Себук-тегин стал полновластным хозяином земель к югу от Аму-Дарьи. По желанию Караханидов Фаик был назначен наместником Самарканда. Таким образом, в руках саманидских правителей остались лишь Бухарская область и сопредельные с ней районы.

Борьба между придворными вельможами в последние годы династии Саманидов достигла своего апогея. В результате их прей саманидский эмир Мансур ибн Нух (997—999 гг.) в начале февраля 999 г. был низложен и ослеплен. Наср, под предлогом защиты эмира Мансура, решил покончить с династией Саманидов. 10 октября 999 г. он занял Бухару. Последний саманидский эмир Абд ал-Малик ибн Нух был взят в плен и отправлен в Узгенд[24]. Наср, прожив некоторое время в столице Саманидов, вернулся в Узгенд. Он оставил в Бухаре своего наместника Джафар-тегина, а в Самарканде — Тегин-хана с отрядом.

Один из сыновей Нуха II, Абу Ибрахим Исмаил, бежал из заключения. Перебравшись из Узгенда в Хорезм, он собрал войско и объявил войну Караханидам. Ему удалось отвоевать Самарканд и Бухару. Наср двинулся с многочисленным войском из Узгенда против Абу Ибрахима. Последний, трезво оценив свои возможности, отступил за Аму-Дарью. Он погиб в безуспешной борьбе с Караханидами в 1005 г.[25].

Покончив с последним Саманидом, Наср решил завоевать Хорасан. В 1006 г., воспользовавшись походом газневидского султана Махмуда в Индию, он послал войско за Аму-Дарью. Один из двух его отрядов во главе с Джафар-тегином захватил Балх, другой — под предводительством Сюбаши-тегина — занял Герат[26]. Узнав о нападении Караханидов, Махмуд спешно вернулся из Индии и разгромил караханидские отряды.

После этих неудач Наср стал готовиться к новому походу на Хорасан, обратившись за помощью к своему родственнику Юсуфу Кадыр-хану, владетелю Хотана (представитель другой ветви Караханидов, внук Сатука). Сорокатысячное войско союзников направилось в Балх. В начале 1008 г. караханидские и газневидские войска встретились в степи неподалеку от Балха. Султан Махмуд одержал победу[27]. После этого поражения Караханиды не предпринимали больше попыток завладеть территорией за Аму-Дарьей.

Во время подготовки второго похода на Хорасан Наср обратился за помощью также к старшему брату, великому кагану, находившемуся в Баласагуне, Ахмеду ибн Али. Последний отказал ему в помощи, уведомив Махмуда о том, что он «не соучастник брата в этом деле»[28].

Источники приводят две разные даты смерти Насра: ал-Карши — 1011—1012 гг., Утби — 1012—1013 гг.[29] Наср ибн Али фактически был независимым государем, и владение его было очень значительным (Мавераннахр, Фергана), но номинальным главой он признавал старшего брата Ахмеда, верховного кагана Караханидов. Собственный удел Ахмеда ибн Али был относительно невелик. До 403 г. его имя встречается на монетах северных областей и городов (Шаш, Исфиджаб), а после смерти брата появляется на монетах Мавераннахра и Ферганы[30].

По данным источников, в 1017—1018 гг. восточная часть владений Караханидов неоднократно подвергалась набегу многочисленных кочевников. Ахмед выступил против них, нанес им пора-

жение и вскоре после битвы умер[31]. Его преемником стал Мансур ибн Али.

После смерти последнего номинальное главенство в 1024—1025 гг. перешло к представителю другой ветви Караханидов — Юсуфу Кадыр-хану, который, судя по монетным данным, владел Кашгаром уже в 1005—1006 гг.[32]. Между ним и Махмудом Газневидским был заключен союз для борьбы с Караханидом Али-тегином (Али б. Хасаном), который к этому времени возвысился в Мавераннахре. Взаимоотношения Юсуфа и Махмуда, их поход на Мавераннахр, церемониал встречи и переговоров под Самаркандом подробно описал В. В. Бартольд[33]. Принятые во время встречи решения и обязательства впоследствии не были выполнены. Махмуд Газневидский отказался помочь Юсуфу Кадыр-хану в передаче Мавераннахра его сыну, опасаясь чрезмерного усиления власти Юсуфа Кадыр-хана. После смерти Махмуда Али-тегин пытался завладеть некоторыми пограничными областями Газневидов. Сын Махмуда, Масуд, опасаясь Али-тегина, стремился привлечь на свою сторону восточных караханидских правителей. Сразу же по вступлении на престол (1031 г.) он отправил посольство в Кашгар для установления дружественных отношений с Юсуфом Кадыр-ханом, а после смерти последнего в 1032 г. с его сыном Сулейманом Арслан-ханом[34].

Образование двух каганатов

Преемником Юсуфа Кадыр-хана стал его старший сын, Сулейман Арслан-хан. По свидетельству Ибн ал-Асира и Абу-л-Фиды, в 435/1043—1044 г. Сулейман ибн Юсуф разделил свои владения между братьями и родственниками, довольствуясь их повиновением. Баласагун и Кашгар он оставил за собой, братьям — Бугра-хану Мухаммеду и Арслан-тегину — отдал Тараз, Исфиджаб, многие города тюрков, дяде по отцу Туган-хану — всю Фергану, а сыну Али-тегина — Бухару и Самарканд[35]. Как отмечает В. В. Бартольд, «в эту эпоху, благодаря слабости Арслан-хана авторитет главы империи пал окончательно»[36]. Вполне возможно, что Сулейман путем формального признания фактически уже сложившегося положения дел пытался хотя бы внешне восстановить авторитет центральной власти. По мнению О. Прицака, «переломным годом» был 1041—1042 гг., когда государство Караханидов разделилось на два самостоятельных каганата с параллельной титулатурой правителей и со своими отдельными столицами. Столицей Восточного каганата стал Баласагун, позже Кашгар, Западного каганата — Узгенд, позже Самарканд[37].

Е. А. Давидович считает, что «двух караханидских каганатов в том виде, в каком их представил О. Прицак, не существовало, и 433/1041—1042 гг. в истории Караханидов отнюдь не являются важным переломным рубежом». Вместе с тем она не отрицает сам факт образования двух караханидских каганатов: «Однако вообще о двух каганатах говорить можно, только пути их образования, обособления были иными... Процесс этот начался до Ибрахима

тамгач-хана, но именно при нем получил прочное и окончательное завершение»[38].

После смерти Али-тегина в Мавераннахре происходили междоусобные войны, в результате которых в конце тридцатых — начале сороковых годов XI в. к власти пришел Бури-тегин Ибрахим ибн Наср, принявший титул «тамгач-хан». В конце пятидесятых годов XI в., воспользовавшись междусобицей восточных караханидских правителей, он отобрал у них ряд областей и городов (Шаш, Узгенд и др.). По словам Ибн ал-Асира, Ибрахим в возрасте семидесяти лет был парализован и умер в 1067—1068 г.[39] Еще при жизни он отказался от власти в пользу своего сына Шамс ал-мулка Насра.

Глава восточных Караханидов, Тогрул кара-хан, решил воспользоваться междоусобицей сыновей Ибрахима ибн Насра и вернуть прежние владения (Фергану, Шаш и другие). По рассказу Ибн ал-Асира, он, совместно со своим родственником Бугра-ханом, на рубеже 1069—1070 гг. начал войну с западными Караханидами и отвоевал у них ряд владений. Был заключен мирный договор, согласно которому пограничным пунктом между владениями восточных и западных Караханидов стал Ходжент. Таким образом, вся Ферганская долина и территория к северо-востоку от Сыр-Дарьи очутилась под властью Тогрул кара-хана[40]. Договор, заключенный в начале 1070 г. между главами западных и восточных Караханидов, следует считать «юридическим оформлением» фактически уже существовавших двух караханидских каганатов.

Восточный и Западный каганаты

Конфликт западнокараханидских ханов с мусульманским духовенством возник еще при Ибрахиме и продолжался во время правления его преемника Шамс ал-мулка. При внуке последнего, Ахмеде, он достиг наибольшей остроты, и духовенство обратилось за помощью к могущественному сельджукскому султану Малик-шаху, который в 1089 г. занял Бухару и Самарканд. Ахмеда он лишил власти и отослал в Исфахан, а сам направился в Узгенд, куда по его требованию с выражением покорности явился восточнокараханидский правитель, после чего Малик-шах вернулся в Хорасан[41].

Вскоре после его ухода чигильский гарнизон Самарканда поднял восстание. Предводитель восставших призвал на помощь из Ат-Баши Якуб-тегина, брата верховного кагана восточных Караханидов. Последний прибыл в Самарканд, но не поладил с главой чигилей и убил его, чем оттолкнул от себя последних. Малик-шах с войском снова направился в Мавераннахр, а Якуб-тегин бежал в Ат-Баши. Малик-шах занял Бухару, Самарканд и вновь дошел до Узгенда. Оттуда он направил послов к восточнокараханидскому хану с требованием выдать Якуб-тегина, что тот и сделал. При этом верховный каган приказал своему сыну, приставленному к пленнику, ослепить его в пути. По прибытии в

одну из крепостей, царевич готовился выполнить приказ отца, но в это время появился гонец с сообщением, что владетель Барсхана, Тогрул ибн Йинал, взял в плен хана и разграбил его казну. Царевич спешно возвратился, а невредимого Якуба отправил к Малик-шаху. Сельджукский султан не решился выступить против Тогрул ибн Йинала, опасаясь за свой тыл. Освободив Якуба, он приказал ему вести борьбу с владетелем Барсхана, а сам вернулся в Хорасан[42].

В 1092—1093 гг. сельджукский султан вернул престол Ахмеду. Однако разногласия между последним и духовенством еще больше обострились. На этот раз победило духовенство. С помощью военачальников Ахмед был схвачен, обвинен в ереси и в начале 1095 г. приговорен к смертной казни[43].

В начале второй половины XI в. во главе Восточнокараханидского каганата был Сулейман ибн Юсуф, а его брат Мухаммед правил Таразом. Сулейман был слабовольным и набожным человеком. В 1056—1057 гг. Мухаммед захватил трон Восточнокараханидского каганата и заключил брата в темницу. Мухаммед ибн Юсуф объявил своим наследником Чагры-тегина, сына Хусейна. Это разгневало молодую жену кагана, у которой был еще один сын. Отравив мужа, она приказала убить его родственников и задушить Сулеймана. На трон был возведен Ибрахим ибн Мухаммед. Последний, по настоянию матери, выступил против владетеля Барсхана Йинал-тегина, но потерпел поражение и был убит[44].

О правлении верховного кагана Тогрул кара-хана, кроме его похода в Мавераннахр на рубеже 1069—1070 гг. и того, что он в течение 16 лет правил в Баласагуне, ничего не известно. Ссылаясь на Ибн ал-Асира, В. В. Бартольд пишет, что преемник Тогрул-хана, Тогрул-тегин, правил два месяца, а после него 29 лет троном владел Бугра-хан (умер в 1102/103 г.)[45].

2. Государство киданей. Караханиды, найманы

Продвижение киданей на запад

В 1125 г. чжурчжэни положили конец государству киданей. Часть их племен во главе с членом правящего дома Елюй Даши двинулась на запад, на Тянь-Шань.

Данные письменных источников о пути следования киданей и дат их прибытия на восточную границу владений Караханидов противоречивы. По рассказу Ибн ал-Асира, в 1129 г. во главе с гурханом (титул правителя киданей) они появились на границе Кашгара, но были разбиты войском Ахмеда ибн Хасана — кагана восточных Караханидов.

Другие восточные авторы сообщают, что Елюй Даши, бежав от чжурчжэней с немногочисленным войском, собрал на Орхоне 20-тысячный корпус воинов-ветеранов в крепости Хотунь, пополнив его за счет киданьских беженцев и прибыл в Бэйтин (Бешбалык). Здесь при помощи вождей семи областей и 18 племен собрал еще 10-тысячный кавалерийский корпус и объявил себя гурханом. Между 1130—1131 гг. чжурчжэньскому двору стало известно о прибытии Елюй Даши в район Хачжоу (Гаочан) в Восточном Туркестане[46]. По этим рассказам, часть киданей где-то в начале 1130 г., пройдя через Уйгурию, достигла благодатной долины р. Эмиль. Здесь Елюй Даши пребывал несколько лет, построил город, от которого при Джувейни остались лишь развалины. В долине р. Эмиль к киданям присоединились их собратья и другие племена, переселившиеся еще до похода гурхана на восточную границу владений Караханидов, а также местные многочисленные тюрки[47].

Образование государства западных киданей

В это время усилились процессы децентрализации в Западном и особенно в Восточном караханидских каганатах. По свидетельству Джувейни, карлуки и канглы вышли из повиновения баласагунскому хану, и последний вынужден был обратиться за помощью к гурхану киданей. Воспользовавшись этим, Елюй Даши занял Баласагун, а затем лишил его правителя высокого титула. После этого гурхан киданей предпринял серию походов с целью завоевания других городов и местностей Восточного караханидского каганата. Сперва он отправил отряд в Кашгар и успех сопутствовал ему[48]. В это время верховным каганом, преемником Ахмеда, был его сын Ибрахим. Ал-Карши называет его «мучеником веры», следовательно, он мог быть последним восточно-караханидским каганом, погибшим в войне против «неверных»[49].

По рассказу Джувейни, гурхан после покорения Кашгара и Хотана «...послал войско к пределу кыргыз, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык». На основе этого факта, В. В. Бартольд пришел к предположению об участии енисейских кыргызов в событиях, происходивших на территории уйгуров в Восточном Туркестане[50]. Не исключено, что гурхан направил отряд для наказания кыргызов, кочевавших поблизости от Бешбалыка, за их прежнее противодействие. Елюй Даши в 1134 г. предпринял безуспешный поход на восток, чтобы восстановить былую славу Ляо.

После занятия владений восточных Караханидов кидани и другие тюркские племена к середине 1137 г. нанесли поражение войскам Махмуд-хана под Ходжентом. Однако этим успехом для окончательного завоевания владений западных Караханидов они не воспользовались и вернулись в долину р. Чу, где находилась ставка гурхана Хосун-Орду под Баласагуном.

В начале сороковых годов XI в. произошел конфликт между западным караханидским ханом и вождями карлуков. Последние обратились за помощью к киданьскому гурхану, а хан Махмуд ибн Мухаммед — к своему сюзерену сельджукскому султану

Санджару. 9 сентября 1141 г. в степи Катван (близ Самарканда) состоялось кровопролитное сражение, окончившееся победой киданьского войска над объединенными силами Махмуда и Санджара, бежавших в Термез. Кидани заняли Самарканд и Бухару, население которой, очевидно, оказало им сопротивление, так как, по данным восточных авторов, правитель города был убит в битве[51].

Во второй половине XII в. кидани захватили Термез и Балх. На этом их продвижение на Запад закончилось.

Кидани и Караханиды

Степень зависимости завоеванных киданями областей и городов или ставших их данниками была различной. По мнению В. В. Бартольда власть Караханидов была ликвидирована в Баласагуне, где стал править сам гурхан Елюй Даши. Он мог быть непосредственным властелином Чуйской, Таласской, Кочкорской, Сусамырской, Чаткальской долин, а также Иссык-Кульской котловины, в которых обосновалась основная часть киданей. Их потомки до сих пор сохранили свое самоназвание (кара-кытай) среди населения Северной Киргизии[52].

Из-за боязни сепаратизма, Елюй Даши не наделял приближенных *икта* и под начальство эмира отдавал не более ста всадников. Во всех, кроме вышеперечисленных, завоеванных киданями областях, у власти оставались прежние или назначались новые местные правители[53]. По рассказу Ибн ал-Асира, «каждый из царей, кто подчинялся им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется»[54]. Гурханы киданей не вмешивались во внутренние дела завоеванных ими вассальных владений, а ограничивались взиманием дани или одной золотой монеты (т. е. по динару) с каждого двора. Они всячески поощряли удельную раздробленность во владениях Караханидов, соперничество и независимость их правителей друг от друга, например, бухарского садра от самаркандского хана.

Елюй Даши посадил на самаркандский престол Ибрахима ибн Мухаммеда, брата Махмуда, бежавшего вместе с Санджаром после Катванской битвы в Хорасан. По сообщению Ибн ал-Асира, Ибрахим являлся слабым правителем, карлуки «обвинили его в дурных поступках»[55]. В 1155—1156 г. (по Карши — в 551/1156—1157 г.) он был убит ими в местности Келлябад под Бухарой.

В первой половине XII в. Фергана с Узгендом и Мавераннахр с Самаркандом находились в руках двух семей караханидского дома: лишь один представитель Ферганского удела, имя которого нам известно, Хасан-тегин, предпринял попытку овладеть Самаркандом, однако, это удалось осуществить его сыну Чагры-хану Джалал ад-дину Али, занявшему престол Ибрахима ибн Мухаммеда. С тех пор (1156 г.) до конца уничтожения династии Караханидов власть в названных уделах находилась в руках ферганской семьи. Самаркандский хан по-прежнему считался верховным правителем Западного каганата, но отражалось это только в «не» сравнительной значимости титулатуры, так как вообще имя самаркандского государя в монетном чекане Ферганы не упоминалось даже в качестве формального сюзерена[56]. Али продолжал борьбу своего предшественника с карлуками и вышел победителем. По этому поводу у Ибн ал-Асира сказано, что гурхан киданей потребовал от самаркандского вассала выселить карлуков из своих владений в Кашгар, чтобы они перестали носить оружие и занялись земледелием и другими делами. Карлуки на это ответили восстанием и осадили Бухару. Садр города Мухаммед ибн Омар умышленно вступил в переговоры с предводителями карлуков и одновременно послал гонца в Самарканд, призывая на помощь Али, который вовремя прибыл с отрядом и разбил карлуков.

Первым вассалом киданей в Узгенде мог быть Хусейн ибн Хасан, правивший, примерно, до середины XII в. О его преемнике Махмуде ибн Хусейне сведений нет. Другой сын Хусейна Ибрахим, по нумизматическим данным, в 574/1178—1179 гг. овладел Самаркандом, став номинально главой династии Западных Караханидов[57].

В восточных районах владений Караханидов началось брожение среди населения, вызванное ослаблением власти гурхана, усилением произвола сборщиков дани, недовольством мусульман против «неверных» киданей. Оно усилилось после переселения в Восточный Тянь-Шань и Семиречье остатков монгольских племен меркитов и найманов, разбитых Чингиз-ханом в 1208 г. на берегу Иртыша. Предводитель найманов Кучлук поступил на службу к гурхану и по его разрешению собрал рассеянных там соплеменников и других кочевников, бежавших из Монголии, для подавления восстания против гурхана. Однако он не предпринял никаких мер для устранения беспорядков в северо-восточной части владений гурхана, а наоборот, стремился завладеть троном своего покровителя. Обосновавшись в Семиречье, Кучлук совершал грабительские набеги на отдаленные районы киданьских владений. Гурхан киданей потребовал помощи от вассальных правителей, в том числе и от Османа ибн Ибрахима, владетеля Самарканда, который перед этим получил отказ на бракосочетание с дочерью гурхана. Осман открыто перешел на сторону хорезмшаха и объявил себя его вассалом. Тогда гурхан послал тридцатитысячный отряд на Самарканд. Однако киданьское войско было отозвано, так как в 1210 г. Кучлук напал на Узгенд и овладел хранившейся там казной гурхана. Тогда хорезмшах занял Самарканд, а затем вместе с Османом направился на Тараз, где столкнулся с киданьскими войсками. После безрезультатного сражения в 1210 г. обе стороны отступили. На обратном пути киданьские войска грабили собственные владения. Когда они подошли к Баласагуну, горожане закрыли перед ними ворота, решив, что эта область скоро будет занята хорезмшахом. После шестнадцатидневной осады город был взят и подвергнут трехдневному грабежу. По сообщениям ис-

точников, погибло сорок семь тысяч горожан. Эти события показали, что войска киданей были деморализованы, а гурхан уже не имел реальной опоры. Войска взбунтовались и Кучлуку удалось привлечь на свою сторону мятежников.

После битвы в 1210 г. с киданями хорезмшах вернулся к себе через Мавераннахр, взяв с собой султана Османа. В то время Мухаммед установил свой сюзеренитет над Западным караханидским каганатом — известны монеты Османа, выпущенные в 606/1209—1210 и 607/1210—1211 гг. с именем Мухаммеда[58].

В Хорезме Осман женился на дочери своего сюзерена. По требованию матери шаха, Туркан-хатун, и, согласно тюркским обычаям, он должен был остаться на год при дворе тестя. Весной 1211 г. Мухаммед с войском прибыл в Самарканд в связи с подготовкой похода на киданей. Почувствовав враждебное отношение к нему горожан, шах велел отпустить Османа с женой раньше срока. Младший брат самаркандского хана был оставлен в Хорезме в качестве заложника.

По рассказу Ибн ал-Асира, Осман вернулся в Самарканд в сопровождении отряда хорезмийцев, которые в скором времени бесчинством над горожанами вызвали всеобщее недовольство. В 1212 г. при поддержке своих подданных Осман поднял восстание против хорезмшаха. Получив известие о восстании, Мухаммед с многочисленным войском направился в Мавераннахр, взял Самарканд, подвергнув его трехдневному грабежу. По настоянию своей жены Осман был казнен, вместе с ним были умерщвлены все его родственники. Султан Мухаммед заменил неугодных местных властителей и их чиновников своими людьми. В Самарканде и «по всей стране» (западных Караханидов) стали править,— пишет Ибн ал-Асир,— наместники хорезмшаха»[59].

Сведения о восточных Караханидах при киданях почти отсутствуют, за исключением отдельных фактов. Ал-Карши перечисляет их правителей. Судя по его данным, первым вассалом киданей стал сын упомянутого Ибрахима ибн Ахмеда, Мухаммед; сведений о нем и его преемнике Абу-л-Музаффаре Юсуфе, умершем в раджабе 601 г. (февраль — март 1205 г.), нет. Но сын Юсуфа, Абу-л-Фатх Мухаммед, поднял восстание, по-видимому, против киданей, за что был заключен ими в темницу.

По рассказу ан-Нисави, владетель Каялыка и Алмалыка, карлукский Мамду-хан, заключил с Кучлуком договор и стал подстрекать его для выступления против гурхана. В конце концов союзники направились на юг и в пределах Кашгарии захватили в плен Чжилугу, последнего гурхана, который формально считался верховным правителем. Фактически власть перешла в руки Кучлука. Согласно источникам, Кучлук освободил из гурханского плена Абу-л-Фатха Мухаммеда и послал его в Кашгар, где он был убит заговорщиками при въезде в город в 1210/211 г.[60].

Кучлук не решался провести коренных изменений в управлении страны в пользу найманов и их союзников. Дело в том, что

значительную часть войск Кучлука составляли перешедшие на его сторону остатки отрядов гурхана. По Джувейни, Кучлук овладел его войском, двор и административный аппарат гурхана служили теперь ему. Чтобы закрепиться на троне, Кучлук должен был опираться, в основном, кроме найманской, на киданьскую верхушку. Именно с этой целью он стал носить одежду киданей, принял их обычаи и религию.

По рассказу Ибн ал-Асира, Кучлук предложил хорезмшаху разделить владения киданей. Хорезмшах ответил резким отказом и угрозой войны. Тогда Кучлук выступил с войском и расположился поблизости от лагеря войск хорезмшаха, который, почувствовав недостаточность сил, уклонился от генерального сражения и ограничился нападением на районы Западного Тянь-Шаня. Опасаясь нашествия Кучлука, хорезмшах провел лето в Самарканде, а жителям части Ферганы, Шаша, Исфиджаба, Касана и других областей приказал переселиться в Мавераннахр и разрушил их города, чтобы они не достались найманскому царевичу.

Одновременно Кучлук вел борьбу с владетелями Кашгара и Хотана. Три или четыре года подряд он совершал опустошительные набеги на Кашгар, заставив его правителя подчиниться, а затем разместил свой отряд в домах горожан в Кашгаре. По сообщению Джамал ал-Карши, Кучлук уничтожил многих жителей, видных лиц и князей Кашгара[61]. Из этого города найманский царевич направился в Хотан, взял его и подверг население жестоким гонениям.

Кучлук вел войну и с владетелем Алмалыка, Бузаром. Найманский царевич несколько раз предпринимал походы против него, Бузар в поисках помощи покорился Чингиз-хану. Во время охоты Бузар попал в плен к Кучлуку, который затем безуспешно осаждал Алмалык. В связи с приближением монгольского отряда Кучлук снял осаду города, убил Бузара и возвратился в Кашгар. Монгольский отряд во главе с Джэбэ-нойоном через Алмалык и Баласагун достиг Кашгара. После похода монгольских отрядов местное население перебило расквартированных в Кашгаре воинов Кучлука. Сам он был убит в Бадахшане. Вскоре монголы заняли всю Среднюю Азию и Казахстан.

3. Развитие феодального хозяйства, политический строй и социальные отношения в XI — начале XIII в.

В караханидском государстве значительное развитие получили ремесленное производство и торговля. То было время дальнейшего развития производительных сил и разделения труда между городом и деревней.

Скотоводство, земледелие, охота

В горных и степных районах караханидского государства преобладало скотоводческое хозяйство, носившее отгонный, кочевой и по-

лукочевой экстенсивный характер. В Чуйской, Таласской долинах и на северных склонах Кара-тау в связи с благоприятными географическими и климатическими условиями земледелие сочеталось с интенсивным скотоводством.

По археологическим данным и письменным источникам, в скотоводческих хозяйствах, начиная от Отрарского оазиса до оз. Иссык-Куль и долины р. Или, преобладало разведение мелкого рогатого скота[62]. По рассказу Ибн Хаукаля[63], оседлые и полуоседлые районы Ферганской долины отличались обилием пастбищ и скота.

На основе археологических находок на городищах караханидского времени Кара-Булак и Хон-Яйлов можно прийти к выводу, что жители первого в основном занимались земледелием, а также некоторыми видами ремесла, а второго — исключительно скотоводством и в небольшой степени хлебопашеством[64]. Такие населенные пункты, отличающиеся друг от друга типом занятий их жителей, в силу различных природно-климатических условий, были характерны и для других областей караханидского государства.

Как отмечает автор сочинения «Худуд ал-алам», основным богатством населения восточной части государства Караханидов — ягма, карлуков, чигилей, тухси и киргизов — являлись овцы, коровы и кони[65]. Тюрки Семиречья и Центрального Тянь-Шаня занимались также разведением крупного рогатого скота, овец, коз, верблюдов и яков[66]. В поэме Юсуфа Баласагунского, характеризовавшего труд скотоводов-кочевников, встречаются термины, связанные со скотоводством: кумыс — *кымыз*, молоко — *сут*, шерсть — *йун*, масло — *йаг*, курт (шарики или лепешечки из отжатого и засушенного творога) — *курут*, сюзьма (отцеженное кислое молоко) — *йугурт*, овчинный тулуп — *тон*, баранья шерсть — *кой йун*, войлок и кошма — *кидиз*, жеребец — *айгыр*, кобылица — *сулуг*, иноходец — *кэвэл*, различные по физическим качествам и возрасту кони назывались *кэвэл тазы, богтэл, тагы, аркун* и *тази тай*, верблюд — *тэтир*, мул — *катыр*, овца — *кой*, стадо крупного рогатого скота — *сурүг*, як — *котуз*, бык, — *уд*, корова — *энэк*, вол — *окуз* и т. д.

Еще скотоводам отличья даны,
Пасут они в долах стада-табуны.

Они все — бесхитростный, праведный люд,
И людям от них — ни несчастий, ни смут.

Одежда, еда, кони — все из их стад,
Они же и вьючных животных растят.

Кумыс, молоко, масло, сыр и творог,
Подстилки и седла их — все тебе впрок.

И все это — пользы великой мужи,
И ты их доверье добром заслужи!

Корми их, пои, с ними близко водись,
И с правдой дано тебе в жизни сойтись.
Что спросят — давай им, что нужно — возьми,
Я видел: у них нету лжи меж людьми.
Неведом закон им, они не мудры,
Но вольною ширью поступков щедры.
Но к ним и приглядка должна быть востра:
Бывают они далеки от добра.
Будь с ними правдив, но дружить — и не мни:
Забитые люди, невежды они[67].

Как сказано в «Худуд ал-алам», чигили и тухси жили в кибитках и юртах[68], как и многие другие кочевники-скотоводы.

Важным подспорьем в их хозяйстве была охота, а для многих бедных семей она являлась одним из основных средств к существованию. Представляет интерес сообщение ал-Масуди о том, что «у них (тюрков) нет занятия, кроме охоты»[69]. По данным Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского, кочевники охотились на архаров (горных баранов), кийиков (диких козлов), куланов, сайгаков, оленей, волков, лисиц, львов, медведей и кабанов. Одним из орудий охоты являлся лук. Широко применялись также ловчие птицы и гончие собаки[70].

Судя по археологическим находкам, население долины р. Талас, наряду с основным занятием, занималось рыболовством.

В X—XII вв. переход кочевников к оседлости и земледелию в караханидском государстве получает более широкое развитие. В письменных источниках отсутствуют факты о насильственных мерах Караханидов против земледельцев. Вполне вероятно, что во время завоевания Мавераннахра в первые годы господства караханидская знать притесняла население земледельческих оазисов. Но в целом Караханиды не препятствовали дальнейшему развитию здесь земледелия, так как прекрасно понимали его значение. Кочуя в окрестностях Бухары, каган Шамс ал-мулк даже зимой запрещал своим воинам притеснять жителей, и ни один из них не имел права оставаться в городе ночью.

В письменных источниках содержится ряд данных о развитии земледелия в различных местностях владений Караханидов. По сообщению ал-Мукаддаси, в окрестностях Атлаха, расположенного в долине р. Талас, возделывали виноград. Другой арабский автор, Абу Дулаф, отмечает, что пищу чигилей составляли ячмень и горох, а карлуков,— кроме того, чечевица и просо[71]. В сочинении «Худуд ал-алам» говорится о развитии сельского хозяйства у племен ягма, карлуков и у жителей района Кулан и деревни Тузин-Булак[72].

По археологическим данным, население Иссык-Кульской котловины уже в X—XI вв. занималось земледелием. Одним из ранних очагов возникновения земледелия в Семиречье являлась долина р. Чу, где, судя по археологическим находкам, зарегистриро-

вано свыше 80 поселений, многие из которых возникли в X—XII вв.[73]. Остатки оросительных каналов свидетельствуют, что в период господства Караханидов население Чуйской долины сооружало ирригационные системы и занималось поливным земледелием.

Другим очагом поливного земледелия в XI—XII вв. была долина р. Талас, где обнаружены остатки большого числа поселений, магистрального канала. В Центральном и Западном Тянь-Шане и его предгорьях было развито и богарное земледелие.

Самыми развитыми регионами оседло-земледельческой культуры в караханидском государстве считались Мавераннахр и Фергана. По свидетельству Йакута, Фергана была областью, обильной благами, с обширными сельскими районами[74].

Из сельскохозяйственных орудий Махмуд Кашгарский упоминал деревянный плуг — *буурусун (амач — омач)*, железный наконечник лемех *(букурсы)*, мотыгу *(кетмен)* и вилы для провеивания зерна *(азры)*[75].

По Махмуду Кашгарскому, на языке тюрков, населявших территорию между Чу и Сайрамом, средний вол в упряжке, используемый при молотьбе, назывался *оп*. Этот же автор писал, что *бык (мама)* находится в центре тока, остальные быки движутся вокруг[76] по разостланным снопам. Название быка *(оп* и *мама)* соответствует позднему термину — *темин*, значение которого — молотить хлеб на току при помощи животных (главным образом, волов, лошадей, ослов). Такой способ обмолота урожая широко применялся в Средней Азии и Казахстане вплоть до установления Советской власти. Восклицание *«оп майда»* с древних времен использовалось как понукание животных. Это выражение вошло в народную песню:

Орой-орой, оп майда,
Ороо толсун, оп майда,
Кырча-кырча басканын
Кырман толсун, оп майда.

В трудах Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского приводятся и другие факты, касающиеся тех или иных вопросов земледелия. Например, посевную площадь между арыками называли *атиз*, хлопковые поля — *кабазлук* и т. д. Во времена указанных караханидских авторов термин *тарыг* имел разное значение: земледелие, землепашество; злаки, зерно; пшеница у многих тюркских племен и просо у огузов. При этом Махмуд Кашгарский считал ошибочным огузское наименование проса — *тарыг*. В его словаре эта земледельческая культура названа *укур* и *кунак*, ячмень — *арпа*, виноград — *узум*, арбуз — *букан*. Помощник в любой, особенно в сельскохозяйственной работе, носил имя *бала*, а мельник — *укитчи*[77].

Приведем встречающиеся у Махмуда Кашгарского некоторые термины с краткими разъяснениями, свидетельствующие о развитии земледелия в караханидском государстве: *авзури* —кушанье, приготовленное из смеси пшеничной и ячменной муки; *суруш* — название незрелой пшеницы, которую жарят и употребляют в пищу; *кагут* — еда, изготовленная из пшеницы; *манду* — винный уксус; *бекни* — напиток из пшеницы, проса или ячменя; *тутмач* — мучное блюдо, типа лапши; *какурган* — лепешка, выпеченная с маслом в печи, или тандыре; *агарку* — напиток из ячменя, *кобут* — еда из просяной муки, *буксум* — напиток из проса[78].

Формы земельной собственности

В караханидском государстве существовало несколько форм земельной собственности. Одна из них — феодальный институт *икта* — практиковалась еще при Саманидах. Первоначально эта форма условного землевладения представляла собой пожалованные права получения части или всей суммы ренты налогов с пашен, пастбищ, городов и областей в виде вознаграждения за несение гражданской и военной службы. Караханидская скотоводческая знать составляла основную массу владельцев *икта,* называемых иктадарами, или муктадарами. Но они после завоевания владений Саманидов продолжали кочевой образ жизни. Поэтому для них *икта* была наиболее удобной формой получения доходов с пожалованных объектов. Однако муктадары не имели права, кроме получения ренты с крестьян, ни на земли, ни на обрабатывавших их людей. Об этом положении пишет сельджукский вазир Низам ал-мулк, что было характерно также и для караханидских иктадаров. Приведем отрывок из его работы: «Мукта, у которых *икта,* пусть знают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручено; когда они это собирают, пусть будут у народа безопасны тело, имущество, жены, дети, пусть будут безопасны их вещи и владения... Им *(иктадарам. —Ред.)*, следует знать, что царство и народ принадлежат султану»[79]. Право сбора ренты с крестьян муктадарами, по справедливому замечанию К. Маркса «...не превращало их собственность в феодальную...»[80] При Караханидах *икта* распространилась на территории Семиречья и Южного Казахстана, в том числе на пастбища.

Об *икта* упоминают два арабских автора. По рассказу ал-Мукаддаси, саманидский военачальник Фаик построил рабад близ Мерке. Как известно, Фаик в 995—996 гг. бежал к Караханидам и радушно был принят ими. Именно в это время он мог получить Мерке в качестве надела — *икта* за военную службу Караханидам,— где построил рабад, от базара которого, как и Каратегин, владетель Исфиджаба получал бы большой доход. Более конкретный факт о раздаче *икта* Караханидами находим у Ибн ал-Асира. По его рассказам, упомянутый Али-тегин, пригласив к себе одного из сельджукских предводителей Юсуфа ибн Мусу, «...наделил его многими наделами (*икта*)...»[81] Тот же автор пишет, что гурхан киданей (умер 1143 г.) не давал эмирам владеть *икта,* говоря, «когда берут *икта* — тиранствуют»[82]. Монетные данные также

подтверждают раздачу крупных пожалований в караханидском государстве членам правящей династии и вельможам[83]. Со временем иктадары стремились закрепить за собой пожалованные им земли и превратить *икта* в свою наследственную собственность. Эта тенденция проявилась уже в XI в. При этом формы эксплуатации крестьян приняли феодально-крепостнический характер. Институт *икта* в политической жизни каганата усилил сепаратистские тенденции.

Постепенно класс землевладельцев, называемых дихканами, утратил былые экономические и политические позиции. По мнению А. Ю. Якубовского, термин «дихкан» стал обозначать мелких землевладельцев-крестьян. О. Г. Большаков, возражая ему, приводит сведения Самани (XII в.) о том, что дихканами называли старшин сельских округов, владельцев земель и виноградников. Кроме того, он приводит эпитафию 1146 г. из Самарканда, где ремесленник-портной, имевший участок земли за городом, назван дихканом[84]. Дихканами называли себя и богатые горожане, о чем свидетельствует рассказ Наршахи, где этим термином именовался человек по имени Хин, имевший огромный дворец в Бухаре[85]. Это же подтверждает и упоминание Джувейни о 7000 дихканах в г. Баласагуне, убитых киданьскими войсками. Как бы там ни было, дихкане при владычестве Караханидов сошли с исторической сцены как крупные землевладельцы, хотя сам термин продолжал существовать, но уже в новом значении. Безусловно, Караханиды применяли насильственные меры против дихкан, сторонников прежней династии и конфисковывали их земли. Оставшаяся их часть, перешедшая на сторону Караханидов, при новой экономической и политической обстановке растворилась в массе новых землевладельцев[86].

Следующая форма земельной собственности — так называемые султанские (хаканские) земли, поместья, недвижимое имущество Саманидов и их сторонников, т. е. перешедшие в руки караханидских правителей. Эти личные владения *(амлак-и хасс)* династии Караханидов являлись одним из фондов раздачи *икта*, но вместе с тем они постоянно пополнялись землями, купленными или приобретенными другими способами. За эту собственность хасс не платили государственный поземельный налог *(харадж)*[87], и все доходы с нее поступали в пользу владетелей.

В государственные земли *(дивани)* входили те площади, которые еще не были переданы лицам в условное или постоянное владение и вакф. Эта форма землевладения служила главным источником налоговых поступлений в казну и фондом раздачи в *икта*.

При господстве Караханидов стало больше завещанных с благотворительной целью состояний, т. е. вакфных земель и различного движимого и недвижимого имущества медресе, мечетей. Это привело к росту экономического могущества и усилению влияния духовных сословий на светскую власть. Источником фонда этой

формы феодального землевладения и имущества были султанские (хаканские), государственные и частновладельческие земли, дары правителей и состоятельных лиц. Вакфные владения освобождались от государственного налога и все доходы распределялись согласно завещанию вакфодателей.

В караханидском государстве имелись и мелкие частновладельческие земли[88], а также земли сельских общин и свободных крестьян, наподобие существовавших на территории Ирана[89].

Классы, классовая борьба

Ф. Энгельс указывал на наиболее характерные черты восточного государства: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»[90]. Это определение полностью относится к караханидскому государству, подтверждение чего мы находим в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, который советует своему властителю оберегать и пополнять казну, держать наготове воинов, заставлять подданных своевременно платить налоги и выполнять все распоряжения.

В его поэме упоминается, что народ *(бодун)*, по имущественному достатку делился на богатых — *байлар*, средних — *орта* и бедняков — *чыгайлар*. Юсуф Баласагунский предостерегает правителя об опасности со стороны трудового народа, который всегда стремился получить свободу[91].

Податное население названо у Юсуфа Баласагунского *райятами* (в значении «подданные»), которые должны были уважать правителя, быть врагами его врагов и вносить свой долг (налог) государству[92]. Судя по содержанию поэмы, к этой категории следует отнести весь простой люд караханидского государства.

В письменных источниках упоминаются *аййары* (в значении бродяги, бездельники). Аййарами скорее всего именовались обездоленные слои городского населения, различного рода деклассированные элементы. Не случайно поэтому в источниках они упоминаются как активные участники волнений и грабежей.

Малоземельные и безземельные крестьяне работали в качестве издольщиков. В тех случаях, когда они непосредственно арендовали землю владельцев, они были обязаны одну часть урожая отдать государству, другую — арендаторам, а третью — оставляли себе. Если же издольщики при обработке арендуемого участка использовали рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и засевали поля семенами землевладельцев, то их доля урожая уменьшалась.

В «Кутадгу билиг» говорится о рабах, которые были бесправными людьми, беспрекословно выполняли все работы за своих хозяев, приносили, как пишет автор, — пользу народу (т. е. своим хозяевам-эксплуататорам), городам и селениям; они участвовали в войнах, князья наказывали их, вплоть до убийства за ма-

лейшие проступки[93]. Бурхан ад-дин Али (XII в.) родом из Маргинана (современный Маргелан в Фергане) пишет о купле и продаже рабов, делит их на бесправных и привилегированных. Они использовались на работах по найму и закладывались в долг[94].

Обнаруженные в результате археологических работ дома богатых, зажиточных и бедных горожан подтверждают свидетельства об имущественных различиях в обществе того времени. Юсуф Баласагунский, выражая интересы аристократии, пишет, что князья *(беги)* рождаются князьями. По свидетельству этого же автора, в государстве Караханидов женщины были бесправны, их держали взаперти[95].

В письменных источниках приводятся отдельные факты о произволе правителей Караханидов. У Ибн ал-Асира читаем, что упомянутый Ахмед-хан, правитель Западного каганата, своим тиранством и злодейством разорил страну, а по свидетельству ал-Кубави, в связи с притеснением подданных, земли в районе Кушки-Муган остались необработанными[96]. Подобные факты насилия, деспотизма и безжалостного отношения к трудящимся массам—яркое свидетельство их тяжелого положения. Махмуд Кашгарский образно описывал тяжелую жизнь бедняков в зимнее время. Много бедствий приносили трудящимся и частые междоусобицы в условиях удельной системы управления караханидского государства.

Сведения о выступлениях трудящихся масс против феодалов в караханидском государстве очень скудны. Одной из причин недовольства населения восточных пограничных владений гурхана киданей являлся произвол сборщиков податей. Известно о восстании райятов в Мавераннахре в конце 30-х годов XI в., которое произошло «по причине Бури-тегина и его войска, ибо от них досталось мучение райятам»[97]. Как известно, Бури-тегин Ибрахим ибн Наср успешно боролся за власть в Мавераннахре. В то время он нуждался в материальных средствах, необходимых для содержания и увеличения своего отряда. В связи с этим Бури-тегин облагал землепользователей чрезмерно большой рентой, увеличивал повинности населения, занятых им областей, что и привело к восстанию против него райятов.

В результате жестокой эксплуатации в 1207 г. бухарские ремесленники и окрестные крестьяне во главе с «сыном продавца щиметов» восстали против упомянутого садра Бурхан ад-дин Мухаммеда, имевшего огромные количества вакфных земель и богатств, которые позволяли содержать 600 факихов. Мухаммед из-за своей жадности и недостойного поведения вместо титула «садр-и джахан» («столп мира») был прозван подданными «садр-и джаханнам» («столп ада»), он и его предшественники собирали с населения дань для киданей больше установленной и значительную часть оставляли себе. Все это привело к восстанию, которое было жестоко подавлено.

Города и поселения

Подъем производительных сил феодального общества, развитие ремесла и торговли (X—XI вв.) обусловили образование на территории Центрального Тянь-Шаня и Семиречья городов и различных поселений. Б. А. Литвинский связывает развитие среднеазиатских городов при Караханидах с широким притоком в них во второй половине XI в. жестоко эксплуатируемых и лишенных земли крестьян, а О. Г. Большаков — с интенсификацией товарообмена между городом и деревней[98].

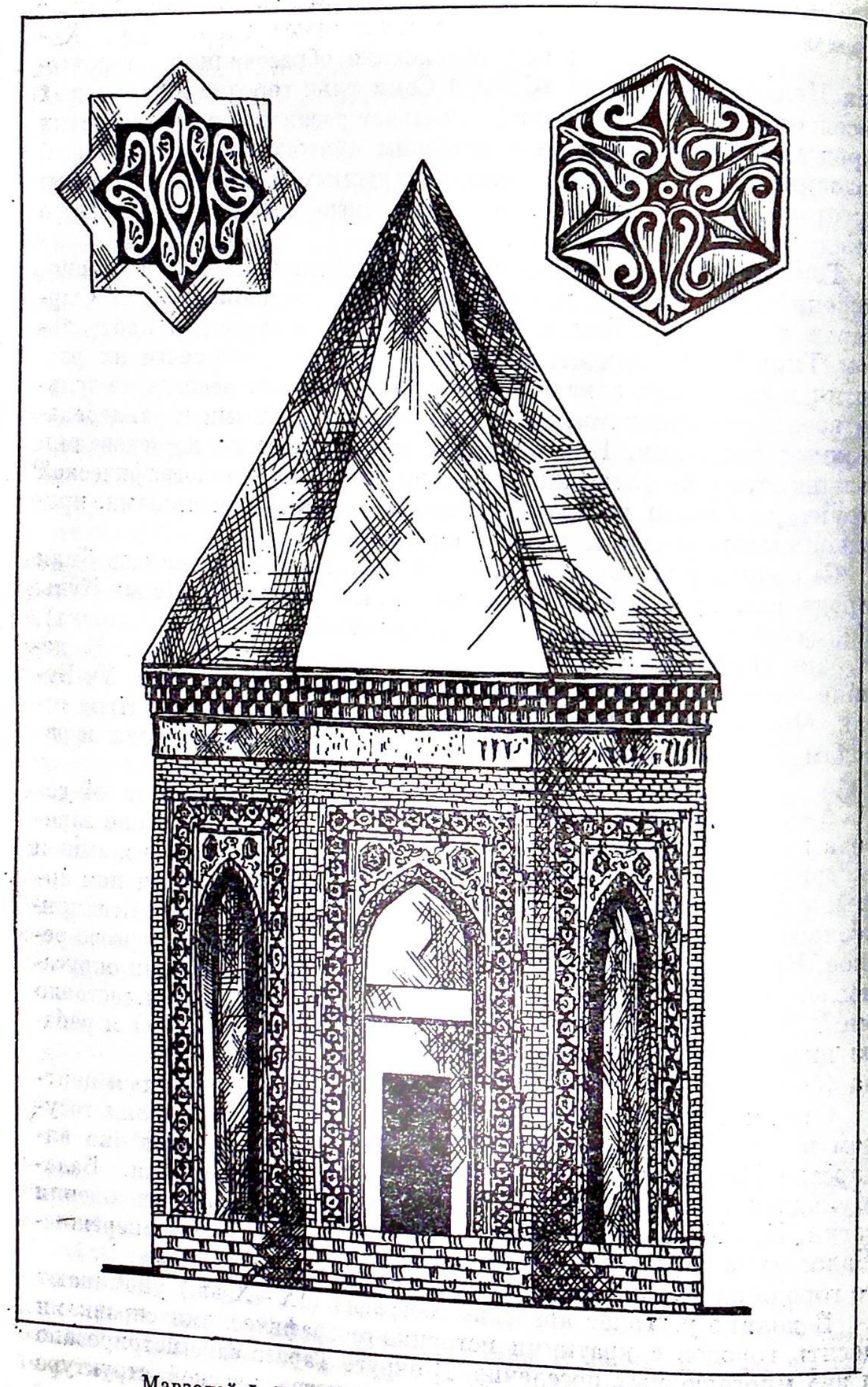
Топографическое сходство группы городищ X—XII в., расположенных по левому и правому берегу среднего течения Сыр-Дарьи, в долине р. Или, в Иссык-Кульской котловине и Центральном Тянь-Шане, свидетельствует о некоторой общности их развития и позволяет заключить, что они являлись некогда не только военными ставками, но и торгово-ремесленными и земледельческими центрами. Как показали археологические исследования, большинство чу-таласских городищ по своей топографической структуре близки к среднеазиатским, окруженным стенами, протяженностью десять или более километров.

Ставками удельных правителей восточных Караханидов были города или крепости Барсхан на южном берегу оз. Иссык-Куль, Канджангар-Баши (развалины Ширдадбек в долине р. Алабука), Атбаш (развалины Кошой-Коргон в долине Ат-Баши). В долине Чаткала зарегистрированы и обследованы городища Уч-Булак, Чанчархан и Кюльбарсхан, которые, подобно развитым городам Средней Азии, состояли из цитадели, шахристана и рабада.

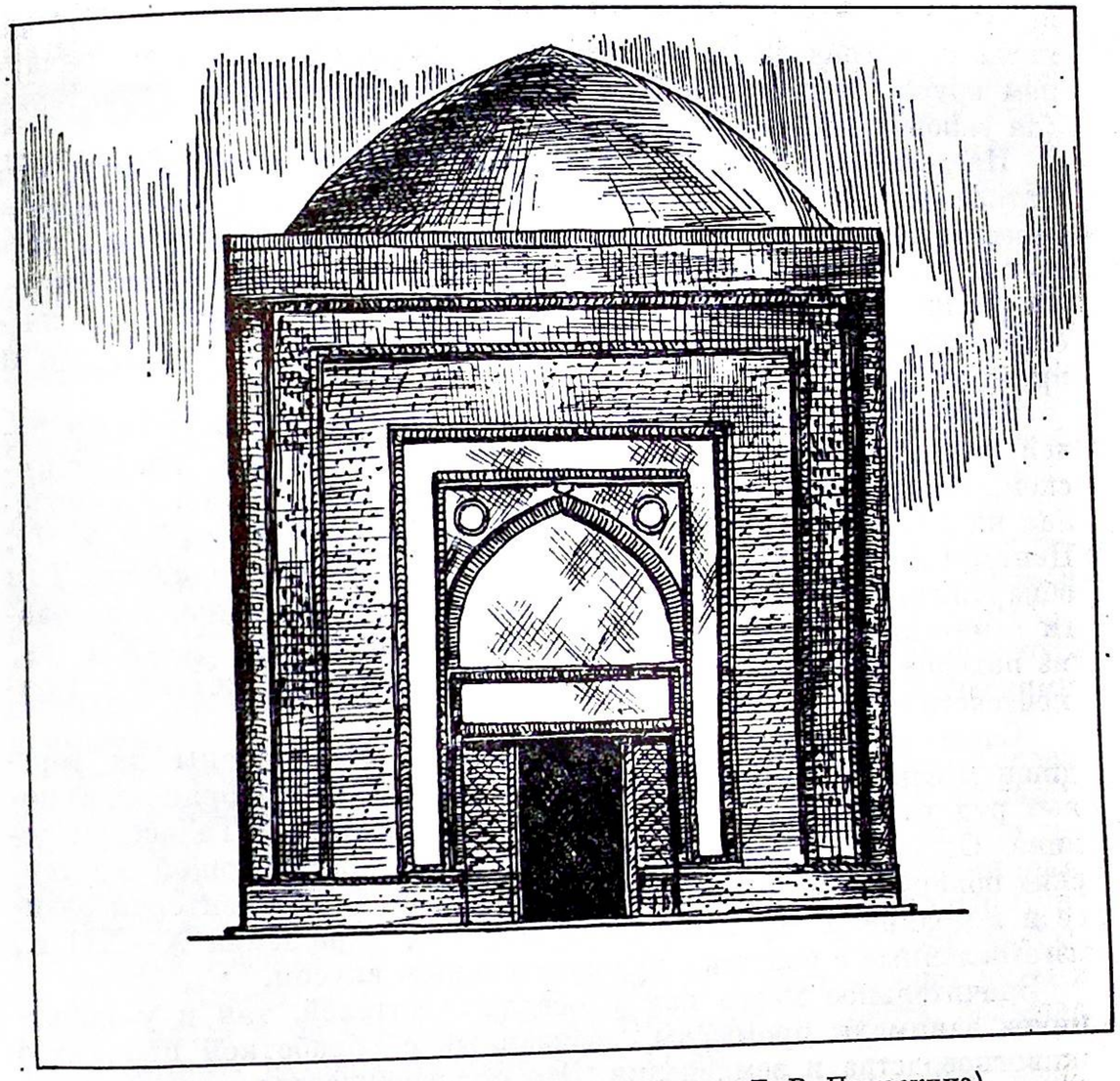
Ал-Мукаддаси и другие арабские географы называют 24 города на территории к востоку от Тараза. В Чуйской долине зарегистрированы и обследованы 18 городищ с длинными валами и свыше 50 мелких селищ. П. Н. Кожемяко, на основе изучения археологических материалов, считал поселения Шиш-Тюбе, Степнинское, Краснореченское, Ак-Бешим и Бурана крупными торгово-ремесленными центрами, а остальные — их хозяйственными округами[99]. По археологическим данным, городище Ак-Бешим состояло из цитадели, шахристана (общей площадью около 35 *га*) и рабада (свыше 60 *га*), окруженных длинной стеной[100].

Самым большим городом, крупным торгово-ремесленным центром в Чуйской долине являлся Баласагун, одна из столиц государства Караханидов. Он впервые упоминается в сочинении ал-Мукаддаси. Махмуд Кашгарский дает ему три названия: Баласагун, Куз-Улуш и Куз-Орду. Мнения ученых о местонахождении Баласагуна расходятся. Видимо, он находился на месте теперешнего городища Бурана, неподалеку от Токмака.

В долине р. Талас арабские географы (IX—X вв.) упоминают десять городов с краткими историко-географическими справками и два многолюдных поселения. В округе Тараза зарегистрировано свыше 200 памятников, которые по топографической структуре



Мавзолей I. Бурана. (Реконструкция Б. В. Помаскина).



Мавзолей II. Бурана. (Реконструкция Б. В. Помаскина).

могут быть разделены на четыре группы — города с цитаделью и рабадом; мелкие города, замки-кешки и укрепленные поселения; сельские поселения, и, наконец, караван-сараи[101].

Археологические материалы подтверждают интенсивный рост Узгенда, стольного города Караханида Насра ибн Али, а в XI—XII вв. всего Ферганского удела. В отличие от других городов Средней Азии того времени он имел три обособленных шахристана.

Ремесло, горное дело, металлургия

Археологические материалы свидетельствуют о широком развитии в караханидском государстве различных видов ремесел — гончарного, ткацкого, стекольного, кузнечного и ювелирного, а также по переработке продуктов животноводства и земледелия.

Особенно следует отметить развитие гончарного производства. Из глины изготовляли не только посуду, но и строительные материалы — жженый кирпич, облицовочные терракоты, во-

допроводные трубы. Отличительной чертой керамики XI—XII вв. является преобладание ремесленной посуды, сделанной на гончарном круге. Следует отметить, что это было особенно характерно для районов Западного каганата.

Представляет интерес, что в такой высокогорной долине, как Чаткал, уже в X—XI вв. действовал своего рода горно-металлургический комплекс, где осуществлялись обогащение и плавка медных руд, а в Арделянкете, центре округа, трудились ремесленники различных профессий; здесь и в долине Сусамыра керамические изделия изготовлялись как на гончарном круге, так и вручную[102].

Археологи зарегистрировали целые кварталы с остатками печей для обжига на Александровском, Сокулукском, Ак-Бешимском, Краснореченском, Сретенском городищах, остатки винодельни на Краснореченском городище и в Ак-Тюбе в долине р. Чу. Центром гончарного ремесла являлось Сокулукское городище. Там обнаружены остатки трех печей для обжига керамики. Археологи отметили широкие аналогии в поливной посуде X—XII вв. из находок на территории Киргизии, Южного Казахстана и Ташкентского оазиса.

Следы металлургического производства обнаружены на городище Шельджи, остатки печей для выплавки серебряно-свинцовых руд, относящихся к IX—XI вв.,— в Орловке и Таласской долине. Остатки керамической и металлообрабатывающей мастерских обнаружены на городище Кара-Булак. В Ташкентском оазисе и в долине р. Чу найдены серебряные украшения X—XII в., изготовленные с большим художественным вкусом.

Значительное место как у оседлых жителей, так и у кочевников занимали промыслы, связанные с обработкой продуктов животноводства и земледелия. Это подтверждается и наименованиями товаров, приведенными в словаре Махмуда Кашгарского. Например, обувь правителей из сыромятной кожи называлась *излик*, верхняя одежда из верблюжьей и овечьей шерсти — *карс*, разноцветная кошма, войлок — *кимишка*, верхняя одежда из хлопка — *ялма*, войлочная подкладка под седло — *абрин*, хлопчатобумажная ткань — *чек* и т. д. Любопытно, что Махмуд Кашгарский шубу из меха соболя, белки и других зверей называет *ичук*[103], которая почти с тем же наименованием являлась верхней одеждой у киргизов до Октябрьской революции.

Во всех населенных пунктах имелись кузнецы и столяры. В Кашгаре и Барсхане отливали колокола, котлы и другие сосуды из металла харсини, качество которых зависело от квалификации мастеров и их искусства[104]. У Махмуда Кашгарского приводятся предметы, относящиеся к этим ремеслам. Например, скобы для скрепления разбитых чаш, кузнечный мех — *корук*, украшения для седел, ремней — *устам*[105].

Одним из распространенных ремесел в Средней Азии и Южном Казахстане в X — начале XIII в. являлось стекольное производство, что подтверждается многочисленными археологическими материалами. Они свидетельствуют об увеличении в то время различных форм стекольных изделий — столовой посуды, предметов быта и украшений, совершенствовании технологии и улучшении их качества. И, наконец, отметим, что Юсуф Баласагунский воспевает в своей поэме кузнецов, художников и других ремесленников[106].

Археологические находки на территории республики свидетельствуют о развитии в государстве Караханидов металлургии и горного дела. Это подтверждается также отдельными сообщениями восточных авторов. Еще ал-Истахри упоминал о рудниках в горных областях Уструшаны, Ферганы, Шельджи и Лабан, вплоть до страны «кыргызов». Ал-Бируни, со слов некоего Насра, рассказывал, что в долине Чу потоки реки приносят с гор нефрит и ремесленники вытачивают из них поясные пряжки и перстни[107]. Абу Дулаф упоминает рудник в стране карлуков, а Йакут — добычу безоара у чигилей[108], которые, как известно, обитали в основном в восточной части Средней Азии и Южного Казахстана. Автор «Худуд ал-алам» отмечал, что население долины Чаткала занималось горными промыслами[109], что подтверждается археологическими данными.

Йакут, ссылаясь на ал-Истахри, пишет, что в горах Таласа добывали железо, медь, золото, олово, нефть и бирюзу[110]. Область Шельджи в долине Таласа являлась крупным центром добычи серебряно-свинцовых руд в IX—XI вв. Серебряные рудники размещались в горах близ городов Шельджи (развалины Садыр-Курган), Суса (развалины Чалдовар) и Текабката (городище Ак-Тюбе II)[111]. Известны 78 горных выработок и мест плавки руды в горах Таласа и на южных склонах Киргизского хребта, большая часть которых разрабатывалась в X—XI вв.

Разрабатывали полезные ископаемые и в Фергане. Так, в окрестностях Ахсыкета, в округе Некада и в верховьях р. Несья добывали золото, в горе Сох — ртуть, на территории современного Узгенского района[112] — нашатырь. В числе ископаемых Ферганы Ибн ал-Факих называет также серебро, железо, медь, бирюзу, купорос, нефть, смолы и асфальт[113]. Места добычи золота, серебра и бадахшанских лалов в X—XII вв. зарегистрированы на Памире[114].

Торговля

В караханидском государстве, о чем свидетельствуют материалы, относящиеся к XI—XII вв., резко увеличилось число городов, регулярно или эпизодически выпускавших монеты. Известны монетные дворы городов Центрального Тянь-Шаня и Семиречья, например, Тараза, Барсхана, Баласагуна и других.

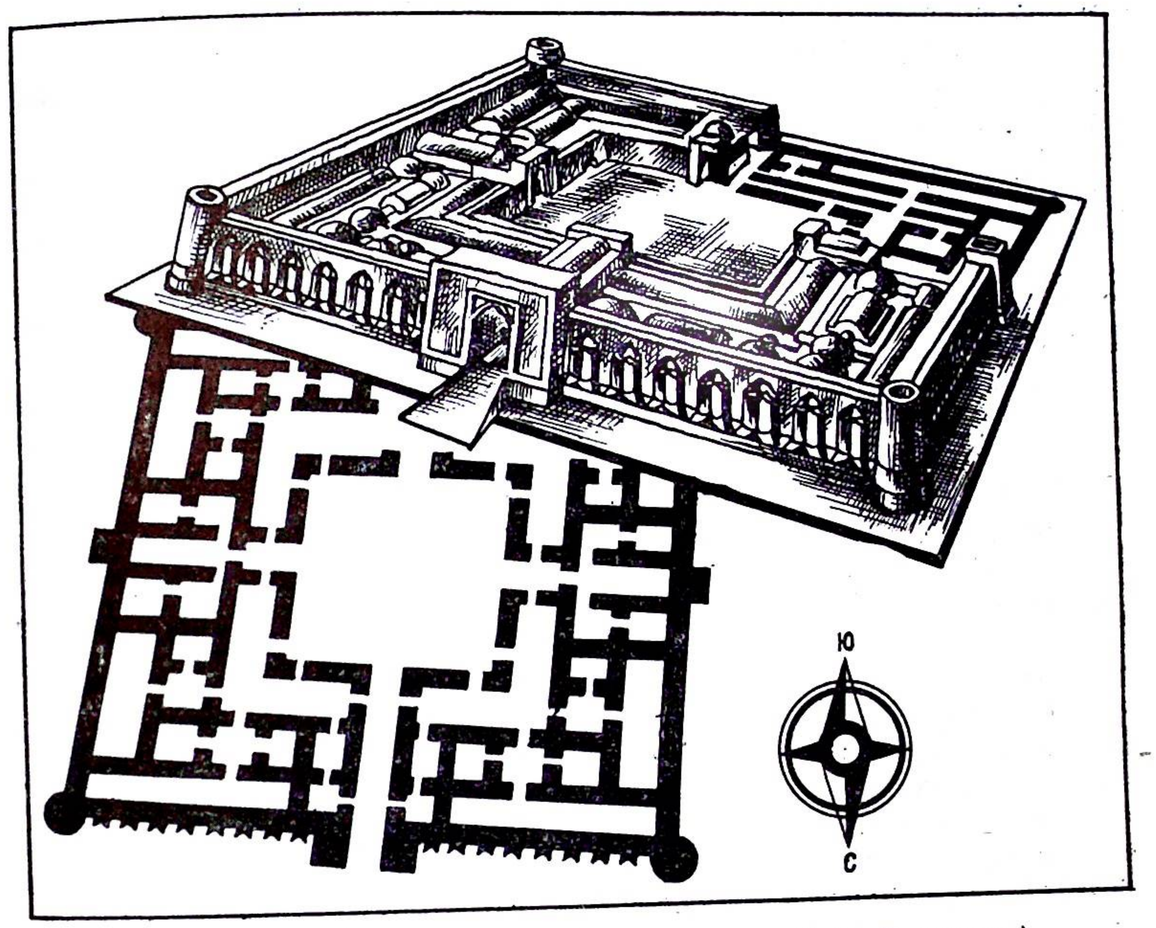
На рынках одновременно обращались золотые монеты — *динары*, разнопробные серебряные дирхемы, медные фельсы, которые на тюркском языке назывались *улуглук алтын, кумуш* (у Юсуфа Баласагунского — *эгингэ)* и *бэнэк*[115]. Расширяется товарообмен, носивший денежную форму. Тем не менее продолжал

практиковаться натуральный обмен, особенно в Восточном каганате, главным образом при торговле с кочевниками.

В третьей четверти XI в. в караханидском государстве разразился «серебряный кризис», продолжавшийся более двух столетий. О причинах возникновения этого экономического явления среди ученых нет единого мнения. Наиболее вероятным является предположение Е. А. Давидович, по мнению которой, к серебряному кризису привели экономические сдвиги, обусловленные бурным ростом городов, развитием товарного производства и денежной торговли, а также некоторые другие явления в сфере денежного обращения. В результате исследования особенностей развития этого кризиса в Восточном и Западном каганатах Е. А. Давидович пришла к заключению, что в восточной части владений Караханидов процесс порчи серебряных монет был более интенсивным. В монетах Кашгара 404/1013—1014 г. серебра содержалось еще 80,48% и только 11,84% меди. В кашгарско-яркендской группе монет второго-третьего десятилетий XI в. серебро составляло уже только 40—59%. Путем выпуска субэратных монет (с серебряной оболочкой и медной сердцевиной) правительство пыталось сохранить видимость высокопробного чекана[116]. Но к середине XI в. в Восточном каганате в связи с резким сокращением запасов серебра монеты чеканились уже из сплава меди и свинца. В западной части владений Караханидов серебряные монеты все же выпускались, но были немногочисленны и имели низкую пробу[117]. Особенности развития серебряного кризиса в караханидских каганатах подтверждаются денежной реформой Ибрахима ибн Насра. При правлении Сулеймана и Мухаммеда ибн Кадыр-хана в Фергане выпускались дирхемы из сплава меди и свинца разного размера и веса, неправильной формы. Завоевав этот край, Ибрахим осуществил денежную реформу, в процессе которой были выпущены монеты из сплава меди с серебром правильной формы.

Монет, датируемых концом XI— серединой XII в., до сих пор известно очень немного. В этот период продолжали выпускаться дирхемы традиционного типа «гитрифи» из меди и других неценных металлов, оформленные в подражание бухархудатским драхмам. Во второй половине XII— начале XIII в. на караханидских монетных дворах в огромном количестве чеканились крупные медные посеребренные дирхемы разных номиналов; в частности, обильную монетную продукцию с 570/1174—75 г. по 607/1210—11 г. выпускал Узгенд при ханах Ибрахиме, Кадыре и Османе.

В XI в. кочевники называли торговца *сартом,* постоялый двор — *муйэнлик,* лавку — *кэбит,* аршин — *чиг,* а на языке аргу товары, вывозимые для продажи — *чуги*[118]. Среди ягма, чигилей и тухси были люди, носившие имя *биста,* которые предоставляли ночлег торговцам, помогали им продавать товары, кормили их, ухаживали за их скотом, за что получали одного барана из каждых двадцати. Эти люди упоминаются в «Кутадгу билиг»[119].



Караван-сарай Манакельды. (Реконструкция по П. Н. Кожемяко).

Политический строй

Главой государства Караханидов считался верховный каган (хан ханов). Власть его передавалась по наследству.

Некоторые исследователи считают, что удельная система управления в Мавераннахре введена Караханидами вместо прежней децентрализованной. Это не совсем верно. Владения Саманидов делились на уделы до прихода туда Караханидов. Как писал А. Ю. Якубовский, «...созревшие в недрах саманидского общества феодализирующие силы подорвали централизованное саманидское государство, раздробили его на части»[120].

Из-за скудости данных невозможно достаточно полно охарактеризовать государственное устройство караханидского государства. Однако отдельные факты, приводимые восточными авторами, особенно Махмудом Кашгарским и Юсуфом Баласагунским, позволяют все же представить его общую структуру, к тому же, сохранились многие должности, существовавшие при Саманидах.

Центральный административный аппарат караханидских каганов, как и у Саманидов, делился на две категории: *дергах* (дворец) и *диван* (канцелярия).

Верховный правитель имел главного хаджиба — *улуг хаджиб.* По данным Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского, хад-

жибы исполняли при дворе роль посредников между каганом и его подданными[121]. Фактически же они являлись не столько посредниками, сколько советниками верховного кагана или удельных правителей.

С утверждением Караханидов в Мавераннахре тюркские названия должностей в Западном каганате постепенно были вытеснены саманидскими. Как отмечает Махмуд Кашгарский, с распространением термина *хаджиб,* соответствующий ему по значению термин *таяну* вышел из употребления[122]. Подобные изменения произошли и в Восточном владении Караханидов, однако здесь сохранились и прежние тюркские названия, что можно объяснить этническим составом населения, говорившем здесь в основном на тюркском языке в отличие от Западного, где превалировал таджикский язык.

Во дворце кагана имелись такие должности, как хранитель шелковых одежд — *агычы* (в поэме «Кутадгу билиг» эта должность называется «казначей двора»), управляющий по делам приема гостей — *бирук,* кухмистер — *ашчы,* писарь — *битигчи,* секретарь — *ылымга,* сокольничий — *кушчы* и т. д.[123].

Государство Саманидов имело десять канцелярий *(диванов)* — вазира, казначея, по иностранным делам, начальников гвардии, почты и тайных наблюдателей за местными правителями, наблюдателей за доходами и расходами казны и другими финансовыми делами государственных владений, надзирателя за рынками, качеством ремесленной продукции, нарушением религии, судей и чиновников ведомства для управления имуществом религиозных учреждений мусульман[124]. Вряд ли Караханиды произвели существенные изменения в перечисленной системе устройства административного аппарата Саманидов. Во всяком случае, почти все канцелярии функционировали с прежними названиями в Западном каганате.

Центральные канцелярии подчинялись вазиру (у Махмуда Кашгарского — *югруш,)* стоявшему на второй ступени в иерархии караханидского государства после верховного кагана. Очевидно, Юсуф Баласагунский в своей поэме заменил термин *«югруш»* новым, заимствованным Караханидами у Саманидов словом *«вазир».* По словам того же автора, князья — *беги* находились в подчинении правителей уделов или верховного кагана[125]. Князья в свою очередь также имели вазиров.

Важная роль в государстве Караханидов отводилась канцелярии начальника гвардии. Юсуф Баласагунский дает подразделение армии Караханидов — *черик* (войско, солдат), *юз* (сотня) и *минг* (тысяча). Высшую ступень в караханидской иерархии занимали военачальники — *су башлар, исфахсалар.* Об этом свидетельствует тот факт, что они воспеваются в поэме Юсуфа Баласагунского сразу после вазира[126]. Младший офицер, руководивший воинами на поле сражения, назван *чабушем,* а предводитель конницы —*хайл баши*[127].

В трудах Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского встречается ряд военных терминов с соответствующими разъяснениями (*кылыч — меч, хан той* — военная ставка правителя, *каргуй* — сторожевая башня и т. п.). Хан имел девять знамен желтого цвета и считался самым могущественным владыкой[128].

Отдельные данные восточных авторов подтверждают также функционирование в караханидском государстве канцелярии по иностранным делам. Юсуф Баласагунский называет посла *ялавачем* (у Махмуда Кашгарского *ялафар*) и посвящает ему в своей поэме специальный раздел. Приведем отрывок из нее:

Послами вершатся благие дела,
Их доблесть величье тех дел вознесла.
Быть мудрым, степенным послу надлежит,
Он должен быть в мудрости слов даровит[129].

Канцелярия мушрифа (т. е. контролера-наблюдателя по финансовым делам) имела широко разветвленную сеть с тем, чтобы своевременно и полностью собирать различные повинности и налоги с населения каганата. Сборщика налога и казначея Махмуд Кашгарский называет *имга*[130].

Канцелярия почты должна была заботиться о своевременной доставке правительственных распоряжений, известий и других документов к месту назначения. Для этой цели были организованы пикеты с полной почтовой экипировкой — *улаг.*

Владения Караханидов делились на *эли, вилайеты* (области, провинции), управляемые беками-тарханами; последний термин на языке аргу употреблялся, как отмечает Махмуд Кашгарский, еще до распространения ислама. В документе, датированном 1082 или 1101 г., говорится, что владетель провинции Яркенда Абу Бекр Мухаммед имел при себе палату управления и правосудия[131]. Очевидно, такое административное устройство было характерно и для других областей Восточного каганата.

Во главе общин и селений стоял староста (*аксакал,* у Юсуфа Баласагунского — *кокчин сакал).* Его помощник назывался *чубан*[132]. Правителем города Ферганы и Мавераннахра, как и у Саманидов, был *раис,* назначаемый из представителей знати.

В государстве Караханидов в большом почете было духовенство. В союзе с тюркской военной знатью оно успешно боролось против неугодных ханов.

Глава VI

КУЛЬТУРА КИРГИЗСТАНА В VI—XII ВВ.

Раннесредневековая культура Киргизстана создавалась на базе своеобразной культуры ранних кочевников и многовековых традиций оседло-земледельческой Ферганы. Носителями новых культурных традиций, сыгравших важную роль в становлении феодальной культуры региона, явились пришлые кочевые племена тюрок. Основу оседлой культуры в Семиречье заложили пересе-лившиеся сюда согдийцы. Массовое оседание тюрок-кочевников способствовало интенсивному росту городов и селений Семиречья, а также ускорило процесс взаимопроникновения и взаимовлияния двух культур. Это привело в XI—XII вв. к тюркизации не только скотоводческой периферии, но и городского населения.

К этому времени территория современной Киргизии стала местом сосуществования различных религиозных систем: буддизма, манихейства, христианства и других, каждая из которых привнесла сюда свою письменность и идеологические воззрения. Древнетюркские племена, творчески перерабатывая различные культурные влияния, достигли высокого уровня развития культуры, венцом которой явилось создание собственной письменности (VII в.).

В X в. караханидские ханы принимают ислам. Семиречье становится северо-восточным форпостом мусульманской культуры и учености. Выходцы из семиреченских городов, Юсуф Баласагунский и Махмуд Кашгарский, создали в XI в. первые литературные и научные труды, которые вошли в сокровищницу мировой культуры.

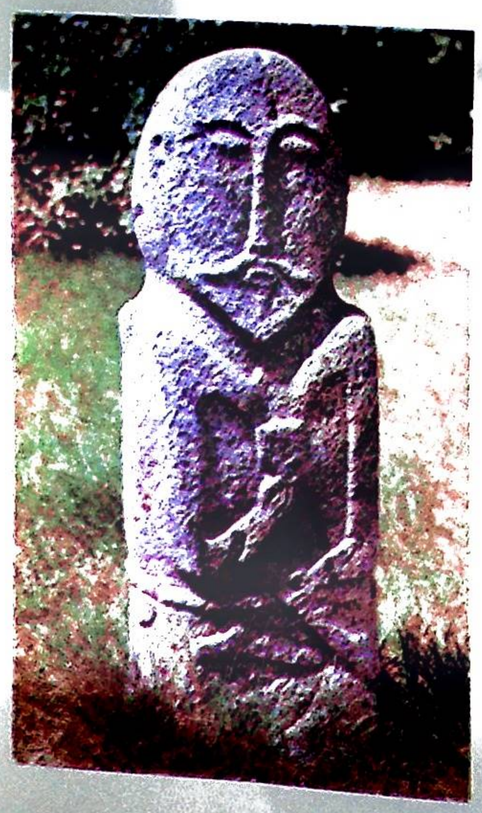
1. Культура кочевого населения

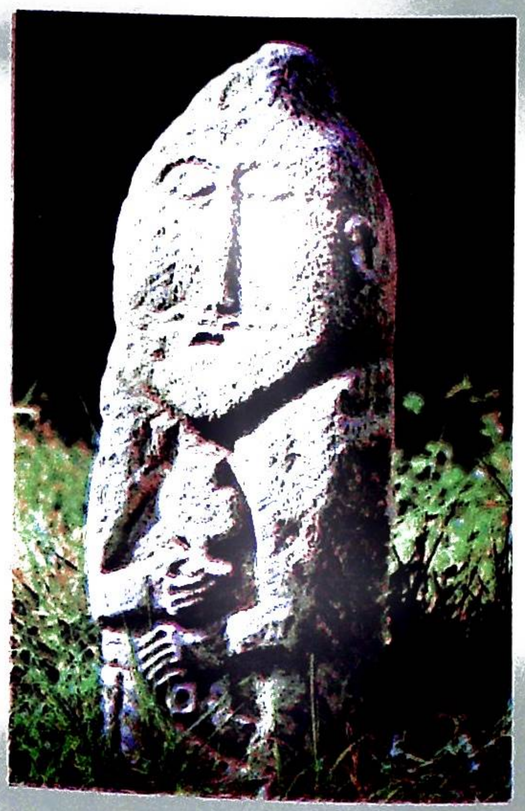
Обычаи. Семья. Домашний быт

Быт тюркских кочевых племен определялся нуждами их главного занятия — скотоводства. Хозяйственная необходимость веками

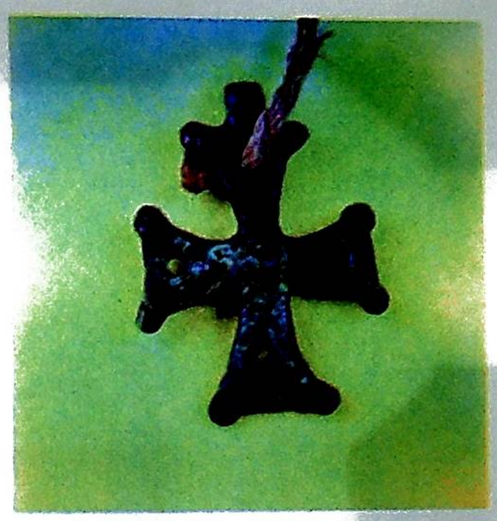
Западные тюрки. (Реконструкция В. П. Мокрынина).

Несторианские намогильники. Красноречepisкое городище.
VII—VIII вв.





Каменные изваяния. VII—X вв.

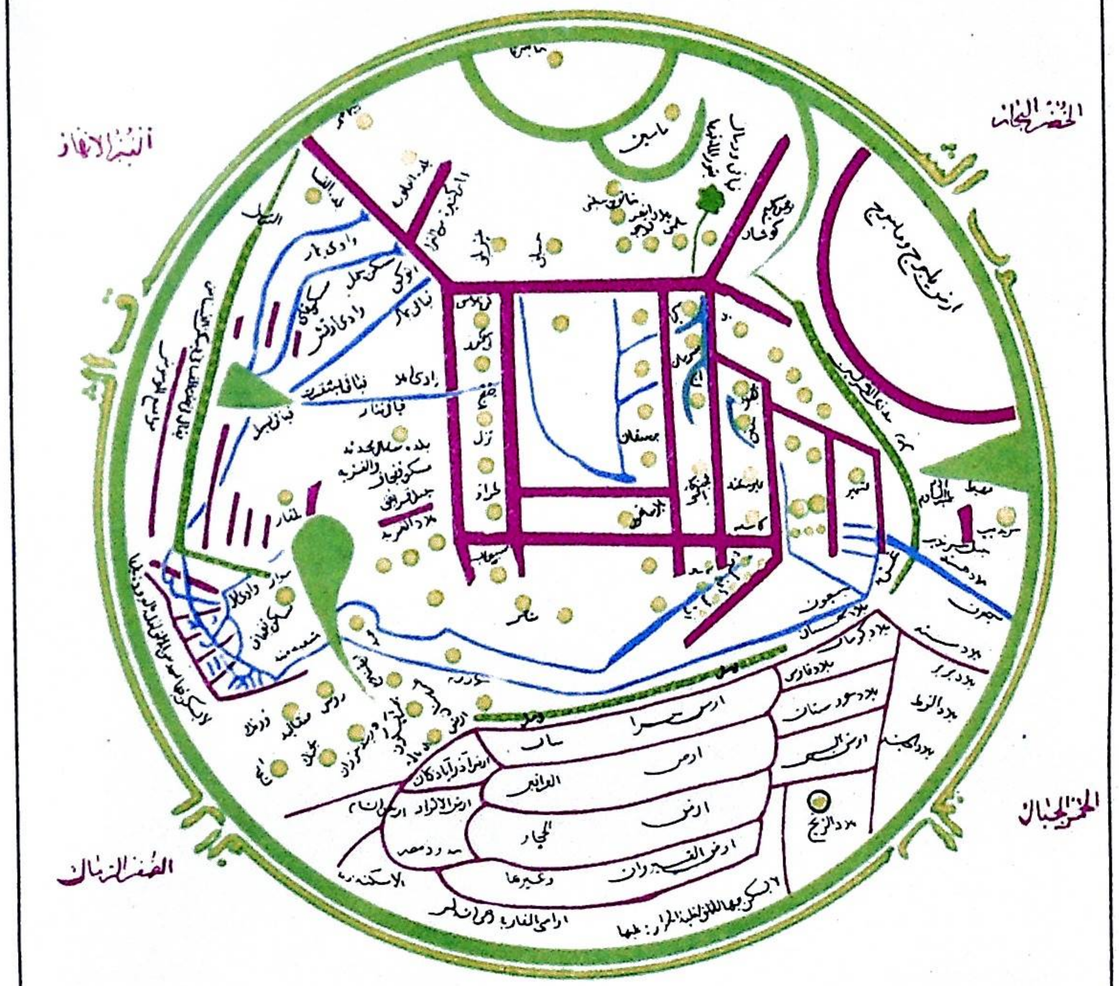


Динары. Золото. XI—XIII вв. Несторианский крест.
Бронза. Красноречeнское городище. VIII в.

Буддийское божество. Серебро с позолотой. Красноречeнское городище. VIII в.

Кувшин. Полихромная подглазурная роспись. Чуйская долина. XI—XIII вв.

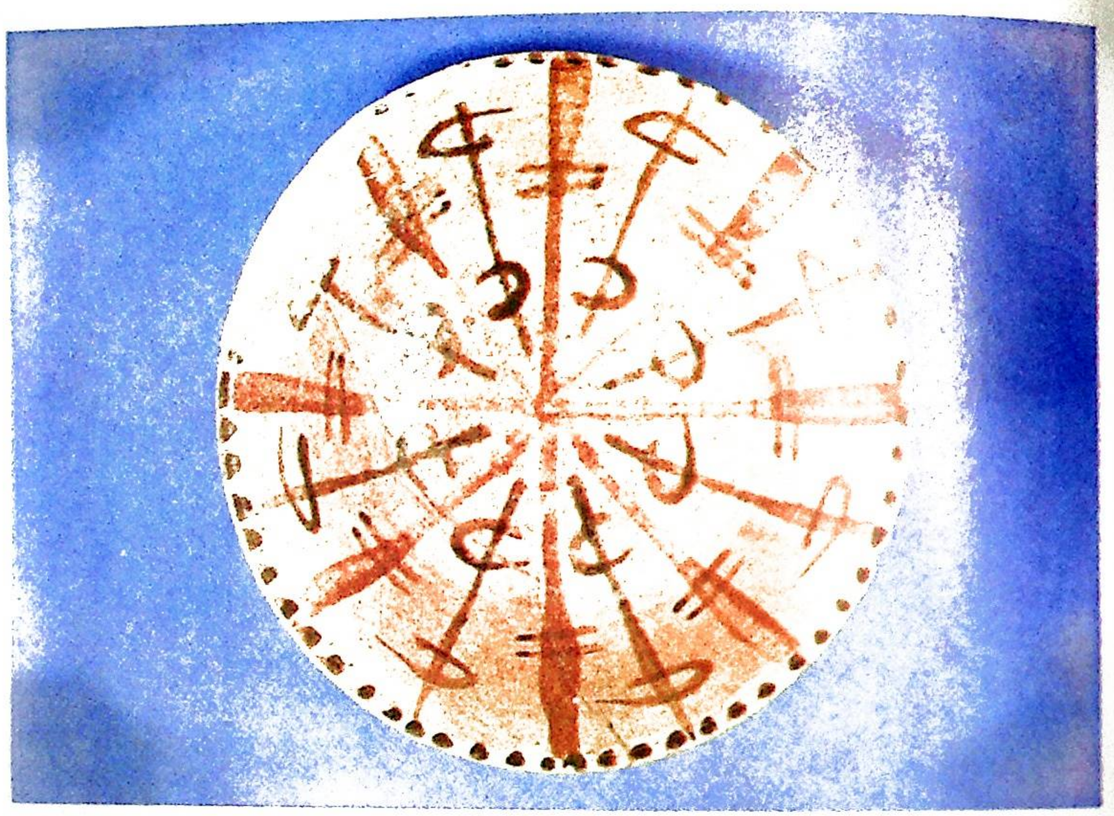
Фрагменты росписи и резьбы по глине. Красная речка. X—XI вв.



Круглая карта мира Махмуда Кашгарского. XI в.

Башня Бурана. X—XI вв.

Бабур. Миниатюра к рукописи «Бабур-наме». XVI в.



Блюдо. Полихромная подглазурная роспись. Таласская долина. XI—XII вв.

Блюдо. Полихромная подглазурная роспись. Таласская долина. XIV—XV вв.

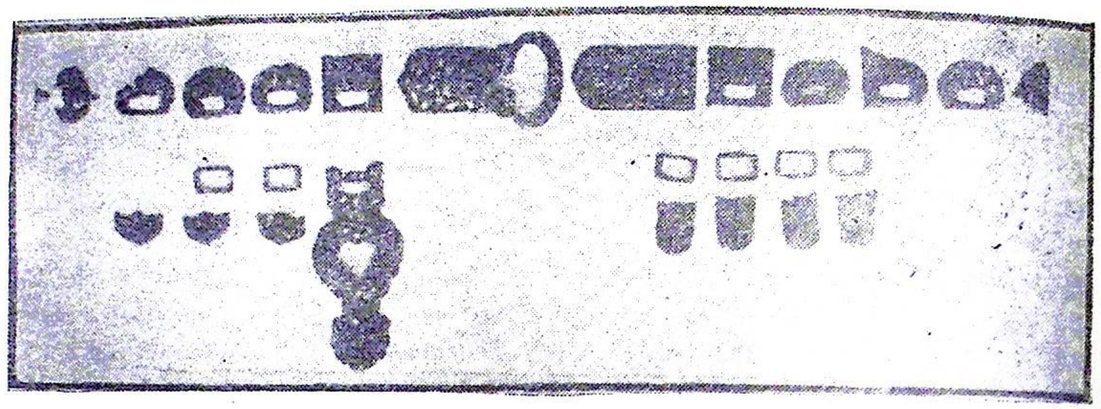
совершенствовала их жилище — разборную юрту. Письменные источники донесли до нас описание ее[1]. Остов юрты делали из ивы. Богатые кочевники окрашивали его в яркие цвета (например, голубой). В отличие от современных киргизских и казахских юрт, где раздвижная решетка *(кереге)* крепится сыромятными ремнями, либо свободно вращающимися в отверстиях стержнями, решетчатый остов тюркских юрт крепился металлическими кольцами. В больших юртах обод дымохода *(тундук)* поддерживался вертикальным шестом. Все жилище покрывалось войлоком. Пол застилали кошмами и шкурами, в центре устраивали очаг. Вход в тюркскую юрту всегда находился с восточной стороны.

Достоинства тюркской юрты были оценены соседними народами. В городах древней земледельческой цивилизации она устанавливалась зимой внутри помещений из глины или кирпича-сырца. Так, член арабского посольства Ибн Фадлан, описывая жестокие морозы в Хорезме, «когда борода примерзала к подушке», отмечал, что, спасаясь от них, послы жили «в доме внутри дома, тюркской юрте из войлока»[2].

Знать, не довольствуясь только юртой, жила также в больших шатрах. Роскошные шатры кагана Истеми поражали воображение даже придворных византийского императора. Они были сделаны из красочных шелков, своды поддерживали покрытые золотом деревянные колонны. Опорой золотого трона кагана служили четыре золотых павлина. Приемный шатер кочевого владыки украшали золотые сосуды, кропильницы, бочки, а также «многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас (в Византии. — *Ред.)*»[3]. Один из тронов кагана был приспособлен к кочевой жизни — он устанавливался на двух колесах и был так легок, что в него впрягали одну лошадь. Не менее роскошными были шатры кагана Тон джабгу. С непомерно богатым жильем знати резко контрастировали шалаши из камыша и лачуги из глины и дерева, в которых жили обедневшие кочевники на зимовках.

Одежды шили из шкур и кож домашних и диких животных, шерстяной ткани и тонкого войлока. Богатые использовали для этой цели привозные хлопчатобумажные и шелковые ткани, о чем свидетельствуют археологические материалы из курганов Кочкорской и Таласской долин. По археологическим находкам, а также по каменным изваяниям можно судить и о покрое одежды, обуви и головных уборах. Мужчины носили длиннополый облегающий кафтан с двумя треугольными отворотами и узкими рукавами. Полы обшивали кантами другого цвета. Этнографическим отличием тюрок являлся кафтан, правая пола которого запахивалась поверх левой. На большинстве древнетюркских изваяний Киргизии полы верхней одежды запахнуты справа налево.

Халаты были однотонного — белого, красного или желтого цветов. Отвороты сделаны из полихромной ткани. Сохранились остатки ее с изображением крылатых коней, а также горных ба-



Тюркский поясной набор. Иссык-Куль.

ранов[4]. Тон джабгу-каган, по описанию Сюань Цзана, был одет в атласный халат зеленого цвета. Его свита, состоявшая из двухсот человек, была в халатах из парчи. Одежды тюргешского кагана Кюль-чора бага-тархана (Курсуля) были сшиты из дибаджа (шелка среднеазиатского производства)[5]. Воины и простой люд носили одежду, изготовленную из шерсти и шкур животных, и лишь некоторые — шелковую головную повязку.

В талии кафтан стягивали простым ремнем или парадным с наборными бляхами поясом. На территории Киргизии найдено четыре поясных набора с бронзовыми накладными и подвесными бляхами, один из них — в местности Боз-Бешик (Иссык-Куль). Набор состоял из бронзовых с позолотой квадратных, сердцевидных и сложной формы ажурных литых блях-накладок, украшенных растительными побегами. На пряжке изображены геральдические рыбки в волнах-завитках. Лировидная подвесная бляха украшена изображением хвои и кедровых шишек. На многих бляхах сохранилась позолота. Наборные пояса в зависимости от количества блях и ценности металла являлись показателем социального ранга, знаком отличия древнего тюрка. Высшая знать носила пояса с золотыми бляхами. Это считалось большой честью и упоминалось в эпитафиях: «Так как у него доблесть, то у своего хана мой бег, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)»[6]. Слева к поясу крепилось оружие, справа — кошели с застежками, оселок и другие предметы.

Головные уборы, судя по изображениям на каменных изваяниях, представляли собой шлемы-шишаки, шлемы-«мисюрки» с мысиком над переносицей, малахаи. В одном из погребений Кочкорской долины найден головной убор из ткани в виде башлыка. Караханидские тюрки в XI в. носили высокие меховые шапки *(калансува)*. На одной из каменных скульптур караханидского времени, найденной у г. Кара-Балта, была изображена чалма, накрученная поверх цилиндрического колпака.

Волосы мужчины заплетали в косы. Иногда в них вплетали украшения из самоцветов. Количеством кос западные тюрки отличались от восточных: если восточные тюрки заплетали не больше

Караханидские тюрки. (Реконструкция М. Горелика).

двух кос, то западные — от четырех до девяти. Каждая заканчивалась манерной кисточкой. Такие прически изображены на каменных изваяниях Семиречья, у тюркских персонажей в живописи Афрасиаба, на костяной пластинке с выгравированным всадником, найденной в могильнике Чир-Юрт (Дагестан). По-видимому, несколько кос было схематично изображено у всадника на седельной луке из могильника Кудыргэ (Северный Алтай).

Женщины поверх платья и кафтана надевали безрукавную накидку, отороченную мехом или тканью другого цвета, иногда украшенную бантами. Подобный покрой женского платья был распространен в раннем средневековье в Тохаристане. На некоторых женских изваяниях изображен оригинальный «трехрогий» головной убор с угловидным мысиком, прикрывавшим шею сзади[7].

Сапоги у женщин и мужчин, видимо, были одного покроя: мягкие, со слегка загнутыми вверх носками. Голенище косо срезано, передняя часть его была выше задней. В тюркском кургане Таласской долины найдены остатки обуви — бескаблучные подошвы, простеганные из 5—9 слоев кожи, носки заострены и слегка загнуты вверх.

И мужчины, и женщины носили серьги, ожерелья (гривны), браслеты, перстни и кольца. Образцы их найдены в погребениях кочевников VI—XII в., изображены они и на каменных изваяниях.

Основными продуктами питания скотоводов были мясо и молоко. В древнетюркских погребениях обнаружены остатки ритуальной пищи. В подбойных и катакомбных погребениях Таласа и Баткена, относящихся частично к древнетюркскому времени, кроме костей барана, найдены лепешки, груши, орехи. Ал-Бируни отмечал, что тюрки ели «тяжелую пищу»: изделия из пресного теста, жареное мясо, грубое и твердое[8]. Любимым напитком был кумыс. Стол тюркской аристократии отличался богатством. Каган Тон джабгу потчевал гостей отварной бараниной и телятиной. К столу подавали рисовые хлебцы, творожные лепешки, дикий сотовый мед, фрукты, вино. Стол тюргешского кагана был гораздо скромнее[9]. Часть мясной пищи тюрки добывали охотой.

Согласно обычному праву тюрков, самыми дерзкими преступлениями считались бунт, измена, убийство, прелюбодеяние, похищение спутанной лошади. За совершение их виновный подлежал смертной казни. За нанесение ран платили различные штрафы в зависимости от тяжести увечья. Уличенные в воровстве возмещали стоимость похищенного в десятикратном размере[10].

Во время празднеств одевались в нарядные платья, пели песни, стоя лицом друг к другу. Различались мужские и женские подвижные игры. В Согде знать тюргешей выучилась играть в нарды.

Инициатива сватовства принадлежала мужчине. За жену выплачивали калым. Случалось, что дочерей выдавали замуж без выкупа. Но подобное бескорыстие, видимо, было настолько редким, что заслужило быть специально упомянутым в одной из эпитафий.

Семья у рядовых кочевников носила патриархальный характер, хотя роль женщины в ней была относительно велика. Она была моногамной. Многоженство было распространено лишь в среде богатых и знатных. Вдова могла выйти замуж за младшего брата мужа или его сына от другой женщины. Система родства была классификационной, при которой одним термином называли целую группу родственников и строго отличали в наименованиях старших и младших родственников (например, старшие и младшие братья или сестры назывались различными терминами).

Некоторые сведения о семейных отношениях у тюргешей содержатся в таласских рунических памятниках. Часто в одном тексте упоминаются глава семьи, сын-наследник и жена, оставшаяся вдовой. В памятнике № 1 названо три брата, а в памятнике № 2— шесть отделившихся (?) сыновей и младшая сестра, что свидетельствует о довольно многодетном составе семьи. О классификационной системе родства свидетельствуют термины: *инилери* — младшие братья и вообще младшие родственники по мужской линии; *эчи, ача* — мать, тетка, старшая сестра; *синил* — младшая сестра и другие младшие родственницы. В таласских текстах приведено около пятнадцати мужских имен, которые нередко повторяют эпитеты, являясь персонифицированными прозвищами. Большинство имен простые: Агуш, Кыйаган, Туган, Удун, Кутлуг. Встречаются и сложные имена: Кара-Барс, Огул-Барс, Кюч-Оге. Так же, как и у других древнетюркских племен, тюргешские мужчины имели минимум два имени. Первое они получали при рождении, второе — «почетное», «геройское» — по возмужании[11].

Древнетюркская письменность

Процессы образования государства и появление письменности взаимосвязаны. Тюркский каганат нуждался в ней для регулирования внутренних и внешних государственных функций. Вначале для этих целей служило согдийское курсивное письмо. После находки Бугутской стелы (Монголия), на которой эпитафия одного из представителей каганского рода (582—583 гг.) была написана по-согдийски, едва ли можно сомневаться, что и дипломатические послания западнотюркских каганов в Константинополь, выполненные «скифскими письменами», были на том же языке. Есть предположение, что в конце VI в. согдийские графемы применялись и для передачи тюркской речи. Они мало подходили для этой цели. Каганат нуждался в собственной системе письменности.

Ученые полагают, что древнетюркский алфавит возник не раньше VII в., возможно, в первой половине. Рунические тексты старше второй половины VII в. еще не обнаружены.

Проблема происхождения древнетюркской руники пока не решена. В науке существует несколько различных точек зрения.

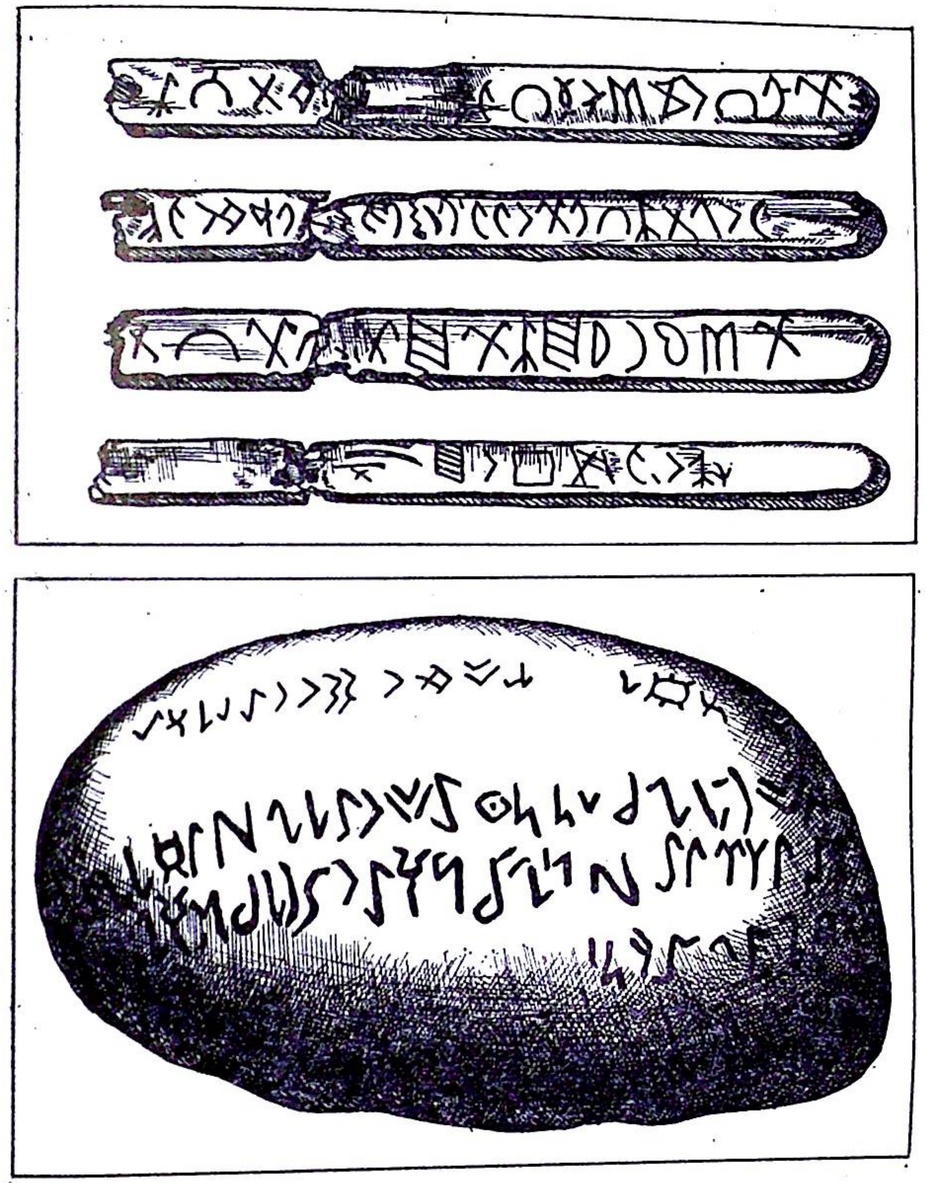
Наиболее обоснованной из них является согдийский вариант арамейской гипотезы. Он основан на близости форм ряда рунических и согдийских графем. В. А. Лившиц установил, что прототипом для большинства рун послужило согдийское курсивное письмо и только небольшая их часть могла быть изобретенной[12]. Культурно-исторический фон, на котором происходил процесс становления древнетюркской рунической письменности, а именно тесные экономические и культурные связи тюрок и согдийцев, подкрепляет такое решение вопроса.

Древнетюркский рунический алфавит состоял первопачально из 37 или 38 знаков геометризированных очертаний и, в отличие от согдийского прототипа, был хорошо приспособлен для фиксации на камне, дереве, металле. Руника достаточно точно передавала фонетические особенности тюркского языка. Большая часть согласных знаков имела два варианта начертания, в зависимости от того, с каким гласным (переднего или заднего ряда) этот согласный употреблялся.

Памятники древнетюркского письма были открыты в долине Енисея в 1721—1722 гг. Д. Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и сопровождавшим его пленным шведским офицером Ф. Таббертом (Страленбергом). Из-за внешнего сходства в начертаниях со скандинавскими рунами они назвали вновь открытое письмо руническим. Оно было распространено на обширных территориях Центральной и Средней Азии, Казахстана, Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, населенных тюркоязычными племенами.

Основные рунические тексты, составившие базу рунологии,— надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, надпись Тоньюкука, Онгинский, Карабалгасунский памятники, Селенгинский камень, Суджинская надпись и другие — были открыты русскими учеными на территории Монголии в конце XIX — начале XX в. В 1968—1975 гг. они пополнились согдоязычной Бугутской надписью, Севрэйской и Терхинской надписями, открытыми советскими и монгольскими учеными.

Первые находки рунических памятников в Средней Азии были сделаны в 1896—1898 гг. в долине р. Талас. Три валуна с рунами обнаружил близ с. Дмитриевское (ныне г. Талас) местный краевед В. А. Каллаур. В 1898 г. в том же месте (урочище Айр-там-Ой) обнаружила еще два валуна финская экспедиция Г. Гейкеля. В 1932 г. в шурфе древней выработки М. Е. Массоном была найдена деревянная палочка с рунами, а в 1961 г. в том же урочище П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винник открыли еще четыре валуна с надписями. В последние годы в Таласской долине был найден еще один камень с рунами. В общей сложности здесь было обнаружено одиннадцать сравнительно крупных надписей. Были зафиксированы они также на Иссык-Куле, Алае, в Фергане. Всего в Средней Азии открыто около 40 сравнительно небольших рунических надписей на камнях, скалах, керамике, металле. Самы-



Рунические тексты. Таласская долина.

ми значительными из них остаются талассские. Они близки енисейской эпитафийной рунике, однако уступают ей в литературном отношении. О содержании талассских эпитафий можно судить по надписи № 2 (перевод И. А. Батманова):

«Защитники (верные друзья) тридцати огланов — юношей. В год обезьяны шестнадцатого года (случилось). Мое геройское имя — «Черный Чур». Почетное имя «Черноту не минует». (У) шести родов мать одна, затем младшая сестра, ынал умерли.

Черный Чур. Моя лошадь саврасая... «Черноту не минует». Черный Чур от вас, от твоих родственников отделился. Имя его отца — Туган, имя сына — Черный Чур. Сын героя, конных войск поток... Имя его — Огом, Ша...».

Датируются талассские тексты разными авторами с разрывом в 700 лет (от V до XII вв.). Наиболее достоверна датировка всей

группы таласских памятников, предложенная С. Г. Кляшторным. На основе анализа терминов, упомянутых в надписях, с учетом истории западных тюрок, он установил, что вероятный промежуток времени, к которому относятся таласские эпитафии, приходится на 716—766 гг. Они были составлены в честь кара-тюргешской младшей ветви каганской династии[13].

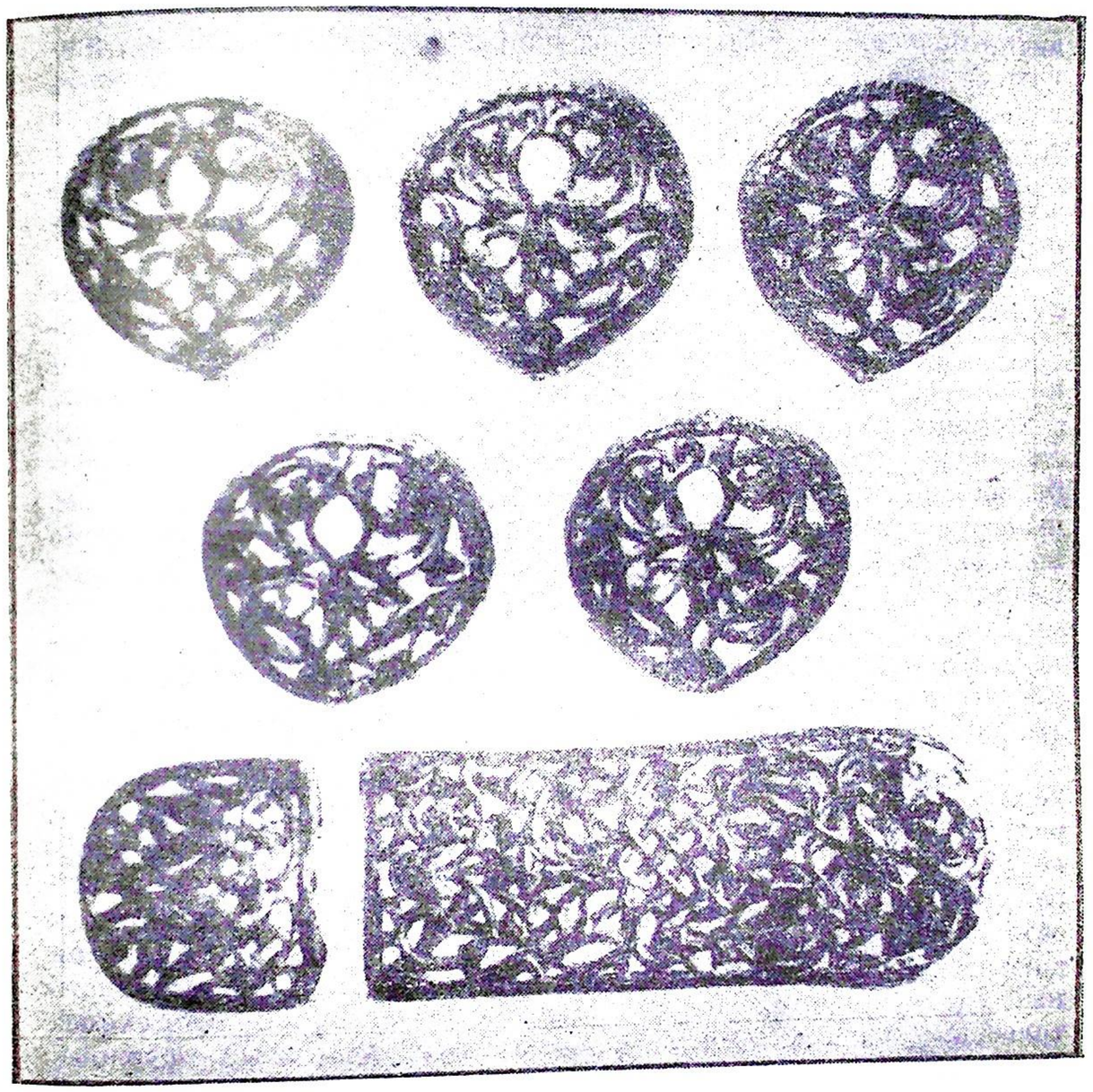
Изобразительное и прикладное искусство

К произведениям искусства кочевников можно отнести художественные поделки из металла, гравировку по кости, каменные изваяния и наскальные рисунки.

Характерной чертой раннесредневекового искусства кочевников становится преобладание орнаментального начала. В отличие от предшествующего периода, орнаментализм средних веков построен на непрерывности движения, связанности всех элементов и деталей. Для выражения этого движения кочевники заимствуют новые орнаментальные мотивы — растительный побег и различные системы плетеных линий. Они превалируют при орнаментации различных бронзовых литых блях и подвесок, которыми украшали наборные пояса и конскую сбрую. Формы накладных блях геометрические: подпрямоугольные, лунницы, сердцевидные, ливидные, полукруглые. Размещенные на расстоянии друг от друга по всей длине ремня, благодаря однотипному орнаменту, они создают впечатление единого ансамбля.

Преобладание орнаментализма не означало исчезновения зооморфных мотивов. Но в отличие от изображений животных в искусстве ранних кочевников они полностью подчинены растительному орнаменту. Наиболее ярким примером орнаментации этого типа являются серебряные с позолотой наременные бляхи, найденные в Кочкорской долине (VIII—X вв.). Накладки украшены причудливым сплетением растительных побегов, животных, птиц и мифических чудовищ-масок. Сложная ажурная плетенка симметрична относительно воображаемой вертикальной оси. Основным мотивом орнамента являлись своеобразные изображения грифонов и птиц.

Такой орнамент характерен для бронзовой с позолотой пряжки от полного поясного набора, найденного на Иссык-Куле. Щиток ее украшен двумя парами рыб в зеркальной симметрии, резвящихся среди ажурных волн-завитков. Исключительная изобретательность в плетении линий, изощренная моделировка животных, гармоническая композиция разнохарактерных элементов — отличительные черты искусства кочевников средневековья. Судя по идентичности блях, найденных на Александровском городище (Чуйская долина) и в Пенджикенте (Согд), часть художественного материала кочевников могла принадлежать согдийским мастерам. Распространение орнамента в виде различных плетенок в кочевой среде произошло не раньше рубежа VII—VIII вв. На поясных бронзовых накладках VI—VII в., найденных в долине р. Кара-Куджур, геометрические узоры сочетаются с натуралистично воспроизведенными головами вепрей. Растительные мотивы отсутствуют. Изредка поясные или уздечные бляхи дополнены подвесками в виде человекоподобных личин.



Украшение сбруи. Серебро. Кочкорская долина.

Завершая краткий обзор художественной обработки металла, следует упомянуть о находках двух золотых брактеатов, оттиснутых со штампов, явно местного производства. Один из них найден в районе с. Красная речка, другой — у с. Кенбулунь в Чуйской долине. На них представлены погрудные изображения мужчин в пышных головных уборах. По мнению А. Н. Бернштама, они портретны и, возможно, изображали тюркских каганов[14]. Так это или нет, покажут будущие исследования. Для нас важно то, что в VI—VIII вв. в изобразительном искусстве Киргизстана имело место искусство портрета.

В новом «степном» изобразительном искусстве дальнейшее развитие получило иллюстративное направление, когда пейзаж, животные и люди скомпонованы в сцены. Примером может служить сцена гона животных, изображенная на костяной накладке на луке седла из могильника Кудыргэ, а также сцены на луке седла из Копенского чаатаса и серебряном кубке из г. Красноярска. По мнению М. П. Грязнова, на них изображены охотничьи подвиги эпических богатырей кочевников[15].

Не исключено, что один из эпизодов охотничьего подвига эпического героя был искусно выгравирован и на центральной накладке на лук, найденной в погребении Центрального Тянь-Шаня. Здесь изображена сцена охоты на оленей. Человек схематичен, с колчаном у пояса, припал на колено, лук натянут до предела. Два оленя распластались в быстром беге, выполнены четкой уверенной линией, с хорошим знанием натуры. Справа, за оленями, изображен конь охотника-героя. Контуры горной цепи, на фоне которой разворачиваются действия, переданы затухающим зигзагом.

Богатое наскальное искусство Киргизстана изучено пока недостаточно полно. К древнетюркскому времени бесспорно можно отнести лишь изображения горных козлов, некоторые сцены охоты, тамгообразные знаки.

Образы своих современников древнетюркские мастера запечатлели в каменных изваяниях. По стилистическим особенностям они подразделяются на несколько категорий: схематичный плоскостной рисунок; сочетание плоскостного рисунка с объемно выраженной головой; слабый рельеф; фигура, приближающаяся к объемной скульптуре. Большинство изваяний древних тюрков не дают никакого пластического образа. Это специально подобранный удлиненный окатанный валун, на котором выполнена схематическая личина, иногда дополненная деталями одежды. Изобразительные средства здесь сводятся к врезной контурной бороздке. Наиболее совершенные образцы несли на себе признаки пластического понимания формы, в которых ощущается объем головы, плеч, бедер. Однако и здесь можно констатировать лишь приближение к подлинной скульптуре, так как многие детали (руки, чаша, оружие) переданы барельефом.

Древнетюркские скульпторы стремились к максимальной передаче сходства с натурой. Портретным можно считать дошедшее до нас изображение Кюль-тегина. В подавляющем большинстве случаев индивидуализация изваяний достигалась более или менее точными воспроизведениями форм усов, деталей одежды, предметов вооружения и сосуда, принадлежавших прототипам, по которым современники и узнавали их.

В изваяниях древних тюрков выработался определенный канон, который проявился в иконографии, композиции, моделировке, пропорциях и трактовке образа. Наиболее характерными чертами его являются устойчивость ограниченного числа иконографических типов, строгая фронтальность и симметричность, умышленное нарушение естественных пропорций человеческого тела, выражающееся прежде всего в несоразмерности головы и корпуса. В силу этих черт канона образ древнего тюрка передан приземисто, скованно. При всей, казалось бы, примитивности, каменные изваяния не лишены эмоциональной силы. Отличительной чертой каменных изваяний Семиречья VI—X вв. является многообразие иконографических типов. Иконографические и стилистические па-

Каменное изваяние.

раллели монументального искусства древних тюрок можно найти в коропластике и настенной живописи Средней Азии и Восточного Туркестана. В то же время отмечаются стилистические приемы, выработанные в кочевой среде и присущие исключительно каменным изваяниям[16].

Кроме скульптур человека, в искусстве древних тюрок известны и каменные скульптуры животных. На стеле из Бугута (VI в.) изображена волчица, у храмов в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (VIII в.) были установлены парные фигуры львов и баранов. Два небольших изображения льва найдены у номинального сооружения в Туве. Из всех разновидностей каменных скульптур животных в древнетюркское время на территории Киргизии было найдено лишь изваяние черепахи (с. Юрьевка, Чуйская долина). Прорисовка деталей скупа, четко просматриваются только геометрические фигуры, передающие панцирь. На нем выбит паз и гнездо для шипа, по-видимому, от стелы, которая когда-то была установлена на этом пьедестале.

Искусство средневековых кочевников Киргизии было тесно связано как с искусством кочевников евразийских степей, так и с искусством оседлых народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Творческое восприятие различных влияний на основе культуры ранних кочевников придавало искусству скотоводов Тянь-Шаня самобытный характер.

Мифология. Религиозные верования. Погребальные обряды

В период господства тюркских каганатов официальной общегосударственной религии на территории Киргизии не было. Здесь находили пристанище и развивали миссионерскую деятельность представители различных религиозных систем и их еретических толков — от буддизма до христианства. Судя по письменным источникам, верхушка тюркских племен во главе с каганами пыталась утвердить в среде своих подданных ту или иную религиозную систему. Однако эти попытки были неудачны. Основная масса древнетюркского общества была привержена своим, веками выработанным религиозным представлениям.

Систему религиозных воззрений древних тюрок трудно реконструировать полностью вследствие немногочисленности и фрагментарности сохранившихся сведений. Религия собственно тюрок была языческой. Она включала древнейшие формы религиозных верований, вновь возникающие родовые (племенные) культы и элементы культовых представлений мировых религиозных систем.

Среди древних тюрок был распространен миф о сотворении мира. Согласно надписям в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, вначале были сотворены «голубое небо» и «бурая земля», а затем между ними возникли «сыны человеческие». По космогоническим представлениям тюрок, «голубое небо» было крышей над миром, где ежедневно рождались солнце и луна. Особо почиталось солнце. Двери каганского шатра были открыты в сторону восходящего солнца. Среди особо почитаемых небесных объектов были и «семь планет». Земная твердь представлялась плоским пространством, ограниченным с четырех сторон и имеющим четыре угла. В древнетюркской «Книге гаданий» (X в.) упомянуты «три бытия (мира)», что соответствует верхнему, среднему и нижнему мирам в мифологии тюркоязычных народов[17].

Древние тюрки были политеистами. В настоящее время известны имена нескольких божеств древнетюркского пантеона. Верховное божество — Тенгри (небо) принадлежало к верхнему миру. Оно — бог неба, творец, созидатель вселенной. На востоке каганата культ его был связан с культом рек. Жертву духу неба ежедневно в средней декаде пятой луны на реке приносил сам тюркский каган. Предполагают, что божеству неба посвящали храмы, где молились о даровании победы тюркскому оружию. На западной окраине каганата божество Тенгри-хан представлялось в виде «чудовищно громадного героя» и «дикого исполина». Здесь культ его связывался с культом деревьев, посвящаемых Тенгри-хану, ему приносили в жертву копей. Кровью жертвенных животных поливали вокруг этих деревьев, головы и кожу вешали на сучья. В честь Тенгри-хана возводили капища[18]. Анализ древнетюркских текстов позволил установить, что атрибутом верховного божества было указание на мужское начало. В его компетенцию входили созидательная, покровительствующая, карающая функция и функция распорядителя человеческих судеб.

Умай — божество, упомянутое в рунических текстах — олицетворяло женское начало, считалось покровительницей плодородия. Есть предположение, что иконография Умай была заимствована в Средней Азии или Иране. Древние тюрки изображали ее в виде женщины в трехрогом головном уборе и мантии-накидке[19]. Умай вместе с Тенгри покровительствовала воинам. Каган своим обликом был подобен Тенгри, а его супруга *(катун)* — Умай. Отсюда можно заключить, что существовал миф о божественной супружеской чете Тенгри и Умай, земной ипостасью которой была царская чета. Культ Умай сохранялся у многих тюркских народов, в том числе у киргизов, вплоть до конца XIX в.

Идук Йер-су — божество земли и воды—принадлежало среднему миру. Вода почиталась, в честь земли слагали и пели гимны. Судя по древнетюркским текстам, Йер-су наделялось благодетельной и карающей функциями, иногда оно выступало в значении родины. К культу Йер-су примыкал культ гор. Одна из них именовалась духом — «покровителем страны» и находилась где-то западнее Алтая. «Священная» гора тюрок упомянута в окрестностях Суяба (близ Токмака).

В древнетюркских енисейских текстах и в «Книге гаданий» несколько раз упомянут Эрклиг — бог нижнего мира, разлучающий людей, враждебный верхнему миру. Вместе с ним фигури-

рует Бюрт — бог скорой смерти. Посланцами Тенгри были «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне».

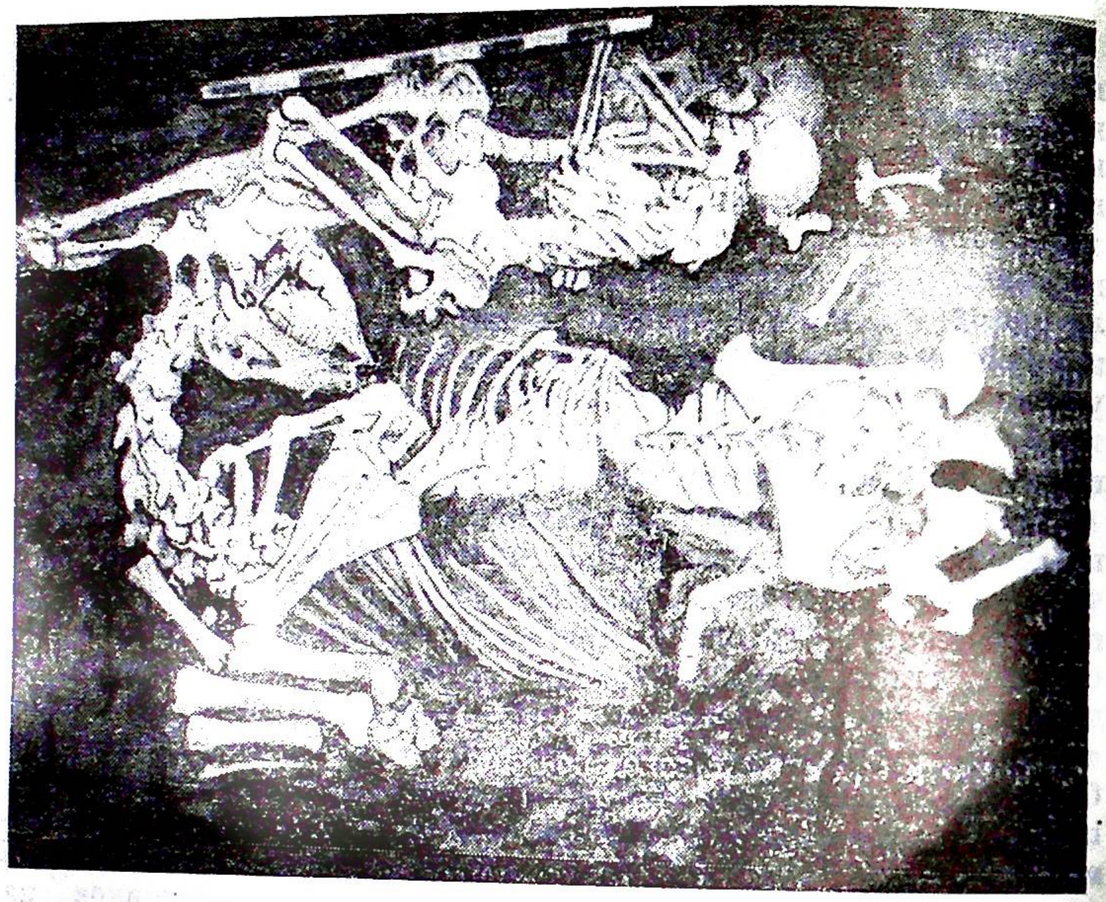
Генеалогические предания относятся к наиболее архаичному пласту древнетюркской мифологии. Миф о происхождении племени тюрок (ашина) был записан со слов тюрок в середине VI в. в двух вариантах, восходящих к одному прототипу. Согласно основной версии, предки тюрок, жившие на краю большого болота, были истреблены врагами. В живых остался лишь изуродованный победителями десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов (убивших все-таки юношу), волчица бежала в горы севернее Гаочана. Там, в пещере, она родила десятерых сыновей. Сыновья волчицы женились на гаочанских женщинах и основали свои роды. Имя одного из сыновей — Ашина — стало названием его рода. Его потомок Асянь-шад вывел сородичей из пещеры и поселился на Алтае, а племя стало называться тюрк. Эта легенда, тотемистический характер которой очевиден, нашла воплощение в символике царских атрибутов тюркских каганов династии Ашина — их знамена были увенчаны золотой волчьей головой, телохранителей кагана называли волками[20]. Согласно другим мифам, среди родоначальников различных древнетюркских племен упомянуты также бык, олень, священные деревья.

Древние тюрки верили в очистительную силу огня и поклонялись ему. Об этом упоминают Феофилакт Симокатта и Сюань Цзан. При помощи огня тюркские колдуны перед битвой под Гератом (588 г.) пытались деморализовать иранское войско. Обряд очищения огнем в ставке кагана Истеми прекрасно описан Менандром: «Некоторые люди из этого тюркского племени, о которых уверены, что они имели способность отогнать несчастье, пришли к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили и ударяли в тимпан над поклажею. Они внесли в круг ливанскую ветку, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла; отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали»[21]. Источники упоминают о древнетюркских служителях культа. Жреческие функции исполнял сам каган. Тюркские жрецы вступали в религиозную полемику с апологетами иных культов. Среди тюрок были «колдуны», которые будто бы могли вызвать холод, буран, грозу и другие стихийные бедствия путем магических манипуляций с камнем «яда». Ал-Бируни упомянул два способа таких манипуляций: «человек входит в воду и, держа камень... во рту, машет руками, и дождь начинает идти». В другом случае погружали в воду сам камень, брызгали водой вверх, «сопровождая это бормотанием и криками»[22].

Составной частью религиозных воззрений древнетюркских племен был погребальный обряд. Умерших тюрки хоронили по древнему ритуалу. Покойника помещали в юрту, рядом с ней родичи клали жертвенный скот, затем семь раз объезжали юрту верхом по кругу. Проезжая перед входом, каждый раз «ножом надрезают себе лицо и производят плач». Личные вещи и верхового коня сжигали вместе с покойником. Через полгода после кремации пепел погребали в могиле. На могиле каганов и высшей знати сооружали храм *(барк)*, где ставилось изваяние умершего *(бедиз)*. На восток от изваяния тянулась вереница вертикально поставленных камней *(балбалы)*, символизировавших врагов, убитых покойным при жизни, либо «подаренных» ему во время похорон другими лицами. Современники отмечали, что «у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»[23]. У храма в честь Кюль-тегина было 169 балбалов. Тюрки верили, что убитые лично или «подаренные» души врагов будут служить им в потустороннем мире. При погребении каганов иногда в жертву приносились люди. Так, при поминках по Истеми-кагану было убито несколько пленных. Они также должны были «служить» покойным в нижнем мире. Со временем погребальный обряд изменился. Умерших вместе с конем и личными вещами не сжигали, а хоронили в ямах, поверх которых насыпали курган.

Археологические памятники средневековых кочевников на территории Киргизии представлены погребальными курганами, поминальными оградками, каменными изваяниями и рунической эпиграфикой. Они полностью подтверждают сведения письменных источников о наличии заметных этнографических различий среди скотоводческих племен Киргизстана в VI — начале XIII в. Среди них можно выделить две группы: памятники, оставленные потомками ранних кочевников, и памятники, принадлежавшие древним тюркам.

К первой группе относятся могильники, состоящие из курганов с небольшой каменной или каменно-земляной насыпью, под которой погребения совершали в грунтовой яме, в подбоях или катакомбах. Сюда же следует отнести наземные погребения в каменных или сырцовых склепах, которые засыпали землей. Такие погребения обнаружены только в Чаткале. Все отмеченные типы погребений появились в предшествующий период, что указывает на сохранение сакских и усуньских традиций в период средневековья. Завоевательные походы тюрок привели к распространению характерных для них памятников. К ним относятся подкурганные погребения с конем, поминальные оградки с балбалами и изваяниями и рунические письмена. На археологических памятниках можно проследить взаимовлияние и взаимопроникновение культур местного и пришлого населения. В Таласской долине, Кетмень-Тюбе и в Центральном Тянь-Шане встречены погребения с конем (инновация) в катакомбных и подбойных погребальных сооружениях (традиция). Имеющиеся малочисленные



Парное погребение с конем. Красная речка.

данные пока еще не позволяют определить, кто же воспринимал элементы чуждой культуры — аборигены или пришельцы?

Как видим, типы погребальных сооружений у скотоводов в период сложения тюркских государств совершенно различны, что свидетельствует не только о разнородности племен, входивших в состав «десятистрельного народа», но и о большой вариабельности их идеологических воззрений, связанных с погребальным обрядом.

На территории Киргизии найдено большое количество каменных изваяний, связанных с древнетюркским погребальным обрядом. Они обычно изображали умершего знатного тюркского воина с чашей в правой руке и с оружием в левой. Изваяния устанавливались у восточной стенки каменной оградки, имитирующей храм в честь покойного, лицом на восток.

Семиречье и Тянь-Шань отличаются многообразием типов каменных изваяний. Среди них имеются уже упомянутые мужские изваяния с сосудом и оружием; мужские и женские изваяния с сосудом в правой руке и без оружия; мужские и женские изваяния с изображением только лица или головы; мужские и женские изваяния с сосудом в обеих руках; мужские изваяния с птицей на правой руке. В последнее время найдены редкие иконографические типы: в руке одного из изваяний было изображено «зеркало», в руках другого — музыкальный инструмент[24].

Существует две гипотезы относительно смысла и назначения каменных изваяний. Согласно одной из них, они изображали наиболее могущественных врагов, убитых при жизни знатным тюрком. Этот враг обязан был служить победителю в загробной жизни. Сторонники другой гипотезы справедливо полагают, что большинство каменных статуй изображали самих умерших знатных тюрок.

К сожалению, подавляющее большинство каменных изваяний в Киргизии найдены не на местах их первоначальной установки, что затрудняет определение их смысла и назначения. Те изваяния, которые найдены у оградок, олицетворяли знатного умершего тюрка. Однако среди изваяний могут быть и объекты с другой смысловой нагрузкой. Исследования древнетюркских культовых сооружений в Монголии со всей определенностью доказали, что наряду со скульптурой покойного, изображались и живые к тому времени персонажи. Так, при раскопках храма, возведенного в честь Кюль-тегина, кроме скульптуры самого Кюль-тегина, были найдены изображения его жены, знатных тюрок и членов иностранных посольств, прибывших на похороны полководца. На грубых антропоморфных стелах могли быть изображены и побежденные покойным враги[25]. Каменные изваяния Киргизии датируются VI—X вв. Они исчезали с распространением ислама в кочевой среде.

В среде среднеазиатских кочевников велась миссионерская пропаганда мировых религиозных систем: зороастризма, буддизма, христианства несторианского толка, манихейства, ислама. Для VI—X вв. можно отметить лишь частные успехи этой миссионерской деятельности, о которых имеются отрывочные сведения. Так, тюрки, обитавшие в Джурджане, приняли «религию магов». В Бугутской надписи есть упоминание, что в 70—80-х .годах VI в. в Тюркском каганате была создана буддийская сангха (община). Тогда при кагане Таспаре в его ставке в течение десяти лет (574—584 гг.) буддизм проповедовал знаменитый индийский миссионер Чинагупта. Социально-политический кризис каганата в 80-х годах приостановил процесс распространения буддизма. Известно, что удельные западнотюркские правители Тохаристана были ревностными буддистами[26].

Абу Дулаф (X в.) сообщал, что среди чигилей имеются христиане. Колофон «Священной книги двух основ» свидетельствует, что в среде тех же чигилей и чаруков велась манихейская пропаганда. Однако неясно, кто же подвергался ее воздействию: кочевники или только обитатели городов и поселений. Во времена Сулука Чабыш-чора к тюргешам, считавшимся главными врагами мусульман в Средней Азии, халиф Хишам направил специальное посольство с целью убедить кагана принять ислам. Каган высокомерно отказался. Однако в IX—X вв. карлуки, кочевавшие в окрестностях среднеазиатских оазисов, еще до официального принятия ислама караханидскими ханами, стали мусульманами.

Военное дело

Развитие металлургии в алтайский период истории тюрок и в более позднее время позволило каганам создать отборные, хорошо вооруженные части тяжелой латной кавалерии. Эти привилегированные ударные отряды назывались *бөри (волки)*. Оборонительные доспехи состояли из длинного пластинчатого панциря, шлема с бармицей и наушниками, небольшого круглого щита. На вооружении у тюрок были луки с трехреберными и трехгранными стрелами, копья, сабли (палаши) и кинжалы. Сабли крепились к наборному поясу на двух ремнях в наклонном положении, кинжал — впереди, в горизонтальном положении, рукоятью вправо. Тюркский воин имел еще один, «стрелковый» пояс. Слева к нему крепился сложный лук в узком чехле, а справа — колчан, обычно расширяющийся книзу. Стрелы в нем хранились острием вверх. Иногда вооружение тюркского всадника дополнялось топориком, булавой или кистенем на ремне. Тяжелая конница атаковала сомкнутым строем с копьями наперевес. Ярость и упорство тюркских алпов во время таких атак отмечены в надписи в честь Кюль-тегина. Во время одной из них под Кюль-тегином пало три коня, а в его доспехах застряло более сотни стрел. Защищая ставку, Кюль-тегин в конной атаке поразил девять врагов.

Легкая кавалерия тюрок обычно набиралась из средних слоев кочевников. Доспехи для нее изготовляли из кож и войлока. Легко вооруженные всадники осыпали противника дождем стрел, нападали с флангов, ложным бегством заманивали врага в засаду, преследовали разбитые части.

Большое внимание уделялось подготовке коней в поход. В восточной части Чуйской долины существовали заповедные пастбища. Их использовали только для откорма верховых животных на случай войны. Лошади тюрок, как сообщают средневековые авторы, «были хорошего сложения, исключительно ловки, способны к длительным переходам»[27].

Детали сбруи верховых коней древних тюрок найдены в их погребениях. К ременной узде, которая иногда украшалась фигурными бляхами, крепились железные двусоставные кольчатые удила, S-образные псалии. Седло имело деревянную основу с невысокой арочной лукой. В крыльях были сделаны прямоугольные прорези для крепления ремней стремян. Хорошей сохранности седло было найдено при раскопках тюркского погребения в Кара-Куджуре. Стремена были двух типов: восьмеркообразные и с прямоугольной петлей, отделенной от дужки стремени перехватом. Седло крепилось при помощи подпруги с железными и фигурными костяными пряжками. Спутывали коней ременными путами с костылем из кости. Некоторые боевые кони, судя по изображениям на Аниковском блюде, были защищены специальными доспехами.

Арабские авторы отмечали высокое ратное мастерство тюркских всадников. Войска тюрок VI—XII вв. представляли собой прекрасно обученные дружины, способные к длительным рейдам

и стремительным кавалерийским атакам. Пехоты как особого рода войск у тюрок не существовало. Очевидно, этим объясняются менее удачные их действия в пешем строю при осаде городов.

Календарь

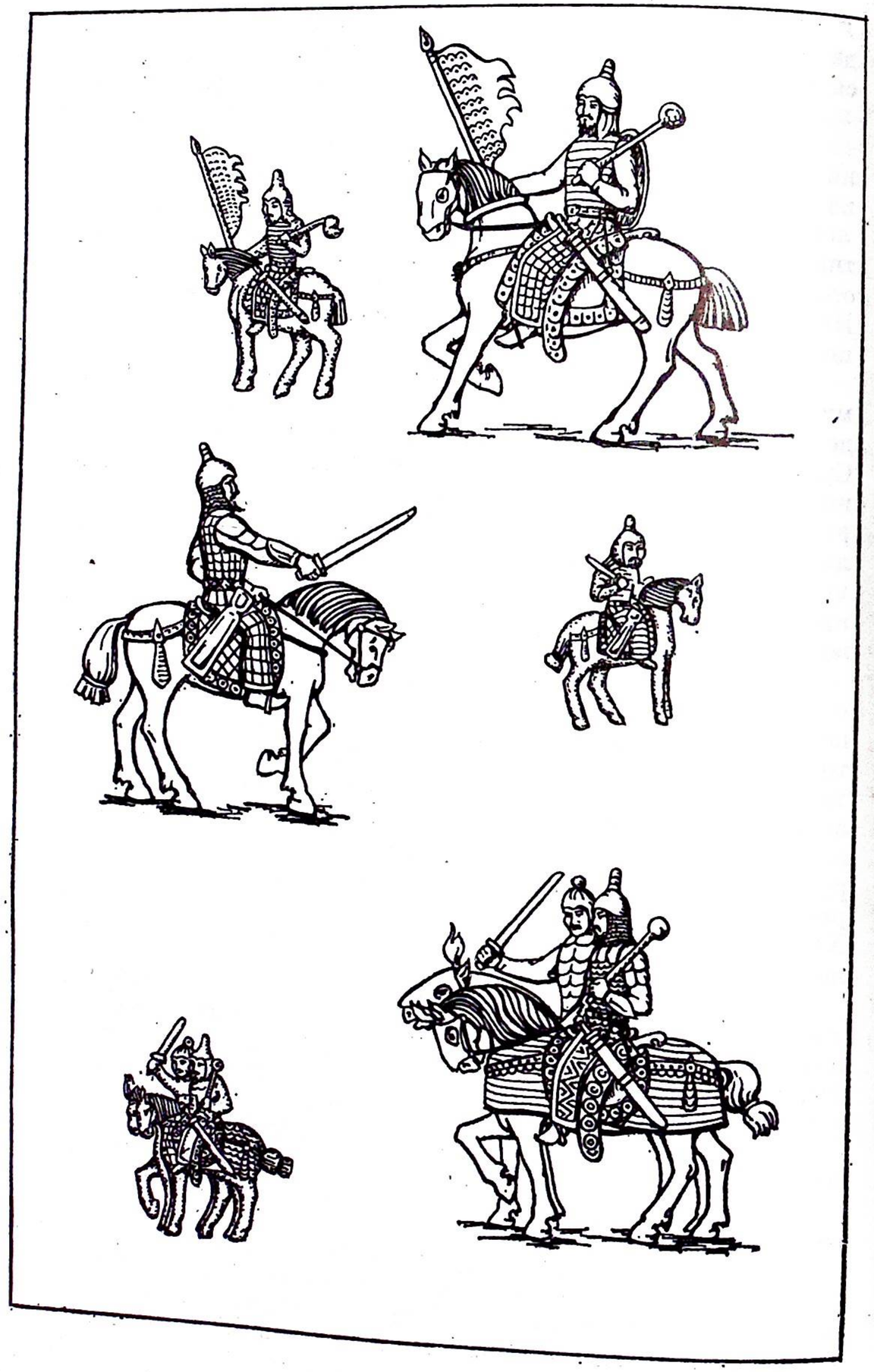
Древние тюрки пользовались календарем, основанным на двенадцатилетнем животном цикле, то есть солнечные годы именовались не по номерам, а по названию двенадцати животных, расположенных в строго определенном порядке. Памятники древнетюркской письменности датируют события по годам цикла. На территории Киргизии известен только один датированный памятник из Таласской долины. На нем читается год обезьяны *(пичин, бечин)* — девятый год цикла[28].

С календарем у тюрок было связано множество поверий. Махмуд Кашгарский, например, отмечал, что тюрки XI в. были убеждены, что «в год быка бывает много войн, ибо быки бодаются»[29]. Существует аргументированная гипотеза, что календарь, основанный на двенадцатилетнем животном цикле, уже использовался на рубеже н. э. в среде гуннов[30]. Недостатком такого календаря являлось отсутствие изначальной даты отсчета. Поэтому уже в раннем средневековье население Киргизии использовало летосчисления, где такие даты фиксированы твердо. В настоящее время известно три таких календаря.

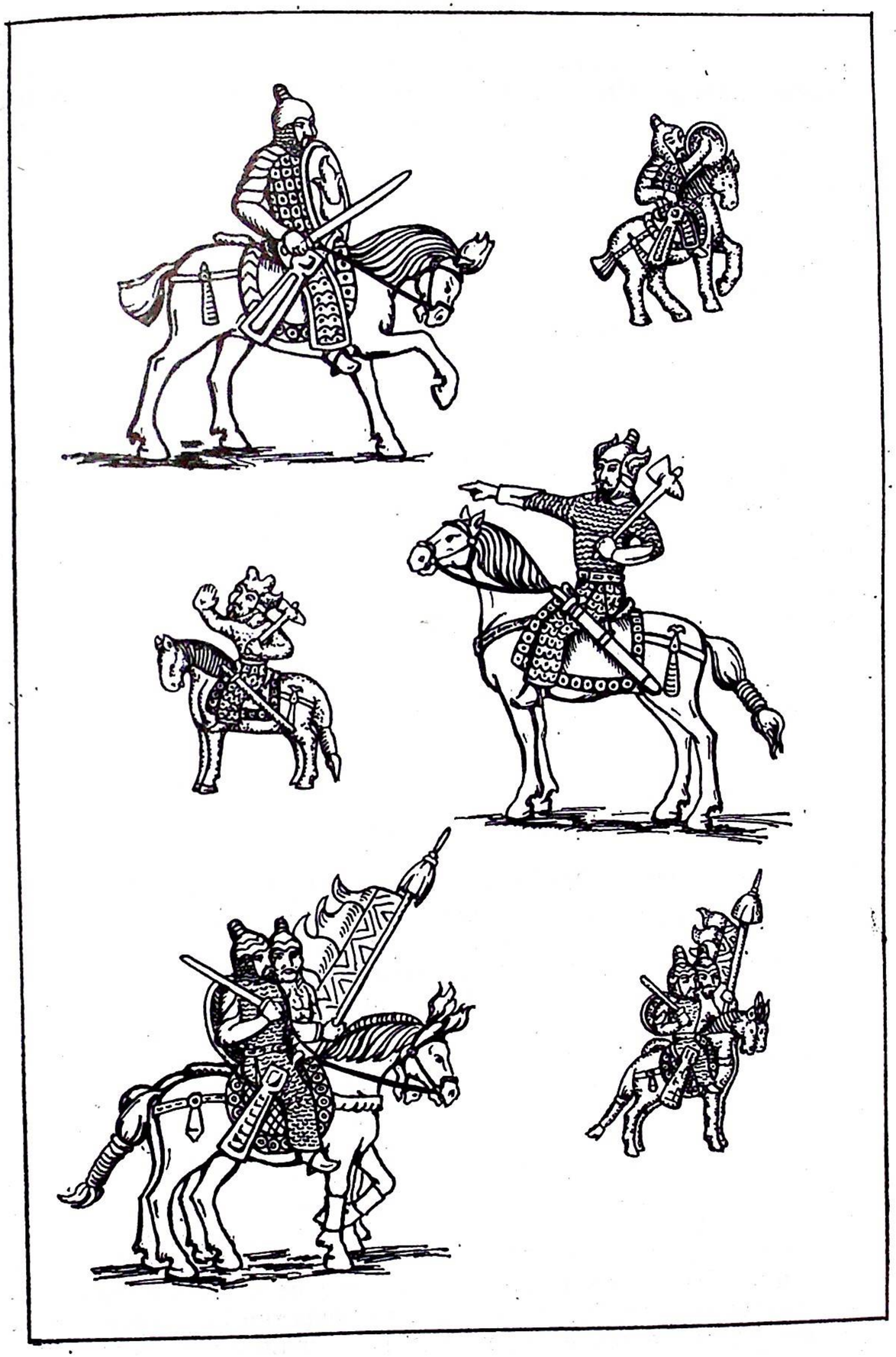
С распространением христианства несторианского толка в Чуйской долине и на Иссык-Куле связано использование летосчисления по эре полководца Александра Македонского — Селевка I Никатора. Селевкидская эра начиналась с 311 г. до н. э. Семиреченские тюрки, как и некоторые другие народы, называли ее «летосчислением хана Александра, сына Филиппа Македонца»[31]. Намогильные кайраки несториан, датированные по селевкидской эре, обнаружены близ г. Фрунзе, на Буранинском городище, на южном берегу оз. Иссык-Куль (у с. Покровка). Датируются они XII—XIV вв. Наиболее ранний из них, относящийся к концу VIII в., найден на Краснореченском городище.

В 1973 г. В. А. Лившиц обследовал и прочел надписи карахани-дских феодалов в ущелье Терек-Сай, недалеко от Таласа, выполненные согдийским курсивом в X—XI в. и датированные эрой Йездигерда. Она берет начало с 16 июня 632 г. н. э. и связана с вступлением на престол последнего шаха из династии Сасанидов. Это был солнечный календарь. Год длился 12 месяцев, имевших по 30 дней. К последнему месяцу ежегодно прибавлялось 5 дней. Первым днем нового года календаря Йездигерда был день весеннего равноденствия[32].

Наконец, третий календарь с твердо фиксированной датой начального отсчета начал использоваться населением Киргизии с распространением ислама. В Фергане это произошло в VIII в., в Таласе — в IX в., а в Семиречье и на Тянь-Шане — веком позже. Мусульманский календарь начинает отсчет лет со времени переселения *(хиджры)* пророка Мухаммада и его последователей



Древнетюркская тяжеловооруженная конница.



(По мотивам Аниковского блюда).

из Мекки в Медину, которое произошло в сентябре 622 г. Для мусульман хиджра стала знаменательным событием. Поэтому по повелению халифа Омара в 638 г. был введен календарь лунной хиджры. Исходной датой этого летосчисления считается пятница I мухаррама (16 июля) 622 г.[33]. Годами хиджры датированы все караханидские дирхемы, выпущенные на монетных дворах городов Киргизии XI—XII вв. (Узгенд, Куз-Орду, Барсхан, Шельджи). Клады таких монет, насчитывающие несколько тысяч экземпляров, найдены в с. Беловодское, г. Кара-Балта, близ Фрунзе. Летосчислением по хиджре датированы намогильные кайраки, найденные в Узгене, Шах-Фазиле, на городище Бурана, на северном берегу Иссык-Куля, а также, судя по надписям на порталах, мавзолеи караханидских правителей Узгенда и более поздний гумбез «Манаса».

Таким образом, уже в VI—XII вв. и позже тюркское и согдийское население Киргизстана использовало несколько систем летосчисления. Некоторые из них, например, двенадцатилетний животный цикл и селевкидская эра, употреблялись одновременно для двойной датировки надписей. Другие, такие, как официально принятая хиджра и эра Йездигерда, употреблялись параллельно, что объяснялось неудобством в пользовании лунной хиджрой в экономической жизни общества. В основе этого календаря лежал лунный месяц. Лунный год был на $10^7/_8$ суток меньше, чем солнечный. Поэтому начало года в мусульманском календаре постоянно смещалось и приходилось то на лето, то на зиму, что создавало неудобства в ведении сугубо сезонного сельского хозяйства.

2. Культура оседлого населения

Фортификация и городское строительство

Особое развитие в VI—XII вв. в Чу-Таласском регионе получила градостроительная культура. Большая часть поселений была основана согдийцами в традициях, издавна сложившихся в западных районах Средней Азии. Обязательной частью их была цитадель, представлявшая собой укрепленный замок. Возведение ее объяснялось, прежде всего, характерными для эпохи феодализма распрями, частыми набегами соседей-феодалов, а главное — необходимостью противодействия волнениям кочевых и оседлых низов против усилившегося феодального гнета.

Расположение цитадели в общем плане раннесредневекового города зависело от возможностей оборонительного характера. Обычно она сооружалась на высокой платформе или естественном холме, заметно возвышаясь над застройкой города. Как правило, на поселениях VI—X вв. она была отделена от основной части города широким и глубоким рвом и неоднократно перестраивалась, увеличивалась ее площадь, иногда возводились дополнительные башни. Связь цитадели с отдельно стоящими замками — особенность раннесредневекового города Средней Азии.

Краснореченская цитадель представляла собой пирамидальный в плане холм, возвышавшийся над поймой р. Чу на 20 *м*. Со стороны города в нее вел пандусный въезд. Все сооружения цитадели покоились на мощном глинобитном основании. В ходе раскопок выявлен ряд длинных узких комнат по краям цитадели, в центре — парадные и хозяйственные помещения. В течение VII—XI вв. комплекс, видимо, неоднократно перестраивался.

Сложную фортификацию имели собственно города-шахристаны. Широких археологических вскрытий на их территории не производилось. Однако частичные раскопки, а также инструментальные съемки планов городищ позволяют представить довольно плотную застройку шахристанов отдельными кварталами, выделить главные уличные магистрали, сохранившиеся в виде широких логов, идущих от ворот в крепостных стенах, городские площади, жилые массивы, магистральные каналы и городские хаузы. Наиболее изученные городища этого времени — Пенджикент и Отрар — позволяют судить о характере застройки и социальной структуре городов. В центре обычно располагались дворцовые сооружения, общественные здания, храмы, базары, дома знати, зажиточных ремесленников и купцов. Ближе к окраинам теснились дома беднейших слоев населения.

Крупные города имели по 2—3 шахристана, сформировавшихся в разное время. Они обносились крепостными стенами и рвами. Так, Краснореченское городище имело два шахристана. Шахристан-I с пятиугольной ломаной линией крепостных стен занимал площадь 46 *га*. В южной стене его были устроены два въезда. Два пандусных въезда имелись также с восточной и северной сторон, а также со стороны поймы р. Чу. С юга и запада шахристан-I соединялся дамбой с шахристаном-II, имевшим площадь 19 *га*. Эта часть городища является наиболее ранней. Обе части города объединены общей системой оборонительных стен со рвом. Особенно глубокий и широкий (до 50 *м*) ров тянется вдоль южной и западной стен шахристана-II. Стены сохранили следы башен и предвратных сооружений. Крепостная стена шахристана-II была глинобитной. Ширина ее по основанию была 12,3 *м*, высота достигала 15 *м*. С запада к шахристанам примыкал некрополь. Он состоял из отдельных групп погребальных построек, семейных усыпальниц в виде склепов и наусов и других могил разной конструкции. Некрополь был огорожен дополнительной стеной и занимал площадь около 5 *га*.

Шахристаны и некрополь окружали замки, сохранившиеся от более древних времен, а также отдельные усадьбы средневекового времени, жилые дома земледельцев и ремесленников. Здесь же располагались храмы и другие культовые постройки различных религиозных общин. В этой пригородной части селились прибывающие из других мест поселенцы и оседавшие кочевники. К X—XI вв. площадь города составляла почти 20 кв. *км*. К нему примыкали обрабатываемые поля, сады, виноградники, пастбища,

огороды с хозяйственными строениями, также обнесенные оборонительными валами. Подобную схему городской застройки имели крупные поселения не только Чуйской, но и Таласской долины и отчасти Иссык-Кульской котловины[34].

Иначе выглядела застройка городов, возникших в более позднее время и развивавшихся в иных исторических условиях, что отчетливо прослеживается на топографии Буранинского городища, отождествляемого с Баласагуном. Этот город не имел цитадели. Центральные развалины, которые можно сопоставить с шахристаном, расположены на левом берегу горного сая и имеют форму неправильного четырехугольника, с протяженностью стен в 570—600 *м*. Застройка его необычна: в центре размещалось монументальное дворцовое здание, рядом — мечеть с минаретом, вокруг которых впоследствии стало формироваться династийное кладбище. Остатки трех мавзолеев и других культовых сооружений открыты здесь в ходе археологических раскопок в 1970—1974 гг. Вдоль крепостных стен сохранились следы жилых построек. Через «шахристан» проходил магистральный канал, значительную площадь его занимал сад.

За пределами центральных развалин располагались дома горожан, ремесленные мастерские, общественные здания, караван-сараи и другие постройки. Большое количество холмов в четырехугольных оградах сохранилось до настоящего времени. Это — дома в усадьбах, принадлежавших феодальной знати. Вся территория городской застройки с прилегавшими к ней свободными площадями была заключена в два кольца глинобитных оборонительных стен. Толщина их была от 3 до 7 *м*.

В градостроительной культуре средневекового Киргизстана особую категорию построек составляют так называемые торткули — укрепленные поселения с незначительными культурными наслоениями. Они существовали со второй половины I тысячелетия н. э. на протяжении ряда столетий, как в долинах, так и в предгорьях. Большая часть их была сконцентрирована, как правило, вокруг больших городов. Жизнь в этих укреплениях носила, по-видимому, сезонный характер. Одни из них служили караван-сараями на трассе торгового пути, другие принадлежали скотоводческому населению. Большинство исследованных торткулей в Иссык-Кульской котловине и Кетмень-Тюбинской долине относятся к X—XII вв., когда развитие производительных сил феодального общества привело к значительным изменениям в хозяйстве и образе жизни населения Тянь-Шаня. Торткули имели небольшую площадь. Сырцово-пахсовые стены по углам иногда фланкировались башенками и были окружены рвами.

Крупным городом-крепостью в Центральном Тянь-Шане был Атбаш. Уже в VIII—IX вв. он упоминается в письменных источниках как ставка тюркских феодалов. К подобному роду крепостей относится поселение Ширдадбек, возникшее в VII в. на р. Алабука. Эти города имели довольно развитую фортификацию

в виде мощных, сложенных из кирпича-сырца и пахсы стен и башен, выступавших через каждые 70—80 *м*. В караханидский период число таких городов заметно возросло.

Довольно распространенными для Тянь-Шаня и Семиречья являются укрепления, принадлежавшие оседло-земледельческому населению, в хозяйстве которого большое значение имело скотоводство. К стенам этих поселений примыкали дополнительные территории, зачастую превышавшие по площади застроенные участки. Они служили загонами для скота.

Об архитектурном облике раннесредневековых городов Киргизии данных мало, так как постройки этого времени погребены под слоями более поздних. Однако письменные источники и данные археологии свидетельствуют о значительных переменах в застройке городов государства Караханидов. Возникают новые городские центры и площади; ремесло и торговля концентрируются теперь в бывшем пригороде, а на месте старых замков появляются новые, более благоустроенные дома. Роль цитаделей, как мест пребывания правителей, падает. Часть из них в X—XI вв. уже находилась в запустении.

Архитектура общественных и культовых зданий стала существенно отличаться от построек подобного типа предшествующей эпохи. Зодчество и прикладное искусство развиваются в соответствии с канонами ислама и общим направлением архитектуры стран «мусульманского Востока». Особое развитие получили культовые комплексы в центре города. Зодчие научились не только решать сложные градостроительные задачи, но и нашли новые композиционные приемы, позволявшие создавать гармоничные ансамбли из разнохарактерных и даже разновременных зданий.

Архитектурное ядро комплексов состояло из монументальных построек, располагавшихся компактно или по краям площадей. Ансамблевую застройку имели все крупные города средневекового Киргизстана: Баласагун (Бурана), Ош, Узгенд, Испид-Булан (с. Гулистан) и другие. Они сохранили до наших дней великолепные памятники монументального и мемориального зодчества.

Письменные источники и археологические данные позволяют говорить о том, что средневековые города были достаточно благоустроены. Раскопанные участки на ряде городищ показывают, что улицы и площади были вымощены булыжником или посыпались мелкой галькой, а хаузы и дворы в домах выкладывались кирпичом или камнем. Можно полагать, что как и в других наиболее изученных археологически городах Средней Азии, они являлись главными линиями коммуникаций и служили местом сосредоточения хозяйственной жизни средневековых городов. Вдоль уличных магистралей располагались производственные и торговые постройки; выделяются проезжая часть улиц и тротуары[35].

Продуманным было водоснабжение городов. Отмечая обилие садов и пашен в ферганских поселениях, Ибн Хаукаль и ал-Истахри сообщали о множестве проточных каналов. По сведениям

ал-Мукаддаси, в Узгенде «вода подходит ко всем частям города». Для ряда поселений открыты своеобразные системы водопроводов и водоразборных каналов от главных водных артерий — рек, текущих с гор. Арыки шли вдоль улиц, к домам вода поступала по керамическим трубам — *кубурам,* многометровые линии которых прокладывали под землей. Полуторакилометровая линия такого водопровода была открыта в средневековом Испид-Булане. От Чанач-Сая вода поступала в цитадель и шахристан по цепочке кубуров, вставленных друг в друга и уложенных в довольно глубокие траншеи, шириной до 70 *см.* Трубы по бокам закрепляли камнями, швы между ними заделывали глиной. Питьевая вода поступала и в городской хауз близ мечети, тщательно оштукатуренный водонепроницаемым ганчем поверх кирпичной кладки бассейна. Подобные линии водопроводов открыты на ряде поселений, расположенных в предгорьях юго-западных районов Ферганы (Кара-Булак, Катран и другие), что свидетельствует о высокой культуре городов не только в долинах, но и в горных районах.

Исследователи культовой архитектуры отмечают особую роль проточной воды в древних храмах[36]. По-видимому, это характерно и для более позднего времени. Через двор Ак-Бешимского буддийского храма проходил арык; в системе построек Краснореченского (второго) храма до наших дней сохранились бассейн с родниковой водой и следы арычной сети.

О санитарных условиях раннесредневекового города пока данных мало. В домах горожан X—XII в., как свидетельствуют письменные источники и данные археологии, нередко устраивались отводные каналы для сточных вод и водопоглощающие колодцы. В зданиях имелись специальные гигиенические комнаты с резервуарами, заполненными частично гравием; под полом устанавливали хумы без дна.

В каждом доме имелась система вентиляции и отопления. При раскопках городищ выявлены очаги прямоугольной и овальной конструкции, напольные и пристенные, вмонтированные в суфы и в специальные пристройки, служившие для обогрева помещений, приготовления пищи и выпечки хлеба. Довольно широкое распространение получила такая система отопления и обогрева помещений, как каны, когда горячий воздух из топки проходил по специальным каналам, устроенным в стенах, суфах или под полом. С помощью канов отапливались жилые комнаты в привратной половине Ак-Бешимского монастыря IX в. и дом в усадьбе, раскопанный на Буранинском городище и датированный XI в.[37]. Распространены были и переносные очаги.

Источники отмечают повсеместное распространение в согдийских городах бань уже с VIII в. Однако в семиреченских и ферганских поселениях они стали известны несколько позднее; уровень городского благоустройства был связан с общим подъемом экономики и культуры средневекового города.

Жилая архитектура

От раннего средневековья до наших дней сохранились только такие типы жилья, как замки. Они были довольно широко распространены в Средней Азии и Южном Казахстане. Об этом сообщают арабские и персидские географы. По сведениям Наршахи, семьсот замков построили в окрестностях Бухары выселенные туда из города купцы. По словам Йакуби, в области Уструшана, куда входила и часть современной Юго-Западной Киргизии, было четыреста укреплений — замков дихкан[38]. Бóльшую часть этих кешков археологи относят к V—VII вв.

Традиция замковой архитектуры была привнесена в Семиречье переселенцами из Согда, а также других областей Средней Азии. Замковые сооружения представляли собой монументальные здания, возведенные на искусственных возвышениях — платформах из пахсы и крупного сырцового кирпича. Постройки имели два или три этажа с множеством узких полутемных помещений, коридоров, покоев. Нижний этаж замков представлял комплекс из 6—8 длинных комнат, стены которых имели толщину до двух и более метров. Верхние этажи перекрывали своды из сырцового кирпича. Нижние этажи освещались через специальные люки в сводах или с помощью светильников. В некоторых замковых постройках нижние этажи не имели наружных выходов. Наклонный вход или перекидной мостик вел на второй этаж, а оттуда по лестнице можно было попасть в комнаты нижнего этажа. Остатки двух таких сооружений раскопаны на Краснореченском городище А. Н. Бернштамом и П. Н. Кожемяко.

К замку обычно примыкал обширный двор, обнесенный глинобитной стеной. Стены были глухими, местами снабженными щелевыми оконцами. Гребни стен были увенчаны уступчатым парапетом, откуда можно было вести обстрел. Весь облик постройки свидетельствовал о том, что это было не только жилое, но и оборонительное сооружение.

Несколько замков и усадеб было вскрыто Г. А. Брыкиной и Ю. Д. Баруздиным в Фергане. Ранние постройки, как правило, скрыты под наиболее поздними. По данным археологических исследований, жизнь продолжалась здесь на протяжении нескольких столетий. К их числу можно отнести замки Ак-тепе, Чишго, так и для сельского жилища, характерны компактность плана тепе, усадьбу Кайрагач, Тепе-Коргон и другие. Как для городскои четкое разграничение помещений на хозяйственные, общественные и культовые. Основу планировки жилища составляло деление его на две половины коридором; характер внутренней планировки усадеб был различным[39].

В последующие века жилая замковая архитектура получает дальнейшее развитие и претерпевает планировочно-строительные изменения. Верхний этаж перестраивали, а нижний забутовывали, превращая его тем самым в своеобразный стилобат. Стены нередко заново украшались росписями и резьбой по глине и ганчу,

декоративными нишами и ложными арками. Внешний вид согдийских замковых сооружений запечатлен в росписях Пенджикента и на знаменитом серебряном Аниковском блюде. На последнем изображен замок башенного типа двухъярусной конструкции, покоящийся на мощном пахсовом основании. По оси здания обозначен арочный входной проем, архивольт которого опирался на пристенные угловые колонки. Стены первого этажа замыкали сомкнутые полуколонны, сверху перекрытые перспективными арочками. Верхняя линия первого этажа подчеркнута трехступенчатыми зубцами и угловыми деревянными балкончиками. Фасад второго этажа более узок, его венчает арочная галерея. С большой точностью и выразительностью переданы общие пропорции здания и его архитектурные детали. Последнее наиболее характерно для поселений согдийцев.

Лучше изучено домостроительство X—XII вв. Около десятка жилых домов вскрыто в разное время на Краснореченском и Бурапинском городищах, Кара-Булаке, в Узгенском оазисе. Одни из них представляли собой дворцового типа дома аристократии, другие — весьма скромные — дома ремесленников и земледельцев, сохранившие следы ремонта и перестроек.

Дома зажиточных горожан были более удобны для жилья, нежели замки. Организующим центром был внутренний дворик, вокруг которого располагалось 10 и более комнат различного назначения. Общая площадь такого дома иногда превышала 200—300 кв. *м*. Его отличала богатая отделка интерьера, высокое строительное мастерство. Комнаты освещались окнами с алебастровыми решетками, ячейки которых заполнялись стеклянными дисками, иногда в цветном сочетании. Дверные проемы оформлялись сводчатыми арками, часть помещений имела сводчатые перекрытия.

Дома ремесленников, как правило, находились внутри небольшого двора и состояли из 5—8 комнат, одна часть из которых предназначалась для жилья, а другая — под мастерские и складские помещения. Характерен в этом отношении дом, расположенный в усадьбе городского квартала Краснореченского городища. Со двора вход вел в коридор, который делил его на хозяйственные и жилые помещения. В центре располагался зал для трапез. Вдоль стен тянулись суфы. Дом имел глинобитные полы и плоское каркасно-земляное перекрытие. Другой из расчищенных домов сохранил богатую резную штукатурку по ганчу и сырой глине в парадных комнатах и пол, вымощенный жженым кирпичом. Принадлежал он, очевидно, ремесленнику-керамисту.

Дома бедных горожан отличались небольшими размерами. Состояли они в основном из одной — двух комнат и пристроек, которые включали тамбур и хозяйственное помещение. Стены выложены из пахсы с применением сырцового кирпича, полы глинобитные, перекрытие плоское. Небогат и инвентарь в доме.

Остатки глинобитных стен жилого комплекса, вскрытого на Кара-Булаке, имели четырехметровую высоту. В основе планировки здания лежит деление его параллельными стенами на удлиненные в плане комнаты, чередующиеся с квадратными. Комнаты площадью 10—20 кв. *м* сообщались между собой дверными проемами. В течение XI—XII столетий здание неоднократно перестраивалось, хотя принцип первоначальной планировки сохранялся[40].

Стремление к узорному убранству пронизывало быт всех слоев средневекового общества — от правителей и знатных горожан до ремесленников и земледельцев. Резные штуковые панели великолепно сочетались с росписью стен и резьбой по глине фризов, декоративных рам и панно. Среди орнаментальных композиций средневековья ведущее место занимают сложные геометрические узоры — *гирихи*. Растительно-цветочные мотивы, известные еще с древних времен, также начинают подчиняться линейным построениям и в орнаментальной трактовке теряют связь с реальным растительным миром. Излюбленным узором становится цветущий побег — *ислими*, широко вводится эпиграфический (буквенный) орнамент.

Архитектурное украшение зданий было органически связано со строительным материалом и конструкциями. Оно выполнялось преимущественно из того же материала, из какого возводились постройки. Таким строительным материалом в Киргизии, как и во всей Средней Азии, служили лессовая глина и ганч. Часто мастера оживляли гладь степы кладкой кирпича на ребро, создавая определенный рисунок. Так зародилась система фигурной кладки, перенесенная затем на жженый кирпич. Располагая кирпичи вертикально, плашмя или выдвигая их из общей кладки, художники достигали разнообразных орнаментальных и световых эффектов. Кроме того, кладка кирпича на ребро служила и антисейсмическим приемом. С XI в. широко вводится резной и шлифованный кирпичик — прообраз архитектурной терракоты, нашедшей широкое применение с рубежа XI—XII вв.

Никакая иная область архитектурного декора не стояла так близко к народному ремеслу, как резьба и роспись по ганчу. Неудоемкая по исполнению, она впечатляла белизной фактуры и кружевом резьбы. Выполненная в различных планах, при солнечном освещении резьба давала живописную игру светотеней. Но ганч быстро портился от дождей и ветров, поэтому для наружных облицовок стали применять новый вид декора — резную терракоту. Известные с древнейших времен приемы резьбы по высушенной глине с последующим ее обжигом послужили основой для развития этого вида декоративно-прикладного искусства. С XII—начала XIII в. в декоративном оформлении жилых и культовых сооружений применяются поливные кирпичики и изразцы, которые давали возможность обогатить цветовую гамму. Позже глазурованный кирпич и специальные плиты использовались для мо-

щения полов и панелей, так как являлись более прочным материалом, нежели ганч и глина.

Культовые и погребальные сооружения раннего средневековья

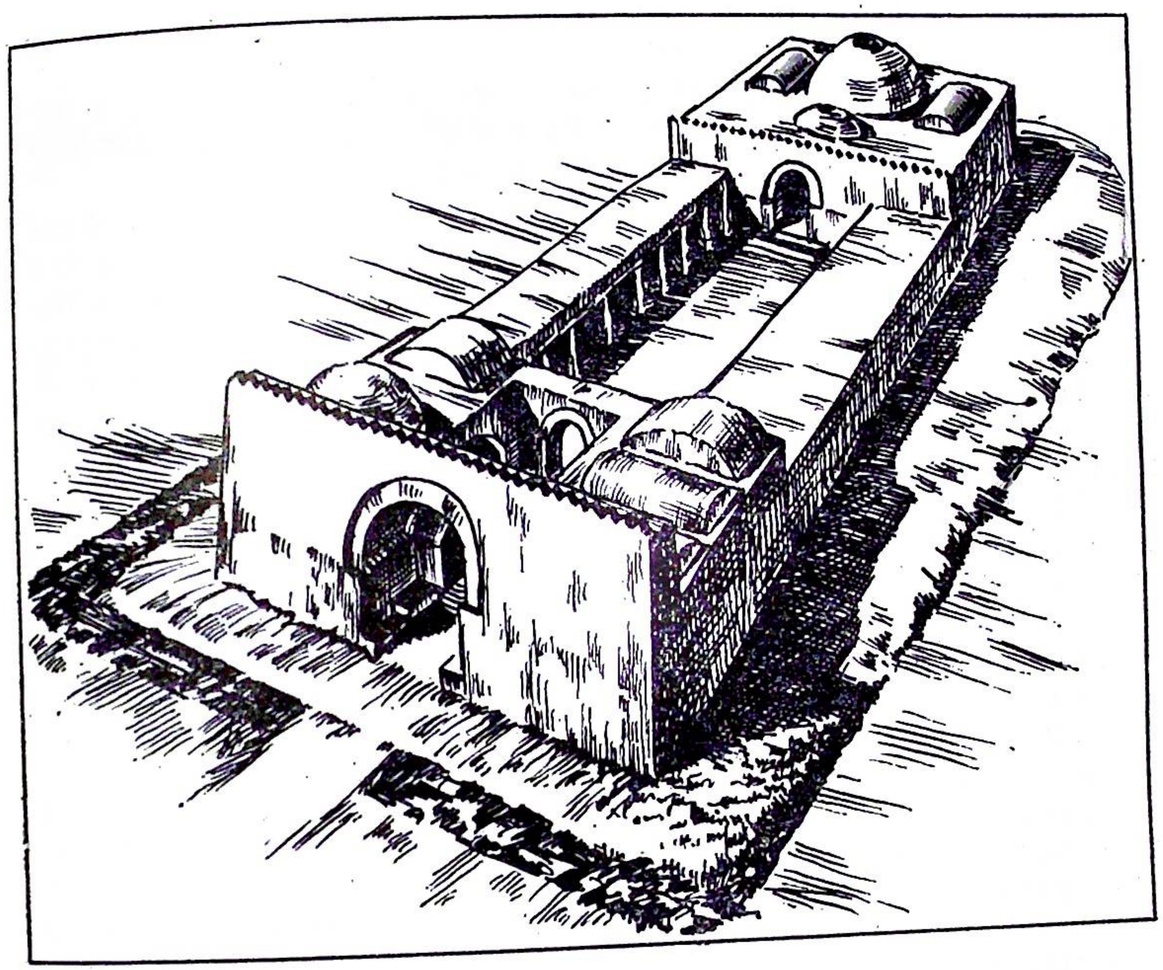
Многообразие верований в период раннего средневековья породило различные типы архитектурных сооружений и погребальных комплексов. В Семиречье открыты буддийские храмы и монастыри, христианские (несторианские) церкви, зороастрийско-маздеистские наусы, по источникам известны языческие капища, храмы тюрков.

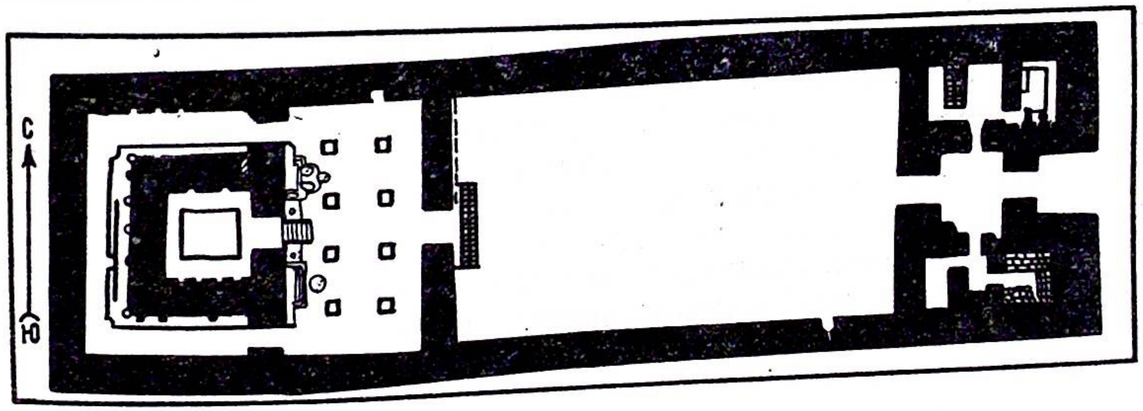
Буддийские постройки в разное время были раскопаны на городищах Ак-Бешим, Красная речка, Новопавловском и близ г. Фрунзе. Полностью вскрыты остатки двух храмов на Ак-Бешиме (1953—1957 гг.) и частично — на Краснореченском[41] (1961 г.). Они имеют некоторые отличия в общей планировке, но одинаковы в основной своей части. В храмовый комплекс входили такие элементы, как внутренний двор, святилище с обводным коридором, жилые и хозяйственные помещения. Все сооружения сложены комбинированной кладкой из сырцового кирпича и пахсы.

Так называемый первый буддийский храм Ак-Бешима датируется концом VII — началом VIII в. Он представлял собой замкнутый в плане прямоугольник, включавший квадратное святилище и галерею, предназначенные для богослужения, восьмиколонный зал с плоским перекрытием, большой двор и шесть привратных сооружений. Со двора в храм вела трехмаршевая лестница. По сторонам от входа в святилище устроены ступенчатые постаменты, где на листовидных возвышениях находились скульптуры будд. Суфы со скульптурами имелись и в обводной галерее. В систему привратных жилых помещений была включена квадратная в плане часовня, имевшая купольное перекрытие; другие помещения были перекрыты сводами. Портальную нишу перекрывала арка.

Весьма существенно от первого отличался по своей планировке второй Ак-Бешимский храм. Он имел крестообразное в плане святилище и два обводных коридора. Вдоль стен главного входа были сооружены суфы, на которых размещались глиняные скульптуры. Постаменты со скульптурами были и в нишах святилища; перед центральной нишей устроен невысокий алтарь. Все элементы храма связаны внутренним двориком, главный вход оформлен пилонами. По мнению Л. П. Зяблина, святилище было перекрыто бревенчатым накатом в виде шатра. Храм датируется VI—VII вв.

С 1979 г. продолжаются раскопки на остатках первого буддийского храма Краснореченского городища, начатые в 1940 г. А. Н. Бернштамом. В 1961—1963 гг. из обводной галереи храма П. Н. Кожемяко извлек колоссальную скульптуру усопшего Будды высотой 8 *м* и шириной торса 1,5 *м* (без головы и плеч), покоившуюся на суфе метровой высоты. В настоящее время расчи-





Первый буддийский храм. Ак-Бешим.
(Реконструкция по Л. Р. Кызласову).

щены святилище, три обводных коридора и айван с восточной стороны. Краснореченский храм, по-видимому, аналогичен первому Ак-Бешимскому и датируется тем же временем — VII—VIII вв.

Разнообразием отличалась буддийская скульптура. Серию скульптурных произведений дают Ак-Бешимские храмы и Краснореченский. Большая часть их изготовлена из глины на камышово-деревянном каркасе (крупные статуи) и без каркаса — мелкие. Все скульптуры были окрашены. При формов-

ке их часто применяли штамп. В районе Ключевского городища найдены отштампованные части лица одного из охранителей Будды — докшита. Скульптуры размещались на постаментах, в нишах, на лежанках-суфах. Размер их колеблется — от гигантских до половины натурального роста человека и меньше.

Настенная живопись и скульптура в буддийских постройках была не просто составной частью архитектуры, а выступала и как самостоятельная отрасль искусства. Она повествовала о жизни богов и эпических героев, была тесно связана с религиозными представлениями. Росписями и живописью покрывались большие плоскости стен. Можно отметить разнообразные изображения божеств, светских персонажей, отдельных предметов и декоративных элементов. Характерной чертой украшений храмов, монастырей и домов буддистов являются росписи «малых форм». Однако встречены и такие, как сцены похорон Будды, запечатленные на фресках одного из домов горожанина на Краснореченском городище и в храме, открытом А. Н. Бернштамом на Ключевском городище[42].

Искусство буддийских общин Семиречья уходит своими корнями в культуру Индии, откуда через Бактрию — Тохаристан проникло в Семиречье и далее — в Восточный Туркестан[43]. Многое в нем — от поздней античности Средней Азии, но вместе с тем раннесредневековый период ознаменован становлением новых художественных форм и направлений. В скульптурной пластике господствуют канонизированные статуарные образы. Лица будд по-прежнему широкие, с мягким овалом лица, полуопущенными веками, с оттянутыми мочками. Но очерк глаз уже иной — они утрировано удлинены. Во всем стиле изображений выявляются новые черты[44].

К раннесредневековому буддийскому искусству относятся и отдельные находки резаных по камню скульптур, лотосов, подолок. Известны каменные архитектурные детали и ритуальные сосуды. Плита из песчаника с рельефными изображениями Будды и бодисатвы, обломки гранитного постамента в виде лотоса со ступнями ног Будды, изображения черепах и скрещенных лап мифического существа Гаруды (птицы-человека) — вот далеко не полный перечень находок на городищах Северной Киргизии, часть которых относится к индийскому импорту.

Из горного сланца сделан найденный на Новопокровском городище (Кантский район) фрагмент миниатюрного горельефа с изображением Будды и донаторов на фоне здания. В центре композиции — фестончатая арка, изображения коленопреклоненных мужчин и женщин в широких одеждах с подношениями. Широкие прямые носы, разлет бровей и сама передача эмоционально-психологического состояния действующих лиц сближают их с персонажами буддийских памятников кушанской Бактрии.

В интерьер буддийских храмов входят и различные металлические изделия из бронзы и серебра, чаще с позолотой и инкрустацией. Так, в первом Ак-Бешимском храме найдены три типа

пластин иконостаса диаметром 8—10 *см*. На пластинах первого типа в центре изображены сидящие на лотосе Будда и две коленопреклоненные бодисатвы, обрамленные бордюрами в виде розеток, растительных завитков и листьев лотоса. На пластинах второго типа запечатлен Будда, сидящий на лотосе, украшенном бирюзовыми вставками. Третий тип пластин — с изображением мужского и женского божеств с верблюжонком в руках.

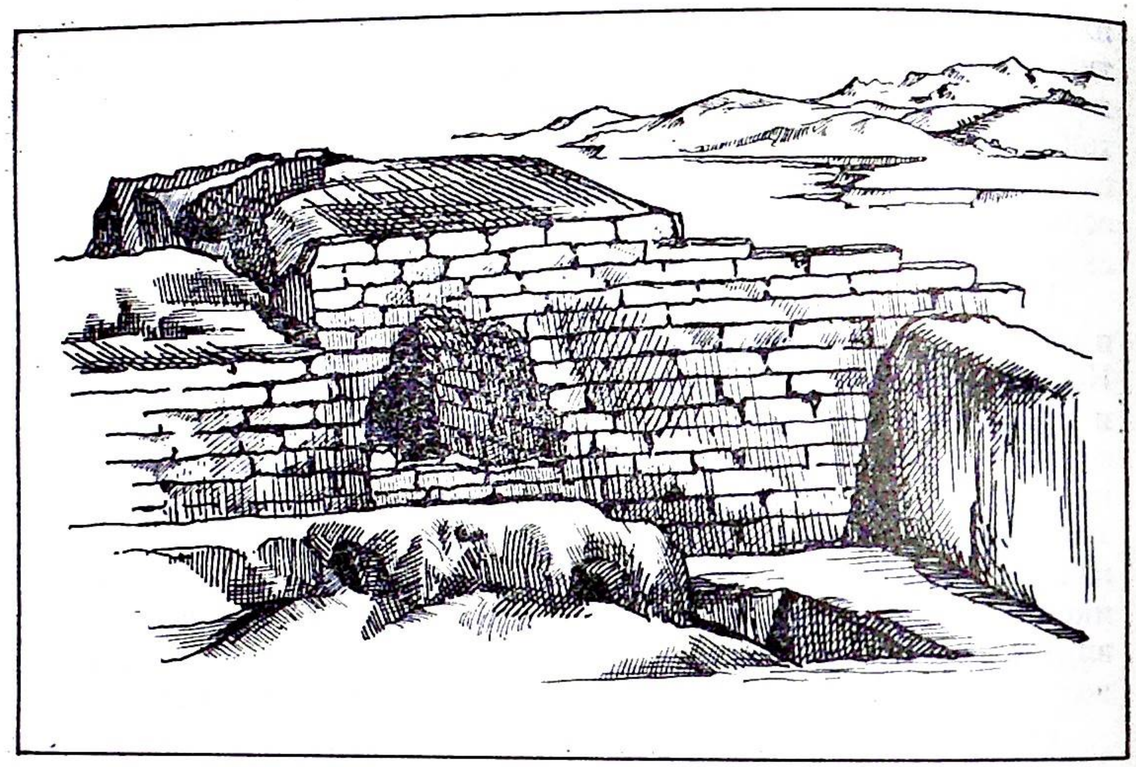
Комплекс бронзовых позолоченных скульптурок индийского импорта происходит из буддийской постройки VIII—IX вв. на Новопокровском городище. Фигурки бодисатв разных размеров и профилировки, высотой от 5 до 17,5 *см*, изображены на стилизованных лотосовидных основаниях, оканчивающихся штырем для крепления на твердой основе. Одежда передана складками, на груди — украшения в виде ожерелий и гирлянд, в руках — различные атрибуты, характерные для индо-буддийской иконографии. Одна из скульптур представляет сложную композицию: Будда на троне в окружении божеств и различных символов. На обороте по краю проходит индийская надпись.

О храмовой архитектуре христиан-несториан Семиречья дает представление церковь, открытая на городище Ак-Бешим в северо-западной части шахристана. В плане — это прямоугольное сооружение с арочным проемом входа. Большую часть церкви занимал двор с айваном, огороженный стеной. В восточной стороне комплекса находилась сама церковь, квадратная в плане и перекрытая куполом. К ней была пристроена крещельня. Стены здания сложены из пахсы и сырца и расписаны яркими красками.

Небольшая по размерам, простая по форме церковь была одного типа с более крупной и парадной несторианской церковью V—VI вв. в Мерве (Хароба-Кошук). В отличие от храмовой христианской архитектуры Ближнего Востока, в Средней Азии сложился особый тип церкви: здесь неф заменен открытым двором, что составляет характерную черту местного церковного зодчества[45].

К культовым сооружениям доисламского времени относятся и некрополи, открытые на Ак-Бешиме и Краснореченском городище. Помимо фамильных усыпальниц — наусов и камер, на территории некрополя размещались храмы и культовые помещения.

Наусы группировались отдельными скоплениями вдоль крепостных стен, окружавших «город мертвых». Наусы Краснореченского городища представляли собой однокамерные и двухкамерные постройки из глины и сырцового кирпича, перекрытые сводами или куполами. В Краснореченских наусах впервые для этой категории построек в Семиречье выявлены подкупольные конструкции в виде тромпов. Они еще не выделены в отдельный ярус, а вкомпонованы в оболочку купола, и представляют собой архаичную форму купольных перекрытий.



Наус. Красная речка.

В наусы, как правило, вел длинный и узкий лаз, заложенный кирпичом. Площадь этих своеобразных мавзолеев была разной — от 1,5 до 10 кв. *м*. В наусах находились оссуарии, хумы с человеческими костями и захоронения, совершенные по обряду трупоположения. В наусе Ак-Бешимского некрополя были обнаружены преимущественно черепа.

Многокамерный наус VIII—IX вв. раскопан в 1978 г. на Краснореченском городище. Он располагался вне стен некрополя, за пределами шахристана и, по-видимому, во дворе усадьбы. Постройка имела квадратный план и стены длиной 12,3 *м* по внешнему фасу. Вход в него оформлен выступающими пилонами, к которым подведен пандус со двора. Центр науса занимал большой коридор, по сторонам которого располагалось по три камеры. Проходы-лазы в них, оформленные арками, были заложены сырцовым кирпичом, внутри камер обнаружены костные останки погребенных, сложенные кучками. Все здание перекрывалось системой сводов.

Аналогичные Краснореченскому наусу постройки открыты в Пенджикенте (V—VII вв.), а также на юге Таджикистана и Узбекистана, относящиеся к кушанской эпохе[46].

Зодчество городов и селений Семиречья и Ферганы IX—X вв. продолжало развиваться в традициях предшествующей раннесредневековой архитектуры, только совершенствовались формы и конструкции. Именно с этого времени на основе местной среднеазиатской государственности, мощного субстрата архитектурно-строительных традиций и новой идеологии (ислама) сформировалась

основа архитектурной типологии, развивавшейся в последующее тысячелетие вплоть до начала XX в.[47]. Дальнейший прогресс строительного искусства, обновление форм и совокупность выработанных при этом приемов составили единый для всей Средней Азии стиль с локальными оттенками, обусловленными спецификой развития местных архитектурных направлений. Со временем локальная специфика принимала все более зримые и конкретные черты, что позволило ученым выделить зодчество Киргизии в XI—XII вв. в самостоятельную фергано-туркестанскую архитектурную школу[48].

Большое значение для развития средневековой монументальной архитектуры и искусства имело введение государственной религии — ислама. Повсеместно начинается строительство зданий, связанных с отправлением мусульманской религии. При этом на месте старых храмов, как свидетельствуют письменные источники, передко возводились мусульманские мечети.

Минареты

В архитектурной композиции феодального города большую роль играли высокие башни — минареты мечетей, как бы приводящие в зрительное соподчинение все ансамбли. Минареты, с которых призывали на молитву, стали характерным атрибутом исламского обряда, а соборная мечеть олицетворяла духовное единство членов городской общины. Арабо-персидские источники уже с X в. перечисляют десятки городов с мечетями на территории современной Киргизии, однако до нас они не дошли. Сохранившиеся Буранинский и Узгенский минареты некогда принадлежали таким же соборным мечетям столичных городов государства Караханидов. Они возвышались до 40—50 *м* над окружавшей их застройкой. Стройное цилиндрическое тело минаретов членилось горизонтальными поясами орнаментальной кладки кирпича в сочетании с резным ганчем (Узгенд). Внутри минаретов заключена винтовая лестница для подъема на верхнюю площадку, откуда провозглашался *азан* (призыв верующих на молитву). Оба памятника относятся к типу одноразвенных с нависающим фонарем минаретов, характерных для Мавераннахра и Ферганы[49].

Буранинский минарет был сооружен во вновь отстроенном городе в конце X или начале XI в., в период массовой исламизации тюрков Семиречья. Это наиболее ранний из всех сохранившихся памятников монументальной башенной архитектуры Средней Азии; он иллюстрирует достаточно высокий уровень строительного ремесла и техническо-инженерную мысль зодчих. В Узгенском минарете, построенном примерно на столетие позже, наблюдаются более совершенная техника и изящная декорация. В деталях архитектуры и декоративного оформления он перекликается с Бухарским минаретом Калян (1127 г.). Со времен средневековья и вплоть до нового времени рядом с минаретом функционировали мечеть и медресе, которые по описанию Джамал ал-Карши (XIII в.), входили в единый ансамбль.

Мавзолеи

Наиболее ранние усыпальницы над могилами особо почитаемых лиц, обнаруженные на территории Киргизии, датируются рубежом XI—XII в., хотя в Мавераннахре они получили распространение уже в IX в. Новые открытия советских археологов в Средней Азии позволяют сделать важные заключения о генезисе центрического мусульманского мавзолея: от храмов огня или святилищ буддийских храмов (III—VII вв.)[50].

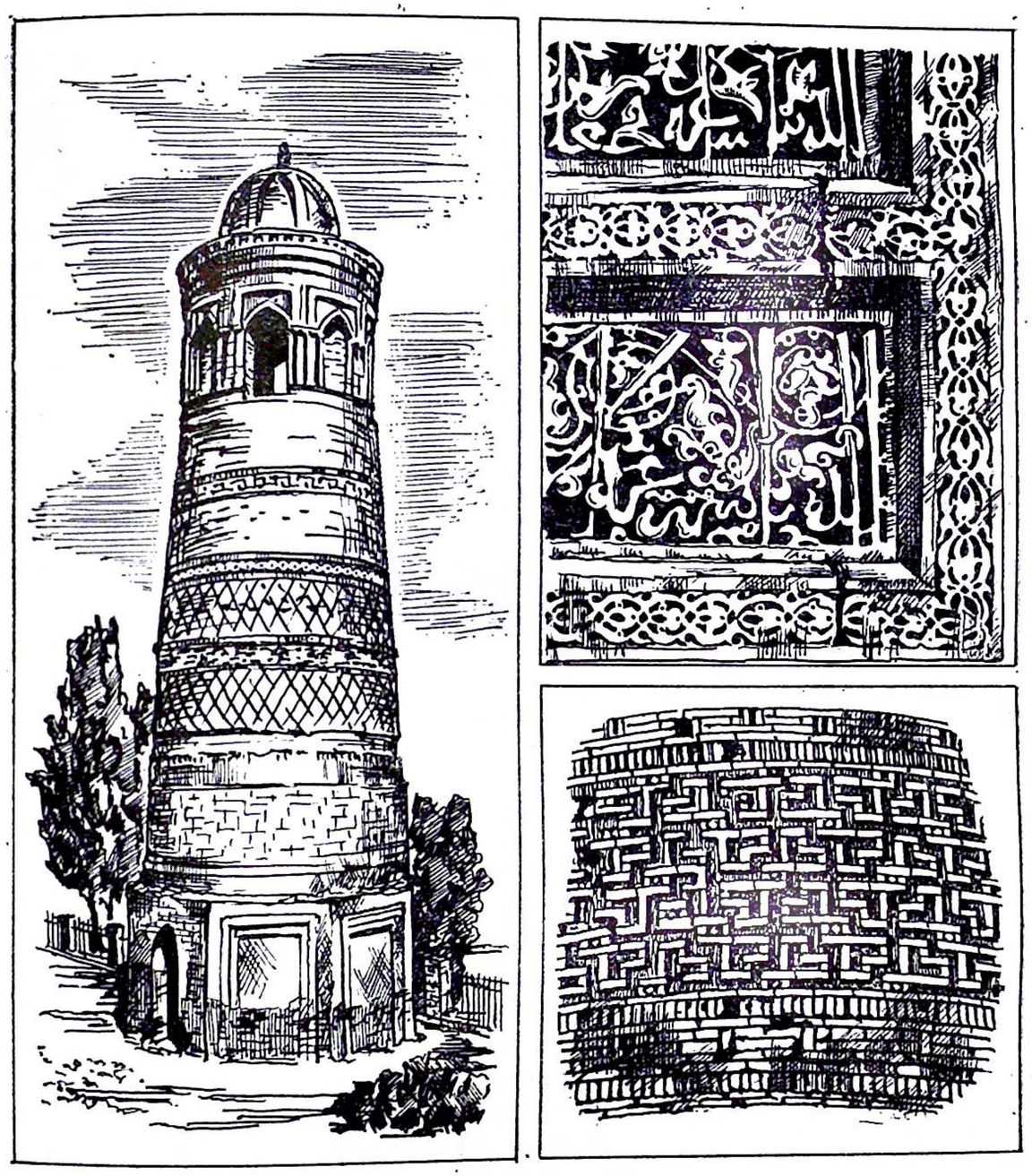
В мавзолейных намогильных сооружениях более всего проявляются традиции доисламского культа предков, вылившегося впоследствии в культ «святых». Не случайно, что они означали и место погребения, и место поклонения. Мавзолеи сооружались как династийные и родовые склепы *(давлетхона)*, а также как усыпальницы священнослужителей.

Наиболее ранними являются Буранинские мавзолеи, открытые в 70-х годах в связи с реставрацией минарета. Архитектурный комплекс Бураны включает три мавзолея[51], дворцовое сооружение и другие еще не вскрытые полностью культовые и общественные монументальные здания. Первый из открытых мавзолеев, получивший название «восьмигранника», первоначально имел призматический корпус с шатровым или сфероконическим куполом. Этот тип был одним из основных в культовом зодчестве Средней Азии XI—XII вв. Мавзолей имел высокий цоколь, вход располагался на высоте, превышавшей 1,8 *м*. Сооружение близко к башенным конструкциям; грани его были, по-видимому, оформлены нишами в орнаментальном обрамлении, вход в усыпальницу венчала стрельчатая арка. Диаметр восьмигранника составлял около 11 *м*, высота в реконструкции превышала 15 *м*.

Два других мавзолея представляли собой сооружения с круглыми в плане усыпальницами. Цилиндрический корпус мавзолеев венчал шатер, или полусфера. Фасады их были обращены на восток и выделены порталами. Стены мавзолеев украшали декоративные ниши со стрельчатой аркой, орнаментальные кладки из резных кирпичиков в сочетании с резным ганчем. Внутренний диаметр усыпальниц составлял 10—10,2 *м*.

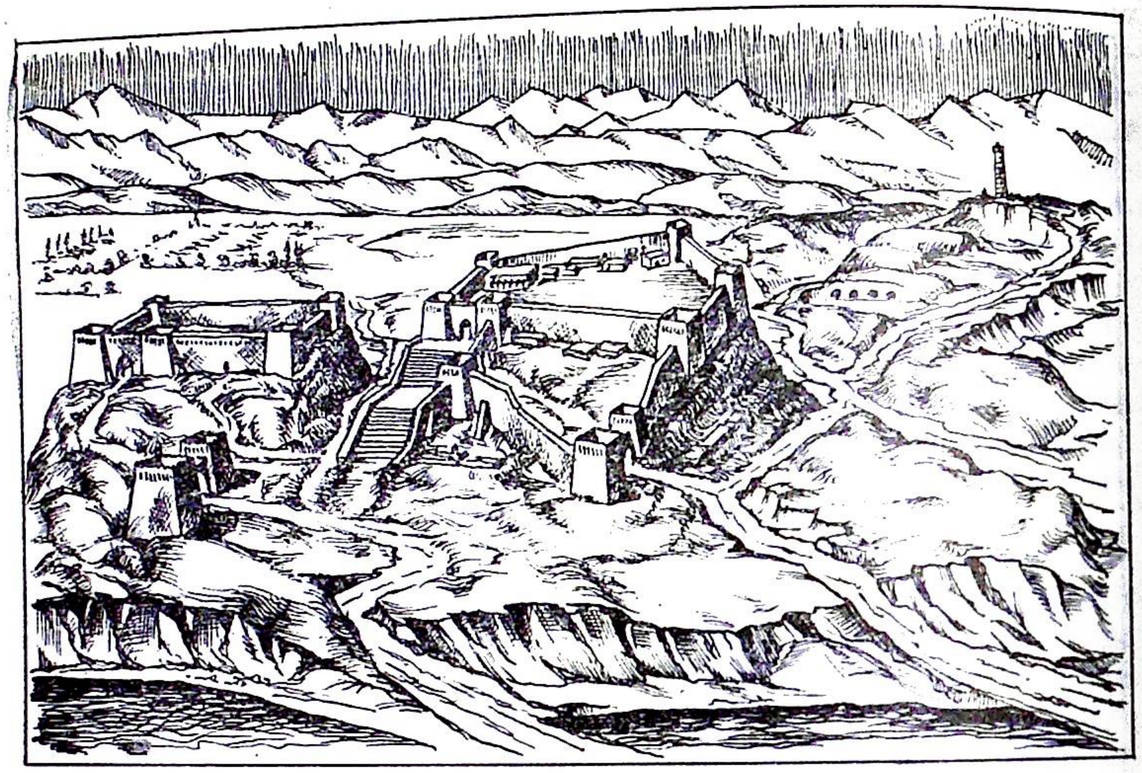
Общая композиция Буранинских мавзолеев находит аналогии с мавзолеями Хорасана, по декору они близки памятникам XI—XII вв. не только Хорасана, но и Мавераннахра, а также Тохаристана, демонстрируя художественные вкусы и архитектурные каноны Средней Азии в целом.

Иного типа мавзолеи, сохранившиеся до наших дней на одном из заброшенных в XI в. шахристанов Узгена, получили в литературе наименования Северный, Средний и Южный[52]. Они вытянуты по одной оси и пристроены впритык друг к другу. Наиболее ранним из них является Средний, построенный, как свидетельствуют археологические данные, не ранее рубежа XI—XII вв. Планировка квадратная, наружные плоскости двух его фасадов украшены резными штукатурками, набором резных шлифованных кирпичиков. Первоначально мавзолей имел четыре входа, затем в северо-восточной стене вход был заложен наполовину ширины, в результате образовалась ниша, перекрытая с внутренней стороны аркой. С севера и юга к мавзолею были пристроены еще две усыпальницы.



Узгенский минарет. Детали декора Южного мавзолея и минарета.

При возведении двух последних мавзолеев зодчий значительно уменьшил пролет зданий, углубил фундамент, чем была усилена антисейсмичность построек. «Энциклопедией орнамента» XII в. называют искусствоведы архитектурную терракоту и резные штукатурки Узгенских мавзолеев. Широкие пояса надписей, испол-

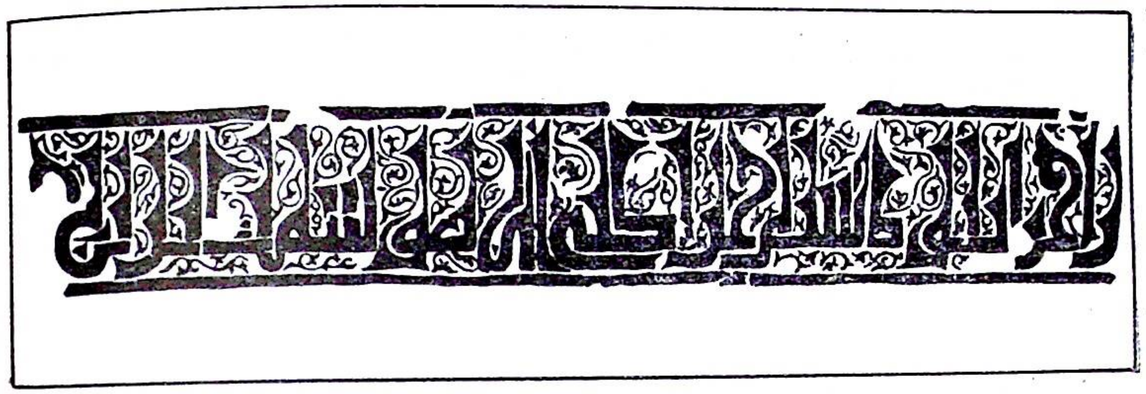


Узгенское городище. (Реконструкция А. Н. Бернштама).

ненные почерками куфи, насх, сульс, с заполнением пустот растительным орнаментом, украшают порталы построек.

Кроме религиозных сентенций, почерпнутых в хадисах, значительное место занимают надписи светского характера. Каллиграфически исполненные на порталах надписи сообщают, что Северный мавзолей начал строить для себя еще при жизни «в среду четвертого раби' II 547 г. х. (т. е. 9 июля 1152 г.)» Алп Кутлуг Тонга Бильге тюрк Тогрул кара-хакан Хусейн ибн Хасан ибн Али — правитель Западнокараханидского государства. Портальная надпись Южного мавзолея сохранилась частично. Отдельные фрагменты ее позволяют восстановить три даты — начало строительства «в эпоху (правления)... величайшего... хакана» в месяце «сафар, в году 582» (апрель — май 1186 г.), который скончался «в день пятницы 14 зу-л-хиджжа» того же года (т. е. 26 февраля 1187 г.), и погребение здесь годом раньше (раби' II 581/1185 г.) караханидского сипахсалара — верховного военачальника хаканского войска[53]. Таким образом, Южный мавзолей принадлежал последним представителям узгенской ветви династии Караханидов.

К первой половине или середине XII в. относится мавзолей Шах-Фазиль в средневековом Испид-Булане (с. Гулистан Алабукинского района)[54]. Это сооружение купольно-центрической композиции, характерной для ферганской школы зодчества. Квадратная в плане усыпальница имеет вытянутые вверх пропорции, что снаружи подчеркивается трехступенчатым барабаном. В течение столетий мавзолей ремонтировался, перестраивался и



Эпиграфика Шах-Фазиля.

во многом утратил первоначальный облик. По мнению Б. Н. Засыпкина, мавзолей имел световой фонарь в куполе и разработанный фасад с северо-западной стороны, подчеркнутый тремя арочными проемами. Углы были фланкированы трехчетвертными колоннами. В настоящее время они полностью разрушены.

Внутри мавзолей Шах-Фазиль украшен резной ганчевой штукатуркой и росписями. Большое место в декоре занимают вычурные куфические надписи элегического и религиозного содержания, расположенные поясами по барабану, под ярусом трompов и над панелью. Религиозные тексты исполнены на арабском языке, содержат выдержки из Корана и мусульманские благочестивые изречения; надписи светские на персидско-таджикском. Мавзолей в средние века находился в ансамбле с другими культовыми сооружениями, выявленными археологически. Рядом располагались мечеть, несколько мазаров и, по всей вероятности, ханака (обитель суфиев). О наличии общины суфиев в Испид-Булане свидетельствуют тексты эпитафий на кайраках из некрополя. В последнее время появилась иная точка зрения о назначении сооружения. По мнению Л. Ю. Маньковской, это был не мавзолей, а поминальная мечеть при захоронении на некрополе, как было принято в странах халифата[55].

Караван-сараи и крепости

Во время археологических исследований выявлено несколько караван-сараев средневекового времени, расположенных, как правило, по трассе торгового пути. Одни из них имели простую планировку — огороженное пространство двора с небольшими помещениями вокруг, другие — более сложную, с комплексом различных подсобных, парадных и специальных комнат, со сложной системой перекрытий и богатым внутренним убранством.

Караван-сарай X—XII вв. в долине р. Алабуки исследовал П. Н. Кожемяко. Он располагался на пути из Ферганы в Кашгар и Иссык-Кульскую долину. Единственный въезд квадратного в плане сооружения оформлен порталом; углы фланкированы круглыми башнями, по центру стен устроены прямоугольные выступающие пилястры. Фасадную стену украшали сомкнутые полу-

колонны — гофры. Все здание сложено из сырцового кирпича и глины. Внутреннее пространство караван-сарая занимал двор; вдоль внешних стен в три ряда располагались разного рода помещения. Первый ряд состоял из восьми коридорообразных помещений и трех квадратных комнат. Они были перекрыты коробовыми сводами. Коридоры использовались для содержания вьючных животных. Средний ряд помещений служил жильем. Комнаты перекрывались сводами и куполами, покоящимися на ступенчато-арочных и консольных парусах. Третий — внутренний ряд помещений — состоял из коридорообразных складских помещений. Каждый коридор имел четыре арочных проема во двор и два — в средний ряд.

Другого характера караван-сарай Сан-Таш, расположенный в одноименной долине Тюпского района, исследован Д. Ф. Виннико́м. Он также квадратен в плане, со сторонами в 48 *м*. Стены по углам и по центру фланкированы башнями, и внутри него расчищена небольшая постройка длиной 35 и шириной 6 *м*. Она служила временным пристанищем для караванов, а также сторожевым постом, охранявшим значительный отрезок пути, пролегавший в горной местности[56].

Археолого-архитектурными исследованиями последних лет (в связи с реставрацией памятников Киргизии) получены материалы, которые позволяют передатировать Таш-Рабат, известный в литературе как караван-сарай XV в., домонгольским временем[57]. Каменная крепость расположена на высоте более 3 тыс. *м* над уровнем моря, в 70 *км* от средневекового Атбаша, в ущелье Кара-Коюн во Внутреннем Тянь-Шане.

Таш-Рабат гармонично вписывается в горный пейзаж. Почти квадратное в плане сооружение с эффектно выделенным фасадом обращено на восток. Высокие стены фланкированы угловыми башнями; выступающий портал сохранил глубокую арочную нишу входа, ведущего в коридор. Здание не имеет двора, центр композиции составляет большой зал, вокруг которого компактно группируются тридцать помещений, перекрытых куполами и сводами. В интерьере зала и отдельных помещений сохранились подкупольные конструкции, ганчевые штукатурки и слабые следы росписей. Таш-Рабат не имеет прямых аналогий в зодчестве Средней Азии. Предания связывают его строительство с пришедшими сюда в средние века христианами или буддистами еще до распространения ислама на Тянь-Шане.

Исходя из формальных признаков и функций подобных сооружений, рабад на рубеже раннего и развитого средневековья на Востоке служил крепостью, пристанищем отшельников и местом обучения основам религии, а также убежищем для торговых караванов. В эпоху зрелого феодализма эти функции архитектурных сооружений разделились и каждый тип зданий имел дифференцированную планировку[58]. Поэтому можно полагать, что сведения «Тарих-и Рашиди» о строительстве Мухаммед-ханом в XV в. рабада на берегу оз. Чатыр-Куль относятся либо к другому, еще не открытому сооружению, либо приписаны этому хану. Как караван-сарай Таш-Рабат использовался на протяжении ряда столетий.

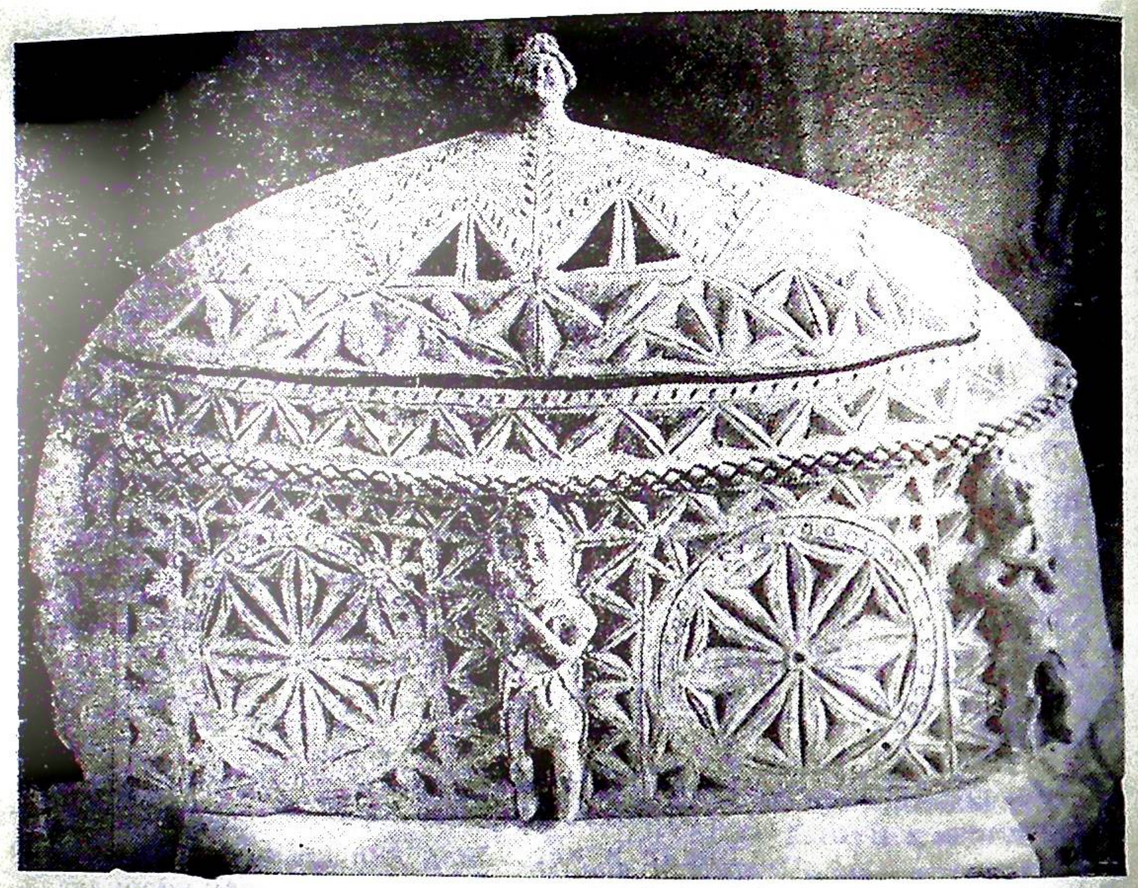
Архитектура Киргизстана X—XII вв. иллюстрирует все выработанные к тому времени приемы архитектурно-строительного новшества на территории Средней Азии. Это, прежде всего, широкое использование жженого кирпича и в качестве строительного, и в качестве облицовочного материала. В постройках применялись высококачественные связывающие ганчево-глинистые растворы; совершенствовались также купольные системы перекрытий и сложные несущие конструкции.

Дворцы феодалов и дома ремесленников, караван-сараи и ханаки, минареты и мавзолеи — все виды гражданской и культовой архитектуры этого времени возводились в сходных технико-экономических условиях; миропонимание зодчих, возводивших эти постройки, не знало существенных различий. Этим определялось и художественное единство всей архитектуры Мавераннахра XI—начала XIII в.[59], к которому более всего тяготело искусство Киргизстана.

Художественная керамика и металл

В раннем средневековье широкое распространение получили орнаментированная глиняная и металлическая посуда, ритуальные и погребальные (для хранения костей) сосуды, мелкая коропластика и терракота, разнообразная архитектурная керамика, строительные кирпичи и облицовки, керамические очажки, столики. Изделия согдийских мастеров пользовались большим спросом. Отдельные предметы утвари отличались высоким художественным мастерством. Многие сюжеты из металла и резного дерева были перенесены на глину, осваивались новые технические приемы в искусстве орнаментики, в частности, лепка, тупой и острый стэк, пунсон, набор штампов. Широкое развитие получили тонкий резной орнамент и лощение, воспринятые от керамического искусства эпохи кушан. Весьма разнообразны и сюжеты орнамента: символы и эмблемы культовомагического характера, антропоморфные и зооморфные мотивы, а также линейные и геометрические, как продолжение орнаментальных традиций украшения металлических изделий в среде кочевников.

Тюрко-согдийское взаимовлияние особенно хорошо прослеживается в искусстве мелкой пластики. Раннесредневековая терракота представлена образами согдийцев, степняков-кочевников, а позже и тюрок с характерными типами лица, прически и одежды. Они запечатлены в налепах на сосудах (более всего — ритуальных), оссуариях, отдельных статуэтках и антропоморфных сосудах. Причем, большая часть этих скульптур относится к памятникам согдийской культуры VI—VIII вв. В терракотах представлены, видимо, самые разнообразные эпические и культовые персонажи. Отдельные находки связаны с образом среднеазиатской богини плодородия Анахит. С образами зороастрийско-маздеистской и буд-



Оссуарий. Краспая речка.

дийской мифологии связаны комплекс мелкой скульптуры и индивидуализированные скульптурные портреты и изображения. Массовые изделия изготавливали с помощью штампа.

К крупным коропластическим изделиям относятся скульптурно оформленные оссуарии. Навершия крышек оссуариев в виде человеческих головок, антропоморфные и зооморфные налепы составляют особою группу терракот, связанных непосредственно с керамическим сосудом погребального назначения — хранилищем костных останков человека. Многообразные сюжетные и орнаментальные мотивы несут, как правило, определенную смысловую нагрузку, восходящую к древности. Семиреченские оссуарии, крышки которых увенчаны изображениями человеческих головок или птиц, с достаточной уверенностью связываются историками религии со «статуарной» традицией культа предков; фигурка здесь заменяет изображение умершего или божества.

Представляет интерес в этом отношении оссуарий, найденный в 1978 г. на Краснореченском некрополе (VII—VIII вв.). Он имеет овальную форму, фасадная сторона украшена резным орнаментом, декоративными рамами, жгутами и двумя восьмилепестковыми розетками. В центре композиции и по бокам — человеческие скульптурки. Ручка крышки в виде изящной головки выполнена в стиле кушанских традиций коропластики. В скульп-

турах воспроизведен довольно определенный тип людей своего времени, с характерными атрибутами одежды (кафтан, шаровары, сапоги, наборный пояс), прической (собранные узлом на лобной части головы волосы), индивидуализированными чертами лица (широкий разлет бровей, большие глаза, нос с горбинкой, удлиненный овал лица). Реалистичность исполнения образов, художественно-эмоциональное выражение лиц и скрещенных на груди (в мольбе) рук делают их неповторимыми в искусстве пластики согдийцев Семиречья.

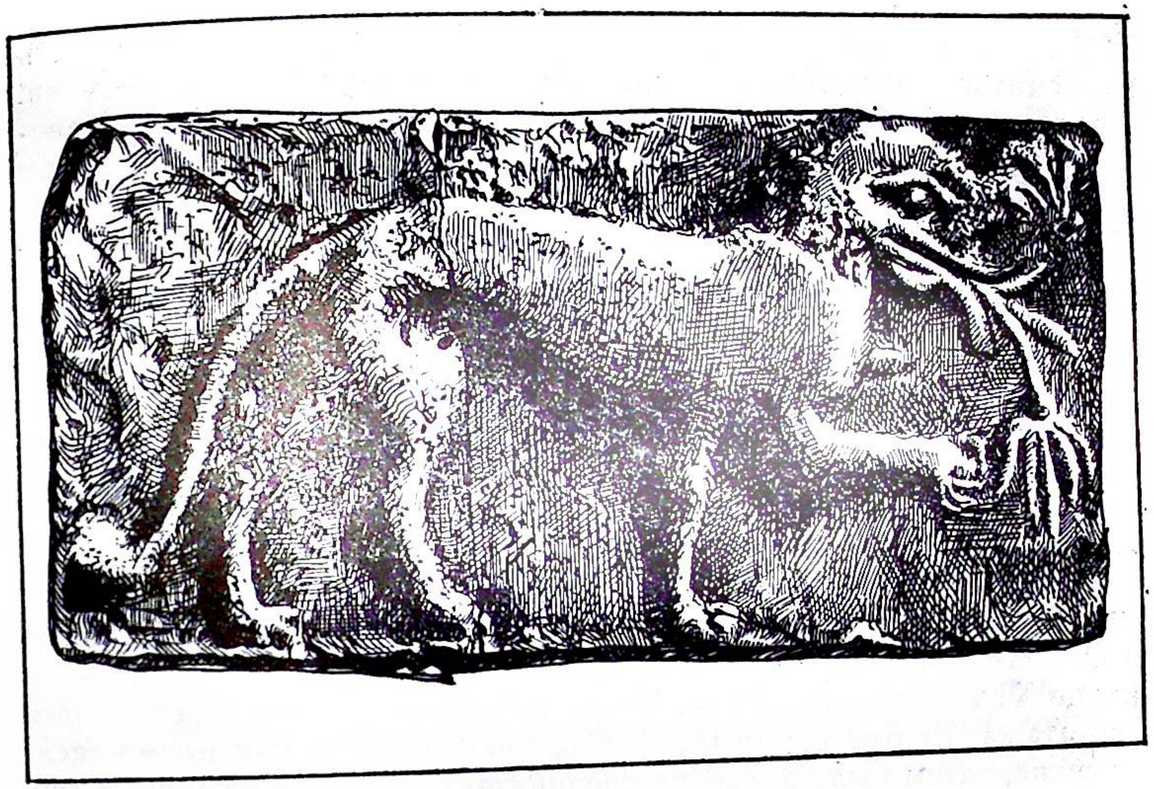
Не менее интересен и оссуарий, найденный в 20-х годах нашего столетия при строительстве Аламединской ГЭС (на остатках Караджигачского городища). Он имел прямоугольную форму с отштампованным рельефом в виде арочек — по две на длинных и по одной — на коротких сторонах. Под арочками изображены неуклюжие человеческие фигурки, в центре — ветвистое дерево. Крышка оссуария представляет собой четырехгранную пирамиду, в чем исследователи усматривают прототип древней надмогильной постройки (возможно в сакских традициях), идея которой воплотилась в шатровых перекрытиях средневековых мавзолеев[60].

Согд в эпоху раннего средневековья оставался центром коропластического искусства Средней Азии, влияние которого распространялось и на согдийцев Семиречья. По характеру изображений установлена тождественность некоторых образов, сюжетов, художественных принципов в терракотах и фресках. Роспись, скульптура и коропластика — это лишь разные области одного и того же искусства[61].

Феодальная эпоха развитого средневековья и ислам породили новые типы архитектурных сооружений, а вместе с ними и виды искусства, главным из которых являлось декоративное и прикладное. В XI в. религиозная пропаганда ислама среди широких слоев населения усилилась. Шариат тормозил развитие изобразительного искусства, на смену ему пришло орнаментальное. Тем не менее в росписи посуды и в архитектурном декоре мастера продолжали использовать изображения живых существ. Представляет интерес в этом отношении керамическая плита с рельефно оттиснутым изображением шагающего льва; она найдена в одном из жилых домов на Краснореченском городище. С XI в. в Семиречье особенно излюбленной становится глазурованная посуда, стандартизируется ремесленное производство, керамика украшается штампами; больше индивидуальности наблюдается в полихромной посуде, хотя и здесь при росписи часто используется трафарет. Поливная посуда становится легче, поля чаш и блюд расписываются по ангобу, поверх росписей наносится глазурь. В Ферганской части средневековой Киргизии широкое распространение получает красочная расписная посуда.

А. Н. Бернштам считал, что полихромная посуда как по технике изготовления, так и по форме, возникла под влиянием форм, созданных в Согде и развившихся в Мавераннахре. Уже к концу

Терракота. Красная речка.



Изображение льва. Глина. Чуйская долина.

X в. согдийская глазурованная посуда заслужила мировую признательность и пользовалась большим спросом. Лучшие образцы ее заимствовали семиреченские городские ремесленники, внесшие некоторые отличительные черты в манеру нанесения орнамента, особенно эпиграфического, несколько иную стилизацию получили сюжеты. Интерес в этом плане представляют художественно оформленные светильники (*чираги*). Они строги по форме, резервуары некоторых образцов подчеркнуты каннелюрами, вертикальными сре-зами, что делает их похожими на изделия из металла. Окраска их всегда монохромна, а пяты чирагов имеют листовидную форму с самым разнообразным резным или штампованным подглазурным орнаментом.

Оригинальной выглядит посуда с гравированным подглазурным орнаментом, нередки находки керамики X—XII вв. с изображением живых существ, исполненных весьма реалистично — фазана, лягушки, медведя, льва, человека. Чаще встречаются стилизации рыб, птиц, человеческой фигуры. С XII в. появляется фаянсовая посуда; голубой прозрачной поливой покрывались сосуды без орнаментов. Большим спросом пользовались фаянсовые (кашинные) бусы.

Производство керамических глазурованных изделий при большом многообразии и локальных особенностях имело для всего Востока в этот период общую линию развития в пределах обширного ареала — от Передней Азии до Турфана, от Казахстана до Северной Индии[62].

Историки древнего искусства Средней Азии считают, что часть знаменитого «согдийского» или восточного серебра VIII—X вв. (из находок разных лет) происходит из северных районов Мавераннахра и Семиречья, находившихся во владении тюрков. К таким произведениям, по-видимому, относится блюдо из собраний Эрмитажа, датированное VIII в. На нем изображен царь на троне, поддерживаемом львами, в окружении знатных людей. Царь в крылатом венце, с булавой в руке; костюмы персонажей изображены в виде распахнутых на груди кафтанах с отворотами, сапоги с раструбом, типично кочевнические войлочные колпаки. Монголоидные черты лица правителя, мешковатые фигуры людей, их тяжеловесные (как на каменных изваяниях) лица передают облик людей иной этнической среды, нежели на согдийско-эфталитских образцах металлической посуды.

Большую дискуссию о происхождении и трактовке изображений породили серебряные с позолотой блюда, известные как Аниковское и Григоровское (по месту находок в конце XIX — начале XX в., Урал) из собраний Государственного Эрмитажа. Долгое время оба блюда трактовались как ирано-сасанидские, затем было доказано среднеазиатское их происхождение. В последнее время появилось мнение, что они были отлиты в несторианских кругах Семиречья в IX—XI вв. по слепку, восходящему к VIII в.[63]. Эту точку зрения на происхождение блюд и библейское истолкование изображений Аниковского изделия оспаривают другие историки искусства[64]. Вместе с тем нельзя отрицать, что в города Семиречья по торговому пути попадали высокохудожественные ремесленные изделия из разных стран Ближнего и Дальнего Востока.

Археологические данные позволяют говорить о достаточно широких культурных связях населения Чуйской долины с Северной Индией. В раннесредневековых слоях городищ археологи находят многочисленные изделия индийского импорта в виде буддийских и индуистских культовых предметов. Литые бронзовые и серебряные с позолотой скульптурки будд и бодисатв из храмов VII — VIII вв. н. э. сохранились до наших дней.

Разнообразие образцов, которыми пользовались среднеазиатские мастера, способствовало созданию синкретических памятников искусства. Об этом красноречиво говорят находки серебряных и бронзовых кладов в Кара-Куле (долина Кетмень-Тюбе), датированных IX—XII вв. В составе клада оказались различные предметы — чаши, кувшины, бронзовые подставки, изготовленные в Мавераннахре или в Хорасане[65], но долгое время бытовавшие на территории северо-восточных районов Ферганы. Находки серебряных и бронзовых изделий среднеазиатских торевтов — нередкое явление и для других областей Киргизии.

Довольно развито было ювелирное мастерство. Ювелирам были известны все технические приемы того времени: фигурное литье, чеканка, тиснение, инкрустация, зернь, скань, гравировка,

позолота. В ходе археологических исследований найдена серия предметов женского туалета: зеркала, серебряные браслеты, серьги, перстни, бубенчики, амулеты-подвески, именные печатки. Поделки из металла сочетались с нефритом, жемчугом, бирюзой; бронзовые изделия инкрустировались вставками из черненого серебра. Широко была распространена отделка рукояток ножей, поясных блях, женских украшений из нефрита; из него же народные умельцы вытачивали серьги, браслеты, медальоны и другие изделия.

С художественным литьем и чеканкой связано и монетное дело. Некоторые образцы согдийских монет Семиречья, отражая искусство «малых форм», интересны, главным образом, династийными знаками. Для собственно Согда, монеты которого имели хождение и на территории раннесредневековой Киргизии, известны образцы с изображением портретов царей с лицами тюркского типа (широкие скулы, узкий подбородок).

Арабские надписи на серебряных и золотых монетах (дирхемы, динары) местной чеканки отличало высокое мастерство каллиграфического исполнения. Менее искусны были медные монеты.

Письменность

На территории Киргизии в раннем средневековье существовало несколько систем письменности. Самой распространенной вначале была согдийская. Возникновение ее было обусловлено двумя основными причинами: наличием согдийских поселений и международным престижем этого языка. Распространение древнетюркской и уйгурской письменности не вытеснило согдийской, а лишь сузило сферу ее применения. Ею пользовались в Семиречье и в IX—X вв., когда стали распространяться арабская графика и письмо. Самые поздние из известных согдийских эпиграфических памятников относятся к началу XI в.[66].

Согдийская письменность — арамейского происхождения. В раннем средневековье она была курсивной, состояла из 23 букв. В 1965 г. при раскопках цитадели в Пенджикенте был найден хум, на стенке которого была начертана согдийская азбука. На практике использовались лишь 18—19 знаков, некоторые слова передавались идеограммами. Изучение эпиграфических памятников показало, что согдийский язык в этот период приобрел международное значение.

Собственно литературных оригинальных памятников на согдийском языке почти не сохранилось. Но, судя по сообщениям письменных источников, в частности, Сюань Цзана, они имелись[67]. Согдийские тексты и отдельные надписи археологи находят на обработанной коже, дереве, глиняных сосудах, на камне и скалах. По-видимому, был широко распространен и такой материал, как береста и привозная бумага. Открыта целая серия настенных согдийских надписей в домах и храмах, на стенках оссуариев и на отдельных бытовых предметах. Все это свидетельствует не только о широком применении письменности в быту, но и о гра-

мотности определенных слоев населения раннесредневековой Средней Азии. Имеющийся археологический материал позволяет говорить и о существовании системы школьного образования, обучения писцов искусству каллиграфии.

Тюркские владетели выпускали монеты с надписями, исполненными согдийским курсивным письмом. Легенды их переводятся так: «Господин тюргешский каган. Деньга» или «Монета господина тюргеш-кагана». Правители племенной конфедерации тухси на монетах писали «тухсский тегин» или «тухумский государь». Известны монеты с проставлением имени тюркского правителя — «Господин Арслан-бильге хакан. Деньга»[68].

На городищах Северной Киргизии было найдено несколько надписей на керамике (в большинстве — на хумах), печатках, камнях и кирпичах. Надписи на керамических изделиях процарапывались или наносились краской. На венчиках хумов они прорезались до обжига. Несколько таких надписей было найдено на Краснореченском городище. Они начертаны поздним согдийским курсивным письмом и датированы IX—X вв. Одна из надписей на венчике хума гласит: «Этот хум предназначен для учителей Йарук-тегина. Мастер — Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!» Характерно, что титул «Йарук-тегин» сопровождается сирийским титулом «учитель», «наставник», известным по сиро-тюркским эпитафиям несториан более позднего времени. С этого же городища происходят еще несколько надписей, отмеченных автографом мастера Пастуна. Все они прочтены В. А. Лившицем.

Особый интерес вызывают упомянутые выше наскальные надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай (Таласская долина). Они выполнены вертикальным курсивным письмом и по палеографии близки к уйгурским памятникам. Надписи датируются началом X— первой четвертью XI в. В текстах содержатся длинные перечни имен представителей тюркской знати, поднимавшихся по горным тропам к перевалу и пожелавших увековечить свои имена на скалах. Для таласских надписей характерны древнетюркские мужские и женские (с добавлением для последних титула *хатун)* имена знатного происхождения из христианской или манихейской среды.

В Фергане был распространен язык, который по сообщениям Сюань Цзана и Хой Чао, отличался от языков соседних стран. В. А. Лившиц полагает, что в середине I тысячелетия н. э. у ферганцев был свой язык, который, вероятно, относился к группе восточноиранских.

Тюркская письменность была воспринята ферганским населением со времени переселения тюрок в Фергану. Все эпиграфические находки с древнетюркской руникой стилистически однородны и относятся, в основном, к VII—VIII вв. Однако известны и более ранние надписи. Так, к концу VI — первой половине VII в. относит руническую надпись на перстне из мугхона в Аште (Западная Фергана) С. Г. Кляшторный. Эта находка позволила исследователям высказать предположение об определенной роли Ферганы в истории рунического письма[69].

Тюркские надписи на керамике (так же, как и согдийские) свидетельствуют о том, что земледельческое население Ферганы пользовалось рунической письменностью в повседневной жизни. Одна из таких частично сохранившихся надписей из Ак-тепинского городища (Баткенский район) переведена И. А. Батмановым. В настоящее время известно 14 находок с тюркской письменностью в Фергане[70].

По определению Ф. Энгельса, в эпоху феодализма почти все общественно-политические движения стали выступать в «религиозном облачении»[71]. К официальным системам религиозных учений было приспособлено и письмо: персидско-пехлевийское — к религии Зороастра, санскрит — к буддизму, сирийское — к религии христиан-несториан, арабское — к исламу. Это было характерно для феодализма, поскольку воинствующее жречество (церковь и шейх-уль-исламы), превратившись в высшую социальную прослойку, добивалось безраздельного господства во всех областях культуры и идеологии. В эпоху средневековья арабские надписи и тексты из Корана стали украшать монументальные постройки; на этом языке велось богослужение в мечетях и обучение в медресе; арабским письмом исполнялись эпитафии на каменных и кирпичных намогильниках; согдийскую легенду на монетах сменила арабская, а тюркскую тамгу — имя халифа. Эпиграфический орнамент стал украшать посуду и инвентарь жилищ. Арабская письменность все активнее стала проникать в культуру и быт средневекового Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы.

Обнаружены здесь и фрагменты древнеиндийского письма.

Свое письмо привнесли в Семиречье и сирийцы-несториане, расселявшиеся в городах и селениях с VI—VIII вв. С сирийского переводились согдийские и древнетюркские христианские тексты. Большую часть эпиграфических находок, сделанных на территории Киргизии, составляют несторианские надписи на кайраках. Они датируются в основном XII—XIV вв. Тексты эпитафий исполнены сирийско-тюркским письмом более позднего типа и отличаются как от древнесирийского (эстрангело), так и от других стилей сирийского письма.

Наиболее ранние находки сирийско-несторианской эпиграфики на территории Киргизии относятся к концу VIII— началу X в. Это — найденные К. М. Байпаковым на Краснореченском городище (1979 г.) намогильники в виде окатанных плоских галек. Они содержат изображения крестов в центре плитки и надписи — по трем сторонам от него. Один из кайраков датируется 1100 г. по селевкидской эре (789 г. н. э), другой — предположительно 1220 г. (909 г.). Надписи трудночитаемы; один из кайраков сообщает имя — «девица Йал-анч» (чтение А. В. Пайковой и В. Н. Настича). На одном из кладбищ этого же городища А. Н. Бернштамом

был поднят кирпичный намогильник караханидского времени с сирийской надписью, которая переводится как «Георгий-кузнец».

К домонгольскому времени относятся некоторые несторианские надписи на кайраках из Пишпекского и Буранинского кладбищ. По палеографии они почти не отличаются от памятников XIII—XIV вв. Характерной особенностью семиреченских надписей является наличие тюркских слов (имена, проставление дат по двенадцатилетнему тюркскому циклу) и вертикальное расположение отдельных строк. Письмо сирийцев отличается декоративностью, что обусловлено его религиозным назначением.

Идеологические воззрения, праздники и обряды

Из письменных источников известно, что в Средней Азии до завоевания ее арабами исповедовались культы древних индоиранских божеств Митры и Анахит, среднеазиатского эпического героя и божества умирающей и воскресающей природы Сиявуша; широко были развиты культ почитания предков, идолопоклонство, а также астральный и другие культы. Территория Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы в раннем средневековье, как и вся Средняя Азия в целом, «была ареной весьма усиленной борьбы так называемых «мировых» религий того времени. Здесь сталкивались и конкурировали между собой зороастризм и буддизм, христианство и манихейство. Каждая из этих религиозных систем имела свои культовые сооружения и вполне определенную организацию»[72].

Сведения о религии согдийцев Семиречья содержатся, в частности, в «Худуд ал-алам». Источник сообщает, что на поселениях жили христиане, зороастрийцы и «сабии» (буддисты?)[73]. Древнейшей и, видимо, самой распространенной здесь, как и в других областях древней Средней Азии, была религия, именуемая в источниках зороастрийской. Однако историческая наука располагает новейшими данными о существовании здесь своеобразной, достаточно развитой местной среднеазиатской религии, которая отличалась от иранского канонического зороастризма и получила название маздеизма. Зороастризм проникся здесь местными языческими культами, которые, по-видимому, прекрасно уживались с культом огня. Б. Я. Ставиский подразумевает под среднеазиатским маздеизмом также круг языческих культов и верований, родственных, но не тождественных догматическому древнеиранскому зороастризму[74].

Описывая празднества и обряды домусульманской Средней Азии, ал-Бируни отмечает два их рода: «Среди праздников есть такие, причиной которых являются дела мирские, а есть такие, причиной которых являются дела веры». Широкое распространение среди разных слоев населения получил культ предков и связанных с ним жертвоприношений, своеобразных погребальных обрядов, центральным из которых было поклонение останкам умерших. Ал-Бируни особо отмечает траурные дни, завершающие год.

В конце месяца *х. ш. в. м.* (12-й месяц согдийского календаря) «жители Согда плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лицо и ставят для умерших кушанья и напитки...»[75]. Описанные обряды совершались накануне нового года, который совпадал с днем весеннего равноденствия.

Затем наступал один из ярких и светлых праздников — Ноуруз, который отмечали все оседло-земледельческие народы Средней Азии с глубокой древности. Сохранился он до наших дней. В раннем средневековье в его проведении отчетливо проявлялись предрассудки, наивная вера в магическую силу обрядов. Этот народный праздник воспет в восточной поэзии. Омар Хайям писал: «Тот, кто в день Ноуруза празднует и веселится, будет жить до следующего Ноуруза в веселье и наслаждении»[76]. Не менее важным был праздник, посвященный сбору урожая.

Позднее церковь, пытавшаяся отменить «языческие» праздники, стремилась внести в обряды религиозные элементы, однако полностью подчинить их религии ей не удалось: народ бережно хранил традиционный характер этих праздников[77].

Находки значительного числа глиняных костехранилищ — оссуариев, обнаружение древних захоронений на раннесредневековых кладбищах, погребальный инвентарь и сам характер (или типы) погребений позволили во многом осмыслить сведения исторических источников, выявить особенности среднеазиатского маздеизма. В частности, так называемый оссуарный (хумный) обряд, весьма распространенный в некоторых областях Средней Азии, никогда не был характерен для государственной религии Ирана, а ряд погребальных обрядов противоречит предписанию Авесты. В настоящее время исследователи древности убедительно доказывают, что сама зороастрийская религия начала складываться среди сако-массагетских степных племен Средней Азии. На протяжении веков эта идеология, впитывая местные культовые традиции и подвергаясь влиянию оформившегося в Иране зороастризма, сохраняла архаичные черты и своеобразие.

Оссуарный обряд погребений в Северной Киргизии с небольшими модификациями пережил ряд столетий и существовал наряду с мусульманским вплоть до XIII в. Еще более живучим в некоторых районах Киргизии оказался обряд погребений в наземных склепах-*сагона,* привнесенный переселившимся в Фергану и Семиречье населением северо-западных областей Средней Азии еще в раннем средневековье. Эта традиция захоронения берет начало в зороастрийско-маздеистской обрядности древности[78]. Археологические данные и этнографические материалы свидетельствуют об устойчивости именно тех верований и обрядов, которые восходят к глубокой древности и нередко связываются со старыми кладбищами и мазарами «святых», доисламская сущность которых лишь прикрывается мусульманскими религиозными догмами.

Замечательны оссуарные находки 1983 г. на раннесредневековом некрополе Краснореченского городища. На одном из оссуариев

в рельефе изображена каноническая сцена возжигания священного огня, хорошо известная по ирано-сасанидской глиптике и монетам III—V вв. н. э. Рельеф на оссуарии как бы иллюстрирует Авесту — священную книгу зороастрийцев, но вместе с тем отражает элементы местной среднеазиатской культуры и быта.

Большое распространение среди оседлого населения Семиречья в VII—IX вв. получил буддизм. За последние три десятилетия открыто несколько буддийских храмов, монастырей, бронзовых и серебряных кладов, связанных с этой религией. В совокупности с письменными источниками археологические материалы свидетельствуют о проникновении буддизма с территории Индии и далее через Семиречье — в Восточный Туркестан. Среднеазиатский буддизм является одним из важнейших, наряду с зороастризмом, манихейством и христианством, компонентов раннесредневековой духовной жизни. Отмечается также и взаимопроникновение этих религий[79]. Буддийское учение, на первых порах скорее философское, нежели религиозное, в раннем средневековье превращается в строгую доктрину.

Буддизм в Семиречье господствовал довольно долго. Бывали периоды, когда его влияние ослабевало, а позиции манихейства укреплялись. Так было в середине VIII в., когда хакан западных тюрок принял манихейство и считался покровителем последователей Мани вплоть до Китая. Однако постепенно влияние буддизма вновь усиливается, особенно среди тюрков, согдийцев, тохаров и населения Восточного Туркестана. С X в. здесь наблюдается расцвет буддийского искусства и культуры[80]. В некоторых областях Средней Азии и в Киргизии, в частности, буддизм не имел успеха. Во всяком случае, на Тянь-Шане, в Ташкентском оазисе буддийские памятники не зафиксированы. В Ферганской долине открыт пока один буддийский комплекс в Куве (Южная Фергана —VII—VIII вв.).

В буддийских общинах Семиречья знали древнеиндийское письмо и пользовались им. Надписи на кхароштхи покрывали каменные и бронзовые скульптуры индийских божеств; в святилище так называемого второго Краснореченского храма в 1983 г. открыты берестяные свитки с письменами брахми, датированные VIII в.

Уже в первой половине VII в. буддизм в Согде был отвергнут. Вместе с тем исследователи отмечают, что и восторжествовавший культ местных богов сохранял несколько столетий ставшую привычной индийскую иконографию. По мнению Б. И. Маршака, некоторые божества из первого Ак-Бешимского храма находят параллели в небуддийском искусстве Согда и Хорезма VI—VII вв. Ак-Бешимские изображения (чета согдийских богов) — прямое свидетельство включения местных божеств в буддийский культ[81].

Письменные источники и археологические находки свидетельствуют также о широком распространении в городах и селениях

Киргизии поры раннего феодализма другой мировой религии — христианства в виде «еретического учения» — несторианства. Преследование несториан в сасанидском Иране вызывало частичную их миграцию в Среднюю и Центральную Азию. Некоторые исследователи считают, что наряду с согдийцами, христиане-сирийцы сыграли видную роль в «колонизации» Семиречья.

Уже в VI в. несторианское христианство распространилось в Самарканде, где отмечено местопребывание сначала епископа, а затем и митрополита. В VII—VIII вв. несторианство получило широкое распространение в Семиречье и Восточном Туркестане. Для этого времени известно пребывание митрополита в Кашгаре. В Ургуте в X в. был несторианский монастырь, а в XII в. уже была учреждена метрополия Кашгара и Невакета[82]. Патриарх Тимофей (780—819 гг.), ведущий переписку с тюркскими каганами, сообщает о принятии христианства «царем тюрок», вероятно, карлукским джабгу. Памятники несторианского происхождения в виде намогильных кайраков с сиро-тюркскими текстами эпитафий, натальных крестов из металла и нефрита, отдельных находок сирийского письма на керамике, камне и художественном металле свидетельствуют о довольно широком распространении этой религии в Семиречье с VIII (а возможно, и с конца VII в.) до XIV в. Абу Дулаф, путешественник X в., сообщает, что среди чигилей было немного христиан. Можно полагать, что либо среди чигилей жили иностранцы-христиане, либо часть самих чигилей исповедовала эту религию. Христиане жили в Таразе; при взятии города эмиром Бухары Исмаилом в 893—894 гг., христианская церковь была обращена в мечеть. Соборная мечеть города Мирки также прежде была церковью[83]. Несторианская церковь VIII в. была раскопана Л. Р. Кызласовым на Ак-Бешиме (Суяб-Ордукент).

Несколько захоронений несторианских христиан было расчищено на раннесредневековом некрополе Краснореченского городища (Невакет). На груди у одного погребенного сохранился бронзовый крестик. Захоронения христиан датируются VII—VIII вв. Они, как и находки кайраков, свидетельствуют о раннем расселении сирийских христиан в городах Семиречья и распространении здесь христианства.

Из арабо- и персоязычных источников известно, что манихейство (в форме дуалистического учения о борьбе добра и зла, света и тьмы, пытавшегося сочетать христианство с элементами зороастризма и других религий) было популярно в Восточнотюркском и Уйгурском каганатах. Почти все согдийско-манихейские тексты были найдены на территории Турфанского оазиса при раскопках городов. В отличие от буддизма эта религия была распространена среди знати.

Некоторые сведения позволяют говорить о распространении манихейства и в городах Семиречья. В колофоне манихейской ру-

кописи из Хочо «Священная книга двух основ» перечислены некоторые города Чуйской и Таласской долин, где имелись манихейские общины VIII—IX вв.[84].

Наряду с официальными религиями среди населения городов и селений раннесредневековой Ферганы и Семиречья широко были распространены культы, атрибутами которых являлись антропоморфные изображения. Это — идолопоклонство, культ предков и связанные с ним профессиональные культы. Обряды поклонения предкам совершались в каждом доме, в каждой семье. Культовые постройки в виде небольших капищ или святилищ, алтарных ниш и очагов были обязательной принадлежностью каждого дома. Размеры домашних храмов и молелен были различны. Храмовый комплекс, открытый Г. А. Брыкиной в с. Кайрагач (Юго-Западная Фергана), состоял из трех комнат, являвшихся собственно храмом, а также большого двора с водоемом в центре, и ряда других помещений. Главные обряды совершались в святилище. В небольшой комнате, соединявшей святилище с двором, в нише покоились маленькие скульптурки, принадлежавшие отдельным представителям общины и являвшиеся их личными покровителями. Обряд сопровождался приношением богам и возжиганием огня в курильницах и в большом очаге перед алтарем. Широко распространены были профессиональные культы. Ремесло передавалось по наследству, поэтому поклонение духам мастеров принимало форму семейно-родовых культов. В этой связи большой интерес представляют проушный топор и наковальня, обнаруженные в Кайрагаче. Эти находки проливают свет на характер культа, атрибутами которого являются найденные здесь скульптуры, олицетворяющие собой родоначальников кузнечного ремесла[85]. Идентичные атрибуты поклонения (идольчики) были свойственны и кочевому населению обширных пространств Евразии.

Сложными магическими обрядами сопровождались сев, сбор урожая; долгое время существовали древние культы плодородия, почитания водных и небесных духов, домашнего очага и другие. Многие из них сохранились в традиционных обрядах киргизов и в позднее средневековье. Первой государственной религией на территории Киргизстана стал ислам (середина X в.). В это время Арабский халифат переживал расцвет культуры и науки; границы империи ислама по ал-Мукаддаси простирались от пределов Суса на Атлантике до Кашгара на Востоке[86].

Развитие науки и литературы. «Кутадгу билиг» и «Диван лугат ат-тюрк»

В VIII—X вв. в Средней Азии получает развитие научная мысль. Научные труды писали на арабском языке. Многие из них отличало подлинно научное познание мира.

Среди ученых того времени видное место по праву занимает Абу Наср ал-Фараби ат-Турки (около 870—950 гг.). Он был сыном тюркского военачальника и происходил

из г. Фараба (на Средней Сыр-Дарье). Первоначальное образование ал-Фараби получил в своем родном городе, продолжив его в Бухаре, Дамаске, Багдаде. Он, как никто до него в мусульманском мире, не только освоил наследие древнегреческих философов и особенно Аристотеля, но и сумел донести его до народов Востока. Ал-Фараби написал ряд оригинальных сочинений, многие ученые средневековья считали его своим учителем. В комментариях к «Метафизике» Аристотеля «Об основных идеях философии», «О взглядах жителей современного города» и в других трудах ал-Фараби рассматривает ряд важнейших вопросов о сути познания, природе человеческого общества, о происхождении государства, а также причинах социального неравенства.

Философия ал-Фараби не отличалась последовательностью: материалистические тенденции в ней причудливо переплетались с идеалистическими. Однако социально-утопические воззрения ал-Фараби, гуманные и прогрессивные в своей основе, сыграли в свое время важную роль в развитии мировой науки.

На арабском языке писал свои труды видный математик и астроном того времени Ахмед ал-Фергани (IX в.).

В конце X—XI в. восточным форпостом мусульманской учености становятся города Баласагун и Кашгар. Здесь можно было получить глубокие знания по математике, астрономии, медицине, арабо-персидской литературе, теории рифмы. Здесь была создана первая тюркоязычная поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание» или «Наука об управлении государством»). Она была написана поэтом и мыслителем Юсуфом Баласагунским. Какие-либо сведения об авторе в источниках отсутствуют. Юсуф слыл образованным человеком в области географии, истории, философии. Судя по содержанию поэмы, он родился в Баласагуне, одной из столиц Караханидского каганата, в 1015—1016 гг. К написанию поэмы приступил в возрасте 50 лет. Закончив поэму в 1069 г., он преподнес ее в дар Караханиду Тамгач Богра-карахакану Абу Али Хасану.

Поэма «Кутадгу билиг» была написана под влиянием литературной школы, сложившейся в IX—X вв. в Бухаре. Тем не менее, в ней нашли отражение местные тюркские традиции, связанные с кругом представлений, преданий, характерных для Семиречья и Восточного Туркестана— Чуйской и Таласской долин, Центрального Тянь-Шаня и бассейна оз. Иссык-Куль.

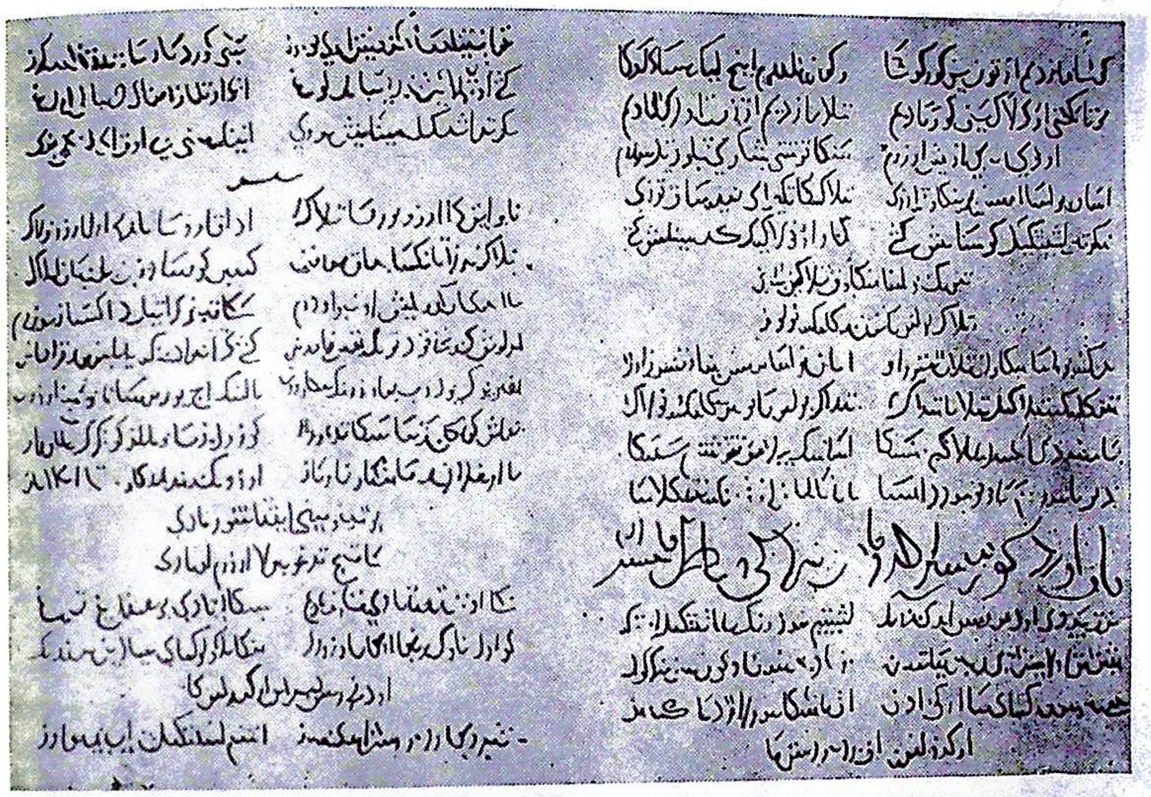
В «Кутадгу билиг» воспевается правитель Кун-Тогды-элик («Восход солнца») и его вазир Ай-Толды («Полнолуние»), описаны качества военачальников *(су башлар, исфахсалар)*, Главного хаджиба, хаджибов, посла *(йалавача)*, дворецкого *(капуч башы)*, казначея *(агычы)*, кухмистера *(ашчы)*, сокольничего *(кушчы)*, писаря *(битигчи)*, секретаря *(ылымга)*, богатых *(байлар)*, средних *(орта)*, бедняков *(чыгайлар)*. Так, о купцах Юсуф Баласагунский пишет:

Юсуф Баласагунский. (Скульптура Т. Садыкова).

Еще есть торговцы; и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.
От края до края лежат их пути,
Чтоб мог ты желанную вещь обрести.

Написана поэма в виде диалогов, изречений и назиданий. Глубокое содержание, яркий поэтический язык снискали ей популярность в народе. На этой поэме воспитывались, изречениями из нее украшали предметы быта, посуду.

Юсуф Баласагунский попытался философски разрешить вопросы государственного управления, политики, смысла жизни человека, нормы его поведения и обязанности. В поэме содержатся сведения о математике, астрономии. Она имеет большое значение для изучения особенностей языка, стиля, общественной идеологии племен караханидского каганата. В ней встречаются наименования племен, обитавших на территории Киргизстана, и в городах. Он широко использует народную мудрость, тюркский фольклор, пословицы, поговорки, крылатые слова. Юсуф Баласа-



Фрагмент рукописи Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг».

гунский был прекрасным знатоком человеческих душ, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владеющим всеми тонкостями арабской, персидской и тюркской поэзии[87].

До нас дошло три рукописи поэмы: каирская, наманганская и гератская. Древнейшим считается каирский вариант.

О жизни и деятельности другого ученого-тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа Махмуда ибн-Хусейна Махмуда Кашгарского также известно очень мало. Судя по содержанию его «Словаря», он был из рода караханидских правителей. Отец Махмуда Кашгарского — уроженец г. Барсхана (южное побережье оз. Иссык-Куль). Первоначальное образование Махмуд получил в Кашгаре, продолжив его в Багдаде. Он отлично владел арабским языком, хорошо знал жизнь тюркских народов и писал о них не по книжным источникам, а на основании личного знакомства. «Хотя я происхожу из тюрок, которые говорят на самом чистом языке..., которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место...,— пишет Махмуд Кашгарский в своем «Словаре»,— я пядь за пядью исходил все или, селения, степи тюрок. Я полностью запечатлел в уме своем живую рифмованную речь тюрок, туркмен, огузов, чигилей, ягма, киргизов... И вот эту книгу после столь долгого изучения и поисков я написал самым изящным образом, самым ясным языком»[88].

Из двух книг Махмуда Кашгарского до нас дошел «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), составленный меж-

Махмуд Кашгарский. (Скульптура Т. Садыкова).

ду 464—466/1072—1074 гг.[89] Его копия, переписанная в 1226 г. Мухаммедом ас-Сави, издана в Турции и переведена на другие языки, в том числе узбекский. В «Словаре» Махмуда Кашгарского собран материал по языкам различных тюркских народов. «Наиболее полно отражен словарный состав тюркских племен, входивших в состав государства Караханидов; большая часть образцов фольклора (образцов народной поэзии, пословиц, поговорок и т. п.) принадлежит также этим племенам»[90]. Кроме того, в «Словаре» Махмуда Кашгарского имеются исторические и географические сведения о племенном составе тюрков, об озерах, землях, городах и населенных пунктах в пределах государства Караханидов.

Судя по содержанию его «Словаря», в восточной части Караханидов в XI в. обитали чигили, ягма, сугдаки, аргу, тухси, кыпчаки и другие племена и народности. Киргизы упоминаются в трех местах, как одно из тюркских племен.

Махмуд Кашгарский оставил нам богатые географические сведения о Тянь-Шане и Семиречье, более полные, чем по остальным территориям Средней Азии и Южного Казахстана. Им даны названия местностей — Куми-Талас, Занби-Арт, Арук-Турук, Ак-Сай, Ала, Аргу, Конгут, Кабуш, Торуг-Арт-Тиз, Кавак-Арт, Бедел-Арт, Чагла, Минглок, Барсхан, Баласагунские горы, Токурка, Бакирлиг, Тавушган-Огуз, Каргалик, Кара-Ийлга, Жиз-Авлы, Тайиз, Жон-Арык, Бай-Жыгыч, Кара-Сенир, Кифчак, Ак-Терек, Ила и Сигун-Самур, а также названия городов и кишлаков — Улуг-Талас, Куми-Талас, Баласагун, Куз-Улуш, Куз-Орду, Атбалук, Орду, Тартук, Балу, Кожа, Камланчу, Яфинч, Кучанар-Баши, Канжак-Сенир, Саплиг-Каяс, Урун-Каяс, Ики-Окуз, Чигил, Барсхан, Сулми, Жанбалык, Бешбалык, Янибалык, Букур, Кизил-Оз, Узгенд и Ягма; названия озер и рек — Юлдуз-Кёл, Корун-Кёл, Азгираак-Суу, Иссык-Кёл, Сизин-Кёл, Каз-Суу, Улуг-Кайкан, Тарин-Кёл, Ай-Кёл, Ябаку-Суу и Или. Из них до наших дней сохранились следующие географические названия: перевалы Бедель, Шамси (у автора Занби), Торуг-Арт, пастбище Ак-Сай, местность Кавак, р. Или, город Узген, озера Юлдуз-Кёл, Иссык-Кёл (у автора Сизин-Кёл). Остальные географические названия можно отождествить с городами, поселениями и городищами или установить их местонахождение на основе данных самого Махмуда Кашгарского и других авторов.

Представляет интерес круглая карта мира («Диван лугат атюрк» «Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгарского, на которой обозначены оз. Иссык-Куль, Баласагун и Кашгар. Следует отметить, что на карте встречаются названия, которые в тексте «Словаря» отсутствуют, или, наоборот, не все географические наименования, упоминаемые в тексте, показаны на карте. Эти и другие противоречия говорят о том, что карта Махмуда Кашгарского подвергалась изменению другим лицом (карта дважды переиздавалась И. Умняковым).

В источниках упоминаются представители культуры и науки в таких городах караханидского каганата, как Баласагун, Тараз, Узгенд, Шельджи, Джикиль, Куба, Шаш, Ахсыкет[91].

На границах караханидского государства в Семиречье и Мавераннахре шел параллельный процесс становления тюркской литературы и развития литературы на *дари (фарси)*, между которыми существовала тесная связь[92]. На тюркском языке написал поэму «Подарок истин» ферганец Ахмед Югнеки[93].

Следует отметить, что для многих поэтов того времени сочинительство являлось средством к существованию. Свои сочинения они передко вынуждены были преподносить в дар знатным, о чем свидетельствуют следующие строки:

«Одному она (судьба. — *Ред.)* из Баласагуна доставляет пропитание в Герат,

А другого ради куска хлеба гоняет до самого Баласагуна».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что эпоха Караханидов в средневековой истории Киргизии знаменовала собой высший подъем культуры местных народов. За ней последовал упадок, вызванный нашествием орд Чингиз-хана.

Глава VII

КИРГИЗСТАН В XIII — XV ВВ.

1. Нашествие монголов и его последствия

Выход на историческую арену монголов и образование в начале XIII в. Монгольской империи оказали огромное влияние на судьбы многих народов и государств Центральной и Средней Азии. Правителем ее на съезде представителей феодальной верхушки — курултае — был провозглашен Чингиз-хан (правл. 1206—1227 гг.). Консолидация Монгольского государства под властью Чингиз-хана завершилась разгромом сопротивлявшихся крупных объединений татар, меркитов, найманов и подчинением всех остальных монголоязычных племен.

Установлению власти Чингиз-хана на Восточном Тянь-Шане предшествовала борьба местных полунезависимых правителей отдельных областей против гурхана киданей и найманского хана Кучлука. Владетель обширного Уйгурского Турфанского княжества с центром в Бешбалыке идикут Барчук оказал сопротивление остаткам найманов, разгромленных на Иртыше в 1208 г. Откавшись от выплаты дани киданям, он направил в 1209 г. посольство к Чингиз-хану с выражением покорности и признал себя вассалом монголов[1]. Его княжество в дальнейшем имело статус своего рода пятого улуса Монгольской империи в дополнение к четырем уделам-улусам сыновей Чингиз-хана.

В 1210—1211 г. под власть Чингиз-хана перешел владетель карлукской области Каялык Арслан-хан[2]. В поддержку этих правителей и для закрепления власти на Восточном Тянь-Шане Чингиз-хан направил туда в 1211 г. отряды монгольских войск под предводительством военачальника Хубилая. Переход под власть Чингиз-хана обширной карлукской области Алмалык состоялся после продолжительной войны с Кучлуком ее правителя Бузара, в помощь которому Чингиз-хан в 1217 г. направил свои отряды[3]. Владение областью Чингиз-хан передал по наследству Сугнактегину — сыну убитого Кучлуком Бузара.

Войны Кучлука с хорезмшахом Мухаммедом и восьмилетнее властвование его на территории Тянь-Шаня разорили страну. Население подвергалось нещадным поборам, что вызвало недовольство правлением найманов. Поэтому двадцатитысячный отряд монголов под начальством Джебе, получив вначале поддержку местного населения и помощь уйгурского идикута, легко опрокинул войско Кучлука. Ликвидация власти Кучлука открыла для Чингиз-хана возможность для дальнейшего завоевания Средней Азии, которое началось в 1219 г.

В армию Чингиз-хана влились отряды тянь-шаньских вассалов — карлукских правителей Алмалыка и Каялыка и десятитысячный корпус уйгурского идикута Барчука[4]. Разоренное, деморализованное в предшествующие годы население не оказывало сопротивления завоевателям. Города сдавались один за другим. Кочевые скотоводческие племена бежали на юго-запад, к Памиро-Алаю. Пройдя с огнем и мечом по всей Средней Азии, монгольские полчища грабили и разрушали мирные поселения, истребляя жителей[5]. Тысячи из них были угнаны в рабство.

Монгольское нашествие губительно сказывалось и в последующие десятилетия вследствие массового переселения сюда монгольских кочевых племен и длительных междоусобных войн Чингизидов за перераспределение владений.

Феодальные войны и упадок оседло-земледельческой культуры

Оставив «коренной юрт» — Монголию — младшему сыну, завоеванные территории Чингиз-хан распределил в качестве наследственных улусов между тремя сыновьями, выделив каждому по четыре «тысячи» своей личной гвардии[6]. Территория Киргизии первоначально входила в состав улуса второго сына — Чагатая, включавшего земли от р. Или до Аму-Дарьи, а также часть Восточного Туркестана. Четыре гвардейские «тысячи» Чагатая состояли из монгольских племен (барлас, кунграт) и насчитывали вместе в семьями 40—50 тыс. человек. Главным городом улуса стал Алмалык, летняя резиденция размещалась в местности Куяш, в долине р. Или. Соседние области восточнее бассейна р. Или и Западного Алтая вошли в состав улуса третьего сына — Угэдэя. Его ставки с четырьмя войсковыми «тысячами» (из племени джалаир, сулдус, конкотан) располагались на берегах Эмиля и Кобука у Тарбагатая. В период правления Угэдэя на престоле всемонгольского хана (правл. 1228—1241 гг.) и его сына — преемника Гуюка (правл. 1246—1248 гг.) численность лично принадлежавшей им гвардии увеличилась. Кроме того, по свидетельству Плано Карпини, в южном Прибалхашье отдельной ставкой-ордой владела вдова умершего Угэдэя.

В южном Прибалхашье и Притяньшанье в 40-х годах XIII в. находилась также ставка Еджена (Орды-Ичена), наследовавшего четыре личные «тысячи» своего отца Джучи — старшего сына Чингиз-хана, и отдельно орда вдовы Джучи[7]. По-видимому, на

Восточный Тянь-Шань и в Притяньшанье в первой половине XIII в. переселилось до 200 тыс. монголов.

Количество переселенцев увеличивалось за счет появившихся здесь подвластных монголам тюркских племен Южной Сибири, которые прикреплялись к монгольским «тысячам» и «тумэнам» (десятитысячным корпусам). Чингиз-ханом был учрежден тумэн из тюркско-алтайских племен во главе с темником Хорчи: «Пусть Хорчи владеет не только тремя тысячами бааринцев,— повелел он,— но также пополненным до тьмы адаркинцами, чиносцами, толесами, теленгутами совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до Приэрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою «лесных» народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений»[8]. Численность дöölöсов, теленгутов и других тюркских «лесных» племен Алтая и Прииртышья намного превосходила три «тысячи» собственно бааринов-монголов. Баарины в дальнейшем до XV в. играли заметную роль на Северном Тянь-Шане.

Еще одно переселение монголов и тюркских кочевых племен Южной Сибири на Тянь-Шане произошло после захвата великоханского престола внуком Чингиз-хана Мункэ-ханом (правл. 1251—1259 гг.), когда для разгрома своих противников он направил в улусы Угэдэя и Чагатая «десять тумэнов из храбрых тюрков»[9].

По распоряжению Чингиз-хана только Угэдэй и его наследники, владея улусом в Семиречье и на Алтае, могли занимать престол всемонгольских ханов. Тулуй как младший сын Чингиз-хана, получивший по традиции во владение «коренной» юрт отца, права на наследование «великого престола» не имел. В ходе трехлетней борьбы (1249—1251 гг.) сына Тулуя, Мункэ, за престол против него объединились наследники улусов Угэдэя и Чагатая с их многочисленными нойонами. После подавления оппозиции в 1251 г. улус Угэдэя был ликвидирован, а земли и племена розданы сторонникам Мункэ. Перераспределение владений произошло и в Чагатайском улусе. Оно привело к длительной междоусобной борьбе Чингизидов, принесшей большие бедствия населению Киргизии и всей Средней Азии.

Брат Мункэ, Хулагу, с общеимперскими силами двинулся в Иран. Завоевание сопровождалось переселением туда в 1253—1255 гг. большой части собственно монголов. Их орды, двигаясь со скотом по территории Киргизии, причиняли неисчислимые бедствия земледельческим поселениям. Стада травили и вытаптывали поля, войска мародерствовали. Указ Мункэ-хана о ликвидации всех ярлыков, ранее изданных враждебными Чагатаевичами, отмена налогов и повинностей в их пользу не принесли облегчения. Поборы для новых ставленников собирались по новым ярлыкам.

Феодальные междоусобицы в Чагатайском улусе, в состав которого входила Киргизия, еще больше обострились после смерти

Мункэ, когда великими ханами объявили себя в 1260 г. два его брата-соперника — Арик-Бука и Хубилай. Арик-Бука удерживал некоторое время за собой Монголию. После нескольких поражений основной территорией сосредоточения его сил являлись верховья Енисея, «область кыргызов» и Алтай[10].

Борьба двух феодальных группировок Чингизидов сразу же сказалась на населении Киргизии и всего Тянь-Шаня, когда Арик-Бука направил Алгу, внука Чагатая, в наследственный улус его деда на Тянь-Шань для сбора вооружения и провианта. Произведя большие поборы с населения по ярлыку Арик-Буки, Алгу отказался признать его власть. По прибытии в 1262 г. Арик-Буки со своими войсками с Алтая на территории Чагатайского улуса началась война, которую продолжали после Арик-Буки в 1264—1269 гг. различные группировки Чагатаевичей и Угэдэевичей. Междоусобия монгольских феодалов в 60-х годах XIII в. довершили разорение населения Притяньшанья.

Отмечая последствия вселения кочевых монгольских племен на Восточный Тянь-Шань, В. Рубрук, проезжавший по Илийской долине в 1253 г., писал, что здесь «прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами (монголами), чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища»[11]. Монголы действовали, писал в связи с этим К. Маркс, «сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»[12].

Захватывая лучшие пастбища, монголы вытесняли местные скотоводческие племена с Тянь-Шаня на Памиро-Алай. Разоренное оседло-земледельческое население уходило с территории Киргизии в Восточный Туркестан, к Сыр-Дарье и в Мавераннахр, где монголов было сравнительно меньше. Нашествие монголов при Чингиз-хане и его преемниках на Среднюю Азию сопровождалось гибелью многочисленного населения и разрушением производительных сил.

2. Киргизстан во второй половине XIII — первой половине XIV вв.

Государство Хайду Образование самостоятельного государства в восточной части Средней Азии во второй половине XIII в. было исторически закономерным, как и распад самой Монгольской империи. Монгольский народ понес в ходе завоевательных войн огромные, невосполнимые людские потери. Закрепление власти в завоеванных странах сопровождалось массовыми выселениями самих монголов. Монголия в середине XIII в. обезлюдела.

Еще в первой половине XIII в. превратилась фактически в самостоятельное государство западная часть улуса Джучи (Золотая Орда) под верховенством сына Джучи, Бату, который в

1248 г. выступил с огромным войском против великого хана Гуюка. Сражение не состоялось из-за смерти Гуюка. Тот же Бату обеспечил возведение в 1251 г. Мункэ-хана на всемонгольский престол. «Ты его посади на трон, всякий кто отвратится от ясы, лишится головы»,— говорил Бату своему брату Берке, хотя именно сам Бату являлся нарушителем ясы — степного права и завещания Чингиз-хана о престолонаследии. Создание огромной Монгольской империи не сопровождалось ее хозяйственно-экономической консолидацией. Завоеватели, собственно кочевое скотоводческое хозяйство которых находилось на более низком уровне, чем во многих завоеванных странах, нещадно грабили местное население.

Ослабление власти всемонгольских ханов имело следствием некоторое возрождение хозяйственно-экономической жизни покоренных стран. Возросла роль местной феодальной верхушки, в частности, на территории Средней Азии. В 60-х годах XIII в. восточная часть Средней Азии вошла в новое самостоятельное государство под верховенством Хайду. Будучи внуком Угэдэя, Хайду имел наследственное право на всемонгольский престол. Он участвовал в борьбе против захвата его Мункэ-ханом. В борьбе против великого хана Хубилая и его ставленников в Чагатайском улусе Хайду удалось объединить большинство Чингизидов Средней Азии. В 1269 г. в долине р. Талас состоялся курултай—съезд феодалов бывшего улуса Угэдэя и Чагатая, положивший начало образованию нового государства в восточной части Средней Азии (правл. Хайду-хана 1269—1301 гг.). Просуществовав столетие, в 70-х годах XIV в. оно разделилось на Моголистан и государство Тимура.

О внутреннем устройстве и истории государства Хайду, как и других государств того времени, сведения скудны. Марко Поло, служивший при Хубилае — номинальном «всемонгольском» хане, по составу основного населения именовал государство Хайду в отличие от Монголии «Великой Турцией»: «В Великой Турции царь Кайду... Много у него городов и замков, и очень он силен. Он татарин, и народ его татарский, славные они воины, да и не удивительно: все они к войне привычны. Кайду, скажу вам, великому хану (Хубилаю. — *Ред.)* не подчиняется и все с ним воюет. Великая Турция... за рекою Ион (Аму-Дарьей. — *Ред.)* и к северу идет вплоть до земель Великого хана (Монголия. — *Ред.)*. Много раз бился Кайду с войсками великого хана... Кайду, коль хорошенько постарается, так может выставить в поле более ста тысяч всадников, всех храбрецов, к войне и сражениям привычных. При нем много князей императорского роду, то есть чингисханова»[13].

Новое государство сложилось на основе объединения бывших улусов Угэдэя и Чагатая с территорией от Алтая до Аму-Дарьи, включая Восточный Туркестан. Чагатаевичи присягали Хайду как верховному хану: «...эмиры и царевичи (бывшего Чагатайско-

го улуса. — *Ред.)*, которые были в его ставке, пришли к Хайду и поклонились (ему) в землю: «До сих пор нашим правителем был Борак-ака, в настоящее время (наш) государь Кайду-ака, как он прикажет, так и будем служить»[14].

Первоначальный состав войск Хайду и нового государственного объединения был разнородным: «Все войска, которые составляли личную собственность (хасс) (Угэдэя) каана, все принадлежали к потомству (насл.) этих четырех тысяч (ранее перечисленных джалаиров, сулдус, конкотан и племен неизвестного названия. — *Ред.)*. Но когда (Угэдэй) стал государем, то по существовавшему обычаю, согласно его приказу, (подчинялись и) выступали (в походы) и войска других царевичей. Также было и во время его сына Гуюка-хана. Когда же его дети, не послушав его слов (Угэдэевичи воспротивились в 1251 г. захвату престола Мункэ. — *Ред.)*... и Менгу-каан сел на царство, он роздал все их личные войска, исключая тех, что принадлежали Кутану... (на Алтае, впоследствии перешел под власть Хайду-хана. — *Ред.)*. Так как войска уруга Угэдэй-каана были разделены и розданы, то войско, которое собрал Кайду, было не коренное войско, потому что Кайду во время смерти Арик-Буки был с ним заодно. После того, как тот, обессилев, ушел к своему брату, Кубилай-каану, Кайду бежал и прибыл в коренной юрт отца и деда в пределах страны... (название в рукописях пропущено, но юрт находился в Прииртышье. — *Ред.)*. (Туда) из каждого угла к нему собирались рассеянные войска. Постепенно из каждой родовой группы (таифе) собирались (люди) и к нему приставали все оставшиеся воины из старых войск тех краев. Войско, которое ныне принадлежит его потомкам,— такого рода, а из того войска, которое Чингиз-хан дал (некогда) его (Кайду) деду, они больше ничего не имеют»[15].

Образование нового государства в Средней Азии сопровождалось перераспределением владений и переселением большинства монгольских племен бывшего Чагатаева улуса (барласов, кунграт ов) с территории Киргизии в Мавераннахр. Территория Киргизии была занята переселившимися сюда из междуречья Иртыша-Или новыми племенами из бывшего улуса Угэдэя и других мест, собранными Хайду-ханом, которые впоследствии перешли в наследственное владение его преемников.

Чуйская долина стала заповедником — *корук* — самого Хайду-хана. «Останки его (Хайду. — *Ред.)* и некоторых царевичей, которые скончались до него, находятся в очень высоких горах под названием Шонхорлык («Соколиной»), что между реками Или и Чу. Чу — область, в которой много селений. Она имеет два больших селения — Тарсакент и Караялык... Там живет Хутулун, дочь Кайду... и охраняет заповедное место погребения отца»[16].

Таласская долина перешла во владение Шаха — сына Хайду. Там находилась его главная ставка. Восточные области Тянь-

Шаня перешли его другому сыну, наследовавшему престол,— Чапару. Чагатаевичи во главе с Бораком получили в компенсацию за бывшие владения на Тянь-Шане две трети юго-западного Мавераннахра. Кроме того, предполагалось отвоевание Чагатаевичами с помощью Хайду-хана дополнительных территорий у Хулагуидов за Аму-Дарьей.

По-видимому, в конце царствования Хайду или при его преемниках в Мавераннахр переместились племена бывшего Угэдэева улуса: джалаиры в район Ангрена и Ходжента, а также сулдусы, игравшие важную роль в первой трети XIV в. за Аму-Дарьей, в Балхе.

Образованное в 1269 г. государство Хайду являлось уже не бывшим улусом Чагатая или Угэдэя, а новым государством в восточной части Средней Азии с прилегавшими районами Восточного Туркестана.

Внутреннее положение в государстве и война на Востоке

Хайду-хан являлся незаурядным государственным деятелем и военачальником. «Он был ханом справедливым..., мягкого характера, понимающим интересы страны, человеком знающим, благосклонным к мусульманам»[17]. Указанные Джамал ад-дином Карши качества Хайду, конечно, идеализированы. Но в общем весьма положительные характеристики Хайду как государственного деятеля давались и другими авторами. Об этом свидетельствует также сам факт его долголетнего правления.

Хайду проводил политику стабилизации хозяйственной жизни в Средней Азии, что обеспечивало ему широкую поддержку со стороны различных группировок и слоев местного населения, без помощи которых он не смог бы вести длительные войны с коалицией трех соседних государств. Его ближайшее окружение относилось к той части феодалов, которые считали более выгодным для себя и благоразумным «по-хозяйски» эксплуатировать население. Они хорошо понимали, что период хищнического ограбления кончился. Необходимо было хотя бы минимально ограждать население от грабежей, чтобы обеспечить поступление в государственную казну регулярных налогов. Хайду был сторонником политики своего деда, хана Угэдэя, а не той части монгольской военно-кочевой знати, которая предпочитала обогащение путем традиционного ограбления завоеванных стран[18].

На курултае в 1269 г. было регламентировано налогообложение и постановлено не брать с жителей ничего, кроме законных податей. Регламентировалось также землепользование. Оно обязывало кочевых феодалов содержать скот в определенных им зимних и летних кочевьях, не допуская выпаса его на засеянных полях, что было, видимо, нередким явлением. Претворение в жизнь хозяйственно-налогового регулирования в течение длительного ханствования Хайду способствовало общему возрождению восточной части Средней Азии.

Большое значение имела денежная реформа, начатая на втором году царствования. Исполнителем реформы являлся купец Масуд-бек, сын купца и ростовщика Махмуда Ялавача, которому еще Чингиз-ханом было отдано на откуп управление Мавераннахром со сбором налогов в имперскую казну и которого потом Чагатай самовольно сместил вопреки воле великого хана Угэдэя. Реформа была завершена в последние два десятилетия правления Хайду-хана[19]. Она регламентировала регулярную чеканку серебряных монет одинаковой пробы и веса на всей территории государства. Чеканка была свободной. Любой собственник серебра мог передавать его на местный монетный двор для переделки за плату в монеты.

Успех реформы обеспечивался общим подъемом хозяйства и стабилизацией государственной власти. Ее реализация имела большое значение для денежной торговли и развития товарного производства в возрождавшихся к жизни разрушенных городах. Например, в Чуйской долине Рашид ад-дин упоминал многочисленные селения и среди них называл два больших — Тарсакент и Караялык. Тарсакент (в переводе — «Христианское селение») находилось, видимо, в районе бывшего Пишпекского несторианского кладбища, а Караялык — на месте запустевшего Баласагуна или вблизи от него. Период их расцвета, судя по датируемым надгробным надписям, относится к концу XIII — первой трети XIV в.

Внутреннее спокойствие в государстве, безопасность дорог и упорядочение финансов создавали благоприятные предпосылки для внутренней и транзитной торговли. Хотя ремесло и торговля не оправились полностью от разорения, все же отмечается их подъем в конце XIII в., как и некоторое возрождение всего хозяйства, разоренного нашествием монголов.

Процесс возрождения экономической жизни в государстве во второй половине XIII — начале XIV в. сдерживала война с империей Юань на восточных границах, длившаяся с перерывами почти сорок лет. Как отмечал Вассаф, Хайду-хан, располагая отличным войском, не предпринимал завоевательных походов и ограничивался обороной своих владений от притязаний трех соседних государств. Действия Хайду, однако, не были только оборонительными — попытки противников захватить и разделить его государство парировались вторжениями в страны противников или поддержкой там сепаратистских движений.

Главным врагом государства Хайду были «всемонгольские» ханы, сидевшие в Пекине, в частности Хубилай. По традиции великих ханов-предшественников и под влиянием окружавших сановников он стремился установить свою власть в Средней Азии. Его союз с правителем Ирана, Хулагу, и преемником последнего Абага-ханом (правл. 1265—1282 гг.) предусматривал раздел Средней Азии: территорию до Аму-Дарьи Хубилай намеревался оставить за собой, а от нее до Египта — отдать Хулагуидам. Систематическое вторжение войск Хубилая в приалтайские и в восточнотуркестанские области государства Хайду представляли собой фактически непрекращавшуюся войну. С 1293—1294 гг. завоевательную политику Хубилая продолжал его преемник Тэмур. Хайду-хан умер в походе 1301/1302 гг. против его войск. Затем войну продолжали командовавший ранее войсками на этой границе сын Хайду, Урус, и его старший брат, преемник Хайду-хана, Чапар, в союзе с Джучидом Кублюком — правителем восточной части Белой Орды.

Среди подвластного Хайду-хану населения Алтая и соседних областей были группы населения, именовавшиеся кыргызами. На них нападали при вторжениях войска Хубилая, захватывали пленных и переселяли их в отдаленные области Монголии. Значительное число кыргызов было переселено в 80-х годах в район Каракорума — бывшей столицы Монголии[20]. В результате похода Хайду в 1286 г. в глубь Монголии и в соседние области енисейские кыргызы оказались под его властью. Вторгшийся с хубилаевым войском Тутух в 1290 г. «при разграблении района Алтайских гор захватил более трех тысяч семей, принадлежавших Хайду»[21] и увел их к Каракоруму. Затем во исполнение приказа Хубилая «овладеть кыргызами», подвластными Хайду на Енисее, он выступил в 1291 или 1292 г. с войском из Каракорума против них и «овладел всем народом пяти их племен... Хайду, получив известие о захвате кыргызов, послал (им на выручку) на реку Цяньхэ (Енисей) войска»[22]. Захваченные в этих операциях кыргызы были уведены в 1293 г. в качестве «военных поселенцев» в Монголию. По одному сообщению указано отдельно семьсот семей, по другому — «племя» вместе с некими еще двумя племенами неизвестной принадлежности[23]. Предшествовавшим местожительством некоторых из них, возможно, был Алтай, откуда при вторжении через два года последовал увод новых групп: «В 1295 г. кыргызов, проживавших в горах Цзинь-Шань (Алтай), переселили в Шаньдун» — провинцию Северного Китая[24].

Хайду-хан не только успешно отражал натиск юаньских войск в его владения на Алтае, но и сам многократно организовывал большие вторжения в 1276 и 1286 гг. со своими вассалами и союзниками в «Большой юрт», как называлась тогда собственно Монголия. В 80-х годах Хайду изгнал уйгурскую династию Турфанского княжества, поддерживавшую Хубилая, и ликвидировал само княжество, включив его территорию в состав своего государства[25]. Первые преемники Хайду продолжали воевать на восточных границах государства, т. е. Турфанского оазиса и в районе Цаган-нора на Алтае.

Война против юаньских императоров была оправданной с точки зрения интересов народов Средней Азии и Юго-Восточного Казахстана, поскольку была направлена на освобождение от двойного гнета.

Поддержка Хайду-ханом Кублюка (Куйлюка) из восточной части Белой Орды являлась частью борьбы с тройственной коалицией против юаньского императора, Хулагуидов Ирана и западных Джучидов Золотой Орды. Ханы Белой Орды, номинально признавая верховенство золотоордынских, фактически были самостоятельными со времени старшего сына Джучи, Орды-Ичена, которому была выделена еще самим Чингиз-ханом восточная часть Джучиева улуса. Орда-Ичен почитался старшим и при Бату, который не вмешивался в дела его владений. В конце XIII в. здесь правил внук Орды, Баян, по-видимому, склонявшийся на сторону юаньского императора. Хайду-хан поддержал восставшего против него троюродного брата, Кублюка.

«В последние несколько лет Кайду, опасаясь того, что (войска Баяна), возможно, соединятся с войсками каана (юаньского императора Тэмура. — *Ред.)*, послал к границам владений Баяна второго своего сына по имени Баянджара, и другого сына Шаха, Тура-Тимура, сына Шираки, сына Менгу-каана, и Мелик Тимура, сына Арик-Буки, с войском и поручил им (охранять) те пределы, чтобы они служили преградой между войском каана и войском Баяна и не допустили их соединиться. А Кублюк с тем войском, которое отпало от Баяна, и с тем, которое пришло к нему на помощь со стороны Кайду и Дувы, захватил часть областей и улуса Баяна»[26]. Баяна поддерживал золотоордынский хан Тохта (правл. 1290—1312 гг.), состоявший в союзе с хулагуидским ханом Ирана Газаном. Тохта сразу же после смерти Хайду-хана направил в 1302—1303 гг. войска на соединение с войсками юаньского императора Тэмура. Преемник Хайду-хана, Чапар, и его вассал Дува поддерживали Кублюка, надеясь приобрести в его лице «союзника в борьбе с Газан-ханом».

Военные действия на границах с иранскими Хулагуидами носили несколько иной характер. Обе стороны стремились захватить владения соседа. Абага-хан и после него Газан-хан хотели в союзе в юаньскими императорами и некоторыми из Джучидов поделить государство Хайду. Чагатаевичи Мавераннахра стремились расширить свои владения за счет государства Хулагуидов. Отвоевание заамударьинских владений являлось планомерной политикой Чагатаевичей, которую поддерживал сам Хайду-хан, правда, без направления туда своих основных войск.

Войны Чагатаевичей на западе начались с неудачного вторжения в 1270 г. Борака во владения Хулагуидов. В 1272—1273 гг. войска Абага-хана разорили Бухару. С 1282 г. походы чагатайских царевичей возглавлял Дува. В 1288 г. они разграбили Мургабский оазис, Балх и Шиберген. В 1291 г. Хайду-хан поддержал войсками своих вассалов мятеж эмира Ноуруза в Хорасане против Газан-хана. Его сыновья и родичи вместе с войсками Чагатаидов вторглись в пределы Бадахшана, Пенджаба и Хорасана.

Распад государства в середине XIV в.

Если вторая половина XIII в. являлась периодом дробления Монгольской империи на независимые уделы Чингизидов, то в первой половине — середине XIV в. наметился распад этих огромных улусов. Синхронный процесс их распада в Средней Азии, Казахстане и Иране, проявляясь в форме династийной борьбы, обусловливался формированием новых политических связей, которые определили во второй половине XIV в. образование таких государственных объединений, как империя Тимура, Золотая Орда, Белая Орда и Моголистан.

Образование на месте государства Хайду государства Тимура в Мавераннахре и Моголистана на Тянь-Шане было обусловлено в основном разницей уровня развития этих областей; ему сопутствовали различия в этническом составе населения, культурно-религиозной идеологии. Обособлению Мавераннахра предшествовало перемещение на его территорию административно-политического центра государства.

Жизнь городов и земледельческих областей Мавераннахра, подвергшихся опустошениям в годы монгольского нашествия, к середине XIV в. заметно оживилась. Относительно немногочисленные монгольские племена подвергались здесь культурной ассимиляции под влиянием более многочисленного тюркоязычного кочевого и оседло-земледельческого населения, теснее переплетались интересы монгольской военно-кочевой верхушки и местной феодальной знати.

Иное положение складывалось на Тянь-Шане, где вселившиеся в большем количестве монгольские и вместе с ними различные тюркские племена почти уничтожили оседло-земледельческое хозяйство и города.

Борьба между наследниками престола после смерти Хайду-хана в 1301—1302 гг. явилась прологом длительных междоусобий. Дочь Хайду, Хутулун Чаха, стремилась посадить на престол своего младшего брата Уруса. В их владении находился административно-политический центр государства в Чу-Таласском междуречье. Шах владел Таласской долиной, Хутулун Чаха — Чуйской с родовым заповедником *(корук)*. Эта необыкновенная по характеру женщина, лично участвовавшая во многих сражениях еще при Хайду-хане, имела большое влияние при решении государственных дел[27]. Их первоначально поддерживали некоторые из Чагатаевичей. Большинство Чагатаевичей во главе с Тувой (Дувой) поддержали Чапара, объявленного ханом в 1303 г. Тува, будучи с 1282 г. верным вассалом и сподвижником Хайду-хана, имел большое влияние. Через два года Тува захватил власть в государстве, которую после его смерти (1306 г.) удерживал в 1307—1308 гг. сын Куньджек. Борьба за власть в эти и последующие годы сопровождалась непрекращавшимися военными столкновениями разных предводителей Угэдэевичей и Чагатаевичей, которые, вступая в кратковременные союзы и разрывая их, грабили

владения друг друга, т. е. подвластное им трудовое население. Так, во время войны Чапара в 1305 г. на Иртыше против юаньских войск отряды Чагатаевичей разорили ставку Шаха в Таласе и разграбили соседние города.

Необходимость выхода из кризиса признавали сами виновники: «Из-за вражды и борьбы между нашими и вашими отцами погибло много людей, были опустошены многие страны, иссохла земля на пашнях... Из-за усобиц обе враждующие стороны потеряли людей. Верховые животные стали бессильными. Казна пуста. Города и строения разрушены и покинуты... Куда лучше заняться нужными делами, ибо что же взрастить и получить на этих развалинах, где из-за грабежей... не стало спокойствия»,— говорили в 1307—1308 гг. послы Чапара сыну Тувы, Куньджеку[28]. Однако взаимные призывы не меняли положение дел.

Упорная династийная борьба двух первых десятилетий после смерти Хайду-хана отражала тенденции различных феодальных группировок. Интересы ведущей из них — Чагатаевичей, связанных с Мавераннахром, наиболее отчетливо проявились в правление сыновей Тувы: Эсен-Буки (1309/10—1318 гг.) и особенно Кебека (1318—1326 гг.). Правление последнего сопровождалось важными переменами и реформами. Произошло перемещение административно-политического центра государства из Тянь-Шаня в Мавераннахр. Кебеком близ Несефа была основана новая ставка — Карши, вокруг которой впоследствии вырос одноименный город. В этом отражались возрастание роли новой военной знати, эмиров, сближение части старой монгольской военно-кочевой знати с местной феодальной верхушкой Мавераннахра.

В правление Кебека около 1321 г. была проведена денежная реформа. Выпуск крупной серебряной монеты — динара и дирхема — с учетом систем в государствах Хулагуидов и в Золотой Орде, упорядочивая денежное обращение внутри государства, создавал благоприятные условия для внешней торговли. При нем же или его преемнике — брате Тармаширине (правл. 1326—1334 гг.) была проведена административная реформа.

Военно-ленная система тумэнов существовала в Монгольской империи еще при Чингиз-хане. Подчиненные тюркские племена и привилегированные монгольские, включенные в тумэн, первоначально представляли собой ленные владения монгольских феодалов. Ленники со временем стали фактическими владельцами родоплеменных объединений при территориально непрочном владении пастбищными угодьями. Их закрепление имело следствием появление качественно новой феодальной прослойки — беков или эмиров и соответствующее ослабление ханской власти в первой половине XIV в.

Новые тенденции в политике встретили сопротивление военно-кочевой знати. В правление Тармаширина подняла мятеж на востоке военно-кочевая знать Тянь-Шаня. Тармаширин, следуя в общем политике своего предшественника, продолжал рассматривать

Мавераннахр как административно-политический центр государства. В интересах здешних владетелей, включая верхушку скотоводческих племен, имевшую тесные связи с Хорасаном, он активизировал завоевательную политику в Хорасане. Она мало соответствовала интересам могущественных владетелей тянь-шаньских племен. Хан несколько лет не собирал их на традиционные ежегодные съезды, уклоняясь от посещения прежней столицы Алмалыка на Или, и нарушал степные обычаи. Поэтому тянь-шаньская знать пыталась вернуть своих ханов к временам и политике Хайду-хана, к порядкам Таласского курултая 1269 г. Но возврат к ним был невозможен в силу изменения внутренней структуры самого государства в связи с перерождением бывших ленников в наследственных владетелей или собственников. Успех тянь-шаньских эмиров во главе с Чагатаевичами — Бузаном и Дженкши, свергшими в 1334 г. Тармаширина, был временным. Обратное перемещение ханской ставки в Алмалык в правление Дженкши (1334—1338 гг.) не могло изменить общего положения в восточной и западной областях государства.

В 1339 г. ханским престолом вновь завладели Угэдэевичи. Их хан, Али-Султан, безуспешно пытался репрессиями укрепить центральную власть. Тщетны были подобные попытки и правившего затем Чагатаевича, сына Ясавура — Казана, который избрал местом своей ставки снова Мавераннахр (Зенджир-сарай близ Карши). Конец его правления (1346—1347 гг.) стал началом двадцатипятилетних феодальных междоусобиц как последней фазы существования государства в Средней Азии, сложившегося при Хайду-хане в 60-х годах XIV в.

Свергший Казана эмир Балха Казаган (правл. с 1346—1347 гг.) ввел в практику объявление подставных ханов-марионеток из монгольских царевичей Чингизидов, что означало окончательный переход власти к тюркским эмирам. Чингизиды же использовались в качестве ширмы, без которой не мог обойтись даже эмир Тимур.

Казаган, в противоположность предшественнику, являлся ставленником знати кочевых племен юго-западных областей государства. Феодалы восточной части государства — Восточного Туркестана и Тянь-Шаня объявили в 1348 г. своим подставным ханом некоего Тоглук-Тимура. Обособление и борьба этих двух феодальных группировок с их подставными ханами в Мавераннахре и на Тянь-Шане ускорили процесс распада государства. С захватом власти в Мавераннахре эмиром Тимуром в истории Средней Азии начинается новый период.

3. Моголистан во второй половине XIV — первой четверти XVI в.

Название Моголистан (Могулистан) — «Страна могулов» произошло от отюреченного названия ее населения: монгол, могол (могул). Территория, к которой относилось это название в сред-

невековых источниках, сокращалась по мере утраты политической власти моголов. Первоначально она включала весь Тянь-Шань с частью Восточного Туркестана. Согласно «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Мирзы Хайдара, северо-восточные и восточные окраины Моголистана начинались от Иртыша и Баркуля, на западе доходили до Сыр-Дарьи и Ташкента. На севере они включали Прибалхашье, а на юге области Турфана-Аксу-Кашгара-Ферганы.

На обширной территории Моголистана в XIV—XV вв. существовали разные, фактически самостоятельные феодальные владения, не всегда признававшие власть ханской династии Чингизидов. Административно-политическим центром Моголистана являлась так называемая Манг/а/лай-Субе, т. е. «Главная область» со столицей в г. Аксу.

В ее состав как особого удельного владения входила территория южного Тянь-Шаня от Кучи до Ферганы и Ташкента с городами Аксу, Кашгар, Хотан, Яркенд, Касан, Ахсикент, Андижан. На севере владение включало область Ат-Баши и территорию до Иссык-Куля, т. е. в общем с приферганским районом, значительную часть современной Киргизии.

Это обширное удельное владение в 40-х годах XIV в. принадлежало эмиру Пуладчи из монгольского племени дуглат. Намереваясь распространить свою власть на весь Моголистан и, возможно, Мавераннахр, Пуладчи объявил в 1348 г. подставным ханом в г. Аксу некоего восемнадцатилетнего Тоглук-Тимура, Чингизида сомнительного происхождения. Сам Пуладчи стал улусбеги — верховным беком Моголистана. Территория Тянь-Шаня севернее Манглай Субе — от Сыр-Дарьи до Или — являлась другим самостоятельным улусом эмира Камар ад-дина, брата Пуладчи. Камар ад-дин правил им совершенно независимо. В последовавшей борьбе с подставными ханами, посаженными Пуладчи, Камар ад-дин уничтожил преемника — сына Тоглук-Тимура, Ильяс Ходжу.

Монгольское племя дуглатов в период завоевания Восточного Туркестана, Средней Азии не играло заметной роли и вообще до начала XIV в., как отмечал Рашид ад-дин, еще «не (был) известен ни один из их эмиров, который пользовался бы авторитетом и известностью». Возвышение многочисленной верхушки дуглатов в этих краях произошло во второй четверти XIV в. — в период распада государства Хайду.

Кроме этих двух самостоятельных уделов, на Северо-Восточном Тянь-Шане и в Притяньшанье в последней трети XIV — начале XV в. существовало еще несколько полунезависимых владений, в частности, владение Хаджи-бека за р. Или из племени аркинут (аргенуд) и других эмиров, поднимавших мятеж против Тоглук-Тимура; улус родственника Хаджи-бека, Енге (Анга)-тора, в районе Эмиля-Тарбагатая.

Источники, освещающие исторические события последней трети XIV в. в Северо-Восточном Притяньшанье, в частности, на

территории между реками Или и Иртыш, упоминают существовавший здесь улус Булгачи (сочинения Низам ад-дина Шами, Шараф ад-дина Али Йезди, «Аноним Искандара» и др.). «Маджму ат-таварих», местами дословно повторяя ряд сведений указанных источников, касающихся объединения Булгачи, со своей стороны, несколько раз приводит его родоплеменной состав, в частности, названия племен: бостон, тейит, джоо-кесек, дөөлөс, кыдырша и кан/г/ды. Это — основное ядро киргизских племен, составивших группу, позднее именовавшуюся ичкиликами. О племенном составе объединения Булгачи определенных данных для XIV в. нет в других источниках, в которых оно упоминается. Но при общей скудности сведений о киргизах представляют интерес сообщения «Маджму ат-таварих» о Салвас-бие Булгачи (возможно, олицетворенный этноним) как «родоначальнике» перечисленных племен объединения ичкиликов.

Социально-экономическая структура владения Пуладчи, который объявил подставным ханом Тоглук-Тимура, сочетавшая хозяйство и население городов, земледельческих областей Восточного Туркестана и некоторого количества кочевых скотоводческих племен, существенно отличалась от структуры владений его брата дуглата Камар ад-дина на Северном Тянь-Шане с кочевыми скотоводческими племенами. Разнородность состава этих двух владений проявилась в междоусобиях в самом Моголистане. Военно-кочевая знать северного Моголистана поддерживала на первых порах завоевательную политику Тоглук-Тимура в Мавераннахре, рассчитывая на обогащение.

В феодально-раздробленном Мавераннахре в 50—60-х годах возникло несколько самостоятельных владений. Ходжентом владели джалаиры из бывшего Угэдэева улуса, областью Шахрисябза (Кеша) — барласы, в Бухаре правили садры. Власть эмира Казагана (1346/47—1358 гг.) с его подставным ханом ограничивалась в основном собственными владениями в соседнем Балхе. В 1356 г. к нему на службу перешел Тимур с получением небольшого владения на Кашка-Дарье. Это было началом карьеры Тимура из рода барлас, позднее ставшего создателем мощного государства с центром в Самарканде.

Дуглатские эмиры Моголистана, после уничтожения в 1358 г. Казагана, имели возможность утвердить власть своего хана Тоглук-Тимура в Мавераннахре. По прибытии в 1360 г. Тоглук-Тимура с войском в Мавераннахр часть эмиров признала его верховную власть, в том числе Тимур барлас, получивший от него за это во владение г. Кеш с уделом. Власть Тоглук-Тимура оказалась, однако, непрочной не только в Мавераннахре, но и над своими вассалами из Моголистана.

В Мавераннахре против него взбунтовалось несколько предводителей собственных войск во главе с Хаджи-беком аркинутом. Одновременно поднялась смута на Тянь-Шане, связанная с борьбой северотянь-шаньской и восточнотуркестанской феодальных

группировок после смерти улусбека Пуладчи. На его должность претендовал Камар ад-дин, но другие группировки знати объявили улусбеком малолетнего сына Пуладчи — Худайдада.

Тоглук-Тимур-хан после улаживания дел на Тянь-Шане в 1361 г. снова прибыл с войском в Мавераннахр. Большинство удельных правителей Мавераннахра, в том числе владевший Кешем Тимур барлас, вторично подтвердили признание его власти как верховного хана.

Сопротивление владевшего Балхом внука Казагана, Хусейна, претендовавшего на власть в Мавераннахре, было подавлено. Войска Тоглук-Тимура разграбили его владения до Гиндукуша.

Неустойчивое положение в Моголистане вынудило Тоглук-Тимура в том же 1361 г. вернуться в Алмалык. Часть предводителей войска, оставшегося с его сыном Ильяс-Ходжой в Мавераннахре, подняли против него мятеж, как в предыдущем году против его отца. К ним примкнули местные владетели Мавераннахра. Тимур барлас переметнулся на сторону Хусейна. Объединенные силы мятежников во главе с Хусейном нанесли поражение остаткам могольских войск Ильяс-Ходжи. В связи со смертью отца в 1362—1363 гг. и борьбой за престолонаследие он оставил Мавераннахр. По возвращении сюда в качестве хана Ильяс-Ходжа в 1365 г. нанес поражение объединенным войскам Хусейна с Тимуром барласом и другими мавераннахрцами в известной «Грязевой битве» на Чирчике. Хусейн с Тимуром бежали за Аму-Дарью. Могольские войска Ильяс-Ходжи-хана направились к Самарканду. Сосредоточение под Самаркандом неприятельских войск явилось импульсом для нарастания народного движения сарбадаров, направленного против усилившейся эксплуатации своих феодалов. Народные массы под руководством сарбадаров отстояли Самарканд и вынудили могольские войска Ильяс-Ходжи-хана отступить. Причиной его возвращения в Моголистан явилось также неустойчивое положение в собственных владениях, где тянь-шаньская группировка феодалов во главе с Камар ад-дином, его братом Шамс ад-дином готовилась к захвату власти. Ильяс-Ходжа по возвращении был убит в 1365/66 гг. в своей ставке.

Камар ад-дин, захватив власть, истребил якобы всех родственников Тоглук-Тимура и членов ханской семьи, намереваясь завладеть ханским престолом или объявить ханом своего брата Шамс ад-дина. Против Камар ад-дина организовалась оппозиция во главе с Хаджи-беком аркинутом. В военном столкновении с ней Камар ад-дин потерпел поражение. В Моголистане царили междоусобия, которые в дальнейшем использовал эмир Тимур.

Вторжение войск Тимура в Моголистан

Подавив в 1366 г. совместно с Хусейном движение сарбадаров в Самарканде, Тимур приступил к захвату власти в Мавераннахре, затем, уничтожив в 1370 г. своего союзника Хусейна, объявил себя эмиром с традиционным провозглашением подставного хана из династии Чингизидов, Суюргатмыша.

Мавераннахр стал административно-политическим центром нового государства, именуемого «государством Тимура».

Деятельность по объединению раздробленного Мавераннахра Тимур сочетал с организацией завоевательных походов в соседние страны, и прежде всего в Моголистан. Политическая раздробленность, царившая на Тянь-Шане, казалось бы должна была способствовать осуществлению завоевательных планов Тимура. Однако, поскольку население этих территорий составляли скотоводческие племена, при вторжениях войск Тимура они вместе со скотом и имуществом откочевывали в труднодоступные горные местности, рассеявшись там мелкими группами. По уходе вражеских войск они возвращались до следующего вторжения. Безусловно, эти «перекочевки» не проходили бесследно для населения. Оно терпело огромные бедствия вследствие истощения, падежа и грабежей скота — главного источника существования. Не успевшие откочевать жители подвергались жестоким избиениям. Многие из них были угнаны в рабство в Мавераннахр. Все это говорит о том, что завоевательная политика Тимура носила сугубо грабительский характер. Она обеспечивала регулярное снабжение Мавераннахра продуктами животноводства и рабочей силой. Народы Моголистана вели упорную борьбу против экспансии Тимура в течение трех десятилетий. К сожалению, сведения в письменных источниках очень скудны и принадлежат они в основном придворным летописцам Тимура и Тимуридов. Но преувеличение «успехов» каждого вторжения очевидно, иначе не было бы необходимости в их систематических повторениях[29].

Закрепившись в Мавераннахре, в 1371 г. Тимур напал на соседние могольские владения в Северо-Западном Тянь-Шане, где размещался улус Камар ад-дина. При приближении вражеских войск к Иссык-Кулю часть жителей бежала на восток в Или-Ирменный Тимуром наместник с удалением его войск отказался повиноваться своему государю. В войске Бахрама, посланном на его усмирение, произошел мятеж. Поход Тимура в Моголистан, казалось, имел успех, однако установить здесь реальную власть ему не удалось.

В 1375 г. Тимур организовал новое вторжение в Моголистан, через Сайрам и Талас. Ранее враждовавшие между собой владетели двух главных могольских улусов Камар ад-дин и Хаджи-бек аркинут намеревались на этот раз объединить свои силы. Однако Тимур опередил их и его войска нанесли поражение Камар ад-дину. Преследуя улус Камар ад-дина, войска Тимура в долине Или «захватили добро, имущество и скот и, разделив покорившиеся тысячи на курени, отправили (всех) в Самарканд. Тимур в намерении искоренить неприятелей... (послал специальный отряд войск. — *Ред.)*. Они разорили джетинские (могольские. — *Ред.)* тысячи, становищем которых был Уч-Фирман (в Восточном При-

тяньшанье. — *Ред.)*... Пройдя сквозь иль и улус (Камар ад-дина), они разграбили все его местности и стоянки»[30].

Отправившись в следующем году (1376 г.) в Хорезм, Тимур приказал двум военачальникам (кыпчаку Сары Буке и джалаиру Адил-Шаху) двигаться с войском в Моголистан. Но последние, подняв мятеж после его ухода, двинулись на Самарканд. На помощь им в Фергану прибыл отряд союзного могольского войска от Камар ад-дина. Тимуру пришлось срочно возвратиться с основными силами на защиту своей столицы.

Войска Камар ад-дина, отступавшие перед превосходящими силами противника от Кара-тау через Талас—Чу, Боомское ущелье, дали сражение в окрестностях Иссык-Куля и вынудили его с уроном вернуться из Моголистана в Самарканд. Тимур выступил в том же году лично сам для преследования улуса Камар ад-дина в Кочкор — Прииссыккулье. Но подчинить племена ему не удалось; они откочевали за Или.

Тимур не смог подчинить население Моголистана и в последующих походах 1377—1379 гг., результатом которых явилось лишь опустошение страны, но не установление в ней власти. Основные племена улуса Камар ад-дина в Центральном и Северо-Восточном Тянь-Шане после поражений 1377—1378 гг. в районе Боомского ущелья, у Ат-Баши и в других местах бежали за Или к Тарбагатаю. Хотя Тимур захватил «неисчислимую» добычу, в том числе много пленных, которых стали продавать, по выражению Муин ад-дина Натанзи, в «других странах, как рабов», однако, население Моголистана не было покорено, как и при следующем вторжении в 1378—1379 гг. Три последующих года в связи с отвлечением войск Тимура в захватнических войнах в Прикаспии, Иране и других районах были относительно мирными. Отражение очередного вторжения тимуровских войск в 1383 г. совпало со стабилизацией власти в Дашт-и Кыпчаке, в частности, в Белой Орде и временным ее объединением с Золотой Ордой под началом Тохтамыша, являвшегося союзником Моголистана. В середине 80-х годов он оказался во главе коалиции с участием Хорезма, тянь-шаньских улусов Камар ад-дина, Енга-тора (Баймурат-черик) и других владетелей Притяньшанья.

Воспользовавшись участием Тимура в иранском походе 1388 г., союзники вторглись в пределы Мавераннахра: Тохтамыш наступал на Самарканд и Бухару, войска Енге-тора следовали через Сайрам — Ташкентскую область — и приступили к осаде Андижана. После неудачных попыток овладеть городами их войска оставили Мавераннахр, опасаясь возвращения Тимура.

В 1389 г. многочисленная армия Тимура отправилась в поход на Моголистан. Целью похода явилось не столько установление власти над кочевыми племенами, которое по двадцатилетнему опыту оказалось практически невозможным, сколько окончательное разорение страны, обогащение за счет ограбления населения с огранизованным его переселением в собственные владения. Тимур замышлял повторить здесь историю уничтожения в 1388 г. столицы Хорезма Ургенча применительно к целой стране и нескольким народам (после полного разрушения территория города была якобы распахана, а жители угнаны в рабство).

В час грозной опасности Тохтамыш, располагавший большими силами, не оказав действенной помощи, отступил со своими войсками в Дашт-и Кыпчак, могольские правители Тянь-Шаня не могли сплотить население и выставить совместное войско для генерального сражения. Подставной хан дуглатской группировки Манглай Субе, некий Хызр-Ходжа, вообще не принял участия в организации обороны.

Владетели области Манглай Субе предполагали, видимо, что войска Тимура ограничатся вторжением в пределы улуса Камар ад-дина на Северном Тянь-Шане. Между тем, огромное войско Тимура беспрепятственно двигалось с Сыр-Дарьи через Таласскую и Чуйскую долины и Или, не встречая сопротивления. Разрозненные феодально-племенные «улусы» (каждый из них именовался в источниках «иль» и «улус») спешно откочевывали из Тянь-Шаня к Алтаю.

Первое наиболее организованное сопротивление противнику оказал улус Енге-тора в местности Кобука Притарбагатайского района, но силы были слишком неравны. После упорного сражения племена его улуса откочевали за Иртыш на Алтай. Войска Тимура «избиением и грабежом... стирали их с лица земли, захватив многочисленный полон и несчетную добычу, они отправились обратно... Тимур разделил на курени моголистанский иль и улус, (который) был им завоеван и (в котором) утвердилась власть, и отправил в Самарканд... Они, погнав ту толпу, привели в Самарканд вместе с имуществом и добычей»,— хвастливо писал биограф Тимура Шараф ад-дин Али Йезди[31]. Однако сам улус, временно переместившийся на Алтай, не был завоеван. Борьба продолжалась.

Сосредоточив свои главные силы на р. Эмиль, Тимур изменил тактику. Учитывая, что могульские предводители действовали разрозненно, он разделил свою армию на пять отрядов, каждый из которых должен был с «огнем и мечом» пройти по Притяньшанью и Алтаю, «не оставляя следа от того, что где-либо обнаружит». Сборным пунктом была назначена долина р. Юлдуз, откуда потом войска вместе с пленными должны были возвратиться в Самарканд.

Особым кровопролитием отличалось сражение в местности Бикут Восточного Притяньшанья. По свидетельству источников, «огонь той битвы бушевал целые сутки». Булгачи нанесли врагам, видимо, большой урон, так как против них Тимур выступил лично с главным корпусом. Он «приказал, чтобы (воины) перебили все, что могут, а остальное разграбили»[32].

Хотя потери булгачинов убитыми и пленными при нападении, как писал биограф, «отборных сил» Тимура были, вероятно, весь-

ма большие, и он захватил якобы «несметные богатства», все же их улус избежал уничтожения, скрывшись в Приалтайских степях. На это указывают последующие поиски его новыми специальными отрядами.

Один из отрядов встретился с войском номинального могульского хана Хызр-Ходжи, который после столкновения заключил «мирный договор и соглашение» с его предводителями. Но оно не спасло Хызр-Ходжу. Тимур, не желавший терпеть подобные соглашения, лично выступил для преследования Хызр-Ходжи, дезорганизованные отряды которого бежали в сторону Кара-Ходжи, где войска Омар-Шейха, сына Тимура, как сообщал Йезди, «стерли их с лица земли».

В «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дина Ахсикенди говорится, будто войска Тимура пленили племена всех трех главных киргизских объединений: булгачи, правого и левого «крыла». Вместе с могулами и другими пленными якобы все они были уведены Самарканд, откуда затем расселены по разным краям. Достоверные в целом сведения о маршрутах движения войск Тимура до Иртыша, имена отдельных предводителей и некоторые другие, известные по сочинениям Низам ад-дина Шами, Шараф ад-дина Али Йезди и позднейшим, у Сайф ад-дина перемешаны с легендарными. Так, Тохтамыш имел союз с Баймуратом-чериком (Енге-тора) и якобы с отцом Манаса — Якуб-беком (Джакыпом) и самим Манасом. При участии разных «святых» шейхов они сражались в то время якобы не столько с Тимуром, сколько с калмаками во главе с Джолоем, сыном которого являлся будто бы Камар ад-дин. При всем этом, сообщения источника о борьбе киргизских племен против Тимура нельзя не принимать во внимание. Они оказывали помощь соседним Шейбанидам, владевшим восточной частью улуса Джучи в Прииртышье, в период их борьбы во главе с Тохтамышем и после него против Тимура. По сведениям Махмуда ибн Вали, киргизы предоставляли им на своей территории убежище.

Для закрепления своей власти на Тянь-Шане на следующий год Тимур направил туда два отряда войск. Один следовал северным путем через Ташкент — Талас — Чу, другой — южным из Андижана по рекам Яссы и Арпа. Территория была безлюдной. Соединившись на Иссык-Куле, они через Или дошли до Каратала, где имели столкновение с Енге-тора и где Камар ад-дин накануне их прихода уничтожил небольшой отряд, затем, переправившись через Иртыш, ушел на Алтай. Область между Или — Иртышем, куда еще не возвращалось большинство населения, изгнанного в предшествующем году, была безлюдной. Следуя за Камар ад-дином, войска беспрепятственно дошли до Иртыша. При отсутствии населения, которое могло бы признавать власть Тимура, в знак утверждения ее они производили тамгование лесов за Иртышом.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ И ПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ в XIII-XV вв.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

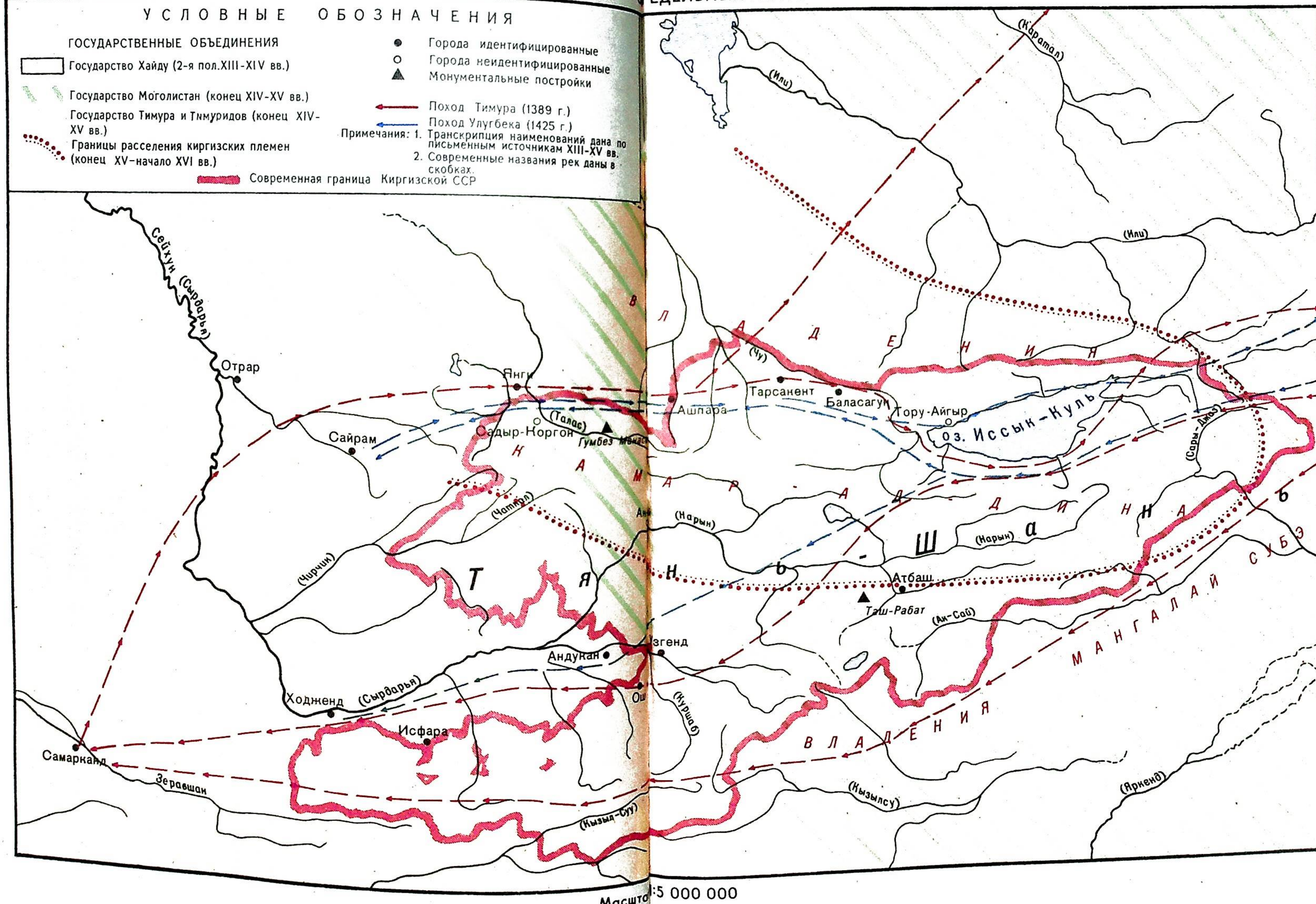
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

- Государство Хайду (2-я пол. XIII-XIV вв.)
- Государство Моголистан (конец XIV-XV вв.)
- Государство Тимура и Тимуридов (конец XIV-XV вв.)
- Границы расселения киргизских племен (конец XV–начало XVI вв.)
- Современная граница Киргизской ССР

- Города идентифицированные
- Города неидентифицированные
- Монументальные постройки

- Поход Тимура (1389 г.)
- Поход Улугбека (1425 г.)

Примечания: 1. Транскрипция наименований дана по письменным источникам XIII–XV вв.
2. Современные названия рек даны в скобках.



Масштаб 1:5 000 000

Кочевые племена Тянь-Шаня и Притяньшанья, временно переселившиеся при вторжениях извне на Алтай, не были подчинены Тимуром. Реально подвластная Тимуру территория доходила лишь до Чуйской долины. Как свидетельствовал Ибн-Арабшах: «...крайний пункт, до которого доходили его слова и действовали указы... это то, что за рекой Сейхун (Сыр-Дарьей. — *Ред.)* на восток по направлению к владениям могулов и Джете... (посланные им люди) заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Ашпара (остатки на городище ст. Луговая. — *Ред.)*. Они построили в ней неприступную крепость, готовую к грабежу и опустошению». Эту территорию бывшего улуса Камар ад-дина и формально весь Моголистан Тимур передал в качестве наместничества внуку Улугбеку.

В период вторжения Тимура и неспосредственно в послетимуровское время, после возвращения большинства могольских племен на Тянь-Шань, киргизские племена сосредотачивались, по-видимому, в основном на Алтае и на прилегавших землях. Они находились там в тесных (как мирных, так и враждебных) отношениях с различными группировками правителей восточной части улуса Джучи в Прииртышье, где после 1407 г. неоднократно имели столкновения с золотоордынцами, хан которых Пулад временно объединил под своей властью Белую (Синюю) Орду. «Он возымерился наказать киргизские племена, которые совершали набеги на пограничные районы Ак-Орды, и для исполнения своего намерения отправился с войском в ту сторону,— сообщает Махмуд ибн Вали.— Потомки Орда-хана присоединились в этом походе (к Пулад-хану). Однако Шейбаниды по той причине, что во время царствования Сахибкирана (Тимура) бежали к ним (киргизам) и пользовались их покровительством, отказались принять участие (в этом походе)... Пулад-хан, одержав в этом походе победу над противниками (киргизами), очистил от врагов окрестности той области. Поручив охрану тех пределов (Прииртышья, Ак-Орды. — *Ред.*) эмирам (племени) байрин, полностью преградили путь киргизам»[33].

Сложные взаимоотношения киргизских племен того времени с кыпчакско-ордынскими нашли отражение в преданиях эпоса «Манас» и «Маджму ат-таварих», по которым, с одной стороны, Пулад (Фулад), мангыт Йамгурчи, Сарай-Мамай и некоторые ордынцы являлись противниками киргизов, с другой — Тохтамыш, кыпчаки-джетейцы — союзниками.

Политическое положение Моголистана в XV в.

Политическое положение Моголистана в XV в. определяла борьба разных феодальных группировок в Манглай Субе. С помощью подставных ханов они пытались распространить власть на весь Моголистан. Предводители кочевых племен Северного Тянь-Шаня большей частью не признавали этих ханов. Результатом явились непрекращавшиеся междоусобицы.

Вторжения в Моголистан в 1389 г. войск Тимура почти не затрагивали территории собственно Манглай Субе, если не считать, что у дуглатских эмиров были отобраны владения в Фергане. Правительницей Манглай Субе являлась в те годы вдова Пулад-чи, Мирек-ака, с малолетним сыном, улусбеги моголов Худайдадом. Воспользовавшись ослаблением власти Камар ад-дина в результате вторжения Тимура, она объявила в 1389 г. ханом малолетнего Хызр-Ходжу. Как сообщается в источниках, «Мирек-ака посадила его на ханский престол. Однако неограниченное право надзора и порядок (ведения) дел (она) по-прежнему держала в своих руках», как писал Мунн ад-дин Натанзи. По Мухаммеду Хайдару, Хызр-Ходжа был выдан за сына Тоглук-Тимура. Мирек-ака якобы скрывала его от Камар ад-дина где-то на Памире и в стране желтых уйгуров. Однако Хызр-Ходжа родился шесть лет спустя после смерти Тоглук-Тимура (1368/69 гг.).

Хызр-Ходжа признал власть эмира Тимура после 1389 г., когда Мирек-ака и сын Хызра-Ходжи в качестве заложников находились в Самарканде. Наместничество в Кашгаре было передано внуку Тимура, Ибрахим-султану. Но его реальная власть ограничивалась Кашгарской областью. Владетели других областей Восточного Туркестана не признавали ее. Когда после смерти Хызр-Ходжи в 1399 г. началась междоусобная борьба за власть между четырьмя его сыновьями, другой внук Тимура, владевший Андижаном, Искандер, вторгся в Манглай Субе. Он подверг разорению все главные города Восточного Туркестана — Яркенд, Уч, Аксу, Бай, Кучу. Отсюда и одновременно из Ашпары планировался поход «до крайнего предела Могулистана» — Алтая, который не состоялся из-за разногласий среди самих Тимуридов.

Во время этого похода отряды Искандера имели столкновения также с киргизами где-то в Восточном Притяньшанье или у Алтая — Искандер послал в подарок Тимуру «алмалыкских и хотанских красавиц и кыргызских и бишбалыкских чаровниц»[34].

В условиях политической зависимости Моголистана в последние годы жизни Тимура (ум. 1405 г.) и при Тимуридах главная роль среди моголов в первой четверти XV в. принадлежала улусбеги Худайдаду. По словам автора «Тарих-и Рашиди», он «независимо управлял всем Кашгаром, Яркендом, Хотаном, Аксу, Баем и Кусаном (Кучей)», имел в общем в Манглай Субе до 24 тыс. «подвластных семейств» (то есть до 100 тыс. человек) и якобы «своими руками сделал ханами шесть ханов» из числа сыновей и внуков Хызр-Ходжи[35].

Наличие в Манглай Субе и Моголистане нескольких феодальных группировок имело следствием непрекращавшиеся междоусобия среди самих этих ханов, быстро сменявших друг друга. Худайдад, несмотря на свою власть, не в силах был приостановить их.

В период двоеханствия с 1420 г. внуков Хызр-Ходжи, Вайс-хана и Шир-Мухаммеда, в Восточном Туркестане предводители кочевых племен Северного Тянь-Шаня вообще не признавали их обоих. Не имея сил для устранения Вайс-хана, завладевшего районом Лобнора, Худайдад обратился за помощью к Улугбеку: «Пусть мирза (Улугбек) приходит. Я внесу разлад в среду могулов, предам их Мирзе»,— обещал Худайдад. Улугбек тотчас выступил. Когда он достиг пределов Чу — одной из известных местностей Могулистана — эмир Худайдад перебежал к мирзе Улугбеку, а в Могульском улусе началось полное смятение[36].

Улугбек, со своей стороны, используя сложившуюся обстановку, намеревался вновь подчинить себе вышедшего из повиновения Шир-Мухаммеда, укреплению власти которого он ранее содействовал. В 1425 г. Улугбек с войском вторгся на Северный Тянь-Шань. Первым нападению подверглось владение Ирезана баарина в Таласе. Племена бааринов, сулдусов и кераитов бежали из Таласа от преследования вражеских войск на территорию бывшего улуса Камар ад-дина, которая была вновь занята вернувшимися с Алтая племенами во главе с его сыном Джахан-Шахом. Джахан-Шах располагал довольно крупными силами в Северном Тянь-Шане, но они уступали компактно двигавшимся войскам Улугбека. После неудачного сражения в Чуйской долине он вынужден был со своими союзниками отступить к Иссык-Кулю, рассчитывая на помощь владетелей Илийской долины — Прибалхашья (Садр ал-Ислама и Малик ал-Ислама). Однако его надежды не оправдались. Разграбив юрт Джахан-Шаха в районе Иссык-Куля, Улугбек преследовал за р. Текес орду одного из враждовавших тогда ханов, Шир-Мухаммеда. Но и успехи Улугбека сводились лишь к столкновениям с предводителями феодально-племенных объединений. Ему не удалось подчинить могольские владения при помощи Худайдада. Практически все результаты вторжения Улугбека сводились к очередным ограблениям населения без существенного изменения государственно-политического положения в Моголистане.

Отношения только номинально зависимого от Тимуридов Моголистана имели в дальнейшем характер отношений с Мавераннахром, как между соседними феодально-раздробленными странами. Отдельные полунезависимые или фактически независимые владетели вступали с обеих сторон в коалиции против своих номинальных верховных правителей, все больше вовлекая их в междоусобную борьбу.

После удаления Худайдада из Моголистана вместе с Улугбеком Вайс-хану удалось продержаться лишь три года. Он был убит в 1428 г. предводителями своего войска в столкновении у Иссык-Куля с неким Сатук-ханом, посланным Улугбеком в Моголистан. Последующий период отличался длительной борьбой двух группировок, выставлявших в качестве ханов двух сыновей Вайса: Эсен-Буку и Юнуса, которые практически не имели власти.

При перевесе сил группировки Эсен-Буки некоторые из бывших сторонников Худайдада и Юнуса откачевали в 1428—1429 гг. в Ма-

вераннахр к Улугбеку. Ирезан баарин и Мубарак туркмен увели вместе с тринадцатилетним Юнусом много подвластного населения. Улугбек часть прибывших распределил в своих владениях, часть вместе с Юнусом отослал в Герат отцу Шахруху.

Поражение группировки Юнуса не способствовало, однако, укреплению стабилизации ханской власти Эсен-Буки. «(В это время) каждый из могульских эмиров предпринимал какие-либо действия. (Один) эмир Мухаммед, что жил в Ат-Баши, после переписки и обещаний (со стороны хана) при посредстве своего племянника эмира Сеида-Али отправился к Эсен-Буке в Аксу... Другой эмир Керим Берды, тоже дуглат, воздвиг крепость на холме в местности Алабуга на границе Могулистана с Андижаном и Ферганой. Следы этой крепости видны до сего времени. (Он) нападал на Андижан... Эмир Хакк-Берди Бекчик построил крепость на Иссык-Куле в местности Кави-Суй, что на озере Иссык-Куль. Там он оставил своих слуг и семью, чтобы они обрели покой от нападений калмаков. Сам занялся опустошением Туркестана и Сайрама. Эмиры чорасов и племени баарынов ушли к калмакам — сыну Эсен-тайши, Амасанчи-тайше. Некоторые другие — калуджи, балгачи и еще несколько племен, ушли в Узбекистан к Абулхайр-хану (Шейбаниду в Дашт-и Кыпчак. — *Ред.)*. В степях Могулистана среди эмиров Кунджи и некоторых других царили смута и растерянность»[37]. «Эсен-Бука не стал чинить препятствий тем могульским эмирам, которые отделились от него, и всем тем, кто построил хорошие крепости и не выразил подобающей покорности хану», продолжал Мухаммед Мирза Хайдар. Иными словами, он не имел реальной власти и был фактически ставленником группировки дуглата Сеида-Али (внука Худайдада), наследственно владевшего Аксу с частью Манглай Субе.

Такими же были отношения этих и других эмиров, прочно утвердившихся в своих владениях в середине XV в., к другому претенденту на ханство — Юнусу, когда тот в 1465—1466 гг. прибыл из Ирана. Он был возвращен оттуда правителем Мавераннахра Тимуридом Абу-Саидом. Абу-Саид намеревался с помощью этого ставленника распространить свою власть в Моголистане. Временное признание одной из дуглатских группировок Юнуса ханом носило более символический характер. Когда Юнус после первого неудачного столкновения с Эсен-Букой под Кашгаром появился на Тянь-Шане, «народ от него разбежался», как сообщал Мухаммед Мирза Хайдар. Юнус вернулся к Абу-Саиду, который дал ему в 1457—1458 гг. во временое владение небольшой город Итикент Андижанского вилайета.

Население Моголистана в середине XV — начале XVI в. состояло исключительно из кочевых скотоводческих племен. Сведения о некогда существовавших здесь оседло-земледельческих поселениях и городах, или точнее — об их развалинах, можно было получить только из книг или преданий. Длительные феодальные междоусобицы среди представителей кочевой знати сопровождались соответствующими переселениями их племен в различные районы. В конце 50—60-х годов XIV в. происходило массовое передвижение казахских племен во главе с султанами Джанибеком и Гиреем из Дашт-и Кыпчака на территорию Северо-Западного Моголистана. Их численность в долинах Таласа — Чу и соседних районах достигала 200 тыс.

Наличие в то время в Северной Киргизии свободных пастбищ, после предшествовавших выселений части моголов, позволяло казахским племенам оставаться здесь несколько лет без серьезных столкновений с местными могольскими владетелями. По сообщению Мухаммеда Хайдара, Эсен-Бука, не имевший реальных сил противиться этому, якобы, приветствовал переселение сюда части казахов. Возможно, с помощью казахских султанов он надеялся укрепить свое положение среди моголов. По-видимому, такой же линии придерживался и сын Эсен-Буки (ум. 1462 г.) Дост-Мухаммед, номинально считавшийся ханом моголов до 1468—1469 гг. Он был отчасти тоже заинтересован в помощи казахов, поскольку после смерти его отца Юнус снова пытался утвердиться в Моголистане.

Юнуса поддерживал один из могущественных владетелей области Алабуки Керим Берды. С помощью его группировки Юнусу удалось добиться признания себя ханом со стороны значительной части дуглатов Манглай-Субе и занять столицу Аксу. Однако распространить власть на весь Моголистан ему не удалось. Вскоре за обратной откочевкой казахов в свои степи после 1468 г. территорию Северного Моголистана около 1470—1471 гг. заняло объединение ойрат-монголов из-за Или во главе с Амасанчи-тайшой, или Санджи-Баши (тюркоязычное население Средней Азии называло их калмаками). Кратковременное перемещение этого большого объединения до Западного Тянь-Шаня было связано с поражением Санджи-Баши в очередных междоусобицах с ойрат-монголами, наподобие казахских султанов Джанибека и Гирея. Вскоре они вернулись с Тянь-Шаня на Алтай. Численность их объединения, по сведениям автора «Тарих-и Рашиди», составила 300 тыс. человек.

Могольские эмиры, прекратив временно свои распри, объединились для отражения ойрат-монгольского нашествия. Юнус-хан как Чингизид оказался во главе всего «улуса могулов».

Кровопролитное сражение в 1470—1471 гг. на р. Или окончилось тяжелым поражением могольского войска. После этого «весь могольский улус» во главе с Юнус-ханом откочевал сначала на Сыр-Дарью и далее — в Ташкентскую область и Фергану.

Описывая события, которые происходили зимой 1470—1471 гг. в улусе на Сыр-Дарье, Мирза Хайдар отмечает, что однажды, когда все взрослые мужчины из орды Юнуса перешли на правый берег реки на охоту для снабжения населения, на левом берегу в «беззащитной орде остались 60 тыс. человек — членов могульских семей». Из этого следует, что общая численность моголов,

находившихся с Юнусом, приближалась к сотне тысяч человек.

Моголам пришлось двигаться на летние пастбища в сторону Ташкента. Здесь некоторые из предводителей, возобновив распри, выдали Юнуса правителю этой области. Тот держал Юнуса в тюрьме год. Местами кочевки подвластных Юнусу могольских племен с этого времени до 1487 г. являлись Ташкентская область, Фергана и южные склоны Тянь-Шаня в Кашгарии. Моголы переместились туда под давлением Шейбанидов в начале XVI в. при преемнике Юнус-хана, старшем его сыне Махмуд-хане (правл. 1487—1508 гг.).

После возвращения ойрат-монголов за Или на территории современной Северной Киргизии в 80-х годах сложилось этнополитическое объединение, в которое входило, по-видимому, большинство кыргызских племен. Сведения о времени и обстоятельствах сосредоточения их здесь в письменных источниках отсутствуют. По мнению В. В. Бартольда, киргизы переселились сюда вместе с ойрат-монголами[38]. Во главе объединения в 1484 г. оказался второй сын Юнуса, Ахмед, бежавший из отцовского улуса, находившегося в Ташкентской области. Его тайному побегу, вероятно, предшествовали соответствующие переговоры с главами кыргызских племен, желавших иметь у себя хана из династии Чингизидов.

В 80-х годах XV в. на территории Моголистана существовало два политических объединения. Одно из них — основной улус моголов во главе с Юнус-ханом, которому наследовал затем старший сын Махмуд, занимало территорию Манглай-Субе от Ат-Баши на Тянь-Шане до предгорий Восточного Памира, Куэнь-Луня и Лобнора. В начале XVI в. этот улус фактически слился с удельным владением рода дуглатов. Манглай-Субе и его ханы находились в полной зависимости от последних. Другое объединение, наряду с могольскими племенами, включало в свой состав и киргизские племена. Оно занимало территорию бывшего улуса Камар ад-дина в Северной Киргизии. Его правитель Ахмед, по прозвищу Алача, умер в 1505 или в 1504 г., именовался ханом, сын-преемник, Султан-Халиль-Султан, считался признанным «падишахом киргизов». Постоянных границ между этими двумя объединениями не было, поскольку оба представляли собой политические объединения кочевых скотоводческих племен.

Утверждение власти Ахмеда встретило оппозицию монгольской знати. Ему «потребовалось десять лет,— писал автор «Тарих-и Рашиди»,— чтобы полностью подчинить могулов, оставшихся в Могулистане (на территории Киргизии. — *Ред.)*. Некоторых эмиров он подавил, в том числе крупных эмиров (рода) арлат, которые противились ему. Он пошел в конце концов на них войной и уничтожил их род. Он также убил эмира Али-чораса, который с тех самых времен, как эмиры оказали противодействие Эсен-Буке-хану, продолжал борьбу со всеми ханами и никому из ханов не подчинялся. В это время объединились несколько вождей из племени калуджи, крупнейшего в Могулистане. Однажды ночью они напали на хана.

...Когда хан оправился от ран, их начали преследовать всюду, где бы они не были. За два года они были совершенно искоренены. После этого дела хана стали процветать, и никто в Могулистане не мог противоречить ему»[39]. И далее читаем: «Ахмед-хан держал власть в Могулистане так прочно, что к границам Могулистана... не было подхода ни калмакам, ни узбекам (казахам)». Закрепившись на территории собственно Киргизии, Ахмед-хан распространил свою власть на Кашгарию, штурмовал Яркенд, вступил в борьбу против узбекского хана Мухаммеда Шейбани в Фергане. Все это говорит о значительной силе объединения, в которое входили в конце XV— начале XVI в. киргизы.

Глава VIII

РАННИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ОБРАЗОВАНИЕ КИРГИЗСКОЙ НАРОДНОСТИ

Согласно утвердившемуся в советской исторической науке определению, народностью принято считать сложившуюся на конкретной территории устойчивую общность людей с общим языком, материальной и духовной культурой и этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназвание (этноним). Народность является этносоциальным организмом, типичным для классовых докапиталистических формаций. В условиях кочевого хозяйства образование той или иной народности происходит в рамках феодальной формации.

Истоки этнической истории киргизов восходят к глубокой древности. Киргизская народность сложилась главным образом на базе древних и средневековых племен и племенных объединений Тянь-Шаня и Притяньшанья. Определенную роль в ее образовании сыграли племена, переместившиеся сюда в XV в. из Прииртышья и Алтая.

Процессы этногенеза, приведшие к формированию киргизской народности, чрезвычайно сложны и трудны для изучения из-за недостаточности или слабой исследованности сведений о киргизах в исторических источниках, неразработанности археологических и этнографических материалов, фольклора, истории киргизского языка. Поэтому не все выводы, изложенные в этой главе, являются окончательными, однако представляются уже достаточно определенными[1].

Понятия «местное» и «пришлое» весьма условны по отношению к этническим процессам двухтысячелетней — тысячелетней продолжительности. Так, племена, переселившиеся в Восточную Европу с первыми волнами гуннов из Центральной Азии на рубеже н. э., были местными для племен конца эпохи Великого переселения народов (IV—V вв.). И те, и другие оказались местными по

отношению к племенам, переселившимся сюда через несколько столетий из Центральной Азии в период тюркских завоеваний (VI—VII вв.). Центральноазиатские тюркские племена, завоевавшие в VI в. Среднюю Азию, являлись в свою очередь местными по отношению к тюркским и монгольским племенам, появившимся в Средней Азии в период образования и распада Монгольской империи (XIII—XIV вв.), а последние стали таковыми по отношению к позднейшим переселенцам. Переселения центральноазиатских и южносибирских племен в последние два тысячелетия в Среднюю Азию не сопровождались полным вытеснением предшествовавшего местного населения, пришлые племена сливались с ним и, в конечном счете, формировали новую этнокультурную общность.

1. Этнические процессы в древности

Степные племена эпохи бронзы в Семиречье и на Тянь-Шане являлись непосредственными предшественниками сакских племен. По археологическим данным устанавливаются этапы заселения страны и культурное разнообразие племенных групп. Согласно одной из существующих гипотез культура степных племен бронзового века Киргизии, будучи местного происхождения, складывалась под сильным влиянием так называемых андроновских племен Казахстана. По другой гипотезе андроновская культура была привнесена на Тянь-Шань племенами, переселявшимися во второй половине II тысячелетия до н. э. в уже сложившемся виде из Восточного и Центрального Казахстана.

Имеющихся в настоящее время материалов недостаточно для решения проблемы происхождения самой андроновской культуры и выяснения условий появления ее на Тянь-Шане. Среди пастушеско-земледельческих племен бронзового века Киргизии, несомненно, были потомки более древнего населения, частично ассимилированного андроновскими племенами. К концу эпохи бронзы в Киргизии отмечается значительный рост народонаселения. В культуре племен бронзового века ярко проявились черты своеобразия, позволившие выделить тянь-шаньский вариант андроновской культурной общности[2].

Среднеазиатские степные племена в антропологическом отношении отличались от населения андроновской культуры Казахстана и Южной Сибири. У андроновцев Казахстана распространена была особая разновидность европеоидной расы, так называемый «андроновский тип», характеризуемый мезокранным черепом, т. е. прямым лбом на низком и очень широком лице, значительно выступающим носом и надбровными дугами. Этот тип в небольшом количестве представлен в могильнике Кокча 3 в Приаралье — типичном памятнике степных племен бронзового века Средней Азии. Среди погребенных в этом могильнике имелись представители другого европеоидного типа — длинноголово-

го, характерного для раннеземледельческих общин Южной Туркмении, Южного Узбекистана и чустской культуры Ферганы. Для них характерен череп с узким и относительно высоким лицом и сильно выступающим носом. Сосуществование в могильниках эпохи бронзы двух расовых типов позволяет говорить об антропологической разнородности населения Средней Азии. В Ферганской долине преобладало население длинноголового европеоидного типа, которое по всем основным признакам было сходно с основным земледельческим населением южных областей Средней Азии.

Большинство ученых склонны к предположению, что население срубной культуры Поволжья и западных районов андроновской культуры относилось к ираноязычным племенам. Население земледельческих оазисов Средней Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа и, в частности, чустские племена Ферганы, было в то время ираноязычным. Ираноязычные чустские племена были, по-видимому, родственны степным племенам и относились к одной с ними восточноиранской этнической общности, отличавшейся от западноиранской. Предположение об ираноязычности степных племен основано на факте прямой преемственности в развитии культуры между срубными и андроновскими племенами, с одной стороны, и саками и скифами — с другой. Ираноязычность саков и скифов подтверждается конкретными лингвистическими данными. Только такой ретроспективный подход является единственно возможным методом определения этнической принадлежности среднеазиатских племен бронзового века.

Кочевые племена, населявшие Тянь-Шань и Притяньшанье в первой половине I тысячелетия до н. э., были частью среднеазиатских племен, известных в истории под общим названием саков. Все они обладали определенной общностью языка, хозяйства и единообразием кочевнической культуры. Вместе с тем, достаточно отчетливо выступают локальные особенности в хозяйстве, культуре и в социально-экономическом развитии отдельных этнических групп.

Вопросы происхождения саков Средней Азии изучены еще недостаточно. В настоящее время признано необходимым исследовать формирование каждой конкретной группы сакских племен. Наибольший интерес представляют материалы о кочевниках Приаралья. На основании общих черт, выявленных при исследовании могильника Тагискен, удалось проследить преемственность между населением периода поздней бронзы и сакского периода, на основании чего можно утверждать, что саки низовьев Сыр-Дарьи VII—V вв. до н. э. являются прямыми потомками местных степных племен X—VIII вв. до н. э. Высказана гипотеза о тесных генетических связях раннесакской культуры Киргизии и Казахстана с позднеандроновской культурой XII—IX вв. до н. э. Как бы не решался этот вопрос, ясно одно — саки Семиречья и Тянь-Шаня являются прямыми потомками местных степных племен

эпохи поздней бронзы. Многочисленные археологические памятники сакского периода свидетельствуют о резком увеличении численности народонаселения — в это время практически обживается вся территория Киргизии.

У саков Тянь-Шаня в V в. до н. э., видимо, появилась собственная письменность. Уникальная находка в кургане Иссык серебряной чаши с надписью руноподобными знаками является первым и в настоящее время самым ранним памятником еще недешифрованной письменности саков[3].

По антропологическим и иконографическим материалам саки Семиречья и Тянь-Шаня относятся к европеоидному расовому типу. Среди них представлены прямые потомки населения эпохи бронзы андроновского типа, длинноголовые европеоиды; в целом по физическому облику саки уже отличаются от предшествующего населения. Большая часть сакских племен принадлежала к европеоидному памиро-ферганскому типу, который являлся результатом длительного развития предшествующих расовых типов населения Средней Азии. Заметна и небольшая монголоидная примесь, выраженная в некоторой уплощенности лица и в слабом выступании носа. Монголоидные черты, как полагают, центральноазиатского происхождения и выражены более четче на женских черепах, нежели на мужских. В сакское время монголоидность отмечается на отдельных черепах, что свидетельствует о недавнем, механическом смешении населения двух разных расовых типов в результате проникновения в Среднюю Азию центральноазиатских расовых и этнических групп.

Наглядное представление о европеоидном облике саков дает скульптурная реконструкция погребенного в сакском могильнике Джал-Арык в Кетмень-Тюбе. Монголоидные черты заметны на лице скульптурного изображения женщины с Чельпекского жертвенника, датируемого сакским временем. В настоящее время трудно определить удельный вес монголоидного населения среди сакских племен Киргизстана. Ясно только одно, что смешение местного европеоидного населения с пришлым монголоидным в сакский период коснулось и древнего населения Киргизии.

Во II—I вв. до н. э., после переселения на Тянь-Шань усуньских и юечжийских племен из Центральной Азии, этническая ситуация усложнилась, но основную массу населения Семиречья и Тянь-Шаня в усуньское время составляли местные сакские племена. Об этом свидетельствуют и археологические материалы.

Процессы этнической консолидации и интеграции кочевого населения получили развитие в рамках военно-политических объединений, таких, как усуньский племенной союз. Это было полиэтничное образование, включавшее племена саков, усуней и юечжей. Этническая принадлежность усуней не установлена. Большинство ученых относят усуней к ираноязычным народам, но имеются сторонники их тюркоязычности. Усуни внешне отличались от других народов Средней Азии. Их потомками сред-

невековые историки считали тюрков с голубыми глазами и рыжими бородами. В этих признаках, если они точно соотнесены, можно усмотреть указание на европеоидный облик усуней. Подобных сведений, как справедливо заметил еще В. В. Бартольд, недостаточно для заключения об этнической принадлежности усуней. Юечжи — кочевники, переселившиеся на юг Средней Азии и создавшие там сильное Кушанское государство. Их отождествляют с тохарами, народом, известным по античным источникам. Они говорили на языке восточноиранской группы. Следовательно, начиная со II—I вв. до н. э. происходил процесс смешения местного сакского и пришлого родственного по этническому составу центральноазиатского населения.

В усуньское время заметно увеличился монголоидный компонент, который прослеживается в Средней Азии и Казахстане повсеместно, вплоть до самых южных районов Таджикистана. В ходе массовых переселений и смешения разных кочевых народов постепенно совершались изменения и в этническом составе населения Семиречья и Тянь-Шаня. Определенную роль в этом сыграли гуннские племена, неоднократно проникавшие на территорию Средней Азии, и прежде всего Семиречья, с I в. до н. э. Именем «гунны» была объединена пестрая по своему этническому составу группа племен, в которой немалую роль играли тюркоязычные монголоиды. С появлением гуннов связывают начало тюркизации ираноязычных кочевников.

Для понимания хода исторических процессов, в том числе и этнических, на территории Киргизии в первые века н. э. ключевым памятником является Кенкольский катакомбный могильник (долина р. Талас). А. Н. Бернштам связывал кенкольцев с гуннами и рассматривал Кенкольский могильник как памятник начального этапа монголизации физического типа населения и его тюркизации. Это заключение было затем оспорено и вопрос об этнической принадлежности кенкольцев остается до сих пор дискуссионным. Однако изучение новых материалов из Кенкола подтвердило заключение о преобладании метисированных монголоидов среди погребенных. Останки погребенных с монголоидными чертами, относящиеся к первым векам н. э., обнаружены в пяти катакомбных могильниках Центрального Тянь-Шаня (Айгырджал, Алыш, Чонноо, Шамси, Куртикова Щель)[4]. Обобщение всех имеющихся данных позволяет заключить, что в кенкольское время монголоидная примесь увеличивается по всей территории Киргизии.

Следует также отметить широкое распространение в катакомбных могильниках первой половины I тысячелетия н. э. обычая прижизненной искусственной деформации головы. Такая же деформация головы засвидетельствована на изображениях кушанских и эфталитских царей на монетах. Однако этот обычай встречается и в более раннее время — в памятниках актамского типа в Фергане (середина I тысячелетия до н. э.), распространен он

был и среди оседлого населения Средней Азии первых веков н. э., например, в Хорезме. Следовательно, он не является типичным только для кочевого населения.

Для понимания направления развития этнических процессов в древний период на территории Киргизии очень важны наблюдения о преемственной связи между кенкольской материальной культурой и культурой современных киргизов: сходные типы колыбели, деревянной посуды, покрой одежды, своеобразные зооморфные мотивы орнамента, а также форма катакомбной могилы. Период, археологически представленный катакомбными захоронениями, составляет важный переломный этап в истории кочевого населения края, связанный с появлением значительных групп кочевников из Центральной Азии, возможных носителей тюркской речи.

На протяжении IV—V вв. н. э. в Среднюю Азию вторгались новые волны кочевников центральноазиатского происхождения, известных в истории как хионthird (белые гунны), кидариты, эфталиты. Они увеличивали долю пришлого населения. В их составе, наряду с ираноязычным, было и тюркоязычное кочевое население. Для этого времени имеются данные о появлении на территории Киргизии типичных монголоидов, представителей южносибирского расового типа.

Совсем иные этнические процессы протекали в Ферганской долине. Древние земледельцы Ферганы — чустские племена — в расовом отношении принадлежали к европеоидам длинноголового типа, а по языку относились к восточноиранской группе. Их потомки, оседло-земледельческое население эйлатанского периода VIII—IV вв. до н. э., были земледельцами. Их нельзя рассматривать как оседлых саков, хотя длительное сосуществование с кочевыми племенами саков и усуней не могло не сказаться на земледельческом населении древней Ферганы.

Население Ферганы второй половины I тысячелетия до н. э. по своему расовому типу резко отличалось от населения бронзового века. В нем преобладали европеоиды памиро-ферганского типа (Среднеазиатское междуречье). Вопрос о времени и путях сложения памиро-ферганского типа все еще является дискуссионным. Его появление в Фергане ученые датируют серединой I тысячелетия до н. э. наряду с существованием длинноголового типа, что подтверждают материалы как актамских могильников, так и более поздних памятников первых веков н. э.

Преемственность в развитии культуры в шурабашатский и мархаматский периоды на протяжении тысячи лет — с IV в. до н. э. и до V—VI вв. н. э., очевидно, указывает на неизменность этнического состава земледельческого населения Ферганы. На протяжении всего древнего периода в этническом отношении оно было сходно с населением других историко-культурных областей Средней Азии. Об этом можно судить по сообщениям источников: «От Давани на запад до государства Аньси (Парфия), хотя

довольно различна речь, но сами очень схожи и (жители) друг друга понимают. Все эти жители имеют впалые глаза и густые бороды»[5]. В этой краткой характеристике подчеркнуты признаки, свойственные среднеазиатскому европеоидному ираноязычному населению.

Имеющиеся данные позволяют высказать предположение, что к V—VII вв. н. э. в основном сложилась древняя ферганская народность со своим языком и культурой[6]. Известен образец древнеферганской письменности на монете V—VI вв. Для сложения самостоятельного, отдельного ферганского языка в системе восточноиранских языков и диалектов и для образования особой древнеферганской народности было необходимо длительное время. Естественно поэтому предполагать, что истоки их уходят в далекое прошлое. Сложение ферганской народности античной эпохи (времени развития здесь классового общества) могло, вероятно, произойти в период существования независимого Даваньского царства, по крайней мере, в первых веках н. э.

Одна часть ферганской народности в дальнейшем явилась одним из компонентов в сложении таджикского народа, другая была тюркизирована и вошла в состав предков узбекского и киргизского народов.

2. Этнические процессы в раннем средневековье

Состав населения Тянь-Шаня (VI—XII вв.)

Переселение в середине VI в. на территорию Тянь-Шаня значительных масс центральноазиатских тюркских племен определило начало нового этапа в этнической истории Киргизстана.

В VI—VIII вв. наблюдается постоянное соотношение трех социально и политически неравноправных этнических массивов: 1) тюркских племен, недавнее прошлое которых было связано с Центральной Азией, 2) дотюркского скотоводческого автохтонного населения — потомков сакских и усуньских племен, 3) согдийского (восточноиранского) населения городов и оседлых поселений, поддерживавшего постоянные связи с городскими центрами Средней Азии. Основным содержанием этнической истории Тянь-Шаня в VI—VIII вв. были взаимовлияния этих трех этнических компонентов. Ведущая роль в процессе этнических взаимодействий принадлежала тюркским племенам, занимавшим привилегированное положение — аристократия этих племен обладала реальной властью в государстве.

Ко времени передвижения крупных масс тюрков главенствующее положение принадлежало потомкам сако-усуньских племен, живших преимущественно в предгорных районах и горных долинах и занимавшихся, главным образом, полукочевым скотоводством. Памятники, оставленные этой группой населения, особенно катакомбно-подбойные захоронения IV—VIII вв., характеризуют носителей названной культуры как конгломерат скотоводческих племен, в значительной степени тюркизированных еще в процессе проникновения на Тянь-Шань гуннов. Лишенные политического единства и культурной целостности, автохтонные племена Семиречья и Тянь-Шаня подвергались ассимиляции и постепенно утрачивали под натиском более сильных и сплоченных пришельцев из Центральной Азии свои лучшие пастбищные и земельные угодья. Все же процесс вытеснения или ассимиляции тюрками всего скотоводческого дотюркского населения в первые два столетия тюркского господства не был завершен.

Об этом свидетельствует дотюркский тип погребений скотоводческого населения, продолжавший существовать и в тюркское время. Так, среди подбойных погребений, которые в основном относятся ко II—IV вв., встречаются и погребения V—VIII вв. Часть катакомбных погребений, раскопанных в Киргизии, также датируется V—VIII вв. Катакомбный могильник Учат в Фергане по монетным находкам датирован концом VIII — началом IX в.[7]. К VI—X вв. относятся чаткальские курганы с погребениями на дневной поверхности в каменных склепах, которые типологически восходят к древним мугхона. Эти традиционные для Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы типы погребений продолжали существовать в тюркское время, резко отличаясь от погребений с конем и поминальных сооружений, характерных для собственно тюрков и тюркоязычных племен теле (тогуз-огузов).

Этнические контакты в среде кочевников привели к культурным взаимовлияниям, которые нашли отражение в археологических памятниках. Так, в Центральном Тянь-Шане, долине Кетмень-Тюбе и в Семиречье были найдены катакомбные и подбойные погребения, в дромосах которых были захоронены кони, что свидетельствует о восприятии местным населением некоторых тюркских обычаев. По археологическим данным можно проследить и начавшийся процесс унификации материальной культуры в скотоводческой среде, выразившийся прежде всего в однотипности предметов вооружения, конской сбруи и элементов одежды. Здесь доминировали тюркские образцы. Однако, если учесть, что материальная культура, и особенно вооружение, является наиболее пластичной и изменчивой частью традиционной культуры, скорее всего эта унификация отражает не процесс этнической консолидации, а вовлечение автохтонных племен в военно-административную систему каганата.

В археологических материалах культурное влияние автохтонных племен на тюрков в VI—VIII вв. прослеживается слабо. Можно отметить лишь, что в тюркских погребениях с конем в Семиречье и Тянь-Шане гораздо чаще встречается керамика, которая практически отсутствует в центральноазиатских погребениях.

С приходом кочевых тюркских племен в VI—VIII вв. н. э. антропологический состав населения на территории Киргизии становится более разнородным. В сериях черепов ранних тюрков,

наряду с типично монголоидными, представлены смешанные типы с преобладанием монголоидных или чаще европеоидных черт, что, очевидно, является результатом интенсивного смешения местных европеоидных племен с пришлыми. Появляются существенные различия во внешнем облике населения горных областей, где со временем преобладающими становятся монголоидные черты. Население городов оставалось, в основном, европеоидным. Очевидно, согдийское население средневековых городов Чуйской долины длительное время не смешивалось с тюрками. Даже в XI—XII вв. население, оставившее Краснореченское городище, сохраняло европеоидный памирофергапский тип без заметной монголоидной примеси, хотя здесь и были найдены единичные монголоидные черепа. Погребенные в некрополе XI—XII вв. городища Хан-Дюбе (Прииссыккулье) — европеоидного расового типа, но с заметной монголоидной примесью. Это могли быть представители местного оседлого населения, слабо подвергавшегося смешению с пришлыми центральноазиатскими кочевниками.

Расовый тип тюркских племен был неоднороден и изучен недостаточно. Трудность в том, что исследуя антропологические особенности тюркских черепов с территории Киргизии, исследователь, как правило, имеет дело не с исходными расовыми типами пришлого населения, а уже с результатами его метисации с местными племенами. Известно, что черепа тюркского времени Тянь-Шаня были близки черепам тюрок Казахстана, предгорного и горного Алтая и отличаются от немногих известных черепов из средневековых могильников Минусинской котловины.

В VI—VIII вв. в степной полосе Средней Азии и Казахстана значительные изменения претерпевает языковая ситуация. После миграции сюда центральноазиатских тюрков, вступивших в контакт с автохтонными ираноязычными и тюркоязычными племенами, на севере Средней Азии и в Поволжье к VIII в. сложилось несколько древнетюркских языковых групп: булгаро-хазарская, западнотюркская (огузская) и карлукская. Непосредственно с территорией Киргизии были тесно связаны две последние, однако, какие-то языковые контакты были и с Поволжьем. Едва ли можно сомневаться в том, что таласская палочка с руническим текстом, найденная М. Е. Массоном, написана восточноевропейскими (булгаро-хазарскими) рунами[8]. В целом язык памятников рунической письменности Енисея, Монголии и Киргизии имеет ряд общих признаков, что позволяет отнести их к одной языковой группе. С. Е. Малов назвал его «общим, стандартным»[9]. Несмотря на наличие диалектных различий, заметных в ряде памятников, язык древнетюркской рунической письменности был общим литературным языком, распространенным в VII—X вв. на территории Тюркского каганата и сменивших его государственных образований. Не исключено, что основой его стал племенной диалект ашина. На территории каганата проживали племена, говорившие на различных тюркских диалектах. Так, именно в со-

став западнотюркских и карлукских племен входили племена, говорившие на так называемых «джекающих» диалектах. В армянских источниках содержится рассказ о походе в Закавказье в 627 г. западнотюркского «Джебу-хакана». Здесь явно отражена диалектная «джекающая» форма титула западнотюркских государей — ябгу-каганов. По арабским и персидским источникам известно, что владыки семиреченских и тохаристанских карлуков именовались в VII—VIII вв. то «ябгу», то «джабгу». В этом чередовании отразился различный племенной состав карлукского союза племен со своими племенными диалектами.

Наряду с языками тюркской группы, в Семиречье продолжала сохраняться, а в V—VI вв. даже расширилась иранская (преимущественно согдийская) языковая группа. Западнотюркский каганат был зоной тюркских и восточноиранских языковых контактов. Так, в согдийских документах с горы Муг отмечена древнетюркская лексика; писцы, по определению В. А. Лившица, пользовались тюркской грамматикой при написании слов тюркского корня. В зоне оседло-земледельческой и городской культуры Семиречья имелись весьма небольшие группы населения, говорившие на сирийском языке.

В VII—VIII вв. в этнографических характеристиках западных тюрков появляются особые черты, отличающие их от восточных. Исследования каменных изваяний и стенных росписей Афрасиаба позволяют утверждать, что в отличие от восточных тюрков, заплетавших две косы, западные тюрки носили прическу в 4—7 кос (реже 8—9). Только на территории западных тюрков были распространены женские каменные изваяния в трехрогом головном уборе и в мантии-накидке.

Таким образом, в VI—VIII вв. в зоне кочевого скотоводства наблюдаются процессы сближения культуры различных тюркских и нетюркских племен, проявившиеся в известном единообразии материальной культуры, взаимопроникновении различных элементов погребального обряда, в намечавшихся общих этнографических чертах. Именно в это время складываются представления об общности, выходящей за рамки племени, что сопровождалось распространением единого имени для всех десяти племен — «он ок бодун» — «народ десяти стрел» — при сохранении еще и племенных самоназваний. Однако отмеченные этнические процессы в среде скотоводческого автохтонного и центральноазиатского пришлого населения в указанное время протекали медленно.

Столь же замедленно в VI—VIII вв. протекали этнические процессы и в среде оседлого населения. Начавшаяся в V—VI вв. и особенно усилившаяся в VII в. согдийская колонизация и связанная с ней урбанизация Чуйской и Таласской долин подняла роль оседло-земледельческого населения в общем культурном развитии Притяньшанья. Крупные оседлые поселения до этого времени существовали только в Фергане. Следует заметить, что термин «согдийская колонизация» не вполне приемлем для этниче-

ской характеристики тех групп мигрантов, которые принесли в Семиречье не только навыки оседлой культуры, но и разные религиозные системы, зачастую связанные с этнически различными группами, что подтверждается находками при раскопках древних городов Восточного Туркестана рукописей на согдийском, пехлевийском, сирийском и некоторых других языках, привнесенных из стран Передней Азии. Тесная связь населения семиреченских городов с восточнотуркестанскими общинами — их единоверцев и соплеменников — позволяет утверждать, что городское население Семиречья отнюдь не было этнически однородным и включало в себя как собственно согдийцев, т. е. жителей долины Зеравшана и прилегавших районов, так и жителей Ирана, особенно Хорасана, приток которых усилился в эпоху арабских завоеваний. В числе мигрантов были христиане-сирийцы (несториане и монофизиты), подвергавшиеся преследованиям как в Византии, так и в Иране.

Находки сирийских надписей и христианской символики на бытовых предметах, намогильных кайраках и «иконках» (Тараз, Невакет, Суяб), а также раскопки несторианской церкви VII — VIII вв. в восточной части Чуйской долины (Ак-Бешим) свидетельствуют о существовании здесь христианских общин, основанных выходцами из стран Ближнего Востока[10]. И все же среди населения семиреченских городов, как отметил Сюань Цзан, в первой половине VII в. преобладали согдийцы. Это было характерно для последующих двух столетий, что доказано археологическими исследованиями.

В VI — начале VIII в. еще не сложились экономические предпосылки для массового оседания тюрков и иного автохтонного населения скотоводческой округи согдийских городов и поселений. Только в некоторых, наиболее крупных из них, становившихся ставками каганов (Суяб, Невакет, Тараз), жила тюркская знать со своими дружинами. Процессы межэтнической интеграции тюрков и согдийцев, осложненные языковыми, культурными и экономическими различиями, протекали крайне медленно. Иначе трудно объяснить тот факт, что за столь длительный срок (свыше 100 лет) существования семиреченских колоний даже такой тонкий наблюдатель, как Сюань Цзан (630 г.), не заметил в них этнических и этнографических отличий от городов собственно Согда и считал территорию от Боомского ущелья до Тохаристана единой страной. Некоторые этнокультурные изменения здесь проявляются лишь к VIII в., когда семиреченские согдийцы, преимущественно знатные, воспринимают тюркские имена и тюркскую титулатуру[11]. Примерно в это же время фиксируются браки между высшими слоями тюркской и согдийской знати Семиречья и Согда. Династийные браки между представителями тюркской династии Ашина и согдийскими владетелями были известны и раньше. Тюркские каганы отдавали своих дочерей в супруги владетелям Согда, Кашгара, Кочо (Турфана) и других областей. Непременным условием таких браков было восприятие самими владетелями и их окружением одежды тюркского покроя и причесок на тюркский манер. Эти сведения письменных источников подтверждаются средневековыми иконографическими материалами из Согда и Восточного Туркестана. Естественно, что матримониальные связи тюркской и согдийской знати не могли существенным образом повлиять на этнические процессы, протекавшие здесь. Антропологические данные и иконографический материал (согдийские терракоты, найденные в городах Семиречья) свидетельствуют о преобладании среди оседло-земледельческого населения европеоидного компонента лишь со слабыми признаками монголоидности.

Более заметно влияние тюрков на культуру оседлого населения в области военного дела. Вооружение согдийцев VII—VIII вв. изменялось под воздействием тюрков. Что же касается массового появления наборных поясов в оседлых владениях Средней Азии и Восточного Туркестана, то оно целиком объясняется тюркским влиянием. Наблюдаются также и некоторые элементы погребального обряда, усвоенного согдийцами под воздействием тюрков[12].

Таким образом, этнические процессы на территории Семиречья и Тянь-Шаня в VI — первой половине VIII в. хотя и имели общую направленность к тюркизации автохтонного скотоводческого, а в какой-то степени и оседлого населения, протекали замедленными темпами. К середине VIII в. еще не исчезли ни племенные, ни культурные, ни языковые, ни расовые различия.

Переселение на Тянь-Шань и в Семиречье новых значительных масс центральноазиатских тюркоязычных кочевников-карлуков и входящих в карлукский племенной союз чигилей и ягма (746—766 гг.), не изменив направленности социально-экономических и культурных процессов, привело не только к смене правящей группировки тюркской аристократии, но и к весьма серьезным этническим переменам.

В VIII—IX вв. в зоне распространения скотоводческого хозяйства окончательно исчезает культура подбойных и катакомбных захоронений, носителями которой были остатки древнего автохтонного населения, лишь частично тюркизированного в предшествующий период. Зато элементы этих погребальных обрядов проявились в синкретической культуре городских некрополей Чуйской долины. Это означает, что дотюркское кочевое население, наряду с частью собственнотюркских племен, потеряв свои пастбища и земельные угодья, занятые новыми пришельцами, было вынуждено перейти на оседлость, расселяясь как в уже существовавших городах согдийцев, так и основывая новые поселения. Так, на некрополе Краснореченского городища наряду с погребениями в оссуариях и хумах, характерных для согдийцев, обнаружено типичное древнетюркское захоронение с конем. Во вре-

мя раскопок некрополя городища Беловодская крепость были вскрыты погребения в грунтовых ямах и в подбоях. Среди них находилось и одно погребение с конем. На городище Ак-Бешим были раскопаны погребения в подбоях, а также сложное погребальное сооружение в виде катакомбы с длинным дромосом. Эти погребения, принадлежавшие бывшим кочевникам дотюркского времени и самим тюркам, датируются не раньше VIII—IX вв.

Процесс оседания кочевников привел к быстрому территориальному росту уже существующих поселений, что проявилось в строительстве вокруг них в VIII—IX вв. одного или нескольких колец так называемых «длинных стен». Оседлые поселения в больших количествах появляются на Иссык-Куле, в горных долинах Центрального Тянь-Шаня, на Чаткале, т. е. в местах безраздельного господства кочевого скотоводства. Оседание кочевников зашло настолько далеко, что в IX—X вв. жителями городов становятся и племенные группы, входившие в карлукское объединение. Об этом убедительно свидетельствуют фиксируемые письменными источниками наименования поселений — «город средних размеров» Карлук, «маленький город» Джикиль, «селение» Ягма и другие[13].

Поселившиеся в городах бывшие кочевники попадали в новую, совершенно иную экономическую, этническую и конфессионально-культурную среду. Совместное проживание тюрков и согдийцев не могло не привести к интенсификации этнических процессов и культурных взаимовлияний. В письменных источниках VIII—X вв. почти отсутствуют сведения о конкретных формах проявления этих процессов. Поэтому они реконструируются, главным образом, на основе археологических материалов. В разное время на средневековых городищах Чуйской и Таласской долин были найдены краткие и зачастую фрагментарные согдийские тексты, выполненные на керамических сосудах и их обломках. Тексты датируются IX—XI вв. Чтение и перевод их позволяет сделать вывод, что тюрки и согдийцы были равноправными членами городских общин. В согдийской семиреченской среде тюрки-горожане стали исповедовать распространенные здесь мировые религии, а именно манихейство и христианство.

Есть основания утверждать, что некоторые тюркские неофиты со временем даже возглавили отдельные религиозные общины. Так, одним из руководителей христианской (или манихейской) общины города Невакета, судя по надписи, найденной на Краснореченском городище (Чуйская долина), был знатный тюрк Йарук-тегин. Другой фрагмент надписи, найденный близ Тараза, свидетельствует о том, что в одном из поселений Таласской долины пастырем христиан (или манихейцев) являлся тюрк Ильтаг. На одном из обломков керамики, найденном на городище Якалыг (Чуйская долина), начертано имя согдийца-епископа религиозных общин[14]. Исповедование оседлыми тюрками различных мировых религий быстро меняло их культурный облик. Теперь они

были не только воинами и пастухами, но и священнослужителями, монахами, писцами, переводчиками.

Для «пробуждения веры» в тюркской среде было переведено на тюркский язык манихейское сочинение «Ики йылтыз ном» — «Священная книга двух основ». Оно было переписано в середине IX в. в городе Таразе. Переводческая деятельность манихейских церковных служителей свидетельствует о быстром росте тюркоязычного городского населения Семиречья и его адаптации в новой культурной среде[15]. В свою очередь оно оказывало свое влияние на местную городскую культуру. Это проявилось в распространении здесь тюркского вооружения, снаряжения коня, элементов одежды. Так, согдийцы на барельефах краснореченских оссуариев изображены в длинных кафтанах, стянутых в талии наборными поясами, в высоких мягких сапогах с мысиком у колена. Этот костюм, судя по каменным изваяниям, не отличается от одежды тюрков. Несомненно, что культурные связи между согдийцами и тюрками со временем расширялись, но, как это ни парадоксально, они становятся все менее и менее ощутимыми в памятниках материальной культуры. Объясняется это тем, что кочевники, втягиваясь в городскую жизнь, уже настолько восприняли новую для них культуру, что она почти целиком, без «кочевых поправок», становилась составной частью их быта.

В городах Семиречья карлукского времени говорили и писали, как об этом свидетельствуют фрагменты надписей, найденные во время раскопок, на согдийском и тюркском языках. Нельзя исключить и двуязычия. Это подтверждается текстом, выполненным на венчике хума, написанным по-согдийски, но обращенным к тюрку. Для передачи тюркской речи использовали две системы письменности — согдийское курсивное письмо и, реже, древнетюркский рунический алфавит[16].

Таким образом, в VIII—X вв. получил свое завершение процесс полной тюркизации скотоводческого населения Тянь-Шаня; он перешел в новую фазу — процесс тюркизации оседло-земледельческого населения Семиречья, закончившийся по свидетельству Махмуда Кашгарского, через полтора — два столетия, уже на следующем историческом этапе.

В эпоху Караханидов Семиречье и Тянь-Шань обрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. Оказавшись в зоне мощного воздействия более чем полутысячелетней оседлой цивилизации Средней Азии, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и выработали приемлемые пути интеграции в уже сложившихся хозяйственно-культурных регионах, внешним выражением которой в идеологическом аспекте явилось заметное ускорение (X—XI вв.) исламизации тюркских племен[17].

В середине XI в. в Семиречье и Кашгарии, как об этом свидетельствует Махмуд Кашгарский, основными носителями осед-

лой культуры были тюрки. Это обстоятельство серьезно повлияло на направленность этнических процессов. В государстве Караханидов окончательно утратило свою силу многовековое противопоставление Ирана и Турана как олицетворение оседлости и кочевничества[18]. Этническая обособленность между различными тюркскими племенами отходит на второй план. Едва ли можно считать случайным, что в сочинении Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» характеризуются не племена, а различные социальные группы караханидского общества[19]. Не случайно и то, что этническая атрибуция Караханидов насчитывает семь гипотез. Караханиды, как писал В. В. Бартольд, называли себя только тюрками и «домом Афрасиаба». Ни одно из тюркских племен не имело в их государстве преобладания, ни один источник не упоминает, из какого племени вышла сама династия[20]. Это отнюдь не означает полную детрибализацию караханидского общества и усвоение надплеменной государственной традиции. «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского со всей определенностью свидетельствует, что в его время племенное и родовое деление сохраняло вполне реальное значение. Автор признает, что он описал только тюркские племена, оставив без внимания родовые подразделения, число которых «знает один всевышний...»[21]. Однако удельная политическая система государства способствовала разрушению былого единства тюркских племен. В территориальном отношении племена были рассредоточены, мелкие присоединялись к более крупным и теряли свое этническое лицо, они уже не составляли, как в предшествующий период, ни политического единства, ни культурно-идеологической общности. Ничего, кроме происхождения, например, не связывало кочевых чигилей, обитавших в Илийской долине и вокруг оз. Иссык-Куль, с жителями города Чигиль в Таласской долине, поселившихся там в столь отдаленные времена, что Махмуд Кашгарский приписал постройку их города Александру Македонскому. Так же рассредоточенно обитали и другие крупные племена, входившие в государство Караханидов — карлуки, ягма, тухси. Одни из них продолжали заниматься кочевым скотоводством, другие — перешли к оседлости. Таким образом, главная тенденция этнического развития в XI—XII вв. была направлена на замену родоплеменных связей социальными (иерархическими), на преобладание территориальных объединений, нашедших свое политическое выражение в создании и укреплении удельной системы.

Важным фактором, свидетельствующим об этнической консолидации тюркских племен, было сложение единого литературного языка, который назывался «богрохановским» (Юсуф Баласагунский) или «хаканийским» (Махмуд Кашгарский). Этот язык противопоставляется иным племенным языкам — речи туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов. Махмуд Кашгарский делит все тюркские языки на две группы: 1 — чистые, несмешанные, правильные языки; 2 — смешанные, неправильные, порченные. По его мнению, «самый чистый и правильный» язык сохранился в среде тюрков, ведущих кочевой образ жизни и не общающихся постоянно с горожанами. К таковым он относит семиреченских тухси и тянь-шаньских ягма. Неправильные, порченные языки были у жителей городов и тех, кто постоянно общался с ними. Махмуд Кашгарский объясняет это тем, что несмотря на преобладание в городах Семиречья и Кашгара тюрков, рядом с ними обитали согдаки и кенжеки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты, язык которых непосредственно влиял на тюркский.

В XI—XII вв. в городах Семиречья завершался процесс ассимиляции согдийцев. По свидетельству Махмуда Кашгарского, здесь преобладало двуязычие: «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Так же жители Тараза и Белого города»[22]. Некоторые тюрки знали согдийский язык и письмо, о чем свидетельствуют посетительские надписи, выполненные тюркской знатью на согдийском языке в ущельях Таласской долины. Среди согдийцев уже не было таких, которые говорили только по-согдийски. Они «выглядели как тюрки и приняли их обычаи»,— констатирует Махмуд Кашгарский[23].

Общим итогом этнических изменений на Тянь-Шане и в Семиречье в VI—XII вв. было образование здесь сложного этносоциального объединения с практически однотипными внутри себя и тесно взаимодействующими между собой оседло-земледельческой и кочевнической культурами, достигшими своего расцвета в караханидскую эпоху (X—XII вв.). В рамках караханидского государства достаточно определенно обозначились черты надплеменной этнической общности, объединенной не только политическими узами и исторической традицией, но и актуальными жизненными процессами, одним из проявлений которых было сложение единого литературного языка, общего для всей восточной части Средней Азии. Дальнейшее развитие этой общности было прервано монгольским нашествием, изменившим этническую ситуацию на востоке Средней Азии.

Кимакские и кыргызские племена Алтая в IX—XIII вв.

Этническая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии и Южной Сибири к середине IX в., определялась появлением здесь нескольких новых крупных тюркоязычных племен, создавших свои государственные образования. Наиболее значительными из этих объединений были карлукский союз племен, включавший также чигилей и ягма, в Семиречье и на Тарбагатае, кимакско-кыпчакский союз племен в Верхнем и Среднем Прииртышье и Северо-Восточном Казахстане, объединение тюркских племен Среднего и Верхнего Енисея, возглавляемое кыргызами Минусинской котловины. В Маньчжурии и Восточной Монголии усилились крупные союзы монголоязычных племен киданей и татар. Одно из этих объединений, енисейские кыргызы и союзные с ними племена Тувы и Приангарья, в результате раз-

грома Уйгурского каганата в 840 г., заняли Северо-Западную Монголию, а после переселения уйгур (тогуз-огузов) в Восточный Туркестан и Южную Джунгарию, некоторое время соперничали с ними в борьбе за земли и города Восточного Притяньшанья. Западным соседом государства енисейских кыргызов стало государство кимаков и кыпчаков, возникшее во второй половине IX в. из племен, некогда входивших в Западнотюркский каганат: (собственно кимаки), объединение тогуз-огузов (эймуры, байандуры и татары) и кыпчаков.

Границей между владениями енисейских кыргызов и кимакско-кыпчакских племен были степные предгорья Северо-Западного Алтая и, возможно, левобережье верховий Оби. В конце X в. отношения между государствами кыргызов и кимаков не были мирными. Правители обоих государств, принявшие титул «каган», претендовали на расширение своих территорий, в особенности в Джунгарии и в Восточном Притяньшанье, где они пытались утвердиться, соперничая в борьбе за «уйгурское наследство». И кимаки, и кыргызы сумели захватить или поставить под свой контроль несколько городов и прилегавших к ним обширных территорий Джунгарии и Таримского бассейна. Впрочем, эти завоевания были недолговечны, так как кыргызы вскоре покинули Восточное Притяньшанье, а кимаки, не сумев там утвердиться, ограничивались набегами на пограничные города тогуз-огузов, т. е. Уйгурского государства с центром в Турфане[24]. Столь же наступательной была в IX — начале X в. политика кимакского кагана в отношении всех своих соседей. Ал-Идриси, автор XII в., сохранивший раннюю историческую традицию кимаков (он пользовался повествованием сына кимакского хакана Джанаха), пишет о политических амбициях кимакского владетеля: «Царь кимаков — один из великих царей и один из славных своим достоинством... тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся от его набегов, так как они уже знали и испытали от него раньше подобные действия»[25].

Столь же определенно сообщает ал-Идриси о вражде между кимаками и кыргызами. «Все города страны кыргызов расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями»[26].

Однако в начале X в. положение на кимакско-кыргызских рубежах существенно изменилось. Натиск тюркских племен, появившихся в Северо-Восточном Казахстане с востока, после образования государства киданей в Северном Китае, ослабил кимакский племенной союз, привел к его расколу и миграции кыпчакских племен на запад — в Приаралье, на Северный Кавказ и к границам Киевского государства. Воспользовавшись ослаблением

кимаков, енисейские кыргызы распространили свою власть на Алтай, Прииртышье и Приобье. Тем самым они нанесли еще один удар по кимакскому государству, которое вскоре после этого (в конце X в.) перестало существовать. Оставшиеся на прежних землях, в Южной Сибири и на Алтае, кимакско-кыпчакские племена создали новые племенные союзы. Но этот новый этап их этнической интеграции осуществлялся в сфере политического влияния енисейских кыргызов.

Появление значительных групп енисейских кыргызов на Северном Алтае, вплоть до Приобья, и в Прииртышье, в зоне расселения кимакско-кыпчакских племен (среди кыпчаков Прииртышья, по свидетельству Рашид ад-дина, главное место принадлежало племени канглы) аргументировано раскопками крупных курганных могильников в Северо-Восточном Казахстане и Приобье. Большая часть курганов является погребальными сооружениями кимаков, захороненных в подбоях и грунтовых ямах в полном боевом вооружении и рядом с конем[27]. В меньшей части погребальных сооружений обнаружены остатки кыргызских воинов, погребенных по древнему енисейскому обряду (трупосожжение)[28]. «Они поклоняются огню и сжигают мертвых»,— говорит о «хырхызах» персидский источник X в. У енисейских кыргызов этот обряд сохранился вплоть до XVIII в., между тем как кимаки и кыпчаки никогда не практиковали сожжения покойных[29].

Однако различие погребального обряда, одного из наиболее устойчивых в любой этнической культуре, не помешало иным формам культурного взимодействия. По существу в конце IX—X вв. материальная культура кимаков и енисейских кыргызов, во всяком случае на Алтае и в Прииртышье, была чрезвычайно сходной. Преобладание получили элементы материальной культуры и обычаи кимаков[30]. Именно к X—XI вв. относится начало этнической ассимиляции кимаками кыргызских этнических групп к западу от Оби. Источник X в. «Худуд ал-алам» еще свидетельствует о равных культурных взаимовлияниях между кимаками и кыргызами. Так, одно из кыргызских племен «по одежде напоминают кимаков», а в области, принадлежащей кимакам, жители следуют «обычаям хырхызов»[31]. Иное положение фиксирует источник начала XII в. «Табаи ал-хайван» Марвази. В разделе о тюркских племенах «Табаи ал-хайван» сообщается: «К ним (тюркам) относятся (также) кыргызы: многочисленный народ, проживающий между летним востоком и севером; кимаки живут на севере, а ягма и карлуки на западных пределах кыргызов, тогда как Куча и Арк (Карашахр. — *Ред.)* расположены на юго-западных границах кыргызов. Кыргызы обычно сжигали трупы умерших, считая, что огонь очищает (от всяких грехов), однако это их старый обычай. После того, как они стали соседями мусульман, кыргызы перешли на захоронение умерших»[32].

Изменение погребального обряда — явление не слишком частое в традиционных культурах Азии. Оно связывается либо с принятием новой религии, либо с изменением этнического облика народа. По свидетельству археологических данных никакого изменения погребального обряда у енисейских кыргызов, сохранивших древние религиозные верования и традиционную этническую культуру, по крайней мере в течение тысячелетия, со времени образования их государства в VIII в., не произошло[33]. Следовательно, сообщение ал-Марвази не может быть отнесено к собственно енисейским кыргызам. В приведенном отрывке имеются два указания относительно мест обитания той группы кыргызов, чей погребальный обряд изменился,— во-первых, они были соседями мусульманских областей, а также соседями ягма и карлуков, и, во-вторых, они жили южнее кимаков. Соседями ягма и карлуков и одновременно мусульманизированного Семиречья и Кашгарии могла быть только группа кыргызов, обитавших на Алтае, Черном Иртыше и в Северо-Восточном Казахстане. О непосредственном соседстве кыргызов с «гэлолу», т. е. с семиреченскими карлуками, сообщает также «Тан шу»[34]. Естественно, севернее их жили прииртышские кимаки. Марвази лишь пытается объяснить мусульманским влиянием смену погребального обряда. Действительно, после XI в. кыргызские курганы с обрядом трупосожжения к западу от долины Енисея исчезают, но они вытесняются не захоронениями по мусульманскому обряду, а кимакско-кыпчакскими захоронениями в грунтовых ямах и подбоях, часто с конем. Тот же процесс смены обряда археологически фиксируется и в Новосибирском Приобье, где пришлые кыргызские племена в XI в. полностью ассимилируются местным тюркским населением[35]. Следовательно, Марвази, фиксируя важный этнокультурный факт исчезновения обряда трупосожжения, дает ему неверное объяснение, что естественно впрочем, для правоверного мусульманина. В этом случае требуют объяснения два обстоятельства. Во-первых, почему на территории между Обью и Или преобладал кимакско-кыпчакский, а не кыргызский погребальный обряд, и, во-вторых, почему Марвази называет население этой области «кыргызами».

Первое обстоятельство имеет достаточно логичное объяснение — численное соотношение между кимакско-кыпчакскими племенами и группами енисейских кыргызов здесь было явно не в пользу последних. Они оказались полностью ассимилированными внутри кимакско-кыпчакской племенной структуры, что могло произойти только вследствие их политического отделения и культурного отрыва от основной этнической территории и прежних политических центров на Енисее.

О группе кыргызов, отделившейся от основного этнического массива и жившей к западу от него, достаточно ясно сообщается в «Худуд ал-алам». Персидский автор X в., чья информация, как совершенно очевидно по его рассказу, исходит из уйгурской среды, в главе «Об области тогуз-гузов и ее городах» так определяет местоположение Уйгурского (Турфанского) государства: «...на запад от нее (области тогуз-огузов) — некоторая часть хырхызов и на север — также хырхызы, (они) селятся вдоль всех ее границ»[36]. Севернее Турфана и Бешбалыка, столиц уйгурского идикута, находятся Северо-Западная Монголия и Тува, принадлежавшие в X в. енисейским кыргызам. А жившей на западе, точнее на северо-западе, «некоторой частью хырхызов» могла быть алтайско-иртышская группа кыргызов. О той же локализации отдельной группы кыргызов столь же явно свидетельствует еще одно место в цитируемом разделе «Худуд ал-алам»: «На север от тогуз-гузов расположена пустыня (пески Дзосотын-Элисун. — *Ред.),* (она) простирается между тогуз-гузами и хирхизами до области кимаков»[37]. Здесь речь идет об алтайско-иртышских «хырхызах», так же как и в случае, когда «хырхызы» локализуются к северу от чигилей, живших на Тянь-Шане и в Джунгарии. Об отдельной группе кыргызов («одно из кыргызских племен») говорится как о соседствующей на востоке с прииртышскими или алакольскими кимаками. Все эти указания сводятся к утверждению о существовании уже в X в. некоей обособленной группы кыргызских племен, населявших Северный и Горный Алтай и приалтайские степи в Обь-Иртышском междуречье.

Расселение и обособление группы енисейских кыргызов на Алтае и в Прииртышье вполне четко фиксируется археологическими исследованиями. Раскопки целой серии кыргызских погребений с трупосожжениями в Кош-Агачском районе Горно-Алтайской АО, убедительное определение как древнекыргызских погребений, раскопанных в конце XIX в. В. В. Радловым на р. Бухтарме (Западный Алтай), открытие крупной серии кыргызских курганов с трупосожжениями в верхнем Прииртышье, где они непосредственно соседствуют с кимакскими погребениями,— все это свидетельствует об интенсивном проникновении кыргызов на Алтай и на Иртыш[38].

Более трудным для объяснения является другое обстоятельство, а именно сохранение этнонима «кыргыз» как самоназвания внутри иной по этническому составу группировки племен. Понять процесс перенесения этнонима можно только с учетом семантики имени «кыргыз» в эпоху, предшествующую описываемым событиям.

Сообщения мусульманских авторов и китайских хроник показывают, что кыргызы в VII — начале IX в., еще до крушения Уйгурского каганата и расширения сферы своего политического влияния, не были цельной этнической общностью. К числу «кыргызских» племен средневековые информаторы относят также те племена, которые были подчинены власти кыргызского кагана в результате военных походов, но ни по языку, ни по культуре к кыргызам не относились. Даже отдаленных прибайкальских курыкан (кури, фури) Гардизи называет одним из кыргызских на-

родов, язык которых, однако, кыргызы не понимали, и тут же добавляет, что от ставки кыргызского кагана до области народа фури было три месяца пути[39].

Политическое влияние кыргызов на курыкан, судя по рассказу Гардизи, было ничтожным, однако сам факт существования этого влияния позволил современникам рассматривать курыкан и другие подчиненные кыргызам племена как составные части этнополитической общности, внутри которой они сохраняли свои самоназвания, получив наряду с ним новое общее этническое и политическое обозначение по названию племени-гегемона. Совершенно аналогичные изменения этнополитической номенклатуры Центральной Азии происходили в эпоху существования Гуннской империи и Тюркского каганата. Даже отколовшись от первоначального ядра и полностью изменив свой этнический состав и место обитания, новые племенные союзы в силу политической традиции зачастую сохраняли названия прежних племен-гегемонов. Иногда такие обозначения сохраняются и в современную эпоху. Так, татары Поволжья, говорящие на одном из языков кыпчакской ветви тюркской языковой семьи, этнически никак не связаны с монголоязычными татарами средневековой Центральной Азии, а турки Малой Азии отнюдь не являются потомками господствующего племени Тюркского каганата VI—VIII вв.

Рашид ад-дин был первым, кто ясно и недвусмысленно сообщил о нескольких кыргызских владениях, которыми правили самостоятельные и независимые друг от друга правители, хотя и связанные между собой общей исторической традицией и союзническими отношениями. Описывая политическую ситуацию в Южной Сибири накануне монгольского завоевания, т. е. в конце XII — начале XIII в., этот наиболее информированный историк монгольской эпохи называет две кыргызские области, владетели которых носили титул «инал»: Кыргыз и Кэм-Кэмджиут[40]. Обе эти области, связанные между собой больше исторической традицией, нежели политической реальностью, управлявшиеся иналами, были, по мнению Л. Р. Кызласова, остатками более обширной федерации кыргызских княжеств[41]. Судя по сообщению «Сокровенного сказания», о победе меркитов над кыргызами, захвате их страны и овладении «всеми пятью родами» кыргызов, всего могло быть пять кыргызских княжеств. Очевидно, ко времени похода меркитов в 1207 г. некоторые из кыргызских княжеств существовали скорее только в исторической памяти, которую и отражает стереотипная формула «пять родов», нежели в действительности к началу XIII в. Как показал Л. Р. Кызласов, самое южное из кыргызских княжеств, существовавшее в Северо-Западной Монголии, было разгромлено найманами в середине XII в., после чего граница между кыргызами и монгольскими племенами установилась по хребту Танну-Ола[42]. «Сокровенное сказание» сообщает о трех кыргызских послах к Чингиз-хану и трех кыргызских князьях, выразивших покорность Джучи-хану[43]. Возможно, сообщение об

одном из кыргызских княжеств не попало в труд Рашид ад-дина, тогда как некоторые намеки, указывающие на существование такого княжества, там содержатся.

Если обратиться к локализации двух названных Рашид ад-дином владений, Кэм-Кэмджиут и Кыргыз, то первое из них, одноименное название р. Енисей (Кем, Улуг-Кем), совершенно очевидно является исконной территорией енисейских кыргызов. Еще в VIII—IX вв. там была ставка кыргызского кагана. Но в XII в. ее правитель носил только титул «инал». Очевидно, между X и XII вв. былое единство Кыргызского государства, олицетворявшееся правителем с титулом «каган», было утрачено. О том, что вся кыргызская территория, включавшая не только Минусинскую котловину, но и Туву, называлась монголами Кэм-Кэмджиут, можно заключить из случаев употребления этого термина при описаниях монгольских походов в страну кыргызов. Другое княжество, Кыргыз, локализовать не так просто. Описывая расселение найманов, Рашид ад-дин отмечает, что их значительная часть обитает в горах, расположенных между р. Иртыш и областью Кыргыз[44]. Так как найманы жили в горах Монгольского Алтая (Йеке Алтай.— *Рашид ад-дин),* то область Кыргыз — это Горный Алтай и Верхнее Приобье, т. е. область расселения кимакско-кыпчакских племен, как о том свидетельствуют археологические памятники, представленные погребениями часовенногорского типа, генетически связанные с предшествующей сростинской (кимакской) культурой[45]. О той же локализации области Кыргыз свидетельствует местоположение летних и зимних ставок Арик-Буки — владетеля Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтайского нагорья в 50-х годах XIII в. Как пишет Рашид ад-дин, «его летнее становище было на Алтае, а зимнее — в Теке и Кыргызе. Между ними (расстояние) в три дня пути»[46]. Поскольку здесь речь идет о северной части Монгольского Алтая, то зимняя ставка Арик-Буки должна быть локализована в 90—100 *км* от него («три дня пути»). Во всех случаях эта ставка не могла быть в долине Енисея и, следовательно, княжество Кыргыз было расположено западнее Кэм-Кэмджиута.

Таким образом, к началу XIII в. на Горном Алтае и в Прииртышских степях Обь-Иртышского междуречья уже более 200 лет существовала группа кимакско-кыпчакских племен с общим самоназванием «кыргыз». Эта племенная группа унаследовала от енисейских кыргызов не только самоназвание, но и некоторые элементы материальной культуры, а также постепенно исчезавшую традицию рунической письменности, получившую ограниченное распространение в кимакской среде[47]. В тексте одной из немногих сохранившихся на Алтае рунических надписей-эпитафий даже упомянут этноним «кыргыз»[48]. Глава алтайской этнополитической группировки кыргызов носил древнетюркский титул «инал» и в начале XIII в. поддерживал союзнические отношения с другими кыргызскими княжествами, лишь од-

но из которых, Кэм-Кэмджиут (Верхний и Средний Енисей), было населено собственно енисейскими кыргызами, потомками и наследниками древнекыргызской этнической общности и предками современного хакасского народа.

3. Киргизы в составе Моголистана и формирование киргизской народности

После подчинения сыну Чингиз-хана, Джучи (походы 1207 и 1218 гг.), Южная Сибирь, области Кэм-Кэмджиут и Кыргыз стали уделом наследников Джучи. Рашид ад-дин отмечает покорение монголами многочисленных племен, которые «обитают по лесам в пределах страны кыргызов, (страны) кэм-кэмджиутов»[49].

1260 г. в стране Кыргыз учредил свою ставку Арик-Бука, где продержался до 1264 г., и перебазировался с войсками на Тянь-Шань. Последовавшие затем десятилетия оказались наиболее тяжелыми для кыргызов, живших на Алтае. Хубилай-хан, опасаясь поддержки кыргызами его соперника Хайду, несколько раз уводил их с родины в Маньчжурию, Монголию и Китай. Особой жестокостью отличался полководец Хубилай-хана Тутух. Так, в 1290 г. он разграбил район Алтайских гор и захватил более 3000 семей, принадлежавших Хайду. Зимой 1291—1292 гг. он еще раз вторгся на земли енисейских кыргызов, а захваченных в плен увел во внутренние области Китая. Однако значительная часть алтайских кыргызов все же оставалась на своей прежней территории под властью Хайду. Впоследствии все северо-восточные владения государства Хайду, в том числе земли алтайских кыргызов, вошли в состав Моголистана.

Северные границы Моголистана не могут быть установлены вполне достоверно. Мирза Мухаммед Хайдар, описывая границы Моголистана, замечает, что «сейчас их никто не знает», и, фиксируя с большей или меньшей точностью южные границы страны, дважды повторяет, что остальных границ он «не видел». Тем не менее, Мухаммед Хайдар определенно включает в состав Моголистана Прииртышье и пишет о большой протяженности территории — «в ширину и в длину составляет путь в семь-восемь месяцев»[50].

Единственное сообщение письменных источников о северной моголистанской периферии относится к 1390 г., когда войска Тимура, преследуя эмира Камар ад-дина, вышли к Иртышу. Однако Камар ад-дин успел переправиться через реку и уйти в область Тюлес...»[51]. Это сообщение Шарафа ад-дина Йезди было прокомментировано В. Ф. Минорским, сопоставившим Тюлес «Зафар-наме» с «горами Тулас (Тёлёс)» в «Худуд ал-алам», и показавшим, что в обоих случаях речь идет об Алтае[52]. Именно горы Тюлес (Алтай) были, по сообщению «Худуд ал-алам», «областью одного из хырхызских племен»[53]. Южная и юго-западная границы расселения алтайских кыргызов уже в IX—XI вв. не совпадали с географическими рубежами Алтая. Кроме Верхнего Прииртышья, кыргызские памятники археологически засвидетельствованы на обширной территории, вплотную примыкавшей к Семиречью и Притяньшанью (долина р. Или)[54]. В течение долгого времени алтайские кыргызы обозначались мусульманскими авторами XIV—XV вв. по преимуществу общими терминами «моголы» или «чагатаи», что весьма затрудняет изучение их этнической истории.

В связи с событиями в 1407—1410 гг., когда Пулад-хан, правитель Ак-Орды, решил наказать кыргызов за их набеги в пределы его удела, алтайские кыргызы, ставшие тем временем одним из сильных племенных объединений Моголистана, вновь попадают в поле зрения восточных историков. Очевидно, что за прошедшие после монгольских репрессий 100 лет они оправились от понесенных потерь. Окрепнув, они активизировали действия на своих границах. В 1414—1417 гг. новый хан Ак-Орды Чекире вновь вторгается на земли кыргызов. Впоследствии охрана границы между Ак-Ордой и страной «Кыргыз» была поручена правителями Ак-Орды племени баарин[55].

На кыргызские племена Алтая в то время распространялась власть могольских ханов. Моголистан никогда не был строго централизованным государством. Постоянные межплеменные распри и междоусобные войны феодальных владетелей, которые вместе с тем были вождями племен и родоплеменных объединений, обостряли политическую ситуацию в стране. Новые бедствия могольским племенам, в том числе кыргызам, принесли походы в Семиречье, на Алтай и Восточный Туркестан Тимура и его наследников. В связи с одним из таких походов, который предпринял внук Тимура, Искандер в 1399—1400 гг., в источниках вновь упоминаются захваченные в плен моголистанские кыргызы.

Китайская рукопись 1770 г. «Сиюй чжи» («Описание Западного края») сообщает, что около 330 лет тому назад, т. е. в середине XV в., часть кыргызов,« спасаясь от беспорядков, бежала и нашла приют в горах (Тянь-Шаня)»[56]. Очевидно, это самое раннее упоминание о продвижении группы кыргызов на Тянь-Шань, память о которой народ сохранил в устных народных преданиях. С этого времени в настоящем издании употребляется этнонним «киргиз» в отличие от «кыргыз», принятого в научной литературе для названия енисейских и алтайских племен.

В XIV—XV вв. значительная часть киргизов еще жила в Моголистане, населяя его наименее доступные для неприятеля горно-лесные районы. «Киргизам,— пишет самый осведомленный из историков Моголистана Мухаммед Хайдар,— принадлежит значительная часть лесных районов Моголистана»[57]. В другом месте своего сочинения он называет их «лесными львами Моголистана». Хотя горно-лесные районы Алтая являлись более надежным убе-

жищем на случай нападения сильнейшего противника, чем открытые долины Семиречья или Восточного Туркестана (показательно направление отступления Камар ад-дина), однако, они резко ограничивали хозяйственный потенциал киргизских племен, утративших свои богатые пастбища в Прииртышье и Джунгарии и вынужденных сокращать скотоводческое хозяйство. В этих условиях неизбежной была частичная хозяйственная деградация моголистанских киргизов. Очевидно, положение казалось особенно нетерпимым для племенной верхушки киргизов, заметно проигрывавшей в богатстве и престиже в сравнении с племенной знатью других могольских племен. Участие в среднеазиатских походах моголов на города Средней Азии и набеги на пограничные владения более богатых и сильных соседей не могли обеспечить постоянного притока необходимых жизненных средств, прежде всего зерна, тканей, а также предметов роскоши, к захвату которых стремилась племенная верхушка.

Резкую обособленность киргизов среди других племен Моголистана подчеркивает и Мухаммед Хайдар. Он отмечает, что киргизы не подчинялись чагатаидским ханам и не приняли ислам[58]. Как бы осторожно не относиться к этой характеристике, очевидно, что для правителей Моголистана и поддерживавшей их аристократии из наиболее могущественных племен, киргизы были наименее покорной и наиболее беспокойной частью населения страны. Как пишет Мухаммед Хайдар в другом месте своего сочинения, «киргизы являлись зачинателями всех смут в Моголистане». Поэтому могольские ханы были особенно безжалостны в репрессиях против киргизских племен[59].

Чрезвычайно стесненные возможности ведения скотоводческого хозяйства, войны с другими, более сильными племенами, делали жизнь киргизов особенно трудной и опасной, побуждали их к поискам выхода из неблагоприятной для них хозяйственной и военно-политической ситуации. Такая возможность открылась перед киргизскими вождями в конце XV в., когда государственная структура Моголистана пришла в окончательное расстройство в ходе межплеменных и междоусобных войн, а также опустошительного вторжения трехсоттысячного войска калмаков Амасанчи-тайши около 1470/71 г. Нашествие калмаков надолго отвлекло моголистанских ханов от активного вмешательства в межплеменные распри внутри своего государства. Именно тогда основная масса киргизских племен покинула Алтай и Прииртышье ради богатых пастбищ и лесистых ущелий Северного Тянь-Шаня.

Сама по себе эта крупная политическая акция, связанная с необходимостью освоения и подчинения новых земель, расселения на этих землях и коллективной защиты новообретенной территории, с одной стороны, вела к более яркому выявлению этнического единства, а с другой, требовала создания действенной этнополитической структуры и военно-политической организации. Решающим моментом в процессе образования киргизского народа явилось создание унаследованной от древних тюрков дуальной политической системы — правого и левого «крыла».

Возникнув в глубокой древности из нужд военного построения, эта система вскоре превратилась в постоянный военно-административный принцип этнополитической организации формировавшихся народностей кочевников Центральной Азии. Впервые проявившись в законченной форме на первых же этапах образования империи гуннов в III—II вв. до н. э., дуальная этническая структура наиболее полное развитие получила в тюркских и уйгурских каганатах. Особенно ярко все элементы этой структуры проявились в Западнотюркском и Тюргешском каганатах, а легендарные сказания огузов приписывают создание дуальной системы прародителю западнотюркских племен Огуз-кагану, разделившему громадный огузский эль на учуков и бузуков.

Так или иначе, дуальная этнополитическая организация (структура военно-административной организации) имела прочные корни в социально-политической и этнической истории тюркоязычных племен Центральной Азии и проявлялась в большинстве случаев вместе с созданием новой государственной общности, с появлением новой господствующей этнополитической группировки.

О времени создания подобной дуальной системы у киргизов сообщается в упомянутой китайской рукописи, составленной в 70-х годах XVIII в. «220 с лишним лет тому назад они (т. е. киргизы) сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви — северную и южную... Каждая делилась внутри на ветви»[60]. Хронологические указания о создании такой дуальной системы у киргизов, полученные маньчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса киргизских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к началу XVI в. Они свидетельствуют не только о наличии у киргизов фиксируемой исторической памяти, но и определяют начало важнейшего этапа этнической и социально-политической истории киргизских племенных объединений, когда рыхлый конгломерат племен с едва созревшим этническим самосознанием завершил процесс образования народности, организованной не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации. В период окончательного распада государства Моголистан те могольские племена, которые больше тяготели к оседло-земледельческой культуре Восточного Туркестана и признавали власть чагатаидских ханов, еще долго сохраняли название могол. Другие могольские родоплеменные объединения, которые вели преимущественно скотоводческое хозяйство, испытывали антипатии к оседлому образу жизни, отчасти вошли в состав узбеков и казахов,

а отчасти влились в этнополитическую структуру киргизской народности. Сопоставление генеалогических преданий моголов и киргизов, зафиксированных в «Маджму ат-таварих», показывает значительное сходство генеалогий ак-огула, т. е. правого «крыла» киргизов[61]. Это свидетельствует о том, что первоначально могольские племена влились в основном в правое «крыло».

Исследователи включают в число явно могольских и общие с могольскими компоненты в составе киргизов: баарын, барак, дуулат, керейит, кушчу, монгол, монголдор, барғы, нойгут, меркит, булгачы[62]. Этническое смешение могольских племен с киргизами произошло в сравнительно короткий исторический срок, ибо в условиях подвижного полукочевого хозяйства быстро развивались экономические связи между отдельными районами Киргизстана. Вскоре этноним «киргиз» стал общим для всех племен Киргизстана. Во второй половине XV — начале XVI в. сформировалась киргизская народность со своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью.

Древние племена тянь-шаньских тюрков в составе киргизской народности

Ко времени перемещения алтайской группы киргизов на Тянь-Шань территория современного Киргизстана отнюдь не была необитаемым островом. Несомненно, в связи с нашествием монголов и установлением их господства погибли многие достижения местной культуры и экономики. Значительная часть местного населения была уничтожена или угнана в рабство. Но все же уцелело многочисленное коренное тюркоязычное население, сохранившее хозяйственные навыки и быт. Упоминаются в источниках и тюркские скотоводческие племена, не покидавшие родных кочевий.

По сообщению Рашид ад-дина, многие из них оказались в составе господствующих племенных союзов, прежде всего моголов. «Вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы,— пишет Рашид ад-дин,— (разные) тюркские племена из-за самовосхваления называют себя (тоже) монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого племени»[63]. К числу таких тюркоязычных племен, которые, приспосабливаясь к новым политическим условиям, постепенно стали называть себя моголами, Рашид-ад-дин относит уйгуров, кыпчаков, туркмен, халаджей и карлуков[64], хотя в той же ситуации другие группы перечисленных этнических объединений сумели сохранить свои прежние самоназвания. Так, на Тянь-Шане вновь появились племена чигиль-моголов[65], что свидетельствует о сохранении какой-то части одного из самых крупных союзов тюркских племен карлукской и караханидской эпохи.

Некоторые древние племена в новых условиях стали называться именами знатных людей из их среды, занявших видное место в могольской политической иерархии. Так, какие-то группы племени канглов стали называться «бекчик», по имени их правителя Бекчика, жившего в первой половине XV в.

По мере укрепления могольского господства в Притяньшанье и Семиречье возрождается известный в Центральной Азии с эпохи средневековья обычай наименования зависимых племен по названию господствующего рода или по имени или титулу их правителей и вождей. В целом, как показывают списки могольских племен, среди них преобладали не собственно могольские, а тюркские племенные группы.

В XIII—XIV вв. в Семиречье и Притяньшанье продолжали существовать тюркские несторианские и мусульманские общины[66]. По данным географической части «Нузхат ал-Кулуб» Мустауфи Казвини, составленной им в 1340 г., часть населения Семиречья составляли *тарса* (несториане)[67], что подтверждается многочисленными памятниками сиро-тюркской письменности, относящимися ко второй половине XIV в. Освободившись от политического господства правителей Моголистана и оказавшись вне сферы политического влияния Тимуридов, древнее население Семиречья и Тянь-Шаня в сравнительно короткий исторический срок вошло в дуальную этнополитическую структуру, созданную киргизами, восприняло общее этническое наименование и, в свою очередь, внесло в первоначальный родоплеменной состав левого и правого «крыла» немалые изменения. Вплоть до недавнего времени среди киргизских племен и родов упоминались и те, которые в своих наименованиях сохраняли этническую номенклатуру тюркского населения Притяньшанья конца I тыс. н. э.

Так, ряд киргизских этнонимов идентифицируется с племенами древнетюркского объединения *теле* (тегрег, тогуз-огузов), кочевавшими между Большим Хинганом и Тянь-Шанем. К числу поколений теле среди других относились *бугу* (ср. киргизское племя бугу), *уйгур* (ср. киргизское племя уйгур). Киргизские родовые названия долос и тёрдёш восходят к древнетюркским административно-племенным обозначениям *тардуш* и *тёлёс*[68]. Другой известный у киргизов этноним «черик» упоминается как название одного из тогуз-огузских племен в сако-хотанском документе VIII в.[69]; тогда это племя жило на Восточном Тянь-Шане. По мнению некоторых исследователей, остатками древних обитателей Тянь-Шаня, карлуков, считаются группа *мачак* (ср. карлукское родовое название «мажак») в составе киргизских племен чонбагыш и саруу, и группа килет (ср. карлукский этноним «гичлат»), также относящаяся к племени чонбагыш[70]. По сообщению «Худуд ал-алам», одним из крупных подразделений древних карлуков Чуйской долины было племя бистан или бостан, которое можно идентифицировать с киргизским племенем бостон. Другое киргизское родовое наименование «жабагы» также восходит к карлукскому племенному названию *ябагу* (ябагу-карлук).

В эпосе «Манас» встречается этноним «чаркоо» как название одного из древних киргизских племен:

Чаркоо менен катаган
Барыбыз бир атадан,
Баары кыргыз балдары,
Кырааныц Манас матаган[71].

Чаркоо и катаган —
Все мы одного отца потомки,
Все мы являемся киргизами,
Которых герой Манас сплотил.

В сводках о родоплеменном составе киргизов этот этноним сохранился как название родов чарык и чурук в составе племен саяк, сарыбагыш и канглы[72]. Самоназвания (чарык, чурук) восходят к одному из древнейших тюркских этнонимов — чарук, упоминаемому на Тянь-Шане в манихейской рукописи IX в. и Махмудом Кашгарским (XI в.)[73].

Другое киргизское племя, *азык*, отождествляется исследователями с древнетюркским племенем *аз (азкиш)*, являвшимся ветвью тюргешей. Это предположение подтверждается сходством изображений тамги племени азык с тамгой в виде лука на тюргешских монетах VIII в., найденных во время раскопок в Чуйской долине[74].

Легендарные предания о происхождении киргизов от гузов (огузов), зафиксированные в «Зайн ал-ахбар» Гардизи (XI в.) и «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дина Ахсикенди (XVI в.)[75], указывают на участие огузских племен в этногенезе киргизского народа. По данным о родоплеменном составе киргизов, относящимся к концу XIX в., одним из крупных киргизских племен было племя *жедигер*. Судя по содержанию трилогии эпоса «Манас», в эпоху средневековья это племя сыграло немаловажную роль в политической жизни киргизского общества, но со временем значительная часть жедигеров была уничтожена во время внутренних феодальных усобиц[76]. В недавно обнаруженной рукописи генеалогии киргизских племен говорится, что жедигеры — это гузы («гуз жедигер»)[77]. Поэтому можно предположить, что киргизский этноним «жедигер» является диалектным названием одного из древних огузских племен *йигдер (игдер)*. Об участии огузов (гузов) на каком-то этапе формирования киргизского народа свидетельствует также факт сохранения в родоплеменном составе киргизов рода *пичине*, который, очевидно, является остатком другого древнеогузского племени (*беджне, печенег*)[78].

В числе древних племен Притяньшанья, вошедших в состав киргизской народности, следует отметить также такие крупные этнические группировки, упоминаемые Махмудом Кашгарским (XI в.), как *сугдак* (потомки согдийских переселенцев) и *аргу*, которые жили в Чуйской долине. В списках родоплеменного состава киргизов эти названия известны как *саадак и оргу*[79]. Этот факт хорошо согласуется с выводами антропологов, свидетельствующих о вхождении древнего европеоидного населения Притяньшанья в состав киргизского народа[80].

Этническое слияние алтайских киргизов с остатками древнетюркского и дотюркского населения Семиречья и Тянь-Шаня отразилось на особенностях этнополитической структуры складывавшейся киргизской народности. Известно, что древние племена Западнотюркского каганата (VI—VIII вв.) были распределены между двумя пятиплеменными конфедерациями — пять племен дулу и пять племен нушиби в целом составляли *он ок бодун* (десятистрельный народ). Этот чрезвычайно специфичный для Семиречья и Северного Тянь-Шаня этнический числовой показатель, не характерный для других регионов с тюркоязычным населением, весьма широко распространен в старой киргизской родоплеменной номенклатуре. Целому ряду родовых наименований предшествует числительное *беш (пять): беш-бала, беш-каман, беш-куроң*.

В старой киргизской этнонимике сохранился и западнотюркский числовой показатель *он (десять)*. Так, согласно некоторым генеалогическим преданиям, киргизы объединялись в два «крыла» — *он уул* (десять племен) и *отуз уул* (тридцать племен)[81]. Следует отметить, что числовой показатель *он* восходит, по мнению знатоков киргизских генеалогий, к очень отдаленным временам.

Этноним *отуз уул* впервые зафиксирован таласскими руническими памятниками VIII в. в форме *отуз оглан* (тридцать юношей)[82]. В киргизской родоплеменной этнонимике *отуз уул* обозначает группу племен в составе правого «крыла», но иногда под этим же названием подразумевают совокупность правого и левого «крыла» в противоположность группе ичкилик[83].

С древнейших времен в тюркской этнонимике широко распространены цветовые атрибутивы. Известны они в древнетюркское время и на Тянь-Шане. Могущественный союз тюргешских племен, создавший в конце VII в. свое государство, пришедшее на смену Западнотюркскому каганату, состоял из двух племенных объединений — кара-тюргешей (черные тюргеши) и сары-тюргешей (желтые тюргеши). Верховная власть переходила от одной группы к другой, и часто цветовой атрибутив фиксировался в обозначении титулов правителей. Впервые атрибутив *кара* (черный) в составе титулов для территории Семиречья был упомянут в таласских памятниках (Кара-чор) и в енисейских памятниках, повествующих, в частности, о политических связях между енисейскими кыргызами и тюргешами.

В поздней киргизской этнонимике также нашел широкое отражение цветовой атрибутив *сары* (сары-багыш, сары-баргы). Тот же атрибутив зафиксирован в фольклорных именах-титулах киргизов (Сары-бий, Сары-Таз, Сары-бай и т. п.). Другой тюргешский цветовой атрибутив, *кара*, получил у киргизов не меньшее распространение: кара-багыш, кара-баргы, кара-кесек, кара-черик, ка-

ра-найман. Еще шире он отражен в именах-титулах знатных киргизов: Кара-чор, Кара-Кучук, Кара-хан, Кара-кожо.

Руническая надпись, выбитая на одном из енисейских каменных изваяний, повествует о судьбе некоего знатного тюргеша, бега Эзгене. Эзгене называет себя приближенным тюргешского государя Кара-хана. В другой енисейской эпитафии оплакан знатный кыргыз Чабыш Тонтаркан, ушедший послом к тюргешскому Кара-хану и не вернувшийся на родину. Обе эти надписи относятся к 40—50 годам VIII в.[84]. Позднее титул «кара-хан» прочно вошел в политическую номенклатуру караханидского государства. По представлениям киргизов, отраженным еще в записанных Ч. Ч. Валихановым эпизодах «Манаса», основателем рода Манаса и его предков был Кара-хан[85].

Широкий круг свидетельств о неразрывных генеалогических связях киргизских племен с древнейшими тюркскими племенными союзами Притяньшанья говорит о весьма значительной роли древнего населения Средней Азии в формировании киргизской народности.

Формирование языка и антропологического типа

История общенародного киргизского языка начинается гораздо раньше истории сложения киргизской народности. Материя и форма родного языка только тогда могут быть понятны, как писал Ф. Энгельс, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки[86]. Говоря об истории киргизского языка, необходимо отделять литературную форму от народно-разговорной (диалектной). В данном случае речь идет об истории современного народно-разговорного киргизского языка. Согласно Б. М. Юнусалиеву[87], следует рассматривать три периода развития народно-разговорного киргизского языка: древний, средний и новый.

1. Древний период датируется VII—XII вв. Можно полагать, что в это время как литературная норма и у них был принят язык рунических памятников, характеризуемый в целом *д*-признаком (звук *д* в середине имен и в конце глагольных основ: *адак* — нога и *код* — класть, положить). Этим языком как литературным наряду с кыргызами пользовались также предки и других соседних тюркоязычных народов: хакасов, шорцев, тувинцев, тофаларов[88]. Для этой цели и был создан наддиалектный, обработанный, литературный *д*-язык, представленный в текстах рунического письма. Каждый народ или племя имели свою разговорную (диалектную) форму, не всегда совпадавшую с общим *д*-языком. Вероятно, у кыргызов разговорная форма была представлена *з*-языком (*азак* — нога, *коз* — класть). Общекиргизская народная языковая традиция в течение трех-четырех веков до монгольского завоевания не прерывалась.

Народно-разговорный язык древних кыргызов не имел долгих гласных. Губная гармония была сильно выражена: огублялись не только узкие, но и широкие гласные — *тогос* — девять, *коён* — заяц, *тухул (монг. туг·ал)* — теленок, (современный киргизский *толок* — безрогий). В начале слова звонкий *б: бузег* — высокий, *бир* — один и *ж: жол* — дорога, *жи* — есть, кушать. В средней позиции сохранялся звонкий *г: агыр* —тяжелый, *агыс* — рот (ср. *акзы* — его рот). Конечная позиция имела тоже *г: сарыг* — желтый, *суг (сух)* — вода. В конце этого периода (XI—XII вв.) язык кыргызов подвергся смешению с языком кыпчакских племен[89].

2. Средний (алтайский) период, датируемый XII — серединой XV в. Установилось взаимодействие киргизского языка и языка алтайских племен. Продолжалось тесное взаимодействие и с языком кыпчакских племен. Киргизский язык постепенно принял вид западного *й*-языка *(айак* — нога, *кой* — класть, положить).

Выработались как сходные черты, сближающие современный киргизский и алтайские языки, так и черты различия, свойственные каждому из языков. В средний период (может быть в самом начале его) из конгломерата алтайских кыргызов выделилась небольшая часть и поселилась в западной части оз. Лобнор (самоназвание *лоптук* «лобнорец»), испытывая уйгурское этническое и языковое влияние.

Язык лобнорцев заключает в себе образец киргизского языка среднего (алтайского) периода, в котором отсутствуют долгие гласные. Яркой особенностью лобнорского языка является сильно выраженная губная гармония: *а, э* лабиализуются после узких *у, ү*. В современном киргизском языке это правило действует факультативно, в алтайском — не проявляет себя вовсе. Это явление роднит лобнорский язык с киргизским. В начале слова стоит *й: йол* — дорога, *йаз* — весна, *йел* — ветер. Начальный *й,* несомненно, возник под уйгурским влиянием, поскольку *й* — свойствен и древнему, и современному уйгурскому, и сарыг-уйгурскому языкам. В середине слов был *г — агыз* — рот, уста, *агый* — хворать, *таг* — гора. Очевидно, и чередования *с//з* во всех позициях типа *сес//сөз* — слово, *кыс//кыз* — девочка, характерные современным киргизским диалектам и роднящие его не только с алтайским, но и с казахским, тувинским и якутским языками, относятся к древнему *з*-периоду истории киргизского языка.

3. Новый (тянь-шаньский) период датируется серединой XV—XVI вв. С этого времени формируется современный общенародный киргизский язык во всем многообразии его диалектов и говоров, из которых северная группа сохранила в наибольшей мере исконные черты. В целом современный киргизский язык — это *й*-язык с долгими гласными вторичного образования, с сильной губной гармонией, начальным *ж,* дифтонгизацией и вокализацией срединного и конечного *г*. Поскольку в лобнорском языке звук

г сохраняется, можно полагать, что процесс его изменения в киргизском языке начался в конце среднего периода.

Как реликт, в современном киргизском языке сохраняется *з*, например, *боз жигит* — молодой парень, *бозой* — в том же значении, наряду с современным *бой: бойдок* — холостяк, *бой тартуу* — возмужание: *ызык* (совр. *ыйык)* — священный, *Ызык-Кел* — Иссык-Куль, в этнониме *азык,* этимологически сближающимся с древним *адык* и современным *аю* — медведь.

Степень близости киргизского языка к языкам разных тюркоязычных народов в общем неодинакова. Он входит вместе с алтайским, казахским, каракалпакским, башкирским, татарским, ногайским и некоторыми другими в так называемую кыпчакскую, или северо-западную группу языков тюркоязычных народов[90], а не в ту, к которой относятся языки древних енисейских кыргызов, хакасов и тувинцев. В то же время киргизы по языку, как и антропологическому типу, отличаются от населения Тянь-Шаня караханидского времени, от современных уйгуров и узбеков, представляющих другую языковую группу среднеазиатских народов.

Особая языковая близость киргизов с алтайцами отражает продолжительное и тесное общение их непосредственных языковых предков до перемещения киргизов на Тянь-Шань. Следует отметить допустимость несколько иной реконструкции истории киргизского языка в средний (алтайский) период. По мнению И. А. Батманова, «киргизско-алтайская языковая общность возникла не в процессе взаимовлияния, а путем выделения языков киргизов и горных алтайцев из одного языка-основы путем его дифференциации»[91].

На тесные родственные связи предков киргизов с народами Южной Сибири, особенно Алтая, указывают совпадение у них названий многих родоплеменных групп, которые были перенесены частью племен на Тянь-Шань, имен легендарных «родоначальников-предков», героев и сюжетов фольклора, а также сохранившиеся до недавнего времени особенности в материальной культуре киргизов (устройство и украшение жилищ, одежда, предметы домашнего обихода, способы приготовления пищи и пр.). Обряды, обычаи и другие проявления духовной культуры имели у киргизов наибольшее сходство с культурой алтайцев и народов Южной Сибири[92]. Этнокультурная общность предков киргизов с алтайцами в прошлом прослеживается еще в большей мере.

Данные языка как одного из важных признаков народности согласуются с антропологическими. По антропологическому типу киргизы относятся к южносибирской монголоидной подрасе, которая складывалась в Южной Сибири в середине и второй половине I тысячелетия н. э. Для него характерны прямые жесткие темные волосы на голове, умеренная растительность на лице (борода, усы), уплощенное лицо, выступающие скулы, складка во

внутреннем углу глаз (эпикантус), сравнительно светлая кожа и другие признаки, свойственные монголоидной расе.

Современный антропологический тип киргизской народности сложился в первой половине II тысячелетия н. э., после XIII в.[93]. По своим антропологическим признакам киргизы близки алтайцам, тувинцам и другим народам Центральной Азии. По тем же признакам они резко отличаются от чигило-карлукского населения государства Караханидов X—XII вв., современных уйгуров, узбеков, туркмен и таджиков. Киргизы характеризуются меньшей примесью европеоидных элементов и большей выразительностью монголоидных черт, которые еще в большей мере проявляются у алтайцев и тувинцев. Монголоидную принадлежность киргизской народности определили ее физические предки из Южной Сибири.

* * *

Рассмотрение этнических процессов на территории Киргизии показывает, что киргизская народность сложилась на базе автохтонных племен и племенных объединений, которые ассимилировались племенами центральноазиатского и южносибирского происхождения. Ранняя этническая история Киргизстана связана с древнейшими племенными союзами саков, усуней, гуннов. В эпоху тюркских каганатов и последующих кочевых объединений племена, вошедшие в дальнейшем в состав киргизской народности, формировались в среде тюркоязычного населения Тянь-Шаня и Саяно-Алтая. Часть племен Северного Алтая и Прииртышья, носивших с IX в. название кыргызов, передвинулась после монгольского нашествия на Тянь-Шань, где слилась с местным населением. Этот процесс завершился к XVI в. образованием киргизской народности.

Глава IX

КИРГИЗСТАН В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

1. Взаимоотношения киргизского народа с Шейбанидами, Казахским ханством и Могольским государством

Распад Моголистана и новая политическая ситуация в восточной части Средней Азии

Конец XV — начало XVI в. в истории народов Средней Азии и Казахстана ознаменованы окончательным распадом государств Тимура в Средней Азии и Моголистана, на Тянь-Шане и в Семиречье, которые возникли во второй половине XIV в. в результате разделения обширного государства Хайду. Оба эти искусственные объединения, лишенные прочных внутренних связей, могли существовать лишь на жестоком насилии и ограблении покоренных народов. Но они были не в силах задержать естественные процессы этнической консолидации племен, временно приостановленные монгольским нашествием и непрерывными междоусобными войнами чингизидских и тимуридских царевичей.

В 1512 г. узбеки-Шейбаниды одержали верх над последним правителем тимуридов Бабуром, а через два года политическое господство над Моголистаном переходит в руки киргизских и казахских феодалов.

В 1514 г. одному из бывших правителей Моголистана Султан-Саид-хану удалось захватить власть в Яркенде и восстановить здесь господство Чагатаидской династии. Это политическое образование, включавшее в себя обширную территорию Восточного Туркестана, в исторических хрониках местных авторов XVII—XVIII вв. стало называться Могольским государством.

Одной из основных внешнеполитических задач Могольского

государства была борьба за восстановление господства могольских феодалов над территорией Семиречья и Притяньшанья, что во многом предопределило характер его дальнейших взаимоотношений с киргизами.

Важную роль в судьбе киргизского народа сыграло также Казахское ханство, которое образовалось уже во второй половине 60-х годов XV в. в результате развития социально-экономических и этнополитических процессов, протекавших на территории Казахстана в XIV—XV вв. К началу XVI в. положение Казахского ханства значительно упрочилось, расширились его границы, охватившие значительную часть этнической территории казахов. Киргизы, до этого признававшие власть сына Юнус-хана, Ахмеда, теперь окончательно добились независимости и объявили своим правителем Мухаммед-киргиза. Судя по дальнейшим событиям, Мухаммед-киргиз, по-видимому, был одной из влиятельных личностей среди правителей северокиргизских родоплеменных объединений. По всей вероятности, он умер после 1533 г. Обстоятельства его смерти неизвестны. Существует мнение, что Мухаммед-киргиз, упомянутый в «Тарих-и Рашиди», является той же личностью, которая известна в киргизских исторических преданиях под именем Тагай-бия. Согласно преданиям, Тагай-бий был взят Иреше-ханом (Рашид-хан) в заложники *(ак-уйлуу)*. Он находился во дворце Иреше-хана два года. По истечении этого срока хан вернул ему свободу и отпустил на родину[1].

Пытаясь укрепить свою власть среди всех киргизских родоплеменных объединений, а также независимость своей страны, Мухаммед-киргиз стал искать опору извне. В условиях сложившейся к этому времени политической обстановки, когда правители Могольского государства стали активно готовиться к отвоеванию территории не только Киргизстана, но и Юго-Восточного Казахстана, Мухаммед-киргиз решил искать поддержку именно у Казахского ханства, в котором киргизы видели наиболее надежного союзника в борьбе против агрессии могольских феодалов. Примерно с этого периода Киргизстан в системе международных отношений в Средней и Центральной Азии начинает выступать как самостоятельное государственно-политическое образование.

Борьба киргизов с могольскими ханами за независимость

Ахмед оставил своим преемником старшего сына Мансура, но после его смерти между сыновьями разгорелась междоусобная борьба, осложнившаяся к тому же притязаниями на престол их дяди Махмуд-хана. В результате от Мансур-хана отложились его братья Халиль-Султан и Султан-Саид, которые бежали к киргизам. По словам Мухаммед Хайдара, киргизы сделали Халиль-Султана своим падишахом, а Султан-Саид оставался при нем около четырех лет. Этим, по существу формальным, актом провозглашения Халиль-Султана

своим правителем киргизские феодалы открыто заявили о намерении придать киргизскому улусу статус независимого государства, что вызвало немедленную реакцию со стороны Мансур-хана и поддерживавшего его Махмуд-хана. Решающее сражение между этими двумя враждующими группировками произошло в 1508 г. около Чарын-Челека (по другому сообщению, в местности Алмату), где войско Халиль-Султана и Султан-Саида, составленное преимущественно из киргизов, было разбито. Мансур-хан увел значительную часть киргизов в Кашгар и Турфан. Большинство их было перебито и только немногим удалось вернуться на Тянь-Шань.

После поражения Халиль-Султан бежал в Фергану, где был убит местным правителем Джанибеком, а Султан-Саид после долгих скитаний вернулся в Восточный Туркестан и вновь начал борьбу за власть.

Родоплеменные объединения во главе с Мухаммед-киргизом оказали значительную поддержку Султан-Саиду при завоевании им Кашгарии в 1514 г. Поэтому в течение нескольких лет между киргизами и моголами поддерживались мирные отношения. Однако по мере упрочения Могольского государства его феодалы стали готовиться к отвоеванию пастбищ Киргизии и Юго-Восточного Казахстана. Их особенно привлекали пастбища Прииссыккулья. Это были излюбленные места зимовок тюркских кочевников, поскольку снежный покров здесь редко достигал значительной глубины. Ставка Мухаммед-киргиза также была расположена по южному берегу Иссык-Куля, около местности Барскоон.

Мухаммед-киргиз активно помогал правителям Казахского ханства, которые стремились завладеть присырдарьинскими городами и оседло-земледельческими районами Средней Азии. Его отряды совершали постоянные набеги на Туркестан, Сайрам, Ташкент, Андижан и Ахси. В период правления Султан-Саид-хана отношения Могольского государства с Шейбанидами оставались враждебными. Поэтому к походам Мухаммед-киргиза в Среднюю Азию моголы относились весьма доброжелательно.

Во время одного из походов на Туркестан Мухаммед-киргизу удалось взять в плен правителя этого города Абдуллу — двоюродного брата Шейбани-хана. Но через некоторое время он освободил Абдуллу и отпустил его с почестями. В этом поступке Мухаммед-киргиза ясно проявилось желание освободиться от зависимости Султан-Саид-хана, в связи с чем последний обвинил его в установлении тайного союза с Шейбанидами против моголов. Эти события послужили поводом для Султан-Саида начать войну против киргизов. По словам автора «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара, Султан-Саид-хан хотел наказать их за разграбление мусульманских городов.

Поход моголов в Киргизию состоялся осенью 1517 г. В сражении, разыгравшемся в местности Барскоон, войско Мухаммед-

киргиза потерпело поражение в результате измены некоторых его приближенных. Имущество, табуны лошадей, стада верблюдов и отары овец киргизов оказались добычей могольского войска. Пленным киргизским воинам была возвращена свобода, но Мухаммед-киргиза, выданного своими приближенными, моголы увезли в Восточный Туркестан, где он находился в заточении в течение пяти лет.

Однако победа в этой, очевидно, небольшой битве не принесла желаемого результата Султан-Саид-хану, ибо в начале зимы того же года он был вынужден покинуть пределы Киргизстана. В этих условиях, учитывая большой авторитет Мухаммед-киргиза среди моголов, хан попытался привлечь его на свою сторону. Освободив Мухаммед-киргиза из тюрьмы, а фактически признав его правителем Киргизстана, Султан-Саид решил отправить вместе с ним в Киргизстан значительную часть моголов во главе со своим сыном Абд ар-Рашидом, так как пастбища Восточного Туркестана не могли прокормить табуны и стада могольских племен. Однако надежды Султан-Саида не оправдались: сразу же по прибытии в 1522 г. Мухаммед-киргиз сумел сплотить вокруг себя все киргизские родоплеменные объединения и вновь стал фактически правителем Киргизстана.

Через два года, в 1524 г., в Киргизстан прибыл правитель Казахского ханства Тахир-хан в поисках возможного союзника в борьбе казахов против узбеков и ногайцев. Сначала он встретился в Кочкоре с Султан-Саид-ханом и выдал за его сына Абд ар-Рашида свою сестру. Между моголами и казахами был заключен формальный союз. Одновременно Тахир вел тайные переговоры с Мухаммед-киргизом о совместном действии казахов и киргизов, в результате чего была заложена основа будущего киргизско-казахского союза против Шейбанидов и моголов.

Узнав о связях между киргизами и казахами, Султан-Саид-хан вновь схватил Мухаммед-киргиза и отправил в Кашгар, где тот был задержан до смерти хана в 1533 г. Отношения между моголами и казахами обострились и их союз распался. Значительная часть киргизских племен присоединилась к Тахиру, который стал вести открытую борьбу против моголов. Отдельные группы киргизов, оказавшиеся под властью Абд ар-Рашид-хана, были переведены из Кочкора и Джумгала в Ат-Баши. Началась откочевка моголов в Восточный Туркестан. Но Султан-Саид-хан путем переговоров еще надеялся склонить на свою сторону Тахира и киргизских феодалов. Однако отправленное им в 1526 г. посольство к киргизам и казахам оказалось безрезультатным, после чего моголы покинули пределы Киргизстана и Юго-Восточного Казахстана и угнали с собой 100 тыс. баранов, принадлежавших киргизским племенам. Весной 1527 г. в Ат-Баши прибыл Тахир. Оставшиеся там киргизы присоединились к нему.

После смерти Султан-Саид-хана (1533 г.) престол Могольско-

го государства достался его сыну Абд ар-Рашиду, который с целью восстановления господства могольских феодалов над Киргизстаном и Юго-Восточным Казахстаном заключил союз с правителем Мавераннахра Убайдаллах-ханом, также враждовавшим с казахскими султанами. В период своего правления (1533—1559/60 гг.) Абд ар-Рашид сумел организовать несколько походов объединенных сил моголов и Шейбанидов в Киргизстан, в основном, в районы оз. Иссык-Куль.

Во время одного из походов, совершенного против киргизов около 1537 г., был убит сын Абд ар-Рашид-хана Абд ал-Латиф-султан. Автор анонимного тюркоязычного сочинения конца XVI в., оправдывая захватнические действия Абд ал-Латифа, утверждает, что этот поход был вызван тем, что киргизские племена отказались добровольно платить зякет[2]. С целью мести за смерть своего сына Абд ар-Рашид-хан совершил кровопролитный поход в кочевья киргизов и казахов, которые в это время вели совместную борьбу против агрессии могольских феодалов под главенством правителя Казахского ханства Хакк-Назара. Последний в источниках назван «государем казахским и киргизским». Отсюда следует, что киргизские феодалы после смерти Мухаммед-киргиза по тюрко-монгольской традиции признали номинальную власть казахских султанов Тахира, Хакк-Назара и их преемников, которые вели свое происхождение от потомков Чингиз-хана.

Несмотря на удачи в отдельных сражениях, в целом попытки моголов захватить территорию Киргизстана провалились, со временем киргизские феодалы сами стали совершать ответные походы против Могольского государства. В этом отношении представляет интерес сообщение английского путешественника А. Дженкинсона, который посетил Среднюю Азию в 1558 г. По его словам, в течение трех лет перед его приездом шли непрерывные войны между кочевниками и городами, расположенными между Китаем и Бухарой. А. Дженкинсон далее отмечает, что «города называются Ташкент (Таскент) и Кашгар (Каскайр), а люди, которые воюют против Ташкента, называются казахами (кассак), те, которые воюют против Кашгара, называются киргизами (киргс)... Эти два народа обладают большой силой и почти подчинили себе вышеупомянутые города»[3]. Хотя киргизским отрядам не удалось захватить Кашгар, но они сумели приостановить завоевательные походы могольских ханов. Во время правления в Восточном Туркестане преемника Абд ар-Рашида Абд ал-Карим-бия (1560—1591 гг.) Могольское государство вынуждено было отказаться от территориальных притязаний к Киргизстану. В источниках отмечается только один безрезультатный поход могольского войска в 1591 г. против киргизов, проживавших в районе Чу и Таласа. В длительной и упорной борьбе против агрессии могольских феодалов и их союзников — Шейбанидов — киргизский народ сумел отстоять свою независимость.

Взаимоотношения с Казахским ханством и Шейбанидами в XVI в.

Как уже отмечалось, в первой четверти XVI в. киргизские феодалы стали активно поддерживать правителей Казахского ханства в их борьбе с Шейбанидами за господство над присырдарьинскими городами. Киргизские феодалы выступали в качестве союзников казахских султанов, которые все больше втягиваясь в орбиту политических событий в соседних областях Средней Азии, продолжали соперничество с Шейбанидами за господство над городами, расположенными на правом берегу Сыр-Дарьи.

И во второй половине XVI в. киргизские феодалы свои действия против Шейбанидов вели в согласии с политикой правителя Казахского ханства Хакк-Назара, который в конце 70-х годов хотел использовать в своих интересах борьбу Шейбанида Абдаллах-хана с удельным правителем Ташкента Баба-султаном. При этом Хакк-Назар умело лавировал между ними, поддерживая то одну, то другую сторону.

По свидетельству ряда достоверных источников, киргизские бии вели гибкую политику по отношению к враждовавшим соперникам, то поддерживая мятежного Баба-султана, то вступая в сношения с правителем Шейбанидской династии Абдаллахом. В 1579 г., во время очередного выступления Баба-султана в Ташкенте, киргизские феодалы оказали поддержку ему и преградили путь войскам Абдаллах-хана, расположенным в окрестностях Ахсикента[4]. Но как только во второй половине 1579 г. отношения между Баба-султаном и казахскими султанами ухудшились, политика киргизских феодалов к мятежному правителю Ташкента изменилась.

В следующем, 1580 г., в местности Науканди, расположенной к северо-западу от Ура-Тюбе, состоялась встреча киргизских послов с Абдаллах-ханом, во время которой стороны пришли к взаимному соглашению о заключении мира.

После смерти Хакк-Назар-хана (1580 г.) его преемником стал престарелый Шигай (1580—1582 гг.). Вместе со своим сыном Тевеккелем он оказывал поддержку Абдаллах-хану в его борьбе с Баба-султаном, за что в качестве удела получил большие земельные пожалования в присырдарьинских городах. Активное участие в этих событиях принимали и киргизские феодалы. В сочинении, составленном в Бухаре в конце XVI в., сообщается, что казахский хан Шигай в сопровождении киргизских эмиров прибыл в 1581 г. из Дашт-и Кыпчака к Абдаллах-хану для оказания помощи в его борьбе с правителем Ташкента Баба-султаном[5].

В июне 1582 г. сын Шигай-хана Тевеккель, очевидно, при поддержке правителей ряда северокиргизских родоплеменных объединений разбил войско Баба-султана около города Ясы (Туркестан) и убил его. За эту услугу Тевеккель получил от Абдаллах-хана земельные уделы в Самаркандской области.

Как показывают вполне достоверные сообщения Бадр ад-дина Кашмири, в это же самое время некоторые южнокиргизские родоплеменные объединения левого «крыла» поддерживали сторонников Баба-султана. По словам автора «Равзат ар-Ризван», племянник Баба-султана Мухаммед Мумин-султан вместе с его сыном Абд ал-Гаффар-султаном нашел приют у алайских киргизов. Войско Абдаллах-хана во главе с Тевеккелем, отправленное вслед за отрядами этих султанов, на берегу р. Алай встретилось с войском киргизов. Шейбаниды одержали победу и возвратились в Бухару с пленниками, среди которых был и Абд ал-Гаффар-султан.

Другой влиятельный киргизский феодал Хусейн-бий, очевидно, также принадлежавший к числу правителей родоплеменных объединений левого «крыла», предоставил убежище бежавшим от преследования Абдаллах-хана племянникам Баба-султана — Адие-султану и Хади-султану. Затем при поддержке Хусейн-бия эти султаны совершили поход в Фаракетский вилайет, но, получив отпор со стороны войск Абдаллах-хана, вынуждены были уйти обратно к киргизам.

Таким образом, тесные союзнические отношения с Казахским ханством поддерживали в основном только правители северокиргизских родоплеменных объединений, тогда как предводители левого «крыла» проводили самостоятельную политику по отношению к Шейбанидам, оказывая поддержку сепаратистски настроенным силам внутри Бухарского ханства в лице Баба-султана и его наследников.

Однако, несмотря на несогласованность действий правителей правого и левого «крыла» в подходе к некоторым внешнеполитическим вопросам, в целом, когда дело касалось независимости Киргизстана, все киргизы выступали единым фронтом и давали решительный отпор захватчикам. Киргизы, по словам Хафиз-и Таныша, «не подчинялись не только правителям Мавераннахра, но и никому из султанов», что является свидетельством политической самостоятельности Киргизстана в XVI в.

Следовательно, XVI в. можно определить как важный период самостоятельного политического, социального и этнического развития киргизской народности, оказавший огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконно этнической территории.

Взаимоотношения киргизов с Аштарханидами и Казахским ханством в первой половине XVII в.

Конец XVI — начало XVII в. ознаменовались крупными политическими событиями в истории Средней Азии. Прежде всего следует отметить падение политической и военной мощи Бухарского ханства, в результате чего произошли смена правящей династии Шейбанидов новой—Аштарханидской и временное усиление могущества казахских и киргизских племен, объединенных под эгидой хана Тевеккеля. Воспользовавшись возникшими в конце XVI в. политическими неурядицами в Мавераннахре, Тевеккель-хан при

активной поддержке киргизских феодалов продолжил борьбу своих предшественников за господство над оседло-земледельческими районами Ферганы, Ташкента и Самарканда.

В 1598 г., после смерти Шейбанида Абдаллах-хана, на бухарский престол вступил его сын Абд ал-Мумин, который через полгода был убит бывшими приближенными отца. С его смертью власть в Бухарском ханстве фактически перешла в руки военно-кочевой знати узбекских племен, которая выдвинула на ханский престол престарелого Пир Мухаммед-хана. В тот момент, когда в Бухаре царила смута, Тевеккель-хан из Дашт-и Кыпчака повел огромное войско, составленное из казахских и киргизских племен в пределы Бухарского ханства[6]. За короткий срок он овладел Ташкентом, Туркестаном, Андижаном, Сайрамом, а затем двинулся в Самарканд. Взяв Самарканд, он направил войско в Бухару. После двухмесячной осады Тевеккель-хан покинул город. Пир Мухаммед-хан начал преследовать отступающих, и обе стороны остановились в местности Уч-Кара. В битве, состоявшейся здесь, узбекские феодалы, получившие к этому времени значительное подкрепление из других вилайетов, одержали победу[7]. Однако почти все города, расположенные по правому берегу Сыр-Дарьи, и прилегавшие к ним районы, полностью оказались в руках казахских и киргизских феодалов.

Следующее столкновение казахов и киргизов с войском Аштарханидов состоялось осенью 1603 г. в местности Айгыр-Яр, неподалеку от Самарканда. По сообщению Махмуда ибн Вали, когда войско под командованием Аштарханида Баки Мухаммед-хана, выступив из Самарканда, остановилось около Айгыр-Яра, оно оказалось лицом к лицу с войском правителя Ташкента Келди Мухаммед-султана.

«Келди Мухаммед-султан с войском из киргизов, казахов и других племен,— пишет Махмуд ибн Вали,— выступил из своей области и прибыл в эту же местность»[8]. На второй день в сражении, разыгравшемся в Айгыр-Яре, киргизы и казахи вынудили Аштарханидов отступить. Войско Келди Мухаммеда-султана преследовало отступающих вплоть до Самарканда. Но поскольку осада города не принесла успеха, через некоторое время кочевники возвратились в Ташкент.

Борьба казахских султанов при активной поддержке киргизских феодалов за присырдарьинские города продолжалась и во время правления в Бухаре Вали Мухаммед-хана (1606—1610 гг.), которая шла с переменным успехом. Особенно упорной была борьба за Ташкент, являвшийся важным торгово-экономическим центром. С приходом к власти в Бухаре Имамкули-хана (начало 1611 г.) отношения между соперничавшими сторонами вновь обострились. Еще не окрепший после тяжелых потерь в междоусобных войнах со своим соперником Вали Мухаммедом, Имамкули-хан был не в состоянии противостоять натиску войск казахских султанов и киргизских феодалов. Поэтому ему при-

шлось признать власть казахских султанов над Ташкентом и рядом других городов, расположенных по правому берегу Сыр-Дарьи, формальным актом «пожалования» Ташкентского и Туркестанского вилайетов Ишим-султану.

Однако Имамкули-хан при первой же возможности намеревался вернуть восточную часть своего государства или хотя бы способствовать приходу к власти в этих районах надежного ставленника из числа казахских султанов, так как Ишим-султан сразу же после его назначения правителем Ташкента «проявил непокорность». Наиболее подходящего кандидата для правления Ташкентом и прилегавшими районами, фактически оказавшимися под властью казахских и киргизских феодалов, Имамкули-хан обрел в лице Турсун-султана, сына Джалим-султана, который в ходе междоусобной борьбы с Ишим-султаном захватил власть над казахскими султанами и обратился за помощью к Аштарханидам. В 1613 г. Имамкули-хан «объявил Турсун-султана правителем Ташкента». После этих событий Ишим-султан вместе с подвластными ему казахскими и киргизскими улусами вынужден был бежать в Киргизстан, и в течение семи лет между Аштарханидами и Казахским ханством царили мирные отношения.

Но со временем Турсун-султан перестал быть послушным ставленником Имамкули-хана, что вызвало новое обострение отношений между Бухарским ханством и казахскими и киргизскими феодалами. В 1621 г. состоялось одно из самых крупных сражений между войсками Аштарханидов и объединенными силами казахских и киргизских феодалов. Турсун-султан собрал около 100 тыс. всадников, из числа которых 10 тыс. было выставлено правителями киргизских племен[9]. По сообщениям Махмуда ибн Вали, численность войска Имамкули-хана достигла 160 тыс. К тому же, к Аштарханидам присоединился со своим войском Абулай-султан, который к этому времени являлся «новым доверенным лицом Имамкули-хана в Андижане».

Во время битвы, происшедшей близ крепости Шахрухия, в бухарском войске поднялась паника, вызванная бегством Абулай-султана с поля сражения, и Аштарханиды начали отступать. Войско Турсун-султана стало преследовать противника.

Таким образом, Имамкули-хану не удалось осуществить свой замысел. Не помогло ему и привлечение на свою сторону одного из влиятельных казахских феодалов — Абулая, которому он «пожаловал» власть над Андижанским вилайетом. Более того, Турсун-султан и прибывший к тому времени из Киргизстана Ишим-султан, объединившись, в 1624 г. вновь совершили поход в Андижан[10].

Усиление натиска казахских и киргизских феодалов на Аштарханидов было вызвано не только временным восстановлением мира среди некоторых султанов, но и установлением в 1625 г. мирных отношений между ними и джунгарскими феодалами, что позволило им действовать на западе более решительно. Однако

среди казахских султанов и поддерживавших их киргизских феодалов назревала новая волна междоусобной борьбы за власть. Об этом подробно сообщает Махмуд ибн Вали, сведения которого подтверждаются и дополняются сообщениями Абулгази, а также историческими преданиями об Ишим-хане. «Договор единства между Турсун-султаном и Ишим-султаном был заключен на почве лицемерия,— пишет Махмуд ибн Вали,— но они не проявляли по отношению друг к другу признаков вероломства до тех пор, пока Ишим-султану в указанный год (1036—1626/27 гг.) не пришла мысль совершить грабеж племен калмаков»[11]. Ишим-султан собрал войско из подвластного себе племени алакчын, киргизов, и отчасти из числа катаганов, которые были опорой Турсун-султана, что указывает на их совместное действие в начале этого похода. После отъезда Ишим-султана Турсун-султан, долгое время выжидавший удобного момента для нападения на своего соперника, отправил войско для захвата оставшихся людей, в том числе жен и детей Ишима.

Согласно киргизскому народному преданию, до Ишим-хана (Эшим-хан) дошли слухи, что на местность, расположенную на восточном побережье Иссык-Куля, напал калмак Аджаан с большим войском и стал уничтожать всех киргизов. Ишим-хан решил созвать знатных людей на угощение — *улуш* и пригласить на него хана Турсуна. Он предложил Турсуну совместно сразиться с Аджааном. По преданию, Ишим-хан, победив калмаков, возвращается с большой добычей. Но по дороге он узнает о вероломстве Турсун-хана, который, воспользовавшись его отсутствием, захватил все принадлежавшее ему имущество и жен.

По Махмуду ибн Вали, Турсун-султан решил покончить и с самим Ишим-султаном и с войском отправился ему навстречу. Стороны встретились в окрестностях Сайрама и вступили в сражение, в котором войско Турсун-султана потерпело поражение, а его голова была отправлена Имамкули-хану. За эту «услугу» Ишим-хан получил от Имамкули-хана титул правителя Ташкента, Туркестана и других сопредельных вилайетов. Именно в это время Ишим-хан истребил значительную часть племени катаган, которое являлось опорой Турсун-султана, о чем известно из сообщений Абулгази. Уцелевшие катаганы частью ушли в Афганистан, а некоторые роды остались в Киргизстане и впоследствии вошли в состав киргизской народности.

После смерти Ишим-хана (1628 г.) власть в Ташкенте захватил Абулай-султан, который до того времени оставался правителем Андижанского вилайета. В результате междоусобных войн единство казахских султанов значительно ослабло, ушли к себе бывшие в союзе с Ишим-ханом киргизские феодалы. Вслед за ними откочевало и подвластное Ишиму племя алакчын, которое затем влилось в состав киргизов.

По рассказу Махмуда ибн Вали, Имамкули-хан, расправившись с Абулай-султаном (1630 г.), в короткий срок су-

мел восстановить свою власть в Ташкенте, Андижане и прилегавших к ним областях. В 1635 г. он совершил разорительный поход в Киргизстан. Стотысячное войско, выступив из Самарканда, достигло берега р. Талас, безжалостно истребляя население казахских и киргизских аилов.

Длительные феодальные войны казахских и киргизских феодалов с Шейбанидами и Аштарханидами за торгово-ремесленные центры привели хозяйственную жизнь края к упадку. Такие крупные торгово-экономические и культурные центры, как Ташкент, Туркестан, Сайрам, Андижан и другие присырдарьинские города, были разрушены, опустошены богатые земельные оазисы, тысячи мирных земледельцев и скотоводов уничтожены.

Те киргизские родоплеменные объединения, которые в конце XVI в. прочно утвердились в районе Алая и Каратегина, в начале XVII в. постепенно стали продвигаться на запад в сторону Гиссара и Куляба. Уже в первой четверти XVII в. западные границы расселения киргизов доходили до Куляба, откуда они совершали набеги на жителей соседних районов Кулябского вилайета и Бухарского ханства. В конце 20-х годов XVII в. военачальник правителя Балха Аштарханида Надир-Мухаммеда Абд ар-Рахман-аталык совершил ответный поход на кочевья этих киргизских племен. Достигнув стойбища киргизов в Алайской долине, Абд ар-Рахман-аталык учинил жестокую расправу и возвратился с большой добычей[12].

В 1636 г. в Гиссар прибыла большая группа киргизов из глубинных районов Центральной Азии. Историк правителя Балха Надир-Мухаммеда Махмуд ибн Вали сообщает об этом следующее: «Одним из событий, показывающих могущество силы и величие славы милостивого хакана (Надир-Мухаммеда), является то, что в раджабе 1045 г. хиджры (12. XII 1635—9.I. 1636 гг.) двенадцать тысяч семей киргизов, которые (до этого) обитали в области Каракорума и Керулена и проводили жизнь в неверии, невежестве и заблуждении, прибыли через Каратегин в окрестности Гиссара (и вступили) под управление счастливого государя. В новолуние шабана вышеуказанного года (10 января 1636 г.) двенадцать человек из главарей того племени (прибыли) в столицу (Балх), являющуюся куполом ислама в сопровождении Хаджим-аталыка-хытая и удостоились чести приема (Надир-Мухаммеда)». Далее сообщается, что эти киргизы изъявили желание остаться в Гиссарском вилайете и принять ислам. Надир-Мухаммед-хан, выслушав их просьбы, одарил упомянутых предводителей почетными халатами. Затем одного из своих есаулов отправил в Бухару к Имамкули-хану с просьбой о покровительстве. Через 15 дней гонец вернулся с письменным указом Имамкули-хана, удовлетворявшим просьбу киргизов[13]. О дальнейшей судьбе этой, прибывшей издалека большой группы киргизских племен, в источниках ничего не сообщается, по-видимому, она постепенно вошла в состав узбекского племени катаган.

Участие киргизов во внутриполитических событиях Моголистана

В самом конце XVI в. длительный союз между Могольским государством и Шейбанидской династией Бухарского ханства был нарушен походом стотысячного войска Шейбанидов в Кашгар. Хотя этот кратковременный поход закончился полным провалом, но будучи явным свидетельством разрыва Шейбанидов с моголами, положил начало более свободным действиям киргизов и казахов как на территории Восточного Туркестана, так и в Средней Азии. Со смертью Мухаммед-хана (1609 г.) набеги киргизских феодалов в пределы Восточного Туркестана участились.

С приходом к власти в Яркенде Шуджа ад-дин Ахмед-хан (в 1018—1609/10 гг.) начал предпринимать более решительные меры против сепаратизма правителя восточной части государства Абд ар-Рахим-бия и стоящих за его спиной главарей казахов и калмаков, а также против нападений киргизских феодалов с севера и северо-запада. Однако в условиях, когда почти вся страна страдала от внутренних смут, и каждая враждующая сторона, как правило, призывала на помощь войска предводителей казахских, калмакских и киргизских племен, остановить их вмешательство во внутренние дела государства было очень трудно.

По мере усиления междоусобной войны в западной части государства, вызванной смертью Абд ал-Латиф-султана киргизские феодалы, изменив тактику, от обычных набегов перешли к активной поддержке претендента на ханский престол Султана Махмуд-хана, который поднял мятеж против своего брата. В походе Султана Махмуд-хана на Яркенд, завершившемся успешно, приняло участие семитысячное войско киргизов во главе с Сокур-биемкушчи. Пришедший к власти Абдаллах-хан (1638 г.) сумел на некоторое время вновь объединить и укрепить Могольское государство. Упрочив свое положение, Абдаллах-хан задался целью завоевать Киргизстан и соседние горные области, продолжив политику своих предшественников, хорошо понимавших экономическое и политическое значение этих районов. К тому же военные походы отвлекли бы феодалов от междоусобных распрей.

После походов на Болор и Бадахшан войско Абдаллах-хана совершило разорительное нашествие на Ош, что вызвало обострение отношений Могольского государства с киргизскими феодалами. Дважды киргизам сопутствовал успех, но вскоре могольские отряды нанесли им сокрушительное поражение. Несмотря на это, положение Абдаллах-хана внутри государства оставалось непрочным. Он заподозрил в измене своих братьев Ибрахим-султана и Исмаил-султана и приказал выпроводить их из страны. Сомневаясь в верности почти всех приближенных, Абдаллах-хан стал искать новую опору для упрочения своей власти. Этой новой силой оказались киргизские феодалы, с которыми он недавно вел войну. При непосредственной поддержке отрядов киргизских биев

хану удалось подавить мятеж своего сына Йулбарс-хана. Те киргизские военачальники, которые оказали поддержку Абдаллах-хану, получили значительные военные должности, важные посты в центральном аппарате и в городских управлениях[14], что вызвало недовольство местной военно-кочевой знати.

Усиление киргизских военачальников вызывало опасения и у самого Абдаллах-хана. Умело используя недовольство могольской знати, он решил покончить с безудержным ростом влияния киргизских феодалов внутри государства. О жестокой расправе, учиненной над киргизами, свидетельствует Шах-Махмуд Чурас, по словам которого, могольские эмиры с согласия хана перебили около 10 тыс. киргизов. Однако, хорошо понимая, что отряды киргизских феодалов можно использовать как против врагов внутри государства, так и во время внешних походов, через некоторое время Абдаллах-хан многих киргизских эмиров простил и восстановил в должностях. Получив значительные пополнения в свои войска, Абдаллах-хан совершил ряд удачных походов против калмаков Джунгарии. Вскоре после смерти сына Нур ад-дина правителем Кашгара Абдаллах-хан назначил крупного киргизского феодала Койсары-бия, который, воспользовавшись этим, весь свой род чонбагыш поселил близ Кашгара.

В конце правления Абдаллах-хана почти все ответственные государственные должности перешли в руки киргизских биев. Так, правителем Аксу был назначен Олджотай-бий, а Алты Куртка-бий стал правителем Уч-Турфана. Хотя Абдаллах-хан окружил себя только киргизами, но он уже никому не доверял и вновь стал сомневаться в надежности киргизских биев. Поскольку ханская власть не имела сколько-нибудь серьезной поддержки, он не смог, как в предыдущий раз, легко покончить с усилением киргизов и вынужден был бежать под предлогом паломничества в Мекку.

После отъезда Абдаллах-хана началась борьба двух претендентов на престол Могольского государства — Исмаил-хана и Йулбарс-хана, которых поддерживали две соперничавшие группировки калмакских феодалов. Киргизские бии для сохранения своего влияния в стране также стали поддерживать этих претендентов.

Потомки основателя популярного в Средней Азии суфийского ордена накшбандийя (Ходжаган) Ахмеда Касани (умер около 1549 г.) в пределах Кашгарии образовали две враждующие между собой секты—белогорскую *(актаглик)* и черногорскую *(каратаглик)*, которые боролись за право духовного и фактического руководства среди своих приверженцев и мюридов. Впоследствии, заручившись поддержкой киргизских, калмакских и казахских феодалов, руководители обеих религиозных группировок вступили в активную борьбу за политическое господство над Могольским государством[15].

2 апреля 1670 г. объединенные силы части калмакских феодалов и главы киргизского племени чонбагыш Койсары-бия в

местности Каргалык, разгромив сторонников белогорских ходжей, поддерживавших Йулбарс-хана, официально провозгласили ханом Исмаила. Предводители киргизского племени кыпчак в этом сражении участвовали на стороне Абак-бия[16]. На этой почве начались раздоры между племенами чонбагыш и кыпчак.

После прихода к власти Исмаил-хана на пост правителя Кашгара вновь был назначен Койсары-бий, а начальником стражи этого же города стал его сын Кучук-бий. Вскоре после этого местные эмиры под предлогом беззакония, творимого в городе людьми правителя, организовали заговор и убили Койсары-бия и его соратников. В этом заговоре кашгарских эмиров в немалой степени были замешаны предводители племени кыпчак. Исмаил-хан наказал организаторов заговора, а примкнувших к ним кыпчакских биев Абак-бия, Чигиль-бия, Худаназар-бия, Йолболду-есаула и Джагыр-бия передал представителям племени чонбагыш. Те «по закону кровомщения» убили упомянутых лиц, а оставшиеся кыпчаки вынуждены были бежать под покровительство Султан-Саид Баба-хана, который в то время был ханом в Турфане. Таким образом, в результате междоусобных войн киргизские бии утратили свое прежнее влияние в государственном аппарате Восточного Туркестана, а их места заняли калмакские феодалы, фактически захватившие всю полноту власти в этой стране.

С середины 80-х годов XVII в. с изменением внешнеполитического курса Джунгарского ханства, которое почти все военные силы направило на восток, в Монголию, начинается новый этап усиления роли киргизских феодалов во внутриполитических событиях Могольского государства. Этим обстоятельством воспользовался Апак-ходжа. При поддержке киргизов он вступает в борьбу за власть с Мухаммед Амин-ханом, который был вынужден отправить посла в Бухару с просьбой о помощи. Однако поддержки со стороны Субхан-Кули-хана не последовало, и сторонники Апак-ходжи убили Мухаммед Амина, после чего ходжа посадил на трон своего сына Яхья-ходжу. Через полтора года Апак-ходжа умер (1694 г.), а спустя восемь месяцев после его смерти калмакские феодалы убили его сына Яхья-ходжу. В это смутное время власть захватил представитель светских кругов Яркенда Аламшах-бек.

Тем временем киргизы племени кыпчак во главе с Арзу Мухаммед-беком провозгласили ханом третьего сына Султан-Саид Баба-хана, Мухаммед Мумин-султана, прозванного Акбаш-хан, которого поддерживали также сторонники черногорских ходжей. Когда в сопровождении киргизского войска Акбаш-хан вошел в Яркенд, Аламшах-бек вынужден был повиноваться ему.

Однако Акбаш-хан лишь формально управлял государством, фактически же, будучи ставленником киргизских биев, всеми делами позволял распоряжаться Арзу Мухаммед-беку. Характеризуя время «правления» Акбаш-хана, Мирхал ад-дин Яркенди сообщает, что «киргизы стали господствовать на троне великих

(ходжей), на престоле мусульманских правителей»[17]. Со временем Акбаш-хан начал склоняться на сторону местных эмиров, которые были недовольны господством киргизских биев. Вскоре Акбаш-хан был убит Арзу Мухаммед-беком.

Опасаясь усиления влияния киргизских биев, яркендские эмиры стали лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Сначала они направили в Кашгар Аламшаха для переговоров с Арзу Мухаммед-беком с целью заключения мирного соглашения. Но его миссия закончилась безрезультатно, и киргизские бии захватили Яркенд. Арзу Мухаммед-бек для вида провозгласил ханом одного из последних представителей погибающей династии Чагатаидов Султан-Ахмад-султана, а фактически сам управлял государственными делами.

В этих условиях яркендские эмиры решили обратиться за помощью к калмакским феодалам. Последние не заставили себя долго ждать, и из Джунгарии прибыло войско во главе с Чукула Кашка. Хотя отряды киргизских биев отступили в Кашгар, калмаки не стали их преследовать и вернулись в Джунгарию.

Пользуясь отсутствием калмакского войска, Арзу Мухаммед-бек снова предпринял попытку овладеть Яркендом. В осаде принимали участие киргизские родоплеменные объединения тоолос, кесек, чонбагыш, кыпчак, кушчу и найман[18]. Таким образом, усиление киргизов стало возможным благодаря объединению указанных киргизских племен под главенством Арзу Мухаммед-бека, который на время сумел уладить междоусобные распри. В результате объединенные силы Арзу Мухаммед-бека добились успеха, а Аламшах-бек в одном из сражений был ранен, бежал в Джунгарию, где и скончался.

После этих событий киргизские бии установили свое политическое господство почти во всех западных областях Восточного Туркестана. Оно продолжалось до тех пор, пока в 1702 г. новый правитель Джунгарского ханства Цеван-Рабтан окончательно не завоевал весь Восточный Туркестан за исключением Хамийского округа.

Хотя определяющим фактором взаимоотношений киргизских племен с населением оседлых районов Восточного Туркестана являлась их жизненная потребность в продукции ремесленного и земледельческого производства, феодальные круги вместо поддержания и развития мирной торговли, с целью личной наживы часто совершали разорительные походы. Иногда они вместе с подвластными племенами оказывали военную помощь одной из враждующих сторон в Могольском государстве за соответствующее вознаграждение. Со временем некоторые киргизские бии, так же как и калмакские феодалы, небезуспешно пытались установить прочное господство над развитыми городскими и земледельческими центрами страны с целью получения необходимой продукции в натуральном виде.

Как отмечал Ф. Энгельс, «каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил»[19]. В результате завоевания Восточного Туркестана калмакскими феодалами значительная часть крестьянского населения страны была принудительно переселена в Джунгарию. Наиболее плодородные земли, расположенные вдоль рек, превратились в пастбища джунгарских феодалов. С изменением политического статуса Восточного Туркестана купцам этой страны со стороны цинского двора было официально объявлено о запрещении торговли с Китаем. Все это в конечном счете привело хозяйственную жизнь в городах и сельских районах Восточного Туркестана к упадку.

В ходе этих феодальных войн значительно пострадали и мирные скотоводы. Во время бесконечных интриг между могольскими эмирами и киргизскими биями погибли десятки тысяч киргизских скотоводов, много было принудительно переселено своими правителями в окрестности городов Восточного Туркестана.

2. Киргизско-калмакские взаимоотношения в XVII — первой половине XVIII в.

Усиление экспансии калмакских феодалов и образование Джунгарского ханства

Западные монголы, тюркское название которых — калмаки, в исторической литературе получили известность как джунгары (ойраты). После падения первого их государственного объединения под властью Эсен-хана в середине XV в. в борьбе с восточными монголами за выход на китайский рынок и за лучшие пастбища они были вынуждены изменить свой внешнеполитический курс. Лишенные возможности пограничной торговли с Китаем, калмаки видели единственный выход в получении столь необходимой для кочевников продукции оседло-земледельческого хозяйства только в переориентации на запад. Однако и здесь они не добились успеха ни в военном, ни в дипломатическом отношении. Борьба калмакских феодалов с правителями Моголистана и Восточного Туркестана за обладание Хамийским округом, расположенным на главном торговом пути, связывавшим Китай со странами запада, продолжалась в течение XV и XVI веков с переменным успехом. Одновременно они вели изнурительные войны против киргизов и казахов за пастбища Моголистана. Источники свидетельствуют, что взаимоотношения калмаков с киргизами и казахами в начале XVII в. были очень нестабильными, и столкновения между ними сменялись временными союзами.

В 1620 г. калмакские тайши отправили своих послов к «Казачьей орде, Ишим-царю» для переговоров о мире, но в то же время сами напали на улусы Ишима и перебили многих его под-

данных. В свою очередь, Ишим-хан убил послов и двинул против калмаков большое войско.

Через несколько лет, в 1036 г. хиджры (1626/27 г.), состоялся совместный поход казахов и киргизов под главенством Ишим-хана на кочевья калмаков. В результате население многих калмакских улусов было вынуждено откочевать в отдаленные районы Сибири. Только в результате ослабления могущества союза казахских и киргизских племен из-за постоянных междоусобных войн и растущего давления на них Аштарханидов калмакские феодалы вновь стали совершать набеги на территорию Киргизии и Казахстана. Очередной крупный поход калмакских феодалов в Среднюю Азию состоялся весной 1633 г. В 1635 г. произошло два значительных столкновения между калмакскими тайшами и казахскими султанами, причем инициаторами войн в обоих случаях были джунгары, что свидетельствует об их возросшем военном потенциале.

К этому времени ранее раздельно кочевавшие на огромных пространствах Южной и Западной Сибири улусы ойратских племен начали объединяться на правом берегу Иртыша под эгидой чоросских князей, во главе которых стоял Хутухаиту-Харахула-тайши. После смерти Харахулы (1634 г.) власть над всеми ойратскими владениями в Джунгарии перешла в руки его сына Батура-хунтайши (тайджи), а 1635 год признан годом образования Джунгарского ханства.

Борьба против агрессии калмакских феодалов

Первый крупный поход калмакских феодалов (со времени образования Джунгарского ханства) против киргизов и казахов состоялся весной 1643 г. Непосредственное участие в нем приняли войска халхаского Алтан-хана и главы части калмаков Хо-Урлюка. На этот раз Батур-хунтайши сначала «взял две землицы алатай-киргизов да токмаков тысяч 10». Затем калмаки двинулись на Ташкент и Туркестан, но войско казахского султана Джахангира при поддержке прибывшего на помощь узбекского войска во главе с Ялангтуш-аталыком вынудило их отступить. Джахангир и Ялангтуш не стали преследовать отступающих, что дало возможность Батур-хунтайши временно закрепиться на захваченных землях.

О вторичном походе калмакских тайш в Киргизстан автор биографии видного религиозного деятеля ойратов Зая-Пандиты Сакбон Раднабатор повествует следующее: «В ту зиму (1652 год дракона), покорив бурутов (киргизов), прибыл Цецен-хан. В этом походе, в семнадцать лет, Галдамба поразил Янгир-хана»[20]. Следовательно, хотя поход Цецен-хана был направлен против киргизов, совместно с ними выступили и казахи во главе с Джахангир-султаном, который был убит во время сражения.

В следующем, 1653 г., умер основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайши. С его смертью начались новые междоусобные войны калмакских феодалов за власть. Воспользовавшись этим,

против Джунгарского ханства выступили Аштарханиды. По сообщению Сакбона Раднабатора, в 1658 г. 38-тысячное войско Аштарханидов во главе с Абдушукуром прибыло в Таласскую долину и при поддержке киргизов и казахов в местности Хулан-Джилан вступило в сражение с калмаками. Однако в ходе сражения Абдушукур был убит, и Аштарханиды были вынуждены отступить, неся большие потери.

В 1678 г. новый хан Джунгарского государства Галдан-Бошокту, в результате многолетней борьбы окончательно упрочив свою власть над всеми ойратскими владениями, начал новые завоевательные походы в Среднюю Азию и Восточный Туркестан. В этот момент эти завоевания необходимы были Галдану и поддерживавшей его кочевой знати прежде всего для того, чтобы на продолжительное время затушевать и ослабить усилившийся в джунгарском обществе классовый антагонизм между знатью и зависимой массой кочевников — аратами.

После взятия Яркенда (1680 г.) Галдан в течение нескольких лет всецело был занят захватническими походами в Южный Киргизстан и соседние области Узбекистана. В 1681 г. его войска предприняли попытку взять город Сайрам, но безуспешно. Через два года Галдан вновь окружил Сайрам, но опять вынужден был его оставить, захватив в плен двух казахских султанов. Осенью 1683 г. он отправился в поход с целью покорения киргизов, кочевавших в окрестностях Андижана.

В результате неблагоприятной политической обстановки, сложившейся на Тянь-Шане во второй половине XVII в., некоторые киргизские племена были временно оттеснены калмакскими феодалами в Ферганскую долину и в Восточный Туркестан. Совместно с узбеками они оказывали упорное сопротивление агрессии калмакских феодалов. Поэтому поход Галдан-Бошокту-хана в 1683 г. на Андижан закончился безрезультатно. Собрав новые силы, он возвращается сюда в следующем, 1684 г. Разграбив Ош, он двинулся на Андижан, однако, натолкнувшись на решительное противодействие киргизов и узбеков, вынужден был отступить. Летом этого же года отряды Галдана разрушили и разграбили город Сайрам, многие жители были уведены в рабство в Джунгарию. Осенью 1685 г. он предпринял последнюю безуспешную попытку овладеть Андижаном.

После этих разорительных, но безрезультатных походов в Среднюю Азию Галдан-Бошокту-хан, изменив свою внешнюю политику, вторгся в пределы Восточной Монголии с целью объединения всех монголо-ойратских ханств, где его интересы столкнулись с интересами цинского Китая. Вследствие этого он так и не смог выбраться из Монголии до конца своей жизни (1697 г.). Тем временем, пользуясь отсутствием Галдана, верховную власть в Джунгарии захватил его соперник Цеван-Рабтан, который вынашивал планы захвата новых земель на западе, чтобы воспол-

нить те крупные потери, которые понесла Джунгария во время неудачных походов Галдана в Восточную Монголию.

Несмотря на вынужденную откочевку в Ферганскую долину некоторых северокиргизских родоплеменных объединений, бо́льшая часть киргизов в первой половине XVIII в. оставалась на Южном и Центральном Тянь-Шане. По свидетельству капитана Унковского, киргизы (буруты) «кочуют около озера, именуемого Тускель (Иссык-Куль) и с казачьей ордою граничат». Согласно слухам, этих бурутов насчитывалось 5000 кибиток, и они могли выставить почти трехтысячное войско. А такие крупные родоплеменные объединения, как кыпчак, чонбагыш, найман, тоолос, кесек и кушчу, прочно закрепившись на южных склонах Терской Ала-тоо, постоянно соперничали с калмаками за господство в Восточном Туркестане.

Новая волна нападений калмакских феодалов на Киргизстан и соседние области началась после вступления на престол Джунгарского ханства сына Цеван-Рабтана Галдан-Церена в 1727 г. Около 1732 г. войска калмакских феодалов совершили нападение на кочевье киргизских племен в Кетмень-Тюбинской долине[21]. Затем в течение 1736 и 1738 годов отряды Галдан-Церена трижды проникали в Бадахшан. По возвращении из последнего похода калмакское войско было полностью истреблено киргизами в районе Каратегина.

Воспользовавшись усилением междоусобной войны за власть в Джунгарии, около 1747 г. киргизские бии совершили удачный поход в Кашгар. Десятитысячное войско, возглавляемое Акматбием, с победой возвратилось в свои кочевья. С целью мести калмакские феодалы направили против киргизов десятитысячное войско под главенством зайсана Доржи. Оно было полностью разбито киргизами, в Джунгарию вернулось только 3 тыс. человек.

К этому времени киргизы вновь рассматривались как опасные враги калмаков, поэтому правители Джунгарии вынуждены были постоянно держать наготове крупное войско. Очередной поход калмакских феодалов в Киргизстан начался выступлением 27000 всадников в мае 1749 г. и продолжался около трех месяцев. Но и этот поход калмаков закончился неудачно, они возвратились, потеряв убитыми 7 тыс. воинов.

Участие киргизов в освободительной борьбе народов Восточного Туркестана против ига Джунгарского ханства

В конце первой половины XVIII в. начался процесс ослабления Джунгарского ханства — некогда могущественной кочевой державы.

Усиление междоусобной войны в Джунгарии дало толчок к возникновению освободительного движения в Восточном Туркестане против ига калмакских феодалов, при активной поддержке киргизских племен. Его возглавили видные деятели черногорских ходжей, сыновья Даниял-ходжи — Джахан-ходжа, Юсуф-ходжа, Низам ад-дин-ходжа и Абдаллах-ходжа. С начала XVIII в.

глава черногорцев Даниял-ходжа в качестве вассала Джунгарии формально управлял страной до самой смерти. После его кончины Галдан-Церен назначил упомянутых сыновей Данияла соответственно правителями городов Яркенда, Кашгара, Аксу и Хотана. Однако их власть над этими городами была номинальной, так как они большую часть своего времени в качестве заложников проводили в ставке джунгарских правителей, а в городах фактически вся власть находилась в руках поставленных калмакскими феодалами хакимов, которые решительно поддерживали Джунгарское ханство. Кроме черногорцев, были еще другие претенденты на власть — потомки главы белогорцев Абак-бия — Бурхан ад-дин и Хан-Ходжа, которые тоже с начала XVIII в. задерживались в ставке правителя Джунгарии и пользовались популярностью среди населения Восточного Туркестана и Киргизстана.

Таким образом, к началу освободительного движения представители господствующего класса Восточного Туркестана были разделены на три лагеря, первый из которых выступал за сохранение господства калмакских феодалов, два других (религиозных) в равной степени были заинтересованы в ликвидации чужеземного ига. Причем сторонники господства джунгаров были, главным образом, выходцами из феодальных кругов, которые получали со стороны джунгарских ханов уделы и право на власть над городами и вилайетами страны, а также из крупных купцов, пользовавшихся покровительством калмакских феодалов, и поэтому они не имели прочной опоры среди простого народа.

Оба религиозных лагеря рассчитывали на поддержку крестьян, ремесленников и, главным образом, киргизов. Но поскольку лидеры белогорцев находились в заточении, стихийное народное движение оказалось в руках черногорцев, которые, благодаря своему сотрудничеству с джунгарскими феодалами, пользовались относительной свободой. Такова была политическая обстановка в стране накануне открытого вооруженного выступления против господства Джунгарского ханства.

Один из главных организаторов восстания, Юсуф-ходжа, тайно отправил письмо киргиз-кыпчакам, кочевавшим в долине р. Или, с просьбой оказать помощь в борьбе «за веру против неверных калмаков». При этом, оправдывая себя и других черногорцев, сотрудничавших ранее с калмаками, он писал: «Есть надежды на великого хазрата господа славного и всевышнего, что (теперь), когда моя жизнь приближается к концу, я искуплю свою вину и безотказно буду поражать (неверных) мечом ислама. Я отомщу этим неверным за мое (вынужденное) повиновение (им) в течение нескольких лет»[22]. Кыпчаки спешно отправились в Восточный Туркестан и прибыли в город Хотан.

Тем временем правитель Джунгарии Даваци, осведомленный через своих ставленников о готовящемся восстании, отправил к Юсуф-ходже посла, которому было поручено с помощью ишик-ага Кашгара Худояр-бека организовать заговор и убить главарей

черногорских ходжей. Но заговор был раскрыт, Худояр-бек казнен, а сообщники строго наказаны. Другой ставленник в Яркенде, Гази-бек, схватив Джахан-ходжу, открыто выступил против восстания и вместе со своими сторонниками обратился к калмакскому послу с просьбой о помощи. Однако в обстановке острой борьбы Даваци против Амурсаны, которая происходила в это время в Джунгарии, калмакские феодалы не смогли оказать своим ставленникам военной поддержки.

Между тем в лагерь восставших прибывали новые отряды киргизов из соседних районов страны. Поэтому Садык-ходжа в сопровождении киргизских войск во главе с Амир-мирзой двинулся в Яркенд и освободил своего отца Джахан-ходжу, который был в плену Гази-бека.

После этого события Юсуф-ходжа обратился к главе андижанских киргизов Кубат-мирзе из племени кушчу с призывом принять участие в газавате «против неверных». Но в это время началось внезапное наступление со стороны Джунгарии Бурхан ад-дин-ходжи и Хан-Ходжи с немногочисленным отрядом маньчжурских и калмакских воинов, который дислоцировался на Или. Учитывая политическую обстановку в Восточном Туркестане (1755 г.), цинские власти решили использовать этих белогорских ходжей для захвата Восточного Туркестана. Они выделили им небольшой отряд в надежде на то, что они смогут перетянуть на свою сторону последователей черногорцев.

Расчет маньчжуров оказался точным: большинство влиятельных лиц, ранее поддерживавших калмаков, перешли к белогорцам. Кроме того, доверенным Бурхан ад-дина и Хан-Ходжи удалось уговорить всех киргизов, включая вновь прибывших из Андижана людей Кубат-мирзы, выступить на их стороне. Участие киргизских войск в решающем сражении в Яркенде в поддержку белогорцев предопределило поражение черногорцев.

Однако стоявшие за спиной победителей маньчжуры, вскоре предъявили свои «права» на Восточный Туркестан. Попытки, предпринятые Бурхан ад-дином и Хан-Ходжой освободиться от опеки своих прежних покровителей, так же, как антиманьчжурское восстание Амурсаны в Джунгарии, не имели успеха. В конце 1759 г. страна полностью оказалась под властью Цинской империи.

3. Политическое устройство, социальные отношения, хозяйство, торговля

Социально-экономические отношения и общественно-политический строй киргизов в XVI—XVIII вв. до сих пор остаются сравнительно малоизученной проблемой в историографии средневекового Киргизстана, что обусловлено, прежде всего, скудостью информации, содержащейся в письменных источниках. Поэтому, учитывая застойный характер производительных сил и соответствующих им производственных отношений в Киргизстане в рассматриваемый период для изучения ее следует привлечь этнографические материалы, сообщения источников XIX в., а также произведения устного народного творчества, где содержатся подробные сведения о хозяйстве и общественных отношениях у киргизов более ранней поры[23].

Специфической особенностью господствовавших в киргизском обществе производственных отношений в период позднего средневековья явилось то, что эти в своей основе феодальные отношения продолжали развиваться под оболочкой патриархальных форм общности (род и племя). Этому во многом способствовали натуральный характер экстенсивного, полукочевого хозяйства, упадок городов и слабость внутренних экономических связей.

Политическое устройство и социальные отношения

В XVI—XVIII вв. основной административно-политической единицей киргизского общества являлись самостоятельные родоплеменные объединения. Консолидировавшись к началу XVI в. в феодальную народность, они еще долго сохраняли древнюю родоплеменную структуру. В этот период киргизы занимали всю современную территорию Киргизии, а также некоторые сопредельные районы Узбекистана, Таджикистана и Восточного Туркестана. Наиболее крупными родоплеменными объединениями киргизов были кыпчак, тоолос, кесек, чонбагыш, сарыбагыш, кушчу, найман, саяк, бостон, могол (монголдор), солто, бугу, канглы, кытай, сару, адыгене, басыз, нойгут, черик. Каждое из этих племен в свою очередь делилось на более мелкие подразделения. Однако киргизские племена позднего средневековья, их родоплеменной состав и сложившиеся у них патриархально-феодальные отношения в корне отличались от первобытнообщинных. Правители отдельных племен, будучи крупными феодалами, принимали целые группы из других родов и племен, и общины являлись не родовыми, а территориальными союзами.

Таким образом, киргизские родоплеменные объединения состояли из представителей различных групп и уже не представляли собой общности, связанной единым происхождением. Тем не менее со временем эти объединения становились достаточно прочными и приводили к созданию устойчивой территориально-политической общности. Феодальная же верхушка с помощью подвизавшихся в Восточном Туркестане и Фергане суфийских шейхов вырабатывала легендарное генеалогическое древо, связывавшее между собой как действительно родственные, так и неродственные племенные патронимии единым «родством». В сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих» встречается наиболее ранняя запись подобной генеалогии, согласно которой «предком» всех киргизских племен левого и правого «крыла» объявляется известный представитель суфизма IX—X вв. Шейх-Мансур ал-Халладж «Ан-ал-Хакк»[24].

Такая освященная мусульманской религией идеологическая основа родства всех членов племени позволяла феодалам вуалировать неравенство в отношениях между богатыми и бедными. Поэтому она всячески поддерживалась феодальной аристократией и передавалась из поколения в поколение, устойчиво сохраняя свое первоначальное содержание, о чем свидетельствует рукопись довольно позднего варианта этой генеалогии, написанная во второй половине XIX в.[25].

Родоплеменные объединения в свою очередь входили в состав двух территориально-политических образований — *онг* (правое «крыло») и *сол* (левое «крыло»). Генеалогические предания, зафиксированные в «Маджму ат-таварих», относят такое разделение киргизских родоплеменных объединений к XII в. и приписывают этот акт имаму Ибрахиму Заранджишу, который будто бы возглавил борьбу киргизов против нашествия кара-кытаев:

Однако это легендарное предание еще не получило подтверждения в сообщениях синхронных письменных источников. Судя по сведениям китайского источника, составленного в 70-х годах XVIII в., фактическое разделение киргизских родоплеменных объединений на два территориально-политических образования произошло приблизительно в конце XV — начале XVI в. «220 с лишним лет тому назад, — пишут авторы «Синой чжи», основываясь на сообщениях самих киргизов,— они сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви — северную и южную... Каждая делилась внутри на ветви»[26]. Разумеется, процесс разделения киргизских родоплеменных объединений на два «крыла» начался в результате действий определенных экономических, политических, этнических и географических факторов. Политическая самостоятельность Киргизстана, определившаяся после падения государства Моголистан в начале XVI в., способствовала дальнейшему развитию внутренних хозяйственно-экономических и этнических связей. Вместе с тем связи между северными и южными районами, разделенными мощными горными отрогами Тянь-Шаня, развивались гораздо медленнее, чем связи внутри этих двух областей. В то же время родоплеменные объединения, входящие в правое «крыло», в большей степени тяготели к присырдарьинским городам, тогда как племена левого «крыла» экономически были тесно связаны с оседлыми районами Ферганской долины. В силу именно этих обстоятельств и произошло разделение киргизских родоплеменных объединений на *онг* и *сол*, которые соответственно занимали Северную и Южную области Киргизстана. По-видимому, в этом заключалась также одна из главных причин отсутствия политического единства Киргизстана.

Хотя эти два территориально-политические объединения первоначально соответствовали традиционному делению киргизских племен на правое и левое «крыло», но уже в середине XVIII в. их родоплеменной состав был довольно пестрым и мало соответствовал генеалогическим канонам.

Правое «крыло» занимало в основном территорию Северного Киргизстана и включало в себя родоплеменные объединения саяк, сарыбагыш, монголдор, бугу, солто, черик, басыз, азык, багыш, беш тамга, кытай, кушчу, саруу. В левое «крыло» входили родоплеменные объединения, проживавшие в пределах Южного Киргизстана. К их числу относились кыдырша, теит, бостон, жедигер, кесек, найман, ахтачи, окчу, тоолос, кыпчак, канглы, мундус, багыш, адыгене, жору, бёрю, баргы, конурат, нойгут, чонбагыш и карабагыш.

Каждое «крыло» из числа старших биев своих родоплеменных объединений ежегодно одного избирало верховным бием *(чоң бий)*, который занимался общим управлением[27]. Но фактически *чоң бий*, не располагавший значительной и постоянной военной силой, не имел реальной власти над старшими биями — правителями родоплеменных объединений и крупными феодалами.

Каждое родоплеменное объединение, во главе которого стоял старший бий *(улук бий)*, представляло собой самостоятельную административно-политическую единицу и обязательно имело свою тамгу, а также свой боевой клич — *ураан*.

В состав родоплеменного объединения входили связанные между собой не столько действительным, сколько мнимым родством многочисленные роды и родовые подразделения. Они управлялись *акалакчын биями*, которые находились в подчинении старшего бия.

Основное богатство кочевников — скот — находилось в частном владении. По сообщению автора первой половины XVIII в. Мирхал ад-дина Яркенди, киргизские феодалы владели большим количеством скота. Глава племени чонбагыш Худайберды-бий заявлял, что у него «много лошадей, верблюдов, овцы бесчисленны». Как писал К. Маркс, «...у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — например, на овец — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся»[28].

Это положение К. Маркса подтверждается и данными о феодальных отношениях в Киргизстане в рассматриваемый период. «Каждый (бий) управляет своей землей и имеет своих подданных»,— сообщает источник, относящийся к этому времени[29]. Следовательно, феодальная знать, обладавшая большим количеством скота, фактически распоряжалась и земельными угодьями, хотя владение пастбищами у киргизов внешне имело общинный характер.

Следует отметить, что на территории Киргизстана в XVI — первой половине XVIII в. наряду с преобладавшим полукочевым типом хозяйства существовали также характерные для южных районов типы хозяйства — полуоседлый и оседлый. Поэтому вопросы собственности на землю в разных местах решались неодно-

значно. Если у северокиргизских родоплеменных объединений право на владение определенной территорией письменно не оформлялось, а передавалось по традиции из поколения в поколение только на основании «обычного» права, то в южных районах отдельные киргизские феодалы, находившиеся в вассальной зависимости от шейбанидских и аштарханидских ханов, получали земельные пожалования за военные заслуги, о чем свидетельствуют документы[30]. При этом и здесь сохранялась внешняя видимость общинного характера пользования землей, так как приобретенные у ханов земельные участки оформлялись, как правило, на имя определенного рода, а не феодала.

В целом, как показывают источники, феодальная верхушка киргизского общества повсеместно присваивала себе право распоряжения территорией. «Специально выделили места кочевий, и по местам кочевий и названиям гор именовали каждое племя. Не позволяли каждому переходить через границу, запрещалось на своих землях вредить друг другу»[31]. Следовательно, бии устанавливали границы кочевания для подвластных им групп скотоводов, определяли порядок пользования теми или иными пастбищами. Таким образом, родоплеменная собственность на земельные угодья существовала лишь формально и служила для маскировки феодальной формы земельной собственности.

Частная собственность на средства производства разделяла киргизское общество на два антагонистических класса: класс феодалов *(бии, баи, батыры)* и класс эксплуатируемых *(чарбадар, кедей* и *кул)*.

Самую привилегированную, аристократическую прослойку общества составляли бии. Верховные бии правого и левого «крыла», как уже отмечалось, совмещали эту должность с функцией старшего бия своих родоплеменных объединений и не имели реальной власти над другими старшими биями, относящимся к их крылу. Исключительно важная роль старших биев в киргизском обществе заключалась в том, что внутри подвластных им родоплеменных объединений они осуществляли не только административную власть, но и ведали внешними, военными и судебными делами. Старший бий каждого киргизского племени мог по своему усмотрению совершать набеги на соседние страны, либо оказывать военную поддержку правителям других государств, лично решать важные судебные дела.

Ступенью ниже в иерархии феодальной аристократии киргизского общества стояли *акалакчын бии* — правители более мелких родовых подразделений внутри родоплеменных объединений. В первой половине XVIII в. старшим бием родоплеменного объединения кыпчак являлся Амир-мирза, а в его подчинении находились правитель рода тогуз-кыпчак Суфи-мирза и глава рода таз-кыпчак Хаким-мирза.

Основной опорой власти биев являлась дружина, численность которой доходила обычно до 40 и более человек. В случае

необходимости бии из числа своих подданных собирали народное ополчение, которое составляло основу киргизского войска. Бии некоторых киргизских родоплеменных объединений могли выставлять войско до 7 тыс. человек.

Для общественного положения ряда киргизских биев в XVII—первой половине XVIII в. характерно было совмещение ими правления родоплеменными объединениями собственно киргизов и земледельческими областями и городами Восточного Туркестана.

Наиболее ответственные должности как в управлении над своим племенем, так и в городах Восточного Туркестана, занимали дети и ближайшие родственники старших биев. В 1670 г., когда правителем (хакимом) Кашгара стал глава киргизского племени чонбагыш Койсары-бий, должность начальника стражи города он передал своему сыну Кучук-бию. Как показывают материалы ранних записей генеалогии киргизских племен, власть биев была наследственной и передавалась от отца к сыну.

В сочинении турецкого автора Сейфи, написанном в 1582 г., сообщается, что киргизы своих беков называют титулом *«кашка»*. Однако в других источниках, составленных в XVI и последующих столетиях, нет никаких известий относительно употребления киргизами термина «кашка» в значении бек или бий. Этот титул тюркского происхождения, по-видимому, еще в конце XVI в. был окончательно заменен титулом *«бий»* и сохранился только в произведениях устного народного творчества в значении «предводитель», «военачальник».

Баи составляли основу класса феодалов и, несомненно, играли заметную роль в общественно-политической жизни киргизов, однако, они не обладали определенными полномочиями власти даже внутри своего рода. При решении какого-либо вопроса некоторые из них выступали только как советники бия. В народе баев делили на несколько групп по степени их богатства, придавая каждой из них свой эпитет. Крупных богачей, владельцев огромного количества скота называли *чоң бай* (большой бай); *ордолуу бай* — так именовали богача, чья стоянка находилась неподалеку от ставки правителя — бия, на которого он оказывал определенное влияние.

Батыр — выделявшаяся по своим качествам между своими сородичами личность. В военных условиях или во время набегов он командовал дружиной. Обычно свою деятельность батыр начинал с угона чужого скота. Постепенно батыры сколачивали большое богатство, а иногда им удавалось узурпировать власть правителя родоплеменного объединения.

О положении рядовых скотоводов источники того времени ничего не сообщают. Только по данным этнографии, языка и сравнительно поздних источников можно судить о положении бедняков в рассматриваемый период.

Основную часть зависимого населения киргизского общества составляли *чарбадары* — владельцы сравнительно небольшого количества скота.

Бедняки, не имевшие своего скота *(кедей)*, являлись наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества. Их использовали в качестве пастухов овец и коров *(койчу, уйчу)*, табунщиков *(жылкычы)* и поденщиков *(жалчы)*.

Феодалы использовали различные формы эксплуатации бедняков, прикрываемые патриархально-родовой оболочкой «помощи» обедневшим скотоводам. Так, за предоставление во временное пользование небольшого количества коров и овец нуждающимся сородичам — беднякам (с правом последних использовать по своему усмотрению молоко и шерсть скота) феодалы обязывали их выполнять в своем хозяйстве определенную работу: ухаживать за скотом, обслуживать земледельческое хозяйство и т. д. Баи предоставляли беднякам также вьючный скот для перекочевки и рабочий скот для обработки полей на условиях отработочной ренты.

Другой вид отработочной ренты, также широко используемый феодалами, позволял им эксплуатировать и чарбадаров — скотоводов-середняков. Его суть заключалась в том, что феодалы, пользуясь правом распоряжаться общинными землями, как бы сдавали в аренду чарбадарам пастбищные угодья. Чарбадары за предоставленное им право пасти свой скот на пастбищах, фактически находящихся в распоряжении феодалов, были обязаны присматривать и за их скотом. Как показали новейшие исследования, проведенные среди киргизов афганского Памира, у которых до Апрельской революции 1978 г. без особых изменений сохранились патриархально-феодальные отношения, здесь также широко практиковалась точно такая же форма эксплуатации чарбадаров богатыми[32].

Таким образом, отработочная рента служила основной формой эксплуатации бедняков и скотоводов-середняков феодальной верхушкой киргизского общества в эпоху позднего средневековья. Широко была распространена натуральная рента в виде поборов скотом или продуктами. Она была тяжелым бременем, в основном для чарбадаров, которые обязаны были покрывать всякие расходы, произведенные биями на прием гостей, пиры, праздники и т. д.

Самую бесправную прослойку киргизского общества этого периода составляли рабы *(кул)*. По сообщению Мирхал ад-дина Яркенди, один из крупных киргизских феодалов Худайберды-бий имел множество рабов и служанок *(гуламан ва канизакан)*. Прослойка рабов пополнялась из числа военнопленных, преступников, а также попавших в долговую кабалу бедняков. Они не считались членами «родовой» общины, хотя их потомки допускались в данную общину, но с ограниченными правами. Феодалы — владельцы рабов, распоряжались ими как своей собственностью. Рабов включали в состав калыма и приданого, выставляли их в качестве призов на скачках, ими выплачивали выкуп за кровь *(кун)*

и т. п. Несмотря на одинаковое положение всех рабов в киргизском обществе, их различали по признаку происхождения. Детей, рожденных от раба и рабыни, называли *боору такыр кул*, т. е. раб по происхождению. *Жумшатылып келген кул* — так называли раба, данного в личное услужение дочери феодала, при выдаче ее замуж. Раб, данный в качестве приданого, назывался *калыңга келген кул*, а раб, полученный в виде приза на скачках,— *байгеге сайылып келген кул*. Военнопленные, обращенные в рабство, именовались *олжо кул*, купленный раб — *кулак кул*. Бедный родственник феодала, находящийся в полной зависимости от него, также причислялся к категории рабов и назывался *кирме кул*, а бедняк, не являвшийся родственником феодала, который имел право от него уйти,— *бакма кул*. *Дене кул* — так назывался пожизненный раб[33].

Таким образом, эксплуатация рабов продолжала играть определенную роль в жизни феодального общества Киргизстана этого периода.

Резкий контраст в имущественном положении трудящихся скотоводов и феодальной знати наглядно виден из описания одежды киргизов, зафиксированного в источнике, относящегося к середине XVIII в.: бии, баи и их жены одевались в дорогие парчевые, шелковые одежды с золотыми украшениями, бедняки же носили одежду из грубой ткани и сапоги из сыромятной кожи и находились в полной экономической зависимости от своих хозяев. Бесправны они были и в политическом отношении. В 30-х годах XVII в., когда предводители киргизских племен кыпчак и чонбагыш получили в управление город Янги-Хисар и прилегавшие округа, всех своих подвластных сородичей они переселили в этот район, где в последующем в результате междоусобных интриг киргизских и могольских феодалов было уничтожено 10 тыс. ни в чем неповинных киргизов.

Все это позволяет сказать, что охарактеризованные выше политические отношения в киргизском обществе в XVI — первой половине XVIII в. по своей сущности были отношениями между господствующим классом феодалов и эксплуатируемыми массами, зависимыми от них.

Рассматриваемый период истории киргизского народа был заполнен событиями, во многих отношениях связанными с феодальными междоусобными войнами, и постоянной упорной борьбой против иноземных захватчиков за свою независимость. Естественно, и в военной системе киргизов также нашли отражение многие стороны политического строя, экономических и социальных отношений общества.

Источники отмечают существование у киргизов определенной системы формирования войска, а также своеобразной тактики ведения боя. «Каждый раз, как неприятель вторгается в (их) границы и готовится сражаться, тотчас собирают соплеменников и назначают предводителей. Он-баши (десятский) — глава десяти

человек, жуз-баши (сотник) — глава сотни человек, минбек (тысячник) — глава тысячи человек. Один тысячник командует десятью сотниками, один сотник руководит десятью десятниками, один десятник командует десятью подчиненными»[34].

По эпосу «Манас» киргизское войско организовывалось по принципу родоплеменного деления, а распределялось по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч (туменам).

Немаловажный интерес представляет сообщение источников о военных чинах и об их функциях. Так, в одном из них говорится: «Их метод расстановки войска примерно следующий: ведающий боевым порядком кара — дугуань выстраивает войско и слушает приказы полководца. Что касается заготовки провианта и фуража, то этим делом ведает шан-бек. Надзор за беглыми и праздно живущими, распускающими злостные слухи и затевающими беспорядки, осуществляют кара-казы, бача-шабу. В ведении полководца — позиция войска и отдача приказа в важных случаях. Обязанность сопи слушать его распоряжения и передавать приказы. Сопи — это то же, что у уйгуров чин шивея (офицер). Такова основа их (киргизов) расстановки войска»[35].

Термины, упомянутые в источнике, находят соответствие и в современном киргизском языке. Так, *дугуань* — это *туйгун*, слово, которое до сих пор употребляется как положительный эпитет богатыря, молодца. Оно зафиксировано уже в древнетюркских рунических надписях в сочетании «туйгун элтебер» и означало высокое достоинство личности[36].

В современном киргизском языке слово *шаң* означает величие, важность. В ярлыках Тохтамыша встречается титул «шанлыг киши» в значении чиновник[37].

Казы — от арабского *казий* (судья, который руководствовался шариатом — мусульманским правом). Именно в этом значении сохранилось слово казы в киргизском языке[38].

Бача в киргизском языке встречается в сочетании *молдо бача* в смысле ученик медресе и начальной школы. Слово *шабу (шабы)* в киргизском языке не сохранилось, очевидно, оно было заимствовано у уйгуров. В уйгурском языке *шабы* означает ученик, словосочетание *бача-шабу* подразумевает помощника и ученика казы[39].

Термин *сопи* происходит от арабского слова *суфий*, в киргизский язык вошел в форме *сопу* и означает набожного, смиренного человека. Памирские киргизы употребляют слово *супе* в значении — человек, пользующийся авторитетом и имеющий власть в своей среде[40].

Судя по сообщениям источников, тактика ведения боя киргизского войска была построена таким образом, чтобы максимально использовать преимущества характерной для территории Киргизстана горной местности. В сочинении турецкого автора Сейфи о военной тактике киргизов говорится следующее: «Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют

свои семьи в глубь гор, а сами занимают проходы, чтобы никто не прошел... Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов»[41]. Это сообщение Сейфи подтверждается сведениями китайского источника «Сиюй чжи»: «Посадят в засаду людей в удобном месте и посылают понемногу солдат на перехват... Или же заманивают в узкую горную долину, а как только враг пройдет, атакуют наподобие облавной охоты».

Таким образом, во время боя киргизы широко использовали методы ведения облавной охоты, которая, как известно, еще во времена Чингиз-хана была не только забавой и источником продовольствия, но и имела значение маневров для войска.

Преобладающими видами вооружения киргизского войска были *найза* — длинная деревянная пика с острым металлическим наконечником и *айбалта* — боевой топор типа секиры, а также луки, сабли и огнестрельные ружья.

Насколько позволяют судить материалы эпоса «Манас» и отложившиеся в киргизском языке военные термины, в походе соблюдался строгий порядок. Впереди главных сил шла сторожевая охрана *(кароол)*, которая одновременно выполняла функцию авангарда. Исключительно важное значение придавалось разведке *(чалгын)*. В группу разведки отбирались наиболее храбрые, бесстрашные воины. Немаловажную роль играли также проводники *(жолбашчы)*, которые определяли пути движения и места стоянок войск. Походную колонну замыкал арьергард *(оорук)*, где, кроме обоза, находились больные и слуги. В оборонительном бою важная роль отводилась организации засады *(буктурма)*, что подтверждают письменные источники.

Боевой строй киргизского войска предполагал расположение воинов на правом и левом флангах. Такое деление было связано с подразделением киргизских родоплеменных объединений на два «крыла» и соответствовало политической структуре общества.

Хозяйство

Ведущей отраслью хозяйства киргизских племен в XVI—XVIII вв., как и прежде, являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Оно носило экстенсивный характер и полностью зависело от капризов природы.

В большом количестве разводили приспособленных к географическим условиям Киргизии животных — лошадей, яков, курдючных овец, коз, верблюдов и крупный рогатый скот, причем, преобладающее значение имело коневодство. Это объяснялось тем, что в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства содержание лошадей не требовало больших затрат: весной, летом и осенью их выпасали на пастбищах, а зимой они сравнительно легко добывали корм из-под снега.

Без коня трудно представить себе кочевника-скотовода как в повседневной жизни, так и в условиях военного времени. Лошади являлись средством передвижения: на них ездили верхом, их использовали под вьюком, запрягали в волокуши. Конина шла в пищу (ею угощали самых почетных гостей), из кобыльего

молока готовили вкусный и питательный напиток кумыс. Из конского волоса плели веревки, а из выделанных шкур шили обувь, сбрую, изготавливали различные сосуды для хранения кумыса и других молочных продуктов. «Повседневным средством их (киргизов) существования,— пишет историк XVII в. Махмуд ибн Вали,— как в еде, так и одежде являются лошади и овцы, особенно конина и конское молоко, называемое кумыс, (также) шерсть и кожа этих животных»[42].

При неразвитости товарно-денежных отношений коневодство имело и большое экономическое значение. Лошадь играла роль товарного эквивалента (брачный выкуп — *калың*, единица всевозможных выплат и штрафов — *кун*).

Лошади являлись признаком состоятельности. Обладание многочисленными табунами различных мастей создавало высокий авторитет владельцу. Угон лошадей нередко служил поводом межплеменных раздоров и военных столкновений между киргизскими и калмакскими феодалами.

Овцеводство давало кочевникам мясо, молоко, шерсть и кожу. Из шерсти и кожи овец киргизы производили многие предметы первой необходимости и домашнего обихода. Овечье молоко шло на приготовление основных молочных продуктов — *джурат, быштак, эжигей, сүзмө, курут, каймак*. Богатые киргизские феодалы владели большим количеством овец, численность которых доходила до 3000.

В высокогорных районах Памира, Алая и Тянь-Шаня разводили яков. Это очень выносливое и неприхотливое животное использовалось киргизами как вьючная сила в труднодоступных горных местностях. Кроме того, яки давали молоко, мясо, шерсть и добротную кожу. В силу хорошей приспособленности к горным условиям в отдельных районах яки постепенно вытеснили крупный рогатый скот. В таких высокогорных районах, как Алай и Бадахшан, киргизы использовали яков в военных походах[43].

Немаловажную роль в хозяйственной деятельности киргизов играла охота, которая в основном имела промысловое значение. Для представителей феодальной знати она была развлечением (особенно охота с соколами и ястребами на пернатую дичь), для бедняков же она нередко являлась единственным средством к существованию. У киргизов были распространены обряд посвящения в охотники и заговоры при охоте на различные виды зверей, на дичь.

Несмотря на то, что основная часть земельных угодий Киргизии использовалась под пастбища, в XVI—XVIII вв. киргизские племена наряду со скотоводством занимались и земледелием. Население Киргизстана издревле выращивало различные виды зерновых культур. В источниках, относящихся ко второй половине XVIII — началу XIX в., приводятся конкретные факты об обработке земли киргизами. По данным китайского источника, составленного около 1763—1770 гг., почти все киргизские племена

сочетали скотоводческое хозяйство с земледелием. Обрабатывали землю даже в таких высокогорных долинах, как Ат-Баши, Нарын, Сусамыр. Только в Алайской долине из-за сурового климата было трудно заниматься земледелием, к тому же, здесь было мало пригодных для возделывания земельных участков. Поэтому алайские киргизы (представители племен тоолес, кыпчак, азык, бостон, мундус, багыш, найман, басыз и др.) в большей степени нуждались в продукции оседло-земледельческого хозяйства Ферганской долины. Эти данные о земледелии киргизов подтверждаются также сведениями русских источников. Согласно сообщениям капитана Андреева, киргизские племена имели «довольно изобильное хлебопашество», особенно в Прииссыккулье. Это отмечается также в путевых записках лекаря Зибберштейна, относящихся к 1825 г. «Во всю дорогу нашу,— пишет он,— я нигде не видывал такого изобилия в хлебе, как здесь: пшеница, ярица, овес, горох и другие растения имеют тут самое цветущее состояние»[44].

Пришедшие в запустение в период монголо-татарского нашествия предгорные плодородные земли Чуйской, Таласской и Иссык-Кульской долин постепенно были возрождены полукочевым киргизским населением. Многоводные горные реки Киргизстана позволяли вести повсеместно поливное земледелие. Посевные площади орошались даже в высокогорных районах Алая и Каратегина[45].

Особенно было развито земледелие в предгорных районах Ферганы. Тесные контакты с узбекскими и таджикскими земледельцами способствовали усовершенствованию орудий труда и ирригационных каналов. В отдельных южных районах киргизы сооружали крупные ирригационные системы.

Таким образом, развитие земледелия в Киргизстане в этот период позволяло удовлетворять основные запросы местного населения в зерне. Хлеб ввозился из Ферганы только в высокогорные районы Бадахшана и Алая, где было очень мало земельных участков, пригодных для возделывания зерновых культур.

В северных районах обработкой земли занимались и скотоводы, т. е. разделения труда между земледельцами и скотоводами еще не произошло, хотя так называемая категория бедняков *жатакчы*[46] уже представляла собой прослойку, специально занимавшуюся земледелием. В южных районах, особенно в предгорной зоне Ферганской долины, под влиянием узбеков и таджиков разделение труда было более заметным, и кочевники-скотоводы постоянно получали у земледельцев и ремесленников хлеб, ткани, другие предметы быта, поставляя взамен скот, кожу, шерсть и т. д.

Несмотря на определенный подъем развития земледелия, сельскохозяйственная техника оставалась примитивной. Главным орудием для вспашки полей была деревянная соха — *буурсун*, с металлическим наконечником. Ею пользовались древние земледельцы Чуйской долины еще в VIII в. н. э. Широко использовались

в Средней Азии кетмень и серп. Обмолот зерна производился с помощью лошадей и волов. Зерно мололи вручную каменными жерновами, однако в XVIII в. в Киргизстане появились и водяные мельницы.

В хозяйстве киргизов, которое носило преимущественно натуральный характер, значительную роль играло домашнее производство необходимых в повседневной жизни предметов. Почти каждая семья сама производила одежду, пряжу, холсты, войлоки и кошмы, деревянные и войлочные части юрты. Киргизские кошмы пользовались большим спросом на рынках Средней Азии и Восточного Туркестана[47]. Изготовлением войлочных изделий, выделкой шкур, рукоделием, шитьем одежды и ткачеством занимались женщины. Столярные, кузнечные, сапожные и ювелирные изделия изготовляли мужчины.

Потребность местного домашнего ремесла в железе удовлетворялась кустарным горнорудным промыслом, которым занималось население Иссык-Кульской долины. Здесь производилась выплавка железа из руды, добываемой на побережье озера. Технология добычи железа была примитивной. Для выплавки его использовался выбрасываемый из озера песок[48]. Как известно, песок оз. Иссык-Куль содержит магнетит, который являлся основным материалом для получения железа. Особенно в большом количестве встречаются магнетитовые минералы на участке Корумды — Тору-Айгыр[49].

Несмотря на то, что ремесло в киргизском обществе в целом еще не выделилось из сельского хозяйства, существовала профессиональная специализация в металлургии, обработке металла и дерева, производстве войлока.

В ремесленном производстве киргизов не существовали характерные для оседлых районов Средней Азии общины ремесленников, регламентировавшие установленные формы производства и взаимоотношения в процессе труда. Здесь господствовала семейная форма организации хозяйства, хотя немалая часть продукции также предназначалась для внутреннего и внешнего рынков. Очевидно, этим обстоятельством объясняется тот факт, что на территории Северного Киргизстана в рассматриваемый период не было крупных городов и оседлых поселений, игравших роль ремесленных центров. По сообщениям автора XVII в. Махмуда ибн Вали, некогда цветущие города Баласагун и Тараз находились в запущенном состоянии. Отдельные укрепления возводились только в военных целях.

Сравнительно развито было ремесло в южных районах Киргизстана, расположенных по соседству с многолюдными ферганскими городами, где получило широкое распространение текстильное производство. Причем изготовлением пряжи из хлопка и другими видами ремесленного производства занималось не только оседлое население, но и полукочевое.

Вместе с тем следует отметить, что оседлые поселения и отдельные города Южной Киргизии рассматриваемого периода в экономическом отношении оставались еще слаборазвитыми по сравнению с соседними городами и поселениями Узбекистана. Стабильному развитию оседлой и городской жизни мешали прежде всего непрекращавшиеся внутренние междоусобицы и разорительные феодальные войны, сопровождавшиеся грабежом мирных жителей[50].

Торговля

В XVI—XVIII вв. товарно-денежные отношения в Киргизии были развиты слабо. Торговля на внешних рынках и с приезжими купцами в основном носила меновой характер. Местные феодалы через своих доверенных лиц поставляли на рынки Ферганской долины и Кашгарии продукты скотоводства, охоты, а также различные ремесленные изделия в обмен на продукцию оседло-земледельческого хозяйства. А купцы из городов Средней Азии и Восточного Туркестана вели оживленную меновую торговлю в кочевьях киргизских племен.

Судя по топонимам (*Базар-Коргон, Базар-Турук* и т. д.), которые содержат в себе определенную информацию, можно предположить, что на территории Киргизстана существовали временные и постоянные пункты торговли, игравшие роль рынков.

Характеризуя киргизские товары, Махмуд ибн Вали называл среди них мех черной лисицы, кошмы, овец, белого сокола, ястреба, тогрела и кречета. Он отмечает, что кашгарские купцы в свою очередь вывозили на рынки других стран киргизских лошадей и яков, а также невольников.

Как отмечает Г. Ф. Миллер, среди рядовых скотоводов киргизских и калмакских племен большим спросом пользовались хлопчатобумажные ткани производства городов Восточного Туркестана, так как они были более прочными и относительно дешевыми[51]. Кроме хлопчатобумажных тканей, в Киргизстан ввозились чай, сахар, соль, хлеб, рис, металлические изделия, оружие, а также предметы роскоши: шелковые ткани, золотые и серебряные украшения, фарфоро-фаянсовая посуда. Приобретались они главным образом представителями феодальной знати. В одном из источников того времени читаем: «Вожди (киргизов) одежду носят из парчи с длинными изогнутыми воротниками. Талию опоясывают красным шелковым шнуром, обувь из красной кожи. Жены старшин заплетают волосы в две косы, в ушах носят серьги из жемчуга, а на пальцах — кольца»[52].

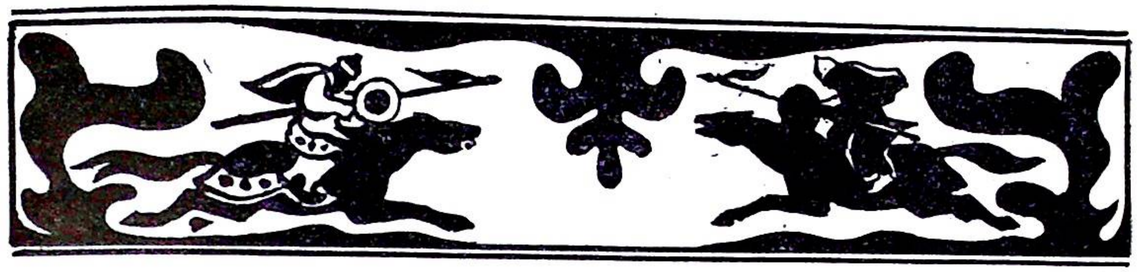
Нередко киргизские феодалы с целью наживы грабили торговые караваны, проходившие по территории Киргизстана. Развитию мирных торговых связей киргизов с другими народами мешали и феодальные войны между киргизскими, могольскими и калмакскими феодалами. Во время военных действий движение торговых караванов полностью прекращалось. По свидетельству английского путешественника А. Дженкинсона, который посетил

Среднюю Азию в 1558 г., караванный путь между Китаем и Бухарой был закрыт в течение трех лет из-за непрерывных войн киргизов с моголами[53].

В XVIII в. усиливается ввоз товара из Китая и России. Киргизы, как и другие народы Средней Азии, были заинтересованы в развитии торговых связей с Россией и Китаем. Но, как свидетельствуют многочисленные факты, Цинская империя придерживалась в основном изоляционистской политики, рассматривая позволение торговать с ней как милость по отношению к соседям. Торговлю с другими народами, в том числе с киргизами, цинское правительство старалось использовать как орудие нажима для достижения политических целей. Хотя Цинская империя во второй половине XVIII в. претендовала на господство над частью киргизских племен, однако «их торговцев (киргизов) облагали пошлиной в размере одной трети», т. е. обычной таможенной пошлиной, как всех иностранцев, а не подданных «своего» государства. Цинские таможенные законы регламентировали положение Киргизстана как отдельной страны, не входившей в состав империи. Вывоз киргизами из Китая некоторых товаров, в частности изделий из железа и стали, был запрещен.

Начиная с середины XVIII в., через Казахстан и Среднюю Азию в Киргизию стали поступать во все возрастающем масштабе русские товары, расширяются торгово-экономические связи Киргизии с народами Средней Азии, Восточного Туркестана и Казахстана. Киргизы покровительствовали торговым караванам России. Обеспечивая их безопасность, они препровождали их в города Восточного Туркестана и обратно, за что получали вознаграждение со стороны русских властей Западной Сибири. Об этом свидетельствует письмо киргизских биев Качибека, Аджибая, Мусаходжо и Юнуса генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу от 9 апреля 1827 г., в котором, обращаясь с просьбой о вознаграждении, они пишут: «Мы в киргизских юртах еще со времен наших предков (ата-бабаларымыздын заманунан бери) занимались препровождением караванов (России), идущих из Кашгара и Аксу в разные стороны»[54].

Таким образом, отдельные северокиргизские племена, через территорию которых проходил транзитный торговый путь, уже давно взяли под свою ответственность обеспечение безопасности русских караванов. Поэтому есть основания считать, что корни взаимовыгодных экономических контактов Киргизстана с России были заложены по крайней мере еще в середине XVIII в.



Глава X

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИРГИЗОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX В.

1. Разгром Джунгарского ханства и завоевание Восточного Туркестана войсками Цинской империи. Установление связей киргизов с Россией

Борьба киргизов за независимость в середине XVIII в.

Восемнадцатое столетие в истории киргизского народа характеризуется установлением тесных контактов с народами Ферганы, возрастанием его роли в политической жизни Кокандского и Бухарского ханств, а также Восточного Туркестана, установлением связей с Россией. В это время происходит активная борьба киргизского народа сначала против Джунгарского ханства, а затем против захватнической политики Цинов.

Джунгарское ханство играло в свое время большую роль в международных отношениях Средней и Центральной Азии. Экспансионистская политика джунгарских феодалов отрицательно сказалась на историческом развитии киргизов в XVII — середине XVIII в. Временно оттесненные со своих северных кочевий в Фергану, они не прекратили борьбы и не порвали связей с оставшимися в Семиречье и в Восточном Туркестане отдельными племенами. Поэтому организацию совместного кокандско-киргизского отпора джунгарским феодалам в Фергане в середине XVIII в. можно расценивать как крупный политический успех киргизов и Коканда, приведший к сохранению независимости этого района Средней Азии. Именно в связи с непрекращавшейся борьбой киргизского народа против ойратов китайские источники, относящиеся к 1778 г., отмечали: «Бурут есть название кочевого народа, обитавшего между Аньцзичжаном (Андижаном) и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются би(й)... Каждый би(й) владеет своею землею, имеет своих подданных. Они все равносильны и не зависят друг от друга... Даже чжуньгары во время своего могущества не могли покорить их под свою власть»[1].

Киргизы в середине XVIII столетия сумели одержать ряд довольно внушительных побед над могущественным в то время

Джунгарским ханством. Власть в Восточном Туркестане в тот период принадлежала представителям местной духовной аристократии, между которыми шла борьба так называемых партий «черногорских» и «белогорских» ходжей. Влиятельным военачальником, принявшим участие в распрях ходжей, был феодал из племени кушчу Кубат-бий, которого известный востоковед П. П. Иванов назвал «одним из выдающихся киргизских политических деятелей второй половины XVIII в.»[2].

Во время очередных междоусобиц за власть в Восточном Туркестане, когда ходжи убили одного из кашгарских правителей Икэ-ходжу, его сын нашел убежище у киргизов Тянь-Шаня, которые отказались выдать его даже под нажимом восточнотуркестанских властей.

История взаимоотношений киргизов с узбекским и другими соседними народами в середине XVIII в. показывает, что в это время они были разобщены и лишь изредка объединялись против общего врага. Как подчеркивалось в среднеазиатских источниках того времени, Кубат-бий был вполне самостоятельным правителем, и в зависимости от ситуации, по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем или другим из правителей, войти в союз или разорвать его[3].

В конце 50-х годов XVIII столетия Джунгарское ханство и Восточный Туркестан становятся объектом агрессии цинского Китая. В результате разгрома Джунгарского ханства ойратское население было почти полностью истреблено. Посетивший Восточный Туркестан столетие спустя А. Н. Куропаткин писал: «Китайцы, вероятно, считали свою власть мало упроченною в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же, 1758 году, пользуясь незначительными частными восстаниями, богдыхан выслал три армии под началом Чжао Хоя и Фу Дэ с приказанием искоренить джунгаров. Началось страшное избиение калмаков без разбора возраста и пола. Около 1 000 000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... жители этой некогда богатой страны были истреблены»[4]. Тот факт, что «победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгара», признают и сами китайские историки[5]. От ойратского населения уцелела лишь незначительная часть — около 20%[6]. Их спасло бегство в Россию. Несколько тысяч ойратов осело в Фергане и в Киргизии. Они ассимилировались местными жителями, сохранив лишь родоплеменное название *калмак*. Так в Киргизии появилось новое племя *сарт-калмак*. Несмотря на грабительскую политику джунгарских феодалов, киргизский и узбекский народы приютили ойратских беженцев, оказывали им посильную помощь. Цины стремились также к захвату соседних с Джунгарией районов, установлению над ними политического господства. В 1758 г. отряды цинского генерала Чжао Хоя, преследуя ойратских предводителей Буку Чагана и Хазык Шары (Казак Сары), преодолев перевал Санташ, вторглись в кочевья киргизов на Иссык-Куле.

Помимо преследования ойратских беженцев, Чжао Хою было поручено добиться покорности киргизов. Он и его офицеры побывали в кочевьях киргизских племен в Тогуз-Торо, Таласе и Джумгале, объявляя правительственный манифест императора Хунли: «...Ныне джунгары полностью покорены и ваши земли стали смежны с нашей границей. Если вы... тяготея к (нашей) цивилизации, приедете, чтобы подчиниться, я позволю вам жить по-прежнему, не менять одежду, не буду назначать чиновничьи ранги и не буду взыскивать налоги. Однако, если пришлете посланника с просьбой, то я увеличу милости и награды. Ваши иноземные обычаи отличаются от обычаев Срединного государства, поэтому, вероятно, не хотите перейти на нашу сторону и подчиниться, это ваше дело. Но следует обуздать подвластные (вам) племена, чтобы всегда держались границ...»[7].

Приведенный манифест свидетельствует, что Цины претендовали в это время хотя бы на формальное подчинение киргизов, поскольку на первом месте стоял вопрос обеспечения спокойствия на новых границах.

Совместная борьба народов Средней Азии и Казахстана против экспансии цинского Китая

В 1644 г. власть в Китае установила маньчжурская династия, и Китай стал именоваться империей Цин. Цинская империя стремилась навязать киргизам свои принципы взаимоотношений, исключавшие равенство сторон. Выступая в качестве верховного повелителя, император добивался от киргизов признания «подчиненного» положения, однако не претендовал на право вмешиваться в их внутреннюю жизнь и изменять административное устройство. Требуя от киргизских племен «строгого соблюдения границ», цинское правительство не считало территорию, занимаемую киргизами, составной частью своей империи.

Позиция киргизских биев была важна для цинского командования, поскольку отряды Чжао Хоя должны были пройти в пределы Восточного Туркестана через киргизские кочевья и, естественно, оно опасалось противодействия киргизов. Фактически отряды Чжао Хоя совершили вторжение на киргизскую территорию, где кочевало неподвластное империи Цин население. Объектом насилия стали племена саяк и сарыбагыш. Бии этих племен заняли выжидательную позицию: не перечили цинским военачальникам, но и ничего не предпринимали для оказания помощи отрядам Чжао Хоя, направлявшимся в Восточный Туркестан. После их ухода в кочевьях саяк и сарыбагыш все осталось по-прежнему. Маньчжуро-китайские войска здесь не задержались. Однако их временного пребывания было достаточно, чтобы в официальных китайских источниках появилось тенденциозное утверждение, будто некоторые киргизские бии «выразили согласие покориться (Китаю)»[8].

Указание на то, что якобы казахи, киргизы и другие народы Средней Азии «подчинились» богдыхану, содержится и в некоторых других китайских источниках. Однако это тенденциозное утверждение не подтверждается исторически. Разрозненные киргизские племена независимо кочевали на обширных территориях. Отдельные роды, с которыми столкнулись маньчжуро-китайские отряды, не принимали вассальных обязательств, не выплачивали никаких податей маньчжурскому двору, т. е. продолжали сохранять самостоятельность. Вместе с тем нельзя не принять во внимание тот факт, что Цины придавали большое значение внешним формам, символизирующим «зависимость», особенно церемонии приема послов. Не преминул потребовать приезда в Пекин послов саяков и сарыбагышей и Чжао Хой. Они прибыли туда в сопровождении отряда под командованием цинских офицеров Толуньтая и Урдэна. Послы были приняты императором и присутствовали на церемониях, совершенно для них непривычных. Пышно принимая киргизских послов, цинские власти заботились главным образом о соблюдении престижа богдыхана, поддержании официальной догмы и одностороннем утверждении своего иллюзорного превосходства, что и стремились зафиксировать в хрониках придворные летописцы. А киргизские племена в это время заняли прежде принадлежавшие им земли, и пограничная линия обозначилась южнее Иссык-Куля по высокогорным хребтам Тянь-Шаня. Посольская миссия в Пекин оказалась чисто формальной.

На завоевание Восточного Туркестана цинское командование направило крупные силы. В августе 1758 г. после двухмесячной осады был взят г. Куча. Более тысячи повстанцев и местных жителей были казнены. Осенью 1759 г. (по некоторым источникам, в 1760 г.) после упорной двухлетней борьбы с маньчжурами, феодально-теократические правители Восточного Туркестана Бурхан ад-дин и Хан-Ходжа бежали в Среднюю Азию, где были убиты. Бегство и преследование Бурхан ад-дина и Хан-Ходжи завоеватели стремились использовать для того, чтобы попытаться пройти через киргизские кочевья к границам Коканда и других среднеазиатских владений. Но здесь им оказали серьезное сопротивление узбеки, поддержанные киргизами. Произошло довольно крупное сражение. Оно закончилось поражением цинских войск. «Узбяки, собравшись обще с киргизами или называемыми бурутами, ис того китайского войска побили тысяч до семи»[9]. Новых попыток вторжения в Среднюю Азию цинские власти не предпринимали, и маньчжуро-китайские войска остановились на северо-западной границе Восточного Туркестана.

Период борьбы киргизского народа с маньчжуро-китайскими захватчиками нашел отражение в героическом эпосе «Манас». В эпизоде «Поход на Бейджин» звучат страстные призывы к единению киргизских племен в войне против внешнего врага — калмаков и Китая, отстаиванию киргизским народом своей независимости[10]. Победы над маньчжуро-китайскими отрядами, которые появлялись в киргизских кочевьях, трансформировались в народном эпосе в победу над мощным врагом, которую народ связывал с любимым героем эпоса — Манасом.

Киргизы и народы Восточного Туркестана в борьбе против Цинов

После завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана цинское правительство создало имперское наместничество Синьцзян, в переводе — «Новая граница».

В середине 1760 г. маньчжурским властям стало известно, что тысяча с лишним киргизских семей перекочевала из Восточного Туркестана в Ат-Баши. Киргизы привлекали внимание цинского императора Хунли и по той причине, что они предоставляли убежище повстанцам-уйгурам из Восточного Туркестана. Хунли распорядился передать киргизам, чтобы те сами выдали беглецов, а за укрывательство грозил вторжением в их кочевья. Практика «инспекционных» объездов границ киргизских кочевий являлась ничем иным, как попыткой цинских властей установить контроль за местами расселения киргизов. Фактически же это было вторжение на киргизскую территорию, не подвластную Цинской империи.

Большая часть киргизских племен занимала нынешнюю территорию Киргизии, а отдельные племена правого «крыла» кочевали в западных районах Восточного Туркестана за пределами караулов, которые были учреждены Цинами на завоеванных территориях. На землях, занимаемых киргизами, никогда не было китайских караулов, киргизы не несли никаких повинностей и не выплачивали податей маньчжурскому двору. Цинское правительство не считало территорию киргизов составной частью своей империи, однако граница их кочевий являлась причиной постоянных конфликтов маньчжуро-китайских властей с киргизами (как и с казахами), которые передвигались по своим привычным маршрутам. Цинские военные отряды во время набегов захватывали скот и имущество казахов и киргизов, уводили в плен людей. В ответ население Казахстана и Киргизии оказывало упорное сопротивление войскам цинского Китая.

Военно-колониальное господство Цинской империи, установленное в Джунгарии и Восточном Туркестане, имело отрицательные последствия для уйгуров, казахов, киргизов и других народов этого края, что обусловливалось отсталым социально-экономическим строем самого Китая. Здесь процветали средневековые формы эксплуатации трудящихся масс, дополняемые жестоким национальным гнетом.

На завоеванных землях Джунгарии и Восточного Туркестана Цины сосредоточили значительные силы. Воинские гарнизоны размещались в городах, расположенных вдоль главных торговых путей, идущих в Восточный Туркестан, устанавливались постоянные и передвижные посты, так называемые караулы (*калуни*). Дислокация войск была вызвана необходимостью контроля над

завоеванной территорией, надзора за населением и внешними связями. Система караулов и военных поселений, созданная Цинами на завоеванных территориях Джунгарии и Восточного Туркестана, стала оплотом империи против национально-освободительного движения народов этого района.

Торговые связи киргизского и местного уйгурского населения, особенно обмен оружием, вызывали беспокойство империи: «Буруты (киргизы) на смежной с уйгурами территории обмениваются оружием... Поскольку покупают оружие, значит, могут создать конфликт», — читаем в одном из источников. И далее: «буруты покупают в уйгурских городах оружие. Следует приказать каждому хакиму в каждом карауле в пропуск вписывать список (товаров). Если в частном торговом обмене приобретут чрезмерно много, то задержать»[11].

Заинтересованные в поддержке со стороны кочевых и полукочевых народов маньчжуро-китайские феодалы стремились привлечь на свою сторону родоплеменную верхушку киргизов и казахов. По мере укрепления своего положения в кочевьях они стали вести себя более бесцеремонно: старались изгнать казахов и киргизов из Северной Джунгарии и вообще оттеснить их подальше от границ Синьцзяна. Для этого в некоторых пограничных с Синьцзяном районах Киргизии, Казахстана и Сибири были созданы передвижные временные пикеты.

Свои взаимоотношения с кочевым и полукочевым населением Синьцзяна цинское правительство на первых порах было вынуждено строить на несколько иной основе, чем с уйгурами. Родоплеменная верхушка вначале была освобождена от уплаты податей. Китайские источники изобилуют сообщениями о различных наградах (чиновничьи звания со знаками отличия, одаривание шелком, чаем и т. д.), пожалованных некоторым киргизским биям и казахским султанам и старшинам. Если же дипломатия не достигала цели, в ход пускались угрозы и военная сила.

Киргизы, узбеки и другие народы Средней Азии поддерживали антицинские выступления трудящегося населения Восточного Туркестана против жестокого иноземного гнета. Маньчжуро-китайские власти пребывали в Синьцзяне, как в осажденной крепости. Чтобы не допустить участия киргизов в антиманьчжурской борьбе, Цины использовали как подкупы, так и угрозы, стараясь заручиться поддержкой феодалов.

Одновременно маньчжуро-китайские власти проводили политику жестокого подавления сопротивления уйгурского и других народов. Несмотря на предпринимаемые меры со стороны властей, антицинские движения не ослабевали и перерастали в крупные восстания. Примером может служить антиманьчжурское выступление уйгурского населения в Кашгарском округе, вспыхнувшее в 1760 г. Подобное восстание произошло и в Уч-Турфане в 1765 г. Поднятое горожанами во главе с хаким-беком Рахматуллой, оно

длилось свыше полугода, слух о нем распространился далеко за пределы Восточного Туркестана.

В 1814 и 1816 гг. жители Кашгарского округа, доведенные до отчаяния грабительскими поборами маньчжурских наместников, дважды поднимали восстание в Ташмалыке под руководством киргиза Турдымамата и уйгура Зияветдина. В них участвовали синьцзянские киргизы во главе с Шергазы из племени жамантеит, Жукасандыком из кыпчаков, Байболотом из чонбагышей.

После поражения восстания многие киргизы бежали на Тянь-Шань. В отместку цинские отряды совершали карательные набеги на киргизские кочевья, разоряли аилы. Репрессии маньчжуров побуждали киргизов к борьбе. Цинская хроника тех времен отмечала: «... Совершенно невозможно покорить сердца бурутов, необходимо быть готовым к умиротворению»[12]. Бий Суранчи из деревни Артуш Кашгарского округа был одним из главных организаторов борьбы против Цинской империи.

В 1818 г. потомок бывших теократических правителей Восточного Туркестана из духового сословия Джангир-ходжа, проживавший в Коканде под ханской опекой, бежал на Алай. Здесь он не только нашел приют, несмотря на официальный запрет хана, но и получил реальную помощь от киргизов для организации похода в Восточный Туркестан. До 500 киргизских воинов-чонбагышей во главе с Суранчи примкнули к Джангиру. Немногочисленный отряд в надежде, что на призыв откликнутся все недовольные цинской политикой жители Восточного Туркестана, двинулся на Кашгар. По словам Ч. Валиханова, эта попытка ходжи получила известность у китайцев как «бунт бурута Суранчи»[13]. Однако поход не увенчался успехом. Немалую роль в этом сыграла авантюристическая политика Джангира, не имевшая ничего общего с интересами трудящегося уйгурского и киргизского населения. Он вынужден был бесславно возвратиться в Коканд. Некоторое время он находился под арестом, но потом был освобожден, оставаясь тем не менее «под надзором» ханских чиновников.

Киргизы и позже принимали участие в выступлениях ходжей, с одной стороны, выражая этим протест против ханского гнета, с другой, поддерживая восстания местных жителей Кашгара, направленные против Цинов. Подобное отношение киргизов к ходжам выражало собой не стремление участвовать в борьбе «за веру» и даже не поддержку ходжей в борьбе за престол. Истинной подоплекой такого отношения была осознанная ими необходимость выступлений против кокандского гнета и участия совместно с трудящимися Восточного Туркестана в сопротивлении цинской агрессии и иноземному угнетению.

Курс на сближение с Россией

В середине XVIII столетия киргизы еще не имели постоянных политических и экономических связей с Россией, как, например, казахи, однако влияние ее уже начинало сказываться: в Прииссыккулье через среднеазиатских купцов стали проникать това-

ры русского производства, оживляется торговля русскими изделиями и в других районах.

Связи киргизов с Россией устанавливаются с середины 80-х годов XVIII в., когда внешнеполитическое положение Киргизии значительно осложнилось: на западе усиливается влияние Кокандского ханства, на юге наступает цинский Китай, на северо-востоке завязывается борьба из-за пастбищ с казахами, вызванная перекочевкой части ферганских киргизов с юга в Семиречье, куда одновременно с северо-востока перешла часть казахских племен. Распри среди самих киргизских феодалов ослабляли силы народа, делали его беспомощным перед внешней угрозой. Таковы были причины, побудившие киргизов обратиться за покровительством к своему северному соседу — Российской империи, к установлению дипломатических контактов.

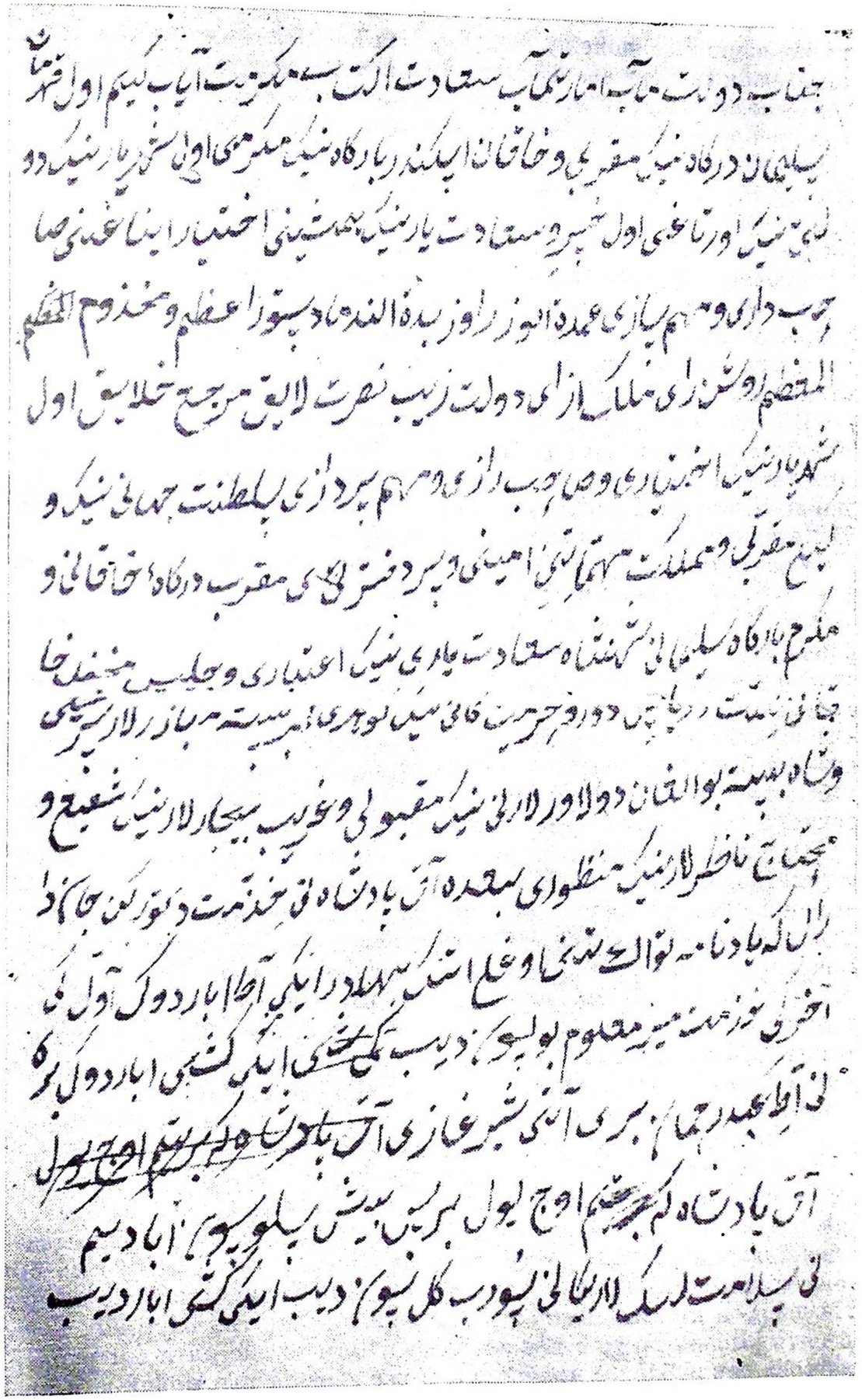
Сведения о первом киргизском посольстве содержатся в дореволюционных публикациях И. Г. Андреева и П. А. Словцова[14]. Они дополняют друг друга, хотя имеются некоторые расхождения в дате отправления и составе посольства. Неточности подобного рода встречаются и в советской исторической литературе[15]. В последние годы обнаружены новые архивные документы, позволяющие внести уточнения и существенные дополнения в освещение истории первого киргизского посольства в Россию[16].

Первыми полномочными послами киргизского народа в Россию были некто Абдрахман Кучаков и «природный киргизец» Шергазы, представлявшие интересы сарыбагышского бия Атаке, кочевавшего в Чуйской долине.

23 августа 1785 г. караван прибыл в крепость Омск. Послы имели при себе два сопроводительных письма от Атаке-батыра. Одно предназначалось местным сибирским властям, другое — Екатерине II. Это первые имеющиеся в распоряжении историков письма, вышедшие из среды киргизского народа на чагатайском языке и в переводе на русский язык.

В первом письме говорилось: «Управляющему в делах Ея императорского Величества господину генералу от происшедшаго родом из славных и чиновных людей, бывших при древних царях Соломоне и Александре Македонском, а ныне по колену рода своего управляющим народом диких киргисцов Атики-батыря Тянейбиева сына, свидетельствую поклон. И посылая с моими людьми Абдрахманом и Ширгазиной двух Вам лошадей, прошу сию первую мою услугу благосклонно принять, а о будущих и непремину старатса оказывать оные, штоб вы уверительно их знать могли, затем с оными же Абдрахманом и Ширгазиной отправил я к поднесению Ея императорскому Величеству три барсовые кожи и пять рысьих. Желаю чрез их знать о высочайшем здравии Ея Величества. Во уверение чего к подлинному письму приложена чернилная ево печать».

В письме на имя Екатерины II Атаке писал: «А наконец Вашему императорскому Величеству всемилостивейшей государыне



Письмо Атаке-батыра Тынайбиева в Омск. 1785 г.

всеподданнейше доношу, што как вышеписанных предков моих оказываемые державе Вашего Величества услуги, поколику сил их было, а также ныне и мой Атике Тянейбиева сына посредством препровождения в Россию купеческих ташкентских караванов. Дабы известно было, чево для к Вашему императорскому Величеству послал я при караване одново арапа, три барсовые кожи и пять рысьих, а в препровождение их двух человек, моих людей Абдрахмана и Ширгазю, чрез коих всеусерднейше желаю знать о высочайшем здравии Вашего императорского Величества»[17].

Главной целью посольства явилось стремление к покровительству России и желание изменить существующий маршрут торговых караванов, связывающий Россию с Восточным Туркестаном и Индией, направив его через Киргизию.

В Омске киргизских послов приняли благосклонно. После официального разрешения на выезд в Петербург в сопровождении пристава Сибирского драгунского полка адъютанта Ивана Сипайлова, с одним денщиком и драгуном они отправились в путь. В Петербург прибыли 29 декабря 1785 г.

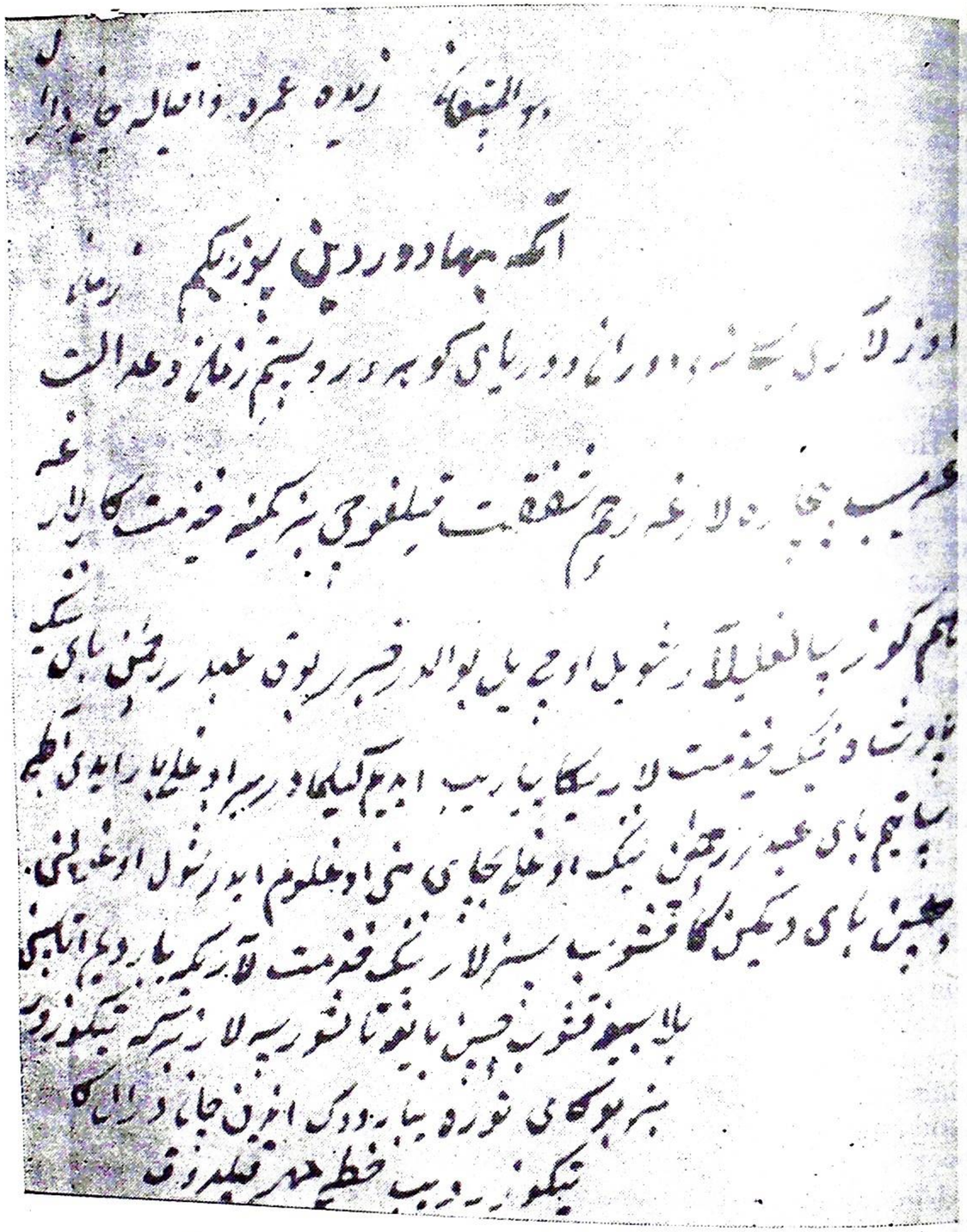
Советник императорской канцелярии Илья Муратов 18 августа 1787 г. информировал обер-прокурора Правительствующего Сената В. М. Колокольцева, что послы были на приеме у Екатерины II, но когда именно, в материалах не сказано. Однако, поскольку гофмейстер над почтами А. А. Безбородко предписывал генерал-прокурору Сената А. Вяземскому 31 декабря 1786 г., «чтобы сего депутата отправить обратно»[18], значит, киргизские посланцы были на приеме у императрицы в конце 1786 г. Тогда-то и были ей преподнесены три барсовых и пять рысьих выделанных шкур, а также *арап* (раб, невольник).

Результаты первого киргизского посольства нашли отражение в ответном послании Атаке-батыру, написанном от имени императрицы России князем А. Вяземским 23 января 1787 г.: «Почтенный Этеке Багадур. Получа дружественное ваше письмо с почетным Вашим Абдрахманом, отправленным от Вас сюда для всеподданнейшего поклонения Ея императорскому Величеству нашей всемилостивейшей государыне, имел я щастие доносить о том Ея Величеству. Почему всемилостивейше снисходя на изъясняемое о сем в упомянутом письме Вашем прошение и приемля оное знаком всеподданнейшей вашей к освященнейшему Ея престолу преданности и усердия, удостоить изволила того присланного от вас допустить пред высокомонаршее Ея Величества лице со оказанием ему высочайшего своего милосердия, которое по сродному Ея человеколюбию всем подданным своим оказывать обыкновенно изволит. А по сему Ея Величеству благоугодно было всемилостивейше указать принять для услуг при высочайшем Ея дворе и присланного от Вас арапа, так же три барсовыя кожи и пять рысьих шкур с пожалованием Вам за сие пяти сот рублей, да трех сот рублей в подарок, кои все серебреною монетою и препровождаются к Вам с вышеозначенным присланным от Вас, который так же с другим при нем милосердно были здесь содержаны и благопристойно награждены[19]. И так почтенный Этеке Багадур ни мало не сумневаясь, твердо по всему оному заключить можете о высочайшем Ея Величества благоволении и покровительстве к Вам и подвластному Вам народу, в чем удостоверяя Вас по высочайшей воле Ея Величества уповаю, что вы сохраняя ваше усердие и преданность к освященнейшему престолу Ея императорского Величества, почтитесь всемерно доказать оныя при всяком полезном для службы Ея случае не едиными словами, но и самим делом, и сим учините себя с тем подвластным вам народом достойный и впредь высокоматерняго Ея Величества милосердия...»[20].

Поскольку из-за болезни Кучакова отправление послов задерживалось, было решено известить о результатах киргизской миссии Атаке-батыра специальным письмом. Для этой цели из Омска в октябре 1787 г. снаряжается торговый караван казанского купца Абдрахмана Нурмаметова во главе с приказчиком Муслюмом Агаферовым. Агаферов застал Атаке-батыра, «кочующего по Чуй-реке и Иссык-Су называемом месте», и в торжественной обстановке вручил ему письмо. «Атаке был очень рад и весел и все сие объявил всем своим подвластным, и сверх того благодарил за привоз такой радостной вести Муслюма Агаферова. И приказал сделать ему принадлежащее по обычаю их угощение, зарезал барана и сим угощали»[21].

После получения письма Атаке, не дожидаясь возвращения первых послов, летом 1788 г. отправляет в Россию второе посольство, которое прибыло в Омск 2 августа. В письме командующему сибирским полком Н. Г. Огареву Атаке писал: «Послал я от себя с караваном киргисца Сатынбая Абдрахманова (сына Абдрахмана Кучакова) для узнавания, где находятся посланные от меня в Санкт-Петербург послы, и ежели они оттоль еще не прибыли, то прошу о возвращении их куда следует отписать...» В письме Екатерине II Атаке, озабоченный судьбой своих послов, просил: «если они живы, ко мне обратно отправить»[22].

Обращает на себя внимание тот факт, что Атаке-батыр выступал не как владетель какого-либо одного рода или волости, а, как он сам подчеркивал, в качестве владельца части киргизов и биев, подвластных ему, вероятно, тех 10 волостей, на которые указывал в свое время И. Г. Андреев[23]. Вскоре до сибирских властей дошел слух об ограблении каравана Муслюма Агаферова — «недавнешнего гостя» киргизов. Подозрения пали на детей Атаке-батыра — Солтоная и Байшугура. Начались расследования, которые продолжались пять лет. Тем не менее русская администрация в Сибири тепло встретила новых киргизских послов. После предварительных выяснений о судьбе каравана М. Агаферова Сатынбай Абдрахманов был принят в Омске генерал-поручиком Н. Г. Огаревым и несмотря на то, что конфликт пока еще не был улажен, в конце беседы гость был одарен подарками для Атаке-ба-



Письмо Атаке-батыра Тынайбиева в Омск. 1788 г.

тыра: «пять (аршин) кармазину, голова сахару да башча чаю», а Сатынбаю «пять аршин того же сукна»[24].

В январе 1789 г. из Петербурга в Омск возвратился Абдрахман Кучаков в сопровождении поручика И. Сипайлова. Сатынбай встретил своего отца еще в крепости Св. Петра. Несмотря на болезнь, Кучаков активно включился в выяснение истины об ограблении каравана. Однако 20 июня 1789 г. Абдрахман Кучаков умирает, не дождавшись ответного письма Атаке-батыра. Оставшись вместо отца руководителем киргизского посольства, Сатынбай

Абдрахманов обращается к сибирским властям с просьбой ускорить расследование дела. Он решил (как и настаивал его отец) остаться самому в качестве заложника и послать Агаферова с одним «природным киргисцем» к Атаке-батыру для выяснения дела о грабеже. В конце концов картина прояснилась. Сибирскими властями было доказано, что «никакого ему (Муслюму Агаферову) ограбления как вперед ехав к Атаке, так и обратно, не было». Они установили, что караван Агаферова «был ограблен Хутаймендинскими (из Среднего жуза казахов. — *Ред.*), теленгутами Таир Бердой и Ак-Кочкором, которые отняли у него в это время двести лисиц и двести корсаков, десять барсов и десять рысей, волков шестьдесят...»[25].

Расследование дела закончилось только весной 1793 г. «Сатынбай Абдрахманов от сего решеного дела представлен свободным»[26]. Доверие к Атаке было восстановлено, препятствия на пути к установлению нового торгового тракта через Киргизию устранены.

Русские власти придавали важное значение установлению политических связей с Киргизией, хотя развитие их было затруднено в силу слишком большой удаленности киргизских кочевий. Несмотря на это, среди киргизского народа, раздираемого внутренними усобицами, тяготение к установлению контактов с русскими властями все возрастало. Один из видных сановников царской администрации, генерал-майор Я. Боувер, в представленных им в 1795 г. «Замечаниях о способах к возстановлению в Средней киргиз-кайсацкой орде благоустройства и домоводства, а на линиях спокойствия и цветущаго торга» писал: «К возстановлению торговли сделать союз с Большою Ордою, дикими киргисцами и другими прилежащими к ним народами, коих желание к тому давно приметно. Посредством сего союза можно от тех народов иметь ежегодных аманатов к безопасности торговли, и сверх того, для оной нужно следующее постановление о торговле.

По проведении Средней Орды в вышеописанное устройство откроется удобность к торговле с дикими каменными киргисцами, ташкентцами, куканцами, кашкарцами даже до Индии, а о пути, туда ведущем, достоверные сведения собраны»[27].

Такое предложение уже являлось следствием первых киргизских посольств в Россию, как результат уже определившихся отношений между киргизами и Россией. Первая киргизская миссия завершилась успешно. Киргизы, находившиеся под властью Атаке-батыра, были формально приняты под покровительство России, но действительному его осуществлению мешала политическая обстановка, создавшаяся в кочевьях казахов и киргизов. Слишком большой была территориальная отдаленность Киргизии от России. Во всяком случае первый, можно сказать прямой, дипломатический контакт между киргизами и Россией был установлен. Он не прошел бесследно ни для киргизов, ни для России. И хотя непосредственной военной помощи от российского покрови-

тельства киргизы еще не получили, но во внешнеполитических делах и в торговле Россия уже рассчитывала на содействие дружественных киргизов, чего не могли не учитывать маньчжурские власти и кокандские ханы.

2. Завоевание Киргизии Кокандским ханством

Возникновение Кокандского ханства и отношение к нему киргизов

Этнический состав киргизского народа на рубеже XVIII—XIX вв. по-прежнему оставался сложным. Киргизы делились на два «крыла» — левое и правое, которые соответственно состояли из обособленных родоплеменных подразделений, кочевавших от Ходжента на западе Ферганской долины до равнинной части Восточного Туркестана, от бассейнов рек Талас, Чу, Или на севере, до Памиро-Алая на юге. Общественно-экономические отношения того периода в литературе квалифицируются как патриархально-феодальные. Родоплеменная и феодальная раздробленность тормозили общественное развитие киргизов, препятствовали их государственному объединению. В результате соседние государства, в частности Кокандское ханство, смотрели на киргизов как на объект для завоевания. Немаловажную роль в этом играли и сами киргизские феодалы, их непрекращавшиеся усобицы и предательская политика по отношению к своему народу[28].

В XVIII столетии Кокандское ханство начало усиливаться. Основателем правящей династии будущих кокандских ханов был узбекский феодал из племени минг Шахрух-бий (1710—1722 гг.), который в 1710 г. захватил власть в Фергане у ходжей — глав клерикальных дервишских братств.

Непосредственно Коканд, вначале как крепость *(кала)*, был основан сыном Шахруха Абд ар-Рахим-бием (1722—1734 гг.). С его именем связано и первое киргизско-кокандское противоборство в Фергане. В это время на арену в качестве активной политической силы выступают киргизские феодалы, например, Акбута-бий. По свидетельству среднеазиатских нарративных источников, этот ходжентский правитель 20-х годов XVIII столетия был киргизом. Он являлся тестем (по некоторым данным — шурином) кокандского правителя Рахим-бия и имел на службе специальный отряд со своим *пансат-баши* (пятисотником). Первоначально Акбута, породнившийся с Рахим-бием, передал ему правление Ходжентом, «а сам предался усладам жизни и удовольствиям». Но позже, боясь потерять власть, он приказал схватить Рахим-бия. Тому удалось бежать. Высланный в погоню отряд киргизов был почти полностью истреблен. Одно время они помирились, но в конце концов Рахим-бий уничтожил Акбуту и его сыновей и завладел «престолом эмирства».

Убийство Акбуты положило начало союзу и постепенному слиянию мелких феодальных владений Ферганы (Ходжент, Маргелан, Андижан) в государство, позже оформившееся как Кокандское ханство. Оставив управление Кокандом за собой, Рахим-бий передал Ходжент и Маргелан братьям Абд ал-Кариму и Шади-бию. Как свидетельствуют источники, Абд ар-Рахим-бий был ханом, получившим за подвиги пышный титул «сахибкиран» — «обладатель счастливого сочетания двух светил»[29]. Не исключено, что этим титулом его наградили льстивые придворные летописцы, а слово «хан» скорее всего употреблялось не как официальный титул, а просто в смысле «правитель», так как этот титул закрепился за кокандскими правителями позднее — в конце XVIII в.

Абд ар-Рахим-бий правил немногим более 10 лет и был убит заговорщиками. Время правления его преемника Абд ал-Карима (1735— ок. 1751 гг.) характеризуется заключением союза с киргизскими племенами в целях совместного отпора джунгарской агрессии, что можно расценивать как крупный политический успех узбеков и киргизов. Окруженные труднодоступными горными хребтами, киргизы представляли серьезную опасность и успешно противостояли завоевательным походам джунгаров.

После смерти Абд ал-Карим-бия джунгары пытались сделать правителем Коканда находившегося под их влиянием заложника Баба-бека — сына Абд ал-Карим-бия. Но через год произошло восстание, Баба-бек был убит, и к власти в 1751 г. пришел энергичный Ирдана-бий (1751—1770 гг.). При нем Кокандское владение окончательно оформляется в самостоятельное государство, равное Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству. Первоначально Ирдана пользовался печатью с титулом «бий» — «Ирдана-бий Кокандский», а с 1768 г. к нему добавился титул «валинамий» (букв. «благодетель»), который носили беки, отделившиеся от Бухарского ханства.

В 1754 г. бухарский эмир Мухаммед-Рахим, кокандский правитель Ирдана-бий и предводитель киргизского племени кушчи Кубат-бий (Кубат-мирза) выступили равноправными союзниками в борьбе против Ура-Тюбинского владения. Судя по данным бухарской хроники, Кубат-бий на данном этапе являлся «сподвижником и опорой Ирданы».

Ура-Тюбе, расположенное на стыке Бухарского и Кокандского ханств, пограничное также киргизским владениям, более чем на полвека станет яблоком раздора и объектом многочисленных грабительских набегов. Летом 1754 г. оно еще выступало независимым вилайетом, престарелого правителя которого — Фазыл-бия—поддерживал хисарский владетель Мухаммед Амин-бай (Мадамин). Усилившиеся Бухарский эмират и Кокандское ханство смотрели на вилайет как на легкую добычу и выступили для его завоевания. Войска бухарцев, с одной стороны, кокандцев и киргизов — с другой, обложили Ура-Тюбе, на помощь которому подошел хисарский бек. Используя недоверие и подозрительность друг к другу Рахима, Ирданы и Кубат-бия, Мухаммед Амин ре-

шил хитростью внести раскол в стан врагов. Он написал от имени Кубат-бия письмо, скрепленное поддельной печатью киргизского предводителя. Подложное письмо адресовалось уратюбинскому владетелю Фазыл-бию и содержало якобы предложение Ирданы и Кубат-бия объединить усилия в совместной борьбе теперь уже против бухарского эмира. Курьером отправили киргиза в сопровождении уратюбинского посланника, причем нарочито мимо бухарского караула в надежде на то, что письмо попадет в руки противника. Замысел удался: курьер был схвачен, а письмо доставлено бухарскому эмиру. Мухаммед-Рахим, и без того не особенно доверявший своим союзникам, с гневом обрушился на Ирдану, обвинив его в измене. Тот поклялся в своей верности и тогда все подозрения пали на Кубат-бия. В лагере союзников начался разлад, взаимное недоверие переросло во враждебность. Здесь уже было не до согласованных действий. Бухарцы из предосторожности отступили. Ирдана открыто обвинил киргизов в измене. Непричастный к письму, возмущенный Кубат-бий разорвал союз с кокандцами[30].

Союз кокандских и киргизских феодалов преследовал захватнические цели и в своей основе был противоречивым. Но в то же время у Коканда еще не было возможности подчинить киргизов. Кокандское ханство пока еще не сложилось в централизованное государство и представляло собой лишь союз четырех бекств: Андижанского, Наманганского, Маргеланского и Кокандского, с преобладающим влиянием последнего. Киргизские племена выступали независимо от них.

Не исключено, что разрозненные киргизские племена в это время тоже были связаны между собой каким-то объединяющим началом. В источниках упоминаются киргизские родоправители Хаджи-бий, Садык-бий и другие, которые во второй половине XVIII в. наряду с казахскими ханами пользовались в Коканде «большой популярностью», а Кубат-бия называли даже «главой киргизов». Надо полагать, его власть и влияние в определенной степени распространялись не только на племя кушчу, но и на другие южнокиргизские племена. Однако документальных сведений, позволяющих утверждать, что Кубат-бий предпринимал какие-либо попытки объединить киргизские племена и сосредоточить в своих руках централизованную власть, нет. Это был крупный феодал, энергичный и влиятельный, в связи с чем и более известный, чем другие, но преследовавший лишь свои, чисто местнические интересы. Он отличался инициативой и оставил заметный след на общем фоне среднеазиатских политических событий XVIII в. Бухарские и кашгарские источники подтверждали, что Кубат-бий «был совершенно самостоятельным правителем и в зависимости от личных выгод по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем или другим правителем»[31].

Русские источники конца XVIII в. также говорят о независимости киргизов в это время. Сибирский инженер И. Андреев, в частности, писал: «...ограждены оные (киргизы.— *Ред.)* недоступными каменными горами, и хотя в разсуждении своей вольности великие чинят на китайских границах обиды, и с китайской стороны и посыланы бывают великие команды, но доходить до них (киргизов.— *Ред.)*, как за трудностию мест и более ведая неутомимость их, и храбрость, и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут и, возвращаясь к своим начальникам, объявляют, что они их сыскать никак не могут»[32]. В другой своей работе, опубликованной в конце XVIII в., указывая на независимость киргизских кочевий от казахов, Коканда и Китая, Андреев подчеркивал, что киргизы «в разсуждении своей вольности никому не дают спуску, собираясь великими партиями, жестоко себя защищают»[33].

Завоевание ханством южных районов Киргизии

С 60-х годов XVIII в., когда в результате успешных военных действий и захватнической политики Кокандское ханство усиливается, Ирдана от политики союза с киргизскими племенами переходит к политике насильственного их подчинения и расширения владений за счет киргизских земель.

В 1762 г. киргизские бии племени адыгене Маматкул и Арзамат решают открыто выступить против захватнической политики Ирданы. Они намеревались привлечь к союзу сарыбагышских биев Черикчи и Темурджана. Но союз не сложился— сказалась родоплеменная рознь феодалов. Сарыбагыши от участия в походе на Коканд отказались.

С конца 50-х годов XVIII столетия заметно возрастает роль южнокиргизского родоплеменного объединения адыгене. Его правитель Хаджи-бий считался главой всех ичкиликских киргизов Алая и Ош. Он, по собственному заявлению, мог выставить «200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока». Этот киргизский феодал первоначально выступал на равных с кокандским правителем. Показателен в этом отношении такой факт, как отправление им китайским властям послания не только от себя лично, но и от имени кокандского правителя Ирданы-бия. Следовательно, Коканд и киргизы выступали как союзники в дипломатических отношениях с соседней Цинской империей. Однако консолидации власти в руках Хаджи-бия и объединению киргизов в одно государство мешали постоянные распри между киргизскими феодалами.

Воспользовавшись феодальными усобицами, Ирдана решил присоединить к Кокандскому владению города Узгенд и Ош с окрестностями, принадлежавших киргизам и контролируемых ими. В 1762 г. кокандские войска напали на киргизов и опустошили их земли «в стране Узе» (Узгенд). Ополчение Хаджи-бия, возглавлявшего киргизские племена ичкилик, адыгене и монгол-дор, было разбито. Ирдана занял также Ош, ссылаясь на то, что он якобы издавна принадлежал Коканду. Киргизские войска отступили в горы. Вынужден был бежать и Хаджи-бий.

Продолжая захватническую политику «собирания» земель, весной 1764 г. Ирдана вновь выступает с целью покорения Ходжента. Хаджи-бий решил воспользоваться отсутствием основных кокандских войск в Восточной Фергане и вернуть себе Ош. Он неожиданно нападает на Кокандское владение. Ирдана вынужден был срочно заключить мир с правителем Ходжента. Поход был сорван, зато вся сила удара была направлена на киргизских повстанцев. Хаджи-бий оказался в плену у Ирданы, но, видимо, ненадолго. Вскоре Ош и его окрестности вновь оказались под контролем киргизов. Однако преодолеть натиск несравненно более сильных кокандских войск киргизы были уже не в состоянии.

Кокандские правители действовали не одной силой оружия. Они старались привлечь на свою сторону киргизских феодалов, предоставляя им определенные льготы, в частности, налоговые, наделяя их чинами и званиями, а также лучшими пастбищами. Особенно преуспел в этом энергичный, кокандский правитель Нарбута-бий (1770—1800 гг.), который в источниках уже значится как хан.

К 80-м годам XVIII столетия в зависимость от Кокандского ханства попадают все ферганские киргизы и часть киргизов, кочевавших за р. Чирчик. Но в целом, как видно из записок Филиппа Ефремова, прошедшего в 70-х годах XVIII в. через Фергану, южные киргизы (преимущественно предгорные ферганские и алайские), а также тянь-шаньские, были вполне самостоятельными, ничем не проявляя подчиненного положения по отношению к ханству. Коканд, по словам Ф. Ефремова, в это время был только «смежен» с владениями киргизов[34].

Неоднократные упоминания в источниках о киргизах XVIII в., как о независимом народе, дают основания считать, что они принимали активное участие в бурных политических событиях Ферганы и сумели отстоять свою свободу и независимость. Однако усилившееся Кокандское ханство в конце XVIII — начале XIX в. предпринимает активные попытки подчинения как киргизского населения предгорий Ферганы, так и находящегося в Центральном Тянь-Шане урочища Кетмень-Тюбе. Но посягательства кокандцев нередко получали должный отпор. Мирза Каландар Исфараги, автор сочинения «Тарих-и Омар-хани», сообщает о провале военной экспедиции кокандского главнокомандующего Хан-Ходжи, направленного Нарбутой в Кетмень-Тюбе в конце XVIII в.: «Сколько ни совещались искушенные в делах (мужи) и воители — столпы государства его, обмениваясь мыслями о том, как наставить на путь истинный сей мятежный народ (кетмень-тюбинских киргизов.— *Ред.)*, способа покорения этой горной местности выявлено не было»[35]. Алим-хан (1800—1809 гг.) посылал против киргизов этой котловины Тянь-Шаня своего военачальника Идрискул-бия, но также безрезультатно.

Благодатная долина привлекала внимание и последующего кокандского правителя — Омар-хана (1809—1822 гг.). Возглавлял

борьбу киргизов Кетмень-Тюбе против кокандцев некто Сатыке. Он был, вероятно, простолюдином, так как в источниках не назван ни беком, ни бием. «Если хочешь, чтобы этот зловредный разбойник (т. е. Сатыке. — *Ред.*) попал в твои руки,— писал Мирза Каландар о советах придворных хану,— очевидно, надо действовать в самые холодные зимние дни, так как зима — бедственное время для киргизов». Окруженные снежными хребтами и отрезанные перевалами, кетменьтюбинские киргизы зимой могли стать жертвой кокандцев. В 1821 г. Омар-хан посылает на Кетмень-Тюбе отряд во главе с уже зарекомендовавшим себя полководцем, одержавшим ряд побед над кочевниками,— наманганским хакимом Сейидкул-беком. К киргизскому укреплению Кетмень-Тюбе отряд подошел незаметно. Застигнутые врасплох защитники крепости вынуждены были покориться.

Используя межродовую борьбу киргизских феодалов, ханы нередко натравливали их друг на друга, производя тем временем опустошительные набеги. Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направляет своего сановника — хакима города Касана Бекназарбия, возглавлявшего киргизский род кутлук-сеид, против киргизов рода сарыбагыш, кочевавших между Ошем и Кашгаром. Хан распорядился, чтобы «племя (кутлук-сеид) со своим отрядом *(лашкар)*, позаботившись о снаряжении и припасах для ружейной стрельбы, выступило бы со всем усердием в конный поход. Приказано было, истребляя все время (сарыбагышей), никому из ... племени пощады не давать...»[36]. В помощь киргизскому феодалу, отстаивавшему интересы кокандского хана, был дополнительно послан отряд из кокандских войск. Не щадя ни женщин, ни детей, завладев крупной добычей (главным образом скотом и пленными), Бекназар-бий возвратился в Коканд. Так, используя межплеменные усобицы, руками подвластных киргизских феодалов кокандские ханы расширяли государственные границы, присоединяя к своим владениям все новые и новые киргизские земли.

Единственной возможностью уклониться от кокандской зависимости была откочевка киргизов на еще не подвластные ханству территории. Именно с конца XVIII столетия идет более интенсивное переселение киргизов из приферганских районов на Памир. С востока через Алай переселяется основная масса киргизского племени тейит, которая в начале XIX в. осваивает территорию Малого и Большого Памира. Несколько позже с запада, через Дарвазский и Шугнанский хребты, на Памир переселяется другое племя — кесек, бежавшее от владычества кокандского хана Мадали (1822—1842 гг.), захватившего в 1834 г. Каратегин[37].

Завоевание ханством Северной Киргизии

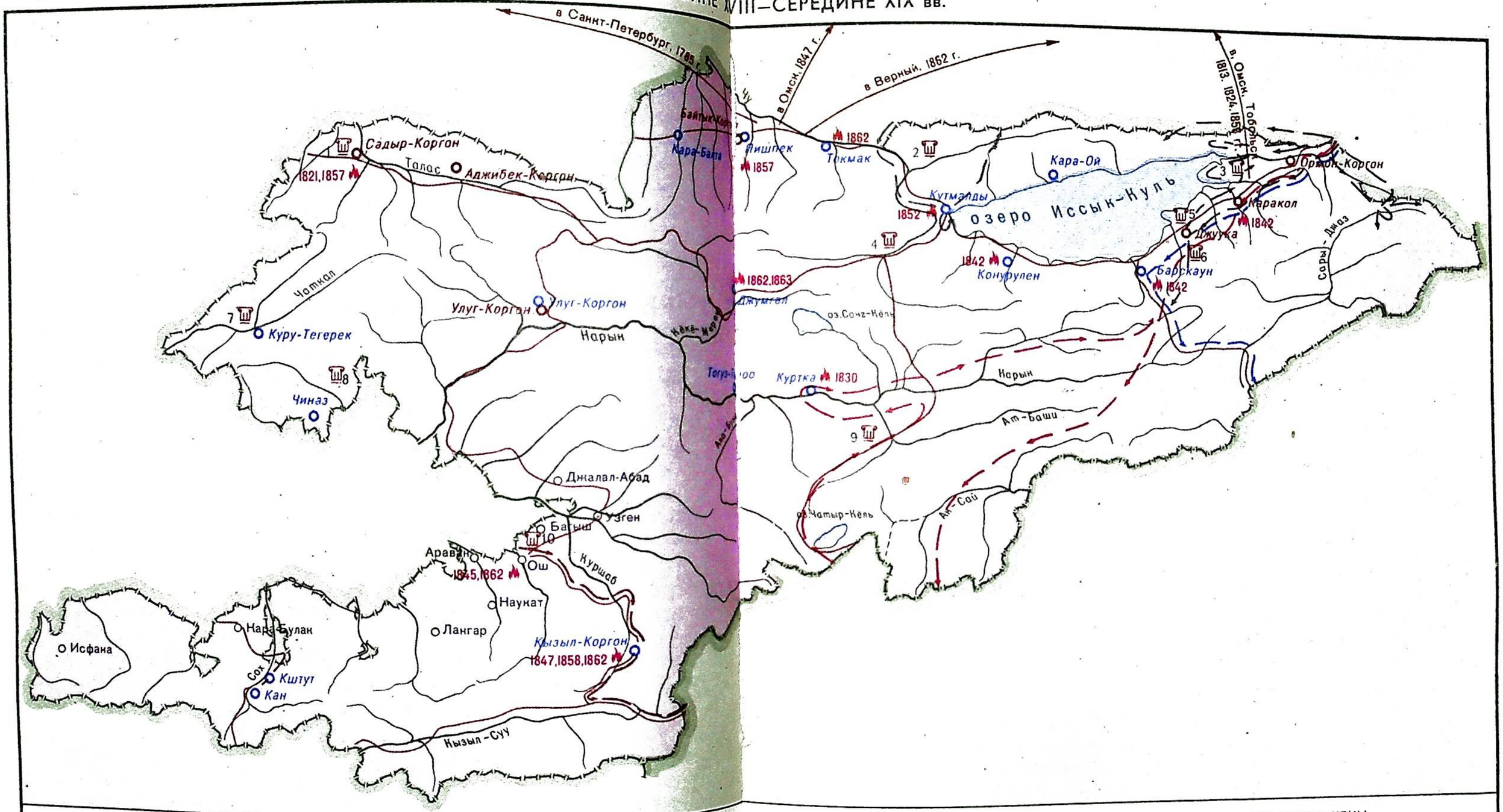
Подчинив своему влиянию в начале XIX в. Ташкент и присоединив его владения, Кокандское ханство тем самым затронуло и часть северокиргизских племен, вплотную подступив к Семиречью. Кокандских феодалов привлекало скотоводческое население Чуйской долины и Иссык-Куля, как объ-

ект новых налоговых обложений, поставщик скота для продовольствия и лошадей для армии. Северокиргизские феодалы, не желавшие распространения на свою территорию власти кокандцев, пытались найти опору и помощь в борьбе против хана со стороны России. 21 ноября 1813 г. с Иссык-Куля на Сибирскую пограничную линию выезжают посланцы бугинских киргизов Качибек и Джакыпбек. Они «изустно» высказались за расширение торговли между киргизами и Россией, а со своей стороны обещали содействие российским торговым караванам «к препровождению через их область, которую миновать нельзя», в Восточный Туркестан и Кашмир. Послы настаивали, чтобы их отправили в столицу «для принесения государю императору покорности от себя и своего народа». Но в России сочли, что время для этого еще не настало и, наградив посланцев, ограничились благодарственными и обнадеживающими письмами западносибирских властей к киргизским биям[38]. В 1824 г. иссыккульские киргизы вновь направляют в Омск своих посланцев Акымбека Улджебаева, Алгазы Шералина и Алымбека Джапалакова. Однако и на этот раз царские власти ограничились лишь обещаниями покровительства.

Тем временем Кокандское ханство активизирует свою внешнюю политику на севере. В 1825 г. Мадали-хан, воспользовавшись феодально-родовыми распрями племен солто и сарыбагыш, направляет войска в Чуйскую долину, «чтобы покорить под свое владение с требованием с них подати». Торговый приказчик Файзулла Сейфуллин, возвратившийся осенью этого года из Кашгара в Россию, рассказывал, что для подчинения чуйских киргизов было выслано 4 тыс. воинов во главе с кушбеги Лашкаром. Часть племен солто и сарыбагыш, не устояв перед такой силой, внесла зякет. Часть сарыбагышей, не желая подчиняться кокандцам, во главе с детьми бия Атаке откочевала на Иссык-Куль. Иссыккульские киргизы в это время ожидали результатов своего посольства в Россию. Кокандцы для закрепления собственного положения в Семиречье построили в 1825 г. в Чуйской долине крепость Пишпек. Устроенная на глиняном холме по левому берегу р. Аламедин, крепость господствовала над окружающей местностью, находясь в центре киргизских пашен и на перекрестке скотопрогонных и караванных путей[39]. Вооруженный гарнизон должен был обеспечить подчинение киргизов на долгие годы. Отсюда кокандцы шлют посланцев к иссыккульским киргизам с предложением принять подданство ханства.

Киргизы, с одной стороны, под угрозой приближавшихся кокандских войск, с другой, не без основания боясь набегов цинских отрядов, решили дождаться результатов переговоров с Россией. Из Сибири уже возвращались киргизские послы. Вместе с ними было отправлено ответное посольство, представленное «гарнизонным лекарем» Ф. К. Зибберштейном и хорунжим Т. В. Нюхаловым. Официально в их задачу входил только сбор сведений о торговых путях через Казахстан и Киргизию в Восточный Тур-

МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО КИРГИЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII—СЕРЕДИНЕ XIX вв.



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

- Ф.Ефремова, около 1780 г.
- Ф.К.Зибберштейна, 1825 г.
- П.П.Семёнова Тян-Шанского, 1856-1857 гг.
- Ч.Ч.Валиханова, 1856-1858 гг.
- Торговые пути
- Населенные пункты

Кан
Улуг-Коргон
1830
в Омск, 1847 г.

- Кокандские крепости
- Киргизские укрепления
- Восстания против Кокандского ханства
- Киргизские депутации с просьбой о принятии в подданство России
- Архитектурные и культовые памятники

СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ

- Государственная СССР
- Киргизской ССР

Примечание: Транскрипция наименований дана по письменным источникам XVIII-XIX вв.

ЦИФРАМИ НА КАРТЕ ОБОЗНАЧЕНЫ АРХИТЕКТУРНЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

1. Садыр-Коргон
2. Ниязбек-Коргон
3. Гумбез Ногая
4. Кырк-Чороо
5. Дархан
6. Гумбез Балчака
7. Идрис Пайгамбар
8. Шах Фазил
9. Таш-Рабат
10. Сулейман Тоо, медресе Алымбека

Масштаб 1:4 000 000

кестан и Кашмир, но Зибберштейн и Нюхалов имели письма и конкретные предложения также к иссыккульским киргизам.

На высокогорных пастбищах Прииссыккулья российское и кокандское посольства встретились с киргизскими манапами, которые были поставлены перед дилеммой выбора подданства.

Суть кокандских предложений была проста и основывалась на разжигании феодальных усобиц между киргизскими племенами. По словам Ф. К. Зибберштейна, ханские посланцы ставили перед собой цель не только вовлечение в подданство киргизских племен, но и одновременно обострение межфеодальных усобиц, предлагая бугинцам «помощь» в борьбе с сарыбагышами[40].

И хотя киргизские представители в России не были приведены к присяге на подданство, они были обнадежены ее могущественным покровительством. Бугинские манапы были заверены Т. В. Нюхаловым во время его пребывания на Иссык-Куле о «той сильной защите, какую приобретут (они) от могущества российского покровительства».

Для утверждения окончательного решения — принять кокандское подданство или выбрать российское — на р. Джергалан собрались представители основных киргизских родов, кочующих в Прииссыккулье. Решение пришло не сразу: среди манапов имелись сторонники хана, были и такие, кто опасался близко подступивших кокандских войск, тогда как серьезной вооруженной помощи от России пока ждать было нечего. Тем не менее, симпатии были явно на стороне России. Как писал Ф. К. Зибберштейн, киргизы благоразумно отвергли двуличные предложения кокандских посланников (которые аналогичную политику вели с сарыбагышскими манапами) и последовали совету российских представителей и своих депутатов просить «российского покровительства», для чего тут же сибирским властям были направлены «благодарные письма» [41]. Кокандские посланцы удалились ни с чем. Иссыккульские киргизы сохранили свою независимость. Мало того, они активно поддерживали другие племена, выступавшие против ханского деспотизма,— как киргизов, так и казахов.

Однако ханские наместники не успокаивались. Весной 1831 г. ташкентский хаким — все тот же Лашкар-кушбеги с войском прошел через Чимкент и Аулие-Ата в Чуйскую долину и далее на Иссык-Куль. С другой стороны, из Ферганы через Кугартский перевал на Центральный Тянь-Шань и далее до Иссык-Куля продвигался с войском второй ханский предводитель минбаши Хакулы.

Успеху кокандского наступления благоприятствовали внутренние обстоятельства. В этот период усиливаются межплеменные распри, феодальные усобицы киргизских родоправителей, чем и воспользовались ханские полководцы.

По ходу движения подавлялось сопротивление одного киргизского племени за другим. Нарынские киргизы племени саяк и черик под руководством братьев Атантая и Тайлака организовали

вооруженный отпор кокандцам. Однако силы были неравны, и вскоре киргизы были разбиты. Атантай и Тайлак были взяты в плен и привезены в Коканд.

Ташкентский кушбеги Лашкар преследовал бугинцев вплоть до Илийского округа, угрожая военным поселениям Цинов в Синьцзяне. Минбаши Хаккулы с войсками оказал поддержку повстанцам в Восточном Туркестане против маньчжурского гнета. Все это серьезно обеспокоило цинские власти и они прислали в Коканд своих послов для переговоров.

Результатом уже первых переговоров цинских посланников в Коканде и ответных кокандских посольств в Пекине явилось назначение в Кашгар с официальным статусом торгового старшины кокандского купца Алим-паши. По словам Ч. Валиханова, он фактически являлся «отдельным губернатором», а почти 1/4 населения всего Восточного Туркестана в той или иной степени попала в подчинение кокандцев[42].

По договору между Кокандом и Пекином хан получал право на торговые пошлины в городах Восточного Туркестана со всех иностранцев, на которых отныне распространялась зависимость от Коканда «в административном и полицейском отношениях». В ответ хан обязался «строго наблюдать за ходжами» — претендентами на кашгарский престол, наследниками некогда правившей там династии,— и «не допускать их до Восточного Туркестана».

По мере продвижения кокандских войск на пограничных линиях строились укрепления, размещались гарнизоны. По северным границам Киргизии проходили Чалдовар, Кара-Балта, Аксу, Пишпек, Токмак, Кастек. По южной границе Кокандского ханства и соответственно в южных пограничных районах Киргизии были возведены крепости Таш-Курган, Кан, Дараут-Курган, Суфи-Курган и Кызыл-Курган, в Центральном Тянь-Шане — Куртка, Джумгал, Тогуз-Торо, на побережье Иссык-Куля — Барскоон, Каракол и другие. В результате границы киргизов были окружены крепостями, с одной стороны, обозначавшими административно-колониальные центры ханства, а с другой — ставшими серьезной преградой на пути цинской агрессии с юго-востока. «Кокандцы,— писал Ч. Валиханов четверть века спустя,— подчинив дикокаменных киргиз, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана»[43].

Политические события второй половины XVIII — первой половины XIX в. свидетельствовали, что Киргизия представляла собой не только экономический, но и важный стратегический район Средней Азии. Оценивая значение Киргизстана и борьбу за влияние здесь трех более могущественных соседних стран — Кокандского ханства, Цинской империи и России, западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды, в угле трех смежных держав, крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный

их дух, нежели других киргизских (казахских. — *Ред.)* племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав»[44].

Киргизский народ сумел дать отпор цинской агрессии, однако устоять против натиска кокандских ханов ему не удалось. Феодальная раздробленность и родоплеменные усобицы не позволили добиться организованного отпора. В течение 1762—1831 гг. территория Киргизии силой была присоединена к Кокандскому ханству.

Завоевание Киргизии Кокандским ханством поставило киргизов в условия двойного гнета: деспотического налогового пресса со стороны кокандских ханов и эксплуатации собственных феодалов. В памяти народной этот период запечатлелся как время беспросветной темноты и забитости, нещадного угнетения и жестокого ханского произвола.

3. Административно-территориальное устройство и общественные отношения

Административное устройство

Кокандское ханство в плане государственного устройства представляло собой типичный образец восточной деспотии, а «единственный принцип деспотизма,— указывал К. Маркс,— это — презрение к человеку, обесчеловеченный человек»[45]. Административное устройство ханства было направлено на введение всевозможных налоговых и податных повинностей, позволяло беззастенчиво грабить народ. Как правило, киргизы закреплялись за определенными вилайетами, бекствами, серкерствами в зависимости от месторасположения зимовок, но не отдельными аилами и общинами, а целыми родами. Феодалы при этом нередко наделялись титулами и полномочиями кокандских сановников, иногда выдвигались в число приближенных хана.

Верховным правителем, а по сути деспотом, юридически и фактически являлся кокандский хан. Хорунжий Потанин, посетивший Коканд в 30-х годах, отмечал: «Хан управляет самовластно: он без всякого суда отрешает от должностей или казнит чиновников, смотря по важности преступления»[46]. Деспотизм и единоначалие хана не исключали существования некоего совета при дворе, который играл роль совещательного органа. Однако при определенных условиях (при малолетстве хана, либо когда он являлся ставленником или марионеткой группы феодалов) такой совет мог выступать как орган реальной власти, вершивший делами в государстве, но опять-таки от имени хана.

Победившая в ходе феодальных усобиц какая-либо группировка делила власть между своими представителями. Главные феодалы-зачинщики и победители — оставались при хане, чтобы «стеречь» его. Они занимали важные должности при дворе, осуществляли руководство вилайетами и крупными бекствами. Их сторонники

также получали в управление крупные административные, политические и экономические центры.

При захвате власти в Коканде Шералы-ханом (1842—1844 гг.) одним из основных его «сподвижников и опорой» стал киргизский феодал Юсуф. Хан дал ему должность первого чиновника ханства и назначил предводителем войск — *минбаши*. Шералы первым делом старался укрепить свое положение в крупнейших центрах и вскоре во всех вилайетах ханства утверждается новая администрация. Местные феодалы и киргизские родоправители жалуются особыми ярлыками — грамотами.

Строго разграниченных функций управления и полномочий сановников не было. Они зависели от степени влияния приближенных на хана и его расположения. Высшими чиновниками в ханстве являлись *парваначи, минбаши* — вторые лица после хана, в функции которых входили дела по управлению государством. Как правило, *минбаши,* например, завоеватель Центрального Тянь-Шаня Хаккулы и упомянутый Юсуф, выступали в роли главнокомандующих.

Следующий по значению титул — *кушбеги* (сокольничий) — правитель крупного округа, совмещавший звание командующего войсками. Наместник Ташкентского округа, которым обычно был кушбеги, иногда еще назывался *беклербеги* (бек над беками), что было вызвано особым значением этого округа в Кокандском ханстве. Далее шли административные должности правителей вилайетов и бекств — *хаким, бек, аталык, датха* и прочие.

Бекства подразделялись на более мелкие административные единицы, называемые то аминствами, то серкерствами — административными районами местного управления. Далее шли аксакальства, которые состояли из кишлаков и аилов, являвшихся основными налоговыми ячейками.

Законченный вид административная система ханства получила при Алим-хане и была развита его преемником Омар-ханом, который установил наиболее централизованное правление, создал стабильную для своего времени и региона государственную машину[47].

К середине XIX в. основными вилайетами ханства были Андижанский, Маргеланский, Наманганский, Ходжентский и крупное наместничество — Ташкентское. В одном из документов от 1875 г. упоминается также Ош — «один из вилайетов, подведомственных столице Коканду»[48].

Каждый крупный город фактически являлся центром вилайета, местными административными центрами выступали и селения. В последние годы существования ханства в нем насчитывалось 15 бекств, зависевших непосредственно от хана, но некоторые входили в состав вилайетов. Беки управляли в качестве ханских вассалов. Они не пользовались только правом присуждения к смертной казни, да и то лишь юридически, на деле же власть их

была неограниченна. Беки раз или два в год должны были являться во дворец с докладом и дарами *(тартук)* для хана и наиболее влиятельных сановников.

Парваначи, минбаши, кушбеги, хакимы и беки, как только вступали в должность, начинали раздавать подведомственные им города и села своим родственникам и приближенным. Окружение каждого такого сановника представляло собой как бы ханский двор в миниатюре — с тем же безграничным деспотизмом.

Более мелких районов местного управления в 60-х годах в ханстве насчитывалось несколько десятков. Английский агент мулла Абдул Маджид, проживший около шести недель в Коканде, насчитал их 78[49]. Это были своего рода волости, аксакальства, которые управлялись обычно чиновниками в ранге *юзбаши* или *юзбеги* (букв. сотник).

Административный аппарат в Кокандском ханстве содержался не за счет ханской казны, а за счет ограбления окрестного податного населения. «Расходов по администрации,— сообщал М. И. Венюков в середине XIX в.,— ханское правительство почти вообще не знает, предоставляя бекам самим заботиться о своем вознаграждении за труды»[50].

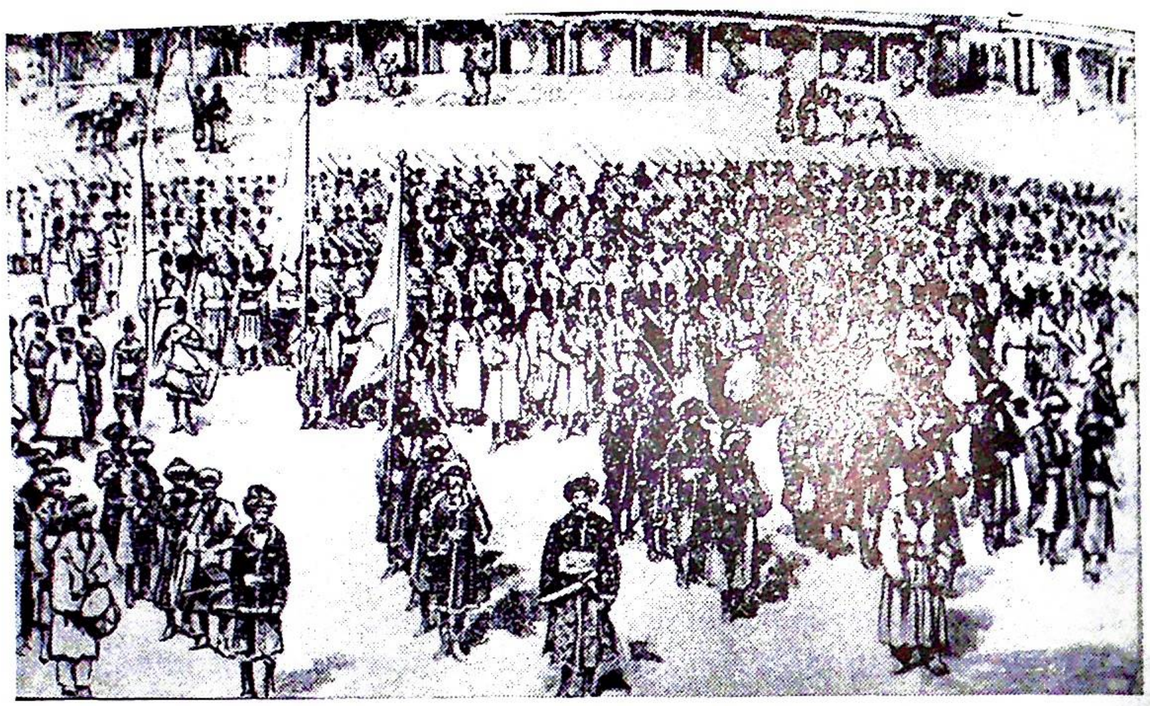
Главные принципы создания кокандской армии были заложены Алим-ханом. Армия состояла из конных ополченцев, в основном киргизов, и небольшого числа наемников — отрядов каратегинцев, шугнанцев и бадахшанцев, которым было назначено «жалование».

Мир Иззатулла, посетивший Кокандское ханство в 1812 г., в первые годы правления преемника Алим-хана — Омар-хана, сообщал, что регулярная конница не превышала 10 тыс. человек, другие войска — ополченцы достигали 30 тыс., но служба не превышала месяца и не оплачивалась.

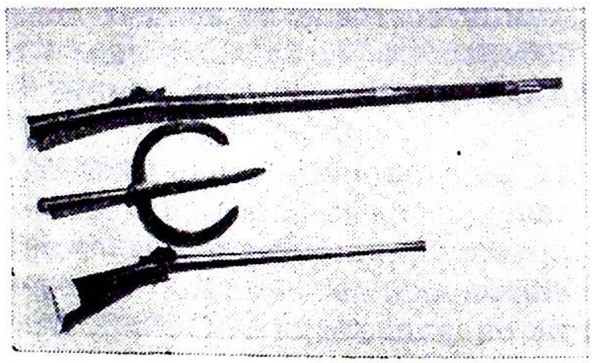
Кокандские послы в Стамбуле в 1833 г. явно преувеличивали вооруженные силы ханства: «Численность регулярной армии, по их данным, достигает 50 тыс. человек; она организована так же, как и старая армия Блистательной Порты. В случае необходимости она может быть доведена до 90 тыс. человек. Но она совершенно не имеет пехоты»[51].

Буквально через год, в 1834 г., кокандские паломники в Бомбее рассказывали, что кокандский хан лишь в случае необходимости может выставить на поле боя 50 тыс. всадников. Эти данные в общем могли соответствовать действительному положению состояния армии в Кокандском ханстве и подтверждаются также другими источниками.

Тот же мулла Абдул Маджид, имевший специальное задание разведывательного характера, собрал в 1861 г. в Кокандском ханстве данные и о его армии. По его словам, она состояла из 10 тыс. человек, преимущественно конницы. Правда, из них лишь 15 сотен — регулярные войска. Основной национальный состав вои-



Регулярное войско кокандского хана.



Киргизское оружие. XIX в.

нов — киргизы, казахи и кыпчаки, немного афганцев и индустанцев[52].

Все военное сословие ханства по родам оружия делилось на три категории: пехоту *(сарбазы)*, кавалерию *(сипаи)* и артиллерию *(топчи)*. Худояр-хан ввел воинскую повинность и расширил регулярные части, которые состояли из полков *(даста)*, сотен *(туб)*, полусотен во главе с *иллик баши*, а также десятков под началом *он-баши*.

Во время военной опасности сбор ополчения производился по территориально-административному признаку. Киргизы, «приписанные» к тому или иному району и округу, должны были выставлять потребное количество войск, обычно на лошадях и с полной экипировкой.

Население

Киргизское население не было сосредоточено в каком-то одном вилайете или бекстве и проживало преимущественно в южных и восточных районах ханства, на своих исконных территориях. Киргизы составляли бо́льшую часть населения Центрального Тянь-Шаня, включая Прииссыккулье, Чуйскую и Таласскую долины, Чаткал, а также Алай. Кроме того, значительная их часть проживала в Фергане — в Ошском, Андижанском и Наманганском вилайетах и менее значительная — в Ходжентском вилайете, а также на Памире, в пределах Бухарского ханства и в Восточном Туркестане — в новой китайской провинции Синьцзян.

Демографические оценки первой половины XIX в. как Кокандского ханства в целом, так и киргизского населения, противоречивы и заметно разнятся друг от друга. В то время еще не существовало переписи, и общие демографические показатели определялись главным образом европейскими путешественниками на основании сведений своих информаторов.

Одно из первых дошедших до нас свидетельств о численности всего населения Кокандского ханства, в том числе и киргизских кочевников, исходит от членов кокандского посольства в Турцию в 1832—1833 гг. По их словам, население Кокандского ханства «со всеми городами, городками и кишлаками достигает трех миллионов жителей», из которых третья часть — 200 тыс. кибиток кочевых киргизов, каракалпаков и узбеков[53].

Английский политический агент Джон Вуд, совершивший в 1838 г. путешествие к южному Памиру, численность киргизов в подданстве Кокандского ханства определяет в 100 тыс. человек[54], что явно занижено.

Сопоставив разрозненные противоречивые свидетельства о численности киргизов (с 1830 по 1880 г.) М. Дюбе (100 тыс. юрт), А. Вамбери (50 тыс. палаток), М. Венюкова (850 тыс. человек), Ю. Скайлера (350 тыс. человек), Л. Костенко (300 тыс. человек), В. Радлова (80 тыс. юрт), Н. Аристова (318 тыс. человек), можно условно принять, что к середине XIX в. примерная численность всего киргизского населения составляла 350—370 тыс. человек[55].

Кокандские крепости — оплот ханско-феодального гнета

Поскольку Киргизия была завоевана Кокандским ханством силой оружия, причем отдельные районы, например, Тянь-Шань, ценой кровопролитных схваток, для закрепления своей власти и обозначения границ государства кокандцы возводили укрепления—*коргон*, которые выполняли военные, административные, торговые и прочие функции. Анонимный автор 40-х годов XIX в. отмечал: «Границы Кокании прикрыты крепостцами, в которых содержатся постоянные гарнизоны для досмотра проходящих караванов и для наблюдения за кочевыми племенами...»[56].

Сооружение первых кокандских крепостей в Киргизии связано с расширением границ Кокандского ханства в период правле-

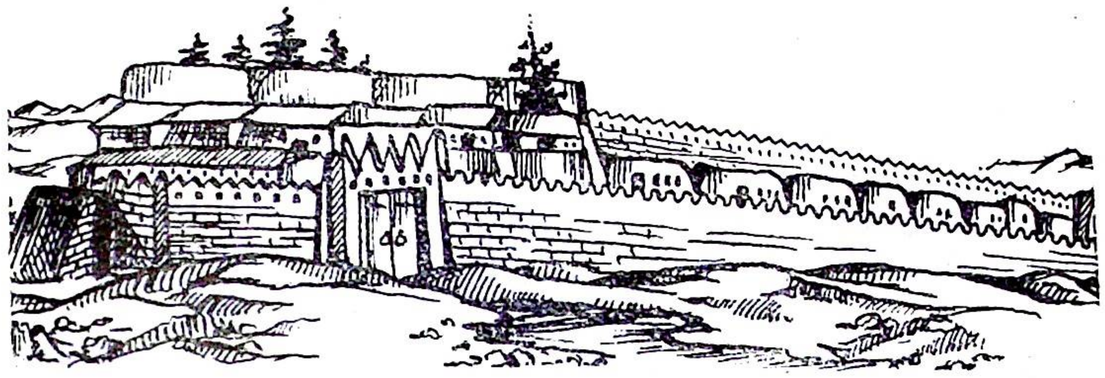
ния Омар-хана. В 1813—1815 гг. одно из бухарских укреплений на берегу Сыр-Дарьи перестраивается кокандцами и получает название Ак-Мечеть. В 1814 г. на северных склонах Кара-тау возводится Чолок-Коргон. В 1821 г на р. Талас сооружается крепость Аулие-Ата, захватывается у киргизов и укрепляется Кетмень-Тюбе (Узун-Ахмат или Улуг-Коргон) в одноименной долине, а также Дараут-Курган в Чон-Алае. Через четыре года в Чуйской долине строятся Мерке, Пишпек, Токмак, в Центральном Тянь-Шане — Атбаш.

Возведение и укрепление ряда кокандских крепостей на юге было связано с предупреждением опасности вторжения на киргизскую территорию цинских войск. Когда в 1827 г. в Восточном Туркестане восстание местного населения против цинского господства потерпело поражение, повстанцы, в том числе и их предводитель Джангир-ходжа, вынуждены были укрыться в горах. Пекинские власти отдали приказ двинуть китайские войска на Алай для наказания повстанцев и поимки Джангира. Кокандский правитель Мадали-хан, «испуганный приближением китайцев, приказал андижанскому хакиму Иса-датхе построить два укрепления: Суфи-Курган и Кызыл-Курган, на караванном пути из Кашгара в город Ош»[57]. Китайские войска были вынуждены возвратиться в Кашгар.

С завоеванием кокандцами Центрального Тянь-Шаня в 1830 г. в районе оз. Сон-Куль строятся крепости Джумгал и Тогуз-Торо, а в 1832 г. — Куртка на Нарыне и Таш-Курган на Памире. Наряду с крупными сооружениями, в это же время возникает целый ряд более мелких укреплений, которые в свою очередь обрастали своими «спутниками» — небольшими пикетами для ханских приспешников.

Строились укрепления и в районах наибольшего скопления киргизского населения, представлявшего серьезную опасность для кокандских ханов. Так, войска ташкентского кушбеги, вторгшиеся в Чуйскую долину весной 1830 г. для закрепления здесь своего господства, натолкнулись на вооруженный отпор местных жителей. Повстанцы были разбиты, однако кокандцы решили основать «около Ала-тау» еще одну крепость для того, чтобы, как доносил хорунжий Нюхалов, киргизов «привести в подданство и получить подати скотом»[58].

В 1861 г. в Семиречье кокандцами возводится укрепление Чалдовар. В этом же году вновь отстраивается и укрепляется Пишпек. На юге, в приграничных районах с новым государством Иэттышар, созданным кашгарским аталыком Якуб-беком, возникают и укрепляются такие крепости, как Кан, Кштут. «Имея эти укрепления,— отмечалось в одном из русских документов середины XIX в., — кокандцы грабили и притесняли киргизов при всяком удобном случае»[59]. Крепости служили для Коканда форпостами, из которых ханские отряды совершали набеги на мир-



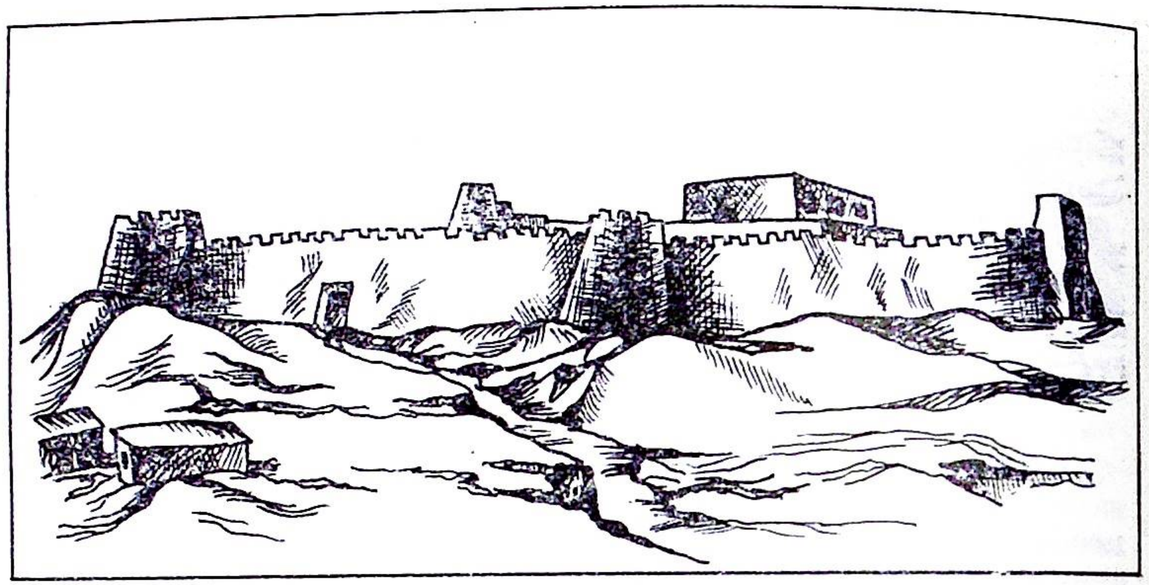
Кокандская крепость Пишпек.

ное скотоводческое население. Для слабовооруженных киргизских кочевников они были неприступны.

Однако сложенные в основном из сырцового кирпича и пахсовых блоков, они оказались недолговечными. Если в 70-х годах XIX в. А. Н. Куропаткин наблюдал на Алае лишь «одни развалины» от кокандских крепостей, то можно представить, в каком состоянии они дошли до нашего времени. Большинство из них «оплыло», и только опытный взгляд археолога может сегодня отличить следы кокандских крепостей от развалин других, более ранних городищ. Многие из них распаханы и полностью снивелированы. Поэтому, несмотря на упоминания в литературе или архивных документах, часть бывших крепостей сейчас почти невозможно с определенной точностью локализовать на местности.

Из документальных и литературных источников известно, что северную ветвь кокандских крепостей составляли: Ак-Мечеть, Аулие-Ата, Уч-Курган, Мерке, Чалдовар, Шиш-Тюбе, Ит-Кечу, Аксу, Пишпек, Токмак и Кастек; восточную — Каракол, Барскоон, Конур-Улен, Кызыл-Ункур по берегу Иссык-Куля; в Центральном Тянь-Шане были возведены крепости Куртка, Джумгал, Кочкор, Атбаш, Тогуз-Торо, Тюре-Курган, Кучаанды, Бугучу. С юга по приграничному поясу Памиро-Алая располагались Таш-Курган, Бустан-Терек, Дараут-Курган, Кызыл-Курган, Суфи-Курган, в Ферганских предгорьях — Исфана, Кан, Янги-Курган, Чартак, в Кетмень-Тюбинской котловине — Узун-Ахмат (Улуг-Коргон), Беш-Кемпир. Имелось множество других, более мелких и просто безымянных коргонов, посящих названия урочищ, в которых они располагались. Из перечисленных крепостей, сохранившихся в развалинах до нашего времени, только три еще представляют впечатляющее зрелище — Кан в Южной Фергане, Дараут-Курган на Алае и Чолок-Коргон в Центральном Тянь-Шане.

Обычно крепости окружали четырехугольные глинобитные стены, длиной 60—70 и высотой до 5 *м*, с башнями по углам и в центре одного из фасов. Внутри возвышалась цитадель — прямоугольное глиняное сооружение с дверями и окнами. Снаружи стены крепости окружал неглубокий, неправильной формы ров.



Кокандская крепость Токмак.

Внутри укрепление разделялось глиняными заборами на несколько дворов, у стен находились помещения для воинов, конюшни и склады продовольствия. Гарнизон крепости состоял из 150—200 человек, но в зависимости от обстоятельств мог численно меняться. Стены имели бойницы. В углах башен имелись амбразуры для небольших чугунных и медных пушек.

Более мощные крепости типа Пишпек имели угловые башни и бойницы для орудий, могли вмещать более тысячи воинов. Такие крепости, как Токмак, содержали небольшие гарнизоны в несколько десятков человек и были значительно меньше. По примеру мелких кокандских укреплений и по аналогии с ними строили подобные сооружения и киргизские манапы. Опыт возведения собственных укреплений киргизское население имело и до кокандского завоевания, но это были буквально единичные сооружения.

Кокандские власти не поощряли строительства киргизских укреплений. Очевидно, в связи с этим не удалось обнаружить ни одной киргизской крепости, относящейся к раннему периоду кокандского господства. Однако по мере возрастания роли киргизских феодалов в общественной жизни Кокандского ханства начинается возведение и киргизских крепостей — сначала в качестве административных кокандских центров в киргизских кочевьях (во главе их назначались киргизские феодалы), затем в качестве самостоятельных ставок киргизских феодалов.

В кокандский период в Таласской долине собственным укреплением располагал киргизский феодал Нурек Аджибеков. По назначению ташкентского хакима Азизбека-парваначи он являлся «правителем всех таласских киргиз»[60]. Здесь же возвел свою крепость и другой киргизский феодал — Садыр, претендовавший на верховную власть над таласскими киргизами рода саяк.

В 1843 г. иссыккульским манапом Боромбаем было выстроено укрепление Кызыл-Ункур, ставшее впоследствии его ставкой. Укрепление располагалось в верховьях р. Джуука на пересечении караванных путей, следовавших двумя ветвями из Иссык-Куля в Восточный Туркестан. Для сопровождения караванов Боромбай выделял за определенную плату проводников и погонщиков, снабжал их скотом. Охранявшееся 30 джигитами укрепление служило также складом для зерна и имущества. Оно имело бойницы. Причиной, побудившей Боромбая выстроить коргон, являлись феодальные усобицы между бугинцами и сарыбагышами. Именно в это время возводит свою крепость на перевале Санташ и верховный сарыбагышский манап Ормон. Однако сооружения оказались непрочными. Это отмечал во время своего путешествия П. П. Семенов-Тян-Шанский в 1856—1857 гг., уже тогда явившийся свидетелем лишь остатков боромбаевских укреплений[61]. Помимо оборонительных функций и ставок феодалов, подобные коргоны можно рассматривать как первые очаги оседлости киргизских феодалов.

В крупные кокандские крепости с гарнизонами в сотни солдат (типа Пишпек, Мерке), а также на обширные киргизские кочевья, например, Алай, особыми ханскими указами назначались военно-административные чиновники в ранге *датха, ишик-агаси*. Мелкими кокандскими укреплениями на территории Киргизии, такими, как Дараут-Курган, управляли коменданты — *токсоба*, под началом которых находились небольшие гарнизоны в один-два десятка солдат.

Местное управление

В этническом плане киргизское население в первой половине XIX в. продолжало сохранять родоплеменное деление. Оно играло отрицательную роль в исторической судьбе киргизского народа, являясь формой, обусловливающей сущность патриархально-феодальных отношений, сдерживало социальное развитие. Во-первых, родоплеменная структура препятствовала созданию внутриэкономического единства, территориальной общности, централизованному государственному устройству. Во-вторых, она служила феодалам для развязывания межплеменных усобиц, повлекших за собой упадок хозяйства и гибель тысяч трудящихся. В-третьих, облегчала завоевание и управление Киргизии кокандскими ханами, использовавшими политику натравливания феодалов одних племен и родов на другие.

Жизнеспособность мобильного родоплеменного устройства кочевого и полукочевого населения обусловливалась хозяйственной направленностью, самим процессом скотоводства. Патриархально-феодальные отношения либо исключали, либо делали неустойчивыми и условными территориальные связи, в то время как родоплеменная принадлежность казалась стабильной. Естественно, сохраняя архаичные формы, родоплеменная структура была феодальной по своей сути, наблюдалась имущественная и социаль-

ная дифференциация, лишь внешне прикрытая патриархальной оболочкой.

Родоплеменная структура киргизского общества вполне удовлетворяла интересы феодалов. Г. С. Загряжский, хорошо знавший быт киргизов, подчеркивал, что «разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся»[62]. Каждый феодал в своем роду, отделении, племени был полновластным хозяином, повелевавшим жизнью подданных.

Феодалы-родоправители—бии, манапы, держа в повиновении зависимую букару, не могли, конечно, не считаться с кокандскими ханами и не выполнять вассальных обязанностей. Но, отдаленные труднопроходимыми горными перевалами, используя мобильность и опираясь на реальную власть на местах, киргизские родоправители временами игнорировали ханских наместников, комендантов крепостей и проводили свою политику. И кокандским чиновникам нередко приходилось приспосабливаться к своеволию киргизских феодалов, поскольку только через них они были в состоянии выполнять функции по сбору налога и управлению окрестным населением.

Киргизские родоправители, правда, могли назначаться и смещаться беками, ханами, но это был скорее символический акт простого утверждения реальной власти киргизских феодалов, которых просто наделяли титулами *датха, пансад, токсоба*. Ханы направляли в киргизские кочевья начальниками гарнизонов и комендантами крепостей чиновников, на которых возлагалось управление киргизами. Однако они лишь считались управителями, фактически власть находилась в руках местных феодалов-родоправителей — манапов и биев.

Управление семиреченским кочевым населением в основном осуществлялось ташкентским наместником. Чуйская долина с ее административным центром Пишпеком находилась в непосредственном подчинении беклярбека Ташкентского вилайета. Пишпеком управлял ханский наместник — *бек*. Здесь сосредоточивался основной кокандский гарнизон. Отсюда отряды выезжали за сбором податей. Однако власть пишпекского бека над чуйскими киргизами была номинальной. Она становилась реальностью, когда поддерживалась вооруженными отрядами, когда опиралась на силу и влияние киргизских феодалов, которых ханские наместники то подарками, то посулами, то угрозами и репрессиями старались держать в своих руках.

Когда в середине XIX в. чуйские киргизы отказались внести зякет, кокандский хан решил прибегнуть к военной силе. В 1851 г. 20-тысячное войско прибыло в Пишпек. Разбившись на отряды, кокандцы начали грабить окрестное население. Комендант Пишпека направил манапам Джантаю и Боромбаю приглашения встретиться для переговоров. Но манапы, искушенные в интригах, побоялись явиться сами, а прислали вместо себя родственников. Внешне знаки почитания ханской власти были соблюдены,

кокандское подданство подтверждено. Киргизские феодалы признали власть кокандского наместника в Пишпеке.

Киргизские феодалы, будучи официально утвержденными Кокандом, тем не менее не испытывали уверенности в могуществе титулов, которых свободно могли лишиться вместе с жизнью. Другое дело — власть родоправителя, опиравшегося на экономическую мощь, собственную дружину и многовековые традиции. Но положение рядового труженика не менялось, если управителем окрестного населения и комендантом крепости назначался киргизский феодал. Комендант крепости Дараут-Курган Исмаил-токсоба, «начальник постоянно кочующих на Алае киргизов», например, был из местных феодалов. При нем в Дараут-Кургане имелся киргизский гарнизон, который ничем не отличался от кокандских воинов-узбеков: так же эксплуатировал население, собирал исправно зякет со скотоводов, подавлял недовольство и вооруженные выступления трудящихся. Окрестное население побаивалось Исмаила и сторонилось крепости.

Кокандские наместники в Ташкенте, Аулие-Ате имели право назначать старших правителей киргизских родов. Обычно это было формальным актом. Тем не менее для упрочения власти киргизские манапы-родоправители пытались заручиться ярлыком беков. Так, после смерти солтинского манапа Джангарача его сын Чолпонбай весной 1864 г. ездил на представление к ташкентскому парваначи и возвратился с богатыми подарками и ярлыком на звание старшего манапа рода солто.

Попав в зависимость от Кокандского ханства, киргизские родоправители сумели сохранить в своих руках былую систему управления местным населением, которая базировалась на патриархально-феодальных отношениях. В основе управления лежало феодальное право, но оно было завуалировано «народным обычаем», многовековыми традициями. Непосредственно трудящееся население не участвовало в управлении и было полностью от него отстранено. Политически незрелые дехкане, земледельцы и скотоводы, нередко воспринимали действия и поступки феодалов, направленные на удовлетворение их классовых потребностей, как действия, отражавшие и защищавшие интересы всего общества, их рода, их племени. С одной стороны, это помогало феодалам маскировать свою явно эксплуататорскую сущность и выступать даже в роли «отцов» — хранителей древних обычаев, традиций; с другой — вело к беспрекословному подчинению рядовых тружеников родоправителям, их участию в борьбе за интересы феодалов под лозунгом отстаивания интересов всего рода, племени. Лишь временами стихийный народный гнев перерастал в классовую борьбу.

Глава союза племен или одного крупного родоплеменного объединения сосредоточивал в своих руках власть, которая в условиях слабой зависимости от центрального правительства и постоянных межплеменных усобиц являла собой самостоя-

тельную форму внутреннего управления. Власть феодала-родоправителя, опутанная оболочкой патриархальщины, внешне представлялась «отеческой», основанной на родовом начале.

Административное управление внутри киргизских племен и родов отражало классовый характер общества, но патриархальная оболочка, традиционное «обычное право» были направлены на затушевывание этих классовых отношений.

Основной формой организации киргизов второй половины XVIII — начала XIX в. была пастбищно-кочевая община, ячейкой которой выступал аил. Община носила уже классовый характер, однако не была лишена и кровнородственных связей. Она представляла единый организм со многими традиционными институтами прошлого, в частности, патриархальными.

Класс феодалов

Несмотря на то, что Киргизия была завоевана силой оружия, киргизские феодалы сумели сохранить большинство своих прежних привилегий, власть над «своей» букарой. Были даже попытки провозглашения киргизских феодалов собственными ханами. Так, ослабление ханской власти в 40-х годах в центре, непрекращавшиеся восстания и усиление реальной власти киргизских феодалов на севере привели крупнейшего манапа Ормона к попытке обособиться и распространить свою власть на соседние племена.

Сарыбагышский манап Ормон имел собственное знамя, а от кокандских ханов получил чин парваначи. По словам Ч. Валиханова, он сумел поставить себя в такое положение, что собирал с соседних племен киргизов зякет и был «в сущности совершенно независимым»[63]. Ормон добился, чтобы его провозгласили ханом, хотя этот акт был чисто формальным. Указанные события нашли отражение в киргизском фольклоре. В 40-х годах на Иссык-Куле в местности Кутмалды Ормон созвал всеобщий совет — *курултай* — представителей сарыбагышских, бугинских, саякских, солтинских, саруйских, кушчинских, черикских племен Прииссыккулья, Центрального Тянь-Шаня, Чуйской и Таласской долин. По традиционному обряду кочевников, феодалы посадили Ормона на белую кошму и надели на него шапку с красным верхом — отличие ханской власти. Придерживавшийся кокандской ориентации и одновременно переписывавшийся с сибирскими властями, Ормон решил было, что настало время отделения и даже «сжег замок хана» — кокандское укрепление в Кутмалды. Однако Ормону так и не удалось сосредоточить власть и управление киргизскими племенами в своих руках, и он вынужден был обратиться за помощью к кокандскому хану, снова признав тем самым зависимость от него.

На юге Киргизии сильную власть и почти безграничное право распоряжения подданными имели алайские феодалы Алымбек-датха и его жена — «царица» Курбанджан-датха. 5 декабря 1860 г. Алай посетил по дороге из Индии в Коканд мулла Абдул Маджид, который назвал Гульчу «резиденцией» правителя

Алымбека-датхи[64]. Позже Е. Марков в своих путевых очерках оставил такую характеристику Курбанджан, наследовавшей правление Алаем от мужа — Алымбека. «Датха эта была почти независимою владетельницею во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое название бека от Худояр-хана, но эта ханская инвеститура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские киргизы высоко чтили родовую «белую кость» своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханскою властью»[65].

Порождением специфической киргизской жизни явилось *манапство*. Это был своеобразный институт крупных киргизских родоправителей, окончательно оформившийся и достигший апогея в период Кокандского ханства. Вопрос о времени происхождения манапства до сих пор остается невыясненным. Одни исследователи связывают его появление с термином «манап» и относят его возникновение к 40-м годам XIX столетия. Другие появление манапства датируют XVIII или даже XVII в. Сами манапы пытались иногда вести свою родословную от древних аристократов и с пренебрежением относились к простолюдинам, считая их рабами[66].

Институт «манапства» имеет более раннюю историю, чем термин «манап», и связывать сущность института только с термином неправомерно — его истоки следует искать в бийстве. Манапство образовалось из института биев — родоправителей и вобрало в себя все его функции. Но институт бийства не исчез, а трансформировался, сохранив за собой судебные прерогативы. Правда, и здесь последнее слово оставалось за родоправителями-манапами. Бии занимали низшую (по сравнению с манапами) ступеньку киргизской феодальной иерархической лестницы, оставались в качестве управителей более мелких родовых подразделений. При этом следует подчеркнуть, что их обязанности не ограничивались судебными функциями, они выполняли и административные поручения. Таким образом, бий был судьей и вместе с тем «начальником своего рода», через него передавались «все распоряжения». Будучи родоправителем и судьей, бий имел большое влияние, пользуясь которым, приобретал «политическое значение».

Наряду с термином *бий* уже в кокандское время употреблялся и термин *бай*. В смысловом значении он первоначально приравнивался термину *бий* — родоправитель. Английский агент Джон Вуд, совершивший в 1838 г. путешествие на Памир, подчеркивал, что у киргизов титул «бай» равносилен такой аристократической приставке, как дворянин. Влияние баев в киргизском обществе, по его мнению, «более патриархальное, чем деспотическое, и редко по другому пускается в ход, чем в сборе подати правительству и поддержанию интересов их соответствующих орд»[67]. М. И. Венюков писал о киргизском внутреннем самоуправлении: «Правда здесь благосклонна к сильному, и даже тот правитель считается

человеком ничтожным, который употребляет мягкие меры». Среди феодалов жестокий сарыбагышский манап Ормон «считался особенно благоразумным и даже великодушным, потому что имел у себя виселицу». Он ежегодно казнил несколько «преступников», наводя страх не только на своих подданных, но и на соседние киргизские роды[68]. Его примеру следовали и другие киргизские манапы.

Манап являлся по существу не только правителем рода, но и «организатором» жизни киргизского общества. Он определял кочевья и время кочевок, под его руководством вершился суд, через него происходили соглашения с другими родами и сношения с ханскими наместниками.

Одну из наиболее полных характеристик манапства оставил Ч. Валиханов: «неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью отца семейства, бия, как назывались манапы прежде. Первые манапы (по объяснению туземцев, сильный, недоступный деспот) появились недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени *Манап* был первый *тиран*. Манапство понравилось биям других родов и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения орды»[69].

Это была власть правителя, деспота, прикрывавшегося традициями и обычаями. Но как абсолютно бесконтрольную ее нельзя воспринимать. Так, из попыток Ормона выдвинуться в ханы и сосредоточить власть над окрестными племенами в одних руках практически ничего не вышло — ему не подчинились феодалы других племен.

Влияние манапов основывалось как на политической власти, традициях, так и на их экономической мощи. В середине XIX в., например, старший манап рода солто Джангарач имел 600 юрт, старший манап сарыбагышей Джантай — 700 юрт, старший манап саяков — до 500 юрт. Те манапы, число личных подданных которых определялось менее чем в 100 юрт, считались даже мелкими, захудалыми. В киргизском обществе были следующие категории манапов: *чон манап* или *ага манап* — старший манап, которому подчинялись более мелкие манапы его рода, племени: *жынжырлуу манап* — наследственный манап; *чала манап* — второстепенный манап, зависимый от старшего манапа; *чолок манап* — самый мелкий манап; из их представителей позже, в царское время, выбирали обычно пятидесятников. Была и такая категория, как *букара манап* — родственники манапа, стоявшие на социальной лестнице выше других людей, хотя были среди них и совершенно разорившиеся[70].

Немаловажную роль в киргизской общественной жизни, столь неспокойной в условиях кочевого быта, играло судопроизводство. В северных районах оно целиком находилось в руках киргизских биев, в южных иногда осуществлялось киргизскими биями совместно с узбекскими казиями. Судопроизводство затрагивало не

только процессуальные, но и административные функции. Поэтому у киргизов, особенно в кокандский период, в роли судей выступали родоправители — бии и манапы. Но встречались и судьи, не являвшиеся главой рода, отделения. Они обычно разбирали мелкие споры, да и то с оглядкой на родоправителя. Комиссия по ревизии во главе с Ф. Гирсом в представленной позже «Объяснительной записке» признавала, что у киргизов «родоначальники успели захватить в свои руки административную и судебную власть. Эти родоначальники приобрели себе значение в ущерб народа». Родоправители крупных объединений, сосредоточив в своих руках административную власть, приобрели и политическое влияние, стали «в полном смысле властелинами»[71].

Основная задача аильного бия заключалась в разрешении спорных вопросов внутри аила. При этом использовались методы убеждения, наложение имущественного взыскания и даже применялись телесные наказания. Обычно в ходе разбирательства прибегали к советам и считались с мнением родоначальников и влиятельных лиц, особенно манапов. Поэтому суд второй инстанции в полном смысле к середине XIX в. не сложился.

Способ разбора спорных дел между истцами различных родов, а тем более племен, был сложнее. Здесь высшую инстанцию суда представляли манапы — родоправители. Они имели право пересматривать дела, решенные биями.

Серьезные межродовые и межплеменные споры и важные дела решались на съездах биев *(дувана)*. Съезды созывались периодически. Если в рассмотрении дел были заинтересованы кокандские власти, то съезды могли собираться и по указанию ханских наместников. Как правило, они приурочивались к какому-либо празднеству. По «народным обычаям» дела решались публично.

В Южной Киргизии наряду с судом биев функционировали и суды казиев, однако удельный вес дел, рассматриваемых судом казиев, в киргизском обществе был сравнительно невелик. Суд казиев получил распространение у оседлого населения и лишь частично у полуоседлого в Фергане. Были случаи и ханского вмешательства в киргизское судопроизводство, а также факты перепоручения разбирательства дел своим наместникам и казиям. Так поступил в частности Малля-хан в 1859 г., поручив таласскому наместнику Мир-Хамиду разобрать спор между двумя киргизскими феодалами — Адилем и Кыдыралы о ста баранах, пятидесяти лошадях и двух верблюдах: «Потребуйте их к себе,— писал хан,— а затем, по учинении очной ставки дело это разберите по шариату, в присутствии казия, с тем, чтобы по выяснению обстоятельств прекратить тяжбу»[72].

Ханская администрация пыталась шире внедрять среди киргизского населения как религию, так и суды казиев, руководствовавшиеся нормами шариата, оттесняя суды биев, основывавшиеся на «обычаях». Именно в связи с этим генерал-губернатор

Г. А. Колпаковский в рапорте от 4 сентября 1873 г. писал: «...Кокандские ханы силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату»[73]. Дореволюционные наблюдатели видели в этом одну из причин народного восстания киргизов против Кокандского ханства. В «Санкт-Петербургских ведомостях» в сентябре 1874 г. сообщалось: «Политика прежних кокандских властителей возобновлена была Худояр-ханом еще в большей степени. Кочевое население, имеющее свои особые нравы и обычаи, руководящееся управлением по обычному праву или по адату, насильственно начали подчинять шариату»[74].

Система внутреннего управления киргизов и структура класса эксплуататоров-феодалов в период зависимости от Кокандского ханства покоились на феодальной основе, при этом большая роль отводилась традиционным формам взаимоотношений. Внешне выглядя как добровольное подчинение авторитетному аксакалу, многоопытному бию и могущественному манапу, моральная система принуждения, «освященная» всей предшествующей традицией, на самом деле была направлена на подавление инициативы трудящихся и защищала интересы господствующих классов.

Роль киргизских феодалов в политической жизни ханства

После завоевания края Кокандским ханством киргизские феодалы быстро приспособились к новым условиям, наиболее инициативные сосредоточили усилия на том, чтобы определить свое место и отношение ко двору. Киргизские феодалы, особенно юга Киргизии, территориально близкого к Коканду, стали активными проводниками ханской политики.

Патриархально-феодальные отношения, неразвитость классового самосознания трудящегося населения — дехканства вели к тому, что, используя стихийное проявление недовольства народных масс, феодалы могли увлечь за собой трудящихся для защиты чуждых им интересов. Это обстоятельство позволяло киргизским феодалам активно вмешиваться в ханские междоусобицы, именно поэтому они представляли серьезную опасность для кокандских властей.

Мулла Абдул Маджид отмечал три основных этнических массива внегородского населения ханства — киргизов, кыпчаков и казахов, между феодалами которых, по его словам, идет «постоянная борьба..., но в основном преобладают киргизы» — «киргизская клика (при Малля) самая высшая»,— писал он[75]. Нередко, киргизские и кыпчакские феодалы совместно выступали оппозицией существовавшей власти и ханскому двору. Кочевые феодалы, начиная с 1842 г., низвергали и возводили на престол кокандских ханов по своему усмотрению.

Все кокандские ханы были из узбекской феодальной династии Минг, но позже по женской линии она смешалась с киргизской ветвью. Перипетии судьбы, частые дворцовые перевороты и смуты, а также экономические интересы привели к тесному контакту и близким родственным связям между ханами и киргизскими феодалами. Нередко киргизки становились женами ханов и матерями ханских наследников. Характерный пример тому — кокандский хан Шералы (1842—1844 гг.) и его наследники. По источникам, мать Шералы была киргизкой а его отец Хаджи-бек — родным братом Нарбуты.

Во время дворцовых смут при Алим-хане Шералы бежал в Талас. Здесь он женился на киргизке, обзавелся детьми и вел обычную жизнь рядового кочевника-скотовода. Киргизские феодалы укрыли его не просто из милосердия. С одной стороны, это было проявлением оппозиции ханской власти, с другой — свидетельством силы и противопоставления себя (в определенной степени) Коканду.

Шералы долгое время оставался «нераскрытым козырем», которым в свое время могли воспользоваться киргизские феодалы. И случай вскоре представился. В 1842 г. осложнились отношения между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством. Весной эмир Насрулла со своими войсками выступил против Мадали-хана и овладел Кокандом. Он решил превратить завоеванное государство в свою провинцию и назначил наместником Коканда узбека из бухарской династии Мангытов Ибрагима Хаял-парваначи. Тот сразу обложил население новыми налогами, бухарские воины начали бесчинствовать и грабить население. Все это вызвало недовольство и волнения.

Кыпчакские и киргизские феодалы устроили заговор с целью возведения на престол своего ставленника. Они решили пригласить Шералы, в надежде, что он станет послушной марионеткой. В Талас выехал представитель Наманганского вилайета киргиз Юсуф. В свое время он был минбаши при Мадали-хане, но затем был смещен и отправлен хакимом в Маргелан. Юсуф решил вернуть свое былое влияние и положение при дворе. Вместе с Шералы пришли отряды таласских киргизов, возглавляемые Сейид Али-беком и другими киргизскими феодалами-родоправителями. К ним стали стекаться со всех сторон отряды восставших киргизов и кыпчаков. У мазара Сафид-Булан, на северо-востоке Ферганы, с соблюдением всех традиционных обрядов 50-летнего Шералы провозгласили ханом. Отсюда многочисленное войско киргизских и кыпчакских феодалов во главе с Шералы двинулось на Коканд, по пути довольно легко занимая крепости, селения и города. Ибрагим Хаял бежал в Бухару. Шералы вступил в Коканд и занял престол. Во всех вилайетах насаждалась новая ханская администрация. Киргизские феодалы и бии-родоправители получили ярлыки с правом власти над своими подданными.

В то время, когда Шералы решил несколько умерить влияние киргизско-кыпчакских феодалов и в противовес им приблизить группировку узбекских феодалов, кыпчаки открыто выступили против хана. Возглавил движение Мусулманкул — жестокий предводитель кыпчаков. Посланные вскоре против него войска

минбаши Шади и малолетнего сына хана Худояра потерпели поражение. Шади погиб в бою, Худояр попал в плен. Мусулманкул с триумфом въехал в Коканд. Он захватил должность минбаши, а фактически — всю власть в ханстве. Шералы остался на престоле, но полностью превратился в марионетку Мусулманкула. Киргизские феодалы, поддерживавшие хана в борьбе с кыпчаками, отступили, однако не смирились с создавшимся положением.

В этой обстановке представители оттесненной феодальной знати — некий датха Рахматулла-мирза и исфаринский хаким Сатыбалды из киргизов — организовали заговор. Заручившись поддержкой алайских феодалов, они решили свергнуть Шералы и возвести на престол одного из сыновей Алим-хана — Мурада, находившегося в то время в Ура-Тюбе.

В перевороте немаловажную роль сыграли киргизы — как прибывшие с Алая, так и освобожденные в Коканде пленные. Согласно источникам, с Мурад-беком в Коканд прибыл отряд киргизов в 100—200 человек. Они-то, надо полагать, и составили военное окружение нового хана. Но Мурад-хан (1844 г.) продержался на престоле недолго. Как говорили, основным желанием его жизни было «процарствовать хотя бы два дня». Он владел троном немногим более 11 дней (по некоторым источникам, 7 дней).

Собрав оставшиеся преданные ему войска, Мусулманкул вошел в Коканд и провозгласил ханом Худояра. Кыпчаки, захватив власть, уничтожили придворных сановников как киргизской, так и узбекской знати, в том числе не пощадили и духовенство: был казнен шейх-уль-ислам Сулейман-ходжа — высшее духовное лицо Кокандского ханства, и другие. Вся власть сосредоточилась в руках правителя кыпчакских феодалов, приближенных Мусулманкула, объявленного регентом ханства.

Вступление на престол Худояр-хана (правил трижды — 1844—1858, 1862—1863, 1865—1875 гг.) и фактический захват власти Мусулманкулом не означали полного отстранения киргизской феодальной знати. Просто одна феодальная группировка потерпела поражение, другая — взяла верх, одни киргизские феодалы уступили место другим, бывшим в союзе с Мусулманкулом. Худояр-хан, воспитанный в среде таласских киргизов, несомненно, имел своих сторонников и среди киргизских феодалов. Сам Мусулманкул был женат на киргизке и являлся зятем крупного кетменьтюбинского манапа.

Возведенный на престол в обход своего старшего брата Малля-бека, Худояр-хан оказался полностью под влиянием Мусулманкула. Мусулманкул породнился с Худояр-ханом, выдав за него свою дочь. Оказавшись таким образом еще и тестем хана, он безгранично распоряжался всеми делами в ханстве.

Со временем Худояр-хан стал тяготиться опекой временщика. Воспользовавшись восстанием ташкентских феодалов, недовольных Мусулманкулом, он присоединился к повстанцам. Мусулман-

кул был разбит и бежал на Чаткал, спасаясь в горах, затем нашел приют в Кетмень-Тюбе.

9 октября 1852 г. в местности Балыкчи произошло новое сражение Худояр-хана с Мусулманкулом. Киргизско-кыпчакское войско Мусулманкула было разбито, взято «бесчисленное множество» пленных, в том числе и сам Мусулманкул. Пленных по приказанию хана по одному убивали на протяжении всего пути, а дошедших до Коканда казнили в течение трех дней на глазах у прикованного к столбу Мусулманкула. В конце концов повесили и его. Худояр-хан отдал приказ поголовно истребить кыпчаков-мужчин. Народ оказался под угрозой физического истребления. Три десятилетия спустя, В. Наливкин, встретившись со свидетелем этой драмы, писал: «Мусулманкул пал; при жизни он опутал кыпчаков сетями своего чрезмерного честолюбия; когда он пал, эти самые сети повлекли за ним его народ в бездну ужасов, в бездну воплей бесприютных сирот и вдов, в бездну материального разорения всего того, что успело спастись от шашек и пожей убийц»[76].

В 1858 г. старший брат Худояр-хана Малля-бек решил, что наступил его черед овладеть престолом. Основную опору он нашел в среде киргизских феодалов и опальных кыпчаков. Но заговор был раскрыт и претендент бежал в Ош, а затем перебрался к алайским киргизам. В Гульче Малля-бек обратился за помощью к влиятельному киргизскому феодалу Хасан-бию, бывшему в то время в большой силе среди всех ближайших киргизов. Собрав ополчение в несколько сот всадников, они двинулись в урочище Кара-Су. Здесь они обратились с призывом к местным жителям свергнуть Худояр-хана и, существенно усилившись, пошли на Андижан. По пути к ним присоединилось недовольное ханом киргизское, кыпчакское и узбекское население — собралась огромная армия. Вышедшие навстречу войска Худояр-хана потерпели поражение. Сам хан бежал. Малля-бек торжественно вступил в столицу в качестве нового хана (1858—1862 гг.).

Особенно высокого положения при Малля-хане достиг крупнейший феодал Алая Алымбек, игравший в конце 50-х — начале 60-х годов одну из основных ролей в Кокандском ханстве. За заслуги в возведении на престол Малля-бека он получил в управление Андижанский вилайет.

Являясь киргизским феодалом-родоправителем и изощренным придворным сановником, сыгравшим большую роль в междоусобицах кокандских ханов, Алымбек-датха был типичным представителем своего класса — жестоким, в угоду личным интересам не щадящим жизни даже своих подданных. Именно Алымбек отличился зверским убийством местного населения города Ош во время одного из восстаний. Он принимал активное участие во многих политических событиях Кокандского ханства, разжигал вражду между феодалами Алая, Тянь-Шаня и даже Иссык-Куля.

Западносибирский генерал-губернатор Дюгамель, внимател-

но наблюдавший за положением внутри киргизских племен, считал, что Алымбек, пытаясь стать независимым правителем Тянь-Шаня, противопоставит себя Кокандскому ханству и поэтому обязательно обратится к царским властям за помощью. Такое намерение, судя по всему, у Алымбека было. И Дюгамель отдает распоряжение Г. А. Колпаковскому, бывшему тогда начальником Алатавского округа, положительно отнестись к просьбе Алымбека, если тот предпримет попытки установления контактов. Александр II нашел «дельными... распоряжения, сделанные на случай, если Алымбек выкажет намерение вступить с нами в дружеские сношения»[77].

Это было выгодно царскому правительству, поскольку способствовало продвижению России в глубь Средней Азии. Однако Алымбек пошел по другому пути, направив свои усилия на низложение также и Малля-хана, замену его своим ставленником. Как значится в автобиографии киргизского феодала Шабдана Джантаева, во время его службы при Канаате — правителе Ташкента — Алымбек в сговоре с Кыдыром, Шабдан-хаджой и пятью другими феодалами, среди которых называются также киргиз-кыпчаки Алымкул, датха Худаназар, Дуст-Мехтар и мирза Мад Ибраим, ворвались в спальню Малля-хана и убили его[78]. Это произошло 24 февраля 1862 г. Престол занял племянник Худояр-хана Шах-Мурад. Главным вазиром ханства был назначен Алымбек. Правда, ненадолго. Вскоре его сопернику Алымкулу удалось расправиться с Алымбеком, Кыдыром и другими. Сосредоточив всю власть в своих руках, Алымкул стал выступать также в роли начальника киргизов и кыпчаков.

Воспользовавшись междоусобицами в ханстве, Худояр-хан, находившийся в изгнании в Бухаре, с небольшими силами вступил в пределы ханства. Войско эмира переправилось через границу и начало грабить окрестное киргизское население. Когда эмир Музаффар и Худояр-хан подошли к стенам Коканда, слабовольный Шах-Мурад бежал. Вслед за ним в сторону Андижана и Оша бежали «Алымкул и прочие военачальники киргизского и кыпчакского войска»[79].

Худояр-хан занял столицу. Однако к спокойствию это не привело. Разоряемые налогами, грабежами ханских и эмирских войск, народные массы восстали. Феодалы, используя ситуацию, захватили руководство восстанием и выступили против Худояр-хана. Ханские войска возле Ассаке были разбиты, Худояр оказался в длительной осаде. Между осажденными ханскими отрядами и повстанцами происходили затяжные эпизодические стычки. Постепенно к киргизам и кыпчакам переходят основные кокандские города — Андижан, Маргелан, Наманган. Алымкул и наиболее активные киргизские родоправители — таласский Сарымсак-бай, некто Тавалды и другие во второй половине июня 1863 г. провозгласили ханом малолетнего племянника Худояра Султан-Сейида (1863—1865 гг.). Алымкул стал при нем регентом.

Сообщая по просьбе Колпаковского сведения о кокандских правителях, киргизский манап Байтык Канаев в одном из писем в декабре 1863 г. информировал, что на престоле находится 12-летний Султан-Сейид, хотя вместо него фактически управляет ханством мулла Алымкул — «дикокаменный киргиз»[80]. Сам Алымкул и назначенный им новый наместник Ташкента Койчи называли себя киргизами: первый — из племени кыпчак, второй — из племени карабагыш.

В эти годы роль киргизских феодалов в Кокандском ханстве настолько возросла, что казахский бий Тураат-Ногай доносил в 1864 г. верненскому приставу: «Кокандом управляют черные киргизы, кыпчаки и адыгене, сарты же положительно присмирели»[81]. Определенное влияние в 60-х годах в Кокандском ханстве имели и другие киргизские феодалы не только из южных, но и северных районов. Периодически посещал кокандский двор манап Шабдан Джантаев. Он не терял связей с кокандскими сановниками и даже с ферганским духовенством, выделял средства на поддержание «святых» мест. В свою очередь, хан, стремясь заручиться поддержкой влиятельного киргизского феодала, наделял его званиями, одаривал халатами.

На середину 60-х годов приходится успешное продвижение царских войск в Среднюю Азию. Кокандские крепости одна за другой попадают под контроль России. Алымкул пытался противостоять этому, но силы были неравны. В одном из боев под Ташкентом в 1865 г. он был ранен и вскоре скончался[82]. Лишившись сильного покровителя, потеряв войско, кокандский хан Султан-Сейид отправился на поклон к бухарскому эмиру, но был по его приказанию казнен. Худояр-хан при поддержке бухарского эмира вновь занял Коканд.

Киргизские и кыпчакские феодалы вынуждены были смириться с Худояр-ханом. С Алая спускается (не без риска быть наказанной) преемница Алымбека-датхи, его жена Курбанджан, взявшая управление алайскими киргизами в свои руки. Худояр-хан доброжелательно встречает алайскую правительницу, подтверждает ее наследственные права и утверждает в звании датхи. Фигура Курбанджан-датхи вызывала удивление российской прессы рубежа нашего века. Современники идеализировали ее, она действительно была незаурядным лицом на фоне всеобщего восточнодеспотического исламского пренебрежения к женщине. После смерти Алымбека-датхи Курбанджан унаследовала его власть на Алае как родоправительница киргизов, а также заменила Алымбека в феодальной иерархии Кокандского ханства, стала датхой (единственный случай в истории ханства). Ее управление алайскими киргизами представлялось в то время чем-то исключительным: женщина в мусульманском государстве возвысилась до роли официального преемника родовой власти после мужа.

Таким образом, невзирая на симпатии и антипатии кокандских ханов, киргизские родоправители пользовались огромным

влиянием, фактически держали в своих руках управление родами, передавали власть по наследству, играли серьезную роль в политической жизни ханства.

Говоря о значении киргизских феодалов в политической жизни Кокандского ханства, следует отметить, что они не испытывали явного экономического, политического и национального угнетения, наоборот, сами участвовали в составе ханского административного аппарата в налоговом ограблении как узбекских, так и киргизских трудящихся. И только когда ущемлялись их личные интересы, они становились в оппозицию к ханской власти и могли даже принять участие в народных антиханских восстаниях.

Класс непосредственных производителей

Отдельные буржуазные ученые, идеализируя киргизское общество того периода, пытаются выдать его за бесклассовое общество, основанное на отношениях кровносемейного родства. На самом же деле это было типичное феодальное общество, опутанное сетью патриархальных отношений. Большую часть населения составляли непосредственные производители, свободные простолюдины и рабы — так называемая «черная кость».

Представители «белой кости» — феодалы, манапы, беки, баи и бии всячески стремились затемнить классовое самосознание трудящихся, старались внушить им ложную мысль об общности интересов всех членов родовых и племенных объединений. Пытаясь заглушить их недовольство, возмущение и негодование, они всячески разжигали межродовую и межплеменную вражду, выдавая себя за «защитников» интересов «своих» сородичей.

Рядовой кочевник, перекочевывая со своим немногочисленным скотом с зимовок на весенние, затем летние и опять осенне-зимние пастбища со своим аилом и родом, во многом зависел от феодала и как распорядителя пастбищ, регулирующего процесс и порядок кочевания, и как «хранителя» традиций, народных обычаев, и как чиновника, наделенного определенной административной властью, и как сборщика налогов, и просто как более мощного экономически соседа, к помощи которого можно при случае обратиться в голодные годы или во время стихийных бедствий. Все это обусловило его экономическую зависимость, причем нередко опосредствованную через аксакала, главу аила.

Букара, что буквально означает *«беднота»,* также делилась на сословия, в зависимости от экономического положения и выполняемых функций в хозяйстве феодала. Большую часть составляли скотоводы-кочевники, ведущие самостоятельное хозяйство, но зависящие от феодала в силу его экономического могущества и обладания политической властью. Они пасли скот, несли в полной мере налоговую и феодальную повинности. Бедняки в силу маломощности своего хозяйства не могли обеспечить прожиточный минимум для своей семьи и были вынуждены обращаться к феодалам за помощью. На кабальных условиях они получали

во временное пользование скот (должны были возвратить его с приплодом — *саан),* нанимались пастухами, слугами, выполняющими поденную работу, или занимались земледелием на байских участках, получая за труд определенную долю урожая.

В байских хозяйствах отары перегоняли, как правило, нанятые пастухи (иногда под видом члена семьи). Середняки, напротив, выпасали отары по очереди сами. Бедняки нанимались в пастухи к баям или середнякам.

Наемный работник юридически и фактически был бесправен. «Обычаи» киргизов и казахов классифицировали его обязанности следующим образом: «Работник обязан выполнять все требования хозяина, вытекающие из существа заключенного с ним договора, относиться к нему почтительно, без его разрешения никуда не отлучаться и беречь хозяйское имущество, как свое собственное»[83].

Киргизская лексика имеет довольно богатую терминологию по определению понятий зависимых и выполняющих разную работу крестьян — скотоводов и земледельцев. Бедняков называли *кедей,* разорившихся крестьян — *джакыр* или *топор.* Среди зависимых, но обладающих своим хозяйством бедняков, выделялись *коншу* (сосед). Они кочевали вместе с феодалом или занимались земледелием, оказывали «содействие» своей работой в хозяйстве бая и получали от него за это питание — *саан атмай.* Коншу большей частью являлись выходцами из другого рода, отколовшимися от своего аила, или бывшими рабами.

Наемный работник на подсобных работах *(малай)* был обычно из чужого рода. Батраки из своего рода малаями не считались, хотя находились не в лучшем положении. Они обрабатывали землю якобы за «помощь», или «добровольно» помогали родственникам. *Аштыкчы* — слуга феодала, который был занят в хозяйстве бая, манапа,— человек, обязанный следить за посевами бая и поливать их.

Крестьяне, перешедшие полностью от скотоводства к земледелию, назывались *джатак* (букв. лежачий, оседлый), на юге более употребительным был термин *егенчи.*

Традиционно устойчивую категорию эксплуатируемого земледельческого населения в Фергане и Южной Киргизии составляли *чайрикеры* — издольщики, работавшие на чужой земле чужими орудиями, получавшие часть урожая. В северных районах издольщика обычно называли *орток.*

Чернорабочий, поденщик назывался *мардикер* — социальная категория беднейшего крестьянства, нанимавшегося к феодалам, бай-манапам на сезонную или поденную работу. В период господства Кокандского ханства мардикерами также назывались люди, принудительно созванные на большие ирригационные работы, организуемые государством. Поскольку такие работы назывались *ашар,* то мардикера называли еще *ашарчы.*

Незначительную прослойку трудящегося населения составляли промысловики, охотники, ремесленники, солдаты, уходившие по найму в армию кокандцев или кашгарских правителей.

Родоплеменная организация, поддерживаемая феодалами, накладывала отпечаток на социальную структуру киргизского общества. Каждый киргиз должен был знать семь «своих» предков по мужской линии — *жети ата,* в противном случае его презрительно называли *кул* — раб.

Рабство обладало специфическими чертами социальной структуры киргизского общества. Истоки его были различны, но все они основывались на насильственных методах. История Киргизии времен кокандской зависимости хранит немало примеров таких усобиц, в ходе которых в рабство попадали сотни людей. И хотя рабство у киргизов в XIX в. считалось как бы семейным, патриархальным, тем не менее раб и по юридическим нормам и фактически являлся совершенно бесправным. «Раб — вещь; господин имеет над ним право жизни и смерти» — вот основная формула киргизского «обычного права» по отношению к этой социальной категории населения. И из этой статьи вытекало все остальное — «бесправное право»: имущество раба принадлежало господину, он не имел права на самостоятельную женитьбу, не мог жаловаться на жестокость. Дети раба и рабыни не освобождались от рабского сословия. Выкупиться на волю или быть отпущенным раб мог лишь по желанию господина.

Были случаи, когда рабов десятками перепродавали, выставляли в качестве призов. Так, манап Джантай уплатил в качестве калыма за жену своего сына Шабдана 45 рабов, манап Джангарач только на одной байге в качестве приза выставил 60 рабов[84].

Оторванные от народа, экономически беспомощные, политически бесправные, рабы являлись верными слугами хана. За это хан мог назначить бывшего своего раба налогосборщиком, телохранителем, предводителем отрядов. Оставаясь архаичным даже на фоне феодального общества, рабство не могло играть существенной социальной роли и после добровольного вхождения Киргизии в состав России было ликвидировано.

В заключение следует сказать, что социальная структура киргизского общества в целом не претерпела существенных изменений под влиянием Кокандского ханства. Наибольший отпечаток оно наложило на класс киргизских феодалов, перенимавших ханские методы управления и эксплуатации трудящихся. В основе своей социальные отношения киргизов продолжали оставаться феодальными, опутанными патриархально-родовыми пережитками.

Являясь самым многочисленным и самым бесправным, класс трудящихся заключал в себе заряд той потенциальной энергии, которая временами выливалась в стихийные выступления против хана и местных феодалов-эксплуататоров.

Киргизская община и патриархально-родовой уклад

Киргизская община своими истоками уходит в глубь веков. В XVIII— первой половине XIX в. она являлась основной носительницей патриархально-родового уклада, который занимал большое место в общественной жизни феодального

периода. Именно соотношение господства феодальной формации и патриархально-родового уклада позволяет исследователям классифицировать общественные отношения в Киргизии того периода как патриархально-феодальные.

Община киргизов, выступая в определенные периоды как административная и общественная единица, уже не представляла собой, естественно, родоплеменной организации первобытнообщинного строя. В новых условиях она являлась продуктом классового развития с его резкой имущественной дифференциацией, хозяйственным дуализмом и соответствующей идеологической надстройкой, хотя при этом сохраняла часть своих архаичных признаков. Так, сохранились традиционные названия, однако значение их трансформировалось, развились новые по своему характеру социальные отношения.

Специфические черты развития общины на Востоке, и особенно в кочевом обществе, позволяют говорить о киргизской общине как главной носительнице традиций прошлого и патриархально-родового уклада. К. Маркс в наброске письма к В. Засулич подчеркивал, что сельская община, встречающаяся в Азии, в частности у афганцев и других народов, «повсюду представляет собой *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*»[85].

Изучение общины дает ценный материал для освещения ранних форм феодальных отношений. Общины различных регионов имеют много отличительных особенностей, но в то же время содержат и единую сущность — определенную коллективность в производственной и общественной сферах.

Сельская община земледельцев, а также (и особенно часто) кочевое общество, община в документах Кокандского ханства и в устной киргизской речи называлась *джамаат, джамаа* (араб.). В Средней Азии этот термин употреблялся в отношении родовой общины кочевого и полукочевого населения.

Если община земледельческого населения в целом была стабильной, то отличительной чертой пастбищно-кочевой общины являлась ее мобильность. Основная часть жителей аила-общины передвигалась в соответствии с циклом кочевания по временам года. При этом община, представлявшая зимой аил с прочно закрепленными только за ним пастбищами и пашнями, летом расширяла свой ареал в результате совместного с соседями кочевания по определенно установленной территории.

Являясь основной ячейкой патриархально-родового уклада у киргизов, община, особенно пастбищно-кочевая (аильная), содержала в себе все элементы, отражавшие политико-экономическую и идеологическую его основу.

Экономическая замкнутость общины обусловливалась следующими причинами: натуральностью хозяйства, феодальной раздробленностью, военными усобицами и географическими условиями.

Исторически сложившийся кочевой тип хозяйства был натуральным. В. И. Ленин писал, разъясняя сущность патриархального хозяйства: «Патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом»[86]. Это положение можно проиллюстрировать и общественным устройством киргизов, наиболее ярко проявившимся в патриархально-родовом укладе как одном из институтов феодальной общественно-экономической структуры. При этом патриархально-родовой уклад пронизывал все ее стороны: экономику, социальное развитие, быт, семейно-брачные отношения, идеологию. Община содержала в себе все элементы общественно-экономических и идеологических взаимоотношений киргизов в прошлом столетии.

Исторически сложившаяся родовая, или аильно-общинная организация, имевшая прочные внутренние связи, поддерживалась в первой половине XIX в. Кокандским ханством. В частности, в кокандском войске насчитывались целые сотни, состоявшие из однородных обществ узбеков, кыпчаков, киргизов. В одном из документов архива кокандских ханов упоминается о выдаче довольствия воинским чинам — *есаулам, курукчи, караулбеги* «из сотни *(туб)* есаулов кочевого общества *(джамат)* киргиз-кыпчак»[87].

Хозяйственный дуализм общины (частное и общинное владение разными категориями земель) существовал наряду с классовым, социальным дуализмом *(бедняк и бай, букара и аксакал)*. И если феодала кочевого общества устраивали коллективное владение и пользование пастбищами, то феодала оседло-земледельческой общины тяготили скованность и ограниченность, обусловливаемые сущностью общины. Он стремился вырваться из сдерживавших оков общины и прилагал усилия к обособлению своего частного владения.

У киргизов до XIX в. сохранялись большие патриархальные семьи в несколько десятков и даже сотен человек. Одна такая семья представляла самостоятельную хозяйственную ячейку и фактически являлась общиной. Иногда община состояла из нескольких семейных групп, связанных между собой родством, общими хозяйственными интересами, идеологическим единством. Предложенный М. О. Косвеном для определения таких групп термин «патронимия» был принят советскими этнографами и получил широкое распространение. Патронимией автор называет «происшедшую от раздела одной большой семьи группу больших и малых семей, сохраняющих между собой хозяйственную, общественную и идеологическую связь»[88]. Характерной особенностью патронимии является наличие обязательной родственной связи между ее членами, что часто не обязательно для общины.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что патронимия чаще сохранялась у бедняков, нежели у класса имущих. Причина такого явления заключалась в экономической слабости бедняцких хозяйств, в то время как богач был в состоянии вы-

делить отдельные юрты для своих сыновей и разделить имущество. Патронимия (по терминологии этнографов Киргизии — *ата* или *чон-уй)* включала представителей трех поколений.

Всей хозяйственной деятельностью патронимии управлял ее глава, которым мог быть только мужчина. Женщина, если ей приходилось управлять хозяйством вследствие малолетства сыновей, считалась лишь опекуншей и по достижении наследниками совершеннолетия должна была отчитываться перед ними. Глава семьи бесконтрольно распоряжался семейным имуществом, хотя возрастное старшинство сына давало ему право участвовать при случае в семейном совете наравне со стариком-аксакалом (которому обычно помогал один из членов семьи).

Однако существовали такие обычаи, которые как бы ограничивали права главы семьи. Так, обычай не разрешал аксакалу продавать землю, юрту, ценный скот без согласия взрослых сыновей, устанавливал определенную долю каждого сына в семейном хозяйстве при выделе, запрещал отцу лишать своих сыновей наследства или отказывать в выделе, если нет к тому веских оснований. В случае нарушения обычая в дело вмешивался аильный старшина (аильный аксакал) или манап.

Очень большие семьи являлись типичными до середины XIX в. Такая семья могла являться составной частью общины, объединявшей нередко кровных родственников по мужской линии. Родственная связь, хозяйственная общность обусловили солидарность между членами общины, соответствующие формы взаимоотношений между ними и общины в целом с чужеродцами. Совокупность форм взаимоотношений внутри общины, а также внешних связей определялась родовым укладом *(нарх)*, который поддерживался неписаным правом «родовой чести» *(намус)*. Намус на основе нарха в конечном счете определял личную, семейную, общественную и политическую жизнь каждого члена рода в отдельности и рода в целом.

Хранителями нарха являлись старейшины родов, к которым обращались по поводу всякого рода недоразумений, возникавших между сородичами или в семьях. Их решение было безапелляционным. С возвышением власти манапа решение старейшины могло быть обжаловано и после утверждения манапом считалось окончательным.

Таким образом, власть аксакалов, биев, манапов, т. е. родоплеменных правителей, зиждилась не только на экономической основе, но и на традициях, усиленно культивировавшихся привычках, обычаях, по которым им принадлежало «естественное» право руководить. Оно основывалось на главенствующей их роли в защите сородичей от внешнего нападения, на праве регулирования хозяйственной деятельностью аила, рода, племени.

Род, племя, возникнув на основе общности происхождения от одного предка, фактического или мифического (знатоки киргизской генеалогии могли перечислить своих предков до десятого и

более колена, незнание семи ближайших предков членом аила, как уже отмечалось, даже осуждалось), основывались позже на общности территории и традициях, общих духовных принципах (поклонение общеродовым культам, поддерживание племенных обычаев, проведение свадеб, похорон, тоев, сопровождавшихся соответствующими приношениями).

Обычаи и традиции цементировали патриархально-родовые устои, затушевывали классовую эксплуатацию, культивировали подчинение родоправителям. Семейно-брачные традиции, похоронные обряды, культ предков, религия способствовали сохранению и поддержанию патриархально-родового уклада, пережитков прошлого.

4. Социально-экономическое положение киргизов в период господства Кокандского ханства

Скотоводство и земледелие

Кокандское ханство, основу экономики которого составляло земледелие, подчинив киргизов, основным занятием которых являлось скотоводство, сдерживало развитие производительных сил в крае. Изымая из оборота пастбища, конфискуя и перепродавая киргизские земли, нарушая традиционно сложившуюся систему перекочевок путем нового административного деления, безмерным налоговым обложением, а подчас и прямым грабежом, Кокандское ханство вносило дезорганизованность в хозяйственную жизнь киргизского общества. В этом проявилась его отрицательная роль.

С другой стороны, оказавшись в рамках единого государства, узбекские, таджикские и киргизские дехкане передавали друг другу производственные навыки, делились опытом ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства, участвовали в торговом обмене, удовлетворяя потребности в недостающих продуктах и предметах труда. Тесные хозяйственные контакты узбеков, таджиков и киргизов имели и положительные последствия. Сравнительно высокая степень развития орошаемого земледелия узбеков и таджиков, их оседлый образ жизни способствовали переходу к оседлости части киргизского населения. В то же время скотоводческое киргизское хозяйство, пройдя определенный этап исторической эволюции, накладывало специфический отпечаток на отгонное скотоводство узбекских земледельцев.

Приспособленная к местным условиям и образу жизни, кочевая система сама по себе, можно сказать, была совершенна, равно как и ручное земледелие в оазисных районах Ферганы. Генерал Черняев после ознакомления с хозяйственной деятельностью народов Средней Азии писал в рапорте от 23 апреля 1865 г.: «Относительно земледельческой производительности страны едва ли потребуется с нашей стороны какого-либо вмешательства: земледелие и скотоводство находится здесь на высшей ступени развития»[89].

Однако это вовсе не означало расцвета сельского хозяйства в Кокандском ханстве. В целом кочевое скотоводство было экстенсивным, земледелие — малопроизводительным. Но для своего времени и в сравнении с соседними странами хозяйство узбекского и киргизского населения не отличалось полной рутинностью и абсолютным застоем. Взаимное перенимание навыков способствовало выработке наиболее оптимальных типов хозяйств для того времени, которые могли сосуществовать лишь во взаимодействии: скотоводческие хозяйства являлись основным поставщиком мясных продуктов и животноводческого сырья, тяглового скота для сельских жителей, потребляя одновременно продукты земледельческого труда оседлого населения.

В общем и целом развитие производительных сил в крае оставалось слабым. Говоря об общественном строе отсталых стран, таких, как Средняя Азия, В. И. Ленин отмечал: «...важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения»[90]. Скотоводческое хозяйство являлось натуральным и самовоспроизводящимся, которое, по оценке В. И. Ленина, в значительной степени было эквивалентно патриархальному[91]. Процесс воспроизводства кочевого и полукочевого скотоводства до середины XIX в. в основе своей оставался традиционным, как и века назад. «...люди не свободны в выборе *своих производительных сил,* которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности,— писал К. Маркс в письме к П. В. Анненкову. — Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение»[92].

Тормозом в развитии производительных сил, быта и идеологических воззрений являлись изолированность и раздробленность, беспрестанные вражеские набеги и феодальные междоусобицы, принимавшие формы родоплеменной борьбы. В таких условиях кочевое скотоводство оказалось жизнеспособным, поскольку было подвижно, что совсем немаловажно в условиях, когда единственным спасением от более мощного врага могла быть только быстрая откочевка в неприступные ущелья.

Источники в первую очередь подчеркивают кочевнический образ жизни киргизов, занятие их скотоводством. «Кочевое скотоводство — их занятие, мясо — их пища»,— отмечают китайские хроники XVIII в. В другом источнике того же времени сказано: «Настоящие буруты перекочевывают, смотря по траве и воде, занимаются скотоводством и почитаются кочевым народом»[93].

Экстенсивное кочевое скотоводство требовало обширных пастбищ и разведения определенного вида скота. Горнопересеченный

рельеф, слабость торгового обмена между киргизами и другими народами вели к тому, что здесь разводили, главным образом, скот, приспособленный к круглогодичному подножному корму. Не сохранилось даже приблизительных данных, позволяющих определить численность скота в XVIII — первой половине XIX в. Однако отрывочные сведения, собранные в середине XIX — начале XX в., и этнографические материалы позволяют в ретроспективе рассмотреть преобладающий вид скота у киргизов в более ранние времена. Несомненно, на первом месте стояли овцы, по численности во много раз превышавшие поголовье лошадей и других видов скота[94]. Отличительной особенностью киргизского скотоводства, обусловленного высокогорными урочищами и плато, особенно на Алае и Памире, являлось яководство.

Феодальные отношения у киргизов особенно наглядно проявлялись через отношения собственности на скот. Скот находился в частной собственности, и каждый хозяин метил его особым знаком—тамгой. По свидетельству исследователя быта таласских киргизов М. Н. Дивногорского, «тамги, которыми киргизы отмечают лошадей и крупный рогатый скот, древнего происхождения, они играют большую роль в скотоводческом хозяйстве при использовании весенних, летних, осенних и зимних пастбищ»[95]. К сожалению, сведения о тамгах очень отрывочны. И сегодня остаются в силе слова Н. А. Аристова, высказанные им в конце прошлого столетия, что «отсутствие сведений... лишает возможности основательного и всестороннего изучения родовых тамг киргизов»[96].

Будучи коллективным (кочевали общинами, родами), процесс кочевания не нивелировал классовые отношения и не затушевывал их: и право перекочевки первым, и право выбора лучшего пастбища принадлежало феодалу-родоправителю и манапу. В то же время внешне создавалась иллюзия, что этот процесс перекочевок регулировался «обычаем», и феодалы выступали лишь в роли знатоков. По «обычаю» никто не должен был перекочевывать на пастбища, прежде используемые другим аилом. Для предотвращения споров на места перекочевок заблаговременно посылались нарочные от аила, которые по прибытии на пастбища обязаны были поставить «знамя», или оставить какой знак (шапку, халат и прочее) для предупреждения других, что место это занято»[97]. Чужаки, являвшиеся со скотом из других местностей для пастьбы скота, выставляли аилу барана в виде угощения — *союш*. Самовольное занятие чужого пастбища вызывало ожесточенные споры, нередко переходившие в вооруженные столкновения.

Между киргизскими кочевыми феодалами и оседло-земледельческой узбекской и таджикской знатью Ферганы также нередко происходили споры за землю. Однако случалось, что узбеки, таджики, казахи пасли летом скот на киргизских пастбищах, а киргизские скотоводы осенью, после снятия урожая, использовали стерню для кормления скота. Летом киргизы близко к селениям

оседлых жителей не прикочевывали, чтобы случайно не произвести потрав клеверника или огородов.

Одним из примеров влияния узбекского и таджикского населения на хозяйственную жизнь киргизов являлся переход части их к земледелию и, в определенной мере, к оседлости. Между очагами оседлости в Фергане, между городами, селами, кишлаками уже встречались киргизские аилы, которые к кочевым отнести было нельзя. «Они ведут полуоседлую жизнь, которая в недалеком будущем совершенно обратит их в оседлость»,— писал в 70-х годах прошлого столетия А. Кун[98].

Роль земледелия в киргизском хозяйстве XVIII — первой половины XIX в. была более существенной, чем это представляется. Еще недавно бытовало мнение об отсутствии земледелия у киргизов. Хозяйство трактовалось как чисто скотоводческое. Основная причина этого крылась в неизученности источников и некритическом подходе к этнографическим материалам, в которых обычно принижалась роль земледелия. В последнее время в трудах советских историков несколько пересмотрена оценка киргизского земледелия в прошлом. Внимательное изучение источников позволяет прийти к выводу о более важном, чем было принято считать ранее, значении земледелия в экономической жизни Киргизии XVIII—XIX вв.

Развитию земледелия в немалой степени способствовали тесные контакты киргизских скотоводов с узбекскими и таджикскими земледельцами в период Кокандского ханства. Традиционно соседствуя в Фергане, киргизские трудящиеся перенимали у узбеков и таджиков навыки земледелия и ирригации, приобретали семена, заимствовали орудия труда, опыт хранения зерна и другие необходимые земледельцу знания.

Одно из первых упоминаний о хозяйственных контактах узбеков Коканда и киргизов Оша относится еще к 60-м годам XVIII в. С захватом Оша (1762 г.) кокандский правитель Ирдана направил в город 50 семей колонистов с целью разведения здесь рисовых плантаций. Когда через три года Ирдана вынужден был оставить город и он вновь очутился под властью киргизского правителя Хаджи-бия, рисовые поля продолжали возделывать местные жители.

Обращение киргизов к земледелию было связано также с переходом к оседлости. Интересен в этом отношении документ из материалов ревизионной комиссии К. К. Палена, представленный ферганскими киргизами в 1903 г.: «Мы, жители общества Буджун-Бадкан и Кара-Булак, все родом киргизы, с незапамятных времен, т. е. наши деды и отцы поселились в указанных местностях еще в ханские времена, и так как в этих местах земли оказались пригодными для обработки, то, поселившись на них, и начали обрабатывать таковые, эти же земли оказались пригодными для искусственного орошения из вод, идущих с гор, родников и озер, и вот на этих землях поселились наши деды и отцы и пона-

строили себе на указанных землях дома, развели сады и заделались оседлыми жителями, так что на кочевку куда-либо не выезжаем, а занимаемся специально землепашеством и садоводством. Землями этими владеем мы в данное время, так же, как и в ханское время, сами их обрабатываем...»[99].

Оседание киргизов рода багыш в Северо-Восточной Фергане началось с конца XVIII в., когда они, уже сильно нуждавшиеся в зерновом хлебе, по собственному своему почину приступили к сооружению громадной арычной системы, «орошающей теперь ту равнину, которая лежит в границах: Нанай, Ахтам, Сафит-Булян»,— читаем в документе нач. XX в.[100].

Курганчи киргизов в Фергане, где они зимовали, обычно группировались вокруг кишлаков оседло-земледельческого узбекского и таджикского населения. В Восточной Фергане основным центром, вокруг которого зимовали киргизские роды, был Сузак. В 1846—1847 гг. Худояр-хан отобрал у жителей кишлака Сузак полузаброшенные земли, на которых лишь изредка высевались неполивные культуры. Для углубления и расширения старых арыков было мобилизовано население левобережья Кара-Дарьи. Орошенную землю роздали в пользование чеками киргизам и узбекам. Так близ Джалал-Абада возникло новое узбекско-киргизское селение — Хан-Абад. Рядом с этим районом, еще до образования кишлака, имелось несколько киргизских курганчей (рода *карабагыш)*, связанных между собой значительными участками обрабатываемой земли. Затем несколько семей киргизов другого рода *(теит)* приобрели землю у карабагышей, поселились рядом с ними и начали наряду со скотоводством заниматься земледелием. По соседству располагался кишлак Джигда-Могол. Его земли некогда принадлежали узбекам и киргизам Сузака. Примерно в 50-х годах они были перекуплены киргизами родов могол и найман. Осевшие здесь бедняки не имели достаточно скота для откочевок на лето, поэтому и вынуждены были заняться земледелием. Были расширены три старых арыка — Ямындыр, Бадалбай, Джигда, прорыто два новых канала, и киргизы занялись земледелием. Однако к полной оседлости это не привело[101].

Создание на территории Киргизии системы кокандских крепостей насильственно стимулировало местное население к земледельческому производству, ибо для снабжения гарнизонов необходимы были зерно и хлеб. Так, в 50-х годах окрестные киргизы были обязаны доставлять в Аулие-Ата, Мерке, а также Пишпек и Токмак до 20 тыс. батманов зерна, в 60-х годах это количество сократилось до 7 тыс. батманов, но зато приходилось доставлять еще 14 тыс. снопов соломы. В начале 60-х годов каждый киргизский род обязан был доставлять в соседнее укрепление определенное количество пшеницы и проса для гарнизона. В Чуйской и Таласской долинах налог зерном преимущественно собирали отряды из кокандских крепостей Пишпек, Мерке и Аулие-Ата.

П. П. Иванов пришел к заключению, что «лишь с начала XIX в. мы видим некоторые признаки возрождения здесь оседло-земледельческой культуры, проникавшей сюда с развитием кокандской колонизации»[102]. Кокандцы поощряли занятие киргизов земледелием: пашни привязывали кочевников к определенным местам, что облегчало обложение их налогами. «Кокандцы это ясно сознавали,— подчеркивал в 60-х годах Н. Северцов,— и дорожили киргизскими пашнями у своих укреплений..., а поэтому и не заводили своей сартовской оседлости. Кроме гарнизона, в крепостях были немногие торговцы, ремесленники, огородники и то отчасти из гарнизонных сарбазов, и вся эта небольшая сартовская колония занимала (под садики и огороды) ничтожные клочки земли, менее 10 десятин, как, например, у Пишпека»[103].

В Киргизии преобладало орошаемое земледелие, однако, существовало и богарное, хотя роль его была сравнительно невелика. В документах сохранились лишь отдельные упоминания о кайрачных землях, богаре, которые засевали яровыми. С течением времени кайрачные земли орошались.

Археологическое обследование территории республики показывает, что орошаемое земледелие являлось традиционной отраслью в хозяйстве киргизов. Сохранились и зафиксированы многочисленные остатки арыков, связанные хронологически со средневековыми поселениями, а также поздними кокандскими укреплениями.

В заключение следует сказать, что земледелие позволяло более четче выявить классовую структуру киргизского общества, нежели скотоводство, поскольку земледельческий труд являлся уделом исключительно бедняков, а результаты его присваивались феодалами. Именно в связи с этим известный русский путешественник Н. Северцов писал: «...Киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, которым недостаток скота не дает возможности кормиться кочевой жизнью, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам, вообще старшинам и самым богатым и влиятельным киргизам, доставляя им весьма почтенные доходы,— между тем как игенчи, рабочие, только что кормятся, ходят в лохмотьях, безоружны и пеши»[104].

Аграрные отношения

С завоеванием Кокандским ханством Киргизии здесь стали распространяться правовые нормы земельных отношений, основывавшиеся на шариате. Однако практика земельных отношений в киргизском обществе нередко существенно отличалась от государственных юридических норм ханства.

Во второй половине XVIII — середине XIX в. здесь господствовали патриархально-феодальные отношения, т. е. определяющим являлся феодальный способ производства, в котором существенную роль играл патриархально-родовой уклад.

В историографии до сих пор остается дискуссионным вопрос об определении основ патриархально-феодальных отношений у

кочевых народов — киргизов, казахов и других, о специфике феодальной собственности на землю и основных средствах производства у кочевников.

Длительная дискуссия вызвана как сложностью проблемы, ее недостаточной методологической разработанностью, так и тем, что авторы оперируют ограниченным кругом фактического материала, к тому же довольно противоречивого.

Юридические нормы шариата узаконивали верховное право хана и государственную собственность на все земли. Существовавшие же на практике формы аграрных отношений не укладывались в нормы мусульманского шариата или адата — «обычного» права кочевников. В кочевом скотоводческом хозяйстве киргизов они не были выражены столь четко, как в земледельческом хозяйстве узбеков, таджиков, или тех же киргизов, перешедших к оседлости. В кочевом хозяйстве труд прилагается не непосредственно к земле (пастбищу с естественным травостоем), а к скоту и уже опосредованно через скот к земле. Понятно, что при этом роль земли не проступает столь отчетливо и кажется несколько завуалированной. Напротив, частная феодальная собственность на скот проявлялась более отчетливо. Но ведь кто имел скот (а феодал имел его в преобладающем количестве), тот опосредованно являлся пользователем и владельцем пастбища, хотя оно и было собственностью государства. Вместе с тем хозяйственная жизнь киргизов не ограничивалась единственно скотоводством, в той или иной степени она была связана и с земледелием. И в данном случае основным средством производства выступала непосредственно земля.

Таким образом, у киргизов во второй половине XVIII— середине XIX в. основным средством производства являлась земля (как всеобщее универсальное при кочевании и конкретное при земледелии) и важным средством производства — скот, роль которого была велика при кочевом и полукочевом хозяйстве. Именно в важной роли скота как средства производства и заключалась особенность общественных отношений и киргизов-кочевников.

Подчеркивая специфические черты общественного строя кочевых монголов, К. Маркс отмечал, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»[105]. Следовательно, главное условие кочевого скотоводства, имевшего свои специфические черты способа производства, заключалось в наличии пастбищных территорий и потребности в них. И сообразно тому, как при оседло-земледельческом хозяйстве основным средством производства выступает земля как предмет труда, на которую воздействуют через орудия труда — тягловый скот, плуг и т. п., так и при кочевом скотоводстве основным средством производства являются все та же земля, пастбища, которые используются не прямо, а опосредствованно через скот, выступавший одновременно и в роли средства труда.

Скот, находившийся в частной собственности, выпасался на землях, которые внешне выступали коллективной собственностью, или владением общины. Но именно через посредство скота и происходило присвоение пастбищ. Имущественное неравенство на основе владения скотом влекло за собой и неравенство во владении землей, а отсюда и право феодалов распоряжаться кочевьями.

В основе аграрных правоотношений в Кокандском ханстве лежало положение о верховной государственной форме собственности на землю. Для оседло-земледельческих районов оно имело под собой реальную почву и сказывалось на формах землевладения и землепользования. В скотоводческих же районах оно нередко являлось просто фикцией, не отражавшейся на сущности пастбищепользования.

Верховная феодальная собственность — это полное и безграничное право на все государственные земли, право, находившее реальную форму выражения в присвоении налога и феодальной ренты. Верховным собственником всей земли в Киргизии выступало государство в лице кокандского хана, сосредоточившего в своих руках полное и окончательное право распоряжаться ею.

Обращение к практике аграрных отношений в Кокандском ханстве и в Киргизии XIX в. показывает, что верховное право собственности государства на все земли не исключало частной и общинной земельной собственности, а рента, совпадающая с налогом, не исключала специфической феодальной ренты, присваиваемой частными собственниками.

Другой формой земельно-правовых отношений в Кокандском ханстве и Киргизии выступало отношение владения, или неполной частной собственности. Оно являлось как бы низшей ступенью по сравнению с верховным правом собственности и предполагало право отчуждения земель и частичного присвоения ренты. Это было частью права, переуступленного ханом через продажу, распоряжения, пожалования и пожертвования своим подданным. В основе такого владения или частной феодальной собственности лежало неполное присвоение продуктов земли.

Исходя из формы собственности и владения, практика утверждала такой процесс землепользования, который отвечал и соответствовал феодальным отношениям данной исторической ступени. Именно на этой стадии земельных отношений проявлялось максимальное различие в пользовании между традиционно-оседлым населением (где в полной мере раскрывался феодализм) и кочевым и полукочевым населением (где преимущественно сказывался консерватизм патриархально-родового уклада). Пользование землей непосредственно связано с ее эксплуатацией, но присвоение произведенных на ней благ оставалось за владельцем и собственником земли, нередко не имевшим никакого отношения к

самому процессу производства. Обычная практика земельных отношений представляла собой такую структуру: верховный собственник — государство в лице хана; частный собственник, владелец — феодал, наделенный полномочиями по документам или владевший землями традиционно, по «обычаю»; пользователь — свободный, или зависимый дехканин (оседлый земледелец, либо кочевник-скотовод).

Источники содержат факты, когда кокандские ханы произвольно распоряжались землями государства, наделяя пастбищами целые роды, или отбирая их обратно. В кочевых районах, находившихся вблизи административных центров, где ханская власть была реально ощутимой, хан довольно часто вмешивался в распоряжение землями, в том числе и пастбищами киргизов. Но в отдаленных районах, кочевьях, где власть кокандских чиновников была нередко номинальной, кочевые феодалы-родоправители произвольно и вполне независимо распоряжались землями. По нормам «обычного» права, земля считалась коллективной — общинной, родовой, племенной.

Все крупные земельные споры, если они происходили в центре ханства, решались непосредственно при участии хана. Споры на периферии, в отдаленных кочевьях решались манапами-родоправителями, хотя и здесь не исключалось право вмешательства хана. Ханскими указами могли закрепляться отдельные территории, пастбища, урочища во владение как за целыми родами, так и отдельными феодалами. Основанием для закрепления земель во владение служили как давность принадлежности пастбища данному роду или феодалу, так и различного рода привилегии.

Закрепление в частное владение не только обрабатываемых земель, но и пастбищ свидетельствовало о проявлении элементов разрушения коллективного землевладения и землепользования даже в пастбищно-кочевой общине. Примером частного владения пастбищами у киргизских феодалов может служить и наличие у них коруков — «заповедников», огороженных земельных владений, не только обрабатываемых участков, но и пастбищ. Так, алайский феодал Абдулла-бек, сын Алымбека и Курбанджан, имел в собственности землю и крупную зимовку в местности Бешбулак, по дороге из Ош на Алай.

Ханские ярлыки говорят, что нормы шариата в отношении государственной собственности на землю использовались ханами в практике аграрных отношений и служили основанием для вмешательства в земельные отношения скотоводов-кочевников. Это свидетельствует о том, что с подчинением Коканду киргизские феодалы были юридически лишены собственности на землю, но фактически являлись владельцами и частными собственниками.

Выдаваемые ханом документы подтверждали юридическое право на владение и пользование землями, которыми население фактически владело испокон веков и которые с завоеванием киргизской территории стали числиться государственными. Населе-

ние, занимавшее более удобные пастбища, или орошаемые участки, стремилось заручиться документами правителей, за что иногда выплачивало огромные суммы. Как отмечал В. П. Наливкин, частная собственность на землю в Кокандском ханстве — явление довольно распространенное. Первый важный шаг в этом направлении, по его словам, был сделан Омар-ханом, когда в целях обогащения казны, через хакима Наманганского вилайета Сейид-кул-бека он стал перепродавать земли киргизских кочевников в частную собственность. Причем их могли выкупить и прежние владельцы. «Земли эти покупались в складчину целыми родами (или, вернее, коленами), после чего в общинном владении (киргизов. — *Ред.)* остались одни только горные пастбища, а все те участки, которые могли эксплуатироваться плугом, при условии искусственного орошения, поступали в частную собственность покупателей и были разделены ими между собой пропорционально тем паям, которые вносились отдельными лицами при огульной покупке земли у ханов. Этим был нанесен тяжелый удар общинному владению землей между здешними киргизами»[106]. В результате в общинном владении за кочевниками остались лишь горные пастбища, однако были и закрепленные определенными документами обрабатываемые земледельческие угодья. Так, некий мулла Иса Гадай Мирзаев «вместе с родственниками», киргизами рода багыш, имел *васику* на все земли, орошаемые из Бешбатман-арыка на 20000 танапов, выданную Омар-ханом в 1814 г. Под влиянием практики аграрных отношений в оседло-земледельческих районах ханства киргизы изредка составляли свои письменные документы, чаще всего фиксировавшие решение позе-мельного спора.

Все киргизские пастбища были закреплены за крупными родоплеменными объединениями, во главе которых стояли манапы, фактически по своему усмотрению регулировавшие процесс пользования пастбищами. В отношении пастбищ государственная форма собственности проявлялась не всегда четко. Иногда отдельные киргизские феодалы-родоправители не считались с ханскими распоряжениями, выступали как фактические владельцы и собственники. Но в отношении земельных угодий, находящихся под пахотой, формы собственности, владения и пользования, особенно в южных районах Киргизии, проступали более четко.

Имеются документальные свидетельства о продаже ханами пахотных земель. Так, Худояр-хан продал группе киргизов (из 52 человек) крупный участок пахотной земли за 180 тилла в районе Кулля Маргеланского бекства. При этом каждому из совладельцев был выдан, помимо общего, и отдельный специальный документ на право владения участком. В 1826 г. Мадали-хан передал киргизам рода улуг-хатын «в полное их владение» местности Кара-Гура и Кафга[107]. Надо полагать, это были обрабатываемые или удобные для пахоты земли. Помимо названного в документе

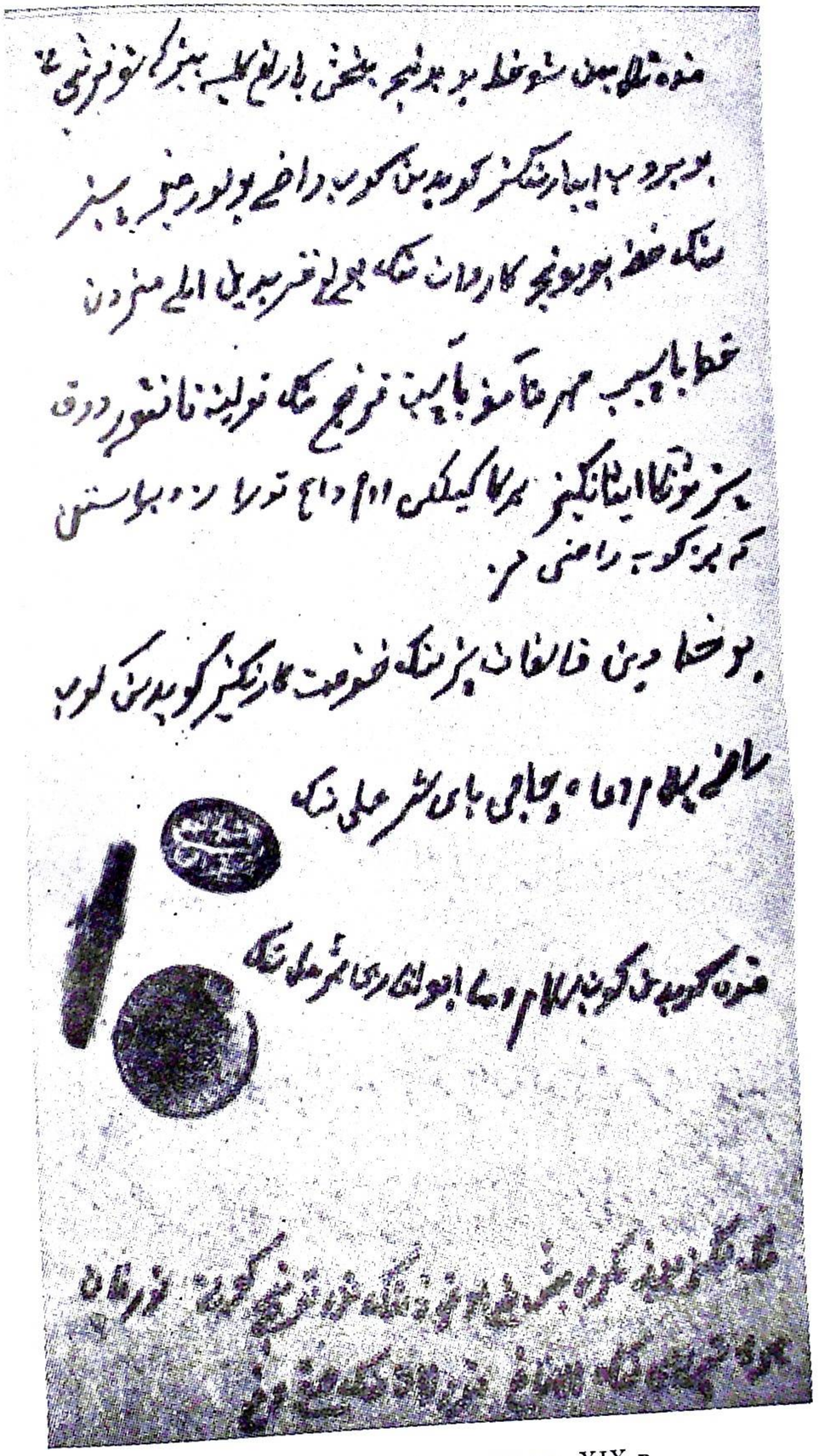
рода, ставшего коллективным владельцем, поименно перечислялись также 16 землевладельцев.

Иногда ханы выдавали документы и на право пользования казенными землями без указания на их продажу. Так, Малля-хан выдал 23 кибитковладельцам-кыпчакам, обосновавшимся в урочище Арал (в Кокандском районе), документ на право заниматься «хлебопашеством на сказанном участке». При этом он велел серкерам и аксакалам «не делать названным лицам притеснения»[108]. Интересно, что и беки, как представители ханов, раздавали во владение земли, на которых можно было разводить сады, строить дома и кошары. На такое владение — *милк* — выдавались особые предписания. Затем при переходе владения от одного лица к другому (по наследству или в результате продажи) прежний хозяин давал новому владельцу расписку, засвидетельствованную властями.

С закреплением, или приобретением во владение обрабатываемой земли киргизы все больше отходят от скотоводства и переходят к земледелию. Поверенные киргизов из Куршаба в одном из документов писали, что с куплей ими в местности Биль-Ачик орошаемых и неорошаемых *(кайрак)* земель они основали 5 больших кишлаков и постепенно «перестали кочевать, образуя постоянную оседлость». Так же было и с киргизами Узгендской и Яссинской волостей Ошского уезда, с которыми просители имели «дальнее родство». Владельцы имели шесть документов *(васика)* на земли *милк*[109].

Продажа и купля киргизами земель милк под влиянием аграрных отношений ханства производились как частными лицами, так и общинами. Причем частный владелец оставался все же в общине (коллективное водопользование, выпасы и прочее). Общинная собственность на землю в принципе совместима с ее отчуждением. Так, в 1837 г. одна община киргизов продала другой группе киргизов участок земли в Маргеланском бекстве у арыка Чакыр за 300 тилла. В 1860 г. одной группой был продан участок земли в местности Булак-Баши другой группе за 80 тилла. Два участка пахотной земли в Андижанском бекстве были проданы и куплены в 1844 г. за 50 тилла[110]. В 1856 г. Берды-ходжа, ханский пансад-баши, сын известного киргизского феодала Юсуфа-минбаши, продал с ханского разрешения участок государственной земли в местности Джулбарслик членам рода мундуз за 10 тилла. Земли переходили во владение общины, но еще оставались государственными, подлежащими налоговым обложениям. Через несколько лет данная община рода мундуз перепродает эту землю, но уже за 20 тилла другой общине этого же киргизского рода. Документ был оформлен в 1873 г.[111].

Имеется немало документов на продажу киргизами отдельных участков. По ним нельзя определить процент земель, находившихся в торговом обороте, однако можно доказать, что факты купли-продажи земли, т. е. ее отчуждение (явный признак частной



Образец деловой переписки. XIX в.

собственности, или владения), у киргизов были далеко не единичны. Это свидетельствует об определенной товарности киргизских земель уже в первой половине XIX в.

Урочища как коллективные владения закреплялись за отдельными родами специальными документами. С течением времени индивидуальные пользователи пахотных участков стали фактически их владельцами, продавали, пересдавали в аренду свои участки. В результате, наряду с единым документом рода, закреплявшим его право на все урочище, существовали документы на отчуждение мелких участков внутри урочища.

Своеобразной категорией землевладения у киргизов, появившейся под влиянием Кокандского ханства, стало землевладение мусульманского духовенства — *вакф*. Вакф *(вакыф)* — по мусульманскому праву есть неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного заведения или духовного лица.

Естественно, не следует преувеличивать значения этого института для Киргизии, но факты свидетельствуют о его наличии как в земледельческих районах, так и в полукочевых с киргизским населением. Вакфы на территории Киргизии сосредоточивались вокруг медресе, мечетей и других мусульманских «святынь». Однако специфической особенностью являлось то, что на севере вакфов не было. Они могли образовываться лишь в среде киргизов-землевладельцев, которые, во-первых, обладали отчуждаемым земельным имуществом, во-вторых, ближе соприкасались с мусульманским духовенством.

В с. Кара-Багыш (в окрестностях Джалал-Абада), в котором киргизы с середины XIX в. имели запашки, четыре земельных владения были определены населением в вакфы, принадлежавшие трем мечетям: приходской мечети Мусабия киргизов рода теит; мечети Баймухаммед-бая, расположенной на землях рода карабагыш; мечети Торяхан-тюря-ишана в Андижане. В киргизском селе Джигда-Могол было семь вакфных участков, принадлежавших: один — мухтаб-хану Мухаммед Исхак-бию (в с. Хан-Абад), шесть других — медресе Араббая Науруз Бай-улу (в с. Узгенд). В пределах местности Кампыр-Рават один участок вакфной земли принадлежал мечети Муса-бия в с. Кара-Багыш[112].

Одним из старейших вакфов на территории Киргизии являлся Сафид-Булан, которому принадлежало почти 2,5 тыс. десятин земли. По преданию, основание вакфу положил Тимур, когда по его приказанию и на его средства был выстроен Катта-гумбез — главный корпус мавзолея, известный как Шах-Фазиль. Самые ранние из сохранившихся вакфных грамот относятся к XVIII в., затем они были подкреплены документами кокандских ханов, освободивших вакф от всех государственных налогов. С течением времени число наследников-вакфовладельцев возросло. И поскольку только они имели право на вакф, то вскоре земля была поделена между шейхами, стала передаваться по наследству, даже

отчуждаться, но, правда, лишь исключительно между шейхами.

Из киргизских феодалов наиболее крупным землевладельцем и обладателем вакфов был алайский родоправитель Алымбек-датха. Он построил в Оше медресе, отвел ему в наследственный вакф (так называемый *вакф-и аулад)* земельный массив в кишлаке Чин-Абад (Алымбек-чек). Наследники Алымбека специальными документами определяли в вакф медресе городские участки земли и лавки в Оше. Кокандские ханы освободили от налогов вакф могущественных алайских феодалов[113].

Киргизские родоправители с течением времени все больше перенимали кокандские феодальные обычаи, превращаясь в типичных представителей господствующей знати. В документах изредка встречаются упоминания о принадлежности отдельным вакфным учреждениям не только пахотных земель, торговых лавок, мельниц, но и сенокосов, а также пастбищ.

Отличительной чертой киргизских пожертвований надо признать определение земель в вакф целыми общинами, родовыми подразделениями. Известно два документа таких вакфных определений киргизов рода бостон в пользу ханаки Шах Рахматуллы-ишана в 1861 г.[114].

В Кокандском ханстве имела место довольно редкая практика мусульманского мира — продажи земель в вакф. Получила она распространение и среди киргизов. В 1871 г. некие Байбек-Суфи и Нурматбек Алиевы рода Койбека общества Ирке-Кашка продали участок пахотной земли на арыке Каирма в местности Арча-Мазар за 64 тилла мутаваллию мечети в махалля Алымбая в Оше. Земля была куплена на вакфные деньги и присоединена к владению ошской мечети. В 1865 г. Мухаммед Азимбай Сатыбалдыев продал за 17 тилла «участок земли со всеми водами и дорогами» мутаваллию мечети кишлака Кыпчак-Курган[115].

В целом вакфный институт землевладения в Киргизии не получил широкого распространения, а с добровольным вхождением в состав России был сначала существенно ограничен, а затем полностью ликвидирован[116].

Пастбищные и вообще земельные отношения внутри киргизских племен, родов определялись «обычаями». Земля считалась принадлежностью рода, племени, которые ею пользовались. Коллективность использования пастбищ и видимая общность землевладения ставили пользователя или владельца в зависимость от наличного поголовья скота.

Чем больше скота имело хозяйство, тем большую площадь пастбищ оно использовало. Общинная, коллективная форма владения и пользования пастбищами вполне устраивала феодалов, имевших большое количество скота, а следовательно, и крупные пастбища, обладавших решающим правом в распоряжении коллективным владением. При необходимости феодал мог (и действительно делал это) обособить пастбища в личное владение,

огораживать их, превращать в запретные для окружающего населения владения — *корук*.

Во время обследования комиссией А. Гомзина традиционных поземельных отношений в Туркестане местное население показало, что «самая распространенная форма пользования есть общинная, причем у киргизов она представляется самою чистою, у сартов, живущих в больших городах, наиболее видоизмененною интересами богачей, ограниченною и стесненною участковым видом»[117]. Коллективность особенно четко проявлялась в создании и поддерживании оросительной системы, иногда — в совместной обработке земли. Однако на первый план всегда выступала частная — индивидуальная форма посева, снятия и распределения урожая.

Одной из распространенных форм пользования пахотными землями оседлого узбекского населения, заимствованной и киргизами, переходящими к земледелию, были чеки. В Кокандском ханстве *чек (чак)* — это феодальный надел для бедняка-земледельца, равный *кошу (букв. «пара»)*—участку обрабатываемому парой волов. В бытовом значении *чек* обычно обозначал участок земли, дающий пропитание одному семейству. Чеки распределялись по жребию между землевладельцами в зависимости от числа выставленных ими на работу кошей. Согласно обычаю, такие земли переходили в потомственное владение того, кто разведет на своем чеке сад, обнесет его оградой, или выстроит дом, или засеет участок клевером. Однако владелец обязан был по-прежнему выставлять на общественные работы по кошу от каждого чека.

Специфика феодального землевладения у киргизов в Кокандском ханстве, заключавшаяся в отсутствии феодального («барского») хозяйства, как бы компенсировалась своеобразной чековой формой землепользования. Это были мелкие дробные крестьянские хозяйства, основанные на землях государства и феодалов, которые несли всю нагрузку феодальной и налоговой повинности. Кочевые же скотоводческие хозяйства в подавляющем большинстве были «барскими», использовавшими своеобразную отработочную систему зависимого дехканства и опиравшимися на патриархально-родовые традиции прошлого.

Таким образом, под влиянием аграрных отношений Кокандского ханства в Киргизии сложилась система государственной *(амляк)*, частной *(милк)* и общинной *(замини джамаат)* собственности на землю, система землевладения — феодального и крестьянского, система землепользования — индивидуальная и коллективная (общинная). По мере расширения сферы влияния кокандского духовенства и на территории Киргизии учреждаются *вакфы*.

Однако влияние аграрных отношений ханства на земельные отношения киргизов в немалой степени зависело от устойчивости власти Коканда в Киргизии и ослабевало по мере удаления от центров ханства. Более стабильным это влияние было в южных, приферганских, районах и зачастую фиктивным — в отдаленных северных районах Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Здесь киргизские феодалы фактически выступали в роли собственников земли и полных распорядителей пастбищ, здесь были более прочны общинное землевладение и коллективное использование пастбищ, не получила распространения практика купли-продажи земельных участков, полностью отсутствовали вакфы.

В целом же система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений среди киргизов, соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

Домашние промыслы и торговля

Натуральный характер экономических отношений киргизского общества наряду со скотоводством и земледелием предполагал также развитие домашних промыслов и ремесел. Производя для своего потребления, кроме хлеба, продуктов скотоводства, также пряжу, холсты, предметы одежды, крестьянское патриархальное хозяйство, по словам К. Маркса, выполняло «общественные функции в своей натуральной форме»[118].

Процесс домашнего производства у киргизов был ограничен семейными рамками: одни ухаживали за скотом, другие готовили сырье, третьи делали из него войлок или выделывали кожи, шили одежду. Здесь еще не произошло общественного разделения труда, из домашних производств не выделилось самостоятельное ремесло. Тем не менее, нужды хозяйства настоятельно требовали добычи металла, угля и минералов.

Известен один из самых распространенных способов добычи железа из шлихового песка. Первые сведения о получении железной руды на Иссык-Куле относятся еще к XVIII в., когда русский пленник Н. Сорокин наблюдал за его производством у ойратов[119]. О добыче киргизами железа сообщал в середине XIX в. и русский переводчик И. Бардашев, неоднократно бывавший в Киргизии. Он пишет, что киргизы могли добывать железо, правда, «в малых частях и весьма грубыми способами»[120].

В ограниченном количестве добывали в Киргизии и каменный уголь, который находил спрос в городах ханства. По распоряжению Худояр-хана он доставлялся в Коканд из Нарына (район ныне действующего рудника Таш-Кумыр). Угольные копи Сулюкты были открыты с помощью киргизов. О продаже угля киргизами рода багыш на базарах упоминается в фольклорных записях о состязаниях двух южно-киргизских певцов — Нурмолдо и Мусы. Киргизы Ура-Тюбинского вилайета заготовляли в горах лес и выжигали угли, которые затем доставляли на продажу в город.

На территории Киргизии кокандские предприниматели занимались разработкой свинцовых и серебряных руд. При этом в

качестве подсобной рабочей силы привлекалось окрестное киргизское население. Свинцовую руду «в значительном количестве» добывали в горах Кара-тау и «вообще в горах Ала-тау» — сообщалось в одном из анонимных сочинений середины XIX в. На приписке, расположенном в горах по дороге из Намангана в Кетмень-Тюбе, в 1839 г. было поднято 1000 чарьяков (т. е. 4500 пудов) руды, из которой получили 100 чарьяков свинца и 1 чарьяк (4,5 пуда) чистого серебра[121]. Следы горнорудных разработок XVIII—XIX вв. обнаружены на руднике Кан-и Гут в Западной Фергане (серебро), в Хайдаркане (ртуть), на Сары-Джазе (олово), разрабатывались также в небольшом количестве медноносные руды[122]. Сохранились свидетельства о единичных находках на территории Киргизии драгоценных камней. Так, киргизами в Прииссыккулье (р. Тон) был обнаружен драгоценный камень, который впоследствии достался одному кокандскому чиновнику за очень крупную сумму — 1000 тилла[123]. Известны случаи находок самородного золота в горах Тянь-Шаня, использования джергаланских золотоносных песков, добычи золота в верховьях р. Нарын. Для разработки золота в киргизских горах кокандские ханы пытались привлечь даже беженцев из России, но безуспешно[124].

Слабость производственной базы по добыче полезных ископаемых, видимо, и привела к подобного рода информации кокандскими послами в 1833 г. стамбульского правительства: «Среди полезных ископаемых есть бирюза, сера, свинец, железо, золото и серебро, но люди почти не интересуются их добычей»[125]. Но возможно, посланцы просто хотели скрыть положение, выдавая ханство перед Османской империей за более бедную страну, чем было на самом деле. Другие же источники говорят о разработке полезных ископаемых на территории Киргизии, хотя и в незначительном количестве.

Драгоценные и цветные металлы, добываемые на территории Киргизии пришлыми и местными работниками, поступали в основном в ханскую казну, а железо, гипс использовались главным образом во внутреннем производстве. Гипсовый мергель киргизы применяли для выделки овчин. Соль добывали в горах Алая и Ферганы, в окрестностях Оша, в долине р. Чу, в Кетмень-Тюбинской котловине, на Джумгале, а также в других местах. Киргизы полностью удовлетворяли свои потребности в ней и даже вывозили на продажу.

Своеобразие быта и кочевого образа жизни киргизов определяло характер их промыслов и ремесел. Домашнее производство обеспечивало в первую очередь потребности натурального хозяйства и базировалось на использовании богатств окружающей природы и продуктов скотоводства. Орудия труда были примитивны. Малопроизводительная техника требовала больших затрат физического труда и времени. Уходя своими корнями в древность, домашние промыслы, тем не менее, в силу консервативного способа производства, продолжали бытовать и в XIX столетии. Лишь местами некоторые промыслы начинают постепенно отделяться от сельского хозяйства, изделия изготавливаются по заказу потребителя за денежное или натуральное вознаграждение, приобретая черты мелкотоварности.

Ряд ремесел, специализированных на производстве предметов домашнего обихода, уже в XVIII—XIX вв. получил сравнительно широкое распространение. Однако цеховая организация труда отсутствовала. Мастера *(уста)* работали в одиночку, трудясь и на заказ, и по своему почину, не порывая в то же время связи с кочевым патриархально-натуральным хозяйством. Лишь в одном из городов Киргизии — Оше—ремесло оседлого населения было близко к средневековой организации цехов.

Из козьего пуха женщины изготовляли белые колпаки и бурки *(кебенек)*[126]. Особо ценились в Кокандском ханстве кошмы киргизского производства. В источниках сохранились специальные распоряжения ханских чиновников о распределении таких кошм, например, распоряжение Султан Мурад-бека о доставке для нового строения в ставке *(урде)* 50 киргизских войлоков. Приписка к документу гласила: «За услуги *(хизмат)* выдайте 2 тилла»[127]. Войлочные изделия из шерсти *(шырдак, кийиз* и другие) являлись самым распространенным украшением киргизского жилища, они служили незаменимым материалом для покрытия юрт, обшивки седел, изготовления одежды, обуви. Довольно большим спросом в XIX в. пользовались ворсовые и шерстяные ковры южнокиргизского производства.

Господство натурального хозяйства и ограниченность в связи с этим потребностей местного населения в ремесленных изделиях сдерживали развитие ремесла. Основная цель заключалась в получении не меновой стоимости, а лишь потребительской, что и являлось причиной отставания экономики.

Характер взаимоотношений кочевого киргизского населения и оседлого узбекского в немалой степени определялся конъюнктурой на меновых рынках, расположенных в основном в долинных центрах. Основными базарными днями были воскресенье, понедельник, вторник, реже — пятница. Совершались оптовые сделки, принимавшие форму натурального обмена.

Торговля в кочевьях была сосредоточена в основном в руках кокандских и кашгарских купцов и их посредников. Узбекские ремесленники производили специальные изделия, пользовавшиеся большим спросом у киргизского населения, например, ткани, обувь. Из Кашгара поступали бумажные ткани, халаты, бязь, сушеные фрукты. Взамен киргизы отдавали или даже сами поставляли в кокандские города скот. По свидетельству Фи липпа Ефремова, киргизы часто приезжали в Коканд и пригоняли «для мены овец, быков и верблюдов»[128]. Анонимный автор в середине прошлого столетия писал: «Почти все торговые обороты

киргизов ограничиваются меною своего скота торговцам, приходящим из Кашгарии, России, Кокании и Китая»[129].

Торговые сделки не оформлялись. «Все обязательства и договоры происходили между киргизами словесно», — гласило «обычное» право. Подобные взаимоотношения наблюдались также между купцами и киргизскими проводниками, возчиками. В районах, где часто приходилось иметь дело с оседлыми жителями, внутренние юридические взаимоотношения киргизов и узбеков регулировались не только «обычаем», но и шариатом. Каноны мусульманского права через кокандцев проникали в сферу правоотношений кочевников.

Денежное обращение Кроме натурального обмена, существовал и денежный. Своей денежной единицы киргизы не имели и пользовались преимущественно кокандскими, бухарскими монетами, а также серебряными слитками — *джамбы.*

В период подчинения Кокандскому ханству денежное хозяйство Киргизстана оставалось слаборазвитым. Торговля на деньги велась преимущественно в городах и поселениях земледельческих районов и во многом определялась потребностями крупнотоварного и транзитного обмена.

На рубеже XVIII—XIX вв. монетное обращение на территории Киргизии было представлено небольшим количеством медных денег *(фулусов,* или *пулов),* выпускавшихся при Нарбута-бие, низкопробных серебряных *танга-мири* джанидской чеканки и приравненных к ним *дирхемов,* изготовлявшихся в Коканде при Алим-хане. Монеты этих правителей довольно редки и имели распространение лишь в южных районах Киргизии, примыкавших к Ферганской долине.

При преемнике Алим-хана Омар-хане в государстве была проведена денежная реформа, в результате которой сформировалась биметаллическая монетная система, основанная на серебряной танга и золотой тилла. Ценностное соотношение между этими номиналами составляло 21 : 1. Одна серебряная танга была приравнена к 4 дирхемам мири, а ее курс в медной монете в разное время колебался от 45 до 60 пулов.

Первые кокандские тилла и танга изготовлялись не из чистого металла и в этом отношении существенно проигрывали монетам соседних государств, например, Бухарского ханства. Одна бухарская тилла, стоимость которой на рынке в первой четверти XIX в. соответствовала 21 бухарской танга, в кокандских монетах оценивалась до 150 танга. Иногда стоимость кокандской танга падала даже до 1/300 стоимости бухарской тилла. Однако с увеличением территории и ростом экономики Кокандского ханства ценность его валюты возрастает, она получает более широкое и устойчивое хождение. К середине XIX в. одна кокандская тилла стоила чуть больше 20 танга, одна танга—24 пула. Вес одной тилла равнялся одному русскому золотнику, или 4,265 гр. Позже, к 70-м годам, происходило некоторое обесценивание кокандских

денег. По сообщению Ю. Скайлера, одна кокандская тилла приравнивалась к стоимости 19 танга, одна танга — 40 пулам, вес золотой тилла составлял уже 3,443 гр. чистого золота, а танга — 2,664 гр. чистого серебра[130].

Монетный двор династии Мингов находился в Коканде, название его значилось на большинстве монет ханства («Хуканд-и Латиф»—«Приятный Коканд»). Иногда на них помещалось историческое название области—Фергана. Известны с этим обозначением несколько эмиссий меди и небольшое число золотых тилла с именем Мухаммед Али (Мадали-хана). Е. Ф. Тимковский[131] вскользь упоминал в 1824 г. о чеканке медных пулов в Оше, но пока это свидетельство не подтверждается нумизматическими данными, возможно, это были монеты с указанием монетного двора «Фергана».

Монетная эмиссия, по старой, освященной исламом, традиции, являлась прерогативой верховного правителя. Едва вступив на престол, каждый новый хан спешил распорядиться о чеканке собственных золотых и серебряных монет. Даже Шах-Мурад, правивший всего несколько месяцев в 1862 г., оставил после себя именные тилла и танга. Для этой цели, в связи со срочностью операции, иногда перечеканивались монеты предшественников, на которых выбивалось имя нового правителя. Так произошло с первой монетой малолетнего Худояр-хана в 1844 г., в которую его опекуном Мусулманкулом был переделан золотой динар Омар-хана.

Исключительный интерес представляют монеты с именем Пулат-хана, за которым скрывается киргиз Исхак-оглы, возглавивший в 70-х годах народное движение против кокандского хана. Известны серебряные танга[132] и золотые тилла Мухаммед Фуллада[133] (Пулат-хана), отчеканенные в 1871—1875 гг. В этом факте ярко отразилось традиционное отношение к чеканке монет как к политическому акту, символизирующему приход к власти нового правителя. Монеты Пулат-хана имели хождение, вопреки гонению со стороны официальных властей Коканда.

Имеются свидетельства, что монетный двор Коканда принимал от частных лиц золотые и серебряные слитки для чеканки монет с условием отчисления в ханскую казну определенной суммы денежного налога. С каждой тысячи золотых тилла взималось 30 тилла; за переделку в монеты одного серебряного слитка — *джамбы* (или *ямбы)* — 2 тилла[134].

Кроме кокандских монет, в денежном обращении Киргизии XIX в. в небольшом количестве находились медные и серебряные деньги Бухарского ханства, изредка попадались хивинские танга и фулусы, индийские рупии, афганские (кундузские и кандагарские) аббаси и шахи, серебряные слитки (джамбы). Последние употреблялись в основном при крупных торговых сделках или служили средством накопления. То же можно сказать и о большинстве привозных серебряных и золотых монет, которые часто использовались в качестве женских украшений, но в случае

необходимости они снова пускались в оборот. Известны находки отдельных монет с отверстиями или напаянными ушками (для украшения одежды).

В последние годы существования Кокандского ханства на рынках Киргизии начали появляться и русские деньги. По соотношению, установившемуся уже с середины XIX в., золотая тилла приравнивалась к 3 руб. 80 коп. серебром, а одна танга — к 20 копейкам. В актовых документах этого периода, зафиксировавших денежные сделки, иногда приводятся описания русских «целковых» с примечанием, что они «пятитанговые», т. е. по стоимости равны пяти серебряным танга.

Позднее, уже в период русской администрации, денежное хозяйство края было переведено на российские монеты и кредитные билеты. Однако кокандские деньги находились в обращении вплоть до начала XX в.

Налоги

Налогообложение в период кокандского господства являлось основной формой угнетения как собственно кокандского, главным образом узбекско-таджикского населения, так и завоеванных соседей, в том числе киргизов. Практика налогообложения нередко представляла собой картину хаотичности, бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше оно испытывало социальное, а к тому же и национальное угнетение. Размер налога определялся не столько юридическими нормами, сколько потребностями хана и феодалов в доходах.

Трудовое население в докапиталистических условиях, в каких находилась Средняя Азия, по словам В. И. Ленина, эксплуатировалось «не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе»[135].

Своеобразием управления и налоговой системы в ханстве являлось предоставление местным органам власти особой самостоятельности и независимости от центральной администрации и хана. Как отмечал в середине XIX в. В. В. Вельяминов-Зернов, правители местных округов, «пользуясь титулом «кушбеки» в значительных пунктах и «хакими» — в местах, менее важных, получают право брать себе доход и распоряжаться почти неограниченно во вверенных им землях, зато обязаны посылать ежегодно известную сумму денег в казну»[136].

В податном отношении территория ханства делилась на участки, во главе которых стояли *серкеры*. Они контролировали деятельность сборщиков поземельных налогов — *амлякдаров,* которые были им подвластны, а сами отчитывались перед беком или ханом, в зависимости от месторасположения поземельно-податных единиц. Налоги, поступавшие в государственную казну, носили название *хасаги,* налоги, взимаемые беком в местную казну,— *бийлык*.

Почти полная независимость от центральной власти в вопросах поземельно-податного обложения в отдельных администра-

тивных единицах вела к тому, что несмотря на существовавшую регламентацию размеров феодальной ренты — налога государства, взимание налогов практически осуществлялось в каждом районе по усмотрению местных властей. Бесконтрольности сборов способствовала и широко развитая система откупа — *иджара*.

В середине XIX в. кокандские ханы стремились как-то урегулировать сборы в государстве и точнее определить свой доход. По каждой области они ввели податные росписи — *дефтеры,* которые сосредоточивались у чиновников, занимавшихся финансовыми делами хана. В частности, все дефтеры из бывшего Ошского серкерства сдавались в Маргелан, а из Булакбашинского бекства — в Коканд. В Кокандском ханстве при государственной собственности на землю рента и налог, как правило, совпадали. Ведущей формой ренты являлась рента продуктами. Как писал К. Маркс, благодаря натуральному характеру хозяйства продуктовая рента «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии»[137]. Но, являясь основной, эта рента не была единственной. С середины XIX в. практикуется денежная рента как превращенная форма натуральной. Но если для земледельческих районов Ферганы постепенный переход от натуральной ренты к денежной являлся признаком определенных социально-экономических сдвигов, свидетельством зарождавшихся товарно-денежных отношений, то на экономику кочевников он не оказывал существенного влияния и вел лишь к усилению налогового гнета. К тому же следует учесть, что официальное определение денежной ренты-налога в большинстве случаев означало лишь исчисленную в деньгах стоимость взимаемых натурой продуктов.

Основным видом эксплуатации киргизского населения как в скотоводческих, так и в оседло-земледельческих районах, являлось взимание налога — централизованного выражения земельной ренты. Наиболее обременительным сбором для кочевников являлся *зякет* — налог за право пасти скот на государственной территории. По нормам «обычного» права он был определен в размере 1/40 части скота, на практике же его сбор отличался бесконтрольностью и произволом. Как отмечали современники, сбор этой подати был «сопряжен в Кокании с столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдают ежегодно двадцатой части стад своих»[138].

Ханские сборщики никогда строго не придерживались инструкций и взимали зякет произвольно, к тому же занижая размеры фактически собранного налога в отчетах вышестоящим органам.

Непомерные поборы вызывали протесты, выражавшиеся в откочевке киргизов в горы, а иногда и в вооруженном отпоре кокандцам. Однако затем восставших ждали еще более жестокий произвол и насилие. В виде контрибуции с них взимали дополнительный сбор — *аманпули* («деньги за пощаду»)[139].

Зякет взимался обычно весной, со второй половины апреля, когда скот прибавлял в весе и начинался приплод. Для его сбора выезжали вооруженные отряды, иногда довольно значительные, как было, например, в 1845 г., когда Мусулманкул пошел собирать зякет во главе войска. Войско разбивалось на небольшие отряды — от 50 до 300 человек, которые направлялись в кочевья. Собрав баранов, они перегоняли их в города и там продавали торговцам.

И. Бардашев в 50-х годах XIX в. писал, что «в сборе зякета кокандцы на народ действуют страхом, а на родоначальников лестию, подарками... и званиями парваначи, датхи и др.»[140]. В отдаленных киргизских кочевьях функции сборщиков налогов ханы перекладывали на местных феодалов. При этом устанавливался определенный объем зякета — *ульпан*. На кочевников Маргеланского бекства помимо прочих сборов налагался ежегодный зякет в сумме 8—10 тыс. руб. (по курсу российской валюты 70-х годов)[141]. С каждой юрты букары, писал А. Талызин, манапы в Чуйской долине в кокандское время взимали *кап* (мешок) проса и со ста баранов — двух[142]. При сборе налогов верховные манапы перекладывали эту нагрузку на более мелких феодалов, те в свою очередь — на нижестоящих, и так до предводителя общины — *аксакала* аила.

Кокандское правительство в последние годы своего существования изменило методы взыскания налога, перепоручив его сбор представителям местной феодально-родовой знати. При новой практике налогообложения киргизские феодалы иногда вносили подать сразу за всю подвластную группу, а затем произвольно взыскивали ее в двух- и трехкратном размере с букары. Таким образом, налог-рента поступал в государство не непосредственно от производителей, а через феодалов, которые присваивали немалую часть собранного.

Всего с кочевого населения Маргеланского и Ошского бекств, по сведениям А. Л. Куна, поступало в казну 3500 тилла, из района Науката — 800, Шахрихана, Ассаке и Узгенда — 800 тилла. В общей сложности в Кокандском ханстве с кочевого населения собиралось зякета в казну 47350 тилла[143].

Основная тяжесть поземельного налога *(харадж)* ложилась на плечи оседлого населения южной территории Киргизии. Но харадж взимался и с зерновых культур. Только алайские киргизы, кочевавшие по р. Кызыл-Су, отделений кыдырша, кыпчак, частично найман и тейит, ежегодно выплачивали, помимо налога со скота, еще 600 руб. (в пересчете на русские деньги 70-х годов XIX в.) хараджа[144].

Размер хараджа определялся в 1/5 валового сбора зерновых. Однако величина его не была постоянной и колебалась от 1/10 до 1/2 доли урожая. Одна десятая взыскивалась обычно с богарных посевов, так называемых земель *ляльми*. Иногда минимальный натуральный налог в размере 1/10 взимался со вновь

орошаемых участков еще не окрепших хозяйств, видимо, в целях их поощрения или в результате каких-либо особых заслуг земледельца. Так, харадж с земель, орошенных киргизами «рода Мухаммед Шариф-ахунда» в 1851 г., первоначально взыскивался лишь в размере десятой части дохода, который по распоряжению хана составлял вакф медресе Утамбая минбаши в Маргеланском вилайете[145]. Во время кокандского господства оседлое население Таласской долины платило подать в размере десятой части урожая хлебов. Сбор налога производился серкером, который обязан был иметь список хлебопашцев и наблюдать как за севом, так и за уборкой хлеба, чтобы правильно определить размер урожая, с которого должен был взиматься харадж[146].

Поземельный налог, взыскивавшийся в размере 1/10 валового дохода урожая, назывался также *ушр* (десятина). Харадж взимался с полевых культур — пшеницы, риса, джугары, ячменя, гороха, кунжута, моркови, лука, проса, табака, конопли, хлопка. При сборе налогов не придерживались никаких правил. На практике сборщики чинили произвол, поборы в пользу администрации иногда превышали размеры самого налога. Злоупотреблениям способствовала и бесконтрольность налогового сбора. В отдельных случаях сбор хараджа производился старостами, аксакалами, биями, баями, что, конечно, не уменьшало, а, напротив, увеличивало бремя налогового гнета.

Тяготы основного налога усугублялись практикой сдачи хараджа на откуп *(иджара)*, взимаемого с торгов, сумма которого нередко превышала размеры налога. Начальник Маргеланского уезда писал в 1876 г., что при сдаче с торгов в кокандское время арендная сумма хараджа могла превышать даже $^1/_3$ действительной цифры налогового сбора [147].

Основной податной единицей в период кокандского господства выступало как отдельное хозяйство, так и община. Налогообложение скотоводов было индивидуальным, однако если отдельные скотовладельцы не могли выплатить налог, то невыплаченную сумму, зафиксированную в налоговых дефтерах, хаким перекладывал на всю общину, к которой относился недоимщик, сообщал кокандский хронист Абу Убайдулла о произволе ташкентского наместника мирзы Ахмеда[148]. В налоговых же списках — дефтерах — обозначался не каждый индивидуальный налогоплательщик, а староста кишлака, аксакал аила, бай или манап. Это касалось не только частных землевладельцев, но и арендаторов, издольщиков. Как видно из материалов кокандских ханов, имена издольщиков обычно даже на ханских землях не вносились в хараджные списки. В дефтерах перечислялись только старосты селений, которым издольщики были подведомственны[149].

Время и размер хараджного сбора в Кокандском ханстве не были строго определены. При сдаче хараджа на откуп деньги нередко брали вперед, в связи с чем и откупщики могли потребовать плату налога с непосредственных производителей в лю-

бое время. В 1865 г., во время владычества при взимании подати не соблюдались ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати[150]. Беки и ханы могли произвольно определять размер налога, и зякетчи или серкеры, «во что бы то ни стало обязаны были доставлять требовавшуюся сумму»[151]. Все это вело к развитию ростовщичества. В архивах сохранился ряд долговых расписок, свидетельствующих о передаче права сбора налогов в руки ростовщиков.

С кочевых киргизов, которые наряду со скотоводством занимались и земледелием, харадж мог взыскиваться также скотом. По словам В. Радлова, кокандцы собирали у киргизов харадж по 3 овцы с гумна[152]. Это подтверждает и Ч. Валиханов: «Харадж есть сбор с хлеба, с десятины *(кирман)* берут по 3 барана»[153]. Налог с земледельческих культур от каждого гумна по 3 барана, как отмечает М. Венюков, назывался *харареля*[154].

С огородных и садовых культур налог брался в зависимости от занятой площади и назывался *танабана (танап)*. Первоначально он взимался натурой, но уже в последующие годы — в денежной форме и назывался поэтому еще *танап-пули*. Танапные списки составлялись муфтиями один раз в три года. Танапный налог приносил довольно большой доход государству: в последние годы в ханскую казну поступало с Ошского бекства 6 тыс. тилла, с Аравана — 500, Науката — 800, всего по Кокандскому ханству —131672 тилла[155].

Кроме рассмотренных основных налогов, в Кокандском ханстве существовало множество других, в той или иной мере связанных или не связанных с пользованием земельными угодьями, налогов и повинностей. «Собирали со всего, с чего было возможно,— писал А. Миддендорф. — Были обложены сбором камыш, хворост, колючки. Наконец, установили налог на право пользования водой каналов, проведенных трудами того же населения, с которого взимали этот налог»[156]. В последние годы существования Кокандского ханства налоговая система была так изощренно развита, что, по меткому определению А. Л. Куна, «оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего»[157].

Налоги существовали главным образом в виде натуральных сборов, но с середины века ханы все чаще обращаются к денежной их форме. В. Радлов, в частности, отмечал факты, когда во время сборов военного налога сверх нормы с каждой юрты брали одну золотую монету — *тилла,* равную стоимости трех баранов. «Все эти пошлины,— заключает автор,— брались силой»[158]. Однако все еще продолжала существовать наиболее примитивная форма ренты — трудовая — *ашар, мардикари,* которая выступала уже как повинность. К ней прибегали при сооружении государственных оросительных систем, возведении крепостных стен и дорог, изготовлении кирпича, сборе топлива. На государственных работах в ханстве широко использовался безвозмездный труд. В случае отказа от работ, неявок, виновных наказывали палками, иногда даже убивали, или погребали заживо[159].

Налоговый гнет и повинности тяжелым бременем ложились на плечи непосредственных производителей — крестьян. Феодалы, как кокандские, так и местные, пользовались к тому же всевозможными налоговыми льготами. На *обельные,* освобожденные от налогов частные земельные владения феодалов, выдавались специальные ханские грамоты, а их владельцы вносились в особые списки — *дефтеры-тархани.* Полностью или частично обельными являлись большинство вакфов. Одно из крупнейших вакфных учреждений — Ошское медресе киргизского феодала Алымбека-датхи — было освобождено от всех видов налогов. Освобождая феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства и верховный собственник земли. Нередко ханом уступалась рента не целиком, а частично, либо в качестве компенсации за услуги, военную службу или в результате «неполной» продажи земли. В таком случае часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть — присваивалась феодалами.

Ренту-налог феодалы присваивали с особого разрешения на то властей, непосредственно кокандского хана. Капитан Медынский писал в 1866 г., что при кокандском правительстве от взысканий зякета были освобождены из числа таласских кочевников феодалы — датха Байзак и датха Сарымсак[160]. Приведем, к примеру, обельную грамоту, выданную Худояр-ханом в 1875 г. киргизскому феодалу Абдулла-беку на вакфное владение медресе Алымбека-датхи в г. Оше (в переводе с таджикского канцелярского языка XIX в.):

«В настоящее время да знают и ведают все хакимы и амили, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама, и (все лица), причастные к султанским делам и принявшие на себя ответственность в ханских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кеддхудаи высокой державы, что в дни ежедневно возраставшего и вечно (нам) сопутствующего могущества нашего августейшего величества Мубаризат-панах Абдаллах-бек-датха купил на берегу сая вилайета Оша многочисленные лавки с пригодной для застройки землей, превратил в вакф медресе, построенное его отцом, покойным Алымбеком-парваначи, (и) изготовил вакфную грамоту, украшенную печатями казиев и улемов, (которая) удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из (нашего к этому лицу) благорасположения и благоволения мы повелели, чтобы все хакимы и амили, и саркары, и амины, и прочие, имеющие отношение лица считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого медресе, не требовали и не стремились получить с него дирхемов и фулусов (и) не посягали на что-либо подобное, из относящегося к упомянутым вакфам, и, считая по этой причине не решенным, не преступали (нашего) высочайшего, обязательно-

го для исполнения фирмана. В месяце раджабе почитаемом года 1292»[161].

В кокандский период вакфы могли освобождаться от налогов как на «вечные времена», так и на один год, хотя все равно каждый новый год, тем более со сменой ханов, требовалась новая обельная грамота, или подтверждение старой. Очевидно, в связи с этим в отдельных документах нередко можно встретить и такие строки: «Приказано всем, чтобы податей не взыскивать и ежегодно на это особых грамот не требовать».

Бытовавшее ранее мнение, что все вакфы не облагались налогами, не подтверждается исследованиями последних лет. Практически только часть вакфов пользовалась налоговым иммунитетом *(аквакф)* хотя не на все из них имелись соответствующие ханские грамоты. Хан мог и не освободить от податей вакф, имевший ранее обельную грамоту.

Налоговым иммунитетом и правом на ренту пользовались феодалы, владевшие не только орошаемыми земельными массивами, но и кочевыми пастбищами. В частности, семейство Сарымсака-датхи из киргизского рода багыш в кокандский период было официально освобождено от налогов[162].

Другие формы феодальной эксплуатации

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие патриархально-родовых пережитков придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации скотоводов-кочевников. Местная феодальная знать не нуждалась в юридическом закреплении своих привилегий, хотя нередко обращалась к ханам за подтверждением своих прав. Она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции. «При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства,— писал К. Маркс о феодализме,— традиция должна играть решающую роль»[163]. Особенно большое значение она имела при родоплеменной структуре киргизского феодального общества, когда даже явные формы эксплуатации маскировались взаимоотношениями соседства, взаимопомощи, покровительством богатых родственников.

Внутренняя жизнь общины — основной формы социальной организации кочевников и полукочевников — регулировалась нормами «обычного» права. Они были настолько сильны, что по сути заменяли институт внеэкономического принуждения. Причем различного рода подати и повинности внешне выступали как добровольный акт, но фактически были обязательными. «Вообще, манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях,— отмечал в 1859 г. М. Венюков. — Нет нужды говорить, сколько тяжелых злоупотреблений ведет за собой такое устройство, корыстному бию, или манапу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности»[164].

Подати и повинности в пользу киргизских феодалов выражались в самой разнообразной форме. Их сроки и количество обусловливались обычно желаниями и прихотью феодалов. Имели место следующие сборы и повинности в пользу киргизских феодалов: *союш, чыгым, салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан* и *куч, туякат* и *короо башы (чоп ооз* или *отмай), жол чыгым* и другие[165]. Они распространялись как на прямо зависевшие от феодала группы населения — рядовых скотоводов, так и на должников, родственников.

При кочевом ведении хозяйства одним из основных средств эксплуатации являлся скот. Киргизские феодалы получали ренту с лиц, наделяемых скотом, а также прибавочную стоимость труда батраков. Скот предоставлялся во временное пользование нуждающимся, которые обязаны были вернуть его с приплодом, довольствуясь молоком и шерстью животных. В результате бедняк попадал в непосредственную экономическую зависимость от феодала. Наделенные скотом бедняцкие хозяйства рассчитывались с собственником либо натуральной платой, либо своим трудом, т. е. саан выступал в виде натуральной и трудовой ренты, завуалированной патриархально-родовыми пережитками. Невыполнение бедняком повинности лишало его права на дальнейшее получение помощи. Случалось, что бедняки нередко подвергались моральному гонению, а порой изгнанию из аила, общины.

Согласно «обычному» праву, облагались штрафом все отказывавшиеся от уплаты податей, связанных с обязательным угощением гостей, например, манапов, приехавших на той или аш. Существовал даже штраф, который доходил до 9 голов скота. Если кто-либо осмеливался отказаться от «добровольного» приношения в пользу манапа, то подвергался не только моральному осуждению, но и обязан был по феодальному праву уплатить штраф.

В кочевых и полукочевых скотоводческих районах бедняки в хозяйстве манапов, баев работали почти даром. Не имея ни скота, ни сельскохозяйственных орудий, они вынуждены были идти в услужение к баям, возделывать их поля. А. Ф. Миддендорф писал, что «...богатые властители из числа киргизов (манап) обрабатывают свою почву руками совершенно обедневших людей (эгенчи), которые работают почти только за один хлеб»[166].

В Средней Азии была широко распространена издольщина в виде чайрикерства, орточества, т. е. обработка полей из доли урожая. По аналогии с оседло-земледельческим узбекско-таджикским населением, эта форма получила распространение и у киргизов, занимавшихся земледелием, хотя в киргизских хозяйствах она наблюдалась сравнительно реже, и то больше на юге, в развитых земледельческих районах Ферганы и чаще всего выступала в натуральной форме. В хозяйстве киргизских феодалов был широко распространен наемный труд. За лето работы на байских

пашнях наемный работник за сезон в середине XIX в. получал от 4 до 6 мешков зерна[167].

Еще одну форму эксплуатации, замаскированную патриархально-родовыми отношениями, представляло использование в хозяйстве родственников и сирот богатых «сородичей», которые с детства помогали в семьях баев и оказывались фактически на положении бесправных работников. Патриархально-феодальные отношения, затушевывавшие классовые противоречия, заставляли считаться с подобного рода покровителями, которые внешне называли «пригретых» своими родственниками, выставляли на показ свое «благодеяние», а нормы «обычного» права требовали, чтобы батрак «не забывал съеденную им соль».

Нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались своего рода нерегламентированной феодальной рентой, довольно обременительной для хозяйства рядового кочевника. Положение трудящихся масс усугублялось тем, что киргизские феодалы, будучи административными чиновниками хана, взыскивая различные государственные сборы, произвольно увеличивали размеры налогов, всячески обманывали их. Основной формой ренты не только на государственных, но и на частновладельческих, общинных и вакфных землях была рента-налог, наряду с которой существовали и другие формы ренты, производные или обусловленные основной формой, или выступавшие наряду с ней.

Говоря о налогах и земельной ренте, можно заключить, что именно они являлись основным стержнем, определявшим экономические отношения и классовую борьбу в Киргизии. Рентные отношения имели всеобщий характер, выражали суть феодального способа производства. Именно земельная рента явилась господствующей формой присвоения прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве. Отсутствие отработочной ренты типа барщины, но с наличием трудовой повинности (одна из специфических особенностей Кокандского ханства и киргизского общества), господство натуральной, продуктовой ренты и появление элементов денежной ренты как превращенной формы натуральной, отнюдь не способствовали прогрессу. Такой характер ренты, присущий в целом феодальному обществу, нашел свое выражение и в земельных отношениях, в налоговой системе киргизского общества. Кокандского ханства. Переплетение их с остаточными формами дофеодальных отношений, патриархально-родового быта накладывало архаичный отпечаток на общественные отношения и формы эксплуатации.

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты, что вынуждены были признать и представители царской администрации. Командующий войсками Западносибирского округа писал, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»[168].

5. Борьба киргизского народа против двойного гнета

Обострение классовой борьбы

Период феодализма повсеместно характеризуется стихийными вооруженными выступлениями трудящихся как против «своих» угнетателей, так и против всевозможных завоевателей. Характеризуя причины общей слабости крестьянских восстаний против крепостничества и царизма, В. И. Ленин писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[169]. Это положение в полной мере можно отнести и к восстаниям в Кокандском ханстве трудящихся киргизов, узбеков, таджиков и других народностей. Отличительной их чертой являлись неорганизованность и разрозненность, отсутствие политически осознанной программы, монархические, по выражению Ленина, иллюзии крестьянства. Тем не менее, несмотря на свою слабость, они имели прогрессивный характер. Характеризуя Кокандское ханство, современники не без основания отмечали, что «история его представляет собой ряд беспрестанных восстаний кыпчаков и киргизов»[170]. Все они сыграли немалую роль в политическом развитии киргизского народа, способствовали в определенной степени развитию его общественного самосознания, учили борьбе с угнетателями.

В первый период возвышения ханства крупных восстаний и особых потрясений, видимо, не было. Это не означает, однако, что в ханстве наступило полное умиротворение: источники, как правило, умалчивают о восстаниях на раннем этапе истории Кокандского ханства. А ведь классовые отношения неизбежно должны были привести к внутренним обострениям, к переходу от недовольства существующим положением к вооруженной борьбе. Об этом можно судить по замечаниям кокандского автора сочинения «Тухфат ат-таварих-и хани». Одну из глав о раннем периоде ханства он даже назвал «Глава о смуте и волнении в государстве Коканд», вслед за которой следует «Глава о покушении на жизнь эмира Алим-хана». И описывал он отнюдь не придворные смуты, вызванные интригами двора и борьбой за престол, а волнения простого народа, возглавленные мясником Уста Сейидом из кокандской махалли Куш-Арык.

В период возвышения ханства представители киргизской знати участвовали в феодальных усобицах, в борьбе за низложение правящих ханов и возведение на престол новых. Простой народ в той или иной мере поддерживал их, стремясь тем самым выразить свой протест против ханского произвола. Бедняки изгоняли налогосборщиков и сопровождавшие их ханские войска, при первой возможности с оружием в руках поднимались на борьбу. Все это и создавало напряженную обстановку на окраинах Кокандского ханства, при которой киргизские кочевые племена считались са-

мым беспокойным и «опасным» элементом, которого боялись и который пытались беспощадно подавить при первой же возможности.

П. Ф. Резник, оставивший краткое описание истории Кетмень-Тюбе, одного из районов Тянь-Шаня, подчеркивал, что местные жители «не особенно подчинялись хану и среди них всегда были волнения, когда все роды киргиз соединялись для противодействия ханской власти»[171]. Командующий войсками Ферганской области генерал М. Д. Скобелев имел все основания сказать об алайских киргизах, что они никогда, даже при сильных ханах, не выражали свое подчинение «обычною подданным покорностью». Отличаясь воинственностью и пользуясь труднодоступностью своих кочевий, они «периодически... возмущались против хана». Их подданство обусловливалось лишь зависимостью от базаров и расположением многих зимовок в Ферганской долине и доступных ханским войскам предгорьях[172]. Как пишет современный французский тюрколог Реми Дор, проводивший полевые исследования среди памирских киргизов Афганистана, «номинальную власть кокандского хана и кашгарского эмира киргизы (Памира. — *Ред.*) признавали весьма относительно. Они свободно кочевали, ничуть не заботясь о том, кто претендует на обладание той или иной территорией, истинными хозяевами которой они почитали себя. Они не спешили выплачивать кому бы то ни было дань и всегда были готовы без колебаний вступить в борьбу, когда она сулила им какую-либо выгоду. Поэтому за ними прочно утвердилась репутация любителей набегов»[173].

Являясь следствием «жестокого и дурного правления» (по оценке русских посланников в Коканде), в ханстве часто вспыхивали восстания, распространяясь временами на огромные территории.

В борьбе против ханско-феодальной тирании киргизы выступали вместе с трудящимися казахами, не меньше киргизов страдавшими от насилия кокандских властей, а также с оседлым узбекско-таджикским населением. Одно из крупных совместных выступлений казахов и киргизов против ханского гнета произошло в 1821 г. в Таласской долине. В нем приняли участие тысячи рядовых скотоводов. Повстанцы заняли города Чимкент, Сайрам и ряд других населенных пунктов, что говорит о мощи и размере восстания. Однако руководил восстанием некий Тентек-тюря — представитель феодальной знати, и когда наступил кульминационный момент, Тентек-тюря изменил восставшим и перешел на сторону хана. Восстание было жестоко подавлено. В источниках упоминается и восстание таласских киргизов в 20-х годах, когда повстанцы захватили крепость Яны-Курган. Но подошедшие войска ташкентского хакима вновь подчинили Талас. Тогда-то и была построена кокандская крепость Аулие-Ата как центр управления таласскими киргизами и казахами, ставка кокандского наместника в Таласе[174].

Среди киргизов бытует легенда о Тайлак-батыре, который явился организатором и предводителем борьбы киргизов против кокандцев. Согласно поэме, записанной А. Чоробаевым в 30-х годах уже нашего столетия, новое крупное восстание против кокандцев вспыхнуло в Нарыне. Его возглавил Тайлак-батыр. Тысячи повстанцев напали на крепость Куртка. Военный гарнизон кокандцев не выдержал осады. Крепость пала. В плену у восставших оказался ряд кокандских сановников. Карательный отряд, посланный ханом против повстанцев, потерпел поражение. Народное движение приняло настолько широкий размах, что хан решил прибегнуть к хитрости: под видом лекаря в крепость проник шпион, который отравил народного героя. Только после этого восстание было подавлено[175].

В конце 30-х годов на борьбу за свою независимость поднялись киргизы, кочевавшие неподалеку от крепости Пишпек. К ним присоединилась часть казахов Старшего жуза. Поводом к восстанию послужили произвол и насилие ханских зякетчи, которых сопровождал военный отряд в 300 сарбазов. Повстанцы уничтожили весь отряд и убили начальника сборщиков подати. Против них выступил хаким Ташкента с карательным отрядом, но безуспешно. Лишь во время вторичного похода, внезапно появившись с большим войском под крепостью Пишпек, он смог одолеть повстанцев. Напуганный размахом восстаний на северо-востоке страны, кокандский хан облек своих наместников неограниченным правом управления и власти над местным населением лишь с одной целью — держать его в повиновении.

Дворцовые смуты в 1842 г. вызвали волнения на окраинах ханства. Иссыккульские племена восстали против хана, «сверг-нули с себя его иго и,— как отмечали русские обозреватели,— разорив устроенные на границах кокандцев с кочевьями дикокаменных киргизов крепостцы, начали с тех пор действовать самостоятельно»[176]. И. Бардашев, областной переводчик Семиречья, так описывал эти события: «...Вследствие возникших в Коканде беспорядков, главные рода черных киргиз, кочующие в окрестностях Иссык-Куля, признали себя независимыми и выгнали кокандцев из небольших укреплений, устроенных на речках Караколе, Барскоон и Конур-Улене»[177].

До полного освобождения от кокандского гнета было еще далеко, но это была серьезная заявка на победу, помешавшая кокандским ханам укрепиться на побережье Иссык-Куля. К сожалению, не известны ни ход восстаний, ни имена их предводителей. Ясна лишь причина — стремление народа к независимости, увенчавшееся успехом. Инициатором и движущей силой в этой борьбе явился простой народ.

Народные волнения и межфеодальные распри

В 1845 г. началось крупное восстание алайских киргизов, которое перекинулось и на окрестности Ош. Кокандский временщик — представитель мощной кыпчакской группировки Мусулманкул

находился со своим войском в Ташкенте, жители которого перед этим выступили против хана. Киргизы, воспользовавшись отсутствием основных войск и главнокомандующего, подняли восстание. Вскоре оно охватило район от Алая и Уч-Кургана до Оша. Источники не сообщают конкретных причин восстания, однако известно, что поводом являлась налоговая политика Шералы-хана.

Восставшие, большую часть которых составляли алайские и ошские киргизы, при поддержке узбекского населения осадили г. Ош. Когда весть о восстании дошла до хакима Шахриханского вилайета кыпчака Мухаммеда Назара Кур-оглы, тот собрал войско *(кошун)* и пошел на восставших. Одновременно было послано сообщение Мусулманкулу, который спешно вернулся в Коканд и с войсками направился на соединение с кошуном Кур-оглы. Повстанцы были разбиты[178]. Мусулманкул-минбаши беспрепятственно вошел в Ош. Как отмечает В. Наливкин, восстание было жестоко подавлено, много пленных отправили в Коканд, а Мусулманкул на некоторое время задержался в Оше, «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»[179]. Однако кыпчакским феодалам не удалось стабилизировать положение в ханстве. Пока они были заняты подавлением восстания, некий Рахматулла датха-мирза и исфаринский хаким Сатыбалды-датха договорились с алайскими феодалами о низложении Шералы. Претендентом на престол выбрали Мурадбека (одного из сыновей Алим-хана), находившегося тогда в Ура-Тюбе. Когда Кур-оглы еще сражался с восставшими киргизами под Ошем, пришло известие, что заговорщики доставили в Коканд Мурада и возвели его на престол. Шералы-хана «заставили испить напиток мученичества»[180].

Движущей силой восстания явилось кочевое и земледельческое трудящееся население. Феодалы использовали его для достижения своих корыстных целей. На престол был возведен послушный им Мурад-хан. Так, используя сложившуюся ситуацию, киргизские феодалы накапливали политический опыт, активно участвовали в ханских междоусобицах, преследуя свои личные интересы. Рядовым же участникам восстания приходилось расплачиваться и за авантюры феодалов. Повстанцы разошлись по кочевьям, но вскоре стало ясно, что налог выплачивать нужно, да еще и в бóльших размерах. Все это привело к тому, что рядовые киргизы, почувствовав себя обманутыми, начали равнодушно взирать на продолжавшиеся придворные распри. Когда кыпчаки Мусулманкула выступили против Мурад-хана, то оказалось, что последнего поддерживает лишь небольшой киргизский отряд в 100—200 человек. Кыпчаки ворвались в город, часть киргизов погибла, часть попала в плен, и лишь немногим удалось спастись.

На престол взошел Худояр-хан. Главную роль продолжал играть властный предводитель кыпчаков Мусулманкул. Надо полагать, что часть киргизских феодалов в союзе с Мусулманкулом поддержала выступление против Мурад-хана, надеясь приблизиться к престолу нового хана. Некоторым наблюдателям, в частности бывшему одно время в Коканде русскому посланнику И. Крымову, этот новый переворот показался мощным восстанием, так как в нем принимали участие массы рядовых скотоводов. Правда, Крымов ошибочно датирует события 1846 г., но подобная неточность в материалах того времени — довольно распространенное явление. «Киргизы-кыпчаки,— писал он,— Кокандским ханством овладели в 1846 г. общими силами, т. е. всеми отделениями своих родов», но «изо всех отделений рода их-нева главные и уважаемые ими старшины и бии», исходя из того, что народ «с давних пор привык быть управляемым ханами», возвели своего хана[181].

Управление и налоговая политика каждого нового хана не отличались от предшественников. Уроки восстаний их ничему не научили, да и не могли научить, феодальное окружение, принцип феодального угнетения оставались прежними. Естественно, сохранились и социально-экономические причины народных движений. Так, в 1847 г. произошло мощное восстание против произвола ханского наместника Азизбека-парваначи в Ташкенте. Есть основание утверждать, что в нем, кроме городских жителей, приняли участие окрестные племена казахов и киргизов. Восстание было вызвано введением чрезмерного налога. Обстановка накануне восстания характеризуется в рукописи «Мират ал-футух»: Азизбек парваначи установил такой жестокий деспотический контроль над жителями города и окрестных кишлаков, а также над «подданными казахами и киргизами, что ни один из малых или великих, живущих на окраинах людей, или низкий человек без его повеления не имел силы и права перешагнуть на расстоянии даже кончика пальца от большой дороги правдивости и справедливости... Он настолько завладел казахскими и киргизскими племенами и горожанами, а также отрядами войск, что они не могли дать даже тайно ни одного дирхема, ни одного фельса местным правителям, начальникам, способным людям и государственным чиновникам ни из хараджа и зякета, ни из яргу и алагата. Указанные племена, получив от населения и полностью (налоги и побоны), не давали и не могли дать ничего из них, даже в уменьшенном размере, представителям султанского дивана и казны»[182].

Автор сетует на Азизбека и порицает его за злоупотребления властью, особенно за то, что парваначи не делился своими доходами с ханским двором и не выделял доли налога в казну. Придворный летописец был сыном своего времени, но через искаженную призму мировоззрения все же отразил характер злоупотреблений и эксплуататорскую сущность кокандских наместников.

Социально-экономические причины народного гнева были налицо, и порой достаточно было лишь одного повода, чтобы разгорелась новая борьба. В 1847—1848 гг. восстали киргизы Наманганского округа. Спустившись с гор, они сразились с кыпчаками

в местности Балыкчи, но потерпели поражение[183]. В это же время вспыхивали восстания и в других местах ханства.

Кокандские ханы, воспользовавшись феодальными усобицами казахского султана Кенесары с киргизскими манапами, направили в 1848 г. в Северную Киргизию войско. В информационном письме манапа Джантая Карабекова западносибирскому генерал-губернатору говорится о соединении отрядов Джантая и Ормона для отражения войск кокандцев. Киргизы, «восстав против врагов, отразили их оружием, и они без всякого завоевания удалились». Осенью кокандцы напали вторично «для отмщения за убитых у них в первой битве людей». Однако в это время из Бухары «на сторону Хоканда» двинулись эмирские войска, и кокандцам пришлось покинуть пределы Киргизии.

В целом же соотношение сил оказалось неравным, и киргизы вынуждены были вновь признать свою зависимость от Коканда. Джантай объяснял это лишь необходимостью уборки урожая: «Между тем, с находившимися в здешнем укреплении кыпчаками притворно обхожусь дружелюбно, обманываю их под разным предлогом, лишь бы только дотянуть до уборки урожая, снабжая их иногда малым количеством баранов. Кочевья же и пашни Урман Батыря (Ормона) находятся от того укрепления в дальнем расстоянии, но пашни, как-то мои и султавского (солто) рода Джанкарача аулы и пашни находятся поблизости»[184].

Действительно, зависимость киргизов от Коканда была весьма неустойчивой. Летом 1850 г., воспользовавшись тем, что кокандский отряд в несколько сот человек из Пишпека выступил в Той-чубеково укрепление, киргизы напали на ослабленную крепость, однако взять ее тогда не удалось.

Борьба за независимость в 50—60-х годах

В начале 50-х годов XIX в. племена киргизов, управляемые манапом Ормоном, вновь вышли из повиновения Коканду. Ханский военный гарнизон в Кутмалды был разбит, а укрепление разрушено. Однако и после этого повстанцам не удалось окончательно освободиться из-под гнета Кокандского ханства. Кокандские власти воспользовались многолетней борьбой между сарыбагышскими и бугинскими феодалами. Ослабленные в междоусобной борьбе киргизы могли легко стать добычей кокандских феодалов. В скором времени они вновь попадают в зависимость от Коканда. Ханам не хотелось терять такую богатую скотоводческую провинцию — объект поборов и податей, какой являлась Киргизия. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы сохранить здесь свое господство. В Чуйскую долину и на Тянь-Шань направляются военные отряды, которые силой вынуждают киргизские племена признать власть кокандского хана. Весной 1851 г. в Пишпек прибыл кокандский отряд из 7 тыс. конников для поддержания подданства «неустойчивых» чуйских киргизов. Проживающих здесь киргизов рода солто поддержали сарыбагыши, и кокандский хан вынужден был отправить еще несколько

карательных отрядов. Усиленное войско грабит «отпавших» киргизов: у скотоводов отнимают лошадей и овец, разоряют зимовки, аилы.

В подавлении и приведении в подчинение северокиргизских племен кокандцам помогали и киргизские феодалы — ханские сановники. Алымбек, став влиятельным придворным, в 1853 г. сам потребовал от северокиргизских племен подчинения Коканду. Киргизские манапы жаловались в письме русским властям в сентябре: «...хокандский Алымбек прислал к нам письмо с угрозою, что если мы не будем иметь с ним свойства, то он придет к нам и накажет нас оружием»[185]. Киргизы вынуждены были снова временно подчиниться кокандцам и выплачивать зякет в ханскую казну. Даже после добровольного вхождения иссыккульских киргизов в состав России (1855 г.) ханские отряды еще некоторое время продолжали наезжать сюда за сбором податей.

По мере возрастания симпатий киргизского народа к России влияние Кокандского ханства в крае все более ослабевало, все шире разворачивалась борьба против ханских наместников. В июне 1855 г. командир Сибирского корпуса доносил в столицу военному министру, что власть кокандцев в верховьях р. Чу, отдаленных от ханских владений снежными горными хребтами, «весьма шатка»[186]. Для поддержания здесь своего господства ханы все чаще использовали испытанную практику всех завоевателей и колонизаторов — поощряли усобицы, поддерживали то одну, то другую группу враждовавших киргизских феодалов. Так, в 1855 г. кокандцы активно поддержали выступление сарыбагышского манапа Ормона против бугинцев, только что принявших российское подданство. Между сарыбагышами и бугинцами произошла вооруженная схватка. В ходе сражения сарыбагышский предводитель Ормон был убит. Этот случай послужил поводом для многолетней междоусобной борьбы сарыбагышей с бугинцами, принесшей трудящимся неисчислимые бедствия. Но сарыбагышские феодалы, используя поддержку кокандцев, не намерены были слепо повиноваться хану. Опираясь на недовольство народных масс, они и сами были не прочь временами уклониться от кокандских налогов. Летом 1856 г. для наказания сарыбагышей, «вышедших из повиновения Коканду» и отказавшихся от уплаты зякета, был направлен большой карательный отряд. Сбор налога с местного населения превратился в настоящий грабеж. Господство Кокандского ханства над племенами сарыбагыш и солто было восстановлено силой.

Подобная система сборов налогов носила характер обыкновенных грабительских налетов и вызывала при малейшей возможности вооруженный отпор киргизов. Кокандский историк Абу Убайдулла Мухаммед, будучи сборщиком зякета, сам не раз оказывался свидетелем подобных выступлений[187]. Наиболее крупным из них являлось восстание 1857 г. казахов и киргизов Семиречья. Первыми против ханского гнета поднялись казахи Стар-

шего жуза. К ним присоединились киргизы, кочевавшие в Таласской и в Чуйской долинах. Причиной этого выступления послужили произвол и насилия ташкентского хакима мирзы Ахмеда.

Кокандцы сначала определили для подведомственных Ташкенту киргизов и казахов зякет по три барана с сотни. Киргизы объявили, что этого количества не дадут. Хаким стал настаивать. Тогда-то и «последовало общее возмущение киргизов, окончившееся тем, что ханское правительство ограничивалось двумя баранами со ста»[188]. Но трудящиеся массы, доведенные до отчаяния, решили выступить открыто. Когда отряд кокандцев во главе с Худайберды-диванбеги вышел из Ташкента для сбора налога с киргизов Пишпекского района, «старшины илатие (племени) и плательщики зякета подняли восстание, уничтожили весь отряд и убили самого Худайберды-диванбеги»,— писал кокандский хронист Абу Убайдулла. Однажды он сам был свидетелем, как уже после сбора налога *зякат-и гусфанд* явились еще четыре посланца ташкентского наместника мирзы Ахмеда с требованием увеличения сборов. Они стали бесчинствовать и силой отбирать у населения имущество. Тогда отряд кочевников численностью 200 всадников во главе со старшиной Худайбергеном напал на сборщиков зякета.

Другой кокандский автор Абди Саттархан-казий писал: «Киргизы не согласились на уплату зякета и в разных местах перебили зякетчи, посланных беком для взимания означенного зякета». Восстание ширилось. Оно охватило большую часть территории казахов Старшего жуза и северо-западные районы Киргизии. Это уже явилось серьезной угрозой для всех северных территорий ханства. Встревоженный Худояр-хан решил сам во главе своей гвардии в 500 человек выступить для усмирения восставших киргизов и казахов Семиречья. Но угроза дворцового переворота в пользу брата Малля-бека вынудила его остаться в Коканде.

Несколько позже А. Л. Кун напишет об этих событиях и ташкентском правителе мирзе Ахмеде: «Притеснениями и непомерными налогами он вооружил против себя народ до того, что восстание приняло грозные размеры»[189].

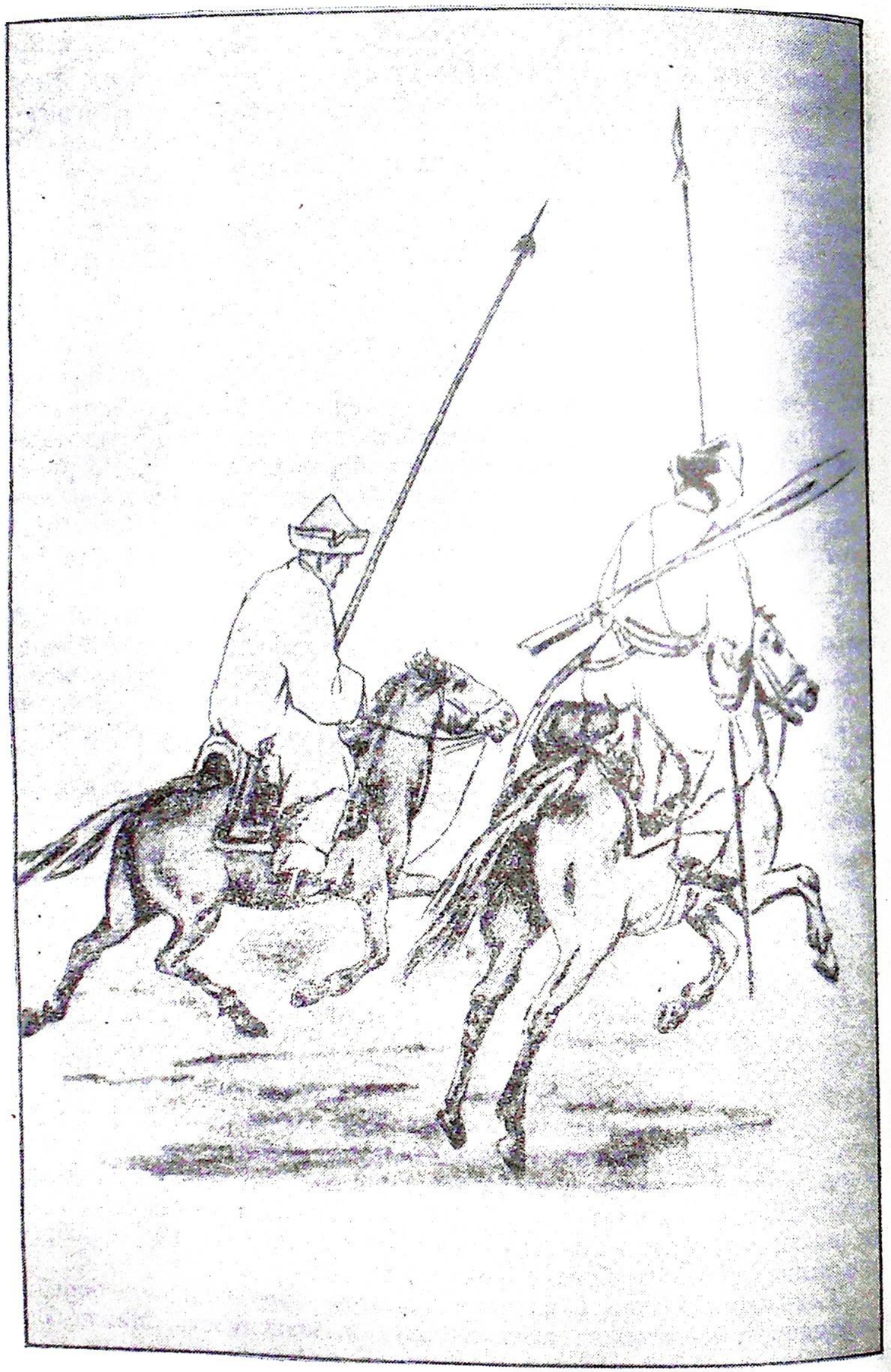
Утихнув на зиму, восстание возобновилось в 1858 г. Его свидетелем был известный путешественник Н. А. Северцов, оказавшийся в мае «кокандским пленником». «Причиной восстания,— писал Северцов,— были поборы ташкентского бека». Мирза Ахмед направил в кочевья кокандские вооруженные отряды численностью от 50 до 250 человек. Без вооруженного сопровождения зякетчи уже не рисковали выезжать в горы. Но и войска не всегда выручали. Отряд кокандского юзбаши (сотника) Абдуссалама из поездки к кочевникам за налогом «вернулся ограбленным».

Первыми, по свидетельству Северцова, возмутились «горцы, кочующие в хребтах между Ташкентом и р. Чу». Отряды, высылавшиеся на подавление восстания, со своей задачей справиться были не в состоянии, и вскоре «все кокандские укрепления между хребтом Кара-тау и р. Чу были обложены киргизами». Такую картину наблюдал Н. А. Северцов в течение всего апреля. Но неорганизованность восставших мешала достичь цели. Повстанцы, окружив крепость, намеревались взять ханские гарнизоны путем длительной осады. В то же время некоторые наиболее предприимчивые из примкнувших к повстанцам продолжали выменивать у осажденных на скот всевозможные товары, наивно полагая, отмечал Н. А. Северцов, «что доставляемое таким образом продовольствие недостаточно для города, и что цель их все-таки достигается»[190].

Основными участниками восстания, его движущей силой были трудящиеся-казахи. Причина его крылась в социальном угнетении. Военный губернатор «сибирских киргизов» (казахов) генерал-майор Фридрихс в рапорте генерал-губернатору Западной Сибири Г. Ф. Гасфорду подтверждал, что восстание против ташкентцев произошло «от непомерных сборов податей»[191]. Но руководство народным движением захватили феодалы. Во главе восставших встал казахский «старшина» Худайберген. Повстанцы плотно окружили Аулие-Ата, где находился в то время мирза Ахмед. Его положение серьезно осложнилось и кокандский наместник был вынужден обратиться за помощью к хану. В Аулие-Ата были направлены войска, состоявшие из нескольких тысяч человек. Но прибывшие ханские отряды не осмелились сражаться с многочисленными повстанцами и ограничились лишь выводом мирзы Ахмеда из окружения[192]. Осада была снята, но напряженность осталась.

Восстание, вспыхнувшее первоначально как протест против насильственных действий ташкентского наместника мирзы Ахмеда, уже в 1858 г. обратилось непосредственно против Худояр-хана, против Кокандского ханства в целом. Вслед за северными районами оно получило широкий размах и на юге. Здесь первыми на борьбу поднялись алайские киргизы племени адыгене. Высланному на подавление восстания карательному отряду противостояла многочисленная армия повстанцев (40 тыс. человек). Вооруженные палками, саблями, боевыми топориками и лишь отчасти фитильными ружьями и четырьмя легкими орудиями, восставшие встретили ханские войска близ Маргелана. Сражение произошло в местности Самгар. Карательный отряд был разбит. Восставших киргизов поддержали трудящиеся кыпчаки и узбеки. Почувствовав, что победа на стороне восставших, феодалы решили воспользоваться этим, низложить Худояр-хана и возвести на престол его старшего брата Малля-бека, надеясь приобрести при новом хане большее влияние.

Так, использовав социальный протест трудящихся, борьбу киргизов и казахов за национальную независимость, Малля-бек занял кокандский престол, продолжая политику угнетения трудящихся. В целях сдерживания напора народно-освободительной борьбы кокандские ханы в 60-х годах назначают в районы коче-



Киргизские воины. (Из альбома П. М. Кошарова).

вания северокиргизских племен комендантами крепостей киргизских манапов. Кокандские феодалы заменяются-кое-где местными родоправителями. Шабдан Джантаев в своей автобиографии отмечал, что ташкентский правитель Канаат-шах хотел назначить его в 1860 г. беком в крепость Пишпек, но он не согласился. Несколько позже, за какие-то услуги, оказанные Худояр-хану в Ташкенте, Шабдан был назначен беком в г. Азрет-Султан (Туркестан). Но успешное продвижение русских войск создало опасность в этом районе и Шабдан так и не стал фактически беком крепости[193].

До начала 60-х годов северные киргизы еще продолжали признавать свою зависимость от Коканда, несмотря на принятие частью из них российского подданства. Так, один из современников 60-х годов писал о чуйских киргизах: «все они платят зякет ташкентцам и редко некоторые избавляются от платежа и уходят далее на юго-восток, но на другой год они возвращаются и платят снова в гораздо больших размерах, поскольку открыто сопротивляться не было сил, а гор, в которых прочно и надолго можно было бы закрепиться, нет»[194]. Положение усугублялось междоусобицами как внутри киргизских племен, так и с соседними племенами казахов. Бугинский манап Боромбай в одном из своих писем жаловался, что «киргизы рода нашего с таковыми же других родов поимели междоусобные распри и раздоры, причиняют одни другим обиды и насильства, так что лишились всякого спокойствия»[195]. Все это ослабляло силы народа, позволяло ханской администрации использовать распри в своих корыстных целях, поочередно подчинять разрозненные племена.

Новое мощное восстание охватило Кокандское ханство весной 1862 г. Поводом явилось убийство заговорщиками Малля-хана. Среди активных участников выступления были алайский родоправитель Алымбек, кыпчакский бий Утембий. Сарыбагышский манап Умбеталы, например, прямо заявил, что Малля-хана «убил один из придворных чинов хана Алымбек из рода адыгене»[196]. Феодалы возвели на престол Шах-Мурада (Самрат-хана). Известный русский путешественник А. П. Федченко, возвращаясь к этим событиям, писал, что как только киргизы заметили, что их ставленник Малля-хан склоняется на сторону оседлой кокандской знати, они убили его и провозгласили ханом Шах-Мурада, являвшегося внуком Шералы[197]. По ханству прокатилась волна протеста, началось избиение кокандских наместников.

Дворцовые интриги и переворот в пользу Шах-Мурада дали толчок всеобщему выступлению против кокандских чиновников на местах, перешедшему в восстание против Кокандского ханства. Ташкентский купец жаловался начальнику Сибирской линии, что в Коканде «настало время Самрата, а управление народом — Алымбека». Киргизы, по его свидетельству, пользуются «всеобщим смятением», не пропускают правительственные караваны купцов, «что называется, у них *ханталау* (разграбление ха-

на)». Вскоре Худояр-хан с помощью бухарского эмира вновь завладел престолом. 25 июля 1862 г. генерал-губернатор Г. А. Колпаковский в письме к корпусному командиру сообщал, что Худояр-хан при поддержке бухарского эмира победил, «многие из лиц, умертвивших хана Малля, были казнены, в том числе убит чернью и знаменитый Алымбек»[198].

Воспользовавшись дворцовыми смутами в ханстве и общей его ослабленностью, в борьбу вступили киргизы Чуйской долины. Они убили ханского наместника и завладели крепостью Пишпек. Одновременно повстанцы обращаются к русским властям с просьбой о принятии их в состав России. На этот раз просьба киргизов была удовлетворена. На помощь повстанцам направляются войска начальника Алатавского округа Г. А. Колпаковского. Совместными усилиями Пишпек был взят и разрушен. Господству кокандцев в Чуйской долине был положен конец.

Таким образом, народные восстания против ханского гнета привели при поддержке России к полному освобождению Прииссыккулья и Чуйской долины от кокандского господства. Северная Киргизия добровольно вошла в состав России.

В других районах Киргизии борьба против ханского господства продолжалась, временами достигая крупных масштабов. В ноябре 1862 г. Колпаковский в одном из своих донесений сообщал центральным властям: «Беспорядки в Кокандском ханстве продолжаются... успех на стороне кыпчаков, действующих соединенно с дикокаменными киргизами»[199].

Весной следующего, 1863 г., повстанцы овладели почти всеми городами ханства, кроме Коканда и Ташкента. Осенью киргиз-кыпчакский феодал Алымкул, совершив новый переворот, посадил на престол 12-летнего сына свергнутого кокандского хана Султан-Сейида, а сам стал управлять ханством в качестве регента[200].

Особенно усилились восстания в период нового (третьего) правления Худояр-хана. Его правление было наиболее жестоким. Русский обозреватель Н. Петровский в официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» особо подчеркивал, что причина восстаний крылась в «жестоком, крайне деспотическом управлении ханством бывшего его правителя Худояр-хана»[201]. То же самое подчеркивали Е. Росс и Ф. Скрайн, побывавшие в Туркестане в конце XIX в.[202]. Американский путешественник Ю. Скайлер в начале 1870-х годов был свидетелем, когда после одного из восстаний «500 его схваченных участников были казнены самым жестоким образом» на кокандском базаре при стечении народа[203].

В конечном итоге именно народные восстания привели Кокандское ханство к падению. Но это произошло уже в 1876 г.[204].

Другие формы социального протеста

К оценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создавалось впечатление огульного отнесения

их всех без исключения к народно-освободительным движениям и социальным протестам. Дело в том, что в источниках о них содержатся весьма скудные сведения, а феодалы нередко сами провоцировали выступления в корыстных целях и благородный взрыв народного негодования ловко направляли против правящего хана, за нового претендента на тот же престол. Социальный бунт совмещался с династийными распрями, от выступления трудящихся выигрывали лишь феодалы, а повстанцы незаметно для себя вновь оказывались в угнетенном положении. В то же время нельзя отрицать, что и дворцовые перевороты, смена ханов могли послужить поводом и создать условия для выступления трудящихся.

Восстания против кокандцев носили не только народно-освободительный характер, они содержали элементы и социальной окраски борьбы — против всех видов угнетения, в том числе и против своих родоправителей — манапов. Иногда, не имея сил справиться со своими подданными, желая их надежнее «привязать» к себе, манапы обращались за помощью к русским властям. Так, сарыбагышский манап Торогельды в феврале 1865 г. в письме к начальнику передовой Ново-Кокандской линии просил «о присылке ему сотни казаков для удержания киргиз за собой»[205].

Усиленная эксплуатация порождала всевозможные социальные конфликты, что было подмечено еще представителями царской администрации. Командующий войсками Западносибирского военного округа писал, например, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»[206]. Протест непосредственных производителей против феодалов-родоправителей обычно проявлялся в неуплате податей, уклонении от несения феодальных повинностей, в откочевке бедноты от жестоких баев и манапов и только изредка заканчивался вооруженным конфликтом. Следует подчеркнуть, что откочевка являлась довольно распространенной формой стихийного протеста. Однако наивные представления о «справедливых» и «несправедливых» манапах вскоре рассеивались и поиски лучшей доли продолжались. Во время своего путешествия по Туркестану Н. А. Северцов встретил «беглых бугинцев», которые «настаивали на том, что они не бунтовщики, а откочевали..., чтобы избавиться от сарыбагышских набегов». После перемирия верховного манапа бугинцев Боромбая с манапом сарыбагышей Умбеталы «тамошние беглые бугинцы покорились беспрекословно» и вынуждены были «вернуться на прежние кочевья» к своему манапу[207].

Подвижное скотоводческое хозяйство и патриархально-феодальные отношения, усиление эксплуатации порождали соответствующие специфические формы классовой борьбы трудящихся Киргизии. Антифеодальные волнения и выступления вспыхивали то тут, то там и носили скрытый, глухой и локальный характер. Они проходили стихийно, неорганизованно, не имели единого ру-

ководства. Классовая борьба трудящихся киргизов не проявлялась так отчетливо, как у народов, прошедших классическую форму феодальной формации. Это объясняется слабым развитием производительных сил, раздробленностью скотоводческого хозяйства, а также политической разрозненностью киргизского народа, т. е. изолированностью киргизских племен и родов. Она также определялась живучестью дофеодальных пережитков, забитостью и темнотой народных масс, наличием шаманизма и проникновением ислама, затемнявших и одурманивавших сознание трудящихся.

Манапы, беки, баи и бии, стремясь притупить классовое сознание трудящихся, старались внушить им мысль, что якобы существует общность интересов всех членов родовых и племенных объединений. Пытаясь подавить недовольство и негодование местных трудовых масс против феодального гнета, они разжигали межродовую и межплеменную вражду, выдавая себя за «защитников» интересов «своих» сородичей.

Обращаясь к истории социальных протестов, которые нередко переплетались с народно-освободительной борьбой, можно выделить следующие их формы: индивидуальные жалобы в адрес крупных манапов, кокандских сановников; коллективная борьба между родами за своего претендента на должность главного манапа или коменданта крепости, назначаемых ханами и их сановниками; барымта — насильственный угон скота у ненавистных феодалов (как составная часть межфеодальной барымты); откочевка от «плохих» манапов к «хорошим» в иллюзорной надежде облегчить свою долю; борьба за оседание и переход к земледелию как средство освобождения от ненавистного родоправителя; и, наконец, восстание против кокандских наместников и ханов, которое носило всегда и социальный заряд против киргизских феодалов.

Следует сказать, что классовые противоречия были достаточно острыми. Однако слабое классовое самосознание, патриархально-родовые пережитки, отсутствие ясных целей и задач низводили все до неорганизованного протеста. Другое дело — восстания, направленные против ханского гнета, которые в определенных условиях перерастали в общенародные, основной движущей силой их выступали мелкие и средние скотоводы, рядовые земледельцы, обнищавшие и разоренные в результате грабительской политики кокандских властителей и местной знати. В этих выступлениях принимали участие и представители местной феодальной знати. Конечно, их цели и задачи в корне расходились с целями и задачами трудящихся, участвовавших в восстаниях: если трудящиеся массы хотели избавиться от господства Кокандского ханства, то феодальные верхи пытались воспользоваться массовым стихийным народным восстанием для укрепления своих классовых позиций.

Находясь под ханским гнетом, трудящиеся киргизы представляли потенциальную силу, способную в любое время подняться на борьбу. Достаточно было малейшего повода, и вся угнетенная масса приходила в движение, восстание охватывало все новые и новые районы ханства. Толчком могли служить как безмерное увеличение налогов, невыносимый произвол чиновников, так и многолетняя междоусобная вражда, даже дворцовый переворот.

В целом 50—60-е годы XIX в. характеризуются все более активным сопротивлением киргизов Кокандскому ханству.

6. Ориентация на Россию в борьбе против кокандских феодалов и цинской агрессии

Расширение экономических связей киргизов с Россией в первой трети XIX в.

Интерес России к Средней Азии и Казахстану зародился давно. Еще Петр I решительно выступал за принятие казахами российского подданства: «... оная-де орда потребна под Российской протекцыей быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять»[208].

В этом же направлении развивалась и дальнейшая политика русского правительства. Однако после принятия подданства казахами Младшего жуза, кочевавшими между Каспием и Уралом, Россия в конце XVIII в. и в первых десятилетиях XIX в. к территориальным приобретениям в Средней Азии не прибегала, а ограничивалась лишь укреплением добрососедских отношений. Расширяются посольские связи России со среднеазиатскими ханствами и Казахстаном, развиваются дипломатические контакты с киргизами. В Санкт-Петербург в конце XVIII в. направляются депутации среднеазиатских владетелей и казахских султанов. Как сказано в одной из записок современника, Екатерина II считала их прием «не только не излишним, но еще делом полезным служьбе ее, тем паче, что посредством таковой присылки сии чиновные отдаленных орд могут ближе с нами познакомиться» и будут оказывать готовность «доброй воле и тем услугам», в которых была заинтересована Россия в Азии[209].

Ф. Энгельс отмечал, что после походов в Среднюю Азию, организованных Петром I, «Россия долго не нарушала покоя туркестанских степей, но за это время область между Волгой и рекой Урал заселялась казаками, и по реке Урал были созданы казацкие военные поселения. Тем не менее по ту сторону этой реки власть России над тремя ордами или племенами киргизов оставалась чисто номинальной, и русские караваны подвергались разграблению как со стороны киргизов, так и со стороны хивинцев...»[210].

По словам К. В. Нессельроде, политика России в конце XVIII — начале XIX в. по отношению к Средней Азии заключалась в расширении сферы торговли, поисках новых торговых путей в Китай и Индию[211]. Однако следует подчеркнуть, что в сферу активной торговли Киргизия в то время непосредственно не входила, хотя русские товары все же попадали сюда через посредничество среднеазиатских купцов. Существенные изменения происходят с середины первого и особенно с начала второго десятилетия XIX в., когда значительно расширилась торговля России со Средней Азией, Казахстаном и другими странами Азии через западносибирские пограничные крепости.

Наиболее оживленной в этом отношении была Петропавловская таможня. Она являлась как бы основным транзитным пунктом торговли со Средней Азией и Казахстаном, а через них — с Китаем, Индией и другими странами Востока. По зарегистрированным данным, в соотношении ввоза российских товаров в Среднюю Азию и Казахстан и вывоза местных товаров и продуктов в Россию отмечались незначительные колебания, но в общем ввоз в Среднюю Азию и Казахстан превышал вывоз на сумму около 1 млн. руб. За 14 лет в Россию было вывезено товаров на сумму 10221,9 тыс. руб., а ввезено — на 11202,3 тыс. руб. Если в первое десятилетие XIX в. привоз в Среднюю Азию и Казахстан и вывоз оттуда товаров в денежном отношении в среднем были почти одинаковы, то с середины второго десятилетия наблюдается перевес вывоза товаров из Средней Азии и Казахстана над ввозом туда российских товаров. За 1818—1824 гг. в Бухару и Коканд, а также Казахстан через Петропавловскую таможню было вывезено товаров на 3826,1 тыс. руб., а привезено в Россию — на 7006,4 тыс. руб. Разница в товарооборотном балансе (3180,3 тыс. руб.) складывалась не в пользу России[212].

С открытием в 1803 г. на р. Иртыш Бухтарминской таможни, которая по замыслам западносибирских властей должна была стать средоточием русско-китайско-индийской торговли, часть товаров направляется через нее в Казахстан, а часть — в Киргизию. Ежегодный товарооборот через пограничные западносибирские таможни непрерывно возрастал. Для дальнейшего его расширения начальник Сибирской линии Г. И. Глазенап организовал сбор сведений о возможности открытия «нового торгового тракта» — через казахские степи и киргизские кочевья в восточнотуркестанский город Аксу. Через него намечалось наладить торговую связь, с одной стороны, с Чугучаком и Кульджой, а с другой — с Кокандом, Бухарой, Кашгаром, Тибетом и Кашмиром[213].

Во время инспекционной поездки осенью 1812 г. через крепость Семипалатинскую начальник Сибирской линии Глазенап склонил торговавших там купцов снарядить караван для освоения нового торгового тракта. Пять купцов (Абдульман Юсупов, Сафар Курбанбакиев, Мустафа Кулмаматшихов, Баки Овасов и Хамид

Амиров) снарядили торговый караван и отправились по новому тракту в сопровождении отряда казаков под предводительством сотника Старкова[214].

Первые же шаги каравана, казалось, предвещали неудачу. Зима оказалась на редкость суровой. Под прикрытием отряда караван дошел только до кочевий бугинских киргизов и был принят биями Шералы, Шапаком и другими. Отсюда купцы двинулись дальше. Но на территории киргизского племени саяк купеческий караван был вынужден оставить «в долг», а также уплатить значительную дорожную пошлину. Тем не менее караван продолжал путь. Наконец он достиг г. Уч-Турфан, а затем и Аксу. Здесь пришлось уплатить еще 5 тыс. руб. таможенникам, так как они не поверили, что купцы прибыли сюда по новому тракту. Долг с киргизских биев, чувствовавших себя в своих кочевьях полновластными хозяевами, им получить не удалось. Поэтому по прибытии на пограничную линию купцы подали письмо на имя генерал-губернатора с просьбой о восполнении убытков, возможно, и несколько преувеличенных.

Из поданных Г. И. Глазенапу прошений видно, какие именно товары были взяты для среднеазиатского рынка и какие из них больше всего привлекали киргизов: текстильные изделия (ситец, сукно, шелк, халаты, рубахи «азиатские»), выделанные кожи, предметы домашнего обихода из железа, удила и путы конские, чаши чугунные, таганы железные, топоры, медь, зеркала, различные украшения и прочая мелочь. Торговля в киргизских кочевьях носила меновой характер. Эквивалентом торгового обмена служила лисья шкура (что указывает на развитие у киргизов охоты). Так, аршин ситца оценивался в 2 шкуры, кожи юфтевой — в 4, чаша чугунная — в 8—12, аршин сукна — в 3, топор — в 1, котик морской — в 7, фунт шелка — в 10 лисьих шкур. Купцы оставили товар «в долг» киргизским биям на общую сумму в 5692 шкуры. Кроме этого, роздали на несколько тысяч рублей подарков Адель Султану, киргизскому бию Шапаку, учтурфанскому амбаню, начальнику г. Аксу[215].

Хотя первый торговый караван, прошедший по новому тракту через киргизские степи, оказался в убытке, в августе 1813 г. был снаряжен другой караван с товарами на 321 тыс. руб. Его сопровождал отряд того же сотника Старкова. На этот раз поездка закончилась благополучно. Киргизы обязались сами провожать купеческие караваны через свои земли до границы с Китаем и даже не взимать пошлины (возможно, в счет погашения долга). Караван успешно возвратился из Кашгара, привезя на 1 млн. руб. товаров: ревеня, чая, китайки, шалей индийских, парчи и «многих редких азиатских произведений»[216]. С 1813 г. торговые связи через киргизские земли с Восточным Туркестаном и Центральной Азией становятся более или менее регулярными.

Сибирские пограничные власти придавали большое значение установлению дружественных отношений с киргизами, через зем-

ли которых пролегал удобный торговый путь в страны Востока. Г. И. Глазенап доносил в Санкт-Петербург в начале 1814 г.: «...от возстановления сношений и утверждения дружбы с ними дикими киргизцами, торговля на Сибирской линии придет в цветущее состояние, почерпая богатство из источников Индии, Кашмира и других в смежности лежащих областей»[217].

Купцы все яснее осознавали выгоду торговли по новому тракту. Все больше караванов следовало через земли киргизов в Кашгар. В пути купцы не только сбывали русские товары, но и закупали у казахов и киргизов скот, а в Кашгаре — бумажные изделия, в Кашмире — всемирно известные индийские шали. Казанский «служилый татарин» Файзулла Сейфуллин, приказчик семипалатинского купца Степана Попова, в 1821 г., снарядил по новому тракту караван в Кашгар, где впятеро дороже, чем в Коканде, продал свои товары[218].

Главным препятствием в развитии торговли по-прежнему оставалась раздробленность киргизских племен. Каждый бий, через кочевья которого проходил караван, требовал подарков — своеобразной пошлины. Российские власти прилагали все больше усилий для привлечения киргизов на свою сторону, стремясь заручиться их покровительством в караванной торговле. В отношении Департамента внешней торговли на имя генерал-губернатора Западной Сибири от 15 сентября 1824 г. сказано, что торговле как с кокандцами, так и с «сопредельными до самой Индии (областями) способствовать бы могли дикие киргизцы по обещанию их препровождать караваны наши до Кашемира»[219].

Среднеазиатский и кашгарский рынки привлекали внимание не только российских купцов. В первой половине XIX в. в Средней Азии переплетаются интересы России и Англии. В донесении сибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича от 17 марта 1827 г. министру иностранных дел К. В. Нессельроде отмечалось, что, по слухам, англичане уже несколько лет засылают в Среднюю Азию своих агентов с целью разведать, «как бы лучше похитить у России азиатскую коммерцию»[220]. Разъезжая под видом купцов, они щедро одаривали владетелей, раздавали на значительные суммы товары «без всякого промена», стараясь на будущее заручиться поддержкой в торговле и обратить взоры местных правителей в сторону Англии.

Однако русские оказались предприимчивее, да и к тому же российские товары были намного дешевле, нежели английские. В свое время еще Ф. Энгельс отмечал, что «русские товары проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими»[221]. И это имело немаловажное значение для экономического, да и для политического приоритета России в Средней Азии.

Киргизско-русские посольские связи в первой трети XIX в.

В 1813 г. через казахские степи и киргизские кочевья в Восточный Туркестан снаряжается большой торговый караван купца

Миркубана Ниязова. При караване со специальным заданием находился губернский секретарь-переводчик Андрей Леонтьевич Бубенов. Он имел открытые письма от сибирского генерал-губернатора «ко всем салтанам, старшинам и биям кочующих народов по сему новому тракту, коих убеждал к содействию и нечинению обид и грабительств, в особенности же прошены были о сем самые отдаленные киргисцы»[222]. Караван охранял сотник Старков с отрядом из 6 урядников и 40 казаков.

Из Семипалатинска караван вышел 7 сентября 1813 г. и к концу октября прибыл в казахские кочевья. По распоряжению султана Адиля Аблайханова от казахов Старшего жуза далее караван сопровождал один из его телохранителей Киммамет. Он же имел к киргизам письмо от Адиля Аблайханова, в котором просил, «дабы они караван вперед и обратно препровождали и делали возможные пособия»[223].

31 октября караван миновал перевал Санташ и по р. Тюп стал спускаться в Иссык-Кульскую котловину. По течению реки на протяжении 15 верст встречались аилы киргизских биев Шапака, Шералы, Ишима и других. Дружелюбно принятый, Бубенов вручил им письма сибирских властей. В ответ киргизские бии сообщили, что «они купечеству не только не будут делать притеснений, но всегда будут оказывать защиту, доброхотство и препровождать до желаемого пункта»[224].

Г. И. Глазенап сообщал в Комитет Министров: «...киргизцев почетнейшие бии Ширайли и Ниязбек по благоразумным внушениям, быв склонны в пользу россиян, обязались сопровождать караваны на свою ответственность и пошлины не брать»[225]. Первым конкретным шагом в этом направлении было сопровождение каравана сыном Шералы Аджибаем в Восточный Туркестан к Уч-Турфану, расположенному на пути в Аксу. По возвращении Бубенова в кочевья киргизов бии Шералы и Ниязбек подготовили ответные письма на имя Глазенапа и снарядили в путь своих представителей просить о «покровительстве».

21 ноября Бубенов с киргизскими посланцами Качибеком и Джакыпбеком выехали с Иссык-Куля на Сибирскую пограничную линию. 5 января 1814 г. Бубенов с отрядом и киргизские депутаты прибыли в крепость Семипалатинскую. В рапорте, поданном в этот же день генерал-губернатору о результатах поездки, Бубенов доносил: «Каменных киргисцев бии Шапак, Шерали и протчия, желая быть навсегда престолу Российскому верноподданными, по письму Вашего превосходительства и по внушению моему прислали со мною для личного с Вашим превосходительством переговору депутатов своих бия Ширали сына Качибека, бийского же сына Якупа (Джакып) при двух простых киргисцах, которые до получения от вашего превосходительства резолюции находиться имеют в крепости Семипалатной»[226]. Это было третье в истории киргизское посольство, прибывшее в Россию.

Киргизские посланцы Качибек и Джакып, принятые сибирскими властями, «изустно изъявили желание производить с ними торговлю и готовность быть вспомоществователями к препровождению через их область, которую миновать нельзя, в китайский город Аксу, Кашгарию, Тибет, Яркенд и Кашмир, также настаивали, чтобы их отправить в Санкт-Петербург для принесения государю императору покорности от себя и своего народа». Но в этом из-за удаленности столицы было отказано, хотя генерал-губернатор лично принял киргизских депутатов, вероятно, в Тобольске, где находилось в то время Управление Сибирью, заверил в благоприятном расположении к киргизам русского правительства и обещал покровительство. Посланцев ознакомили с некоторыми пограничными крепостями, показали им барнаульские заводы, «которые желали они из любопытства видеть». Депутаты были награждены: Качибек — золотой медалью на алой ленте, Джакып — бриллиантовым перстнем. Обоих представили к чину капитана с выдачей именных сабель. В ожидании наград и попутных караванов они пробыли на пограничной линии до лета 1815 г., затем отправились в обратный путь[227].

Поездка Бубенова в киргизские кочевья возобновила киргизско-русские связи, прерванные в конце XVIII в. Ответное киргизское посольство в Россию способствовало дальнейшему, более тесному контакту между Киргизией и Россией. С этого времени в их взаимоотношениях наблюдается определенная преемственность, развиваются как торгово-экономические, так и политические связи.

С 20-х годов XIX в. завязывается интенсивная переписка между киргизами и представителями западносибирских властей. Она не отличалась особым разнообразием и заключалась со стороны России главным образом в просьбе о пропуске русских торговых караванов через кочевья и охране их, а со стороны киргизов сводилась к стремлению заручиться покровительством России и принять ее подданство. Посредниками связей киргизов с Россией обычно выступали купцы, больше всех заинтересованные в налаживании добрососедских отношений с кочевниками, так как путь через кочевья киргизов, раздробленных феодальными усобицами и расположенных по горным ущельям, представлял опасность для торговых караванов. Неоднократно встречаются упоминания о стремлении купцов склонить казахов и киргизов к принятию российского подданства и о награждении за усердие некоторых из них русским правительством.

Поводом к отправке новых послов в Россию явилось письмо С. Б. Броневского, исполнявшего обязанности начальника Омской области, киргизским родоправителям. Броневский просил в письме возместить убытки одного из разграбленных в горах торговых караванов. В ответ бугинцы рода белек писали, что они не в силах воздействовать на всех киргизов, и просили в подкрепление русский отряд: «У нас султанов нет, народ же наш нам не повинуется, а поэтому не благоугодно ли будет вам послать к нам воинский отряд, а мы могли бы наказать шалунов-киргизов и усмирили б»[228]. Высказывалось также желание восстановить добрососедские отношения. В ноябре 1824 г. в Семипалатинск возвратились караваны местных купцов С. Попова и Ф. Сейфуллина, торговавшие с городами Восточного Туркестана. Судя по сведениям «о заграничных обстоятельствах», собираемым при возвращении купцов из торговых поездок, киргизы намеревались направить в Россию новое посольство. По мнению Броневского, его снаряжение было вызвано тем, что они «новое управление в степи, вводимое Российским правительством, почитают и для себя весьма любезным»[229].

Депутатами от бугинских киргизов прибыли бий Акымбек Улджебаев со старшиной Мамбетом Умбетовым, бий Алгазы Шералин со старшинами Шербеком Исяновым и Токтогулом Асанбаевым, бий Алымбек Джапалаков со старшиной Бикбаем Айтназаровым. Они заявили, что являются представителями «до 12 тысяч кибиток». Акымбек Улджебаев прибыл как доверенный от 12 биев рода арык-тукум, Алгазы Шералин — от 3 биев рода белек, Алымбек Джапалаков — от 8 биев рода джелден[230].

В Семипалатинске послов «надлежащим порядком» принял начальник округа. 31 декабря 1824 г. они были препровождены в Омск, куда прибыли 5 января 1825 г.

Бии рода арык-тукум в письме, переданном с Акымбеком Улджебаевым, писали: «...В прошедших годах по приглашению торговцев Ваших мы не могли послать к вам от себя депутатов, потому что не имели с Вами никакого сношения. Назад же тому три года посланное от Вас через следовавшего в Кашгарию с караваном купца Файзуллу Сейфуллина письмо мы получили, но того года отправить к Вам депутатов времени не было. Сего же года по приглашению прибывших к нам Султана Галия Адылева, теленгута Уйсунбая Сукурова и також Файзуллы Сейфуллина, а равно и Петра Андреевича (Пиленков — семипалатинский купец. — *Ред.)* препроводили от себя депутатов; уверены, что Вы не оставите препроводить их к высочайшему двору... Наша покорнейшая просьба состоит в том: желание наше есть препровождать караваны Ваши в Кашгарию и Аксу. Но как есть в Орде нашей шалуны киргизы, с коими управляться нет возможности, то к усмирению их не оставьте употребить вашу власть... За своих же подведомственных мы ручаемся, а других родов киргизы нас не слушаются, потому что у них султанов нет. Мы же, известясь, что подданные государя императора киргизы, пользуясь покровительством, живут спокойно, а потому мы изъявляем свое желание быть подданными государя». Аналогичная просьба излагалась и в письмах от биев бугинских родов джелден и белек, причем бии Хаджибий Нуши, Муса и Качибек Шералины объясняли свое намерение принять российское подданство желанием избавиться от межродовых усобиц и возможностью перехода к оседлости.

«Сего же года прибыли в кочевья наши для торгу при старшине Уйсунбае купцы Файзулла Сейфуллин и Петр Андреевич, от коих мы слышали, что подданным государя императора в кочевьях киргизских для спокойствия их заводятся селения, что самое мы и народ наш приемлем за благо, желаем, чтоб и в наших кочевьях восстановилось таковое же спокойствие»[231].

Оба письма датированы одним числом — 6 декабря 1824 г. и выдержаны в общем стиле.

По прибытии депутатов в Омск от их имени была составлена докладная записка (на русском и «татарском» языках), скрепленная печатями киргизских биев и старшин. В ней они объясняли причину своего обращения к России: «Всех желание состоит быть под покровительством России, обязываются препровождать проходящия как из России в Кашгарию, а равно и оттоль купеческие караваны, прикрывая оные от неблагонамеренных хищников»[232].

Киргизские посланцы находились в Омске до возвращения сюда Западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича. Прибывший затем Капцевич воздержался от отправления их в Петербург, однако, хорошо понимая выгоду от дружественных отношений с киргизами для русской торговли в Азии, он благосклонно принял послов, заверив в дружеском расположении к ним России, причем ходатайствовал о «высочайшем пожаловании» киргизским депутатам правительственных наград. От генерал-губернатора посланцам преподнесли по перстню, по специальному заказу раскроили подарочные платья, одарили сукном, парчой, плисом, ситцем, бархатом. Он решил организовать почетное отправление киргизского посольства из Сибири. Для сопровождения депутатов в родные кочевья было приказано выделить казачий отряд. Возглавил его комендант Ямышевской крепости подполковник Ф. К. Шубин, с ним были хорунжий Т. В. Нюхалов, лекарь Ф. К. Зибберштейн и казаки[233].

Генерал-губернатор передал киргизским биям письма аналогичного содержания. Вот одно из них: «Сын Ваш... с товарищами... были у нас в областном городе Омске, доставили от Вас приятное письмо, получили от нас в знак дружбы и благоприязни подарки и ныне по желанию их возвращаются благополучно в свои кочевья в сопровождении почетного военного отряда. Похвальный ваш, почтеннейшие бии, вызов сопровождать купеческие караваны в Кашгар и Аксу доведен до сведения верховного Российского правительства и принят с величайшей благосклонностью и признательностью. Для утверждения же на всегдашние времена дружбы нашей с Вами Россия предлагает Вам свое могущественное покровительство и защиту с тою уверенностью, что Вы постоянно и неизменно будете благоприятствовать нашей торговле, препровождать и охранять купеческие караваны, усмирять толпы хищных людей и прекращать грабежи. Сею святою дружескою связью да утвердятся мир и спокойствие и водворится счастье и благополучие, которых желают вам на многие века. Но

буде потребна будет Вам от России защита, то присылайте к нам ваших людей, объясните откровенно о народных нуждах и не останетесь без удовлетворения»[234].

В письмах к султанам казахов, граничивших с киргизами, Капцевич указывал, что киргизы приняты под покровительство России и чтобы им «не делали никаких притеснений». Кроме писем, он просил послов устно передать биям, что «Россия принимает их под покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно и со своей стороны требует, чтобы они примирились в своих распрях и чтобы препровождали купеческие наши караваны, проходящие через обитаемую ими землю и охраняли от притеснений и грабежей»[235]. Рекомендовалось также взять «от старейшин, приславших депутатов, торжественное обязательство по обряду той земли», если русские посланцы и их предложения будут благосклонно приняты.

После этого посольство отправилось в обратный путь. 31 июля появились первые признаки обитания киргизов. Подошли к перевалу Санташ, служившему как бы воротами в Киргизию с востока, а также в восточнотуркестанские города Аксу, Яркенд, Кашгар, Уч-Турфан. Отсюда начинался путь в живописную Иссык-Кульскую котловину.

Киргизских послов и сопровождавших их представителей западносибирских властей встречали на родине тепло и радушно. Подчеркивая восторженный прием, оказанный им в киргизских кочевьях, Зибберштейн писал: «...к чести сего народа должно сказать, что чувства их нимало не дики, добрых порывов приверженности к своим родовичам, тоже самое оказали наши депутаты, они, горя нетерпением увидать родителей и ближних своих родственников, перерывали друг друга в объяснениях, коими каждый из них хотел доказать близость своих аулов»[236].

В кочевьях одного из крупных бугинских родов *арык (арыктукум)*, в аиле бия Улджебая Тюлебердиева (отца одного из возвратившихся депутатов), было решено созвать почетных старейшин и биев киргизов на народное собрание *(курултай)*. На нем «с достойною важностью» были отданы письма и объяснены обстоятельства, приведшие русский отряд в Киргизию. Выяснилось также, что в киргизских кочевьях уже давно находится посольство от Кокандского ханства, приехавшее «склонять означенных родоначальников войти в подданство Кохании». Верные своему уже испытанному при завоевании Кетмень-Тюбе и других районов принципу подчинять киргизские племена, используя вражду между ними, посланцы Омар-хана, склоняя в кокандское подданство бугинцев, предлагали им «вместе, совокупными силами истребить саргазынских (сарыбагышских) киргиз, кои слишком часто наносят опустошения своим соседям»[237].

Предложения кокандцев не имели успеха. Благополучное возвращение бугинских послов решило исход ответа. Уверенные в «той сильной защите, какую приобретут они от могущества рос-

сийского покровительства, бии Ульжебай и Епалак (Улджебай и Джапалак) первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы увлекли с собою и всех прочих родоначальников, которые в исполнении требований наших дали подписки и благодарные письма к г. генерал-губернатору Западной Сибири»,— писал Зибберштейн[238].

Дипломатическая миссия Нюхалова и Зибберштейна явилась самой результативной в развитии киргизско-русских экономических и политических связей первой половины XIX в. Налицо были выгоды как для России в ее торговле со Средней Азией и другими странами Востока, так и для киргизов — как единственно действенный путь к прекращению разорительных межродовых и феодальных усобиц и освобождению от кокандского ига. Россия объявила свое покровительство киргизам, которые формально признавались даже ее подданными. Но фактически этот акт не привел к вхождению Киргизии в состав России, так как он юридически не был еще скреплен полномочными представителями обеих сторон.

Желая как-то отметить особо расположенных к России киргизских феодалов и подчеркнуть свое покровительство им, сибирские власти направляют к киргизам дипломатическую миссию во главе с А. Л. Бубеновым с наградами киргизским послам, побывавшим за два года до этого в России.

30 марта 1827 г. Бубенов вновь, после четырнадцатилетнего перерыва, вступил на землю киргизов, «где имел случай и возможность посетить знатнейших из сего племени родоначальников, кочующих в сопредельных Кашгарии местах»[239]. 1 апреля он достиг урочища Джергалан-Су и вручил одному из депутатов, бывших в 1825 г. в Омске,— бию Акымбеку Улджебаеву — золотую медаль и грамоту за подписью генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича. В ответном письме Капцевичу 2 апреля 1827 г. Улджебаев писал: «Пожалованную мне... золотую медаль на Александровской ленте и при оной за подписью вашего высокопревосходительства грамоту, я от Андрея Леонтьевича Бубенова имел честь получить. За такую лестную для меня награду в обязанность себе поставлю на будущее время служить усердием... Покорнейший писатель Акымбек Улджебаев, писано апреля 2-го дня 1827 года при урочище Иргалан-Суу»[240].

Через три дня (5 апреля 1827 г.) в урочище Джуука-тоо Бубенов вручает Алымбеку Джапалакову именную саблю и золотую медаль на Андреевской ленте, а его отцу — Джапалаку Кутлину, оказавшему в 1825 г. особо радушный прием русским послам Т. В. Нюхалову и Ф. К. Зибберштейну и выступавшему за дальнейшее расширение русско-киргизских контактов — золотую медаль на Александровской ленте с грамотами генерал-губернатора Капцевича. Бубенов получил от киргизских биев ответные благодарственные письма, адресованные Броневскому и Капцевичу.

После вручения наград киргизским биям Бубенов более месяца находился в кочевьях бугинцев: знакомился с бытом, взаимоотношениями и политическим положением киргизов Прииссыккулья, собирал сведения о недавнем кашгарском восстании. Это были последние годы независимости северокиргизских кочевых племен. С запада уже надвигалась угроза со стороны кокандских ханов.

Завоевание Кокандским ханством Северной Киргизии отодвинуло процесс вхождения Киргизии в состав России более чем на три десятилетия. Отодвинуло, но не прервало окончательно. Проложенная первыми киргизскими послами тропа в Россию не заросла. Тесные дружественные отношения с могущественным северным соседом возобновились в середине XIX в.

Обращение к России за помощью и просьба о принятии в подданство в 40—50-х годах

Сложное международное положение, угроза со стороны китайских феодалов и гнет кокандских ханов вынуждали киргизский народ обратиться за помощью к России. Он усиленно добивался ее покровительства. Другой причиной обращения к русским властям было стремление избавиться от феодальных войн между казахскими султанами и киргизскими манапами, а также от внутренних междоусобиц. Особенно упорной была борьба между бугинскими и сарыбагышскими феодалами.

В 1844 г. от имени иссыккульских киргизов к западносибирским властям обращается бугинский манап Боромбай Бекмуратов. Сообщая о племенных междоусобицах в киргизском обществе, он просил «высокого покровительства России» и принятия его в подданство, чтобы обрести «спокойствие и благоденствие». Боромбай просил допустить его делегатов в Петербург для принесения присяги. Далее с обидой манап писал: «Несколько лет тому назад от народа нашего к Государю Императору были посланы от нас бии, но их начальство не допустило до предпринятой цели, возвратило с линии. В настоящем случае просим не поступать с нами так несправедливо, этим нас жестоко обидите»[241].

Боромбай намекал на безуспешную миссию 1824 г. Однако генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков и на этот раз вынужден был ответить отказом относительно направления киргизских посланцев в Петербург для «испрашиваемого покровительства», во-первых, «из-за удаленности столицы», во-вторых, из-за отсутствия в Сибири достаточного количества войск, чтобы поддерживать в Киргизии надлежащий порядок.

Послание бугинцев 11 ноября 1844 г. было представлено на усмотрение Николая II, который отклонил его, по-прежнему мотивируя отказ удаленностью кочевьев киргизов от Российской империи. В ответном письме министр иностранных дел писал Горчакову: «...Но принимая вместе с тем в уважение, что как в политических, так и в торговых видах нужно сохранить и поддерживать расположение и преданность, которые теперь являют

нам сии киргисцы, ибо через их кочевья пролегает караванный путь в Кашгарию,— польза наших дел требует дать бию ответ в таком смысле, чтобы оный никак не мог бы оскорбить его и охладить чувствования, которые он и единоплеменники его питают к нашему правительству»[242]. Генерал-губернатор Западной Сибири ограничился любезным письмом и подарками.

Через три года (1847 г.) к русским властям обратилось противоборствующее с бугинцами киргизское племя сарыбагыш. Манапы Ормон и Джантай (сарыбагыш), Джангарач (солто) просили принять их в подданство России и оказать помощь в борьбе с восставшим казахским султаном Кенесары Касымовым. Но сибирские власти под благовидным предлогом снова уклонились от конкретного ответа.

В 1848 г. Боромбай вновь обращается с письмом к западносибирскому генерал-губернатору с просьбой о покровительстве: «...По сему поводу покорнейше просим Вас, если можно, прибыв сюда, воздвигнуть здесь город. Это бы весьма хорошо было, потому что здесь состоят в числе 10000 кибиток бугу-киргизцев, сверх того — несколько тысяч кибиток сарыбагышцев, несколько тысяч солто-киргизцев и еще саяк-киргизцев. Все эти рода и волости находятся в окрестностях Иссык-Куля. И все они есть народ безначальственный и потому существуют между ними вражда и междоусобные войны. Если бы здесь был утвержден диван (округ), то этого не было бы, и все они находились бы в тишине и спокойствии. В здешних местах ни со стороны кокандцев, ни же китайцев никто, прибыв сюда, ничего не в силах сделать»[243]. И опять русские власти ограничились обещаниями в поддержке и устройстве («в свое время») округа, а «для поддержания усердия» снова были посланы подарки.

В том же году просит разрешения отправить своих послов в Омск и сарыбагышский манап Джантай Карабеков. Он сообщает о своем намерении отделиться от Коканда и ищет покровительства России. Действуя от имени киргизского народа, бай-манапы в силу сложившихся внутренних и внешних обстоятельств выступали за присоединение к России. Их интересы на данном этапе совпадали с интересами простого народа и объективно служили делу прогресса, так как преследовали цель прекращения усобиц, освобождения от восточного деспотизма Кокандского ханства, защиту от великоханьских притязаний маньчжурских правителей Китая.

Настойчивые просьбы приближали желанную цель. В киргизских кочевьях увеличивалось количество разрушенных кокандских укреплений, все южнее оттеснялись кокандские границы. Этому в немалой степени способствовало противоборство киргизского населения кокандцам, оказание им открытого сопротивления.

С закреплением России в Заилийском крае настал черед и для принятия в подданство России части северных киргизов. Юридическое закрепление эти акты получили в 1855—1863 гг., когда была принята присяга и скреплены двусторонние договоры о принятии киргизского народа в Российское подданство. Россия вошла в соприкосновение с Китаем на Тянь-Шане, получила новые рынки для сбыта своих товаров и источники сырья для развивавшейся капиталистической промышленности.

Этот процесс осуществлялся в основном мирным путем, чему во многом способствовала русская дипломатия. Как отмечал Ф. Энгельс, она представляла собой «своего рода современный орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в своей собственной среде, чтобы тем шире распространять ее вокруг»[244]. Дипломатия содействовала расширению границ империи больше, чем все русские армии. Это она «способствовала тому, чтобы сделать Россию великой, могущественной...». Однако дипломаты «не создали ничего нового, они лишь правильно использовали существующее положение вещей. Все успехи русской дипломатии,— писал Ф. Энгельс,— имеют под собой весьма осязаемую материальную основу»[245].

У истоков русско-китайского территориального размежевания в Средней Азии

Принятие киргизами Российского подданства должно было бы обезопасить их от нападения со стороны Кокандского ханства и Цинской империи, предотвратить междоусобную феодальную и родоплеменную борьбу, однако результаты сказались не сразу. В 1855 г. бугинцы подверглись нападению со стороны племени сарыбагыш и начали отступать от берегов Иссык-Куля в пограничные с Синьцзяном районы — на Каркару и Текес, где их главный манап Боромбай Бекмуратов запросил у цинских властей помощи, но не получил ее. На следующий год по приглашению Боромбая из России была отправлена военно-научная экспедиция во главе с полковником М. М. Хоментовским, в задачу которой входило приведение киргизских племен к присяге на местах, а также съемки оз. Иссык-Куль. Ч. Валиханов, принимавший участие в этой экспедиции, позже отмечал, что обладание Заилийским краем имело для России большое значение прежде всего для отражения вторжений со стороны Коканда, а сближение с киргизами способствовало открытию торгового пути с Кашгаром[246]. Теперь владения Российской империи уже непосредственно соприкасались с Восточным Туркестаном.

Русское правительство все более активизировало свою политику в Казахстане и Киргизии. Организованное переселение земледельцев в Семиречье свидетельствовало о намерении Российской империи прочно закрепить эти районы за собой. Здесь, на границе кочевий Старшего жуза и киргизских племен на перевале Кастек (близ урочища Узун-Агач), еще в 1859 г. было основано русское укрепление Кастек.

Вместе с тем, Цинская империя активно стремится помешать завершению процесса присоединения к России Казахстана и Кир-

гизии. Она снова засылает в казахские и киргизские степи, за линию своих постоянных пикетов, эмиссаров и военные отряды, заигрывает с отдельными представителями местной феодальной знати и даже предъявляет русским властям необоснованные территориальные притязания на ряд районов Южного Казахстана и Северной Киргизии, находившихся уже в составе России. В то же время в приграничных киргизских и казахских аилах продолжаются бесчинства маньчжурских солдат. В 1862 г. большая группа видных манапов из рода бугу была вынуждена обратиться к русским властям с просьбой об оказании помощи. Они писали: «Сделавшись подданными России, мы надеялись жить спокойными и освобожденными от притеснений китайцев, но они и доныне обижают нас, отнимают у нас стойбища по Текесу, Музарту и Кегену, называя их своими, тогда как земли эти с незапамятных времен, со времен предков наших, всегда были нашей собственностью, а теперь сделались даже царской собственностью как народа, подданного России»[247].

Укреплению позиций России в Средней Азии продолжало активно противиться и Кокандское ханство, в котором усиливалось политическое и экономическое влияние Англии. Здесь, как и в Бухаре, один за другим появляются британские агенты. Особое беспокойство у русского правительства вызвали известия, что англичане стремятся к завоеванию водных путей в Средней Азии и рынков стран Востока, в том числе сопредельных с Российской империей[248].

В этой обстановке русское правительство предпринимает меры для изучения и освоения своих новых пограничных территорий, в частности, принимает решение о рекогносцировке «пространства, разделяющего Сырдарьинскую линию и Заилийский край». Весной 1863 г. оно отправляет одновременно несколько военных отрядов в направлении г. Туркестана (во главе с полковником М. Г. Черняевым), Пишпека и Аулие-Аты (под началом полковника Лерха и капитана Проценко). Последний отряд, «кашгарский», должен был пройти через Центральный Тянь-Шань и исследовать пути, ведущие из Заилийского края в Кашгар.

Успешное продвижение России в Казахстане и в Средней Азии, приближение ее новых владений к границам Цинской империи вызывали необходимость решения различных межгосударственных вопросов и, в частности, установления русско-китайской границы в Центральной Азии. Во взаимоотношениях между Россией и Китаем все еще существовали некоторые неурегулированные проблемы, мешавшие укреплению добрососедских отношений двух соседних государств. Одной из наиболее важных проблем оставалась территориальная: необходимо было установить четкую границу между двумя державами.

Уже в результате первых контактов между Россией и цинским Китаем обнаружился китаецентристский подход цинского

правительства к взаимоотношениям со своим северным соседом. Россия рассматривалась богдыханом и его окружением всего лишь как порубежное «данническое» государство, что, естественно, препятствовало дальнейшему развитию связей между государствами. Цинские власти придерживались изоляционистской политики, стремились сохранить свое монопольное господство как над китайским, так и другими покоренными народами, в частности Восточного Туркестана и других областей.

В Джунгарии и в Восточном Туркестане маньчжуры все время чувствовали себя, как на вулкане. «Положение дела внутри Китая и шаткое положение маньчжурской династии известно туземцам Западного края, и они с нетерпением ожидают избавления от ига неверных»,— так характеризовал обстановку, сложившуюся в Синьцзяне, один из русских наблюдателей[249].

Жестокое национальное угнетение и феодальная эксплуатация вызывали возмущение коренного населения края. Одно за другим здесь вспыхивают мощные восстания, перераставшие в подлинно народные войны, которые подтачивали устои Цинской империи и свидетельствовали о нежелании трудящегося населения Джунгарии и Восточного Туркестана признавать ее господство. В середине XIX в. маньчжурские власти начали серьезно опасаться за прочность своих позиций в Синьцзяне. Конфликт с такой страной, как Россия, в сложившейся обстановке мог быть чреват для маньчжурской династии опасными последствиями. Цинское правительство, хорошо понимая это, было вынуждено теперь искать поддержку у государства, которое прежде являлось объектом его экспансионистских устремлений. На переговорах с русскими маньчжуры уже больше не допускали грубого нажима и угрозы применения вооруженной силы. Но успеху переговоров в значительной мере препятствовали два обстоятельства: позиция ряда высших чиновников цинского двора и вмешательство Англии. Отдельные цинские сановники все еще продолжали мыслить отжившими понятиями о могуществе империи, пытаясь при переговорах с представителями России применять тон диктата. Естественно, это только осложняло ход переговоров. В 1851 г. российский дипломат полковник Е. П. Ковалевский и генерал-губернатор Илийского края И Шань подписали в Кульдже торговый договор, по которому Россия получила право на учреждение в Кульдже и Чугучаке торговых факторий и назначила туда консулов. По Кульджинскому договору разрешение мелких конфликтов между китайскими и русскими подданными на местах возлагалось на русского консула и маньчжуро-цинских чиновников[250]. Как отмечал еще Г. Е. Грумм-Гржимайло, по сути дела, договор 1851 г. уже содержал в себе отказ Цинской империи от притязаний на территорию Казахстана и Киргизии[251].

Киргизский народ все с большей надеждой обращает свой взор в сторону России. В упрочении связей с ней передовые его представители видят перспективу дальнейшего развития по пути

прогресса. Не в обособленности и отделении, а наоборот, в сближении с сильным соседом, намного более развитым по сравнению с азиатскими ханствами и цинским Китаем, могли быть созданы условия для дальнейшего развития киргизского народа. Это давнее стремление осуществилось в 1855—1876 гг. Киргизский народ избежал закабаления со стороны отсталых феодальных государств Востока и был избавлен от грабительских набегов иноземцев. Впереди открывалась дорога к светлому будущему уже в братском содружестве с великим русским народом в рамках централизованного Российского государства.

Глава XI

КУЛЬТУРА КИРГИЗСТАНА В XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Нашествие полчищ Чингиз-хана надолго задержало экономический и культурный прогресс многих народов. Оно сопровождалось повсеместным разрушением производительных сил, массовым истреблением мирных жителей, угоном в рабство тысяч искусных мастеров и ремесленников. Некоторые ранее цветущие области, например многочисленные города и поселения Таласа, Иссык-Куля и Чуйской долины, уже не смогли восстановить свой былой культурный потенциал.

Тем не менее, жизнь постепенно залечивала раны, на территории Средней Азии и Казахстана начался процесс хозяйственного и культурного возрождения. В пределах современной Киргизии он протекал неравномерно: в Фергане, вошедшей в государство Тимура и Тимуридов,— более интенсивно, в Семиречье и на Тянь-Шане — медленнее.

Татаро-монголы быстро ассимилировались в местной тюркоязычной среде. От бывших завоевателей остался лишь этноним «могол», под которым теперь выступали местные и пришлые с монголами племена.

Начиная с XVI в., культура указанных регионов развивается как культура сложившейся киргизской народности, вобравшая в себя лучшие достижения материальной и духовной культуры своих предков. Господствовавший тогда общественный строй оказывал определенное влияние на формирование культуры двух тенденций — народной и феодальной. Однако истинным ее творцом являлись народные массы.

1. Культура в позднее средневековье (XIII—XV вв.)

Культура кочевников

О культуре кочевых племен Семиречья и Тянь-Шаня в XIII—XV вв. в письменных

источниках почти не упоминается. Судя по восточным источникам, к XV в. регион был населен исключительно кочевниками, «жившими в войлочных шатрах и питавшимися мясом и кумысом; по внешнему облику они походили частью на ойратов, частью на мусульман».

Несколько более полное представление о культуре тюркоязычных кочевников дают археологические источники. Однако памятники монгольского времени на территории Средней Азии и значительной части Казахстана изучены слабо. Здесь насчитывается всего 18 пунктов, где были раскопаны единичные погребения XIII—XIV вв.[1]. На территории Киргизии известно свыше десятка кочевнических погребений этого времени. Они редко составляют компактные группы и обычно расположены в разновременных могильниках, внешне мало отличающихся от основной части курганов.

В Таласской долине к погребениям тюркоязычных кочевников можно отнести несколько отдельных курганов из могильников Тош-Башат, Беш-Таш, Беш-Каракчи и погребение у с. Королевка. В Чуйской долине к ним принадлежат 5 погребений могильника Тегирмен-Сай и впускная могила в кургане могильника Джиламыш. В Центральном Тянь-Шане известно только одно погребение XIII—XIV вв.— в могильнике Туура-Суу[2].

На Тянь-Шане и в Семиречье погребения кочевников монгольского времени производили под небольшими курганными насыпями из земли и камня, либо обозначали на поверхности овальными каменными выкладками. Захоронения производили в грунтовых ямах (иногда выложенных камнем) и в подбоях. Погребенных укладывали в дощатые гробы или колоды, чаще — на дно ямы или подбоя на спину, головой на север или северо-запад. В насыпях курганов и в засыпях могильных ям встречаются остатки ритуальной пищи в виде костей животных, а также обломки сосудов.

Особенностью позднесредневековых погребений кочевников является незначительное количество или полное отсутствие погребального инвентаря. Последнее объясняется влиянием исламских традиций. В Средней Азии и Казахстане богатые погребения XIII—XIV вв., выполненные по языческому обряду, встречаются крайне редко. Одно из них было раскопано на правом берегу р. Талас в местности Тош-Башат[3]. Под небольшим каменно-земляным курганом было вскрыто погребение в подбое, который был закрыт деревянной перегородкой. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Судя по остаткам одежды, покойный был одет в платье из шелка и обут в кожаные без каблуков сапоги со слегка загнутыми носками. Сохранились также серебряные детали наборного пояса. В комплект входили пряжка, наконечник, две обоймы, три овальные накладки и две бляхи со скобами в нижней части. Все детали пояса орнаментированы рельефными зооморфно-растительными композициями. К поясу

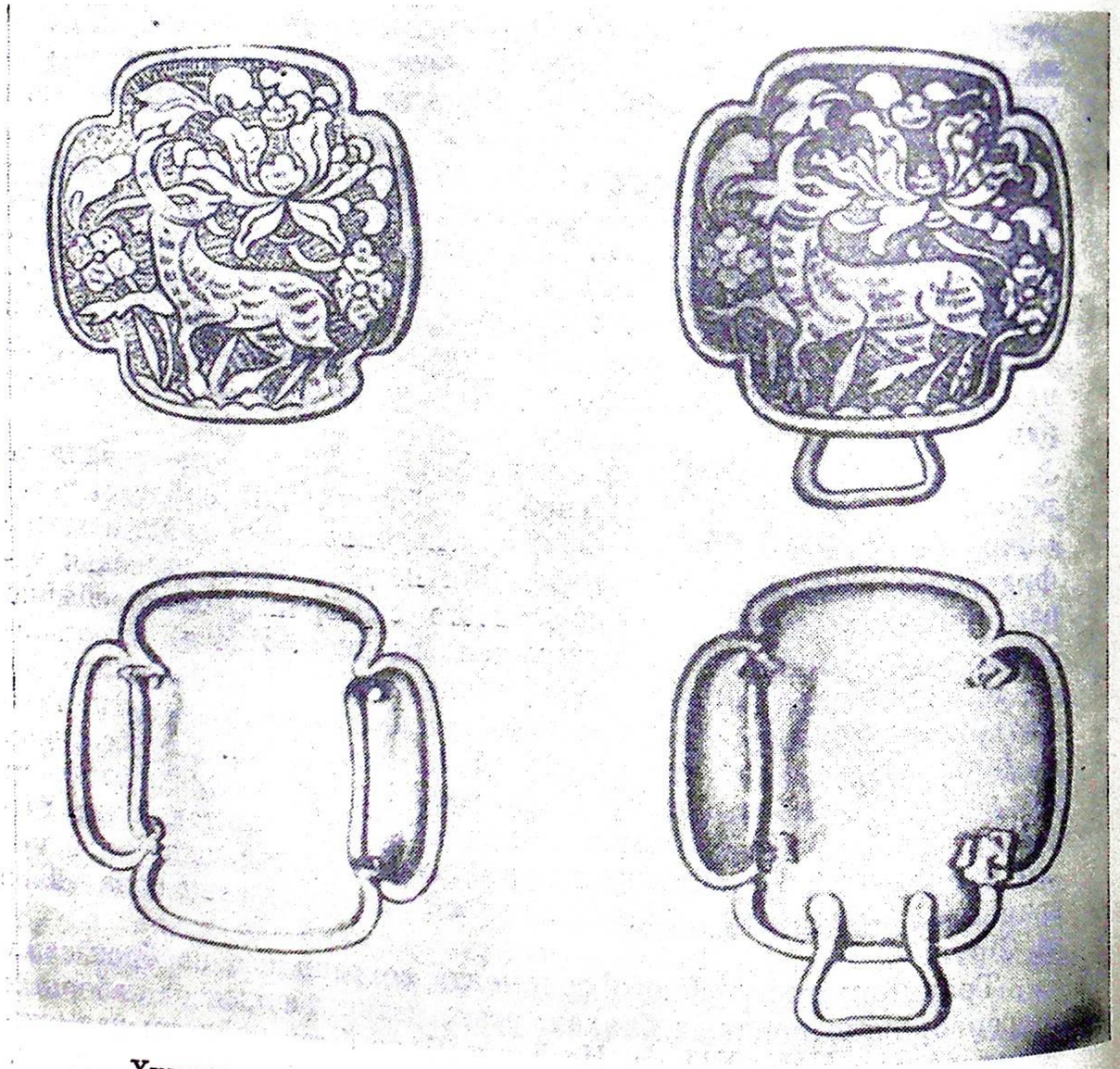
крепился нож в деревянных ножнах. У изголовья погребенного были найдены кости барана, а также деревянный сосуд и бронзовая чаша, свидетельствующие о соблюдении ритуального обряда. С богатым тошбашатским погребением резко контрастировали бедные.

Вооружение обычно встречалось только в мужских погребениях. Оно представлено остатками луков, стрел, сабель и доспехов. Луки сохранились плохо, что затрудняет представление о их размерах и конструкции. Судя по находкам центральных костяных накладок (Чуйская долина), это было сложносоставное оружие. В XIV в. стали употреблять луки без костяных накладок. Наконечники стрел — железные, черешковые, с широкой уплощенной боевой частью различной формы. Берестяные колчаны, куда укладывались стрелы наконечниками вверх, иногда украшались орнаментированными костяными накладками. В Семиречье найдена только одна сабля, относящаяся к этому времени (Таласская долина). Она имеет брусковидное перекрестие, рукоятка расположена под углом к линии клинка. Сабля была вложена в деревянные ножны с серебряными оковками и положена у левого бока погребенного. В качестве защитного вооружения использовали панцирь из продолговатых железных пластин (Чуйская долина).

В XIII—XIV вв. обычай захоронения с конем у кочевников исчезает. Встречаются, правда, единичные погребения, в которые клали детали конской сбруи. Так, в одном из погребений в ущелье Беш-Таш (Талас) было найдено железное стремя с широкой подножкой и узким отверстием для ремня в расплющенной верхней части дужки. Аналогичные стремена датированы по совместным находкам монет, относящимся к XIV в., и едва ли встречаются раньше[4].

Керамика в быту кочевников XIII—XIV вв. употреблялась редко. В погребениях Таласской и Чуйской долин найдены керамические грубой лепной работы плоскодонные горшочки, а также фрагменты деревянных сосудов. Для позднего средневековья характерны металлические, чаще всего серебряные чаши, обычно полусферической формы с уплощенным дном. Иногда к закраине припаивалась широкая «трефовидная» ручка, украшенная богатым орнаментом. Как правило, это растительные побеги, причудливо ответвляющиеся от центрального стержня. Дно у сосудов без ручки орнаментировано. На одном из них изображена сложная розетка, на другом — резвящиеся рыбки. Несколько таких чаш было найдено в разграбленных курганах Семиречья, одна — в могильнике Туура-Суу на Центральном Тянь-Шане и еще одна—близ г. Фрунзе[5].

Традиции зооморфного орнамента сохранились на бронзовых и серебряных поясных бляхах, резко отличающихся от наборных блях поясов VII—XII вв. На Тянь-Шане были найдены две одинаковые бронзовые бляхи в форме четырехлепестковых розеток,



Художественный металл XIII—XV вв. Центральный Тянь-Шань.

все поле которых заполнено орнаментом, представляющим собой профильное изображение бегущей лани в обрамлении пышных цветов и причудливых побегов[6]. Стилистически сходным орнаментом были украшены все детали серебряного наборного пояса из Тош-Башата. Композиция орнамента на разнотипных деталях разная, но тематически едина. Две фигурные бляхи со скобами и наконечник ремня имеют двустороннюю орнаментацию. Основным мотивом украшения деталей наборного пояса являются стоящие и лежащие в геральдических позах лани, изображенные в профиль. В центре композиции — стилизованное «древо жизни», на ветвях которого сидят птицы. На трех круглых накладных бляхах изображены лежащие лани с повернутыми назад и приподнятыми вверх головами. Над ними слева — растительные побеги. Рамки и пряжка украшены четырехлепестковыми розетками.

Тошбашатские детали наборного пояса являются примером эклектического искусства кочевников монгольского времени. Если изображения животных, птиц и «древа жизни» близки по стилю среднеазиатско-иранским образцам, то причудливая растительность, изображенная на обратной стороне блях, имеет большое сходство с дальневосточными образцами. Немногочисленные памятники искусства кочевников Киргизии XIII—XIV вв. оставлены ремесленниками из различных регионов обширной империи монголов. Именно это и обусловило то обстоятельство, что в искусстве кочевников того времени наблюдается смешение (но не органическое слияние) различных художественных стилей и техники. Новое, что характеризовало искусство кочевников монгольского времени,— абсолютное преобладание растительного орнамента исламского происхождения.

В XV в. наблюдаются значительные различия между культурой феодалов Семиречья, являвшихся основной массой кочевников, которые были шаманистами и испытывали лишь поверхностное влияние ислама. На этой почве между феодалами и их подданными не раз возникали серьезные конфликты. Так, Юнус-хан, объединивший в 1472 г. весь Моголистан, долгие годы жил в Иране, где получил основательное мусульманское образование. Одним из его учителей был знаменитый историк Шараф ад-дин Йезди. Юнус-хан не мог примириться с кочевой жизнью и тщетно пытался принудить своих кочевых подданных к оседлой жизни и к принятию ислама. Сын Юнуса Махмуд, подобно отцу, был весьма образованным человеком и даже писал стихи. Захир ад-дин Бабур признает в нем многие достоинства, кроме таланта полководца. Махмуд-хан не пользовался авторитетом у своих подданных. Образцом для кочевников Семиречья был его младший брат Ахмед, которому была чужда мусульманская культура. По словам Бабура, это был настоящий сын степей: крепкого телосложения, суровый и храбрый воин, предпочитавший саблю всякому другому оружию. В отличие от большинства феодалов, он прин-

ципиально носил одежду кочевников. Сбруя его коня так же полностью соответствовала кочевническим обычаям[7]. Некоторые детали костюма моголов Семиречья и Тянь-Шаня описаны Бабуром, которому его дядя по матери Ахмед-хан подарил комплект платья кочевника. Могольская шапка была вышита крученым шелком. Халат из атласа расшит блестками. К поясу слева подвешивался мешочек старинного образца для хранения кремня, с левой и правой стороны — еще три-четыре предмета «вроде коробочки для амбры и пудры»[8]. Когда Бабур переоделся однажды в этот костюм, его не сразу узнали даже близкие. Это свидетельствует о резком отличии внешнего вида кочевников Семиречья и и Тянь-Шаня от жителей оседло-земледельческих оазисов Ферганы.

В целом культура кочевников Киргизии XIII—XV вв. продолжала традиции предшествовавших времен. Особенно это заметно при изучении погребального обряда. Она ничем не отличалась от материальной культуры и искусства всего обширного региона степей Евразии.

Оседло-земледельческая культура

Процесс упадка земледельческой культуры Семиречья начался еще до нашествия орд Чингиз-хана. Экономика городов была ослаблена непрерывными междоусобными войнами, завоеваниями Мухаммеда-хорезмшаха. Путешественники, посетившие Семиречье сразу после монгольского нашествия, описывают его еще как страну с оседлой земледельческой культурой. Сохранились некоторые города, окруженные цветущими садами и орошаемыми полями. Жители занимались шелководством и виноделием. Однако и здесь ими уже было отмечено много древних валов и развалин[9]. Если в Чуйской и Таласской долинах до нашествия Чингиз-хана насчитывалось около 200 населенных пунктов, то в XIII—XIV вв. их осталось не более двух десятков. Так, в Чуйской долине письменные источники из городов упоминают только Баласагун, Тарсакент (дословно — «христианское селение»), Каялык и Ашпару. Тарсакенту, видимо, соответствовало городище Караджигач, расположенное на юго-восточной окраине г. Фрунзе, где еще в конце XIX в. было обнаружено несторианское кладбище, датируемое XII—XIV вв. Судя по археологическим данным, в Чуйской долине в XIII—XIV вв. жизнь едва теплилась на девяти городищах. Однако, если в XIII—XIV вв. на Тянь-Шане и в Семиречье еще имелись отдельные города или оазисы, то по свидетельству Мирзы Мухаммеда Хайдара, ал-Омари, Махмуда ибн Вали, к XV в. здесь не уцелело ни одного сколько-нибудь значительного населенного пункта. «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь... дома совершенно пустыми...»[10] — писал со слов очевидца ал-Омари в первой половине XIV в.

«Уму непостижимо, что... теперь нет даже места, к которому можно было бы отнести название Баласагун»,— с горечью отмечает автор «Тарих-и Рашиди»[11]. В монгольское время он именовался Гор-Балык (Куз-Балык), но судя по именам с нисбой «ал-Баласагуни», упомянутым на датированных кайраках с городища Бурана, коренные жители еще в первые десятилетия XIV в. называли его по-прежнему. По предположению В. В. Бартольда, город погиб во время бесконечных распрей между Чингизидами в XIV в.[12]. Вот что об этом пишет в своей «Географии» Махмуд ибн Вали: «Баласагун — из городов Туркестанзамина, известного (под названием) Моголистан. До монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых... (Баласагун) — страна обширная и приятная, из шестого-седьмого климатов. Климат его очень холодный. В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной (гяза). (Баласагун) имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медресе...

После нашествия монголов, до тех пор, пока обычаи монголов не повредили ему, был он благоустроенным и цветущим. И с тех времен до сегодняшнего дня находится в опустошенном и заброшенном состоянии. Некий путешественник кашгарец, во время составления сей книги в Балхе, рассказывал: однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмаков. Спустя два месяца, следуя по направлению с востока на север, дошли до какой-то местности, где из-под песка на четыре-пять зира выступали крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок, медресе и приметы их были видны с расстояния четырех фарсангов. Недалеко от той местности мы настигли калмаков (и между нами) приключилось сражение. Схватили из числа этих неверных много пленников и при возвращении, когда дошли до того места, где (раньше) мы увидели остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно лишь то, что здесь (в прошлом) был город Баласагун. Во времена правления некоторых потомков Чингиз-хана он остался под песком, а в настоящее время в некоторых местах из-под песка иногда можно увидеть комнаты со всей домашней утварью: котлами, глиняными чашками, сосудами и вазами, а палосы и (прочие) пожитки исчезли. В некоторых же комнатах поскоятся и люди. Словом, этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто (даже его имя)...»[13].

Сведения Махмуда ибн Вали явно преувеличивают количество выдающихся культовых построек в Баласагуне. Описание им сохранившегося жилья с неразграбленной утварью и непогребенными останками людей наводит на мысль, что в запустении Баласагуна, возможно, сыграла свою роль чума, свирепствовавшая в Семиречье, как это следует из текстов несторианских надгробий

с городища Бурана, в 1338—1339 гг. В дневниках Тимура, сохранившихся от времен походов в Моголистан (80—90-е годы XIV в.), Баласагун уже не упоминается.

В источниках XIV в. в Иссык-Кульской котловине значится город Ыскуль (Си-Куль), расположенный на северном побережье озера. В нем был монастырь армянских миссионеров. Археологические материалы позволяют отметить здесь следы оседлой жизни XIII—XV вв. еще в пятнадцати пунктах. Некоторые из них в настоящее время затоплены водами озера[14].

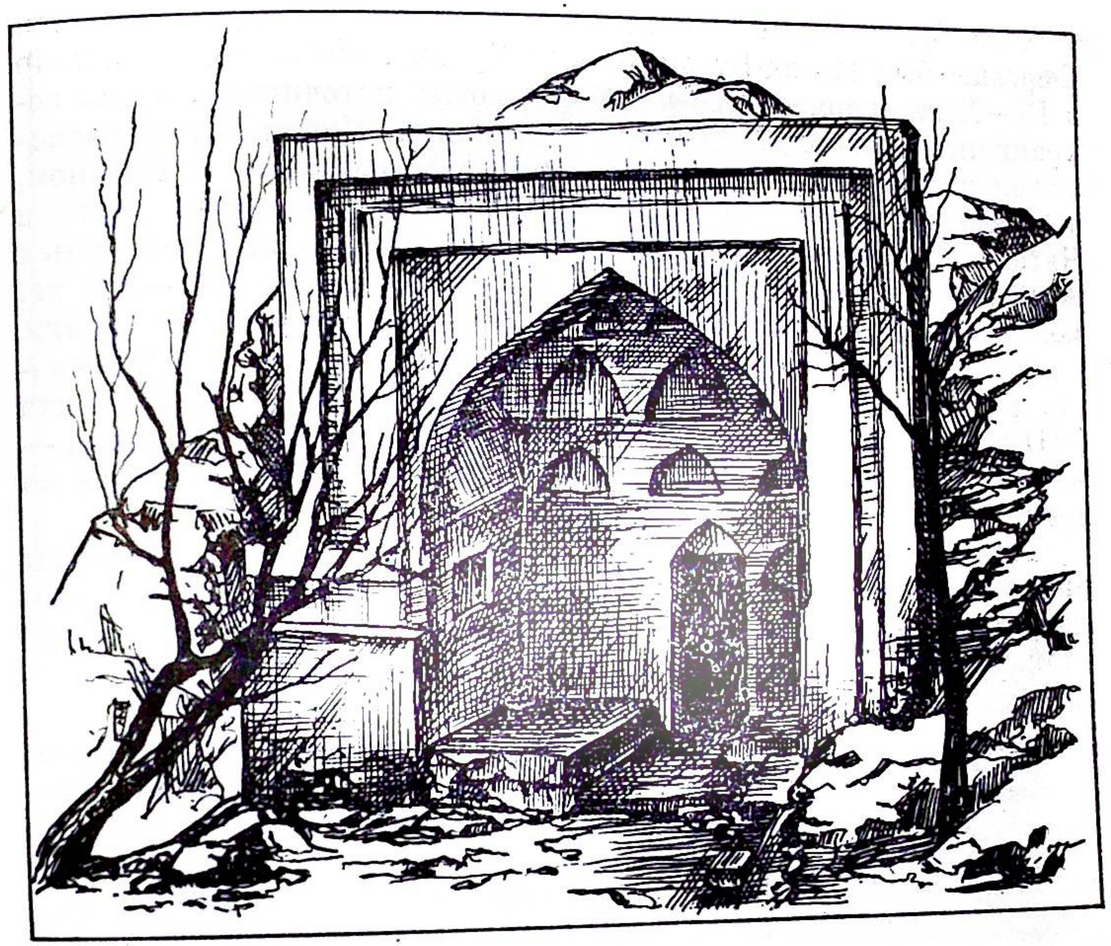
В источниках упоминается несколько городов в Таласской долине, однако, местоположение их не совсем ясно. Есть предположение, что они были вновь отстроены при монголах. Под термином Янги подразумевалось не конкретное поселение, а округ: «Янги—это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один Янги, другой Янги-Балык, третий Кенджек, последний Тараз»[15],— разъяснял ал-Омари. Сюда же входила и рудная область Шельджи. К XVI в. в Таласской долине остались одни развалины, нельзя было определить точное местонахождение даже крупнейшего из городов округа — Тараза. В Центральном Тянь-Шане источники упоминают только ставки кочевых феодалов Атбаш и Кочкор, а также Джетыкент (на границе с Ферганой), упоминавшийся ранее как район «Хафтдих» (семь селений).

В Южной Киргизии, входившей в ферганский удел улуса Чагатая, а затем государства Тимура и Тимуридов, оседло-земледельческая культура сохранялась на протяжении столетий. Известно, что по распоряжению Хайду был заново отстроен город Андижан, ставший с XIII в. столицей Ферганы.

Во времена правления Бабура в Фергане насчитывалось 8 городов, часть которых располагалась в восточной части долины. Социально-экономический и культурный кризис, охвативший Среднюю Азию, заметно сказался и на жизни поселений Ферганы. Тем не менее такие города, как Ош, Узгенд, Наукат, Испид-Булан, возникшие в раннем средневековье, существовали вплоть до нового времени.

Об Оше XV в. повествует его бывший владетель, летописец и поэт Бабур: «...Он стоит к юго-востоку от Андиджана, в четырех йигачах (т. е. около 24 *км. — Ред.)* пути; воздух там прекрасный, проточной воды много; очень хороша бывает весна.

...К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-Кух. На вершине этой горы Султан Махмуд-хан построил худжру (келья, комната, в данном случае — беседка. — *Ред.)*. Ниже ее, на выступе горы, я тоже построил в девятьсот втором году (1496—1497 гг. — *Ред.)* худжру с айваном (т. е. террасой. — *Ред.)*. Хотя его худжра стоит выше моей, но моя была расположена много лучше: весь город и предместья расстилаются под нею.



Домик Бабура. Ош.

Река Андиджана, пройдя через предместья Оша, течет в Андиджан. На обоих берегах этой реки раскинулись сады, все сады возвышаются над рекой. Очень красивы в них фиалки...

У подошвы горы Бара-Кух, между горой и городом стоит мечеть, называемая мечетью Джауза. По склону горы течет большой ручей...

В последние годы жизни Омар Шейх-мирзы на этой горе нашли камень с белыми и красными прожилками. Из него делают ручки ножей, пряжки для поясов и другие вещи. Это очень хороший камень. В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха...

Еще один город Исфара. Он стоит в предгорье. Там есть проточные каналы и приятные сады»[16].

А про Узген Бабур пишет, что раньше это была хорошая крепость. В XIII—XIV вв. территория Узгена значительно сократилась: площадь его застройки не превышала уже 3 кв. *км.* На развалинах былых шахристанов разрастаются кладбища, появляются новые мазары местных «святых» шейхов. Продолжает функционировать лишь старая крепость Орто-Курган, изображенная в миниатюрах к «Бабур-наме» (XV в.).

Своеобразным центром культурной жизни Северо-Восточной Ферганы был Испид-Булан (Сафид-Булан). Поселение возникло в IX—X вв., упоминается в средневековых источниках, о нем сохранились интересные легенды и предания. Испид-Булан расположен в живописной местности, между Наманганом и Касаном, в районе орошаемого земледелия на трассе торгового пути в Чаткал. Историко-археологическое изучение его архитектурных памятников позволило установить наличие здесь в XII—XV вв. комплекса построек, принадлежавших суфийской общине: ханаки, мавзолеи, мечети, ставших вскоре местом поклонения. Это был своего рода сакральный центр Северо-Восточной Ферганы. Уже для XIII в. Джамал ал-Карши упоминает «святыни» Испид-Булана — могилы мучеников (машхады), павших здесь якобы за «веру» во время распространения ислама в Фергане.

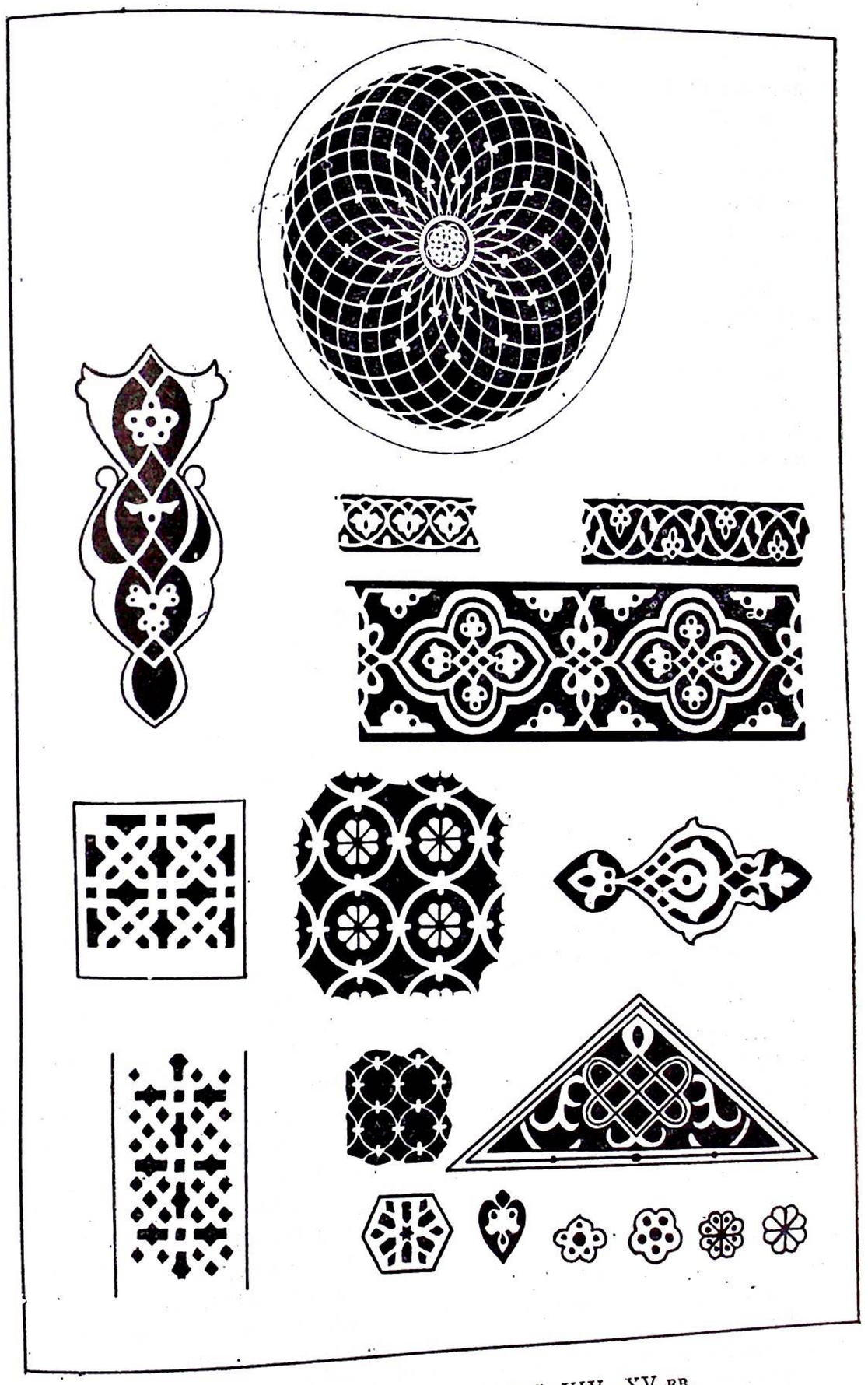
Таким образом, города, придя в упадок с татаро-монгольским нашествием, постепенно возрождались, но решающей роли в экономическом и социальном развитии позднесредневекового Киргизстана они уже не играли, хотя и накладывали определенный отпечаток на материальную и духовную культуру народа.

Архитектура и искусство XIII—XV вв.

Немногочисленные, но весьма выразительные памятники архитектуры и искусства XIII—XV вв., ныне известные по археологическим данным, свидетельствуют о продолжении традиций искусства позднего средневековья, вместе с тем ощущается становление нового стиля в художественной культуре Туркестана. Об архитектуре и строительстве этой эпохи можно судить по остаткам дворцовых комплексов на городищах Ашпара и Сретенском (Чуйская долина), Ак-Тобе и Садыр-Кургане (Таласская долина), Акчий в Кетмень-Тюбе; несколько крепостей, караван-сараев и отдельных построек XIII—XV вв. обнаружено в Иссык-Кульской котловине.

Большими размерами отличалось дворцовое здание, открытое у с. Садовое (Московский район). Оно делилось на три параллельных ряда комнат, сложенных из жженого кирпича. Постройка имела нарядную мозаичную облицовку полов из голубых с белым окаймлением глазурованных изразцов и была украшена резной архитектурной терракотой. Детали терракотовых облицовок выполнены с исключительной тонкостью; в орнаменте геометрического и растительного характера отчетливо проявляются традиции предшествующего времени.

Парадный архитектурный комплекс XIV—XV вв. дворцового типа открыт на городище Акчий. Размещавшийся на остатках раннесредневекового поселения, он состоял из двора и четырех рядов анфиладных комнат. Здание занимало площадь в 700 кв. *м* и состояло из 18 помещений, украшенных резьбой и росписями по глине и ганчу. По средневековой традиции планировочным центром служил внутренний дворик с айваном. В комнатах устроены суфы-лежанки, полы облицованы жженым кирпичом. Во



Архитектурный орнамент. Акчий. XIV—XV вв.

дворике устроен парадно оформленный ташнау с кирпичным резервуаром. Декоративное убранство комнат подчинено сложившейся еще в раннем средневековье традиции украшения жилой архитектуры: плоскость стены членилась на панель, простенок и фриз, которые в свою очередь разделялись на отдельные панно. Дверные и оконные проемы обрамляли узорные резные полосы, забранные в решетки — *панджара*. По верху стен проходила надпись, выполненная арабским стилизованным почерком сульс. Орнаментальные росписи и резные штукатурки Акчийского дворца, хотя и являются традиционными для средневекового декоративно-прикладного искусства, несут уже отпечаток своей эпохи[17].

На среднеазиатских миниатюрах XV—XVI вв., как правило, изображались особняки феодалов, дворцы знати, чаще всего — двухэтажные, с решетчатыми окнами, резными дверями. Верх стен увенчан парапетом, крыши плоские, а в центре иногда возвышается куполок или шатер, как бы подчеркивая местоположение центрального зала. Вход оформлен сводчатым айваном. По-видимому, так же выглядела и дворцовая постройка городища Акчий.

Большое место в общественной жизни Средней Азии играли бани. Были они и на территории Киргизии. Остатки одной из них открыты на северном берегу оз. Иссык-Куль на городище Тору-Айгыр[18]. Здание представляло собой прямоугольное сооружение размером 18×36 *м*. По сохранившейся нижней части можно составить представление об обогреве здания и распределении воды по керамическим трубам, проложенным под полом между стенками-распределителями. Баня была снабжена дугообразной формы топкой, печами, устроенными на разных уровнях. Сложенная из жженого кирпича постройка состояла из нескольких прямоугольных и квадратных в плане комнат с резервуарами, моечными отсеками. Пол и стенки были облицованы голубыми изразцами. Примыкавшие к ним постройки служили, по-видимому, цирюльней, будуарами, комнатами отдыха. Стены некоторых комнат, вероятно, украшали росписи. Именно такой конструкции бани запечатлены в книжных миниатюрах той эпохи.

Некоторые монументальные постройки Туркестана описаны в средневековых сочинениях. Так, во времена правления Мухаммед-хана в XV в. на берегу оз. Чатыр-Куль был сооружен большой рабад. Мухаммед Мирза Хайдар описывает его как явную диковину: «Тот рабат имеет шесть дверей по двадцать гязов высоты. Когда войдешь в его ворота, направо — коридор примерно в тридцать гязов. Там сделан купол в двадцать гязов высоты, весьма красивый. Под перекрытием арки — проход. По сторонам купола — коридоры, в которых сделаны красивые худжры. На западном краю его (рабата) сооружена мечеть в пятнадцать гязов. По всем сторонам ее более двадцати дверей. Все эти сооружения сделаны целиком из камня. А над воротами (рабата) громадные каменные глыбы, которые меня очень поражали до того, как я увидел

кашмирские здания»[19]. Описанная постройка некоторыми исследователями сопоставляется с Таш-Рабатом.

Серия караван-сараев XIV—XV вв. вскрыта раскопками по северному и южному побережью оз. Иссык-Куль. Один из них располагался в 10 *км* от описанной бани, в местности Сары-Камыш, другой — у с. Сары-Булун, третий — на южном берегу озера. Это были укрепленные прямоугольные в плане сооружения, площадью до 200 кв. *м* с устройством жилых помещений вдоль стен и открытым двором. Нередко вход в караван-сарай защищали предвратные и угловые башни. Постройки сложены комбинированной кладкой из пахсы и длинномерного сырцового кирпича, полы выложены изразцами. Большую часть постройки, что характерно для караван-сараев, занимал двор, где содержали животных[20].

Строителями, по всей вероятности, были местные мастера, поэтому архитектура того периода являлась дальнейшим логическим развитием местной традиции. Это относится и к культовым сооружениям. Возникший в древности и сложившийся в полукочевой среде особый тип намогильных сооружений с характерной формой шатрового купола, с течением времени претерпевает изменения, что нашло отражение в локальных вариантах мавзолеев Средней Азии.

Неповторимый местный колорит приобретает мавзолей Канизек-хатун, известный как «Гумбез Манаса» (Таласская долина). Памятник был тщательно обследован в 1945 г. М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой, надписи на его портале прочитаны А. М. Беленицким и М. Е. Массоном. Раскопки внутри мавзолея проводил Б. М. Зима. Мавзолей отреставрирован в 1970 г.[21]. Сооружение усыпальницы над могилой женщины из правящего рода Чагатаидов в Таласе ученые связывают с принятием ислама монгольской знатью. Мусульманские традиции все глубже проникали в среду кочевников-язычников. Внешне это проявлялось в строительстве мавзолеев над могилами монгольских ханов (например, для Кепека в долине Кашка-Дарьи, для Дувы в Ходженте). Надпись на портале памятника свидетельствует о смерти дочери эмира Абуки — Канизек-хатун в первый день рамазана 734 г. хиджры (т. е. 6 мая 1334 г.). Вскоре был возведен мавзолей над ее могилой, а позже в нем были погребены и другие лица.

Однокамерное сооружение кубовидной формы было перекрыто двумя куполами: поверх внутреннего сферического был возведен ребристый островерхий шатер, покоящийся на шестнадцатигранном барабане. Высота гумбеза—около 11 *м*, длина каждого из фасадов—7 *м*. Главная достопримечательность мавзолея—художественно оформленный портал, выделенный в южной стене. Основное внимание зодчий сосредоточил на портале: он облицован плитами архитектурной терракоты. Архаично для среднеазиатского зодчества XIV—XV вв. выглядит подкупольная система, где тромпы

еще не связаны в единую систему, а устроены изолированно. Пояс тромпов ограничивает ширину и высоту проемов[22]. Постройка выполнена в малых пропорциях, не свойственных эпохе. Поэтому не случайно, что до прочтения надписей на портале мавзолей воспринимался как сооружение домонгольского времени. Вместе с тем он как бы отражает процесс обновления и развития архитектуры Туркестана XIII—XIV вв.

Портальная арка по всей плоскости покрыта архитектурной терракотой в виде чередующихся узких и широких полос замысловатой вязи арабских надписей в орнаментальном обрамлении. Портал фланкирован трехчетвертными колоннами, эффектно выделена входная стрельчатая арка.

Народное предание связало это сооружение с именем Манаса, и мавзолей получил известность как «Гумбез Манаса». Здесь невольно напрашивается сопоставление имен Канизек и Каныкей — верной спутницы Манаса — как одно из обоснований такой связи. Место погребения народного богатыря поэтично описано в эпосе «Манас»[23]:

«...Алты миң эркеч майына
Кыш бышыртып бек салып,
Алты кылым өткөнчө
Айныбасын деп салып,

Жетимиш эркеч майына
Кыш бышыртып бек салып
Жети кылым өткөнчө
Жете турсун деп салып...»

Так задумала Каныкей:
«Я шесть тысяч возьму кирпичей.
Я воздвигну Манасу гумбез...
Будет чудом он из чудес.
За веками пройдут века,

Но времен седая река
Обойдет и минует его,
Даже с места не сдвинет его.
Будет гордый гумбез нерушим,
Будет время бессильно пред ним...»

Многообразие орнаментов гумбеза находит широкие параллели в народном искусстве киргизов. Для украшения постройки зодчий использовал народные и традиционные виды орнамента прикладного искусства, корни которого уходят в седую древность. Истоки некоторых мотивов вышивок на ширдаках и туш-кийизах лежат в архитектурных узорах монументальных построек.

Развитие архитектуры в конце XIV—XV вв. происходило и в северо-восточных областях Киргизии. Из письменных источников известно, что на северном побережье оз. Иссык-Куль Тимур выстроил дворец; по-видимому, к числу построек этого периода относится торуайгырская баня. Находки поливных изразцов «тимуридского времени» были сделаны на городищах Бурана, Караджигач, Аспара. Несколько построек в южной части Киргизии, судя по источникам, относятся к эпохе правления Омар Шейха и Бабура. К сожалению, из-за малочисленности памятников картину развития местного зодчества и связанного с ним изобразительного искусства представить трудно.

Художественное ремесло

Искусство Киргизии XIII—XV вв. изучено еще недостаточно. Оно представлено, в основном, керамикой и изделиями из цветных металлов. Гончарное ремесло пришло в упадок. Но постепенно этот вид художественного промысла возрождается и едва ли не раньше других ремесел. Парадная посуда, найденная на городищах Семиречья и Ферганы, отличается однотипной голубой глазурью и сходна с керамикой Мавераннахра и Северного Хорасана. Лучшие ее образцы служили для украшения жилища. Посуда XIII—начала XIV в. отличается насыщенностью поливы и разнообразием орнамента. Щелочная, подцвеченная сине-бирюзовой краской, глазурь наносилась на рисунок, выполненный окисью марганца. Получался узор черного цвета на голубом фоне. Бытовая посуда была преимущественно желто-белого цвета с редкими штрихами росписей.

С XIV в. продукция керамистов заметно улучшается. Яркие черты художественности отличают ферганскую посуду. Широкое распространение получает керамика, изготовленная в развитых центрах гончарного производства Средней Азии. Это, так называемая кашинная посуда с росписью кобальтом, изготовленная в подражание фарфору. Такая керамика в большом количестве обнаружена в слоях позднесредневековых городищ. Новое направление в области художественных ремесел было обусловлено экономическим и культурным подъемом государства Тимуридов. В эту эпоху, по словам последнего Тимурида и правителя Ферганы, Захир ад-дина Бабура, «целью и стремлением каждого занимающегося тем или иным делом, было одно — довести это дело до совершенства»[24].

В художественном металле XIII в., известном по находкам на территории Киргизии, заметны традиции предшествующего времени. При этом изделия семиреченских и ферганских торевтов трудно отличить от произведений, созданных в Мавераннахре. Находки металлических изделий встречаются в изобилии, что говорит о том, что они были доступны в эту эпоху не только знати, но и широким кругам оседлого и кочевого населения. Особенно интересны семиреченские образцы бронзовых блюд, ступок, подставок под светильники, «подсвечников» в виде цилиндров. Все эти произведения исследователи относят к местной школе торевтов, характерные черты которой уже обозначились[25]. Представляют интерес бронзовые цилиндрические насадки для деревянных колонн, подпиравших свод айвана, или потолок в комнатах. Они найдены пока только в Северной Киргизии. Ствол цилиндра посредине обычно перехвачен рельефным ребристым пояском. Верхние и нижние части богато украшены буквенным и растительным орнаментом, который заполнял иногда всю поверхность изделия. Особенно излюбленными были арабские надписи, четырехлепестковые розетки, пальметки, стилизованные изображения птиц, «бараньи ро-

га». Часто орнамент заключался в медальоны овальной формы. Интерес представляют два цилиндра из золотистой бронзы, найденные при раскопках дворцовой постройки у с. Садовое (Чуйская долина). Они сплошь покрыты тончайшим резным орнаментом, в который вплетена вязь арабских надписей. Необычным украшением цилиндров являются фигурки шагающих львов. Звери изображены в профиль невысоким рельефом. Примером художественного литья может служить и металлическая чаша из Центрального Тянь-Шаня, поддон которой имеет металлические ножки. Крупные блюда и тазы с гравированным эпиграфическим орнаментом найдены в верхних слоях Новопокровского городища. Художественный металл украшал быт всех слоев общества, был весьма ходовым товаром на рынке.

Религиозные верования в XIII—XV вв.

В религиозном отношении монголы были шаманистами. Они отличались веротерпимостью, что объяснялось стремлением управлять многочисленными культурно-историческими областями сообразно с национальными, религиозными и другими традициями местного населения. При первых монгольских ханах ислам, который ранее был государственной религией, вынужден был сосуществовать с христианством и буддизмом. Многие из Чингизидов воспитывались в духе христианства и были враждебны исламу. Это, очевидно, объяснялось тем, что мусульмане были главными внешними врагами монголов. «При Гуюке возникла даже мысль о союзе между монголами и христианским миром против мусульман»[26].

Во всех монгольских владениях происходила борьба между христианами, буддистами и мусульманами, которые старались привлечь на свою сторону ханов. Первые монгольские ханы сохраняли в основном нейтралитет в этой борьбе и вмешивались в нее только тогда, когда резко нарушался общественный порядок. Некоторые из них (Чагатай, Гуюк, Хубилай) отдавали распоряжения, направленные против мусульман.

Эти обстоятельства не могли не подорвать позиций ислама, господствовавших в Семиречье и на Тянь-Шане. Об этом свидетельствуют как археологические данные, так и письменные источники. В 80-х годах XIX в. в Чуйской долине близ Пишпека и Токмака были открыты два древнехристианских кладбища с многочисленными надгробными камнями и сирийскими письменами. Такие же надгробия позже были найдены на южном берегу оз. Иссык-Куль, близ ущелья Джуука. Эти находки свидетельствуют о значительных колониях христиан-несториан в Семиречье в XIII—XIV вв. Судя по содержанию надписей, в христианство было обращено местное тюркоязычное население Семиречья. Христианство восприняли как простолюдины, так и тюркская знать *(беги)*. Среди последних были даже священники с тюркскими именами. Племенную принадлежность этих тюрков трудно установить. Предполагают, что они принадлежали к племени канглы[27]. В Семиречье обитали христиане не только несторианского толка. На кладбище близ Пишпека был обнаружен надгробный камень, датированный 1332 г. с надписью в честь армянского епископа Иоанна. По мнению Н. Я. Марра, этот факт позволяет предполагать наличие здесь более или менее значительной колонии армян[28]. Это предположение подтверждается и рисунком на Каталонской карте 1375 г. На северном берегу Иссык-Куля на карте было изображено увенченное крестом здание с надписью: «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте — монастырь братьев армянских, в котором, говорят, пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста»[29]. О сложности религиозной ситуации в Семиречье при первых Чингизидах свидетельствует факт, что его правительница, невестка Чагатая Эргэнэ-хатун, управляя Алмалыком, где находилась влиятельная несторианская община, сама оставалась буддисткой, но в то же время ревностно покровительствовала мусульманам. Ее сын Мубарак-шах первым из Чингизидов принял ислам[30].

В источниках нет сведений об отношениях несториан и мусульман в городских общинах Чуйской долины и Иссык-Куля, хотя они и сосуществовали как в Баласагуне (городище Бурана), так и в Тарсакенте (городище Караджигач). Некоторые из семиреченских христиан занимали видные государственные должности, которые могли использовать для притеснения мусульман.

В начале 30-х годов XIV в. при хане Дженкши, который пребывал по большей части в Семиречье, велась активная католическая пропаганда. Епископы францисканец Николай и Ричард из Бургундии были хорошо приняты в Алмалыке. Близ города была выстроена католическая церковь. Вскоре после этого в Алмалык прибыло несколько католических миссионеров из Пованса и Александрии. После убийства хана Дженкши угэдейский царевич-мусульманин Али-султан низложил очередного хана. Этим воспользовались мусульмане Семиречья. Христиан подвергли гонениям, во время которых погибли и католические миссионеры[31]. Эти обстоятельства, а также чума, которая, судя по семиреченским надписям на христианских намогильниках свирепствовала в 1338—1339 гг., подорвали позиции христиан.

Во второй половине XIV в. хан Моголистана Тоглук-Тимур принял ислам. Его преемники носили мусульманские имена. В конце XIV — начале XV в. могольские феодалы объявили исламу государственной религией. Некоторые ханы приняли, по-видимому, самые решительные меры к его распространению в массах. В преданиях XV в. о Мухаммед-хане (1408—1415 гг.) говорится, что для утверждения ислама он обязал своих подданных носить чалму. Непослушным чалма якобы «прибивалась к голове гвоздями». Однако даже самые суровые меры не могли привести к быстрому распространению ислама в кочевых регионах, где сосуществовали социально-экономическая база и главный оплот ислама — города. Владетелям могольского улуса и в конце XV в.

приходилось вступать в конфликты со своими кочевыми подданными, не желавшими исповедовать ислам. У простого народа антипатия к исламу и мусульманской культуре была очень сильна. В большинстве своем кочевое население Семиречья и Тянь-Шаня оставалось шаманистами.

В отличие от Семиречья, в городах и селениях Ферганы ислам не уступал своих идеологических позиций другим религиозным системам. Здесь также было распространено влияние суфийских орденов.

Крупными религиозными центрами были Узгенд и Сафид-Булан. Суфийские общины были в Оше и Наукате. В Узгенде, судя по текстам намогильных кайраков, датированных XIII—XIV вв., обосновалась особая ветвь потомков знаменитых бухарских садров из рода Бурханидов. Один из них, Бурхан ад-дин Кылыч, почитался как «святой». В Узгенде уже в XIII в. было крупное медресе, отмеченное не только в местных эпитафиях, но и известным средневековым писателем Джамал ал-Карши. Медресе было построено рядом с мечетью на месте базарной площади города. Муддарисы его были известны своими знаниями, к ним приезжали учиться из самых отдаленных мест. В Сафид-Булане в это время обосновался суфийский дервишский орден, для которого была построена ханака. Об авторитете и почитаемости ордена свидетельствуют факты переселения в Сафид-Булан выходцев из Аравии, Азербайджана, Хорасана и многих мест Мавераннахра.

На Фергану распространил свое влияние суфийский орден «накшбандия». Он был основан в Бухаре шейхом Баха ад-дином Накшбандом. Шейх проповедовал кротость и смирение, порицал богатство и властолюбие. Сам он вел скромный образ жизни, чем завоевал большой авторитет. Однако идеи Баха ад-дина не пережили его самого. Преемники его отличались непомерным властолюбием и стяжательством. Наиболее известен из них Ходжа Ахрар, владевший громадными богатствами и земельными угодьями в Мавераннахре, Южном Казахстане, Фергане. Практически он стал полновластным правителем в государстве Тимуридов второй половины XV в. В это время философские догмы в суфизме были подменены псевдо-историческими легендами, повествовавшими о чудесах, якобы совершавшихся видными представителями суфиев. Суфийские деятели прошлого были возведены в ранг святых, а их могилы стали объектами поклонения.

Суфии стали крайне реакционной силой общества. Они проповедовали не только ненависть к светским наукам (астрономии, математике, медицине, истории), но и пренебрежение к богословским догмам ортодоксального ислама, поскольку последние были связаны с книгами. Это порождало фанатизм и суеверия, генетически связанные с доисламскими верованиями. Суфизм, как религиозное течение, выражал интересы феодальной верхушки, значительную часть которой составляли суфийские шейхи.

Язык и письменность в XIII—XV вв.

В государстве Хайду и Моголистане, в составе которых находилась и территория Киргизии, монгольский язык не получил заметного распространения. Ханские ярлыки писали по-тюркски. Монгольские племена — мангыт, джалаир, барлас и другие, попав в Среднюю Азию, в скором времени были отюречены. Тюркский язык, наряду с арабским и персидским, был языком науки и литературы. В XIV—XVI вв. на территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской и кыпчакской[32]. Сельское и городское население Семиречья, Ферганы, Хорезма и Ташкентского оазисов подверглось массовому отюречиванию. На основе карлукско-уйгурского диалекта здесь развивается так называемый чагатайский (староузбекский) язык.

В XIII—XV вв. на территории Киргизии существовали три системы письменности, корни которых уходили в домонгольское время: сирийская, арабская и уйгурская.

Сирийский алфавит состоял из 22 букв. Он не удовлетворял всем требованиям написания тюркских слов, так как не мог воспроизвести всех звуков их языка. Почему же семиреченские тюрки использовали для письма сирийские графемы в то время, когда им был известен хорошо приспособленный для передачи тюркской речи уйгурский алфавит? Обращение к чужеродной форме письма явилось следствием влияния несторианства на разноплеменные общины, для которых сирийское письмо было письмом религии[33].

Сиро-тюркские эпитафии — это надписи, выполненные на окатанной гальке, посредине которой выбивали крест, иногда фигурный, с петлями по углам. Надписи располагались в вертикальном и горизонтальном направлениях и были короткими. Лишь немногие из них состояли из десяти и более строк. Вначале указывалась дата по селевкидской эре, затем — дата по годам 12-летнего животного цикла. Далее упоминалось имя усопшего с указанием возраста, родства, рода занятий. Все тюркские тексты обычно начинаются с упоминания царя Александра Македонского.

Анализ надгробных тюркских текстов несторианской письменности позволяет сделать вывод, что он отличался диалектной пестротой и не мог принадлежать какому-либо одному народу или племени. В тюркском языке был развит *«й»*-диалект (*кой* вместо *кон)*. Иногда звук «й» заменялся согласным «д» *(уд* вместо *уй)*. В целом язык сиро-тюркских текстов относится к диалекту карлукско-уйгурской группы с чагатайской (староузбекской) прилесью[34].

Языком мусульманской религии и культуры по-прежнему являлись арабский и персидский. На них были выполнены надгробные тексты XIII—XV вв., найденные в Баласагуне (Чуйская долина), в Узгенде, Оше, Наукате, Сафид-Булане (Фергана).

Арабоязычными являются тексты, вырезанные на портале «Гумбеза Манаса» (Таласская долина), и надписи на различных изделиях из металла.

Приспособленная к местным языкам, арабская письменность получила в Семиречье и Фергане дальнейшее развитие. Совершенствовались художественно-выразительные формы, ничем не уступавшие лучшим образцам каллиграфического искусства других культурных центров мусульманского Востока, например, тексты некоторых надгробий. Резчики Узгенда и Баласагуна, кроме насха, употребляли почерки сульс и талик; некоторым влиянием пользовался еще и вымирающий куфи. Тексты эпитафий зачастую обрамляли сложными орнаментальными рамками, демонстрирующими высокое художественное мастерство камнерезцев.

Кроме основных вех жизни покойного, его титулов, тексты эпитафий содержат стихи из Корана, четверостишия в стиле рубайи, «крылатые слова» и выдержки из книг или народных преданий[35].

Эпитафии, выполненные арабской графикой, с достаточной полнотой отражают общий уровень развития языка и грамотности в Ферганской долине и Семиречье послемонгольского времени. Лишь немногие из них можно назвать безупречными в отношении грамотности. Все это свидетельствует о том, что арабский язык не пользовался популярностью в народе, а оставался языком религии и книжных писаний.

2. Материальная культура в XVI—XIX вв.

Материальная культура киргизов имеет глубокие древние традиции. Местное происхождение многих ее элементов документировано письменными и фольклорными источниками, а также археологическими аналогиями, которые наиболее ярко прослеживаются в типе жилища, покрое одежды, искусстве вышивки, орнаментике, деталях конской сбруи, ювелирных украшениях. В той или иной степени в материальной культуре киргизов получили продолжение культурные традиции древних и средневековых кочевников — от саков и усуней до тюрок и монголов. Вместе с тем в ней отчетливо проступает ряд элементов, сближающих ее с культурой народов Центральной Азии.

Своеобразный отпечаток на материальную культуру киргизов (от типа жилища и утвари до одежды и средств передвижения) наложили кочевой быт и патриархально-родовой уклад. В своих главных чертах она была глубоко самобытной и единой на всей территории расселения киргизов, хотя в ней и имели место некоторые локальные особенности.

Большинство предметов материальной культуры XVI—XVIII вв. не сохранилось, поэтому, учитывая традиционный характер культуры киргизского народа, она рассматривается ретроспективно с учетом данных XIX в.

Жилище и поселение

Господствующим типом жилища киргизов в условиях кочевого и полукочевого быта являлась юрта. О древности и традиционности ее у киргизов свидетельствуют многие источники. «Юрта,— писал Н. М. Пржевальский,— составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить в другое место, в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте в то время, когда горит огонь, довольно тепло, даже в самый сильный мороз..., войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных»[36].

Деревянная конструкция юрты легко собиралась и разбиралась на составные части, удобные для транспортировки. Установить ее можно было примерно в течение часа[37]. Деревянный каркас юрты состоял из дверной рамы *(эшик)* и нескольких раздвижных стен-решеток *(кереге)*. Купол возводили из жердей *(уук)*, нижние концы которых сгибали и соединяли с верхом решетчатых стен, а верхние вставляли в отверстия березового обода *(тундук)*, венчавшего деревянный остов и служившего дымовым отверстием.

Для покрытия и убранства юрты употребляли войлок и циновки из чия (степной тростник). Чиевые циновки предохраняли внутреннюю поверхность юрты от пыли, являясь одновременно ее украшением. Войлочное покрытие юрты состояло из нижних полотен *(туурдук)* для стен и верхних *(үзүк)* — для купола[38]. Для внешнего покрытия употребляли неорнаментированный черный или серый войлок, и лишь богатые имели юрты, крытые дорогим светлым войлоком. Для закрепления полотнищ войлока использовали арканы и цветную тканую тесьму. На дверную раму навешивали легкую резную дверь, вход обычно закрывали циновкой из чия, обшитой снаружи орнаментированным войлоком. Киргизская юрта имела много самобытных черт и от аналогичных жилищ других кочевых народов (казахов, калмаков) отличалась более низким полусферическим куполом и нарядным внешним видом[39]. На эту же особенность указывал и П. П. Семенов-Тян-Шанский[40].

Верхнюю часть купола юрты украшали разноцветным войлоком. Войлочное покрытие юрты закреплялось яркими орнаментированными полосами, изготовленными из шерсти. Следует подчеркнуть, что это были весьма характерные элементы убранства киргизской юрты[41]. Интерьер жилища отличался простотой. В середине юрты устраивали очаг, справа от двери проходила перегородка из чия, отделявшая женскую половину жилища от мужской. Здесь хранили домашнюю утварь (железные котлы, деревянные ковши и чашки, бурдюки). На левой, мужской, половине укладывали седла, сбрую, ружья. Пол в юрте застилали кошмами, а поверх — шкурами домашних или диких животных. Для освещения юрты пользовались чугунными или глиняными светильниками *(чырак)*, сохранявшими архаичные формы[42].

Переносное жилище киргизов было надежным социальным индикатором. Отмечая резкие социальные контрасты в киргизском обществе, источники середины XIX в. подчеркивали убогость и антисанитарию юрт бедняков-киргизов, которые отличались скудостью внутреннего и внешнего убранства. Здесь готовили пищу, хранили продукты и посуду, спали, укрывали от непогоды ягнят.

Юрта бия или манапа отличалась богатым внутренним и внешним убранством, яркими расцветками. Большие праздничные юрты ставились в случаях особых торжеств или поминок.

Другим типом переносного жилища киргизов, распространенным у пастухов и беднейшей части населения, являлся конусообразный шалаш *(алачик)* из жердей, связанных в верхней части и покрытых войлоком. На Памире для этой цели использовали шкуры зверей[43]. О древности такого типа жилья свидетельствуют упоминания о нем в эпосах «Жаныш и Байыш»[44] и «Семетей»[45].

Киргизы селились обычно аилами-общинами по родоплеменному признаку в несколько десятков юрт. Однако величина аила не была постоянной. Во время перекочевок на сезонные пастбища он мог увеличиваться, а в период пребывания на зимовках — уменьшаться. При этом бедняки, имевшие небольшое количество скота, объединяли его на общем выпасе и селились близко друг от друга. И наоборот, для обеспечения многочисленного скота необходимой площадью пастбищных угодий богатые хозяева устраивали свои жилища отдельно. Поэтому и зимние аилы не были компактными, а состояли из небольших групп юрт, расположенных на значительном расстоянии друг от друга.

Определенной планировки киргизские аилы не имели. В летнее время юрты устанавливались вдоль берега реки на большое расстояние. Иногда их располагали беспорядочно, что зачастую зависело от рельефа местности, но чаще всего юрты ставились по кругу, что обеспечивало защиту аила от частых в то время нападений. Сюда же на ночь сгоняли скот[46]. О круглой планировке киргизских аилов свидетельствует образное описание порядка установки юрт в героическом эпосе «Семетей».

В центре круга находилась ставка правителя — *ак ордо*, защищенная со всех сторон юртами подвластных ему соплеменников от нападения внешних врагов.

Көк дөбөнүн үстүнө
Үй ушу жерге тигилсин.
Мейман үйдү тетиги
Наркы кырдын үстүнө
Кашатка алыс тиккиле.
Үйгө үйдү кабыштап,
Айылдын көркү бузулат!
Сыйра тиккен шамга окшоп,

В центре зеленого холма
Поставьте главную юрту.
А юрту для гостей
Ставьте в ложбине
Подальше от нас.
Не ставьте юрту к юрте,
Это портит вид аила!
Ставьте юрты, как свечи,

Илгери кийин билинбей,
Жаккан оту көрүнсүн.
Көргөндүп көңүлү бөлүнсүн,
Тегерек тартып түз консун,
Арасын ийрип кең консун,
Сыдыргандай түз консун!

По порядку, в ряд,
Пусть будут видны огни,
Чтобы видящие их любовались.
Ставьте юрты по ровному кругу,
Ставьте просторнее — по дуге,
Ставьте юрты стройным рядом![47]

В южных районах уже в кокандский период при переходе киргизов к полуоседлости и оседлости появляются кишлаки, подобные оседлым поселениям узбеков. В окрестностях Оша и Узгенда такими киргизскими кишлаками являлись Мады, Куршаб, Джигда-Могол, Кара-Багыш и другие[48]. Бугинский манап Боромбай имел в Прииссыккулье в ущелье Джуука свой коргон — подобие усадьбы, состоявшей из глинобитных строений, склада для зерна, мельницы, сада и огорода[49].

Фортификация и архитектура XVIII—середины XIX в.

Строительство значительного количества крепостей связано с кокандским завоеванием Киргизии, в результате чего на захваченной территории возникла мощная система укреплений, известных в кокандских источниках как *кала,* в русских документах — *курган* (кир. — *коргон).* Особенно бурный рост их отмечен в 20—30-е годы, последние кокандские крепости в Киргизии были сооружены в 60—70-е годы XIX в.[50]. Как правило, они возводились по границам Кокандского ханства, а также на основных стратегических и торговых путях и, по заключению М. И. Венюкова, имели двоякое назначение: охрану границ и поддержание кокандского господства над киргизским населением[51].

Одним из наиболее мощных фортификационных сооружений на территории Киргизии, как уже отмечалось, была крепость Пишпек. Расположенная на перекрестке «скотоперегонных дорог и торгово-караванных путей»[52], она в то же время являлась крупным торговым центром Киргизии.

Выше уже отмечалось, что кроме кокандских укреплений, для этого периода характерно и строительство киргизских крепостей— *коргонов.* Они сооружались по образцу кокандских и являлись ставками киргизских манапов. Одно из таких укреплений принадлежало в Таласской долине Нуреку Аджибекову. В 1843 г. иссыккульский манап Боромбай построил в верховьях р. Джуука укрепление Кызыл-Ункур. Коргон близ Пишпека имел манап Байтык, а в Кетмень-Тюбе возвел свой Чон-Коргон манап Рыскулбек, на Санташе был построен коргон Ормон-хана.

Археологические исследования, проведенные на ряде кокандских крепостей, позволили сделать важный вывод о существовании на территории Киргизии крепостных сооружений до кокандской колонизации[53]. Однако такие укрепления были единичны.

Архитектурные сооружения Киргизии в XVI—XIX вв. представлены главным образом мавзолеями, сооружавшимися на мо-

гилах знатных баев и манапов. Большая часть из сохранившихся была построена не раньше второй половины XVIII в., хотя отдельные мавзолеи были возведены еще в XVI в. (мазар Бухармет-дина в Фергане, Сулеймана в Оше)[54].

Самой простой и наиболее распространенной группой надмогильного сооружения у киргизов были земляные, каменные прямоугольные курганные насыпи небольших размеров, генезис которых связан с погребальными сооружениями ранних и средневековых кочевников. Наряду с ними, при традиционном обряде захоронения рядового кочевника, возводилось пирамидальное, или ступенчатое надгробие на прямоугольной основе. Оба типа надмогильных сооружений, судя по простоте и дешевизне материала, принадлежали рядовым скотоводам.

Другой тип надмогильных сооружений представлен квадратными или круглыми в плане куполообразными мавзолеями. Куполы выкладывались кольцевой кладкой. Дверной проем вписывался в небольшой портал, или слегка возвышавшуюся фасадную стенку. Такие мавзолеи называли гумбезами (*кумбез* — букв. купол).

Позднее распространяются надгробные сооружения в виде четырехугольной ограды с башенками по углам, входом в центре фасада, приподнятом на несколько ступеней. Такую конструкцию имел гумбез Ниязбека, сооруженный в первой половине XIX в. в Чон-Кеминской долине.

В 1860 г. у этого мавзолея останавливался М. И. Венюков и оставил следующую запись: «Кара-киргизы чтут и некоторые памятники народов, обитавших прежде на их земле... Памятники собственной старины ценятся еще выше... Могилы предков очень почитаются и делаются наподобие часовень с каменными стенами»[55].

При строительстве гумбезов пользовались как блочным методом набивки стен пахсой, выкладки их из гуваляка, так и применяли саман, реже — жженый кирпич. Для горизонтальных связок в стенах и у основания купола в качестве перемычек над проемами применяли арчовые жерди и брусья. Внутренние плоскости стен и купола иногда обмазывались лессовым раствором, по которому изредка наносился орнамент или жанровые сценки. К таким сооружениям относится гумбез батыра Ногая, возведенный в междуречье Тюпа и Джергалана в 1842 г. Это куполообразный мавзолей, обнесенный невысокой кирпичной стеной с колоннами по углам. Купол был выложен кольцевой кладкой. Дверной проем сделан в высокой стене, верхний край которой венчали зубцы. Над дверью располагались окна с сетчатыми перекрытиями. Наружные стены сооружения побелены, внутренние покрыты росписью в восточном стиле. Чрезвычайно грубыми фресками был расписан купол. На гумбезе изображены Ногай на коне, его сын Чонкарач и другие члены семейства.

Гумбез Манаса. XIV в.

Монгольские воины. Миниатюра к рукописи Рашид ад-дина «Собрание летописей». Начало XIV в.

Осада Узгенда. Миниатюра к рукописи «Бабур-наме». XVI в.

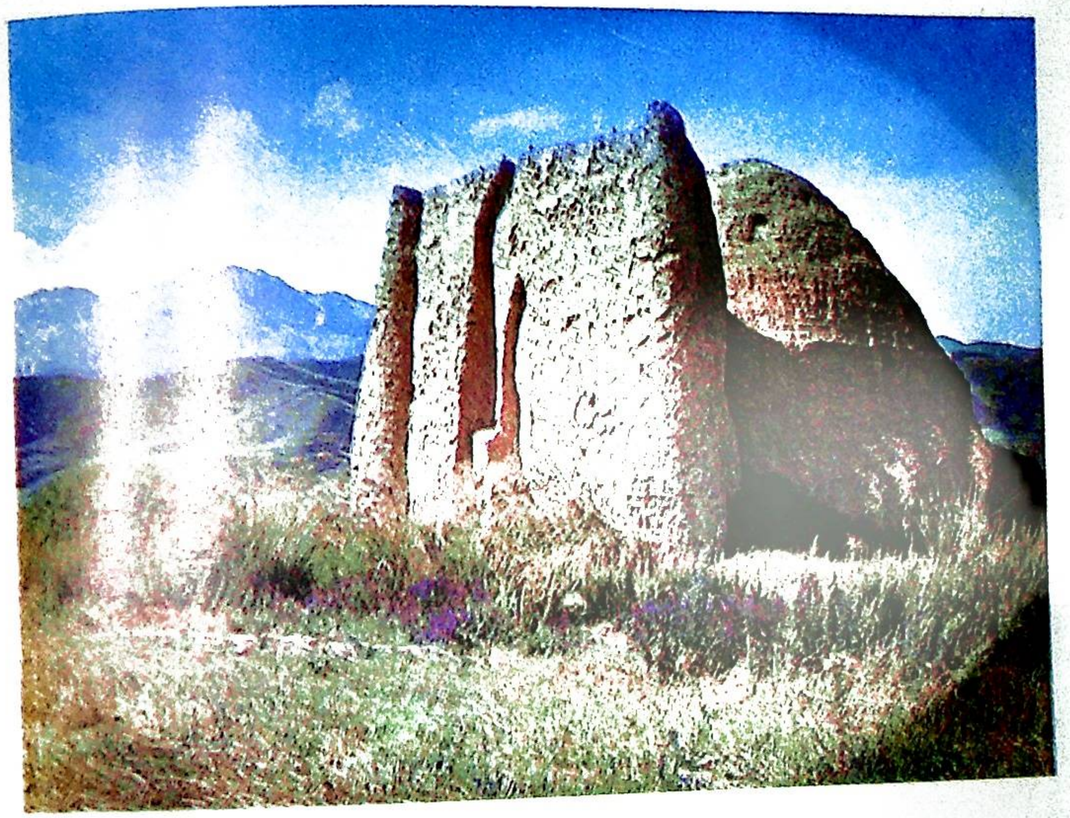
Вышивка по замше. XIX в.

Накосные украшения. Серебро, коралл, сердолик. XIX в.

Украшения. Серебро. XIX в.

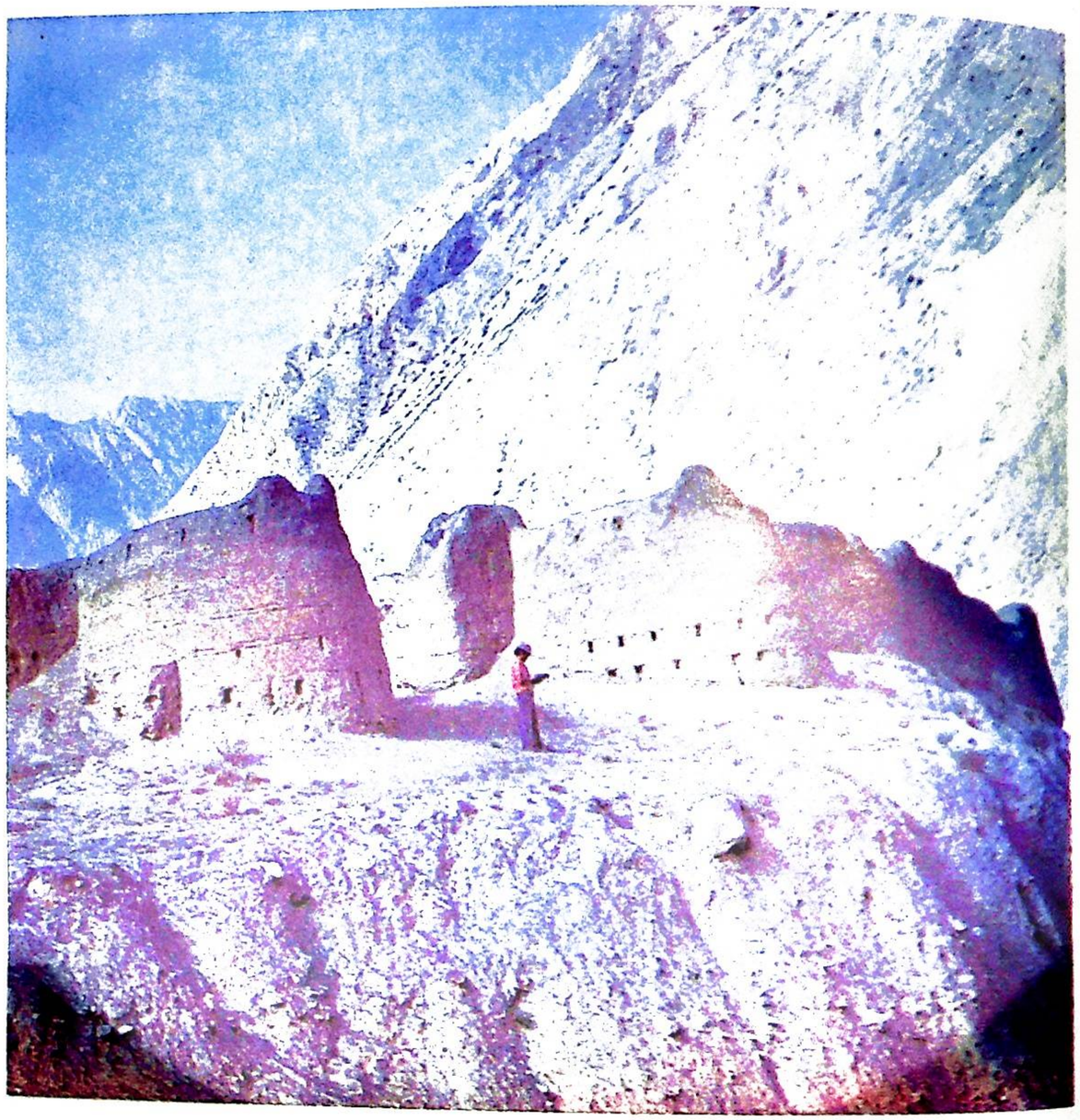
Вышивка по бархату. XIX в.

Киргизские послы в Омске. Репродукция с картины Ж. Кожахметова.

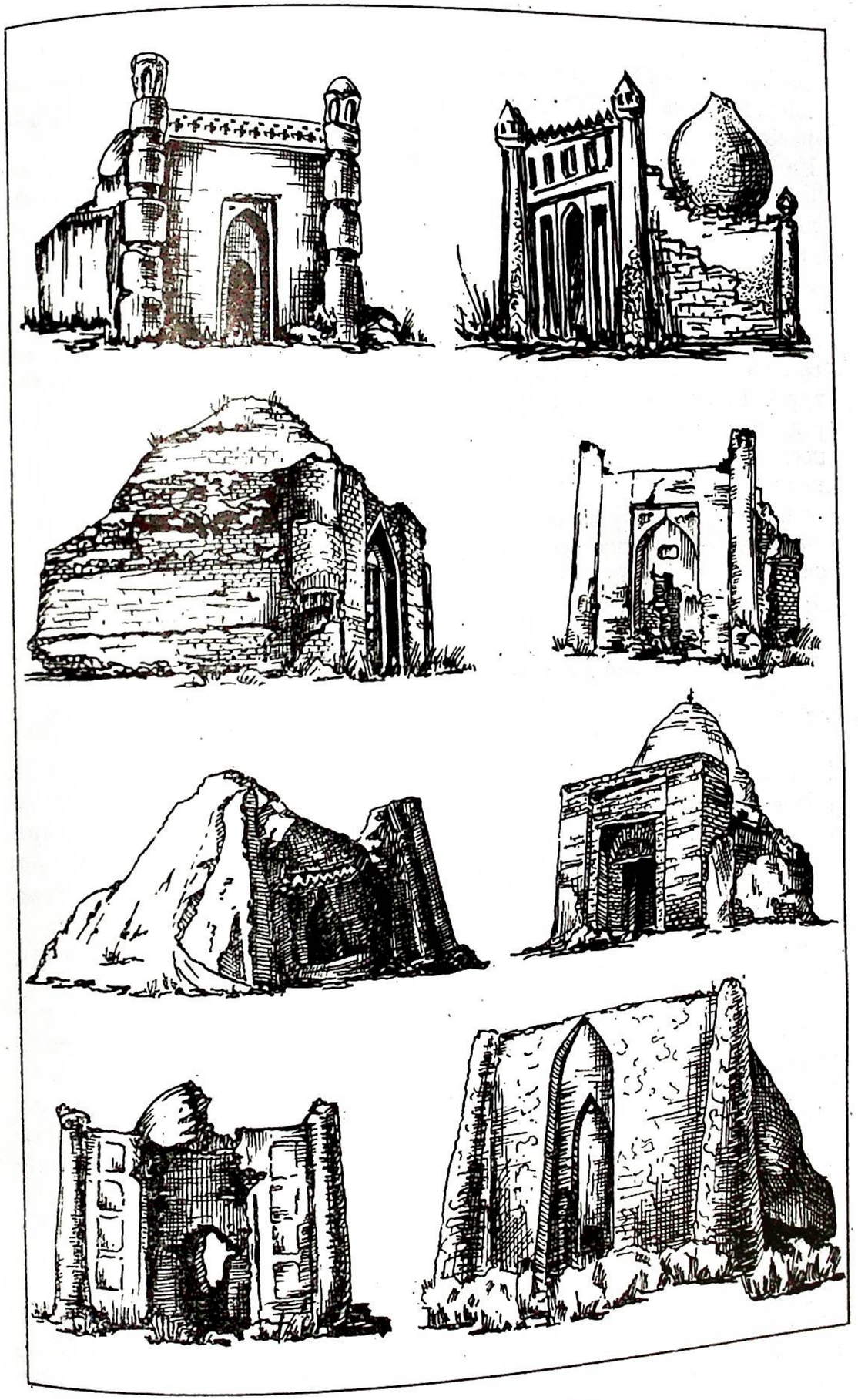


Гумбез Балчака. Иссык-Кульская котловина. XIX в.

Гумбезы комплекса Кырк-Чороо. Кочкорская долина. XVIII—XIX вв.



Кокандская крепость Кан. XIX в.



Типы киргизских мавзолеев.

П. П. Семенов-Тян-Шанский, посетивший этот мавзолей в 1857 г., писал, что среди красных и серых кирпичей проглядывали особенно прочные и красивые глазурованные кирпичи, «очевидно набранные из древних развалин»[56]. Использование прочных средневековых кирпичей, в том числе поднятых и со дна озера Иссык-Куль, широко практиковалось киргизами в строительстве более поздних мазаров. Именно гумбез Ногая позволил Ч. Валиханову записать в Иссык-Кульском дневнике 1856 г., что «если у киргизов есть свое художество, архитектура — то это... есть архитектура монументальная, архитектура могил»[57].

К третьей группе относятся мавзолеи с мощным порталом и колоннами. Это преимущественно крупные гумбезы, сложенные из самана или жженого кирпича в традициях исламской архитектуры. Возводились они, как правило, в честь мифических или реальных мусульманских «святых» данной местности. К ним относятся мазар Ходжа-Биала в Ошской области, сооруженный в конце XVII — начале XVIII в., Ишан Балхи в с. Уч-Курган Ошской области, мазар в урочище Арслан-Боб, два мавзолея XVIII — начала XIX в. Идриса Пайгамбара на Чаткале. Гораздо реже можно встретить такие мавзолеи на Центральном Тянь-Шане и в Чуйской долине.

Скромные во внешнем архитектурном решении мазары и гумбезы были довольно просты и в интерьере: редкие росписи лишь бытовых сцен, надписи на портале или растительный орнамент в виде фриза, повторяющий один и тот же мотив.

К культовой архитектуре относятся также мечети и медресе. Распространены они были на юге Киргизии. Только в Оше и окрестностях сразу после падения Кокандского ханства было зарегистрировано 147 мечетей и 6 медресе. Строительным материалом служили жженый и сырцовый кирпич, гуваляк, пахса и дерево. Мечети и медресе, как правило, имели айваны, примыкавшие к зимним помещениям, стены и потолок их украшали разноцветные росписи с растительным и геометрическим орнаментом, резьба по ганчу и дереву.

Наибольший интерес представляет мечеть XVIII—XIX вв. в Сафид-Булане, имевшая наборный деревянный потолок и художественное оформление стен. В конце 50-х годов XIX в. киргизским родоправителем Алая, крупным феодалом Алымбеком-датхой, было построено в Оше медресе, по свидетельству современников, соперничавшее с ханским медресе в Коканде. Медресе имелись также в Узгенде (Араббая, Науруз-бай-уулу), в Кара-Су (Алымкула).

Говоря в целом об архитектуре Киргизстана XVI—XIX вв., можно заключить, что своими истоками она восходит к древности и средневековью. У киргизов сохранились традиционные погребальные обряды и связанные с ними разнообразные надмогильные сооружения и культовые здания, которые еще местами встречаются на территории Киргизстана и в наши дни.

Вооружение

Постоянная угроза внешнего нападения, частые родоплеменные столкновения вынуждали киргизов быть всегда готовыми к военным действиям. Они были не только неутомимыми наездниками, но и смелыми воинами, искусно владевшими различным оружием.

Из вооружения киргизов XVIII — середины XIX в. следует назвать пики, копья, сабли, боевые топоры *(ай-балта)*. Согласно наблюдениям В. В. Радлова, возле каждой киргизской юрты стояла пика[58]. Эта же деталь была отражена и в рисунках П. М. Кошарова. Широко распространенным видом оружия северных киргизов были длинные копья, украшенные кистью из конских волос[59], а также боевые топоры, которые изготовляли из прочной стали и богато украшали. Именно такие топоры неоднократно упоминаются в эпосе «Семетей» как оружие богатырей: *«балдагы алтын ак болот»* — топор, сделанный из белой стали с золотым эфесом; *«ак болоттон кураган, кумуш менен актаган, сымап менен кооздогон»* — топор из белой стали, украшенный серебром с ртутью.

Оружием дистанционного боя в прошлом был лук со стрелами. В XVIII в. к луку добавились фитильные ружья. По наблюдениям верного спутника П. П. Семенова-Тян-Шанского И. Бардашева, в середине XIX в. киргизы «сравнительно с другими ордами, имеют более оружия, в особенности огнестрельного, приобретаемого прежде в Коканде, но ружья их вообще длинные, тяжелые и с фитилями вместо замков»[60].

О защитной одежде воина-киргиза *(ак олпок)* упоминается в эпосе «Манас». Она имела вид безрукавки, верх которой был изготовлен из грубой ткани с двумя подкладками — верхней и нижней. Верхняя была выстегана из шерсти, а нижняя заполнена песком или мелкими стальными стружками, иногда обрезками твердого войлока[61]. О бытовании у киргизов пулезащитной одежды *(торко)* говорится в эпосе «Жаныш и Байыш»[62].

В целом оружие и защитная одежда киргизов мало чем отличались от традиционного вооружения кочевников и несли на себе печать своего времени.

Пища

В пище киргизов, обусловленной господством скотоводческого хозяйства, преобладали молочные и мясные продукты. По наблюдениям Ч. Валиханова, киргизы в середине XIX в. питались в основном молоком да мясом[63]. Несмотря на частичное распространение у киргизов в рассматриваемое время земледелия, зерновые продукты использовались лишь для приготовления жидкой пищи.

Молоко употреблялось в кипяченом и квашеном виде. Самым распространенным молочным продуктом было кислое молоко *(айран)*. Из молока приготовляли варенец *(жуурат)*, творог *(сузме)*, топленое масло *(сары-май)*, засушенный в виде шариков творог *(курут)*. Из кобыльего молока делали кумыс, который был самым любимым напитком.

Мясо обычно варили или жарили, но для длительного хранения его коптили, солили, вялили. Наряду с мясом домашних животных, киргизы использовали трофеи охоты — мясо диких животных, птицы. Высоко ценилась баранина, но мясо молодого жеребенка еще выше[64]. Мясо отваривали большими кусками и ели, обмакивая в подсоленный бульон *(шорпо)*. Как и у других кочевых народов, у киргизов существовал обычай потчевания гостя в зависимости от его положения и возраста. По свидетельству Ч. Валиханова, у северных киргизов «крестец и таз есть принадлежность почетного кунака, а голова — ничтожного»[65]. Но в разных местностях отношение к раскладке и распределению кусков мяса среди гостей было различным: кое-где голова барана или овцы давалась самому почетному гостю.

Излюбленным блюдом было мелко крошеное мясо, смешанное с бульоном — *бешбармак;* до середины XIX в. оно называлось также *нарын* или *туураган*[66]. Из конского жира и мяса делали колбасу — *чучук*. Согласно данным эпосов «Манас», «Жаныш и Байыш», для военных походов готовилась специальная провизия — *кул азык*[67]. Ее делали из мяса, которое жарили, варили, сушили и измельчали в порошок. Мешочек с таким мясом носили на поясе, разводили в воде и пили.

Из мучных продуктов наибольшее распространение имел *талкан* (толокно) из поджаренного и толченого ячменя, пшеницы, который разводили молоком или водой, а также просяная каша. Известен был киргизам и куурма-чай, который, по словам Ч. Валиханова, заваривали с солью, «вроде калмыцкого затурану» (джунгарский чай с мукой)[68]. Однако готовили его редко.

Многие продукты, употреблявшиеся киргизами,— *кумыс, курут* (шарики из засушенного творга), *сузме* (отцеженное кислое молоко), *арпа аш* (ячменная каша) — в восточной части Средней Азии и Южном Казахстане бытовали уже в X—XIII вв.[69]. Эти данные указывают на глубокую традиционность киргизской национальной кухни.

Особенностью пищевого режима киргизов являлся его сезонный характер. Летом они питались в основном молочными продуктами, зимой — мучными и мясными. Мясо в течение года употребляли лишь зажиточные скотоводы, а в котле бедняка оно было редкостью. Пища основной массы населения была однообразной и состояла преимущественно из жидких и молочных блюд.

Одежда и украшения

Традиционная киргизская одежда, приспособленная к условиям кочевого быта, имела не только общие черты, присущие костюму кочевников, но и обладала этнографической самобытностью. Для нее характерен туникообразный покрой, недифференцированность многих видов мужской и женской верхней одежды, что было типично для среднеазиатского костюма в целом[70]. В то же время в киргизской одежде наблюдалась дифференциация нательной одежды на мужскую (распашная) и женскую (нераспашная), в отличие от других районов Средней Азии. В Фергане эта важная особенность костюма была характерна уже для XII в., что получило отражение в своде мусульманских законов «Хидая»[71].

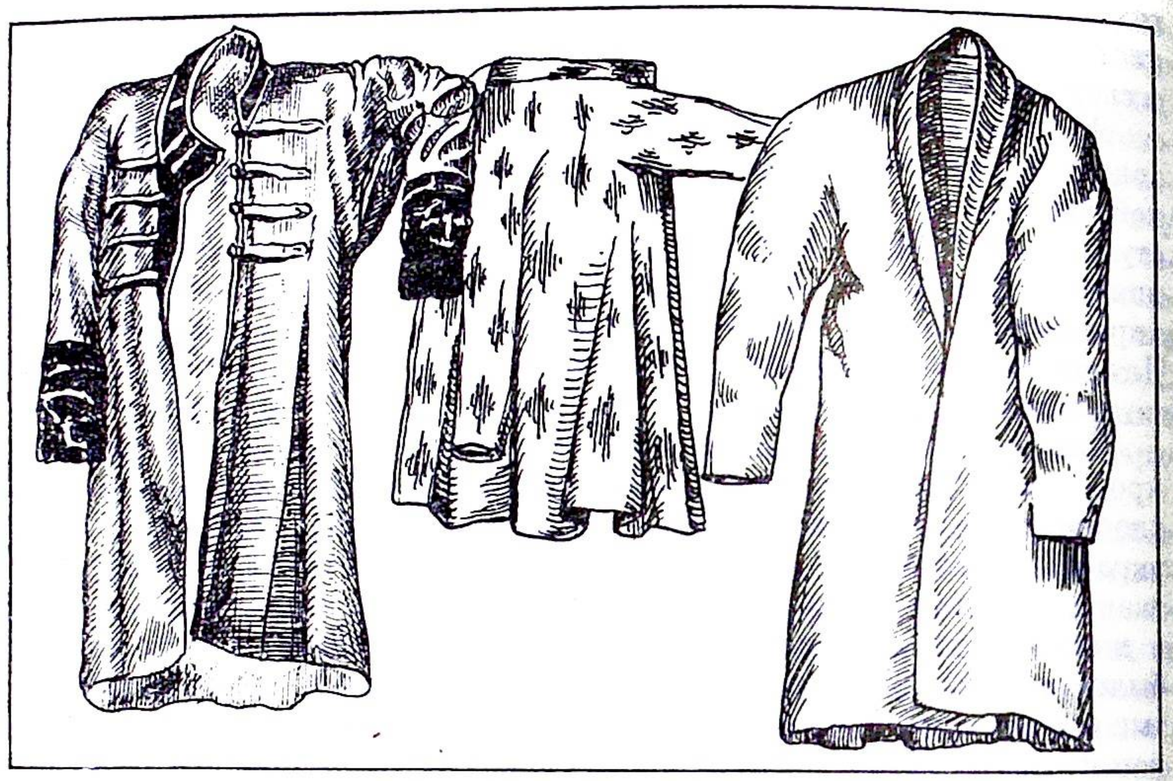
Для изготовления одежды киргизы использовали тонкий войлок, кожи и шкуры животных, грубые шерстяные ткани домашней выработки. Часть товаров, в том числе и готовая одежда, поступала из Кашгара и Кокандского ханства. Согласно наблюдениям П. М. Кошарова, Ч. Валиханова, уже в середине XIX в. в киргизский быт проникали и изделия русской промышленности. Для шитья одежды употребляли русские ситцы, миткаль, сукно и т. п.[72].

Нательная мужская одежда состояла из длинной прямого покроя распашной рубахи и шаровар. Рубахи шили из белой хлопчатобумажной ткани, по горловине и верхней части их иногда украшали тесьмой[73]. Шаровары шили из шерстяной и бумажной ткани, овчины, выделанной кожи. Они были столь широки, что в них заправляли полы стеганого халата. Особенно нарядными были шаровары из замши, отделанные цветным швом и расшитые с боков и по низу ярким узором, выполненным цветным шелком и гарусом[74].

Верхняя мужская одежда киргизов напоминала халат. К традиционным, старинным видам ее относятся *кементай (кебенек)* и *чепкен (чекмен)*. Кементай изготовляли из белого, реже коричневого войлока в виде плаща, с рукавами, без ворота. Иногда его украшали тесьмой. Носили его преимущественно пастухи. Чепкен шили из суконных и шерстяных тканей домашнего производства, реже из бумажной полосатой ткани. Это был широкий длиннополый халат с длинными и широкими рукавами, с узким шалевым воротником. Надевали его поверх верхней одежды. В середине XIX в. у киргизов были широко распространены *чапаны* — стеганые халаты из суконных и хлопчатобумажных тканей, несвободного покроя, расклешенные книзу, без воротника или с небольшим воротником-стойкой. Иногда ворот и низ рукавов украшали черным бархатом. Киргизы Прииссыккулья для украшения использовали пестрые шнуры, пуговицы[75].

В теплое время года поверх рубахи киргизы надевали *бешмант* — однобортный камзол длиной до колен, с небольшим стоячим воротником, или безрукавку — *келтече*[76]. Зимой носили меховые шубы *ичик* с верхом из темной ткани, в горных районах — с меховым воротником. Другим видом национальной зимней одежды был длиннополый нагольный овчинный тулуп—*тон* с длинными рукавами. В северных районах его шили с большим меховым воротником, в южных — без воротника. Полы, подол иногда обшивали мехом. Судя по источникам такой тулуп был известен населению Киргизии уже в X—XIII вв.[77].

Обязательной деталью мужского костюма был пояс, которым подпоясывали верхнюю одежду. Наиболее распространены были кушаки — *белбоо*. В южных районах для этой цели использовали



Типы киргизской одежды. (По П. М. Кошарову).

платки, расшитые по краям. У богатых были распространены широкие кожаные пояса, отделанные серебряными украшениями, с массивной пряжкой, напоминающие древнетюркские наборные пояса. На поясе киргизы носили небольшую сумку, огниво, мешочек для пуль.

Довольно разнообразны были головные уборы. Зимой мужчины носили меховую шапку — *тумак* и *тебетей* — с широкой опушкой из овчины, лисьего меха, с суконной или бархатной тульей. В горных районах носили *малакай* из овчины, мехом внутрь, отделанный по краю меховой опушкой. Распространен был летний *калпак* из белого войлока, с высокой тульей и полями, оторочен-ными черным бархатом или тесьмой. В обиходе у пожилых мужчин были тюбетейки конической и уплощенной формы, которые носили летом, а также одевали под колпаки и зимние шапки.

Обувь изготовляли из кожи и войлока. Из сыромятной кожи шили сапоги — *чокой,* с невысокими голенищами. Пожилые мужчины носили высокие сапоги из тонкой черной кожи, без каблука, на мягкой подошве *(маасы)*. Носили их обычно с галошами из конской кожи. Распространены были у киргизов и нарядные сапоги *(өтүк)* из выделанной кожи, со скошенным внутрь каблуком, коротким следом, с узкими, слегка загнутыми носками и высокими голенищами. Низ сапог отделывали кантами из цветной кожи[78]. Такие сапоги носили и мужчины и женщины, однако женские сапоги шили преимущественно из цветной кожи (красной, зеленой). Славились киргизы и умением изготовлять сапоги из козьей шерсти с вышивкой[79].

Женские нательные платья — рубахи шили в основном из белой хлопчатобумажной ткани, реже — из цветной; они были длинные, с широкими рукавами и вертикальным разрезом на груди, украшенным цветной вышивкой[80]. Одним из самых архаичных элементов в костюме киргизок являлся нагрудник *(өнгүр)*, сплошь расшитый цветными нитками[81]. Древней принадлежностью девичьей одежды были корсеты, которые к середине XIX в. уже вышли из употребления, о чем свидетельствует замечание Ч. Валиханова[82]. Женщины носили шаровары такого же покроя, что и мужчины.

Верхняя женская одежда — *чапан, бешмет, ичик,*— повторяя по покрою мужскую, отличалась лишь яркими и более дорогими тканями. Как и мужчины, женщины носили безрукавку на подкладе. Весьма оригинальными были халаты-безрукавки *(куш ичик)* с отделкой из птичьих перьев, которые, согласно упоминаниям в эпосе «Жаныш и Байыш», носили в прошлом богатые киргизки[83]. Для этой цели использовали птичью кожу, из которой предварительно выщипывали крупные перья, оставляя пух и мелкие перья. Затем кожу нашивали на наружную сторону ткани халата. Особенно яркими и нарядными были халаты, украшенные фазаньими перьями.

Традиционной одеждой замужних киргизок была распашная юбка — *бельдемчи.* Бедняки шили их из овечьих шкур (шерстью внутрь), а богатые — из бархата, с вышивкой и оторочкой из меха куницы или выдры[84].

Основные виды женских головных уборов отличались своеобразием в способах ношения на различных территориях. Кроме того, они, как и прически, подчеркивали возрастное и семейное положение женщин. Старинным девичьим головным убором были высокие конической формы шапочки с маленькой кистью[85], которые позже сменили тюбетейки *(тону)*. Их шили из различных тканей и расшивали шелком, гарусом. Зимние шапки—*тебетей*—имели коническую форму, верх их шили в основном из сукна и оторочивали мехом. Своеобразным был женский головной убор *элечек*—из бемлой тонкой ткани, которую наматывали в виде тюрбана. В северных районах его носили поверх платка[86], в южных под него одевали вышитую шапочку. О самобытности головного убора свидетельствует отсутствие вышитой шапочки у соседей киргизов[87].

Своеобразен старинный головной убор богатых женщин — *шөкүлө*. Шили его в виде высокой конической шапочки из красного сукна или бархата, на войлочной подкладке. Она была искусно украшена жемчугом, серебряными и позолоченными фигурками. В нижней части прикрепляли позолоченную бляху[88]. С середины XIX в. она стала свадебным головным убором[89].

Непременной принадлежностью киргизского национального костюма являлись разнообразные ювелирные украшения. Они

применялись в зависимости от возраста, назначения, социального положения женщин. Девушки и молодые женщины носили много украшений. Широко были распространены накосные украшения, серьги, кольца, перстни, ожерелья. Браслеты были с несомкнутыми концами, витые и гладкие. Старинные серебряные браслеты украшали зернью, в сочетании с инкрустацией.

Развиваясь в рамках единой центральноазиатской культуры, киргизский народный костюм сохранил свою самобытность, проявившуюся в своеобразии некоторых видов одежды, ее колорите. Так, по мнению В. В. Радлова, специфически киргизскими видами одежды были кафтаны, обшитые пестрыми шнурами, верхняя войлочная одежда с рукавами *(кементай, кебенек)*, белые войлочные сапоги из козьей шерсти, а также белые войлочные шапки[90]. Национальной киргизской одеждой являлась и женская распашная юбка — *бельдемчи.* Она была распространена у киргизов и в меньшей степени — у казахов[91]. О древности ее бытования свидетельствует упоминание бельдемчи в эпосе «Манас» как боевого одеяния воинов[92]. Своеобразие киргизскому костюму придавали такие элементы, как женский вышитый нагрудник *(онгур)*, женская рубаха с вышивкой на груди, конической формы шапочка *(шөкүлө)*, мужские штаны из замши *(кандагай)* с ярким национальным орнаментом, сапоги *(өтүк)* на высоких деревянных каблуках, украшенные цветными кантами. Характерной особенностью одежды киргизов было преобладание белого цвета, который придавал не только опрятность и нарядность одежде[93], но и ассоциировался с понятиями доброты, счастья, силы[94]. Оригинальность и красочность киргизскому костюму придавала вышивка, которая украшала почти все виды одежды.

Существенной особенностью одежды, которая определяла в прошлом внешний облик киргиза, была ее классовая принадлежность. В источниках XVIII в. четко разграничивается одежда вождей (биев, батыров) и одежда простого народа. Знать носила одежду из парчи, войлочные шляпы, отороченные мехом, а также обувь из красной кожи. Одежда кочевников-бедняков изготовлялась из грубой шерстяной ткани. Они носили шляпы без украшений и сапоги из сыромятной кожи. Социальные контрасты в одежде отмечали и исследователи середины XIX в., особенно подчеркивая обнищание основной массы населения, вынужденной носить одежду до тех пор, пока ткань не расползалась.

Домашние промыслы. Декоративно-прикладное искусство

Домашнее производство, составлявшее «необходимую принадлежность натурального хозяйства»[95], занимало важное место в хозяйственной деятельности киргизов в рассматриваемый период. Для него был характерен замкнутый цикл, когда все — от добычи сырья и до готового продукта — производилось и в основном потреблялось в рамках одной семьи. Основанное целиком на использовании ручного труда, примитивных орудий, домашнее производство киргизов характеризовалось единообразием технических приемов, обусловленных строгой преемственностью, соблюдением традиционных навыков, передаваемых из поколения в поколение[96].

Домашнее производство разделялось на женские и мужские виды. Женщины занимались выделкой войлока, изготовлением ковров, ткани, кожи, предметов внутреннего убранства юрт, они вязали циновки, шили одежду, вышивали. Самые искусные и талантливые мастерицы выполняли работы на заказ.

Мужские виды производства не отличались массовостью. Мастера занимались кузнечным, ювелирным делом, обработкой дерева, кожи. Как правило, они работали на заказ, но главным их занятием по-прежнему оставалось скотоводство.

Большинство изделий, изготовленных киргизскими мастерами и мастерицами, было любовно украшено орнаментом, в котором нашли своеобразное отражение восприятие природы и художественная одаренность киргизского народа. Для киргизского орнамента была характерна простота, строгость художественных форм, декоративность цветовых сочетаний. Среди многообразных элементов киргизской орнаментики господствующее положение занимали рогообразные мотивы *(кочкор мүйүз)*, которые встречались во всех основных видах прикладного искусства. Широко были распространены и древние геометрические узоры: вихревая розетка, ромб, квадрат, спираль. В домашних условиях вырабатывались минеральные и растительные красители.

Основу развития декоративно-прикладного искусства киргизов составлял принцип сочетания эстетического назначения изделия с утилитарным. При этом композиция орнамента строилась в зависимости от формы и назначения вещи.

К числу наиболее распространенных в быту предметов народного искусства относились орнаментированные войлочные ковры, при выделке которых киргизские мастерицы использовали разные технические приемы. При изготовлении ковров *(ала кийиз)* узор из цветной шерсти вкатывался в темный войлок. Узор на таких изделиях имел мягкие расплывчатые контуры. Совершенно по-иному выглядели *ширдаки,* выполненные техникой мозаики. Делали их из тонкого плотного войлока. Орнамент вырезали сразу из двух разных по цвету кусков. Места соединения прошивали цветным шнуром. Узоры ширдака отличались четкостью, крупными размерами, декоративностью, сочетанием контрастных цветов. О древних истоках мозаичной техники орнаментации киргизских ковров свидетельствует сходство с войлочными изделиями из Пазырыкских курганов Алтая, прослеженное в технике изготовления, а также в такой важной детали, как оконтуривание узора цветным шнуром[97]. Основная красочная гамма киргизских ковров ограничивалась двумя цветами: красным и синим[98]. Одним из наиболее старинных технических приемов орнаментации войлочных изделий являлось и простегивание одно-

цветными шерстяными нитками. Узоры, выполненные простегиванием, были довольно просты: круг, квадрат, спираль.

Ворсовое ткачество было распространено лишь у киргизов южных районов и прежде всего у ичкиликов. До середины XIX в. в Киргизии не изготовляли большие ворсовые ковры, а ткали небольшие коврики и специальные дорожки *(тегирич)* для украшения юрт. Основным цветом являлся красный в различных вариациях, в меньшей степени употребляли синий. В ограниченном количестве использовали желтый, коричневый. В основе композиции орнаментальных узоров, характерных для всех основных видов декоративного искусства, преобладали геометрические формы, среди которых наибольшее распространение имел ромб с ответвлениями в виде завитков[99].

Особое место в декоративно-прикладном искусстве киргизов занимало производство узорных циновок из стеблей чия. Особенность техники изготовления их заключалась в том, что каждый стебель оплетали шерстью разных цветов так, чтобы при соединении их получался определенный узор. Это была сложная и трудоемкая работа, которую выполняли лишь искусные мастерицы. Для узорных циновок характерны геометрический орнамент, сочетание контрастных цветов. Как правило, красный цвет являлся фоном, синим выполнялись основные узоры. Такими циновками украшали стены юрты, иногда их использовали в качестве ширм.

Наиболее древним и широко распространенным видом прикладного искусства являлась вышивка, которой украшали одежду, различные предметы домашнего обихода. В технике вышивки сохранялась древняя традиция шитья шерстью по коже, войлоку. Киргизские мастерицы искусно владели различными видами петельных и гладьевых швов. Особенно нарядны были женские шапочки — *чач-кеп,* нагрудники, расшитые сложным швом — терс *кайык* (обратный шов). Из узоров следует отметить различные геометрические фигуры (зигзаг, розетка), стилизованные растительные мотивы. Среди вышивок, предназначенных для интерьера юрты, одно из главных мест занимал настенный вышитый ковер — *тушкийиз.* Такие ковры делали из войлока и украшали вышивкой, выполненной цветной шерстью или аппликацией из красного сукна[100].

В быту кочевников-киргизов были широко распространены изделия из кожи. Сосуды для хранения молочных продуктов *(көөкөр, көнөк)* изготовляли женщины, другие предметы домашнего обихода (кожаные сундуки, футляры, а также конскую сбрую) — мужчины. Довольно оригинальны многие виды кожаной посуды. Сосуды имели рогообразную форму, футляры для них — полушаровидную или цилиндрическую. Многие изделия из кожи украшались орнаментом, плоским и рельефным тиснением. Кожаные сундуки, седла орнаментировались тисненым узором, аппликациями из цветной кожи, декоративным швом, конская сбруя, мужские пояса — металлическими бляшками. Большинство узоров сходны с узорами на войлоке, металле.

Из дерева киргизы делали остов юрты, различные предметы домашнего обихода, посуду. Многие деревянные изделия — седла, мешалки для кумыса, футляры для пиал, отдельные детали юрты украшали декоративной резьбой.

Известна была киргизам и резьба по кости. Интерес представляет деревянный футляр для фарфоровых чашек, изготовленный во второй половине XVIII в. (Центральный Тянь-Шань). Он инкрустирован костяными пластинками, украшенными резным орнаментом. О стременах и ленчике, украшенных резьбой по кости, упоминал П. М. Кошаров[101].

Древнейшим видом домашнего производства у киргизов была художественная обработка металла. Кузнецы и ювелиры довольно широко практиковали применение техники насечки, набивной таушировки для украшения предметов конского убора, ножей, мужских поясов, различных футляров, накладных пластинок. Мастера предварительно размягчали серебро многократной ковкой, а затем полученную серебряную фольгу или же проволоку накладывали на поверхность железной пластинки с нанесенной насечкой в виде сплошной сетки или пунктирных штрихов. Специальным молоточком вбивали фольгу или проволоку в мелкие надрезы сетки. Проволоку различного диаметра получали методом протаскивания прутков-заготовок через отверстия в волочильной доске.

Использовали также технику штамповки полых внутри украшений, обычно состоящих из двух половинок. Матрицу при этом изготовляли из рога горного козла или барана, а штамп — из твердого металла. Женские украшения, преимущественно серьги, перстни, браслеты, зачастую отделывали зернью. На территории Киргизии она была известна уже в I тысячелетии до н. э., в сакское время, и применялась в сочетании с инкрустацией.

Широко распространена была чеканка по серебру. Элементы узора самые разные: в виде полумесяца, звездочки, овала, точки, треугольника, квадрата. В различных комбинациях орнамент наносился на женские украшения, а также на сбрую, отделанную накладными серебряными пластинками, на нагайки и ножны.

В различных районах Киргизии применялось чернение поверхности женских украшений, блях для мужских поясов, предметов конской упряжи. Прибегали также к технике воронения: изделия из железа и стали нагревали в горне, в результате поверхность предмета покрывалась окисной пленкой коричневого цвета. Такие украшения придавали костюму праздничный вид.

Мастера-кузнецы изготовляли не только украшения, но и металлическую утварь, а также оружие как наступательное, так и защитное, занимались они и обивкой седел.

Для декоративно-прикладного искусства киргизов в прошлом характерно богатое декоративное оформление, монументальность

Кольчуга. XVIII в.

узора, четкий ритм орнаментальных мотивов, плавность и мягкость линий. Тысячелетиями вырабатываемое искусными мастерами, оно и сегодня впечатляет живостью красок и сложностью орнамента.

3. Духовная культура киргизского народа

Пронесенная через века, сохранившая наследие многих поколений, яркая, самобытная культура киргизского народа нашла отражение в устном народном творчестве, корни которого уходят в глубь истории.

Создателем и хранителем разнообразных жанров устного народного творчества был сам народ, по образному выражению А. М. Горького, «единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества, философ и поэт, создавший все великие поэмы, все траге-

дии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»[102].

Почти все жанры устного народного творчества достигли высшей степени развития в конце XVIII — первой половине XIX в., что хорошо видно из авторитетного суждения академика В. В. Радлова об отношении киргизов к народной поэтике: «Пословицы и старинные изречения с искусно смешанными рифмами, исторические, состязательные, свадебные песни, плачевые стихи в честь умерших и т. д. поются и рецитируются во всех собраниях и всюду принимаются с наслаждением»[103]. То же самое отмечал и американский путешественник Ю. Скайлер. Он писал, что киргизы увлекались музыкой и поэзией — слушали певцов эпических баллад. Особой любовью пользовался у них героический эпос «Манас».

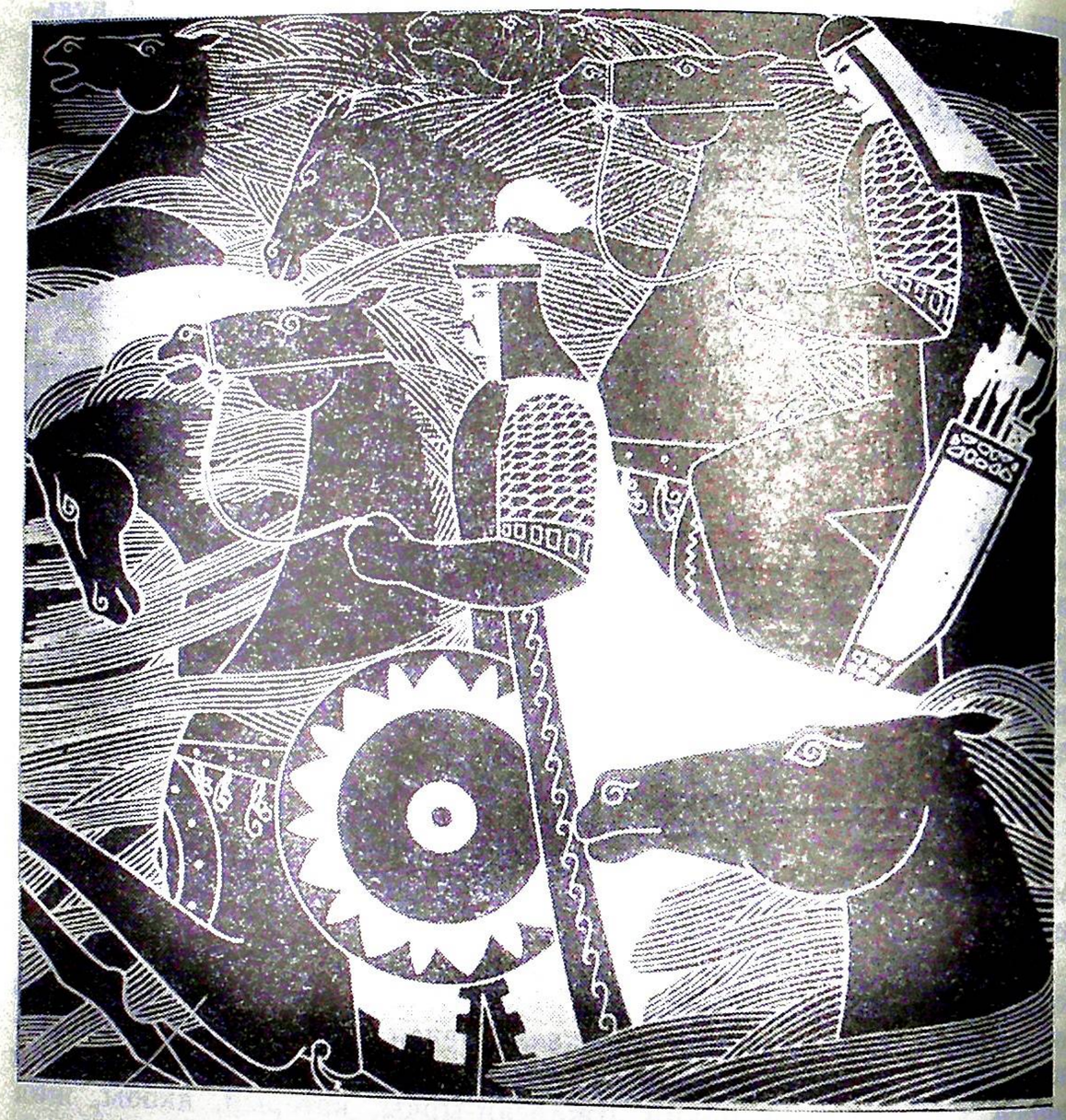
Создателями и хранителями разнообразных жанров народного творчества были *акыны, ырчы, манасчи и сынчы.* Самыми популярными в народе были акыны — поэты и мелодисты, поэты импровизаторы и *манасчи* — исполнители эпических произведений. Будучи знатоками и хранителями народных эмпирических знаний, *сынчы* давали мудрые советы по различным вопросам хозяйственной и морально-этической жизни.

Эпическая трилогия «Манас»

Особое место среди произведений устного народного творчества киргизов занимали эпические памятники героического и лирико-романтического характера, вершиной которого является эпос «Манас».

Согласно народным преданиям, первым манасчи был один из сорока витязей самого Манаса — Ырчы сын Ырамана, который из отдельных прозаических рассказов начал слагать цикл героических поэм о подвигах народного богатыря. Непосредственно в самом эпосе упоминается некий Джайсан-ырчы, который, якобы, жил при Манасе и воспевал его деяния. Впоследствии эту традицию продолжили Толубай-*сынчы* и его брат Токтогул-*ырчы,* которые, судя по представлениям народа, жили в эпоху правления джучида Джанибек-хана (1341—1357 гг.) и его преемника Бердибек-хана (1357 —ок. 1359 гг.)[104]. Следующим крупным манасчи в народе считается Ноуруз, которому приписывается значительное дополнение содержания эпоса[105]. По дошедшим до нас преданиям, Ноуруз жил будто бы в XVIII столетии, но точными сведениями о его жизни и деятельности ученые пока не располагают.

Одним из первых сказителей, существование которого считается бесспорным, был Келдибек Барыбозов, умерший примерно в 80-х годах прошлого столетия. Он родился в местности Джал-Арык Чуйской долины и скончался в Атбашинском районе. В числе первых сказителей называют знаменитого Балыка (Бекмурата) Кумарова — современника Келдибека Барыбозова. Точных данных о времени его рождения и смерти нет. Известно только, что он родился в Таласе и умер в возрасте около 80 лет в Чуйской доли-



«Манас». Гравюра Б. Джумабаева.

не. По социальному происхождению Балык был выходцем из простого люда. Народ сохранил о нем память как о талантливом певце-сказителе трилогии «Манас». Согласно преданию, он исполнял эпос с большим подъемом и при этом самого себя изображал одним из участников походов Манаса. К сожалению, вариант эпоса в исполнении Балыка до нас не дошел. Записаны лишь отдельные отрывки эпоса, сказываемые Балыком, от его сына Найманбая.

Другой видный сказитель эпоса «Манас» Тыныбек Джапиев родился в 1846 г. в местности Кайнар Иссык-Кульской долины и умер в 1902 г. в местности Туюк Нарынской области. Отец Тыныбека был профессиональным сказителем и жил исключительно на средства, которые поступали ему в виде вознаграждения за исполнительское мастерство. Известно, что Тыныбек знал полный текст трилогии. До нас в его исполнении дошли лишь отрывки «Семетея» — второй части трилогии.

Сказитель Чоюке Омуров происходил из батрацкой семьи. Родился он в местности Тургень Иссык-Кульской долины в 1880 г. и умер там же в 1925 г. Это был один из лучших сказителей эпоса «Манас».

Хотя существование народного героического эпоса «Манас» среди киргизов было установлено еще в середине прошлого столетия Ч. Валихановым, а затем появились записи отрывков текста «Манас» в переводах В. В. Радлова и Г. Алмаши, серьезного исследования трилогии до Великой Октябрьской социалистической революции не проводилось.

Продолжателями традиции манасчи в советскую эпоху были Сагымбай Орозбаков (1867—1930 гг.), Саякбай Каралаев (1881—1972 гг.), Байымбет Абдрахманов (Тоголок Молдо — 1860 — 1942 гг.), Шапак Ырысмендеев (1863—1956 гг.), Молдобасан Мусулманкулов (1881—1961 гг.), Джаныбай Коджеков (1869—1942 гг.), Акмат Рысмендиев (1891—1966 гг.) и многие другие. В 1922—1926 гг. была произведена первая подробная запись эпоса «Манас» от выдающегося поэта и импровизатора Сагымбая Орозбакова. Она была прервана в 1926 г. в связи с тяжелой болезнью этого талантливого сказителя. Полностью все три части эпоса записаны в исполнении крупного сказителя Саякбая Каралаева — ученика Чоюке Омурова. В настоящее время записаны десятки вариантов эпоса.

Полный вариант трилогии эпоса «Манас» состоит из полумиллиона стихотворных строк и превосходит по объему такие известные мировые эпосы, как «Илиада» и «Одиссея», «Махабхарата», «Шахнамэ», «Калевала», и другие. По уровню художественного содержания «Манас» по праву занимает достойное место среди мировых шедевров устного народного творчества.

В результате все более глубоко развивающегося процесса сближения социалистических наций, взаимного обогащения их культур эпос «Манас» стал ныне достоянием всей многонациональной советской культуры. Наряду с всемирно известными эпическими сказаниями он приобрел широкую известность и признание среди народов СССР и за рубежом.

О времени сложения эпоса «Манас» среди исследователей нет единого мнения. М. Ауэзов и А. Н. Бернштам считали, что истоки его восходят к VII—IX вв. Б. М. Юнусалиев полагал, что он начал слагаться в X—XI вв., В. М. Жирмунский, А. К. Боровков, а также ряд других исследователей связывают основные сюжеты эпоса с периодом XVII—XVIII вв., когда киргизы отстаивали свою независимость в борьбе против агрессии Джунгарского ханства[106].

Детальное изучение содержания различных вариантов эпоса «Манас», проведенное в последние годы киргизскими фольклористами, позволило прийти к выводу, что в нем нашли отражение все основные этапы истории народа, начиная с глубокой древности до XVIII в. включительно.

Первый, самый ранний пласт эпоса, связан с эпохой родового строя. Он знакомит читателя с мифологическими представлениями киргизов, с разнообразными магическими обрядами в их семейно-бытовой жизни, культом природы и животных, а также с обычаем почитания умерших.

Значительное сходство элементов поэтики древних рунических эпитафий с эпической поэзией «Манаса», а также общность многих мотивов, легенды об Огуз-кагане, Кара-хане, Бугра-хане, Манасе и Алмамбете позволяют связать второй пласт эпоса с историей раннеклассовых государственных объединений древнетюркских племен, а затем с развитым феодальным государством Караханидов, существовавшим на территории Киргизстана в X — начале XIII в.[107].

Следующий пласт эпоса отображает один из самых важных этапов истории киргизского народа — борьбу против кара-кытаев во главе с Джолоем, а также моголов. Он знакомит нас с историей Ногайской Орды, с которой в XV — начале XVI в. находились в тесных контактах киргизские родоплеменные объединения.

И, наконец, последний, наиболее значительный пласт — период тяжелых испытаний киргизского народа в борьбе за свою независимость против непрерывных, опустошительных набегов полчищ калмакских феодалов в XVII— первой половине XVIII в. В это время, по мнению исследователей, происходило окончательное сложение самого эпоса[108].

К какому бы периоду истории народа ни восходили исторические корни тех или иных эпизодов эпоса «Манас», все они в какой-то мере являются отображением реальных событий. Как отмечал еще академик В. В. Радлов, в противоположность богатырским сказаниям народов Сибири, в которых воспевается сказочный мир, в эпосе «Манас» киргизский народ воспевает свою жизнь, чувства и стремления[109]. Подобно тому, как древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии[110], так и киргизский народ в эпосе «Манас» и в других произведениях устного народного творчества выразил свое представление об историческом прошлом. По определению первого исследователя киргизского эпоса Ч. Валиханова, эпос «Манас» — это подлинно эпическое произведение, где в широком плане отображена многовековая жизнь киргизского народа: его этнический состав, хозяйство, быт, обычаи, нравы, суждения о человеческих достоинствах и пороках, представления об окружающей природе, религиозные воззрения, медицинские, географические и другие знания. В нем нашли отражение поэтика и язык народа. Эпос «Манас» служит источником для изучения истории, словесного искусства, языка, этнографии, философских взглядов, психологии и других сторон духовной и социальной жизни киргизов в прошлом.

Первая часть трилогии — сказание о Манасе — начинается с описания тяжелого народного бедствия, явившегося следствием

вероломного нападения иноземных захватчиков во главе с жестоким Алооке-ханом на страну киргизов. Народ терпит всяческие унижения, он разорен, разграблен, значительную часть населения враги разогнали по разным странам. В такое трудное для народа время в семье предводителя сосланных на Алтай киргизов престарелого Джакып-хана рождается необычный ребенок, который растет «не по дням, а по часам», обладает сверхъестественной силой. Быстро распространившаяся весть о появлении на свет богатыря приводит в ужас врагов-калмаков, издевавшихся над киргизами. Чтобы расправиться с опасным врагом, калмаки предпринимают неоднократные нападения на киргизские кочевья, но их успешно отбивает дружина двенадцатилетнего Манаса. Частые нападения захватчиков вынуждают киргизские племена Алтая объединиться вокруг этого богатыря. Они избирают его новым предводителем. В результате победы над войсками калмакских захватчиков алтайские киргизы под предводительством Манаса вновь занимают свои земли на Тянь-Шане и Алае.

Одним из самых сложных образов в первой части трилогии является образ калмакского царевича Алмамбета, перешедшего на сторону киргизов из-за религиозных побуждений. Трагедия Алмамбета состоит в том, что он вынужден вместе с Манасом воевать против войска своих соплеменников, которые смертельно ненавидят его, однако ему не всегда доверяют и киргизские богатыри. Образ Алмамбета, умного, смелого, благородного воина, в душе которого чувство долга побеждает чувство крови, является непревзойденным в народно-эпической литературе по своей трагической силе и красоте.

В первой части трилогии наряду с описаниями военных походов красочно и масштабно повествуется о мирной жизни. К ним следует отнести эпизод «Поминки по Кокетею» — один из самых ярких рассказов эпоса, с реальными картинами народного быта, праздников, игр, охоты. Психологически углубленно передан эпизод женитьбы Манаса на красавице Каныкей, дочери правителя Бухары. Верная спутница Манаса, умная, дальновидная, наделена и героическими чертами. Здесь нашли отражение и междоусобные войны, интриги и заговоры вождей, подвластных и союзных Манасу племен. Слепая зависть родственников Манаса Козкамана и Кокчокоза толкает их на преступление. Они устраивают заговор и отравляют Манаса. Но мудрая Каныкей исцеляет Манаса, он восстанавливает порядок в стране и наказывает злоумышленников.

Первая часть трилогии завершается эпизодом «Великий поход». Он является самым крупным по объему и самым ценным в художественном отношении. В суровых условиях длительного похода, жестоких сражениях испытывается стойкость, преданность, храбрость народных героев — Манаса и его ближайших соратников: Алмамбета, Сыргака, Чубака, Бакая и других витя-

зей. Противники Манаса не менее сильны, к тому же они коварны и вероломны, порой в единоборстве берут верх, но в конце концов они разгромлены. Киргизы добились победы ценой жизни лучших своих сынов — Алмамбета, Сыргака, Чубака и других. И сам Манас, смертельно раненный, возвращается на родину, где вскоре умирает.

Начало второй части трилогии глубоко трагично. Верховная власть узурпируется завистливыми родичами Абыке и Кобош, которые уничтожают все, что напоминает о Манасе, притесняют его ближайших соратников. Мудрец Бакай превращен в раба. Мать Манаса Чыйырды и жена Канык ей, спасая жизнь сына Манаса Семетея, вынуждены бежать в Бухару. Его детство проходит у дяди вдали от родины. В четырнадцатилетнем возрасте Семетей узнает от бывшего дружинника своего отца Сары-Таза правду о родном народе, страдающем под игом узурпаторов. Вернувшись в Талас, Семетей, опираясь на народ, расправляется со своими противниками.

Один из центральных эпизодов «Семетея» — женитьба героя на красавице Ай-Чурек. Соперники Семетея Чинкоджо и Толтой требуют у афганского хана Ахуна его дочь Ай-Чурек, угрожая разорением страны. Ахун-хан вынужден согласиться. Но Ай-Чурек ждет своего нареченного — Семетея. Верная любимому, она просит отложить свадьбу, а сама, превратившись в лебедя, улетает в страну киргизов к Семетею. Последний узнает обо всем, идет походом против враждебных сил Чинкоджо и Толтоя. Устраиваются игры, пир, свадебная церемония.

Затем следует рассказ о походе Семетея против Конурбая с целью мести за смерть своего отца. В кровавом сражении хитрый и коварный Конурбай, наконец, погибает, а его войско разгромлено.

После возвращения в Талас сам Семетей в борьбе с завистником Кыяз-ханом становится жертвой измены, совершенной со стороны давно таившего в себе злобу Канчоро. Изменники узурпируют власть. Ай-Чурек насильно увезена Кыяз-ханом, закована в кандалы, участь рабов делят Канык ей, Бакай, Кюльчоро.

Времена Семетея, по образному выражению В. М. Жирмунского,— это времена племенных раздоров, родовых и семейных распрей, в которых нашли отражение события сравнительно позднего времени — распад патриархально-родовых связей и пока еще политическая незрелость киргизского народа.

Завершающая часть трилогии включает в себя сказание о внуке Манаса Сейтеке — борьбе за освобождение народа от тирании, против узурпировавшего власть жестокого Канчоро, преодоление феодальных междоусобиц.

В Таласе киргизы изнывают под игом изменника Канчоро и жаждут освобождения, а в стране Кыяз-хана рождается Сейтек — герой третьей части поэмы. Ай-Чурек удается хитростью спасти ребенка от смерти. Выросший среди пастухов Сейтек узнает от друга своего отца о своей родословной, о родине, судьбе родителей и верных друзей. С помощью друга отца, лекаря Момунжана, Сейтеку удается вылечить искалеченного богатыря Кюльчоро. С ним он совершает поход в Талас и при поддержке народа ниспровергает Канчоро. Изменник и деспот наказан, народу возвращена свобода, справедливость восторжествовала.

Таким образом, упорная борьба многих поколений доведена до логического конца, до торжества справедливости против гнета и насилия. В отображении благородной идеи защиты Родины от иноземных захватчиков, в преодолении межфеодальных усобиц и заключается величие героического эпоса «Манас».

В конце поэмы любимые герои эпоса — Бакай, Канык ей, Сейтек, Айчурек и Кюльчоро — прощаются с народом и становятся невидимыми существами. Вместе с ними исчезают белый кречет Манаса Акшумкар, его собака Кумайык, исполинский конь Семетея — Тайбуурул. Однако в народе бытует легенда, что они до сих пор живы, но лишь иногда появляются, напоминая о подвигах сказочных богатырей. Эта фантастическая легенда представляет собой поэтическое воплощение веры народа в бессмертие любимых персонажей из эпоса «Манас».

Таково краткое содержание трилогии «Манас» по всем вариантам, записанным в середине XIX— первой половине XX в. На протяжении веков эпос оказывал и оказывает существенное влияние на формирование эстетических вкусов и национального характера киргизского народа.

Некоторые эпизоды эпоса «Манас» зафиксированы в рукописи «Маджму ат-таварих», которая написана на таджикском языке в XVI в. в Фергане муллой Сайф ад-дином Ахсикенди и его сыном Науруз-Мухаммедом[111]. В этом полулегендарном, полуисторическом сочинении, посвященном жизнеописанию и восхвалению касанских шейхов, приводятся и рассказы о борьбе Манаса с врагами. Манас показан как историческая личность и современник Тохтамыша, а также как участник многих событий, происходивших в Моголистане и Дашт-и Кыпчаке в XIV—XV вв.

В соответствии с эпохой в сочинении духовным наставником и покровителем Манаса объявляется суфийский шейх Сайид Джалал ад-дин. Однако автору все же не удалось превратить Манаса в защитника веры ислама, его связь с религией, с суфийскими шейхами выглядит надуманной, схематичной. Реакционные феодальные круги киргизского общества и позднее не раз пытались внедрить в эпос как пантюркистские, так и панисламистские мотивы. Однако они не смогли лишить его глубинной народной основы.

Манас, по версии, изложенной в «Маджму ат-таварих», в основном представляется как образ народного героя-батыра. Он не имеет весьма характерных для поздних вариантов феодаль-

ных титулов — хана или бия. Манас — простой герой-воин, возглавлявший со своими сорока витязями народное ополчение в борьбе против внешних врагов. Он борется только за независимость своей родной земли, дает решительный отпор посягательствам калмаков и других недругов на Талас, Чаткал, Каркару, Иссык-Куль, Кочкор, Ат-Баши, т. е. он защищает земли киргизов. В своей борьбе он опирается на поддержку киргизских родоплеменных объединений: ак-огул, ку-огул, отуз-огул, булгачи и кыпчаков Каркары.

Хотя в «Маджму ат-таварих» в целом верно отражены родоплеменной состав и некоторые стороны исторического прошлого киргизов в XV—XVI вв., считать Манаса и ряд других персонажей историческими личностями нет достаточных оснований.

Несомненно, содержание эпоса «Манас» обогащалось и в XVII—XVIII вв., отражая исторические события этих веков, когда киргизский народ переживал тяжелые испытания в связи с непрекращающимися походами полчищ калмакских феодалов, а затем с безуспешными агрессивными попытками Цинской империи распространить свою власть на отдельные районы Киргизстана.

Эпос «Манас», веками бытующий среди киргизов, является безусловно народным произведением. В основных вариантах и во многих сюжетах главное — народность эпоса, художественность образов и идейная направленность, отражающие длительную борьбу киргизов с иноземными захватчиками. Однако, развиваясь в прошлом в классовом обществе, эпос «Манас» не мог не подвергнуться и частичному влиянию со стороны феодальной верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить народный по своему происхождению эпос к своей идеологии. В целом же, сложившийся в основных своих чертах в эпоху начавшегося объединения разрозненных племен и формирования киргизской народности, эпос «Манас» воплотил прежде всего прогрессивную для своего времени идею объединения племен перед лицом внешней опасности. В образе Манаса киргизские племена, в течение многих веков страдавшие от отсутствия единства, хотели видеть того идеального вождя, который мог бы встать во главе всех киргизов, сплотить их в силу, способную противостоять любому врагу.

Другие формы устного народного творчества

Трилогия «Манас» — крупнейшее, но далеко не единственное произведение устного народного творчества киргизского народа. Эпос «малых» форм, социально-бытовые поэмы, сказания, трудовые, обрядовые и лирические песни, а также сказки, пословицы и поговорки, изречения и афоризмы — вот далеко не полный перечень жанрового богатства, занимавшего видное место в общественной и духовной жизни народа.

«Манасу» близка сказочно-богатырская поэма «Эр-Тештюк», повествующая о приключениях богатыря Тештюка в подземном царстве.

Дочь властелина подземного царства Кулайым влюбляется в Тештюка и с помощью злого духа в образе старухи ей удается спустить героя во владения своего отца. Но падишах не хочет отдавать свою дочь Тештюку, и, чтобы погубить его, он устраивает ему трудные испытания. Преодолеть их в подземном царстве Тештюку помогают добрые силы и животные, мудрый конь Чалкуйрук, наделенный человеческой речью. Наконец, одолев всех врагов, Тештюк женится на любимой и вместе с ней и Чалкуйруком поднимается на землю на крыльях птицы-великана.

В сказании нашли своеобразное художественное преломление практическая деятельность древних предков киргизского народа в развитии коневодства, в приручении и разведении диких животных, их использование в интересах человека. В своем историческом развитии «Эр-Тештюк» обогащается новыми сюжетами, отражая реальные исторические события XVI—XVIII вв. и постепенно как бы становится составной частью одного из вариантов эпоса «Манас», хотя продолжает оставаться вполне самостоятельным произведением.

Наряду с переработкой древних эпических сказаний в XVI—XVIII вв. создаются новые циклы эпических произведений, где широко отражена упорная и длительная борьба киргизского народа за свою независимость против агрессии монгольских и калмакских феодалов. К их числу относятся «Жаныл-Мырза», «Эр-Табылды», «Курманбек», «Жаныш и Байыш», «Эр-Эшим», которые по степени отражения реальных событий приближаются к жанру исторических сказаний. В них наряду с основной темой — отражение батыром и его сорока витязями внешних врагов — в широком плане отображена многогранная жизнь киргизского народа: этнический состав, хозяйство, социальные отношения, быт, обычаи, нравы, эстетические вкусы и морально-этические нормы, религиозные представления и обряды, медицинские, географические, космогонические и другие знания[112].

В богатом наследии устного народного творчества киргизов широко представлены социально-бытовые и лирико-героические поэмы. Основное содержание таких поэм — тема любви и борьбы молодых людей за свое счастье против незыблемых, устоявшихся реакционных догм, «обычного» права феодального общества, в котором еще сохранились пережитки родового строя.

Большой популярностью в народе пользуется романтическая поэма «Олджобай и Кишимджан», повествующая о любви юноши Олджобая и красавицы Кишимджан. Олджобай и Кишимджан родились в одно время, росли и воспитывались вместе и с детства дружили. Эта дружба впоследствии перерастает в горячую любовь. Но когда девушка подрастает и становится невестой, ее дядя Кудаке, чтобы получить большой калым, хочет выдать Кишимджан замуж за богатого старца. После ряда приключений Олджобая Кудаке вероломно убивает его. Не вынеся утраты, Кишимджан

кончает жизнь самоубийством. Воспевая трагическую любовь Олджобая и Кишимджан, народ резко осуждал патриархально-феодальные порядки, стоявшие преградой на пути к счастью влюбленных.

Тема поэмы «Кожожаш» — необходимость бережного отношения человека к богатствам природы. В ней рассказывается о легендарном охотнике Кожожаше, который, повинуясь родовому долгу, вступил в борьбу с Серой козой — покровительницей и предводительницей козьего рода. Он гибнет, наказанный за то, что посмел истребить всех коз в горах.

В поэме «Кедей-хан» говорится о бедняке Кедее, который благодаря своему уму, ловкости, природной хитрости сумел завладеть ханским троном. Однако мероприятия нового хана, направленные на установление справедливого общества, ограничиваются только тем, что после прихода к власти он роздал всю казну народу и изгнал прежнего тирана из пределов своего владения. Таким образом, в «Кедей-хане» нашла воплощение утопическая мечта народа о социальном равенстве.

Богат фольклор киргизского народа образными пословицами и поговорками. Это истинный кладезь народной мудрости, отображение многовекового опыта народа. В пословицах и поговорках отражены все аспекты жизни человека, черты его характера, особенности психического склада. По их содержанию можно судить об истории народа, о социальных отношениях, языке и национальном характере.

Как и всякие народные изречения, киргизские пословицы и поговорки прививали любовь к труду, к Родине, к своему народу, воспитывали чувство мужества и отваги, порицали пороки, осуждали зло. Многие из них были тесно связаны с кочевым хозяйством и бытом народа. Таковы пословицы *«Эр жигит эл четинде, жоо бетинде»* («Храбрый джигит всегда на границе, перед лицом врага»), *«Эр жигит үйдө туулат, жоодо өлөт»* («Храбрый джигит родится дома, гибнет в бою с врагом»), *«Жарактўу күнү̆ жоо келбейт»* («Когда ты вооружен, враг не посмеет напасть»). Эти пословицы, несомненно, появились именно в те времена, когда киргизский народ вел беспрерывные войны с внешними врагами, отстаивая свою независимость.

В то же время в пословицах и поговорках особо подчеркивается роль народных масс как источника силы, в них звучат призывы к единению. Эти мудрые идеи нашли отражение в таких пословицах и поговорках, как *«Эрден ашмак бар, элден ашмак жок»* («Можно превзойти богатыря, но нельзя превзойти народ»), *«Эл мазар, элден азган назар»* («Народ священен, кто от него отколется, тот погибнет»), *«Эл ичи — алтын бешик»* («Родной народ — золотая колыбель»)[113].

Во многих пословицах и поговорках содержатся моральноэтические и практические советы, осуждения, одобрения. Человек, на какой бы общественной ступени ни находился, должен

быть скромным, гласит пословица *«Улук болсоң кичик бол»* («Если стал повелителем, то будь скромным»). Немало пословиц и поговорок настойчиво рекомендуют быть правдивым и честным, предупреждают носителей пороков: *«Калптын казаны кайнабайт»* («Котел лжеца не кипит»). Осуждаются и такие пороки, как скупость и чванливость, тщеславие, хвастовство. В простонародье о скупых говорят: *«Сараңдан кесип алсаң кан чыкпайт»* («Скряге хоть и порежь, а крови не будет»). Противопоставляя злу добро, пословицы и поговорки воспевают положительные черты человеческого характера.

Видное место в киргизском фольклоре занимают сказки. От других видов устного творчества они отличаются фантастическим характером. М. Горький говорил, что в основе древней фантазии человека лежало стремление облегчить свой труд. В киргизской сказке отражена мечта народа о лучшей жизни.

Сопутствуя истории, бытовая сказка в своеобразной форме отражала борьбу трудящихся против эксплуататоров. Восставая против угнетателей — ханов, баев, манапов и их приспешников, народ заклеймил в сказках их алчность и вероломство, создал свое представление о достойном правителе, как о человеке мудром, справедливом, понимающем нужды людей и пекущемся о них. Таковы сказки «Хан и вазир», «Умелый бедняк», «Крестьянин и хан», «Жена Жапалака», «Асан-кайгы и Джанибек-хан» и другие. Герои волшебных сказок «Аланказар Бакы», «Семеро сыновей старухи» в борьбе с дьяволами и всесильными великанами выходят победителями.

Сама жизнь, социальный опыт пробуждали классовое самосознание угнетенного народа. Вот потому-то в сказках, поговорках, пословицах киргизский народ наделяет образы ханов, баев, мулл комическими и сатирическими чертами. В них добро всегда побеждает зло.

Музыка. Песни. Игры и развлечения

У киргизского народа издревле было широко распространено музыкальное искусство — песни, музыкальные пьесы *(кюу)*, исполнявшиеся на разнообразных инструментах. Об этом упоминается в народных легендах, в эпосе, в письменных памятниках, в трудах средневековых авторов, отчетах и заметках путешественников. Народная память донесла до нас имена композиторов и музыкантов XVIII—XIX вв. Это — Тилен, Кальчеке, Сартбай, Куренкей, Музооке и другие.

Судя по преданиям, происхождение музыки было связано с охотничьим укладом жизни. По одному из них, своим происхождением она обязана некоему охотнику Камбару. По другому, в основе ее лежал звук натянутой тетивы. В названии дошедшей до нас музыкальной пьесы «Джаа-толгоо» («Лук натягивать») сохранились отзвуки далекой легенды. Бытует в народе легенда

о появлении «Ботоя» — инструментальной пьесы *(кюу)*. У одного человека пропал верблюжонок. Выйдя ночью из юрты, он услышал плач верблюдицы, потерявшей детеныша. Плач был настолько трогательным, что не представляло труда разгадать его причины. Впечатлительный хозяин верблюдицы взял комуз и сочинил кюу «Ботой», что буквально и означает «Верблюжонок».

Наиболее древними считаются музыкальные пьесы для кыл кыяка. По своей тематике они отражают события военной эпохи. Таковы пьесы «Ураан» («Боевой клич»), маршеобразная «Кер өзөн», героическая «Кайра качпа» («Не отступай») и другие.

Легенды и лексический анализ музыкальных терминов показывают, что истоки киргизской народной музыки уходят в глубь веков[114]. В популярном народном эпосе «Манас» встречаются названия духовых, струнных и ударных инструментов: *керней, сурнай, чоор, жезнай, чилдирман, жекесан, дап, добул, доол, кыл кыяк, комуз, темир комуз.* Ими пользовались в походах для подачи сигналов, при встрече почетных гостей, на торжествах, пиршествах и тризнах — тоях и ашах. Для них был характерен сильный и резкий звук.

Не все из перечисленных инструментов имели впоследствии в одинаковой мере обогащающее значение для развития народного музыкального искусства, так как их художественно-выразительные возможности далеко не равноценны. На протяжении веков менялся и масштаб распространения отдельных инструментов: если в прошлом они были неотъемлемой частью быта, то в более поздние времена становились редкостью или вообще исчезли. Во всяком случае, устное народное творчество содержит упоминание о целом ряде инструментов, которые теперь у киргизов отсутствуют, но бытуют у соседних народов.

Самым любимым музыкальным инструментом у киргизов являлся комуз. Среди исполнителей-комузистов — *комузчу* — имелись непревзойденные мастера-виртуозы. Вокруг них собирался большой круг слушателей. Комузчу мог поведать им о памятных эпизодах из многовековой истории народа, его радостях и печалях, воспевал его крылатые мечты. Комуз и сегодня пользуется большой любовью в народе.

Киргизские песни разделялись на трудовые, обрядовые, бытовые, лирические, исторические и песни социально-обличительного содержания.

Трудовые песни — наиболее древний песенный жанр. Скотоводческая деятельность киргизов нашла свое художественное отражение в пастушеских песнях. Среди табунщиков исстари бытовали песни *шырылдаң*, исполнявшиеся в одиночку, а иногда и группой. Женщины и девушки, охранявшие овечьи отары в ночное время, перекликались звонкими протяжными песнями «Бекбекей» («Крепко стереги»). В словах этих песен находили отражение трудовые действия, лирические переживания. А заключительные резкие возгласы «Ой, дуйт! Ой, у!» должны были как бы отпугивать ночных хищников.

Примером трудовой песни, связанной с земледелием, является песня «Оп майда!», исполнявшаяся погонщиками скота при обмолоте зерна на току. Песня рассказывает о радостях и горестях жизни бедняка, его быте и нелегком труде. Впервые вариант этой песни был упомянут в сочинении Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» (XI в.).

Стремясь скрасить свой тяжелый монотонный труд, женщины-мастерицы, отделывая одежду или вышивая ковры-ширдаки, пели песню «Топ чык» («Пусть хватит овчины на тулуп»), в которой выражалась мечта об удаче в работе, о красоте одежды.

Своеобразие кочевого образа жизни киргизского народа, его социально-бытовой уклад нашли отражение и в обрядовых песнях. Архаичными чертами обладали некоторые обрядовые песни, запечатлевшие народные обычаи, приметы, религиозные верования. В быту земледельцев существовали песни-заклинания. С одной из них — «Айдар-кел» — обращались к ветру при провеивании обмолоченного зерна, с песней-заклинанием «Жайы» — к богу с просьбой о ниспослании дождей в период летней засухи, с песней «Чеч кор» — к покровителю земледелия Баба Дыйкану после завершения работ на току. Заклинание «Дамбыр таш» женщины произносили полунапевно (иногда группой) во время первых весенних гроз. Исполняя обряд, женщины ходили вокруг юрт и стучали в металлическую посуду, взывая к небу о ниспослании изобилия трав на пастбищах и обилия молока у животных.

Песни-заклинания не имели четко выраженной мелодии, они исполнялись в форме речитатива или полуговорок (с относительным соблюдением некоторых музыкальных закономерностей). Особую группу составляли песни странствующих нищих *(кулпенде)*, шаманов *(бакшы)*, знахарок *(бүбү)*, юро́дивых *(дубана)*.

Среди обрядовых песен большое место занимали свадебные, исполнявшиеся молодежью при встрече жениха с невестой *(«Жар көрүшүү»)*, на предсвадебных играх *(«Кыз оюну»)*, при проводах невесты в дом жениха *(«Кыз узатуу или коштошуу»)* и при представлении невесты его родственникам *(«Бет ачмай»)*.

Высоко развитым жанром музыкально-поэтического творчества народа являлись обрядовые причитания по умершему — *кошок*, широко бытующие и сегодня. Кошок исполнялся женой и близкими родственницами покойного, а также профессиональными плакальщицами — *кошокчу*, обладавшими даром поэтической импровизации. Традиционное пение кошока в форме *кайым айтышуу* представляло собой поочередное выступление нескольких исполнительниц, каждая из которых по-своему выражает горе, восхваляя в образных сравнениях достоинства умершего.

Кошок исполнялся также в качестве свадебно-обрядовой песни при проводах невесты.

Одним из песенных жанров являлись семейно-бытовые песни. Это и песни-наставления, и поучительные песни *(санат, насыят, улгу)*, песни восхваления *(мактоо)* и песни обличительные *(кордоо)*, песни-состязания *(айтыш)*, колыбельные песни *(бешик ырлары)*, детские песни *(балдар ырлары)*, молодежные и игровые *(оюн ырлары — селкинчек, токмок салуу)*, шуточные *(акыйнек)*, и многие другие.

Наиболее развитыми формами песенного народного творчества являлись лирические песни. Весьма популярными были и остаются любовно-лирические песни: *«Күйгөн»* («Сгоревший от любви») и *«Секетбай»* («Любимая»). Сами названия указывают на их жанровую принадлежность. Они различаются, главным образом, по содержанию поэтического текста: в первой говорится о страданиях неразделенной любви, вторая проникнута светлой любовной лирикой.

Особую жанровую группу лирических песен составляли песни-жалобы — *арман* (песни несбывшейся мечты). В них выражались печаль по поводу утраты друга, разлуки с близкими, жалобы на одинокую старость, нужду, тяжелую судьбу женщины, на гнет и произвол богатых хозяев, тоска по свободной и счастливой жизни. Грустные, задушевные мелодии этих песен с выразительными интонациями жалоб приближались к напевным речитативам.

Многочисленны и разнообразны киргизские исторические песни. В них нашли свое художественное отражение исторические события, неизгладимо запечатлевшиеся в народной памяти.

С давних пор киргизы были любителями народных игр и развлечений, которые устраивались в дни больших празднеств. Большей же частью они носили военно-прикладной характер, что объяснялось условиями кочевого быта, когда каждый взрослый мужчина был воином[115]. Военная жизнь, походы и сражения требовали выносливости, силы, ловкости, смекалки. Все это накладывало определенный отпечаток на характер народных игр и состязаний. Наиболее древним был поединок двух всадников, вооруженных деревянными пиками («Эр сайыш»). В сайыше участвовали храбрые, смелые, ловкие и сильные. Слава о сайышистах распространялась далеко. Особенно ими интересовались баи, манапы — любители пышных пиров и игрищ. Поединок нередко заканчивался увечьем или даже смертью одного из участников. Этот жестокий вид состязаний гневно осудил великий киргизский акын Токтогул Сатылганов:

Бьются два силача так, что кости трещат.
А манапы смеются, манапы кричат,
Им приятно, что смертью окончился бой..,
Да провалится в землю обычай такой.

А потом друг на друга начнут клеветать,
Протрезвятся, начнут виноватых искать,
Но спокойно корыстный судья говорит,
Что во всем виноват только тот, кто убит.
Да провалится в землю лукавый судья,
Кровопийцы-манапы и все их друзья!
Человека сгубили на глазах у людей,
А потом откупились за сотню рублей![116]

Все желающие могли принять участие в состязаниях «Джамбы атмай». Игра заключалась в том, чтобы на скаку стрелой, пущенной из лука, перебить ремешок, на котором к шесту подвешивался *джамбы* (слиток серебра). Позже стрельба стала производиться из фитильного ружья. Большой популярностью в народе пользовались скачки на лошадях («Ат чабыш»). Их устраивали на дистанцию до 50 *км* и более. Выиграть их могли только хорошо тренированные наездники, обычно подростки на исключительно быстрых и выносливых конях. Большую роль в тренировке всадника и коня играл специальный тренер *(саяпкер)*.

Пока длились скачки, народ развлекался играми «Оодарыш» или «Эниш», а также борьбой («Күрөш»). Победители получали славу силачей.

Массовым видом народных игр являлись скачки с козлом («Улак тартыш» или «Кок бору»). Цель состязания — подхватить с земли, не слезая с коня, тушу козла и доставить ее в условленное место. Сначала игру начинали две соперничающие команды лучших игроков, обычно из различных родовых групп. После победы одной из них тушу животного бросали на *жайма* (т. е. для всех), и тогда происходила настоящая свалка. Выйти победителем мог только сильный и ловкий всадник на хорошем скакуне.

Среди мужчин была очень популярна игра в бабки («Ордо»). Участники делились на две партии по родовому признаку. Игра принимала иногда нездоровый азарт и соперничество. По преданию, кровавая вражда между крупнейшими киргизскими племенами бугу и сарыбагыш началась именно с игры «Ордо». Сообразительность развивала игра «Тогуз коргол» и ее упрощенная форма «Уюм тууду».

Среди молодежных и детских игр, которые были развиты и у многих других народов, своеобразием выделялась конноспортивная игра «Кыз куумай», по условиям которой юноша должен был догнать девушку, которая начинала скачку первой. Пастухи играли в «Теке чабыш».

Наиболее полно отражены народные игры в эпосе «Манас», где, по словам академика В. В. Радлова, «с эпической широтой отображаются военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт». Разумеется, устраивать тризны, свадьбы со скачками,

бегами, борьбой — было привилегией богачей, которые использовали бедняков в качестве шутов, над которыми можно было посмеяться, поглумиться, а после за их же счет пополнить оскудевшие во время пиршества табуны и отары. Только ради потехи киргизские феодалы организовывали такие унизительные и позорные игрища, как «Жыланач батыр» («Голый богатырь»), «Төө чечмей» («Отвязывание верблюдицы голым человеком») и другие игры, оскорбляющие человеческое достоинство. Участвовать в подобных состязаниях бедняков вынуждала лишь крайняя нужда. В целом же развлечения и спортивные игры имели немаловажное значение для физического и умственного развития народа.

Религиозные воззрения

В XVI—XVII вв. среди киргизов, которые до того были шаманистами, распространился ислам. Основными центрами его пропаганды были города Восточного Туркестана и Ферганы, где к тому времени прочно обосновались суфийские общины. Суфийские шейхи действовали всеми доступными методами, начиная от «сотворения» мистических «чудес» и кончая спекуляцией на патриотических чувствах киргизского народа.

К успехам деятелей суфийской пропаганды, особенно ферганского шейха Лутфуллы, его ученика казаха Мухаммеда, главы черногорских шейхов Ходжи Исхака, можно отнести принятие исламской веры многими выходцами из киргизской феодальной верхушки, побуждавших к принятию этой религии и своих соплеменников. Киргизские феодалы использовали религию ислама в деле укрепления своей власти в племенах, своего статуса среди прочих среднеазиатских и восточнотуркестанских владений. Однако ни в XVI—XVII вв., ни позже киргизы с их неразвитыми социальными отношениями, отягощенными патриархальным бытом, не усвоили глубоко идеологию ислама. Османский турок Сейфи в конце XVI в. писал о киргизах, что они не были «ни мусульманами, ни кафирами»; «кафирами» называет их некоторую часть узбекский историк Махмуд ибн Вали (XVII в.)[117].

В народе были распространены различные языческие верования. В сочинении «Зийа ал-кулуб» (1603 г.) сравнительно подробно описано языческое капище киргизов *(бут-хана)*. Это было дерево, на котором развешивались идолы, сделанные из дерева и камня. Наиболее почитаемый и наиболее крупный из них был сделан из серебра. Всего на дереве было размещено, якобы, две тысячи идолов. Поклоняясь дереву, киргизы обращались к идолам за помощью при различных нуждах и, в частности, за исцелением больных. При этом приносились жертвы. Идолам подносили по маленькому кусочку от каждой части жертвенного мяса. Автор сочинения повествует, что суфий Ходжа Исхак, проповедуя ислам, разгромил 18 подобных капищ[118].

В качестве реликтовых верований, как свидетельствуют этнографические источники, у киргизов сохранился культ божеств

Тенгри, Умай-эне, Жер-Суу, Тайуу. Их функции остались в основном те же, которыми они были наделены народной мифологией еще в древнетюркское время.

В киргизской мифологии большое место занимали представления о разного рода демонических призраках, якобы способных всячески вредить человеку. Среди них был, например, призрак в образе женщины с медными когтями *(жез тырмак)*, нападавшей на охотников, а также в образе старухи, якобы сосущей человеческую кровь *(жез тумшук)*, и в виде женщины с длинными грудями *(албарсты)*, видение которой будто бы было особо опасно при родах женщин.

Борьба с разного рода злыми духами входила в «обязанность» киргизских шаманов (мужчины—*бакшы*, женщины—*бубу*). Бакшы являлись стойкими носителями языческих верований и не признавали ислама. Пользуясь суевериями кочевников, они оказывали на них большое влияние. К бакшы примыкали так называемые *далычы, кузгучу*, выступавшие как провидцы, прорицатели.

Весьма распространенным среди определенных кругов киргизов являлось идолопоклонство. С семейным культом были связаны небольшие фигурки из различных металлов. Киргизы называли их *кут*, что обозначало «оберег». С ними связывалось богатство и благополучие дома, особенно рождаемость детей. Фигурки бережно хранили. После смерти главы семьи изготавливали чучело наподобие куклы. Оно находилось в юрте в течение года, до устройства большой тризны. Можно считать, что идолы и изображения духов у киргизов являлись покровителями отдельных коллективов — общины или семьи.

Доисламские верования нашли отражение и в таких обычаях, как поклонение земле, воде, камням и рощам, родникам и отдельным горам. К местам поклонения приходили с молитвами, обращались к луне и солнцу с просьбой о послании живительной влаги для жизни. Подобные древние языческие культы запечатлены в орхонских надписях и древнетюркских поверьях.

Многие обряды киргизов связаны с хозяйственной деятельностью скотоводов. Чаще всего они исполнялись при падеже скота, лечении животных. Широко применялись различные амулеты, имевшие целью оградить животных от несчастных случаев, болезней и колдовства.

Разнообразны были магические обряды в семейно-бытовой жизни; большинство магических обрядов во время свадеб совершалось с целью обеспечения будущего потомства и счастья молодоженов. Совершались обряды любовной магии, «привораживания». Верили киргизы и в проклятье, в «сглаз», во вредоносные наговоры. Многие ритуальные действия магического характера исполнялись всеми участниками торжеств, отражая ту стадию развития социальных отношений, когда семья еще не выделилась из кровнородственного коллектива[119].

До XIX в. у киргизов сохранялся культ животных. Название некоторых племен имели тотемистический характер. Так, племя бугу («олень») почитало оленя как родоначальника. Интересно, что элемент племенного тотема бугу вошел в шаманство. Некоторые киргизские шаманы *(бакшы)* называли белого оленя *(ак марал)* своей матерью *(«ак марал менин апакем»* — «белая олениха — мать моя»)[120]. Характерно, однако, что, почитая в олене своего мифического предка, бугинцы в то же время охотились на него, что свидетельствует, с одной стороны, об ослаблении тотемизма, а с другой — о «причащении» к «силе предков».

Среди антропоморфных представлений о духах значительное место занимала вера в духа покровителя семьи, духа предков — *арбак*. Этот культ был тесно связан с патриархальным семейным укладом; идеей беспрекословного подчинения младших старшим в условиях, когда религия теснейшим образом переплеталась с моральными устоями патриархально-родового быта.

Наиболее распространенным, как и в средние века, был культ поклонения предкам, духи которых по поверью покровительствовали живым родственникам и избавляли их от всяких бед и болезней. В честь духов приносились жертвы, устраивались поминки. На могиле устанавливали памятник или обносили её стеной. На захоронениях богатых скотоводов воздвигались специальные надмогильные сооружения — *гумбезы* (мавзолеи). Этот обычай имеет глубокие корни. Установление памятника, валуна (иногда с надписями или изображениями) противоречит предписанию ортодоксального ислама, но тем не менее этот обычай широко бытует среди мусульман. Сам культ святых в исламе — поклонение мазарам и существование суфийских общин (например, в Испид-Булане, Узгенде) — тесно переплетается с шаманством, а обрядность, связанная с почитанием «святых мест» и «святых шейхов», полностью принадлежит миру тех представлений и действий, на которые наслоилась мусульманская религия. Таким образом, сформировавшийся на почве существовавшего у первобытных народов культа предков, культ «святых» явился одним из средств закрепления идеологии ислама, духовного закабаления верующих.

Сохранение культа предков свидетельствует о вере в загробное бытие, с ним были связаны похоронные обряды. Однако в отличие от идеологии ортодоксального ислама, верующим киргизам была чужда мысль о загробной жизни.

Культ природы, хозяйственная магия тесно переплетались с анимистическими представлениями и пережитками племенных и семейно-родовых культов. Вместе с тем в XVIII — первой половине XIX в. в результате активизации пропаганды ислама кокандскими муллами и ишанами они подвергались уже заметному влиянию ислама. Некоторые места древних культов стали почитаться как мусульманские святыни, включали в себя различ-

ные элементы исламского религиозного обряда. Так, в местности Кошой-Коргон (Центральный Тянь-Шань) киргизы поклонялись дереву, сиротливо растущему на горе, привязывали к нему тряпочки. В кокандский период на вершине горы появилась могила некоего «святого», была выстроена мечеть. У могилы был воткнут шест с конским хвостом, здесь же лежало множество рогов горных баранов. Киргизы продолжали поклоняться этим местам, соединив в своем представлении магию и религию в единое целое[121].

Известный исследователь географии и истории народов Средней Азии М. И. Венюков, говоря о киргизах, отмечал, что «вероучение ислама эти народы знают очень плохо или даже вовсе не знают. Они поступают прямо против закона, не опасаясь за греховную жизнь наказаний в будущем»[122].

О мусульманской религиозности киргизов писал казахский ученый Ч. Валиханов, лично посетивший Иссык-Куль и Центральный Тянь-Шань: «Все дикокаменные киргизы исповедывают мусульманскую религию или, лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни его треб... Не только грамотных людей, разумеющих элементарные начала веры, даже исполняющих пятивременный намаз и рузу *(орозо. — Ред.)* между дикокаменными киргизами нет». В подтверждение своих слов Ч. Валиханов приводит факт, что многие киргизские манапы, называя себя мусульманами, не могли назвать имя пророка ислама[123].

То же самое подметили и иностранные путешественники, посещавшие Киргизию. Американец Ю. Скайлер, в частности, писал, что по религии киргизы в основном магометане, «хотя только некоторые из них слышали о существовании Магомета, и еще меньшее их количество знало молитвы или ритуалы этого вероучения»[124].

Способствуя укреплению мусульманской веры среди кочевников-скотоводов, киргизские манапы тем не менее нередко сами пренебрегали ритуально-этическими ее нормами. Манапам импонировала социальная доктрина ислама, узаконившая феодальную иерархию. Но в то же время они не особенно рьяно заботились о соблюдении религиозных обрядов и нередко лишь из политических соображений поддерживали связь с духовенством, как это делал, например, сарыбагышский манап Ормон-хан. Однажды по ходатайству сородичей он даже разрешил перенести традиционный пост *орозо* на зимний месяц лишь потому, что лето выдалось очень жарким. Одной из причин поверхностного усвоения ислама киргизами был их кочевой образ жизни и патриархально-родовая форма общинной организации, которым были ближе и понятнее традиционные верования в духа предков, в тотемы, фетиши, чем в ортодоксальные догмы ислама. Тем не менее со времени установления кокандского господства при покровительстве бай-манапов ислам все активнее проникает в среду киргизов. В Оше и Узгенде действовали десятки мечетей, строи-

лись медресе, обраставшие собственным вакфом. В северных районах Киргизии мечети и вакфы отсутствовали (до вхождения в состав России не было ни одной мечети), но в каждом крупном племени, при каждом влиятельном манапе имелся свой мулла.

От степени влияния ислама в том или ином племени или общине зависели и нормы регулирования общественной жизни: по шариату, либо по адату. В спорных ситуациях киргизы редко прибегали к муллам для рассмотрения дела по шариату: они считали мулл продажными, а их заключения необъективными. Как правило, обращались к адату — традиционному правопорядку, основанному на старинных патриархальных обычаях. Выполнение требований адата и соблюдение решений, основанных на нем, стимулировалось не только угрозой наказания, но и моральными факторами — необходимостью соблюдения «обычая отцов» *(ата салты)*. Адат как сфера правосознания являлся составной частью нормативных житейских правил *расми* (или *ырасми)*. Социально-классовый аспект адата феодалы пытались совместить с моральными устоями расми, добиваясь выполнения адата всеми членами общества, для которых расми было нормой жизненного поведения.

Даже краткий обзор существовавших в эпоху феодализма верований и культов свидетельствует о реакционной роли религии в жизни различных слоев общества. В руках господствующих классов она всегда служила орудием духовного угнетения, необходимым для того, чтобы держать народные массы в страхе и невежестве. «Религия,— писал В. И. Ленин,— есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством»[125].

Классовость идеологических воззрений

В народных преданиях сохранились некоторые имена легендарных киргизских мыслителей позднего средневековья[126]. В первую очередь следует назвать Асана-кайгы (Асан-сострадалец), Толубая-сынчы (Толубай-аналитик) и Санчы-сынчы[127].

Имя Асана-кайгы фигурирует и в казахских преданиях, что свидетельствует об общности судеб киргизского и казахского народов в определенный период их исторического развития. Как по киргизским, так и по казахским народным преданиям, Асан-кайгы был современником Джанибек-хана и его преемника Бердибек-хана. Как известно, эти джучидские феодалы правили в XIV в. Поэтому эпоху Асана-кайгы можно отнести к XIV—XV вв., периоду, когда шел ускоренный процесс распада монгольских государственных объединений в Средней Азии и Казахстане.

Асан-кайгы запечатлен в памяти народа как «кочевой философ»[128]. Основой его морали являлось сострадание (откуда и приставка к имени). Однако сострадание его не было пассивным, созерцательным, а призывало к деятельности, к труду. Человек, по мысли Асана-кайгы, должен быть добродетельным, а для этого необходимо было, кроме любви и сострадания к людям, иметь такие моральные качества, как справедливость, умеренность, самообладание и скромность. Не считая зло неизбежным, каких-либо реальных путей его ликвидации народный мыслитель найти не сумел. В то же время, по его представлению, властолюбие и порождаемая им жестокость могут быть уничтожены силой, хотя к этому он и не призывал. Предостерегая людей от несчастья, Асан-кайгы в принципе считал возможным достичь счастья, которое видел лишь в стабильности жизненных условий, основанных на мире. И если учесть, в каких жесточайших условиях борьбы с внешней агрессией и внутренними феодальными усобицами приходилось вести жизнь рядовому кочевнику-скотоводу, то становится понятным, почему Асан-кайгы пользовался популярностью среди простого народа.

Известно, что в прошлом у кочевников откочевка отдельных родов или племен в другие края была одной из форм проявления классовой борьбы в обществе. Согласно народным преданиям, Асан-кайгы призвал однажды своих соплеменников избавиться от тирании хана откочевкой в другие края с прекрасной свободной землей. Народ послушался и откочевал в местность Жийдели-Байсын, но претерпел сильные лишения в пустыне, а сам Асан-кайгы умер в пути[129].

Таким образом, по представлению народа, Асан-кайгы был мудрым духовным наставником рядовых скотоводов, который мечтал создать в «теплых краях» свободное общество без хана и феодалов. Однако намеки на лишения и невзгоды, которые претерпел народ во время перекочевки, и на трагический конец самого Асана-кайгы дают понять, что создать такое общество без коренных социальных преобразований и в других краях также невозможно.

Мировоззренческие идеи другого киргизского мыслителя Толубая-сынчы также были вызваны стремлением облегчить участь обездоленных. Он мечтал о том времени, когда киргизы будут жить в мире и согласии, и эти его идеи отразились в ставших популярными изречениях. Однако Толубай-сынчы был идеалистом. Он и не помышлял об изменении общественного устройства посредством уничтожения социального неравенства.

Воззрения другого народного мыслителя XVIII в. Санчы-сынчы были более прогрессивными. Если идеалом Асана-кайгы была самодовлеющая добродетель, перед которой бессильно всякое зло, то в произведениях Санчы-сынчы социально-критические мотивы преобладают над морализующей тенденцией. В одной из песен, приписываемых Санчы-сынчы, слышится открытая угроза хану Кудаяну:

Злобный Кудаян,
Чинящий произвол,
В конце концов ты будешь покорен...

Он уже призывает народ к деятельной борьбе во имя справедливости, но лишь через призму столкновений интересов отдельных личностей. Когда Кудаян намеревался совершить поход на города Сыр-Дарьи, Санчы-сынчы предсказал, что во время похода Кудаян погибнет. Предсказания будто бы сбылись: поход Кудаяна окончился неудачно, он сам, как и часть его войска, погибли[130].

Таким образом, Санчы своими советами и наставлениями, обращенными к представителям феодальной власти, выражал отношение простого народа к событиям общественно-политической жизни того времени.

Идеологические представления киргизского народа, одурманенные религией и верой в «добродетельность» биев, манапов, не могли подняться до осознания классовых противоречий и активной борьбы с эксплуатацией, что обрекало массы на пассивность и политическое бездействие. Стихийность, неразвитость классового сознания народа использовалась киргизскими феодалами, а в XIX в. и кокандскими ханами в корыстных целях. Неоднократно поднимавшиеся народными массами восстания в конечном итоге использовались феодалами для замены одного хана другим. В то же время нельзя не отметить, что активное участие народа в этих движениях способствовало росту классового самосознания. От участия в дворцовых переворотах Кокандского ханства он переходит к всеобщей народной войне против ханского деспотизма.

Здравым народным представлениям о мире и бытии, стихийному протесту, формам эксплуатации и борьбы с внешней агрессией, нашедшим отражение в героическом эпосе «Манас», в песнях и санатах передовых представителей киргизского народа, уже в первой половине XIX в. противостояла пессимистическая и религиозная идеология представителей господствующего феодального класса. Наиболее ярко она отражена в религиозно-мистическом литературном направлении «Зар-заман» («Печальная эпоха»), поддерживаемом реакционными акынами Узбекистана и Казахстана. Враждебно относясь к новой эпохе, в которой уже намечались признаки разложения патриархально-феодальных устоев, все заметнее ощущалось влияние русской культуры, заманисты рисовали ее как времена бед («Тар заман»), скорби («Зар заман»), как эпоху, в которую совершится гибель всего мира («Акыр заман»). Заманисты опирались на идеи панисламизма. Идеализируя прошлое и патриархальный быт, они проповедовали примирение бедных и богатых, выступали в защиту основ феодально-родового правопорядка, в защиту феодально-родовой знати. Это литературное направление представлял акын первой половины XIX в. Калыгул Баев (1785—1855 гг.) и его последователи — выходцы из зажиточной среды. Отстаивая интересы феодально-родовой знати, они проповедовали пессимистические мотивы обреченности, идеализировали патриархальное

прошлое как эпоху всеобщего благоденствия. Эти мотивы переплетались с мистическими представлениями о конце света, о судном дне. Заманисты призывали угнетенные массы смиренно и терпеливо нести цепи своего рабства, которое представлялось как незыблемое божественное установление. Конечно же, их идеи отвечали интересам феодальной верхушки, для которой была выгодна пропаганда идеалов, уводящих от действительности в мир мистики. Заманисты отвлекали внимание народных масс от действительности, от классовой борьбы, патриархальщину изображали золотым веком всеобщего благополучия, безудержно восхваляли родовых вождей, под властью которых якобы процветало всенародное благосостояние[131].

Идеи заманистов и панисламистов были популярны лишь в среде феодальной знати. Простому люду они, естественно, были чужды.

Народные знания

Кочевой образ жизни, постоянная зависимость от стихии, многовековые наблюдения за окружающим миром привели к тому, что киргизским народом был накоплен богатый запас эмпирических знаний[132]. Среди киргизов существовали профессионалы, занимавшиеся метеорологией и счетом времени — *эсепчи*. Это занятие было наследственным и передавалось от отца к сыну. Эсепчи из года в год вели наблюдения, прогнозировали погоду, определяли оптимальные сроки сезонных работ и перекочевок.

В повседневной жизни киргизы пользовались традиционным солнечным календарем, основанным на смене времен года. Начало года приходилось на день весеннего равноденствия (22 марта). Месяцы назывались по зодиакальным созвездиям, в которых в это время находилось солнце. Так, апрель носил название *бугу* (олень), май — *кулжа* (горный баран), июль — *теке* (горный козел). Каждый цикл из 12 лет киргизы называли *мучө*. По нему определяли возраст человека. Был распространен звездный календарь — месяцы назывались *жыйырма уч тогоол, жыйырма бир тогоол* и так далее до *бир тогоол* — по нисходящей сверху вниз по нечетным числам (означавшим числовые названия месяца от 23, 21, 19 и т. д. до 1). Цифры означали лунный день противостояния *(тогоол*—противостояние) созвездия Үркөр (Плеяда) луне (Ай). Эта система восходит к одной из древнейших в истории киргизского народа. С принятием ислама вошли в обиход названия месяцев мусульманского календаря *(мухаррам, сафар, рамазан)*. На юге Киргизии в результате влияния таджиков названия месяцев восходили к иранскому и арабскому языкам, ведущих начало от зодиакальных созвездий *хут, хамал, саур*.

Киргизы накопили определенный запас знаний в области астрономии. Опытные скотоводы хорошо ориентировались по звездам для точного выхода к колодцам, урочищам, пастбищам. По Полярной звезде *(Алтын казык, Темир казык)* ориентировались

ночью, по положению Большой Медведицы *(Жетиген)* определяли время, с восходом Венеры *(Чолпон жылдыз)* стада пригоняли в аил. Киргизам были известны и другие созвездия, с которыми связаны легенды космогонического характера.

Глубиной и многообразием отличались познания киргизов в области ботаники. С древнейших времен им были известны сотни наименований различных растений, сроки их вегетации, цветения и созревания. Многие растения широко применялись в народной медицине. Киргизы знали свойства целебных трав, время их сбора и правила хранения. В лечебных целях использовали ягоды, листья, стебли и коренья растений, из которых приготовляли настои, отвары, мази, порошки. Они помогали при кровотечении, сердечных недугах, удушье, чесотке. Киргизы использовали корни ревеня *(ышкын түп)*, кожуру ветвей шиповника *(ит мурун, сары жигач)*, тал, лишайник *(энгилчек)* для изготовления стойких и ярких красителей. Киргизам была известна техника получения красок из минералов. Для получения пороха киргизские охотники смешивали серу *(кукурт)*, солончак *(шор)* и уголь от арчи *(арчанын көмүрү)*.

Народное образование находилось в зачаточном состоянии, скорее почти отсутствовало: население более чем на 99% было безграмотным. Те письма, которые исходили из киргизской среды и адресовались русским властям и кокандским чиновникам, обычно писали татарские или узбекские муллы. Писались они нередко под диктовку киргизских феодалов в ставках кочевок на языке официальной канцелярии кокандских ханов. Но были единичные представители, владевшие письмом, и среди киргизов[133]. Манапы изредка приглашали в свои аилы бродячих мулл для обучения киргизских детей грамоте. Кочевые мектебы не имели определенного места, размещались то в юрте, то под гигантскими чинарами и карагачем. Одну из таких школ описал побывавший на Памиро-Тянь-Шане в 30-х годах XIX столетия английский агент-путешественник Дж. Вуд: «В одной юрте, которую мы посетили, дети занимались уроками под наблюдением пожилого муллы. Некоторые учились писать, выводя буквы куском мела на черной доске, в то время как другие бормотали (жужжали) над истрепанными листами засаленных экземпляров Корана»[134]. Нередко все знания таких учителей заключались лишь в умении читать некоторые суры Корана, не понимая их смысла. Под влиянием узбекского населения в близких к кокандским городам киргизских селениях были единичные мектебы, в городе Оше были даже медресе (например, медресе Алымбека-датхи, Алымкула и др.), но они скорее являлись культовыми учреждениями. Тем не менее, Ошское медресе Алымбека имело дарс-хану, ханаку, 28 келий, в которых проживало три мударриса и от 80 до 100 учеников — мулл. Главным мударрисом — духовным наставником медресе — был приглашен известный в свое время ученостью Хаджимамат-алам[135].

Несомненный интерес представляет сборник нравоучительных изречений — *санат* киргизского моралиста Молдо Нияза[136]. Он жил примерно в 1820—1896 гг., объездил со своими песнями почти всю Киргизию, Каратегин и Кашгар. В его рифмованных четверостишиях — санатах — нет единой, изложенной в систематическом плане темы. Это скорее бытовые и исторические сценки, рассказы нравоучительного характера, этические наставления, в которых можно усмотреть и критику власть имущих, и протест против ханского гнета. Эпоха и религиозность автора, естественно, наложили свой отпечаток на его произведения, однако основная ценность его санат (которые еще не опубликованы и хранятся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР), конечно же не в художественных достоинствах, а в фактических сведениях (автор описывает события 50—60-х годов XIX в., которые при определенном критическом анализе могут быть использованы в научных исследованиях).

Санаты представляют интерес и в историко-культурном плане: это, пожалуй, единственное художественное произведение, написанное представителем киргизского народа в середине XIX столетия. Эти санаты были написаны арабской графикой, однако, по заключению профессора Б. М. Юнусалиева, «на киргизском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта»[137].

Культурные взаимосвязи киргизского народа с соседними народами в первой половине XIX в.

Длительный контакт с узбеками, таджиками и казахами, хозяйственно-культурные связи между ними, а также расширение торговли с Кокандом, Кашгарией и Россией накладывали определенный отпечаток на различные стороны материальной и духовной культуры киргизского народа.

Благодаря торговле в быт киргизов проникали узбекские, кашгарские, а позже и русские предметы повседневного обихода, а также одежда, в частности, халаты «восточного покроя». Привозили сюда на продажу стеганые ватные, а также войлочные бухарские одеяла, калоши, различные сорта тканей ручной выделки — преимущественно грубые хлопчатобумажные *(тимпаи* и самый высший сорт — *кара-каска, купрез,* пользовавшиеся спросом у киргизов), полушелковые, шелковые, отличавшиеся живостью красок и добротной выделкой. Последние привозились в киргизские кочевья из Коканда, но покупали их немногие, в основном зажиточные манапы. Зато большой спрос был на хлопчатобумажные ткани, что подтверждается сообщением о массовом пошиве у киргизов нижнего белья и женской одежды из дешевой белой бязи.

Киргизский народ, как известно, не имел собственной письменности и письменной литературы. Однако тесное общение с узбеками, таджиками, а также с уйгурами привело к распространению, правда, весьма незначительному среди киргизов уже в первой по-

ловине XIX в. арабского письма (условно один грамотный на тысячу человек населения) и письменных сношений с властями Кокандского ханства и соседних государств. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка влиятельных киргизских родоправителей с официальными представителями ханства и Российского государства, а также ответные письма и обращения к ним российских пограничных властей и военачальников из Казахстана и Западной Сибири. Это подтверждают также «прокламации» кокандских чиновников к киргизским манапам, а также письменные договоры последних с казахскими султанами и другие документы.

Переписка ханов и их наместников с киргизскими манапами-родоправителями осуществлялась на так называемом чагатайском общетюркском литературном языке (среднеазиатский *тюрки*), передаваемом посредством арабской графики. В ответных письмах их прослеживаются элементы разговорной киргизской речи. В первой половине XIX в. в киргизской среде бытовали даже отдельные сочинения, написанные на тюрки. До нас дошли немногие старинные рукописи и документы как на тюрки, так и на таджикском и персидском языках — актовые и хозяйственные записи, воззвания политического характера, авторами которых являлись не киргизы, а их соседи — таджики, узбеки, казахи, уйгуры, но читались они киргизами или даже были специально адресованы им. Вместе с тем и сами киргизы или приглашенные к ним писцы сочиняли по их поручению различные послания и письма как кокандским ханам и их сановникам, так и западносибирской и туркестанской администрации.

Находки старинных документов и рукописей, относящихся к XVIII—XIX вв., служат бесспорным доказательством культурных связей киргизов с другими среднеазиатскими народами. Изучение этого общего для народов среднеазиатско-казахстанского региона культурного наследия прошлых веков позволяет выяснить художественные вкусы и интересы немногих тогда грамотных киргизов[138]. Археографические находки говорят о том, что среди обращавшихся в Киргизии рукописных книг были не только сочинения духовного содержания, но и светского характера — учебники, поэтические сборники, в том числе и санаты, своеобразные восточные хроники. Наибольший интерес представляет обнаруженная в Киргизии одна из ранних рукописных копий арабской грамматики Абдуррахмана Джами — знаменитого ученого, мыслителя и поэта средневекового Востока. Копия, датируемая 994 г. хиджры (1585/86 г.)[139], дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности, имеет прекрасное художественное оформление. Титульная страница украшена унваном, в котором преобладают золотая и темно-голубая краски, текст написан красивым четким почерком *наск* с многочисленными вставками, исполненными великолепным декоративным почерком *сульс*. Известен и переписчик этого очень распространенного на мусульманском Востоке труда — Мухаммед ибн Тенгри *(берди кушчи)*.

Старинные рукописи.

На последней странице сохранилась отметка о времени приобретения рукописи одним из ее читателей — 1134 г. хиджры, т. е. 1722/23 г. Последний раз рукопись переплеталась кокандским мастером муллой Надир Мухаммедом в 1841 г. Она хранилась у многих жителей Средней Азии, передавалась несколько раз по наследству и в киргизских семьях, о чем свидетельствуют многочисленные записи на ее полях.

О популярности сочинений Джами среди населения южных районов Киргизии, примыкающих к Таджикистану и Узбекистану, говорят и факты распространения других его книг — литографического издания биографий в прозе известных суфиев — «Нафахат ул-унс» («Веяния дружбы»), эпической поэмы из знаменитой «Семирицы» — «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь»). Интересно, что здесь же обнаружен и печатный комментарий к самому грамматическому трактату Джами, написанный в 1237 г. (1821/22 г.) Хаджи Абдаллахом (Махрам-афанди) и изданный позже в Константинополе[140].

На территории Киргизии имели хождение такие сочинения, как тюркское переложение «Мухтасар ал-Викайа» (копийный список 1807 г.), энциклопедический словарь «Гийас ал-лугат» (1826/27 г.), «Ал-Хидайа» (индийская литография 1872 г.), объемная тюркская рукопись Суфи Аллаяра «Маслак ал-мутаккин» («Путь праведных») и другие[141].

Фрагмент из рукописи Абдуррахмана Джами.

Подобные книги, особенно исполненные с высоким мастерством, например, рукописная копия трактата Джами, ценились очень высоко. Их могли приобретать только состоятельные люди, довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и богатых меценатов. Таким образом, классовая структура антагонистического общества накладывала свой явный отпечаток не только на политику, хозяйство и быт, но и на материальную и духовную культуру. Как указывают классики марксизма-ленинизма, «класс» имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»[142]. Однако, несмотря на феодальный характер культуры, в ней все отчетливее проявляются прогрессивные демократические черты, предметные результаты деятельности людей — познание природы, создание произведений прикладного искусства, формирование профессиональных навыков, эстетических и нравственных норм, мировоззрения. Являясь глубоко самобытной, культура киргизского народа уже в тот период была неразрывно связана с общеисторическим процессом, составляя частицу мировой общечеловеческой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. *Бернштам А. Н.* Историческая наука в Киргизии...; *его же.* Среднеазиатская древность и ее изучение...; *Ильясов С. И.* История, археология и этнография в трудах русских ученых; *Заднепровский Ю. А.* Археологическое изучение котловины Иссык-Куля...; *Кибиров А. К.* Археологическое изучение Киргизии; *Шерстобитов В. П., Орозалиев К.К., Винник Д. Ф.* Очерк истории исторической науки...; История Киргизской ССР, т. 1 (1968 г.).

2. *Шерстобитов В. П., Винник Д. Ф.* Развитие исторической науки...; *Винник Д. Ф.* Пятьдесят лет советской археологии..., с. 79—92; *Кожемяко П. Н., Винник Д. Ф.* Археологические исследования...; *Кожемяко Н. Н.* Основные достижения и проблемы археологии Киргизии; *его же.* Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР.

3. *Джамгерчинов Б. Д.* Состояние и основные проблемы исторической науки...; *его же.* Вклад русских ученых...; *Джамгерчинов Б. Д., Орозалиев К. К., Шерстобитов В. П.* Историческая наука в Киргизии...; *Каракеев К. К.* Киргизия...; *Плоских В. М.* Советская историография социально-экономических отношений...; *его же.* Киргизы и Кокандское ханство...; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Открытие древностей Иссык-Куля.

4. *Массон М. Е.* Краткий очерк истории изучения Средней Азии...; *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения...; *его же.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении; *его же.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения; *Литвинский Б. А.* Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти...; *его же.* Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии...; *его же.* Проблематика истории и истории культуры...; *Гинзбург В. В.* Итоги и перспективы...; и другие работы.

5. *Каракеев К. К.* Академия наук Киргизской ССР, с. 202.

6. *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии..., с. 237.

7. *Рычков П. И.* Топография Оренбургская...; *его же.* Топография Оренбургской губернии..., с. 95.

8. *Татищев В. Н.* История Российская..., кн. I, ч. I.

9. *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких... орд и степей, ч. II.

10. *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1...; *Фишер И. Э.* Сибирская история...

11. *Иакинф (Бичурин Н. Я.).* Описание Джунгарии...; *его же.* Историческое обозрение ойратов...

12. Собрание сведений... Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III. СПб., 1851; изд. 2-е: *Бичурин Н. Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений..., т. I—III. М.—Л., 1950—1953.

13. *Abel-Rémusat.* Mémoire... à la géographie de l'Asie Centrale...; Жизнеописание Сюань Цзана/Перев. Ст. Жюльена.

14. *Григорьев В. В.* О скифском народе саках...; *его же.* Караханиды в Мавераннагре..., с. 189—258; *его же.* Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе...; *его же.* Россия и Азия...; *его же.* Неизданные монеты...; *Риттер К., Григорьев В.* Восточный Туркестан...

15. *Fraenius Ch. M.* Recensio...; *Dorn B.* Über die Münzen...; *Тизенгаузен В. Г.* Восточные монеты Н. П. Линевича; *его же.* Нумизматические новинки...; *Марков А.* [К.] Инвентарный каталог мусульманских монет...

16. *D'Ohsson C.* Histoire des Mongols...; *Рашид ад-дин*/Изд. И. Н. Березина; *Васильев В. П.* История и древности...; и другие работы.

17. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах..., ч. II.

18. *Пантусов Н. Н.* Фергана...; *Абулгази.* Родословная тюркских племен; *его же.* Родословная тюрок/Изд. Демезона.

19. Цит. по кн.: *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство..., с. 19—20.

20. *Валиханов Ч. Ч.* Избранные произведения, с. 314—322; *его же.* Собр. соч., т. I, с. 242—263, 415—417.

21. Источнико-историографическое значение их наследия отмечено В. Я. Галицким в коллективной монографии: Русские путешественники и исследователи о киргизах.

22. Отчеты Археологической комиссии за 1882—1888 гг., с. LXI—LXXX.

23. *Голубев А.* [Ф.] Отчет Иссык-Кульской экспедиции...; *Колпаковский Г. А.* О древних постройках...; *Сорокин Н. В.* В горах и долинах русского Тянь-Шаня; *Игнатьев И. В.* Предварительный отчет об экспедиции...; *Селиванов А. И.* Древности Иссык-Кульской котловины; *Берг Л. С.* Озеро Иссык-Куль. Подробную историю изучения древностей котловины см.: *Винник Д. Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Открытие древностей Иссык-Куля..., с. 28—33; *Плоских В. М.* Иссык-Куль...

24. *Поярков Ф. В.* Об открытии христианских памятников...; *Пантусов Н. Н.* Христианское кладбище близ Пишпека...; *Хвольсон Д. А.* Несторианские надписи из Семиречья; *его же.* Дополнения и поправки...; *Chwolson D.* Grabinschriften...; *Коковцев П. К.* К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья; *Слуцкий С. С.* Семиреченские несторианские надписи...; и другие. Подробную историю изучения см.: *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников...

25. *Наливкин В. П.* История Кокандского ханства.

26. Введение к изданию Сочинений академика В. В. Бартольда. Соч., т. 1. М., 1963, с. 5.

27. Труды Орхонской экспедиции...; *Радлов В. В.* Атлас...; *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon...; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften...; *Радлов В. В., Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме; *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина.

28. *Chavannes Ed.* Documents...

29. *Радлов В. В.* Наречия тюркских племен...; *его же.* Опыт словаря тюркских наречий; Кутадгу билик /Изд. В. Радлова...; *Radloff* W. Aus Sibirien...

30. *Радлов В. В.* Отчет о поездке в Семиреченскую область...; *его же.* К вопросу об уйгурах.

31. *Аристов Н.* [*А.*] Опыт выяснения этнического состава...; *его же.* Заметки об этническом составе тюркских племен...

32. Сведения о древней и средневековой истории Киргизии содержатся в ряде работ В. В. Бартольда. См.: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане...; *его же.* Отчет о поездке в Среднюю Азию...; *его же.* Очерк истории Семиречья; *его же.* Туркестан...; *его же.* К вопросу об археологических исследованиях...; *его же.* К истории орошения Туркестана. В советское время написаны работы: *Бартольд В. В.* Киргизы...; *его же.* Отчет о командировке в Туркестан; *его же.* История Туркестана (конспект лекций)...; и другие его статьи.

33. *Бартольд В. В.* Соч., т. IV. Предисловие, с. 10.

34. *Там же,* с. 11; *Якубовский А. Ю.* Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда, с. 78.

35. *Каллаур В. А.* Археологические экскурсии; *его же.* Археологическая поездка...; *его же.* Каменные бабы...; *его же.* О камне с орхоно-енисейскими надписями; *Радлов В. В.* Разбор древнетюркской надписи...; *Мелиоранский П. М.* По поводу новой археологической находки...

36. *Хлудов Н. Г.* Перевал «Саймалы-Тас»...; *Пославский И. Т.* Из поездки на Саймалы-Тас.

37. *Иванов П. П.* Надписи на древних могильных камнях...; *Маллицкий Н. Г.* Несколько слов о древностях Узгента; *Ровнягин В. П.* Описание башни Бурана...; *Корчагин А. Ф.* Историческая судьба несторианства...; *Пантусов Н. Н.* Кладбище на р. Кунгей-Аксу...; *его же.* Христианское кладбище у ущелья Зауке...; и другие. См. также: *Веселовский Н. И.* Дагбид; *Петровский Н. Ф.* Башня «Бурана»...; *Щербина-Крамаренко Н. Н.* По мусульманским святыням...; и другие.

38. *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения..., с. 20—21.

39. *Загряжский Г. С.* Быт кочевого населения...; *его же.* Киргизские очерки...; *его же.* Очерки Токмакского уезда; *Поярков Ф. В.* Из области киргизских верований. II. Джинны; *его же.* Из области киргизских верований; *Ситняковский Н. Ф.* Перечисление некоторых родов киргизов...

40. *Bretschneider E.* Mediaeval Researches...; *Chavannes Ed.* Documents...; *Chavannes Ed.* et *Pelliot P.* Un traité Manichéen...; *Marquart J.* Die Chronologie...

41. *Бартольд В. В.* Киргизы, с. 471—543.

42. *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа...

43. См.: *Умняков И. И.* Охрана памятников старины...

44. *Массон М. Е.* Археологические материалы к истории горного дела..., *его же.* К истории добычи меди...; *Щербаков Д. И., Соседко А. Ф.*

Работы Южно-Ферганской экспедиции...; *Щербаков Д. И.* К геохимии Алайского хребта...; *Соседко А. Ф.* Кан-и Гут.

45. *Засыпкин Б. Н.* Памятники архитектуры Средней Азии...; *его же.* Архитектурные памятники...; *Денике Б. П.* Искусство Средней Азии; *его же.* Архитектурный орнамент...

46. *Массон М. Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей...; *Малов С. Е.* Таласские эпиграфические памятники; *его же.* Древнетурецкие надгробия...; *Якубовский А. Ю.* Две надписи на Северном мавзолее...; *Массон М. Е.* Монетные находки... с 1917 по 1927 г.; *его же.* Монетные находки за 1928—1929 гг.; *его же.* Монетные находки... 1930 и 1931 гг.; и другие его работы.

47. *Тереножкин А. И.* Археологические разведки по р. Чу...; *его же.* К историко-археологическому обследованию Казахстана и Киргизии; *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники...

48. *Иванов П. П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля; *Заднепровский Ю. А.* Археологическое изучение котловины Иссык-Куля..., с. 109—116.

49. *Латынин Б. А.* О работах Ангренской и Ферганской экспедиций...; *его же.* Работы в районе...

50. См.: *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 11—12.

51. 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие советской исторической науки, с. 5—6; *Струве В. В.* Проблема зарождения...

52. *Петрушевский И. П.* Деревня и крестьяне...; *Якубовский А. Ю.* Вопросы периодизации истории Средней Азии...; *его же.* Очерк истории СССР IX—XIII вв.; *его же.* Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, с. 3—16; см. также: *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 351—352; *Массон М. Е.* К периодизации древней истории Самарканда.

53. *Зима Б. М.* Иссык-Кульские жертвенники; *его же.* Очаг андроновской культуры...; *его же.* Из истории изучения наскальных изображений... Основные работы Б. Зимы были переизданы. См.: *Зима Б. М.* Избранные научные труды...

54. *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии; *его же.* Историческое прошлое киргизского народа; *его же.* Культура древнего Киргизстана; Труды Семиреченской экспедиции. Чуйская долина; *его же.* Архитектурные памятники Киргизии; *его же.* Труды Семиреченской экспедиции. Таласская долина; *его же.* Археологические контуры Тянь-Шаня...; *его же.* К истории фергано-тяньшанских культурных отношений; *его же.* Из итогов изучения...; *его же.* Древняя Фергана; *его же.* Основные этапы истории культуры Семиречья...; *его же.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня...

55. *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии, с. 22.

56. *Воронец М. Э.* Наскальные изображения Южной Киргизии; *Спришевский В. И.* Чустская стоянка эпохи бронзы; *его же.* Чустское поселение эпохи бронзы; *его же.* Раскопки Чустского поселения; *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.

57. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник; *его же.* Археологические памятники Памира; и другие работы.

58. *Кибиров А. К.* Археологические памятники Чаткала; *его же.* Работа Тяньшанского... отряда; *его же.* О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра.

59. *Бернштам А. Н.* Уйгурская эпиграфика...; *его же.* Новые эпиграфические находки...; *его же.* Древнетюркский документ из Согда; *его же.* Рунические надписи из Ферганы; *его же.* Тюргешские монеты.

60. См.: *Бернштам А. Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа; *его же.* О появлении киргизов на Тянь-Шане...; *его же.* Сложение тюркоязычного населения Средней Азии..., с. 17—22.

61. *Окладников А. П.* Археологические исследования в Киргизии; *его же.* Первый год работы...

62. См.: Тр. КАЭЭ, т. П, 1959; т. IV., 1960.

63. См.: Тр. КАЭЭ, т. III, 1959; *Алексеев В. П.* Хакасы, енисейские кыргызы...; *его же.* Краниология хакасов...; *Гинзбург В. В., Зезенкова В. Я.* Черепа из могильника караханидского времени...; *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав... населения Киргизии; *Миклашевская Н. Н.* Палеоантропология Киргизии; ее *же.* Антропологический состав киргизского народа.

64. *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство; *его же.* Очерки по истории Средней Азии.

65. *Абрамзон С. М.* Черты военной организации...; *его же.* Очерк культуры киргизского народа...; *его же.* Формы родоплеменной организации...; *его же.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии; *Джамгерчинов Б. Д.* Киргизы в эпоху Ормон-хана; *Бернштам А. Н.* Источники по истории киргизов XVIII в.; *Ильясов С. П.* Пережитки...

66. *Набиев Р.* [*Н.*] Уникальный источник по истории Кокандского ханства; *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись...

67. *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов...; *ее же.* «Заповедники» — курук кокандского хана...

68. Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана...

69. См.: Археологические памятники Баткена и Ляйляка; Археологические памятники Таласской долины; Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана; Археологические памятники Прииссыккулья; Страницы истории...; Кетмень-Тюбе; По следам памятников...; Киргизия при Караханидах; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии; и другие работы.

70. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 23 (изд. 2-е), с. 191.

71. *Конопля П. Т.* Следы людей каменного века...; *Ранов В. А.* Находки каменного века...; *Заднепровский Ю. А.* Мезолит Центральной Ферганы; *Ранов В. А., Несмеянов С. А., Конопля П. Т.* Палеолитические местонахождения в Южной Фергане; *Ранов В. А.* К проблеме выделения палеолитических культур...; *его же.* Следы стоянок каменного века на Ак-Сай-Чатыркельских сыртах...; *Ранов В. А., Юнусалиев М. Б.* Итоги разведочных работ...; *Юнусалиев М. Б.* В глубь тысячелетий...; *его же.* Домустьерский комплекс Саламат-Булак.

72. См.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Глава I—III; История Киргизской ССР, т. 1 (1968 г.), глава «Каменный век»; *Ранов В. А.* Изучение каменного века Средней Азии...; *его же.* Освоение Высокой Азии человеком каменного века.

73. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 8.

74. *Коробкова Г. Ф.* Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита; *ее же.* Проблема культур и локальных вариантов; *ее же.* Мезолит Средней Азии...; *Исламов У. И.* Обишпрская культура.

75. Совещание археологов и этнографов Средней Азии (1955 г.). Резолюция совещания; Материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней Азии (1959 г.); Ю. А. Заднепровский выделяет памятники эпохи бронзы в северокиргизский или тяньшанский вариант. См.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 214.

76. *Кибиров А. К.* Новые памятники эпохи бронзы; *Кожемяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы...; *его же.* Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР, с. 16; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана; *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы; История Казахской ССР, т. 1 (1977 г.).

77. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия...; *ее же.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы; *ее же.* Клад эпохи бронзы из Каракола; и др.

78. *Галочкина Н. Г., Кожомбердиев И.* Памятники эпохи бронзы...; *Галочкина Н. Г.* Новые данные...

79. *Кожемяко П. Н.* Основные достижения..., с. 17.

80. *Спришевский В. Н.* Чустское поселение...; *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы; *его же.* Чустская культура Ферганы...; *его же.* Укрепление чустских поселений...; *его же.* Ошское поселение бронзового века. См. также: *Литвинский Б. А.* (рец. на:) *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.

81. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии; *его же.* Колесницы Саймалы-Таша.

82. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.

83. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 214.

84. *Баруздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник; *Баруздин Ю. Д. Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена...

85. *Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины; *Абетеков А.* Археологические памятники кочевых племен...; *его же.* К вопросу о земледелии...; *его же.* Новые археологические данные...; *его же.* О погребении собаки...; *его же.* О типах жилищ у древних усуней; *его же.* Кочевники древней Киргизии...; *Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П.* Курганы сакского времени...

86. *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы... АКД; *ее же.* Культура Ферганы...; *ее же.* Поселения Ферганы...; *ее же.* Фергана по сведениям античных авторов; и другие работы.

87. *Кожомбердиев И. К.* Культура кочевников Тяньшано-Алая..., с. 297—299; *его же.* Саки Кетмень-Тюбе; *его же.* Искусство саков Тянь-Шаня; *его же.* Основные этапы...

88. *Заднепровский Ю. А.* Об этнической принадлежности памятников кочевников...; *его же.* Опыт региональной классификации...; *его же.* К истории кочевников Средней Азии кушанского периода, с. 293—296; *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 139.

89. *Литвинский Б. А.* Проблематика истории и истории культуры Средней Азии..., с. 26; *Обельченко О. В.* Культура древних кочевников Зарафшана. АДД.

90. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира»; *его же.* Курганы и курумы...; *его же.* Проблемы истории и истории культуры...; *его же.* Проблематика истории и истории культуры Средней Азии...; *Мандельштам А. М.* О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников...; *Акишев К. А.* Саки азиатские...; *его же.* К проблеме про-

исхождения номадизма...; *Заднепровский Ю. А.* Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников...; *Обельченко О. В.* К изучению курганных погребений...; *его же.* Из истории курганных погребений...

91. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней...; *Маргулан А. Х., Акишев К. А.* и др. Древняя культура племен Центрального Казахстана; *Акишев К. А.* Курган Иссык; *Акишев К. А., Акишев А. К.* Проблемы хронологии...

92. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана (1975 г.). ТД; Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. 14—17 ноября 1979 г. ТД.

93. Основная литература вопроса: *Грантовский Э. А.* Из истории восточно-иранских племен...; *Литвинский Б. А.* Saka Haumavarga в свете советских археологических исследований; *его же.* Древние кочевники «Крыши мира», с. 172—174; *Пьянков И. В.* Саки; *его же.* Массагеты — соседи индийцев; *Дандамаев М. А.* Данные вавилонских документов; *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию; *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма...; *его же.* Саки азиатские...

94. *Григорьев В. В.* О скифском народе саках..., с. 50—59; *Тревер К. В.* Этнический состав населения Средней Азии...; *Копылов И. И.* Сакские племена Сыр-Дарьи...; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней...; *Литвинский Б. А.* Саки, которые за Согдом; и другие рабсты.

95. См.: *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии; *Ходжайов Т. К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана; *Перевозчиков И. В.* Антропологический состав «кенкольцев»; *Исмагулов О.* Население Казахстана...

96. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана..., с. 175—176; *Markwart J.* Wehrot und Arang..., s. 188; *Mc Govern W.* M. The early empires..., p. 134—135; Tarn W. W. The Greeks in Bactria..., p. 291; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 165—179; *Литвинский Б. А.* Джунский могильник...; *его же.* Кангюйско-сарматский Фарн...; *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи...; История Казахской ССР, т. 1 (1977 г.).

97. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 133.

98. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья, с. 10.

99. *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя енисейка; *его же.* Таласские памятники; *Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим; *Смирнова О. И.* О классификации и легендах тюргешских монет; *Clauson G.* Ak Beshim — Suyab; *Clauson G.* Turks and wolves; *Лившиц В. А.* Согдийский посол в Чаче; *его же.* Согдийские тексты, документы, эпиграфика (в печати).

100. *Винник Д. Ф.* Тюркские памятники Таласской долины; *его же.* Новые эпиграфические памятники...; *Шер Я. А.* Погребение с конем...; *его же.* Памятники алтайско-орхонских тюрок; *Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П.* Древнетюркские памятники...; *Мокрынин В. П.* О женских каменных изваяниях...; *его же.* Каменные изваяния...

101. *Мокрынин В. П.* Каменные изваяния..., с. 13—14.

102. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья, с. 72.

103. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники...; *его же.* Проблемы ранней истории племени турк; *его же* (совместно с В. А. Лившицем). Согдийская надпись из Бугута; *его же.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии; *его же.* Эпоха «Кутадгу билиг»; *его же.* Эпоха Махмуда Кашгарского...; *его же.* О датировке рунических памятников Таласа; и другие работы.

104. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Всесоюзная тюркологическая конференция. (1976 г.). ТД; Проблемы советской тюркологии. Материалы.

105. *Петров К. П.* Очерки социально-экономической истории...

106. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области; *его же.* Археологические работы в Южной Киргизии...; *его же.* Древнеземледельческая культура Ферганы...; *его же.* Городище Шурабашат; *его же.* Городище Эйлатан; и другие работы.

107. *Брыкина Г. А.* Земледельческие поселения...; *ее же.* Итоги исследования усадьбы Кайрагач...; *ее же.* Культурные связи Ферганы...; *ее же.* Юго-Западная Фергана...; и другие работы.

108. *Заднепровский Ю. А.* Об этническом составе населения древней Ферганы; *его же.* Тюркские памятники в Фергане; *Кожемяко П. Н.* Основные достижения и проблемы археологии Киргизии; *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории...; *его же.* Курганы и курумы...; *его же.* Древние кочевники «Крыши мира»; *Гафуров Б. Г.* Таджики...; *Markwart J.* Die Sogdiana..., s. 295—296; *Pulleyblank E. G.* Chinese and Indo-Europeans..., s. 22—26; *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана..., глава VI.

109. *Литвинский Б. А.* Джунский могильник.., с. 27—29; *его же.* Кангюйско-сарматский Фарн..., 14—24.

110 *Daffinà P.* L'immigrazione dei Saka...; *Henning W. B.* Mitteliranisch...; *Litvinsky B. A.* Outline History of Buddhism...

111. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории..., с. 55 и сл.; *его же.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане; *Лившиц В. А.* Письменность древней Ферганы.

112. Успехи советской археологии в республиках Средней Азии показали несостоятельность бытовавшего еще 30—40 лет назад тезиса о кризисе рабовладельческой формации, регрессе городской жизни в раннем средневековье. Этот кризис понимался не как внутреннее преобразование рабовладельческого строя и развитие элементов феодализма, а исключительно как упадок хозяйства и культуры, продолжавшийся до VI—VIII вв. См.: *Литвинский Б. А.* Археология Таджикистана..., с. 115; *Массон В. М.* К вопросу об общественном строе..., с. 99—101.

113. *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города...; *его же.* Оседлые поселения Таласской долины; *его же.* Раскопки жилищ горожан...

114. *Винник Д. Ф.* К исторической топографии...; *его же.* Торткули в местности Ничке; *Винник Д. Ф., Заурова Е. З.* Историческая топография...; *Горячева В. Д., Плоских В. М.* Укрепление Улуг-Коргон; *Бубнова М. А.* Средневековое поселение Ак-Тобе...; *ее же.* Добыча серебряно-свинцовых руд в Шельджи...; *ее же.* Горнометаллургическая область Шельджи...; *Мокрынин В., Плоских В., Ратман В., Бубнова М.* Средневековые рудознатцы. По истории горнорудных промыслов см. также: *Сургай В. Т.* К истории горного промысла...; *Литвинский Б. А.* Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии; *его же.* Среднеазиатский горный промысел в средние века...; и другие работы.

115. *Брыкина Г. А.* Раскопки замка в Карабулаке...; *ее же.* К истории земледельческого населения; *ее же.* Карабулак; *Заднепровский Ю. А.*

Археологические памятники южных районов Ошской области...; *его же.* Некрополь в Южной Киргизии; и другие работы.

116. Средневековые города Средней Азии и Казахстана, (1970 г.). ТД; Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. (1977 г.). ТД.

117. *Goryacheva V. D.* The Early Medieval Monuments of Buddhism...

118. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... См. рецензии: *Давидович Е. А.* Дискуссионные вопросы в книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова...; продолжение в сб.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье.

119. *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений...; *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз; *Байпаков К. М.* Средневековые города и поселения Семиречья... АКД; *его же.* Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья...

120. *Лившиц В. А.* Согдийцы в Семиречье; *его же.* Согдийская эпиграфика Семиречья (в печати); *Лившиц В. А., Хромов А. Л.* Среднеиранские языки; см. также: *Тенишев Э. Р.* Древнеуйгурские надписи мусульманских культов...; *Henning W. B.* Sogdica..., *Henning W. B.* The date...; *Pulleyblank E. G.* A Sogdian colony...; Textes sogdiens...; и другие работы.

121. *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии; *его же.* Язык сиро-тюркских... памятников...; *Настич В. Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках...; *Горячева В. Д., Настич В. Н.* Эпиграфические памятники Узгена. О надписях на металлической посуде из Кетмень-Тюбе см.: *Иванов А. А., Кожомбердиев И.* Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе.

122. *Мокрынин В. П.* Экономические и культурно-политические связи Киргизстана...; *его же.* О культурном влиянии...

123. *Береналиев О.* Следы древней ирригации...; *его же.* Древняя ирригация долины Кетмень-Тюбе; *его же.* Средневековая ирригация Таласской долины.

124. *Караев О. К.* Арабские и персидские источники IX—X вв....; *его же.* К вопросу о социально-экономических отношениях...; *его же.* Караханиды до оформления Западного и Восточного каганатов...; *его же.* История караханидского каганата.

125. *Давидович Е. А.* О двух караханидских каганатах; *ее же.* Монеты Ферганы...; *ее же.* Денежное хозяйство Средней Азии...; *ее же.* Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов...; и другие ее работы. См. также: *Федоров М. Н.* О политической истории Узгенда...; *его же.* Баласагун при Караханидах...; *Кочнев Б. Д., Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхемов...; *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике...; *его же.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов...; *Федоров М. Н.* Очерк династийной истории Восточных Караханидов...

126. См. сборники: Памятники Киргизстана, вып. 1—6. Фрунзе, 1970—1983; *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры...; *Горячева В. Д., Массон М. Е.* Городище Бурана (в печати).

127. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана...; *их же.* Очерки искусства Средней Азии; *Пугаченкова Г. А.* К проблеме стиля...; *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана; *Прибыткова А. М.* Строительная культура Средней Азии...; *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии...; *Помаскин Б. В.* Гумбез Манаса; *Винник Д. Ф.* Башня Бурана.

128. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана..., с. 223; *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Гумбез Манаса; *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии, с. 247—248.

129. Тр. КАЭЭ, т. III.

130. Там же, с. 233.

131. *Дебец Г. Ф.* Проблема происхождения киргизского народа...; *его же.* Антропологический состав...; *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины; *Миклашевская Н. Н.* Соматологические исследования в Киргизии; *ее же.* Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии; *ее же.* Палеоантропология Киргизии; и другие работы.

132. *Ходжайов Т. К.* Некрополь средневекового Тона..., с. 133—134.

133. *Алексеев В. П.* Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы..., с. 114—115; *его же.* Краниология хакасов..., с. 269—282.

134. *Юнусалиев Б. М.* К вопросу о формировании общенародного киргизского языка; *Батманов И. А.* Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа, с. 91, 93.

135. *Абрамзон С. М.* Вопросы этногенеза киргизов..., *его же.* Киргизы; *его же.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.

136. *Петров К. И.* Киргизско-кыпчакские отношения; *его же.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань..., с. 4—6; *его же.* Очерк происхождения..., с. 31—32, 127—128 и др.; *его же.* Сложение киргизской народности. — История Киргизии, т. 1, с. 226—248.

137. *Караев О. К.* Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии; *его же.* К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань...; *его же.* К вопросу о терминах «кыргыз» и «хакас».

138. *Зяблин Л. П.* Курганы Семиречья...; *Кызласов Л. Р.* О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня; *Шер Я. А.* Памятники алтайско-орхонских тюрок; *его же.* Каменные изваяния Семиречья, с. 72—73.

139. *Кожемяко П. Н.* Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР, с. 20.

140. *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов...; *его же.* Влияние природного пастбища...

141. *Джамгерчинов М. Б.* Из истории киргизской народности...; *Мокеев А.* Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии... АКД.

142. *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства...; *его же.* Монгольско-узбекский союз...; *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии...; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в XIV—XVI вв.

143. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства...

144. *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии...; *его же.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию...; *его же.* Великоханьский шовинизм...

145. *Сушанло М. Я., Гуревич Б. П., Плоских В. М., Супруненко Г. П.* Против маоистских фальсификаций истории Киргизии.

146. *Ромодин В. А., Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления сведений...; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии...; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии...; *Зияев Х. З.* Урта Осиё...; *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г...; *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир...; *Троицкая А. Л.* Сагира...; *ее же.* Материалы...

147. *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение...; *его же.* Очерк политической истории...; *Усенбаев К. У.* Присоединение Южной Киргизии...

зии.; *его же.* Общественно-экономические отношения киргизов...; *Хасанов А. Х.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией...; *его же.* Народные движения...

148. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи...; *его же.* У истоков дружбы; *Плоских В. М., Сапаралиев Д.* Новые данные...; *Сапаралиев Д.* Зарождение дружественных взаимоотношений...

149. *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений...; *его же.* Очерки патриархально-феодальных отношений...; *его же.* О формах эксплуатации...; *его же.* Община и патриархально-родовой уклад...; *его же.* Киргизский корук Туура-Суу; *его же.* Вакф медресе Алымбека; *его же.* Киргизы и Кокандское ханство.

150. *Holdsworth M.* Turkestan...; *Pierce R. A.* Russian Central Asia...; *Dor R.,* Contribution à l'étude des Kirghiz...

151. *Абрамзон С. М.* Очерк культуры...; *его же.* Киргизы; *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры...; *ее же.* Юрта — ценный памятник...;*Иванов С. В.* Киргизский орнамент...; *Уметалиева Д. Т.* Киргизский ворсовый ковер.

152. *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Фортификационные сооружения...; *Горячева В. Д., Плоских В. М.* Укрепление Улуг-Коргон; *Галицкий В. Я.* История города Пишпека...; *Дуйшеев Б.* К исторической топографии крепостей...

153. *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос; *его же.* «Манас»; *Юнусалиев Б. М.* «Кириш сөз» (предисловие) к книге «Манас»; *его же.* Киргизский героический эпос «Манас»; *Ауэзов М.* Киргизская народная героическая поэма «Манас»; и другие работы.

154. *Hatto A. T.* Kukotau and BOK Murun...; *его же.* Semetey, part I. II...; *его же.* The memorial feast...

155. *Кыдырбаева Р. З.* К проблеме традиционного...; *ее же.* Генезис эпоса «Манас»; *Керимжанова Б.* Семетей и Сейтек...

156. Кыргыз элинин ооз эки чыгармачылык...; *Мусаев С.* Эпос «Манас»; *Абдылдаев Э.* Основные этапы...; *Садыков Ж.* Семетей — сын Манаса; *Жайнакова А.* Историко-генеалогическая основа эпоса «Семетей»; *Молдобаев И.* Эпос «Жаныш и Байыш»; *Сыдыков А.* Героические мотивы в эпосе «Манас»; *Кырбашев К.* «Манас» эпосунун...; и другие работы.

157. *Ворожейкина З. И.* Доисламские верования киргизов...; *Баялиева Т.* Доисламские верования и их пережитки...; *ее же.* Религиозные пережитки...; *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований...; *Дорженов С. Б.* Распространение ислама в Киргизии...; *его же.* Из истории отхода киргизского народа от религии...; *Мамбеталиев С.* Суфизм...; *его же.* Исламдын жаңы шартка карай кубулушу.

158. *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа...; *Алтмышбаев А. А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии; *Молдобаев К.* Принцип народности...; *Ибраимов К.* Об отражении идеологической борьбы...

ИСТОЧНИКИ

1. *Струве В. В.* Родина зороастризма; *Дьяконов И. М.* История Мидии...; *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации; История таджикского народа, т. 1.

2. *Грантовский Э. А.* Из истории восточноиранских племен...; *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира»; *Пьянков В. В.* Саки...

3. *Геродот.* История... /Перев. Ф. Г. Мищенко, т. I—II; *его же.* История... /Перев. Г. А. Стратановского.

4. «География» Страбона... /Перев. с греческого Ф. Г. Мищенко.

5. *Латышев В.* Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе...

6. Там же.

7. *Кулаковский Ю. А.* Аммиан Марцеллин. История.

8. Сказания Приска Паннийского /Перев. Г. Дестуниса.

9. *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян... (содержит две книги войн с персами); *Прокопий из Кесарии.* Война с готами /Перев. С. П. Кондратьева.

10. Византийские историки... /Перев. С. Дестуниса.

11. *Moravcsik G.* Byzantinoturcica...

12. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники...; *Тер-Мкртичян Л. Х.* Армянские источники...

13. *Себеос.* История... /Перев. с армянского К. Патканова.

14. История агван... /Перев. К. Патканова.

15 *Моисей Хоренский* /Изд. К. Патканова.

16. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 1—2; *Кюнер Н. В.* Китайские известия...; Материалы по истории сюнну... /Перев. В. С. Таскина; Материалы по истории сюнну..., вып. 2; *Chavannes Ed.* Mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien...; *Watson B.* Record of Grand Historian of China...; *Сыма Цянь.* Исторические записки.../Перев. с китайского Р. В. Вяткина и В. С. Таскина.

17. *Бань Гу.* Хань шу (История ранней династии Хань), гл. 70. Жизнеописание Чэнь Тана. — В кн.: Материалы по истории сюнну... вып. 2, с. 133.

18. Переводы из «Хань шу» имеются у Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, В. С. Таскина; *Dubs H.* The History of the Former Han Dynasty...; *Hulsewé A. F. P.* China in Central Asia...

19. См.: Переводы в указанных работах Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, В. С. Таскина. См. также: *Chavannes Ed.* Les pays d'occident..., pp. 149—234.

20. Переводы см. в указанных работах Н. Я. Бичурина и Н. В. Кюнера. В работе Э. Шаванна *(Chavannes Ed. Documents...)* собраны, переведены и прокомментированы все сведения танских хроник о западных тюрках.

21. Тюркские племена карлуков и шато описаны в «Новой истории династии Тан» главы 217б, 218. См. также: *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда.

22. См.: *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе.

23. *Сюань Цзан.* Перев. С. Жюльена...; *Сюань Цзан* /Перев. С. Била.

24. *Wittfogel K. A. and Fêng Chia-shêng.* History...

25. *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров..., с. 76—78; *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь...

26. *Чан Чунь.* Си ю цзи...

27. Перевод «Бэй-ши цзи» см. в кн.: *Bretschneider E.* Mediaeval Researches...

28. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах.

29. *Ядринцев Н. М.* Отчет экспедиции на Орхон..., с. 51—113; *Козьмин Н. Н.* Классовое лицо «атысы» Йолыг-тегина..., с. 259—277; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 56—94.

30. *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись...

31. *Кононов А. Н.* К истории русской тюркологии..., с. 207—209.

32. *Кляшторный С. Г.* Тюркские источники по истории Киргизии и сопредельных регионов (VI—XI вв.), (в печати).

33. *Массон М. Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей...; *Винник Д. Ф.* Новые эпиграфические памятники Таласской долины.

34. *Кляшторный С. Г.* О датировке рунических памятников Таласа.

35. *von Gabain A.* Steppe und Stadt..., s. 50—55; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 131.

36. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань Цзана /Перев. Л. Ю. Тугушевой...

37. Подробнее см.: *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна; *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг»; *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк»; *Кляшторный С. Г.* Махмуд Кашгарский и его время.

38. *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута..., с 121—146; *их же.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии..., с. 52—58; *Kljaštornyj S. and Livšic V. A.* The Sogdian inscription..., pp. 69—102.

39. Согдийские документы с горы Муг, вып. I—III.

40. ПТКЛА за второй год, протокол от 10.XI. 1897 г., с. 6; *Бернштам А. Н.* Тюргешские монеты, с. 105—111; *его же.* Новый тип тюргешских монет, с. 68—72; *его же.* Уйгурская эпиграфика Семиречья; *его же.* Новые эпиграфические находки...; *Тенишев Э. Р.* Древнеуйгурские надписи Киргизии.

41. *Лившиц В. А.* Согдийские надписи Семиречья...

42. *Писаревский Л. З.* Извлечения из «Путешествия Тамима ибн Бахра ал Мутави'и», с. 3.

43. *Ибн Хордадбех...* *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 147.

44. *Ибн ал-Факих.*

45. *Кудама.*

46. *Истахри.*

47. *Ибн Хаукаль...; Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 198.

48. *Ал-Мукаддаси...; Крачковский И. Ю.* Указ. раб. с. 210, 211.

49. *Григорьев В. В.* Об арабском путешественнике X века Абу Долефе...

50. *Ал-Бируни.* Минералогия...; Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары, с. 100; *Мокрынин В. П.* Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни /Перев. В. Минорского.

51. *Марвази.*

52. *Идриси* /Перев. Жобера...; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 281, 282.

53. *Самани* /Изд. Д. Марголиуса...; *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., с. 121.

54. *Бундари* /Изд. М. Хаутсма.

55. *Наршахи* /Перев. Р. Фрая; *Бартольд В. В.* Туркестан... Соч. т. 1, с. 59.

56. *Наршахи* /Перев. Р. Фрая; Худуд ал-алам /Перев. В. Минорского.

57. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, с. 29; *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 64; *Утби-Джербадекани* /Изд. Али Кавима.

58. *Гардизи* /Изд. Мухаммеда Назима.

59. *Бейхаки* /Перев. А. К. Арендса, с. 42.

60. *Низам-ал-мульк* /Перев. Б. Н. Заходера.

61. Муджмал ат-таварих /Изд. Бехара.

62. *Низами Арузи.* Чахар макала... /Перев. С. И. Баевского, З. Н. Ворожейкиной.

63. МИКК, вып. 1, с. 46—51.

64. *Ибн ал-Асир* /Изд. Торнберга; МИТТ, вып. 1, с. 37; СИЭ, т. V, с. 719.

65. МИКК, вып. 1, с. 77—98.

66. *Якут.* Му'джам...; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 334, 336, 339.

67. *Бартольд В. В.* Туркестан... ч. 1. Тексты, с. 128—152.

68. *Абу-л-Фида.* Китаб ал-мухтасар; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 388.

69. *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 405; *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 91.

70. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 91—92; *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 66.

71. *Джузджани* /Перев. Раверти; *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 86.

72. *Бартольд В. В.* Туркестан..., Тексты, с. 83—101; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 326—328.

73. *Джувейни*/Перев. Бойля; МИКК, вып. 2. Рукопись.

74. *Рашид ад-дин*/Изд. Катрмера; *Рашид ад-дин*/Изд. И. Н. Березина; Последнее издание: *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВАН.

75. МИКК, вып. 1, с. 101—111.

76. Там же, с. 112—127.

77. Там же, с. 128—149.

78. Там же, с. 150—169.

79. *Плано Карпини* /Перев. А. И. Малеина; *Плано Карпини* /Перев. Н. П. Шастиной; *Вильгельм де Рубрук*/Перев. А. И. Малеина; *Гильом де Рубрук*/Перев. Н. П. Шастиной.

80. Там же.

81. *Марко Поло.* Путешествие...; «Книга Марко Поло» /Перев. И. П. Минаева. Редакция и вступительная статья И. П. Магидовича.

82. *Стори Ч. А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор, с. 1202—1206; *Туманович Н. Н.* Сочинение Мирзы Мухаммед-Хайдара «Тарих-и Рашиди»..., с. 60—98.

83. *Бабур-наме* /Перев. М. Салье, с. 12—13; Миниатюры к рукописи «Бабур-наме».

84. *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии, с. 64; Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков, с. 232—236.

85. МИКК, с. 177—179.

86. Там же, с. 185.

87. *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и-ходжаган»...

88. Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. 1, с. 67.

89. *Салахетдинова М. А.* Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ» Хафиз-и Таныша; *ее же.* Сообщения о киргизах в «Хидайат-намэ» Мирхаль ад-дина; *ее же.* Сочинение Мухаммед Садыка Кашгари «Тазкира-и-ходжаган»...

90. *Стори Ч. А.* Персидская литература, с. 1206—1207; *Махмуд Чурас* /Перев. О. Ф. Акимушкина.

91. *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей..., № 38—39; МИКК, вып. 1, с. 217—218.

92. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн..., с. 3—12; *Ethé H.* Catalogue of Persian Manuscripts..., pp. 229—230.

93. Публикация была осуществлена в Японии в 1937 г. См.: *Мелихов Г. В.* «Да Цин личао шилу» как исторический источник, с. 68—79.

94. *Каллаур В. А.* Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов...; *Остроумов Н.* Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али...; *его же.* Перевод двух ярлыков Сейид Мадали-хана; *Покровский Г. В., Стогов Н. И.* Алайские аульные общества...; *Джуванмардиев А.* Ценный документ по истории Кокандского ханства...; Материалы по истории Ура-Тюбе...; *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX века..., *ее же.* Каталог архива кокандских ханов; *ее же.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в.; *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи..., и другие.

95. *Плоских В. М., Сапаралиев Д.* Россияга барган биринчи кыргыз элчилиги; *Плоских В. М., Сапаралиев Д.* Новые данные о первом киргизском посольстве в Россию.

96. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи...; *Плоских В. М., Кудайбергенов С.* Ранние киргизские письменные документы.

97. Таковы документы из так называемого архива кокандских ханов, прежде хранившихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина г. Ленинграда, и переданные после их обработки в 1962 г. в ЦГА УзССР, ЦГА КиргССР и некоторые другие архивы.

98. *Загряжский Г. С.* Юридический обычай киргиз..., *его же.* О народном суде у кочевого населения Туркестанского края...; *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт.

99. Ценным источником по истории Киргизии, вобравшим в себя ряд не дошедших до нас рукописей местных авторов, является труд В. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства».

100. *Мулла Ниаз-Мухаммед Бен Ашур Мухаммед.* Тарихи Шахрухи...

101. *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании, с. 330—349; *его же.* Извлечение из Тарихи Шахрухи, с. 350—358.

102. *Ромодин В. А.* Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I; *его же.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства... (XXV Международный конгресс востоковедов); *его же.* Новый источник по истории Кокандского ханства; и другие.

103. *Мирза Шемс Бухари.* О некоторых событиях...; *Саттар-хан Абдул-Гафаров.* Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства...; *Мирза Аббулгазим Сами.* Тарих-и салатин-и Мангитийа...

104. *Набиев Р.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства; *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись...; *Мухтаров А.* О некоторых неизвестных источниках..., *Маджи А. Е.* Новый источник...

105. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 5, с. 16.

106. Донесения Ф. Беневени. — В кн.: *Попов А. Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою...

107. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского..., с. 187 (Киргизы в журнале именуются «бурутами», как называли их джунгары).

108. Архив ЛО АН СССР, разр. II, оп. 1, д. 126.

109. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи..., с. 73, 105. Это третье из наиболее полных четырех дореволюционных изданий «Странствий» (1786, 1794, 1894, 1911 гг.).

110. Архив ГО СССР, разд. 64. оп. 1, д. 14; *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков...

111. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент..., с. 1—43; *Югай Р. Л.* Путешествие Бурнашева и Безносикова в Бухару, с. 66—77; Путешествие Иззет-Уллы в Кокандское ханство...; *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии..., с. 98 (Новое издание. М., 1968, с. 85); Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова, последнее издание: Путешествие Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии...; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 20648; ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 101, л. 7—8; там же, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 379—380; там же, д. 757, л. 126.

112. *Левшин А. И.* Об имени киргиз-казакского народа..., с. 431—521; то же в его книге: Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 2, с. 1—23.

113. Обозрение Кокандского ханства..., с. 176—216.

114. Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири, с. 140—153.

115. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары, т. II. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1946 (Последующие издания. М., 1947, 1948, 1958).

116. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений...

117. «Report of a Journey to Kokan....», pp. 8—12.

118. *Северцов Н. А.* Месяц плена у кокандцев, с. 81.

119. *Северцов Н. А.* Этнографические заметки..., с. 147—151.

120. *Северцов Н. А.* Путешествия по Туркестанскому краю...

121. *Венюков М. И.* Очерки Заилийского края...; *его же.* Опыт военного обозрения русских границ...

122. *Голубев А.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции; *его же.* Отрывок из путешествия в Среднюю Азию..., *Кауфбарс А. В.* Краткие сообщения о двух поездках...; *его же.* Колесный путь через Тянь-Шань; *его же.* Материалы для географии Тянь-Шаня...

123. *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан, т. I, ч. II. В Кокандском ханстве (1872—1873 гг.). СПб., 1875; *его же.* Вторично в сборнике избранных произведений А. П. Федченко под заголовком «Путешествие в Туркестан». М., 1951.

ГЛАВА I

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 490—491.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 487.

3. *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества; *Bordes F.* Le paléolithique dans le monde...; *Leakey L. S. B.* Olduvai Gorge...

4. *Бадер О. Н.* Международный симпозиум по проблеме селета..., с. 311; *Vértes L.* Discovery of Homo Erectus in Hungary...; *Lumbey H. de, Beagniere S., Barral L., Pascal R.* La grotte du Vallonet Rognebrune-lan-Martin...

5. *Алпысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана, с. 48—66; *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана, вып. 1, с. 8—9; *Юнусалиев М. Б.* Изучение каменного века..., с. 90—96.

6. *Окладников А. П.* Палеолит и мезолит Средней Азии, с. 19—20; *Gupta S. P.* Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands...

7. *Terra H. de, Paterson T. T.* Studies on the Ice Age in India...; *Sankalia H. D.* The prehistory and protohistory of India and Pakistan...; *Борисковский П. И.* Древний каменный век..., с 110—111.

8. *Юнусалиев М. Б.* Домустьерский комплекс Саламат-Булак..., с. 92—95.

9. *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества, с. 105 и др.; *Braidwood R. J.* Prehistoric men..., p. 57, sgg.

10. *Bordes F.* Principes d'une méthode des téchniques de bitage...; *Любин. В. П. К* вопросу о методике изучения..., с. 20.

11. *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена..., с. 151.

12. *Окладников А. П.* Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш..., с. 7—81.

13. *Ранов В. А., Юнусалиев М. Б.* Предварительные результаты..., с. 42—51.

14. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат, с. 78.

15. *Юнусалиев М. Б.* Палеолитическая стоянка... Георгиевский Бугор, с. 6—11.

16. *Ранов В. А., Несмеянов С. А., Конопля П. Т.* Палеолитические местонахождения в Южной Фергане, с. 9—20.

17. *Окладников А. П., Касымов М. Р., Конопля П. Т.* Капчигайская палеолитическая мастерская, с. 5—11.

18. *Hole F., Flannery K. V.* The prehistory of Southwestern Iran..., pp. 162—163; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ..., с. 131—132.

19. *Окладников А. П.* Каменный век Таджикистана..., с. 170—173.

20. *Массон В. М.* Поселение Джейтун..., с. 112—126; Mellaart J. The Neolithic of the Near East..., pp. 18—90.

21. *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры...

22. *Исламов У. И.* Обширская культура, с. 21—35.

23. *Юнусалиев М. Б.* В глубь тысячелетий..., с. 12.

24. *Коробкова Г. Ф.* Культуры и локальные варианты мезолита и неолита..., с. 23—24.

25. *Ранов В. А., Юнусалиев М. Б.* Итоги разведочных работ..., с. 99—101.

26. *Ранов В. А.* Следы стоянок каменного века на Аксай-Чатыркельских сыртах..., с. 174—178.

27. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток, с. 18—38; *его же.* Поселение Джейтун...

28. *Ранов В. А.* Находки каменного века в Алайской долине, с. 103—110.

29. Окладников А. П. Археологические исследования в Киргизии, с. 53—54.

30. *Окладников А. П., Рацек В. И.* Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня..., с. 447—456.

ГЛАВА II

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 113.

2. Там же, с. 161.

3. *Kattenhuber A.* Die Arier...; *Дьяконов Н. М.* Восточный Иран до Кира, с. 123—132.

4. *Асимов М. С.* Исследование этнической истории древней Центральной Азии..., с. 35—43; *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории Средней Азии..., с. 154—166.

5. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев...

6. *Максимова А. Г., Зданович Г. Б.* Племена Казахстана в эпоху бронзы, с. 106.

7. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 19, 20, рис. 7; *Кожемяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы..., с, 103—104, рис. 18. Сосуд на северном берегу оз. Иссык-Куль найден учащимися СШ № 10 г. Фрунзе, хранится в музее школы № 7.

8. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья..., с. 130—131; *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья, с. 20—23; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири, с. 132.

9. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Токтубаево..., с. 163; *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства..., с. 21.

10. *Тереножкин А. И.* Археологические разведки..., с. 138—139; Тр. Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина, с. 98, 103, 105—106.

11. *Кожомбердиев И. К., Галочкина Н. Г.* Памятники эпохи бронзы..., с. 39—41.

12. *Кожемяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы..., с. 81—102.

13. *Кожомбердиев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины, с. 58—59.

14. *Абетеков А. К.* Погребения эпохи бронзы..., с. 93—95.

15. *Кожомбердиев И. К., Галочкина Н. Г.* Памятники эпохи бронзы..., с. 39—40; *Галочкина Н. Г.* Новые данные..., с. 30—38.

16. *Галочкина Н. Г.* Разведки в Ат-Башинском районе, с. 482—483.

17. *Винник Д. Ф.* Археологическая карта Тонской долины, с. 165.

18. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение..., с. 61; *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское 1, с. 122—123; *Зданович С. Я., Малютина Т. С.* Культурный комплекс Саргары, с. 97—98; *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов..., с. 19—29; *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы, с. 270—281.

19. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура..., с. 163—215; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 197—201.

20. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 41—62.

21. Reallexicon der Vorgeschichte..., s. 485—486, 1f., 92p.; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 94—98; *Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад..., с. 140—152; *Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е.* Второй Каракольский клад..., с. 48—53.

22. *Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад..., с. 150—151.

23. *Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е.* Второй Каракольский клад..., с. 48—53.

24. *Tallgren A. M.* Die Kupfer und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland, s. 122; *Грязнов М. П.* Казахстанский очаг бронзовой культуры, с. 157—159; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 94—98; *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства..., с. 19—21; *Черных Е. Н.* Металлургические провинции..., с. 71—82.

25. *Кузнецова Э. Ф.* Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу..., с. 116—124; *Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанов В. Д.* Результаты химико-технологического исследования..., с. 154—172.

26. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 41—42.

27. *Сургай В. Т.* О развитии древнего и средневекового горного промысла..., с. 38; *Литвинский Б. А.* Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана, с. 13—26.

28. *Рузанов В. Д.* К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры, с. 62.

29. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 165.

30. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ..., с. 59.

31. *Deshayes J.* Les outils de bronze..., p. 150; *Кузьмина Е. Е.* Хронология некоторых кладов Семиречья, с. 106—110.

32. *Итина М. А.* История степных племен..., с. 198.

33. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура..., с. 197—207; *Максимова А. Г.* Хозяйство, культура и общественные отношения. — История Казахской ССР, т. 1, с. 121—122.

34. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала, с. 153; *Кузьмина Е. Е.* О некоторых вопросах андроновской демографии, с. 105—107; *Итина М. А.* История степных племен..., с. 209.

35. *Воронец М. Э.* Археологические исследования... на территории Ферганы в 1950—1951 годах; *Спришевский В. И.* Чустская стоянка эпохи бронзы...; *его же.* Чустское поселение; *его же.* Каталог археологических материалов..., *Заднепровский Ю. А.* Дальверзинское селище; *его же.* Древнеземледельческая культура Ферганы; *его же.* Чустская культура Ферганы и памятники эпохи раннего железа Средней Азии. — АДД.

36. *Дьяконов И. М.* История Мидии..., *его же.* Восточный Иран до Кира...; Гафуров Б. Г. Таджики...

37. *Гаврюшенко П. П. и др.* Археологические исследования...

38. *Заднепровский Ю. А.* Основные этапы истории Карадарьинского оазиса.

39. *Заднепровский Ю. А.* Ошское поселение бронзового века.

40. *Заднепровский Ю. А.* Укрепления чустских поселений..., с. 8—10.

41. *Заднепровский Ю. А.* Хозяйство и палеоэкономика чустской культуры Ферганы...

42. *Аскаров А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа, с. 2.

43. *Семенов С. А., Ширипов Т.* Каменные серпы чустской культуры.

44. *Грязнов М. П.* Бронзовый век. — История Киргизии, т. 1. с. 64.

45. *Заднепровский Ю. А.* Скотоводство чустских племен Ферганы...

46. *Коробкова Г. Ф.* Отпечатки тканей на керамике (по материалам Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана).

47. *Заднепровский Ю. А.* Укрепления чустских поселений..., с. 3—12.

48. *Заднепровский Ю. А.* К истории оазисного расселения...

49. *Заднепровский Ю. А.* Древняя Бактрия и Фергана в предахеменидский период...

50. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 160.

51. Там же, с. 162.

52. Там же, с. 161.

53. *Кузьмина Е. Е.* Семиреченский вариант..., с. 44—48.

54. *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 281—282.

55. *Пиотровский Ю. Ю.* Памятник эпохи поздней бронзы..., с. 465—466.

56. *Итина М. А.* Раскопки могильника Кокча 3, с. 65, 67, 78, 81.

ГЛАВА III

1. *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ..., с. 19—29; *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма..., с. 31—37.

2. *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира..., с. 137—144.

3. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии..., с. 312—313.

4. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа..., с. 10; *его же.* Аржан..., с. 2.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 214.

6. Harmatta J. Darius expedition...

7. *Геродот.* История /Перев. Г. А. Стратановского, с. 332.

8. *Pulleyblank E. G.* The Wu-sun and Sakas...

9. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 190; *Кюнер Н. В.* Китайские известия..., с. 74; *Hulsewé A. F. P.* China in Central Asia...

10. *Абетеков А. К.* Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней.

11. *Акишев К. А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней, с. 29—47.

12. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы, с. 158—162.

13. *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья..., с. 346, рис. 4.

14. *Акишев К. А.* Курган Иссык...

15. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней..., с. 25—87.

16. *Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П.* Курганы сакского времени..., с. 52—82.

17. *Кызласов Л. Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля, с. 102—105.

18. *Винник Д. Ф., Помаскина Г. А.* К вопросу о датировке наскальных изображений..., с. 92—100.

19. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 24—25.

20. *Кибиров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане..., с. 77—80.

21. *Абетеков А. К., Шер Я. А.* Раскопки в ущелье Иссык-Ата, с. 548—549.

22. *Стрелков А. С.* Большой семиреченский алтарь..., с. 477—493.

23. *Кожомбердиев И. К.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе, с. 12—15; *его же.* Саки Кетмень-Тюбе, с. 168—174.

24. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области, с. 68—86.

25. *Винник Д. Ф.* Работы в Узгенском оазисе, с. 433—434.

26. *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники...

27. *Тереножкин А. И.* Рецензия на статью: *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники..., с. 73—75; *Толстов С. П.* Тирания Абруя, с. 47—49.

28. *Заднепровский Ю. А.* Об этнической принадлежности памятников кочевников..., с. 27—36; *его же.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников..., с. 159—167.

29. *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники..., с.73—75.

30. *Абетеков А. К.* Археологические памятники кочевых племен..., с. 30—34.

31. *Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины, с. 17—32.

32. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 50—52.

33. *Кибиров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане..., с. 92, 119—126.

34. *Абетеков А. К.* Могильник Джаныш-Булак, с. 52—66.

35. *Мокрынин В. П.* Раннекочевнические курганы в урочище Текеташ.

36. *Бернштам А. Н.* Золотая диадема..., с. 23—31.

37. *Акишев К. А.* Курган Иссык..., с. 23.

38. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы, с. 181, рис. 42.

39. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник; *Кожомбердиев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины, с. 35—54, 59—77.

40. *Кожомбердиев И. К.* Работы в Кум-Арыке, с. 576.

41. *Кожомбердиев И. К.* Могильник Акчий-Карасу...; *его же.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе, с. 15—20.

42. *Баруздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник, с. 43—81; *его же.* Памятники кочевников...; *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 129.

43. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 1—250.

44. *Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М.* Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника, с. 22—23.

45. *Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г.* Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника, с. 127—129.

46. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Шелковый путь...

47. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области..., с. 90—103; *Брыкина Г. А.* Могильник Кайрагач..., с. 118—125.

48. *Абетеков А. К.* Ранние кочевники Тянь-Шаня..., с. 308.

49. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 145—177.

50. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 161—168.

51. Там же, с. 162.

52. *Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К.* К открытию города эпохи поздней бронзы..., с. 89—111.

53. *Заднепровский Ю. А.* Городище Эйлатан, с. 29—45; *его же.* Древнеземледельческая культура Ферганы..., с. 108—115; *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции..., с. 111—128.

54. *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа, с. 94.

55. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы, с. 116—153.

56. *Гаврюшенко П. П.* Кулунчакское укрепленное поселение... АКД.

57. *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана. АКД; *его же.* Типология и динамика городских поселений...; *Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры, с. 107—108.

58. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 227—229.

59. *Заднепровский Ю. А.* Работы Южно-киргизского отряда..., с. 175—176.

60. *Заднепровский Ю. А.* Некрополь городища Темир-Коруг, с. 89—90.

43—377

61. *Кюнер Н. В.* Китайские известия..., с. 104.

62. Там же, с. 122.

63. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы, с. 178—183.

64. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 188.

65. *Смирнова О. И. К* имени Алмыша..., с. 253.

66. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 232—243.

67. *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии..., с. 206—214.

68. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана, с. 21—116.

69. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 148.

70. Там же, с. 162.

71. Там же, с. 164.

72. *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии, с. 26; *Зима Б. М.* Иссык-Кульские жертвенники, с. 11—38.

73. *Винник Д. Ф., Лесниченко Н. С., Санаров А. В.* Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля, с. 582—583.

74. *Плоских В. М.* Иссык-Куль..., с. 36—38; *Мокрынин В. П.* О чем рассказал погибший курган, с. 30—33.

75. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии, с. 79—113.

76. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области..., с. 12.

77. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II. с. 161.

78. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана..., с. 88—117.

ГЛАВА IV

1. *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг», с. 21.

2. *Гафуров Б. Г.* Таджики..., с. 210.

3. *Pulleyblank E. G.* Some remarks on the Toguz-oghus problem, p. 36.

4. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 103—114.

5. *Бартольд В. В.* Статьи из «Энциклопедии ислама». Тюрки, с. 579.; *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина тюрк, с. 40—47.

6. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, s. 6—7.

7. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 228.

8. *Зуев Ю. А.* Западнотюркский каганат. — В кн.: История Казахской ССР, т. I, с. 325. Каган Истеми в византийских источниках именовался Сильзибул, в арабских — Синджибу, в китайских — Шитеми. См.: *Marquart J.* Historische Glossen..., s. 185; *Chavannes Ed.* Documents..., p. 226.

9. *Менандр Византиец.* Продолжение истории Агафиевой, с. 328.

10. *Себеос.* История императора Иракла, с. 38; *Harmatta J.* Byzantinoturcica.., s. 147.

11. *Шмидт А. М.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана, с. 453.

12. *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию..., с. 83—95.

13. *Менандр,* с. 372.

14. *Chavannes Ed.* Documents... pp. 234—237. Ак-таг (Байшань) общее название значительной части современного Тянь-Шаня к северу от Таримского бассейна.

15. *Феофилакт Симокатта.* История, с. 77—78.

16. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 236.

17. Реконструкцию имен западнотюркских каганов см.: *Кляшторный С. Г.* Генеалогия и хронология западнотюркских и тюргешских каганов VI—VIII веков (в печати).

18. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 19.

19. *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе, с. 88.

20. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 284.

21. Там же, с. 286.

22. О согдийских колониях см.: *Pulleyblank E. G.* A Sogdian colony..., pp. 317—356; *Кляшторный С. Г.* Согдийцы в Семиречье, с. 7—11; *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе, с. 90.

23. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 126—135.

24. *Мандельштам А. М.* Средняя Азия в VI—VIII вв.— В кн.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР (III—IX вв.), с. 354—355.

25. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 313.

26. *Мандельштам А. М.* Средняя Азия в VI—VII вв., с. 356.

27. *Лившиц В. А.* Согдийские документы с горы Муг, вып. II., с. 47, 51; *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент..., с. 32.

28. *Мандельштам А. М.* Средняя Азия в VI—VIII вв., с. 358.

29. *Менандр,* с. 381.

30. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 271, 281.

31. Согдийские документы с горы Муг, вып. II, с. 17, 18, 41.

32. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 319.

33. *Заднепровский Ю. А.* Тюркские памятники в Фергане, с. 270—274; *Булатова В. А.* Руническая надпись из Ферганы, с. 61—62.

34. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 292—294; *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства..., с. 112—114.

35. *Chavannes Ed.* Documents..., p. 126.

36. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т., I, с. 290—291.

37. *Chavannes Ed.* Documents..., pp. 35, 226.

38. *Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии..., с. 9.

39. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 135.

40. *Chavannes Ed.* Documents..., pp. 74, 280.

41. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 294.

42. *Малявкин А. Г.* Историческая география..., с. 10.

43. *Chavannes Ed.* Documents..., pp. 43—44. 79—80.

44. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 240.

45. История таджикского народа, т. II, кн. I, с. 98.

46. *Наршахи* /Перев. Н. Лыкошина.

47. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 35.

48. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, с. 66—67.

49. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 353.

50. *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов...

51. *Кляшторный С. Г.* Стелы Золотого озера, с. 258—267.

52. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности, с. 68—69.

53. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 153.

54. *Бартольд В. В. К* истории арабских завоеваний в Средней Азии, с. 382.

55. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 298.

56. *Кадырова Т.* Из истории крестьянских восстаний..., с. 70—71.

57. *Якубовский А. Ю., Большаков О. Г.* Борьба народов Средней Азии против арабских завоеваний. — В кн.: Очерки истории СССР (III—IX вв.), с. 429.

58. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 247—248.

59. *Кадырова Т.* Из истории крестьянских восстаний..., с. 86—88.

60. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 248.

61. *Кадырова Т.* Из истории крестьянских восстаний..., с. 42, 93.

62. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 76.

63. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с.144.

64. Есть мнение, что Кюль-чор и Курсуль бага тархан разные лица. См.: *Gibb H. A. R.* The Arab conquests..., p. 91.

65. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 251.

66. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 347; *Ecsedy I.* A contribution to the History of Karluks..., pp. 29—32.

67. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 29.

68. *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись, с. 94.

69. Подробнее см.: *Большаков О. Г.* К истории Таласской битвы (751 г.), с. 132—136.

70. Атлах — большой средневековый город, развалины его (Джуван-Тобе) расположены в Манасском районе Таласской области. См.: *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии, с. 68.

71. *Малов С. Е.* Памятники... Монголии и Киргизии, с. 41—42.

72. *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен..., с. 122—129.

73. МИТТ, т. I, 1939, с. 178; *Шаниязов К.* Узбеки — карлуки, с. 15, 21, 22, 24, 28. Впоследствии карлукские племена ассимилировались среди других народов, часть их ныне живет под тем же наименованием в пределах Узбекской, Таджикской ССР и в Афганистане.

74. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с. 71.

75. *Караев О.* Арабские и персидские источники IX—XII вв..., с. 29—61.

76. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 329—330.

77. *Pritsak O.* Von den Karluk..., s. 277.

78. *Бартольд В. В.* Туркестан..., т. I, с. 260.

79. *Михайлова А. И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в., с. 17—19.

80. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, s. 10.

81. *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись, с. 82—95.

82. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности, с. 36.

83. Термин «ярган» упомянут только в Суджинской эпитафии. См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности, с. 76—77.

84. *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута, с. 132, 143.

85. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 229.

86. История агван Моисея Каганкатваци, с. 131.

87. *Кадырова Т.* Из истории крестьянских восстаний..., с. 42.

88. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 284.

89. *Кибиров А. К.* Работы Тяньшанского археологического отряда...

90. *Наршахи.* /Перев. Н. Лыкошина, с. 12—13.

91. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности..., с. 36—37.

92. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с. 23.

93. *Идриси*/Перев. А. Жобера.

94. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского.

95. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, s. 333.

96. *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей..., с. 98; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten..., Bd. I, s. 453.

97. *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей..., с. 97, 102.

98. *Кляшторный С. Г.* Рунические надписи из кургана Аржан II, с.184.

99. *Агаджанов С. Г.* Очерки..., с. 90.

100. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 83.

101. *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок IX в., с. 235.

102. *Мокрынин В. П.* Сведения о тюркских народах..., с. 205.

103. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. I, с. 238.

104. *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе..., с. 92.

105. *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок IX в., с. 241.

106. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии, с. 162.

107. *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане, с. 98.

108. МИКК, вып. 2. Рукопись /Перев. С. М. Бацневой.

109. Там же, вып. I, с. 42—43. О населении городов Чуйской долины в раннем средневековье см.: *Мокрынин В. П.* Беловодский некрополь, с. 51—53.

110. МИКК, вып. 2. Рукопись /Перев. С. М. Бацневой.

111. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 76.

112. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 45—57.

113. *Clauson G.* Ak Beshim — Suyab, pp. 1—13; *Байпаков К. М.* О древних городах Суяб и Баласагун, с. 70—73; *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии, с. 56—59.

114. *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим..., с. 237; *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города..., с. 78.

115. Согдийские документы с горы Муг, вып. II..., с. 24—25.

116. *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане, с. 101.

117. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 49—50.

118. МИКК, вып. 2. (в печати).

119. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 34—35.

120. МИКК, вып. 2. (в печати).

121. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 254; Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году, с. 218.

122. МИКК, вып. 1, с. 31—32.

123. Там же, вып. 2. (в печати).

124. См.: *Брыкина Г. А.* Карабулак..., с. 115; *Негматов Н. Н.* Государство Саманидов, с. 38—46.

125. *Лившиц В. А.* Согдийцы в Семиречье, с. 80—81.

126. *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента, с. 187—188.

127. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 269—270; *Массон М. Е.* Старый Сайрам, с. 41.

128. *Винник Д. Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины, с. 97—101.

129. *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфаринского района, с. 183.

130. *Массон М. Е.* Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии, с. 38—48; *Литвинский Б. А.* Горные инструменты из коллекций Ленинабадского краеведческого музея, с. 83—91; *его же.* Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии..., с. 119—171; *Сургай В. Т.* К истории горного промысла в Киргизии.; *Бубнова М. А.* Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи, с. 225—262; *ее же.* Горно-металлургическая область Шельджи в IX—XII вв.; *Буряков Ю. Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака; *Мокрынин В. П., Плоских В. М., Ратман В., Бубнова М. А.* Средневековые рудознатцы, с. 88—109.

131. *Распопова В. И.* Гончарные изделия... Чуйской долины, с. 140.

132. *Риттер К., Григорьев В. В.* Восточный или Китайский Туркестан, с. 133.

133. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., с. 293.

134. *Негматов Н. Н.* Государство Саманидов..., с. 83

135. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 82.

136. Там же.

137. *Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим..., с. 544—548. Подробнее о торговле Средней Азии и Киргизии см.: *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда; *Мокрынин В. П.* Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.), с. 99—122; *Мокрынин В. П., Федоров М. Н.* Из истории торговых отношений Киргизстана..., с. 135—145.

138. *Давидович Е. А.* Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. с. 131.

139. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. — Соч., т. II, ч. I, с. 37—38.

140. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 132.

141. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии, с. 256—268. Другие исследователи допускают возможность проживания в Мерве и Самарканде в X в. до 150—200 тысяч человек. См.: История таджикского народа, т. II, кн. I, с. 146; *Шишкин В. А.* Афрасиаб..., с. 32.

142. *Петров К. И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в., с. 162, табл. 1.

143. Согдийские документы с горы Муг, вып. II, с. 17—45.

144. *Наршахи* /Перев. Н. Лыкошина, с. 42.

145. *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг», с. 18.

ГЛАВА V

1. *Бартольд В. В.* Туркестан..., ч. I. Тексты, с. 130.

2. Там же, с. 130—131.

3. *Pritsak O.* Die Karachaniden..., s. 24—25.

4. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 132—133.

5. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 64, 66, 118, 141, 387, 399.

6. *Махмуд Кашгарский.* Цит. по: *Стеблева И. В.* К анализу типа повествования в поэтических текстах из «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари, с. 323.

7. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. III, с. 199.

8. *Махмуд Кашгарский.* Цит. по: *Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке, с. 249, 253.

9. Там же, с. 248.

10. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. I, с. 64.

11. *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание /Изд. подготовил С. Н. Иванов. М., 1983, с. 210.

12. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. III, с. 247.

13. *Махмуд Кашгарский.* Цит. по: *Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм, с. 248, 249, 251.

14. Там же, с. 247.

15. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 157, 362.

16. *Махмуд Кашгарский.* Цит. по: *Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм, с. 247.

17. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 150, 347, 376, 384; т. III, с. 149, 373.

18. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с. 104.

19. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 409.

20. *Бартольд В. В.* Богра-хан, с. 507.

21. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 308, 320.

22. МИКК, вып. 1, с. 56.

23. *Бартольд В. В.* Богра-хан, с. 507.

24. *Бейхаки.* /Перев. А. К. Арендса, с. 566.

25. МИТТ, т. 1, с. 141—144, 223—226.

26. Там же, с. 226—227, 360—361.

27. *Утби-Джербадекани.* /Изд. Али Кавима, с. 204.

28. *Наршахи.* /Изд. Шефера, с. 231.

29. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 336; *его же.* Туркестан..., ч. 1. Тексты, с. 133.

30. *Vasmer R.* Zur Münzkunde..., s. 84 и след.

31. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 311.

32. *Vasmer R.* Zur Münzkunde..., s. 93—96 и след.

33. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 344.

34. *Бейхаки* /Перев. А. К. Арендса, с. 207—216, 378, 487.

35. МИКК, вып. 1, с. 60.

36. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 44.

37. *Pritsak O.* Die Karachaniden..., s. 26, 28, 30—31; *его же.* Karachanidische Streifragen..., s 228.

38. *Давидович Е. А.* О двух караханидских каганатах, с. 69—74.

39. *Ибн ал-Асир.*/Изд. Торнберга с. 212.

40. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 377.

41. *Ибн ал Асир* /Изд. Торнберга, с. 113—114.

42. МИКК, вып. 1, с. 62—63.

43. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 380.

44. МИКК, вып. 1, с. 59.

45. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 44.

46. *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства..., с. 56; *Воробьев М. В.* Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия, с. 36—37; *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров..., с. 73, 77.

47. МИКК, вып. 1, с. 65; *Бартольд В. В.* Киргизы..., с. 502.

48. *Бартольд В. В.* Киргизы..., с. 502.

49. *Бартольд В. В.* Туркестан..., ч. 1. Тексты, с. 133.

50. *Бартольд В. В.* Киргизы..., с. 503.

51. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 389—390.

52. *Кибиров А. К.* Археологические памятники Чаткала, с. 50—52.

53. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с. 106.

54. МИКК, вын. 1, с. 66.

55. Там же, с. 67.

56. *Давидович Е. А.* Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов..., с. 182, 183.

57. *Давидович Е. А.* Нумизматическая коллекция Ленинабадского музея, с. 72, 78.

58. *Давидович Е. А.* Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии..., с. 114.

59. *Ибн ал-Асир* /Изд. Торнберга, т. XII, с. 125.

60. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 431.

61. *Бартольд В. В.* Туркестан..., ч. 1. Тексты, с. 133.

62. *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии, с. 93—94; *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз, с. 170; Худуд ал-алам/Перев. В. Минорского, с. 116; *Агеева Е. И.* Раскопки на городище Баба-Ата..., с. 79; *Макарова Л. А.* Кости животных..., с. 206.

63. *Брыкина Г. А.* К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы..., с. 92.

64. *Негматов Н. Н.* К проблеме компактных селений Уструшаны..., с. 150, 152, 156.

65. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского, с. 96, 97, 99.

66. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 346, 349, 397 и т. д.

67. *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание /Изд. подготовил С. Н. Иванов. М., 1983, с. 339.

68. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского, с. 99.

69. *Ал-Мас'уди.* Ахбар аз-заман, с. 75.

70. *Махмуд Кашгарский.* Цит. по: *Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм, с. 262, 263.

71. *Закария Казвини.* Аджаиб ал-махлукат, с. 392.

72. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского, с. 95,97, 98.

73. *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения..., с. 159; *Винник Д. Ф.* Исследования в Чуйской долине, с. 581.

74. *Якут.* Му'джам..., с. 879.

75. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 86, 146, 416; т. III, с. 260.

76. Там же, с. 70, 254.

77. Там же, т. 1, с. 88, 104, 144, 354, 365, 380, 464; т. III, с. 251.

78. Там же, т. 1, с. 162, 349, 385, 398, 408, 447, 473; Древнетюркский словарь, с. 120, 462, 592.

79. *Низам ал-мульк* /Перев. Б. Н. Заходера.

80. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 191.

81. МИТТ, т. 1, с. 366.

82. МИКК, вып. 1, с. 67.

83. *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 414—415.

84. *Большаков О. Г.* Надгробие 541/1146 г..., с. 10—11.

85. *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда, с. 90.

86. История таджикского народа, т. II, кн. 1, с. 251, 252.

87. *Наршахи*/Перев. Р. Фрая, с. 33.

88. *Бартольд В. В.* Богра-хан, упомянутый в Кутадгу билик, с. 422—423.

89. *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране..., с. 276, 277.

90. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 28, с. 221.

91. *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 646—648, 818.

92. Там же, с. 820.

93. Там же, с. 468, 472, 474, 792, 808.

94. *Хидая.* Комментарии мусульманского права, т. 1, с. 210; т. II, с. 188—189, 285, 286.

95. *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 244, 328, 674, 923.

96. *Ибн ал-Асир* /Изд. Торнберга, т. X, с. 348.

97. *Бейхаки* /Перев. А. К. Арендса, с. 671, прим. 30.

98. *Литвинский Б. А.* О некоторых моментах развития средневекового города..., с. 62; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии, с. 310.

99. *Кожемяко П. Н.* Из истории раннесредневековых поселений..., с. 156.

100. *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим..., с. 155.

101. *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз, с. 66.

102. *Кибиров А. К.* Археологические памятники Чаткала, с. 58—59, 61; *его же.* О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра, с. 134; *Бубнова М. А., Мокрынин В. П.* Горно-металлургический комплекс Чакмак-Суу, с. 567—568.

103. *Махмуд Кошгарий,* т. I, с. 99.

104. *Ал-Бируни,* Минералогия..., с. 244.

105. *Махмуд Кошгарий,* т. I, с. 131, 371.

106. *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 666—667.

107. *Ал-Бируни.* Минералогия..., с. 184.

108. *Закария Казвини.* Аджаиб ал-махлукат, с. 392; *Якут.* Му'джам, т. V, с. 450.

109. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского..., с. 116.

110. *Якут.* Му'джам, т. 1, 1866, с. 238.

111. *Ал-Мукаддаси,* с. 275.

112. *Массон М. Е.* К истории горного дела..., с. 27, 29, 31.

113. *Закария Казвини.* Аджаиб ал-махлукат, с. 405.

114. *Бубнова М. А.* Изучение памятников, с. 206—207.

115. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 164, 352, 367; *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 658.

116. *Давидович Е. А.* Монетные находки на территории Таджикистана..., с. 250—261.

117. *Давидович Е. А.* О двух караханидских каганатах...; с. 76; *ее же.* Из области денежного обращения в Средней Азии..., с. 104.

118. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 328; т. III, с. 141, 244; *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 347, 758.

119. *Юсуф Баласагунский.* Цит. по: *Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм, с. 263.

120. *Якубовский А. Ю.* Вопросы периодизации истории Средней Азии..., с. 40.

121. *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 396—408; *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. III, с. 391.

122. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, с. 390—391.

123. *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 412. 428, 450, 622; *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 155, 359.

124. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 288—291.

125. *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг, с. 788—799.

126. Там же, с. 374—396.

127. Там же, с. 152.

128. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. III, с. 140.

129. *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание, с. 210.

130. *Махмуд Кошгарий,* т. I, с. 148.

131. *Бартольд В. В.* Богра-хан, упомянутый в «Кутадгу билик», с. 422.

132. *Махмуд Кошгарий.* Девону луготит турк, т. 1, с. 382.

ГЛАВА VI

1. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten..., s. 471—472.

2. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу..., с. 124; *Мокрынин В. П.* О культурном влиянии тюрок на Согд.

3. *Дестунис С.* Византийские историки, с. 378—379.

4. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба, с. 22—25, рис. 5, 7.

5. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б.* Из истории среднеазиатского шелкоткачества..., с. 71.

6 О поясах — знаках различия у древних тюрков см.: *Распопова В. И.* Поясной набор Согда..., с. 78—91.

7. *Мокрынин В. П.* О женских каменных изваяниях..., с. 113—119.

8. *Ал-Бируни.* Минералогия..., с. 184.

9. *Marquart J.* Skizzen..., s. 290.

10. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., с. 230.

11. *Батманов И. А.* Таласские памятники древнетюркской письменности.

12. *Лиешиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности, с. 3—13.

13. *Кляшторный С. Г.* О датировке рунических памятников Таласа, с. 43—44.

14. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 148.

15. *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири, с. 7—31.

16. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья, с. 10.

17. Подробно о религиозно-мифологических воззрениях древних тюрков см.: *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты..., с. 117—138; *Стеблева И. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы, с. 213.

18. История Агван Моисея Каганкатваци..., с. 204—205.

19. *Длужневская Г. В.* Еще раз о «кудыргинском валуне», с. 236—237; *Мокрынин В. П.* Каменные изваяния..., с. 9—13.

20. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 103—106; *Clauson G.* Turks and wolves, pp. 1—22.

21. *Дестунис С.* Византийские историки, с. 376.

22. *Ал-Бируни.* Минералогия..., с. 205.

23. Подробнее см.: *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние..., с. 244—255.

24. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья, с. 25—27; *Мокрынин В. П.* Каменные изваяния..., с. 7—8.

25. *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние..., с. 248—255.

26. *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута, с. 132—133; *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-тепа, с. 119.

27. *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств..., с. 98.

28. *Малов С. Е.* Памятники... Монголии и Киргизии, с. 60—61.

29. *Самойлович А. Н.* К вопросу о двенадцатилетнем цикле..., с. 156.

30. *Захарова И. В.* Двенадцатилетний животный цикл..., с. 58—65.

31. *Малов С. Е.*, Памятники... Монголии и Киргизии, с. 77—78.

32. *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута, с. 137; *Цыбульский В. В.* Современные календари..., с. 146—147.

33. *Селешников С. И.* История календаря..., с. 109.

34. *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города...; *его же.* Оседлые поселения Таласской долины; *Винник Д. Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины.

35. *Апарбаев А.* Благоустройство средневекового города Средней Азии, с. 8.

36. *Bernard P.* Fouilles d'Ai-Khanoum (Afghanistan...), p. 298.

37. Чуйская долина, с. 49—50. Новая датировка комплекса приведена в работе: *Бернштам А. Н.* В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня, с. 295; *Горячева В. Д.* Дома древней столицы, с. 57.

38. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 159, 224—225.

39. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры, с. 12 и сл.

40. *Брыкина Г. А.* Карабулак, с. 30—39.

41. *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим...; *Зяблин Л. П.* Второй буддийский храм...

42. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня, с. 151.

43. *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-тепа, с. 119 и сл.

44. *Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии..., с. 86—87.

45. *Воронина В. Л.* Доисламские культовые сооружения..., с. 53—54.

46. *Литвинский Б. А.* Из области идеологии кушанской Бактрии; *Пугаченкова Г. А., Ртveладзе Э. В.* и др. Дальверзин-тепе..., с. 97—114.

47. *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества..., с. 16.

48. *Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И.* История искусств Узбекистана..., с. 222—223.

49. *Маньковская Л Ю.* Типологические основы зодчества..., с. 123—124.

50. *Пугаченкова Г. А.* Мавзолей Араб-ата, с. 69—76; *ее же.* Новое по архитектуре средневекового Мерва, с. 246; *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский центрический мавзолей..., с. 65—70.

51. Памятники открыты в 1970—1972 гг. См.: *Винник Д. Ф.* Башня Бурана; *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры...

52. Узгенские памятники нашли большое отражение в литературе. Наиболее значимые работы: *Засыпкин Б. Н.* Изучение древних сооружений Средней Азии; *его же.* Памятники Узгента; *Денике Б. П.* Искусство Средней Азии; *Kohn-Wiener E.* Turan...; *Якубовский А. Ю.* Две надписи на Северном мавзолее...; *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии; *его же.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня...; *Крюков К. С.* Реконструкция Среднего Узгендского мавзолея.

53. Новое прочтение надписей на портале принадлежит В. Н. Настичу.

54. Датировка памятника монголо-тимуридским временем пересмотрена рядом исследователей на «домонгольскую». Об этом см.: *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры...

55. *Маньковская Л. Ю.* Хазира — комплексы Центральной Азии, с. 102—103.

56. *Кожемяко П. Н.* Караван-сарай на р. Манакельды, с. 53—59; *Винник Д. Ф.* Караван-сарай Сан-Таш, с. 60—63.

57. *Перегудова С. Я.* К тайнам Таш-Рабата; *Иманкулов Дж.* Из истории изучения Таш-Рабата. Основная литература о памятнике: *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии; *Пугаченкова Г. А.* О Таш-Рабате; *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии...

58. *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества..., с. 160.

59. *Рempель Л. И.* Искусство Среднего Востока, с. 70.

60. *Пугаченкова Г. А.* К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана, с. 63.

61. *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда, с. 100.

62. *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда, с. 70.

63. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро; *Даркевич В. П., Маршак Б. И.* О так называемом сирийском блюде из Пермской области; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. VIII—XIII вв., с. 26—29; *Frye R. N.* Historical Notes..., p. 39.

64. *Ремпель Л. И.* Рец. на: *Маршак Б. И.* Согдийское серебро; *Пугаченкова Г. А.* О датировке и интерпретации трех предметов «Восточного серебра»...

65. *Иванов А. А., Кожомбердиев И. К.* Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе.

66. *Лившиц В. А.* Согдийцы в Семиречье, с. 78—79.

67. *Лившиц В. А., Хромов А. Л.* Среднеиранские языки, с. 347—514; *Лившиц В. А.* Первая согдийская азбука.

68. Приводится уточненное В. А. Лившицем чтение легенд из находок 1978—1980 гг. на Краснореченском городище. О типах тюргешских монет см.: *Смирнова О. И.* О классификации и легендах тюргешских монет; *ее же.* Сводный каталог согдийских монет.

69. *Лившиц В. А.* Письменность древней Ферганы; *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы, с. 56—57; *его же.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане.

70. См.: *Бернштам А. Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы.; *Заднепровский Ю. А.* Тюркские памятники в Фергане; *Булатова В. А.* Руническая надпись... из Ферганы.; *Батманов И. А.* Таласские памятники древнетюркской письменности..., с. 24—25; *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана..., с. 131—133.

71. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 22, с. 307.

72. *Беленицкий А. М.* Вопросы идеологии и культов Согда, с. 36.

73. *Бартольд В. В.* К вопросу о языках согдийском и тохарском, с. 465 и сл.

74. *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пянджикентский некрополь, с. 89.

75. *Бируни Абурейхан.* Избранные произведения, т. I, с. 227, 236.

76. *Омар Хайам.* Трактаты, с. 189.

77. *Брагинский И. С.* Исследования по таджикской культуре, с. 113.

78. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований..., с. 110—111.

79. *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-тепа, с. 129 и сл., *Литвинский Б. А.* Проблематика истории и культуры буддизма...

80. *Gabain A. von.* Der Buddhismus..., s. 506—507.

81. *Маршак Б. И.* Индийский компонент в культовой иконографии Согда, с. 108—109.

82. *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане..., с. 287, 294.

83. Там же, с. 286 и сл.

84. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 131.

85. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана..., с. 110—113.

86. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс, с. 13.

87. Подробнее см.: *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна...; *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу-билиг».

88. *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература, с. 268.

89. *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Словарь тюркских языков», с. 26.

90. *Якут.* Му'джам, т. I, с. 162, 404, 708; т. II, с. 95; т. III, с. 233; т. IV, с. 227.

91. Подробнее см.: *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк»., *Кляшторный С. Г.* Эпоха Махмуда Кашгарского.

92. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности..., с. 321.

93. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 139.

ГЛАВА VII

1. *Джувейни*/Изд. Казвини, с. 32—33; «Юаньши»,— «История (династии) Юань», гл. 122, л. 2б. Биография Барджука.

2. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН. т. 1, кн. 2, с. 163.

3. *Джувейни*/Изд. Казвини, с. 57; *Джамал ал-Карши.* Мулхакат ассурах. Цит. по кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан..., ч. 1. Тексты, с. 136.

4. *Джувейни* /Изд. Казвини, с. 33, 40—43; *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. 1, кн. 2, с. 198.

5. *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг...

6. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. 1, кн. 2, с. 274—276.

7. *Плано Карпини* /Перев. Н. П. Шастиной, с. 73.

8. Сокровенное сказание /Изд. С. А. Козина, с. 161.

9. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 137.

10. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 201. Изложение династийной борьбы Чингизидов у Джамал ал-Карши. Мулхакат ас-сурах. Цит. по кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан...; *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II. с. 156—171; *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол при Хубилае..., с. 323—334.

11. *Рубрук* /Перев. Н. П. Шастиной, с. 126.

12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 724.

13. *Марко Поло.* Путешествие, с. 211—212.

14. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 100.

15. *Рашид ад-дин,* т. I, кн. 2, с. 276. На подвластную Хайду-хану территорию переселилось много царевичей-Чингизидов разных родов, служивших ему в качестве вассалов, в том числе и Тулуевичей, как, например, внук Мункэ-хана, Тура-Тимур, сын Арик-Буки, Мелик-Тимур.

16. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 16.

17. *Джамал ал-Карши.* Мулхакат ас-сурах. Цит. по кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 138.

18. *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране..., с. 49—52.

19. *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии...

20. *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов..., с. 61.

21. Там же, с. 64.

22. Там же.

23. Там же, с. 61.

24. Там же, с. 62.

25. *Малявкин А. Г.* Уйгурское Турфанское княжество...

26. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 68.

27. *Марко Поло.* Путешествие, с. 214—215; *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 13—16.

28. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. Фотокопия рукописи ЛО ИВ АН, В—82, л. 11-а/2.

29. Описание военных действий у Низам ад-дина Шами, Шараф ад-дина Али Йезди, Муин ад-дина Натанзи, Абд ар-Раззака Самарканди и др. Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1, с. 102—148, 119—126.

30. *Йезди* /Перев. О. Ф. Акимушкина, с. 131.

31. Там же, с. 138—139.

32. *Шами* /Перев. О. Ф. Акимушкина, с. 101—111.

33. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. ФВ-337, л. 25б—26а /Перев. Мокеева А.

34. *Абд-ар-Раззак Самарканди* /Перев. О. Ф. Акимушкина, с. 158.

35. *Мирза Мухаммед Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Рукопись ЛО ИВ АН С-395, л. 50б.

36. Там же, л. 51б.

37. Там же, л. 56б—57.

38. *Бартольд В. В.* Киргизы..., с. 514.

39. *Мирза Мухаммед Хайдар,* л. 83.

ГЛАВА VIII

1. Историографию проблемы этногенеза киргизского народа, включая гипотезы об этимологии этнонима «кыргыз», см. во Введении.

2. *Заднепровский Ю. А.* Памятники андроновской культуры, с. 213—232.

3. Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности, с. 3—5.

4. *Кибиров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане.

5. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. II, с. 188.

6. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы, с. 49—65.

7. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 132.

8. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 53.

9. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков..., с. 7.

10. *Борисов А. Я.* Сирийская надпись... из Тараза, с. 105—108; *Семигова Т. Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья..., с. 62—66.

11. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 126—135.

12. *Распопова В. И.* Металлические изделия..., с. 103—109; *Мокрынин В. П.* Западнотюркский каганат и вассалы, с. 73—74.

13. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 81, 84.

14. *Лившиц В. А.* Согдийские тексты, документы, эпиграфика (в печати). Подробнее см. гл. VI настоящего издания.

15. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 131.

16. В Семиречье известна лишь одна руническая надпись, выполненная на фрагменте керамики, которую можно связать с городской культурой. Она найдена близ г. Джамбула и хранится в фондах археологического музея Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. На фрагменте читается «Атлах», название одного из городов в Таласской долине, известного по арабским источникам (чтение С. Г. Кляшторного).

17. *Кляшторный С. Г.* Эпоха Махмуда Кашгарского, с. 21.

18. *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг», с. 82.

19. См.: *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна..., с. 3—12; *Валитова А. А.* К вопросу о классовой природе караханидского государства, с. 127—136; *ее же.* Юсуф Баласагунский..., с. 56—63.

20. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с. 93.

21. *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат»..., с. 12—13.

22. *Волин С.* Сведения арабских источников..., с. 83.

23. Там же, с. 84.

24. *Худуд ал-алам*/Перев. В. Минорского, с. 306.

25. История Казахской ССР, т. 1, с. 372.

26. Там же, с. 373.

27. *Черников С. С.* К изучению древней истории Восточного Казахстана, с. 19—20; *Арсланова Ф. Х.* Бобровский могильник, с. 80—83; *ее же.* Памятники Павлодарского Прииртышья..., с. 98—111.

28. *Агеева Е.. Джусупов А.* Интересная находка; *Арсланова Ф. Х.* Курганы с трупосожжением...; *Кызласов Л. Р.* Тюхтятская культура..., с. 54—58; *Троицкая Г. Н.* Об этногенезе племен лесостепного Приобья..., с. 183—185.

29. *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв...; *его же.* Аскизская культура..., с. 200—207.

30. *Савинов Д. Г.* Расселение кимаков в IX—X вв..., с. 94—104.

31. *Худуд ал-алам* /Перев. с персидского З. Н. Ворожейкиной — МИКК, вып. 1, с. 42.

32. *Марвази...* с. 30, 104.

33. *Кызласов И. Л.* Аскизская культура, с. 200—207.

34. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 1, с. 354.

35. *Троицкая Т. Н.* Погребения с трупосожжением конца I тыс. н. э. на р. Уени..., с. 121—130.

36. *Худуд ал-алам* /Перев. с персидского З. Н. Ворожейкиной. — МИКК, вып. 1, с. 40.

37. Там же, с. 41.

38. *Савинов Д. Г.* Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае, с. 161—169; *Арсланова Ф. Х.* Курганы с трупосожжением..., с. 56—76.

39. *Бартольд В. В.* Извлечение из... «Зайн ал-ахбар», с. 47.

40. *Рашид ад-дин* /Критический текст А. А. Ромаскевича и др., т. 1, ч. 1, с. 346—347.

41. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, с. 124—125.

42. Там же, с. 131.

43. Сокровенное сказание /Изд. С. А. Козина, с. 174.

44. *Рашид ад-дин* /Критический текст А. А. Ромаскевича и др., т. 1, ч. 1, с. 292, 347.

45. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ..., с. 44—45, 106.

46. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. II, с. 201.

47. *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Рунническая надпись на зеркале..., с. 306—315.

48. *Баскаков Н. А.* Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон..., с. 79—83.

49. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. I, кн. 1, с. 123.

50. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков..., с. 219.

51. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 83.

52. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского, с. 195—196. Об этнониме телес у алтайцев и киргизов см.: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев..., с. 159—166.

53. *Худуд ал-алам* /Перев. В. Минорского, с. 62.

54. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Карты на с. 131, 143.

55. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар, т. VI, ч. 4, ксерокопия рук. № 575 биб-ки «Индиа Оффис» (Англия). Ксерокопия хранится в ЛО ИВ АН СССР под шифром ФВ1337, л. 25а, 28б. Следует отметить, что Махмуд ибн Вали, описывая эти же события, связанные с походами Пулад-хана против киргизов Моголистана в начале VI в., в другой части своего сочинения называет киргизов общим для всех могольских племен наименованием «чагатаи» (см.: Бахр ал-асрар, рук. № 1385 ИВ АН УзССР, л. 122б).

56. Сиюй чжи, кн. 1, с. 18. Здесь и далее переводы из китайских источников осуществлены Г. П. Супруненко.

57. Тарих-и-Рашиди, рук. № 1430. — ИВ АН УзССР, л. 105а.

58. Там же, л. 85а.

59. Там же. л. 73б.

60. Сиюй чжи, кн. 1, с. 20.

61. Перевод извлечений из Маджму ат-таварих /Перев. с таджикского В. А. Ромодина. — МИКК, вып. 1, с. 209.

62. *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 48—51.

63. *Рашид ад-дин* /Перев. в изд. ИВ АН, т. I, кн. 1, с. 77, 102.

64. *Рашид ад-дин* /Критический текст А. А. Ромаскевича и др., т. I, ч. 1, с. 163—164.

65. [*Hambis L.*]. Documents sur l'Histoire des Mongols..., pp. 98, 103, 135—143.

66. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 76—78.

67. *Хамдаллах Казвини*, Нузхат ал-кулуб /Изд. Ле Стрэнджа, I—II. Значительно позднее тарса упоминается в эпосе «Манас» как одно из тянь-шаньских племен (см.: «Манас», т. III, с. 60—61).

68. *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 14.

69. *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств, с. 120—121; *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 50.

70. *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 42.

71. «Манас», т. 2, с. 140.

72. *Сыдыков А. С.* Родовое деление киргиз, с. 296; *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, рис. 5, 6, 7.

73. В документе тюрки-чаруки упоминаются как жители города Талас (см.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 131).

74. *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим..., с. 196, 209.

75. *Бартольд В. В.* Извлечение из... «Зайн ал-ахбар», с. 46—47; Перевод извлечений из Маджму ат-таварих /Перев. с тадж. В. А. Ромодина.— МИКК, вып. 1, с. 205.

76. «Манас», т. 1, кн. 1, с. 14, 149, 165.

77. Краткая генеалогия киргизских племен, с. 2.

78. *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения..., с. 88.

79. *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 27.

80. *Дебец Г. Ф.* Проблема происхождения киргизского народа..., с. 17.

81. *Венюков М. И.* Очерки Заилийского края..., с. 155—156; *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 15; *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов..., с. 140.

82. *Малов С. Е.* Памятники... Монголии и Киргизии, с. 60—61.

83. *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 26.

84. *Малов С. Е.* Енисейская письменность..., с. 67; *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности..., с. 53.

85. Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, р. II, оп. 4, ед. хр. 35. л. 10а.

86. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 333.

87. *Юнусалиев Б. М.* К вопросу о формировании общенародного киргизского языка, с. 12—45; История Киргизской ССР, т. 1, с. 159—160.

88. *Малов С. Е.* Енисейская письменность..., с. 7.

89. *Убрятова Е. И.* Вопросы диалектологии тюркских языков, с. 86; *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань Ши» о переселениях киргизов..., с. 62—65; *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань..., с. 4—5, 98—103.

90. *Баскаков Н. А.* Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей..., с. 4. Автор именует киргизско-горноалтайскую общность «киргизско-кыпчакской языковой группой».

91. *Баглаков И. А.* Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа. — ТКАЭЭ, т. III, с. 91.

92. Доклады Е. И. Маховой, С. В. Иванова, В. С. Виноградова на сессии 1956 г.— ТКАЭЭ, т. III; см. также: *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 216, 233—236, 276, 290, 306, 314—315, 343, 370 и др.; *Кыдырбаева Р. З.* Генезис эпоса «Манас», с. 72—95.

93. *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав древнего и современного населения Киргизии, с. 74—76; *Миклашевская Н. Н.* Палеоантропология Киргизии, с. 81.

ГЛАВА IX

1. *Солтоноев Б.* Кыргыз казак тарыхы, с. 118—121.

2. Тазкира-йи Ходжа Мухаммед Шариф. Рукоп. ЛО ИВ АН СССР А 237, л. 67а—69а; Перевод извлечений из Мунтахаб ат-таварих Мухаммеда Хаким-хана. — МИКК, вып. I, с. 235.

3. Early voyages and travels to Russia... by Antony Jenkinson..., v. I, p. 90—91.

4. *Салахетдинова М. А.* Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ»..., с. 176.

5. *Бадр-ад-дин Кашмири.* Равзат ар-Ризван, рукоп. № 2094. ИВ АН УзССР, л. 233б.

6. *Искандер Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси, с. 407; *Мухаммед-Хаким-хан.* Мунтахаб ат-таварих, рукоп. ЛО ИВ АН СССР, с. 470, л. 173а.

7. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар, т. VI, ч. 4, ксерокопия рукоп. № 575 библиотеки «Индиа Оффис» (Англия). Ксерокопия хранится в ЛО ИВ АН СССР под шифром ФВ 337.

8. *Бахр ал-асрар.* ФВ 337, л. 73а.

9. *Имамкули хан-намэ,* рукоп. ИВ АН УзССР, № 89, с. 139а.

10. *Бахр ал-асрар.* ФВ 337, л. 108б—109б.

11. *Бахр ал-асрар.* ФВ 337, л. 110а.

12. *Бахр ал-асрар.* ФВ 337, л. 219а, 292а.

13. *Бахр ал-асрар.* ФВ 337, л. 277а.

14. *Махмуд Чурас* /Перев. О. Ф. Акимушкина, с. 221—222.

15. Там же, с. 276.

16. *Тарих-и Кашгар,* рукоп. ЛО ИВ АН СССР, В 2472, л. 122а.

17. *Салахетдинова М. А.* Сообщения о киргизах в «Хидайат-намэ».... с. 135.

18. Перевод извлечений из Тарих-и Кашгар. — МИКК, вып. I, с. 223; Тарих-и Кашгар, рукоп. ЛО ИВ АН СССР, с. 576, л. 104а.

19. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. —*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 188.

20. *Сакбон Раднабатор.* Лунный свет... /Перев. с ойратского Г. Н. Румянцева, с. 37.

21. Тарих-и Бадахшан/Изд. А. Н. Болдырева, с. 29, 37, 39.

22. *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и ходжаган»..., с. 103.

23. *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония...

24. *(Тагирджанов А. Т.)* «Собрание историй» Маджму ат-таварих...,

с. 56б, 57а; *Мокеев А. М.* Шейх Мансур ал-Халладж и его место в генеалогиях киргизского народа, с. 60—61.

25. Шаджара-йи насаб намэ-йи илатийа. Рук. фонды Ин-та истории АН КиргССР, № 88—1980.

26. Сиюй чжи, кн. 1, с. 20.

27. *Imbault-Huart C.* Recueil de documents..., 152.

28. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 46, с. 480.

29. Сиюй вэнь цзянь лу, цз. 4, с. 7.

30. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии..., с. 22—23.

31. Сиюй чжи, с. 21.

32. *Dor R.* Contribution à l'étude des Kirghiz..., p. 92; *Мокеев А. М.* Рецензия на книгу R. Dor'a..., с. 180.

33. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь, с. 440.

34. Сиюй чжи, книга 3, с. 2—3.

35. Там же.

36. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 2, с. 1424.

37. Там же, т. IV, ч. 1, с. 949.

38. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь, с. 317.

39. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 1, с. 988.

40. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь, с. 655, 664.

41. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 97; *его же.* Киргизы, с. 517; *Султанов Т. И.* Краткое описание сочинения Сейфи..., с. 49.

42. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн..., с. 33.

43. Имамкули хан намэ, рукоп. ИВ АН УзССР, № 89, л. 75б.

44. *Вяткин М. П.* Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна, с. 241—244.

45. Сиюй чжи, с. 161.

46. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь, с. 239.

47. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн..., с. 33.

48. Сиюй чжи, с. 149.

49. Динамика современных береговых процессов озера Иссык-Куль, с. 228.

50. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн..., с. 19.

51. *Миллер Г. Ф.* Известие о песошном золоте в Бухарии..., с. 416.

52. Цит. по кн.: *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв., с. 87.

53. Early voyages and travels to Russia... by Antony Jenkinson..., v. 1, p. 90—91.

54. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи... с. 79.

ГЛАВА X

1. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Описание Чжуньгарии..., с. 147—148.

2. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии..., с. 109.

3. ПТКЛА, год 20, вып. 2, с. 117.

4. *Куропаткин А. Н.* Кашгария..., с. 93.

5. Очерки истории Китая..., с. 549.

6. *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства..., с. 72—73.

7. «Пинчжунь...», чжэнбянь (основная часть), цз, 49, с. 25а—26б.

8. См.: *Гуревич Б. П.* Великоханьский шовинизм..., с. 52.

9. *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии..., с. 165—166.

10. Манас. Великий поход...; *Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я.* Некоторые аспекты истории Киргизии..., с. 59—60.

11. «Шилу...», цз. 663, с. 8б; цз. 670, с. 17б.

12. «Шилу»..., цз. 1238, с. 6б.

13. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений, т. II, с. 317.

14. *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков...; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири, кн. 2.

15. См.: *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи..., с. 36; *Джамгерчинов Б.* Очерк политической истории, с. 24.

16. См.: *Плоских В. М., Сапаралиев Д.* Новые данные..., с. 67—73.

17. ГАОО, ф. I, оп. I, д. 237; л. 157, 154.

18. ЦГАДА, ф. 15, д. 2, ч. IV, л. 482.

19. Кучаков был награжден 100 рублями, а Шергазы — 25 рублями.

20. ЦГАДА, ф. 15, д. 2, ч. IV, л. 486—487.

21. ГАОО, ф. I, оп. I, д. 249, л. 592; д. 262, л. 835—836.

22. Там же, д. 250, л. 316—317.

23. *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков, т. СХП, с. 26—30.

24. ГАОО, ф. I, оп. I, д. 262, л. 833.

25. Там же, д. 262, л. 831, 836.

26. Там же, д. 265, л. 447.

27. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв...., с. 147.

28. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 69.

29. МИКК, вып. I, с. 230—231.

30. ПТКЛА, год 20-й, вып. 2, с. 106—109.

31. Там же, с. 117.

32. См.: *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань, ч. 1—2, с. 427.

33. *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков... с. 26—30.

34. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи..., с. 103.

35. МИКК, с. 227.

36. Там же, с. 229.

37. *Dor R.* Contribution à l'étude des Kirghiz..., гл. II.

38. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи..., с. 42—49.

39. *Галицкий В. Я.* История города Пишпека..., с. 20.

40. *Зибберштейн Ф. К.* Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна, с. 249.

41. Там же.

42. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 2, с. 325—326.

43. Там же, с. 326.

44. АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. I, л. 36.

45. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. I, с. 374.

46. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24766, л. 23.

47. *Holdsworth M.* Turkestan in the nineteenth century..., p. 5.

48. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. I, д. 34947, л. 2.

49. «Report of a Journey to Kokan». Letter № 83..., p. 10.

50. *Венюков М. И.* Военно-статистические очерки, с. 12.

51. *Bacqué-Grammont J.-L.* Turan..., p. 212.

52. «Report of a Journey to Kokan». Letter № 83..., p. 11.

53. *Bacqué-Grammont J.-L.* Turan..., p. 207.

54. *Wood Y.* A Journey to the Source of the River Oxus, p. 207—225.

55. *Dubeux M.* Tartarie, Beloutchistan..., p. 110; *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии, с. 318; *Венюков М. И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии, вып. I, с. 304; *Schuyler. E. Turkistan; Костенко Л.* Военно-научная экспедиция на Алай и Памир, с. 50; *Radloff W. Aus Sibirien...* s. 237—238; *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава, с. 443—444. См. также: *Плоских В. М.* Динамика численности населения Киргизии за сто лет, с. 20—22; *Bacqué-Grammont J.-L.* Turan..., p. 208—209.

56. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, с. 214.

57. *Куропаткин А. Н.* Кашгария, с. 116.

58. ГАОО, ф. 3, оп. I, д. 970, л. 12.

59. ЦГВИА, ф. 1441, оп. I, д. 128, л. 65.

60. *Каллаур В. А.* К истории города Аулиеата, с. 12.

61. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань..., с. 268.

62. *Загряжский Г.* Очерки Токмакского уезда.

63. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. т. I, с. 378.

64. «Report of a Journey to Kokan», p. 8.

65. *Марков Е.* Фергана, с. 35.

66. *Schuyler E.* Turkistan..., v. 2, p. 137.

67. *Wood Y.* A Journey..., p. 207—225.

68. *Венюков М.* Путешествия по окраинам Русской Азии..., с. 159—160.

69. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. I, с. 333.

70. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь, с. 515.

71. ЦГВИА, ф. 400, АЗ. ч., оп. 1868, л. 16, 20.

72. ПТКЛА, год 8-й, с. 22.

73. ЦГА УзССР, ф. и. I, оп. 32, д. 278, л. 4—5.

74. Туркестанский сборник, т. 75, с. 44—48.

75. «Report of a Journey to Kokan», Letter 83..., p. 12.

76. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 178.

77. См.: *Джамгерчинов Б. Д.* Очерки политической истории..., с. 181—183.

78. *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), ч. II, с. 582—583.

79. *Зимин Л. А.* Зерцало побед..., с. 34.

80. ЦГА КазССР, ф. и. 3, оп. I, д. 167, л. 2.

81. Там же, л. 17.

82. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 202.

83. Сборник киргизского обычного права, л. 12.

84. *Талызин А.* Пишпекский уезд, с. 28.

85. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19. с. 418.

86. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 158.

87. *Троицкая А. Л.* Каталог архива кокандских ханов..., с. 128.

88. *Косвен М. О.* Патронимия..., с. 1.

89. Цит. по кн.: *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией..., с. 32.

90. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

91. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 207.

92. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 402.

93. *См.: Тимковский Е.* Путешествие в Китай..., с. 253—257; *Бернштам А. Н.* Источники по истории киргизов XVIII в., с. 131; *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии..., с. 574—575.

94. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 217.

95. *Дивногорский М. Н.* Материалы по изучению родового деления киргизов..., л. 5.

96. *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава..., с. 456.

97. *Загряжский Г. С.* Юридический обычай киргиз, с. 183—184; *его же.* О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву, с. 191—202.

98. *Кун А.* Очерк Кокандского ханства, с. 62.

99. ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. I, д. 262, л. 195.

100. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 25.

101. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. I, д. 33355, л. 71—79.

102. Архив ЛО ИВ АН СССР, р. II, оп. 6, д. 31, л. 97, 6.

103. *Северцов Н. А.* О русских поселениях к югу и к западу от Иссык-Куля, с. 105.

104. Там же, с. 105.

105. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 724.

106. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 36.

107. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. I, д. 22964, л. 3; ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 31.

108. Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 22566, л. 8, 9, 11.

109. Там же.

110. ЦГА КиргССР, ф. и. 38, оп. 1, д. 14, л. 46—47; д. 37, л. 9.

111. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23070, л. 19—20.

112. Там же, д. 33355, л. 76, 78, 79.

113. *Плоских В. М.* Вакф медресе Алымбека, с. 41—55.

114. ЦГА УзбССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979. л. 13—15, 35—36. Оба документа приведены в монографии Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство, с. 202—204.

115. ЦГА УзбССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34937, л. 129; д. 34801, л. 1—2.

116. Там же, д. 33273, л. 8—12, 19, 26—30, 42.

117. Там же, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

118. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 88.

119. См. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства..., с. 363—364.

120. *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах, с. 388.

121. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, л. 12—14.

122. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 231—234.

123. Обозрение Кокандского ханства..., с. 148—149.

124. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, л. 12—14.

125. *Bacqué-Grammont J.-L.* Turan... p. 217.

126. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. I, с. 327—328; *Radloff W.* Aus Sibirien..., s. 528.

127. ЦГА УзССР, ф. а. 1043, оп. 1, д. 2929; *Троицкая А. Л.* Каталог архива кокандских ханов..., с. 395.

128. *Филипп Ефремов.* Странствование..., с. 103.

129. Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири, с. 152—153.

130. *Bacqué-Grammont J.-L.* Turan..., p. 210—212.

131. *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай..., с. 91.

132. Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв..., с. 17.

133. *Torrey Ch. C.* Gold coins of Khokand..., p. 22.

134. *Пантусов Н.* Сборы и пошлины...

135. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

136. *Вельяминов-Зернов В. В.* Торговое значение Кокандского ханства для русских, с. 11—13.

137. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 359—360.

138. Обозрение Кокандского ханства..., с. 209.

139. *Мирза Абдулгазим Сами.* Тарих-и салатин-и Мангитийа..., с. 110 и примеч., с. 156.

140. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551/1/, л. 15.

141. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63.

142. *Талызин И.* Пишпекский уезд...

143. *Кун А.* Некоторые сведения о Ферганской долине, с. 441.

144. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63, 64.
145. Там же, д. 36694, л. 90; д. 34736, л. 14.
146. ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, л. 6, т. 5, св. 892-в, л. 780.
147. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 10—14.
148. См.: *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись..., с. 36.
149. *Троицкая А. Л.* Сагира в Кокандском ханстве..., с. 277.
150. ЦГА УзССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 113.
151. ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 779.
152. См.: *Бартольд В. В.* Киргизы..., с. 535.
153. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 377.
154. *Венюков М.* Путешествия по окраинам Русской Азии..., с. 158.
155. *Кун А.* Некоторые сведения о Ферганской долине, с. 439.
156. *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины, с. 208.
157. *Кун А.* Некоторые сведения о Ферганской долине, с. 439.
158. *Radloff W.* Aus Sibirien, s. 533.
159. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. III.
160. Там же, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 780.
161. ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 4.
162. ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.
163. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 356.
164. *Венюков М. И.* Очерки Заилийского края..., с. 108.
165. *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства..., с. 142—149.
166. *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины, с. 350.
167. *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах, с. 389.
168. ЦГВИА, ф. 400, оп. 903, д. 2, л. 2.
169. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 194.
170. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6886, л. 2.
171. *Резник П. Ф.* Кетмень-Тюбе в 1899 году, с. 65.
172. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 137.
173. *Dor R.* Contribution à l'étude des Kirghiz..., гл. III.
174. *Каллаур В. А.* Из истории города Аулиеата, с. 14.
175. *Чоробаев А.* Тайлак-батыр...; *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии..., с. 31—34.
176. ЦГВИА, ф. 1440, оп. 1, д. 2, л. 59—73.
177. *Бардашев. И.* Сведения о дикокаменных киргизах...
178. МИКК, вып. 1, с. 233—234.
179. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 161.
180. МИКК, вып. 1, с. 234.
181. ЦГВИА, ф. 67, д. 48, л. 19.

182. Цит. по кн.: *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г..., с. 29—30.
183. МИКК, вып. 1, с. 234.
184. АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 19—21.
185. Там же, л. 45.
186. ЦГА УзССР. ф. и. 715, оп. 1, д. 16, л. 106.
187. Хуласат ул-ахвал. Рукоп. ИВ АН УзССР, инв. № 2884; См.: *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись..., с. 33—38.
188. ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, с. 780.
189. *Кун. А.* Некоторые сведения о Ферганской долине, с. 422.
190. *Северцов Н. А.* Месяц плена у кокандцев, с. 71—72.
191. ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 180, л. 8—10.
192. *Нурекин А.* Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 год.
193. См.: Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 1, л. 582—583.
194. ЦГА УзССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 1, л. 22.
195. АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 1—2.
196. ЦГА КазССР, ф. и. 3, оп. 1, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 5.
197. *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан, т. I, ч. II, с. 243.
198. ЦГА Каз ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 6, 14.
199. Там же, л. 14, 22.
200. В декабре 1863 г. Манап Байтык доносил Колпаковскому в Верный: Кокандский хан — Султан-Сейид, 12 лет. Вместо него народом управляет Мулла Алымкул, дикокаменный киргиз. — ЦГА КазССР, ф. и. 3, оп. 1, л. 167, св. 8, л. 91.
201. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 21, д. 335, л. 2.
202. *Skrine F. H. and Ross E. D.* The Heart of Asia..., p. 259.
203. *Schuyler E.* Turkistan..., p. 16.
204. См.: *Усенбаев К. У.* Присоединение Южной Киргизии к России, с. 86—128; *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии..., с. 63—84; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 301—320.
205. ЦГА УзССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 8. л. 96.
206. ЦГВИА, ф. 400, оп. 908, д. 12, л. 2.
207. *Северцов Н. А.* Путешествия по Туркестанскому краю, с. 231.
208. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 31, док. 24.
209. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи..., с. 18—19.
210. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12 с. 615.
211. *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России, с. 90.
212. См. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. III, с. 105—106.
213. Там же, с. 397; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 245, л. 4.
214. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 14—24.
215. Там же, л. 13—19.
216. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 245, л. 4—5.

217. ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 456—457.

218. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. III, с. 147—148.

219. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 245, л. 7; Архив ЛО АН СССР, ф. 2, оп. 1 (1827), д. 8, л. 104.

220. См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. III, с. 427—428.

221. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 12.

222. ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 454.

223. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 167.

224. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 1, л. 5.

225. ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 453.

226. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 1, л. 5.

227. ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 455—456; д. 59, л. 236; д. 75, л. 472—475; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 425, л. 4—5.

228. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 95.

229. *Коншин Н.* Каракиргизская депутация 1824 года, с. 69.

230. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 104, 364.

231. Там же, л. 95—103.

232. Там же, л. 81—92.

233. Там же, л. 69.

234. Там же, л. 43—44.

235. Там же, л. 25—52.

236. *Зибберштейн Ф. К.* Путевые замечания..., с. 242.

237. Там же, с. 249.

238. Там же.

239. НБООМ, инв. № 27, л. 33.

240. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 381.

241. АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 1—2.

242. Цит. по кн.: *Джамгерчинов Б.* Очерк политической истории..., с. 109—110.

243. АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 11—12.

244. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 14.

245. Там же, с. 16.

246. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. IV, с. 20.

247. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1862, оп. 8, д. 24, ч. I, л. 453—454.

248. *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России..., с. 152.

249. ЦГВИА, ф. 1441, оп. 1, д. 65, л. 57.

250. История дипломатии, с. 638.

251. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2, с. 730.

ГЛАВА XI

1. *Могильников В. А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв., с. 194.

2. *Винник Д. Ф.* Тюркские памятники Таласской долины, с. 83—89; *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV века; *Абетеков А. К.* Археологические памятники кочевых племен..., с. 31—32, 48—52; *Кибиров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане...

3. *Винник Д. Ф.* Тюркские памятники..., с. 83—86.

4. *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака..., с. 47.

5. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 173—174; *Кибиров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане...

6. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 173.

7. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 88—90.

8. *Мукминова Р. Г.* Костюм народов Средней Азии..., с. 73.

9. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 57—58, 66.

10. *Волин С. Л.* Сведения арабских источников...

11. *Мирза Мухаммед Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Рукопись ЛО ИВ АН СССР, с. 395.

12. *Бартольд В. В.* Статьи из «Энциклопедии ислама»: Баласагун, Соч., т. III, с. 357.

13. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн..., с. 24.

14. *Винник Д. Ф.* Памятники архитектуры Иссык-Кульской котловины..., с. 61—66.

15. *Волин С. Л.* Сведения арабских источников..., с. 91.

16. Бабур. 2-я книга Бабур-наме, с. 18—19.

17. *Заурова Е. З.* Раскопки на городище Акчий, с. 106—127.

18. Д. Ф. Винник ошибочно принял памятник за остатки кирпичного завода. См.: *Винник Д. Ф.* Памятники архитектуры..., с. 62—63.

19. Тарих-и Рашиди. См.: История Киргизской ССР, т. I. Фрунзе, 1968, с. 222.

20. *Винник Д. Ф.* Памятники архитектуры..., с. 63—66.

21. *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Гумбез Манаса; *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии; *Помаскин Б. В.* Гумбез Манаса.

22. *Воронина В. Л.* Тектоника в зодчестве Средней Азии, с. 152.

23. Рукоп. фонды ООН АН Кирг. ССР, инв. № 586, с. 440 об.

24. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана..., с. 319.

25. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии..., с. 253.

26. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 569.

27. *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане..., с. 294.

28. *Марр Н.* Надгробный камень из Семиречья..., с. 347.

29. *Слуцкий С. С.* К семиреченским несторианским надписям, с. 179.

30. *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 566.

31. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 77.

32. *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 223.

33. *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана, с. 223.

34. *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников, с. 82—83.

35. *Горячева В. Д., Настич В. И.* Эпиграфические памятники Узгена..., с. 189—193.

36. *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов, с. 69.

37. *Антипина К. И.* Юрта — цепный памятник..., с. 66.

38. *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край..., с. 396, 397.

39. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 330.

40. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Первая поездка на Тянь-Шань..., с. 9.

41. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 330.

42. Народы Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Народы мира, т. 2, с. 228.

43. *Андреев М. С.* Чум — бывшее жилище киргизов Памира, с. 14—15.

44. «Жаныш и Байыш». — Рукоп. фонды НИЛ АН КиргССР, инв. № 5258, с. 177.

45. Эпос «Семетей». — Рукоп. фонды Отд. обществ. наук АН КиргССР, инв. № 546.

46. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 261: *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры..., с. 174.

47. Эпос «Семетей». — Рукоп. фонды Отд. обществ. наук АН КиргССР, инв. № 844, с. 363—364.

48. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство..., с. 192, 200.

49. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань..., с. 268.

50. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство..., с. 138, 141.

51. Там же, с. 141.

52. *Галицкий В. Я.* История города Пишпека..., с. 20.

53. *Горячева В., Плоских В.* Киргизская крепость XVIII—XIX вв., с. 526—527.

54. *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии, с. 118.

55. *Венюков М. И.* Очерки Заплийского края..., с. 115.

56. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань..., с. 182—183; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.. т. 1, с. 255.

57. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 253—255.

58. *Radloff W.* Aus Sibirien.

59. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 331.

60. *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах, с. 389.

61. *Молдобаев И. Б.* Киргизский эпос как источник, с. 138—139; *его же.* Эпос «Жаныш и Байыш», с. 96—97.

62. Там же, с. 97—98.

63. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 412.

64. *Айтбаев М. Т.* Пища киргизов..., с. 17.

65. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 332.

66. Айтбаев М. Т. Пища киргизов..., с. 17.

67. *Молдобаев И. Б.* Эпос «Жаныш и Байыш»..., с. 100—101.

68. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 257.

69. *Караев О.* О терминах и названиях в поэме «Кутадгу билиг», с. 88.

70. *Сухарева О. А.* Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды..., с. 100.

71. Там же.

72. *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом..., с. 156; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 328—329.

73. *Кошаров П. М.* Этнографический альбом дикокаменных киргизов... Отд. IV, табл. II, 11.

74. Там же, табл. IV, 6.

75. Там же, табл. III; 13; *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 126.

76. *Абрамзон С. М.* Очерк культуры киргизского народа, с. 35.

77. *Караев О.* О терминах и названиях в поэме «Кутадгу билиг», с. 88.

78. *Кошаров П. М.* Этнографический альбом дикокаменных киргизов..., отд. IV, табл. V, 24—26.

79. *Абрамзон С. М.* Очерк культуры киргизского народа, с. 36.

80. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 266.

81. *Махова Е. И.* Некоторые элементы киргизского национального костюма, с. 208.

82. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 267.

83. *Молдобаев И. Б.* Киргизский эпос как источник по истории одежды, с. 138; *его же.* Эпос «Жаныш и Байыш»..., с. 98.

84. *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом..., с. 155.

85. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 257; т. 5, с. 94.

86. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 266.

87. *Махова Е. И.* Некоторые элементы киргизского национального костюма, с. 211.

88. *Кошаров П. М.* Этнографический альбом дикокаменных киргизов.., отд. III; табл. 3.

89. *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры...

90. *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 126; *его же.* Этнографический альбом..., с. 154—155.

91. *Сухарева О. А.* Опыт анализа..., с. 97.

92. *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры..., с. 244.

93. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 331.

94. *Молдобаев И. Б.* Эпос «Жаныш и Байыш»..., с. 97.

95. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

96. *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры..., с. 16.

97. *Махова Е. И., Черкасова Н. В.* Орнаментированные изделия из войлока, с. 28.

98. *Антипина К. И.* Ворсовое ткачество, с. 68.

99. Там же.

100. Народное декоративно-прикладное искусство киргизов, с. 140.
101. *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом..., с. 156.
102. *Горький А. М.* Собр. соч., в 30-ти томах, т. 24, с. 26.
103. *Радлов В. В.* Наречие дикокаменных киргизов..., с. VI.
104. *Босворт К. Э.* Мусульманские династии, с. 203.
105. *Тоголок Молдо. Чыгырмалар,* т. 2, с. 135.
106. *Кыдырбаева Р. З.* Генезис эпоса «Манас», с. 17—72.
107. Там же, с. 96—167; *Абдылдаев Э.* «Манас» эпосунун тарыхый өнүгүшүнүн негизги этаптары, с. 86—92.
108. *Кыдырбаева Р. З.* Генезис эпоса «Манас», с. 168—185, 226.
109. *Радлов В. В.* Наречие дикокаменных киргизов..., с. VIII.
110. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 419.
111. *(Тагирджанов А. Т.)* Введение к «Собранию историй» Маджму ат-таварих, с. 36—53.
112. *Молдобаев И. Б.* Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. АКД.
113. *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа, с. 76—77.
114. *Виноградов В. С.* Музыка Советской Киргизии, с. 33.
115. *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа..., с. 155.
116. *См.: Омурзаков Д., Мусин Ю.* Киргизские народные игры..., с. 29.
117. *Бартольд В. В.* Киргизы..., с. 517.
118. *Зийа ал-кулуб.* — МИКК, вып. I, с. 179.
119. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований, с. 105—106.
120. *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки..., с. 15.
121. Там же, с. 40—41, 56.
122. *Венюков М. И.* Путешествия по окраинам Русской Азии..., с. 167.
123. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 369.
124. *Schuyler E.* Turkistan, v. 2, p. 37.
125. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.
126. *Какеев А.* Марксистско-ленинская мысль в Киргизии, с. 24.
127. *Аманалиев Б.* Из истории философской мысли киргизского народа, с. 61—72.
128. *Валиханов Ч. Ч.* Соч., т. 1, с. 358.
129. *Солтоноев Б.* Кыргыз, казак тарыхы, с. 141.
130. *Абрамзон С. М.* Фольклорные мотивы в киргизских преданиях..., с. 161—162.
131. *Чукубаев А. А.* Токтогул...; *Молдобаев К.* Принцип народности в творчестве акынов-демократов, с. 42—43; *Алтмышбаев А. А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии..., с. 37; *Ибраимов К.* Об отражении идеологической борьбы в киргизской литературе..., с. 59—61.
132. *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа, с. 190—193.
133. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи..., с. 93—130.
134. См.: *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии, с. 10.
135. *Плоских В. М.* Вакф медресе Алымбека, с. 43.

136. *Плоских В. М., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана, с. 68—69.
137. *Юнусалиев Б. М.* Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза, с. 49.
138. *Плоских В. М.* В поисках рукописей и книг.
139. Первоначально дата определена как 899 год хиджры (См.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана, с. 145). Последующее внимательное рассмотрение рукописи позволило уточнить дату, которую надо читать как 994 г. хиджры, т. е. 1585/86 г.
140. По следам памятников истории и культуры Киргизстана, с. 146.
141. Там же, с. 138—139.
142. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 46.

45—377

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

300—100 тыс. лет тому назад	Нижний палеолит.
100—40 тыс. лет до н. э.	Мустьерский период.
40—10 тыс. лет до н. э.	Поздний (верхний) палеолит.
XV—XI тыс. лет до н. э.	Стоянка верхнего палеолита Ходжа-Гор на юге Киргизии.
X—VII тыс. лет до н. э.	Эпоха мезолита (среднекаменный век).
VI—III тыс. лет до н. э.	Эпоха неолита на Тянь-Шане.
II тысячелетие до н. э.	Древнейшие наскальные изображения в урочище Саймалы-Таш на юге Киргизии.
XVIII—VIII в. до н. э.	Эпоха бронзы. Распространение памятников андроновской культуры.
XII — VII вв. до н. э.	Существование общин первых земледельцев (памятники чустской культуры). Ошское поселение.
VI—III вв. до н. э.	Сакские племенные союзы на Тянь-Шане.
530 г. до н. э.	Поход Кира II против массагетов и его гибель.
519 г. до н. э.	Первое упоминание о саках и других народах Средней Азии в Бехистунской надписи Дария I Гистаспа.
329 г. до н. э.	Вторжение войск Александра Македонского в Среднюю Азию.
311 г. до н. э.	Начало летосчисления по селевкидской эре, принятой несторианами.
IV—I вв. до н. э.	Шурабашатская культура.
IV—I в. до н. э.	Государство Давань в Ферганской долине.

250—140 гг. до н. э.	Греко-Бактрийское государство.
II в. до н. э.	Начало функционирования Великого шелкового пути между Западом и Востоком.
160 г. до н. э. — сер. V в. н. э.	Усуньский племенной союз
104 — 99 гг. до н. э.	Борьба государства Давань (Фергана) против ханьской экспансии.
I—II вв. н. э.	Образование государства хунну на Восточном Тянь-Шане.
I—V вв. н. э.	Эпоха Великого переселения народов.
Сер. V в.	Распад Кушанского государства.
IV—V вв.	Киргизия в составе эфталитского государства.
V—VI вв.	Появление согдийских поселений в Чуйской и Таласской долинах.
552—744 гг.	Тюркский каганат.
555 г.	Антиэфталитский союз между тюркским каганом Истеми и шахом Ирана.
567 г.	Посольство кагана Истеми во главе с Маниахом в Византию.
568 г.	Посольство Византии во главе с Земархом к кагану Истеми. Заключение военного союза между Тюркским каганатом и Византийской империей против Ирана.
568 г.	Первое упоминание в источниках согдийских поселений в Северной Киргизии.
568—571 гг.	Война западных тюрков с Ираном.
576 г.	Византийское посольство во главе с Валентином к западным тюркам.
581 г.	Фактическое разделение Тюркского каганата на восточную и западную части.
582—593 гг.	Усобицы между западными и восточными тюрками.
VII в. (первая половина)	Возникновение древнетюркского алфавита.
603 г.	Юридическое оформление Западного и Восточного тюркских каганатов.
618—630 гг.	Правление кагана Тон джабгу.
622 г.	Начало мусульманского летосчисления (хиджра).
629 г.	Путешествие Сюань Цзана в Индию через Чуйскую долину.
630—659 гг.	Борьба Западнотюркского каганата против Танской империи.
654—683 гг.	Первые вторжения арабов в Среднюю Азию.
682—744 гг.	Второй Восточнотюркский каганат.
704—746 гг.	Тюргешский каганат.
711 г.	Разгром Тюргешского каганата восточными тюрками.
716 г.	Возрождение Тюргешского каганата.

717—718 гг.	Попытка создания антиарабского союза согдийцев и тюргешей.
720—738 гг.	Совместная борьба народов Средней Азии во главе с тюргешами против арабских завоевателей.
744—840 гг.	Уйгурский каганат.
746—766 гг.	Борьба карлуков за господство в Семиречье.
751 г.	Разгром арабами и карлуками китайских войск на р. Талас.
766—940 гг.	Карлукский каганат.
874—999 гг.	Фергана в составе государства Саманидов.
893—894 гг.	Вторжение Саманидов в Таласскую долину.
940 г.	Завоевание Баласагуна Караханидами.
942—1137 гг.	Государство Караханидов.
960 г.	Провозглашение ислама государственной религией в государстве Караханидов.
992—996 гг.	Походы Караханидов в Бухару.
999 г.	Установление власти Караханидов в Мавераннахре.
Конец X — начало XI в.	Сложение архитектурно-культового комплекса Бураны.
1015/16 г.	Родился Юсуф Баласагунский.
1069 г.	Создание тюркоязычной поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфом Баласагунским.
1070 г.	Юридическое оформление двух караханидских каганатов — Западного и Восточного.
1072—1074 гг.	Написание «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмудом Кашгарским.
XI—XII вв.	Строительство Узгенского архитектурного комплекса.
XII в. (первая половина)	Сооружение мавзолея Шах-Фазиль.
1137—1218 гг.	Государство киданей.
1141 г.	Катванская битва.
1206 г.	Провозглашение Темучина (Чингиз-хана) верховным ханом монголов.
1211—1218 гг.	Правление Кучлука.
1219—1224 гг.	Завоевательный поход монголов в Среднюю Азию.
1228—1241 гг.	Правление хана Чагатая. Включение Киргизии в состав его улуса.
1245—1247 гг.	Посольство Плано Карпини в Монголию через Семиречье.
1249—1250 гг.	Борьба наследников улуса Угэдэя и Чагатая против Мункэ.
1251—1259 гг.	Правление Мункэ каана.
1253—1255 гг.	Посольство Гильома Рубрука через Семиречье в Монголию.
1260—1262 гг.	Борьба Арик-Буки в союзе с Хайду против Хубилая за всемонгольский престол.

1269 г.	Курултай монгольских феодалов в Таласе.
1269—1301 гг.	Правление Хайду-хана
1334 г.	Сооружение на р. Талас мавзолея Канизек-хатун, известного в народе как «Гумбез Манаса».
1348—1362/63 гг.	Правление хана Тоглук-Тимура в Моголистане.
1365/66 г.	Уничтожение Камар ад-дином могольского хана Ильяс-Ходжи и его семьи.
1370—1380 гг.	Вторжения войск Тимура в Моголистан.
1370—1405 гг.	Правление Тимура.
1387—1388 гг.	Вторжение на территорию Мавераннахра войск Моголистана и его союзников.
1389 г.	Опустошительный поход Тимура на Тянь-Шань и в Восточный Туркестан.
1425 г.	Вторжение войск Улугбека во владения северотяньшаньских моголов.
1428—1460 гг.	Борьба группировок во главе с ханами Эсен-Букой и Юнусом в Моголистане.
XV в. (50—60-е годы)	Государственно-политическая консолидация племен Казахского ханства, временно переселившихся в долины Таласа и Чу.
1470—1471 гг.	Откочевка могольского улуса за Сыр-Дарью под натиском ойратов (калмаков).
XV в. (80-е годы)	Консолидация самостоятельного политического объединения киргизов на Северном Тянь-Шане.
1484—1503/4 гг.	Правление Ахмед-хана.
XV—начало XVI в.	Завершение процесса этнополитической консолидации киргизской народности.
XVI в. (начало)	Создание «Маджму ат-таварих», в котором впервые упомянуты сюжеты эпоса «Манас».
1500—1512 гг.	Завоевание Шейбани-ханом Средней Азии и свержение власти Тимуридов.
1503/4—1507/8 гг.	Правление Султан-Халиль-Султана в киргизском феодально-государственном объединении.
1507/8 г.	Поражение киргизов во главе с братьями Султан-Халиль-Султаном и Султан-Саидом в борьбе против Мансур-хана.
1514—1516 гг.	Помощь отрядов Мухаммеда-киргиза могольскому Саид-хану в отвоевании городов Яркенда и Хотана.
1517 г.	Поражение киргизов в битве с монголами на Иссык-Куле.
1524—1550 гг.	Киргизско-казахский военный союз.
1526 г.	Поход Султан-Саид-хана на киргизов (так называемый «койчерик»).
1533—1559/60 гг.	Правление Абд ар-Рашида. Завоевательные походы в Киргизстан объединенных сил моголов и Шейбанидов.

1591 г.	Поход могольских войск против киргизов в район Чу и Таласа.
XVI в. (конец)	Помощь киргизских феодалов казахскому Тевеккель-хану в борьбе за господство над районами Ферганы, Ташкента и Самарканда.
XVII в. (10—30-е годы)	Вооруженные столкновения киргизов с правителями Восточного Туркестана.
1626/27 г.	Совместный поход казахов и киргизов во главе с Ишим-ханом против ойратов (калмаков).
1635 г.	Образование Джунгарского ханства.
1635/36 г.	Переселение из Каратегина в Гиссар части киргизов.
1635—1758 гг.	Борьба киргизов против завоевательных походов ойратских (джунгарских) феодалов.
XVII в. (30—60-е годы)	Переселение части киргизских племен в Восточный Туркестан.
1710—1722 гг.	Правление в Коканде Шахрух-бия.
1722/23 г.	Посещение Иссык-Куля капитаном И. Унковским — русским послом к ойратам.
1722—1734 гг.	Правление в Коканде Абд ар-Рахим-бия.
1735—1751 гг.	Правление в Коканде Абд ал-Карима, заключившего союз с киргизами.
1748—1749 гг.	Борьба против ойратского господства в Кашгарии.
1751—1770 гг.	Правление Ирдана-бия в Коканде.
1754 г.	Союз киргизского племени кушчи с Бухарой и Кокандом против владения Ура-Тюбе.
1755—1756 гг.	Совместная борьба киргизов и кашгарцев под руководством Кубад-бия против яркендских ходжей.
XVIII в. (вторая половина)	Возвращение части киргизов из Ферганы и Восточного Туркестана на Тянь-Шань.
1758—1759 гг.	Разгром Джунгарского ханства и завоевание Цинами Восточного Туркестана.
1762 г.	Захват кокандскими феодалами Оша и Узгена.
1762 г.	Издание «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова, где впервые в России приводятся достоверные сведения о киргизах Тянь-Шаня.
1762—1831 гг.	Подчинение территории Киргизии Кокандским ханством.
1770 г.	Нападение казахского хана Аблая на северную часть Киргизии.
1770—1800 гг.	Правление Нарбута-бия в Коканде.
1774—1782 гг.	Путешествие Филиппа Ефремова через Киргизию в Индию.
1785 г., 23 авг.	Прибытие первых полномочных послов киргизов Абдрахмана Кучакова и Шергазы в крепость Омск.
1785 г., 29 дек.	Прибытие первого киргизского посольства во главе с Абдрахманом Кучаковым в Петербург.
1786 г.	Издание книги Ф. Ефремова, впервые в России приводящего сведения о южных киргизах.

1787 г., окт.	Ответное посольство российского правительства во главе с Муслюмом Агаферовым к киргизам.
1788 г., 2 авг.	Прибытие киргизского посольства во главе с Сатыбаем Абдрахмановым в Омск.
1800—1809 гг.	Правление Алим-хана в Коканде.
1809—1822 гг.	Правление Омар-хана.
1812 г., осень	Снаряжение торгового каравана в Кашгар по новому тракту через Киргизию.
1813 г., авг.	Караван Мехти Рафаилова с письмом от сибирских властей к киргизам.
1814 г., янв.	Прибытие посольства киргизов из Прииссыккулья в Сибирь с просьбой о принятии в подданство Российского государства.
1814, 1816 гг.	Восстания киргизов и кашгарцев во главе с Турдымаматом и Зияветдином против гнета маньчжурских феодалов в Ташмалыке.
1820—1896 гг.	Киргизский поэт Молдо Нияз.
1821 г.	Захват Кетмень-Тюбе кокандским хакимом Сейидкул-беком.
1821 г., 21 нояб.	Прибытие посольства иссыккульских киргизов Качибека и Джакыпбека на Сибирскую пограничную линию.
1821 г.	Сооружение кокандских крепостей Аулие-Ата на р. Талас и Дараут-Курган в Чоп-Алае.
1821 г.	Совместное выступление киргизов Таласской долины и казахов на Сыр-Дарье против гнета кокандских феодалов.
1822 г.	Поход против восставших ошских киргизов кокандских феодалов во влаве с Бекназар-бием.
1822—1842 гг.	Правление Мухаммеда Али (Мадали-хана).
1824 г.	Новое посольство иссыккульских киргизов к русским властям Западной Сибири с выражением желания принять подданство России.
1825 г.	Поход Мадали-хана против киргизов Чуйской долины.
1825 г.	Сооружение кокандских крепостей Пишпек и Токмак.
1825 г.	Восстание народов Восточного Туркестана, в том числе киргизов, против господства маньчжурских феодалов.
1825 г., июнь	Прибытие в Прииссыккулье хорунжего Т. В. Иохалова и лекаря Ф. К. Зибберштейна — автора записок об иссыккульских киргизах.
1827 г., 30 марта	Дипломатическая миссия во главе с А. Л. Бубеновым к киргизам.
1827 г.	Строительство укреплений Суфи-Курган и Кызыл-Курган на Алае.
1830 г.	Сооружение крепостей Джумгал и Тогуз-Торо на Тянь-Шане.
1832 г.	Сооружение кокандских крепостей Куртка на Нарыне, Таш-Курган — на Памире.
XIX в., 30-е годы	Восстание нарынских киргизов под руководством Тайлака против гнета кокандских ханов.

1842 г.	Восстание иссыккульских киргизов против ханского владычества, изгнание кокандцев из укреплений в Приссыккулье.
1842—1844 гг.	Правление Шералы-хана.
1843 г.	Строительство манапом Боромбаем укрепления Кызыл-Ункур в Приссыккулье.
1844 г.	Обращение иссыккульских киргизов к русским властям Западной Сибири с просьбой о покровительстве.
1844—1858 гг.	Первое правление Худояр-хана.
1845 г.	Восстание алайских и ошских киргизов против гнета Кокандского ханства.
1847 г.	Борьба казахов и киргизов против произвола ханского наместника Азиза-парваначи в Ташкенте.
1847 г.	Обращение к русским властям чуйских киргизов с просьбой о принятии их в подданство России.
1847—1848 гг.	Антикокандское восстание наманганских киргизов.
1851 г.	Заключение Кульджинского договора между царской Россией и Цинской империей.
1853 г.	Обращение северных киргизов к русским властям с просьбой о принятии их в подданство Российского государства.
1854 г.	Обращение киргизов восточной части Иссык-Кульской котловины к западносибирским властям с просьбой о принятии их в подданство России.
1854 г. 26 сент.	Прибытие посланцев иссыккульских киргизов во главе с Качыбеком Шералиным в Омск.
1855 г.	Принятие российского подданства иссыккульскими киргизами.
1856 г., лето	Поход кокандского карательного отряда против сарыбагышей, отказавшихся от уплаты зякета.
1856 г.	Военно-научная экспедиция на оз. Иссык-Куль во главе с полковником М. М. Хоментовским при участии Ч. Валиханова, первая запись им отрывков из эпоса «Манас».
1856—1857 гг.	Экспедиция в Киргизию П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827—1914 гг.) и художника П. М. Кошарова.
1857 г.	Восстание казахов Старшего жуза, киргизов Таласа и Чуйской долины против ханско-феодального гнета.
1857—1859 гг.	Путешествие Ч. Валиханова в Кашгарию через территорию Киргизии.
1858 г., март — июль	Восстание южных киргизов против гнета Кокандского ханства. Совместное выступление казахов и киргизов на территории от Ташкента до р. Чу.
1858—1862 гг.	Правление Малля-хана.
1859 г.	Родился известный манасчи Шапак Рысмендеев.
1860 г., авг.—сент.	Взятие русскими войсками при содействии чуйских киргизов кокандских крепостей Токмак и Пишпек.
1860 г., окт.	Поражение войск кокандского хана в Узун-Агачском сражении.

1860—1942 гг.	Байымбет Абдрахманов (Тоголок Молдо), акын-демократ.
1861 г.	Возведение кокандских укреплений Чалдовар (в Семиречье), Кан, Кштут (на юге Ферганы).
1861 г.	Восстановление кокандцами крепостей Токмак и Пишпек.
1862 г., лето и осень	Восстание чуйских киргизов, обращение их за помощью к русским властям в г. Верный.
1862 г., 24 окт.	Вторичное взятие Пишпека русскими войсками совместно с киргизами.
1862—1863 гг.	Второе правление Худояр-хана в Коканде.
1863 г., 8 июня	Разрушение кокандского укрепления восставшими киргизами в Тогуз-Торо.
1863 г., 13 окт.	Присяга на подданство России киргизов, кочевавших в районе Ак-Сая и Чатыр-Куля.
1864 г.	Завершение соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской укрепленных линий.
1864 г., май	Основание русского укрепления Токмак.
1864 г., июнь	Принятие подданства России киргизами Чаткала.
1864 г., декабрь	Обращение к русским властям киргизов, кочевавших на среднем течении р. Нарын, с просьбой о принятии их в подданство России.
1864—1867 гг.	Путешествие Н. А. Северцова по Киргизии.
1864—1933 гг.	Токтогул Сатылганов — выдающийся киргизский акын-демократ и композитор.
1865 г., 12 февр.	Образование Туркестанской области, в состав которой вошла территория Северной Киргизии.
1865—1875 гг.	Третье правление Худояр-хана в Коканде.
1867 г.	Поездка Н. Н. Каразина — художника и писателя в Киргизию. Русская этнографическая выставка в Москве, на которой были представлены рисунки П. М. Кошарова и другие экспонаты из Киргизии.
1867 г.	Восстание киргизов Алая против гнета Кокандского ханства, взятие ими укрепления Кызыл-Курган.
1867 г., 11 июля	Преобразование Туркестанской области в Туркестанское генерал-губернаторство и образование Туркестанского военного округа, в состав которых входила и территория северной части Киргизии.
1868—1871 гг.	Экспедиция А. П. Федченко в Кокандское ханство и на юг Киргизии.
1869 г.	Заключение соглашения о признании Кокандским ханством вассальной зависимости от России. Путешествие В. В. Радлова в Чуйскую долину и Приссыккулье, запись им отрывков из эпоса «Манас».
1869—1870 гг.	Пребывание в Киргизии художника В. В. Верещагина, запечатлевшего на своих полотнах природу Киргизии, жизнь и быт ее населения.

1871 г.	Восстание приферганских киргизов против Худояр-хана.
1873 г., янв.—1874 г.	Письма южных киргизов к туркестанской администрации с просьбами о помощи, покровительстве и принятии их в подданство России.
1873—1875 гг.	Восстание трудящихся киргизов и узбеков против ханско-феодального гнета.
1876 г.	Ликвидация Кокандского ханства и воссоединение земель Киргизии в составе России.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абага-хан 388, 390
Абд ал-Гаффар-султан 448
Абд ал-Карим-бий 446
Абд ал-Латиф-султан 446, 453
Абд ал-Малик ибн Нух 291, 295
Абд ал-Мумин 449
Абдаллах-хан 447—449, 453, 454
Абд ар-Рахим-бий 490—491
Абд ар-Рахман-аталык 452
Абд ар-Рашид-хан 445—446
Абдрахманов Байымбет (Тоголок Молдо) 623
Абдрахманов Сатынбай 487—489
Абдулгафур 70
Абдулла-бек 534, 551
Абдуллаев Э. 53
Абдул Маджид 74, 501, 510, 514
Абдуррахман 244
Абдуссалам 562
Абдушукур 459
Абель-Ремюза 26
Абетеков А. К. 40
Аблайханов Адиль 573
Абрамзон С. М. 24, 35, 42, 49, 52
Абруй 231, 263
Абу Али 294
Абу Бекр Мухаммед 319
Абу Дулаф 62, 277, 305, 315, 337, 373,
Абу Ибрахим Исмаил 295
Абука 597
Абулай-султан 450, 451
Абулгази 27, 451
Абу-л-Музаффар Юсуф 302
Абу Муслим 252
Абу Наср ал-Фараби ат-Турки 374, 375
Абу-Саид 404
Абу Убайдулла Мухаммед 71, 549, 561—562
Абу-л-Фатх Мухаммед 302
Абу-л-Фида 64, 296
Абулхайр-хан 404
Абу-л-Хасан Наср ибн Ахмед 273
Аваз Мухаммед 71
Агаджанов С. Г. 42, 46, 253
Агаферов Муслюм 487, 489
Аджаан 451
Аджибеков Нурек 506, 607
Адил-Шах 398
Азизбек-парваначи 506, 559
Айтназаров Бикбай 575
Акбута-бий 490
Акимушкин О. Ф. 51
Акишев К. А. 40
Акмат-бий 460
Алагушев Б. 21
Аламшах-бек 455—456
Александр II 518
Александр Македонский 146, 178, 201, 208, 339, 422, 484, 603
Алексеев В. П. 35, 48
Али-Султан 393
Али-тегин 296—297, 307
Али-чорас 406
Алим-хан 494, 500—501, 515—516, 544, 555, 558
Алмаши Г. 52, 623
Алп Кутлуг Тонга Бильге тюрк Тогрул кара-хакан Хусейн ибн Хасан ибн Али 358
Алпысбаев Х. А. 99
Алтан-хан 458

Алты Куртка-бий 454
Алымбай 539
Алымбек-датха 74, 510—511, 517—519, 534, 539, 551, 561, 565—566, 610, 644
Алымкул 518—519, 566, 610, 644
Альтхайм Ф. 44
Амасанчи-тайша (Санджи-Баши) 404—405, 432
Амир-мирза 462, 466
Аммиан Марцеллин 54
Аморг 145
Амр б. Джамиль 256
Амурсана 462
Анахуан-каган 220, 222
Андреев И. Г. 25, 72, 473, 484, 487, 492—493
Андропов Ю. В.17
Анненков П. В. 527
Антипина К. И. 52
Ань Лушань 253
Апак-ходжа 455
Арзу Мухаммед-бек 455—456
Арик-Бука 384, 386, 390, 429—430
Аристов Н. А. 29, 50, 503, 528
Аристотель 375
Арслан-хан 381
Асад ибн Абдаллах 248—249
Асан-кайгы 640—641
Асанбаев Токтогул 575
Асянь-шад 221, 334
Атаке-батыр Тынайбиев (Атаке-бий) 69, 484—489, 496
Атантай 497—498
Аттила 54—55
Ауфи 64
Ауэзов М. 52, 623
Ахмед-хан (Алача) 406—407, 443, 589—590
Ахмед-мирза 549, 562—563
Ахмед ал-Фергани 375
Ахмед ибн Хасан 297—299, 310
Ахмед Касани 454
Ахмед Югнеки 380
Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулами 246—247
Аяч 294

Баба-султан 447—448
Бабур 66, 442, 589. 590, 592, 593, 598—599
Бага-тархан 249
Баглила 255
Бадр ад-дин Кашмири 67, 448
Баев Калыгул 642
Базыр Арслан-хан 291
Байболот 483
Байзак-датха 551
Байпаков К. М. 46, 369
Баки Мухаммед-хан 449
Бакинова Г. 53
Балами 261
Бань Гу 56
Бардашев И. А. 73, 541, 548, 557, 611
Барс-бег (Ынанчу Алп Бильге) 243
Бартольд В. В. 8, 28—31, 50, 61, 66, 70, 264, 270, 290, 293—294, 296, 298—300, 406, 412, 422, 591
Баруздин Ю. Д. 40, 347
Барчук 381—382
Барыбозов Келдибек 621
Баскаков Н. А. 42
Батманов И. А. 42, 48, 327, 369, 440
Бату-хан 384—385, 390
Батур-хунтайши 458
Бахрам 397
Баялиева Т. Д. 53
Баян 390
Баянджар 390
Безбородко А. А. 486
Бейхаки 63
Бекмуратов Боромбай 507—508, 565, 567, 579—581, 607
Бекпазар-бий 495
Бекран 63
Белазури 277
Беленицкий А. М. 32, 46, 597
Беневени Флорио 72
Бердибек-хан 621, 640
Берды-ходжа 536
Березин И. Н. 27
Береналиев О. 46
Бернштам А. Н. 24, 32—35, 39—40, 44, 50, 99, 167, 185, 270, 273, 329, 347, 350, 352, 358, 363, 369, 412, 623
Бильге-каган 58, 241, 244—245, 251, 275, 326, 332
Бильге Кюль Кадыр-хан 257, 291
Бируни 62, 266, 315, 324, 334, 370
Бичурин Н. Я. 26, 73
Бичут 232
Большаков О. Г. 46, 286, 308, 311
Борак 386—387, 390
Боровков А. К. 623
Боувер Я. 489
Бретшнейдер Э. 30
Броневский С. Б. 73, 574—575, 578, 579
Брыкина Г. А. 44, 347, 374
Бубенов А. Л. 73, 573—574, 578—579
Бугра-хан Мухаммед 296, 298
Бука-Будрач 292
Бука Чаган 479
Бумын 221—222, 224, 241
Бундари 62
Бури-тегин Ибрахим ибн Наср 297, 310
Бурнашев Т. С. 73
Бурхан ад-дин 461—462, 480
Бурхан ад-дин Али 310
Бурхан ад-дин Кылыч 602
Бурхан ад-дин Мухаммед 310
Бухарметдин 608
Бэйли Г. 42

Вайс-хан 402, 403
Валентин 225
Вали Мухаммед-хан 449
Валитова А. А. 46
Валиханов Ч. Ч. 27—28, 50, 52, 74, 438, 483, 498, 510, 512, 550, 581, 610—613, 615, 623—624, 639
Вамбери А. 503
Васильев Д. Д. 42
Вассаф 388
Вахзанак 271
Вельяминов-Зернов В. В. 27, 546
Венюков М. И. 27, 74—75, 501, 503, 511, 550, 552, 607—608, 639
Верещагин В. В. 75
Веселовский Н. И. 27—28
Винник Д. Ф. 38, 40, 43, 46, 326, 360
Виштаспа 143
Владимирцов Б. Я. 32
Воеводский М. В. 32, 159
Волин С. Л. 46
Ворожейкина З. Н. 53
Воронец М. Э. 34
Воронина В. Л. 46
Вуд Джон 503, 511, 644
Вяземский А. 486

Габэн А. фон 42
Газан-хан 390
Гази-бек 462
Гай Плиний Секунд 54
Галдан-Бошокту-хан 459
Галдан-Церен 460—461
Галицкий В. Я. 21
Галочкина Н. Г. 21, 38
Гань Ин 206
Гао Сяньчжи 252
Гардизи 63, 253—254, 285, 427—428, 436
Гасфорд Г. Х. 498, 563
Гатифар 223
Гафуров Б. Г. 42
Гейкель Г. 326
Гейнс А. К. 30
Генс Г. Ф. 73
Герн В. К. 27
Геродот 54, 142, 145, 208—209
Гинзбург В. В. 35
Гирей-султан 405
Гирс Ф. 513
Глазенап Г. И. 570—573
Глушкова В. Н. 22
Голендухин Ю. Н. 39
Голубев А. Ф. 28, 75
Гомзин А. 540
Горбунова Н. Г. 40, 44
Горелик М. 323
Городецкий В. Д. 27
Горчаков А. М. 579
Горький А. М. 620, 631
Горячева В. Д. 21, 46—47
Грач А. Д. 41
Гренар Ф. 290
Григорьев В. В. 26, 290
Грумм-Гржимайло Г. Е. 50, 583
Грязнов М. П. 24, 32, 34, 41, 126, 143, 160, 330
Гумилев Л. Н. 42
Гуревич Б. П. 51
Гурек 241, 244—247, 262
Гуюк-хан 382, 385—386, 600

Даваци 461—462
Давидович Е. А. 46—47, 296, 316
Даниял-ходжа 461
Дарий I 54, 144—145
Дарий II 178
Дарий III 146
Дебец Г. Ф. 35, 48
Дегинь Ж. 290
Дегтярева А. Д. 21—22, 38
Демезон П. И. 27
Демодам 178
Джабгу 248
Джагыр-бий 455
Джайсан-ырчы 621
Джакыпбек (Джакып) 496, 573—574
Джалал ад-дин Али 300, 301
Джалал ад-дин Манкубирти 63
Джалим-султан 450
Джамал ал-Карши 63, 290—291, 295, 299, 300, 302, 303, 355, 387, 594, 602
Джамгерчинов Б. Д. 35, 51
Джамгерчинов М. Б. 21
Джами Абдуррахман 646—647, 648—649
Джангарач 509, 512, 522, 580
Джангир-ходжа 483, 504
Джанибек-хан 621, 640
Джантаев Шабдан 518—519, 522, 565
Джапалаков Алымбек 496, 575, 578
Джапиев Тыныбек 622
Джаухари 63
Джафар-тегин 295
Джахан-ходжа 460, 462
Джахан-Шах 403
Джахангир-султан 458
Джахиз 264—267
Джебе 382
Джегуй-каган 227
Дженкинсон А. 446, 475
Дженкши-хан 393, 601
Джувейни 64, 299, 303, 308

Джузджани 64
Джумабаев Б. 622
Джумагулов Ч. 46
Джунейд ибн Абд ар-Рахман 247
Джучи-хан 382, 384, 390, 400—401, 428, 430
Джэбэ-нойон 303
Дивногорский М. Н. 528
Димашки (ал-Омари ад-Димашки) 64
Дор Р. 52, 556
Доржи-зайсан 460
Дорн Б. А. 26
Д'Оссон 27
Дост-Мухаммед 405
Дува (Тува) 390—392, 597
Дугдгонча 287
Дуйшеев Б. А. 21
Дуст-Мехтар 518
Дьяконов И. М. 45
Дюбе М. 503
Дюгамель 517—518

Еджен (Орда-Ичен) 382, 390
Екатерина II 69, 484, 486—487, 569
Елюй Даши 57, 298—300
Елюй Чуцай 58
Енге (Анга)-тора (Баймурат-черик) 394, 398—400
Еноки К. 42
Ефремов Ф. 72, 494, 543

Жданко Т. А. 42
Жигайлов В. М. 22
Жирмунский В. М. 52, 623, 626
Жукасандык 483
Жюльен Ст. 26

Забелина Н. Н. 35
Загряжский Г. С. 30, 508
Заднепровский Ю. А. 21, 34—35, 37—38, 40, 44, 135, 139
Зарина 143, 146
Засулич В. 523
Засыпкин Б. Н. 359
Зая-Пандита 458
Зезенкова В. Я. 35
Зеймаль Е. В. 45
Земарх Киликиец 55, 225, 230, 234, 262, 283, 334
Зибберштейн Ф. К. 73, 473, 496—497, 576—578
Зима Б. М. 33, 597
Зияветдин 483
Зияд ибн Салих 252
Зияев Х. З. 51
Златкин И. Я. 51
Зуев Ю. А. 46
Зяблин Л. П. 35, 350

И Шань 583
Ибн ал-Асир 63, 252, 256, 291, 296—298, 300—303, 307, 310
Ибн ал-Факих 61, 253, 265, 315
Ибн-Арабшах 401
Ибн Фадлан 321
Ибн Хаукаль 61, 265, 269, 273, 275, 304, 345
Ибн Хордадбех 61, 269, 271—272
Ибрагим Хаял-парваначи 515
Ибрахим Зарандживи 464
Ибрахим ибн Ахмед 299, 302
Ибрахим ибн Мухаммед 298, 300
Ибрахим ибн Наср 316
Иванов С. В. 52
Иванов П. П. 31, 35, 51, 66, 478, 531
Игнатьев И. В. 28
Идриси 62, 424
Идрискул-бий 494
Икэ-ходжа 478
Ильтаг 420
Ильясов С. И. 35
Ильяс-Ходжа-хан 394, 396
Имад ад-дин Исфахани 62
Имамкули-хан 449—452
Иностранцев К. А. 28
Инэль-каган 244
Иоанн 601
Иоанн Эфесский 55
Ираклий 227
Ирдана-бий 491—494, 529
Ирезан баарин 403—404
Иса Гадай Мирзаев 535
Иса-датха 504
Исаев 28
Искандаров Б. И. 51
Искандер 65, 402, 431
Исламов У. 98
Исмаил ибн Ахмед 257, 291
Исмаил-токсоба 509
Исмаил-хан 453—455
Истахри 61, 254, 274—275, 315, 345
Истеми-каган (Дизабул, Сильзибул, Синджибу) 55, 58, 222—226, 229—231, 234, 241, 244, 262, 266, 321, 334—335
Исхак-оглы 545
Исянов Шербек 575
Ишан Балхи 610
Ишим-бий 573
Ишим-султан (Ишим-хан) 450—451, 457—458

Йакуби 265, 267, 286, 347
Йакут ал-Хамави 63, 306, 315
Йамгурчи 401
Йарук-тегин 368, 420
Йинал-тегин 285, 298
Йолболду-есаул 455
Йулбарс-хан 454—455

Кави Хусрау 143
Кадыров Ш. А. 99
Казаган 393, 395—396
Каллаур В. А. 30, 326
Кальчеке 631
Камал ад-дин Абд ар-Раззак ибн Джалал ад-дин Исхак Самарканди 65
Камар ад-дин 394—403, 406, 430, 432
Канаат-шах 518, 565
Канаев Байтык 519
Капаган-каган 241, 243—245, 261
Капцевич П. М. 476, 572, 576—578
Карабеков Джантай 508, 512, 522, 560, 580
Караев О. 21, 22, 46, 49—50
Каразин Н. Н. 75
Каракеев К. К. 51
Каралаев Саякбай 623
Кара-хан (Кара-каган) 59, 222, 438, 624
Карпини, Плано 65, 382
Касымов Кенесары 560, 580
Каульбарс А. В. 75
Кауфман К. П. 30
Кеяди Мухаммед-султан 449
Керим Берды 404, 405
Керимжанова Б. 52
Кибиров А. К. 34—35
Кир II 145
Клосон Дж. 42
Кляшторный С. Г. 21, 34, 42—43, 46, 58—59, 221, 255, 260, 272, 290, 328, 369
Ковалевский Е. П. 583
Коджеков Джаныбай 623
Кожемяко П. Н. 35, 45, 311, 317, 326, 347, 350, 359
Кожомбердиев И. К. 21, 38, 40
Койсары-бий 454—455, 467
Койчи 519
Коковцев П. К. 28
Колокольцев В. М. 486
Колпаковский Г. А. 28, 514, 518—519, 566
Кондратьев А. А. 51
Кононов А. Н. 42
Конопля П. Т. 37, 88
Константин Багрянородный 54
Коробкова Г. Ф. 98
Косвен М. О. 524
Костенко Л. Ф. 30, 503
Кочнев Б. Д. 47
Кошаров П. М. 75, 564, 611, 613—614, 619
Кошеленко Г. А. 45
Крез 145
Крымов И. 559
Кубави 62, 310
Кубат-бий (Кубат-мирза) 462, 478, 491—492
Кублюк (Куйлюк) 389—390
Кудама ибн Джафар 61, 254, 269, 271—272
Кузьмина Е. Е. 21, 38
Кули-чор 251
Кумаров Балык (Бекмурат) 621—622
Кумеков Б. Е. 42, 46
Кун А. Л. 27, 529, 548, 550, 562
Куньджек 391—392
Курбанджан-датха 510—511, 519, 534
Куренкей 631
Куропаткин А. Н. 478, 505
Кутейба ибн Муслим 240—241, 244—245, 262
Кутлин Джапалак 578
Кутлуг-чор (Ильтериш-каган) 241—242
Кучаков Абдрахман 484, 486—488
Кучлук-хан 301—303, 381—382
Кучук-бий 455, 467
Кыдыр (Кыдыралы) 513, 518
Кыдырбаева Р. З. 52
Кызласов Л. Р. 35, 42, 351, 373, 428
Кычанов Е. И. 47
Кюль-Бага-чор (Курбаганун) 240
Кюль-тегин 58, 241, 244—245, 251, 260, 263, 285, 326, 330, 332, 335, 337—338
Кюль-чор бага-тархан (Кюль-чор, Курсуль) 245, 249—250, 262, 322

Латынин Б. А. 32, 181
Лашкар-кушбеги 496—498
Лебединская Г. А. 155
Левшин А. И. 25—26, 73
Лекок А. фон 59
Ленин В. И. 5, 15, 18, 31, 71, 524, 527, 546, 555, 640
Лерх 582
Лившиц В. А. 34, 42—43, 46, 61, 326, 339, 368, 417
Ли Гуанли 56, 203—205
Литвинский Б. А. 24, 40, 44, 311
Ли Чжичан 58
Луконин В. Г. 45
Лутфулла 636
Людовик IX 65
Лю Сюнь 56
Лю Ци 58

Мадали-хан (Сейид Мухаммед Али) 495—496, 504, 515, 535, 545
Мад Ибраим-мирза 518
Малик ал-Ислам 403
Малля-бек (хан) 513—514, 516—518, 536, 562—563, 565—566
Малов С. Е. 34, 42, 59, 416
Малявкин А. Г. 47
Маматкул-бий 493
Мамбеталиева С. 52

Мамун 256
Манак (Тебин-барсхан) 285
Манап-бий 512
Мандельштам А. М. 40, 42
Мани 372
Маниах 224—225, 234
Маннай-Оол М. Х. 41
Мансур ибн Али 296
Мансур ибн Нух 295
Мансур-хан 443—444
Маньковская Л. Ю. 359
Марвази 62, 425—426
Маргулан А. Х. 50
Маркварт Й. 30, 44
Марков А. К. 26
Марков Е. 511
Маркс К. 13, 17, 37, 39, 42, 135, 144, 307, 384, 465, 499, 523, 527, 532, 541, 547, 552
Марр Н. Я. 601
Маршак Б. И. 46, 372
Маршал Дж. 45
Массон В. М. 21, 24, 41, 44
Массон М. Е. 24, 32, 278, 326, 416, 597
Масуд-бек 388
Масуди 265, 305
Маулана Пируи Бухараи 66
Махди 256
Махмуд Газневидский 295—296
Махмуд ибн Вали 67, 400—401, 449—452, 472, 474—475, 590—591, 636
Махмуд ибн Мухаммед 299—300
Махмуд Кашгарский (Махмуд ибн Хусейн Мухаммед ал-Кашгари) 11, 22, 59—60, 254—255, 270, 289—293, 305—306, 310—311, 314, 317—320, 339, 377—379, 421—423, 436, 633
Махмуд Ялавач 388
Маэс Тициан 206
Медынский 551
Мелик Тимур 390
Мелиоранский П. М. 28—29
Менандр Византиец (Протектор) 55, 225, 230, 334
Мессершмидт Д. 59, 326
Миддендорф А. Ф. 27, 550, 553
Миклашевская Н. Н. 35, 48
Миллер Г. Ф. 26, 475
Минаев А. П. 27
Минорский В. Ф. 270, 430
Мир Иззатулла 73, 501
Мир-Хамид 513
Мирек-ака 402
Мирза Каландар Муширф Исфараги 70, 494—495
Мирхал ад-дин Яркенди 67, 455, 465, 468
Мога-Мауэса 179
Моисей Каганкатваци (Дасхуранци) 55
Мокеев А. 21
Мокрынин В. П. 21—22, 40, 43, 46, 125
Молдо-Нияз 645
Моравчик Г. 42
Москаленко И. В. 16
Моцай 205
Мугуа 179, 205
Музаффар 518
Музооке 631
Муин ад-дин Натанзи 65, 398, 402
Мукаддаси 61, 62, 254, 269, 271—272, 274—275, 284, 286, 305, 307, 311, 346, 374
Мункэ-хан (Менгу-каан) 383—386, 390
Мурад-хан 516, 558
Муратов Илья 486
Муса (Байташ) б. Сатук 291
Муса 541
Мусаходжо-бий 476
Мусулманкул 515—517, 545, 548, 557—558
Мусулманкулов Молдобасан 623
Мухаммед-хан 449, 453, 596, 601
Мухаммед ас-Сави 379,
Мухаммед Вафа Карминаги 68
Мухаммед ибн Арабшах 64, 401
Мухаммед ибн Зуфар 62
Мухаммед ибн Тенгри 646
Мухаммед Исхак-бий 538
Мухаммед-киргиз 443—446
Мухаммед Мирза Хайдар 66—67, 394, 402, 404—405, 430—432, 443—444, 590, 596
Мухаммед Мумин-султан (Акбаш-хан) 448, 455—456
Мухаммед Назар Кур-оглы 558
Мухаммед-Рахим 491—492
Мухаммед-Садык Кашгари 66—67
Мухаммед Хаким-хан-тюря 70
Мухаммед Шариф-ахунд 549
Мухан-каган 222
Мухтаров А. 35
Мушкетов И. В. 27

Набиев Р. Н. 35, 51
Надир Мухаммед-хан 67, 452, 647
Назаров Ф. 73
Наливкин В. П. 28, 517, 535, 558
Нарбута-бий 494, 515, 544
Наршахи Мухаммед 62, 230—231, 263, 308, 347
Наср ибн Али 294—295, 313
Наср ибн Сейяр 249—250
Насрулла-эмир 515
Настич В. Н. 46, 369
Немет Ю. 42
Несмеянов С. А. 37
Нессельроде К. В. 570, 572
Нивар-каган 259
Низам ад-дин-ходжа 460
Низам ад-дин Шами 64—65, 395, 400
Низам ал-мульк 63, 307
Низами Арузи Самарканди 63
Николай II 579
Нисави 63, 302
Нияз-Мухаммед Хоканди 70
Ниязбек, бий 573, 608
Ниязов Миркубан 573
Ноуруз-эмир 390
Ноуруз 621
Нур ад-дин 454
Нурмолдо 541
Нусов В. Е. 47
Нух ибн Асад 257
Нух II ибн Мансур 294—295
Нюхалов Т. В. 73, 496—497, 504, 576, 578

Оболдуева Т. Г. 32
Овасов Баки 570
Огарев Н. Г. 487
Огуз-каган 253, 433, 624
Огулчак Кадыр-хан 257, 291
Огя-буюрук ярган 262
Окладников А. П. 21, 24, 32, 35, 37, 84, 91, 96, 104
Олджотай-бий 454
Омар Хайям 371
Омар-хан 494—495, 500—501, 504, 535, 544—545, 577
Омар Шейх-мирза 593, 598
Омари 590, 592
Омуров Чоюке 623
Орда-хан 401
Ормон-хан 507, 510, 512, 560—561, 580, 607, 639
Орозбаков Сагымбай 623
Орузбаева Б. О. 21, 53
Осман ибн Ибрахим 301—302
Ошанин В. Ф. 27

Пайкова А. В. 369
Пален К. К. 529
Пантусов Н. Н. 27
Пельо П. 30
Пероз-шах 223
Петр I 59, 72, 326, 569
Петренко Г. А. 16
Петров К. И. 21—22, 43, 49—50, 286
Петровский Н. 566
Петрушевский И. П. 32
Пиков Г. Г. 47
Пиленков П. А. 575—576
Пир Мухаммед-хан 449
Пирс Р. 52
Пищулина К. А. 51
Плоских В. М. 21—22, 51
Полиен 145
Поло Марко 65, 385
Помаскин Б. В. 184, 312—313
Помаскина Г. А. 39
Пославский И. Т. 30
Поспелов М. 73
Потанин Н. 73, 499
Поярков Ф. В. 27, 30
Пржевальский Н. М. 27, 605
Прибыткова А. М. 47
Приск Панийский 55
Прицак О. 42, 290—291, 296
Прокопий Кесарийский 55
Проценко П. П. 75, 582
Птолемей, Клавдий 54, 197, 206
Пугаченкова Г. А. 24, 45, 47, 597
Пулад (Пулат)-хан 401, 431, 545
Пуладчи-эмир 394—396, 402
Пуллейблэнк Э. 46

Радлов В. В. 28—29, 49—50, 52, 427, 503, 550, 611, 616, 621, 623—624, 635
Ранов В. А. 37
Распопова В. И. 35, 46
Рафи ибн Лейс 256
Рахматулла-мирза 516
Рашид ад-дин 27, 64, 388, 394, 425, 428—430, 434
Резник П. Ф. 556
Ремпель Л. И. 47
Розен В. Р. 28
Романов Ю. В. 22
Ромодин В. А. 32, 35, 51, 70
Росс Е. Д. 30, 566
Рубрук, Вильгельм 65, 384
Руденко С. И. 42
Рузанов В. Д. 112
Рыскулбек 607
Рысмендиев Акмат 623
Рычков П. И. 25, 72

Сабил 248
Саблуков Г. С. 27
Савельев П. С. 26
Садр ал-Ислам 403
Садык-бий 492
Садыков Т. 22, 376, 378
Садыр 506
Саид ибн Хумейд 252
Сайид Джалал ад-дин 627
Сайф ад-дин Ахсикенди 400, 436, 627
Сакал-каган 239, 243
Сакбон Радпабатор 458—459
Салахетдинова М. А. 67
Салвас-бий Булгачи 395
Салих 244
Самани 62, 308

Санджар 300
Санчы-сынчы 641—642
Сарай-Мамай 401
Сартбай 631
Сары Бука 398
Сарымсак-датха 518, 551—552
Сатук Абд ал-Керим 290—291, 295
Сатыбалды-хаким 516, 558
Сатылганов Токтогул 634
Себеос 55
Себук-тегин 294
Северцов Н. А. 27, 74, 531, 562—563, 567
Сейидкул-бек 495, 535
Сейфи 467, 470—471, 636
Сейфуллин Файзулла 496, 572, 575—576
Селевк I Никатор 339
Семенов А. А. 66
Семенов-Тян-Шанский П. П. 27—28, 73, 75, 507, 605, 608, 610—611
Семениченко Л. Е. 22
Сипайлов И. 486, 488
Ситняковский Н. Ф. 30
Скайлер Ю. 503, 545, 566, 621, 639
Скобелев М. Д. 556
Скрайн Ф. 30, 566
Словцов П. А. 73, 484
Слуцкий С. С. 28
Смирнова О. И. 42, 46
Сокур-бий-кушчи 453
Сорокин В. С. 132
Сорокин Н. В. 27, 541
Спаретра 145
Ставиский Б. Я. 45, 370
Станкевич Б. В. 27
Старков 571, 573
Стеблева И. В. 46
Страбон 54, 145, 147
Су Динфан 237
Сугнак-тегин 381
Сулейман Арслан-хан (Сулейман ибн Юсуф) 296, 298
Сулейманов Р. Х. 85
Сулейман-ходжа 516
Султан-Ахмад-султан 456
Султан Мурад-бек 543
Султан Махмуд-хан 453, 592
Султан-Саид-хан 442—445, 455
Султан-Сейид-хан 518—519, 566
Султан-Халиль-Султан 406, 443—444
Сулук Чабыш-чор (Абу Музахим) 59, 235, 245—249, 262, 265, 337
Супруненко Г. П. 21—22
Суранчи-бий 483
Сургай В. Т. 38
Суфи-мирза 466
Сухарева О. И. 46
Суюргатмыш 396
Сыма Цянь 56
Сынгку Сели-тудун 59
Сюань Цзан 56—57, 59, 227, 230, 235, 271, 275—276, 283, 322, 334, 367—368, 418
Сюбаши-тегин 295

Табари 223, 240, 248, 272
Табберт (Страленберг) Ф. И. 59, 326
Тагай-бий 443
Тагма-тархан 225
Таир Берды 489
Тайлак-батыр 497—498, 557
Тайцзун 237
Талызин А. 548
Тамгач Богра-карахакан Абу Али Хасан 375
Тамим ибн Бахр 61
Тарду Боке-каган 226
Тарман Чора-каган 227
Тармаширин 392—393
Тарн В. 44
Тархун 241
Таскин В. С. 47
Таспар-каган 222, 226, 337
Татищев В. Н. 25, 72
Тахай 383
Тахир-хан 445—446
Тевеккель-хан 447—449
Тегин-хан 295
Темурджан-бий 493
Тенишев Э. Р. 21
Терентьев М. А. 30
Тизенгаузен В. Г. 26
Тилен 631
Тимковский Е. Ф. 545
Тимур 64—65, 385, 391, 393, 395—402, 430—431, 442, 538, 585, 592, 598
Тихонов Д. И. 47
Тоглук-Тимур 393—396, 402, 601
Тогрул ибн Йинал 298
Тогрул кара-хан 297—298
Токтогул-ырчы 621
Толстов С. П. 32
Толубай-сынчы 621, 640—641
Толуньтай 480
Томирис 143
Томсен В. 29
Тон джабгу-каган 227, 229, 232, 234, 262, 321—322, 324
Тоньюкук 58, 241—243, 326
Торогельды 567
Торяхан-тюря-ишан 538
Тохтамыш 398—401, 470, 627
Тревер К. В. 44
Троицкая А. Л. 35, 51
Туган-хан 296
Тулуй 383

Туманский А. Г. 28
Тураат-Ногай 519
Туранташ 232
Тура-Тимур 390
Турдымамат 483
Туркан-хатун 302
Турксанф 225
Турсун-султан 450—451
Тутух 389, 430
Туу 221
Тухварсен-каган 249
Тэмур 389—390
Тюлебердиев Улджебай 577—578

Убайдаллах-хан 446
Угусунь Чжундуань 57—58
Угэдэй-хан 64, 382—383, 385—388
У-ди 201—203, 206
Уйсунбай 576
Улджебаев Акымбек 496, 575, 578
Улугбек 401, 403—404
Умбеталы 565, 567
Умбетов М. 575
Уметалиева Д. 52
Умняков И. 379
Унковский И. 72, 460
Урдэн 480
Урунбаев А. 35
Урус 389, 391
Усенбаев К. У. 51
Усубалиев Т. У. 13, 19
Ут-тегин 287
Утамбай-минбаши 549
Утби 62, 295
Утембий 565
Уч-элиг-каган 239

Фадл б. Сахл 256
Фазыл-бий 491—492
Фаик 294, 307
Фань Е 56
Федоров М. Н. 47
Федоров-Давыдов Г. А. 42
Федоровский С. С. 22, 267
Федченко А. П. 27, 75, 565
Феофилакт Симокатта 334
Филипп Македонец 339
Фирдоуси 223
Фишер И. Э. 26
Флоринский В. М. 27
Франграсьяна 143
Френ Х. М. 26, 290
Фу Дэ 478

Хаджи-бек аркинут 394—397, 515
Хаджи-бий 492—494, 529
Хаджимамат-алам 644
Хаджим-аталык-хытай 452
Хади-султан 448
Хазык Шары (Казак Сары) 479
Хайду-хан 49, 66, 384—394, 430, 442, 592, 603
Хаким-мирза 466
Хакк-Берди Бекчик 404
Хаккулы-минбаши 497—498, 500
Хакк-Назар-хан 446—447
Халфин Н. А. 51
Хамдаллах Мустауфи Казвини 435
Хан-Ходжа 461—462, 480
Харис ибн Сурейдж 248—250, 262
Харматта И. 42
Харун Бугра-хан 294
Хасан-тегин 300
Хасанов А. Х. 51
Хатто А. 52
Хафиз-и Таныш 67, 448
Хвольсон Д. А. 28
Хеннинг В. Б. 45—46
Херцфельд Э. 44
Хишам 337
Хлудов Н. Г. 30
Ходжа Исхак 66, 636
Ходжайов Т. К. 48
Хой Чао 368
Холдсворт М. 52
Хоментовский М. М. 74, 581
Хорошхин А. П. 27
Хорчи 383
Хосров I Ануширван 223—224, 234, 266
Хосров Бори-шад 239
Хо-Урлюк 458
Хубилай-хан 65—66, 381, 384—386, 388—389, 430, 600
Худайберген 562—563
Худайдад 396, 402—404
Худояр-хан 70, 74—75, 502, 511, 514—519, 530, 535, 541, 545, 551, 558, 562—563, 565—566
Хулагу 383, 388
Хунли 479, 481
Хусейн ибн Хасан 301
Хусейн Чагры-тегин 298
Хутулун Чаха 386, 391
Хутухаиту-Харахула-тайши 458
Хызр-Ходжа 399—400, 402

Цзя Дань 57
Цеван-Рабтан 72, 456, 459—460
Цецен-хан 458

Чабыш Тонтаркан 438
Чагатай 64—65, 382—385, 387—388, 442, 592, 600—601

Чан Фынь 179
Чан-чунь 57—58
Чапар 387, 389—392
Че Лин 202
Чекире-хан 431
Черикчи-бий 493
Черненко К. У. 6, 19
Черный Чор 327
Черных Е. Н. 112
Черняев М. Г. 526, 582
Чжан Цянь 56, 201—202
Чжао Пу-ну 202
Чжао Хой 478—480
Чжену 243
Чжи-чжи 56
Чигиль-арслан -эль -тегрюк -алп-бар-гучан-алп-тархан-бег 255
Чигиль-бий 455
Чинагупта 337
Чингиз-хан 57—58, 301, 303, 380—386, 388, 390, 392, 428, 430, 434, 446, 471, 585, 590—591
Чир 271
Чолпонбай 509
Чоробаев А. 557
Чукула Кашка 456
Чулошников А. П. 31
Чыкин Чур Бильга 232

Шаванн Эд. 30, 290
Шамс ад-дин 396
Шаниязов К. Ш. 46
Шапак-бий 571, 573
Шараф ад-дин Али Йезди 65, 395, 399—400, 430, 589
Шарик 252
Шах 386, 390—392
Шах-Махмуд Чурас 66—67, 454
Шах-Мурад (Самрат-бек) 518, 545, 565
Шах Рахматулла-ишан 539
Шахрух 65, 404, 490
Шейбани-хан 444
Шелунь-каган 220
Шемякин Г. М. 16
Шер Я. А. 39, 43
Шералин Алгазы 496, 575
Шералин Качибек 496, 573, 575
Шералин Муса 575
Шералы-хан 500, 515—516, 558, 565, 571, 573
Шергазы 483—484, 486
Шефер Э. 42
Ши Сымин 253
Шигай-хан 67, 447
Шир-Мухаммед 402—403
Ширак 145
Шишкин В. А. 46
Шоноков Д. 16
Шубин Ф. К. 576
Шуджа ад-дин Ахмед-хан 453

Щербак А. М. 42

Ынанчу Алп Бильге 243
Ыраман 621
Ырчы 621
Ырысмендеев Шапак 623
Ышбара-каган 226, 237, 239, 266
Ышбара Эльтериш Шир-каган 229

Элетмиш Бильге-каган (Баян-чор) — 252—253, 260
Эльбильге Ышбара джабгу каган 237, 261
Энгельс Ф. 13, 106, 132, 134, 309, 369, 438, 457, 569, 572, 581
Эрен-Улуг 243
Эсен-Бука-хан 392, 403—406, 457

Юдахин К. К. 53
Юдин В. П. 51
Юнус-хан 403—406. 589
Юнусалиев Б. М. 48, 52—53, 438, 623, 645
Юнусалиев М. Б. 21—22, 37
Юсупов Абдульман 570
Юсуф Баласагунский 11, 22, 29, 59—60, 290, 304—306, 309—310, 315, 317—320, 375—377, 422
Юсуф ибн Муса 307
Юсуф Кадыр-хан 295—296
Юсуф-минбаши 500. 515, 536
Юсуф-ходжа 460—462

Якуб-бек 504
Якуб-тегин 297—298
Якубовский А. Ю. 32, 308, 317
Ялангтуш-аталык 458
Янушкевич А. 73
Яньлю 179
Ясавур 393
Яхья-ходжа 455

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Азербайджан 602
Азия 11, 13, 17, 81, 143, 426, 523, 547, 569, 570, 576
Малая 428
Передняя 80, 96, 146, 365, 418
Северная 93—94
Центральная 11, 13, 24, 26, 28, 34, 39, 41—43, 47, 48, 51, 54—56, 57, 60, 62, 65, 93—94, 146, 167, 177, 201, 219—220, 222, 224, 236, 242, 250,—251, 253, 256—257, 326, 373, 381, 408—409, 411, 413—415, 423, 428, 433, 435, 441, 443, 452, 477, 571, 582, 604
Азовское море 219
Айгырджал, мог. 163, 209, 412
Аймырлыг, мог. 149
Айртам-Ой, ур. 326
Айырмач-тау, гора 186, 189—190, 217
Ак-Бешим, г-ще 227, 229, 270—271, 277, 284, 286, 311, 314, 350—351, 353, 373, 418, 420
Ак-Бура, р. 121, 175, 182, 185
Ак-Мечеть, кр. 504—505
Ак-Сай, местн. 379; р. 100
Ак-Сай-Чатыркульские сырты 99—101
Аксу, г. 394, 402, 404—405, 454, 461, 476, 570—571, 573—577; кр. 498, 505
Ак-Тюбе (Ак-Тобе), г-ще 272, 314—315, 594
Актас, посел. 148
Акчий, г-ще 594—596
Акчий-Карасу, мог. 212—213
Алабука (Алабуга), местн. 404; обл. 358, 405; р. 153, 311, 344, 359
Алай, местн. 39, 59, 66, 75, 103, 147, 175, 177, 209, 211, 213, 236, 262, 282, 326, 452, 472—473, 483, 493, 495, 503—505, 507, 509—511, 516—517, 519, 528, 534, 542, 558, 610, 625; р. 448; хр. 112, 156, 175
Алайская долина 102, 104, 156, 163, 190, 197, 452, 473
Аламедин (Аламединское) посел. 109; р. 102, 104, 496; с. 147
Аламышик, мог. 153, 262
Алатавский округ 73, 518, 566
Александровское (Александровка), г-ще 314, 328; посел. 109; с. 112—113, 265
Алма-Ата, г. 43, 44, 151, 164
Алмалуу, мог. 147, 170
Алмалык, г. 302—303, 382, 393, 396, 601; обл. 381—382, 601
Алтай (Алтунская чернь, Тюлес, Тулас, Тёлёс) 12, 27, 49, 94, 109, 142, 219, 221, 227, 241—243, 251, 252,

[1] В указатель не включены названия «Киргизия» (со всеми подразделениями) и «Средняя Азия».

Принятые сокращения: г.— город, г-ще — городище, д.— долина, кр.— крепость, местн.— местность, мог.— могильник, обл.— область, оз.— озеро, посел.— поселение, р.— река, с.— село, ст.— станция, ур.— урочище, хр.— хребет.

265, 283, 292, 333—334, 383—386, 389, 399—403, 405, 408, 416, 423, 425—427, 429—432, 440, 617, 625
Горный 427, 429
Западный 382, 427
Монгольский 250, 429
Северный 49, 324, 425, 427, 441
Северо-Западный 424
Альпы 81
Аму-Дарья, р. 94, 223-225, 227, 237, 240, 246, 247, 255, 294-295, 382, 385, 387-388, 396, 581
Англия 31, 572, 582-583
Ангрен, г. 387
Андижан, г. 394, 398, 400, 402, 404, 444, 449-450, 452, 459, 462, 477, 491, 517-518, 538, 592-593
Андижанский вилайет 404, 450-451, 500, 503, 517
Андижанское бекство 492, 536
Араван, бекство 550; р. 185
Аравийский полуостров 240
Аравия 602
Арал (Аральское море) 143, 223, 225; ур. 536
Аргу, обл. 255, 285, 379
Арделянкет, г. 272, 314
Аржан, мог. 40, 143, 149
Арпа (Арпинская), д. 33, 38, 99-100, 114, 116, 118; мог. 108-109, 111, 114; р. 400
Асбаникат, г. 274, 278
Ат-Баши, д., местн. 297, 311, 394, 398, 404, 406, 445, 473, 481, 628; р. 640; хр. 99
Атбаш, кр. 272, 311, 344, 360, 504—505, 592
Атбашинский район 621
Атлах, г. 252-253, 269, 271-272, 275, 284, 305
Атлук, с. 379
Аулие-Ата, кр. 497, 504-505, 509, 530, 556, 563, 582
Афганистан 129, 143, 216, 227, 235, 451, 556
Афонтова гора 93
Афрасиаб, г-ще 232-233, 290, 324, 417, 422
Африка 80, 83
Восточная 78
Ахсикент (Ахси, Ахсыкет), г. 272, 315, 380, 394, 444, 447
Ашпара (Аспара), г. 269-270, 590; г-ще 598; кр. 64, 401—402, 594
Ашт, мог. 216, 368; посел. 182, 188; с. 181

Багдад, г. 257, 375, 377
Бадахшан, обл. 282, 303, 390, 453, 460, 472—473
Бактрия 11, 56, 130, 139, 177, 197, 214, 352
Баласагун (Куз-Орду, Куз-Улуш), г. 59, 63, 257, 270, 286, 291, 295—296, 298-301, 303, 308, 311, 315, 344-345, 375, 379—380, 388, 423, 474, 590—592, 601, 603—604
Балх, г., обл. 67, 240, 244, 248, 282, 294—295, 300, 387, 390, 393, 395—396, 452, 591
Балхаш, оз. 250, 293
Балыкчи, местн. 517, 560
Барскоон (Барскоонское), кр. 498, 505, 557; местн. 444; посел. 278; с. 213
Барсхан, г. 274, 285, 311, 314-315, 342, 377; местн. 379; обл. 60, 285, 298; р. 254, 273, 274
Верхний, обл. 61, 269, 271, 282
Нижний, г. 269
Баткен (Баткенская, Баткенское), д. 172, 274, 324; посел. 147, 193, 215; с. 172, 194
Беловодская крепость 277, 420
Беловодское, с. 342
Бесшатыр, мог. 151
Беш-Таш, мог. 109, 138, 586, 587
Бешбалык, г. 59, 237, 256, 299, 379, 381, 427
Берлин, г. 16
Биловур-тепе, г-ще 185, 193, 215
Болучу, местн. 243, 245, 253
Большой Чуйский канал (БЧК) 33, 111, 150, 152, 154
Большой Хинган 242, 435
Бомбей, г. 501
Боомское ущелье 282, 398, 418
Бос-Тектир, мог. 212-213
Бурана, г-ще, мог. 27, 46, 161-162, 270, 311-313, 339, 342, 344-346, 348, 356, 591-592, 598, 601
Бухара 60, 62, 70, 72, 221, 223, 230-231, 240-241, 244, 246-247, 252, 263, 286, 294-297, 300-301, 305, 308, 347, 373, 375, 390, 395, 398, 446-449, 452, 455, 476, 493, 515, 518, 560, 570, 582, 602, 625—626
Вахш, р. 94
Византия 11, 55, 224-226, 234, 261, 282, 321, 418
Волга, р. 223, 225, 569, 581
Восток 13, 15, 30, 32, 48, 75, 93-94, 119, 146, 214, 216, 236, 283, 309, 345, 360, 365—366, 374, 375, 387, 493, 523, 570, 572, 578, 582, 584, 604, 648
Ближний (Передний) 35, 39, 78, 97, 107, 268, 286, 289, 353, 366, 418
Дальний 39, 282, 289, 366
Советский 15, 18

Гаочан, обл. 221, 235, 236, 299, 334
Георгиевский Бугор, стоянка 85-87
Герат 226, 231, 295, 334, 380, 404
Гималаи 94
Гиндукуш 396
Гиссар, обл. 67, 452
Гиссарский вилайет 452
Греция 32, 54
Гулистан, с. 278, 345, 358
Гульча, кр. 510, 517; с. 236

Дагестан 324
Дамаск, г. 375
Дараут-Курган, посел. 102, 147-148, 175, 190, 197; кр. 498, 504-505, 507, 509
Дарвазский хребет 495
Дашт-и Кыпчак 398-399, 404-405, 447, 449, 627
Джазы-Кечу, местн. 116; мог. 109, 114, 117-119, 133, 137-138
Джаильма, посел. 109, 138; с. 117
Джал-Арык, мог. 154, 411; посел. 109, 111
Джалал-Абад, г. 236, 530, 538
Джамбул, г. 270
Джергалан, р. 162, 497, 608
Джергалан-Су, ур. 578
Джергес, мог. 148, 162
Джигда-Могол, кишлак 530, 538, 607
Джиламыш, мог. 161, 586
Джикиль, г. 380, 420
Джуль, г. 269-270
Джумгал, д., р. 445, 479, 542; кр. 498, 504-505
Джунгария, обл. 68, 220-221, 227, 237, 251, 256, 292, 424, 427, 432, 442, 454, 456-462, 478, 481-482, 583
Северная 482
Южная 424
Джуука, р. 507, 607; ущелье 607
Дун-Булак, г-ще 188, 191, 198
Душанбе, г. 24, 39, 44, 97

Евразия 41-42, 107-109, 141, 149, 150 164, 374, 590
Европа 11, 17, 65, 72, 78, 80-81, 93, 96
Восточная 11, 84, 285, 408
Западная 110
Юго-Восточная 220
Южная 83
Египет 240, 388
Енисей, р. (Кем, Улуг Кем) 12, 26, 50, 58, 222, 284, 326, 384, 389, 416, 426, 429
Верхний 12, 423, 430
Средний 12, 242, 423, 430

Забайкалье 93
Заилийский край 580-582
Закавказье 82, 261, 417
Занби Арт, местн. 379
Запад 54, 57—58, 63, 93—94, 146, 216, 224, 236, 283, 300
Западный край 56-57, 201-202, 583
Зауралье 108
Южное 109
Зеравшан, р. 60, 140, 223, 232, 247, 418

Или (Илийская), д., р. 40, 151, 237, 239, 254-255, 282, 291, 293, 304, 311, 379, 382, 384, 386, 393-395, 397-400, 403, 405-406, 422, 426, 431, 461-462, 490
Илийский край 29, 72, 583; округ 498
Индия 11, 57, 66, 73, 173, 198, 213, 216, 220, 295, 352, 372, 486, 489, 510, 570, 572
Северная 80, 220, 365-366
Северо-Западная 227
Индостан 80
Ирак 240, 252
Иран 8, 11, 55, 65, 129, 173, 177, 213, 220, 223-227, 231, 234, 240, 258, 261, 283, 309, 333, 371, 373, 383, 388, 390-391, 398, 404, 418, 422, 589
Западный 144
Иртыш, р. 239, 243, 250, 253, 292, 301, 381, 386, 392, 394—395, 399—400, 427, 429-430, 458, 570
Черный 426
Иски-Наукат, с. 123, 215
Испид-Булан (Сафид-Булан), г. 278, 345-346, 358-359, 515, 530, 538, 592-594, 602-603, 610, 638
Иссык, курган 40, 145, 149, 151, 207, 209, 213, 411
Иссык-Атинка, р. 275
Иссык-Куль, оз. 10, 28, 57, 59—60, 61, 64, 74, 81-82, 85, 104, 109, 113, 125, 147-148, 150, 152-153, 158, 162, 210, 213, 230, 253-254, 266, 269, 271-272, 278, 282, 285, 304, 311, 322, 326, 328, 339, 342, 375, 377, 379, 394, 397-398, 400, 403-404, 420, 422, 440, 444, 446, 451, 460, 474, 479-480, 495-498, 505, 507, 510, 517, 541, 557, 573, 580-581, 585, 596-598, 600-601, 610, 628, 639
Иссык-Кульская (впадина, долина, котловина) 14, 28-29, 31, 35-36, 40-41, 43, 45, 48, 81, 85, 109, 118, 147, 152, 158, 162, 255, 271, 278, 300, 305, 311, 344, 359, 473—474, 573, 577, 592, 594, 622—623
Исфаган, обл. 257, 297
Исфара, г. 236; д. 171, 214; обл. 274; р. 96

Исфиджаб, г. 254, 257, 269, 271, 278, 282, 294—296, 303; кр. 286; обл. 269, 307
Кавак Арт, местн. 379
Кавказ 81-82, 225, 227, 282, 581
Северный 250, 326, 424
Казахстан 12, 14, 23, 31, 33, 38, 40, 42, 44, 46, 51, 54, 63, 71, 78, 80, 85, 107-108, 111, 113-114, 116, 119, 138-139, 150, 162, 219, 303, 306, 326, 365, 391, 409-410, 412, 416, 442-443, 458, 475, 479, 481-482, 496, 569-570, 581-583, 585-586, 642, 644, 647
Восточный 38, 94, 110, 112, 139, 250, 409
Западный 108, 132, 211
Северный 94, 108-111, 138, 139, 250
Северо-Восточный 423-426
Центральный 38, 40, 108, 110-112, 116, 138-139, 211, 409
Юго-Восточный 389, 442-446
Южный 78, 138, 307, 314—315, 347, 379, 582, 602, 612,
Каинда, посел. 109, 138; с. 117
Кайрагач, мог., посел. 167, 175, 199, 200, 218, 347, 374
Кан, кр. 498, 504-505
Канджангар-Баши, кр. 311
Кан-и Гут, рудник 197, 278, 542
Кантский район 352
Капчигай, местн. 85, 88-90, 96
Кара -Багыш, с. 538, 607
Кара-Балта, г. 147-148, 167, 322, 342; кр. 498
Кара-Булак, мог., посел. 40, 45, 171-174, 176, 194, 198, 211-212, 215, 274, 277-278, 304, 314, 346, 348-349, 529
Кара-Дарья, р. 120, 123, 181-182, 191, 193, 197, 274-275, 530
Карадарьинский оазис 120, 187, 191
Караджигач, г-ще 363, 590, 601; обл. 291
Каракол, мог. 109; кр. 498, 505, 557
Кара-Коюн, р. 640; ущелье 360
Кара-Куджур, д. 153, 262, 328, 338
Кара-Кульджа, д. 158; р. 120, 182, 274
Кара-Мазар, местн. 175, 177, 197
Кара-Су, г. 121, 183, 610; р. 98, 156; ур. 517
Карасуйский оазис 121, 181, 183, 187
Каратал, р. 164, 400
Кара-тау, хр. 227, 304, 398, 504, 542 563
Каратегин, обл. 67, 197, 307, 452, 460, 473, 495
Караялык, с. 386, 388
Карминкет, с. 254-255, 285
Карши, г. 392-393
Касан, г., г-ще 192, 198-199, 218, 235, 272, 303, 394, 495, 594
Каспийское море (Каспий) 13, 145, 569
Кастек, кр. 498, 505; перевал 282, 581
Кашгар (Кашгария), г., обл. 8, 60, 66—67, 72-75, 197, 238, 249, 254-255, 257, 271, 291, 296, 298-299, 301-303, 314, 316, 359, 373-375, 377, 379, 394, 402, 404, 406-407, 418, 421, 423, 426, 444-446, 453-456, 460-461, 467, 475-477, 483, 495-496, 498, 504, 543-544, 570-572, 574-578, 580-582, 591, 613; 637, 646-647
Кашгарский округ 482-483
Кашка-Дарья, р. 60, 232, 395, 597
Кашмир, обл. 66, 496-497, 570, 572, 574
Каялык, г. 302, 381-382, 590
Кеген, р. 148, 582
Кенкольский мог. 40, 165, 167, 208, 211, 412
Керулен, р. 452
Кетмень-Тюбе, д., котловина 36, 38, 40, 45, 109, 111, 117, 119, 138, 147, 154, 156, 158, 163, 167-168, 170-171, 198, 209, 211-213, 266, 335, 344, 366, 411, 415, 460, 494, 495, 504-505, 517, 542, 556, 577, 594, 607
Кеш г. 249, 395-396
Кзыл-Октябрь, посел. 120, 125, 191
Китай 11, 51, 56-57, 68, 73, 196-197, 201, 205-206, 213, 216, 226, 241, 243, 261, 372, 430, 446, 457, 459, 476, 478, 479-484, 493, 494, 544, 570-571, 580-584
Северный 57, 93, 221, 389, 424
Ключевское г-ще 352
Кобук, р. 382; местн. 399
Кой-Сары, г-ще, местн. 28, 278
Коканд, г. 70, 72-75. 483, 490-491, 495, 498, 510, 515, 519, 529, 541, 543, 545, 547, 556, 558-559, 566-570, 572, 610, 611,
кр. 490
Кокандское бекство 492
Кокча 3, мог. 138, 409
Константинополь, г. 225, 234, 325
Кочкор (Кочкорка), местн. 398, 445, 505, 592, 628
Кочкорская долина 300, 321-322, 328-329
Кошой-Коргон, г-ще 311, 639
Коштепинский мог. 187, 196, 217
Красная речка (Краснореченское) г-ще 46, 230, 271, 275—276, 280, 311, 314, 329, 336, 339, 343, 347-348, 350, 352-354, 362-364, 368-369, 371, 373, 416, 419-420

Кудыргэ, мог. 283, 324, 330
Кулан, г. 238, 254, 256, 269, 282, 305
Кулан-Сай, мог. 109; ущелье 61, 368
Кулунчак, посел. 183, 188, 191-193
Куль, г. 269, 272, 279
Куляб, вилайет 452
Куми-Талас, местн. 293, 379
Куртка, кр. 498, 504-505, 557
Куршаб, р. 191; с. 536, 607
Кутмалды, местн. 510; кр. 560
Куча, г. 237-238, 243, 288, 394, 402, 425, 480
Кучук-тепе, посел. 125, 130, 139-140
Кызыл-Курган, кр. 498, 504-505; посел. 147
Кызыл-Су, р. 102, 548
Кызыл-Ункур, кр. 505, 507, 607
Кэм-Кэмджиут, обл. 428-430

Ленинабад, г. 181
Ленинград, г. 7, 16, 20, 24, 32, 37, 46
Лобнор, оз. 202, 403, 406, 439
Луговая ст. 238, 254, 256, 401
Ляйляк, р. 171

Мавераннахр, обл. 34, 64, 240, 246-247, 249, 254, 256-257, 265, 274, 280, 286, 291, 294, 295—298, 300, 302—303, 305—306, 310, 317—319, 355—356, 361, 363, 366, 380, 384, 386—388, 390—398, 403—404, 446, 448, 599, 602—603
Маймург, обл. 223, 230
Манглай Субе, обл. 394, 399, 401—402, 404—406
Маньчжурия 219, 222, 252, 423, 430
Маргелан, г. 310, 490—491, 515, 518, 547, 563
Маргеланское бекство 492, 535—536, 548
Маргеланский вилайет 500, 549
Маргиана, обл. 139, 177
Мархамат, г-ще 44, 185, 190, 192, 198, 215
Медва (Мадва), г. 272, 282
Медина, г. 342
Мекка, г. 342, 454
Мерв 240, 244, 246, 247, 250, 283, 353
Мерке (Мирки), г. 254, 269—270, 282, 307, 373; кр. 504—505, 507, 530
Минусинская котловина 29, 35, 49—50, 138, 243, 416, 423, 429
Мирзалим-тепе, усадьба 183—184, 188, 191—193, 199, 218
Моголистан (Могулистан) 51, 64—66, 385, 391, 393—398, 401—407, 430—433, 435, 442, 453, 457, 464, 589, 591—592, 601, 627
Северо-Западный 405
Северный 405
Монголия 28—29, 40, 49, 58, 93, 220, 222, 251, 260, 301, 325—326, 337, 382, 384—385, 389, 416, 430, 455, 459
Восточная 423, 459—460
Северная 220, 222, 224, 241
Северо-Западная 251, 424, 427, 428—429
Центральная 60
Москва, г. 7, 16, 20, 24, 32, 37, 44, 46
Муг, гора 60, 232, 271, 287, 417
Мунчак-тепе, г-ще 194, 196, 198, 277
Мургаб, р. 130, 139; оазис 390

Наманган, г. 518, 542, 594
Наманганский вилайет 500, 503, 515, 535; округ 559
Наманганское бекство 492
Нарын, г. 78, 153, 163, 254, 262, 557; пос. 104; р. 98, 168, 181, 193, 255, 274, 504, 542
Нарынская впадина 81; д. 153, 473, 541; обл. 622; район 109
Наукат, г. 548, 550, 592, 602—603
д. 123, 179, 190
Наукатская котловина 123
Невакет (Навекат, Навикас), г. 57, 252, 269—271, 275, 285, 287, 373, 418, 420
Новоникольское I, посел. 109—110
Новопавловское, г-ще 350
Новопокровское, г-ще 275, 352—353, 366, 600
Нузкет (Нушкат), г. 269

Обишир, стоянка 37, 97—98
Обь, р. 49, 138, 293, 424—426
Омск, г. 7, 484—488, 496, 575—576, 578, 580; обл. 574
Он-Арча, р. 78—80, 82—83, 90
Оренбург, г. 72
Орловка, с. 272, 279, 314
Орхон, р. 28, 222, 224, 259, 298
Отрар, г. 254, 256, 343
Отукен, местн. 251, 253, 257
Ош, г. 59, 66, 71, 72, 121, 123, 182-183, 185, 187, 190, 272—274, 282, 345, 453, 459, 493—495, 500, 504, 517—518, 529, 534, 539, 542—543, 545, 551, 557—558, 592—593, 602—603, 607—608, 610, 639, 641, 646
Ошское (Ошский), бекство 548, 550; вилайет 503; оазис 121, 175, 179, 181—182, 185, 190, 193, 217; посел. 121—123, 127—128; серкерство 547; уезд 536
Ошская область 36, 44—45, 88, 90, 610

Пайкенд, г. 240, 283
Пальман, стоянка 79, 105
Памир 33—34, 66, 81, 94, 100—101, 282, 315, 402, 468, 472, 495, 503—504, 511, 528, 556, 606
  Большой 495
  Восточный 406
  Малый 495
Памиро-Алай 10, 47, 49, 382, 384, 490, 505
Памиро-Тянь-Шань 646
Парфия 177, 190, 216, 413
Пекин, г. 388, 480, 498
Пенджикент, г. 45—46, 60, 199, 232, 276, 283, 286, 328, 343, 348, 354, 367
Персеполь, г. 144
Петербург (Санкт-Петербург), г. 73, 486—488, 569, 572, 574, 579
Пишпек, г. 27, 496; кр. 75, 498, 504-509, 530—531, 557, 560, 565—566, 582, 600—601, 607
Поволжье 220, 410, 416, 428
  Нижнее 227, 250, 326
Пржевальск, г. 162
Приаралье 116, 138, 211, 225, 250, 253, 409—410, 424;
  Южное 116
Прибалхашье 382, 394, 403
Прииртышье 12, 49, 227, 383, 386, 400—401, 408, 423, 425, 427, 430—432, 441
Прииссыккулье 27, 72—73, 254, 398, 416, 444, 473, 483, 497, 503, 510, 542, 566, 579, 607, 613
  Восточное 72
Прикаспий 398
  Восточный 101
  Северный 282
Приобье 425
  Верхнее 429
Притяньшанье 12, 45, 49, 54, 258, 382—384, 394, 398—399, 401, 408, 410, 417, 431, 435—438, 443
  Восточное 397—399, 402, 424
  Северное 12, 222, 230, 253, 257
  Северо-Восточное 394
Приуралье 107—108, 152, 283
  Южное 116
Причерноморье 54, 110, 113
  Северное 168, 213

Россия 7, 13—16, 19, 27—29, 31, 51-52, 69—75, 476—478, 483—484, 486—487, 489—490, 496—498, 518—519, 522, 532, 539, 542, 544, 561, 566, 569—570, 572—583, 641, 644. 647
Рыбачье, г. 78, 81

Садовое, с. 8, 113, 116, 594, 600
Садыр-Курган, г-ще 272, 278, 315, 594
Саймалы-Таш, ур. 30, 39, 135—136, 213
Сайрам, г., обл. 306, 397—398, 404, 444, 449, 451-452, 459, 556; оз. 250
Саламат-Булак, местн. 81—82, 86
Самарканд, г. 146, 230, 232, 234—235, 244-247, 249, 252, 257, 262, 283, 286-287, 294-297, 300-303, 308, 373, 395-400, 402, 449, 452;
  обл. 447
Санташ, перевал 479, 507, 573, 577, **607**
Сары-Джаз, д. 99, 112, 542; р. 104
Сарыг, г. 269—270
Саяны, хр. 27, 243
Саяно-Алтайское нагорье 27, 429, 441
Селенга, р. 259
Семипалатинск, г. 575; кр. 570, 573
Семиречье 11—12, 28—29, 34, 41, 43, 45-47, 49, 57-61, 65, 75, 110-112, 138—139, 144—146, 149—151, 153, 159—160, 162, 164, 208—209, 212, 214, 219—220, 222—224, 227, 229—231, 235, 238—239, 244—245, 250, 252—256, 258, 262, 264, 266, 268—271, 277, 280, 283, 284—289, 291, 293—294, 301, 304—305, 307, 311, 315, 320, 324, 331, 336, 339, 345, 347, 350, 352—355, 363, 366—367, 369—375, 379—380, 383, 409—412, 415, 417—419, 421, 423, 426, 431—432, 435, 437, 442—443, 477, 484, 495—496, 504, 541, 557, 562, 581, 585—587, 589—590, 593, 599—604
  Восточное 148, 163—164
Сибирь 29, 73, 93—94, 102, 114, 458, 482, 487, 496, 574, 576, 579, 624
  Западная 38, 109, 139, 458, 476, 563, 572, 578—580, 647
  Южная 12, 26, 29, 42, 47—48, 107—108, 138, 219, 282, 383, 409, 423, 425, 428, 430, 440—441, 458
Синьцзян 481—482, 498, 503, 581, 583
Сирия 96, 240
Согд, обл. 11, 13, 41, 60, 119, 140, 146, 177, 224, 230, 232, 234, 235, 241, 244—250, 258, 262, 268, 276—277, 280, 286—288, 324, 328, 347, 363, 367, 371—372, 418—419
Соколовка, мог. 148, 162
Сокулук, г-ще 314; с. 113, 116, 152
Сох, гора 315; р. 97, 171, 215
Средиземное море 206
Средиземноморье 197, 282
  Восточное 97
Сретенское г-ще 314, 594
Сузак, кишлак 530
Сузы, г. 283
Сулюкта, копи 541
Сус, г. 272, 315
Сусамыр, д. 35, 300, 314, 473
Суфи-Курган, кр. 498, 504—505
Суяб, г. 57, 227, 230, 239, 247—249, 252, 254—255, 269—271, 282—283, 285—286, 333, 373, 418
Сыр-Дарья, р. 41, 96, 146, 178, 223, 227, 235, 239, 244, 246, 249—250, 257, 272, 274, 297, 311, 375, 384, 394, 399, 401, 405, 410, 447, 449—450, 504, 581, 643

Табагар, р. 273—274
Тавушган-Огуз, местн. 379
Таджикистан 35, 87—88, 91, 94, 96, 105, 354, 463
  Западный 104—105
  Юго-Западный 87, 101—102
  Южный 412
Талас, г. 57, 249, 270—272, 326, 339, 392, 475, 515; обл. 253—255; посел. 230; р. 30, 38, 237, 252, 257, 266, 269, 275, 279, 311, 326, 398, 452, 490, 504, 586;
Таласская долина 29, 34, 40, 42, 45—46, 48, 57—59, 61, 109, 118, 138, 146, 151—153, 161—163, 165, 167, 213, 225, 229—231, 249, 254—255, 257—258, 261—263, 265—272, 276, 278, 286, 300, 304-306, 314-315, 321, 324, 326—327, 335, 339, 344, 368, 374—375; 385—386, 391, 397, 399—400, 403, 405, 412, 417, 420, 422—423, 446, 459, 473, 479, 503, 506, 510, 515, 530, 549, 556, 562, 585—587, 590, 592, 594, 597, 604, 607, 621, 626—628
Талдык-Су, р. 121, 187
Тар, р. 120, 182, 274
Тараз, г., обл. 249, 252, 254—255, 257, 265, 269, 270—272, 282—283, 286, 291, 296. 298, 301, 311, 315, 373, 380, 418, 420—421, 423, 474, 592
Тарбагатай, хр. 241, 250, 382, 394, 398, 423
Таримский бассейн 202, 424
Тарсакент, г. 386, 388, 590, 601
Ташкент, г. 7, 33, 44, 68, 73, 130, 209, 227, 394, 400, 406, 444, 446—447, 449—452, 458, 495, 509, 518—519, 557—559, 562, 565—566
Ташкентский вилайет, наместничество, область, округ 398, 405—406, 450, 500, 508
Ташкентский оазис 130, 167, 175, 188, 196, 223, 237, 314, 372, 603
Таш-Кумыр, грот 37, 98—99; рудник 541
Таш-Курган, кр. 498, 504—505
Таш-Рабат, караван-сарай 360—361, 597
Таш-Тюбе II, мог. 109, 113, 116—117, 133, 137—138
Текабкат, г. 272, 315
Темир-Коруг, г-ще 186; мог. 187, 217
Текес, р. 403, 581—582
Тенлик, мог. 164, 208
Терек I, стоянка 100
Терек-Сай, ущелье 61, 339, 368
Термез, г. 265, 286, 300
Тешик-Таш, грот 35, 84, 88, 91
Тибет 238, 243, 245, 256, 273, 570, 574
Тобольск, г. 574
Токмак, г. 104, 161, 167, 227, 270, 311, 333; кр. 75, 498, 504—506, 530, 600
Токтогул, пос. 111, 117, 154
Тон, г. 271, 278; р. 152, 542
Тору-Айгыр, г-ще 278, 596; р. 474
Тосор, стоянка 85—87, 90
Тохаристан, обл. 223, 230—231, 235, 237, 242, 246—248, 251, 261, 324, 337, 352, 356, 418
  Северный 231—232
  Южный 232
Тош-Башат, мог. 109, 133, 162, 586, 589
Тува 40, 143, 149, 265, 284, 332, 423, 427, 429
Туура-Суу, мог. 152—153, 586—587
Туркестан 27, 30, 58, 74—75, 265, 404, 444, 447, 449, 451—452, 458, 540, 565—567, 582, 590, 594, 596, 598
  Восточный 26, 49, 51, 56—57, 61, 66-69, 72, 146, 173, 178, 180, 198, 201—203, 206, 209, 213, 216, 220—221, 227, 236—238, 245, 252—254, 256, 282—283, 288—289, 293, 299, 332, 352, 372—373, 375, 382, 384—385, 387, 393—395, 402, 418—419, 424, 431—433, 442, 444—446, 453, 455—457, 459—463, 467, 474—483, 486, 490, 496—498, 503—504, 507, 571—573, 575, 581, 583, 636
Туркестанский вилайет 450
Туркмения
  Юго-Западная 94, 231
  Южная 101, 410
Турфан (Турфанский оазис) 57, 59, 221, 227, 236, 257, 365, 373, 389, 394, 418, 424, 427, 444, 455
Турция 66, 379, 385, 503
Тюп. р, 573, 608
Тянь-Шань 10—13, 26—29, 33—35, 39—43, 45, 47, 49—50, 53, 56—58, 60—61, 64—65, 68, 72—75, 80—81, 94, 99, 101, 104—105, 144—145, 149—151, 153, 158—162, 165, 167, 209, 212—214, 223—225, 238, 244, 250, 254, 264, 269, 282, 298, 332, 336,

339, 344—345, 360, 369—370, 372, 379, 382—384, 386, 387, 391—397, 399—401, 404—406, 408—412, 414—416, 419, 421, 423, 427, 430—431, 434—437, 440—442, 444, 459, 464, 472, 478, 480, 483, 494, 503, 517—518, 542, 556, 560, 581, 585, 587, 590, 600, 602, 625
Внутренний 81, 100, 153, 360
Восточный 221, 255, 301, 381, 383—384, 435
Западный 56, 59, 245, 303, 306, 405
Северный 57, 383, 395, 399, 401, 403, 432, 437
Северо-Восточный 65, 394, 398
Северо-Западный 56, 397
Центральный 10, 38, 45, 57, 62, 111, 131, 152—153, 173, 227, 238, 254—255, 262—263, 266, 282, 291, 293—294, 304, 306, 311, 315, 330, 335, 344, 375, 398, 412, 415, 420, 460, 494, 497—498, 500, 503—505, 510, 541, 582, 586—588, 592, 600, 610, 619, 639
Южный 460

Узбекистан 35, 71, 75, 84, 88, 94, 139, 354, 404, 459, 463, 475, 644
Южный 125, 410
Узген (Узгенд), г. 63, 120, 182, 192, 236, 272—274, 278, 282, 286, 295—297, 300—301, 313, 316, 342, 345—346, 355—356, 379—380, 399, 493, 538, 548, 592—593, 602—604, 607, 610, 638—639; г-ще 27, 358
Узгенский оазис 158, 175, 181—183, 192, 214, 348; район 121, 183, 315
Узун-Ахмат (Улуг-Коргон), кр. 504—505; р. 112
Украина 16, 149
Улуг-Талас, г. 379
Ура-Тюбинский вилайет 541
Урал 113, 366, 569
Южный 227
Ургенч, г. 399
Уструшана, обл. 232, 274, 277, 315, 347
Уч-Курган, кр. 505, 558; с. 80, 187, 610
Уч-Турфан, г. 454, 482, 571, 573, 574

Фараб (Фарьяб), г. 248, 254, 262, 375
Фергана 10—11, 32, 34, 38—41, 44, 56, 61, 66, 68, 100, 104, 119—121, 123, 125—131, 138—140, 144, 146, 154, 156, 158, 172—173, 175, 177—182, 185—199, 201, 203—206, 209, 214—218, 232, 235—236, 240, 244—246, 249, 254, 256—258, 269, 272—275, 277, 284—286, 294—297, 300—301, 303, 306, 310, 315—316, 319—320, 326, 339, 346—347, 354—355, 359, 366, 368—371, 374, 394, 398, 402, 404—407, 410, 412—413, 415, 417, 444, 449, 463, 473, 477—478, 490, 494, 497, 503, 513, 515, 521, 526, 528—530, 542, 545, 547, 553, 585, 590, 592—594, 599, 602—604, 608, 613, 627, 636, 646
Восточная 33, 46, 181—183, 191, 280, 494, 530
Западная 87, 167, 197, 368, 542
Северная 181, 192
Северо-Восточная 111, 594
Северо-Западная 188, 197
Юго-Западная 175, 374
Южная 181, 197, 235—236, 372, 505
Ферганская долина 27, 32, 34, 42, 44, 63, 81, 90, 97, 107, 119, 131, 137, 139, 158, 178, 180—181, 206, 214—215, 268, 274, 278, 282, 297, 304, 372, 410, 413, 459—460, 464, 473, 475, 490, 544, 556, 604
Ферганский удел 300, 313
Франция 77—78, 84, 87, 92
Юго-Западная 84
Фрунзе, г. 8—9, 24, 35, 45, 47, 87, 104, 111, 113, 147, 339, 342, 350, 587, 590

Хайдаркан, рудник 33, 197, 549; стоянка 33
Хамийский округ 456—457
Хамукет (Хамукат), г. 230, 272
Хан-Абад, с. 530, 538
Хан-Дюбе, г-ще 272, 278; мог. 416
Ходжа-Бакырган-Сай, р. 175, 199; стоянка 79, 80, 90
Ходжа-Гаир, мазар 80, 88; р. 79
Ходжа-Гор, стоянка 95—96
Ходжент, г. 272, 297, 299, 387, 395, 490—491, 494, 597
Ходжентский вилайет 500, 503
Хожамбаг, посел. 121, 127—128, 183, 188, 191—192
Хорасан, обл. 246—250, 252, 257—258, 265, 283, 295, 297—298, 300, 356, 366, 390, 393, 418, 602
Северный 599
Хорезм 11, 177, 188, 190, 227, 230, 234, 254, 282, 295, 302, 321, 372, 398—399, 413, 603
Хотан, г., обл. 291, 295, 299, 303, 394 402, 461, 498
Хутталь, обл. 232, 235, 248—249

Чаганиан, обл. 232, 240
Чалдовар, кр. 315, 498, 504—505; с. 270
Чаткал, д. 34—35, 45, 300, 311, 314—315, 335, 420, 503, 517, 594, 610, 628; р. 91, 112; хр. 177, 255
Чач (Шаш), г. 380; обл. 223, 232, 237, 240, 244—246, 249, 252—253, 256, 282, 284, 286, 295, 297, 303
Чельпек, с. 209—210
Чельпекский могильник 152, 162, 210
Черное море 13, 581
Чжоукоудянь, пещера 80, 83, 94
Чигил (Чигиль), г. 254, 379, 422
Чигу, г. 147, 215
Чимбай, посел. 120, 123, 125
Чимкент, г. 254, 497, 556
Чирчик, р. 223, 396, 494
Чичкан, д. 168; р. 117, 154, 163
Чолпон-Ата, г. 153; местн. 104
Чу, р. 38, 87, 147, 152, 222, 229, 237, 239, 249, 269, 271, 275, 299, 314, 343, 386, 398, 490, 549, 561—563
Чуйская долина 10, 14, 27, 29, 34—36, 40, 42, 45—46, 48, 57—58, 61, 64, 104, 109, 118, 138, 146—147, 150—153, 158, 161—162, 167, 211, 225, 230—231, 248—249, 254—255, 258, 265, 267—271, 275—278, 281—282, 284, 286, 291, 300, 304—306, 311, 315, 328—329, 332, 338—339, 344, 365—366, 374—375, 386, 388, 391, 399, 400—401, 403, 405, 416—420, 435—436, 446, 473, 484, 487, 495—497, 503—504, 508, 510, 530, 548, 560, 562, 566, 585—587, 590, 594, 600—601, 603, 610, 621
Чугучак, г. 570, 583; местн. 293
Чуст, г. 119; посел. 34, 121, 123—129, 191

Шаш, см. Чач
Шельджи, г. 272, 286, 342, 380; г-ще 45, 314; обл. 278, 315, 592; рудник 257
Ширдадбек, г-ще 311, 344
Шиш-Тюбе, г-ще 311; кр. 505
Шурабашат, г-ще 44, 182—183, 185—186, 188, 190—195

Эйлатан, г-ще 44, 181—182, 188, 192
Эмиль, р. 293, 299, 382, 394, 399
Эрши, г. 185, 188, 192, 198, 203—204, 215

Ю, г. 192, 202—205
Юлдуз, оз. 293; р. 227, 399

Ягма, с. 379, 420
Ямар, р. 292—293
Янги-Наукат, с. 123, 186
Яр, г. 271, 285
Яркенд, г. 291, 394, 402, 407, 442, 453, 455—456, 459, 461—462, 574, 577; обл. 319
Яссы, р. 120, 182, 183, 191, 274, 400
Яфинч, г. 379

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. I. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 3, кн. 3, часть 2. —*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 3.

Из рукописного наследства К. Маркса. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 12.

Из рукописного наследства К. Маркса. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение). — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12.

Из неопубликованных рукописей К. Маркса. — СВ, 1958, № 4.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Диалектика природы. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Введение к английскому изданию. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12.

Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9.

Энгельс Ф. Прусская водка в Германском рейхстаге.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19.

Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом. 1851 г. Энгельс — Марксу. 23 мая 1851 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27.

Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом. 1853 год. Маркс — Энгельсу. 2 июня 1853 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28.

Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом. Энгельс — Марксу. 6 июня 1853 года. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28.

Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к разным лицам. Маркс — Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1846 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля (1920 г.). — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. Карл Маркс. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7.

Ленин В. И. О государстве. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия). — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. Изд. 2-е. М., 1983.
Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5—7. М., 1976—1979.
Черненко К. У. Избранные речи и статьи. Изд. 2-е, доп. М., 1984.

* * *

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983.

Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС 13 февраля 1984 года. М., 1984.

О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России. Постановление ЦК КП Киргизии от 22 января 1963 года. — В кн.: Навеки вместе с русским народом. Сборник материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1964.

О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982.

60 лет образования СССР. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1982 года. Стенограф. отчет. М., 1983.

О 60-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. — Советская Киргизия, 1984, 28 апреля.

ЛИТЕРАТУРА

Абдылдаев Э. Основные этапы исторического развития эпоса «Манас». Фрунзе, 1981.

Абетеков А. К. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Абетеков А. К. К вопросу о земледелии кочевников Семиречья (II в. до н. э.— V в. н. э.). — В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.

Абетеков А. К. Кочевники древней Киргизии: загадки археологических памятников. — В сб.: Будущее науки, вып. 14. М., 1981.

Абетеков А. К. Могильник Джаныш-Булак. — В кн.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Абетеков А. К. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней. — КСИА, 1970, № 122.

Абетеков А. К. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине. — КСИА, 1978, № 154.

Абетеков А. К. О типах жилищ у древних усуней. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Абетеков А. К. Погребения эпохи бронзы могильника Тегермен-Сай.— КСИА, 1963, № 93.

Абетеков А. К. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей. — В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. 2. М., 1975.

Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе. 1963.

Абетеков А. К., Шер Я. А. Раскопки в ущелье Иссык-Ата. — АО, 1974. М., 1975.

Абрамзон С. М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Абрамзон С. М. Киргизы. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М., 1963.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

Абрамзон С. М. Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1977.

Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — В кн.: Родовое общество. (ТИЭ, 1951, т. XIV).

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас»).— Тр. ИЯЛИ, вып. 1, 1944. Фрунзе, 1945.

Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. — ТКАЭЭ, т. IV, 1960.

Абрамзон С. М. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. Докл. делегации СССР на XXV Междунар. конгр. востоковедов. М., 1960.

Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова. — Сб. МАЭ, 1953, XIV.

Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как источник.— СЭ, 1975, № 6.

Аванесова Н. А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). АКД. Л., 1979.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.

Агеева Е. П. Раскопки на городище Баба-Ата (1953—1954 гг.). — Изв. АН КазССР. Серия ист., экон., филос., права. Алма-Ата, 1954, вып.I.

Агеева Е., Джусупов А. Интересная находка. — Уч. зап. Казахского университета, т. 4, вып. 12, 1963.

Агеева Е. П., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1958, т. 5.

Айтбаев М. Т. Пища киргизов XIX— начала XX в. — Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. 1963, т. 5, вып. 1.

Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. Фрунзе, 1961.

Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX— начале XX в. Фрунзе, 1967.

Акимушкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в.— 60-х годах XVII в. — Палестинский сборник, 1970, вып. 21, (84).

Акимушкин О. Ф. Монгольско-узбекский союз против казахов в середине XVI в. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. (Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР 1969 года). Л., 1969.

Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1969, № 1.

Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.

Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. — В сб.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Алексеев В. П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. — ТКАЭЭ, т. IV, 1960.

Алексеев В. П. Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы (сравнительно-краниологический очерк). — ТКАЭЭ, т. 1, 1956.

Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). Алма-Ата, 1979.

Алтмышбаев А. А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905—1923 гг.). Фрунзе, 1967.

Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1977.

Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — начало XIII в.). Ташкент, 1981.

Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргис-кайсаков и касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей дополнениями.— Новые ежемесячные сочинения, т. CX—CXVIII. СПб., 1795—1796.

Андреев М. С. Чум — бывшее жилище киргизов Памира. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1940.

Антипина К. И. Ворсовое ткачество. — ТКАЭЭ, т. 5, 1968.

Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области КиргССР. Фрунзе, 1962.

Антипина К. И. Юрта — ценный памятник культуры киргизского народа. — ПК, вып. 1, 1970.

Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары /Подготовка текста и перев. В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М. —Л., 1965.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина, год VI. СПб., 1896, вып. III—IV.

Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. — Живая старина, год IV. СПб., 1894, вып. III—IV.

Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник. — Изв. АН КазССР, СОН, 1963, вып. 4.

Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — ТС, 1972. М., 1973.

Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Асимов М. С. Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н. э.) в советской науке. — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.

Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.

Ауэзов М. Киргизский героический эпос «Манас». — В кн.: Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.

Ауэзов М. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — В кн.: Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.

Ахраров И., Темиргалиев Г. З. Клад серебряных украшений из Сиджака. — СЭ, 1966, № 3.

Бабур. 1—2 книга. Ташкент, 1982.

Бадер О. Н. Международный симпозиум по проблеме селета в Венгрии. — СА, 1968, № 1.

Байпаков К. М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана. — УСА, вып. 4, 1979.

Байпаков К. М. О древних городах Суяб и Баласагун. — Вестник АН КазССР, 1976, № 1.

Байпаков К. М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). АКД, 1966.

Бардашев И. Заметки о дикокаменных киргизах. — Матер. для статистики Туркест. края, т. III. СПб., 1874.

Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах. — ТВ, 1870, № 15.

Бартольд В. В. Богра-хан. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в Кутадгу билик. Соч., т. V, М., 1968.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Соч., т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.». Соч., т. 8. М., 1973.

Бартольд В. В. Извлечение из «Тарихи Шахрухи». Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Соч., т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. История Туркестана (конспект лекций). Соч., т. II, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Соч., т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (лето 1902 г.). Соч., т. VIII. М., 1973.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897. (Соч., т. IV. М., 1966).

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей). Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898. (Соч., т. II. ч. 1, М., 1963).

Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии ислама». Баласагун. Соч.. т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии ислама». Тюрки (историко-этнографический обзор). Соч., т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. Туземец о русском завоевании. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1. Тексты. СПб., 1898.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.

Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник. — Изв. АН КиргССР Сер. обществ. наук, 1961, т. 3, вып. 3 (История).

Баруздин Ю. Д. Памятники кочевников рубежа и первых веков н. э. — В кн.: *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962.

Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. — КСИА, 1961, № 86.

Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962.

Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. — КСИА, 1961, № 85.

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.

Баскаков Н. А. Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями. (На материале этнонимии ногайцев и каракалпаков). — В кн.: Ономастика Средней Азии, 2. Фрунзе, 1980.

Баскаков Н. А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области. — СЭ, 1966, № 6.

Батманов И. А. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа. — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.

Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.

Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.

Баялиева Т. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. Фрунзе, 1981.

Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. — В сб.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. (К идентификации ткани «занданечи»). — СА, 1961, № 2.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Берг. Л. С. Озеро Иссык-Куль. Избр. труды, т. III. М., 1960.

Береналиев О. Древняя ирригация долины Кетмень-Тюбе. — В кн.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Береналиев О. Следы древней ирригации Киргизии. — В сб.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Береналиев О. Средневековая ирригация Таласской долины. — В сб.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Бернштам А. Н. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. — Изв. Кирг. ФАН СССР, 1945, вып. 2/3.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. (Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана, вып. 4).

Бернштам А. Н. Археологические памятники Памира. — КСИИМК, 1949, вып. 26.

Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М. —Л., 1950.

Бернштам А. Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. — В кн.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.

Бернштам А. Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы.— ЭВ, вып. 11, 1956.

Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда. (Предварительное сообщение). — ЭВ, вып. 5, 1951.

Бернштам А. Н. Древняя Фергана. — КСИИМК, вып. 21, 1947.

Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке. — КСИИМК, вып. 5, 1940.

Бернштам А. Н. Из итогов изучения древней истории Киргизстана. — Изв. Кирг. ФАН СССР, вып. 7, 1947.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. — Л., 1952 (МИА, № 26).

Бернштам А. Н. Историческая наука в Киргизии за 20 лет. — В сб.: Наука в Киргизии за 20 лет. 1926—1946. Фрунзе, 1946.

Бернштам А. Н. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942.

Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов XVIII в. — Вопросы истории, 1946, № 11—12.

Бернштам А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа. — СЭ, 1955, № 2.

Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Бернштам А. Н. К истории фергано-тяньшаньских культурных отношений. (Из итогов археол. работ 1945 г.). — Изв. Кирг. ФАН СССР, 1947, вып. 4/5.

Бернштам А. Н. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942.

Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья. — ЭВ, вып. 2, 1948.

Бернштам А. Н. Новый тип тюргешских монет. — Тюркологический сборник, т. 1. М.— Л., 1951.

Бернштам А. Н. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв.— СВ, 1956, № 4.

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, 1949, № 11.

Бернштам А. Н. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. — ТКАЭЭ, т. III. 1959.

Бернштам А. Н. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. — ВДИ, 1947, № 3.

Бернштам А. Н. Тюргешские монеты. — ТОВЭ, 1940, т. 2.

Бернштам А. Н. Уйгурская эпиграфика Семиречья, 1. — ЭВ, 1, 1947; II. — ЭВ, II, 1948.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III. СПб., 1851.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена /Редакция текста, вступит. статьи, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III. М.—Л., 1950—1953.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.

Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.). — СИНВ, вып. 22, кн. 2, 1980.

Большаков О. Г. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда. — ЭВ, вып. 14, 1961.

Большаков О. Г. Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — ТТАЭ, т. III, 1958 (МИА № 66).

Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.

Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.

Борисов А. Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. — Изв. АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1.

Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии /Перев. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971.

Брагинский И. С. Исследования по таджикской культуре. М., 1977.

Брыкина Г. А. Земледельческие поселения юго-запада Ошской области. — В кн.: *Баруздин Ю. А., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Зап. Киргизия). Фрунзе, 1962.

Брыкина Г. А. Итоги исследования усадьбы Кайрагач в Фергане. — УСА, 1979, вып. 4.

Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.

Брыкина Г. А. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв. — КСИА, 1970, № 122.

Брыкина Г. А. Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н. э. — В кн: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Брыкина Г. А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии. — КСИА, 1982, № 170.

Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г. — КСИА, 1966, № 108.

Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.

Бубнова М. А. Горно-металлургическая область Шельджи в XI—XII вв. н. э. (Долина р. Талас). АКД. Л., 1963.

Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки. — В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Бубнова М. А., Мокрынин В. П. Горно-металлургический производственно-бытовой комплекс Чакмак-Суу. — АО, 1977. М., 1978.

Булатова В. А. Руническая надпись на хуме из Ферганы. — ОНУз, 1965, № 8.

Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. V — начало XIII в. М., 1974.

Валитова А. А. К вопросу о классовой природе караханидского государства. — Тр. Кирг. ФАН СССР, 1943, т. 1, вып. 1.

Валитова А. А. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг». — СВ, 1958, № 5.

Валитова А. А. Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу билиг». — КСИВ, 1952, вып. IV.

Валиханов Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. В 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1968.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1867.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-татарах. — ТВОРАО, ч. IV, 1859.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 1—3. СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).

Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии, вып. 1. СПб., 1873.

Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — Зап. РГО, кн. 4. СПб., 1861.

Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868.

Веселовский Н. И. Дагбид. — ЗВОРАО, т. III, 1889.

Винник Д. Ф. Археологическая карта Тонской долины. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Винник Д. Ф. Башня Бурана. — ПК, вып. 2, 1974.

Винник Д. Ф. Исследования в Чуйской долине. — АО, 1976. М., 1977.

Винник Д. Ф. Караван-сарай Сан-Таш. — Тр. ФПИ, вып. 26 (Архитектура и строительство). Фрунзе, 1968.

Винник Д. Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Винник Д. Ф. Новые эпиграфические памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Винник Д. Ф. Памятники архитектуры Иссык-Кульской котловины XIII—XV вв. — ПК, вып. 2, 1974.

Винник Д. Ф. Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии. — СА, 1967, № 4.

Винник Д. Ф. Работы в Узгенском оазисе. — АО, 1969. М., 1970.

Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй Каракольский клад Киргизии. — КСИА, 1981, № 167.

Винник Д. Ф., Лесниченко Н. С., Санаров А. В. Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля. — АО, 1976. М., 1977.

Винник Д. Ф., Помаскина Г. А. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккулья. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Винников Я. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. — ТКАЭЭ, т. 1. 1956.

Виноградов В. С. Киргизское народное музыкальное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов. — ТКАЭЭ, т. III. 1959.

Виноградов В. С. Музыка Советской Киргизии. М., 1939.

Воеводский М. В., Грязнов М. П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории у-суней. — ВДИ, 1938, № 3.

Волин С. [*Л.*]. Сведения арабских источников IX—XVI веков о долине реки Талас и смежных районах. — В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. (Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 8).

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.

Воробьев М. В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам). — СИНВ, вып. XI, 1971.

Ворожейкина З. Н. Доисламские верования киргизов в XVI в. (по рукописи «Зия ал-Кулуб»). — В сб.: Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961.

Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. — Тр. Музея истории УзССР, вып. 2, 1954.

Воронец М. Э. Наскальные изображения Южной Киргизии. — Тр. КГПИ, серия историческая, вып. II. Фрунзе, 1951.

Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии.— СА, 1960, № 2.

Воронина В. Л. Тектоника в зодчестве Средней Азии. — В сб.: Архитектурное наследство, № 30. М., 1982.

Вяткин М. П. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — Исторический архив, т. 1. М., 1936.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965.

Гаврюшенко П. П. и др. Археологические исследования Института истории АН Киргизской ССР. — АО, 1966. М., 1967.

Гаврюшенко П. П. Кулунчакское укрепленное поселение. (К истории Вост. Ферганы 2-й пол. 1 тыс. до н. э.). АКД. Ташкент, 1970.

Галицкий В. Я. История города Пишпека. 1878—1917. Фрунзе, 1980.

Галицкий В., Плоских В. К изучению Таш-Рабата. — В сб.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Галочкина Н. Г. Новые данные об обследовании памятников эпохи бронзы. — В кн.: Кетмень-Тюбе. Археология, история. Фрунзе, 1977.

Галочкина Н. Г. Разведки в Ат-Башинском районе. — АО, 1980. М., 1981.

Галочкина Н. Г., Кожомбердиев И. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. — УСА, вып. 1, 1972.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Гинзбург В. В. Итоги и перспективы палеоантропологического изучения Средней Азии. — В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. — ТКАЭЭ, т. 1., 1956.

Гинзбург В. В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. (Гунны и саки Тянь-Шаня, Алая и южного Памира). — КСИЭ, 1950, № 11.

Гинзбург В. В., Зезенкова В. Я. Черепа из могильника караханидского времени на Краснореченском городище в Чуйской долине (Киргизия). — КСИЭ, 1952, вып. 17.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Голубев А. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции. — Вестник РГО, ч. XXVIII, отд. 1, 1860.

Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию — Заилийский край. — Зап. РГО, кн. 3, 1861.

Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — АСГЭ, 1962, т. 5.

Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АКД. Л., 1961.

Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования). — СА, 1977, № 3.

Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов. — В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

Горький А. М. Собр. соч., в 30-ти томах, т. 24. М., 1953.

Горячева В. Д. Дома древней столицы. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Горячева В. Д. Памятники древнего Узгена. — ПК, вып. 2, 1974.

Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Бурана, Узгенд, Сафид-Булан. Фрунзе, 1983.

Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена XII—XX вв. — В сб.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Горячева В., Плоских В. Киргизская крепость XVIII—XIX вв. — АО, 1973. М., 1974.

Горячева В. Д., Плоских В. М. Укрепление Улуг-Коргон. — В сб.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Грантовский Э. А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии. — КСИНА. вып. 61, 1963.

Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Муннеджим-баши в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева. — ТВОРАО, ч. XVII, 1874.

Григорьев В. В. Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннахра. — Уч. зап. Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-юридических наук, вып. 1. Казань, 1865.

Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. — ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, № 9 сентябрь, отд. II.

Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

Григорьев В. В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876.

Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии. СПб., 1898.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Киргизы /рец.-реферат на кн.: *Бартольд В. В.* Киргизы (Исторический очерк). Фрунзе, 1927/. — ИГГО, т. LXVI, 1934, вып. 1.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — АСГЭ, 1961, вып. 3.

Грязнов М. П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. — В сб.: Казаки, III. Л., 1930.

Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. — КСИА, 1978, № 154.

Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ, 1955, № 24.

Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. — Вопросы истории, 1974, № 9.

Гуревич Б. П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России. — История СССР, 1973, № 2.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979; изд. 2-е, доп. М., 1983.

Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.

Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — НЭ, VI, 1966.

Давидович Е. А. Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии XIII в. после монгольского нашествия. — НАА, 1970, № 6.

Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд-бека (XIII в.). М., 1972.

Давидович Е. А. Дискуссионные вопросы в книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии (история и культура)». М., 1973. — В кн.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — НЭ. М., 1960.

Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии. — ППВ, 1969 (1972).

Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. — Археологические работы в Таджикистане, вып. X (1970 г.). М., 1973.

Давидович Е. А. Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого музея. — Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1952, вып. 2.

Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. — Нумизматический сб., ч. II. — Тр. ГИМ, вып. XXVI, 1957.

Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах. — НАА, 1968, № 1.

Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.

Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Дандамаев М. А. Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках. — ВДИ, 1977, № 1.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII—XIII вв. — В кн.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.

Даркевич В. П., Маршак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области. — СА, 1974, № 2.

Дебец Г. Ф. Антропологический состав древнего и современного населения Киргизии. — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. — ТКАЭЭ, т. 1, 1956.

Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М. — Л., 1939.

Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М., 1927.

Джамгерчинов Б. Д. Вклад русских ученых в изучение истории киргизского народа. — Изв. АН КиргССР, 1974, № 3.

Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963 (второе изд.).

Джамгерчинов Б. Из генеалогии киргизов. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946.

Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.). — Тр. ИЯЛИ Кирг.ФАН, вып. 1, 1944. Фрунзе, 1945.

Джамгерчинов Б. Д. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966.

Джамгерчинов Б. Д. Состояние и основные проблемы исторической науки в Киргизии. — Изв. КиргФАН СССР, 1951, вып. 1(X).

Джамгерчинов Б. Д., Орозалиев К. К., Шерстобитов В. П. Историче-

ская наука в Киргизии. — В кн.: Ленин и наука Советского Киргизстана. Фрунзе, 1970.

Джамгерчинов М. Б. Из истории киргизской народности XVI — 1 пол. XVIII в. АКД. Фрунзе, 1972.

Джуванмардиев А. Ценный документ по истории Кокандского ханства. (Указ Шир-Мухаммед-Али-хана, находившегося на престоле в 1842—1845 гг.). — Изв. АН УзССР. Сер. обществ. наук, 1958, № 3.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии, вып. 1—2. Фрунзе, 1963, 1982.

Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии/Под ред. И. А. Батманова. Фрунзе, 1971.

Динамика современных береговых процессов озера Иссык-Куль. Фрунзе, 1981.

Длужневская Г. В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков). — Тюркологический сборник, 1974. М., 1978.

Дорженов С. Б. Из истории отхода киргизского народа от религии и формирование его атеистического мировоззрения. АДД. М., 1974.

Дорженов С. Б. Распространение ислама в Киргизии и его современное состояние. АКД. М., 1964.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Дуйшеев Б. Археолого-архитектурные памятники Киргизии XVII — XIX вв. — ТД Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии», вып. 2. Л., 1983.

Дуйшеев Б. Киргизские укрепления XIX в. — Тезисы выступлений молодых ученых на научной конференции, посвященной 60-летнему юбилею СССР. Фрунзе, 1982.

Дуйшеев Б. К исторической топографии крепостей конца XVIII — первой половины XIX вв. на территории Киргизии. — В кн.: История и современность. Фрунзе, 1982.

Дуйшеев Б., Плоских В. Гумбезы, мазары, сагана Киргизии. — Декоративное искусство СССР, 1983, № 8.

Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М. — Л., 1936.

Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М. — Л., 1956.

Жайнакова А. Историко-генеалогическая основа эпоса «Семетей» (по варианту С. Каралаева). Фрунзе, 1982.

Жирмунский В. М. «Манас». Становление и развитие эпопеи.— В кн.: Народный героический эпос. М. — Л., 1962.

Жирмунский В. М. Народный героический эпос. (Сравнительно-исторические очерки). М. — Л., 1962.

Загряжский Г. С. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи.— ТВ, 1874, № 25.

Загряжский Г. С. Киргизские очерки: аш или тризна по умершим. — ТВ, 1873, № 1.

Загряжский Г. С. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан). — Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV. СПб., 1876.

Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда. — ТВ, 1873, № 9, 10.

Загряжский Г. С. Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и правах, им присвоенных. — Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV. СПб, 1876.

Заднепровский Ю. А. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П. П. Иванова. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1957, вып. 3. Приложение: Материалы к библиографии русской литературы по археологии Иссык-Кульской котловины.

Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (сер. I тыс. до н. э. — сер. I тыс. н. э.). Фрунзе, 1960.

Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. — ТКАЭЭ, т. IV, 1960.

Заднепровский Ю. А. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии. — УСА, 1975, вып. 3.

Заднепровский Ю. А. Городище Шурабашат. — КСИИМК, вып. 71, 1958.

Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника). — СА, 1960, № 3.

Заднепровский Ю. А. Дальверзинское селище. — КСИИМК, вып. 69, 1957.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М. — Л., 1962 (МИА, № 118).

Заднепровский Ю. А. Древняя Бактрия и Фергана в предахеменидский период в свете новейших открытий. — В сб.: Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Тезисы симпозиума. Душанбе, 1982.

Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана. АКД. Л., 1954.

Заднепровский Ю. А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. II. М., 1975.

Заднепровский Ю. А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии. — КСИА, 1981, № 167.

Заднепровский Ю. А. Некрополь в Южной Киргизии. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Заднепровский Ю. А. Некрополь городища Темир-Коруг. — УСА, 1979, вып. 4.

Заднепровский Ю. А. Неолит Центральной Ферганы. — КСИА, 1966, № 108.

Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода (II в. до н. э. — V в. н. э.).— СИНВ, вып. X, 1971.

Заднепровский Ю. А. Об этническом составе населения древней Ферганы. — КСИИМК, вып. 61, 1956.

Заднепровский Ю. А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до

н. э. — VI в. н. э.).— В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Заднепровский Ю. А. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса. — КСИА, 1964, № 98.

Заднепровский Ю. А. Ошское поселение бронзового века. — Изв. АН КиргССР, 1981, № 2.

Заднепровский Ю. А. Ошское поселение бронзового века. — ПК, вып. 5, 1982.

Заднепровский Ю. А. Памятники андроновской культуры. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. — Л., 1966.

Заднепровский Ю. А. Работы Южно-киргизского отряда в 1956 г. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1959, вып. 5.

Заднепровский Ю. А. Скотоводство чустских племен Ферганы (по материалам Дальверзинского поселения). — В сб.: Проблемы советской археологии. М., 1978.

Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. Древний город Средней Азии. Кр. ТД. Л., 1973.

Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане. — СА, 1967, № 1.

Заднепровский Ю. А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии. — КСИА, 1976, № 147.

Заднепровский Ю. А. Хозяйство и палеоэкономика чустской культуры Ферганы. (Опыт реконструкции). — ТД СПИПАИ, 1971. М., 1972.

Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники эпохи раннего железа Средней Азии. АДД. М., 1978.

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. — В сб.: Вопросы реставрации, т. 2. М., 1928.

Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии. — Новый Восток, 1925, № 10—11.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. — В сб.: Вопросы реставрации, т. 1. М., 1926.

Засыпкин Б. Н. Памятники Узгента. — В сб.: Выставка науч.-исслед. работ по изучению материальной культуры Средней Азии. М., 1927.

Заурова Е. З. Раскопки на городище Акчий. — В кн.: Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе, 1977.

Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. — Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960 (Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 8).

Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. АКД. М., 1975.

Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское 1. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Зданович С. Я., Малютина Т. С. Культурный комплекс Саргары. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Зеббepштейн Ф. К. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — Исторический архив, 1. М.— Л., 1936.

Зима Б. М. Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе, 1982.

Зима Б. М. Из истории изучения наскальных изображений Киргизии. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1958, вып. IV.

Зима Б. М. Иссык-Кульские жертвенники. Фрунзе, 1941. (Материалы по истории киргиз и Киргизстана).

Зима Б. М. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. — Тр. ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, 1948, вып. II.

Зимин Л. А. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства. — ПТКЛА, год 17-й. Ташкент.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.

Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе. — Изв. АН КазССР, сер. ист., археол. и этногр., 1960, вып. 3(14).

Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. — Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. (Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 8).

Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

Зяблин Л. П. Курганы Семиречья и их отношение к происхождению киргизов. — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Ибраимов К. Об отражении идеологической борьбы в киргизской литературе XIX в. — В кн.: Сознание и действительность. Фрунзе, 1964.

Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе. — В сб.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство. (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.). — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII. М., 1939.

Иванов П. П. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. — В сб.: К 50-летию науч.-обществ. деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934.

Иванов П. П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. — Тр. ИИ АН КиргССР, вып. III, 1957.

Иванов П. П. Надписи на древних могильных камнях в селении Узгент Андижанского уезда. — ПТКЛА, год II, 1897.

*Иванов П. П. О*черки по истории Средней Азии (XVI— сер. XIX в.). М., 1958.

Иванов П. П. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. VI. М.— Л., 1937.

Иванов С. В. Киргизский орнамент как этногенетический источник.— ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Игнатьев И. В. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри. — Изв. РГО, т. XXII, 1886. СПб., 1887.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1963.

Ильясов С. И. История, археология и этнография Киргизии в трудах русских ученых. — Изв. Кирг. ФАН СССР, 1945, вып. 2/3.

Ильясов С. И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. — Тр. ИЯЛИ Кирг. ФАН, вып. 1, 1944. Фрунзе, 1945.

Ильясов С. И. Пережитки шаманизма у киргизов. — Тр. ИЯЛИ, вып. 1, 1944. Фрунзе, 1945.

Иманкулов Дж. Из истории изучения Таш-Рабата. — ПК, 1982, вып. 5.

Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I—II. Душанбе, 1962—1963.

Исламов У. И. Обиширская культура. Ташкент, 1980.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

История, археология и этнография Средней Азии. Сборник, посвященный 60-летию С. П. Толстова. М., 1968.

История дипломатии, т. 1. М., 1959.

История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1977.

История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1963, 1968.

История таджикского народа, т. 1. М., 1956, 1963.

История таджикского народа, т. II, кн. 1. М., 1964.

Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). М., 1977.

Итина М. А. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. —МХЭ, вып. 5, 1961.

Кадырбаева М. К., Бурнашева Р. З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII — начале IX в. Ташкент, 1965.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. (1771—1867 гг.). Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

Казийские документы XVI в. /Издание подготовили Р. Р. Фитрат и Б. С. Сергеев. Ташкент, 1937.

Какеев А. Марксистско-ленинская мысль в Киргизии. Фрунзе, 1981.

Каллаур В. Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду. — ПТКЛА, год. II. Ташкент, 1897.

Каллаур В. А. Археологические экскурсии. — ПТКЛА, год 1. Ташкепт, 1896.

Каллаур В. А. Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову. — ПТКЛА, год 8-й. Ташкент, 1903.

Каллаур В. А. Каменные бабы в Аулиеатинском уезде. — ПТКЛА, 1897.

Каллаур В. А. К истории города Аулиеата. — ПТКЛА, год 8-й. Ташкент, 1903.

Каллаур В. А. О камне с орхоно-енисейскими надписями. — ПТКЛА, год III. 1897.

Караев О. Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.

Караев О. Арабские и персидские источники IX—X вв. и их свидетельства о киргизах и Киргизии. — В кн.: Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.

Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.

Караев О. Караханиды до оформления Западного и Восточного каганатов. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Караев О. К. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII—XV вв. — СЭ, 1966, № 4.

Караев О. К. К вопросу о социально-экономических отношениях и политическом строе в Средней Азии X—XII вв. — Изв. АН КиргССР, 1977, № 1.

Караев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас. — НАА, 1970, № 4.

Караев О. О терминах и названиях в поэме «Кутадгу билиг». — СТ, 1981, № 3.

Каракеев К. К. Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1974.

Каракеев К. К. Киргизия. — В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975.

Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я. Некоторые аспекты истории Киргизии в кривом зеркале китайских фальсификаторов. — Изв. АН Кирг ССР, 1983. № 3.

Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв. /Сост. С. Х. Ишанханов. Ташкент, 1976.

Каульбарс А. В. Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход. — Изв. РГО, т. VII. СПб., 1872.

Каульбарс А. В. Материалы для географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. членом-учредителем Среднеазиатского общества бароном А. В. Каульбарсом.— Зап. РГО по общей географии, т. V, 1875.

Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе, 1977.

Кибиров А. К. Археологическое изучение Киргизии. — Изв. Кирг. ФАН СССР, 1954, вып. 2.

Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала. — ТКАЭЭ, т. II, 1959.

Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953—1955. — ТКАЭЭ, т. II, 1959.

Кибиров А. К. О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра. Тр. ИИ АН КиргССР, 1955, вып. 1.

Кибиров А. К. О работе Тяньшанского археологического отряда Киргизской комплексной экспедиции (предварит. итоги). — В сб.: Первая научная сессия АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1955.

Кибиров А. К. Работа Тяньшаньского археологического отряда (1954 г.). — КСИЭ, вып. 26, 1957.

Кибиров А. К., Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1956, вып. 2.

Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (По материалам полевых исследований в Монголии 1968—1969 гг.). — Тюркологический сборник. 1971. Л., 1972.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. — Тюркологический сборник, 1977. М., 1981.

Кляшторный С. Г. О датировке рунических памятников Таласа. — Бартольдовские чтения, 1981, год пятый. Тез. докл. и сообщ. М., 1981.

Кляшторный С. Г. Проблема ранней истории племени турк (ашина). — В кн.: Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева, М., 1965.

Кляшторный С. Г. Рунические надписи из кургана Аржан II. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье. — СЭ, 1959, № 1.

Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников). В кн.: Turkologica. (К семидесятилетию академика А. Н. Кононова). Л., 1976.

Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. (Предварительная публикация). — СТ, 1980, № 3.

Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи). — Тюркологический сборник, 1974. М., 1978.

Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг». — СТ, 1970, № 4.

Кляшторный С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского. — СТ, 1972, № 1.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. — В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута. — СИНВ, вып. X, 1971.

«Книга Марко Поло» /Перев. И. П. Минаева. М., 1955.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и коммент. Харьков, 1956.

Кожемяко П. Н. Из истории раннесредневековых поселений Чуйской долины. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1958, вып. IV.

Кожемяко П. Н. Караван-сарай на р. Манакельды. — Тр. ФПИ, вып. 26 (Архитектура и строительство). Фрунзе, 1968.

Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Кожемяко П. Н. Основные достижения и проблемы археологии Киргизии. — В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.

Кожемяко П. Н. Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР. — КСИА, 1970, № 122.

Кожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. — Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, 1960, т. 2, вып. 3.

Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Кожемяко П. Н., Винник Д. Ф. Археологические исследования на территории Киргизии (1928—1960). — ВАН, 1962, № 7.

Кожомбердиев И. К. Искусство саков Тянь-Шаня. — В сб.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Кожомбердиев И. К. Культура кочевников Тяньшано-Алая первой половины I тысячелетия нашей эры (по материалам катакомбных курганов). — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. II. М., 1975.

Кожомбердиев И. К. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. — Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, 1960, т. 2, вып. 3.

Кожомбердиев И. К. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. — В сб.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Кожомбердиев И. К. Работы в Кум-Арыке. — АО, 1975. М., 1976.

Кожомбердиев И. К. Саки Кетмень-Тюбе. — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Кожомбердиев И. К., Галочкина Н. Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. — УСА, 1972, вып. 1.

Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии. — СА, 1980, № 4.

Козьмин Н. Н. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников. — В сб.: К 50-летию науч.-обществ. деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934.

Коковцев П. К. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья. — Изв. Имп. Академии наук. сер. VI, т. III. СПб., 1909.

Колпаковский Г. А. О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль. — Изв. РГО, 1870, т. VI.

Кононов А. Н. К истории русской тюркологии (до XIX в.) — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.— Л., 1960.

Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк». — СТ, 1972, № 1.

Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Словарь тюркских языков». — Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научной конференции восточного факультета ЛГУ. Л., 1956.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М. — Л., 1958.

Кононов А. Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — СТ, 1970, № 4.

Конопля П. Т. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии. — Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, 1959, т. 1, вып. 1.

Коншин Н. Каракиргизская депутация 1824 года. (Материалы для истории степного края, II). — Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г., вып. IV. Семипалатинск, 1900.

Копылов И. И. Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным. АКД. Л., 1953.

Коробкова Г. Ф. Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита. — В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.

Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии). — СА, 1975, № 3.

Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности. — КСИА, 1977, № 149.

Коробкова Г. Ф. Отпечатки тканей на керамике (по материалам Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана). — В кн.: Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М. — Л., 1962 (МИА, № 118).

Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. — КСИА, 1970, № 122.

Корчагин А. Ф. Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии. — ПТКЛА, год II—III, 1897—1898.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Косвен М. О. Патронимия и ее роль в истории общества. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — Отд. оттиск. М., 1964.

Костенко Л. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир. — Военный сборник, 1877, № 4.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. 1. СПб., 1880.

Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 1—4. — ИМКУз, вып. 14—17, 1978—1982.

Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. — В сб.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии. — НЭ, вып. 11, 1974.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. (Избранные сочинения, т. IV). М. — Л., 1957.

Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — ТГИМ, т. XVII, 1947.

Крушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. II. Новый Маргелан, 1904.

Крюков К. С. Реконструкция Среднего Узгендского мавзолея. — Архитектурное наследство. М., 1967, т. 16.

Кузнецова Э. Ф. Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу. (По данным спектрального анализа). — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.

Кузьмина Е. Е. Клад эпохи бронзы из Каракола. — КСИА, 1968, № 114.

Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966.

Кузьмина Е. Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Кузьмина Е. Е. О некоторых вопросах андроновской демографии. — Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1974, вып. 2, № 6.

Кузьмина Е. Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. — КСИА, 1970, № 122.

Кузьмина Е. Е. Хронология некоторых кладов Семиречья. М., — Л., 1965 (МИА, № 130).

Кулаковский Ю. А. Аммиан Марцеллин. История /Пер. с лат., вып. I—III. Киев, 1906—1908.

Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Культурное строительство в Киргизии. 1918—1929 гг. Сб. документов и материалов. т. 1. Фрунзе, 1957.

Кун А. Некоторые сведения о Ферганской долине. — Военный сборник, 1876, № 4.

Кун А. Очерк Кокандского ханства. — Известия РГО, т. 12, от. 2. СПб., 1876.

Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

Кыдырбаева Р. З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980.

Кыдырбаева Р. З. К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас». Фрунзе, 1967.

Кызласов И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X—XIV вв.). — В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время). — СА, 1978, № 1.

Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — ТКАЭЭ, т. II, 1959.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов Л. Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа). — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Кызласов Л. Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972.

Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.).— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. — УЗ ИВ АН, 1958, т. 16.

Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-Ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников). — Изв. АН КиргССР. СОН, т. V, вып. 1 (история). Фрунзе, 1963.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Латынин Б. А. Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 гг. — АСГЭ, 1961, т. 3.

Латынин Б. А. (Работы Ангренской и Ферганской экспедиций Сектора науки Узбекистана и Среднеазиатского музея истории и истории революции в 1930 г.). — Сообщения ГАИМК, 1931, № 1.

Латынин Б. А. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. (Гидроэлектропроект). Отчет о работах. — Изв. ГАИМК, вып. 110. М. — Л., 1935.

Латышев В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Греческие писатели, т. 1. СПб., 1893; Латинские писатели, т. 2. СПб., 1906.

Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971 (ТХАЭЭ, т. VII).

Левшин А. И. Об имени киргиз-казакского народа и отличие его

от подлинных или диких киргизов. — Московский вестник, 1827. ч. IV, № 16.

Левшин А. И. Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей, ч. II. Исторические известия. СПб., 1832.

Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности. — В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

Лившиц В. А. Первая согдийская азбука. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов 2-й науч. сессии ЛО ИНА. Л., 1966.

Лившиц В. А. Письменность древней Ферганы. — НАА, 1968, № 6.

Лившиц В. А. Происхождение древнетюркской рунической письменности (Состояние и пути исследования). — Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976.

Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче. — СЭ, 1960, № 2.

Лившиц В. А. Согдийцы в Семиречье. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, ч. 1. М., 1981.

Лившиц В. А., Хромов А. Л. Среднеиранские языки. — В кн.: Основы иранского языкознания. М., 1981.

Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. — ВДИ, 1967, № 4.

Литвинский Б. А. Археология Таджикистана за годы Советской власти. — СА, 1967, № 3.

Литвинский Б. А. Горные инструменты из коллекций Ленинабадского краеведческого музея. — Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук, вып. 2. Сталинабад, 1952.

Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. — СА, 1967, № 2.

Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский Б. А. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). — Тр. АН ТаджССР, т. 27. Сталинабад, 1954.

Литвинский Б. А. Из области идеологии кушанской Бактрии (зороастрийские наусы на берегах Окса-Аму-Дарьи). — AA, 1977, t. XXV, fasc. 1—4.

Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский Фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.

Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.

Литвинский Б. А. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. — Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1953, № 4.

Литвинский Б. Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960—1981 гг.). — Инф. бюлл. МАИКЦА, вып. 1. М., 1981; вып. 2, 1982.

Литвинский Б. А. Проблематика истории и культуры буддизма в Средней Азии. — В сб.: Культурные взаимосвязи Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. ТД. М., 1981.

Литвинский Б. А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967—1977 гг.). — ВДИ, 1977, № 4.

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. — В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.

Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом. — Тр. АН ТаджССР, 1960, т. 120.

Литвинский Б. А. Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX—XII вв.). Техника. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М. — Л., 1959.

Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Литвинский Б. А. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты). — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.. 1971.

Лубо-Лесниченко Е. И. Шелковый путь в период шести династий (III—VI вв.). По новым материалам. — ТГЭ, 1978, т. 19.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркест. кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Ташкент, 1958.

Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.

Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент, 1979.

Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями/ Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. СПб., 1899.

Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. М. — Л., 1965 (МИА, 131).

Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира». Исторические очерки о памиро-алайских киргизах. Фрунзе, 1983.

Магидович И. П. Вступительная статья к «Книге Марко Поло». М., 1955.

Маджи А. Е. Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары. — Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1958, вып. 1.

Макарова Л. А. Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.

Максимова А. Г. Погребение воина XIV века. — ВАН КазССР, 1965, № 6.

Максимова А. Г., Зданович Г. Б. Племена Казахстана в эпоху бронзы. — История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1977.

Маллицкий Н. Несколько слов о древностях Узгента. — ПТКЛА, год II, 1897.

Малов С. Е. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. — Изв. АН СССР, отд. гуман. наук, 1929, № 10.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. — Л., 1952.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. — Л., 1959.

Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстарис, вып. 6—7. М. — Л., 1936.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981.

Малявкин А. Г. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата. — Изв. СО АН СССР, серия общ. наук, 1972, № 1(196), вып. 1.

Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. — В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Малявкин А. Г. Уйгурское Турфанское княжество в XIII в. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1962, т. 15.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М. — Л., 1966. (МИА, № 136).

Мандельштам А. М. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. — УСА, 1975, вып. 3.

Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА, № 145).

Мандельштам А. М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1.

Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — нач. XX в.). Ташкент, 1980.

Маньковская Л. Ю. Хазира — комплексы Центральной Азии. — В сб.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. ТД. М., 1981.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Марко Поло. Путешествие. Л., 1940.

Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Марков Е. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. — Русский вестник, т. IX. СПб., 1893.

Марр Н. Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1923 г. — ЗВОРАО, т. VIII. СПб., 1894.

Маршак Б. И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда. — В сб.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. ТД. М., 1981.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.

Массон В. М. Археологические изыскания и изучение древней и средневековой истории Туркмении (1969—1975 гг.). Ашхабад, 1969.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73.

Массон В. М. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии. — В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Массон В. М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л., 1973.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М. — Л., 1964.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. (В свете данных археологии). Л., 1976.

Массон М. Е. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты. — Бюллетень Среднеазиатского геологоразведочного управления. Ташкент, 1930, № 2.

Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

Массон М. Е. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. М. — Л., 1936.

Массон М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстарис, вып. 6—7. Ташкент, 1936.

Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — ВДИ, 1950, № 4.

Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, ч. 1. (До первой послевоенной пятилетки). — Археология Средней Азии. Ташкент, 1956. (Тр. САГУ, н. с., вып. XXI, кн. 12).

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. — Изв. Средазкомстарис., вып. 3. Ташкент, 1928.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг.— Научная мысль, 1930, № 1.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. — Материалы Узкомстарис, вып. 5. Ташкент, 1933.

Массон М. Е. Старый Сайрам. — Изв. Средазкомстарис, вып. III. Ташкент, 1928.

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950.

Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М. — Л., 1959.

Материалы для статистики Туркестанского края/Под ред. Н. А. Маева, вып. I—V. СПб., 1872—1879.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I. М., 1973.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) /Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968.

Материалы по истории сюнну. (По китайским источникам). Вып. 2 /Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1973.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М. — Л., 1939.

Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. /Сост., перев., предисл. А. Мухтарова. М., 1963.

Махова Е. И. Материальная культура киргизов как источник для изучения их этноса. — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Махова Е. И. Некоторые элементы киргизского национального костюма. — В кн.: Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979.

Махова Е. И., Черкасова И. В. Орнаментированные изделия из войлока. — ТКАЭЭ, т. 5. 1968.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. — ЗВОРАО, т. XII, 1900.

Мелиоранский П. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде. — ЗВОРАО, т. XI, 1899.

Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник. — В кн.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. (Проблемы истории и экономики). М., 1969.

Мелналкснис А. И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К. А. Скачкова. М., 1974.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.

Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.

Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

Миклашевская Н. Н. Антропологический состав киргизского народа. АКД. М., 1955.

Миклашевская Н. Н. Краниология киргизов. — ТКАЭЭ, т. II, 1959.

Миклашевская Н. Н. Палеоантропология Киргизии. — ТКАЭЭ, т. III, 1959.

Миклашевская Н. Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии. — ТКАЭЭ, т. II, 1959.

Миклашевская Н. Н. Соматологические исследования в Киргизии. — ТКАЭЭ, т. 1, 1956.

Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения, вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.

Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих. Генварь. СПб., 1760.

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М. — Л., 1937.

(Миллер Г. Ф.). Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена, сочинено Г. Ф. Миллером. СПб., 1787.

Миниатюры к рукописи «Бабур-наме». М., 1960.

Мирза Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Казань, 1861.

Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. — ЭВ, т. 5, 1951.

Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв. — В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Мокеев А. Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии в XVII — первой половине XVIII в. АКД. Ташкент, 1979.

Мокеев А. М. Рецензия на книгу R. Dor'a о киргизах афганского Памира.— СЭ, 1978, № 2.

Мокеев А. М. Шейх Мансур ал-Халладж и его место в генеалогиях киргизского народа. — Бартольдовские чтения, 1981. Тезисы, докл. и сообщ. М.. 1981.

Мокрынин В. П. Беловодский некрополь. — ПК, 1983, вып. 6.

Мокрынин В. П. Западнотюркский каганат и вассалы. — В кн.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976.

Мокрынин В. П. Каменные изваяния — памятники древних тюрков. Фрунзе, 1979.

Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Мокрынин В. П. О культурном влиянии тюрок на Согд. — Изв. АН КиргССР, 1970, № 5.

Мокрынин В. П. О чем рассказал погибший курган. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Мокрынин В. П. Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш.— В кн.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Мокрынин В. П. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Мокрынин В. П. Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.) — В сб.: Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.

Мокрынин В. П. Экономические и культурно-политические связи Киргизстана с Западом в раннем средневековье. АКД. Фрунзе, 1971.

Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П. Курганы сакского времени долины р. Тон. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Мокрынин В. П., Плоских В. М., Ратман В., Бубнова М. А. Средневековые рудознатцы. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1983.

Мокрынин В. П., Федоров М. Н. Из истории торговых отношений Киргизстана и сопредельных регионов в VII—XII вв. (К вопросу о ценах). — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Молдобаев И. Б. Киргизский эпос как источник по истории одежды.— СЭ, 1979, № 2.

Молдобаев И. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе, 1983.

Молдобаев К. Принцип народности в творчестве акынов-демократов. Фрунзе, 1963.

Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.

Мукминова Р. Г. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. — В кн.: Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.

Мусаев С. Эпос «Манас». Фрунзе, 1979.

Мухтаров А. О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в. — Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук, 1956, вып. 8.

Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964.

Набиев Р. Н. Народные восстания в Коканде в 1840—1842 годах. — ОНУз., 1961, № 7.

Набиев Р. Н. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966.

Набиев Р. Уникальный источник по истории Кокандского ханства.— Изв. АН УзССР, 1947, № 4.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посыланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. — ТКАЭЭ, т. V, 1968.

Народы Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Народы мира, т. 1. М., 1962; т. 2, 1963.

Настич В. Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Негматов Н. Н. Государство Саманидов: (Мавераннахр и Хорасан в IX—X вв.). Душанбе, 1977.

Негматов Н. Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века. — В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. III. Душанбе, 1978.

Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нур-тепа. — В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.

Нурекин А. Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 год. — Туркестанские ведомости, 1871, № 35.

Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971.

Обельченко О. В. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии (1945—1952). — ИМКУз, 1965, вып. 6.

Обельченко О. В. К изучению курганных погребений в Средней Азии. — ИМКУз, 1964, вып. 5.

Обельченко О. В. Культура древних кочевников Зарафшана. АДД. М., 1982.

Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — Зап. РГО, кн. 3, 1849.

Окладников А. П. Археологические исследования в Киргизии (1953 г.). — ВАН, 1954, № 9.

Окладников А. П. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. (Предварит. сообщ.). — Тр. Узб. ФАН СССР. Серия 1, вып. 1. Ташкент, 1940.

Окладников А. П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). — В сб.: Тешик-Таш. М., 1949.

Окладников А. П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. — В кн.: Материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней Азии. М. — Л., 1959.

Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. — Л., 1966.

Окладников А. П. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. Первый год работы Киргизской комплексной экспедиции. — СЭ, 1954, № 2.

Окладников А. П., Касымов М. Р., Конопля П. Т. Капчигайская палеолитическая мастерская. — ИМКУз, 1964, вып. 5.

Окладников А. П., Рацек В. И. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня (Находки в пещере Ак-Чункур). — ИВГО, т. 86, 1954, вып. 5.

Омурзаков Д., Мусин Ю. Киргизские народные игры. Фрунзе, 1973.

Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1958, т. V.

Остроумов Н. Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али, кокандского хана, известного в истории под именем «Мадали-хана», правившего Ферганой с 1822—1842 гг., хр. эры. — ПТКЛА, год 21-й. Ташкент, 1917.

Остроумов Н. Перевод двух ярлыков Сейид Мадали-хана. — В статье «Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али...». — ПТКЛА, год 21-й. Ташкент, 1917.

Отчеты Археологической комиссии за 1882—1888 гг. СПб., 1891.

Очерки истории Китая. (С древности до «опиумных» войн) /Под ред. Шан Юэ. М., 1959.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. В двух частях. ч. 1/Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1953.

Пантусов Н. Н. Кладбище на реке Кунгей-Аксу и археологические находки близ Пишпека /Сообщение Н. Н. Пантусова о кладбище на р. Кунгей-Аксу близ Сазановки в Пржевальском уезде и о многих археол. находках в окрестн. Пишпека/. — ПТКЛА, год XI, 1907.

Пантусов Н. Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. — ТВ, 1876, № 80.

Пантусов Н. Н. Фергана, по «Запискам султана Бабура». — Зап. РГО по отд. этнографии, т. VI. СПб., 1880.

Пантусов Н. Н. Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине. — ЗВОРАО, т. 1. СПб., 1887.

Пантусов Н. Н. Христианское кладбище у ущелья Зауке. — ПТКЛА, год XIII, 1909.

Первышев И. И. О документальной базе для историографии феодальной формации в Средней Азии. — В сб.: Революция и культура в Средней Азии. Ташкент, 1937.

Перевозчиков И. В. Антропологический тип «кенкольцев». ВА, 1967, вып. 25.

Перегудова С. Я. К тайнам Таш-Рабата. — Советская Киргизия, 1980, 19 июня.

Петров К. И. Влияние природного пастбища как средства труда на специфику общественных отношений у скотоводов-кочевников. —

В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Петров К. И. Киргизско-кыпчакские отношения (к вопросу об этногенезе и переселении киргизов). — Изв. АН КиргССР, сер, обществен. наук, 1961, т. III, вып. 2.

Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961.

Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.

Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. Фрунзе, 1981.

Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961.

Петровский Н. Ф. Башня «Бурана» близ Токмака. — ЗВОРАО, т. VIII, 1894.

Петрушевский И. П. Деревня и крестьяне средневекового Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов. — УЗ ИВ АН, т. XXV, 1960.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М. — Л., 1960.

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1977.

Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М. — Л., 1951.

Пигулевская Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941.

Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — СВ., т. I. 1940.

Пиотровский Ю. Ю. Памятник эпохи поздней бронзы в Ферганской долине. — АО, 1972. М., 1973.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Плоских В. М. Вакф медресе Алымбека. — В сб.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Плоских В. М. В поисках рукописей и книг. — В сб.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Плоских В. М. Динамика численности населения Киргизии за сто лет. — Изв. АН КиргССР, 1966, № 1.

Плоских В. Иссык-Куль. Путешествие в историю. Фрунзе, 1981.

Плоских В. М. Киргизский корук Туура-Суу. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

Плоских В. М. Кокандские крепости на территории Киргизии. — АО, 1974. М., 1975.

Плоских В. М. Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в. — В кн.: К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе, 1972.

Плоских В. О состоянии историко-археологических памятников Киргизии и мерах по их сохранению. — ТД Всесоюзной конференции «Культура и искусство Киргизии», вып. 1. Л., 1983.

Плоских В. М. О формах эксплуатации в Киргизии середины XIX в.— В кн.: Материалы первой конференции молодых ученых Академии наук Киргизской ССР (21—23 октября 1965 г.). Фрунзе, 1970.

Плоских В. М. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965.

Плоских В. М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968.

Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг.). Фрунзе, 1970.

Плоских В. М. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии. — В кн.: Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1967.

Плоских В. М. У истоков дружбы. Фрунзе, 1972.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Открытие древностей Иссык-Куля. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Плоских В., Галицкий В. Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. — ПК, вып. 2, 1974.

Плоских В., Кудайбергенов С. Ранние киргизские письменные документы. — Изв. АН КиргССР, 1968, № 4.

Плоских В. М., Назаралиев Т. Оригинальные источники по истории Киргизстана. — Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Плоских В. М., Сапаралиев Д. Новые данные о первом киргизском посольстве в Россию. — Изв. АН КиргССР, 1982, № 2.

Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году с примечаниями Н. В. Ханыкова. — Вестник РГО, ч. 1, отд. VI, 1851.

Покровский Г. В., Стогов Н. И. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 году. — Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский, Кокандский уезды). Ташкент, 1915.

Помаскин Б. В. Гумбез Манаса. Фрунзе, 1972.

Попов А. Н. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. — Зап. РГО, кн. IX. СПб., 1853.

Пославский И. Т. Из поездки на Саймалы-Таш. — ПТКЛА, год VIII, 1903.

По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Посольство к Зюнгарскому хуп-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы /Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского. СПб., 1887 (Зап. РГО по отд. этнограф., т. X, вып. 2).

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969.

Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье. — СА, 1979, № 2.

Поярков Ф. Из области киргизских верований. — Этнографическое обозрение, кн IX. СПб., 1891.

Поярков Ф. Из области киргизских верований. II. Джинны. — Этногр. обозр., 1894, № 1.

Поярков Ф. В. Об открытии христианских памятников в долине Чу.— Восточное обозрение, 1885, № 44.

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. М., 1946.

Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии X—XII вв. М., 1973.

Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы, докл. и сообщ. Л., 1968.

Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. 14—17 ноября 1979 г. ТД. Кемерово, 1979.

Проблемы советской тюркологии. Алма-Ата, 1980.

Против маоистских фальсификаций истории Киргизии /*Сушанло М. Я., Гуревич Б. П., Плоских В. М., Супруненко Г. П.* /. Фрунзе, 1981.

Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. — Материалы ЮТАКЭ, вып. II. Ашхабад, 1949.

Пугаченкова Г. А. К проблеме стиля и школ архитектуры феодального Востока. — ОНУз, 1963, № 6.

Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX—X вв.). — В кн.: Искусство зодчих Узбекистана, вып. II. Ташкент, 1963.

Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре средневекового Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963.

Пугаченкова Г. А. О датировке и интерпретации трех предметов «Восточного серебра» из коллекций Эрмитажа. — В сб.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

Пугаченкова Г. А. О Таш-Рабате. — Тр. ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, вып. 3, 1952.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.

Пугаченкова Г. А. Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. М., 1982.

Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. и др. Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815.

Путешествие Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. /Сводный текст по английскому и французскому переводам. /Перев. и примечания Ю. А. Соколова. — Труды САГУ, вып. 7—8. Историч. науки. Ташкент, 1956.

Путешествие Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии (1795—1827). М., 1969.

Пьянков И. В. Массагеты, соседи индийцев. — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.

Пьянков И. В. «Саки» (содержание понятия). — Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1968, № 3.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. — Тр. Орхонской экспедиции, вып. 1. СПб., 1892; вып. II, 1893; вып. III, 1896; вып. IV, 1899.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика). СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII).

Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 года. — Изв. РГО, т. IV, 1870, № 3.

Радлов В. В. Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. I—X. СПб., 1866—1904.

Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911.

Радлов В. В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Айртам-Ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда.— ЗВОРАО, т. XI, 1899.

Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897. (Сб. трудов Орхонской экспедиции, т. IV).

Ранов В. А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965). — Материальная культура Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1968.

Ранов В. А. Каменный век Таджикистана, вып. 1. Палеолит. Душанбе, 1965.

Ранов В. А. К проблеме выделения палеолитических культур Средней Азии. —В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.

Ранов В. А. Находки каменного века в Алайской долине. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1958, вып. 4.

Ранов В. А. Освоение Высокой Азии человеком каменного века (на примере гор Средней Азии). — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

Ранов В. А. Следы стоянок каменного века на Аксай-Чатыркельских сыртах в Тянь-Шане. — ИВГО, 1971, т. 103, вып. 2.

Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. — СА, 1971, № 2.

Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

Ранов В. А., Несмеянов С. А., Конопля П. Т. Палеолитические местонахождения в Южной Фергане. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Ранов В. А., Юнусалиев М. Б. Итоги разведочных работ палеолитического отряда (1967—1968 гг.). — Изв. АН КиргССР, 1969, № 3.

Ранов В. А., Юнусалиев М. Б. Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. — ТД. Душанбе, 1977.

Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. ТД. Л., 1975.

Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. — ТКАЭЭ, т. IV, 1960.

Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв. — СА, 1965, № 4.

Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. — КСИА, 1970, № 122.

Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент, 1961.

Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. — Избр. труды по истории и теории искусств. М., 1978.

Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза. — КСИИМК, вып. 69, 1957.

Ремпель Л. И. Рец. на: *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. — ВДИ. 1974, № 2.

Ровнягин (В. П.). Описание башни «Бурана» близ Токмака. — ПТКЛА, год 1, 1896.

Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века. М., 1963.

Розен В. Рассказ Хилаля ас-Саби о взятии Бухары Богра-ханом. — ЗВОРАО, т. II, 1888.

Ромодин В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Ромодин В. А. Новый источник по истории Кокандского ханства.— Проблемы востоковедения, 1959, № 3.

Ромодин В. А., Кондратьев А. А. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов. — СВ, 1958, № 4.

Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры. — СА, 1980, № 4.

Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973.

Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанов В. Д. Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада. — СА, 1980, № 4.

Рычков П. И. Топография Оренбургская (то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым), ч. 1. СПб., 1762.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. (Сочинение П. И. Рычкова 1762 года). Оренбург, 1887.

Савинов Д. Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае. — Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979—1980.

Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X веках по данным археологических источников. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Садыков Ж. Семетей — сын Манаса (эпическая драма). Фрунзе, 1982.

Салахетдинова М. А. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ» Хафиз-и Таныша. — Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, 1960. т. II, вып. 3 (история).

Салахетдинова М. А. Сообщения о киргизах в «Хидайат-намэ» Мирхаль ад-дина. — Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, 1961, т. III, вып. 2 (история).

Салахетдинова М. А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и ходжаган» как источник по истории киргизов. — Изв. АН КиргССР, сер. общест. наук, 1959, т. 1, вып. 1 (история).

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Самойлович А. Н. К вопросу о 12-летнем цикле у турецких народов. — Восточные записки, т. 1. Л., 1927.

Сапаралиев Д. Зарождение дружественных взаимоотношений киргизов с народами Средней Азии, Казахстана и России. — В кн.: История и современность. Фрунзе, 1982.

Саттар-хан Абдул-Гафаров. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими. — Туркестанские ведомости, 1892, № 26; 1893, № 61.

Сахаров А. М. Методология истории и историографии. Статьи и выступления. М., 1981.

Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири. — Зап. РГО, кн. 5, 1851.

Северцов Н. А. Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860.

Северцов Н. А. О русских поселениях к югу и к западу от Иссык-Куля. — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV, 1876.

Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского Географического общества. СПб., 1873.

Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947.

Северцов Н. А. Этнографические заметки о Зачуйском крае. — Изв. РГО, т. 1, № 8, отд. 2, 1865.

Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1972.

Селиванов А. И. Древности Иссык-Кульской котловины. — Археологические известия и заметки, 1896, № 7—8.

Семенов С. А., Ширинов Т. Каменные серпы чустской культуры. — ОНУз, 1976, № 10.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховья р. Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 г. — Вестн. РГО, ч. XXIII. СПб., 1858.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1947.

Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

Ситняковский Н. Ф. Перечисление некоторых родов киргизов, обитающих в восточной части Ферганской области. — Изв. ТОРГО, т. II, вып. 1, 1900.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2. СПб., 1844.

Слуцкий С. С. К семиреченским несторианским надписям. — Древности восточные, т. 1, вып. II. М., 1891.

Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.

Смирнова О. И. К имени Алмыша, сына Шилки, царя булгар. — Тюркологический сборник, 1977. М., 1981.

Смирнова О. И. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики). — СИНВ, вып. X, 1971.

Смирнова О. И. О классификации и легендах тюргешских монет. — УЗ ИВ АН, т. XVI, 1958.

Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.

Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Советская археология в X-й пятилетке. ТВК, Л., 1979.

Совещание археологов и этнографов Средней Азии. 1-е. М., 1955; Резолюция совещания. — КСИЭ, вып. 26, 1957.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. 1: А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследования документов с горы Муг. М., 1962.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма /Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы /Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963.

Согдийский сборник. Л., 1934.

Сорокин Н. В. В горах и долинах русского Тянь-Шаня. — Исторический вестник, 1886, т. XXIV, № 5.

Соседко А. Ф. Кан-и Гут. — Социалистическая наука и техника, 1935, № 12.

Спришевский В. И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент, 1974.

Спришевский В. И. Раскопки Чустского поселения. — Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.— Тр. ИИ АН ТаджССР, 1956, т. 37.

Спришевский В. И. Чустское поселение. (К истории Ферганы в эпоху бронзы). АКД. Ташкент, 1963.

Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (Из раскопок 1954 г.). — КСИИМК, 1957, вып. 69.

Спришевский В. И. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 г.). — СЭ, 1954, № 3.

Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. Л., 1970.

Средняя Азия в эпоху камня и бронзы /Отв. ред. В. М. Массон. М. — Л., 1966.

Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пенджикентский некрополь. — ТТАЭ, т. II, 1953 (МИА № 37).

Стеблева И. В. К анализу типа повествования в поэтических текстах из «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари. Л., 1976.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.

Стеблева И. В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.

Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. (Хронология и периодизация). М., 1972.

Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор/Перевел с английского, переработал и дополнил Ю. Э. Брегель, ч. I—III. М., 1972.

Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. (Досоветский период). Фрунзе, 1975.

Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию /В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811.

Стрелков А. С. Большой семиреченский алтарь (II—III вв. н. э.).— В сб.: К 50-летию науч.-обществ. деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934.

Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока. — Изв. ГАИМК, 1934, вып. 77.

Струве В. В. Родина зороастризма. — СВ, 1948, № 5.

Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.

Султанов Т. И. Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.). — Изв. АН КазССР, серия обществ. наук, 1970, № 1.

Сургай В. Т. К истории горного промысла в Киргизии. (По материалам археологических находок). Фрунзе, 1951.

Сургай В. Т. О развитии древнего и средневекового горного промысла в Средней Азии. — В кн.: Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии. Фрунзе, 1967.

Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. — В кн.: Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979.

Сыдыков А. Героические мотивы в эпосе «Манас». Фрунзе, 1982.

Сыдыков А. С. Родовое деление киргиз. — В сб.: «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.).— Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 г., т. II. Верный.

Таскин В. С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам. — В кн.: Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым, кн. 1, ч. 1. М., 1768.

Тенишев Э. Р. Древнеуйгурские надписи Киргизии. — НАА, 1964, № 1.

Тереножкин А. И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г.— ПИДО, 1935, № 5—6.

Тереножкин А. И. К историко-археологическому обследованию Казахстана и Киргизии. — ВДИ, 1938, № 1.

Тереножкин А. И. Рецензия на статью: *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. (ВДИ, 1938, № 3). — Изв. Уз. ФАН СССР, 1941, № 2.

Тер-Мкртичян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V—VII вв. М., 1979.

Тизенгаузен В. Г. Восточные монеты Н. П. Лишевича. — ЗВОРАО, т. IV. 1890.

Тизенгаузен В. Г. Нумизматические новинки. — ЗВОРАО, т. VI, 1892.

Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах, ч. 1—2. СПб., 1824.

Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М. — Л., 1966.

Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — Изв. ГАИМК, 1934, вып. 103.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948.

Толстов С. П. Тирания Абруя. — Исторические записки, 1938, т. III.

Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры. — СА, 1960, № 1.

Тревер К. В. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. — СЭ, 1947, № VI—VII.

Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов XIX века. Предварит. обзор. — Труды Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. т. 2, 1957.

Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра. — Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III. Л., 1955.

Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.

Троицкая А. Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.

Троицкая А. Л. Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.). — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели. М. — Л., 1960.

Троицкая Г. И. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н. э. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 14—16 июня 1973 года. Томск, 1973.

Троицкая Г. И. Погребения с трупосожжением конца I тыс. н. э., на реке Уени Новосибирской области. — В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977.

Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1—4. М.,— Фрунзе, 1956—1960.

Труды Орхонской экспедиции, вып. I—IV. СПб., 1892—1899.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. М. — Л., 1950. (МИА, № 14).

Туманович Н. Н. Сочинение Мирзы Мухаммед-Хайдера «Тарих-и Рашиди» как источник по истории киргизов и Киргизии. — В кн.: Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.

Убрятова Е. И. Вопросы диалектологии тюркских языков. — В сб.: Вопросы диалектологии тюркских языков, т. III. Баку, 1963.

Уметалиева Д. Т. Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, 1966.

Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг. Изв. Средазкомстарис. Ташкент, 1929, вып. III.

Умняков И. И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии. — Изв. Средазкомстарис, вып. 1. Ташкент, 1926.

Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. — Изв. АН УзССР, СОН, 1957, № 3.

Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век — до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961.

Усенбаев К. У. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

Усубалиев Т. У. Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1974.

Федоров М. И. Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики). — Изв. АН КиргССР, 1975, № 2.

Федоров М. И. О политической истории Узгенда конца X—XI вв. (По данным караханид. нумизматики). — Изв. АН КиргССР, 1973, № 1.

Федоров М. И. Очерк династийной истории Восточных Караханидов конца X — начала XIII вв. — В сб.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань Цзана /Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980.

Фрейман А. А. Датированные согдийские документы с горы Мут в Таджикистане. — Доклады группы востоковедения на сессии АН СССР 20 марта 1953 г. М. — Л., 1936 (Тр. ИВ АН СССР, т. XVII).

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX века. Фрунзе, 1961.

Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.

Хвольсон Д. А. Дополнения и поправки к статьям «Несторианские надписи из Семиречья». — ЗВОРАО, т. 1, вып. IV, 1887.

Хвольсон Д. А. Несторианские надписи из Семиречья. СПб., 1887.

Хидая. Комментарии мусульманского права, т. I, II. Ташкент, 1893.

Хлопин И. Н. Проблема происхождения культуры степной бронзы.— КСИА, 1970, № 122.

Хлудов Н. Г. Перевал «Саймалы-Тас», на котором найдены камни с надписями. — ПТКЛА, год VII, 1902.

Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

Ходжайов Т. К. Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск, 1980.

Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964.

Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 88.

Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана. — КСИИМК, 1957, вып. 69.

Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — СА, 1978, № 4.

Чукубаев А. А. Токтогул. Эпоха, жизнь и творчество. Фрунзе, 1958.

Чулошников А. П. К истории восстания киргизов в 1916 году. — Красный архив, т. III, 1926.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. 1. Оренбург, 1924.

Шаниязов К. Узбеки-карлуки. (Ист.-этногр. очерк). Ташкент, 1964.

Шахматов В. Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа. — Изв. АН КазССР, сер. ист., 1950, № 94, вып. 6.

Шер Я. А. — Каменные изваяния Семиречья. М. — Л., 1966.

Шер Я. А. Колесницы Саймалы-Таша. — В сб.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1983.

Шер Я. А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане. — СА, 1963, № 4.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Шер Я. А. Погребение с конем в Чуйской долине. — СА, 1961, № 1.

Шерстобитов В. П., Винник Д. Ф. Развитие исторической науки в Советской Киргизии (1917—1964 гг.). — Вопросы истории, 1965. № 2.

Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг.). Фрунзе, 1961.

60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие советской исторической науки о древнем мире. Передовая статья. — ВДИ, 1977, № 4.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.

Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. (Вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент, 1979.

Шмидт А. М. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. — УЗ ИВ АН, XVI, 1958.

Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М. — Л., 1962.

Щербаков Д. И. К геохимии Алайского хребта. Памирская экспедиция 1928 г. — Тр. экспедиции. Л., 1931, вып. VIII.

Щербаков Д. И., Соседко А. Ф. Работы Южно-Ферганской экспедиции по изучению сурьмяно-ртутных месторождений. — Доклады АН СССР, № 11. М., 1928.

Щербина-Крамаренко Н. Н. По мусульманским святыням Средней Азии. (Путевые заметки и впечатления). — СКСО, вып. IV, отд. IV. Самарканд, 1896.

Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Всесоюзн. тюркологическая конференция. ТД. Алма-Ата, 1976.

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). — Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). Душанбе. 17—22 октября 1977 г. М., 1981.

Югай Р. Л. Путешествие Бурнашева и Безносикова в Бухару. — Изв. Узб. геогр. об-ва, т. VIII. Ташкент, 1964.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Юдахин К. К. Классификация киргизских диалектов. Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1955.

Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами (XIV—XVII вв.). — Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук, 1965, вып. 3.

Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. — Тр. ИЯЛ АН КиргССР, 1956, вып. VI.

Юнусалиев Б. М. Киргизский героический эпос «Манас». — В кн.: «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.

Юнусалиев Б. М. Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза. — Тюркологические исследования. Сб. статей, посвященный 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. Фрунзе, 1970.

Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970.

Юнусалиев М. Б. Домустьерский комплекс Саламат-Булак (некоторые итоги исследований). — Изв. АН КиргССР, 1981, № 3.

Юнусалиев М. Б. Изучение каменного века в Киргизии. — Изв. АН КиргССР, 1967, № 4.

Юнусалиев М. Б. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине — Георгиевский Бугор. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Ядринцев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г., по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества. — СТОЭ, вып. 1, 1892.

Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). — КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.

Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. — Тр. Тадж. ФАН СССР, 1951, т. 29.

Якубовский А. Ю. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. — ЭВ, 1, 1947.

Якубовский А. Ю. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. — Материалы Узкомстарис, вып. 5. Ташкент, 1933.

Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда. — ВЛУ, 1947, № 12.

* * *

Абдылдаев Э. «Манас» эпосунун тарыхый окуғушунун негизги этаптары. Фрунзе, 1981.

Зияев Х. З. Урта Осиё ва Сибир (XVI—XIX асрлар). Тошкент, 1962.

Кырбашев К. «Манас» эпосунун стили. Фрунзе, 1983.

Мамбеталиев С. Исламдын жаңы шартка жараша кубулушу. Фрунзе, 1974.

Мамбеталиев С. Суфизм жана анын Кыргызстандагы агымдары. Фрунзе, 1972.

Манас, 1 б. 1 китеп. Фрунзе, 1958; китеп 2. Фрунзе, 1958;

Манас. Эпос, 1 китеп. Фрунзе, 1979; *Семетей.* Фрунзе, 1959; *Сейтек.* Фрунзе, 1960.

Маргулан А. Х. «Шокан жане «Манас». Алматы, 1971.

Плоских В., Дуйшеев Б. Маданий эстеликтер-эл кызматында. — Коммунист. Фрунзе, 1983, № 7.

Плоских В. М. Сапаралиев Д. Россияга барган биринчи кыргыз элчилиги — Кыргызстан Маданияты, 1981, № 34.

Сыдыков О. Мухтаси тарихи Кыргызия. Уфа, 1913.

Сыдыков О. Тарихи шадмания. Уфа, 1914.

Тоголок Молдо. Чыгармалар, т. 1. Фрунзе, 1970.

* * *

Bacqué-Grammont J.-L. Tûrân: Une description du Khanat de Khokand vers 1832 d'après un document ottoman. — Cahiers du monde russe et sovietique. XIII, № 2, 1972.

Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum (Afghanistan). Campagnes de 1972 et 1973.—CRAIBL, 1974.

Bordes F. Le paléolithique dans le monde. Paris, 1968.

Bordes F. Principes d'une méthode des téchniques de bitage et de la typologie du paléolithique ancien et moyen. — Antropologie, t. 54. 1950, № 1—2.

Braidwood R. J. Prehistoric men. Glenview. Illinois, 1975.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century, vol. I. London, 1910.

Cahen C. Deux actes de wagf d'un Qarachanide d'Asie Centrale. (Par Mohammed Khadr avec une introd. par Claude Cahen). —JA, 1967, t. CCLV.

Chavannes Ed. Documents sur les Tou — kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI).

Chavannes Ed. Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou. — TP, sér. 2, vol. VII, 1907.

Chavannes Ed. Mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien, traduits et annotés par. E. Chavannes, I—V. Paris, 1895—1905; VI 1969.

Chavannes Ed. et Pelliot P. Un traité Manichéen retrouvé en Chine, trad. et annoté par Ed. Chavannes et P. Pelliot, pt. I—JA, sér. 10, t. XVIII, 1911; pt. II. — JA, sér. 11, t. I, 1913.

Chwolson D. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, hrsg. und erklärt von D. Chwolson..., St.-Pbg., 1890 (Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, VII-e sér., t. XXXVII, № 8).

Chwolson D. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Hrsg. und erklärt von D. Chwolson, Neue Folge. St.-Pbg., 1897.

Clauson G. Ak Beshim — Suyab. — JRAS, 1961.

Clauson G. Turks and wolves.— Studia Orientalia, t. XXVIII, 2, Helsinki, 1964.

Conolly A. Journey to the North of India, overland from England, through Russia, Persia and Afghanistan. London, 1838.

Daffinà P. L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967.

Deshayes J. Les outils de bronze, de l'Indus au Danube (IV-e au II-e millénaire), 1—2. Paris, 1960.

Dor R. Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir Afghan. Paris, 1975. (Cahiers Turcica 1).

Dorn B. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. — Mél. As., t. VIII, 1881.

Dubeux M. «Tartarie, Beloutchistan, Boutan et Nepal». In: L'Univers pittoresque. Paris, 1848.

Dubs H. The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. A critical Transl. with Annot. by Homer Dubs. Baltimore, v. 2, 1944.

Early voyages and travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson and other Englishmen. Ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coot, v. 1, London, 1886.

Ecsedy I. A contribution to the History of Karluks in the T'ang period. — AO Bud., 1980, v. 34.

Ethé H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office, vol. I. Oxford, 1903.

Forster G. A journey from Bengal to England through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia and into Russia by the Caspian sea, vol. I—II. London, 1798.

Fraenius Ch. M. Recensio. Numorum Muhammedanorum Academiae imperialis Scientiarum Petropolitanae Asiatico asservantur. Petropoli, 1826.

Frye R. N. Historical Notes on Sasanian and Byzantine Silver.—Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University. Shiraz, 1969.

Gabain A. von. Der Buddhismus in Zentral Asien. — HOr. I, VIII, 2, 1961.

Gabain A. von. Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken. — DI, Bd. 29, 1949, H. 1—2.

Gibb H. A. R. The Arab Conquests in Central Asia. London, 1923.

Goryacheva V. D. The Early Mediaeval Monuments of Buddhism in Northern Kirghizia — «Buddhistes for Peace». Ulan-Bator, 1980, № 4.

Gupta S. P. Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands, v. I Prehistory. Delhi, 1979.

Hambis L. Documents sur l'Histoire des Mongols à l'époque des Ming par L. Hambis. Paris, 1969.

Harmatta J. Byzantinoturcica. — AA, 1962. t. X.

Harmatta J. Darius expedition against the Saka Tigraxauda. — AA. t. XXIV Budapest, 1976.

Hatto A. T. The memorial feast for Kökötöy-Khan (Kökötöydün Aši). A Kirghiz Epic Poem. Oxford, 1977.

Henning W. B. Mitteliranisch.— HOr, Abt. I, Bd. IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik, Leiden-Köln, 1958.

Henning W. B. Sogdica. London, 1940.

Henning W. B. The date of the Sogdian Ancient Letters. — BSOAS, vol. XII pt. 3—4, 1948.

Holdsworth M. Turkestan in the nineteenth century. A brief history of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva, London, 1959.

Hole F., Flannery K. V. The prehistory of Southwestern Iran.— Proceedings of Prehistoric Society. London, 1967, v. 33.

Hulsewé A. F. P. China in Central Asia. The early stage; 125 B. C. — A. D. 23. An annotated translation of chapters 67 and 96 of the History of the Former Han dynasty by A. F. P. Hulsewé. With an introd. by M. A. N. Loewe. Leiden, 1979 (Sinica Leidensia, vol. XIV).

Imbault-Huart C. Recueil de documents sur l'Asie Centrale. Paris, 1881.

Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.

Kljaštornyj S., and Liwšic V. A. The Sogdian inscription of Bugut revised.— AOBud., t. XXVI, fasc. 1, 1972.

Kohn-Wiener E. Turan. Islamische Baukunst in Mittelasien. Berlin, 1930.

Leakey L. S. B. Olduvai Gorge. Cambridge, v. I, 1965; v. III, 1971.

Litvinsky B. A. The Outline History of Buddhism in Central Asia. M., 1968.

Litvinskij B. A. Saka Haumavarga в свете советских археологических исследований.— В сб.: Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für F. Altheim, Bd. I. Berlin, 1969.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I—II. Wiesbaden, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen, Bd. 10).

Lumbey H. de, Beagniere S., Barral L., Pascal R. La grotte du Vallonet Rognebrune-lan-Martin. — Bull. de Musée d'anthropologie Préhistorique de Monaco, 1964, № 10.

Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

Marquart J. Die Sogdiana des Ptolemaios. — Orientalia, 1946, vol. 15.

Marquart J. Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften. — WZKM, Bd. XII, 1898.

Marquart J. Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien. — Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag 16. April 1920. Berlin, 1920 (OAZ, Jg. 8).

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. — In: Bang W. und Marquart J. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914 (AKGWG, N. F. Bd. XIII, № 1).

Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.

Mc Govern W. M. The early empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history, with special reference to the Chinese sources. Chapel Hill, The Univ. of North Carolina Press, 1939.

Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1975.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. Quellen der Geschichte der Türkvölker. Budapest, 1942.

Moravcsik G. Byzantinoturcica, 2 Aufl., Bd. I—II. Berlin, 1958.

D'Ohsson C. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan, t. I—IV. La Haye et Amsterdam, 1834—1835, éd. 2: 1852.

Pelliot P., Hambis L. Histoire des campagnes de Gengizkhan, vol. I. Leide, 1951.

Pierce R. A. Russian Central Asia. 1867—1917. A study in colonial rule. Berkeley — Los Angeles. University of California Press, 1960.

Pritsak O. Die Karachaniden (mit einer genealogischen Tafel) — DI, Bd. 31, 1953.

Pritsak O. Karachanidische Streitfragen. — «Oriens», vol. 3. Leiden, 1950, № 2.

Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden.— ZDMG, Bd. 101. (N. F. Bd. 26), 1951.

Pulleyblank E. G. A Sogdian colony in Inner Mongolia. — TP., vol. 41; 1952, № 4—5.

Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans. — JRAS, 1966, pt. 1—2.

Pulleyblank E. G. Some remarks on the Toguz-oghuz problem. —UAJ, Bd. XXVIII, 1956.

Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Yüehchih migration. — BSO(A)S, vol. XXXIII. London, 1970.

Radloff W. Aus Sibirien, Bd. I—II, 2 Ausgabe. Leipzig, 1893 (1. Ausgabe — 1884).

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lief. I—III. St.-Pbg., 1894—1895; N. F., St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1924.—1932.

Rémusat A. Mémoire sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale. Paris, 1825.

«Report of a Journey to Kokan». Letter № 83, dated 19-th October 1861, from Comissioner and Superintendent Peshawur Division to Secretary to Government Punjab.— «Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department. № XXXIX. Calcutta, 1863.

Sankalia H. D. The prehistory and protohistory of India and Pakistan. Bombay, 1963.

Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand. Berkeley and Los Angeles. 1963.

Schott W. Über die ächten Kirgisen. Berlin, 1865.

Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. New York, 1876.

Skrine F. H. and Ross E. D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899.

Tallgren A. M. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. Helsingfors, 1911.

Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India, 2nd ed. Cambridge, 1951.

Terra H. de, Paterson T. T. Studies on the Ice Age in India and associated Human Cultures. Washington, 1939.

Textes sogdiens édités, traduits et commentés par E. Benveniste. Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, III).

Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen. Helsingfors, 1896 (MSFOu, vol. V).

Torrey Ch. C. Gold coins of Khokand and Bukhara. New York, 1950 (Numismatic notes and monographs, № 117).

Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden. — MSOS. Abt. 2, Jg. XXXIII, 1930.

Vértes L. Discovery of Homo Erectus in Hungary.— Antiquity, 1965, v. 39, № 156.

Watson B. Record of Grand Historian of China, transl. from the Shih Chi of Ssu-ma Ch'ien by Burton Watson, v. 1, 2. NY.— L., 1961.

Wittfogel K. A. and Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949. (Transactions of the American Philosophical Society, N. S. vol. 36).

Wood Y. A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872.

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Абд ар-Раззак Самарканди /Перев. О. Ф. Акимушкина. — *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн/Перев. с персид. О. Ф. Акимушкина. — МИКК, вып. I. М., 1973.

Абулгази. Родословная тюрок, изд. Демезона. — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan, publiée, trad. et ann. par Le Baron Desmaisons, t. I. Texte; t. II. Trad. St. Pbg., 1871—1874.

Абулгази. Родословная тюркских племен /Перев. Г. Саблукова. Казань, 1854.

Абу-л-Фида. Китаб ал-мухтасар. — *Абу-л-Фида.* Китаб ал-мухтасар фи ахбар ал-башар, ч. I. Бейрут, 1956—1960.

Бабур-наме /Перев. М. Салье. — Бабур-наме. Записки Бабура/Перев. М. Салье. Ташкент, 1958.

Бейхаки /Перев. А. К. Арендса — *Абу-л-Фазл Бейхаки.* История Мас'уда. 1030—1041 /Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса. Ташкент, 1962.

Ал-Бируни. Минералогия. — *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) /Перев. А. М. Беленицкого. М., 1963.

Ал-Бируни. Избранные произведения. — *Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Избранные произведения. т. I. Ташкент, 1957.

Бундари /Изд. М. Хаутсма. — Histoire des Seljoucides de l'Irâq par al-Bondari d'après Imâd ad-din al-Kâtib al-Isfahâni. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma. Leide, 1889 (RTHS, vol. II).

Византийские историки... /Перев. С. Дестуниса. — Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпидор, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец /Перев. с греческого С. Дестуниса, дополненный примечаниями Г. Дестуниса. СПб., 1860; (2-е изд., 1861).

Гардизи/Изд. Мухаммеда Назима.— Kitab Zainu'l-Akhbar. Composed by Abu Sa'id Abdu'l-Hayy b. ad-Dahhak b. Mahmud Gardizi about 440 A. H., ed. by Muhammad Nazim. London, 1928.

«География» Страбона... /Перев. Ф. Г. Мищенко. — «География» Страбона в 17 книгах /Перев. с греческого Ф. Г. Мищенко. М., 1880.

Геродот. История... /Перев. Ф. Г. Мищенко. — *Геродот.* История в девяти книгах /Перев. Ф. Г. Мищенко, т. I—II. М., 1885, 1888.

Геродот. История... /Перев. Г. А. Стратановского. — *Геродот.* История в девяти книгах /Перев. и примечания Г. А. Стратановского. Л., 1972.

Джамал ал-Карши. Мулхакат ас-сурах. — *Джамал ал-Карши.* Мулхакат ас-сурах, рук. ИНА В 514 (430а). — Цит. по кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963.

Джувейни/Перев. Бойля.— The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, vol. I—II. Manchester, 1958 (UNESCO coll. of represent. Works. Persian series).

Джувейни/Изд. Казвини.— The Ta'rikh-i-Jahán-gushá of 'Alâ'u 'd-Din Ata Malik-i-Juwayni (composed in A. H. 658-A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mirza Muhammad ibn 'Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini. pt. I, containing the history of Chingiz Khan and his successors. Leyden-London, 1912.

Джузджани/Перев. Раверти.— Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A. H. 194 [810 A. D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. By the Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-Umar-i-Usman. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II. London, 1881.

Жизнеописание Сюань Цзана/Перев. С. Жюльена.— Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645, par Hoeï-li et Yen-thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite du chinois par S. Julien. Paris, 1853.

Закария Казвини. Аджа'иб ал-махлукат. — Zakarija Ben Muhammed el-Cazwini's Kosmographie (hrsg. von F. Wüstenfeld). Götingen, 1848.

Ибн ал-Асир/Изд. Торнберга. — Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн ал-Факих.— Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhâni quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Халдун. Китаб ал-ибар. — Ибн Халдун. Китаб ал-ибар, ч. 1—5. Булак, 1867—68.

Ибн Хаукаль — Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

Ибн Хордадбех. — Kitâb al-Masalik wa'l Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889, (BGA, VI).

Идриси/Перев. Жобера.— Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes, par A. Jaubert, t. I—II. Paris, 1836—1840.

Искандер Мунши. Тарих-и аламара-йи Аббаси. Тегеран, 1314 г. х. (литограф. издание).

Истахри. — Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fàrisi al-Istakhri. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, 1).

История агван /Перев. К. Патканова. — История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. /Перев. с армянского К. Патканова. СПб., 1861.

Йезди /Перев. О. Ф. Акимушкина. — *Шараф ад-дин Али Йезди.* Зафар-наме /Перев. с персидского О. Ф. Акимушкина. — МИКК, вып. I. М., 1973.

Кудама.— Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI).

Кутадгу билик /Изд. В. Радлова. — Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, hrsg. von W. Radloff, Th. I. Der Text in Transscription. St.— Pbg., 1891; Th. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St.-Pbg., 1900—1910.

Макдиси.— Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-din Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Basschâri al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2: 1906 (BGA, III).

Мас'уди. Ахбар аз-заман — *Ал-Мас'уди.* Ахбар аз-заман. Каир, 1938.

Махмуд ибн Вали. Море тайн. — *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных (География) /Введение, перев., примечания и указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977.

Махмуд Кашгарский. — Махмуд Кашгарский. 1) Китаб «Диван лугат ат-турк» му'аллифи: Махмуд б. ал-Хусейн б. Мухаммад ал-Кашгари. Та'рих та'лифи 466 сана-и хиджрийа, мусаххих Келисли Му'аллим Риф'ат. Джилд I—III, Стамбул, 1333—1335/1915—1917; 2) Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луготит турк). Т. I—III. Тошкент, 1960—1963.

Махмуд Чурас /Перев. О. Ф. Акимушкина. — *Шах Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника /Критический текст, перев. с персидского, комментарий и исследование О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

Марвази. — Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turcs and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942 (James G. Forlong Fund, vol. XXII).

Мирза Абдулгазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа — *Мирза Абдулгазим Сами.* Тарих-и салатин-и Мангитийа. (История Мангытских государей) /Изд. текста, предисл., перев. и примеч. Л. М. Епифановой. М., 1962.

Моисей Хоренский /Изд. К. Патканова. — Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)/ Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов. СПб., 1877.

Муджмал ат-таварих /Изд. Бехара. — Муджмал ат-таварих ва-л-кисас. Тегеран, 1939.

Мулла Нияз Мухаммед Бен-Ашур Мухаммед. Тарихи Шахрухи — *Мулла Нияз Мухаммед Бен-Ашур Мухаммед.* Тарихи Шахрухи. История владетелей Ферганы /Изд. Н. Н. Пантусова. Казань, 1885.

Наршахи /Перев. Лыкошина. — Мухаммад Наршахи. История Бухары /Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.

Наршахи /Перев. Р. Фрая. — The History of Bukhara. Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye. Cambridge, Mass., 1954.

Наршахи /Изд. Шефера. — Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer. Paris, 1892, (PÉLOV, III-e sér., vol. XIII).

Низам ал-мульк /Перев. Б. Н. Заходера. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька /Перев., введение и изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера. М. — Л., 1949 (Литературные памятники).

Низами Арузи. Чахар макала /Перев. Баевского — Ворожейкиной — *Низами Арузи Самарканди.* Собрание редкостей или Четыре беседы /Перев. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной /Под ред. А. Н. Болдырева. М., 1963.

Нияз-Мухаммед. Тарихи Шахрухи — Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы /Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданное Н. Н. Пантусовым. Казань, 1885.

Омар Хайам. Трактаты. М., 1961.

«Пинчжунь» — Пиндин чжуньгээр фанлюэ (Описание умиротворения Джунгарии). (Б. м.), 1772.

Плано Карпини /Перев. А. И. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини. История монгалов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны /Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1911.

Плано Карпини /Перев. Н. П. Шастиной — Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. /Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., 1957.

Прокопий из Кесарии. Война с готами... /Перев. С. П. Кондратьева — Прокопий из Кесарии. Война с готами /Перев. с греческого С. П. Кондратьева. М., 1950.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян — Прокопия Кесарийского. История войн римлян с персами, вандалами и готами /Перев. с греческого С. Дестуниса, дополненный примечаниями Г. Дестуниса, т. I. СПб., 1862.

Рашид ад-дин /Изд. И. Н. Березина. — Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах /Перев. с персидского, с введением и примечаниями, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина. СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. V). (то же), персидский текст И. Н. Березина. СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); История Чингиз-хана до восшествия его на престол /Персидский текст с предисловием И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина. СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины /Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина. СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин /Перев. в изд. ИВ АН — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. I /Перев. с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и примеч, А. А. Семенова. М. — Л., 1952; т. I, кн. 2 /Перев. с персидского О. И. Смирновой, ред. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова. М. — Л., 1952; т. II /Перев. с персидского Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М. — Л., 1960; т. III /Перев. с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.— Л., 1946.

Рашид ад-дин/Изд. Картмера. —Histoire des Mongols de la Perse écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée

de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I. Paris, 1836 (Coll. orient).

Рашид ад-дин /Критический текст А. А. Ромаскевича и др. — *Фазлаллах Рашид ад-дин.* Джами ат-таварих, т. I, ч. I. /Критический текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хетагурова, А. А. Али-Заде. М., 1968.

Риттер-Григорьев. Восточный Туркестан. — *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан /Перевел... В. В. Григорьев, вып. I—II. СПб., 1869—1873.

Рубрук /Перев. Н. П. Шастиной. — Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны /Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., 1957.

Сам'ани /Изд. Д. Морголиуса. — The Kitab al-Ansab of Abd ал-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani reproduced in facsimile from the manuscript in the Britisch Museum Add. 23. 355 with an introduction by D. S. Margoliouth. Leyden — London, 1912 (GMS, XX).

Себеос. История. — *Себеос.* История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века /Перев. с армянского К. Патканьяна. СПб., 1862.

Синьцзян шилюэ. — Циньдин Синьцзян шилюэ (Высочайше утвержденное краткое обозрение Синьцзяна). (Б. м.), 1821.

Сказания Приска Панийского /Перев. Г. Дестуниса. — Сказания Приска Панийского /Перев. Г. Дестуниса. СПб., 1860.

Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I. Ташкент, 1952.

«Собрание историй» Маджму ат-таварих — «Собрание историй» Маджму ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели/ Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов. Л., 1960. («Иранская филология», вып. II).

Сокровенное сказание /Перев. Кафарова — (Палладий). Старинное монгольское сказание о Чингисхане /Перевел с китайского, с примеч., архим. Палладий. — ТЧРДМ, т. IV, 1866.

Сокровенное сказание/Изд. С. А. Козина. — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγol-un niγuča tobčiyan Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник, т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.—Л., 1941.

Страбон. География /Перев. Г. А. Стратановского. — *Страбон.* География. В 17-ти кн. /Перев. (с греческого), статья и коммент. Г. А. Стратановского. Под общ. ред. проф. С. Л. Утченко. Л., 1964.

Сыма Цянь. Исторические записки. — *Сыма Цянь.* Исторические записки («Шицзи»). Перев. с китайского и комментарий Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Под общ. ред. Р. В. Вяткина, т. I. М., 1972; т. 2, 1975.

Сюань Цзан/Перев. С. Била.— Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western world. Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629). by S. Beal, vol. I—II. London, 1906. (Trübner's Oriental Series).

Сюань Цзан /Перев. С. Жюльена. — Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II. Paris, 1857—1858.

Тарих-и Бадахшан /Изд. А. Н. Болдырева — Тарих-и Бадахшан. «История Бадахшана» /Изд. А. Н. Болдырева. Л., 1959.

Утби-Джербадекани /Изд. Али Кавима. — *Ал-Утби, Абу Наср Мухамед.* Тарих ал Йамини /Перев. с арабского Абу-ш-Шерефа Джербадекани; ред. и коммент. Али Кавима. Тегеран, 1955.

Феофилакт Симокатта. История. — *Феофилакт Симокатта.* История /Перев. С. П. Кондратьева. М., 1957.

Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб/Изд. Ле Стрэнджа. I—II. — The geographical part of the Nuzhat-al-Qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwini in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange. Leyden — London, 1915; transl. by G. Le Strange, Leiden — London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).

Худуд ал-алам/Перев. В. Минорского. — Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.— 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold (t. 1930) transl. from the Russian. London, 1937 (GMS NS, XI).

Цзян Лянци. Дунхуа лу. — *Цзян Лянци.* Дунхуа лу. (Б. м. и г.).

Чан Чунь. Си ю цзи. — *Чан Чунь.* Си ю цзи, или описание путешествия на Запад /Перевел с кит., с прим. архим. Палладий. — ТЧРДМ, т. IV, 1866.

Шами /Перев. О. Ф. Акимушкина. — *Низам ад-дин Шами.* Зафарнаме /Перев. с персидского О. Ф. Акимушкина. — МИКК, вып. I. М., 1973.

Шилу — Да Цин личао шилу (Хроника правления всех государей великой династии Цин). Токио, 1937.

Юань ши, гл. 122— Юань ши. — История (династии) Юань, гл. 122, Биография Барджука /Изд. «Бо-на-бэнь». Пекин, 1958.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание /Изд. подготовил С. Н. Иванов. М., 1983.

Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг. — *Юсуф Хос Хожиб.* Кутадгу билиг/Транскрипция ва хозирги узбек тилига тавсиф; нашрга тайёрловчи Каюм Каримов. Тошкент, 1971.

Якут. Му'джам — Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wűstenfeld, Bd. I—VI. Leipzig, 1866—1873.

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Бадр ад-дин Кашмири. Равзат ар-Ризван. — ИВ АН УзССР, рукоп. № 2094.

Бахр ал-асрар. — ИВ АН УзССР, рукоп. № 1385.

Вельяминов-Зернов В. В. Торговое значение Кокандского ханства для русских. 1854. Рукоп. в отделе редких книг ГБ им. А. Навои в Ташкенте.

Венюков М. И. Военно-статистические очерки. — Рукоп. РОГПБ им. В. И. Ленина, ф. 363, к. 3, д. 14.

Жаныш и Байыш. — Рукоп. фонды ИЯЛ АН КиргССР, инв. № 5258.

Имамкули хан намэ. — ИВ АН УзССР, рукоп. № 89.

Кожемяко П. Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. Рукопись. Инв. № 695. Рук. фонды Ин-та истории АН КиргССР.

Краткая генеалогия киргизских племен. Рукоп. Института истории АН КиргССР, № 72—81.

Манас. — Рукоп. фонды Отд. обществ. наук АН КиргССР, инв. № 552.

Манас. Великий поход /Подстр. перев. Е. Д. Поливанова. — Рукоп. фонды Отд. обществ. наук АН КиргССР, № 29.

Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахтар, ксерокопия рукоп. № 575 Лондонской библиотеки «Индия Оффис», которая хранится в рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР под шифром ФВ-337.

Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. — Фотокопия рукописи ЛО ИВ АН В — 82.

Мирза Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди. Рукопись ЛО ИВ АН С — 395.

Мухаммед-Хаким-хан. Мунтахаб ат-таварих. ЛО ИВ АН СССР, рукоп. С-470.

Писаревский Л. З. Извлечения из «Путешествия Тамима ибн Бахра ал Мутави». — Рук. фонды ООН, инв. № 1820.

Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 году. Андижан, 1904. — Рукоп. Центральной б-ки АН КиргССР.

«Сиюй вэнь цзянь лу» («Июй со тань») — «Записки о Западных землях» («Беседы о странных землях»), рукоп. конца XVIII — середины XIX в. — Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд 274, № 292(444).

«Сиюй чжи» («Описание Западных земель»), рукоп. 1763 — 1770 гг.— Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд 274, № 287 (445).

Солтоноев Б. Кыргыз казак тарыхы. — ИЯЛ АН КиргССР, рукоп. № 1057.

Тазкира-йи Ходжа Мухаммед Шариф. — ЛО ИВ АН СССР, рукоп. А-237.

Тарих-и Кашгар. — ЛО ИВ АН СССР, рукоп. С-576.

Тарих-и Кашгар.— ЛО ИВ АН СССР, рукоп. В-2472.

Тарих-и Рашиди. — ИВ АН УзССР, рукоп. № 1430.

Труды Семиреченской экспедиции. Алма-Ата, 1951 (рукопись).

Хуласат ул-ахвал. — ИВ АН УзССР рукоп. № 2884.

Чоробаев А. Тайлак-батыр. — Рукоп. фонды Отд. обществ. наук АН КиргССР, инв. № 225.

Шаджара-ий насаб намэ-йи илатийа. — Рукоп. Ин-та истории АН КиргССР, № 88—1980.

* * *

АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ МИД СССР

Фонд Главный архив, 1—7, 1844—1863.
Фонд Главный архив, 1—9, 1862.

АРХИВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Кошаров П. М. Этнографический альбом дикокаменных киргизов племени богинцев. Л., № 116.

АРХИВ ВОСТОКОВЕДОВ ЛО ИВ АН СССР

Бунаков А. В. Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией. Рукоп., 1939, р. II, оп. 6, д. 14.

Сакбон Раднабагор. Лунный свет — история Раб-Джам Зая Пандиты /Перев. с ойратского Г. Н. Румянцева, р. 1, оп. 3, ед. хр. 44.

АРХИВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргизы, ч. 1—2. СПб., Рукоп., инв. № 13—39 и р. 65.

Дивногорский М. Н. Материалы к изучению родового деления киргиз долин рр. Таласа, Куркурсу и Бакаир. Их расселение и численность, ф. 32, оп. 1, д. 70.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ф. 1. Военно-походная канцелярия Главного командира Сибирского корпуса 1744—1800 гг.
ф. 3. Главное управление Западной Сибири.
ф. 6. Штаб Отдельного Сибирского корпуса.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ф. 15. Дипломатический отдел.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КАЗАХСКОЙ ССР.

ф. и. 3. Начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ УЗБЕКСКОЙ ССР.

ф. и. 1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора.
ф. и. 19. Ферганское областное правление.
ф. и. 336. Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области.
ф. и. 715. Материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в разных архивах полковником Серебренниковым.
ф. и. 1043. Архив кокандских ханов.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ.

ф. ВУА. Военно-ученый архив.
ф. 67. Данзас А. Л., генерал от инфантерии, 1831—1880.
ф. 38. Азиатский департамент Генерального штаба.
ф. 400. Главный штаб, Азиатская часть.
ф. 1441. Отдельный Оренбургский корпус. 1823—1865.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР.

ф. 408. Сборник киргизского обычного права (оп. 1, д. 430).
ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.
ф. 1263. Комитет министров. Фонд комитета министров.
ф. 1265. Второй Сибирский Комитет.
ф. 1396. Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России МИД СССР.

АДД — Автореферат докторской диссертации.

АИЭ — Научный архив Института этнографии АН СССР.

АКД — Автореферат кандидатской диссертации.

АО — Археологические открытия. М.

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

/Б. м./ — Без места (издания).

/Б. м. и г./ — Без места и года (издания).

ВА — Вопросы антропологии. М.

ВАН СССР — Вестник АН СССР. М.

ВАН КазССР — Вестник АН Казахской ССР, Алма-Ата.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Л.

ВУА — Военно-ученый архив.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГАОО — Государственный архив Омской области.

ГО СССР — Географическое общество СССР.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

Зап. РГО — Записки Русского географического общества. СПб.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.

ЗИАН — Записки Императорской Академии наук. СПб.

ИА — Институт археологии.

ИВ — Институт востоковедения.

ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Л.

ИГГО — Известия Государственного географического общества. Л.

ИЗ — Исторические записки. М.

ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.

ИНА — Институт народов Азии АН СССР.

ИЯЛ АН КиргССР — Институт языка и литературы АН Киргизской ССР. Фрунзе.

ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР — Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

К — коробка (хранения архивного дела).

КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М. — Л., М.

КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.— Л., М.

ЛО ИВ АН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МИКК — Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I. М., 1973.

МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, VII—XV вв. Арабские и персидские источники /Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М. — Л., 1939.

МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.

НАА — Народы Азии и Африки. М.

НБООМ — Научная библиотека Омского областного музея.

НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.

ОНУз — Общественные науки Узбекистана. Ташкент.

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.

ПК — Памятники Киргизстана. Фрунзе.

ППВ — Памятники письменности Востока. АН СССР, ИВ.

ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.

РОГПБ — Рукописный отдел государственной публичной библиотеки.

СА — Советская археология. М.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина. Ташкент.

СВ — Советское востоковедение. М. — Л. I—VI (1940—1949); М., (1956—1959).

СИНВ — Страны и народы Востока. М.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия.

Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.

СКСО — Справочная книжка Самаркандской области.

СТ — Советская тюркология. Баку.

СТОЭ — Сборник трудов Орхонский экспедиции, т. I—V. СПб.

СЭ — Советская этнография. М. — Л., М.

ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.

ТВ — Туркестанские ведомости. Ташкент.

ТВК — Тезисы всесоюзной конференции.

ТВОРАО — Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.

ТГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.

ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.

ТД — Тезисы докладов.

ТД СПИПАИ 1971. Археол. секции. М., 1972. — Тезисы докладов на секциях, посвящен. итогам полевых археол. исследований в 1971 г. М., 1972. (АН СССР. ИА).

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.

ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.

ТОРГО — Туркестанское Отделение Русского Географического Общества. СПб.

Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата.

Тр. ИИ АН КиргССР — Труды Института истории АН Киргизской ССР. Фрунзе.

Тр. ИИ АН ТаджССР — Труды Института истории АН Таджикской ССР. Душанбе.

ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Москва — Фрунзе.

Тр. КГПИ — Труды Киргизского Государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе. Фрунзе.

ТТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции. М. — Л.

ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

ТЧРДМ — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб.

УЗ ИВ АН — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М. — Л., М.

Ўзкомстарис — Узбекский комитет по охране памятников материальной культуры.

УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.

ФАН — Филиал Академии наук СССР.

Ф. и. — фонд исторический.

ФПИ — Фрунзенский Политехнический институт.

ЦГА — Центральный государственный архив.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЭВ — Эпиграфика Востока. М. — Л.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AA — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

AKGWG — Abhandlungen fűr die Kunde des Morgenlandes, hrsg. von der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.

AO Bud.— Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII. Lugduni Batavorum.

BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. University of London. London.

Coll. orient. —Collection orientale. Manuscrits inédits de la Bibliothèque royale (impériale, nationale), traduits et publiés...

CRAI (CRAIBL) — Comptes rendus. Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris.

DI — «Der Islam», Strassburg — Berlin.

GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

GMS NS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. New Series.

HOr — Handbuch der Orientalistik, hrsg. von Bertold Spuler. Leiden.

JA — Journal asiatique. Paris.

JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.

Mél. As. — Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg.

MSFOu — Mémoires de la Société finno-ougrienne. Helsingfors.

MSOS — Mitteilungen des Seminars fűr Orientalische Sprachen an der (Kőniglichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin.

N. F. — Neue Folge.

N. S. — New series.

OAZ — Ostasiatische Zeitschrift. Berlin.

PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.

RTHS — Recueil de textes relatifs á l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV. Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.

TP — T'oung Pao. Paris — Leiden.

UAJ — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.

WZKM — Wiener Zeitschrift fűr die Kunde des Morgenlandes.

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ВВЕДЕНИЕ 23

1. Историография 23
2. Источники 53

Глава I. КИРГИЗИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА. СЛОЖЕНИЕ И РАСЦВЕТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ 77

1. Первые следы человека 78
2. Мустьерский этап 84
3. Верхний палеолит 91
4. Первобытные общины времен мезолита и неолита . . . 96

Глава II. КИРГИЗИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ 106

1. Пастушеско-земледельческие племена степной бронзы . . 107
2. Древнеземледельческие племена чустской культуры . . . 119
3. Начало разложения первобытнообщинного строя . . . 131
4. Культура 135

Глава III. СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА . . . 141

1. Переход к кочевому скотоводству и сложение раннекочевнических обществ 141
2. Кочевники в VI в. до н. э. — середине VI в. н. э. 144
3. Древняя Фергана 177
4. Борьба народов Средней Азии с ханьской агрессией . . . 201
5. Культура 206

Глава IV. РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА VI—X ВВ. . 219

1. Тюркский каганат и Средняя Азия в VI в. 220
2. Западнотюркский каганат 226
3. Тюргешский каганат 238
4. Государство карлуков 250
5. Социально-экономические отношения 258

Глава V. РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X— НАЧАЛЕ XIII В. 290

1. Государство Караханидов 290
2. Государство киданей. Караханиды, найманы 298
3. Развитие феодального хозяйства, политический строй и социальные отношения в XI — начале XIII в 303

Глава VI. КУЛЬТУРА КИРГИЗСТАНА В VI—XII ВВ. . . . 320

1. Культура кочевого населения 320
2. Культура оседлого населения 342

Глава VII. КИРГИЗСТАН В XIII—XV ВВ. 381

1. Нашествие монголов и его последствия 381
2. Киргизстан во второй половине XIII — первой половине XIV в. 384
3. Моголистан во второй половине XIV — первой четверти XVI в. 393

Глава VIII. РАННИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ОБРАЗОВАНИЕ КИРГИЗСКОЙ НАРОДНОСТИ 408

1. Этнические процессы в древности 409
2. Этнические процессы в раннем средневековье 414
3. Киргизы в составе Моголистана и формирование киргизской народности 430

Глава IX. КИРГИЗСТАН в XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. 442

1. Взаимоотношения киргизского народа с Шейбанидами, Казахским ханством и Могольским государством . . . 442
2. Киргизско-калмакские взаимоотношения в XVII — первой половине XVIII в. 457
3. Политическое устройство, социальные отношения, хозяйство, торговля 462

Глава X. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИРГИЗОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX В. 477

1. Разгром Джунгарского ханства и завоевание Восточного Туркестана войсками Цинской империи. Установление связей киргизов с Россией 477
2. Завоевание Киргизии Кокандским ханством 490
3. Административно-территориальное устройство и общественные отношения 499
4. Социально-экономическое положение киргизов в период господства Кокандского ханства 526
5. Борьба киргизского народа против двойного гнета . . . 555
6. Ориентация на Россию в борьбе против кокандских феодалов и цинской агрессии 569

Глава XI. КУЛЬТУРА КИРГИЗСТАНА В XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX . В. 585

1. Культура в позднее средневековье (XIII—XV вв.) . . . 585
2. Материальная культура в XVI—XIX вв. 604
3. Духовная культура киргизского народа 620

ПРИМЕЧАНИЯ 650

ПРИЛОЖЕНИЯ 706

Хронологический указатель 708
Указатель имен 717
Указатель основных географических и топографических названий 727

БИБЛИОГРАФИЯ 736

Труды классиков марксизма-ленинизма 736
Произведения деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Официальные документы 737
Литература 738
Нарративные источники 784
Рукописные материалы и ахивные фонды 789

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 791

ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ)

ТОМ I

(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.)

Редакторы издательства: *О. К. Машина* и *В. К. Оренбургина*
Худож. редактор *Г. А. Куценко*
Техн. редактор *Р. Я. Ревенко*
Корректор *С. Джамакеева*

ИБ № 2117

Сдано в набор 25. 9. 1983 г. Подписано в печать 11. 7. 1984 г. Д—01775
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. «Обыкновенно-новая» гарнитура. Печать высокая. 50,0+2 л. вкл.+0,25 карты физич. печ. л. 50,0+2 л. вкл.+0,25 карты условн. печатных листа. 56,561+1,945 вкл.+0,609 карты учетно-изд. л. 64,875 усл. кр. отт.
Тираж 10000. Заказ № 377. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Дружбы народов
Издательство «Кыргызстан».
720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах /АН КиргССР, Ин-т истории; Гл. ред. совет: Карыпкулов А. К. *(пред.)* и др. Редкол.: — Ф.: Кыргызстан, 1984.

Т. I. С древнейших времен до середины XIX в. В. М. Плоских *(гл. ред.)* и др. 1984, 800 с.

И 90

Том I охватывает период с древнейших времен до середины XIX в.—времени добровольного вхождения Киргизии в состав России.

На основе археологических материалов и письменных источников в томе освещаются древнейшая и средневековая история племен и народов Киргизстана, исторический процесс становления первобытнообщинной формации, зарождения и развития классовых отношений, племенных союзов и феодальных государств, раскрыты взаимосвязи населения Киргизстана с соседними народами.

Издание снабжено картами, иллюстрациями, научно-справочным аппаратом, рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и школ, студентов, учащихся и всех интересующихся историческим прошлым Киргизстана.

И $\frac{0505040000-225}{М\ 451\ (17)-84}$ 7—84

9 (С 54)
ББК 63.3(2Ки)

Опечатка к заказу 377

Страница	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
7		7	чинения, лапидарные тексты древнетюркских рунических исследо-	чинения, лапидарные тексты древнетюркских рунических памят-